МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1–5 декабря 2025 г.

Сборник научных статей: гуманитарные и общественные науки

Часть II

Ереван
Издательство РАУ
2026

HOMO RES SACRA

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՌՈՒՍ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՏԱՍՆԻՆՆԵՐՈՐԴ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՏԱՐԵԿԱՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

2025 թ. դեկտեմբերի 1–5

ՄԱՍ II

ԵՐԵՎԱՆ–2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1–5 декабря 2025 г.

ЧАСТЬ II

ЕРЕВАН–2026

УДК 3(082)

ББК 6/8я43

М 431

Печатается по решению Ученого и Редакционно-Издательского советов РАУ

Программный комитет Конференции

Э.М. Сандоян (председатель), П.С. Аветисян (замести-тель председателя), М.Г. Хачатрян, Э.М. Казарян, Е.Г. Маргарян, Ж.Б. Арамян, М.А. Калашян, К.В. Маркарян, А.К. Агаронян, Р.В. Захарян, Г.С. Асатрян, Н.И. Таткало, Р.Г. Арамян, С.С. Саргсян, Г.Г. Тоноян, Д.Б. Айрапетян, Э.Р. Сиволенко, В.Ш. Меликян, Г.Г. Данагулян, А.А. Аракелян, А.А. Оганесян, А.М. Григорян, М.А. Восканян, И.Б. Петросян, А.А.Тавадян, Р.А. Коджоян, А.В. Агаджанян, Б.В. Маилян, А.С. Берберян, К.С. Акопян, Г.Э. Га-ликян, Л.С.Меликсетян, А.А. Симонян, Г.Г. Геворгян, Н.В. Геворгян, О.Л. Саркисян, В.А. Оганесян, К.Г. Сардарян, Н.Ю. Зограбян, А.С. Гамбарян, М.В. Алекян, Н.И. Кеворкова, В.Р. Кеворков, А.Л. Григорян.

М431 Международная Девятнадцатая годичная научная конференция (1–5 декабря 2025г.): Сборник научных статей: гуманитарные и общественные науки.–Ер.: Изд-во РАУ, 2026. Ч II.– 1036с.

Сборник печатается по материалам 18-ой Годичной научной конференции, проведенной в Российско-Армянском университете. Статьи публикуются в алфавитном порядке и под авторскую ответственность.

Публикация сборника осуществлена в соответствии с требованиями ВАК РА к сборникам научных трудов.

Сборник зарегистрирован в базе данных РИНЦ и КиберЛенинка.

УДК 3(082)
ББК 6/8я43

ISBN 978-9939-67-409-4

© Издательство РАУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Экономика и Финансы

Аблитаров Э.Р. Экономика наблюдаемости цифрового ядра.....12

Айрапетян В.Л., Адамян Н.А. Обзор инструментов промышленной политики.....19

Аветисян Л.А., Оганнисян М.Г. Диаспора как фактор интернационализации армянского стартап-сектора: кейс-анализ программ поддержки и глобальных сетей.....32

Айрапетян В.Л., Арутюнян Т.А. Анализ структуры экспорта промышленной продукции, произведённой в Армении, в аспекте её конкурентноспособности на внешних рынках 40

Айрапетян В.Л., Баграмян Э.Г. Переосмысление инструментов роста: торговля, промышленность и технологии в мировой конкуренции.....49

Айрапетян В.Л., Манучарян А.С., Шабоян Г.А. Межстрановой анализ отраслевой структуры обрабатывающей промышленности.....58

Анзина С.Д., Сулоева С.Б. Методические подходы к оценке эффективности финансирования инновационного развития регионов в условиях цифровой трансформации 68

Առաքելյան Ռ.Վ., Ֆիդանյան Լ.Ա. ՀՀ բնակչության ամուսնական իրադրությունը ժամանակակից պայմաններում.....78

Бадалян Л.В. Миграция рабочей силы. трансграничная дистанционная рабочая сила.....90

Благой Н.А., Дмитриев Н.Д. Цифровые алгоритмы кластеризации промышленности как инструмент формирования управленческих решений (на примере Санкт-Петербурга).....97

Восканян М.А., Арутюнян Т.Г. Анализ продовольственной безопасности Армении сквозь призму индекса проникновения импорта.....113

Восканян М.А., Оганесян М.Д. Современные тенденции развития человеческого капитала в странах Европейского Союза в условиях цифровизации 121

Восканян М.А., Мамиконян Э.Ю. Финансовые инструменты ЕАБР и их применимость для Армении: вызовы и перспективы.....131

Գարագավուրյան Գ.Ա., Սանդոյան Է.Մ. ՀՀ ֆինանսական կայունության ապահովման հիմնախնդիրները եվ լուծման ուղիները 142

Գալստյան Ա.Հ., Բախչոյան Գ.Մ. Դրամավարկային և ոչ դրամավարկային գործոնների ազդեցությունը գնաճի վրա 149

Գալստյան Ա.Հ., Գրիգորյան Է. Արտաքին ցնցումների ազդեցությունը ՀՀ դրամավարկային քաղաքականության վրա 157

Գալստյան Ա.Հ., Լալայան Ն.Կ. Արժութային փոխարժեքի տատանողականության տնտեսական հետեվանքների վերլուծությունը Հայաստանում 166

Գալստյան Ա.Հ., Միսիթարյան Ֆ. Տնտեսությունում երկար փողերի ձևավորման մեխանիզմները. մարտահրավերներ և հեռանկարներ 175

Գալստյան Ա.Հ., Ղևոնդյան Ա. Երիտասարդների գործազրկության գործոնների վերլուծություն Հայաստանում.....185

Григорян Р.Г. Современные глобальные тренды в электронной торговле.....193

Դավթյան Ա. Արտաքին առեվտրի հիմնախնդիրները ՀՀ-ում.....202

Ёлчян А.Н. Стратегические ориентиры развития сельского хозяйства: опыт Нидерландов и его значение для агропромышленного сектора Армении.....213

Карапетян А.А. Тенденции развития банковского сектора Армении: анализ динамики кредитования и финансовых показателей 224

Кирюшин М.С., Нигматулина К.В. Особенности и факторы территориального размещения крупнейших ТНК в железнодорожной отрасли.....234

Мнацаканян В.Р. Стратегические приоритеты внешнеэкономической политики Республики Армении в условиях фрагментации мировой торговли.....251

Митрофанова В.А. Роль интегрированных платформ в повышении качества нефинансовой отчетности компаний 259

Սահակյան Ս.Ա., Մարգարյան Ա.Խ. Ներդրումային ֆոնդերը որպես կապիտալի շուկայի զարգացման հնարավոր գործիք.....268

Сандоян Э.М., Карапетян А.П. Прямые иностранные инвестиции в Армении: проблемы и перспективы 275

Сандоян Э.М., Тумасян Д.С. Индивидуализм и финансовое поведение на Южном Кавказе: анализ культурного влияния по модели Хофстеде 290

Ստեփանյան Ի.Կ., Գասպարյան Գ.Հ. Մարդկային կապիտալի ձևավորումը տարածաշրջանային անհավասարության պայմաններում (ՀՀ օրինակով).....298

Ստեփանյան Ի.Կ., Հովակիմյան Է.Ա. Մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի թուլությունը և շրջանավարտների զբաղվածության ցածր մակարդակը՝ որպես ազգային տնտեսության զարգացման արգելակող գործոն.....309

Ստեփանյան Ի.Կ., Միռոյան Լ.Մ. Բարձրագույն կրթության գրավչության նվազման խնդիրները և զարգացման ուղիները Հայաստանում 321

Ստեփանյան Ի.Կ., Սիմոնյան Ռ.Վ. Սոցիալական ոլորտում պետական-մասնավոր համագործակցության կիրառման հնարավորությունները Հայաստանում 329

Խաչատրյան Հ.Խ., Թանանյան Ա.Ա. Ռիսկերի կառավարման գնահատումը ՀՀ բանկային համակարգում.....340

Экономическое развитие и рост

Акопян Э.А. Высшие учебные заведения как институт развития человеческого капитала в модели устойчивого экономического роста (на примере Российско-Армянского университета) 351

Афоничкина Е.А., Наумова О.Н., Егорова Е.С., Попов Д.В. Анализ устойчивого развития региона 366

Ахинов Г.А., Балаян А.А. Институциональные основы предоставления общественных благ в современной рыночной экономике 376

Ахинов Г.А., Карапетян Н.А. Основы трансформации налоговой системы в условиях цифровизации экономики 385

Базарбаева Р.Ш. Эффекты внешней трудовой миграции Кыргызстана (культурный аспект).....391

Горбатенко И.В. Оценка степени циклической синхронизации экономик стран-членов ЕАЭС.....402

Карапетян Э.Г., Вирабян М.А. Образование как основополагающий фактор инновационной политики: комплексный анализ и кейс Армении 411

Karapetyan L., Khalatyan A. Energy transition in Armenia: small economy, big transition – institutional challenges and social implications 419

Кристиневич С.А. Рынки африканского континента: оценка технологической сложности для экспорта товаров.....438

Ղարագյոզյան Մ., Ստեփանյան Թ. Գործազրկության մակրոտնտեսական կարճաժամկետ հետևանքների գնահատումը Հայաստանի օրինակով 446

Майборода Т.Л. Эвристики: источники когнитивных заблуждений или эффективные методы принятия решений 463

Մաթևոսյան Ա., Բաբոյան Խ., Մաթևոսյան Մ., Գյուլասարյան Մ., Գրիգորյան Ա. Պարտքի կառավարման մարտահրավերները ճապոնական ավտոարտադրող ընկերությունների ֆինանսական ռազմավարության շրջանակում.....471

Мирзоян Д.М. Роль Национального аграрного университета Армении в формировании кадрового потенциала агропродовольственной системы Республики Армения.....494

Петросян Г.А., Геворгян А.Д. Методологические подходы к измерению налогового потенциала в малой открытой экономике (на примере Армении) 504

Петросян И.Б., Манукян Л.А. Современные подходы к макроэкономическому планированию и прогнозированию в малых экономиках: кейс Армении.....523

Филипцов А.М. Долгосрочные структурные изменения в экономике Беларуси 535

Яновская А.А., Степочкин А.А. Становление поведенческого подхода в эпоху новой реальности.....541

УПРАВЛЕНИЕ

Арутюнян К.К., Мкртичян Н.Г. Вопросы повышения эффективности взаимодействия субъектов малого и среднего бизнеса с коммерческими банками Республики Армения 546

Багдасарян А.А., Карапетян А.Г. Разработка и внедрение PMO в среднем бизнесе.....556

Վարթիկյան Ա.Ա., Ավետյան Ա.Ա. Տրանսպորտային համակարգի հիմնախնդիրները և դրանց ազդեցությունը Երևանի քաղաքային էկոհամակարգի վրա.....564

Джибилян А.С., Бабаян К.Б. Проблемы измерения эффективности в кросс-функциональных командах 575

Доменко Ю.Ю., Глубокова Л.Г., Чередниченко В.Ф. Управление городской инфраструктурой и устойчивым территориальным развитием моногорода Арктики 585

Кабаненко М.Н. Применение гибридных нейросетей для прогнозирования урожайности в сельском хозяйстве 596

Калинина О.В., Аветян А.А., Алексеева Н.С., Багдасарян С.М. Разработка модели компетенций государственных служащих 604

Камрастян М.А., Мкртичян Н.Г. Современные тенденции развития малого и среднего бизнеса в развивающихся странах (на примере РА).....612

Лукашевич Н.С. Трансформация управленческих ролей: интеграция функционального и гуманистического подходов.....621

Миракян А.Г., Гринькин Д.В. Теоретико-методологические основы этического лидерства как подхода в управлении микропредприятиями.....628

Миракян А.Г., Досаева А.С. Разнообразие и инклюзивность – время перемен.....637

Мурадян Г.Л. ESG-трансформация как фактор устойчивого развития современных организаций 646

Манукян И.К., Манукян А.В. Визуальный сторителлинг как стратегический инструмент формирования и продвижения личного бренда.....656

Սաֆարյան Ն.Ա., Սաֆարյան Ռ.Ն. Առեվտրային բանկերի թվայնացումը և իսկողությունը 662

Степанян Л.А. Внедрение систем антифрода и киберзащиты в цифровом банке: анализ практических решений и их эффективность.....671

Эсонтурдиев М.Н. Оптимальное управление водными ресурсами: теоретические основы и практические подходы 684

ТУРИЗМ

Агаджанян А.В., Галстян А.Г., Щербаков З.О. Санкции как катализатор роста внутреннего туризма: экономические проблемы и пути их решения в России 693

Агаджанян А.В., Григорян С.А. Персонализация сервиса в индустрии гостеприимства: от индивидуального подхода к созданию уникального клиентского опыта.....699

Акопджанов В.М. Паломничество и религиозный туризм в Армении: теоретические различия и практическое применение 707

Дьяконов А.В. Экономико-пространственные аспекты развития горных курортов: сравнительный анализ и новые виды туризма 715

Mirzoian S. The Significance of Sustainable Development for hospitality Industry 724

Тухбатуллина А.Б. Цифровое лидерство как фактор новой экономики Армении: формирование управленческих компетенций и роль образования 732

Шахназарян А.С. Армения как туристическое направление для польских туристов.....742

РЕКЛАМА

Аветисян А.С., Овсепян А.А. Роль цифровых технологий в процессе формирования личности подростка.....752

Фокина М.С. Фаст-фешен – мировая тенденция, наносящая вред экологии 762

Шакуров А.А. Интеграция рационального и эмоционального позиционирования в современном брендинге.....766

ЛИНГВИСТИКА

Ghazaryan H. DIe kategorie “Autor” in der Textsorte “Stellenanzeige” aus Sprachpragmatischer Sicht 773

Ghazaryan N. The Object and Subject of Political Linguistics and Political Linguoculturology: Theoretical Delineation and Methodological Implications ...780

Голик Н.А., Кахас Макас Дж. Г. Состояние потока как фактор эффективного обучения: нейропсихологические механизмы и педагогические условия в преподавании английского языка детям 790

Джашогани М.М., Мартиросян А.А. Реальность и вымысел в армянской пьесе «Ваган и Размдохт», основанной на точке зрения Дэвида Дэвиса.....796

Игнатович Е.С., Болотова А.Ю. Вербализация образа гонконгца в кинофильмах Вонга Карвая 804

Камаева А.С., Николаева Л.В. Каджунский диалект как маркер идентичности персонажа в контексте культуры комикса 812

Рубцова А.В., Соколова С.Д. Технология педагогического дизайна в иноязычном образовании: проектирование учебных курсов для подготовки студентов-лингвистов 817

Тумасян А.Л. Групповые видеопроекты как средство развития языковых и креативных компетенций студентов в обучении английскому языку 829

Khachatryan R. Les stratégies métacognitives visant le développement de la compétence linguistique 836

Խաչատրյան Է.Ֆ. Նաբատի պոեզիան. բադուինների ձայնն արաբական բանահյուսության մեջ.....849

Թադևոսյան Ս. Հավելվածաստային արժեքի և եղանակավորման խնդիրը լրագրային խոսույթում 860

РУСИСТИКА

Амонова Г. Языковые трудности в изучении русского как иностранного: сравнительный анализ среди узбекских и армянских студентов.....868

Зюбина И.А. Доминантное речевое поведение спикера в научно-популярном дискурсе: национально-культурные особенности.....877

Ситникова М.Г. Игровой метод в обучении речевой деятельности иностранных студентов-медиков.....888

АРМЕНИСТИКА

Ավետիսյան Գ.Հ. Ա. Բակունցի «Խոնարհի աղջիկը» պատմվածքի գեղարվեստական արժանիքները.....895

Ավետիսյան Գ.Հ. Ա. Բակունցի «Խոնարհի աղջիկը» պատմվածքի գեղարվեստական արժանիքները.....904

Գրիգորյան Ա. Դիտարկումներ ժամանակակից հայերենում ներկա ժամանակի ձեվաիմաստային առանձնահատկությունների շուրջ.....920

Գևորգյան Գ.Գ. Օտարախոսներին հայերենի սահմանական եղանակի անցյալ ժամանակաձևերի իմաստային տարբերությունների ուսուցման մեթոդական հիմնախնդիրները.....933

Սահակյան Կ. «Արեվելքը» հայկական ժողովրդական հեքիաթներում.....943

ЛИТЕРАТУРА

Гаспарян Э.В. Исторические референции в циклах сказок Р. Киплинга «Пак с волшебных холмов» и «Подарки фей».....953

Гончар-Ханджян Н.К. Чудесное как эпистемология: сенсорная поэтика в прозе Мо Яня.....963

Гончар-Ханджян Н.К., Самвелян Н.Р. Посттравматический код и реконструкция субъекта в романе Элли Фрей «Синдром Алисы».....976

Маргарян С.С. Достоевский и Андреев: преступления и наказания «идейных убийц».....987

Меликсетян Л.С., Григорянц Н.А. Многоязычие как структурный и смысловой прием архитектоники «Ташкентского романа» Сухбата Афлатуни.....1000

Меликсетян Л.С., Осипян А.Г. Телесность как форма присутствия в прозе Аллы Горбуновой (на примере рассказа «Рынок» из сборника «Конец света, моя любовь»).....1007

ЖУРНАЛИСТИКА

Абрамян Н.Л., Тадевосян М.Р. От мифа к контр-мифу: влияние СМИ на общественное сознание.....1015

Алекян М.В., Авдюкова А.В. Трансформированные фразеологические единицы в заголовках СМИ как способ усиления эффекта журналистского текста (на примере сетевого издания «Известия.iz»).....1019

Алекян М.В., Овсепян А.А., Авагян М.А. Социальные коммуникационные барьеры в Армении и пути их преодоления.....1026

ЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-12-18

ЭКОНОМИКА НАБЛЮДАЕМОСТИ ЦИФРОВОГО ЯДРА

Э.Р. Аблитаров, А.Л. Чернявая

Институт экономики и управления ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»
ablitaroff@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется экономика наблюдаемости цифрового ядра предприятия как инструмент повышения управленческой результативности. Предложена модель увязки издержек и эффектов, заданы показатели оценки, определены правила приоритизации инициатив и условия масштабирования, воспроизводимости результатов.

Ключевые слова: экономика наблюдаемости, цифровое ядро, оценка эффективности, приоритизация инициатив.

Введение

В отечественной и зарубежной научной литературе нарастает интерес к взаимосвязи развития корпоративных цифровых платформ и организации управленческих практик, обеспечивающих прозрачность, предсказуемость и воспроизводимость сложных производственно-сервисных систем. Совокупный опыт предприятий убеждает, что экономические результаты цифровой трансформации определяются не столько масштабом технологических вложений, сколько зрелостью механизмов координации, сокращения диагностических ошибок и интеграции данных в контуры принятия решений.

Актуальность темы обусловлена расхождением между ускоренным накоплением цифровых активов и ограниченной способностью извлекать устойчивые экономические эффекты в условиях нарастающей архитектурной сложности и неопределенности внешней среды. Форми-

руется прикладной запрос на воспроизводимую и масштабируемую модель, прямо увязывающую затраты на контуры прозрачности и контроля с измеримыми результатами по стоимости простоя, качеству сервиса, оборачиваемости ресурсов и рентабельности бизнес-операций.

Состояние проблемы характеризуется фрагментарностью экономических оценок: преобладают технические описания отдельных решений и разрозненные практические примеры, тогда как методики сопоставления управленческих альтернатив по рискам, эффектам масштаба и насыщения, а также по трансляции локальных улучшений в агрегированные финансовые показатели разработаны недостаточно. Не в полной мере формализованы границы применимости инструментов, критерии доминирования вариантов во времени и чувствительность результатов к институциональным условиям.

Цель исследования – обосновать концептуальную модель экономики наблюдаемости цифрового ядра предприятия. Для достижения цели поставлены и решены следующие задачи: 1) структурировано научное поле по тематике; 2) эксплицирована проблемная область через призму управленческих, информационных и логистических издержек; 3) формализована постановка задачи экономической оценки контуров прозрачности и контроля; 4) предложено методическое решение для сопоставления затрат и результатов с учетом временной стоимости эффекта.

Материалы и методы

Постановка задачи требует разграничения уровней анализа (процесс, сервис, платформа, совокупность инициатив), идентификации потоков затрат (капитальных и операционных) и каналов формирования эффекта (снижение вариативности, сокращение простоев, ускорение управленческих циклов, повышение точности прогнозов), а также определения горизонтов измерения, ключевых показателей результативности и критериев выбора управленческих альтернатив с учетом рисков внедрения и ограничений масштабирования.

Предлагаемое методическое решение основывается на интеграции портфельного подхода с моделями предельной отдачи. Формируется система показателей, увязывающая операционные и телеметрические индикаторы с управленческими и финансовыми метриками; строится карта издержек и выгод по уровням и стадиям жизненного цикла; задается процедура оценки общей и предельной отдачи с учетом эффектов

масштаба, насыщения и неопределенности; вводятся правила приоритизации инициатив по критериям ценности, срочности и реализуемости. Такая конструкция обеспечивает методическую согласованность последующего эмпирического анализа и прикладную пригодность для корпоративной практики.

Результаты исследования

В разрезе исследований по цифровой экономике наблюдается существенная вариативность трактовок базовых категорий, что порождает методологические расхождения при сопоставлении результатов и затрудняет репликацию выводов. Для обеспечения целостности дальнейшего анализа необходимо уточнить понятийно-категориальный аппарат для описания цифрового ядра и контуров его управляемости. Речь идет не о расширенном толковании терминов, а о формировании согласованной «рабочей» рамки, достаточной для операционализации показателей и корректного соотнесения издержек и эффектов в последующих разделах.

С учетом межотраслевой природы предметной области и различий в уровнях зрелости практик целесообразно зафиксировать минимальный набор родовых понятий, определяющих контекст исследования и границы применимости используемых метрик. В Табл. 1 сведены ключевые понятия предметной области и их консолидированные, «рабочие» формулировки, на которые опираются результаты исследования.

Таблица 1. Анализ ключевых понятий предметной области.

Родовое понятие	**Определение**
Цифровое ядро	Центральная технология предприятия, интегрирующая ERP, SCM, CRM, HRM и другие модули с аналитикой и хранилищем данных; обеспечивает единую информационную среду и базируется на облаке, данных и ИИ [1, с. 276]
Наблюдаемость	Свойство системы, позволяющее получать полезную информацию о ее состоянии посредством телеметрии; опирается на метрики, логи, трассировки и профили; позволяет анализировать причинно-следственные связи и принимать решения [2]

Родовое понятие	Определение
Мониторинг	Процесс сбора заранее определенных метрик и событий для оценки состояния системы; ориентирован на обнаружение известных аномалий и соблюдение пороговых значений; отличается реактивным характером [3]
Цифровая трансформация	Процесс кардинального изменения бизнес-модели, процессов и культуры компании за счет интеграции цифровых технологий; требует переосмысления клиентского опыта, бизнес-моделей и операций [4, с. 225]

Источник: составлено автором.

Итак, фиксация исходных категорий устраняет полисемию и задает рабочие границы анализа, в рамках которых различие «наблюдаемости» и «мониторинга» определяет состав показателей, а «цифровое ядро» – объект функциональной декомпозиции. На этой основе далее целесообразно перейти от понятийной рамки к операциональному уровню и показать, какие функции несет цифровое ядро и через какие управленческие контуры эти функции транслируются в измеримые эффекты. В этой логике в Табл. 2 представлены основные функции цифрового ядра и их влияние на управленческие процессы.

Таблица 2. Основные функции цифрового ядра.

Функция	Влияние на управленческие процессы
Интеграция транзакционных модулей (ERP, SCM, CRM, HRM, PLM/MES)	Обеспечивает единую базу данных, устраняя информационные разрывы; ускоряет обмен информацией между подразделениями и сокращает цикл управления
Обработка операций в режиме реального времени	Позволяет видеть текущие показатели продаж, запасов, заказов и производственных операций; обеспечивает оперативное реагирование на изменения спроса и ресурсов
Централизованное хранилище данных и интеграция с внешними источниками	Формирует единый источник правды; поддерживает качество данных и облегчает соблюдение регуляторных требований; служит основой для аналитики и ИИ

Функция	Влияние на управленческие процессы
Аналитический слой (BI, ИИ)	Преобразует данные в предиктивные и прескриптивные инсайты; поддерживает принятие решений на основе данных; повышает точность прогнозов и оптимизацию процессов
Компоненты безопасности и соответствия	Защищают цифровые активы, предотвращают утечки и обеспечивают соблюдение нормативов (GDPR, ФЗ-152); повышают доверие стейкхолдеров и уменьшают риски
Развитая интеграционная платформа	Обеспечивает быструю интеграцию с внешними сервисами, партнерами и экосистемами; ускоряет запуск новых бизнес-моделей и продуктов
Поддержка инноваций	Позволяет гибко масштабировать ресурсы, модернизировать архитектуру и внедрять новые сервисы; ускоряет переход к микросервисам и облачным приложениям

Источник: составлено автором.

Несмотря на функциональные преимущества, внедрение наблюдаемости связано с рисками. Технические ограничения включают сложности интеграции разнородных систем, высокую нагрузку на сеть и хранилища, необходимость масштабирования систем сбора телеметрии. Проблемы безопасности возникают из-за большого объема собранных данных; необходимо обеспечивать конфиденциальность и соответствие законодательству о персональных данных. Кадровые компетенции – еще одна проблема: для эффективной эксплуатации наблюдаемости требуются специалисты и аналитики, которых недостаточно на рынке. Культурные препятствия связаны с необходимостью переосмыслить ответственность за продукт: наблюдаемость требует межфункционального взаимодействия и принятия горизонтального управления.

В совокупности указанные ограничения придают проектам по внедрению наблюдаемости выраженный институционально-технологический характер: для снижения интеграционных и эксплуатационных рисков требуется формализованная модель управления (архитектурные принципы, регламенты доступа к данным, распределение ролей и ответственности), упреждающее перенесение функций контроля качества на

ранние стадии жизненного цикла, а также подготовка кадровых ресурсов (сквозные инженеры разработки и эксплуатации, специалисты по надежности и аналитике). Ключевым элементом такой модели выступает система измерения, которая обеспечивает сопоставимость альтернатив и управляемость эффектов: набор показателей должен одновременно отражать устойчивость сервисов, эффективность использования ресурсов и вклад в результативность бизнес-процессов на различных уровнях управления. В связи с этим представим структурированный перечень индикаторов, сгруппированных по управленческим уровням, что позволит перейти от описания рисков к верифицируемой оценке результативности внедрения (Табл. 3).

Таблица 3. Показатели эффективности и результаты внедрения наблюдаемости.

Показатель	**Описание**	**Экономический эффект**
Время обнаружения и устранения инцидентов	Среднее время от возникновения проблемы до ее устранения; снижается благодаря телеметрии и автоматическим алертам	Сокращение потерь от простоя, повышение удовлетворенности клиентов
Среднее время между отказами	Интервал между инцидентами; увеличивается за счет предиктивного обслуживания и контроля качества данных	Повышение надежности оборудования и снижение затрат на ремонт
Уровень использования ресурсов	Степень загрузки вычислительной инфраструктуры; оптимизируется через динамическое масштабирование	Снижение затрат на инфраструктуру и энергопотребление
Доля автоматизированных операций	Процент задач, выполняемых без участия оператора; растет с внедрением оркестрации	Сокращение трудовых издержек, повышение скорости операций
Уровень удовлетворенности пользователей	Оценка качества сервиса пользователями; увеличивается благодаря снижению задержек и отказов	Рост выручки, укрепление лояльности клиентов

Источник: составлено автором.

Таким образом, цифровое ядро – это интеграционная платформа предприятия, объединяющая основные транзакционные контуры (ERP, SCM, CRM, HRM, PLM/MES) с аналитическими сервисами и хранилищем данных. Оно функционирует в режиме реального времени, обеспечивает общую информационную среду, ускоряет процессы планирования и принятия решений, позволяет создавать новые бизнес-модели и продукты. Влияние на бизнес проявляется через сокращение операционных циклов, уменьшение агентских издержек, повышение точности прогнозов и выстраивание цепочек создания ценности, охватывающих партнеров и клиентов.

Доказано, что экономика наблюдаемости цифрового ядра представляет собой новое направление исследований на стыке информационных технологий и экономики. Цифровое ядро служит фундаментом для развития интеллектуальных предприятий, а наблюдаемость обеспечивает его прозрачность, управляемость и надежность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирильчук С.П.* Цифровое ядро как фронтир капитализации фирмы / С.П. Кирильчук, Э.Р. Аблитаров // «Вестник Академии знаний», № 4 (69), 2025. СС. 276–280.
2. Наблюдаемость [Эл. ресурс] // Глоссарий “Cloud Native”. Режим доступа: https://glossary.cncf.io/ru/observability/ (Дата обращения: 02.10.2025).
3. *Livens J.* Observability vs. monitoring: What’s the difference? [Эл. ресурс] // “Dynatrace Blog”, 2025. Режим доступа: https://www.dynatrace.com/news/blog/observability-vs-monitoring/ (Дата обращения: 02.10.2025).
4. *Темников А.О.* Современные подходы к определению термина «цифровая трансформация» / А.О. Темников // «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», № 3, 2023. СС. 222–229. DOI 10.23672/SAE.2023.22.28.001

ECONOMICS OF OBSERVABILITY OF THE DIGITAL CORE

E. Ablitarov, A. Cherniavaia

Institute of Economics and Management of V. Vernadsky
Crimean Federal University

ABSTRACT

The article examines the economics of observability of an enterprise’s digital core as an instrument for improving managerial performance. A model linking costs and effects is proposed; evaluation indicators are specified; rules for prioritizing initiatives and the conditions for scaling and reproducibility of results are defined.

Keywords: observability economics, digital core, effectiveness assessment, initiative prioritization.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-19-31

ОБЗОР ИНСТРУМЕНТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В.Л. Айрапетян, Н.А. Адамян

Российско-Армянский университет
Институт экономики и бизнеса
viktoriya.hayrapetyan@rau.am, nane10022003@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Промышленная политика представляет собой один из важных компонентов экономической стратегии страны. В связи с этим повышается актуальность изучения основных способов, методов, подходов и инструментов осуществления промышленной политики с теоретической точки зрения, а также международный опыт их применения. В данной статье рассматриваются формы, методы и инструменты, которые используются для поддержки, развития, а также регулирования промышленного сектора. Инструменты промышленной политики пересекаются с инструментами проведения широкого спектра экономических политик: бюджетной, налоговой, денежно-кредитной, институциональной, внешнеэкономической и инвестиционной. К таким инструментам относятся налоговые и таможенные льготы, субсидии и дотации, государственные заказы, поддержка экспорта, а также меры по формированию нормативно-правовой базы и стимулированию научно-технического развития. В статье рассматривается классификация промышленной политики по видам, которые основаны на различных критериях: по ширине охвата; характеру реагирования; направленности и масштабу воздействия; характеру, используемых мер и инструментов; направлению участия в международном разделении труда; длительности периода воздействия; территориальному охвату; превалирующему функциональному направлению; эффекту воздействия на хозяйственную среду. Выделяются также используемые инструменты промышленной политики, в зависимости от государственного вмешательства, от ее задач и подзадач. Отдельно анализируется подход к классификации инструментов промышленной политики по их соответствию виду промышленной политики: вертикальной или горизонтальной. Таким образом, исследование направлено на всесторонний анализ видов, методов и инструментов, которые обеспечивают развитие промышленного сектора экономики.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, таможенные пошлины, субсидии.

Введение

Промышленность играет одну из основных ролей в формировании и развитии экономики любой страны, имея сильное влияние на экономический рост. Именно промышленность обеспечивает развитие различных секторов – сельского хозяйства, строительства, сферы услуг, тем самым обеспечивает производство материальных благ [17].

При развитии промышленного производства в стране происходит увеличение количества занятого населения, растут доходы населения, повышается производительность труда, и таким образом увеличивается спрос, что расширяет внутренний рынок [18]. Более того, промышленность составляет очень важную часть в технологическом развитии экономики страны, используя внедрение новых технологий, инноваций. Актуальность исследования промышленной политики заключается именно в том, что она не существует сама по себе, а формируется в сложной среде взаимосвязанных внешних и внутренних факторов [9].

Геополитические факторы определяют устойчивость внешнеторговых связей, доступ к сырью, а также глобальные цепочки поставок. Повышение геополитической напряженности может привести к росту импортозамещения и укрепления стратегической автономии [18]. Социальные факторы, такие как демография, уровень образования и занятость, определяют именно доступность человеческого капитала, тем самым формируя потребность в создании высококвалифицированной рабочей силы [19]. Одним из ключевых направлений также является цифровизация, поскольку именно с ее развитием развиваются производственные процессы на основе анализа данных, автоматизации, а также роботизации, что делает промышленный сектор более конкурентноспособным. В настоящее время все больше внимания уделяется экологическим требованиям, включая переход к низкоуглеродной экономике и развитие «зеленых» технологий [20]. Дополнительное влияние оказывают валютная, налоговая, внешнеторговая и денежно-кредитная политики, определяя уже макроэкономическую среду, в которой функционирует промышленная политика [19]. Наконец, глобальный тренд на реиндустриализацию подчеркивает, что все больше развитых государств стремятся вернуть производство на свою территорию, таким образом снижая зависимость от внешних поставок.

Важно рассматривать именно обрабатывающую промышленность,

так как именно в ней формируется наибольшая добавленная стоимость за счет применения инноваций, технологий и человеческого капитала, в отличие от добывающей промышленности, которая в большей степени ориентирована на извлечение природных ресурсов и характеризуется относительно низким уровнем технологической переработки. С точки зрения технологий, то в обрабатывающей промышленности широко используются современные виды технологий, автоматизация, научно-технические разработки, что позволяет повысить производительность труда и выпускать более конкурентоспособную продукцию. Добавленная стоимость в этом случае формируется не за счет ресурсов, а уже за счет знаний, технологий и организации производства [2].

Методы

В работе применяются методы статистического анализа динамических рядов, кластерный метод, построение графиков и диаграмм.

Результаты исследования

Общепринятого определения промышленной политики не существует, что отражает противоречия, связанные с этим понятием (Табл. 1). Классические определения, такие как у P. Krugman (1991) и Ha-Joon Chang (1984), подчеркивают роль государства в перераспределении ресурсов в приоритетные сектора, которые обладают высоким потенциалом роста. Современные трактовки, представленные Howard Pack, Kamal Saggi (2006) и Ken Warwick (2013), более широко рассматривают промышленную политику: как совокупность мер по улучшению бизнес-среды и стимулированию технологической модернизации экономики в целом. Используя широкое определение, Уорик определяет промышленную политику как «любой вид вмешательства или государственной политики, направленный на улучшение деловой среды или изменение структуры экономической деятельности в направлении секторов, технологий или задач, которые, как ожидается, обеспечат лучшие перспективы для экономического роста или социального развития благосостояния, чем было бы в отсутствие такого вмешательства» [7, с. 68].

Основные цели промышленной политики отражают приоритеты современного экономического развития. Ключевой целью является обеспечение экономического роста, которое предполагает создание условий для

расширения технологической базы, роста производства внутри страны и увеличения производительности. Повышение конкурентоспособности также является целью, которая ориентирована на укрепление позиций национальных компаний на мировых рынках за счет инноваций и роста капиталоотдачи. Третьим направлением является развитие высокотехнологичных отраслей, которые определяют структуру будущей экономики и формируют новый рынок, с более высокой добавленной стоимостью. Важной целью промышленной политики является снижение импортозависимости, особенно в стратегически важных секторах – от энергетики до производства оборудования и материалов. Создание новых рабочих мест и развитие человеческого капитала обеспечивают социальную стабильность при изменениях в промышленности [8].

Таблица 1. Определения промышленной политики.

Автор	**Определение**
Пол Кругман [1]	«Попытка государства содействовать притоку ресурсов в отдельные сектора, которые государство считает важными для будущего экономического роста»
Чанг Х.Д. [2]	«Направлена на отдельные сектора (и фирмы, как их составляющие) для достижения таких результатов, которые воспринимаются государством как эффективные для экономики как целого»
Пак Х., Сагги К. [3]	«Государственная политика, которая направлена на улучшение бизнес-среды или улучшение структуры экономической активности по секторам, технологиям и, как ожидается, обеспечит за счет вмешательства лучшие перспективы для экономического роста и общественного блага по сравнению с отсутствием такого вмешательства»
Прайс В.С. [4]	«Промышленная политика в целом представляет собой совокупность государственных мероприятий по содействию или предотвращению определенных структурных сдвигов»
Булавко О.А. [5]	«Промышленная политика – это в первую очередь согласование стратегий частного бизнеса, государства и общества, где государство задает определенные приоритеты развития промышленности и ее размещения, и в дальнейшем корректируется в зависимости от потребностей общества и бизнеса»

Автор	Определение
Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [6]	«Промышленная политика как согласованные усилия правительства по продвижению конкретной отрасли или сектора с использованием ряда инструментов государственной политики»
Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) [11]	«Промышленная политика как совокупность государственных мер по улучшению бизнес-среды или структуры экономики и целенаправленное воздействие на отдельные сектора экономики и развитие новых технологий, способствующих экономическому росту и росту общественного благосостояния»

Для реализации промышленной политики существуют определенные инструменты, которые необходимо использовать при достижении целей. Инструменты можно классифицировать по группам, каждая из которых выполняет определенные функции:

1) финансовые инструменты: субсидии, льготные кредиты, гарантии, бюджетное финансирование НИОКР – направлены на снижение издержек предприятий и стимулирование инвестиций;

2) институциональные инструменты формируют инфраструктуру развития: кластеры, технопарки, индустриальные зоны, центры трансфера технологий;

3) торгово-внешнеэкономические инструменты регулируют условия доступа на рынки через тарифы, квоты и экспортную поддержку;

4) инновационные инструменты обеспечивают технологическое обновление посредством грантов, программ цифровизации и поддержки исследований;

5) регуляторные инструменты задают определенные ограниченные условия – стратегическое планирование, стандарты и техническое регулирование;

6) инструменты развития человеческого капитала: образовательные программы, переквалификация, стимулирование занятости в промышленности.

Инструменты промышленной политики различаются по способу воздействия: горизонтальные и вертикальные, то есть различаются по направлению и механизму воздействия. Различают стимулирующие, ограничительные, институциональные и инновационные [24].

Таблица 2. Инструменты промышленной политики по способу воздействия.

	Горизонтальный	**Вертикальный**
Стимулирующие	Налоговые льготы, льготные кредиты, экспортная поддержка	Субсидии на приоритетные отрасли, льготное финансирование этих отраслей
Ограничительные	Антимонопольное регулирование	Импортные ограничения в стратегических отраслях
Институциональные	Кластеры, технопарки, инфраструктура	Программы поддержки отраслей
Инновационные	Гранты на НИОКР, цифровизация экономики	Целевые программы НИОКР для стратегически важных отраслей

Источник: [8].

На примере ведущих промышленных стран, можно выявить, какие из инструментов промышленной политики используются в конкретной стране и к каким результатам приводит их использование.

Существует классификация стран по уровню промышленного развития и для анализа выбраны страны, которые имеют промышленный сектор с высоким уровнем дохода. Организация промышленного развития при ООН (ЮНИДО) предоставляет классификацию стран по уровню развития обрабатывающей промышленности страны. В соответствии с этой классификацией выделяют развитые индустриальные страны с высоким уровнем производства, страны с развивающейся промышленностью, у которых промышленность в большей степени реализуется в определенных отраслях и также страны, у которых уровень промышленности низкий, слабая промышленная структура и большая зависимость от экспорта. Были выбраны страны, которые могут быть сопоставимы с Арменией, которая относится к индустриализирующимся странам со средним уровнем дохода, по определенным параметрам, но также и ведущие страны в области промышленного развития. Для рассмотрения того, как используются инструменты промышленной политики, взяты Германия, Япония и Южная Корея (представители индустриальных стран промышленного развития с высоким уровнем дохода). Германия делает акцент на инновационные гранты, поддержку Mittelstand через кредиты KfW, кластерную политику и инфра-

структурные проекты, в результате чего на данный момент обладает устойчивым промышленным сектором и высокой долей высокотехнологического экспорта [21]. Япония же сочетает долгосрочное стратегическое планирование METI, роботизацию и цифровизацию производства, налоговые стимулы и кооперацию университетов и промышленности. Это позволило сформировать глобальное лидерство в автомобилестроении и электронике [22]. В случае Южной Кореи используются льготные кредиты, субсидии чеболям, государственное финансирование НИОКР и индустриальные парки. Такая политика обеспечила быстрый переход от индустриализации к высокотехнологичному экспорту [23].

Для анализа различных показателей уже к вышеперечисленным странам добавлены Китай, как индустриальная страна со средним уровнем дохода, Грузия – индустриализирующаяся страна со средним уровнем дохода, Россия – индустриальная страна с высоким уровнем дохода, Вьетнам – индустриальная страна со средним уровнем дохода и Болгария – индустриальная страна с высоким уровнем дохода. Эти страны отличаются уровнем обрабатывающей промышленности, ролью государства в экономике, а также участвуют в разных интеграционных процессах (ЕС, ЕАЭС). Такой выбор позволяет сравнить разные модели промышленного производства. И сравнение этих моделей может помочь выявить ключевые направления развития, которые могут быть актуальны и для Армении.

На Рис. 1 представлена доля экспорта высокотехнологичных товаров от экспорта всех промышленных товаров. Важно отметить, что у Южной Кореи и Китая этот показатель всегда был высоким и постепенно рос, за исключением последних двух лет. Выше, чем у остальных стран, этот показатель наблюдается у Вьетнама, резкий скачок можно заметить в промежутке с 2008 по 2013г. У остальных стран наблюдается стабильная ситуация, то есть этот показатель остается примерно на одном и том же уровне. А у Армении произошел сильный и резкий рост с 2021г., что продолжается и на данный момент, однако важно отметить, что в случае с Арменией этот показатель растет вследствие реэкспорта, а не как положительный тренд.

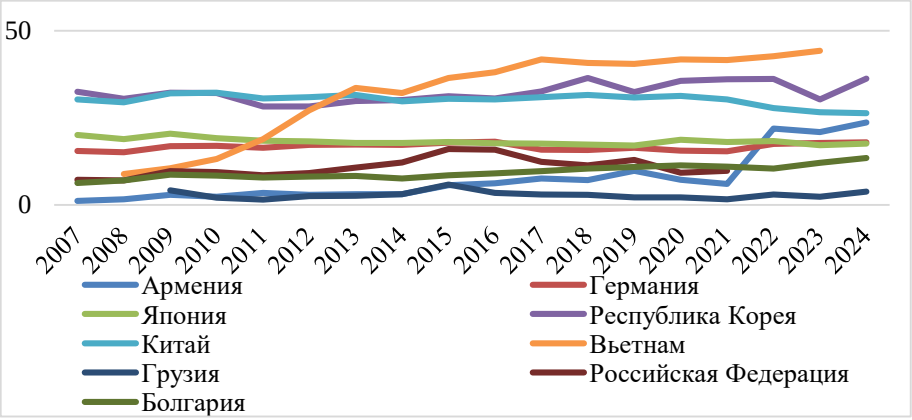


Рисунок 1. Экспорт высокотехнологичных товаров (% от экспорта промышленных товаров). Источник: база данных ВБ.

Промышленная политика обладает значительными преимуществами: стимулирует модернизацию производства, поддерживая технологические отрасли, снижает импортозависимость, укрепляет промышленную базу и способствует росту занятости. Однако стоит отметить и недостатки, которые возникают в процессе. К ключевым рискам следует отнести неэффективное распределение ресурсов, коррупционные практики, избыточное регулирование и ослабление рыночных стимулов. Более того, существуют высокие бюджетные затраты, риск ошибочного определения приоритетов, возможность консервации низкоэффективных производств, снижение конкуренции и формирование зависимости от господдержки [9], [12].

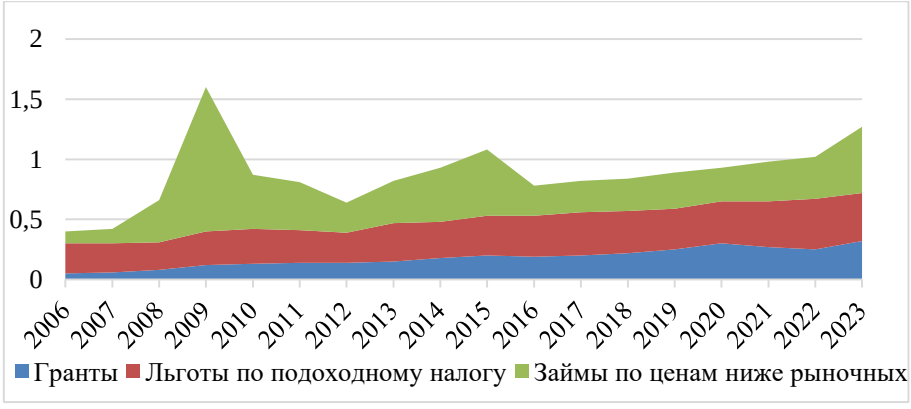


Рисунок 2. Промышленные субсидии для 15 ключевых отраслей промышленности (% от годовой выручки фирмы).
Источник: база данных OECD MAGIC.

Рис. 2 указывает на то, что объем субсидий в ключевых отраслях растет после 2016г., что отражает глобальный тренд на усиление государственной поддержки производства.

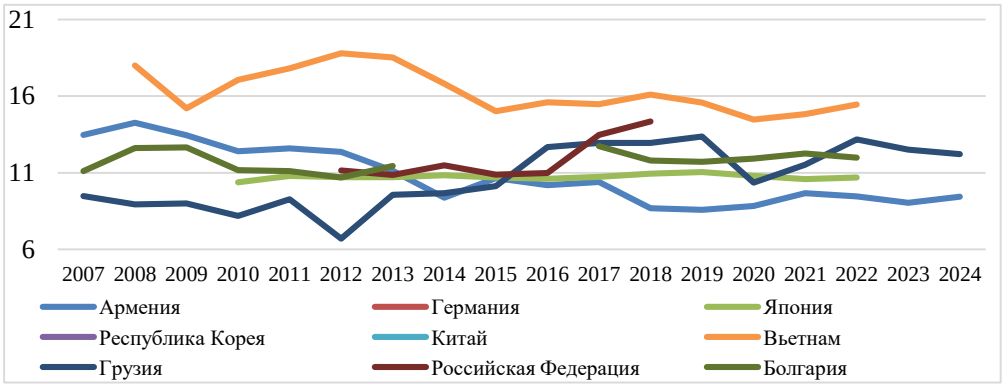


Рисунок 3. Государственные расходы на образование, всего (% от государственных расходов).

Источник: база данных ВБ.

Рассматривая государственные расходы на образование, сферу научных исследований, которые имеют большое значение для развития страны в промышленном секторе, особенно в современных условиях, на Рис. 3 можно заметить, что этот показатель у Вьетнама находится на более высоком уровне, в сравнении с остальными странами. У всех стран государственные расходы на образование остаются примерно на одном уровне, но постепенно растут. Чего нельзя сказать об Армении, у которой данный показатель снижался с каждым годом и продолжает падать.

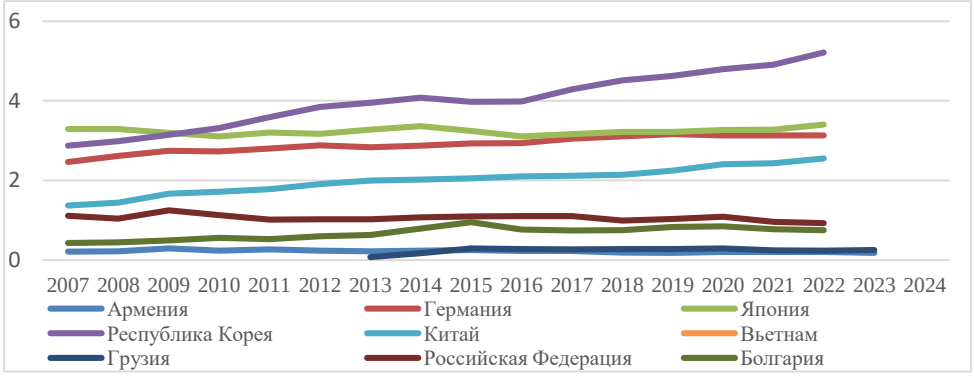


Рисунок 4. Затраты на НИОКР (% от ВВП).

Источник: база данных ВБ.

Затраты на НИОКР, представленные на Рис. 4 показывают, что у всех стран наблюдается положительная динамика в этом направлении, за исключением Армении и Грузии. У них почти отсутствует данный вид затрат. Все больше развитых стран стремятся инвестировать в НИОКР.

Структура промышленного производства Армении за период 2010–2023гг., показывает высокую долю таких отраслей, как добыча руд, производство пищевой продукции и металлургия. Относительно небольшая, но постепенно растущая часть приходится на химическую промышленность, фармацевтические производства и машиностроение.

Наблюдается постепенная диверсификация отраслевой структуры, однако высокая зависимость от сырьевого сектора остается ключевым вызовом. Данные указывают на необходимость усиления политики реиндустриализации, развития высокотехнологических отраслей, стимулирования НИОКР и расширения инструментов поддержки малых и средних промышленных предприятий.

Промышленная политика Армении сегодня строится вокруг приоритета обрабатывающей промышленности как ключевого драйвера роста и повышения «экономической сложности» экономики. В правительственной программе на 2021–2026гг. прямо отмечается, что роль обрабатывающей промышленности в ВВП выросла с 11,7% в 2019г. до 12,4% в 2020г., что стало максимальным значением за девять лет. Одновременно подчеркивается проблема: по индексу экономической сложности Армения за 2000–2018гг. опустилась с 35-го на 83-е место, то есть структура экспорта сместилась от сложной готовой продукции к более простым товарам с меньшей добавленной стоимостью.

Ответом на это становится курс на увеличение доли промышленности и усложнение структуры производства и экспорта. В программе правительства заложены следующие ключевые цели в сфере промышленной политики:

- обеспечение устойчивого роста международной конкурентоспособности обрабатывающей промышленности;
- существенное увеличение финансирования предприятий, имеющих экспортный потенциал, с планом выделить как минимум 80 млрд драмов в течение ближайших пяти лет по единым правилам поддержки;

- создание трех новых промышленных зон и развитие уже существующих с улучшением инфраструктуры и деловой среды;
- продвижение политики индустриализации и «максимального продления производственных цепочек», то есть переход к более сложной и дорогостоящей продукции.

Выводы

Проведенный анализ позволил выявить, что однозначного определения промышленной политики не существует, оно рассматривается разными авторами и имеет интерпретацию с разных сторон. Было рассмотрено, какие цели преследует промышленная политика, а также какие инструменты используются для ее реализации. Выделены функции инструментов промышленной политики, которые включают в себя финансовые, институциональные, торгово-внешнеэкономические, инновационные, регуляторные, а также инструменты развития человеческого капитала. Более того, инструменты имеют разные способы воздействия – по направлению (горизонтальные и вертикальные) и механизму воздействия (стимулирующие, ограничительные, инновационные и институциональные). Использование этих инструментов рассмотрено на примере индустриальных стран с высоким уровнем дохода, показано, какой тип инструментов использовался и к чему привело их использование. Также был проведен анализ стран, которые могут быть сопоставимы с Арменией. Рассмотрен экспорт высокотехнологичных товаров, государственные расходы на образование, затраты на НИОКР, а также промышленные субсидии, но уже для стран OECD. Отдельно для анализа была взята промышленная структура Республики Армения, чтоб точнее проанализировать, какие отрасли являются приоритетными на данный момент. Была изучена программа Правительства «О планах развития промышленности в Республике Армения на ближайшие 5 лет».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krugman P.* Increasing returns, monopolistic competition and international trade /P. Krugman. Yale University, New Haven, 1979, 341p.
2. *Chang H.* The Political Economy of Industrial Policy. “St Martins’s Press”, 1994.
3. *Saggi K.* Benefits and Costs of the Science and Technology Targets for the Post 2015 Development Agenda. Vanderbilt University, 2014.

4. *Price V.* Industrial Policies in the European Community // “MacMillan for the Trade Policy Research Centre”, 1981.
5. *Булавко О.А.* Промышленно-инвестиционная политика в посткризисной модернизации российской промышленности: дис.... д-ра экон. наук: 08.00.05 / О.А. Булавко. СПб., 2013, 305с.
6. Доклад Генерального секретаря ЮНКТАД XIII сессии Конференции. URL https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2024overview_ru.pdf
7. *Rodrik D.* Industrial Policy for the 21st Century. Harvard Kennedy School
8. *Карпенко Е.М., Шестакова К.В*. Промышленная политика и промышленное развитие: взаимосвязь и взаимообусловленность. URL https://elib.bsu.by/bitstream/1-23456789/298144/1/Karpenko.pdf
9. UNCTAD. Industrial Development Report (2022). URL unido.com
10. OECD. Industrial Policy Papers (2019–2023). URL oecd.org
11. OECD MAGIC Database URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-drivers-and-impacts-of-subsidies-to-steel-firms_33e4b097-en/full-report/component-10.html
12. UNIDO. Analytical Reports on Industrial Competitiveness. URLhttps://stat.unido.org/analytical-tools/cip
13. World Bank database URL: https://data.worldbank.org/
14. Правительство Республики Армения. Программа деятельности 2021–2026гг.
15. Правительство Республики Армения. Пятилетняя программа мероприятий
16. Статистический комитет Республики Армения. URL https://www.armstat.am/ru/
17. UNIDO. Industrial Development Report (2025). URL https://www.unido.org/sites/default/files/unido-publications/2025-11/UNIDO%20IDR26.pdf
18. Krugman, P., Obstfeld M., Melitz M. – International Economics: Theory and Policy. URL https://cdn.prexams.com/8978/International%20Economics%20Theory%20and-%20Policy%20Book%209th%20Edition.pdf
19. *Чипурин М.Н., Киселева Е.А.* Курс экономической теории. 4-е издание. Киров: «АСА», 2000.
20. UNEP. Towards of a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. URL https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/12099.
21. Federal Ministry for Economics Affairs and Energy. URL https://www.bundeswirtschaftsministerium.de/Redaktion/EN/Dossier/innovation-policy.html?
22. METI. Third Report of the Committee on New Direction of Economic and Industrial Policies. URL https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_council/pdf/-0628_002.pdf
23. OECD // “Reviews of Innovation Policy Industry and Technology Policies in Korea”, 2014 URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2014/05/-industry-and-technology-policies-in-korea_g1g423d8/9789264213227-en.pdf?
24. *Гукасян А.В.* Стимулирующие инструменты инновационно-промышленной политики: достижения и проблемы. URL https://cyberleninka.ru/article/n/stimuliruyuschie-instrumenty-innovatsionno-promyshlennoy-politiki-dostizheniya-i-problemy/viewer

REVIEW OF INDUSTRIAL POLICY INSTRUMENTS

V. Hayrapetyan, N. Adamyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

Industrial policy is one of the key components of a country's economic strategy. In this regard, the study of the main methods, approaches, and instruments for implementing industrial policy – both from a theoretical perspective and in terms of international experience – is becoming increasingly relevant. This article examines the forms, methods, and instruments used to support, develop, and regulate the industrial sector.

Industrial policy instruments intersect with those used in a wide range of economic policies, including fiscal, tax, monetary, institutional, foreign economic, and investment policies. These instruments include tax and customs incentives, subsidies and grants, public procurement, export support measures, as well as the development of regulatory frameworks and the promotion of scientific and technological progress.

The article also considers the classification of industrial policy by types based on various criteria: scope of coverage; nature of response; direction and scale of impact; nature of the measures and instruments used; participation in the international division of labor; duration of impact; territorial coverage; dominant functional orientation; and the effect on the economic environment.

In addition, the instruments of industrial policy are categorized depending on the level of government intervention, as well as on its goals and sub-goals. A separate analysis is devoted to the classification of industrial policy instruments according to their correspondence to the type of industrial policy – vertical or horizontal.

Thus, the study aims to provide a comprehensive analysis of the types, methods, and instruments that ensure the development of the industrial sector of the economy.

Keywords: industry, industrial policy, customs duties, subsidies.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-32-39

ДИАСПОРА КАК ФАКТОР ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ АРМЯНСКОГО СТАРТАП-СЕКТОРА: КЕЙС-АНАЛИЗ ПРОГРАММ ПОДДЕРЖКИ И ГЛОБАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Л.А. Аветисян, М.Г. Оганнисян

Российско-Армянский университет
larisa.avetisyan@rau.am, mane.ogannisyan.99@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена роли диаспоры в развитии армянского стартап сектора. В основе исследования лежит кейс-анализ армянской стартап-экосистемы. Особое внимание уделяется формированию транснациональных сетей, способствующих обмену знаниями, привлечению инвестиций и повышению конкурентоспособности армянских стартапов на международной арене. Исследование демонстрирует, что диаспора играет ключевую роль в создании мостов между локальными предпринимателями и глобальными рынками, превращая Армению в региональный центр технологического предпринимательства.

Ключевые слова: армянская диаспора, инновационная экономика, инновационный потенциал, технологии, стартап.

Введение

Движущими силами современного мира и его экономического развития, бесспорно, являются инновации и знания. Широкое использование информационно-коммуникационных технологий способствует не просто социально-экономической модернизации, но и развитию инфраструктуры, экономики и благосостоянию страны и ее населения.

Актуальность темы обусловлена тем, что одними из важнейших элементов инновационной экономики являются стартапы. В 2025г. Армения заняла 54-е место в Глобальном индексе стартап-экосистем, поднявшись на третью позицию по сравнению с 2024г. [1]. Существенный вклад в такой результат вносит армянская диаспора. Диаспора – это социокультурный феномен, представляющий собой рассеянные общности, обладающие высоким уровнем самоорганизации, человеческими, финансовыми ресурсами и инновационным потенциалом.

Целью данной статьи является определение роли армянской диаспоры в интернализации стартап-сектора.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- рассмотреть понятия стартап и стартап-экосистема в научных исследованиях;
- исследовать стартап-экосистему Армении;
- определить вклад диаспоры в развитие стартап-сектора Армении.

1. Понятия стартап и стартап-экосистема в научных исследованиях, критерии определения

История понятия «стартап» уходит в 1939г., когда американские студенты Д. Паккард и У. Хьюлетт в обыкновенном гараже в Калифорнии с начальным капиталом 538$ положили начало своего небольшого проекта, который впоследствии стал широко известной технологической компанией Hewlett Packard. Однако, тогда «стартап» еще не был известен. Он обрел свое широкое применение после использования термина в 1973г. журналом Forbes [2].

Несмотря на это и на то, что данному феномену посвящено множество исследовательских работ, общепринятого определения до сих пор нет. По этой причине вокруг данного термина ведутся активные дискуссии.

Изучив ряд исследований, можно выделить специфические особенности стартапа и определить его как инновационную, даже креативную, разработанную командой бизнес-модель, которая находит свою реализацию благодаря финансированию извне, ввиду чего и несет в себе огромные риски и имеет краткосрочный жизненный цикл.

Жизненный цикл представляет собой несколько этапов, которые проходят стартапы в своем развитии: само зарождение идеи, ее оформление в стартап, этап зрелости. Краткосрочность заключается в следующем: если идеи успешно реализуются, продукт/услуга станет активно продаваемым, так или иначе после фазы зрелости либо продажи упадут, либо, если продукт соответствует ожиданиям потребителей, стартап претерпит трансформацию (слияние, поглощение, превращение в крупную компанию, разделение) [3].

Под стартап-экосистемой понимается среда, в которой реализовываются идеи. Эта среда формируется взаимосвязанными элементами.

Государственные учреждения создают юридические условия, формируют образовательные учреждения, благодаря которым вырастают разработчики, предприниматели, играющие ключевую роль в формировании стартапов. Благодаря тем же условиям, созданным госучреждениями, свою деятельность реализуют венчурные компании, обеспечивающие продвижение идей финансированием.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что конечной целью стартапа является его трансформация в полноценную успешную компанию. Для достижения поставленной цели, то есть на всех этапах жизненного цикла, важен анализ и учет целого ряда факторов.

2. Стартап-экосистема Армении и вклад диаспоры в ее развитие

В 2025г. по Глобальному индексу стартап-экосистем Армения показала рост, составляющий 23% и заняла 54-е место, тем самым приблизившись к топ-50 экосистемам. По сравнению с 2024г. Армения поднялась на три позиции. При этом в регионе страна стабильно занимает 1 место, показывая результат практически в 3 раза выше, чем у Казахстана [1].

Более того, согласно исследованию Innotechnics, несмотря на то что Армения самая малонаселенная страна в регионе, больший поток инвестиций направляется именно в эту страну (Рис.1). В результате этого Армения стала домом для самых многочисленных венчурных фондов, бизнес-ангелов и около 270 инновационных компаний [4].

Рисунок 1. Венчурные инвестиции по странам в 1-ом полугодии 2023г., Центральная Азия и Южный Кавказ, %.

Рисунок 2. Венчурные сделки по странам в 1-ом полугодии 2023г., Центральная Азия и Южный Кавказ, %.

Основным преимуществом является развивающаяся индустрия программного обеспечения и данных, а недостатком – небольшой рынок. Именно из-за небольшого рынка и численности населения всего в 3 млн человек, успешные стартапы стараются быть ориентированными на более крупные рынки, такие как, например, США. Однако это не предполагает полного отказа от своей экосистемы. Американские предприниматели армянского происхождения стараются способствовать развитию родной стартап-экосистемы.

В этом отношении важно понять то, что мы имеем в виду под понятием «диаспора». Это социокультурное понятие, подразумевающее «рассеянные» общины, обладающие высоким уровнем самоорганизации и инновационным потенциалом.

Дать количественную оценку диаспоре сложно, ввиду недостаточного количества данных и существования различных методов подсчета. Однако есть приблизительные оценки, согласно которым армянская диаспора составляет около 7 млн человек. Крупнейшими странами расселения армян считаются Россия, США и Франция [5]. Именно благодаря инициативам и усилиям представителей диаспоры свое развитие получает стартап-экосистема Армении. Это доказывается рассмотренными в статье примерами.

Одной из успешных программ поддержки, инициированных диаспорой, является “Armenian Virtual Bridge”. Программа реализуется при сотрудничестве AGBU и Министерства Экономики Армении на платформе Armenian Virtual College. С 1906г. AGBU сохраняет и продвигает армянскую идентичность и наследие посредством образовательных, культурных и гуманитарных программ.

Цель программы “Armenian Virtual Bridge” – подготовка основателей стартапов к выходу на международный рынок, тем самым становясь мостом между Арменией и мировыми технологическими центрами. Идея реализуется посредством онлайн-курсов, в которых также принимают участие ведущие эксперты Кремниевой долины, главы инвестиционных фирм и др. [6].

Примером программы инициированной правительством Армении, а именно Министерством Диаспоры РА, является “Neruzh”. Ее цель – возвращение в Армению армянских предпринимателей и ведущих специали-

стов для создания и развития стартапов. Технологические стартапы на стадии идеи и роста могут подать заявку на участие в конкурсе на гранты [7].

Под программами поддержки подразумеваются не только финансирование проектов, но и образовательные программы. Важно не только создавать условия для устоявшихся проектов и специалистов, но и посредством образовательных программ предоставить условия и возможности для новых поколений.

Именно с этой целью Сэм и Сильва Симонян основали TUMO – сеть образовательных центров, предоставляющих бесплатное обучение по креативным направлениям (робототехника, программирование, вебдизайн, разработки игр, веб-разработки и др.). Филиалы располагаются как в городах Армении (Ереван, Дилижан, Капан и др.), так и за ее пределами (Париж, Берлин, Лион, Буэнос-Айрес и др.) [8].

В рамках идеи армянской диаспоры о превращении Армении в центр инноваций был создан Фонд армянской науки и технологий (FAST), внимание которого сосредоточено на улучшении армянской экосистемы. Программы FAST ставят своей задачей развитие трех важнейших столпов инновационный экосистемы: образования, исследований и коммерциализации. Руководство “Fast” осуществляется членами правления из США, Великобритании, Германии, Франции, что демонстрирует неоспоримый вклад диаспоры [9].

Говоря о развитии, нельзя не упомянуть Программу ООН по развитию (ПРООН), которая в 2017г. запустила платформу «Национальная Лаборатория SDG» совместно с правительством Армении для продвижения инновационных решений в духе устойчивого развития. Кроме того, ПРООН поддерживает молодежь, женщин и уязвимые группы через “ImpactAIM Venture Accelerator” – акселератор для стартапов, социального предпринимательства и инновационных проектов [10].

Как уже упоминалось ранее, одной из ключевых особенностей стартапов, как бизнес-модели, является финансирование извне. В этом процессе важную роль играют венчурные компании, т.е. фирмы, которые вкладывают деньги в новые, рискованные, но перспективные стартапы и технологии. Существует целый ряд венчурных компаний, основанных представителями армянской диаспоры и инвестирующих в армянские проекты. К таким относятся и “Hive Ventures”, и “Smart Gate VC”, каждая из которых имеет богатое портфолио.

Hive Ventures – компания, основанная Эдель Овнанян в 2014г. Благодаря ее усилиям армянские предприниматели получают доступ к сети ведущих инвесторов, специалистов и операторов Кремниевой долины. “Hive Venture” способствовала развитию более чем 40 стартапов, в том числе “Gecko”, “Intelinair”, “Krisp” и “ServiceTitan” [11].

Штаб-квартира “Smart Gate VC” расположена непосредственно в самой Кремниевой долине. Данная компания фокусируется на так называемых “early-stage” стартапах, т.е. оказывает поддержку проектам на ранних стадиях своего развития – разработка продукта, исследования и т.д. Реализованные проекты имеют отношение к таким сферам как AI, IoT, робототехнологии, новые вычислительные биотехнологии, квантовые вычисления и блокчейн. В портфолио “Smart Gate VC” входят “Arnata”, “Deep Origin”, “SuperAnnotate”, “Podcastle” и многие другие [12].

Один из успешнейших стартапов, потерпевших трансформацию в крупную компанию, является Picsart. Компания была основана в 2011г. армянским предпринимателем Ованесом Авояном и программистами Артаваздом Мехрабяном и Микаэлом Варданяном. Они продумали и разработали первое приложение для редактирования и изменения фотоизображений в онлайн режиме. Сегодня она базируется в Майами (Флорида, США) и Ереване, а функции приложения, загруженного более 1 млрд раз, еще более усовершенствованы и разнообразны [13].

В 2021г. компания Picsart объявила о том, что привлекла $130 млн в рамках серии C финансирования от “Softbank”, “Sequoia”, “G Squared”, “Tribe Capital”, “Graph Ventures” и “Siguler Guff & Company” с оценкой компании около $1,5 млрд, став тем самым первым технологическим единорогом, родившимся в Армении.

Заключение

Перечисленные и многие другие стартапы действительно успешны, но работают по следующей модели: главные офисы зарегистрированы в США, т.е. рассматриваются на балансе США, при этом команда разработчиков – в Армении. Такая схема открывает компаниям больше возможностей по экспорту услуг и финансированию.

Подводя итоги, хочется обратиться к Глобальному инновационному индексу, по которому Армения поднялась в текущем году с 63-го места на 59-ое и который берет в счет условия экосистемы и результаты. Страна

лучше показывает себя на выходе: технологии, креатив, инновационные продукты/услуги [14]. Это говорит о том, что в стране есть способные люди, интересные идеи и их успешные реализации. Это важно для стартапов, ведь в основном они растут не из огромной фундаментальной инфраструктуры. Однако, если даже при менее чем «идеальных условиях», у Армении могут быть хорошие результаты благодаря талантам, предприимчивости, возможностям для IT/технологических стартапов, то, восполнив пробелы (инвестиции в НИОКР, инфраструктуру, рыночную/бизнес среду, доступность к капиталу), можно еще более повысить результативность.

Таким образом, анализ диаспоральных стартап-историй, программ поддержки и глобальных сетей показывает, что армянская диаспора является ключевым фактором интернационализации стартап-сектора Армении, обеспечивая доступ к глобальному капиталу, рынкам, компетенциям и связям, которые ускоряют рост локальных компаний и открывают им путь на международные технологические площадки. При этом сохраняются и вызовы: эпизодичность взаимодействия, отсутствие институционализированных механизмов и разрыв между локальной средой и глобальными требованиями. Тем не менее, потенциал диаспоры остается стратегическим активом страны, и его дальнейшая систематизация способна превратить армянскую экосистему в устойчивый и конкурентоспособный фактор инновационного развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Startup Ecosystem Index, 2025.
2. *Раева И.В.* Стартап: понятие, особенности, методы оценки // «Имущественные отношения в РФ», № 6 (237), 2021. СС. 45–55.
3. *Гурарий А.Д., Мокерова Ю.В., Рыбакова О.В.* Маркетинг для стартапов: учеб. пособ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. СС. 174.
4. Venture Eurasia 2023, Roundup, Innotechnics.
5. Официальный сайт Офиса Главного Уполномоченного по делам диаспоры РА. Общины армянской диаспоры [Эл. ресурс], [Режим доступа]: http://diaspora.gov.am/ru/diasporas (дата обращения: 19.11.2025г.).
6. Armenian Virtual College. Armenian Virtual Bridge [Эл. ресурс], [Режим доступа]: https://www.avc-agbu.org/special_program/Armenian%20Virtual%20Bridge (дата обращения: 22.11.2025г.).
7. Neruzh 6.0. Diaspora Tech Startup Program [Эл. ресурс], [Режим доступа]: https://neruzh.am/en/about-neruzh/about-neruzh (дата обращения: 23.11.2025г.).
8. TUMO. Centre for creative technologies /Эл. ресурс/ Режим доступа: https://tumo.org/hy/ (дата обращения: 22.11.2025г.).

9. FAST. Foundation for Armenian Science and Technology [Эл. ресурс], [Режим доступа]: https://www.fast.foundation/ (дата обращения: 23.11.2025г.)
10. Armenia National SDG. Innovationa lab [Эл. ресурс], [Режим доступа]: https://www.sdglab.am/en (дата обращения: 26.11.2025г.)
11. Hive Ventures [Эл. ресурс], [Режим доступа]: https://hiveventures.co/about-us/ (дата обращения: 28.11.2025г.)
12. SmartGateVC [Эл. ресурс], [Режим доступа]: https://www.smartgate.vc/ (дата обращения: 28.11.2025г.)
13. Picsart [Эл. ресурс], [Режим доступа]: https://picsart.com/?ref=td-picsart (дата обращения: 26.11.2025г.)
14. Global Innovation Index 2025.

DIASPORA AS A FACTOR OF INTERNATIONALIZATION OF THE ARMENIAN STARTUP SECTOR: CASE ANALYSIS OF SUPPORT PROGRAMS AND GLOBAL NETWORKS

L. Avetisyan, M. Hovhannisyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the role of the Armenian Diaspora in the development of the startup sector. The research is based on a case analysis of the Armenian startup ecosystem. Special attention is paid to the formation of transnational networks that promote knowledge exchange, attract investments and increase the competitiveness of Armenian startups in the international arena. The research demonstrates that the Armenian Diaspora plays a key role in building bridges between local entrepreneurs and global markets, turning Armenia into a regional hub for technological entrepreneurship.

Keywords: Armenian Diaspora, innovative economy, innovative potential, technology, startup.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-40-48

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ, ПРОИЗВЕДЕННОЙ В АРМЕНИИ, В АСПЕКТЕ ЕЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА ВНЕШНИХ РЫНКАХ

В.Л. Айрапетян, Т.А. Арутюнян

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса
viktoriya.hayrapetyan@rau.am, harutyunyanta2005@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются объемы, динамика и структура экспорта промышленной продукции РА с оценкой конкурентоспособности отраслей на внешних рынках. Также определяется доля экспорта в общем объеме реализации и выделяются экспортоориентированные виды экономики РА. Для количественной оценки конкурентной экспортной позиции используется показатель выявленного сравнительного преимущества (“Revealed Comparative Advantage RCA”), позволяющий косвенно выявить данные преимущества страны по отдельным товарам и отраслям на основе структуры внешней торговли. Результаты показывают, что в экспортной структуре промышленности Армении ведущую роль играет добывающий сектор, тогда как внутри обрабатывающей промышленности наиболее экспортно ориентированы металлургия и производство напитков. Также отмечается рост роли текстильного производства. Расчеты RCA показывают наличие сравнительного преимущества в металлургии, добывающей промышленности, обрабатывающей промышленности в целом и особенно – в производстве алкогольных и безалкогольных напитков. В то же время в пищевой, текстильной и химической отраслях значения RCA ниже единицы, что указывает на отсутствие устойчивой экспортной специализации, но оставляет потенциал роста при диверсификации и наращивании добавленной стоимости.

Ключевые слова: экспорт, промышленность, структура экспорта, конкурентоспособность, RCA.

Введение

Для малых открытых экономик промышленный экспорт служит важнейшим каналом валютной выручки и драйвером экономического развития [8]. В данном контексте конкурентоспособность на внешних рынках

зависит не только от общего объема экспорта, но и от его структуры: доли обрабатывающих производств, уровня диверсификации и способности отдельных отраслей удерживать позиции на международных рынках. Особая роль экспорта промышленной продукции в малых открытых экономиках обусловлена его вкладом в расширение рынков сбыта и поддержанием производственной активности [6]. При этом структура промышленного экспорта, в частности, доля продукции обрабатывающей промышленности и ее уровень диверсификации, рассматриваются как важные факторы устойчивости внешнеэкономического развития и способности экономики адаптироваться к изменениям внешней конъюктуры [7]. С учетом вышесказанного целью исследования является оценка уровней конкурентоспособности отраслей промышленности Армении на основе показателя RCA ("Revealed Comparative Advantage").

Материалы и методы

Информационную базу исследования составляют данные официальной статистики Республики Армения и международных торговых баз, а также показатели мирового экспорта по товарным группам. Методический инструментарий включает: анализ динамики и отраслевой структуры промышленного экспорта; выделение экспортоориентированных отраслей через долю экспорта в реализации; расчет показателя выявленного сравнительного преимущества (RCA) по отраслям промышленности Армении. Показатель выявленного сравнительного преимущества («Revealed Comparative Advantage RCA") оценен на основе методики UNCTAD [5]:

$$RCA_i = (X_wi / \Sigma_\{j \in P\} X_wj) / (X_Ai / \Sigma_\{j \in P\} X_Aj),$$

где:

RCA_i – выявленное преимущество страны по товару i,

P – множество всех товаров (при этом **i ∈ P** обозначает конкретный товар **i**, принадлежащий множеству);

X_Ai – объем экспорта товара i страной **A**;

X_wi – объем мирового экспорта товара **i**;

Σj∈PXAj – совокупный экспорт страны **A** по всем товарам **j**, принадлежащим множеству **P**;

Σj∈PXwj – совокупный мировой экспорт всех товаров **j** из множества **P**.

Если показатель RCA>1, это свидетельствует о наличии конкурентного преимущества по данным товарам. Чем выше значение показателя RCA для товара i, тем более значительной является конкурентная экспортная позиция страны в данном товаре.

Результаты

На основе анализа динамики промышленного производства Армении за период 2010–2024гг. (Рис. 1а) можно сделать вывод, что и промышленный и добывающий сектора развивались поступательно, однако с различной интенсивностью. Обрабатывающая промышленность, оставаясь основой промышленного комплекса, увеличила объем выпуска в стоимостном выражении более чем в три раза, в то время как добывающий сектор, несмотря на меньшие абсолютные показатели, рос опережающими темпами, увеличившись почти в семь раз. В 2024г. объем выпуска обрабатывающей промышленности составил 2234 млрд драмов (примерно 5.92 млрд долларов), тогда как в добывающем секторе данный показатель достиг 472 млрд драмов (примерно 1,25 млрд долларов).

Особенно заметное ускорение роста наблюдается с 2021г., что, вероятно, связано с постпандемическим восстановлением и изменениями в структуре региональной торговли. Данная динамика подтверждает вывод о возрастающей экспортной ориентации добывающей отрасли, которая играет ключевую роль в формировании валютной выручки.

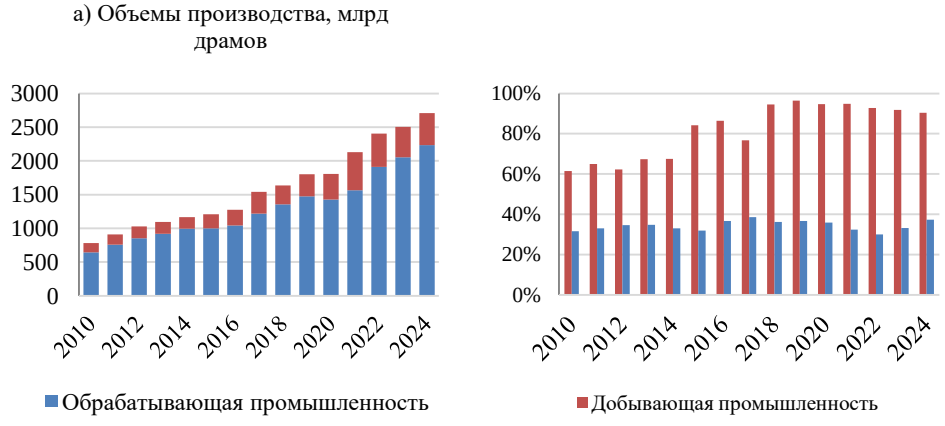


Рисунок 1. Объемы производства и экспортные доли по секторам промышленности Армении.
Источник: рассчитано и составлено на основе данных «Армстат».

Анализ динамики экспортной ориентации отраслей промышленности Армении за период 2010–2024гг. (Рис. 1б) позволяет выявить устойчивую структурную асимметрию. Несмотря на то, что обрабатывающая промышленность формирует основную часть промышленного выпуска страны, именно добывающий сектор выступает главным драйвером экспорта. Показатель доли экспорта в выпуске добывающей промышленности стабильно сохраняется на крайне высоком уровне, колеблясь в интервале от 61% до 98%, что указывает на его почти исключительную зависимость от внешнего спроса. В свою очередь, обрабатывающая промышленность демонстрирует существенно более низкую и изменчивую степень интеграции в международную торговлю: ее экспортная квота на протяжении рассматриваемого периода не превышала 39%, опускаясь до минимума в 29% в 2022г. Это максимальное расхождение показателей четко отражает различную чувствительность секторов к внешнеэкономическим потрясениям. Определенный позитивный сигнал можно отметить в 2024г., когда доля экспорта продукции обрабатывающих производств возросла до 38%, что может свидетельствовать о начальном этапе улучшения ее конкурентных позиций.

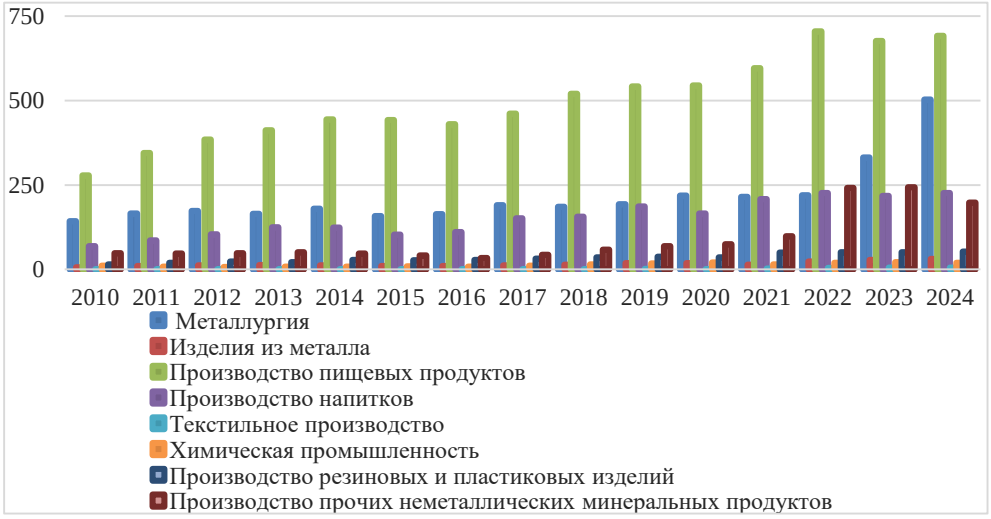


Рисунок 2. Отраслевая структура обрабатывающей промышленности Армении (млрд драмов).

Источник: рассчитано и составлено на основе данных «Армстат».

На основе изучения данных об отраслевой структуре экспорта обрабатывающей промышленности Армении за 2010–2024гг. (Рис. 2) можно констатировать наличие устойчивой иерархии ключевых направлений промышленного производства. На протяжении всего рассматриваемого периода производство пищевых продуктов демонстрирует абсолютное лидерство по объему выпуска, что указывает на его центральную роль в промышленном секторе страны. Металлургическое производство стабильно занимает вторую позицию, при этом фиксируя наиболее интенсивный рост, особенно выраженный в 2023–2024 годах. Производство напитков формирует третью по величине отрасль, сохраняя устойчивую положительную динамику. Совокупно эти три сектора формируют основу промышленного выпуска в обрабатывающем комплексе. Отрасли с меньшими объемами, такие как текстильная и химическая промышленности, а также производство неметаллических минеральных продуктов, имеют небольшое значение в общей структуре производства.

Рисунок 3. Доля экспорта в выпуске обрабатывающей промышленности Армении по отраслям, %.

Источник: рассчитано и составлено на основе данных «Армстат».

Анализ данных доли экспорта в общем объеме выпуска по отраслям обрабатывающей промышленности Армении за 2010–2024гг. позволяет

утверждать, что экспортная ориентация промышленности Армении отличается высокой концентрацией в нескольких узких сегментах. Наиболее интегрированной в международную торговлю является металлургия, демонстрирующая стабильно высокую долю экспорта в выпуске, что подтверждает ее ключевую роль в вывозе продукции с добавленной стоимостью. Производство напитков также показывает значительную и устойчивую экспортную направленность, занимая второе место среди отраслей по этому показателю. При этом важно отметить положительную динамику в текстильном производстве, доля экспорта в выпуске которого имеет тенденцию к росту, что может указывать на формирование новой конкурентноспособной ниши. Важным контрастом выступает ситуация в пищевой промышленности: несмотря на то, что она является крупнейшей отраслью по общему объему выпуска, ее экспортная квота остается крайне низкой. Этот факт свидетельствует о глубоком структурном разрыве между производственным потенциалом и реальным участием в международной торговле, подчеркивая, что внутренний масштаб отрасли не трансформируется в экспортные конкурентные преимущества. Как уже было указано выше, для выявления экспортно ориентированных отраслей промышленности Республики Армения, мы рассчитали показатель выявленного сравнительного преимущества (“Revealed Comparative Advantage RCA”).

Таблица 1. Значения индекса RCA по основным отраслям промышленности Армении (2024г.)

Сектор	**RCA (2024)**
Добывающая промышленность	1.94
Обрабатывающая промышленность	3.02
Металлургия	1.38
Производство пищевых продуктов	0.31
Производство алкогольных и безалкогольных напитков	4.19
Химическая промышленность	0.003
Текстильное производство	0.03

Источник: рассчитано на основе данных «Армстат».

Анализ Табл. 1 значения индекса RCA за 2024г. показывает, что наибольшее значение RCA зафиксировано в секторе производства алкогольных и без алкогольных напитков (4.19), что указывает на ярко выраженную

экспортную специализацию данной отрасли. Высокий показатель отражает устойчивые позиции продукции данного сектора на внешних рынках и свидетельствует о сформировавшихся производственных и торговых преимуществах, включая технологические, ресурсные и институциональные факторы. Существенное значение RCA также характерно для обрабатывающей промышленности в целом (3.02), что говорит о ее ключевой роли в структуре экспорта.

Добывающая промышленность демонстрирует умеренно высокое значение RCA (1.94), что свидетельствует о наличии сравнительных преимуществ, однако степень специализации в данном секторе значительно ниже по сравнению с перерабатывающими отраслями. Металлургия также сохраняет конкурентные позиции на внешних рынках, о чем говорит показатель RCA на уровне (1.38).

В то же время ряд отраслей характеризуется крайне низкими значениями индекса RCA. В частности, производство пищевых продуктов (0.31), текстильное производство (0.03) и химическая промышленность (0.003) не обладают выявленными сравнительными преимуществами. Это указывает на то, что в целом данные отрасли не конкурентноспособные на внешних рынках. Особенно низкое значение показателя в химической промышленности свидетельствует о структурных проблемах сектора, включая технологические отставание и недостаток инвестиций.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов, значимых для конкурентоспособности промышленного экспорта. Во-первых, высокая доля добывающего сектора формирует быстрый эффект по объему выручки, но одновременно ограничивает рост добавленной стоимости и повышает чувствительность к внешней конъюнктуре. В данном контексте увеличение роли экспорта продукции обрабатывающих отраслей является ключевым направлением повышения устойчивости.

Во-вторых, металлургия и производство напитков выступают сформировавшимися экспортными нишами, что подтверждается их ролью в структуре экспорта переработанной продукции и значениями RCA выше единицы. Это означает наличие относительных преимуществ, которые могут быть усилены через расширение рынков, повышение стандартов качества и углубление переработки.

Наконец, отрасли, имеющие значение RCA ниже единицы (пищевое, текстильное и химическое производство) целесообразно рассматривать как направления потенциального роста при условии повышения конкурентоспособности, финансовых вливаний, технологического обновления и многоуровневой поддержки выхода на внешние рынки.

Выводы

За рассматриваемый период промышленность Армении продемонстрировала значительный рост. Существенно увеличился общий объем промышленного производства, а также возросла доля промышленности в экономике страны.

В структуре промышленного экспорта наибольшую долю занимает добывающая промышленность: ее удельный вес в экспорте заметно выше, тогда как в обрабатывающей промышленности средняя доля экспортируемой продукции существенно ниже.

Внутри обрабатывающей промышленности на экспорт в первую очередь ориентированы такие сектора, как металлургическое производство и производство напитков; именно они формируют основную часть экспортных поставок переработанной продукции. Также сильно возросла доля текстильного производства.

По расчетам RCA у Армении есть сравнительное преимущество в металлургии, добывающей промышленности, обрабатывающей промышленности в целом и особенно в производстве алкогольных и безалкогольных напитков. Эти отрасли можно считать экспортными нишами с высоким потенциалом.

Для производства пищевых продуктов, текстильного и химического производства значения RCA меньше единицы, то есть на данный момент они не являются экспортной специализацией, но могут рассматриваться как направления с потенциалом роста в будущем.

В целом результаты исследования показывают, что в Армении уже сформирован ряд четко выраженных конкурентных отраслей промышленного экспорта, при этом сохраняется значительный резерв для наращивания добавленной стоимости и дальнейшей диверсификации экспортной структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический комитет Республики Армения (ARMSTAT). Официальные статистические публикации и базы данных по промышленности и внешней торговле.

2. UN Comtrade Database. International Merchandise Trade Statistics (мировой экспорт по товарным группам).
3. *Hausmann R., Hwang J., Rodrik D.* What you export matters // "Journal of Economic Growth", № 12 (1), 2007. PP. 1–25.
4. *Lederman D., & Maloney W.* Does what you export matter? In the search for empirical guidance for industrial policies // The World Bank, 2012.
5. UNCTADstat. Revealed Comparative Advantage (RCA) // UNCTAD Data Centre
6. *Философа Т.Г.* Повышение конкурентоспособности экспорта промышленной продукции как фактор устойчивого экономического развития // «Экономика и предпринимательство», № 7 (96), 2018. СС. 412–416.
7. *Любимов И.Л.* Структура экспорта и экономический рост: эмпирический анализ // «Вопросы экономики», № 4, 2019. СС. 45–60.
8. *Бердиева А., Аннаева Ш.* Роль промышленного сектора в росте экономики // «Экономика и предпринимательство», № 10 (79), 2024. СС. 75–79.

ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF EXPORTS OF INDUSTRIAL PRODUCTS PRODUCED IN ARMENIA IN TERMS OF THEIR COMPETITIVENESS IN FOREIGN MARKETS

V. Hayrapetyan, T. Harutyunyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

This article analyzes the volume, dynamics, and structure of exports of industrial products of the Republic of Armenia, with an assessment of the competitiveness of its sectors in foreign markets. It also determines the share of exports in total sales and identifies export-oriented sectors of the Armenian economy. To quantitatively assess competitive export positions, the Revealed Comparative Advantage (RCA) indicator is used, which makes it possible to indirectly identify a country's advantages in specific goods and industries based on the structure of foreign trade.

The results show that the mining sector plays a leading role in the export structure of Armenia's industry, while within manufacturing, metallurgy and beverage production are the most export-oriented. An increasing role of the textile industry is also observed. RCA calculations indicate the presence of comparative advantages in metallurgy, mining, manufacturing as a whole, and especially in the production of alcoholic and non-alcoholic beverages. At the same time, in the food, textile, and chemical industries, RCA values are below one, indicating the absence of a stable export specialization, but suggesting potential for growth through diversification and increased value added.

Keywords: export, industry, export structure, competitiveness, RCA.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-49-57

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ РОСТА: ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНОЛОГИИ В МИРОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В.Л. Айрапетян, Э.Г. Баграмян

Российско-Армянский университет
viktoriya.hayrapetyan@rau.am, baghramyan_elena@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается важность комплексного подхода к выбору инструментов в рамках стратегии экономического развития страны. Описаны изменения, которые претерпевают используемые инструменты в зависимости от формирующихся условий. Стратегия экономического развития рассмотрена как совокупность трех основных политик: промышленная, внешнеторговая и технологическая, которые при скоординированном взаимодействии приводят к повышению национальной конкурентоспособности, а следовательно, экономическому развитию страны.
Ключевые слова: экономическое развитие, промышленная политика, внешнеторговая политика, технологическая политика.

Вопрос о выборе наиболее оптимальных инструментах для стимулирования экспорта и достижения качественных структурных изменений был главным в стратегии экономического развития на протяжении многих десятилетий и остается по сей день [1]. Множество различных направлений от внутренне ориентированной политики импортозамещения и индустриализации, направленных на защиту национального производителя, до внешне ориентированных стратегий по расширению экспорта. Стоит отметить, что с течением времени количество и разнообразие инструментов, используемых ранее и применяемых сейчас, довольно сильно изменились, особенно с 1980-х годов, в связи с усилением ограничений на их использование посредством международных и региональных соглашений.

В современной конкурентной среде развивающиеся страны стремятся повысить свою конкурентоспособность, выбирая отрасли и продукты с потенциалом высокого роста и высокой добавленной стоимости. Государственное вмешательство для стимулирования промышленного

развития не исчезнет, но акцент сместится на инструменты, непосредственно направленные на повышение устойчивости, которая, в свою очередь, определяется торговлей, производством и технологиями [2].

В условиях усложнения глобальных геополитических и экономических процессов и растущей взаимозависимости различных сфер экономики, государственная политика все более рассматривается как интегрированная система взаимодействующих и взаимодополняемых элементов, функционирующих в рамках единой стратегии экономического развития страны. Именно симбиоз и кооперация подмножества политик и их инструментов, а не отдельные точечные меры, способны сформировать устойчивую и конкурентоспособную экономику [3]. В связи с этим, большинство ключевых инструментов, используемых сегодня направлены на достижение одной и той же цели – повышение конкурентоспособности национальной экономики. Таким образом, целесообразно представить экономику как единый организм, а подмножество политик (в рамках главной политики – повышения национальной конкурентоспособности) – ее элементами, каждый из которых выполняет свои функцию, но работает эффективно только при скоординированном взаимодействии с другими. Подобно живому организму, экономическая система эффективно функционирует лишь тогда, когда все ее подсистемы действуют согласованно. Нарушение или ослабление работы одной из них может ослабить весь организм, и, напротив, гармоничная работа всех элементов обеспечивает устойчивое функционирование и развитие.

Из этого следуют два важнейших методологических принципа:

1) экономическое развитие требует не точечных, а комплексных, системных решений, охватывающих все ключевые направления государственной политики в рамках данной стратегии;

2) разработка и применение инструментов должно быть направлено не на устранение последствий, а на работу с первопричинами, когда проблемы решаются превентивно.

В рамках данной концепции, можно выделить следующие три политики, которые составляют основу экономической системы, каждая из которых отвечает за свою фундаментальную функцию, и вместе они охватывают практически все критически важные сферы экономики (Рис. 1):

- промышленная политика;
- внешнеторговая политика;

- технологическая политика.

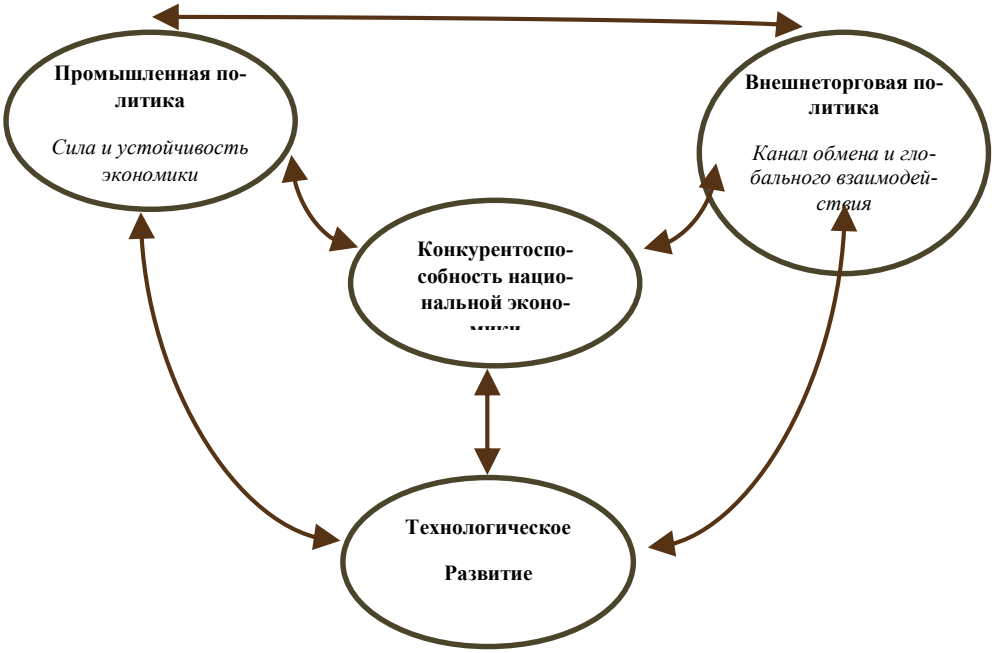


Рисунок 1. Концепция стратегии экономического развития.

Промышленная политика обеспечивает силу и устойчивость внутреннего производства, национальную, продовольственную и технологическую безопасность, расширяет производственные мощности и повышает конкурентоспособность страны. Этот элемент экономической системы определяет ее способность к росту, адаптации и самодостаточности. Современная политика характеризуется внешне ориентированным развитием, упор направлен на обеспечение национальной безопасности, связанной с актуальными геополитическими вызовами, безопасностью цепочек поставок, укреплению стратегических отраслей экономики и повышению их конкурентоспособности, например, путем содействия экспортной деятельности.

Различные формы субсидий и экспортноориентированных инструментов в совокупности составляют большинство вмешательств промышленной политики, составляя почти 90% всех применяемых инструментов. В качестве стратегически значимого сектора считалась и продолжает считаться обрабатывающая промышленность. В условиях нарастающей гео-

политической турбулентности цели промышленной политики существенно усложнились. Это обусловливает необходимость пересмотра классических подходов к формированию и реализации политики, а также пересмотру применяемых традиционных инструментов с учетом новых глобальных вызовов.

Преобладающим заявленным мотивом в 2023г. была стратегическая конкурентоспособность (37%), за которой следуют проблемы, связанные с изменением климата (28,1%), устойчивость цепочек поставок (15,2%), геополитические проблемы и национальная безопасность (19,7%) [4].

Кроме того, внимательно изучив элементы успешных стратегий догоняющего развития, можно сделать вывод, что специфика политических вмешательств зависела от конкретных ограничений, связывающих эти новые отрасли, и от внутренних условий страны. Хотя вмешательства часто были разными, модели промышленного развития были схожи во всех странах. В современной конкурентной среде развивающиеся страны стремятся повысить свою конкурентоспособность, выбирая отрасли и продукты с потенциалом высокого роста и высокой добавленной стоимости.

К числу приоритетных направлений современной промышленной политики относятся низкоуглеродные технологии, продукция двойного назначения (военные и гражданские цели), критические важные ресурсы (минералы), передовые технологии (включая медицинские, оптоэлектронные и промышленные решения), электроника, робототехника и полупроводники, высокотехнологичные отрасли, аэрокосмическая и ядерная продукция, медицинское оборудование, информационно-коммуникационные технологии и цифровые услуги. В исследовании МВФ [5] показана динамика применения инструментов промышленной политики, и анализируется их использование среди развитых (advanced economies) и развивающихся (emerging markets and developing economies) стран. Для обеих групп наиболее часто используемыми инструментами политики являются субсидии отечественным производителям. Однако вторыми по частоте в развитых странах являются экспортные стимулы, за которыми следуют другие меры локализации, такие как государственные закупки и контроль за инвестициями, тогда как в развивающихся странах второй по частоте группой являются импортные барьеры, за которыми следуют меры локализации.

Что касается экспортных ограничений, то Китай, Индия и Россия являются наиболее частыми пользователями, в то время как развивающиеся страны с низким уровнем дохода, как правило, в значительной степени полагаются на импортные барьеры в своей внешнеторговой и промышленной политике. В то время как развитые страны полагаются на финансовые гранты, государственные займы и другую государственную помощь, развивающиеся страны выбирают импортные пошлины, государственные займы и налоговые льготы, а также, в целом, более жесткие торговые ограничения на импорт и экспорт – политику, которая не зависит от прямых расходов государственного бюджета.

В своем исследовании [6] Река Юхас (Réka Juhász), Нейтан Лейн (Nathan Lane) и Дани Родрик (Dani Rodrik) анализируют страны с разным уровням дохода по используемым инструментам и типам промышленной политики. Бесспорно возросшее внимание к промышленной политике за последние несколько лет. Так, в 2010г. общее число применяемых инструментов промышленной политики составляло лишь 34, резкий рост произошел к 2018г. (с 228 в 2017г. до 705 в 2018г.), а пика значение достигло в 2021г. – 1594. В отношении данных по инструментам промышленной политики можно сказать, что для стран с разными уровнями дохода и разного уровня развития из данного исследования видно, что наиболее активно промышленную политику применяют развитые экономики и страны с высоким уровнем дохода. Наиболее часто используемыми инструментами оказались различные формы субсидий и инструменты, связанные с экспортом (90% от всех инициатив). Например, импортные тарифы используются не так часто (менее 1,2% от общего числа инструментов). Так, среди стран с высоким уровнем дохода наиболее используемыми инструментами на 2023г. считались правительственные займы (31%), финансирование торговли (26%) и финансовые гранты (13%). Среди стран со средним уровнем дохода наиболее популярным инструментом также являлись государственные займы (23%), далее – финансовые гранты (13%), субсидирование процентной ставки (10%). В странах же с низким уровнем дохода превалируют финансирование торговли – 24%, инструменты, направленные на локальные цепочки создания стоимости – 16%, и государственные займы – 11%. Финансирование торговли, которое направлено на стимулирование экспорта, широко распространено повсеместно среди стран с разным уровнем дохода. Меры, направленные на местные цепочки создания стоимости,

считались на 2023г. вторым наиболее используемым инструментом в странах с низким уровнем дохода (16% от всех инструментов промышленной политики). В данном исследовании подчеркивается, что современная промышленная политика состоит из множества различных рычагов воздействия, ориентированных на внешние факторы. Если раньше промышленная политика больше ассоциировалась с импортными тарифами и протекционизмом в торговле, сейчас она представляет собой более разнообразную картину.

Внешнеторговая политика определяет роль страны на международной арене, уровень конкурентоспособности товаров и услуг, участие в глобальных цепочках создания стоимости, а также способность влиять на международные экономические отношения. Это элемент экономической системы, обеспечивающий приток ресурсов, знаний, технологий и возможностей.

В современных условиях перед многими странами, особенно с развивающимися экономиками, возникают такие основные вопросы, касающиеся внешней торговли, как должны ли развивающиеся страны применять политику свободной торговли без или с небольшими барьерами для импорта и стоит ли применять инструменты для стимулирования экспорта (например, в виде субсидирования экспорта) или стоит сконцентрироваться на укреплении собственного производства, т.е. проводить более самодостаточную внешнеторговую политику. Но все же развивающиеся страны не могут полностью стать самостоятельными ввиду отсутствия или нехватки определенных ресурсов, капитального оборудования, знаний и технологий внутри страны, что может дестимулировать национальное производство [7].

Технологическая политика выступает драйвером инновационного и качественного развития, повышает производительность труда, способствует переходу к производству продукции высокотехнологичных секторов и способствует повышению конкурентоспособности страны.

Среди экономистов есть широко распространенное мнение, что государства должны внедрять и применять инновационную политику, соответствующую современным мотивам страны. Стоит отметить, что современные исследования часто объединяют промышленную и технологическую политики, так как сейчас важен не только рост внутреннего производства, но и его качественное улучшение, что возможно лишь с

технологическим развитием страны. Возникает новая модель промышленного превосходства, которая сосредоточена на взаимосвязи науки и технологий, встроенных в структуру промышленности, правительственных инициатив и высшего образования [8]. Этот элемент экономической системы отвечает за интеллект, скорость адаптации и создание условий и возможностей для дальнейшего развития.

В рамках данной политики большое внимание стоит уделить следующим основным аспектам:

- трансфер технологий, который особенно важен для развивающихся стран: опыт стран Восточной Азии и других стран указывает на решающую роль, которую импорт передовых технологий сыграл в их успешной индустриализации; наряду с накоплением капитала, доступ к новым технологиям и их внедрение имеют центральное значение для долгосрочного роста экономики [9], поэтому установление и поддержание эффективного доступа к новым источникам технологий имеет решающее значение;
- человеческий капитал, который определяет качество квалифицированных специалистов страны и способствует переходу от аграрной экономики к индустриальной и сервисной; образованные и квалифицированные работники лучше подходят для работы в высокопроизводительных секторах, которые способствуют диверсификации экономики и росту; экономическая трансформация Китая была поддержана масштабными инвестициями в образование и профессиональную подготовку, что обеспечило переход страны от аграрной экономики к индустриальной [10];
- содействие развитию НИОКР: этот аспект сыграл ключевое значение в экономиках Южной Кореи и Израиля, где государственная политика отдает приоритет исследованиям и разработкам в рамках национальной стратегии: в 2019г. Южная Корея инвестировала 4,64% от ВВП в исследования и разработки, а Израиль лидировал в мире с показателем 4,93% [11]. Такой устойчивый уровень инвестиций отражает целенаправленное стремление позиционировать науку и технологии как рычаги долгосрочного развития.

Таким образом, в условиях усложняющихся глобальных процессов экономическое развитие все больше рассматривается как целостная

система. Эта система объединяет различные, но взаимодополняющие элементы, действующие в рамках единой стратегии экономического развития. Именно комплексный подход, основанный на синергии и кооперации различных политик и их инструментов, способен обеспечить устойчивость и конкурентоспособность экономики. В связи с этим, большинство ключевых инструментов ориентированы на достижение единой цели – укрепление конкурентоспособности национальной экономики. Экономическая система функционирует оптимально только при условии согласованной работы всех ее подсистем. Нарушение или ослабление одной из них может негативно сказаться на всей системе, в то время как гармоничное функционирование всех элементов гарантирует устойчивость и прогресс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hassan Ali Al- Ababneh; Mohammad Haider M. Alibraheem; Haitham K. Alhnaity; Abdel Rahman Mohammad Alkhazali; Ibragimkhalilova T.* Modern Models of Economic Development: Transformation of Targets, Evaluation and Cluster Analysis. P. 304.
2. *Priewe J.* Seven Strategies for Development in Comparison. P. 30 // "Rethinking development strategies after the financial crisis", Vol. I: Making the Case for Policy Space.
3. Unctad // "Rethinking development strategies after the financial crisis". Vol. I: Making the Case for Policy Space. PP. 3–4: https://unctad.org/system/files/official-document/gdsmdp20151_en.pdf
4. *Evenett S., Jakubik A., Martín F., Ruta M.* The Return of Industrial Policy in Data. P. 19 //https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2024/english/wpiea2024001-print-pdf.pdf
5. *Evenett S., Jakubik A., Martín F., Ruta M.* The Return of Industrial Policy in Data. PP. 17–18: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2024/english/wpiea20240-01-print--pdf.pdf
6. *Juhász R., Lane N., Rodrik D.* The New Economics of Industrial Policy. PP. 222–223 // "The New Economics of Industrial Policy" / Dani Rodrik.
7. *Нечай А.А.* Внешнеторговая политика развивающихся стран: от импортозамещения экспортоориентированной модели // «Журнал международного права и международных отношений», № 1, 2006.
8. *Baileya D., Glasmeierb A., Tomlinsonc P., Tylerd P.* Industrial policy: new technologies and transformative innovation policies? // https://doi.org/10.17863/CAM.42598
9. UNCTAD. Transfer of Technology for Successful Integration into the Global Economy. P. 6 // UNCTAD/ITE/IPC/2003/6
10. Tesfay Gebrehiwet Abrha, Brhane Tesfay Weldeyohans. The Role of Human Capital in Economic Development: A Theoretical Analysis. P. 33.
11. Gresky Gutiérrez-Sánchez, Enrique Benéitez-Andrés. The Impact of R&D Investment on Economic Growth: Evidence from Panama Using Elastic Net and Bootstrap Techniques // https://www.mdpi.com/2227-7099/13/10/293

RETHINKING THE TOOLS OF GROWTH: TRADE, INDUSTRY, AND TECHNOLOGY IN GLOBAL COMPETITION

V. Hayrapetyan, E. Baghramyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the importance of a comprehensive approach to selecting instruments within a country's economic development strategy. It describes the changes these instruments undergo depending on evolving conditions. Economic development strategy is considered as a combination of three key policies: industrial, trade, and technological. These policies, when coordinated, lead to increased national competitiveness and, consequently, to the country's economic development.

Keywords: economic development, industrial policy, trade policy, technological policy.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-58-67

МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В.Л. Айрапетян, А.С. Манучарян, Г.А. Шабоян

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса
viktoriya.hayrapetyan@rau.am, ani.manucharyan@student.rau.am,
gohar.shaboyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В условиях глобализации и усиления международной конкуренции структура обрабатывающей промышленности приобретает ключевое значение для устойчивого экономического развития стран. Особую роль играют высокотехнологичные и наукоемкие отрасли, обеспечивающие рост добавленной стоимости, производительности труда и инновационного потенциала. В статье проводится межстрановой анализ отраслевой структуры обрабатывающей промышленности на основе классификации Eurostat по уровню технологичности. Рассматриваются группы стран с различной степенью промышленного развития, включая Армению, страны СНГ, а также развитые экономики. Проанализирована динамика долей низко-, средне- и высокотехнологичных отраслей в период 2015–2022гг. Особое внимание уделяется оценке позиции Армении в сравнении с мировыми тенденциями и выявлению направлений возможной модернизации промышленной структуры. Полученные результаты свидетельствуют о сохраняющейся ориентации промышленности Армении на низко- и среднетехнологичные отрасли при недостаточном развитии высокотехнологичного сектора. Делается вывод о необходимости структурных преобразований, направленных на расширение доли наукоемких производств и стимулирование промышленной диверсификации.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, технологическая структура, межстрановой анализ, экономическое развитие, Армения.

Введение

Промышленное развитие является важнейшим фактором долгосрочного экономического роста и устойчивости национальных экономик. Развитая обрабатывающая промышленность способствует росту валового

внутреннего продукта, формированию устойчивой налоговой базы, созданию рабочих мест и повышению уровня жизни населения. Кроме того, именно промышленный сектор обеспечивает технологическое развитие экономики, стимулирует инновационную активность и способствует расширению экспортного потенциала страны [1].

В условиях современной мировой экономики особое значение приобретает не просто объем промышленного производства, а его структура, прежде всего распределение отраслей по уровню технологичности. Страны, в которых высокотехнологичные и наукоемкие отрасли занимают значительную долю в промышленном производстве, как правило, демонстрируют более высокий уровень производительности труда, конкурентоспособности и инновационного развития [2–4].

Для Армении проблема структурной трансформации промышленности является особенно актуальной. Экономика страны в значительной степени ориентирована на традиционные и среднетехнологичные отрасли, в то время как развитие высокотехнологичного сектора носит ограниченный характер. В этой связи возникает необходимость межстранового анализа, позволяющего сопоставить структуру обрабатывающей промышленности Армении с другими странами и выявить возможные направления ее модернизации.

Цель исследования – провести межстрановой анализ технологической структуры обрабатывающей промышленности и оценить позицию Армении в сравнении с мировыми тенденциями.

Гипотеза исследования заключается в том, что страны с более высокой долей высокотехнологичных и наукоемких отраслей характеризуются более высоким уровнем экономического развития, производительности и инновационного потенциала.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- провести межстрановой анализ отраслевой структуры обрабатывающей промышленности;
- сравнить доли высоко-, средне- и низкотехнологичных отраслей в разных странах;
- оценить позицию Армении и определить возможные направления ее структурной модернизации.

Методы исследования

В работе применяются методы сравнительного анализа, статистического наблюдения и структурной декомпозиции. Сравнение проводится как по отдельным отраслям, так и по агрегированным группам отраслей по уровню технологичности.

Информационной базой для исследования послужили данные Eurostat, UNIDO и постановление Правительства Республики Армения № 534-L [5–8].

Результаты исследования

Для корректного межстранового сопоставления требуется единая классификационная база. В этом контексте ключевую роль играет классификация отраслей обрабатывающей промышленности по уровню технологической интенсивности ("High-tech classification of manufacturing industries"), разработанная "Eurostat" [5]. Она используется для оценки технологической интенсивности отраслей и формирования групп: высокотехнологичных, средне-высокотехнологичных, средне-низкотехнологичных, низкотехнологичных.

В соответствии с классификацией "High-tech classification of manufacturing industries", разработанной Статистическим ведомством Европейского союза (Eurostat), отрасли обрабатывающей промышленности подразделяются на четыре группы по уровню технологической интенсивности. Ниже представлены соответствующие группы отраслей и конкретные виды экономической деятельности, входящие в каждую из них:

Высокотехнологичные отрасли: фармацевтика (21); компьютерная, электронная и оптическая продукция (26); авиационная и космическая техника (30.3).

Средне-высокотехнологичные отрасли: химическая продукция (20); оружие и боеприпасы (25.4); электрическое оборудование (27); машины и оборудование (28); автотранспортные средства (29); прочий транспорт (30, кроме 30.1 и 30.3); медико-стоматологические инструменты (32.5).

Средне-низкотехнологичные отрасли: нефтепродукты (19); резиновые и пластиковые изделия (22); строительные материалы (23); металлы и металлические изделия (24–25, кроме 25.4); судостроение (30.1); ремонт и монтаж оборудования (33).

Низкотехнологичные отрасли: пищевые продукты (10); напитки

(11); табачная продукция (12); текстиль и одежда (13–14); кожаные изделия (15); деревообработка (16); бумага (17); печатная продукция (18, кроме 18.2); мебель (31).

На основе представленной классификационной рамки далее проводится межстрановой анализ технологической структуры обрабатывающей промышленности, позволяющий выявить особенности развития отдельных стран и определить место Армении в глобальной промышленной системе.

В рамках анализа было использовано также постановление Правительства Республики Армения № 534-Լ «Об утверждении концепции пяти приоритетных отраслей развития промышленности», утвержденное правительством Армении в 2023г., в котором обозначены пять приоритетных отраслей промышленности, выбранные как ключевые направления для дальнейшего развития страны [7].

Согласно этому документу, приоритетами определены:

- пищевая промышленность,
- ювелирная промышленность,
- металлургия и химическая промышленность,
- машиностроение и «зеленые» технологии,
- фармацевтическая промышленность.

Нами изучена отраслевые структуры обрабатывающей промышленности различных стран мира с акцентом на роль тех отраслей, которые были определены как приоритетные в рамках постановления № 534-Լ. На основе этого рассмотрено, какая доля на них приходится.

Это сопоставление показало, что металлургия, пищевая, ювелирная промышленности являются низкотехнологичными отраслями. Машиностроение, зеленые технологии, химическая и фармацевтическая – высокотехнологичными отраслями.

Эмпирической базой исследования послужили данные по структуре обрабатывающей промышленности ряда стран за период 2015–2022гг. В выборку включены страны Евразийского экономического союза; Грузия, как сосед Армении; также другие промышленно развитые экономики. Для анализа используются показатели долей отдельных отраслей в общем объеме производства обрабатывающей промышленности.

Большое значение для анализа имеет классификация стран по уров-

ню технологичности производимой продукции United Nations Industrial Development Organization (UNIDO) [6]. В рамках этой классификации страны сгруппированы по уровню и стадии промышленного развития. В основе лежат показатели добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, уровня дохода и структуры экономики. Выбранные нами страны представляют разные группы.

Албания, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан – страны со средним уровнем дохода, находящиеся на этапе индустриализации.

Беларусь, Турция – страны со средним уровнем дохода и развитым промышленным сектором.

Дания, Россия, Сингапур – страны с высоким уровнем дохода и развитой промышленной экономикой.

Такой подход позволяет сравнивать страны с точки зрения их индустриального потенциала и динамики развития.

Проведенный анализ показал, что структура обрабатывающей промышленности существенно различается между странами с разным уровнем экономического развития. В развитых экономиках наблюдается высокая доля высокотехнологичных и средне-высокотехнологичных отраслей, в то время как в странах с переходной экономикой доминируют низко- и среднетехнологичные производства.

В Армении значительную долю в структуре обрабатывающей промышленности занимают пищевая промышленность, производство металлов, неметаллических минеральных продуктов и ювелирная отрасль. Эти же отрасли имеют большое значение для Кыргызстана, Казахстана, Грузии. Отрасли относятся преимущественно к низко- и средне-низкотехнологичной группе (Рис. 1).

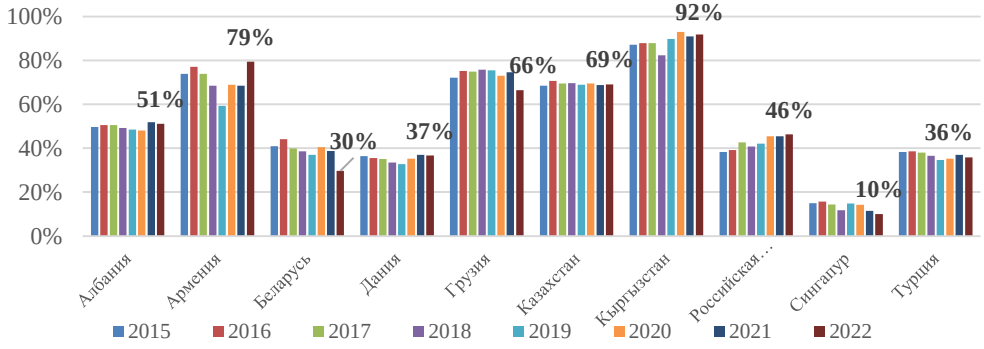


Рисунок 1. Средне-низкотехнологичные, низкотехнологичные отрасли.

Анализ динамики за период 2015–2022гг. показывает, что в большинстве стран наблюдается постепенный рост доли средне- и высокотехнологичных отраслей. Особенно выражена данная тенденция в странах с развитой промышленной политикой, ориентированной на поддержку инноваций и экспорта. В Армении подобная тенденция выражена слабее, что свидетельствует о сохраняющейся структурной инерции промышленного сектора.

Сравнение Армении с рядом стран показывает, что структура ее промышленности во многом схожа с экономиками, ориентированными на сырьевые и традиционные производства. Переходя к рассмотрению высокотехнологичных отраслей – прежде всего химической и фармацевтической продукции, – можно отметить значительную межстрановую дифференциацию, отражающую различия в масштабе производства, структуре экспорта и уровне технологической интеграции. В ряду показателей Армения отстает от стран, активно развивающих машиностроение и химическую промышленность (Рис. 2).

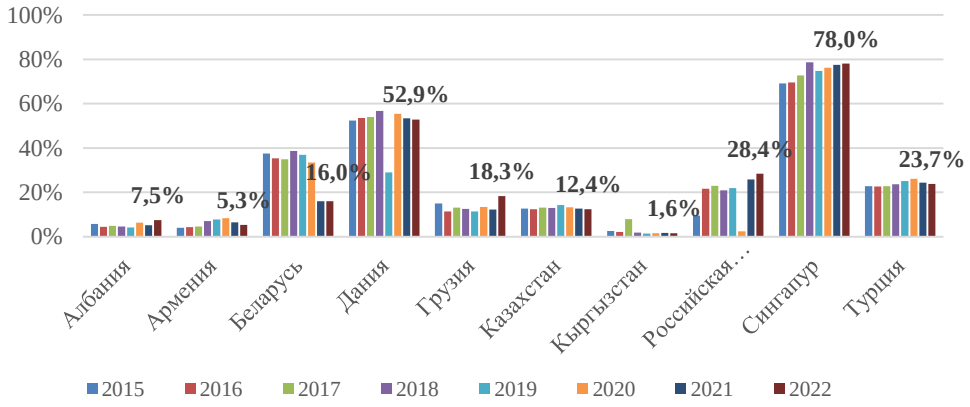


Рисунок 2. Высокотехнологичные, средне-высокотехнологичные отрасли.

Совокупная доля высоко- и средне-высокотехнологичных отраслей отражает общий технологический профиль страны. В ЕАЭС наиболее высокие значения традиционно демонстрируют Беларусь и Россия, хотя в Беларуси наблюдается снижение в последние годы. Казахстан и Кыргызстан имеют умеренные и низкие значения соответственно. Армения показывает постепенный рост до 2020г., однако затем наблюдается легкое снижение,

отражающее ограниченность производственного потенциала.

Среди соседей Турция демонстрирует устойчиво высокую долю – около 23–26%, тогда как показатели Грузии колеблются в пределах 11–18%.

Дания и Сингапур подтверждают существенный разрыв: более 50% и почти 80% соответственно. Албания остается на уровне 4–7%.

Обобщенный анализ доли высоко- и средне-высокотехнологичных отраслей в промышленности стран ЕАЭС, соседних государств и развитых экономик показывает глубокие структурные различия, отражающие уровень их промышленного развития, институциональную среду и степень участия в глобальных цепочках создания стоимости. Для большинства стран с переходной экономикой, включая Армению, характерны низкие и нестабильные значения, обусловленные ограниченными производственными мощностями, слабой интеграцией в международные технологические цепочки и малым внутренним рынком. Даже среди более крупных экономик региона, таких как Россия и Казахстан, доля высокотехнологичных отраслей остается умеренной, что связано с сырьевой специализацией и недостаточным развитием наукоемких отраслей.

Сравнение с Турцией и Грузией показывает, что региональные различия во многом определяются масштабом экономики, доступом к внешним рынкам и промышленными традициями. Турция демонстрирует относительно высокую долю высокотехнологичных отраслей благодаря развитым кластерным структурам и длительной ориентированности на экспортное машиностроение. Грузия, напротив, ограничена небольшим внутренним рынком и слабой индустриальной базой.

Наиболее выраженный контраст наблюдается при сравнении стран региона с технологическими лидерами – Данией и особенно – с Сингапуром. Сингапур демонстрирует исключительно высокую долю высоко- и средне-высокотехнологичных отраслей (до 80% промышленной структуры), и такое положение не является случайностью или результатом статистической специфики.

Выводы

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о связи между уровнем технологичности промышленной структуры и эко-

номическим развитием страны. Высокотехнологичные отрасли обеспечивают более высокий уровень добавленной стоимости и стимулируют инновационную активность, что в долгосрочной перспективе способствует устойчивому экономическому росту.

Для Армении основным вызовом является необходимость преодоления доминирования низкотехнологичных отраслей и переход к более диверсифицированной промышленной структуре. Это предполагает развитие человеческого капитала, привлечение инвестиций в наукоемкие производства и формирование эффективной промышленной политики. Следует отметить, что в последние годы в Армении определены приоритетные отрасли промышленности, к которым относятся пищевая промышленность, ювелирная отрасль, металлургия и химическая промышленность, машиностроение и «зеленые» технологии, а также фармацевтическая промышленность. Эти направления могут стать основой для постепенного перехода к более технологически сложной структуре производства.

Особое значение имеет развитие фармацевтической промышленности, машиностроения и производства электронных и оптических приборов. Эти отрасли обладают высоким экспортным потенциалом и способны интегрировать Армению в глобальные производственные цепочки.

В то же время следует учитывать, что структурная трансформация промышленности является длительным процессом, требующим согласованных действий государства, бизнеса и образовательных учреждений. Без развития научно-исследовательской базы и системы подготовки кадров невозможно обеспечить устойчивый рост высокотехнологичного сектора.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

- Структура обрабатывающей промышленности существенно влияет на уровень экономического развития страны.
- В развитых экономиках доминируют высокотехнологичные и средне-высокотехнологичные отрасли.
- В Армении преобладают низко- и среднетехнологичные отрасли, что ограничивает потенциал долгосрочного роста.

- Для модернизации промышленной структуры Армении необходимо расширять долю наукоемких производств, стимулировать инновации и привлекать инвестиции в приоритетные отрасли.
- Межстрановой анализ позволяет выявить ориентиры для структурной трансформации и формирования эффективной промышленной политики.

Таким образом, структурная модернизация обрабатывающей промышленности является важным условием повышения конкурентоспособности экономики Армении и обеспечения ее устойчивого развития в долгосрочной перспективе

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сарыева М.Б., Аллакулыва М.А.* Роль промышленности в экономике // «Символ науки», № 4–2, 2023.
2. UNIDO. Industrial Development Report.
3. *Хачатрян Д.Э., Акопян Ю.Р., Элоян А.Н.* Класс магических прямоугольников // «Вестник РАУ», 2005.
4. *Галагер Р., Бертсекас Д.* Сети передачи данных. М.: «Наука», 1979.
5. Eurostat. High-tech classification of manufacturing industries // URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:High-tech_classification_of_manufacturing_industries (дата обращения: 29.11.2025)
6. UNIDO Country Classification// URL: https://stat.unido.org/portal/storage/file/publications/classif/country-classif-report-2025.pdf
7. Հայաստանի հանրապետության կառավարություն որոշում 13 ապրիլի 2023թ. № 534-Լ // URL: https://www.arlis.am/hy/acts/176608
8. World Bank. World Development Indicators.

CROSS-COUNTRY ANALYSIS OF THE SECTORAL STRUCTURE OF THE MANUFACTURING INDUSTRY

V. Hayrapetyan, A. Manucharyan, G. Shaboyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

In the context of globalization and increasing international competition, the structure of manufacturing industry becomes a key factor of sustainable economic development. High-tech and knowledge-intensive industries play a crucial role in ensuring growth of value added, labor productivity and innovative potential. This paper provides a cross-country analysis of the manufacturing industry structure based on the Eurostat classification by technological intensity. Groups of countries with different levels of industrial development are

examined, including Armenia, CIS countries and developed economies. The dynamics of low-, medium- and high-tech industries' shares for the period 2015–2022 are analyzed. Special attention is paid to assessing Armenia's position in comparison with global trends and identifying possible directions for modernization of its industrial structure. The results show that Armenia's manufacturing sector remains focused mainly on low- and medium-tech industries, while the high-tech sector is underdeveloped. The study concludes that structural reforms are required to expand knowledge-intensive industries and stimulate industrial diversification.
Keywords: manufacturing industry, technological structure, cross-country analysis, economic development, Armenia.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-68-77

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С.Д. Анзина, С.Б. Сулоева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
popova_s@spbstu.ru, suloeva_sb@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются методические подходы к оценке эффективности финансирования инновационного развития регионов в условиях цифровой трансформации экономики. Проведен анализ существующих подходов, используемых в научной и практической деятельности, выявлены их ключевые особенности, преимущества и ограничения. Особое внимание уделено сопоставлению методов, основанных на системе показателей, интегральных индексах и оценке результативности инвестиционных вложений. Рассматривается влияние цифровизации на трансформацию механизмов финансирования и оценки инновационного развития регионов. Показано, что существующие подходы требуют комплексного применения и адаптации с учетом региональной специфики и уровня цифрового развития. Полученные результаты позволяют систематизировать существующие методы и определить направления их дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: инновационное развитие регионов, финансирование инноваций, эффективность финансирования, цифровая трансформация, методические подходы, оценка эффективности, региональная экономика, цифровизация, инвестиционная деятельность, инновационная активность.

Введение

На фоне цифровой трансформации экономики вопросы, связанные с развитием региональной инновационной деятельности, приобретают особую значимость, поскольку являются одним из ключевых факторов обеспечения устойчивого социально-экономического роста и повышения конкурентоспособности регионов [1, 2]. Эффективность финансирования инноваций играет в этом процессе важную роль, определяя не

только масштабы внедрения новых технологий, но и эффективность использования инвестиционных ресурсов.

Анализ современной научной литературы показывает, что на сегодняшний день сформировался широкий спектр методических подходов к оценке эффективности финансирования инновационного развития, включая методы, основанные на системах показателей, сводных индексах и оценке рентабельности инвестиций [3–5]. В то же время не существует единого универсального подхода, позволяющего комплексно учесть влияние цифровизации на процессы финансирования и оценки инновационной деятельности.

Следует отметить, что существующие методики оценки зачастую не в полной мере учитывают специфику цифровой экономики, включая развитие цифровой инфраструктуры, распространение платформенных решений и изменения в структуре инвестиционных потоков [6, 7]. Кроме того, недостаточно проработаны вопросы сопоставимости результатов оценки между регионами и адаптации методологических подходов к разным уровням цифрового развития регионов.

В связи с этим цель данной статьи – анализ и сравнительный обзор существующих методологических подходов к оценке эффективности финансирования регионального инновационного развития в контексте цифровой трансформации. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: анализ существующих подходов к оценке эффективности; выявление их преимуществ и ограничений; проведение сравнительного анализа с учетом факторов цифровизации.

Материалы и методы

В современной научной литературе представлено множество методических подходов к оценке эффективности финансирования регионального инновационного развития, которые различаются по используемым инструментам, системе показателей и аналитической логике [3–5]. Каждый подход предназначен для решения конкретного комплекса задач и имеет как преимущества, так и ограничения, что обусловливает необходимость их систематизации и сравнительного анализа.

Изучение этих подходов особенно актуально в контексте цифровой трансформации экономики, которая существенно меняет содержание и

структуру факторов, определяющих эффективность инновационного развития [1, 2]. Расширение роли цифровой инфраструктуры, данных, платформенных решений и нематериальных активов требует адаптации традиционных методов оценки, многие из которых изначально были разработаны для индустриальной экономики.

В связи с этим представляется целесообразным провести всестороннее сравнение существующих методологических подходов с учетом их применимости в цифровой среде, выявить их ключевые преимущества и ограничения, а также определить направления их трансформации. Сравнительный анализ основных подходов представлен в Табл. 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ методических подходов.

Подход	**Суть метода**	**Преимущества**	**Недостатки**	**Особенности в условиях цифровой трансформации**
Комплексная оценка инновационного развития региона [3], [5]	Оценка на основе совокупности факторов: инновационного потенциала, инновационной активности и инновационной восприимчивости; расчет итогового сводного показателя	Учитывает широкий спектр факторов; комплексный подход; подходит для межрегиональных сравнений	Субъективность при выборе показателей; сложность стандартизации; ограниченная сопоставимость между регионами	Требует включения цифровых параметров (цифровая инфраструктура, уровень цифровой зрелости, компетенции в области ИКТ); быстрое устаревание показателей
Экономические подходы «затраты – результаты» [4], [6]	Сравнение затрат на инновации и достигнутых результатов; использование показателей чистой приведенной стоимости (NPV), внутренней нормы доходности (IRR) и рентабельности инвестиций (ROI)	Четкая количественная оценка; прозрачность; применимость к инвестиционному анализу	Не учитывает нематериальные эффекты; линейность; сложность оценки долгосрочных результатов	Не отражает цифровые активы (данные, алгоритмы); не учитывает эффекты платформы и сети

Подход	Суть метода	Преимущества	Недостатки	Особенности в условиях цифровой трансформации
Индикаторные / интегральные подходы (индексы) [3], [5]	Разработка системы количественных и качественных показателей (НИОКР, патенты, инновационная продукция) с последующим объединением их в единый индекс	Возможность отслеживания и сравнения; анализ тенденций; доступность данных	Ограниченность статистических данных; субъективность весов; неполный охват инновационных процессов	Требует интеграции цифровых метрик и показателей цифровой экономики
Многоинструментальные / смешанные подходы [5], [7]	Сочетание количественных методов, экономического анализа и качественных оценок (тематические исследования, экспертные методы)	Учет институциональных факторов; способность анализировать «нематериальные» факторы; высокая гибкость	Высокая трудоемкость; субъективность; сложность интеграции данных	Позволяет учитывать цифровые экосистемы, платформы и инновации с участием множества субъектов
DEA-модели (оценка относительной эффективности) [2]	Оценка регионов как систем «ресурсы – результаты» (входные данные: финансирование, человеческие ресурсы; выходные данные: инновации, технологии)	Многокритериальный анализ; объективность; выявление «эффективных» и «неэффективных» регионов	Чувствительность к выбору параметров; статический характер; игнорирует качественные факторы	Требует включения цифровых входов/выходов; риск искажения результатов из-за цифровой гетерогенности
Динамические подходы (панельные модели, индексы) [1], [6]	Анализ динамики показателей во времени; оценка тенденций в развитии инноваций	Анализ тенденций; выявление возможностей для роста; стратегическая значимость	Нестабильность данных; высокая волатильность; сложность моделирования	Требует использования высокочастотных данных и новых цифровых показателей

Сравнительный анализ методологических подходов к оценке эффективности финансирования регионального инновационного развития, который представлен в Табл. 1, показал, что ни один из рассмотренных методов не является универсальным и не обеспечивает всестороннюю оценку в контексте цифровой трансформации. Каждый подход имеет свои преимущества, однако их применение ограничивается рядом методологических и практических недостатков.

Было установлено, что традиционные подходы, включая индикаторные и экономические методы, в значительной степени ориентированы на индустриальную экономическую модель и не учитывают специфику цифровых активов, нематериальных эффектов и сетевых взаимодействий. Модели DEA и динамические методы предлагают расширенные аналитические возможности, но также сталкиваются с проблемами в точном учете цифровых факторов и волатильности данных.

Особое значение имеет необходимость адаптации существующих подходов к условиям цифровой экономики, включая расширение системы индикаторов для включения цифровых показателей, учет региональной неоднородности и повышение гибкости используемых моделей. В этом отношении наиболее перспективным подходом является использование комбинированных (гибридных) подходов, интегрирующих количественные и качественные методы анализа.

Можно сделать вывод, что повышение эффективности оценки регионального финансирования инновационного развития требует методологического переосмысления существующих подходов и их адаптации к новым условиям цифровой трансформации экономики.

Требования к современному методологическому подходу к оценке эффективности финансирования регионального инновационного развития в контексте цифровой трансформации можно сгруппировать по нескольким ключевым направлениям, которые представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Требования к современному методическому подходу в условиях цифровой трансформации.

Учет цифровых факторов
• Включение цифровой инфраструктуры, цифровой зрелости, ИКТ-компетенций, внедрения ИИ/Big Data/IoT, развития цифровых экосистем.
Региональная неоднородность
• Отражение различий в ресурсах, инфраструктуре, кадрах, институтах, уровне цифровизации и траекториях развития регионов.
Мультиакторность
• Учет вклада государства, бизнеса, науки, образования, цифровых платформ, кластеров, стартапов.
Интеграция данных
• Использование статистики, цифровых индикаторов, динамических данных, качественных оценок, данных платформ и сервисов.
Динамичность оценки
• Анализ скорости цифровизации, цифровых «рывков», накопительных и отложенных эффектов, изменений во времени.
Нематериальные результаты
• Учет цифровой культуры, цифрового управления, сетевых взаимодействий, эффекта данных и платформенных связей.
Комплексность и адаптивность
• Возможность сочетать разные методики (индексы, DEA, регрессии, case-study) и адаптировать модель под новые цифровые показатели.

Во-первых, необходимо учитывать цифровые факторы, что подразумевает включение в систему оценки показателей, характеризующих развитие цифровой инфраструктуры, уровень цифровой зрелости регионов, наличие ИКТ-компетенций и степень внедрения современных технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и Интернет вещей. Развитие цифровых экосистем также играет значительную роль.

Во-вторых, ключевым требованием является учет региональной неоднородности, которая проявляется в различиях в доступности ресурсов, инфраструктуре, человеческом капитале и институциональной среде. Методический подход должен отражать различия в уровне цифровизации и траекториях развития регионов.

В-третьих, необходимо учитывать многогранный характер инновационного развития, который включает участие правительства, бизнеса, научных и образовательных организаций, а также цифровых платформ, кластеров и стартапов. Оценка должна учитывать вклад каждого из этих участников.

Еще одним важным направлением является интеграция данных, которая предполагает использование не только официальной статистики, но

и цифровых показателей, динамических данных, качественных оценок, а также информации, полученной с цифровых платформ и сервисов.

Кроме того, методологический подход должен учитывать динамический характер оценки, включая анализ темпов цифровизации, развития цифровых рынков, а также кумулятивных и отложенных эффектов и изменений во времени.

Особое значение придается учету нематериальных результатов, таких как развитие цифровой культуры, цифрового управления и сетевых взаимодействий, а также эффектов, связанных с использованием данных и подключением к платформам.

Наконец, важным требованием является обеспечение комплексности и адаптивности методологии, что подразумевает способность сочетать различные аналитические методы (индексы, DEA, регрессионные модели, тематические исследования) и гибко адаптировать модель к меняющимся условиям и новым цифровым показателям.

Обобщение рассмотренных направлений позволяет выделить основные пути совершенствования методологического подхода в контексте цифровой трансформации. Чтобы наглядно продемонстрировать взаимосвязи и логику, лежащие в основе этих направлений, их классификация представлена в Табл. 3.

Таблица 3. Направления совершенствования методики.

Представленные в Табл. 3 области совершенствования методического подхода демонстрируют, что эффективная оценка финансирования регионального инновационного развития в контексте цифровой трансформации требует перехода от традиционных моделей к комплексной многокомпонентной аналитической системе. Ключевыми элементами такой системы являются учет цифровых факторов, разработка динамических методов оценки, а также учет региональной неоднородности и многогранного характера инновационных процессов.

Особое значение имеет интеграция различных источников данных, включая цифровые и высокочастотные данные, а также учет нематериальных эффектов, связанных с развитием цифровых экосистем и платформенных решений. В совокупности это позволяет проводить более точную и релевантную оценку эффективности использования финансовых ресурсов.

Кроме того, представленные области подчеркивают необходимость использования гибридных моделей, сочетающих различные аналитические методы, а также обеспечения адаптивности и возможности обновления методологий в быстро меняющейся цифровой среде. Можно сделать вывод, что разработка современного методологического подхода должна основываться на принципах комплексности, гибкости и цифровой ориентации, что обеспечит более обоснованные управленческие решения и повысит эффективность региональной инновационной политики.

Заключение

Исследование показало, что существующие методические подходы к оценке эффективности финансирования регионального инновационного развития не в полной мере соответствуют условиям цифровой трансформации экономики. Анализ и сравнительная характеристика этих подходов продемонстрировали, что традиционные методы, ориентированные преимущественно на индустриальную модель развития, имеют ряд ограничений, связанных с недостаточным учетом цифровых факторов, нематериальных активов и динамики инновационных процессов.

Было выявлено, что цифровизация существенно изменяет содержание и структуру факторов, определяющих эффективность инновационного развития, усиливая роль данных, цифровой инфраструктуры,

платформенных решений и сетевых эффектов. Это обусловливает необходимость пересмотра существующих методологических подходов и их адаптации к новым условиям.

Сделан вывод о том, что наиболее перспективным направлением является использование комплексных и гибридных подходов, сочетающих количественные и качественные методы анализа, а также учитывающих региональную специфику, мультиакторный характер инновационной среды и интеграцию разнообразных источников данных. Важным условием является включение динамической составляющей в оценку и обеспечение адаптивности методологии к быстро меняющимся цифровым условиям.

Итоговый вывод заключается в том, что совершенствование методологических подходов к оценке эффективности финансирования регионального инновационного развития должно быть направлено на создание гибкой, многоуровневой и ориентированной на цифровые технологии системы оценки, способной более точно отражать реальные процессы и повышать эффективность управленческих решений в сфере инновационной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Bank. World Development Report 2021: Data for Better Lives [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.worldbank.org (дата обращения: 17.03.2026).
2. Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD Digital Economy Outlook 2023 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.oecd.org (дата обращения: 17.03.2026).
3. European Commission. European Innovation Scoreboard 2023 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu (дата обращения: 17.03.2026).
4. *Иванова М.В.* Методические подходы к оценке инновационной эластичности регионов // «Экономический анализ: теория и практика», № 34, 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-otsenke-innovatsionnoy-elastichnosti-regionov (дата обращения: 17.11.2025).
5. *Коокуева В.В.* Оценка эффективности финансирования инновационного развития регионов в рамках кластерной политики // «Экономика и управление», № 4, 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-finansirovaniya-innovatsionnogo-razvitiya-regionov-v-ramkah-klasternoy-politiki (дата обращения: 17.03.2026).
6. United Nations. Digital Economy Report 2023 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org (дата обращения: 17.03.2026).
7. *Жугалев И.И.* Инвестиции в инновационное развитие российской экономики // «Вестник Самарского университета. Экономика и управление», 2023. URL:

https://journals.ssau.ru/eco/article/download/27163/10355 (дата обращения: 17.03.2026).

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF INNOVATION DEVELOPMENT FINANCING IN RUSSIAN REGIONS UNDER CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

S. Anzina, S. Suloeva
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABSTRACT

The article examines methodological approaches to assessing the effectiveness of financing innovation development in regions under conditions of digital transformation of the economy. An analysis of existing approaches applied in academic research and practical activities has been conducted, with their key features, advantages, and limitations identified. Particular attention is given to a comparative analysis of methods based on indicator systems, composite indices, and investment performance assessment. The influence of digitalization on the transformation of financing mechanisms and evaluation of regional innovation development is explored. It is shown that existing approaches require comprehensive application and adaptation with due regard to regional specifics and the level of digital development. The findings make it possible to systematize existing methods and identify directions for their further improvement.

Keywords: regional innovation development, innovation financing, financing effectiveness, digital transformation, methodological approaches, performance assessment, regional economy, digitalization, investment activity, innovation activity.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-78-89

ՀՀ ԲՆԱԿՉՈՒԹՅԱՆ ԱՄՈՒՍՆԱԿԱՆ ԻՐԱՎՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ

Ռ. Առաքելյան[1], Լ. Ֆիդանյան[2]

Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարան
Վիճակագրության և տվյալագիտության ամբիոնի դասախոս[1]
Վիճակագրության և տվյալագիտության ամբիոնի ամբիոնի դոցենտ[2]
ruzanna.arakelyan1961@gmail.com, lianafidanyan2012@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Պետության ժողովրդագրական և սոցիալական քաղաքականության կարևորագույն խնդիրներից մեկն է հանդիսանում ընտանիքի և ամուսնության ինստիտուտի ամրապնդումն ու պահպանումը: Բնակչության ամուսնական վարքը որոշում է ոչ միայն երեխաբերության գործառույթի իրականացման հնարավորությունը, այլև ընտանիքի ինստիտուտին բնորոշ բարոյական նորմերի և արժեքների պահպանումը:

Ժամանակակից պայմաններում ամուսնության ինստիտուցիոնալ վերափոխման բացասական միտումներից են ամուսնության մակարդակի նվազումը, համակեցության հասարակական լեգիմիտացումը, ամուսնության միջին տարիքի բարձրացումը, երեխաների նկատմամբ պահանջարկի նվազումը՝ ընդհուպ մինչև նրանց ծննդից հրաժարվելը, երեխայի ծննդյան պահին մոր տարիքի աճը:

Հայաստանի Հանրապետությունում, ընդհանուր առմամբ, առկա ժողովրդագրական իրավիճակը շարունակում է լուրջ մտահոգություններ առաջացնել և բնութագրվում է որպես անբարենպաստ: Հասարակության ժողովրդագրական զարգացման տեսանկյունից գերակա են դարձել ամուսնության և ծնելիության մակարդակների նվազման, մահացության աճի հիմնախնդիրները: Այդ առումով, առկա ժողովրդագրական հիմնախնդիրների լուծման պետության ջանքերի ակտիվացումը ավելի ու ավելի սերտորեն է կապվում հասարակության հետագա սոցիալ-տնտեսական զարգացման արդյունավետ ուղիների որոնման հետ:

Հոդվածի հիմնական նպատակը ՀՀ բնակչության ամուսնական իրադրության ուսումնասիրումն է արդի ժողովրդագրական և սոցիալ-տնտեսական զարգացման պայմաններում: Այդ նպատակին հասնելու համար բացահայտվել են ՀՀ բնակչության ամուսնական իրադրության վրա ազդող մի շարք ժողովրդագրական և սոցիալ-տնտեսական գործոններ, բնակչության ամուսնական վարքի հիմնական միտումները և կատարվել է ՀՀ մարզերի կլաստերային վերլուծություն՝ ըստ ամուսնական իրադրության վրա ազդող գործոնների:
Հիմնաբառեր՝ ամուսնական իրադրություն, առաջին ամուսնության միջին տարիք, սեռերի հարաբերակցություն, կյանքի սպասվող միջին տևողություն, կլաստերային վերլուծություն:

Ներածություն

Վերջին տասնամյակներում աշխարհում բնակչության ամուսնական վարքը ենթարկվել է էական փոփոխությունների: Դիտվում են ամուսնական և ընտանեկան վարքի երկու հիմնական միտում՝ ամուսնությունների թվի նվազում և չգրանցված միությունների աճ, ինչպես նաև ամուսնության միջին տարիքի բարձրացում: Այս միտումները կապված են այնպիսի սոցիալական, տնտեսական և մշակութային գործոնների փոփոխության հետ, ինչպիսիք են՝ կրթության մակարդակի բարձրացումը, հակաբեղմնավորիչ միջոցների հասանելիությունը, գենդերային դերերի վերաբերյալ պատկերացումների փոփոխությունը և անհատականության աճը:

ՀՀ բնակչության ամուսնական վարքի վերլուծությունը ժամանակակից պայմաններում առավել, քան երբևէ, արդիական է և Հայաստանում բնորոշվում է ավանդական ընտանեկան արժեքներով, թեև ժամանակակից միտումները և գլոբալիզացիան իրենց ազդեցությունն են թողնում: Ժողովրդագրական քաղաքականության հաջողության գրավականն է գիտականորեն հիմնավորված, համալիր և երկարաժամկետ ռազմավարությունների մշակումը, որոնք հիմնված են բնակչության վարքի և նրա վրա ազդող գործոնների խորքային ուսումնասիրության վրա [9, էջ 57–61]: Այս հոդվածի

շրջանակում իրականացված վերլուծությունը նպատակ ունի նպաստել այդ գործընթացին՝ ապահովելով գիտահետազոտական և գործնական արժեք ունեցող արդյունքներ։

Տարբեր հեղինակներ տարբեր կերպ են բնութագրում ժողովրդագրական վարքը՝ որպես հասկացություն։ Շատերն այն դիտարկում են երկրի սոցիալ-տնտեսական տեսանկյունից, մյուսներն ավելի խորանում են բուն ժողովրդագրական ցուցանիշների մեջ, ինչպիսիք են ծնելիությունն ու մահացությունը, ամուսնությունն ու ամուսնալուծությունը, բնակչության բնական շարժը և այլ ցուցանիշներ [10,էջ 142–145; 11, էջ 135–138]։

Արևելյան Եվրոպայի գրականությունում [14] հատուկ ընդգծվում է հետխորհրդային երկրներում տնտեսական անկայունության և միգրացիայի որոշիչ ազդեցությունը ամուսնության հաճախականության վրա։ Հետազոտողների մեծ մասը նաև փաստում է, որ ամուսնությունների նվազումն ուղեկցվում է ծնելիության նորմերի ձևափոխմամբ ու ամուսնական կապի թուլացմամբ [13]։ Այսպիսով, միջազգային գրականության համադրումը ցույց է տալիս որ ամուսնական վարքի փոփոխությունները պայմանավորված են ոչ միայն արժեքային փոփոխություններով, այլև սոցիալ-տնտեսական ռիսկերով, որոնք միասին ձևավորում են ամուսնությունների նվազման և ամուսնալուծությունների աճի ներկայիս միտումները։

Մեթոդներ եվ արդյունքներ

Հոդվածում ՀՀ ամուսնական վարքի հիմնական միտումների բացահայտման նպատակով կիրառվել է ժամանակային շարքերի վերլուծության մեթոդը, որի համար հիմք են հանդիսացել ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի պաշտոնական վիճակագրական բազան և մարդահամարների տվյալները (2011, 2022)։ Տարածքային անհամաչափությունների բացահայտման համար կատարվել է կլաստերային վերլուծություն՝ ՀՀ մարզերի և Երևանի բազմաչափ դասակարգմամբ՝ ըստ ամուսնական իրավիճակը բնութագրող ժողովրդագրա-

կան և սոցիալ-տնտեսական գործոնների։ Վերլուծության արդյունքում բացահայտվել են ամուսնությունների նվազման, ամուսնալուծությունների աճի և ամուսնական վարքի կառուցվածքային փոփոխությունների պատճառներն ու միտումները։

ՀՀ բնակչության ամուսնական վարքի ժամանակակից իրավիճակը բնութագրվում է ամուսնությունների նվազմամբ և ամուսնալուծությունների աճով, և համապատասխանաբար վերարտադրողական վարքի հնարավորությունների նվազմամբ [8, էջ 203–206; 207–2011]։ Ըստ էության ՀՀ-ում դիտվում է ամուսնական ընտանեկան հարաբերությունների ռեգրես։

Այսպես, 2000–2023թթ. ՀՀ-ում աճել է ամուսնալուծությունների և նվազել՝ ամուսնությունների թիվը։ 2000թ.-ին 1000 ամուսնություններին ընկել է 122 ամուսնալուծություն, 2010, 2020 և 2023թթ.-ին համապատասխանաբար 167, 259, 277 ամուսնալուծության դեպք [1, 2012թ.՝ էջ 43, 2024թ.՝ էջ 50]։ Փաստորեն գրանցված ամուսնությունների մոտ 28%-ը ավարտվում է ընտանեկան հարաբերությունների փլուզմամբ։

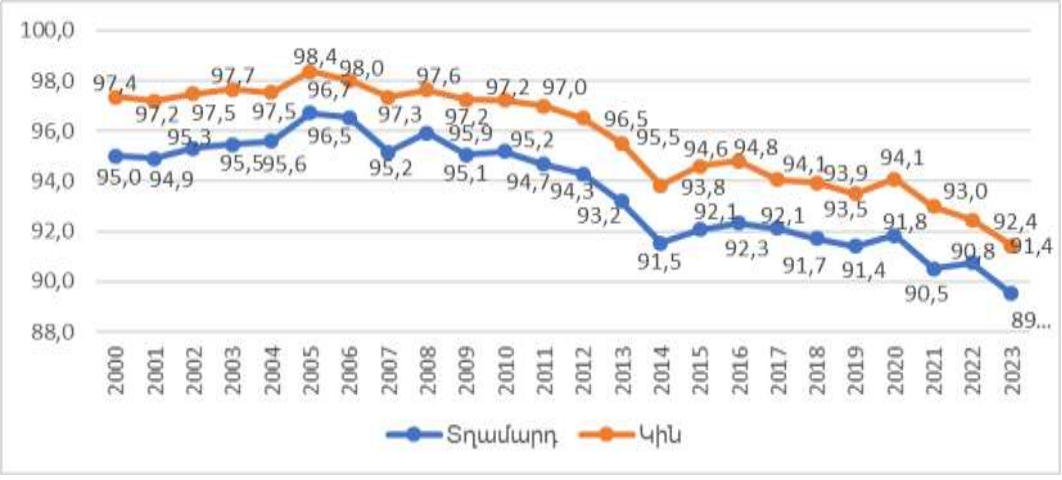
Ամուսնությունների ցածր ցուցանիշը հիմնականում պայմանավորված է ամուսնության ենթակա անձանց թվի նվազմամբ, ամուսնության տարիքային շեմի բարձրացմամբ, ինչպես նաև տնտեսական, կենցաղային, բնակարանային, ռազմական և քաղաքական տարբեր դժվարություններով։ Բացի այդ, էմիգրացիայի բարձր մակարդակն ազդում է սեռերի համամասնության խախտման վրա, քանի որ մեկնող անձանց մոտ 60%-ը կազմում են միայնակ կամ ընտանիքից հեռու մեկնած տղամարդիկ, ովքեր այդպիսով դուրս են մնում ընտանիք կազմելու և բնակչության վերարտադրությանը մասնակցելու գործընթացից։

Նշվածին զուգահեռ՝ պետք է նկատել, որ հետխորհրդային շրջանի սոցիալ-տնտեսական ճգնաժամերը, այդ թվում՝ զանգվածային արտագաղթն ու տարածված աղքատությունը, զգալի ազդեցություն են ունեցել ամուսնալուծությունների թվի աճի վրա։

Վերջին տասնամյակներում նկատվում է ամուսնալուծությունների աճ այն անձանց շրջանում, ովքեր ամուսնացած են եղել 1–4 և 5–9 տարի [2, 2005թ.՝ էջ 74, 2024թ.՝ էջ 129]:

2023թ.-ի տվյալների համաձայն՝ ամուսնալուծությունների կառուցվածքում ամենամեծ բաժինը կազմում են նրանք, ովքեր ամուսնացած են եղել 20 և ավելի տարի՝ 23,7%: Դրան հաջորդում են 5–9 տարի ամուսնության մեջ գտնվողները՝ 21,5%, իսկ ամենացածր ցուցանիշը՝ 5,1%, դիտվում է այն անձանց շրջանում, ովքեր ամուսնացած են եղել մեկ տարուց քիչ ժամանակ:

Ստորև ներկայացված է առաջին անգամ ամուսնացածների բաշխումն ըստ սեռի: Տվյալների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ վերջին 24 տարիների ընթացքում թե՛ տղամարդկանց և թե՛ կանանց ընդհանուր թվի մեջ առաջին անգամ ամուսնացածների մասնաբաժինը նվազել է: Մասնավորապես՝ եթե 2000թ.-ին տղամարդկանց շրջանում այն կազմել էր 95, իսկ կանանց մոտ՝ 97.4%, ապա 2023թ.-ին այս ցուցանիշները նվազել են՝ կազմելով համապատասխանաբար 89,5 և 91,4%:



Գծապատկեր 1. ՀՀ ամուսնությունների ընդհանուր թվում առաջին անգամ ամուսնացածների մասնաբաժնի դինամիկան 2000–2023թթ. [2, 2024թ., էջ 127]:

Ամուսնական կարգավիճակը ձևավորվում է նախորդ տարիներին գրանցված ամուսնությունների և ամուսնալուծությունների արդյունքով: Այն արտացոլում է մարդու վերաբերմունքն ամուսնության՝ որպես սոցիալական ինստիտուտի ընդունված կանոնների նկատմամբ:

Ամուսնական կարգավիճակի առավել հստակ պատկեր կարելի է ստանալ միայն մարդահամարների միջոցով հավաքագրված տվյալներով [5, 2011թ.՝ էջ 142–148; 6, էջ՝ 40]:

Կատարվել է նաև ՀՀ մարզերի և Երևան քաղաքի բնակչության ամուսնական իրադրությունը բնութագրող ժողովրդագրական և սոցիալ-տնտեսական ցուցանիշների կլաստերային վերլուծություն: Կլաստերային վերլուծությունը, որպես օբյեկտների բազմաչափ դասակարգման մեթոդ, հնարավորություն է տալիս նվազագույն ծախսերով և առավելագույն ճշգրտությամբ հետազոտվող օբյեկտների համակցությունը բաժանել համասեռ դասերի (կլաստերների):

Խնդրի լուծման համար ձևավորվել է վիճակագրական տվյալների բազա, որն ընդգրկում է ՀՀ բոլոր մարզերը և Երևան քաղաքը: Դասակարգման համար ընտրվել են հետևյալ հատկանիշները.

X_1 - ամուսնության ընդհանուր գործակիցը, (%);

X_2 - ամուսնալուծության ընդհանուր գործակիցը, (%);

X_3 - տղամարդկանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը, (տարի);

X_4 - կանանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը,(տարի);

X_5 - ամուսնական տարիքի տղամարդկանց մասնաբաժինը ամուսնական տարիքի ամբողջ բնակչության մեջ, (%);

X_6 - սեռերի հարաբերակցության գործակիցը (տղամարդկանց թվաքանակը 100 կնոջ հաշվով);

X_7 - աշխատանքային ռեսուրսների ընդհանուր թվաքանակում զբաղվածների մասնաբաժինը, (%);

X_8 - մեկ բնակչի ապահովվածությունը բնակարանային ֆոնդի ընդհանուր մակերեսով, (քառ.մ)

X_9 - միջին ամսական անվանական աշխատավարձը, (դրամ):

Ընտրված խմբավորման հատկանիշները, մեր կարծիքով, առավել նշանակալի են:

Կլաստերային վերլուծության մեջ օգտագործված վիճակագրական տվյալները ներկայացված են աղյուսակ 1–ում:

Աղյուսակ 1. Ամուսնական իրադրությունը բնութագրող ցուցանիշները՝ըստ ՀՀ մարզերի և Երևան քաղաքի 2023թ. [4]:

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5 *	X_6	X_7 *	X_8	X_9
ք. Երևան	5.3	2.0	68.4	76.0	45.0	81	50.9	27.6	306511
Արագածոտն	6.0	1.1	72.7	77.3	47.0	100	64.5	49.7	148223
Արարատ	5.7	1.3	72.2	77.9	48.6	98	55.2	36.8	202570
Արմավիր	5.7	1.2	66.4	73.6	48.6	97	75.4	37.0	169070
Գեղարքունիք	5.4	0.9	73.5	77.9	48.0	101	53.3	38.6	138616
Լոռի	5.2	1.4	71.6	77.6	46.6	88	45.5	43.6	151780
Կոտայք	5.2	1.5	71.9	78.9	47.1	91	47.6	44.1	180320
Շիրակ	5.7	1.2	70.6	77.2	47.0	91	41.3	32.3	141959
Սյունիք	7.1	1.3	72.0	78.4	49.1	95	59.7	43.0	319753
Վայոց Ձոր	6.7	1.8	71.2	79.2	49.4	95	50.6	51.5	171029
Տավուշ	5.7	1.2	71.9	79.0	48.0	95	47.1	60.2	199260

Կլաստերացումն իրականացվել է աստիճանակարգային և k-միջինների մեթոդով: Աստիճանակարգային կլաստերացումն իրականացվել է կլաստերների օպտիմալ թվի դուրսբերման համար, որն այնուհետև օգտագործվել է որպես k-միջինների մեթոդով կլաստերացման մուտքային ցուցանիշ [7, էջ՝43–44]:

Ստորև աղյուսակ 3.2–ում ներկայացված է կլաստերացման քայլերի հաջորդականությունը, նաև՝ յուրաքանչյուրի քայլից հետո կլաստերացված օբյեկտների փոխադարձ հեռավորությունների հանրագումարը:

Ագլոմերացիոն աղյուսակից պարզ է դառնում, որ քայլ 8-ում կլաստերացումը պետք է դադարեցնել, քանի որ հաջորդ քայլում

կլաստերացված օբյեկտների հեռավորությունների գումարային մեծությունը, նախորդ քայլերի համեմատ, էական աճ է գրանցել: Այսպիսով, կլաստերների օպտիմալ թիվը 3-ն է (11–8):

Ստորև ներկայացված աղյուսակներում բերված են k-միջինների եղանակով դիտարկվող օբյեկտների կլաստերացման արդյունքները:

Աղյուսակ 2. Կլաստերների կազմն ըստ ՀՀ մարզերի:

Կլաստերի համարը	Կլաստերիկազմը (ՀՀ մարզերը)
Առաջին	ք. Երևան, Սյունիք
Երկրորդ	Արագածոտն, Արմավիր, Գեղարքունիք, Լոռի, Շիրակ,
Երրորդ	Արարատ, Կոտայք, Տավուշ, Վայոց Ձոր

Ստացված արդյունքների հիման վրա կազմենք փոփոխականների միջին արժեքների աղյուսակ ըստ առանձնացված 3 կլաստերների:

Աղյուսակ 3. Կլաստերների վերջնական կենտրոնները:

Ցուցանիշ	Կլաստերներ		
	1	2	3
Ամուսնության ընդհանուր գործակիցը, (%)	7.1	5.4	5.7
Ամուսնալուծության ընդհանուր գործակիցը, (%)	1.3	0.9	1.2
Տղամարդկանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը, (տարի)	72.0	73.5	72.2
Կանանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը, (տարի)	78.4	77.8	77.9
Ամուսնական տարիքի տղամարդկանց մասնաբաժինը ամուսնական տարիքի ամբողջ բնակչության մեջ, (%)	49.1	48.0	48.6
Սեռերի հարաբերակցության գործակիցը, (տղամարդկանց թվաքանակը 100 կնոջ հաշվով)	95.0	101.0	98.0
Աշխատանքային ռեսուրսների ընդհանուր թվաքանակում զբաղվածների մասնաբաժինը, (%)	59.7	53.3	55.2

Ցուցանիշ	Կլաստերներ		
	1	2	3
Մեկ բնակչի ապահովվածությունը բնակարանային ֆոնդի ընդհանուր մակերեսով (ք.մ)	43.0	38.6	36.8
Միջին ամսական անվանական աշխատավարձը (դրամ)	319753.0	138616.0	202570.0

Առաջին կլաստերի մեջ ընդգրկված են քաղաք Երևանը և Սյունիքի մարզը, որտեղ ամուսնության և ամուսնալուծության ընդհանուր գործակիցները (համապատասխանաբար 7.1 և 1.3%) առավելագույնն են երեք կլաստերներում: Բարձր է նաև կանանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը, ամուսնական տարիքի տղամարդկանց մասնաբաժինը ամուսնական տարիքի ամբողջ բնակչության մեջ, աշխատանքային ռեսուրսների ընդհանուր թվաքանակում զբաղվածների մասնաբաժինը, մեկ բնակչի ապահովվածությունը բնակարանային ֆոնդի ընդհանուր մակերեսով, ինչպես նաև միջին ամսական անվանական աշխատավարձը: Ցածր է տղամարդկանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը և սեռերի հարաբերակցության գործակիցը:

Երկրորդ կլաստերի մեջ ներառվել է 5 մարզ՝ Արագածոտնի, Արմավիրի, Գեղարքունիքի, Լոռվա և Շիրակի, որտեղ բարձր է տղամարդկանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը (73,5 տարի) և սեռերի հարաբերակցության գործակիցը (101%): Այս կլաստերում փոքր են ամուսնության և ամուսնալուծության ընդհանուր գործակիցները (համապատասխանաբար 5.4 և 0.9%), կանանց կյանքի սպասվող միջին տևողությունը (77.8 տարի), ամուսնական տարիքի տղամարդկանց մասնաբաժինը ամուսնական տարիքի ամբողջ բնակչության մեջ (48.0%), աշխատանքային ռեսուրսների ընդհանուր թվաքանակում զբաղվածների մասնաբաժինը (53.3%) և միջին ամսական անվանական աշխատավարձը (138.616 դրամ):

Երրորդ կլաստերը ներառում է Արարատի, Կոտայքի, Տավուշի, Վայոց Ձորի մարզերը, որտեղ բոլոր ցուցանիշները միջին դիրք են

զբաղեցնում առաջին և երկրորդ կլաստերների համապատասխան ցուցանիշների միջև, բացառությամբ՝ բնակֆոնդի ընդհանուր մակերեսով մեկ բնակչի ապահովվածության ցուցանիշի (36.8 ք.մ), որն այս կլաստերում նվազագույնն է:

Այսպիսով, կլաստերային վերլուծությունը հնարավորություն տվեց կատարել ՀՀ մարզերի բազմաչափ դասակարգում և ուսումնասիրել որոշ գործոնների համալիր ազդեցությունը ամուսնական իրադրությունը բնութագրող հիմնական ցուցանիշների վրա:

ՀՀ-ում ամուսնության ինստիտուտը ներկայումս բախվում է ժողովրդագրական և սոցիալ-տնտեսական մարտահրավերների՝ արտահայտված ամուսնությունների նվազմամբ, ամուսնալուծությունների աճով և ամուսնության միջին տարիքի բարձրացմամբ, ինչը պահանջում է պետական համալիր քաղաքականություններ. երիտասարդ ընտանիքների սոցիալական պաշտպանություն, բնակարանային ապահովության բարձրացում, զբաղվածության և եկամուտների կայունացում, ինչպես նաև ընտանեկան արժեքների աջակցման ծրագրեր, որպեսզի ամուսնության ինստիտուտը շարունակի լինել ազգային զարգացման, կապիտալի վերարտադրության և հասարակության կայունության հիմնասյուն:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, Հայաստանի վիճակագրական տարեգիրք, 2000–2024թթ.:
2. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, ժողովրդագրական ժողովածու, 2000–2024թթ.:
3. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, Հայաստանի կանայք և տղամարդիկ, 2024թ.:
4. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, Հայաստանի Հանրապետության մարզերը և Երևան քաղաքը թվերով, 2024թ.:
5. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, Հայաստանի Հանրապետության 2011թ. մարդահամարի արդյունքներ:
6. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, Հայաստանի Հանրապետության 2022թ. մարդահամարի արդյունքներ:
7. *Քթոյան Ա., Խաչիկյան Ա., Մովսիսյան Մ., Հակոբյան Կ.* Տնտեսագիտական խնդիրների վիճակագրական վերլուծությունը SPSS փաթեթի գործադրմամբ, Եղեգնաձոր, 2015, էջ 126:
8. *Ֆահրադյան Մ.Վ.* Բնակչության կառուցվածքի և վերարտադրության տարածաշրջանային հիմնախնդիրները ՀՀ-ում, Եր., 2010, 496 էջ:

9. Հայաստանի Հանրապետության ժողովրդագրական իրավիճակի բարելավման 2024–2040թթ. ռազմավարություն, 17 Հոկտեմբերի 2024, 1641–Լ:
10. Демография: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. М.В. Карманова. М.: «Юрайт», 2016, 287с.
11. *Воробьева О.Д., Долбик-Воробей Т.А.* Статистика населения и демография // М.: «Кнорус», 2021, 314с.
12. Введение в демографию и статистику населения: учебник / Под науч. ред. И.И. Елисеевой, М.А. Клупта. М.: «Проспект», 2023, 440с.
13. *Allison D.* The Death of Demographics: Valuegraphic Marketing for a Values-Driven World// 2022. P. 59. https://oceanofpdf.com/authors/david-allison/pdf-epub-the-death-of-demographics-valuegraphic-marketing-for-a-values-driven-world-download/
14. *Thomas R.* Demography: An Introduction to Population Studies // "Springer Texts in Social Sciences", 2024, https://doi.org/10.1007/978-3-031-56623-3_1

БРАЧНОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Р. Аракелян, Л. Фиданян
Армянский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ

Одними из важнейших задач государственных демографической и социальной политик являются укрепление и сохранение института семьи и брака. Брачное поведение населения определяет не только возможность реализации функции деторождения, но и сохранение нравственных норм и ценностей, характерных для института семьи.

В современных условиях к негативным тенденциям институциональной трансформации брака относятся снижение уровня брачности, социальная легитимация сожительства, рост среднего возраста вступления в брак, снижение спроса на детей, вплоть до отказа от их рождения, и увеличение возраста матери к моменту рождения ребенка.

В Республике Армения в целом современная демографическая ситуация продолжает вызывать серьезные опасения и характеризуется как неблагоприятная. С точки зрения демографического развития общества, приоритетными стали проблемы снижения брачности и рождаемости, а также роста смертности. В этой связи активизация усилий государства по решению существующих демографических проблем все теснее связана с поиском эффективных путей дальнейшего социально-экономического развития общества.

Основной целью статьи является исследование брачного состояния населения РА в условиях современного демографического и социально-экономического развития. Для достижения этой цели был выявлен ряд демографических и социально-экономических факторов, влияющих на

брачное состояние населения РА, выявлены основные тенденции брачного поведения населения, а также проведен кластерный анализ регионов РА по факторам, влияющим на брачное состояние.
Ключевые слова: семейное положение, средний возраст вступления в первый брак, соотношение полов, средняя продолжительность жизни, кластерный анализ.

MARRIAGE STATUS OF THE POPULATION OF ARMENIA IN MODERN CONDITIONS

R. Arakelyan, L. Fidanyan
Armenian State University of Economics

ABSTRACT

One of the most important tasks of state demographic and social policy is the strengthening and preservation of the institution of family and marriage. The marital behavior of the population determines not only the ability to fulfill the function of childbearing but also the preservation of moral norms and values characteristic of the institution of family.

In current conditions, negative trends in the institutional transformation of marriage include declining marriage rates, the social legitimization of cohabitation, an increase in the average age at marriage, a decrease in the demand for children (even to the point of abandoning them), and an increase in the age of mothers at childbirth.

In the Republic of Armenia, the current demographic situation continues to raise serious concerns and is characterized as unfavorable. From the perspective of the demographic development of society, the problems of declining marriage and birth rates, as well as rising mortality, have become priority issues. In this regard, the intensification of state efforts to address existing demographic problems is increasingly linked to the search for effective ways to further the socioeconomic development of society.

The main objective of this article is to study the marital status of the population of the Republic of Armenia in the context of current demographic and socioeconomic development. To achieve this goal, a number of demographic and socio-economic factors influencing the marital status of the population of the RA were identified, the main trends in the marital behavior of the population were identified, and a cluster analysis of the regions of the RA was conducted based on factors influencing the marital status.

Keywords: marital status, average age at first marriage, sex ratio, life expectancy, cluster analysis.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-90-96

МИГРАЦИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. ТРАНСГРАНИЧНАЯ ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА

Л.В. Бадалян

Российско-Армянский университет
lilit.badalyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются современные тенденции в сфере международной трудовой миграции и формирования трансграничной дистанционной рабочей силы. В условиях глобализации и цифровизации мировая экономика сталкивается с новыми формами трудовой мобильности. Одним из наиболее значимых явлений последних лет становится трансграничная дистанционная занятость, при которой работники осуществляют профессиональную деятельность из одной страны в пользу работодателей, находящихся в других юрисдикциях. Цель исследования – анализ взаимосвязи между традиционной миграцией рабочей силы и растущим сегментом трансграничной дистанционной работы, определение ключевых экономических и институциональных факторов, влияющих на данный процесс. В статье рассматриваются особенности формирования глобального рынка удаленного труда, роль цифровых платформ, изменения в структуре международных потоков рабочей силы и капитала. Проведен сравнительный анализ динамики миграции и трансграничной занятости в странах Европы, России и Армении. На основе анализа тенденций делается вывод о том, что дистанционная форма занятости постепенно становится альтернативой физической миграции, снижая социальные и экономические издержки для работников и работодателей, но одновременно создавая новые вызовы для национальных систем налогообложения защитой прав удаленных работников и социальными гарантиями.

Ключевые слова: трудовая миграция, трансграничная занятость, дистанционная работа, цифровая экономика, глобальный рынок труда.

Введение

Миграция людей существовала с древнейших времен и была связана с поиском пропитания, лучших климатических условий и безопас-

ности. В античности и в Средние века миграционные потоки чаще формировались из-за войн, завоеваний и торговли. С развитием промышленности и глобализации в XIX–XX веках трудовая миграция приобрела экономический характер: люди переезжали в города и страны с высоким спросом на рабочую силу. В современную эпоху международная миграция регулируется законами и международными соглашениями, а ее причины включают экономические, социальные и политические факторы.

В эпоху глобализации и цифровизации вопросы миграции рабочей силы и трансграничной удаленной занятости становятся все более важными как для экономики, так и для социальной политики. Актуальность темы усилилась после пандемии COVID-19, которая стала катализатором массового перехода на удаленный формат работы. Компании по всему миру были вынуждены адаптироваться к новым условиям, что продемонстрировало эффективность дистанционного труда не только внутри страны, но и на международном уровне. После пандемии данная модель осталась востребованной. Миллионы специалистов работают из своих стран на работодателей из других государств.

Трансграничная дистанционная работа (ТДР) становится особенно важной и актуальной для стран с экономическими трудностями или ограниченными карьерными возможностями. Для многих жителей стран Восточной Европы, бывшего пост Советского пространства, Латинской Америки, Азии и Африки это шанс заработать больше, не покидая родину и не подвергая себя трудностям миграции.

Цель исследования – определить экономические последствия ТДР для стран работадателей и стран работников.

Задачами исследования являются:

- описание концепции и классификация ТДР;
- анализ влияния ТДР на экономику и рынок труда;
- рекомендации для бизнеса и государств.

Методологическая база исследования включает качественный анализ литературы и отчетов международных организаций, а также количественный анализ статистических данных по рынку труда и занятости, сравнительный анализ экономических последствий для стран работодателей и стран работников.

Влияние трансграничной дистанционной рабочей силы на экономику стран работодателей и работников

Трансграничная дистанционная работа – это новая форма трудовой миграции, которая влияет на международные трудовые отношения, экономику стран, социальную мобильность и правовые системы.

Понятие «дистанционная работа» можно определить как выполнение трудовых функций вне офиса работодателя с помощью информационно-коммуникационных технологий [1].

Классификация трансграничной дистанционной рабочей силы

1. По форме занятости:
   - наемные работники (удаленные сотрудники иностранных компаний);
   - самозанятые специалисты;
   - фрилансеры;
   - контракторы / независимые подрядчики.
2. По правовому статусу:
   - официально трудоустроенные;
   - неформально занятые;
   - работающие по гражданско-правовым договорам.
3. По географическому признаку:
   - работающие на компании из одной конкретной страны;
   - работающие одновременно с заказчиками из разных стран.
4. По уровню квалификации:
   - высококвалифицированные специалисты;
   - специалисты среднего уровня;
   - низкоквалифицированная дистанционная рабочая сила.
5. По сфере деятельности:
   - информационные технологии;
   - креативные индустрии;
   - образование и консалтинг;
   - поддержка бизнеса.

За последнее десятилетие доля занятости в сфере трансграничной дистанционной работы заметно увеличивается в странах ЕС и США. В Европейском союзе доля сотрудников, которые работают удаленно выросла примерно с 8% в 2008г. до 22% в 2023г., отражая устойчивый многолетний тренд роста удаленных форм занятости в регионе [2]. При этом

в США примерно 22–23% всего рабочего населения занимались дистанционной работой в 2025г., что составляет около 32–36 миллионов человек и существенно превышает показатели до пандемии 2020г. В этих экономиках наибольшая часть удаленных и гибридных позиций сосредоточена в высокотехнологичных и профессиональных отраслях, включая IT, финансы, маркетинг и консалтинг [3].

Согласно данным Organisation for Economic Co-operation and Development, уровень распространения удаленной работы существенно различается в зависимости от места проживания работников, уровня образования и типа занятости. Основные статистические показатели представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Статистические показатели удаленной работы по местности, образованию и типу занятости.

Категория	Показатель	Значение
Удаленная работа по типу местности	Крупные города	29% работников работают из дома
	Небольшие города и поселки	21%
	Сельские районы	18%
Доля вакансий с удаленной работой	2020 год	2.5% вакансий
	2023 год	≈11% вакансий
Удаленная работа по уровню образования	Высшее образование	46% работников
	Низкий уровень образования	14% работников
Потенциал удаленной работы по профессиям	Руководители и специалисты	≈70% работ можно выполнять удаленно
	Сфера услуг и продаж	≈30–40%
	Сельское хозяйство и физический труд	<10%

Источник: Разработано автором на основе [4].

Для стран-отправителей это дает возможность людям получать более высокие доходы, что увеличивает потребление и приток валюты в страну. Однако одновременно возникает риск «утечки мозгов», когда талантливые специалисты работают на иностранные компании, а не на местные.

Для стран-импортеров рабочей силы это снижает затраты компаний, расширяет доступ к специалистам и повышает конкурентоспособность бизнеса. В то же время усиливается конкуренция на глобальном рынке труда, а налоговые поступления могут уходить за пределы страны.

Таким образом, трансграничная дистанционная занятость имеет двойственный эффект: она открывает новые экономические возможности, но также создает вызовы для регулирования рынка труда и сохранения национального кадрового потенциала.

Рассмотрим влияние ТДР на развитие экономики в Армении. Во-первых, армянские специалисты (особенно в сфере IT, дизайна, бухгалтерии и консалтинга) получают доступ к международному рынку труда, что увеличивает валовые денежные поступления в экономику. Это особенно важно для страны с малым внутренним рынком и зависимостью от внешних факторов и переводов.

Вышеперечисленные возможности также влияют на смягчение традиционного оттока трудовой силы, позволяя квалифицированным специалистам оставаться в Армении и работать на зарубежные компании. Это снижает негативные демографические и экономические последствия эмиграции рабочей силы.

Также одним из важнейших факторов является стимулирование развития цифровой инфраструктуры (coworking-пространства, облачные технологии) и секторов, ориентированных на дистанционную работу, что позитивно влияет на конкурентоспособность страны в долгосрочной перспективе.

Риски и проблемы

Трансграничная дистанционная работа сопровождается рядом экономических, социальных и институциональных рисков. К ключевым проблемам относится правовая неопределенность трудовых отношений, связанная с различиями в национальных системах трудового и налогового регулирования. Это осложняет защиту прав работников и контроль за соблюдением обязательств работодателями.

Существенным риском является рост неформальной занятости и уклонение от налогообложения, что снижает бюджетные поступления государств. Усиливается неравенство в доходах между высококвалифицированными и низкоквалифицированными специалистами, а также между странами с разным уровнем цифрового развития [4].

Дополнительными проблемами выступают утечка человеческого капитала, нестабильность занятости, повышенные требования к цифровой безопасности и риски социальной изоляции дистанционных работников [5].

На уровне бизнеса и работников возрастают риски, связанные с кибербезопасностью, защитой персональных данных, а также с нестабильностью занятости, размыванием границ между рабочим и личным временем и ограниченным доступом к социальным гарантиям [6].

Вывод

ТДР оказывает многоплановое влияние на экономическое развитие стран и отдельных отраслей.

Для стран-работодателей она способствует снижению издержек на рабочую силу, расширению доступа к глобальному кадровому потенциалу и повышению конкурентоспособности компаний. Вместе с тем возрастает давление на внутренние рынки труда и усиливаются процессы аутсорсинга.

Для стран-поставщиков рабочей силы трансграничная дистанционная занятость создает дополнительные источники доходов, способствует росту занятости и притоку валютных поступлений. Одновременно сохраняются риски утечки квалифицированных кадров и усиления зависимости от внешних рынков.

Если сделать вывод влияния ТДР на развитие отдельных отраслей, то наибольшее влияние наблюдается в сфере информационных технологий, креативных индустрий, финансовых и образовательных услуг, где дистанционный формат ускоряет цифровизацию, трансформацию бизнес-моделей и международную конкуренцию за человеческий капитал.

Результаты исследования подтверждают, что ТДР имеет значительный экономический потенциал, однако требует адаптации законодательства и налоговой системы. Преимущества включают доступ к талантам и снижение затрат. В то же время присутствует наличие рисков – правовая неопределенность и социальные проблемы.

ТДР оказывает в целом позитивное влияние на экономику Армении: она открывает новые источники доходов, снижает эмиграционный отток квалифицированных кадров и стимулирует цифровую трансформацию. Вместе с тем, для полной реализации всех преимуществ государству необходимо усилить регулирование рынка труда и налоговую политику в отношении удаленной занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. International Labour Organization. «Telework». ILO Encyclopaedia, Item 648, 2011. URL: https://www.iloencyclopaedia.org/ru/component/k2/item/648-telework.
2. Eurofound (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions). Telework trend in the EU: Share of employees working from home usually or sometimes (2008–2023) // "Eurofound Report", 2025.
3. *Amra & Elma. Remote Work Statistics 2025:* Prevalence and Trends in the United States (данные по доле дистанционной занятости: 22.8 %≈36 млн человек). Онлайн-ресурс с агрегир. стат. данными, 2025.
4. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Breaking the Vicious Circles of Informal Employment and Low-Paying Work // Paris: "OECD Publishing", 2024.
5. *Figueiredo E., Margaça C., Sánchez-García J.* Loneliness and Isolation in the Era of Telework: A Comprehensive Review of Challenges for Organizational Success // "Healthcare", (Basel), 2025.
6. International Labour Office (ILO). Social security and digitalization for an inclusive future of work (ILO publication analyzing social protection challenges in digital and remote employment). Geneva, 2025. URL: ilo.org.

LABOR MIGRATION. CROSS-BORDER REMOTE LABOR

L. Badalyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines current trends in international labor migration and the formation of cross-border remote labor. In the context of globalization and digitalization, the world economy is faced with new forms of labor mobility. One of the most important phenomena in recent years has been cross-border remote employment, in which workers carry out professional activities from one country for the benefit of employers located in other jurisdictions. The aim of the study is to analyze the relationship between traditional labor migration and the growing segment of cross-border remote work and to identify the main economic and institutional factors influencing this process. The article examines the development of the global remote labor market, the role of digital platforms, and changes in the structure of international labor and capital flows. A comparative analysis of the dynamics of migration and cross-border employment in European countries, Russia, and Armenia is presented. Based on the analysis of trends, it is concluded that remote employment is gradually becoming an alternative to physical migration, reducing social and economic costs for workers and employers, but at the same time creating new challenges for national tax systems, protecting the rights of remote workers, and providing social guarantees.

Keywords: labor migration, cross-border employment, remote work, digital economy, global labor market.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-97-112

ЦИФРОВЫЕ АЛГОРИТМЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Н.А. Благой, Н.Д. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
blagoj_na@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена разработке и эмпирической верификации методики кластеризации предприятий обрабатывающей промышленности на примере Санкт-Петербурга с использованием совокупности производственно-финансовых показателей. Сформирована унифицированная база корпоративной отчетности 526 компаний, прошедшая процедуры очистки, унификации, стандартизации и нормализации признаков. Для устранения избыточности и коррелированности показателей применен метод главных компонент (PCA). Группировка предприятий реализована алгоритмом k-средних с оценкой качества разбиения по индексу силуэта, критерию Калински–Харабаса и индексу Дэвиса–Булдина. Обосновано выделение пяти кластеров, фиксирующих структурные различия предприятий по масштабу деятельности, долговой нагрузке, маржинальности, ликвидности и инвестиционной активности. Предложенный алгоритм повышает сопоставимость экономических параметров. Предлагаемая методика характеризуется устойчивостью к выбросам и мультиколлинеарности, что подтверждает ее применимость в задачах мониторинга, планирования и прикладной аналитики. Результаты формируют методическую базу для разработки инструментов оценки корпоративной устойчивости и для формирования образовательных кейсов в области промышленной аналитики.

Ключевые слова: геймификация, игровые технологии, кластеризация предприятий, обрабатывающая промышленность, метод главных компонент.

Введение

Промышленный сектор Санкт-Петербурга, прежде всего, обрабатывающие производства, характеризуется высокой неоднородностью

по размеру деятельности, структуре затрат, финансовой устойчивости и результативности операционной деятельности. В таких условиях принятие управленческих решений (от кредитования и мер налогово-бюджетной поддержки до оценки инвестиционной привлекательности и внутрифирменного бенчмаркинга) опирается не на сопоставление усредненных показателей по рынку, а на разделение предприятий на однородные группы с близкими производственно-финансовыми профилями. Подобный подход снижает риск искажений, возникающих при прямом сравнении компаний различного размера и технологического уровня, и повышает корректность интерпретации показателей эффективности.

Цель работы – разработка и апробация методики кластеризации предприятий обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга.

Объектом исследования выступают предприятия обрабатывающих производств Санкт-Петербурга.

Предметом исследования является структура однородных групп предприятий, выделенных по совокупности производственно-финансовых показателей, а также метод вычисления поправочного кластерного коэффициента, применяемого для последующей экономической оценки.

Задачи исследования

1. Сформировать репрезентативную выборку предприятий обрабатывающего сектора Санкт-Петербурга и определить перечень сопоставимых финансовых и операционных показателей.

2. Выполнить предобработку данных, включая очистку, унификацию единиц измерения, обработку пропусков, стандартизацию и нормализацию признаков.

3. Провести анализ взаимосвязей показателей и снизить размерность признакового пространства с использованием метода главных компонент (PCA) для повышения устойчивости результатов к шуму.

4. Выбрать и обосновать алгоритм кластеризации, определить его параметры и критерии выбора числа кластеров, включая индекс силуэта, критерий Калински–Харабаса и индекс Дэвиса–Булдина.

5. Выполнить кластеризацию предприятий и получить устойчивое разбиение на однородные группы.

Материал и методы

Эмпирическая база исследования сформирована на основе корпоративной отчетности предприятий, агрегированной в базе СПАРК–Интерфакс. Исходный массив представлен в формате «компания–год» и включает предприятия обрабатывающей промышленности. После очистки данные приведены к единому году наблюдения и преобразованы в стандартизированный блок признаков, включающий идентификатор и набор показателей X1…X146, с деперсонализацией субъектов анализа. Примененный подход обеспечивает сопоставимость шкал, снижает влияние артефактов ввода и формирует техническую основу для последующих вычислительных операций [1].

Практическим результатом методики является расчет поправочного кластерного коэффициента, определяемого для каждого кластера на шкале 0–1 как среднее нормированное значение интегрального индекса. Коэффициент используется в прикладных оценках при расчете интегральной эффективности, сравнительном анализе предприятий, ранжировании объектов поддержки и валидации инвестиционных практик. Его применение снижает систематические смещения, обусловленные различиями производственно-финансовых профилей, и обеспечивает сопоставимость итоговых оценок внутри кластеров при сохранении возможности межкластерной интерпретации. Для совокупности предприятий обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга методика формирует прозрачное сегментирование и предоставляет управленцам, инвесторам и регуляторам аналитический инструмент для обоснования решений.

Методическая часть исследования основана на воспроизводимой аналитической цепочке. Она включает этапы предобработки и стандартизации данных, снижение размерности признакового пространства для ослабления эффектов мультиколлинеарности и шумовой компоненты, кластеризацию предприятий с использованием PCA [2] и алгоритма группировки, а также оценку качества разбиений по индексу силуэта, критерию Калински-Харабаса и индексу Дэвиса–Булдина. Дополнительно проводятся верификация воспроизводимости полученных разбиений и экономическая интерпретация центров кластеров на основе ключевых финансово-операционных индикаторов. Итогом являются типология совокупностей предприятий Санкт-Петербурга и совокупность диагностик, позволяющих

соотнести различия в маржинальности, оборачиваемости, долговой нагрузке, ликвидности и размере деятельности с типовыми производственно-финансовыми моделями.

Результаты исследования

Исходный массив данных сформирован на основе корпоративной отчетности предприятий обрабатывающей промышленности Российской Федерации, агрегированной в базе СПАРК-Интерфакс. После этапа фильтрации и унификации данные представлены в формате панельной структуры «компания–год». Итоговая выборка включает 526 организаций. В качестве временного среза использованы значения за 2024г. Идентификаторы компаний деперсонализированы. Каждой организации присвоен код вида C1…C526. Обратное соответствие сохранено в отдельном справочнике. Структура данных стандартизирована и включает один идентификатор «Компания» и блок признаков X1…X146, всего 147 столбцов.

В целях повышения устойчивости анализа к выбросам и обеспечения сопоставимости шкал применена регламентированная последовательность предобработки. На первом этапе выделены признаки, для которых доля положительных значений превышает 95%, и наблюдается выраженная правосторонняя асимметрия распределений. Для таких признаков применено логарифмическое преобразование вида $\log(1 + x)$, что сокращает длину хвостов распределений и снижает дисперсию. На следующем этапе по каждому признаку выполнено усечение крайних наблюдений. Показатели с уровнем ниже 0,5-го перцентиля и выше 99,5-го перцентиля заменены на граничные. Процедура снижает искажающее влияние редких экстремальных наблюдений без исключения объектов из выборки. Далее, отсутствующие наблюдения заполнены медианами по соответствующим столбцам, что корректно работает при асимметричных распределениях. Завершающим этапом выполнена стандартизация признаков путем центрирования и масштабирования по стандартному отклонению. В результате все признаки приведены к нулевому среднему и единичному стандартному отклонению. Итоговая матрица подготовлена к факторному анализу и кластеризации без искажений, обусловленных размерностью и выбросами.

Выбор числа кластеров осуществлялся по дискретному диапазону $k = 2–10$ с расчетом четырех показателей качества разбиения, включая

инерцию в рамках метода локтя, средний индекс силуэта, индекс Калински-Харабаса и индекс Дэвиса-Булдина. По результатам сопоставления графиков (Рис. 1) и агрегированной таблицы показателей идентифицировано значение k = 5. Выбор опирается на совокупность критериев. При k = 5 наблюдается излом кривой инерции по сравнению с k = 4 и k = 6. Среднее значение силуэта сопоставимо с соседними вариантами. Индекс Калински–Харабаса демонстрирует локальный рост, тогда как индекс Дэвиса-Булдина – локальное снижение. Дополнительно проанализировано распределение индивидуальных значений силуэта, свидетельствующее о робастности кластеризации [3; 4]. Пять кластеров обеспечивают интерпретируемую структуру для прикладного анализа, характеризуя дифференциацию по размеру, зрелости и результативности предприятий, при сохранении достаточной детализации и воспроизводимости полученных оценок при повторных запусках алгоритма. Все следующие вычислительные шаги выполнены при установленном значении k = 5.

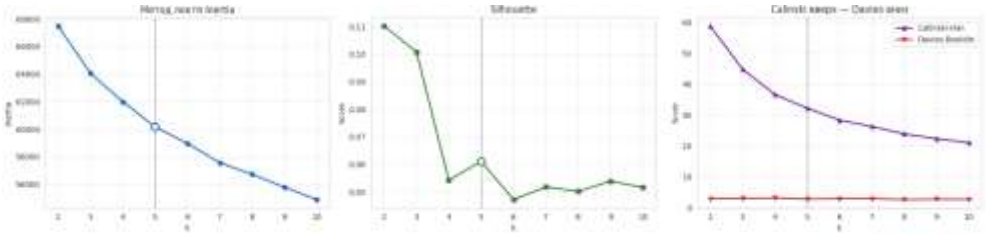


Рисунок 1. Определение количества кластеров методом локтя и силуэта.

Источник: составлено автором.

Финальная кластеризация выполнена на заранее стандартизированном наборе признаков. Обучена модель k-средних с числом кластеров, равным пяти. В результате каждая запись формата «компания–год» получила метку кластера, а также рассчитанные расстояния до центров всех групп [5]. Далее, проведена унификация кластерной принадлежности на уровне компании. Для каждого кода C1…C526 агрегированы годовые метки, после чего итоговая принадлежность определена по принципу моды. В случаях равенства частот применено дополнительное правило минимальной средней дистанции до соответствующего центра кластера, что обеспечивает однозначность выбора. Результирующая метка экстраполирована на

все наблюдения данной компании. Дополнительно выполнена проверка условия единственности принадлежности, согласно которому каждой компании соответствует ровно один кластер.

По результатам проведенной обработки сформирован полный набор выходных материалов. Подготовлена Табл. 1 формата «компания–год», содержащая метку кластера и полный блок признаков. Сформирована сводная таблица соответствия «компания–кластер» без дублирования записей. Для каждой группы сформированы отдельные перечни компаний и краткие сводки по численности. Примененный порядок снижает влияние случайных годовых колебаний кластерных меток, усиливает воспроизводимость сравнения предприятий и расчета агрегированных показателей внутри групп, а также упрощает последующие вычисления и визуализации в кластерном разрезе.

Таблица 1. Распределение компаний по кластерам.

Кластер	Число уникальных компаний
1	111
2	124
3	5
4	163
5	122

Источник: составлено автором.

Базовый набор показателей сформирован с целью охвата шести системообразующих характеристик экономической деятельности предприятия (Табл. 2). Первая группа характеризует размер деятельности и ресурсную обеспеченность и включает выручку, активы, фонд оплаты труда и численность персонала. Вторая группа характеризует операционную результативность и представлена показателями рентабельности, валовой и чистой маржи, а также производительности, рассчитанной через соотношение прибыли и численности занятых. Третья группа описывает оборот капитала и включает показатели оборачиваемости запасов, дебиторской и кредиторской задолженностей, длительности операционного цикла и доли оборотных средств. Четвертая группа отражает структуру финансирования и учитывает долговую нагрузку, проценты к уплате, покрытие процентов и соотношение заемного и собственного капитала. Пятая группа характеризует ликвидность и платежную дисциплину через показатели текущей и

быстрой ликвидности, краткосрочные обязательства и отношение денежных средств к краткосрочному долгу. Шестая группа описывает инвестиционную и инновационную активность и включает вложения во внеоборотные и нематериальные активы, наличие объектов интеллектуальной собственности и динамику освоения инвестиций. Основа показателей опирается на данные бухгалтерской и управленческой отчетности, а стандартизация снижает эффект размерности и обеспечивает группировку предприятий по близости производственно-финансовых профилей, а не по абсолютным уровням выручки или активов [6; 7; 8].

Таблица 2. Описание кластеров и особенности.

Кластер	**Краткое описание профиля**	**Причины размера группы**	**Число компаний**
1	Крупные предприятия с повышенной долговой нагрузкой и значительным объемом обязательств; маржа и оборачиваемость близки к медианным оценкам	Полюс распределения по плечу и обязательствам; часть компаний со временем уходит в «базовые» группы после снижения долгов	111
2	Устойчивые производители среднего уровня хозяйственной активности; маржинальность выше медианы, долговые коэффициенты понижены, оборачиваемость около медианы	Широко распространенная операционная модель формирует крупную «середину»	124
3	Крупный консервативный профиль с минимальным заемным плечом и низкими обязательствами при пониженной оборачиваемости	Узкая конфигурация с высокими требованиями к собственным ресурсам и допустимостью длинного цикла	5
4	Базовый сегмент отрасли; показатели около медианных оценок, долговые коэффициенты ниже медианы, объем обязательств выше	Массовый пласт предприятий с развитыми расчетами с контрагентами и протяженными цепочками поставок	163

Кластер	Краткое описание профиля	Причины размера группы	Число компаний
5	Консервативный сегмент малой и средней размерности деятельности; близость к медианам по эффективности, низкое заемное плечо и низкие обязательства	Распространенная стратегия осторожного заимствования и упрощенные производственные процессы	122

Источник: составлено автором.

Различия в численности кластеров обусловлены формой распределений по шести основным аналитическим параметрам (X73, X52, X6, X134, X137, X57), отраслевой структурой выборки, а также правилом унификации кластерной принадлежности на уровне компании, которое закрепляет стабильную конфигурацию показателей предприятия и исключает влияние разовых годовых отклонений. Основную долю наблюдений формируют два базовых сегмента – кластеры 4 и 5. Предприятия со сбалансированными характеристиками среднего масштаба концентрируются в отдельной крупной группе. Нишевые стратегии с минимальным заемным плечом и удлиненным операционным циклом представлены ограниченно. Типология крупных производственных структур с повышенной долговой нагрузкой также встречается сравнительно редко [9; 10]. Полученная структура распределения кластеров соотносится с тезисом о пространственной поляризации научно-производственного потенциала и асимметричном распределении ресурсных и компетентностных возможностей, что задает неодинаковые траектории организационно-технологической адаптации предприятий в рамках одной городской агломерации. В рамках данного подхода кластеризация выступает инструментом операционализации коэволюционных механизмов согласования интересов и селекции направлений управленческого влияния, направленных на укрепление технологической самостоятельности через поддержку групп с вариативными профилями устойчивости и инвестиционной активности [11].

На следующем этапе выполнено сокращение набора аналитических признаков до шести показателей. Отбор осуществлялся по совокупности критериев. Во-первых, проведены ранжирование показателей по F-статистике межкластерных различий и оценка взаимной информации для выявления признаков с наибольшей разделяющей способностью. Во-вторых,

выполнены контроль корреляционной структуры и исключение дублирующих шкал, что позволило избежать избыточного учета однотипных измерений. В-третьих, обеспечено покрытие ключевых содержательных блоков, связанных с влиянием геймификации на производственные и офисные процессы. К ним относятся рост выработки и маржинальности за счет сокращения простоев и брака, ускорение оборота запасов и дебиторской задолженности вследствие постановки четких целей и регулярной обратной связи, укрепление денежного потока и ликвидности, снижение потребности в краткосрочном заемном финансировании, а также наличие цифровой и контентной базы для закрепления организационных изменений.

В итоговый набор (Рис. 2) включены показатели: X6, отражающий численность персонала и базу для расчета производительности труда; X52 и X73, характеризующие объем выручки и структуру затрат на оплату труда; X134 как индикатор рентабельности и эффективности оборота капитала; X137 как характеристика устойчивости к долговой нагрузке; X57 как показатель операционного финансового результата и связанных с ним кассовых разрывов. Каждый смысловой блок представлен одним или двумя показателями. За счет высокой согласованности оставшихся шкал доля объясненной дисперсии при применении PCA возрастает до 78,76%.

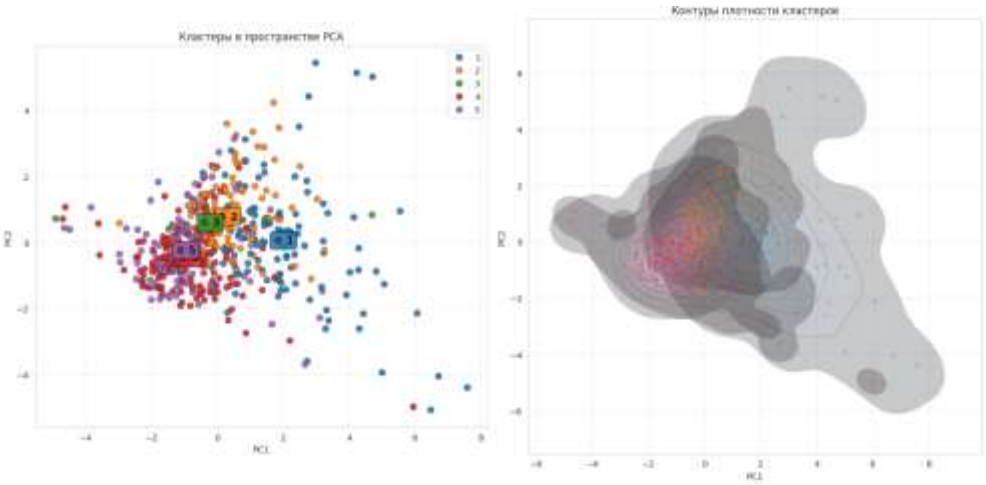


Рисунок 2. Анализ методом PCA при использовании шести ключевых показателей компаний.

Источник: составлено автором.

Выбранный набор из шести показателей (Табл. 3) охватывает основные каналы воздействия игровых практик на производственные и офисные процессы, включая скорость выполнения операций, дисциплину исполнения, снижение брака, сокращение простоев, ускорение документооборота и обучение персонала без остановки производственной линии. При этом каждый показатель отражает самостоятельный механизм влияния и не дублирует остальные измерения.

Таблица 3. Ключевые показатели кластеров.

Код	**Показатель**	**Определение / формула**	**Ед. изм**
X57	Прибыль (убыток) от продаж	Выручка − Себестоимость − Коммерческие − Управленческие	RUB
X134	Рентабельность продаж	(Прибыль от продаж / Выручка) × 100%	%
X137	Рентабельность затрат	(Прибыль от продаж / (Себестоимость + Коммерческие + Управленческие)) × 100%	%
X52	Выручка	Доход от продаж товаров/работ/услуг	RUB
X73	Оплата труда	Расходы на зарплаты и связанные выплаты	RUB
X6	Среднесписочная численность работников	Среднее число сотрудников за период	чел.

Источник: составлено автором.

Показатель X6 фиксирует интенсивность применения труда и характеризует динамику выпуска и прибыли в расчете на одного работника при сокращении производственного цикла и потерь. Показатели доходности и маржинальности из набора X52 и X73 характеризуют эффекты снижения брака, повышения загрузки смен, улучшения планирования и уменьшения простоев, что приводит к росту валовой и операционной прибылей при неизменном фонде рабочего времени. Индикаторы оборота капитала, представленные показателем X134, реагируют на ускорение складских операций, отгрузки и выставления счетов. В результате запасы и дебиторская задолженность оборачиваются быстрее, а цикл «заказ–денежные

средства» сокращается. Индикаторы финансовой сбалансированности из группы X137 чувствительны к росту прибыли и ускорению оборота, поскольку денежный поток стабилизируется и риск недофинансирования снижается, что приобретает прикладное значение для промышленных предприятий с выраженной сезонностью и крупными производственными партиями. Показатель X57, отражающий ликвидность, реагирует на те же изменения, поскольку ускорение поступлений и сокращение незавершенных остатков уменьшают кассовые разрывы и потребность в краткосрочном заемном финансировании.

Совместное использование указанных показателей формирует согласованную аналитическую связку с низкой степенью избыточности. В наборе представлены показатели размерности деятельности, доходности, оборота капитала, долговой нагрузки и ликвидности, что обеспечивает устойчивое разделение предприятий по производственно-финансовым профилям. На прикладном уровне влияние прослеживается по последовательной цепочке от организационных и поведенческих изменений к операционным метрикам и далее к показателям финансовой отчетности. Первоначально повышается дисциплина исполнения и соблюдение сроков, сокращаются простои и доля брака. Затем укорачиваются производственный и финансовый циклы, растет выпуск на одного работника и маржинальность. В конечном итоге укрепляются показатели покрытия обязательств и ликвидности без расширения штата и при умеренном уровне капитала. Выбранный набор из шести показателей является минимально достаточным для переноса данного механизма в измеримую плоскость и позволяет проводить сопоставимую оценку эффектов геймификации по компаниям и кластерам.

Двухуровневый подход решает различные аналитические задачи. Полный набор показателей используется для детальной экспертизы и углубленного анализа. Расширенный набор из пятнадцати признаков поддерживает воспроизводимое разграничение профилей и воспроизводимые межфирменные и межвременные сопоставления. Сокращенный набор из шести показателей удобен для картирования, мониторинга и регулярной отчетности. Одновременно причинная структура воздействия геймификации остается прозрачной и поддается проверке на основе финансово-операционных данных.

Использование результатов в управленческих решениях реализуется по нескольким направлениям (Табл. 4). В стратегическом и бюджетном планировании методика применяется для настройки целевых KPI и приоритизации проектов повышения производительности. В кредитной и инвестиционной практике учитывается поправочный коэффициент $(1 - K_c)$ при расчете скоринговых показателей, лимитов и ковенант. В рамках промышленной политики результаты используются для ранжирования получателей поддержки и мониторинга отдачи средств в кластерном разрезе. При реализации адресных программ улучшений методика применяется для отбора пилотных предприятий. Для мониторинга динамики рекомендуется отслеживать межкластерные переходы и изменения расстояния до центра кластера как ранние индикаторы организационных сдвигов.

Таблица 4. Направления применения кластерного анализа и поправочного коэффициента.

Подразделения	**Цель применения**	**Как использовать кластер и K_c**	**Периодичность**	**Риски/заметки**
Руководители предприятий	Планирование и бенчмаркинг	Выводить кластер, дистанцию, K_c в дашборды; цели KPI умножать на K_c; выявлять «границу» по дистанции	Пересчет ежегодно; внепланово при реорганизации	Смещения из-за выбросов и неполной отчетности
Инвесторы и банки	Кредитный/инвест-скоринг	$r_{\text{adj}} = r_{\text{base}} + \lambda(1 - K_c)$; лимиты и ковенанты с учетом профиля	При обновлении отчетности и при пересмотре лимитов	Чувствительность к выбору признаков
Комитет по промышленной политике СПб	Приоритизация поддержки	Ранжирование заявок по K_c и динамике внутри кластера; мониторинг ROI по кластерам	Годовой цикл + квартальный мониторинг пилотов	Риск «переноса» шкалы без калибровки

Подразделения	Цель применения	Как использовать кластер и K_c	Периодичность	Риски/заметки
Институты развития, ассоциации	Отбор пилотов и адресные программы	Приоритет на кластерах с низким K_c и большой дистанцией; дорожные карты улучшений	Годовой цикл	Перегруппировка при отраслевых шоках
Аналитики и исследователи	Сопоставимость и валидация	Паспорта кластеров, отчеты по качеству, стресс-тесты, публикация вкладов признаков	При каждом релизе модели	Недостаточная прозрачность без публикации методики

Источник: составлено автором.

Ограничения методики связаны с чувствительностью результатов к выбору признаков и методу нормализации, качеством и полнотой корпоративной отчетности, а также размытостью границ у предприятий со смешанными моделями. Дополнительные риски формируются при анализе данных одного года, а также под воздействием отраслевых шоков и изменений ценовых цепочек. Перенос шкалы на другие регионы без предварительной калибровки приводит к систематическим смещениям.

Меры снижения рисков включают использование панельных данных за период не менее трех лет при сопоставимых метриках, регулярный пересчет кластеров и ретроспективный контроль изменений, стресс-тестирование на альтернативных алгоритмах кластеризации, робастную обработку выбросов посредством винзоризационной обработки и медианно-центрированного шкалирования, а также внешний бенчмаркинг по отраслевым справочникам. Повышение интерпретируемости достигается за счет раскрытия вкладов признаков и введения ограничения на минимальную численность кластера с отдельной маркировкой граничных наблюдений по расстоянию до центроида.

Перспективы дальнейших исследований включают развитие динамической кластеризации и анализ траекторий предприятий во времени, оценку причинных эффектов кластерной принадлежности на результативность с использованием методов разностей-в-разностях и синтетического контроля, расширение признакового пространства индикаторами

технологичности, экспортной активности и инновационного развития, а также применение текстового анализа пояснительных записок и новостных потоков. Дополнительным направлением является интеграция коэффициента K_c с методами SFA и DEA для совместной оценки эффективности, а также межрегиональные сопоставления с калибровкой переносимости методики.

Заключение

В работе решена задача сегментации предприятий обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга и обосновано использование поправочного кластерного коэффициента K_c в прикладных оценках. Сформирована сопоставимая база корпоративной отчетности, реализованы процедуры фильтрации данных, унификации и стандартизации данных, что обеспечило корректность машинной обработки. Реализован воспроизводимый аналитический механизм, включающий предобработку, диагностику взаимосвязей, снижение размерности для ослабления эффектов мультиколлинеарности и шумов, кластеризацию с многофакторной оценкой качества и экономическую интерпретацию профилей групп. Закреплена конфигурация кластеров, обеспечивающая баланс разделимости и интерпретируемости. Для каждой компании определены кластерная принадлежность и расстояние до центра, что позволяет отслеживать положение предприятий на карте сегментов.

Разработанная методика и рассчитанный коэффициент K_c пригодны для интеграции в системы аналитической поддержки предприятий, инвестиционных структур и органов регулирования. Подход обеспечивает сопоставимость оценок, адаптацию целевых ориентиров и связь управленческих решений с типовыми производственно-финансовыми профилями. Научная и образовательная составляющие получают практическое развитие за счет трансформации методики в учебные модули, аналитические кейсы и проектные задания. В совокупности предложенный подход соединяет научно-исследовательский подход, образовательные практики и потребности городской промышленности, формируя аналитический и кадровый потенциалы для повышения технологической результативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерохин С.Д.* Анализ существующих методов снижения размерности входных данных // «T-Comm. Телекоммуникации и транспорт», № 1, 2022. СС. 30–37.
2. *Мокеев В.В., Соломахо К.Л.* Об использовании метода главных компонент для анализа деятельности предприятий // «Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент», № 3, 2013. СС. 41–46.
3. *Буланов Л.А., Калина А.В., Криворотов В.В.* Кластеризация российских производственных компаний по показателям их финансового состояния с использованием технологий машинного обучения // “Journal of Applied Economic Research”, № 2, 2025. СС. 584–621.
4. *Пудовкина О.Е.* Кластеризация в промышленности как потенциал для развития технологичной экономики // «Креативная экономика», № 2, 2024. СС. 323–336.
5. *Ларченко Ю.Г., Котляров В.П.* Кластеризация как метод группировки и анализа многомерных объектов в промышленности (Clustering as a method of grouping and analysis of multidimensional objects in industry) // «Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Сер. Науки о человеке, обществе и культуре», № II (66), 2023. СС. 88–95.
6. *Краснопевцева И.В.* Социально-экономические аспекты управления производительностью труда на промышленных предприятиях // «Экономика. Информатика», № 8–1, 2013. СС. 34–42.
7. *Траченко М.Б., Гайша О.Д.* К оценке эффективности финансирования промышленных кластеров // «Российский экономический журнал», № 5, 2019. СС. 36–47.
8. *Кандрашина Е.А., Коновалова Ю.В.* Инвестиционная и инновационная активность промышленных предприятий: проблемы и перспективы // «Актуальные вопросы экономических наук», № 16-2, 2010. СС. 157–164.
9. *Лепихина Т.Л., Аликина Е.Б., Лепихин В.В.* Влияние экономических показателей на экологическую и социальную устойчивость промышленных предприятий // «Вестник Пермского университета. Сер. Экономика», № 4, 2014. СС. 86–92.
10. *Пономарева С.В.* Ключевые показатели эффективности (KPI) при реинжиниринге основных бизнес-процессов промышленных предприятий // «Прикладные экономические исследования», № 4, 2023. СС. 58–64.
11. *Дмитриев Н.Д.* Коэволюционные механизмы укрепления технологического суверенитета в условиях пространственной поляризации научно-производственного потенциала регионов // «Социально-экономические проблемы и перспективы территориального развития: сборник статей конференции», 2025. СС. 16–26.

DIGITAL ALGORITHMS FOR INDUSTRIAL CLUSTERING AS A TOOL FOR MANAGERIAL DECISION-MAKING (A CASE STUDY OF SAINT PETERSBURG)

N. Blagoy, N. Dmitriev
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

ABSTRACT

The study develops and empirically validates a methodology for clustering manufacturing enterprises, using Saint Petersburg as a case study and an integrated set of production and financial indicators. A unified corporate reporting dataset covering 526 firms is constructed and subjected to data cleaning, harmonization, standardization, and normalization procedures. To reduce indicator redundancy and address correlation structures, principal component analysis (PCA) is employed. Enterprise grouping is conducted using the k-means algorithm, while clustering quality is evaluated through the silhouette index, the Calinski–Harabasz criterion, and the Davies–Bouldin index. The analysis substantiates an optimal five-cluster solution, reflecting structural heterogeneity among firms in terms of operational scale, debt burden, profitability margins, liquidity, and investment activity. The proposed algorithm improves the comparability of economic characteristics and enhances the interpretability of analytical outcomes. The methodology demonstrates robustness with respect to outliers and multicollinearity, confirming its applicability to monitoring, planning, and applied analytical tasks. The findings provide a methodological basis for the development of corporate resilience assessment tools and for the design of educational case studies in the field of industrial analytics.

Keywords: gamification, game-based technologies, enterprise clustering, manufacturing industry, principal component analysis.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-113-120

АНАЛИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АРМЕНИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНДЕКСА ПРОНИКНОВЕНИЯ ИМПОРТА[1]

М.А. Восканян, Т.Г. Арутюнян

Российско-Армянский университет
mariam.voskanyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Вопросы экономической безопасности в целом и продовольственной безопасности, в частности, находились в центре внимания экспертного сообщества во все времена. Вместе с тем, для Армении эта проблематика с каждым годом становится все более актуальной. С изменением геополитической картины мира и высокой волатильностью мировой экономики, проблема самодостаточности по линии продовольствия должна находиться в приоритете. Еще более остро эта проблематика выделяется на фоне частичной блокады Армении по части транспортных коммуникаций.

Данная статья посвящена анализу и оценке продовольственной безопасности Армении с точки зрения ее самодостаточности по линии обеспечения населения продовольствием. При этом, ключевой акцент исследования сосредоточен на индексе проникновения импорта по ряду товарных групп, которые по уровню самодостаточности в Армении занимают достаточно низкие позиции.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, индекс проникновения импорта, Армения.

Введение

В научной литературе можно встретить достаточно большой пласт литературы, посвященной вопросам обеспечения продовольственной безопасности. Например, авторы [1, 2] ставят акценты на вопросах обеспечения стабильного доступа к продовольствию, на проблемах экологического характера [4], на индикаторах, характеризующих продовольственную безопасность [6]. Берри [3], в свою очередь, отмечает, что в

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и наук МОНКС РА (Научный проект № 24SSAH-5B004).

периоды глобальных продовольственных кризисов концепция продовольственной безопасности концентрируется на обеспечении доступности продовольствия и стабильности цен на основные продукты питания, что было обусловлено крайней волатильностью цен на сельскохозяйственную продукцию и турбулентностью на валютных и энергетических рынках в эти периоды. Многие авторы указывают на растущую долю населения мира, страдающего от недоедания [7,8].

Проблеме обеспечения продовольственной безопасности на постсоветском пространстве также посвящено много научных исследований. Так, например, Д.А. Ползиков [16] исследует продовольственную безопасность в странах ЕАЭС, Г.В. Восканян [11], В. Айказян [9], А.В. Есаян, И.К. Степанян [15] рассматривают проблему обеспечения продовольственной безопасности Армении. Многие из наших исследований [12, 13] также посвящены этой проблематике.

Одним из ракурсов, под которым, как правило, рассматривается продовольственная безопасность Армении, является проникновение импорта. Так, в частности, в работах В.Л. Айрапетян [10], К. Григорян, А. Джаноян [14] рассматривается эта проблематика.

Таким образом, тема продовольственной безопасности остается актуальной и по сей день, как для мировой экономики в целом, так и для Армении в частности.

Результаты

Как уже было сказано выше, уровень самодостаточности обеспечения продовольствием в стране является значимым индикатором с точки зрения продовольственной безопасности.

В Армении среди ключевых товарных групп по линии продовольствия, можно отметить несколько, в которых страна испытывает существенную нехватку (График 1). В таким товарным группам можно отнести зерновые и зернобобовые культуры, растительное масло, сахар, свинину и птицу. По всем этим товарным группам уровень самодостаточности в Армении ниже 50%. Наиболее критичным являются показатели по зерновым культурам, по которым по состоянию на 2024г., уровень самодостаточности составляется 26%, а также «птицы», по которым

этот индикатор чуть выше 26%. Общие тренды уровня самодостаточности в этих товарных группах также указывает на его снижение, что в целом можно рассматривать как негативную тенденцию.

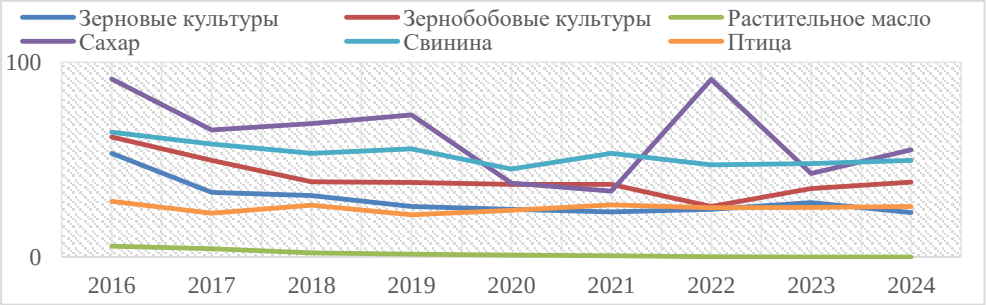


График 1. Уровень самообеспеченности продовольственными товарами первой необходимости, %.

Источник: составлено на основе Базы данных Статистического комитета РА.

В научной литературе, под индексом проникновения импорта подразумевается индикатор, отражающий долю импортных товаров и услуг во внутреннем потреблении или спросе страны. Его целью является демонстрация зависимости экономики от зарубежных поставок, а в основу расчетов берется отношение стоимости импорта к общему объему внутреннего спроса, выраженное в процентах.

Общий индекс проникновения импорта в Армении долгие годы демонстрирует высокую зависимость от внешних поставок по части большинства товаров потребления. Согласно данным Статистического комитета РА в 2024г. уровень проникновения импорта составлял около 76% и фактически демонстрировал исторический максимум за весь период независимости Армении. При этом, географическая структура импорта достаточно концентрирована. Россия остается крупнейшим партнером и занимает около 35% от общего объема торговли на конец 2025г., за ней следуют Китай (12,5%) и ЕС (11,8%).

В рамках данного исследования, нами был рассчитан индекс проникновения импорта по ключевым товарным группам, по которым Армения испытывает нехватку по линии самодостаточности.

К первой группе товаров относят зерновые. Следует отметить, что по

всем товарам, входящим в эту группу, можно заметить рост индекса проникновения импорта, в некоторых случаях этот рост особенно заметен (График 2). Этот тезис справедлив в отношении показателей пшеницы, кукурузы, ржи и ячменя. Показатель «Рис» при этом находится на предельной отметке по индексу проникновения импорта за весь рассматриваемый период. Такая картина указывает на высокую зависимость Армении от импорта перечисленных видов товаров. При этом, с точки зрения продовольственной безопасности эта группа товаров имеет первостепенное значение.

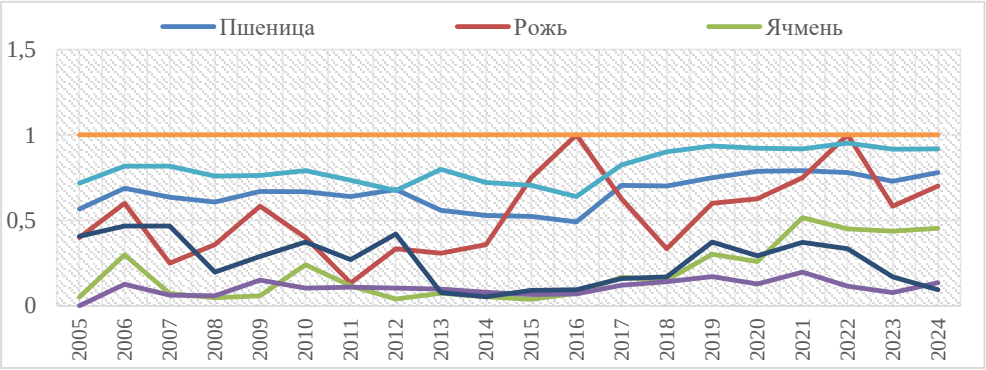


График 2. Индекс проникновения импорта, зерновые.

Источник: Рассчитано авторами на основе Базы данных Статистического комитета РА.

Среди зернобобовых культур также наблюдается некоторый рост индекса проникновения импорта, хотя динамика здесь носит более стабильный характер (График 3). Наиболее заметный рост можно отметить последние несколько лет. По линии чечевицы наблюдается некоторое сокращение индекса, однако на данном этапе говорить о положительном тренде рано.

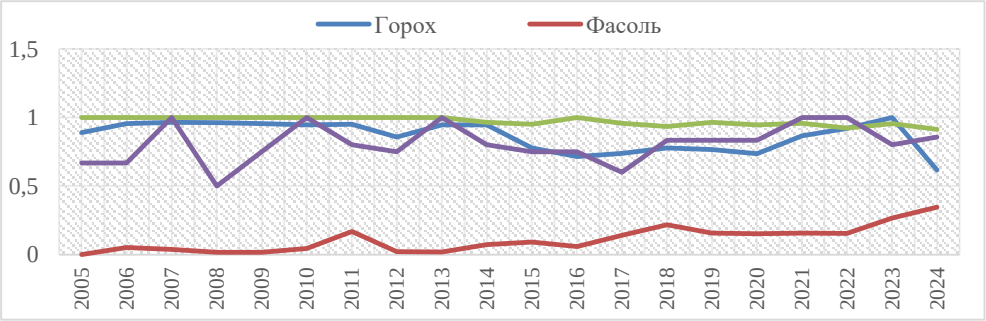


График 3. Индекс проникновения импорта, зернобобовые.

Источник: Рассчитано авторами на основе Базы данных Статистического комитета РА.

Что касается растительного масла и сахара, то здесь ситуация неоднозначна. Так, в частности, по показателям растительного масла и с учетом нулевого уровня самодостаточности Армении на текущий период, логичным представляется максимальный показатель индекса проникновения по этому продукту. Важным будет отметить, что в период 2011–2017гг. индекс проникновения рынка демонстрировал некоторое снижение, что может быть связано с появлением на рынке отечественной продукции. Безусловно, это требует отдельного исследования, однако можно утверждать, что зависимость от импорта растительного масла тесно связана с низким уровнем самодостаточности страны по линии зерновых культур.

В случае сахара мы можем наблюдать достаточно нестабильную динамику. Так, в частности, к 2011 году уровень проникновения импорта по сахару снизился до исторического минимума за рассматриваемый период и сохранял свои позиции на протяжении нескольких лет. С 2016г. мы можем наблюдать постепенный рост зависимости страны от импорта сахара, что в целом достаточно гармонично соотносится с динамикой уровня самообеспеченности Армении по линии этого товара.

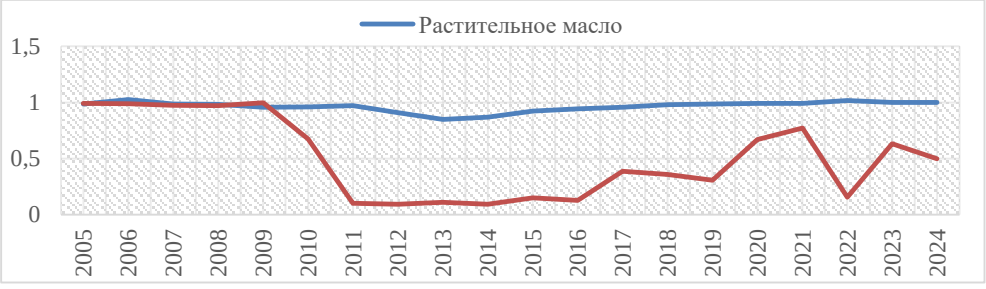


График 4. Индекс проникновения импорта, растительное масло и сахар.

Источник: Рассчитано авторами на основе Базы данных Статистического комитета РА.

Наконец, по части свинины и птицы можно отметить достаточно стабильную динамику за последние двадцать лет, с некоторым трендом

к снижению зависимости Армении от импорта по линии этих видов продуктов питания (График 5).

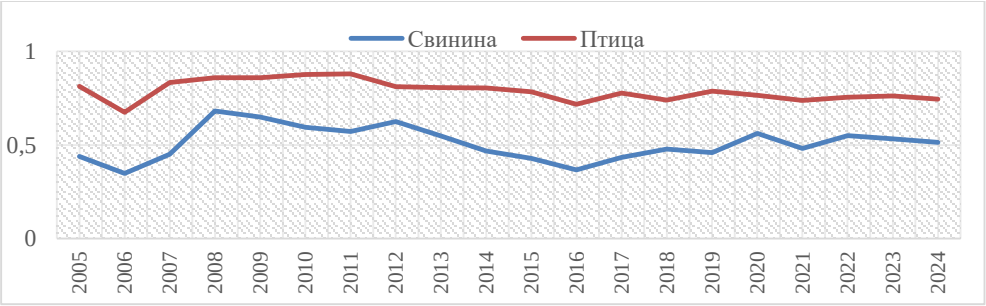


График 5. Индекс проникновения импорта, свинина и птица.

Источник: Рассчитано авторами на основе Базы данных Статистического комитета РА.

Таким образом, по всем товарным группам, по которым в Армении наблюдается низкий уровень самодостаточности, одновременно констатируется высокий уровень проникновения импорта. Такая тенденция кажется логичной, однако демонстрирует еще более яркую зависимость Армении от импорта определенных видов продуктов питания. Наиболее серьезные опасения вызывает ситуация с зерновыми культурами.

Выводы

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что продовольственная безопасность Армении характеризуется высокой зависимостью от импорта по ряду ключевых продуктов, в частности, зерновых и зернобобовых культур, растительному маслу, сахару, свинине и птице. Такая зависимость усугубляется высокими рисками в геополитическом поле в силу высокого уровня нестабильности мировой экономики. При этом низкий уровень самообеспеченности не позволяется заместить импортную продукцию в должной степени. Все это в совокупности обуславливает необходимость пересмотра концепций стратегии продовольственной безопасности, с целью ее повышения ее уровня в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anderson J.* Concepts of food sustainability. In: Ferranti, P., Berry, E., Anderson, J.R. (Eds.): Encyclopedia of Food Security and Sustainability. Oxford: "Elsevier", 2018.
2. *Anderson J. b.* Concepts of food stability in food security. In: Ferranti, P., Berry, E., Anderson, J.R. (Eds.), Encyclopedia of Food Security and Sustainability. Oxford: "Elsevier", 2018.
3. *Berry E., Dernini S., Burlingame B., Meybeck A., Conforti P.* Food security and sustainability: can one exist without the other? // "Public Health Nutrition", № 18, 2015. PP. 2293–2302.
4. *Garnett T., Smith P., Nicholson W., Finch J.* a. Food Systems and Greenhouse Gas Emissions (Food Source: Chapters) // "Food Climate Research Network": University of Oxford, 2016.
5. *Garnett T., Smith P., Nicholson W., Finch J.,* b. Overview of Food System Challenges (Foodsource: Chapters) // "Food Climate Research Network". University of Oxford, 2016.
6. *Maxwell D., Caldwell R.* 2008. The Coping Strategies IndexdA Tool for Rapid Measurement of Household Food Security and the Impact of Food Aid Programs in HumanitarianEmergencies Field Methods Manual, second ed. USAID, WFP, CARE, Feinstein International Center, TANGO.
7. *Peng W., Berry E*. 2018. Global Nutrition 1990–2015: a shrinking hungry, and expanding fat world. PLoS One 13, e0194821.
8. *Rosenbloom J., Kaluski D., Berry E.* A global nutritional index // "Food Nutr. Bull.", № 29, 2008. PP. 266–277.
9. *Айказян В*. Вопросы продовольственной безопасности Армении // «XXI-й век», № 2 (8), 2008. СС. 158–179.
10. *Айрапетян В.Л., Ераносян А.А*. Обзор основных показателей продовольственной безопасности Республики Армения. Восемнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II, 2025. СС. 40–48. doi:10.24412/cl-37385-2025-2-40-48.
11. *Восканян Г.В.* Анализ продовольственной безопасности в мире и в Армении // «Вестник экономики и права», № 40, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prodovolstvennoy-bezopasnosti-v-mire-i-v-armenii.
12. *Восканян М.А.* Продовольственная безопасность Армении: ключевые акценты. Экономика XXI века: новые реалии, свежие решения // «Труды Международной научно-практической конференции. Ульяновский государственный университет». Ульяновск: УГУ, 2025, 168с. СС. 9–12.
13. *Восканян М.А., Айрапетян В.Л.* Анализ и оценка критического импорта Армении через призму продовольственной безопасности // «Современная мировая экономика». Т. 2, № 4 (8), 2024. EDN: OUSAUUDOI: https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-106-123;
14. *Григорян К., Джаноян А.* Исследование рынка пшеницы в контексте продовольственной безопасности Республики Армения // "Researchgate", 2021.
15. *Есаян А.В., Степанян И.К.* Подходы к оценке продовольственной безопасности Армении с точки зрения спроса // «Восемнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки». Часть II, 2025. СС. 124–133. DOI:10.24412/cl-37385-2025-2-124-133

16. *Ползиков Д.А.* Текущее состояние продовольственной безопасности в странах ЕАЭС// «ЭКО», № 6, 2020. СС. 67–86. / DOI: 10.30680/ ECO0131-7652-2020-6-67–86.

FOOD SECURITY ANALYSIS OF ARMENIA THROUGH THE LENS OF THE IMPORT PENETRATION INDEX

M. Voskanyan, T. Harutyunyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

Issues of economic security in general, and food security in particular, have always been in the focus of the expert community. However, for Armenia, this issue is becoming increasingly relevant each year. With the changing geopolitical landscape and high volatility of the global economy, the problem of food self-sufficiency should be a priority. This issue becomes even more acute in the context of the partial blockade of Armenia in terms of transport communications.

This article is devoted to the analysis and assessment of Armenia's food security from the perspective of its self-sufficiency in food supply. The key focus of the study is placed on the import penetration index for a number of commodity groups that hold relatively low levels of self-sufficiency in Armenia.

Keywords: food security, import penetration index, Armenia.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-121-130

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

М.А. Восканян, М.Д. Оганесян

Российско-Армянский университет
mariam.voskanyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в современном мире цифровизация приобрела жизненно важное значение с точки зрения роста и развития экономики, конкурентных преимуществ различных стран, а также повышения уровня развития человеческого капитала. Можно с уверенностью утверждать, что в конкурентной борьбе за ниши в мировой экономике победят лишь те страны, которые сумеют максимально использовать возможности цифровой экономики. И, безусловно, в этом процессе наиболее значимую роль будет играть человеческий капитал. Все это обуславливает актуальность проблематики воздействия внедрения цифровых технологий в экономику на развитие человеческого капитала. В качестве примера в рамках данного исследования был выбран опыт стран Европейского союза.

Данная статья посвящена анализу уровня развития человеческого капитала в странах Европейского союза через призму цифровизации экономических процессов. В исследовании рассматриваются некоторые показатели, характеризующие уровень развития человеческого капитала и цифровой экономики за последнее десятилетие. В результате исследования авторы приходят к выводу о существенном влиянии цифровизации на рынок труда в странах ЕС, а также на видоизменение человеческого капитала с точки зрения уровня образования, квалификации и других характеристик, обусловленных эволюционными изменениями качества рабочей силы.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, человеческий капитал, Европейский союз.

Введение

В современной научной литературе немало исследований, посвя-

щенных проблеме развития человеческого капитала через призму активной цифровизации всех сфер деятельности человека. Безусловно, эта тема вызывает живой интерес как с точки зрения изменений в структуре рабочей силы стран, так и с точки зрения ее влияния на уровень доходов и даже благосостояния населения в будущем. Разумеется, человечество не в первый раз переживает такие технологические скачки мировой экономической системы, во время которых требуется кардинальное изменение структуры и качества человеческого капитала. С другой стороны, скорость таких изменений безусловно беспрецедентна.

Наиболее ярко эта проблема сегодня коснулась развитых стран, в силу большей вовлеченности в технологическое развитие и научно-технический прогресс. В этом смысле, интерес вызывает опыт стран Евросоюза [6, 13]. Во-первых, потому что эта интеграция объединяет страны с высоким доходом, а значит, развитые экономики. А во-вторых, страны ЕС достаточно разнородны по своей структуре и, несмотря на соотнесение к одной группе доходов, значительно отличаются друг от друга по уровню благосостояния и качеству жизни. Среди работ, посвященных вопросам развития человеческого капитала, можно выделить исследования Ковача и других ученых [9, 10, 11], в которых авторы доказывают, что успешное развитие цифровой экономики значительно связано с цифровыми навыками у населения, а также непосредственно отражается на уровне развития человеческого капитала в странах ЕС. Многие авторы [3, 7] указывают на то, что развитие цифровых технологий ведет к развитию цифровых навыков, тем самым увеличивая потенциал цифрового развития человеческого капитала. Кроме того, в литературе можно встретить исследования [2], которые делают акцент на роль COVID-19 в ускорении процессов цифровизации, а также усилении цифровых навыков у человечества в силу активного внедрения цифровых технологий в экономику стран.

Если в недавнем прошлом, цифровизация экономики была направлена на упрощение доступа к ресурсам и повышение конкурентоспособности за счет сокращения издержек, то ограничения, введенные в связи с COVID-19, привели к изменениям в структуре рабочей силы, углублению и развитию использования цифровых технологий и ИКТ как в бизнесе, так и в других сферах деятельности человека [4]. При этом, человеческий капитал все больше становится ключевым инструментом построения конкурентного преимущества для стран [8]. А цифровые навыки и цифровизация

экономики в целом лишь повышают и усиливают такую конкурентоспособность. Среди исследований на эту проблематику, можно также встретить работы [5], посвященные рискам цифровизации экономики с точки зрения сокращения рабочих мест и повышения уровня безработицы. Другие авторы, наоборот говорят о неопределенности с точки зрения воздействия цифровизации на человеческий капитал в целом [16], и на рынок труда [1,14,15] в частности. Таким образом, влияние цифровизации на развитие человеческого капитала, безусловно, присутствует, но носит достаточно неоднозначный характер.

Результаты

Структура рынка труда, как в мире, в целом, так и в странах ЕС претерпевает медленную трансформацию в сторону роста числа наемных работников. Вместе с тем, научные исследования и эмпирические данные о трудовой силе в мире свидетельствуют о плавном перетоке рабочей силы из наемной в самозанятые. В этом процессе немаловажную роль играет цифровизация и, безусловно, такой тренд не мог не коснуться и стран Европейского союза. Тем не менее, можно заметить (Рис. 1), что в целом численность занятого населения имеет тенденцию к росту, при этом рост наемных работников превосходит рост числа самозанятых. Доля самозанятого населения сохраняет свои позиции, тогда как доля наемных работников неуклонно растет.

График 1. Распределение занятых по статусу занятости в ЕС, в тыс. человек.

Источник: составлено на основе базы данных "Eurostat".

Вместе с тем, согласно Европейской комиссии[1], около 90% рабочей силы ЕС использует цифровые устройства в рабочем процессе, а около 30% уже применяют искусственный интеллект в задачах, таких как обработка текста, анализ данных, перевод и планирование. При этом модифицируются требования рынка труда к уровню образования рабочей силы. Как можно увидеть на Графике 2, все страны ЕС обладают достаточно высоким уровнем развития образовательных систем. Безусловно, между странами присутствует некоторый разрыв, что обусловлено разнородностью экономик, входящих в состав ЕС. Однако, общая картина по странам Евросоюза демонстрирует высокие показатели, а также тенденцию к улучшению своих позиций в этом индексе.

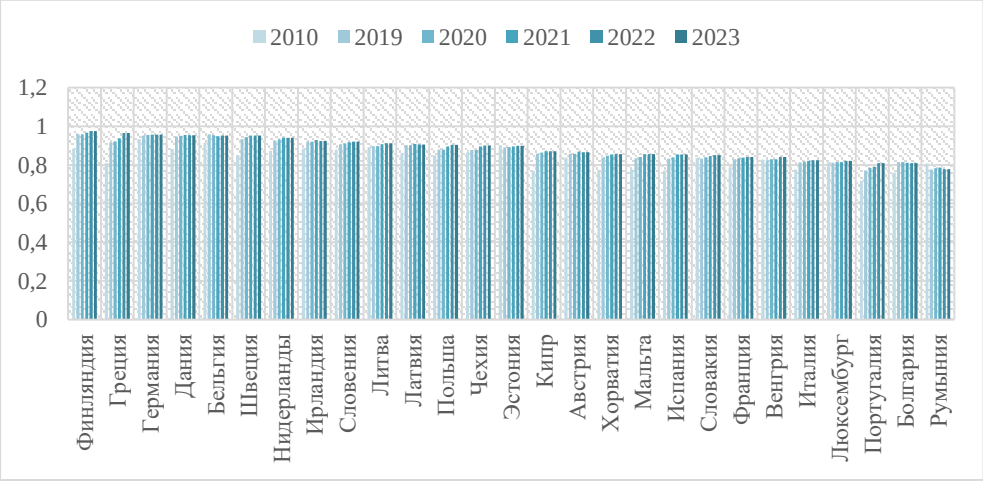


График 2. Индекс образования в странах ЕС.

Источник: составлено на основе базы данных Всемирного банка.

Несмотря на это, цифровизация меняет потребности рынка труда и сегодня согласно исследованиям The Digital Skills and Jobs Platform[2], базовые цифровые навыки становятся обязательными на рынке труда, а

[1] *Gonzalez V., Macias F., Wright S. and Villani D.* Digital Monitoring, Algorithmic Management and the Platformisation of Work in Europe, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2025, https://data.europa.eu/doi/10.2760/9406086, JRC143072.

[2] https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/latest/news/emerging-technologies-and-future-work-europe?utm_source=chatgpt.com

спрос на продвинутые навыки (работа с данными, программирование, AI и кибербезопасность) стремительно растет. Вместе с тем, рынок труда сталкивается с нехваткой квалифицированных кадров, что усиливает разрыв между системой образования и потребностями рынка труда. Такая проблема больше присуща развивающимся экономикам, однако цифровизация экономики привела к тому, что даже в таких развитых регионах мира, к которым относится Европа, можно наблюдать несоответствие рынка образовательных услуг и рынка труда.

Такая ситуация приводит к стагнации развития человеческого капитала стран Евросоюза. На сегодняшний день, страны Евросоюза, безусловно, обладают высоким уровнем развития человеческого капитала (График 3). При этом, как и в случае с Индексом образования, страны достаточно заметно отличаются по уровню развития человеческого капитала. Если говорить о компонентах индекса развития человеческого капитала, то здесь различия между странами проявляются наиболее заметно. Скажем, по продолжительности жизни лидируют страны западной Европы, где в среднем этот показатель составляет около 80 лет, тогда как в странах восточной Европы продолжительность жизни колеблется в районе 70–75 лет. Это во многом обусловлено качеством системы здравоохранения и общим уровнем жизни в этих странах. Такой же разрыв можно отметить в индексе здравоохранения.

Здесь важным будет отметить, что продолжительность жизни населения во многом тесно связана с рынком труда, поскольку на фоне старения населения, зачастую возраст работоспособного населения увеличивается, а цифровизация может позволить использовать рабочую силу старшего возраста более эффективно.

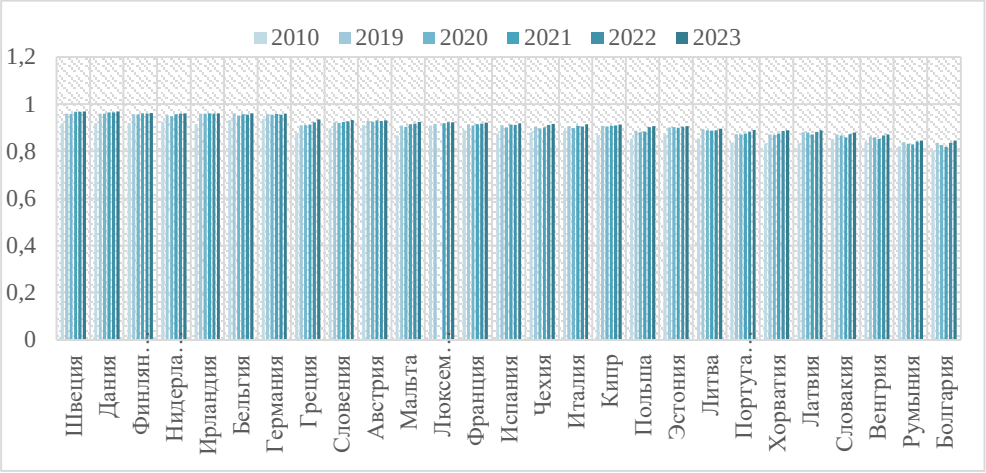


График 3. Индекс развития человеческого капитала в странах ЕС.

Источник: составлено на основе базы данных Всемирного банка.

Таким образом, современное развитие человеческого капитала становится неразрывно связанным с уровнем цифровых навыков у рабочей силы. В этом аспекте, картина в странах ЕС достаточно интересна. Так, например, если по базовым цифровым навыкам, страны ЕС отличаются друг от друга, за редким исключением, максимум на 25–30%, то в вопросе продвинутых цифровых навыков, население стран демонстрирует достаточно большой разрыв между жителями западной Европы и остальными странами Евросоюза (График 4). Исключением можно считать показатели Германии, где доля населения с продвинутыми цифровыми навыками достаточно низка по сравнению с другими странами Западной Европы. По состоянию на 2024г. около 58% жителей ЕС в возрасте 16–74 лет владели как минимум базовыми цифровыми навыками, которые включают в себя информационную и цифровую грамотность, коммуникации, создание цифрового контента, безопасность и решение проблем с помощью цифровых инструментов. При этом, больше 40% населения такими навыками не обладают. Наиболее высокие показатели по базовым цифровым навыкам наблюдаются в Нидерландах, Финляндии, Ирландии и Дании.

Кроме того, лишь половина населения, обладающего базовыми цифровыми навыками, владеет также цифровыми инструментами на

продвинутом уровне, который включает в себя программирование, анализ данных и другие сложные виды деятельности, связанные с использованием цифровых инструментов. Однако, говоря о тенденциях, можно отметить, что за последние десять лет во всех странах ЕС наблюдается рост численности населения, владеющего как базовыми цифровыми навыками, так и продвинутыми. Безусловно, такая тенденция в той или иной мере наблюдается по всему миру.

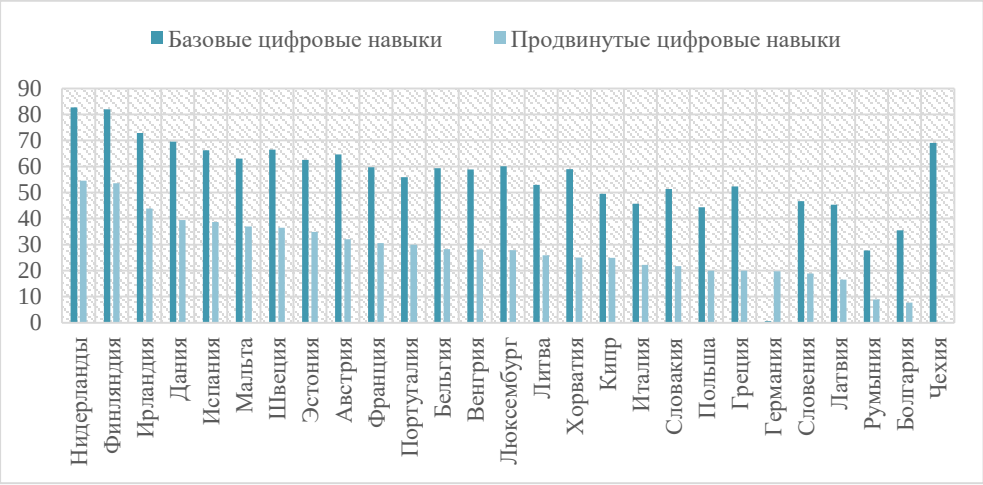


График 4. Цифровые навыки у населения, % от общей численности, 2024г.

Источник: составлено на основе базы данных Eurostat.

В зависимости от уровня грамотности человеческого капитала в области продвинутых цифровых навыков, в тех или иных странах ЕС население в большей или меньшей степени занято в секторе ICT. Как мы можем видеть, с точки зрения занятости на рынке труда в сфере ICT, больше всего успешны такие страны как Германия, Франция, Испания, Италия, Польша и Нидерланды (График 5). При этом, всего по Евросоюзу по состоянию на конец 2024г. более 10 млн человек были заняты в секторе ICT, что составляет около 5% от общей занятости.

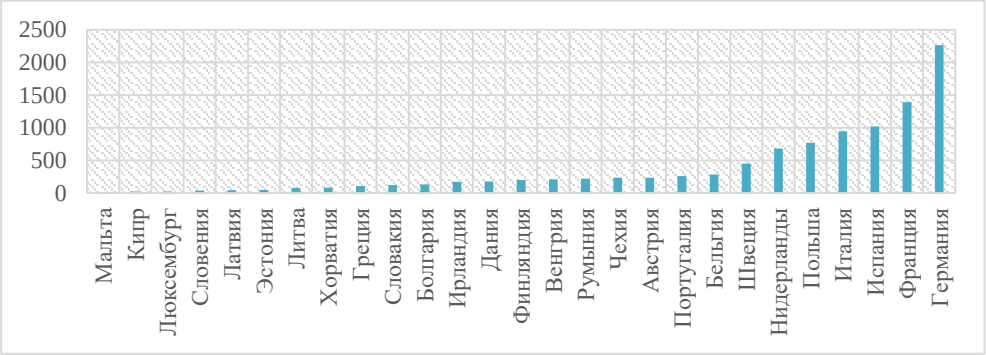


График 5. Численность трудовой силы, задействованной в ИКТ секторе, в тыс. чел.

Источник: составлено на основе базы данных Eurostat.

Согласно прогнозам, эта цифра по Евросоюзу к 2030г. может удвоиться. Таким образом, в странах ЕС, как и во всем остальном мире, меняется структура занятости и спроса на рабочую силу. Эта тенденция требует адаптации систем образования под новые потребности рынка труда.

Выводы

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что развитие человеческого капитала достаточно тесно связано с общим развитием экономических систем. В этом смысле, опыт стран Евросоюза является наглядным примером модификации человеческого капитала и его качества под нужды рынка труда. При этом, важным аспектом является эффективная адаптация образовательных систем и государственной политики в сфере образования, с целью создания квалифицированных кадров, необходимых рынку, и повышения качества человеческого капитала во всех аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Acemoglu D., Restrepo P.* Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets // "Journal of Political Economy", № 128 (6), 2020. PP. 2188–2244. https://doi.org/10.1086/705716.
2. *Bikse V., Lusena-Ezera I., Rivza P. & Rivza B.* The Development of Digital Transformation and Relevant Competencies for Employees in the Context of the Impact of the COVID-19 Pandemic in Latvia // "Economic Modelling". V. 13, № 16, 2021. P. 9233.
3. *Chulanova Z., Satybaldin A. & Koshanov A.* Methodology for Assessing the State of Human Capital in the Context of Innovative Development of the Economy: A Three-

Level Approach // “Journal of Asian Finance Economics and Business”. Vol. 6, № 1, 2019. PP. 321–328. doi:10.13106/jafeb.2019.vol6.no1.321.
4. *Dvorak M., Royny P., Grebennikova V. & Faminskaya M.* Economic impacts of Covid-19 on the labor market and human capital // “Terra Economicus”. Vol. 18, № 4, 2020. PP. 78–96. doi:10.18522/2073-6606- 2020-18-4-78-96.
5. *Groen W., Lenaerts K., Bosc R., Paguier F.* (2017). Impact of digitalization and the ondemand economy on labour markets and the consequences for employment and industrial relations. European Economic and Social Committee. URI: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/qe-02-17-763-en-n.pdf.
6. *Kinnunen J., Androniceanu A., Georgescu I.* “Digitalization of EU Countries: a cluster-wise analysis,” in 13rd International Management Conference: Management Strategies for High Performance, Bucharest, Romania, 2019. PP. 1–12.
7. *Kelchevskaya N., Shirinkina E.* (2020, Apr 16–17). “Institutional Model of Drivers of Digital Development of Human Capital in the Strategic Perspective”. Paper presented at the 2nd International Scientific and Practical Conference on Modern Management Trends and the Digital Economy – from Regional Development to Global Economic Growth (MTDE), Yekaterinburg, Indonesia.
8. *Kichigin O., Gonin D., Publishing I.O.P.* (2019, Nov 21–22). “Human capital as a catalyst for digitalization of regional economy”. Paper presented at the International Scientific Conference on Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service (DTMIS), St. Petersburg, Russia.
9. *Kovács T., Bittner B.* (2022). Examination of the category of digitalization of public services in the Digital Economy and Society Index among the Eastern Enlargement of EU. Industry 4.0, 7 (1).
10. *Kovacs T., Bittner B., Nabradi A.* (In Press). The Integration of Digital Technologies in the European Union based on the DESI Index Paper presented at the ENTRENOVA – ENTerprise REsearch InNOVAtion, Opatija. https://hrcak.srce.hr/ojs/index.php/entrenova
11. *Kovacs T., Bittner B, Huzsvai L., Nabradi A.* Convergence and the Matthew Effect in the European Union Based on the DESI Index // “Mathematics”. Vol. 10, № 4, 2022. P. 23. doi:10.3390/math10040613.
12. *Kravchenko S.* New transmission mechanism for the sustainable and humanistic development of human capital: Demand for the 'rigidity turn' // RUDN Journal of Sociology – “Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Sotsiologiya”. Vol. 21, № 3, 2021. PP. 433–443. doi:10.22363/2313-2272- 2021-21-3-433-443.
13. *Orviska M., Hunady J.* “E-Commerce in the EU: The Role of Common Standards and Regulations” in Shaping the Future Through Standardization. K. Jakobs, Ed. Hershey, USA: “IGI Global”, ch. 9, 2020. PP. 226–250.
14. *Pena-Casas R., Ghailani D., Coster S.* (2018). The impact of digitalization on job quality in European public services. The case of homecare and employment service workers. Final report EPSU. URI: https://www.epsu.org/sites/default/files/article/files/FINAL%20REPORT%20EPSU% 20Digitalisation%20-%20OSE%20June%202018.pdf.
15. *Santos A., Barbero J., Salotti S., Conte A.* Job creation and destruction in the digital age: Assessing heterogeneous effects across European Union countries // “Economic Modelling”, 2023. P. 126. https://doi.org/10.1016/j.econmod.2023.106405.

16. *Yunxia W., Neng H., Yechi M.* The Effect of Digital Economy Development on Labor Employment // "Journal of Global Information Management". Vol. 31, № 6, 2023. https://doi.org/10.4018/JGIM.321180.

CURRENT TRENDS IN HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN THE EUROPEAN UNION COUNTRIES UNDER DIGITALIZATION CONDITIONS

M. Voskanyan, M. Oganesyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In the modern world, digitalization has acquired vital importance in terms of economic growth and development, competitive advantages of different countries, as well as the enhancement of human capital development. It can be confidently stated that, in the competition for positions in the global economy, only those countries that are able to maximize the opportunities of the digital economy will succeed. Undoubtedly, human capital will play the most significant role in this process. All this determines the relevance of studying the impact of the introduction of digital technologies into the economy on the development of human capital. The experience of the countries of the European Union was chosen as an example within the framework of this study.

This article is devoted to the analysis of the level of human capital development in the countries of the European Union through the prism of the digitalization of economic processes. The study examines several indicators characterizing the level of development of human capital and the digital economy over the last decade. As a result of the research, the authors conclude that digitalization has a significant impact on the labor market in EU countries, as well as on the transformation of human capital in terms of education level, qualifications, and other characteristics driven by the evolutionary transformations of the labor force.

Keywords: digitalization, digital economy, human capital, European Union.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-131-141

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЕАБР И ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ ДЛЯ АРМЕНИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.А. Восканян, Э.Ю. Мамиконян

Российско-Армянский университет
mariam.voskanyan@rau.am, elina.mamikonyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена финансовым инструментам Евразийского банка развития (ЕАБР) и их применимости для экономики Армении, с учетом существующих барьеров и перспектив интеграции. Основное внимание уделено анализу кредитных инструментов, инвестиционного и проектного финансирования, различных гарантийных механизмов, а также инициатив ЕАБР в области устойчивого развития.

В работе обобщены ключевые направления сотрудничества Армении с ЕАБР, включая инфраструктурное и энергетическое развитие, а также возможности привлечения долгосрочного капитала для стимулирования малого и среднего бизнеса.

Рассмотрены основные проблемы, ограничивающие эффективность использования потенциала ЕАБР в Армении, включая институциональные ограничения, недостаточную координацию с национальными финансовыми институтами и ограниченную осведомленность бизнес-сообществ и других целевых участников.

В рамках исследования определены потенциальные возможности для расширения участия Армении в инициативах ЕАБР. Результаты анализа могут быть использованы для совершенствования национальных стратегий и привлечения иностранных финансовых ресурсов.

Ключевые слова: Армения, ЕАБР, финансовые инструменты, вызовы, перспективы.

Введение

Различные процессы интеграции в Евразийском регионе на современном этапе неизбежно приводят к формированию новых механизмов экономического сотрудничества. Важно подчеркнуть, что многие из них носят инновационный характер, поскольку возникли в ответ на новые

проблемы и вызовы. Среди подобных инструментов особое место занимает Евразийский банк развития, играющий базовую роль в данных процессах. ЕАБР является ключевым институтом Евразийского экономического союза и одновременно выступает в качестве финансового посредника, поддерживающего реализацию инвестиционных проектов, стимулирующего развитие инфраструктуры и способствующего укреплению экономической стабильности государств-участников союза.

В последние годы в различных научных кругах наблюдается устойчивый рост интереса к изучению деятельности ЕАБР. Например, исследования авторов Г. Фаниан [3], А. Пестишь [6] посвящены анализу финансовых инструментов ЕАБР и их влияния на национальные экономики стран региона. В работах Н. Семеновой и О. Еременой [7] особое внимание уделяется кредитным и инвестиционным схемам, применяемым Банком при реализации совместных проектов.

Использование инструментов ЕАБР в рамках рассматриваемой темы также проанализировано в исследованиях Г. Алтунян [10] и С. Оганнесян [11], где они рассматриваются в таких областях, как энергетика, транспорт, промышленность и прочих сферах экономики.

Целью данного исследования является анализ основных финансовых инструментов ЕАБР, а также оценка их применимости к экономике Армении. В качестве задач исследования выделяются выявление ключевых проблем, а также определение перспектив и возможностей для дальнейшего сотрудничества.

Для достижения поставленной цели в работе будут проанализированы актуальные механизмы финансирования, применимые ЕАБР, а также рассмотрен практический опыт реализации проектов на территории Армении.

Результаты проведенного исследования могут способствовать выработке практических рекомендаций по оптимизации проектного подхода и расширению участия Армении в различных интеграционных финансовых инициативах.

Актуальность

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью проведения всестороннего, конструктивного и комплексного анализа применимости финансовых инструментов ЕАБР для экономики Республики

Армения. Рассмотрение данного вопроса особенно важно в контексте современных вызовов, связанных с геополитической нестабильностью и последствиями глобальных экономических кризисов. В условиях возрастающей потребности в диверсификации источников финансирования сотрудничество Армении с ЕАБР открывает новые возможности и перспективы для развития различных отраслей экономики, в том числе в части привлечения долгосрочного капитала.

Механизмы взаимодействия охватывают широкий спектр направлений, включая модернизацию инфраструктуры и развитие малого и среднего бизнеса. Вместе с тем эффективность применения различных финансовых инструментов зависит от совокупности факторов, среди которых особое значение имеет согласованность национальной финансово-экономической политики с целями интеграционных процессов. Существенную роль также играют институциональная готовность государства и общий уровень прозрачности инвестиционной среды.

Финансовые инструменты ЕАБР и их применимость для Армении: вызовы и перспективы

В период 2009–2022гг. ЕАБР осуществил в Армении проекты на общую сумму свыше 400 млн долларов США, включая проекты в финансовом секторе экономики [12]. При этом Армения занимает лидирующую позицию в текущем инвестиционном портфеле Банка среди стран с малыми экономиками, что является существенным показателем уровня вовлеченности страны в деятельность ЕАБР и эффективности сотрудничества.

Для Армении в ЕАБР была разработана пятилетняя страновая стратегия на период 2022–2026гг., ориентированная непосредственно на национальные особенности экономического развития, а также ключевые структурные потребности страны. Значительная часть проектов в рамках данной стратегии уже утверждена и частично реализована. Реализация данной стратегии способствует усилению интеграционной роли Армении в рамках формата ЕАЭС+ и расширению ее участия в региональных инвестиционных процессах [12].

В рамках экономического анализа применяемых инструментов следует отметить, что финансовые цели данной стратегии ориентированы на решение ключевых задач национальной повестки социально-экономического развития. Поэтапная реализация финансовой стратегии

предполагает активное взаимодействие с частным сектором, направленное на успешную реализацию проектов в следующих направлениях:

- развитие и модернизация инфраструктуры страны;
- обеспечение продовольственной и пищевой безопасности;
- предоставление целевых и специализированных финансовых услуг;
- развитие экспортно-ориентированного производства;
- внедрение цифровых технологий и процессов общей цифровизации экономики.

Ожидаемым результатом реализации стратегии является кратное увеличение совокупного объема инвестиций в экономику Армении на 300–350% [12].

На текущем этапе ЕАБР предлагает диверсифицированный набор финансовых инструментов, систематизированных и представленных на Рис. 1.

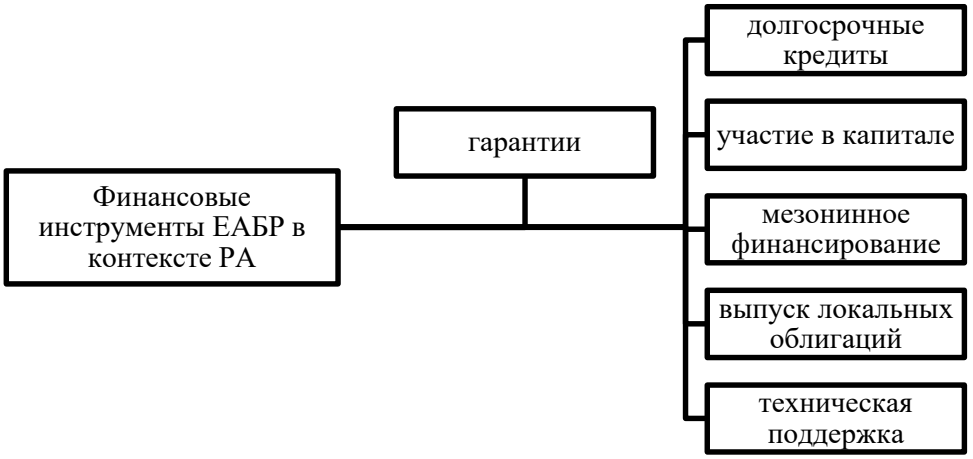


Рисунок 1. Финансовые инструменты ЕАБР в контексте РА[1].

В 2025г. Евразийский банк развития выразил готовность рассматривать заявки от представителей частного сектора и предоставлять техниче-

[1] Источник: статья «Предложения по механизмам поддержки и финан-сирования совместных инициатив и кооперационных проектов в сфе-ре здравоохранения с использованием инструментов международных финансовых институтов развития, осуществляющих свою деятель-ность в Евразийском экономическом союзе» https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/72d/Predlozheniya-po-mekhanizmam-podderzhki-i-finansirovaniya-sovmestnykh-initsiativ-i-kooperatsionnykh-proektov-v-sfere-zdravookhraneniya.pdf

скую помощь, направленную на формирование полноценного государственно-частного партнерства (ГЧП) и развитие финансового рынка Армении. Все перечисленные меры ориентированы на обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны в целом. Вместе с тем перечень секторов, охватываемых данной программой, требует расширения, поскольку существующий список не полностью отражает потребности национальной экономики в развитии финансового потенциала.

Параллельно необходимо отметить, что низкая инвестиционная активность может быть обусловлена рядом факторов, включая:

- ограниченность доступных финансовых инструментов;
- административные барьеры и бюрократические сложности;
- финансовые и ресурсные ограничения у участников рынка;
- отсутствие четко сформулированной стратегии и механизмов ее реализации.

Многие из перечисленных проблем могут быть эффективно решены посредством внедрения **прозрачной** политической и стратегической структуры, а также согласованных механизмов взаимодействия между государством и частным сектором.

В дальнейшем будет рассмотрен ряд ключевых вызовов при использовании инструментов ЕАБР в Армении, представленных в Табл. 1, а также проведен их подробный анализ.

Таблица 1. Главные вызовы использования инструментов ЕАБР в Армении[2].

НН	Проблема	Анализ	Вывод
1	Кредитно-рисковые факторы	Внешние и внутренние политические, геополитические и санкционные риски повышают стоимость заимствований в Армении и влияют на привлечение и удержание инвестиций	ЕАБР проявляет осторожность в финансировании проектов с высоким уровнем риска

[2] Источник: “Investing in the future: projects of international financial organi-zations in Eurasia”. EDP, 2025 / https://eabr.org/analytics/special-reports/investing-in-the-future-projects-of-international-financial-organizations-in-eurasia/?utm

НН	Проблема	Анализ	Вывод
2	Ограниченные возможности локального софинансирования и банковского рынка	Реализация крупных инфраструктурных и структурных проектов часто требует одобрения со стороны банков и государственного бюджета, а также значительной доли софинансирования	Из-за ограниченной глубины финансового рынка софинансирование становится редким и не всегда доступным
3	Экологические и социальные требования	Современные проекты требуют строгой экологической и социальной оценки, особенно в финансовой и инфраструктурной сферах	В отдельных случаях проекты могут оставаться закрытыми до их реализации, чтобы минимизировать общественное сопротивление
4	Недостаточная готовность проектного портфеля	Большое количество проектов, включая действующие и потенциальные, требует доработок с технической и экономической точки зрения, а также корректировки финансовых моделей	Техническая и прогнозная поддержка ЕАБР может ускорить решение проблем, однако ограниченность ресурсов остается существенным фактором
5	Правовые преграды	Отсутствие актуальных, прозрачных юридических основ и нормативных актов замедляет процессы и делает реализацию ряда проектов проблематичной	Это снижает привлекательность проектов для потенциальных инвесторов

Как следует из Табл. 1, на сегодняшний день существует значительное количество внешних и внутренних проблем и преград, препятствующих эффективному использованию инструментов ЕАБР. В условиях глобализации и геополитической неопределенности многие процессы реализуются медленнее, чем планировалось, что замедляет инвестиционную активность и развитие проектов.

Особое внимание необходимо уделить правовым и политическим факторам, поскольку именно они часто оказывают решающее влияние на принятие решений и реализацию проектов на национальном уровне.

Далее будут рассмотрены перспективы применения инструментов ЕАБР в Армении, представленные в Табл. 2, а также проанализированы потенциальные направления развития сотрудничества.

Таблица 2. Перспективы использования инструментов ЕАБР в Армении[3].

НН	Перспектива	Описание и анализ	Выводы
1	Возможности для развития финансового сектора	Реализация операций через армянские финансовые институты со стороны ЕАБР является проверенной практикой и продемонстрировала высокую эффективность. Банк оценивает перспективы дальнейшего сотрудничества положительно. Прогнозируется, что это сотрудничество позволит укрепить банковский сектор через кредитные линии, программы поддержки МСП и другие инициативы	Эти меры способствуют расширению доступа к долгосрочному финансированию и повышению его доступности для национальной экономики
2	Доступ к разным финансовым инструментам	Адаптация финансирования под специфические риски проектов рассматривается как одно из перспективных направлений. Банк может комбинировать кредиты с другими инструментами, такими как гарантии, участие в капитале, а также привлекать соинвесторов на основе своей мощной финансовой базы	Это создает оптимальные условия для привлечения долгосрочного капитала на выгодных условиях, поддерживая его оборот и удержание в стране, особенно для проектов с тщательно проработанными финансовыми моделями

[3] Источник: “Investing in the future: projects of international financial organi-zations in Eurasia”. EDP, 2025 / https://eabr.org/analytics/special-reports/investing-in-the-future-projects-of-international-financial-organizations-in-eurasia/?utm

НН	Перспектива	Описание и анализ	Выводы
3	Потенциал «блендированного» финансирования	Данный подход предполагает комбинирование кредитов, иных финансовых программ поддержки, инвестиционных мероприятий и других инструментов	Направлен на успешную реализацию перспективных проектов с комплексным финансовым обеспечением
4	Техническая помощь	Фонд технического содействия (ФТС) ЕАБР представляет собой эффективный инструмент для подготовки проектной документации, проведения экспертизы и субсидирования отдельных компонентов проектов	Особенно важна для армянских заявителей, которые часто сталкиваются с недостаточной проектной экспертизой и другими отраслевыми ограничениями. Использование ФТС значительно повышает шансы на успешное кредитование

Как следует из Табл. 2, несмотря на существующие проблемы, открываются значительные перспективы для развития экономики Армении. Особое внимание заслуживают возможности в финансовом секторе, которые обеспечивают доступ к различным финансовым инструментам и новым рынкам. При должном уровне проработки и внимательном подходе эти перспективы могут быть реализованы в виде конкретных инвестиционных проектов.

Далее рассматриваются рекомендации по реализации вышеупомянутых перспектив. Для этого экспертами подготовлена дорожная карта, представленная на Рис. 2. На рисунке этапы рекомендаций представлены в определенной последовательности, однако на практике связи между ними более многовекторны и могут реализовываться параллельно или в иной логической последовательности.

Рисунок 2. Рекомендации для реализации перспектив[4].

Для достижения максимального эффекта рекомендуется создавать финансовые проекты с полным пакетом инструментов, который учитывает особенности финансовых моделей проектов и активно использует ФТС и сопутствующие механизмы поддержки.

Кроме того, для повышения эффективности проектов Армении следует применять государственные гарантийные механизмы, включая субсидирование процентной ставки и совместные гарантии инвесторов. Это позволит снизить рисковую премию и повысить заинтересованность как ЕАБР, так и коммерческих банков в участии в проектах.

Важным инструментом мотивации может стать приведение национального законодательства в соответствие с требованиями международных стандартов, что создаст более прозрачную, предсказуемую и привлекательную для инвесторов среду.

Заключение

Евразийский банк развития располагает рядом финансовых инструментов, которые при должной оценке и применении могут эффективно соответствовать потребностям экономики Армении. Среди них выделяются:

- гарантии;
- участие в капитале;
- долгосрочные кредиты;
- техническая помощь.

[4] Источник: “Interaction of Eurasian and international financial institutions” – article in Global Policy / https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631377.2020.179358-8?utm

Вместе с тем, существует ряд ограничивающих факторов, включая недостаточную проектную готовность, политические и геополитические риски, а также ограничения локального финансирования.

Для успешной интеграции Армении в систему финансовой устойчивости при сотрудничестве с ЕАБР необходимы меры по софинансированию проектов и корректировке правовых аспектов на национальном уровне. Все перечисленные проблемы и барьеры можно эффективно решать посредством целенаправленной стратегии и согласованных усилий государства, частного сектора и международных финансовых институтов.

При условии скоординированных действий возможно значительное расширение доступа к банковскому и долгосрочному финансированию через ЕАБР, что будет способствовать устойчивому развитию экономики страны и реализации перспективных инвестиционных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Armenia Development Strategy for 2014–2025 // https://faolex.fao.org/%20docs-/pdf/arm151333.pdf.
2. *Vinokurov E.* Accessibility of Macroeconomic Stabilization Financing in … by (“Working Paper”, EFSD & EDB).
3. *Fanyan H.* Increasing the Economic Resilience of Armenia. Warsaw: Center for Social and Economic Research, 2024. PP. 54–84.
4. “Investing in the future: projects of international financial organizations in Eurasia” / EDP 2025 // https://eabr.org/analytics/special-reports/investing-in-the-future-projects-of-international-financial-organizations-in-eurasia/?utm_source=chatgpt.com
5. “Interaction of Eurasian and international financial institutions” / Article in Global Policy // https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631377.2020.1793588?utm_source=chatgpt.com
6. *Likhacheva A., Makarov I. and Pestich A.* Building a Common Eurasian Infrastructure: Agenda for the Eurasian Economic Union // “International Organizations Research Journal”, № 13 (3). PP. 97–112. DOI: 10.17323/1996-78452018-03-06, 2023.
7. *Semenova N., Eremina O., Skvortsova M.* Green Financing in Russia: Current Status and Development Prospects // “Finance: Theory and Practice”, № 24 (2), 2022. PP. 39–49.
8. *Terzyan A.* The Anatomy of Russia’s Grip on Armenia: Bound to persist? // “CES Working Papers”, № 2 (10). PP. 234–235A, 2018.
9. “The Eurasian Fund for Stabilization and Development Strategy” (English version).
10. *Алтунян А.Г.* Перспективы интеграции Армении в ЕАЭС, 2015. Статья на cyberleninka.ru
11. *Оганнесян С.* В ЕАБР выразили готовность оказать техсодействие Армении в развитии рынка ГЧП // https://finport.am/full_news.php?id=52471.
12. Статья на официальном сайте ЕАБР / «Страновая стратегия Евразийского банка развития» // https://eabr.org/about/states-participants/armeniya/.

13. Статья «Предложения по механизмам поддержки и финансирования совместных инициатив и кооперационных проектов в сфере здравоохранения с использованием инструментов международных финансовых институтов развития, осуществляющих свою деятельность в Евразийском экономическом союзе» // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/72d/Predlozheniya-po-mekhanizmam-podderzhki-i-finansirovaniya-sovmestnykh-initsiativ-i-kooperatsionnykh-proektov-v-sfere-zdravookhraneniya.pdf.
14. *Аржаев Ф.И.* Евразийский банк развития как консолидирующий финансовый инструмент евразийской инициативы: роль, возможности, перспективы / Журнал «Мировая экономика, отраслевая и региональная экономика». **Т.** 8, № 1, 2022.

EDB FINANCIAL INSTRUMENTS AND THEIR APPLICABILITY TO ARMENIA: CHALLENGES AND PROSPECTS

M. Voskanyan, E. Mamikonyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the financial instruments of the Eurasian Development Bank (EDB) and their applicability to the Armenian economy, taking into account existing barriers and integration prospects. The focus is on the analysis of credit instruments, investment and project financing, various guarantee mechanisms, and EDB initiatives in the area of sustainable development.

The paper summarizes key areas of Armenia's cooperation with the EDB, including infrastructure and energy development, as well as opportunities for attracting long-term capital to stimulate small and medium-sized businesses.

It examines the key challenges limiting the effective use of the EDB's potential in Armenia, including institutional constraints, insufficient coordination with national financial institutions, and limited awareness among business communities and other target stakeholders.

The study identifies potential opportunities for expanding Armenia's participation in EDB initiatives. The results of the analysis can be used to improve national strategies and attract foreign financial resources.

Keywords: Armenia, EDB, financial instruments, challenges, prospects.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-142-148

ՀՀ ՖԻՆԱՆՍԱԿԱՆ ԿԱՅՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ԱՊԱՀՈՎՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԵՎ ԼՈՒԾՄԱՆ ՈՒՂԻՆԵՐԸ

Գ. Ա. Գարագավուրյան, Է. Մ. Սանդոյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Տնտեսագիտության և բիզնեսի ինստիտուտ
gohar.garagavuryan@student.rau.am, edward.sandoyan@rau.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Այս հոդվածում քննարկվում են Հայաստանի Հանրապետությունում ֆինանսական կայունության պահպանման հետ կապված հիմնաբար հարցերը՝ ժամանակակից տնտեսագիտության տեսանկյունից։ Այն ընդգծում է, որ ֆինանսական կայունությունը պետք է ընկալվի ոչ միայն որպես մակրոտնտեսական հավասարակշիռ վիճակ, այլ որպես ինտիտուտների նկատմամբ վստահության և տնտեսական ռիսկերի արդյունավետ կառավարման վրա հիմնված համակցված համակարգ։

Ներկայացվում է նոր մեթոդաբանական մոտեցում, որը հիմնված է ֆինանսական կայունությունը ձևավորող գործոնների համապարփակ վերլուծության վրա, ներառյալ հարկաբյուջետային, դրամավարկային, շուկայական և սոցիալ-հոգեբանական բաղադրիչները։ Նշվում է, որ ֆինանսական կայունությունն ապահովելու միջոցառումների արդյունավետությունը որոշվում է ոչ միայն պետական կարգավորման արդյունավետությամբ, այլև տնտեսվարողների վարքագերի կանխատեսելիությամբ։

Վերլուծությունը հիմնված է Հայաստանի Հանրապետության 2020–2024թթ. մակրոտնտեսական և ֆինանսական ցուցանիշների վրա՝ հատուկ շեշտը դնելով արտաքին ցնցումների և դրամավարկային քաղաքականության ազդեցության վրա։

Հիմնաբառեր՝ ֆինանսական կայունություն, մակրոտնտեսական հավասարակշռություն, պետական պարտք, ֆինանսական քաղաքականություն, տնտեսական վստահություն։

Ներածություն

Ժամանակակից տնտեսագիտության մեջ ֆինանսական կայունությունը դարձել է տնտեսական անվտանգության առանցքային բաղադրիչ: Այն արտացոլում է երկրի կարողությունը՝ կանխելու ֆինանսական ճգնաժամերը և ապահովելու ֆինանսական համակարգի դիմադրողականությունը:

Հայաստանի Հանրապետությունում այս հարցը մշտապես եղել է տնտեսական քաղաքականության կենտրոնում, հատկապես 2018թ. հեղափոխությունից և 2020թ. պատերազմից հետո ձևավորված նոր տնտեսական միջավայրում:

Ֆինանսական կայունության խաթարումը կարող է բերել ոչ միայն արժութային տատանումների կամ գնաճի աճի, այլ նաև ներդրումային միջավայրի անկայունացման, հարկաբյուջետային ճնշումների և սոցիալական լարվածության խորացման: Այդ իսկ պատճառով անհրաժեշտ է վերլուծել այն ոչ թե միայն մակրոտնտեսական ցուցանիշների մակարդակով, այլ նաև որպես ինստիտուցիոնալ և վարքային երևույթ:

Հետազոտության նպատակը Հայաստանի ֆինանսական կայունության ապահովման ներկա վիճակի վերլուծությունն է և դրա բարելավման հնարավոր ուղիների առաջարկումը՝ հիմնվելով միջազգային փորձի և ազգային առանձնահատկությունների համադրության վրա:

Մեթոդաբանություն

Հետազոտությունը հիմնված է համադրական, էմպիրիկ և համակարգային վերլուծության մեթոդների վրա: Օգտագործվել են Հայաստանի Հանրապետության Կենտրոնական բանկի, Ֆինանսների նախարարության և Ազգային վիճակագրական կոմիտեի հրապարակած պաշտոնական տվյալները՝ 2020–2024 թթ. կտրվածքով:

Գնահատման հիմնական ուղղություններն են՝

1. Ֆիսկալ կայունություն – պետական պարտքի և ՀՆԱ հարաբերակցության դինամիկա, բյուջետային պակասուրդի տատանումներ։

2. Դրամավարկային կայունություն – գնաճի, ռեֆինանսավորման տոկոսադրույքի և դրամի փոխարժեքի կայունություն։

3. Ֆինանսական շուկաների կայունություն – բանկային համակարգի ակտիվների աճ, շահութաբերություն, կապիտալի համակցված մակարդակ։

4. Հասարակական վստահություն և սպասումներ – սպառողական տրամադրությունների ինդեքս, բնակչության խնայողությունների վարքագիծ։

Հոդվածում կիրառվել է ֆինանսական կայունության համակցված ցուցանիշների մոդել՝

$$FSI=f(Ffiskal, Fmon, Fbank, Ftrust),$$

որտեղ յուրաքանչյուր բաղադրիչ ստանդարտացվել է ըստ իր ազդեցության կշռի և ներկայացվել մեկ համադրված գնահատականով։

ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐ

Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ վերջին հինգ տարիներին Հայաստանի ֆինանսական կայունության ընդհանուր մակարդակը պահպանվել է միջինից բարձր մակարդակի վրա՝ չնայած արտաքին և ներքին ցնցումներին։

1. Ֆիսկալ կայունություն

Պետական պարտք/ՀՆԱ հարաբերակցությունը 2020թ.-ի 63.5%-ից նվազել է մինչև 2024թ.-ի շուրջ 49%՝ տնտեսական աճի և հարկային եկամուտների աճի շնորհիվ։ Սակայն բյուջեի պակասուրդը շարունակում է գերազանցել 2.5%-ը՝ ինչը սահմանափակում է հակացիկլիկ քաղաքականության հնարավորությունները։

2. Դրամավարկային կայունություն

2022–2024թթ. գնաճը նվազել է երկնիշ մակարդակից՝ հասնելով միջինում 2.7%-ի: Ռեֆինանսավորման տոկոսադրույքը պահպանվել է 8.25% միջակայքում՝ ապահովելով դրամի հարաբերական կայունություն:

3. Ֆինանսական շուկաներ և բանկային համակարգ

Բանկային համակարգի ընդհանուր կապիտալիզացիան աճել է 14%-ով, իսկ ոչ սպասարկվող վարկերի բաժինը նվազել է 5.8%-ից մինչև 3.6%: Սա վկայում է վարկային ռիսկերի որոշակի նվազման մասին: Սակայն ֆինանսական միջնորդությունը դեռևս գերակենտրոնացված է՝ 5 խոշոր բանկերի հաշվին ձևավորվում է ընդհանուր ակտիվների ավելի քան 60%-ը:

4. Հասարակական վստահություն և վարքագիծ

Ազգային վիճակագրական կոմիտեի տվյալներով՝ 2023թ. սպառողական վստահության ինդեքսը հասել է 41.5 կետին՝ 2020-ի 33.2-ի փոխարեն: Դա ցույց է տալիս, որ տնտեսական սպասումները բարելավվել են, սակայն երկարաժամկետ վստահությունը դեռևս խոցելի է արտաքին ազդեցությունների նկատմամբ:

Աղյուսակ 1. Հայաստանի ֆինանսական կայունության համակցված ցուցանիշի դինամիկան (2020–2024թթ.)

Տարի	Ֆիսկալ կայունություն	Դրամավարկային կայունություն	Ֆինանսական շուկաներ	Վստահություն	Ընդհանուր ցուցանիշ (FSI)
2020	0.52	0.41	0.58	0.47	0.49
2021	0.56	0.46	0.62	0.50	0.53
2022	0.59	0.60	0.65	0.54	0.59
2023	0.63	0.67	0.70	0.57	0.64
2024	0.66	0.69	0.73	0.60	0.67

Ինչպես երևում է աղյուսակից, համակցված ֆինանսական կայունության ինդեքսը 2020–2024 թթ. ընթացքում աճել է շուրջ 37%-ով՝ ցուցադրելով կայուն վերականգնում:

ՔՆՆԱՐԿՈՒՄ ԵՎ ԵԶՐԱԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆ

Ֆինանսական կայունության ապահովման գործընթացում Հայաստանը անցնում է կառուցվածքային վերափոխման փուլ, որը պահանջում է համակարգային մոտեցում: Ներկայիս ցուցանիշները ցույց են տալիս, որ մակրոտնտեսական հավասարակշռությունը ձևավորվում է, սակայն դրա հիմքում դեռևս առկա են ինստիտուցիոնալ թույլ օղակներ:

Հիմնական մարտահրավերներն են՝

- արտաքին կախվածություն դրամական փոխանցումներից և ներմուծումից,
- ներդրումային շուկայի սահմանափակ զարգացում,
- բանկային համակարգի գերակենտրոնացում և սահմանափակ մրցակցություն,
- տնտեսության ոչ ֆորմալ հատվածի ազդեցություն հարկային եկամուտների վրա:

Առաջարկվող լուծումներ՝

1. Հակացիկլիկ ֆիսկալ քաղաքականության ներդրում: Պետք է ձևավորվի բյուջետային կանոն, որը հնարավորություն կտա ավելցուկների կուտակում բարձր տնտեսական աճի տարիներին և դրանց օգտագործում՝ ցածր աճի փուլերում:

2. Վաղ նախազգուշացման համակարգի ստեղծում: Կենտրոնական բանկում անհրաժեշտ է ներդնել տվյալների վերլուծական հարթակ՝ ֆինանսական շուկաների անհավասարակշռությունների արագ բացահայտման համար:

3. Ֆինանսական վարքագծի ինդեքս (FBI). առաջարկվում է նոր ցուցանիշ, որը կհետևի տնային տնտեսությունների վստահության, խնայողությունների և վարկային վարքագծի փոփոխություններին:

4. Շուկայի դիվերսիֆիկացում: Անհրաժեշտ է խթանել արժեթղթերի շուկայի զարգացումը՝ նվազեցնելով բանկային գերակենտրոնացումը:

5. Հանրային ֆինանսական կրթության զարգացում: Վստահության բարձրացումը կախված է ոչ միայն տնտեսական, այլև սոցիալ-հոգեբանական գործոններից:

Եզրակացությամբ կարելի է նշել, որ Հայաստանի ֆինանսական կայունությունը կարելի է ապահովել միայն այն դեպքում, երբ մակրոտնտեսական կարգապահությանը զուգահեռ զարգանում են ինստիտուցիոնալ վստահության, ռիսկերի կառավարման և վարքային հավասարակշռության մեխանիզմները: Սա կնպաստի ոչ միայն ֆինանսական համակարգի դիմադրողականությանը, այլև տնտեսական երկարաժամկետ զարգացման կայուն հիմքի ստեղծմանը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ Կենտրոնական բանկ, Ֆինանսական կայունության հաշվետվություն, Եր., 2024:
2. ՀՀ Ֆինանսների նախարարություն, Հանրային պարտքի կառավարման ռազմավարություն 2024–2026, Եր., 2024:
3. ՀՀ Ազգային վիճակագրական կոմիտե, Հայաստանի մակրոտնտեսական ցուցանիշներ 2020–2024, Եր., 2025:
4. *Տիգրանյան Ա.* «Ֆինանսական կայունության ինստիտուցիոնալ հիմքերը», Տնտեսագիտություն և կառավարում, թիվ 2, Եր., 2022:
5. *Ասատրյան Ա.* «ՀՀ դրամավարկային քաղաքականության արդյունավետության վերլուծություն», Ֆինանսներ և տնտեսություն, թիվ 1, Եր., 2023:
6. World Bank, Armenia Economic Update, Washington D.C., 2024:
7. *Եղիազարյան Լ.* «Արտաքին ազդեցությունների կառավարման մեխանիզմները փոքր տնտեսություններում», Տնտեսական հետազոտություններ, թիվ 4, Եր., 2023:

FINANCIAL STABILITY CHALLENGES AND SOLUTIONS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

G. Garagavuryan, E. Sandoyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

This article discusses the fundamental issues related to maintaining financial stability in the Republic of Armenia from the perspective of modern economic theory. It emphasizes that financial stability should be understood not only as

a state of macroeconomic equilibrium but also as a complex system based on institutional trust and effective management of economic risks.
A new methodological approach is presented, based on a comprehensive analysis of the factors shaping financial stability, including fiscal, monetary, market, and socio-psychological components. It is noted that the effectiveness of measures to ensure financial stability depends not only on the efficiency of state regulation but also on the predictability of economic agents' behavior.
The analysis is based on the macroeconomic and financial indicators of the Republic of Armenia for 2020–2024, with special emphasis on the impact of external shocks and monetary policy.
Keywords: financial stability, macroeconomic equilibrium, public debt, financial policy, economic confidence.

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Г.А. Гарагавурян, Э.М. Сандоян
Российско-Армянский университет
Институт экономики и бизнеса

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются фундаментальные вопросы, связанные с обеспечением финансовой стабильности в Республике Армения с точки зрения современной экономической науки. Подчеркивается, что финансовая стабильность должна рассматриваться не только как состояние макроэкономического равновесия, но и как комплексная система, основанная на доверии к институтам и эффективном управлении экономическими рисками.
Представлен новый методологический подход, основанный на всестороннем анализе факторов, формирующих финансовую стабильность, включая фискальные, денежно-кредитные, рыночные и социально-психологические компоненты. Отмечается, что эффективность мер по обеспечению финансовой стабильности определяется не только результативностью государственного регулирования, но и предсказуемостью поведения экономических субъектов.
Анализ основан на макроэкономических и финансовых показателях Республики Армения за 2020–2024 годы, с особым акцентом на влияние внешних шоков и денежно-кредитной политики.
Ключевые слова: финансовая стабильность, макроэкономическое равновесие, государственный долг, финансовая политика, экономическое доверие.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-149-156

ԴՐԱՄԱՎԱՐԿԱՅԻՆ ԵՎ ՈՉ ԴՐԱՄԱՎԱՐԿԱՅԻՆ ԳՈՐԾՈՆՆԵՐԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԳՆԱՃԻ ՎՐԱ

Ա. Հ. Գալստյան, Գ.Մ. Բախչոյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ani.galstyan@rau.am, goharbakhchoyan@gmail.com

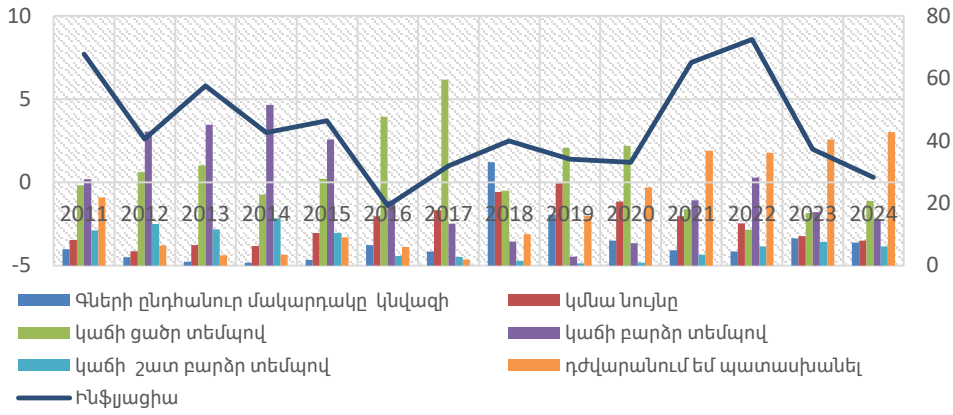
ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հետազոտությունն ուսումնասիրում է դրամավարկային և ոչ դրամավարկային գործոնների ազդեցությունը գնաճի վրա, ինչը հնարավորություն է տալիս կանխատեսել և գնահատել գնաճի անընդհատ փոփոխվող դինամիկան: Հոդվածի նպատակն է ցույց տալ դիտարկվող գործոնների անուղղակի և ուղղակի ազդեցությունը գնաճի վրա: Հետազոտության շրջանակներում դիտարկվել են հետևյալ երկու խումբ գործոնները. դրամավարկային գործոններ՝ վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքի և գնաճային սպասումների ազդեցությունը, ոչ դրամավարկային գործոններ՝ նավթի գների և ցորենի գների ազդեցությունը գնաճի վրա:

Հիմնաբառեր՝ գնաճ, դրամավարկային գործոններ, ոչ դրամավարկային գործոններ, գնաճային սպասումներ, վերաֆինանսավորման տոկոսադրույք:

Գնաճի վրա ազդող ոչ դրամավարկային կարևոր գործոններից է համարվում գնաճային սպասումները: Գնաճային սպասումները դրանք տնային տնտեսությունների, ֆինանսական շուկաների և գործարարների՝ գնաճի ակնկալվող մակարդակի ապագա պատկերացումներն են [1]: Քանի որ գնաճային սպասումները հանդիսանում են գնաճային վարքագծի պահպանման հիմքը, բարձր գնաճային սպասումները համարվում են ռիսկային [2]: Երբ տնտեսական գործակալները սպասում են բարձր գնաճ ապագայում, ապա որոշում կկայացնեն պահել իրենց գումարը՝ տնտեսության իրական

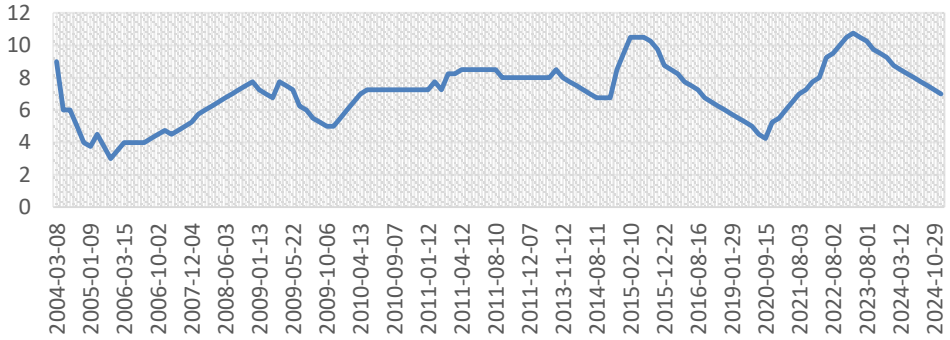
հատվածում ներդրումներ կատարելու փոխարեն: Այս ամենի արդյունքում տնտեսական գործակալները ճշգրտում են իրենց ծախսերի և ներդրումների մոդելները [1]: 2011–2014թթ. (նկ.1) Հայաստանում գնաճային սպասումները բարձր էին, բայց ԿԲ-ը գնաճի ցուցանիշները շարունակում էր պահել թիրախին մոտ: 2015–2020թթ. գնաճային սպասումները ցածր էին , քանի որ ԿԲ-ն իրականացրել էր ցածր գնաճի քաղաքականություն դրամի առաջարկի զսպման միջոցով կիրառելով պարտադիր պահուստավորման նորմայի բարձրացման մեխանիզմը [3–4]:



Նկար 1. Տնային տնտեսությունների գների ընդհանուր մակարդակի փոփոխության սպասումներ (12 ամսյա), % ընդհանուր և գնաճը (%):

Աղբյուր՝ Կենտրոնական Բանկ:

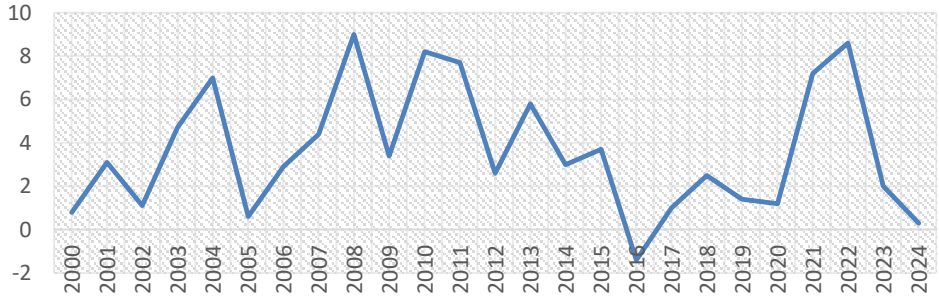
Դրամավարկային գործոններից կարելի է նշել վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքի ազդեցությունը գնաճի վրա [5]: Զսպող կամ թանկ փողերի քաղաքականության իրականացման վառ օրինակներն են 2008–2009, 2014–2015թթ. ճգնաժամերը (նկ.2): 2008 թվականի սեպտեմբերին ԿԲ–ը վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքը բարձրացրեց՝ հասցնելով մինչև 7,5%՝ գնաճային ճնշումների զսպման նպատակով: Նույն ժամանակահատվածում գնաճի տեմպերը հասել են մինչև 11,3%-ի (նկ.3):



Նկար 2. Վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքը (%):

Աղբյուրը՝ Կենտրոնական Բանկ

Իսկ 2015թ.-ի մարտին վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքը 10,5% էր, քանի որ մարտի վերջին 12 ամսյա գնաճը կազմել էր 5,8%: 2022–2023թթ.-ին արձանագրվեց կապիտալի և միջազգային այցելուների զգալի ներհոսք, պահանջարկի նման աճը բերեց աշխատաշուկայի գերտաքացմանը և գնաճային ճնշումների վերականգմանը (2022 թվականին գնաճը կազմել էր 8,6%): Սա բերեց քաղաքականության շարունակական խստացման: Վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքը 2020թ.-ի վերջից մինչև 2022թ.-ի վերջ ԿԲ-ը բարձրացրել էր 6,5%-ային կետով: Եվ այսպիսով վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքը 2022 թվականի վերջին եղել է 10,75%:

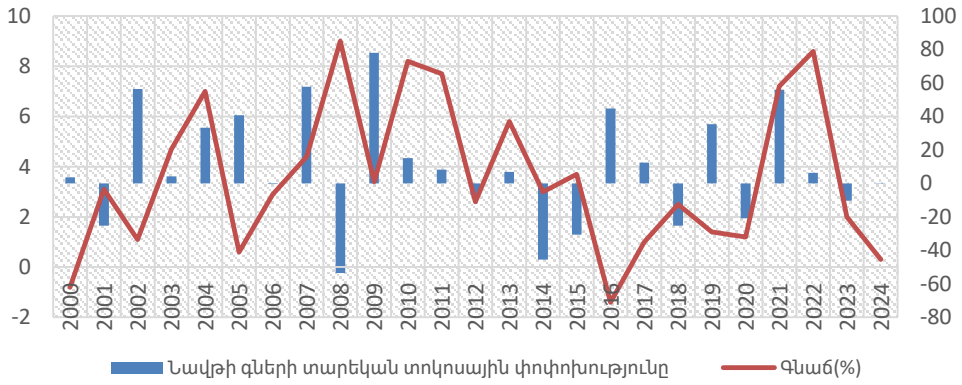


Նկար 3. Գնաճ (%):

Աղբյուրը՝ Armstat:

Գնաճի վրա ազդող ոչ դրամավարկային գործոններից է համարվում՝ հումքային ապրանքների միջազգային շուկայում գների տատանումները: Քանի որ ՀՀ արտահանումը բարձր կոնցենտրացիա ունի և ներքին պահանջարկը բավարարող մի շարք ապրանքներ բերվում են արտասահմանից: Դրա հետևանքով Հայաստանում գնաճը կախված է ապրանքների ներմուծման հիմնական երկրների մակրոտնտեսական զարգացումներից:

Նավթի գների դրական շոկը ՀՀ-ում բերում է գնաճի արագացմանը: Այն փոխանցվում է Հայաստանի հանքարդյունաբերական արտահանման գների աճի և առևտրային գործընկերների եկամուտների աճի միջոցով: Շոկի տեղի ունենալուց հետո 3-րդ եռամսյակում սպառողական գների ինդեքսը հասնում է իր առավելագույն աճին, որից հետո կայունանում է (նկ.4): Քանի որ ՍԳԻ կարևոր բաղադրիչներից են նավթային ապրանքները, նավթի գների ավելացման առաջին մակարդակում գները կտրուկ ավելանում են արտադրական ծախսերի աճի հետևանքով՝ ի շնորհիվ հանքարդյունաբերական արտահանումների գների աճի:



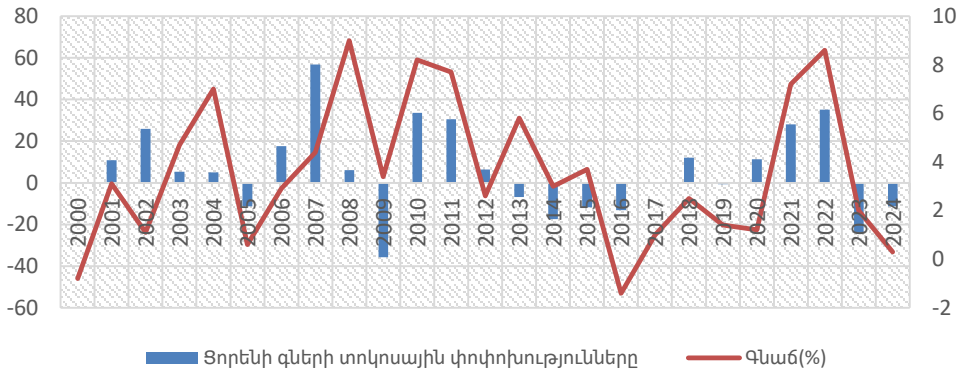
Նկար 4. Նավթի գների տարեկան տոկոսային փոփոխությունը և գնաճ (%):

Աղբյուր՝ Macrotrends:

Հանքարդյունաբերական գների աճը տեղի է ունենում, որովհետև հանքաքարերը Հայաստանի արտահանման մեջ մեծ կշիռ ունեն, իսկ դրանք նավթի գների հետ դրական կապ ունեն: 3-րդ եռամսյակում կայունացման ընթացքն է, իսկ 9-րդ եռամսյակում շոկը վերանում է: 2005 թվականից մինչև 2008 թվականի սեպտեմբեր տեղի է ունեցել նավթի գների անընդմեջ աճ, ինչը հանգեցրել է ոչ առևտրային հատվածում Ռուսաստանի եկամուտների աճին: Իսկ դա իր հերթին բերեց Ռուսաստանից Հայաստան փոխանցվող արտարժույթի ավելացմանը, ինչը խթանեց գնաճային գործընթացները՝ սպառողական ծախսերի աճի պատճառով: 2014–2015թթ.-ին տեղի է ունեցել նավթի գների անկում,որի հետևանքով արժութային փոխանցումների ներհոսքը երկիր նվազեց: Արտաքին ցնցման պայմաններում գնաճային գործընթացների զսպման նպատակով ՀՀ ԿԲ-ը բարձրացրեց վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքը մինչև 10,5%: Միևնույն ժամանակ հարկ է նշել, որ իրավիճակը կարգավորվեց նավթի գների կայունացմանը համահունչ:

Հաջորդ ոչ դրամավարկային գործոնը, որի մասին կարող ենք խոսել դա ցորենի գների փոփոխության ազդեցությունն է գնաճի վրա (նկ.5): Քանի որ Հայաստանը ցորենի մեծ մասը ներմուծում է, ապա ցորենի միջազգային գների փոփոխությունն իր ազդեցությունն է ունենում ներքին ապրանքների գների վրա: 2003թ.-ի գնաճի սպասվածից գերազանցումը կապված էր ցորենի առաջարկի նվազմամբ պայմանավորված հացամթերքի գների աճով, որը նպաստել է սպառողական գների աճին 2,1%-ային կետով: 2007 թվականին նույնպես նկատվեց ցորենի գների աճ, որին նպաստեց ցորենի գների ավելացումը տեղական շուկաներում: 2010թ.-ի օգոստոսի 15-ից մինչև 2011թ.-ի հուլիսի 1-ը Ուկրանիան սահմանեց ցորենի արտահանման քվոտաներ, ինչը բերեց ցորենի գների բարձրացման միջազգային շուկայում, ինչն էլ նաև ազդեց Հայաստանում ցորենի գների վրա: Այնուհետև 2022 թվականի գարնանը ռուս–ուկրանիական պատերազմի հետևանքով ցորենի գները կրկին գրանցեցին զգալի աճ՝

գրանցելով պատմականորեն ամենաբարձր մակարդակը: Դա թողեց իր ազդեցությունը ներմուծող երկրներում գնաճային գործընթացների վրա:



Նկար 5. Ցորենի գների տոկոսային փոփոխությունը և գնաճը (%):

Աղբյուր՝ Macrotrends:

Ասպիսով, իրականացված հետազոտությունը ցույց է տալիս, որ Հայաստանում գնաճի ձևավորման վրա զգալի ազդեցություն ունեն ինչպես դրամավարկային, այնպես էլ ոչ դրամավարկային գործոնները: Դրամավարկային գործոնների շրջանակներում կարող ենք հաստատել վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքի և գնաճային սպասումների կարևոր դերը գնաճային գործընթացների ձևավորման և կարգավորման հարցում: Միևնույն ժամանակ, որպես ոչ դրամավարկային գործոններ դիտարկված նավթի և ցորենի միջազգային գների տատանումները ուղիղ ազդեցություն ունեն Հայաստանում, որպես ներմուծումից կախվածությամբ երկրում, գնաճի ձևավորման վրա: Վերջիններս հանդիսանում են արտաքին ցնցումների դեպի երկրի իրական հատված փոխանցման կարևոր ուղիներ: Ստացված արդյունքները վկայում են, որ գնաճի արդյունավետ կանխատեսման և զսպման նպատակով անհրաժեշտ է կիրառել համալիր մոտեցում՝ դիտարկելով ոչ միայն դրամավարկային, այլև

ոչ դրամավարկային գործոնների ազդեցությունը և արտաքին ցնցումների փոխանցման ուղիները։

Acknowledgments: The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 24SSAH-5B004).

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Կենտրոնական բանկ. Ինչպես է դրամավարկային քաղաքականությունն ազդում գնաճի վրա [Էլեկտրոնային ռեսուրս]. Մուտք՝ https://www.cba.am-/hy/how-does-monetary-policy-affect-inflation/
2. *Владимирова В.Ф., Сергеева Е.С., Кичкина А.П.* Роль инфляционных ожиданий в борьбе с инфляцией. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2023.
3. *Avetisyan H., Igityan H., Papikyan A.* Inflation target in Armenia. Yer.: "Central Bank of Armenia", 2024.
4. *Fanyan H., Petrosyan A., Abrahamyan M.* Increasing the economic resilience of Armenia. Yer.: CASE, 2024. (CASE Reports № 508).
5. *Галстян А.Г.* Ставка рефинансирования: изменение и влияние на экономику РА. Ер.: Ассоциация армянских предпринимателей, 2025.

ВЛИЯНИЕ МОНЕТАРНЫХ И НЕМОНЕТАРНЫХ ФАКТОРОВ НА ИНФЛЯЦИЮ

А.Г. Галстян, Г.М. Бахчоян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние монетарных и немонетарных факторов на инфляцию, что позволяет прогнозировать и оценивать постоянно меняющуюся динамику инфляции. Цель статьи – показать косвенное и прямое влияние наблюдаемых факторов на инфляцию. В рамках исследования были рассмотрены следующие две группы факторов: монетарные факторы – влияние ставки рефинансирования и инфляционных ожиданий, немонетарные факторы – влияние цен на нефть и пшеницу на инфляцию.

Ключевые слова: инфляция, монетарные факторы, немонетарные факторы, инфляционные ожидания, ставка рефинансирования.

THE INFLUENCE OF MONETARY AND NON-MONETARY FACTORS ON INFLATION

A. Galstyan, G. Bakhchoyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the impact of monetary and non-monetary factors on inflation, allowing for forecasting and assessing the constantly changing dynamics of inflation. The article aims to demonstrate the indirect and direct influence of observable factors on inflation. The study examined the following two groups of factors: monetary factors – the impact of the refinancing rate and inflation expectations; and non-monetary factors – the impact of oil and wheat prices on inflation.

Keywords: inflation, monetary factors, non-monetary factors, inflation expectations, refinancing rate.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-157-165

ԱՐՏԱՔԻՆ ՑՆՑՈՒՄՆԵՐԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀՀ ԴՐԱՄԱՎԱՐԿԱՅԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՎՐԱ

Ա.Հ. Գալստյան, Է. Գրիգորյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ani.galstyan@rau.am, elen_grigoryan@student.rau.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածի նպատակն է վերլուծել արտաքին ցնցումների տեսակները և դրանց ազդեցությունը ՀՀ դրամավարկային քաղաքականության վրա: Հոդվածում ներկայացված են վերջին 10 տարիների արտաքին ցնցումների հետևանքները տնտեսության վրա և Կենտրոնական բանկի կողմից դրանց հակազդելու նպատակով իրականացրած դրամավարկային քաղաքականությունը: Արդյունքները ցույց են տալիս, որ կախված արտաքին ցնցման բնույթից և դրա ազդեցությունից Հայաստանի տնտեսության վրա, ՀՀ ԿԲ-ն վարել է համապատասխան խթանող կամ զսպող քաղաքականություն՝ ցուցաբերելով արդյունավետության բարձրացում վերջին հինգ տարիներին:

Հիմնաբառեր՝ ֆինանսական ճգնաժամ, համավարակ, ռազմական իրադարձություններ, դրամավարկային քաղաքականություն, տնտեսական աճ:

Համաշխարհային ֆինանսական համակարգին ինտեգրացիան կարող է կարևոր հետևանքներ ունենալ ինչպես համաշխարհային գնաճի այնպես էլ տեղական գնաճի դինամիկայի համար: Համաշխարհային պահանջարկի ցնցումը, որն առաջանում է համաշխարհային ֆինանսական կամ տնտեսական ճգնաժամի հետևանքով, իր ազդեցությունն է ունենում ինչպես երկրի վարկավորման համակարգի, այնպես էլ արժութային համակարգի վրա: Նման կերպով իրենց ազդեցությունն են ունենում առաջարկի ցնցումները՝ կապված ապրանքների գնի բարձրացման ճնշումներով, որոնք ավելի

թանկ են դարձնում ներմուծումը: Սա նշանակում է, որ գնաճի վրա ներմուծվող ապրանքների գների ազդեցությունը զգալի է [1]:

Դրամավարկային քաղաքականության որոշումների ազդեցությունը տնտեսության վրա պայմանավորված է հիմնականում 4 հիմնական ալիքներով՝ տոկոսադրույքով, փոխարժեքով, տեղական ակտիվներով, բանկային վարկավորման և հաշվեկշռային փոփոխություններով [2]: Կարևոր նշանակություն ունի արտաքին ցնցումների ժամանակ ճիշտ քաղաքականության իրականացումը և ճիշտ դիրքորոշման ընտրությունը, որը հետագայում չի վնասի մակրոտնտեսական միջավայրին իրականացրած միջամտություններով [3]: Մի շարք տնտեսագետներ, ինչպիսիք են Շինը և Չունգը կարծում են, որ տոկոսադրույքի միջոցով գների և ֆինանսական կայունության ապահովումը կարող է դժվար լինել, այդ իսկ պատճառով նրանք կարծում են, որ պետք է նաև ուշադրություն դարձնել պահուստային պահանջներին [4]: Սույն համատեքստում արդիական է Հայաստանի օրինակի ուսումնասիրությունը, որպես արտաքին ցնցումներից խիստ կախվածությամբ փոքր բաց տնտեսության:

2008–2009թթ. Հայաստանում գնաճային ճնշումները ուժգնացել են պայմանավորված արտաքին հատվածից ստացվող գնաճային ճնշումներով, որոնց վրա հիմնականում ազդել է համաշխարհային շուկայում հումքային և պարենային ապրանքների գների բարձրացումը: Արտաքին հատվածից ստացվող նման ճնշումները հանգեցրել են սպառողական զամբյուղում նույնատիպ ապրանքների գների բարձրացման: Նյու Յորքի ապրանքահումքային բորսայում բարձրացել են նավթի գները՝ 2008թ.-ին հասնելով իրենց գագաթնակետին, որը պայմանավորված է նավթ արտահանող երկրների կողմից առաջարկի նվազմամաբ, ինչը հանդիսացել է որպես խնայողության գործիք և սպեկուլյատիվ ներդրման միջոց այլ հուսալի ակտիվների պակասի դեպքում: Արդեն 2009թ.-ին նավթի գները սկսել են նվազել՝ պայմանավորված սպեկուլյատիվ գործոնների թուլացմամբ, բարձր

գների դեպքում պահանջարկի նվազման, համաշխարհային տնտեսական աճի դանդաղման հետ, քանի որ ֆինանսական ճգնաժամի հետևանքով մի շարք ամերիկյան և եվրոպական բանկերի սննկացումն իր հետքն է թողել մնացած տնտեսությունների վրա։

Պայմանավորված վերոնշյալով՝ պղնձի գինը նունպես գտնվել է բարձր մակարդակում, իսկ պարենային ապրանքների շուկայում գները բարձրացել են, բացառությամբ հացահատիկի գնի, քանի որ կար բարձր բերքատվության ակնկալիքներ և սպասվածից շատ բերքատվության արդյունքում ավելացավ համաշխարհային պաշարները։ Միևնույն ժամանակ, շաքարավազի գները, պայմանավորված Հնդկաստանում տեղի ունեցած երաշտի և համաշխարհային պաշարների նվազմամբ, սկսել են բարձրանալ։ Չնայած 2008թ.-ի համեմատ միջազգային գները եղել են համեմատաբար ցածր մակարդակում, դրանց շարունակական աճը հանգեցրել է ներքին շուկայում չափավոր գնաճային ճնշումների։ 2015–2016թթ.-ին համաշխարհային տնտեսական աճը դանդաղել էր, որը պայմանավորված էր թույլ պահանջարկի և բարձր առաջարկի պայմաններով։ Պայմանավորված հումքային և պարենային ապրանքների շարունական արտադրմամբ՝ շուկայում գները սկսել են նվազել, քանի որ չկար համապատասխան պահանջարկ։ Չինաստանում տեղի ունեցող կառուցվածքային փոփոխությունների հետևանքով Չինաստանի տնտեսական դանդաղումը ավելի խորացրեց ցածր պահանջարկը և հումքային ու պարենային ապրանքների գնանկումը (Չինաստանի կողմից հումքի պահանջարկը նվազեց)։

Նավթի համաշխարհային շուկայում ՆԱԵԿ-ը (OPEC), նպատակ ունենալով շուկայից դուրս մղել մյուս նավթ արտահանող երկրներին, նավթի արդյունահանման ծավալները բարձ էր պահում։ Արդյունքում նավթի շուկայում առաջարկն ավելի արագ տեմպերով էր ավելանում քան պահանջարկը, ուստի նավթի գները սկսեցին նվազել։ Հաջորդ ցնցումը, որը հանգեցրել է համաշխարհային տնտեսական աճի դանդաղման, սկսվել է 2019թ.-ի կեսերին և ազդել

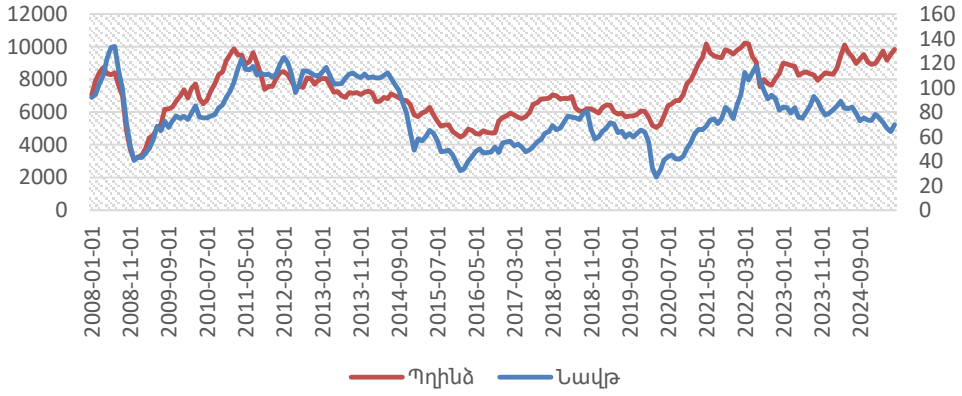
2020թ.-ի վրա ավելի մեծ ուժգնությամբ: Թույլ պահանջարկի պայմաններում հումքային և պարենային ապրանքների գները սկսեցին նվազել: Կորոնավիրուսի հանկարծակի առաջացման և արագ զարգացման պայմաններում համաշխարհային տնտեսության շղթաների վատթարացմամբ տնտեսական զարգացումներն ունեցան բացասական ցուցանիշներ: Կորոնավիրուսի համավարակն ավելի շատ ազդեցություն ունեցավ առաջարկի վրա, այն կրճատվեց պայմանավորված աշխատուժի կրճատմամբ և արտադրական գործընթացների դանդաղմամբ, իսկ 2008թ.-ի ֆինասական ճգնաժամի ժամանակ հիմնական գործոնը պահանջարկի կրճատումն էր:

Մյուս կողմից, տեղի է ունեցել նաև հանքահումքային ապրանքների գնանկում և նավթի գների անկում, որի պատճառը դարձավ և պահանջարկի, և առաջարկի անկումը: Սակայն որոշ ժամանակ անց Ռուսաստանը և Սաուդյան Արաբիան հայտարարեցին նավթի արդյունահանման ծավալների մասին, որի արդյունքում նավթի գինը նվազեց 30 տոկոսով: Սահմնափակման արդյունքները երևացին երրորդ եռամսյակում ապրանքահումքային շուկայում , քանի որ այն ակտիվացրեց տնտեսությունները: Համաշխարհային պահանջարկի վերականգումով, ինչպես նաև առաջարկի գործոններով պայմանավորված հումքային և պարենային խոշոր ապրանքախմբերի ու նավթի գները սկսեցին աճել: 2022–2023թթ. ռուս-ուկրաինական պատերազմի հետևանքով արտաքին շուկայի զարգացումները ՀՀ տնտեսության վրա ունեցել են երկակի ազդեցություն. մի կողմից տեղի է ունեցել արտաքին բարձր պահանջարկ ծառայությունների ոլորտում, մյուս կողմից ներմուծվող մի շարք ապրանքներ իրենց գնաճային ազդեցությունն են ունեցել տեղական ապրանքների վրա:

Համաշխարհային շուկայում հումքային և պարենային ապրանքների գների բարձրացումը պայմանավորված էր ինչպես ռուս-ուկրաինական հակամարտությամբ, այնպես էլ կորոնավիրուսի տարածմամբ պայմանավորված Չինաստանի մի շարք արդյունաբերական քաղաքներից իրականացվող բեռնափոխադրումների

դանդաղմամբ՝ կապված սահմանափակումների հետ: Սակայն այս վիճակը երկար չի տևել և 2023թ.-ի ընթացքում միջազգային ապրանքահումքային գրեթե բոլոր շուկաներում գները սկսել են նվազել: ԱՄՆ-ի պահանջարկի արագացումը չեզոքացվել է Չինաստանի պահանջարկի դանդաղմամբ և ընդհանուր առմամբ դանդաղել է համաշխարհային պահանջարկը, որի արդյունքում նվազել են նավթի և պարենային ապրանքների գները:

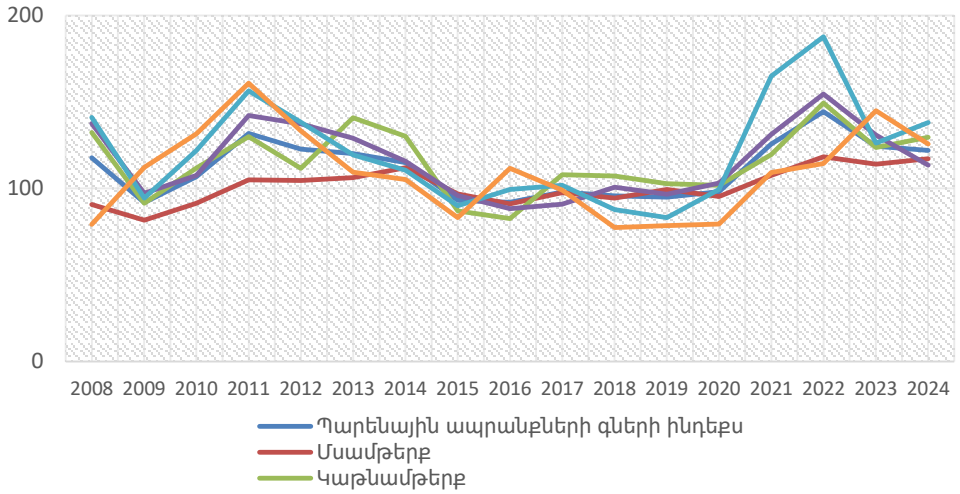
Հարկ է նշել, որ ռուս-ուկրաինական հակամարտության արդյունքում ՀՀ մեծածավալ այցելուների հոսքը և նրանց կողմից ձևավարված բարձր պահանջարկը դրականորեն է ազդել ՀՀ տնտեսության վրա: Բարձրացել է նաև շաքարավազի և կաթի գինը, առաջարկի ծավալների կրճատման հետևանքով, պայմանավորված հակամարտության հետևանքով մատակարարման խնդիրների հետ:



Նկար 1. Պղնձի և նավթի միջազգային գները ԱՄՆ դոլարով:

Աղբյուր՝ FAO և FRED

Քանի որ ՀՀ հանդիսանում է պարենային ապրանքներ ներմուծող երկիր, հետևաբար պարենի համաշխարհային շուկայում տեղի ունեցող գնային փոփոխություններն (նկ. 2) իրենց ազդեցությունն են ունենում ՀՀ գնաճային ճնշումների և տեղական գների վրա:



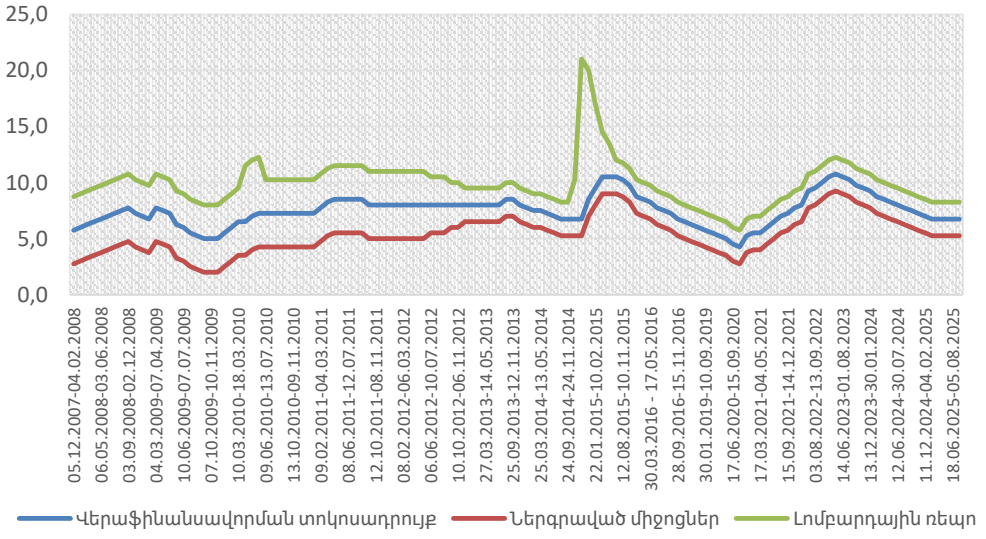
Նկար 2. Պարենի միջազգային գները:

Աղբյուր՝ Պարենի համաշխարհային կազմակերպություն

Տեղի ունեցող նման իրադարձությունների շրջանակներում ԿԲ-ը, կախված իրավիճակից, վարել է համապատասխան դրամավարկային քաղաքականություն: Արձագանքելով 2008–2009թթ. Իրադարձություններին՝ ԿԲ-ի վարած քաղաքականությունն ունեցել է տարաբնույթ վարքագիծ: Ճգնաժամի նախաշեմին, հաշվի առնելով գնաճային անբարենպաստ ճնշումները, վարել է զսպող դրամավարկային քաղաքականություն, այնուհետև թուլացրել է այն՝ հաշվի առնելով համաշխարհային տնտեսական աճի դանդաղումները (նկ. 3):

2015–2016թթ.-ի տարածաշրջանային արժութային ճգնաժամի պայմաններում ՀՀ ԿԲ-ը վարել է խթանող դրամավարկային քաղաքականություն՝ աստիճանաբար իջեցնելով վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքը, չնայած ճգնաժամի սկզբում, 2015թ.-ի սկզբին վարած թանկ փողերի քաղաքականության, որն արտացոլում էր զարգացող երկրներում ներդրումների ռիսկայնությունը: Դրամավարկային պայմանների խթանման համար նաև իրականացրել է մակրոպռուդենցիալ միջոցառումներ՝ դիմելով պարտադիր պահուստավորման թույլ կամ զրոյական մեխանիզմներին բանկերի կողմից երկարաժամկետ ներգրավված միջոցների դիմաց:

ՀՀ-ում 2020թ.-ի անորոշությունների պայմաններում դիտվեց դրամական և արտարժութային իրացվելիության աճ, արդյունքում ԿԲ-ն ուղղեց իր գործիքակազմը ֆինանսական կայունության ապահովմանը՝ աստիճանաբար անհրաժեշտ դրամային իրացվելիություն ներարկելով տնտեսություն իր գործիքակազմի միջոցով: Կիրառելով արտարժույթի սվոփ գործիքը ԿԲ-ն առևտրային բանկերին տրամադրել է անհրաժեշտ իրացվելիության միջոցներ: Վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքի շուրջ սկսել են ձևավորվել կարճաժամկետ տոկոսադրույքները: Սակայն արտաքին հատվածից փոխանցվող գնաճային ճնշումները և այդ ճնշումների ազդեցությամբ դրամի արժեզրկումը ԿԲ-ին ստիպեց բարձրացնել վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքն արդեն 2020թ. վերջում՝ հաշվի առնելով նաև ՀՀ ռիսկի հավելավճարի աճը միջազգային շուկայում: 2023թ.-ի կեսին, հաշվի առնելով արտաքին հատվածից փոխանցվող գների աճի դանդաղումը, որը իջեցրեց նաև ներմուծվող ապրանքների գները, ԿԲ-ն անցում կատարեց խթանող դրամավարկային քաղաքականության:



Նկար 3. ԿԲ գործառնությունների տոկոսադրույքները:

Աղբյուր՝ ՀՀ Կենտրոնական բանկ

ՀՀ-ի նման փոքր բաց տնտեսությունները մեծ կախվածություն ունեն արտաքին շուկայից և համաշխարհային շուկայում տեղի ունեցող ցնցումներն իրենց հետևանքներ են թողնում տնտեսության վրա: Ինչպես տեսնում եք համաշխարհային տնտեսությունում տեղի ունեցող փոփոխությունները ՀՀ տնտեսության վրա ազդել են թե՛ բացասական, թե՛ դրական: Նման ազդեցությունները երևում են արտահանվող և ներմուծվող ապրանքների գներում, կարճաժամկետ և երկարաժամկետ տոկոսադրույքների վրա, փոխարժեքի տատանումների և այլնի վրա: Արտաքին ցնցումներն ինչպիսիք են ռազմական իրադարձությունները, համավարակները և ճգնաժամերը անկանխատեսելի են և անխուսափելի, ուստի յուրաքանչյուր տնտեսություն ձգտում է այնպիսի տնտեսական կայունության, որի դեպքում անգամ արտաքին ցնցումները խորը հետքեր չեն թողնի տնտեսության վրա:

Acknowledgments: The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 24SSAH-5B004).

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Carney M.* Inflation in a globalised world: remarks at the Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Symposium (Jackson Hole, Wyoming, 29 August 2015) / Electronic resource. London: Bank of England, 2015.
2. *Olamide E., Maredza A., Ogujiuba K.* Monetary policy, external shocks and economic growth dynamics in East Africa: an S-VAR model // "Sustainability". Vol. 14, № 6, art. 3490, 2022.
3. *Magud M., Magud N., Pienknagura S.* External shocks, policies, and tail-shifts in real exchange rates. Washington, DC: "International Monetary Fund", 2023.
4. *Mimir Y., Sunel E.* External shocks, banks, and optimal monetary policy: a recipe for emerging market central banks // "International Journal of Central Banking". Issue 58 (June), 2019.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ НА ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНУЮ ПОЛИТИКУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

А.Г. Галстян, Э. Григорян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ видов внешних шоков и их влияния на денежно-кредитную политику РА. В статье рассматриваются последствия внешних шоков для экономики Армении за последние 10 лет и денежно-кредитная политика, проводимая ЦБ для противодействия им. Результаты показывают, что в зависимости от характера внешнего шока и его влияния на экономику Армении, Центральный банк проводил соответствующую (стимулирующую или сдерживающую) политику, демонстрируя повышение эффективности за последние пять лет.
Ключевые слова: финансовый кризис, пандемия, военные события, денежно-кредитная политика, экономический рост.

THE IMPACT OF EXTERNAL SHOCKS ON THE MONETARY POLICY OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

A. Galstyan, E. Grigoryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The purpose of this article is to analyze the types of external shocks and their impact on the monetary policy of the RA. This article presents the consequences of external shocks on the economy over the past 10 years and the monetary policy implemented by the Central Bank to counteract them. The results show that depending on the nature of the external shock and its impact on the Armenian economy, the Central Bank has pursued appropriate expansionary or contractionary policies, demonstrating improved effectiveness over the past five years.
Keywords: financial crisis, pandemic, military events, monetary policy, economic growth.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-166-174

ԱՐԺՈՒԹԱՅԻՆ ՓՈԽԱՐԺԵՔԻ ՏԱՏԱՆՈՂԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ՀԵՏԵՎԱՆՔՆԵՐԻ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Ա.Հ. Գալստյան, Ն.Գ. Լալայան

Ռուս-հայկական համալսարան
ani.galstyan@rau.am, lalayan_narine@student.rau.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը նվիրված է Հայաստանի Հանրապետությունում փոխարժեքի տատանումների տնտեսական հետևանքների համապարփակ վերլուծությանը: Հետազոտության նպատակն է բացահայտել ՀՀ դրամի անվանական և իրական արդյունավետ փոխարժեքների փոփոխությունների ազդեցությունը մակրոտնտեսական հիմնական ցուցանիշների վրա՝ մասնավորապես գնաճի, արտաքին առևտրի, դոլարայնացման և սպառողական գների ինդեքսի համատեքստում: Ստացված արդյունքները ցույց են տալիս, որ դրամի արժեզրկման ազդեցությունը գնաճի վրա դրսևորվում է արագ և ուժեղ, մինչդեռ արժևորման ազդեցությունը գների վրա փոխանցվում է դանդաղ և ոչ համաչափ:

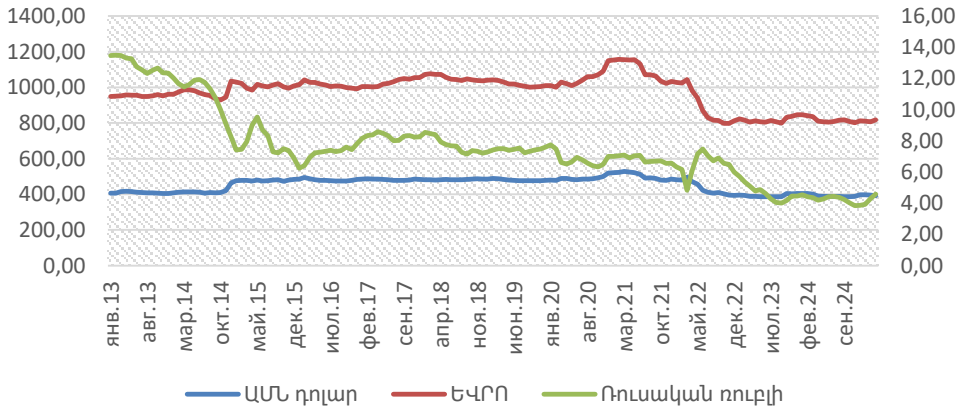
Հիմնաբառեր՝ փոխարժեք, գնաճ, իրական արդյունավետ փոխարժեք, արտաքին առևտուր, ՀՀ դրամ:

Արժութային փոխարժեքի տատանողականությունը և դրա մակրոտնտեսական հետևանքները գրականության մեջ լայնորեն քննարկվող թեմա, հատկապես փոքր բաց տնտեսությունների համատեքստում [1–2]: Բազմաթիվ հետազոտություններ ցույց են տալիս, որ փոխարժեքի անկայունությունը մեծացնում է մակրոտնտեսական անորոշությունը և բացասական ազդեցություն է ունենում ներդրումային ակտիվության, գնաճի և տնտեսական աճի վրա [3–4]: Դոլարայնացման բարձր մակարդակ ունեցող երկրների դեպքում

հատկապես ընդգծվում է փոխարժեքի տատանումների արագ փոխանցումը գներին, ինչն էլ բարձրացնում է խոցելիությունն արտաքին շոկերի նկատմամբ [5–6]։

Հայաստանի արժութային քաղաքականությունը վերջին տարիներին ենթարկվել է մի շարք էական փոփոխությունների, որոնց նպատակն է եղել ապահովել մակրոտնտեսական և սոցիալ-տնտեսական կայունություն։ Ազատ լողացող փոխարժեքի ռեժիմի որդեգրումը թույլ է տվել ՀՀ Կենտրոնական բանկին ունենալ անկախ դրամավարկային քաղաքականություն, որի շրջանակներում փոխարժեքը հիմնականում ձևավորվում է պահանջարկի և առաջարկի վրա։

Վերջին տասը տարիներին ՀՀ դրամի նկատմամբ ԱՄՆ դոլարի փոխարժեքի տատանումները զգալի ազդեցություն են ունեցել Հայաստանի տնտեսության վրա։ Դրամի արժեզրկման կամ արժևորման հետևանքները բազմազան են՝ սկսած գնաճից մինչև արտաքին պարտքի սպասարկման բարդություններ։ Ահա մի քանի կարևոր փաստեր ու վերլուծություններ՝ հիմնված վերջին տարիների տվյալների վրա։



Նկար 1. ԱՄՆ դոլարի, եվրոյի և ռուսական ռուբլու փոխարժեքների դինամիկան 2013–2025թթ.։

Վերջին տասնամյակում ՀՀ դրամը դրսևորել է տատանողական վարքագիծ, որը պայմանավորված է եղել ինչպես արտաքին

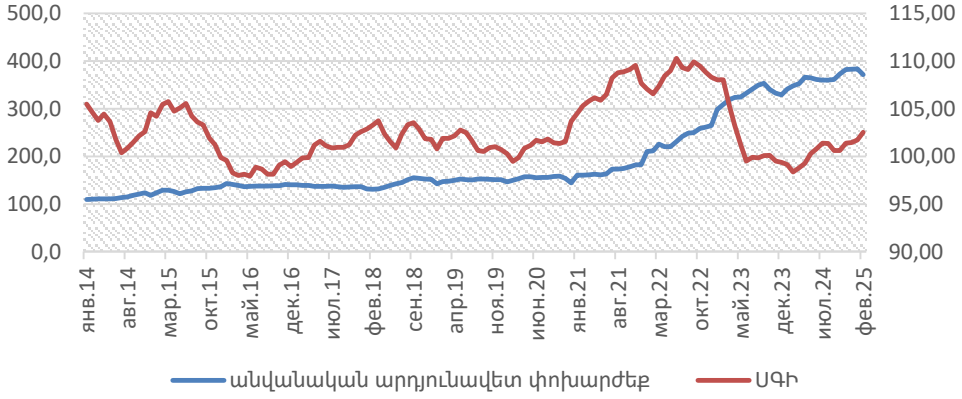
տնտեսական ցնցումներով ու տարածաշրջանային լարվածություններով, այնպես էլ ներքին մակրոտնտեսական զարգացումներով: Դրամի փոխարժեքը հաճախ արձագանքել է տրանսֆերտների հոսքերին, արտաքին պահանջարկի տատանումներին, ներդրումային ակտիվությանը և Կենտրոնական բանկի քաղաքականությանը:

2020 թվականը դարձավ դժվար տարի՝ համավարակի, Արցախի պատերազմի և տնտեսության անկման հետևանքով: Դրամը արժեզրկվեց երեք հիմնական արժույթների նկատմամբ՝ ԱՄՆ դոլարի, եվրոյի և ռուբլու: Համաշխարհային տնտեսական անկումը, տրանսֆերտների կրճատումը և արտաքին առևտրի սահմանափակումները բացասաբար ազդեցին դրամի վրա՝ առաջացնելով արժեզրկման ճնշում: Այդ ժամանակ ԱՄՆ դոլարի փոխարժեքը հասավ 489 դրամի, եվրոն՝ 558.3 դրամի, իսկ ռուբլու փոխարժեքը՝ 6.79 դրամի: 2021 թվականից սկսած, ՀՀ դրամը որոշակի կայունություն ցուցաբերեց, մասնավորապես ԱՄՆ դոլարի և եվրոյի նկատմամբ՝ Կենտրոնական բանկի միջամտությունների, դրամավարկային խստացման և տնտեսական վերականգնման շնորհիվ: Դրամի արժեզրկման միտումները 2020-ին կանգ առան, սակայն ռուբլու նկատմամբ փոխարժեքը շարունակում էր զգայուն մնալ Ռուսաստանի տնտեսության ռիսկերի պատճառով: 2022 թվականին, ռուս-ուկրաինական պատերազմի հետևանքով, Հայաստան արտարժույթի ներհոսքը կտրուկ աճեց, ինչը հանգեցրեց դրամի ամրապնդմանը բոլոր երեք արժույթների նկատմամբ: Արդյունքում, դոլարի փոխարժեքը նվազեց մինչև 435.70 դրամ, եվրոն՝ 491.18 դրամ, իսկ ռուբլու փոխարժեքը՝ 6.58 դրամ:

2025 թվականին, Հայաստանի տնտեսության վերականգնման և արտահանման աճի շնորհիվ, ՀՀ դրամի փոխարժեքում նկատվեց որոշ կայունացում: Դոլարի փոխարժեքը նվազեց մինչև 485 դրամ, եվրոյի փոխարժեքը՝ 540 դրամ, իսկ ռուբլու փոխարժեքը՝ 5.70 դրամ: Այս փոփոխությունները արտացոլում են տնտեսական իրավիճակի դրական միտումները, արտարժույթի ներհոսքի աճը և Կենտրոնական բանկի պահպանած խիստ դրամավարկային քաղաքականությունը:

Ընդհանուր առմամբ, ՀՀ դրամի փոխարժեքի տատանումները պայմանավորված են եղել ոչ միայն արտաքին տնտեսական ազդակներով, այլև ներքին տնտեսական քաղաքականությամբ, ներառյալ Կենտրոնական բանկի դրամավարկային քաղաքականությունը և կառավարության տնտեսական ռազմավարությունները։ Արտաքին տնտեսական ցնցումները, ինչպես նաև գլոբալ շուկաներում տեղի ունեցող փոփոխությունները, շարունակում են ազդեցություն ունենալ դրամի վրա, ինչը ընդգծում է արժույթի կայունությունը պահպանելու կարևորությունը, թե՛ երկարաժամկետ, թե՛ կարճաժամկետ տեսանկյունից։

2014–2025 թթ. ընթացքում ՀՀ դրամի անվանական արդյունավետ փոխարժեքը (NEER) և սպառողական գների ինդեքսը (ՍԳԻ) փոփոխվել են մի շարք տնտեսական, ֆինանսական ու արտաքին ազդեցությունների ներքո։ Տվյալ ժամանակահատվածն ընդգրկում է դրամի արժեզրկման, կայունացման և արժևորման փուլեր, որոնց զուգահեռ արձանագրվել են գնաճային տարբեր տեմպեր։ Այս փոփոխությունները պայմանավորված են եղել ինչպես գլոբալ շուկաներում տեղի ունեցած զարգացումներով, այնպես էլ Հայաստանի տնտեսության կառուցվածքային շարժերով, ներդրումային միջավայրի փոփոխություններով և բնակչության ֆինանսական վարքագծով։



Նկար 2. Անվանական Արդյունավետ Փոխարժեքի և ՍԳԻ շարժընթացը 2014–2025թթ.։

Ընդհանուր առմամբ, անվանական արդյունավետ փոխարժեքի արժևորումը պետք է հանգեցնի գնաճի տեմպերի նվազման՝ պայմանավորված ներմուծման գների նվազմամբ: Սակայն կարող ենք տեսնել, որ այդ օրինաչափությունը ոչ բոլոր տարիներին է պահպանվել: 2015–2016 թթ. փոխարժեքի արժևորման թույլ տեմպերին զուգահեռ գնաճի տեմպերը կտրուկ դանդաղել են և նմանատիպ միտում գրանցվել է նաև 2023–2024թթ.:

2014–2015 թթ. դրամի անվանական փոխարժեքը կտրուկ անկում է գրանցում՝ պայմանավորված ԱՄՆ դոլարի համաշխարհային արժևորմամբ և Ռուսաստանի տնտեսական ճգնաժամով, որն առաջացել էր արևմտյան պատժամիջոցների և նավթի գների նվազման հետևանքով: Քանի որ ՀՀ տնտեսությունը սերտորեն կապված է Ռուսաստանի հետ, ռուբլու արժեզրկումը հանգեցրեց դրամական փոխանցումների կրճատման և դրամի նկատմամբ ճնշման: Արդյունքում՝ դոլարի պահանջարկը աճեց, իսկ դրամը զգալիորեն արժեզրկվեց: Այս փուլում ՍԳԻ-ն արագ բարձրացավ՝ արձագանքելով ներմուծվող ապրանքների թանկացմանը: Գնաճը դրսևորվեց հիմնականում սննդամթերքի և առաջին անհրաժեշտության ապրանքների գնի աճով, ինչը բացատրվում է երկրի ներմուծվածության բարձր աստիճանով:

2016–2019 թթ. նկատվում է փոխարժեքային կայունացման փուլ: Հայաստանի տնտեսության որոշ ոլորտներ՝ մասնավորապես SS-ն, ծառայությունները և շինարարությունը, սկսում են աճ արձանագրել, իսկ Կենտրոնական բանկը վարում է կանխատեսելի և համարժեք դրամավարկային քաղաքականություն: NEER-ը աստիճանաբար բարձրանում է՝ արտացոլելով դրամի հարաբերական ամրապնդումը: Արժեզրկման բացակայությունը նպաստում է ներմուծվող ապրանքների գների կայունացմանը, սակայն այդ ընթացքում արձանագրվում է նաև պահանջարկային գնաճի որոշ տարրեր՝ պայմանավորված բնակչության վճարունակության աստիճանական վերականգմամբ:

2020–2021 թթ., հատկապես COVID-19 համավարակի և 2020թ. Արցախի պատերազմի ազդեցությամբ, տնտեսության մեջ անորոշությունը մեծանում է: Այնուամենայնիվ, դրամի իրական փոխարժեքը 2021-ից սկսած սկսում է բարձրանալ՝ պայմանավորված ֆինանսական նոր հոսքերով և ներքին կայունացնող միջոցառումներով: 2022 թվականը դառնում է շրջադարձային. ռուս-ուկրաինական պատերազմի հետևանքով Հայաստան են տեղափոխվում հազարավոր ռուսաստանցիներ՝ իրենց հետ բերելով զգալի արտարժույթ: Դրա արդյունքում արտարժույթի առաջարկը կտրուկ աճում է, ինչը հանգեցնում է դրամի արժևորման՝ ինչպես անվանական, այնպես էլ իրական փոխարժեքով: Սակայն այս արժևորմանն ուղեկցող գնաճի նվազում չի արձանագրվում. ՍԳԻ-ն շարունակում է բարձր մնալ, ինչը փաստում է, որ փոխարժեքի բարելավումը միանշանակորեն չի ուղեկցվում սպառողական գների իջեցմամբ:

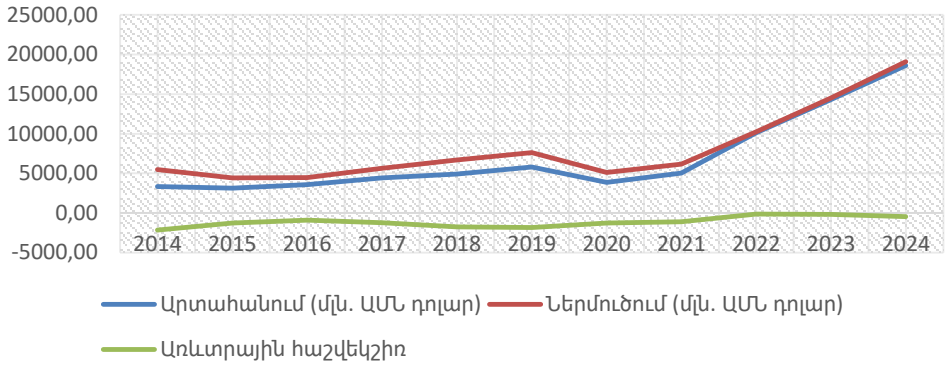
2023–2025թթ., չնայած դրամի շարունակական արժևորմանը, ՍԳԻ-ի դինամիկան համեմատաբար դանդաղ արձագանք է տալիս: Գնաճը որոշակիորեն նվազում է, սակայն ոչ այն մակարդակով, ինչ կսպասվեր նման արժևորման պարագայում: Դրա պատճառները կարելի է խմբավորել հետևյալ կերպ.

- Փոխարժեքային ազդեցությունից բացի, ներմուծվող ապրանքների գների վրա ազդում են համաշխարհային գործոններ՝ էներգակիրների թանկացում, սննդամթերքի ու հումքի գների աճ, ինչպես նաև տարածաշրջանային մատակարարման խնդիրներ:
- Ապրանքների վերջնական ինքնարժեքում մեծ կշիռ ունեն լոգիստիկ ծախսերը, որոնք կախված չեն փոխարժեքից:
- Շուկայում ապրանքների գների նվազումը դանդաղ է տեղի ունենում, քանի որ ներմուծողներն ու մանրածախ վաճառողները հաճախ պահպանում են բարձր գները՝ հիմնվելով նախկին մարժաների վրա կամ կանխատեսելով հնարավոր ապագա արժեզրկում:

Այս ամենը վկայում է կարևոր օրինաչափության մասին. դրամի արժեզրկման դեպքում գնաճը դրսևորվում է արագ և հստակ, իսկ արժևորման դեպքում՝ դանդաղ , ոչ համաչափ և հաճախ՝ անկատար: Փոխարժեքի կայունությունը գնաճի զսպման համար բավարար պայման չէ, եթե այն չի ուղեկցվում կառուցվածքային բարեփոխումներով, մրցակցության ուժեղացմամբ և գների թափանցիկ քաղաքականությամբ:

Փոխարժեքի տատանումները ազդեցությունները դրսևորվում են նաև արտաքին առևտրում: Հայաստանի առևտրային հաշվեկշիռը վերջին տասը տարիների ընթացքում մշտապես բացասական է եղել, ինչը պայմանավորված էր երկրի արտահանման և ներմուծման միջև գոյացած անհավասարակշռությամբ: Մինչ 2021 թվականը ներմուծման ծավալները գերազանցել են արտահանման ծավալներին, ինչը հանգեցրել է մշտական բացասական հաշվեկշռի: Սակայն 2022 թվականից սկսած, արտահանման կտրուկ աճը, շուկաներում հայ արտադրողների ակտիվացումը և պետական աջակցության ծրագրերի ազդեցությունը սկսեցին շոշափելիորեն բարելավել հաշվեկշիռը՝ այն մոտեցնելով զրոյին: 2024 թվականին արդեն այս բացասական տարբերությունն այնքան փոքր է, որ դա վկայում է այն մասին, որ Հայաստանը կանգնած է տնտեսական ինքնուրույնության հասնելու ճանապարհին՝ նվազեցնելով իր կախվածությունը ներմուծումից:

Գծապատկերում ներկայացված են Հայաստանի արտահանումը, ներմուծումը և դրանց տարբերությունը՝ այսինքն՝ առևտրային հաշվեկշիռը՝ վերջին տասնամյակում:



Նկար 3. Արտաքին առևտրի ցուցանիշները ՀՀ-ում, մլն. ԱՄՆ դոլար (2014–2024թթ.):

Ընդհանուր առմամբ, ՀՀ տնտեսության դեպքում հաստատվում է տնտեսագիտական տեսության հիմնական ենթադրությունը՝ արժևորմանը զուգահեռ ներմուծումն աճում է, իսկ արտահանման համար նպաստավոր է արժեզրկումը: Սակայն գործնականում փոխարժեքի ազդեցությունը արտահանման և ներմուծման վրա շատ հաճախ միջնորդվում է այլ գործոններով՝ գլոբալ տնտեսական միջավայրով, ներքին պահանջարկի մակարդակով, ներդրումային հոսքերով և շուկայի կառուցվածքային փոփոխություններով:

Acknowledgments: The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 24SSAH-5B004).

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Chipili J.* Macroeconomic effects of exchange rate volatility in Zambia: doctoral dissertation. Leicester: University of Leicester, 2010.
2. *Umeaduma C., Dugbartey A.* Effect of exchange rate volatility on export competitiveness and national trade balances in emerging markets // "International Journal of Computation Applied Technology Research". Vol. 12, № 11, 2023. PP. 57–71.
3. *Alagidede P., Ibrahim M.* On the causes and effects of exchange rate volatility on economic growth: Evidence from Ghana // "Journal of African Business". Vol. 18, № 2, 2017. PP. 169–193.
4. *Timothy O., Chigozie M.S.* Exchange rate volatility and inflation: The Nigerian experience // "Exchange". Vol. 7, № 10, 2016. PP. 6–15.

5. *Mengesha L., Holmes M.* Does dollarization alleviate or aggravate exchange rate volatility // "Journal of Economic Development". Vol. 38, № 2, 2013. PP. 99–118.
6. *Park H., Son J.* Dollarization, inflation and foreign exchange markets: A cross-country analysis // "International Journal of Finance & Economics". Vol. 27, № 3, 2022. PP. 2724–2736.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ОБМЕННОГО КУРСА В АРМЕНИИ

А.Г. Галстян, Н.К. Лалаян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному анализу экономических последствий колебаний валютного курса в Республике Армения. Цель исследования заключается в выявлении влияния изменений номинального и реального эффективного обменного курса армянского драма на ключевые макроэкономические показатели, в частности на инфляцию, внешнюю торговлю, уровень долларизации и индекс потребительских цен. Полученные результаты показывают, что влияние девальвации драма на инфляцию является быстрым и сильным, в то время как влияние укрепления валюты на цены передается медленно и неравномерно.
Ключевые слова: валютный курс, инфляция, реальный эффективный обменный курс, внешняя торговля, армянский драм.

ANALYSIS OF THE ECONOMIC CONSEQUENCES OF EXCHANGE RATE VOLATILITY IN ARMENIA

A. Galstyan, N. Lalayan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This paper provides a comprehensive analysis of the economic consequences of exchange rate fluctuations in the Republic of Armenia. The main objective of the study is to examine the impact of changes in the nominal and real effective exchange rates of the Armenian dram on key macroeconomic indicators, particularly inflation, foreign trade, dollarization, and the consumer price index. The results show that the impact of dram devaluation on inflation is rapid and strong, while the impact of currency appreciation on prices is transmitted slowly and unevenly.
Keywords: exchange rate, inflation, real effective exchange rate, foreign trade, Armenian dram.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-175-184

ՏՆՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ «ԵՐԿԱՐ ՓՈՂԵՐԻ» ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ՄԵԽԱՆԻԶՄՆԵՐԸ. ՄԱՐՏԱՀՐԱՎԵՐՆԵՐ ԵՎ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐ

Ա. Հ. Գալստյան, Ֆ. Մխիթարյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ani.galstyan@rau.am, fmkhitaryan12@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի նպատակն է վերլուծել Հայաստանի տնտեսությունում երկարաժամկետ ֆինանսական ռեսուրսների՝ «երկար փողերի» ձևավորման մեխանիզմները: Հետազոտության շրջանակներում դիտարկվել են համախառն հիմնական կապիտալի կուտակման, օտարերկրյա ուղղակի ներդրումների, առևտրային բանկերի երկարաժամկետ վարկավորման, Կենսաթոշակային ֆոնդի ակտիվների և ապահովագրական շուկայի աճի դինամիկան: Արդյունքները ցույց են տալիս, որ Հայաստանում «երկար փողերի» ձևավորման մեխանիզմները գտնվում են զարգացման նախնական փուլում: Հոդվածում առանձնացվում են հիմնական մարտահրավերները և նշվում են հեռանկարները՝ բարեփոխումների շարունակականության և տարածաշրջանային դիրքավորման բարելավման ուղղությամբ:

Հիմնաբառեր՝ «երկար փողեր», համախառն հիմնական կապիտալի կուտակում, օտարերկրյա ուղղակի ներդրումներ, կենսաթոշակային ֆոնդ, ապահովագրական շուկա:

Ժամանակակից տնտեսության կայուն զարգացման կարևոր նախապայմանն է երկարաժամկետ ֆինանսական ռեսուրսների առկայությունը, որոնք հաճախ կոչվում են «երկար փողեր»: Այդ միջոցները կենսական են կապիտալաինտենսիվ ներդրումային ծրագրերի, ենթակառուցվածքների զարգացման և տնտեսական կայունության ապահովման համար: Հայաստանի փոքր և զարգացող տնտեսության համար «երկար փողերի» ձևավորումը ռազմավարական նշանակություն ունի, քանի որ այն նվազեցնում է կախվածությունը

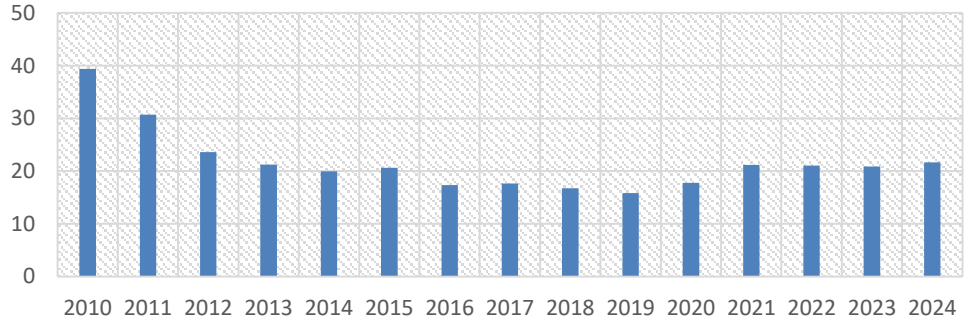
կարճաժամկետ կապիտալից և արտաքին ֆինանսավորումից: Այս հոդվածի նպատակն է վերլուծել Հայաստանի տնտեսությունում «երկար փողերի» ձևավորման հիմնական մեխանիզմները և վերլուծել դրանց ազդեցությունը տնտեսական զարգացման վրա:

Երկարաժամկետ փողերի մեխանիզմը վայելում է միջազգային գիտական հանրության ուշադրությունը: Օրինակ՝ Մարտինես Պերիան և Շմուքլերը պնդում են, որ զարգացող տնտեսություններում երկարաժամկետ ֆինանսավորումը սովորաբար սակավ է. դա հիմնականում արդյունք է ներդրումային ֆոնդերի քիչ ներգրավվածության և ֆինանսական միջնորդների թույլ զարգացման: Ըստ հեղինակների, բանկերը ապահովում են կարճաժամկետ վարկավորում, ինչը կրճատում է տնտեսությունում կայուն հեռանկարը [1]: Քրիստոֆ Զոմերը իր աշխատությունում փաստում է, որ երկարաժամկետ ֆինանսավորումը նպաստում է ներդրումներին, ընկերությունների մոտ ընդհանուր աշխատատեղերի որակի բարելավմանը և բարձրացնում ֆիրմաների ընդհանուր արդյունավետությունը [2]: Մեկ այլ աշխատությունում նշվում է, որ փողի մատակարարումը մեծ մասամբ պայմանավորված է բանկերի վարկավորման գործունեությամբ, այլ ոչ միայն կենտրոնական բանկի որոշումներով. սա փոխում է դրամավարկային քաղաքականության գործելաոճը և ազդում է երկրի տնտեսական զարգացման ուղղությունների վրա, ընդգծում են Արադվանին և Սալայը [3]: Ալմեշարը և այլոք, ուսումնասիրելով Մերձավոր Արևելքի և Հյուսիսային Աֆրիկայի երկրների փորձը, նշում են, որ բանկերի ստեղծած միջոցները կարող են որոշ սահմանափակումներ ունենալ, և դրանց ավելցուկը երբեմն առաջացնում է տնտեսական անհավասարակշռություն: Միաժամանակ, միջնաժամկետ և երկարաժամկետ հեռանկարում դրանք դրական ազդեցություն ունեն տնտեսության զարգացման վրա [4]: Ֆոուրը և Յերսբակը պնդում են, որ ներդրումների երկարաժամկետ ծավալները մեծապես կախված են բանկերի կառավարման արդյունավետությունից, ֆինանսական շուկաների զարգացման աստիճանից և

պետական քաղաքականությունից, ինչը հանդիսանում է կայուն ֆինանսավորման նախապայման [5]: Եվգենիդիսը և Մալիարիսը վերլուծում են արժութային քաղաքականության և ֆինանսական շոկերի ազդեցությունը, նշելով, որ երկարաժամկետ վարկերը ապահովում են տնտեսության կայունություն և ճկունություն [6]: Իվանովը ընդգծում է, որ բանկային ռեսուրսների շուկայական ձևավորման մեխանիզմները հնարավորություն են տալիս ապահովել երկարաժամկետ ֆինանսավորման կայուն և հավասարակշռված հոսքեր [7]: Լազոնիկն իր հետազոտությունում փաստում է, որ կորպորատիվ ֆինանսավորումն ու ընկերությունների ֆինանսական գործիքների կիրառումը որոշիչ են երկարաժամկետ ֆինանսավորման արդյունավետության և ներդրումների որակի բարձրացման համար [8]:

2010.-ին Հայաստանի համախառն հիմնական կապիտալի ձևավորումը բարձր էր՝ 39.38%, սակայն 2011թ.-ին այն նվազեց մինչև 30.74% (նկ.1): Այս անկումը բացատրվում է 2008–2009թթ.-ի համաշխարհային տնտեսական ճգնաժամի երկարաժամկետ հետևանքներով. տնտեսական վերականգնման գործընթացները 2010–2011թթ.-ին դեռ չէին կարող լիովին չեզոքացնել արտաքին և ներքին անորոշությունները: 2012–2015թթ.-ին ներդրումների ցուցանիշները շարունակեցին նվազել՝ հասնելով 19.99%-ի 2014թ.-ին: Այս տատանումը պայմանավորված էր տարածաշրջանային ճգնաժամով, ներքին բարեփոխումների ուշացմամբ և քաղաքական խնդիրներով: Պետական բարեփոխումների բացակայությունը և ներդրումային միջավայրի զարգացման սահմանափակ հնարավորությունները հանգեցրին ներդրումների նվազմանը: 2016–2019թթ.-ին տնտեսական ակտիվությունը ևս նվազեց՝ հասնելով 15.82%-ի, ինչը վկայում էր տնտեսության անկայունության մասին: 2021թ. -ից հետո Հայաստանի տնտեսությունը սկսեց վերականգնվել. համախառն հիմնական կապիտալի ձևավորումը բարձրացավ 17.77%-ից մինչև 21.69%-ի 2024թ.-ին: Վերականգնումը պայմանավորված էր երկու հիմնական գործո-

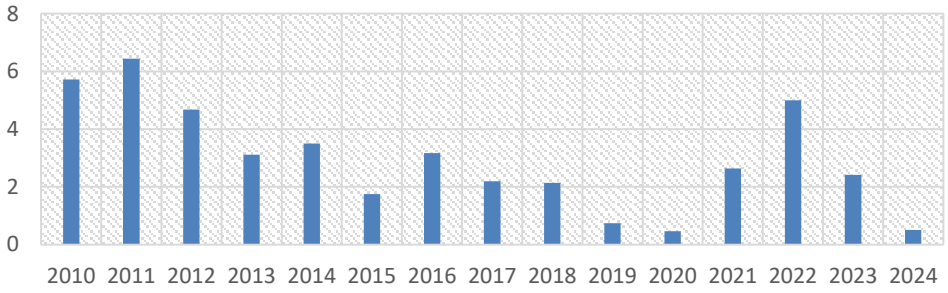
նով՝ 2018թ.-ի հեղափոխությունից հետո իրականացված տնտեսական բարեփոխումներով և համաշխարհային տնտեսության կայունացման դրական ազդեցությամբ: Չնայած COVID-19 համաճարակի բացասական ազդեցությանը, տնտեսական ակտիվության վերականգնումը նպաստեց ներդրումների աճին և տնտեսական կայունության բարելավմանը:



Նկար 1. Համախառն հիմնական կապիտալի կուտակում (ՀՆԱ-ի %) [9]:

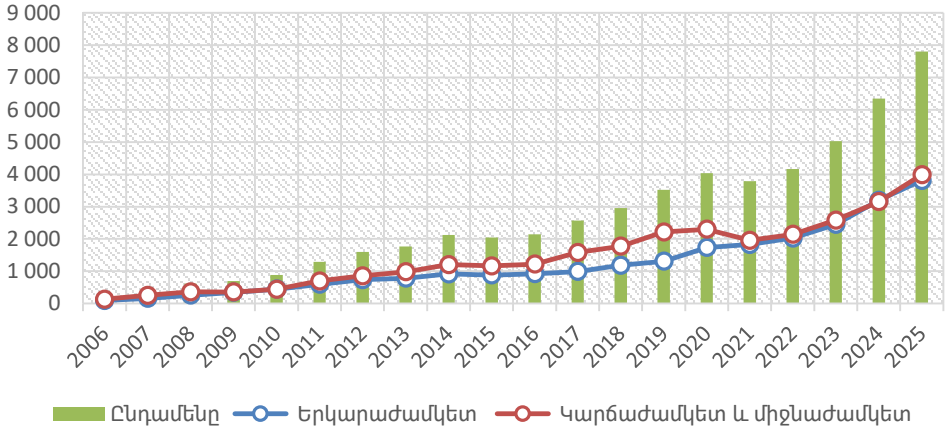
2010 և 2011թթ.-ին օտարերկրյա ուղղակի ներդրումների ցուցանիշը բավական բարձր էր՝ 5.72%-ից 6.44%-ի ՀՆԱ նկատմամբ (նկ.2): Այս բարձր ցուցանիշը հիմնականում պայմանավորված էր արտաքին ներդրումների մեծ ծավալով, որոնք մտել էին Հայաստանի տնտեսություն՝ կապված միջազգային ֆինանսական աջակցության, արտաքին վարկերի և տնտեսական բարեփոխումների բարենպաստ մթնոլորտի հետ: 2012–2015թթ.-ին ներդրումների ցուցանիշը սկսեց նվազել՝ հասնելով 1.74%-ի: Այս փուլը ցույց է տալիս համաշխարհային տնտեսական ճգնաժամի երկարատև հետևանքները, երբ ներդրողները մտահոգված էին անկայուն տնտեսական իրավիճակով: 2016–2019թթ.-ին ՕՈՒՆ–ը որոշ չափով վերականգնվեցին՝ հասնելով 3.17%-ի 2016թ.-ին և 2.14%-ի 2018թ.-ին: Այս փուլում Հայաստանը իրականացնում էր տնտեսական բարեփոխումներ, այդ թվում՝ բաց և ավելի գրավիչ գործարար միջավայր ստեղծելու ուղ-

ղությամբ։ Այնուամենայնիվ, ներքին քաղաքական անկայունությունը և արտաքին շուկաների լարվածությունը դեռևս ազդում էին ներդրումային գործընթացների վրա։ 2020թ.-ից սկսած ՕՈՒՆ-ը նորից սկսեց աճել՝ հասնելով 4.99%-ի 2022թ.-ին։ Այնուամենայնիվ, 2023–2024թթ.-ին ներդրումների ցուցանիշը կրկին նվազեց՝ հասնելով 0.51%-ի։



Նկար 2. Օտարերկրյա ուղղակի ներդրումներ, զուտ ներհոսքեր (ՀՆԱ-ի %) [9]։

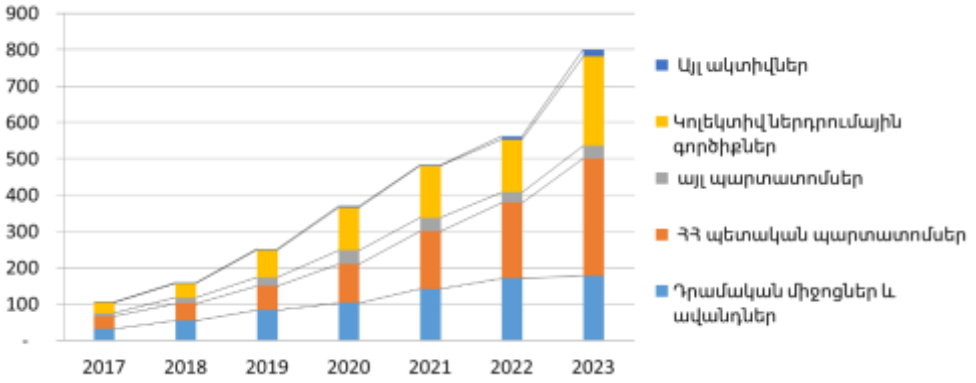
Դիտարկվող ժամանակահատվածի ամբողջ ընթացքում տրամադրված վարկերի ծավալը տնտեսության մեջ մշտապես աճել է հասնելով 7.8 տրիլիոն ՀՀ դրամի 2025թ. դեկտեմբերի դրությամբ։ Մինչև 2021թ.-ը վարկերի կառուցվածքում գերակշռում էին կարճաժամկետ և միջնաժամկետ վարկերը, ներառյալ առևտրի, սպառողական, ծառայությունների և ֆինանսական ոլորտի վարկերը։ Մյուս կողմից համեմատաբար փոքր մասնաբաժին էին զբաղեցնում երկարաժամկետ վարկերը, ներառյալ հիփոթեքը, արդյունաբերության, գյուղատնտեսական, տրանսպորտի ու կապի ոլորտի վարկավորումը։ 2021–2025թթ.–ին երկարաժամկետ վարկերի կշիռը գրեթե հավասարվեց կարճաժամկետ վարկերի կշռին։ Այնուամենայնիվ հարկ է նշել, որ նման փոփոխությունն առավելապես պայմանավորված էր հիփոթեքային վարկերի ծավալի արագ աճով։ Եթե 2020թ. Դրությամբ հիփոթեքային վարկերը կազմում էին երկարաժամկետ վարկերի 28%–ը, ապա 2023–2025թթ. արդեն հասել էր 44–46%-ը։



Նկար 3. ՀՀ առևտրային բանկերի կողմից ռեզիդենտներին տրամադրված վարկեր, մլրդ դրամ [10]:

2017թ.-ին կենսաթոշակային ֆոնդի NAV-ը կազմել է 106 մլրդ դրամ, և ակտիվների կառուցվածքը հիմնականում բաղկացած էր կանխիկ միջոցներից, պետական պարտատոմսերից և կոլեկտիվ ներդրումային գործիքներից, իսկ այլ պարտատոմսերն ու ակտիվները փոքր մասնիկ էին կազմում, ինչը ցույց է տալիս, որ ներդրողները նախընտրում էին ապահով և կանխատեսելի միջոցներ, ինչը պահպանեց ֆոնդի NAV-ի կայունությունը և վստահությունը ֆինանսական շուկայի նկատմամբ: 2018թ.-ին NAV-ը աճել է մինչև 159 մլրդ դրամ՝ հիմնականում դրամական միջոցների, պետական և այլ պարտատոմսերի, ինչպես նաև կոլեկտիվ ներդրումային գործիքների ավելացման շնորհիվ, ներդրողների վստահության բարձրացումը և ֆինանսական շուկայի ընդլայնումը նպաստեցին ակտիվների դիվերսիֆիկացմանը և NAV-ի զգալի աճին: 2019թ.-ին NAV-ը հասել է 250 մլրդ դրամի, և ֆոնդի ակտիվներում նկատելի է դիվերսիֆիկացման շարունակական զարգացում, դրամական միջոցներն ու ավանդները կազմել են 83 մլրդ դրամ, պետական պարտատոմսերը՝ 66 մլրդ դրամ, իսկ կոլեկտիվ ներդրումային գործիքները հասել են 75 մլրդ դրամի, ինչը ցույց է տալիս, որ ներդրողները սկսել են ավելի լայնորեն օգտվել համակցված և կառավարվող ներդրումային

հնարավորություններից, ինչըն ուղղակիորեն դրական է ազդել NAV-ի վրա և ապահովել ֆոնդի ֆինանսական կայունությունը: 2023թ.-ին NAV-ը հասել է առավելագույնի՝ 799 մլրդ դրամ, պետական պարտատոմսերի հսկայական աճը՝ 322 մլրդ դրամ, և կոլեկտիվ ներդրումային գործիքների աճը՝ 246 մլրդ դրամ, ցույց են տալիս, որ ներդրողները կենտրոնացել են բարձր եկամտաբեր և ապահով ներդրումային հնարավորությունների վրա, իսկ դրամական միջոցների և ավանդների կայուն աճը՝ 178 մլրդ դրամ, ապահովել է ֆոնդի ընդհանուր ֆինանսական հուսալիությունը:



Նկար 5. Կենսաթոշակային ֆոնդի կառուցվածք [10]:

2017–2023թթ.-ին Հայաստանի ապահովագրության շուկան նույնպես ցույց տվեց կայուն ու շարունակական աճ, և սա անմիջական կապ ունի երկարաժամկետ ներդրումային միջոցների, կամ՝ «երկար փողերի» ձևավորման հետ: Սկզբնական փուլում շուկայի հիմնական շարժիչ ուժը պարտադիր ապահովագրություններն էին, հատկապես **ավտոճանապարհային պատահարներից ապահովագրությունը**, որը ապահովեց կանխատեսելի ու կայուն գումարների հոսք: Այս գումարների կուտակումը կարևոր էր, որովհետև դրա շնորհիվ ապահովագրական ընկերությունները կարողացան իրականացնել երկարաժամկետ ներդրումներ, ինչն էլ սկիզբ դրեց «երկար փողերի» ձևավորմանը: 2019–2020թթ.-ի տնտեսական ու քաղաքական անորոշությունները չթուլացրին շուկայի դիրքերը, որովհետև պարտադիր ապահովագրությունները և արդեն կուտակված

միջոցներն ապահովեցին վստահ հենարան և թույլ չտվեցին, որ դժվար ժամանակներում դադարի «երկար փողերի» հոսքը: 2021թ.-ից շուկան սկսեց արագ վերականգնվել: 2022թ.-ից սկսած տարածաշրջանային իրադարձությունների պատճառով Հայաստան ներգաղթած մարդկանց հոսքն էլ դարձավ շուկայի աճի լրացուցիչ շարժիչ:

Այսպիսով, Հայաստանի տնտեսությունում «երկար փողերի» ձևավորման մեխանիզմների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ դրանք ունեն տարբեր զարգացման մակարդակներ: Արտաքին աղբյուրները՝ օտարերկրյա ուղղակի ներդրումները և մասամբ համախառն հիմնական կապիտալի կուտակումը, մնում են անկայուն և խոցելի գլոբալ և տարածաշրջանային ցնցումների նկատմամբ: Ներքին ինստիտուցիոնալ աղբյուրները՝ Կենսաթոշակային Ֆոնդը և ապահովագրական շուկան, ցուցադրում են ուժեղ և կայուն աճ՝ դառնալով տնտեսության երկարաժամկետ ֆինանսական կայունության հենարանը: Միաժամանակ, հիմնական մարտահրավերը շարունակում է մնալ ֆինանսական ակտիվների դիվերսիֆիկացիան. Կենսաթոշակային ֆոնդի ակտիվների գերակշիռ մասը ներդրվում է պետական պարտատոմսերում, ինչն ապահովում է ֆոնդի հուսալիությունը, բայց սահմանափակում է միջոցների ուղղակի ներհոսքը մասնավոր հատվածի բարձր ռիսկային, բայց եկամտաբեր նախագծերի մեջ: Հեռանկարները կապված են Կենսաթոշակային Ֆոնդի և ապահովագրական շուկայի ակտիվների ներդրումային ռազմավարությունների ավելի ազատականացման, մասնավոր կապիտալի շուկայի զարգացման և ներդրումային միջավայրի կայունացման հետ: Հայաստանի ապահովագրական կազմակերպությունները և կենսաթոշակային ֆոնդերը, կուտակելով հսկայական ռեսուրսներ, ունեն ներուժ դառնալ երկրի տնտեսական ինքնաբավության և երկարաժամկետ աճի գլխավոր շարժիչ ուժերը:

Acknowledgments: The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 24SSAH-5B004).

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Pería M., Schmukler S.* Understanding the use of long-term finance in developing economies. Washington, DC: “International Monetary Fund”, 2017.
2. *Sommer C.* The impact of long-term finance on job quality, investments and firm performance: cross-country evidence // “European Journal of Development Research”. Vol. 36, № 4. 2024.
3. *Aradványi P., Szalai Z.* Endogenous money supply theories and their main implications // “Financial and Economic Review”. Vol. 24, № 1, 2025. PP. 74–100.
4. *Almeshari A., Bin Dato Haji Yahya, Kamarudin B., Abd Hamid S.* Liquidity creation and economic growth: are they monotonically related? Evidence from MENA countries // “Economies”. Vol. 11, № 1, art. 24, 2023.
5. *Faure S., Gersbach H.* On the money creation approach to banking // “Annals of Finance”. Vol. 17, № 3, 2021. PP. 265–318.
6. *Evgenidis A., Malliaris A.* Monetary policy, financial shocks and economic activity // “Review of Quantitative Finance and Accounting”. Vol. 59, № 2, 2022. PP. 429–456.
7. *Ivanov S.* Market mechanisms of bank resource formation // “The Online Journal of Quantitative Information”, 2018.
8. *Lazonick W.* A literature review on corporate financialization. Irvine, CA: SCIRP, 2018.
9. World Bank: https://data.worldbank.org.
10. Central bank of Armenia: https://www.cba.am/en/statistics.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ «ДЛИННЫХ ДЕНЕГ» В ЭКОНОМИКЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Г. Галстян, Ф. Мхитарян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ механизмов формирования долгосрочных финансовых ресурсов, «длинных денег», в экономике Армении. В исследовании рассматривалась динамика валового формирования основного капитала, прямых иностранных инвестиций, долгосрочного кредитования коммерческими банками, активов пенсионных фондов и роста страхового рынка. Результаты показывают, что механизмы формирования длинных денег в Армении находятся на начальной стадии развития. В статье определены основные вызовы и намечены перспективы продолжения реформ и улучшения региональных позиций.

Ключевые слова: длинные деньги, валовое накопление основного капитала, прямые иностранные инвестиции, пенсионный фонд, страховой рынок.

MECHANISMS OF FORMATION OF "LONG MONEY" IN THE ECONOMY: CHALLENGES AND PROSPECTS

A. Galstyan, F. Mkhitaryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article aims to analyze the mechanisms for generating long-term financial resources, "long money", in the Armenian economy. The study examined the dynamics of gross fixed capital formation, foreign direct investment, long-term lending by commercial banks, pension fund assets, and insurance market growth. The results demonstrate that the mechanisms for generating "long money" in Armenia are in their first stages. The article identifies key challenges and outlines prospects for continuing reforms and improving regional positions.

Keywords: long-term funds, gross fixed capital formation, foreign direct investment, pension fund, insurance market.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-185-192

ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ ԵՐԻՏԱՍԱՐԴՆԵՐԻ ԳՈՐԾԱԶՐԿՈՒԹՅԱՆ ԳՈՐԾՈՆՆԵՐԻ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ

Ա.Հ. Գալստյան, Ա. Ղևոնդյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ani.galstyan@rau.am, ghevondyanarman09@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

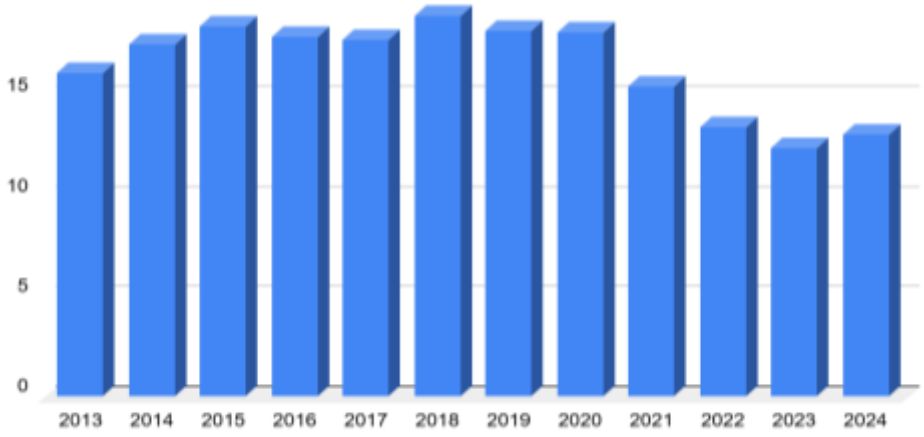
Սույն հետազոտությունը ձգտում է բացահայտել այն հիմնական շղթաները, որոնք կապում են կրթական համակարգի թերությունները, աշխատաշուկայի կառուցվածքային առանձնահատկությունները և մակրոտնտեսական տատանումները: Վեհլուծությունը ցույց է տալիս, որ չնայած կրթությունից և աշխատաշուկայից դուրս մնացած երիտասարդների (NEET) ցուցանիշի աստիճանական նվազմանը՝ աշխատաշուկան շարունակում է մնալ խիստ զգայուն արտաքին մակրոտնտեսական ցնցումների: Երիտասարդների զբաղվածության կայունությունը պահանջում է կառուցվածքային բարեփոխումներ՝ ուղղված ներքին տնտեսական դիմադրողականության բարձրացմանը և կրթական ծրագրերի թիրախային համապատասխանեցմանը աշխատանքի շուկայի իրական պահանջարկին:

Հիմնաբառեր՝ երիտասարդների գործազրկություն, NEET, մարդկային կապիտալ, հմտությունների պակաս, տնտեսական ցնցումներ, աշխատաշուկա:

Ժամանակակից գրականության մեջ երիտասարդների գործազրկությունը դիտարկվում է որպես բամզաբնույթ սոցիալ–տնտեսական երևույթ, որի վրա ազդում է մակրոտնտեսական միջավայրը, իստիտուցիոնալ գործոններն ու երիտասարդների անհատական բնութագրերը [1–3]: Բազմաթիվ հետազոտություններ ընդգծում են կրթական համակարգի և աշխատանքի շուկայի պահանջների միջև կառուցվածքային անհամապատասխանության, գործնական հմտությունների անբավարարության և ոչ ֆորմալ զբաղվախության

կարևոր դերը որպես զարգացող երկրներում երիտասարդների գործազրկության հիմնական գործոնների [4–5]: Էմպիրիկ աշխատությունները նշում են ինստիտուցիոնալ համակարգի կարևորությունը, որպես երիտասարդների գործազրկության նվազեցմանն ուղղված մեղմացուցիչ գործոն [6–7]:

Երիտասարդների գործազրկությունը ժամանակակից Հայաստանի առանցքային տնտեսական և սոցիալական մարտահրավերներից է: Այն ոչ միայն անմիջականորեն ազդում է երիտասարդ սերնդի բարեկեցության, այլև երկրի երկարաժամկետ տնտեսական զարգացման և մարդկային կապիտալի կայունության վրա: Սույն հետազոտությունը ձգտում է բացահայտել այն հիմնական շղթաները, որոնք կապում են կրթական համակարգի թերությունները, աշխատաշուկայի կառուցվածքային առանձնահատկությունները և մակրոտնտեսական տատանումները: Նկ. 1-ը ցույց է տալիս գործազրկության ցուցանիշները 2013–2024թթ.: Չնայած իրավիճակի որոշակի բարելավմանը, գործազրկության հետ կապված որոշ հիմնախնդիրներ դեռևս գոյություն ունեն:



Նկար 1. Գործազրկության մակարդակը բնակչության տոկոսադրույքով:

Աղբյուր՝ Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե:

Սույն հետազոտության շրջանակներում կքննարկվեն հետևյալ 4 հիմնախնդիրները.

1. Կրթություն-աշխատաշուկա անհամապատասխանության խնդիրը

2. Տնտեսության կառուցվածքային թերությունները և աշխատատեղերի քանակական ու որակական սահմանափակումները

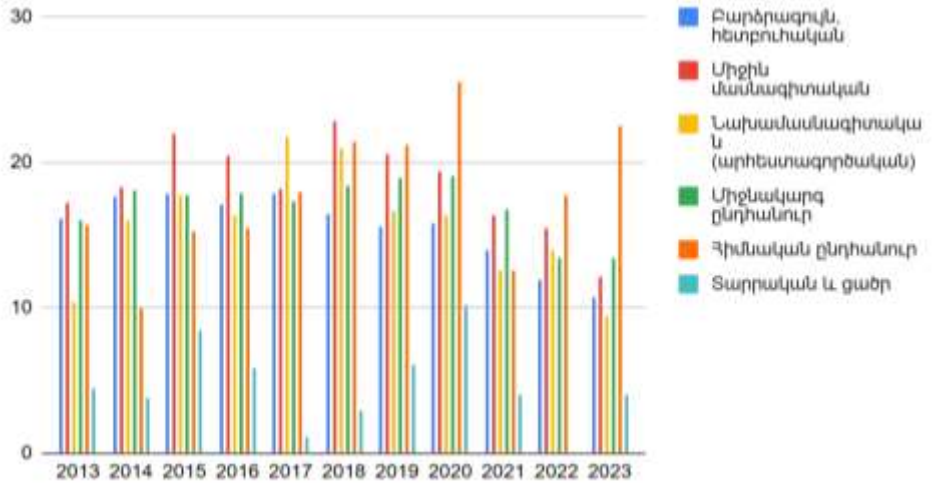
3. Սոցիալ-ժողովրդագրական և գենդերային ազդեցությունները

Աշխատաշուկայի պահանջարկի և կրթական ծրագրերի անհամապատասխանությունը ՀՀ-ում կրում է քրոնիկ բնույթ: Բուհերը շարունակում են պատրաստել կադրեր այնպիսի մասնագիտություններով, որոնք արդեն հագեցած են, մինչդեռ ԳՏՃՄ (STEM) և ՏՏ (IT) ոլորտներում առկա է կադրային դեֆիցիտ:

Ըստ UNICEF-ի և Education Commission-ի զեկույցների՝ երիտասարդների շուրջ 75%-ը չունի մասնագիտական զբաղվածության համար անհրաժեշտ հմտություններ: Հայաստանի պարագայում սա նշանակում է, որ երիտասարդների զգալի մասը, ունենալով բարձրագույն կրթություն, ստիպված է լինում աշխատել իր որակավորմանը չհամապատասխանող ոլորտներում կամ մնալ գործազուրկ՝ «փորձի պակասի» և «գործնական հմտությունների բացակայության» պատճառով:

Համաձայն վիճակագրական տվյալների բարձրագույն և հետբուհական կրթություն ունեցող երիտասարդների շրջանում գործազրկությունը կայուն կերպով տատանվում է 15–18%-ի սահմաններում (նկ.2), ինչը վկայում է այն մասին, որ դիպլոմի առկայությունը դեռևս չի երաշխավորում զբաղվածություն: Ավելին, տվյալները փաստում են, որ միջին մասնագիտական կրթություն ունեցողներն ավելի խոցելի են, քանի որ նրանց գործազրկության մակարդակը որոշ տարիների հասել է նույնիսկ 22%-ի: Այս պատկերը հիմնա-

վորում է այն փաստը, որ կրթական համակարգը հաճախ պատրաստում է կադրեր, որոնց հմտությունները չեն համապատասխանում գործատուների արդի պահանջներին։



Նկար 2. Գործազրկության մակարդակը ըստ կրթության տոկոսադրույքով։

Աղբյուր՝ Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե։

Դիտարկելով թափուր աշխատատեղերի քանակն ըստ բնագավառի (նկ. 3) պարզ է դառնում, որ առաջարկի ճնշող մեծամասնությունը կենտրոնացված է բացառապես ծառայությունների ոլորտում, մինչդեռ արդյունաբերության և տեխնոլոգիական ոլորտներում թափուր տեղերի քանակը մնում է չափազանց սահմանափակ։ Այսպիսով, կրթություն–աշխատաշուկա համակարգերի միջև կառուցվածքային անհամապատասխանությունները ոչ միայն որակական են, այլև ոլորտային, քանի որ երիտասարդների ստացած մասնագիտական ուղղությունները հաճախ չեն համընկնում տնտեսության մեջ առկա իրական պահանջարկի հետ։

Նկար 3. Թափուր (ազատ) աշխատատեղեր ըստ բնագավառի:

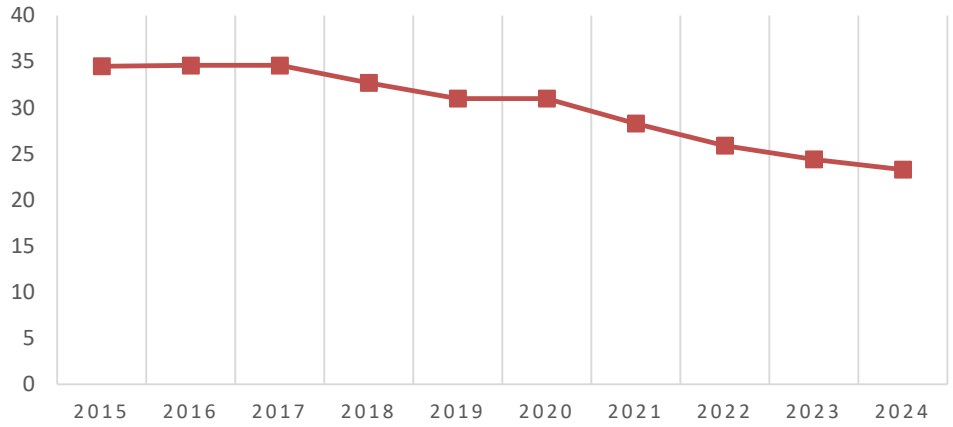
Աղբյուր՝ Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե:

Թեև Հայաստանի տնտեսությունը վերջին տարիներին ցույց է տալիս աճի միտումներ, այդ աճը միշտ չէ, որ հանգեցնում է որակյալ աշխատատեղերի ստեղծմանը: Այս առումով առկա են երկու հիմնական խնդիրներ.

- **Քանակական սահմանափակում.** Թափուր աշխատատեղերի և գործազուրկների հարաբերակցությունը ցույց է տալիս, որ առաջարկվող հաստիքները քանակապես չեն բավարարում աշխատաշուկա մուտք գործող նոր սերնդին:
- **Որակական անհավասարություն.** Աշխատատեղերի մեծ մասը կենտրոնացված է ցածր արտադրողականություն ունեցող ոլորտներում (գյուղատնտեսություն, մանրածախ առևտուր), որտեղ երիտասարդները չեն տեսնում մասնագիտական աճի հեռանկար:

Երիտասարդների զբաղվածության հարցում առանցքային նշանակություն ունի NEET (Not in Education, Employment, or Training – Կրթություն կամ ուսուցում չստացող, զբաղվածություն չունեցող երիտասարդների (15–24 տարեկան) մասնաբաժինը) ցուցանիշը: Սա

այն երիտասարդների խումբն է, որոնք ոչ սովորում են, ոչ աշխատում և ոչ էլ վերապատրաստվում: Հայաստանում այս ցուցանիշը մտահոգիչ բարձր է հատկապես երիտասարդ կանանց շրջանում, ինչը վկայում է գենդերային անհավասարության և մարզային ենթակառուցվածքների թույլ զարգացվածության մասին (նկ.4)):



Նկար 4. Կրթություն կամ ուսուցում չստացող, զբաղվածություն չունեցող երիտասարդների (15–24 տարեկան) մասնաբաժինը:

Աղբյուր՝ International labour organization:

Եթե 2013–2015թթ. NEET ցուցանիշը տատանվում էր մտահոգիչ 30–31% միջակայքում, ապա 2024 թվականին այն նվազել է մինչև 23.3%: Այս դրական դինամիկան վկայում է երիտասարդության աստիճանական ինտեգրման մասին թե՛ կրթական համակարգում և թե՛ աշխատաշուկայում, ինչը նվազեցնում է սոցիալական մեկուսացման և մարդկային կապիտալի կորստի ռիսկերը: Այնուամենայնիվ, այս միտումը պետք է դիտարկել նաև զբաղվածության որակական կողմի հետ համադրությամբ: Չնայած NEET-ի անկմանը, գործազրկության մակարդակն ըստ կրթության մնում է անհամաչափ. բարձրագույն կրթությամբ անձանց շրջանում գործազրկությունը դեռևս կազմում է շուրջ 10.7%, իսկ հիմնական կրթությամբ անձանց մոտ այն հասնում է 22.4%-ի: Սա նշանակում է, որ թեև

ավելի շատ երիտասարդներ են ներգրավվում ակտիվ գործունեության մեջ, նրանց զգալի մասը բախվում է ցածր որակավորում պահանջող աշխատատեղերի խնդրին։

Հայաստանում երիտասարդների գործազրկության հիմնախնդրի բազմակողմանի վերլուծությունը թույլ է տալիս արձանագրել, որ մենք գործ ունենք համակարգային կառուցվածքային ճգնաժամի հետ։ Կրթական համակարգի իներտությունը բերում է գործնական հմտությունների պակասի, ինչն էլ իր հերթին խորացնում է կրթությունից և աշխատաշուկայից դուրս մնացած երիտասարդների սոցիալական մեկուսացումը։ Խնդրի լուծումը պահանջում է անցում դեպի կառուցվածքային բարեփոխումների, որտեղ մարդկային կապիտալը կդիտարկվի որպես երկրի անվտանգության և տնտեսական ինքնիշխանության գլխավոր երաշխիք։

Acknowledgments: The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 25YR-5B020).

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Breen R.* Explaining cross-national variation in youth unemployment: Market and institutional factors // “European Sociological Review”. Vol. 21, № 2, 2005. PP. 125–134.
2. *Condratov I.* Determinants of youth unemployment: a survey of the literature // “Ecoforum Journal”. Vol. 3, № 2, 2014. P. 16.
3. *Kokotović F.* An empirical study of factors influencing total unemployment rate in comparison to youth unemployment rate in selected EU member-states // “Theoretical & Applied Economics”. Vol. 23, № 3, 2016.
4. *Gray K., Bae S.* Skills shortages, over-education and unemployed youth: an international dilemma // “International handbook of education for the changing world of work: Bridging academic and vocational learning”. Dordrecht: “Springer Netherlands”, 2009. PP. 2211–2228.
5. *Rahman M., Farooq M., Selim M.* Mitigating educated youth unemployment in Bangladesh // “The Journal of Developing Areas”. Vol. 55, № 1, 2021.
6. *Isengard B.* Youth unemployment: Individual risk factors and institutional determinants. A case study of Germany and the United Kingdom // “Journal of Youth Studies”. Vol. 6, № 4, 2003. PP. 357–376.
7. *Dietrich H., Möller J.* Youth unemployment in Europe – business cycle and institutional effects // “International Economics and Economic Policy”. Vol. 13, № 1, 2016. PP. 5–25.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В АРМЕНИИ

А.Г. Галстян, А. Гевондян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья направлена на выявление основных связей между недостатками системы образования, структурными особенностями рынка труда и макроэкономическими колебаниями. Анализ показывает, что, несмотря на постепенное снижение доли молодежи, не получающей образования и не работающей (NEET), рынок труда остается крайне чувствительным к внешним макроэкономическим шокам. Устойчивость занятости молодежи требует структурных реформ, направленных на повышение устойчивости внутренней экономики и ориентацию образовательных программ на реальные потребности рынка труда.

Ключевые слова: молодежная безработица, NEET, человеческий капитал, дефицит навыков, экономические шоки, рынок труда.

ANALYSIS OF FACTORS OF YOUTH UNEMPLOYMENT IN ARMENIA

A. Galstyan, A. Ghevondyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The current article aims to identify the key links between deficiencies in the education system, structural characteristics of the labor market, and macroeconomic fluctuations. The analysis shows that, despite a gradual decline in the share of youth neither in education nor employed (NEET), the labor market remains highly sensitive to external macroeconomic shocks. Sustaining youth employment requires structural reforms aimed at increasing the resilience of the domestic economy and aligning educational programs with the real needs of the labor market.

Keywords: Youth unemployment, NEET, human capital, skills gap, economic shocks, labor market.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-193-201

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ В ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ

Р.Г. Григорян[1]

Российско-Армянский университет
viktoriya.hayrapetyan@rau.am; grigoryan_roza@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу современных глобальных трендов в электронной торговле на основе международных статистических данных и визуализированных аналитических материалов. В работе рассматриваются динамика роста глобального рынка электронной коммерции, изменение структуры потребительского поведения, региональные различия развития онлайн-продаж, а также расширение использования цифровых платежей и моделей отложенной оплаты. Особое внимание уделено анализу статистических показателей, отражающих увеличение числа онлайн-покупателей, рост глобальных онлайн-расходов и усиление роли мобильной коммерции как ключевого канала взаимодействия между продавцами и потребителями.

Согласно представленным данным, более 2,5 млрд человек совершают покупки онлайн, а общий объем глобальных онлайн-расходов демонстрирует устойчивую положительную динамику, что свидетельствует о переходе электронной торговли в стадию структурного роста.

В исследовании также анализируются изменения в структуре глобального рынка, включая доминирование азиатского региона, усиление позиций крупных маркетплейсов и развитие цифровых финансовых инструментов, влияющих на потребительский спрос. Полученные результаты подтверждают, что электронная коммерция становится фундаментальным элементом цифровой экономики, формируя новые модели конкуренции, трансформируя логистические и финансовые процессы и определяя дальнейшее направление развития глобального обмена товарами и услугами.

Ключевые слова: электронная коммерция, цифровая экономика, маркетплейсы, онлайн-ритейл, глобальный рынок электронной торговли.

[1] Научный руководитель: к.э.н., доцент В.Л. Айрапетян.

На сегодняшний день онлайн-шопинг перешел из категории дополнительных возможностей в основной формат потребления [1]. Этот сдвиг обусловлен прямой выгодой для покупателя: цифровые платформы позволяют оптимизировать процесс покупки, исключая временные потери на логистику и очереди. Электронная коммерция эффективно решает задачу рационального распределения ресурсов, предлагая инструменты, которые недоступны в традиционном ритейле [2]. Переход на онлайн-покупки дает несколько ощутимых преимуществ:

- снижение неявных издержек: возможность совершать покупки в любое время и из любой точки сокращает затраты времени и транспортные расходы;
- прозрачность рынка: доступ к глобальному ассортименту и сервисам сравнения цен позволяет потребителю находить наиболее выгодные предложения с минимальными усилиями;
- гибкость выбора: отсутствие физических ограничений торговых площадей расширяет предложение, стимулируя конкуренцию и повышая качество сервиса.

В современных условиях преимущества электронной торговли становятся определяющим фактором при выборе способа покупки. Экономия времени, удобство навигации и широкий выбор превращают онлайн-шопинг в наиболее логичное и оправданное решение для современного потребителя [3].

Одновременно с этим электронная торговля формирует ряд вызовов. Отсутствие физического контакта с товаром увеличивает вероятность несоответствия ожиданиям, а логистические процессы могут сопровождаться задержками и дополнительными расходами. Расширение онлайн-платежей также усиливает значение вопросов кибербезопасности и защиты персональных данных. В экономическом смысле это требует развития механизмов регулирования и повышения доверия пользователей к цифровой среде. Таким образом, онлайн-шоппинг представляет собой не только технологическое удобство, но и сложное экономическое явление, сочетающее рост эффективности торговли с появлением новых рисков [4]. Баланс между преимуществами и недостатками во многом определяется уровнем развития цифровой инфраструктуры, логистики и финансовых технологий.

Покупатель стал более информированным и требовательным: читает

отзывы, сравнивает цены, ждет мгновенной доставки. Импульсивные покупки стали нормой из-за легкости оформления и постоянных акций. Лояльность теперь строится не на бренде, а на удобстве (скорость, возврат, доставка). Возрастная аудитория онлайн-покупателей растет: не только молодежь, но и старшие поколения активно переходят в онлайн.

С одной стороны, они открывают новые возможности и улучшают качество жизни. С другой стороны, они создают новые проблемы и риски, важно помнить о возникающих рисках, связанных с цифровой безопасностью, цифровым неравенством, зависимостью от технологий, проблем с экологией и необходимостью адаптации к быстро меняющемуся цифровому ландшафту. Для максимизации пользы от технологий необходимо сбалансированное и ответственное отношение к их использованию. Важно развивать цифровую грамотность, обеспечивать доступность технологий для всех слоев населения и разрабатывать меры по защите конфиденциальности и безопасности данных.

Рассмотрим некоторые показатели, касающиеся платформ совершения онлайн-покупок. Согласно статистическим данным, больше половины людей, имеющих доступ к интернету, делают хотя бы одну покупку еженедельно. 1,7 млрд человек – активная аудитория, которая регулярно возвращается к онлайн-ритейлу. Около 50% этих покупателей каждую неделю покупают продукты. Этот тренд отражает существенный сдвиг в покупательском поведении: онлайн-ритейл стал частью повседневной рутины, превратившись из редких покупок в регулярную привычку. Рост еженедельного шопинга связан с растущим доверием к цифровым платформам, широким использованием смартфонов и удобством услуг быстрой доставки, которые делают процесс покупки быстрым и максимально простым [5].

Что касается ведущих онлайн-площадок мира в 2024г., по валовой стоимости товаров (GMV) (Рис. 1) лидером является Amazon с показателем 796,92 млрд долл. Основную конкуренцию ему составляют китайские платформы: “Pinduoduo” (655,55 млрд долл.), “Douyin” (554,02 млрд долл.), “JD.com” (506,62 млрд долл.), “Taobao” (503,49 млрд долл.) и “Tmall” (498,07 млрд долл.). Значительный объем продаж также демонстрируют “Walmart” (200,51 млрд долл.) и “Kwai Shop” (193,26 млрд долл.). Остальная часть рынка распределена между такими игроками, как “Shopee”, “eBay”, “AliExpress” и “Shein”, чьи показатели варьируются от 60 до 98

млрд долларов. Данная структура подтверждает, что более половины глобальных онлайн-продаж уже приходится на мобильную коммерцию, где китайские сервисы занимают доминирующие позиции [6].

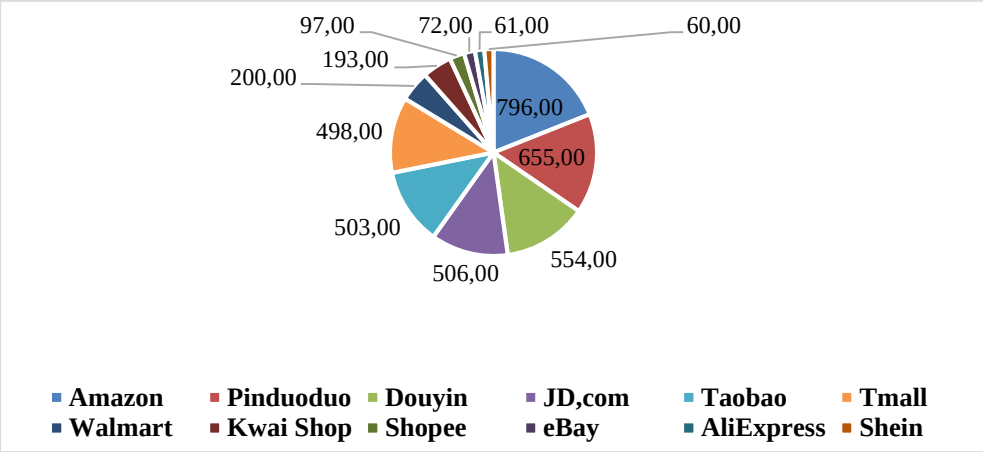


Рисунок 1. Ведущие онлайн-площадки мира в 2024г. по валовой стоимости товаров (млрд долл. США).

По данным 2024г. ведущими приложениями на рынке приложений в мире по количеству загрузок: “Temu” – 591,43 млн, “Amazon Shopping” – 163,07 млн, “Shopee 9.9 Super Shopping Day” – 138,33 млн, “Flipkart Online Shopping App” – 133,37 млн. Количество загрузок таких приложений как “Shopsy Shopping App” – “Flipkart”, “AliExpress” – “Shopping App”, “Alibaba.com” – “B2B marketplace”, “Mercado Libre: Compras online” составляют от 78,41 до 102,73 млн [7].

Если говорить о крупнейших категориях электронной коммерции в мире в 2024г., то лидером является сегмент моды, объем продаж в котором достигает 770 млрд долларов. Практически на равных с ним следует категория продуктов питания, формирующая оборот около 680 млрд долларов. Весомую долю рынка также занимают товары для дома и ремонта с показателем 500 млрд долларов, тогда как объем онлайн-продаж электроники оценивается в 465 млрд долларов. А доля продаж физических носителей информации составляет 439 млрд долларов [5].

Что касается факторов, влияющих на выбор онлайн-покупателей, ключевым приоритетом для потребителей является экономия на логистике: бесплатная доставка важна для 51% опрошенных. Вторым по значимости фактором выступают финансовые выгоды в виде купонов и

скидок (39%). Также существенное влияние на лояльность оказывают удобство сервиса и доверие: легкая политика возврата значима для 33% покупателей, а простая онлайн-оплата и отзывы клиентов важны для 31% пользователей. Замыкают список приоритетов такие аспекты, как скорость получения товара (Доставка на следующий день – 30%), программы лояльности (27%) и социальное одобрение в виде лайков и комментариев (19%) [8].

В 2024г. глобальная электронная коммерция выросла на 14,6%, достигнув объема в 4,12 трлн $. Этот подъем принес отрасли более полутриллиона долларов дополнительной выручки, подтвердив ее устойчивость и значимость для повседневных покупок. Аудитория онлайн-покупателей увеличилась на 200 млн человек (всего более 2,5 млрд пользователей). Ключевыми драйверами стали развитие мобильной коммерции, улучшение логистики и расширение интернет-доступа, что позволило отрасли эффективно охватывать новые рынки [5].

Азия удерживает статус крупнейшего рынка электронной коммерции: в 2025г. доход региона превысил 1,5 трлн долл., значительно опередив Северную и Южную Америку. Австралия, Океания и Африка остаются небольшими рынками – менее 50 млрд долл. Главный драйвер азиатского лидерства – Китай, заработавший свыше 1 трлн долл. в 2024г. Также Индия демонстрирует один из самых высоких прогнозируемых темпов – более 11% в год до 2030г. [9].

Что касается роста доли электронной коммерции в 2019–2024гг. (Рис. 2), рынок прошел через несколько этапов трансформации:

- влияние пандемии (2019–2020): доля рынка выросла с 16% до 19%, что ускорило переход к онлайн-торговле примерно на 2–3 года;
- нормализация (2021–2023): в этот период показатели стабилизировались на уровне 19%, так как офлайн-магазины вновь открылись, и часть спроса вернулась к традиционной рознице;
- устойчивый рост (2024): рынок вернулся к доковидным темпам развития, достигнув рекордной доли в 20%. Это подтверждает, что электронная коммерция закрепила свои позиции в глобальной экономике [10].

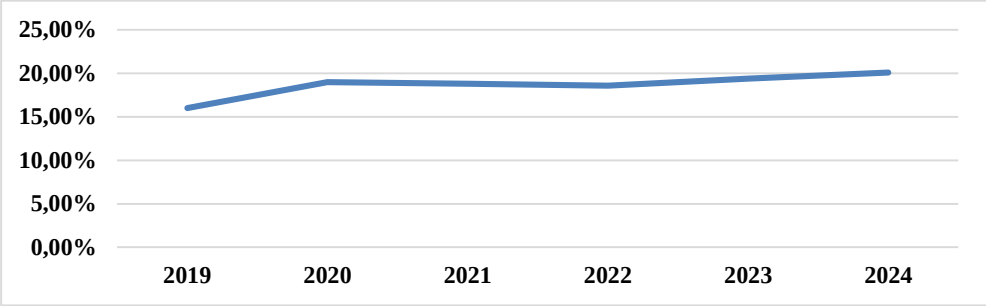


Рисунок 2. Рост доли электронной коммерции в 2019–2020гг.

Табл. 1 показывает устойчивый рост выручки в большинстве рассматриваемых стран в период 2020–2025гг., что отражает расширение электронной торговли и постепенное укрепление онлайн-каналов продаж. Лидирующие позиции сохраняют крупные экономики, прежде всего США, где наблюдается наиболее значительный объем рынка и стабильная положительная динамика. Россия и Турция также демонстрируют рост после отдельных колебаний, что указывает на адаптацию рынков к изменяющимся экономическим условиям. В странах со средними и небольшими рынками, включая Армению, Азербайджан и страны Восточной Европы, рост носит более умеренный, но последовательный характер, отражая постепенное увеличение числа онлайн-покупателей и развитие цифровой инфраструктуры. В целом данные подтверждают, что электронная коммерция продолжает расширяться, однако темпы роста существенно различаются в зависимости от масштаба экономики и уровня цифровизации [11].

Таблица 1. Выручка, в млрд долларов США (USD), всего.

Country	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Армения	46	52	54	59	65	72
Россия	2,945	3,443	2,518	2,824	3,265	3,736
Беларусь	106	126	111	126	139	154
Кыргызстан	35	40	43	46	51	56
Казахстан	254	322	342	347	386	431
Турция	2,156	2,451	2,208	2,536	288	3,128
Азербайджан	116	142	143	157	174	194
ОАЭ	432	571	594	593	659	751
США	60,131	74,059	81,006	90,911	103,688	11,709

Country	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Сингапур	321	417	427	441	492	563
Эстония	8	93	85	86	93	104
Литва	93	18	99	99	111	123
Венгрия	17	207	191	199	223	253

Что касается глобальной экспансии модели BNPL (купи сейчас, плати потом), в период с 2022 по 2024г. Швеция сохраняет статус мирового лидера с долями рынка 23%, в то время как Германия постепенное снижение до 20% к 2024г. [12].

Региональный анализ выявляет следующие тенденции:

- Норвегия и Финляндия демонстрируют положительную динамику, достигнув 18% и 16%, что свидетельствует о высокой степени доверия к краткосрочным кредитным инструментам;
- в Австралии зафиксирована стагнация на уровне 15%, а в США и Великобритании – низкие показатели (6–7%), обусловленное независимостью конкуренции со стороны традиционных кредитных карт;
- азиатские рынки: в Китае, Индии и Сингапуре инструмент BNPL остается неактуальным, с устойчивым показателем в 3–4%, что свидетельствует о преобладании иных цифровых платежных экосистем.

Таблица 2. Доля рынка электронной коммерции по модели «купи сейчас, заплати позже» (BNPL) в 21 стране мира в 2022–2024гг. (в %).

	2022	2023	2024
Швеция	24	21	23
Германия	23	21	20
Норвегия	18	15	18
Финляндия	13	13	16
Австралия	14	15	15
Новая Зеландия	10	11	13
Бельгия	14	13	12
Дания	12	12	11
Нидерланды	13	11	10
Великобритания	8	7	7
США	5	5	6
Канада	6	5	5
Франция	5	5	5
Италия	6	6	5

	2022	2023	2024
Китай	4	4	4
Малайзия	4	4	4
Индия	4	3	3
Индонезия	4	3	3
Ирландия	4	3	3
Польша	2	3	3
Сингапур	5	3	3

Подводя итоги, можно сказать, что электронная коммерция вступает в новый этап развития. Данные показывают, что онлайн-торговля не просто растет: она меняет глобальную экономику, формируя новые модели поведения потребителей, трансформируя логистику и стимулируя развитие цифровой инфраструктуры. 2024–2025 годы демонстрируют: устойчивый рост глобальных онлайн-расходов; расширение аудитории – более 2,5 млрд покупателей ежегодно; доминирование мобильной коммерции; укрепление позиции лидеров рынка – Amazon, Apple, Temu, китайских платформ; рост роли доставки продуктов и товаров первой необходимости; активное развитие систем цифровых платежей и BNPL моделей. Эти тенденции подтверждают: e-commerce становится ключевым драйвером мировой экономики и продолжит определять будущее глобальной торговли.

Электронная коммерция становится привычным, ежедневным, структурообразующим элементом потребительского рынка. Ее влияние выходит далеко за рамки торговли – затрагивает финансы, технологии, маркетинг, производство и социальные привычки. 2025г. и последующие периоды обещают стать новым этапом для цифровой экономики, а компании, способные адаптироваться, будут лидировать в формирующемся глобальном ландшафте.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://research.hktdc.com/en/article/MTg5OTMwNzA4NA
2. E-GATE: Elevating Global Access Through E-commerce in Central Asia
3. Business e-commerce sales and the role of online platforms | UN Trade and Development (UNCTAD)
4. Features-of-e-commerce-risk-management-in-modern-conditions-1939-6104-19-1-515.pdf
5. Ecommerce Statistics 2025 | Online Shopping Stats // Source: https://www.theglobalstatistics.com/ecommerce-stats//

6. Statista Market Insights // Global: top online marketplaces by GMV 2024| Statista
7. Statista Market Insights // Global: most downloaded marketplace apps 2024| Statista
8. ProResult // Мировые тренды e-commerce 2024 в цифрах - ProResult
9. Statista // https://www.statista.com/statistics/1417955/most-downloaded-marketplace-apps-worldwide/
10. RED STAG FULFILLMENT// Global Ecommerce Share of Retail Sales (Latest 2026 Data)
11. Данные были пересчитаны из местных валют с использованием средних обменных курсов соответствующего года // Statista Market Insights // https://www.statista.com/statistics
12. Statista Market Insights // Source: Global: most downloaded marketplace apps 2024| Statista

MODERN GLOBAL TRENDS IN ELECTRONIC COMMERCE

R. Grigoryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

That articlie is devoted to an analysis of contemporary global trends in electronic commerce based on international statistical data and visualized analytical materials. The paper examines the dynamics of global e-commerce market growth, changes in consumer behavior patterns, regional disparities in the development of online sales, as well as the expansion of digital payment systems and buy-now-pay-later (BNPL) models. Particular attention is given to the analysis of statistical indicators reflecting the increase in the number of online consumers, the growth of global online expenditures, and the strengthening role of mobile commerce as a key channel of interaction between sellers and consumers.

According to the presented data, more than 2.5 billion people make purchases online, while the total volume of global online spending demonstrates stable positive dynamics, indicating the transition of electronic commerce into a stage of structural growth.

The study also analyzes changes in the structure of the global market, including the dominance of the Asian region, the strengthening of major marketplace positions, and the development of digital financial instruments influencing consumer demand. The findings confirm that e-commerce is becoming a fundamental component of the digital economy, shaping new models of competition, transforming logistics and financial processes, and determining the future direction of global trade in goods and services.

Keywords: e-commerce, digital economy, marketplaces, online retail, global e-commerce market.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-202-212

ԱՐՏԱՔԻՆ ԱՌԵՎՏՐԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՀՀ-ՈՒՄ

Ա. Դավթյան

Գորիսի պետական համալսարանի
Բնագիտական և ինժեներատնտեսագիտական մասնագիտությունների
ֆակուլտետի Տնտեսագիտություն մասնագիտության
բակալավրի կրթական ծրագրի 4-րդ կուրսի ուսանող
andredavtyan55@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի հիմնական նպատակը Հայաստանի Հանրապետության ար–տաքին առևտրի կառուցվածքային առանձնահատկությունների վերլուծությունն է՝ ապրանքային խմբերի կտրվածքով, ինչպես նաև այդ կառուցվածքի փոփոխությունների գնահատումը վերջին տարի-ներին՝ տնտեսական և աշխարհաքաղաքական զարգացում–ների պայմաններում: Ուսումնասիրության նպատակն է բացա–հայտել, թե որոնք են արտահանման և ներմուծման հիմնական ուղղու–թյուն-ները, ապրանքային խմբերի դինամիկան և դրանց ազդեցությունը երկրի տնտեսական աճի, առևտրային հաշվեկշռի և մրցունակու-թյան մակարդակի վրա: Հոդվածը նպատակ ունի նաև գնահատել արտաքին առևտրի ոլորտում առկա հիմնական խնդիրները և մար-տահրավերները, մասնավորապես՝ արտադրության կառուցվածքի անհավասարակշռությունը, շուկաների սահմանափակ բազմազա-նությունը և տրանսպորտային սահմանափակումները: Այդ վերլու-ծության հիման վրա ներկայացվում են մի շարք առաջարկություններ և միջոցառումներ, որոնք կարող են նպաստել Հայաստանի ար-տաքին առևտրի դիվերսիֆիկացիային, արտահանման խթանմանը և նոր շուկաների զարգացմանը:

Հիմնաբառեր՝ Հայաստան, արտաքին առևտուր, դիվերսիֆիկացիա, արտահանում, ներմուծում, տնտեսական աճ:

Ներածություն

Արտաքին առևտուրը յուրաքանչյուր երկրի տնտեսության կարևորագույն բաղադրատարրերից է, այն նպաստում է արտադրական կապերի ընդլայնմանը, նոր շուկաների բացմանը, տեխնոլոգիական առաջընթացին և կապիտալի ներհոսքին, արտացոլում է երկրի մասնակցությունը համաշխարհային տնտեսական գործընթացներին: ՀՀ-ի նման փոքր տնտեսությամբ և սահմանափակ ներքին շուկա ունեցող երկրների համար արտաքին առևտուրը ոչ միայն տնտեսական զարգացման գործիք է, այլև տնտեսական կայունության հիմնական ցուցիչներից մեկը: ՀՀ-ի արտաքին առևտրային քաղաքականությունը վերջերս ձևավորվել է գլոբալ և տարածաշրջանային տնտեսական փոփոխությունների ազդեցությամբ: ԵԱՏՄ-ին անդամակցությունը, Եվրամիության հետ գործընկերության համաձայնագիրը, Իրանի հետ հարավային տնտեսական կապերի ակտիվացումը ձևավորել են նոր հնարավորություններ, բայց նաև՝ կախվածություններ հիմնական առևտրային գործընկերներից: ՀՀ-ից արտահանումը դեպի ԵԱՏՄ երկրներ 2015 թվականի 300 միլիոն դոլարից 2023 թվականին աճել է մինչև 3.4 միլիարդ դոլար, իսկ 2024 թվականի առաջին տասը ամիսների ընթացքում Հայաստան-ԵԱՏՄ երկրներ առևտրաշրջանառություն գերազանցել է շուրջ 11 միլիարդ դոլարը[1]: ՀՀ-ի արտաքին առևտրի դինամիկան ցույց է տալիս ոչ միայն մակրոտնտեսական կայունություն, այլև կառուցվածքային վերափոխումներ՝ արտահանման ոլորտում բարձր տեխնոլոգիական և վերամշակող արտադրանքի տեսակարար կշռի աստիճանական աճով:

ՀՀ արտաքին առևտրի վերլուծություն

Արտահանման փոփոխությունների պատճառները 2023–2025թթ. ընթացքում կարող ենք բացատրել մի շարք տնտեսական,

[1]https://www.armstat.am/

քաղաքական, միջազգային և բնական գործոններով, որոնք ազդել են Հայաստանի արտահանման տենդենցների վրա: Տնտեսական աճը, արժույթի փոխարժեքի տատանումները և վարկավորման պայմանները մեծ ազդեցություն ունեցան արտահանման վրա: Արժույթի արժեզրկումը հայկական արտադրանքը դարձրել է ավելի մրցունակ միջազգային շուկաներում, իսկ բանկերի տրամադրած վարկային միջոցները հնարավորություն են տվել արտահանողներին ընդլայնել իրենց արտադրության ծավալները: 2024թ. գրանցվել է արտաքին ապրանքաշրջանառության երկնիշ աճ՝ հիմնականում պայմանավորված վերաարտահանման բարձր ծավալներով: Արտաքին ապրանքաշրջանառությունը 2024թ. կազմել է 30,159 մլն ԱՄՆ դոլար՝ նախորդ տարվա նկատմամբ աճելով 41.5%-ով[2]: 2024թ. արձանագրվել են դոլարային արտահայտությամբ արտահանման և ներմուծման երկնիշ աճեր. արտահանումն աճել է 53.1%-ով՝ կազմելով 13,092 մլն ԱՄՆ դոլար, պայմանավորված հիմնականում վերաարտահանման (հատկապես՝ դեպի ԱՄԷ) բարձր ծավալներով, իսկ ներմուծումը՝ 33.8%-ով՝ կազմելով 17,066 մլն ԱՄՆ դոլար, հիմնականում պայմանավորված վերաարտահանման նպատակով իրականացված ներմուծմամբ: 2024թ. առևտրաշրջանառության աշխարհագրական կառուցվածքը նախորդ տարվա նկատմամբ որոշակի փոփոխվել է: Արտաքին առևտրի կառուցվածքում այլ երկրների և ԵԱՏՄ-ի դերը բարձրացել է, իսկ ԵՄ-ի երկրների դերը՝ նվազել: ՀՀ արտաքին առևտրաշրջանառության 42.7%-ը բաժին է ընկել ԱՊՀ (որից 42.2 տոկոսային կետը՝ ԵԱՏՄ), 7.7%-ը՝ ԵՄ և 49.6%-ը՝ այլ երկրներին (որից 17.7 տոկոսային կետը՝ ԱՄԷ): Երեք երկրներ՝ ՌԴ-ն, ԱՄԷ-ը, Չինաստանը, առանձնանում են որպես ՀՀ-ի գլխավոր տնտեսական գործընկերներ: Այս երկրները 2024թ.-ին ձևավորել են Հայաստանի միջազգային առևտրի գերակշիռ մասը՝ ապահովելով

[2] http://www.parliament.am/

արտաքին առևտրաշրջանառության ավելի քան 73%-ը: ՌԴ-ն պահպանում է առաջատարի դիրքը Հայաստանի հետ առևտրի ծավալներով: 2024թ. հունվար-հունիսին ՌԴ-ի հետ առևտրաշրջանառությունն աճել է 2,5 անգամ, ինչը գումարային արտահայտությամբ կազմում է 8,4 միլիարդ դոլար: Ռուսաստան արտահանումը նախորդ տարվա նույն ժամանակահատվածի համեմատ նվազել է 22,1%-ով՝ 1,78 միլիարդ դոլարից հասնելով 1,4 միլիարդ դոլարի: ՌԴ-ից ներմուծումը, մինչդեռ, աճել է 4,8 անգամ՝ հասնելով մոտ 7 միլիարդ դոլարի: 2024թ.-ին աճել է ՌԴ-ի տեսակարար կշիռը արտաքին առևտրաշրջանառության կառուցվածքում՝ նախորդ տարվա 35,8%-ից հասնելով 45,4%-ի:

Հայաստանի արտաքին առևտրային գործընկերների ցանկում երկրորդ տեղը զբաղեցրել է ԱՄԷ-ն, որի հետ առևտրաշրջանառությունը 2024թ. հունվար-հունիսին նախորդ տարվա նույն ժամանակահատվածի համեմատ աճել է գրեթե 7,5 անգամ՝ հասնելով շուրջ 3,7 միլիարդ դոլարի:

Այսպես, 2024թ. հունվար-հունիսին 2023-ի նույն ժամանակահատվածի համեմատ Հայաստանն Էմիրություններ է արտահանել 3,66 միլիարդ դոլարի ապրանքներ, մինչդեռ ներմուծումը կազմել է ընդամենը 26 միլիոն դոլար: Արտաքին առևտրաշրջանառության կառուցվածքում կտրուկ աճել է նաև ԱՄԷ-ի տեսակարար կշիռը՝ նախորդ տարվա 5,5%-ից հասնելով 20,1%-ի:

Հայաստանի հետ առևտրի ծավալներով երրորդ տեղը զբաղեցնում է Չինաստանը՝ 1,4 միլիարդ դոլար արդյունքով: 2024-ի առաջին կիսամյակում այս երկրի հետ առևտուրն աճել է 41,9%-ով: Ընդ որում, կտրուկ աճել է Հայաստանից Չինաստան ապրանքների արտահանումը՝ 3,4 անգամ՝ հասնելով 714,3 միլիոն դոլարի: Ներմուծումը նվազել է 11,7%-ով՝ հասնելով 693 միլիոն դոլարի:

Եվրոպական միությունը, որը տարիներ շարունակ եղել է Հայաստանի խոշորագույն առևտրային գործընկերը, 2024-ի հունվար-հունիսին զբաղեցրել է չորրորդ տեղը այս ցանկում: ԵՄ-ի հետ

առևտրաշրջանառությունը կրճատվել է 23,7%-ով՝ հասնելով 1 միլիարդ դոլարի և կազմելով արտաքին առևտրի ընդամենը 5,7%-ը, մինչդեռ նախորդ տարի այս ցուցանիշը 15,4% էր: 2024թ. Եվրամիություն հայկական ապրանքների արտահանումը կրճատվել է 25,1%-ով՝ հասնելով 281,7 միլիոն դոլարի: 23,1%-ով նվազել են Եվրոպական միության երկրներից ներմուծման ծավալները: Այսպիսով, 2024-ի առաջին կիսամյակում Հայաստանը ԵՄ-ից ներմուծել է 776,9 միլիոն դոլարի ապրանքներ:

2025թ. 1-ին կիսամյակում ՀՀ արտաքին և փոխադարձ առևտրաշրջանառության ու առևտրի հաշվեկշռում գերակշռել է առևտուրը ԱՊՀ, այդ թվում՝ ԵԱՏՄ երկրների հետ: ԱՊՀ երկրներին է բաժին հասել ՀՀ-ի արտաքին և փոխադարձ առևտրաշրջանառության ու առևտրի 37.7%-ը, որից 36.8-ը՝ ԵԱՏՄ պետությունների հետ է: Եվրամիության երկրների հետ նման հարաբերությունների ծավալը 12% է:

Աղյուսակ 1. ՀՀ արտաքին և փոխադարձ առևտրաշրջանառության և առևտրի հաշվեկշռի ցուցանիշներն ըստ առանձին երկրների 2023–2025թթ[3] (հազար դոլար):

	Արտաքին և փոխադարձ առևտրաշրջանառություն			Արտաքին և փոխադարձ առևտրի հաշվեկշիռ		
	2023	**2024**	**31.09.2025**	**2023**	**2024**	**31.09.2025**
ԸՆԴԱՄԵՆԸ	21 309 934.5	30 159 088.5	12 942 748.6	-4205904.3	-8974676.1	-2 940 870.0
ԱՊՀ ԵՐԿՐՆԵՐ	8 406 713.4	12 867 642.5	4 849 222.5	-826 250.8	-6075283.9	-759 803.9
ԵԱՏՄ երկրներ	8 251 791.7	12 706 024.6	4 728 565.2	-759 502.1	-6 015 429.0	-717 191.8
ՌԴ	7 923 946.5	12 401 640.4	4 500 525.6	-843 562.3	-6 077 656.8	-804 556.0
Բելառուս	188 461.3	205 599.4	164 281.7 1	6 116.9	24 459.4	60 394.1
Ղազախստան	110 129.7	84 121.8	56 669.9	49 561.9	24 123.0	20 749.7

[3] Ապրանքների դասակարգումն իրականացվել է ըստ ԵԱՏՄ արտաքին տնտեսական գործունեության: Ապրանքային անվանացանկի (ԵԱՏՄ ԱՏԳԱԱ) բաժինների:

	Արտաքին և փոխադարձ առևտրաշրջանառություն			Արտաքին և փոխադարձ առևտրի հաշվեկշիռ		
	2023	2024	31.09.2025	2023	2024	31.09.2025
Ղրղզստան	29 254.3	14 663.1	7 088.0	28 381.5	13 645.5	6 220.4
ԱՊՀ այլ երկրներ	154 921.7	161 617.9	120 657.3	-66 748.7	-59 854.9	42 612.1
ԵՄ ԵՐԿՐՆԵՐ	2 645 528.3	2 335 317.5	1 577 190.2	-1226498.9	-1 112 174.3	-796 074.0
ԱՅԼ ԵՐԿՐՆԵՐ	10 257 692.8	14956 128.5	6 516 336.0	-2153154.6	3 212 782.1	-1 384 992.2

Առևտրային մնացած բոլոր գործընկերների հետ ՀՀ-ի արտաքին և փոխադարձ առևտրաշրջանառության ծավալը հանրագումարում 50.3 տոկոս է: Հայաստանի արտաքին առևտրաշրջանառության ծավալը 2025թ.-ի հունվար-հունիս ամիսներին նախորդ տարվա նույն ժամանակահատվածի համեմատ կրճատվել է 45 տոկոսով՝ կազմելով 9 մլրդ 668.6 մլն դոլար, որից շուրջ 3.5 միլիարդը՝ ԵԱՏՄ, 88.4 միլիոնը՝ ԱՊՀ մյուս երկրների, 1.1 միլիարդը՝ ԵՄ և մոտավորապես 4.8 միլիարդը այլ պետությունների հետ: Հատկանշական է, որ դիտարկվող ժամանակաշրջանում ԵԱՏՄ երկրների հետ Հայաստանի առևտուրը կրճատվել է 53.7%-ով, մինչդեռ ԱՊՀ մյուս պետությունների հետ՝ ավելացել է 20.4, իսկ ԵՄ երկրների՝ 9.5%-ով: Այլ երկրների հետ առևտրի ծավալը կրճատվել է 44.6%-ով:

Աղյուսակ 2. ՀՀ արտաքին և փոխադարձ առևտուրն ըստ առանձին երկրների (հազ. դոլար)[4]:

	Արտահանում			Ներմուծում		
	2023	2024	31.09.2025	2023	2024	31.09.2025
ԸՆԴԱՄԵՆԸ	8 552 015.1	13 092 206.2	5 000 939.3	12757919.4	17 066 882.3	7 941 809.3
ԱՊՀ ԵՐԿՐՆԵՐ	3 790 231.3	3 396 179.3	2 044 709.3	4 797 127.6	9 698 541.0	2 937 300.4
ԵԱՏՄ երկրներ	3 746 144.8	3 345 297.8	2 005 686.7	4 679 001.7	9 580 091.0	2 851 394.7
ՌԴ	3 540 192.1	3 161 991.8	1 847 984.8	4 543 352.9	9 434 107.0	2 763 333.6

[4] Armstat.am

	Արտահանում			Ներմուծում		
	2023	2024	31.09.2025	2023	2024	31.09.2025
Բելառուս	97 289.1	115 029.4	112 337.9	98 268.4	99 900.1	55 290.6
Ղազախստան	79 845.8	54 122.4	38 709.8	36 741.7	45 552.1	30 141.9
Ղրղզստան	28 817.9	14 154.3	6 654.2	638.7	531.8	2 628.7
ԱՊՀ այլ երկրներ	44 086.5	50 881.5	39 022.6	118 125.8	118 450.0	85 905.7
ԵՄ ԵՐԿՐՆԵՐ	709 514.7	611 571.6	390 558.1	2 249 015.6	2 038 574.7	1 380 100.5
ԱՅԼ ԵՐԿՐՆԵՐ	4 052 269.1	9 084 455.3	2 565 671.9	5 711 776.2	5 329 766.6	3 624 408.4

ՀՀ կառավարության որդեգրած տնտեսական քաղաքականությունը, միջազգային առևտրի համաձայնագրերը, աշխարհաքաղաքական փոփոխությունները խթանել են արտահանման հնարավորությունները: ԵԱՏՄ-ում, առևտրային այլ միավորներում գտնվելը նպաստել է արտահանման ավելացմանը, քանի որ ՀՀ-ի արտադրողներին հնարավորություն է տրվել մուտք գործել նոր շուկաներ: Իսկ աշխարհաքաղաքական լարվածությունը կարող էր իհարկե նաև սահմանափակել որոշ արտահանման ուղղություններ: Բնական գործոններն, ինչպես կլիմայական փոփոխությունները, շրջակա միջավայրի աղտոտումը և բնական աղետները, նույնպես ազդեցություն են ունեցել արտահանման վրա: Եղանակային պայմանները կարող են փոխել գյուղատնտեսական արտադրանքի ծավալները, ինչը որոշ ապրանքների արտահանման մեծացման կամ նվազման պատճառ է դարձել: Լոգիստիկ ենթակառուցվածքների բարելավումը, հատկապես նոր առևտրային ուղիների ստեղծումը և մատակարարումների արագացումը, էլ ավելի արդյունավետ դարձրել է արտահանումը: Նոր տեխնոլոգիաների ներդրումը արդյունաբերական ոլորտում, որն նպաստել է արտադրության արդյունավետության բարձրացմանը, նույնպես խթանել է արտահանման աճը՝ թույլ տալով ավելի բարձր որակով արտադրանք մատակարարել միջազգային շուկաներ: Միջազգային գնային փոփոխությունները,

մասնավորապես ապրանքների գների բարձրացումը կամ նվազումը, կարող են ազդել արտահանման ծավալների վրա։ Երբ որոշ ապրանքների գները բարձրանում են, տեղական արտադրողները հնարավորություն են ունենում ավելացնելու իրենց արտահանման ծավալները, իսկ երբ դրանք նվազում են, արտահանման ծավալները կարող են կրճատվել։ Այս բոլոր գործոնները միասին ձևավորել են Հայաստանի արտահանման տենդենցները՝ ազդեցություն թողնելով արտահանման ծավալների և շուկաների վրա։

Վերջին տասնամյակում մեր երկրում զգալիորեն ակտիվացել է արտաքին առևտուրը։ Թվային տվյալները վկայում են այն մասին, որ 2020–2025-թթ. արտահանման տվյալները աճել են միջինում 30–40%, սակայն արտահանման կառուցվածքը շարունակում է լինել միակողմանի, հենված լինելով հանքարդյունաբերական և մետաղական ապրանքների հաշվին։ Արտահանման մոտավորապես 65%-ը բաժին է ընկնում հանքարդյունաբերական ապրանքներին (պղինձ, մոլիբդեն, ոսկի), մինչդեռ բարձր տեխնոլոգիական ապրանքների տեսակարար կշիռը շարունակում է ցածր մնալ։ Ներմուծվող ապրանքների գերակշիռ մասը շարունակում է մնալ սպառողական ապրանքները, ինչպիսիններից են մեքենաները, սարքավորումները, էներգակիրները։ Հայաստանի աշխարհագրական մեկուսացվածությունը և սահմանների փակ լինելը Թուրքիայի և Ադրբեջանի հետ հանգեցրել են այն բանին, որ երկրի արտաքին առևտրի շուրջ 80%-ը իրականացվում է Վրաստանի միջանցքով՝ Բաթումի և Փոթի նավահանգիստների միջոցով։ Այս հանգամանքը բարձրացնում է փոխադրումների ինքնարժեքը, երկարացնում մատակարարման ժամանակահատվածը և նվազեցնում մրցունակությունը միջազգային շուկայում։ Բացի այդ արտահանման հիմնական ուղղությունը շարունակում է մնալ Ռուսաստանը (մոտ 40–45%), ինչը նշանակում է, որ արտաքին տնտեսական հարաբերություններն ունեն բարձր տարածաշրջանային կախվածություն և սահմանափակ դիվերսիֆիկացում։ Այս բոլոր խնդիրների լուծման համար Հայաստանը պետք է ռազմավարական բարեփոխումներ կատարի ՏՏ-

ոլորտի, օրգանական գյուղատնտեսության և մի շարք ոչ պակաս բնագավառներում: Պետությունը պետք է խթանի տեղական արտադրանքի արդիականացմանը, տալով սուբսիդիաներ, հարկային արտոնություններ տնտեսավարող սուբյեկտներին, բարելավվի տրանսպորտային և լոգիսիտիկ ենթակառուցվածքները: Կարևոր է շարունակել «Հյուսիս-Հարավ» ավտոմայրուղու, ինչպես նաև Իրան-Հայաստան երկաթուղային կապի զարգացման ծրագրեր, որը կբացի դեպի Պարսից ծոց և Հնդկական օվկիանոս նոր առևտրային ուղիներ՝ նվազեցնելով կախվածությունը Վրաստանի միջանցքից:

Եզրակացություն

ՀՀ-ի արտաքին առևտրի ոլորտի զարգացման ներկայիս միտումները վկայում են տնտեսական ակտիվության աճի, բայց միաժամանակ կառուցվածքային անհավասարակշռության մասին: Արտահանման գերակշռող հումքային բնույթը և ներմուծման սպառողական ուղղվածությունը սահմանափակում են երկրի երկարաժամկետ տնտեսական կայունությունը: Այս պայմաններում ՀՀ-ի առջև դրված գլխավոր մարտահրավերը տնտեսության դիվերսիֆիկացումն է՝ դեպի բարձր տեխնոլոգիական, գիտատար և ավելացված արժեք ստեղծող արտադրություն: Տնտեսական քաղաքականությունը պետք է ուղղվի ոչ միայն առևտրային հարաբերությունների ընդլայնման, այլև արտադրական ներուժի խորացման և մրցունակ արդյունաբերության ձևավորման ուղղությամբ: Այդ նպատակով անհրաժեշտ է ներդնել համակարգային մոտեցում, որը միաժամանակ կներառի մաքսային և վարչարարական բարեփոխումներ, ենթակառուցվածքների զարգացում, ֆինանսական խթանների տրամադրում և արտահանման ապահովագրության արդյունավետ գործիքակազմի ներդրում: ՀՀ-ի աշխարհագրական առանձնահատկությունները՝ սահմանների փակ լինելը և ծովային ելքի բացակայությունը, պետք է դիտարկվեն ոչ թե որպես միայն սահմանափակում,

այլև որպես խթան նոր հաղորդակցային ուղիների և տարածաշրջանային գործընկերությունների ձևավորման համար: «Հյուսիս–Հարավ» մայրուղու և հարավային տրանսպորտային միջանցքի զարգացումը կարող են ապահովել ՀՀ-ի իրական միացումը գլոբալ առևտրային ցանցերին՝ ստեղծելով նոր տնտեսական հնարավորություններ ոչ միայն երկրի, այլև ողջ տարածաշրջանի համար: Բացի ենթակառուցվածքներից, առանցքային նշանակություն ունի նաև շուկաների դիվերսիֆիկացիան: ՀՀ-ի արտաքին առևտրի կախվածությունը մեկ կամ երկու երկրի շուկայից բարձր ռիսկեր է պարունակում, ուստի անհրաժեշտ է ակտիվացնել համագործակցությունը ԵՄ, Մերձավոր Արևելքի, Ասիայի և Աֆրիկայի երկրների հետ: Ազատ առևտրի և ներդրումային համաձայնագրերը կարող են դառնալ երկարաժամկետ տնտեսական անվտանգության հիմք:

Ի վերջո, ՀՀ-ի արտաքին առևտրի կայուն զարգացման համար անհրաժեշտ է ձևավորել թափանցիկ, թվայնացված և տվյալահեն կառավարման համակարգ, որը հնարավորություն կտա արագ արձագանքել համաշխարհային շուկաների փոփոխություններին և ապահովել ռազմավարական որոշումների ընդունման գիտական հիմք: Միայն համալիր, երկարաժամկետ և համագործակցային քաղաքականության միջոցով է հնարավոր ձևավորել այնպիսի առևտրային միջավայր, որը կնպաստի երկրի տնտեսական ինքնաբավությանը, միջազգային մրցունակության բարձրացմանը և քաղաքացիների բարեկեցության աճին:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Հովհաննիսյան Հ. և այլոք:* Միջազգային տնտեսագիտություն: Եր., «Տիգրան Մեծ», 2021թ.:
2. *Թորոսյան Թ.* Միջազգային տնտեսագիտություն, Եր., 2009:
3. *Գրիգորյան Կ.Հ ՀՀ* արտաքին առևտուրը և վճարային հաշվեկշիռը. Եր.: «Տնտեսագետ», 2006, 80 էջ:
4. *Սարգսյան Ա.,* ԵԱՏՄ երկրների մրցունակության ներուժը: Փոխադարձ և միջազգային առևտուր // «Գիտական Արցախ», № 2 (3), 2019, էջ 277–284:
5. Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-տնտեսական վիճակը 2025 հունվար –օգոստոսին:
6. *Заволокина Л.И., Диесперова Н.А.* Мировая экономика. М.: «Юрайт», 2023, 234с.

7. *Игнатова О.В., Орлова Н.Л., Горбунова О.А., Асон Т.А.* Мировая экономика и международные экономические отношения. Практикум. М.: «Юрайт», 2023, 213с.
8. https://www.armstat.am/
9. https://www.parliament.am/
10. https://www.gov.am/am/

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РА

А. Давтян, М. Арустамян
Горисский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Основной целью статьи является анализ структурных особенностей внешней торговли Республики Армения по товарным группам, а также оценка изменений в этой структуре за последние годы в контексте экономических и геополитических событий. Целью исследования является выявление основных направлений экспорта и импорта, динамики товарных групп и их влияния на экономический рост страны, торговый баланс и конкурентоспособность. В статье также рассматривается ряд основных проблем и вызовов в сфере внешней торговли, в частности, несбалансированность структуры производства, ограниченное разнообразие рынков и транспортные ограничения. На основе этого анализа представлен ряд рекомендаций и мер, которые могут способствовать диверсификации внешней торговли Армении, стимулированию экспорта и освоению новых рынков.

Ключевые слова: Армения, внешняя торговля, экспорт, импорт, экономический рост, ЕАЭС.

FOREIGN TRADE ISSUES IN THE RA

M. Arustamyan, A. Davtyan
Goris State University

ABSTRACT

The main purpose of the article is to analyze the structural features of the foreign trade of the Republic of Armenia in terms of product groups, as well as to evaluate this structure in recent years, in the conditions of economic and geopolitical development. The purpose of the study is to identify the main export directions, product groups and their impact on the level of economic growth, trade balance competitiveness. The article also aims to assess the specifics of foreign trade, the main problems and challenges, as well as the imbalance in the production structure, the limitations of limiting and restricting markets. Measures that can contribute to the diversification of Armenia's foreign trade, the promotion of exports and the development of new markets.

Keywords: Armenia, foreign trade, export, import, economic growth, EAEU.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-213-223

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ОПЫТ НИДЕРЛАНДОВ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА АРМЕНИИ

А.Н. Ёлчян

Российско-Армянский университет
arpineyolchyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье представлен сравнительный анализ стратегических ориентиров развития сельского хозяйства Нидерландов и их возможного применения для укрепления агропромышленного сектора Республики Армения. На основе статистических данных FAO, World Bank и материалов Общей сельскохозяйственной политики Европейского союза (CAP 2023–2027) исследованы ключевые направления аграрной трансформации Нидерландов, включая инновационное развитие, экологическую устойчивость, экспортную ориентацию и институциональные механизмы поддержки фермеров. Показано, что успех нидерландской модели обусловлен сочетанием государственной координации, научных исследований и интеграции бизнеса. Сделан вывод о необходимости формирования национальной стратегии устойчивого сельского хозяйства, основанной на научно-интеллектуальном потенциале, кооперации и цифровизации.

Ключевые слова: сельское хозяйство, стратегия, инновации, устойчивое развитие, Нидерланды.

Введение

Современное сельское хозяйство сталкивается с вызовами, связанными с изменением климата, ограниченностью природных ресурсов и необходимостью повышения конкурентоспособности в условиях глобальных рынков. В этой связи особый интерес представляет опыт Нидерландов – страны, сумевшей стать одним из мировых лидеров в аграрном производстве, несмотря на ограниченные земельные ресурсы.

Для Республики Армения агропромышленный комплекс играет значимую роль в национальной экономике, и анализ стратегии Нидерландов представляет практическую ценность. Применение их модели инновационного, экспортно-ориентированного и устойчивого сельского

хозяйства может служить ориентиром для формирования национальной стратегии развития отрасли.

Целью исследования является анализ стратегических приоритетов аграрной политики Нидерландов и выявление возможностей их адаптации для развития агропромышленного сектора Армении.

Основные задачи исследования следующие:

- выявление ключевых факторов успеха нидерландского сельского хозяйства;
- оценка институциональных и экономических механизмов развития;
- определение направлений их применения в армянских условиях.

Методы и источники исследования

Методологическая основа исследования базируется на принципах сравнительного и системного анализа, а также на подходах стратегической диагностики агропромышленного комплекса.

Эмпирическая база включает статистические данные FAO, World Bank и Министерства сельского хозяйства Нидерландов, а также материалы по реализации Общей сельскохозяйственной политики ЕС (CAP 2023–2027).

Обзор стратегии развития сельского хозяйства Нидерландов

Нидерланды являются мировым лидером в сельском хозяйстве и пищевой промышленности благодаря постоянным инновациям и высокой эффективности производства. Экономика страны претерпела значительные структурные изменения в период с 2000 по 2022 год. Снижение доли сельского хозяйства в ВВП (с 2,31% до 1,64%) указывает на смещение акцента в сторону промышленности и сектора услуг (Рис. 1). Однако, важно отметить, что добавленная стоимость, создаваемая аграрным сектором, увеличилась (с $9,7 млрд до $15,2 млрд), что свидетельствует о росте эффективности сельскохозяйственного производства (Рис. 2).

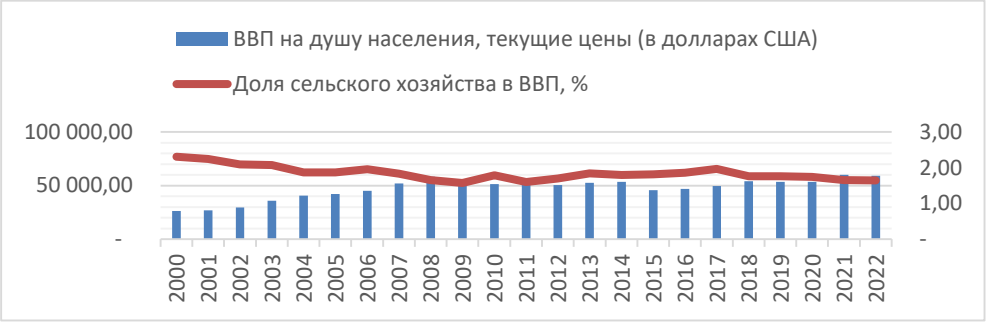


Рисунок 1. ВВП на душу население в текущих ценах (в долларах США) и доля сельского хозяйства в ВВП (в %), 2000–2022гг.

Источник: составлено автором на основе данных FAO и World Bank (URL: https://www.fao.org/faostat/en/#home, World Bank Open Data / Data)

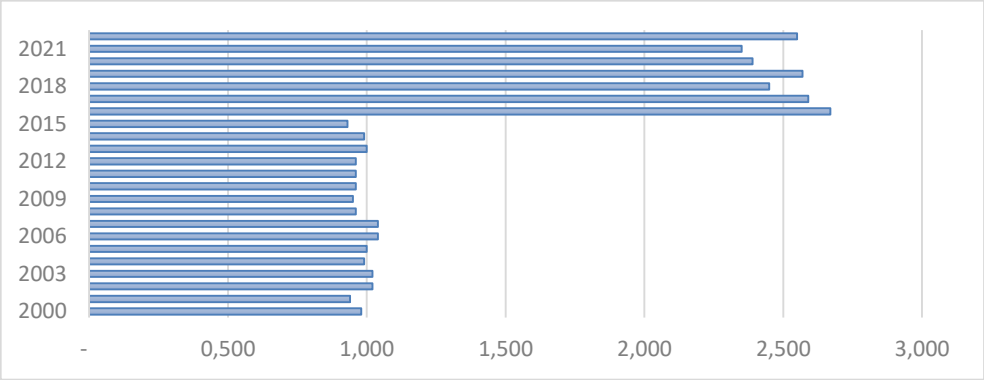
При этом Нидерланды добились впечатляющих успехов в сельском хозяйстве, сделав экспорт ключевым направлением своей аграрной политики. Это позволило увеличить экспорт сельхозпродукции почти в 12 раз, достигнув в 2022г. рекордной отметки в 121,8 млрд долларов США (с 10,2 млрд в 2000 году) (Рис. 2).

Рисунок 2. Добавленная стоимость сельского хозяйства (млн долл. США) и стоимость экспорта сельскохозяйственной продукции (млрд долл. США)), 2000–2022гг.

Источник: составлено автором на основе данных FAO и World Bank (URL: https://www.fao.org/faostat/en/#home, World Bank Open Data | Data)

Высокий индекс выявленного сравнительного преимущества (RCA), стабильно превышающий 2,5 с 2016г., свидетельствует о прочных конкурентных позициях страны на мировом агропродовольственном рынке (Рис. 3). Несмотря на сокращение доли занятых в сельском

хозяйстве (с 3,28% в 2000г. до 1,91% – в 2022г.), производительность труда в секторе растет, что указывает на модернизацию и повышение эффективности аграрного производства (Рис. 4).



Рисунки 3. Индекс выявленного сравнительного преимущества сельского хозяйства Нидерландов, 2000–2022гг.

Источник: составлено автором на основе данных FAO и World Bank (URL: https://www.fao.org/faostat/en/#home, World Bank Open Data | Data)

Уникальной особенностью голландского сельского хозяйства является преобладание тепличных хозяйств и садоводств, такой тип сельского хозяйства, в отличие от традиционного, требует меньше земли, оно менее зависимо от субсидий и подвержено иным рискам. Производительность земли выросла с 4,947 долл. США на гектар в 2000 году до 8,409 долл. США в 2022г., а производительность труда – с 1,102 долл. США до 1,509 долл. США на одного занятого (Рис. 4).

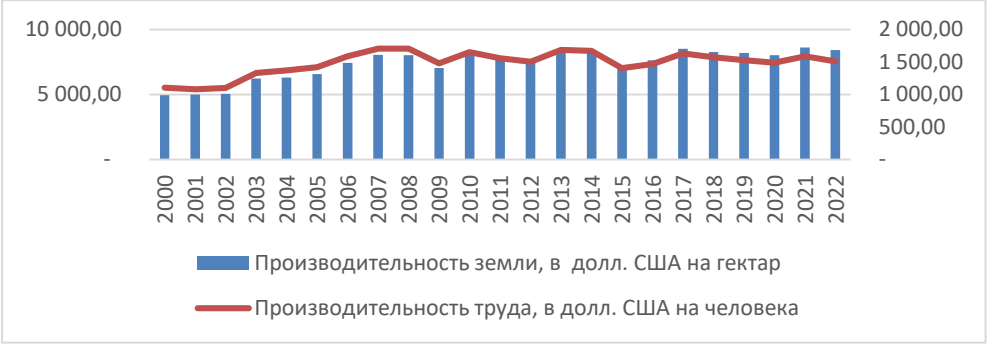


Рисунок 4. Производительность земли, измеряемая в долл. США на гектар, и производительность труда, измеряемая в долл. США на человека, 2000–2022гг.

Источник: составлено автором на основе данных FAO (URL: https://www.fao.org/faostat/en/#home)

Теперь, если мы проанализируем историю становления голландского сельского хозяйства, то увидим, что на протяжении столетий оно было многофункциональным элементом, игравшим ключевую роль в экономике, обществе и управлении земельными ресурсами. Его влияние простиралось далеко за пределы производства продуктов питания, определяя облик сельской местности.

В начале XXв. голландское сельское хозяйство представляло собой систему небольших, многопрофильных ферм. На этих фермах разводили небольшое количество коров, свиней и лошадей, которые использовались как для производства продуктов питания, так и для работы. Земля была поделена на небольшие участки пашни и пастбищ, предназначенных в основном для выращивания корма для скота. Излишки продукции продавались на местных рынках или шли на собственные нужды фермеров. Как и их коллеги в других странах, голландские фермеры, особенно те, кто работал на неплодородных песчаных почвах, сталкивались с тяжелым трудом и постоянной борьбой за выживание. Сельское хозяйство было важным источником средств к существованию для многих людей в начале 1900-х гг., обеспечивая работой около 2,8 миллиона человек [6].

В начале XXв. сельское хозяйство на песчаных почвах претерпело значительные изменения. Фермеры стали переходить к смешанному животноводческо-растениеводческому типу, ориентированному на получение дохода от продажи продуктов животноводства и выращивание кормовых культур [12]. Использование удобрений стало катализатором этого процесса, увеличивая урожайность, решая проблему нехватки органических удобрений и позволяя осваивать новые земли. Параллельно с этим, развитие систем поставок, переработки, сбыта и кредитования, организованных преимущественно в форме кооперативов, оказало глубокое влияние на традиционный образ жизни мелких фермеров, особенно в регионах с неплодородными песчаными почвами.

После тяжелых экономических условий 1930-х гг. и дефицита продовольствия, вызванного Второй мировой войной, европейские страны были вынуждены активно регулировать сельское хозяйство. В Нидерландах правительство стремилось к восстановлению экономики, делая упор на промышленность и государственные инвестиции [1]. Для под-

держания покупательной способности населения искусственно занижались цены на продукты питания и другие товары первой необходимости. Рост сельскохозяйственного производства достигался за счет повышения эффективности труда, внедрения техники и увеличения урожайности. Важным элементом политики стало укрупнение земельных участков, направленное на оптимизацию их формы, расположения и доступа к инфраструктуре. Консолидация земель стала ключевым инструментом структурной реформы сельского хозяйства [15].

Следующим этапом в истории голландской сельскохозяйственной политики стала Европейская интеграция, которая берет свое начало 9 мая 1950г., когда была предложена Декларация Шумана, призывающая к созданию Европейского объединения угля и стали. Важность сельского хозяйства для экономики обусловила его включение в европейские и международные интеграционные процессы [8]. Римский договор 1957г., учредивший Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), впоследствии преобразованное в Европейский союз (ЕС), определил основные принципы экономического сотрудничества, включая формирование общего рынка и разработку единой сельскохозяйственной политики [9].

Глубокий анализ ситуации в Нидерландах показывает, что после Второй мировой войны сельское хозяйство пережило период радикальной трансформации. Технологический прогресс, улучшение образования и расширение доступа к ресурсам стали ключевыми факторами, обеспечившими процветание сельскохозяйственного сектора. Эта трансформация привела к переходу от трудоемкого, диверсифицированного сельского хозяйства к высокоспециализированной и интенсивной системе, требующей значительных капиталовложений и трудовых ресурсов. Основной целью новой системы стало максимальное увеличение производства свинины, говядины и птицы [16]. Этот процесс интенсификации и модернизации начался примерно в 1960г. с появлением концепции «ферм свободного земледелия». Появление этого нового типа фермерского хозяйства шло параллельно с бумом молочного животноводства в Нидерландах, начавшимся после 1960г. Это позволило Нидерландам стать крупным экспортером молочной продукции, отправляющим за границу большую часть производимого молока.

Рост производительности труда стал ключевым фактором увеличения производства молока. Этот рост был в значительной степени обусловлен технологическими изменениями в сельскохозяйственном секторе, которые, в свою очередь, были стимулированы сельскохозяйственной политикой, проводимой сначала на национальном уровне в Нидерландах, а затем на уровне Европейского сообщества [14]. В 1970-х годах это привело к значительному увеличению производства молока в Европейском сообществе, превысившему уровень самообеспеченности [13]. Ограниченные возможности экспорта и необходимость поддержания конкурентоспособности на мировом рынке посредством экспортных субсидий привели к накоплению значительных излишков молочной продукции в виде запасов сухого молока и масла, получивших метафорическое название «горы».

Нидерланды, будучи членом ЕС, активно и эффективно внедряют новую стратегию Общей сельскохозяйственной политики (САР) Европейского союза на 2023–2027гг. [4]. Они оперативно адаптируются к изменениям и используют возможности, заложенные в САР, для приоритезации экологических и социальных целей, не забывая при этом о поддержке доходов фермеров. Так, миссией САР на 2023–2027гг. является «укрепление сельскохозяйственных секторов путем обеспечения большего сотрудничества и концентрации между фермерами и производителями с целью повышения их производительности и жизнеспособности ферм. Без сомнения, сотрудничество и коллективные действия могут способствовать повышению переговорной силы фермеров, эффективности рынка и положения в продовольственной цепочке». Рассмотрим стратегические приоритеты сельскохозяйственной политики Нидерландов.

1. Переориентация поддержки на устойчивое развитие – ключевой стратегический приоритет

В настоящее время ключевым приоритетом Министерства сельского хозяйства, природы и качества продуктов питания Нидерландов является устойчивое развитие [5]. Стратегия министерства охватывает три основные области: развитие экологически чистой экономики, обеспечение устойчивого производства и потребления продуктов питания, а также сохранение природы, ландшафтов и жизнеспособности сельских территорий. Эта приверженность устойчивости реализуется через раз-

личные инициативы, включая экологичные методы в тепличном хозяйстве, устойчивые системы животноводства и энергоэффективные методы рыболовства.

Особенностью голландской реализации CAP стало создание многомерной экосхемы, объединяющей различные возможные «зеленые» практики. За каждую дополнительную меру фермер получает больше баллов и, соответственно, более высокую компенсацию. Это способствует мотивации к экологически амбициозному поведению, в отличие от более формального подхода прошлых лет. Нидерланды входят в число немногих стран Евросоюза, которые используют комплексный подход к экологическим выплатам фермерам [10].

2. Обеспечение экспортной ориентации сельского хозяйства, как стратегический приоритет

Государственная аграрная политика Нидерландов четко ориентирована на формирование благоприятной институциональной среды для экспорта [11]. В стране активно реализуется программно-целевой подход к управлению развитием АПК, что обеспечивает не только поддержку текущих поставок продукции за рубеж, но и стимулирует производство высокотехнологичной и экологичной продукции, ориентированной на международные рынки.

Важную роль в формировании экспортной стратегии играют [1]:

- активное взаимодействие государства, бизнеса и науки (т.н. «тройная спираль»);
- использование механизмов территориального партнерства и привлечение частного сектора к реализации задач внешнеэкономической аграрной политики;
- развитие малого предпринимательства, обеспечивающего до четверти аграрного экспорта.

3. Развитие сельской инфраструктуры и качества жизни

Новый CAP расширит Программу управления сельскохозяйственной природой и ландшафтом 2016г. (Agrarisch Natuure-en Landschapsbeheer – ANLb). Финансирование увеличится с 80 млн евро в 2020г. до 120 миллионов евро в течение следующего периода CAP. Фермеров призывают разрабатывать коллективные планы действий, которые решают уникальные проблемы их сельскохозяйственных территорий в отношении отложений азота, почвы, воздуха и биоразнообразия. Больше

внимания уделяется адаптации к климату и повышению устойчивости к экстремальным погодным условиям.

Вторым коллективным подходом является долгосрочная программа EU LEADER. В прошлом программа была сосредоточена на развитии сельских районов, тогда как в новой программе она будет все больше акцентировать внимание на проектах по устойчивому развитию, связанных с климатом, биоразнообразием и окружающей средой. С этой целью финансирование будет расширено.

4***. Поддержка системы знаний и трансфера технологий в аграрной сфере***

В рамках CAP 2023–2027 две схемы специально нацелены на инновации и знания. Программа распространения знаний и информации позволит фермерам получать консультации по текущей деловой ситуации и составлять бизнес-план или посещать тренинги по методам управления. В деле реализации данного стратегического приоритета особенную роль играет университет и исследовательский центр Вагенингена (WUR) в Нидерландах, который является ведущим университетом в области естественных наук и сельского хозяйства, постоянно входит в тройку лучших университетов Нидерландов и входит в тройку лучших университетов мира в области сельского хозяйства и естественных наук [3]. Важно отметить, что WUR имеет давние традиции в передаче знаний о сельском хозяйстве.

Уникальность институционального подхода WUR заключается в том, что взаимодействие с бизнесом осуществляется децентрализованно [7]. Различные подразделения университета обладают автономией в выборе форм сотрудничества, будь то совместные исследования и разработки или создание спин-офф компаний. Эта самостоятельность позволяет быстро адаптироваться к потребностям бизнеса и оперативно внедрять результаты исследований, что особенно ценно в динамичной аграрной отрасли [2].

Обсуждение результатов

Анализ нидерландского опыта показывает, что инновационный подход позволяет аграрному сектору успешно развиваться, несмотря на умеренный климат и дефицит пахотных земель. Нидерландский опыт показывает, что грамотная поддержка экспорта сельскохозяйственной

продукции может стать катализатором экономического роста. Опыт Нидерландов в развитии экспортного потенциала, особенно в аграрном секторе, демонстрирует важность: производство высокотехнологичной продукции, конкурентоспособной на мировом рынке, активного участия малых предприятий в экспортной деятельности, эффективного сотрудничества между научными кругами, бизнесом и государством для стимулирования инноваций, а также индивидуального подхода к поддержке, учитывающего особенности каждого региона и доступные ресурсы. Следовательно, ключ к успеху – не в объемах производства, а в ориентации на качество, инновации, высокую добавленную стоимость и эффективную институциональную поддержку.

Для Армении этот опыт особенно актуален в контексте необходимости:

повышения производительности сельского хозяйства;

цифровизации и внедрения агротехнологий;

расширения экспортного потенциала (в частности, органических и переработанных продуктов);

укрепления связей между наукой, бизнесом и государством.

Применение нидерландской модели возможно при адаптации к местным условиям –через развитие аграрных кластеров, модернизацию сельских территорий, и создание национальной платформы агроинноваций при участии университетов и частного сектора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадомцева М.Е.* Государственная поддержка экспорта агропродукции за рубежом: опыт Нидерландов // «Никоновские чтения», № 22, 2017. СС. 410–412.
2. *Мальцева В.А.* О зарождении государственной аграрной политики в промышленно развитых странах // «Управленец», № 11–12, 2012. СС. 66–73.
3. *Шпак А., Русакович А.* Зарубежный опыт поддержки инвестиционно-инновационной деятельности в аграрном секторе экономики // «Наука и инновации», № 10 (212), 2020. СС. 57–62.
4. Approved 28 CAP Strategic Plans (2023–27) // URL: https://agriculture.ec.europa.eu/cap-my-country/cap-strategic-plans_en
5. At a glance: Netherlands' CAP Strategic Plan // URL: https://agriculture.ec.europa.eu/cap-my-country/cap-strategic-plans/netherlands_en
6. *Bieleman J.* Five centuries of farming: a short history of Dutch agriculture 1500–2000. Boston: “Brill”. T. 8, 2023.
7. *Hoenen S. et al.* Technology transfer in agriculture: The case of Wageningen University // “From Agriscience to Agribusiness: Theories, Policies and Practices in Technology Transfer and Commercialization”, 2018. PP. 257–276.

8. *Howarth R.* The CAP: History and attempts at reform // "Economic Affairs". T. 20, №. 2, 2000. PP. 4–10.
9. *Ludlow N.* The making of the CAP: Towards a historical analysis of the EU's first major policy // "Contemporary European History". T. 14, №. 3, 2005. PP. 347–371.
10. Observations on the proposal by the Netherlands for a CAP Strategic Plan 2023–2027– CCI: 2023NL06AFSP001 // URL: https://agriculture.ec.europa.eu/document/download/e1398e58-c2ed-401a-96ff-2458c75749fa_en?filename=observation-letter-netherlands_en.pdf
11. OECD Policies for the Future of Farming and Food in the Netherlands, OECD Agriculture and Food Policy Reviews, OECD Publishing, Paris, 2023 https://doi.org/10.1787/bb16dea4-en.
12. *Tracy M.* Government and agriculture in Western Europe 1880–1988. New York: "Harvester Wheatsheaf", 1989.
13. *van Bruchem J., Schiere H., van Keulen H.* Dairy farming in the Netherlands in transition towards more efficient nutrient use // "Livestock Production Science". T. 61, № 2–3, 1999. PP. 145–153.
14. *Van den Ban A., Bauwens A.L.* Small farmer development; experiences in the Netherlands // "Quarterly Journal of International Agriculture". T. 27, 1988. PP. 215–227.
15. *Van den Noort P.* Land consolidation in the Netherlands // "Land Use Policy". T. 4, № 1, 1987. PP. 11–13.
16. *van Horne P., Prins H.* Development of Dairy Farming in the Netherlands in the Period 1960–2000 // "Agricultural History Review", 2002.

STRATEGIC PRIORITIES FOR AGRICULTURAL DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF THE NETHERLANDS AND ITS SIGNIFICANCE FOR ARMENIA'S AGRO-INDUSTRIAL SECTOR

A. Yolchyan
[1]Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article presents a comparative analysis of the strategic priorities for agricultural development in the Netherlands and their possible application to strengthen the agro-industrial sector of the Republic of Armenia. Based on statistical data from FAO, World Bank and materials from the European Union's Common Agricultural Policy (CAP 2023–2027), the study examines the key directions of the Netherlands' agricultural transformation, including innovation-driven growth, environmental sustainability, export orientation, and institutional mechanisms supporting farmers. It is shown that the success of the Dutch model results from the combination of state coordination, scientific research, and business integration. The study concludes that it is necessary to develop a national strategy for sustainable agriculture in Armenia, founded on knowledge potential, cooperation, and digitalization.

Keywords: agriculture, strategy, innovation, sustainable development, Netherlands.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-224-233

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА АРМЕНИИ: АНАЛИЗ ДИНАМИКИ КРЕДИТОВАНИЯ И ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

А.А. Карапетян

Российско-Армянский университет
anush.karapetyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ ключевых тенденций развития банковского сектора Армении за 2001–2025гг. Исследование фокусируется на динамике объемов кредитования, структуре активов и концентрации рынка по пяти крупнейшим банкам, а также на ключевых показателях рентабельности активов (ROA) и капитала (ROE). Работа раскрывает закономерности формирования структуры банковской системы, ее адаптацию к макроэкономическим вызовам и выявляет направления повышения финансовой устойчивости и конкурентоспособности.

Ключевые слова: банковский сектор, Армения, кредитование, ROA, ROE, финансовая устойчивость.

Введение

Банковский сектор Армении является основой финансовой системы страны, играя ключевую роль в перераспределении ресурсов, стимулировании инвестиций и поддержке экономического роста [1]. За последние два десятилетия армянская банковская система прошла путь от посткризисной адаптации к фазе устойчивого роста и цифровой трансформации [2]. Тем не менее, сохраняются структурные вызовы, включая высокую концентрацию активов, зависимость от внешних факторов и колебания прибыльности отдельных банков [3].

Актуальность темы обусловлена необходимостью системного анализа эволюции кредитного рынка, структуры банков и показателей эффективности, что особенно важно в условиях глобальных финансовых рисков и усиливающейся конкуренции. Цель исследования – выявить ключевые тенденции развития банковского сектора Армении, оценить динамику кредитования, концентрацию рынка и показатели рентабельности банковской деятельности.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) проанализировать динамику кредитования, включая ипотечное и потребительское;

2) исследовать концентрацию активов и кредитных вложений крупнейших банков;

3) оценить показатели рентабельности (ROA, ROE) и выявить их влияние на устойчивость сектора;

4) сформулировать рекомендации по укреплению финансовой стабильности банковской системы.

Методы

Исследование опирается на статистические данные Центрального банка Республики Армения и отчетности коммерческих банков за 2001–2025гг. Использованы методы сравнительного, динамического и графического анализов. Сопоставление данных по годам позволило выявить долгосрочные тренды, циклические колебания и структурные сдвиги в банковской системе. Методология включает анализ концентрации активов и кредитов, валютной структуры портфелей, а также расчет коэффициентов рентабельности (ROA, ROE).

Результаты

Рассмотрение динамики кредитования позволяет выявить ключевые этапы эволюции банковского сектора Армении. На протяжении 2001–2025гг. наблюдается устойчивая тенденция роста совокупных кредитных вложений. На Рис. 1 отражены направления увеличения кредитных объемов, при этом особенно активный рост зафиксирован после 2015г., что связано с расширением ипотечного и потребительского сегментов, а также с цифровизацией банковских услуг.

В период 2008–2010гг. рост кредитования замедлился вследствие глобального финансового кризиса, однако начиная с 2012г. система демонстрировала устойчивое восстановление. Рост кредитных портфелей сопровождался постепенным увеличением доли ипотечных кредитов, что указывает на повышение уровня финансовой инклюзии и доверия к банкам.

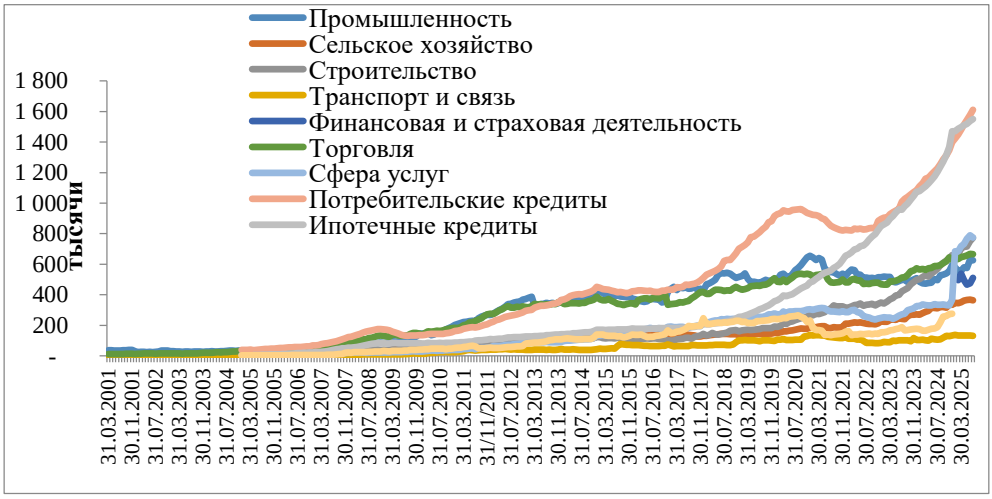


Рисунок 1. Тенденции роста отдельных направлений объема кредитования (млн драмов) 2001–2025гг.

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным Центрального банка РА, www.cba.am

Особое внимание заслуживает анализ ипотечного кредитования (Рис. 2). С 2005г. объем ипотечных кредитов в национальной валюте (AMD) неуклонно увеличивается, в то время как кредиты в иностранной валюте демонстрируют волатильность, обусловленную валютными рисками и колебаниями курса. Данная тенденция свидетельствует о постепенном переходе населения и банков в зону меньшей зависимости от валютных колебаний.

Рисунок 2. Ипотечное кредитование в иностранной валюте и в AMD, 2005–2025гг.

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным Центрального банка РА, www.cba.am

В период 2020–2025гг. рост ипотечных кредитов в AMD усилился благодаря программам государственной поддержки жилищного строительства и снижению процентных ставок. Это подтверждает активное участие банков в стимулировании экономической активности через ипотечное кредитование.

Параллельно с ростом ипотечного кредитования активизировалось потребительское кредитование (Рис. 3). С 2011г. данный сегмент стал одним из драйверов банковской прибыли, особенно благодаря развитию онлайн-кредитования и продуктов для физических лиц. Постепенный переход к кредитам в AMD минимизировал валютные риски и укрепил устойчивость банковских портфелей [4].

Рисунок 3. Потребительское кредитование в иностранной валюте и в AMD, 2011–2025гг.

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным Центрального банка РА, www.cba.am

Таким образом, структура кредитования изменилась в пользу национальной валюты, что соответствует целям макроэкономической стабильности и долгосрочной устойчивости сектора.

Далее проанализируем концентрацию рынка. На Рис. 4 показана доля пяти крупнейших банков в общих активах банковской системы. Доля лидеров остается стабильно высокой, превышая 70% активов. Это свидетельствует о высокой концентрации, которая обеспечивает устойчивость, но ограничивает конкуренцию.

Рисунок 4. Доля 5 крупнейших банков в общих активах банковской системы РА в 2001–2024гг.

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным официальных отчетов коммерческих банков, опубликованных в СМИ.

Аналогичная ситуация наблюдается и в структуре кредитных вложений (Рис. 5). Пять крупнейших банков контролируют основную часть кредитного рынка, что может приводить к повышению системных рисков в случае ухудшения их финансового положения.

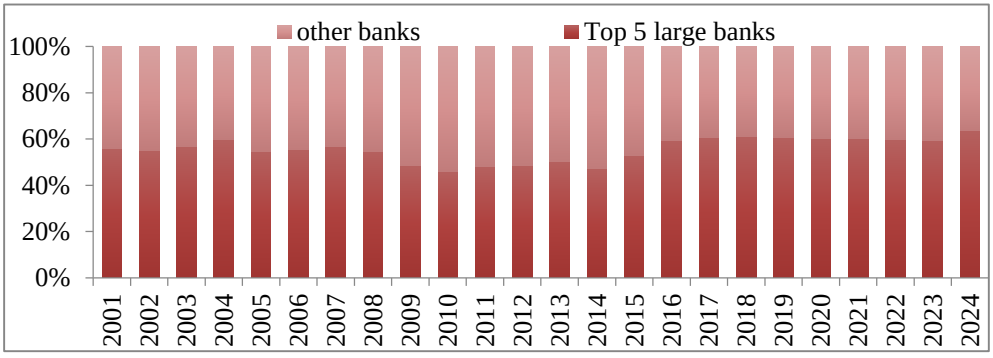


Рисунок 5. Доля 5 крупнейших банков в общем объеме кредитных вложений банковской системы РА в 2001–2024гг.

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным официальных отчетов коммерческих банков, опубликованных в СМИ.

Финансовые результаты банков лучше всего отражаются через показатели рентабельности активов (ROA) и капитала (ROE) [5]. Анализ

данных 2023–2024гг. показывает, что большая часть банков сохраняет положительную динамику этих показателей.

Таблица 1. ROA (прибыль после налогообложения/общие активы) банковской системы РА, 2023–2024гг.

Банки	**31.12.2023**	**Банки**	**31.12.2024**
ЗАО «Банк Меллат»	4,81	ЗАО «Ардшинбанк»	5,75
ЗАО «Инекобанк»	4,47	ЗАО «Банк Меллат»	5,12
ЗАО «ID Банк»	4,23	ЗАО «Инекобанк»	3,77
ЗАО «Ардшинбанк»	3,84	ЗАО «ID Банк»	3,74
ЗАО «HSBC (Эйч-Эс-Би-Си)»	3,79	ЗАО «АмериаБанк»	3,19
ЗАО «FastBank»	3,74	ЗАО «АСВА-Кредит агриколь банк»	3,02
ЗАО «АСВА»	3,65	ОАО «Юнибанк»	2,99
ЗАО «АмериаБанк»	3,27	ОАО «Арарат Банк»	2,99
ЗАО «Конверсбанк»	2,89	ЗАО «Конверсбанк»	2,71
ОАО «Арарат Банк»	2,82	ЗАО «Эвокабанк»	2,65
ЗАО «Эвокабанк»	2,48	ЗАО «ВТБ-Армения банк»	2,59
ОАО «Юнибанк»	2,20	ЗАО «Армсвисбанк»	2,21
ЗАО «ВТБ-Армения банк»	1,67	ЗАО «Арцахбанк»	1,97
ЗАО «БиблосБанк Армения»	1,31	ЗАО «FastBank»	1,80
ОАО «Армэкономбанк»	1,02	ОАО «Армэкономбанк»	1,71
ЗАО «АМИО банк»	0,26	ЗАО «БиблосБанк Армения»	1,02
ЗАО «Армсвисбанк»	-0,51	ЗАО «АМИО банк»	0,32
ЗАО «Арцахбанк»	-15,42		

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным официальных отчетов коммерческих банков, опубликованных в СМИ.

Анализ данных Табл. 1 показывает существенную дифференциацию показателей рентабельности активов между банками банковской системы Армении. В 2023–2024гг. наивысшие значения ROA демонстрируют Ардшинбанк, Инекобанк и Америабанк, что свидетельствует об эффективном использовании активов и высоком уровне операционной эффективности. Вместе с тем наличие отрицательных значений ROA у отдельных банков указывает на структурные проблемы, связанные с качеством активов, ростом резервов и повышенными операционными издержками. В целом динамика ROA отражает устойчивость лидеров рынка при сохраняющейся уязвимости менее крупных участников банковской системы.

Таблица 2. ROE (прибыль после налогообложения/общий капитал) банковской системы РА, 2023–2024гг.

Банки	**31.12.2023**	**Банки**	**31.12.2024**
ЗАО «Ардшинбанк»	32,75	ЗАО «Ардшинбанк»	41,10
ЗАО «Инекобанк»	28,54	ЗАО «Инекобанк»	28,20
ЗАО «АмериаБанк»	23,52	ЗАО «АмериаБанк»	23,42
ЗАО «ID Банк»	23,39	ОАО «Юнибанк»	22,03
ЗАО «АСВА»	21,44	ЗАО «ID Банк»	20,25
ЗАО «Конверсбанк»	19,32	ОАО «Арарат Банк»	17,93
ОАО «Арарат Банк»	19,06	ЗАО «Конверсбанк»	17,52
ЗАО «HSBC (Эйч-Эс-Би-Си)»	18,23	ЗАО «АСВА-Кредит агриколь банк»	17,39
ЗАО «Эвокабанк»	15,89	ЗАО «Эвокабанк»	17,35
ОАО «Юнибанк»	15,11	ЗАО «Армсвисбанк»	14,23
ЗАО «Банк Меллат»	10,31	ОАО «Армэкономбанк»	11,65
ЗАО «FastBank»	8,18	ЗАО «Банк Меллат»	10,47
ОАО «Армэкономбанк»	7,81	ЗАО «ВТБ-Армения банк»	10,32
ЗАО «ВТБ-Армения банк»	7,63	ЗАО «Арцахбанк»	9,48
ЗАО «БиблосБанк Армения»	4,65	ЗАО «FastBank»	7,19

Банки	31.12.2023	Банки	31.12.2024
ЗАО «АМИО банк»	1,37	ЗАО «БиблосБанк Армения»	3,87
ЗАО «Армсвисбанк»	-3,93	ЗАО «АМИО банк»	1,78
ЗАО «Арцахбанк»	-75,29		

Источник: Составлено и рассчитано автором по данным официальных отчетов коммерческих банков, опубликованных в СМИ.

Данные свидетельствуют о высокой вариативности показателей рентабельности капитала в банковской системе Армении. Высокие значения ROE у крупнейших банков обусловлены как высокой прибыльностью, так и эффективным управлением собственным капиталом. Одновременно отрицательные значения ROE у отдельных банков указывают на убытки и снижение доверия инвесторов, что может усиливать системные риски. Таким образом, анализ ROE подтверждает, что концентрация капитала у финансово устойчивых банков повышает общую стабильность сектора, однако требует усиленного надзора за банками с низкой и отрицательной доходностью капитала.

Заключение

Комплексный анализ показал, что банковская система Армении развивается устойчиво, несмотря на внешние вызовы. Диверсификация кредитных продуктов, смещение портфеля в национальную валюту и рост ипотечного кредитования формируют основу для долгосрочной стабильности.

Сохранение высокой концентрации активов у крупнейших банков требует усиления надзора и внедрения мер по стимулированию конкуренции. Негативные значения ROA и ROE у отдельных банков указывают на необходимость повышения эффективности внутреннего контроля и риск-менеджмента.

В перспективе целесообразно:

- укрепить систему надзора и раннего предупреждения для выявления проблемных банков (особенно тех, у кого отрицательный ROA/ROE);

- поощрять перевод ипотечных и розничных кредитов в AMD через стимулирующую политику и развитие инструментов хеджирования для снижения валютного риска;
- поддерживать конкурентную среду, снижая барьеры входа и стимулируя МСП получать доступ к кредитам через специализированные программы;
- продолжить цифровизацию банковских услуг для повышения эффективности и снижения операционных расходов, что позитивно скажется на ROA и ROE.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что банковский сектор Армении сохраняет устойчивость, адаптируясь к новым экономическим условиям. Рост ипотечного и потребительского кредитования, смещение структуры в сторону AMD и положительные показатели рентабельности у большинства банков – все это указывает на позитивную динамику. Тем не менее концентрация рынка и наличие банков с отрицательной рентабельностью требуют целенаправленной регуляторной политики и мер по укреплению финансовой устойчивости. Внедрение предложенных рекомендаций будет способствовать укреплению финансовой стабильности, расширению кредитования и повышению конкурентоспособности банковской системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мишкин Ф.* Экономика денег, банковского дела и финансовых рынков. М.: «Вильямс», 2019.
2. *Ghosh S.* Banking Sector Reforms and Development. “Springer”, 2018.
3. Центральный банк Республики Армения. Отчет о финансовой стабильности. Ер., 2023.
4. IMF. Financial Dollarization and Stability Issues. Washington DC, 2022.
5. *Rose P., Hudgins S.* Bank Management & Financial Services. “McGraw-Hill”, 2021.
6. Центральный банк Республики Армения. Годовые отчеты 2001–2025гг.
7. Годовые отчеты коммерческих банков Республики Армения, 2023–2024гг.
8. Экономический обзор финансового сектора РА. Ер., 2024.
9. Международный валютный фонд // Армения: Финансовая стабильность, 2024.

DEVELOPMENT TRENDS IN THE BANKING SECTOR OF ARMENIA: ANALYSIS OF LENDING DYNAMICS AND FINANCIAL INDICATORS

A. Karapetyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

This article presents an analysis of key trends in the development of the Armenian banking sector from 2001 to 2025. The study focuses on the dynamics of lending volumes, asset structure, and market concentration for the five largest banks, as well as key indicators of return on assets (ROA) and return on equity (ROE). The work reveals patterns in the formation of the banking system's structure, its adaptation to macroeconomic challenges, and identifies areas for improving financial stability and competitiveness.
Keywords: banking sector, Armenia, lending, ROA, ROE, financial stability.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-234-250

ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ КРУПНЕЙШИХ ТНК В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ОТРАСЛИ

М.С. Кирюшин, К.В. Нигматулина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
extravaganzartist@mail.ru, knigmatulina04@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются особенности и факторы территориального размещения крупнейших транснациональных корпораций железнодорожной отрасли в контексте глобализации и технологической трансформации. На основе историко-экономического анализа прослежена эволюция отрасли от паровой и дизельной тяги к электрическим и водородным системам, показана взаимосвязь технологических волн и пространственной структуры производства. Показано, что смещение производственных центров из Европы и США в Азию обусловлено государственным регулированием, инфраструктурной емкостью и уровнем инновационного потенциала. Особое внимание уделено деятельности Deutsche Bahn AG как репрезентативного примера современной железнодорожной ТНК, сочетающего национальную инфраструктурную миссию с глобальной стратегией и экологической трансформацией. Установлено, что в условиях олигополистического рынка конкурентоспособность отрасли определяется не столько физическим экспортом, сколько концентрацией интеллектуальных и технологических ресурсов.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, железнодорожная отрасль, территориальное размещение, глобализация, Deutsche Bahn AG

Введение

Железнодорожная отрасль, включающая производство локомотивов, моторных вагонов, путевого оборудования, устройств сигнализации и элементов инфраструктуры, занимает ключевое место в мировой транспортной системе. Ее значение определяется не только ролью в обеспечении функционирования железнодорожной сети, но и влиянием на эффективность перевозок, развитие логистических цепочек и про-

странственную интеграцию национальных экономик. В рамках концепции транспортно-инфраструктурного роста, развитой Дж. Р. Бодди и П. Нойманом [1], железнодорожное машиностроение рассматривается как катализатор индустриального развития и фактор ускорения территориальной интеграции.

С точки зрения экономических циклов, разработанных Н.Д. Кондратьевым [2], развитие железнодорожной отрасли тесно связано с технологическими волнами. Первая и вторая длинные волны Кондратьева (XIX в.) характеризовались внедрением парового двигателя, развитием металлургии и транспортных систем. Й. Шумпетер [3] также рассматривал вопрос экономических циклов, по его мнению, каждая новая технологическая революция сопровождается «творческим разрушением» – замещением старых технологий новыми, что полностью подтверждается эволюцией железнодорожного машиностроения: от паровой и дизельной к электрической и водородной тяге.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современная конкуренция в железнодорожном машиностроении все больше диктуется способностью компаний интегрировать инновации, управлять глобальными цепочками поставок и оптимизировать логистику. Во-вторых, транснационализация отрасли и рост роли развивающихся рынков создают новые центры производства и меняют классические пространственные модели. В-третьих, технологические вызовы такие как цифровизация, электрификация и экологические стандарты оказывают влияние не только на продукт, но и на выбор мест размещения инновационных производств. Поэтому исследование пространственных особенностей и факторов размещения крупных ТНК железнодорожного машиностроения имеет как теоретическую значимость, в рамках экономической географии, теории размещения производства, так и прикладную – для понимания тенденций глобального развития отрасли.

Чтобы понять, как складывались современные структуры отрасли, необходимо обратиться к истокам ее развития, рассмотрев ее сквозь призму нескольких исторически выделяемых этапов, каждый из которых сопровождался очевидными технологическими, институциональными и пространственными сдвигами.

1. Зарождение и индустриализация (конец XVIII–XIXвв.)

Этап характеризовался распространением паровой тяги и формированием промышленных центров, где сочетались металлургия, машиностроение и транспорт. Применение паровой машины для движения по рельсам стало прорывом, изменившим хозяйственную карту индустриальной эпохи. Одним из первых практических примеров считается локомотив Ричарда Тревитика (1804г., Уэльс), подтвердивший возможность перемещения тяжелых грузов на паровой тяге [4].

Первые компании, заложившие основу железнодорожного машиностроения, возникали главным образом в Великобритании и затем распространились на континент Европы и Северную Америку. В 1825г. на железной дороге “Stockton-Darlington” (Англия) был осуществлен первый коммерческий рейс, совмещавший грузовые и пассажирские перевозки, с использованием паровых локомотивов, разработанных Джорджем Стевенсоном. Это событие стало важной вехой истории, так как продемонстрировало техническую жизнеспособность локомотивной тяги на практике, а также сформировало базу для роста спроса на машины и путевые системы. В 1830г. открылась железная дорога “Liverpool-Manchester” – первая магистраль, функционировавшая исключительно на основе пара, с регулярным движением поездов и расписанием, что послужило моделью для многих последующих проектов.

Позже в США доминировала компания Baldwin Locomotive Works, основанная в 1831г., которая стала одним из крупнейших производителей паровых локомотивов, произведя более 70 000 машин за период своего существования [5]. Baldwin, опираясь на развитую стальную и механическую базу, успешно конкурировала на внутреннем рынке США и экспортировала продукцию.

В Европе технологическими центрами стали фирмы “Siemens&Halske”, “Krauss-Maffei”, ALCO и другие. Производственные мощности концентрировались в индустриальных регионах с развитой инфраструктурой, инженерными школами и доступом к металлургической базе – Манчестере, Берлине, Мюнхене, Париже, Нью-Йорке.

В ранний период главными драйверами становления железнодорожного машиностроения выступали следующие факторы.

- *Наличие металлургической базы и угольных ресурсов.* Производство рельсов, котлов и металлических деталей требовало концентрированных поставок чугуна, стали и топлива, поэтому многие ранние центры машиностроения располагались в районах с доступом к углю и железной руде. Уголь играл решающее значение не только как источник энергии для промышленных предприятий, но и как основной элемент металлургического цикла – в частности, при выплавке чугуна и стали, необходимых для производства локомотивов и железнодорожной инфраструктуры. В промышленно развитых странах его доля в структуре энергопотребления и сырьевого обеспечения долгое время составляла около 30–35%, что определяло пространственную концентрацию машиностроительных предприятий вблизи угольных бассейнов и металлургических комбинатов.
- *Развитая транспортная инфраструктура и портовые связи*: предварительно существующие транспортные коммуникации (реки, каналы, дороги) облегчали доставку сырья и распределение продукции.
- *Технический и научный потенциал*: инженерные школы, конструкторские бюро и опытные мастерские формировали ядро компетенций, необходимых для создания сложных машин.
- *Крупные рынки спроса и государственная поддержка*: государства активно инвестировали в железнодорожные сети как стратегически важный элемент национального хозяйства, гарантируя спрос и обеспечивая субсидии или кооперацию.

2. Переход к дизельной и электрической тяге (начало XXв.)

На этом этапе развитие двигателей внутреннего сгорания, электроники и стальных конструкций потребовало новых компетенций и стимулировало создание исследовательских центров и крупных машиностроительных комплексов. Масштабная реконструкция после мировых войн способствовала росту государственного участия и формированию национальных производителей.

3. Интернационализация, приватизация, разгосударствление, создание гибких производственно-сервисных цепочек (1970–1990-е гг.)

В эпоху постиндустриального перехода (пятая волна Кондратьева) разворачивается процесс интернационализации и гибридизации капитала. Приватизация и разгосударствление железнодорожных компаний отражают тенденцию, описанную Д. Беллом [6]: переход от индустриального к информационному обществам. В этот период изменяются и факторы размещения: транспортно-сырьевые преимущества уступают

место факторам знания, институциональной предсказуемости и инновационной инфраструктуры, что согласуется с теорией «новой экономической географии» П. Кругмана [7].

4. Глобализация и консолидация отрасли (2000-е гг. – начало XXIв.)

Современный этап характеризуется формированием глобальных цепочек создания стоимости и географической диверсификацией производства. Крупные компании размещают сборочные мощности ближе к конечным рынкам, создавая региональные центры – проявление «парадигмы глокализации» [8]. Интеграция Bombardier Transportation и Alstom иллюстрирует тенденцию укрупнения капитала.

Ключевой тренд – смещение производственных центров в Азию, что подтверждает концепцию Дж. Фридмана [9] о «мировых городах» и перенесении индустриальных ядер в регионы с избыточной рабочей силой и развивающейся технологической базой. Китай, Южная Корея и Индия стали новыми центрами производственных и сборочных мощностей.

В последние два десятилетия на первый план выходит новая совокупность факторов размещения. Ключевой тенденцией стала цифровизация подвижного состава. Современные локомотивы и электропоезда оснащаются интегрированными системами управления, телеметрии и предиктивной диагностики, что позволяет отслеживать техническое состояние узлов и снижать издержки на обслуживание [10].

Одновременно наблюдается усиление роли государств в развитии национальных производителей. Ярким примером является образование CRRC в 2015г. в результате слияния китайских предприятий CNR и CSR, что позволило Китаю выйти на лидирующие позиции в глобальном производстве подвижного состава и занять значительную долю мирового экспорта [11].

Параллельно отрасль переживает «зеленый поворот», то есть переход от дизельных к электрическим, гибридным и водородным установкам. Компания “Alstom” в 2018г. представила первый серийный водородный поезд “Coradia iLint”, а китайская “CRRC” – собственный аналог на топливных элементах. Расширяется применение алюминиевых и композитных материалов, повышающих энергоэффективность и сокращающих вес вагонов [12].

Стоит также отметить, что в этот период особое развитие получили

высокоскоростные железнодорожные технологии, особенно в Китае и Японии. Эти страны стали мировыми лидерами в проектировании и производстве скоростных поездов нового поколения, таких как китайские China Railway High-speed и Fuxing, а также японские серии Shinkansen N700 и L0, использующие магнитолевитацию. Применение цифровых систем управления движением, автоматизированного мониторинга состояния путей и энергоэффективных приводов позволило обеспечить скорость до 400 км/ч и повысить безопасность и экологичность перевозок [13]. Эти достижения демонстрируют способность азиатских стран самостоятельно формировать технологические стандарты мирового уровня.

Современная логика размещения производств сместилась от ресурсных центров к инновационно-инженерным кластерам, где сосредоточены компетенции в области проектирования, электроники и программного обеспечения. В результате эволюция отрасли в XXIв. характеризуется сочетанием технологических инноваций и новой пространственной структуры цепочек создания стоимости.

Эволюция железнодорожного машиностроения в последние десятилетия проявляется не только в изменении технологического уклада, но и в изменении его роли в мировой экономике. Для понимания степени значимости отрасли и уровня ее концентрации на глобальном рынке целесообразно рассмотреть динамику показателей, отражающих ее долю в международной торговле, индекс концентрации экспортеров и присутствие компаний сектора среди крупнейших мировых корпораций (Табл. 1).

Таблица 1. Место и роль железнодорожной отрасли в мировом хозяйстве [14, 15].

Год	Доля в мировом экспорте, %	IHH экспортеров	Количество ТНК в первых 500
2002	0,21	996	4
2012	0,25	1143	3
2023	0,20	1126	2

Из Табл. 1 видно, что несмотря на относительно небольшую долю в мировом экспорте (около 0,2% в разные годы), железнодорожная отрасль сохраняет стабильное присутствие в глобальной экономике, вы-

ступая ключевым элементом транспортно-инфраструктурного комплекса. При этом индекс Херфиндаля-Хиршмана (IHH) демонстрирует высокие значения, что свидетельствует о высокой степени концентрации производства и доминировании ограниченного числа производителей. Сокращение количества железнодорожных транснациональных корпораций, входящих в первые 500 крупнейших компаний мира (с четырех в 2002г. до двух – в 2023г.), указывает на углубление процессов консолидации и укрупнение капитала в отрасли. В совокупности эти тенденции отражают трансформацию мировой железнодорожной промышленности в сторону олигополистической модели, где глобальное лидерство принадлежит нескольким технологически развитым компаниям, способным сочетать инновационные разработки, производственные мощности и устойчивые международные позиции.

Цель исследования – выявить пространственные особенности и факторы размещения и деятельности крупнейших транснациональных корпораций железнодорожной отрасли, проанализировать стратегии размещения производств и сборочных цепочек.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- анализ мировых тенденций экспорта и импорта железнодорожной продукции и выявить пространственные изменения в размещении производственных мощностей крупнейших стран и регионов;
- определение ключевых факторов территориального размещения транснациональных корпораций железнодорожной отрасли, включая роль государственной поддержки, инфраструктуры и технологического потенциала;
- исследование стратегии размещения производств и международной деятельности “Deutsche Bahn AG” как репрезентативного примера транснациональной корпорации отрасли.

Методы и методология

В исследовании применяются исторический, сравнительный, экономико-статистический, системно-структурный и графический методы, что позволило обеспечить комплексный анализ динамики и пространственной структуры железнодорожной отрасли в мировом хозяйстве.

Методологическая база опирается на концепцию транспортно-инфраструктурного роста Дж.Р. Бодди и П. Ноймана, теории экономических циклов Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера, идеи постиндустриального перехода Д. Белла и Э. Тоффлера, теорию новой экономической географии П. Кругмана, парадигму глокализации Р. Робертсона и концепцию мировых городов Дж. Фридмана.

В рамках работы рассматривается товарная группа «Железнодорожные локомотивы, моторные вагоны, подвижной состав и их части» (код 86 по классификации HS). Статистическая база построена на данных TrendEconomy, что позволило провести межстрановое сопоставление экспортных показателей и определить долю отрасли в общемировом экспорте. Для оценки уровня концентрации использовался индекс Херфиндаля–Хиршмана (HHI), рассчитанный на основе долей стран в мировом экспорте данной продукции.

Выборка стран сформирована по данным TrendEconomy и Fortune Global 500 и включает государства, где деятельность железнодорожных корпораций имеет транснациональный характер: США, Японию, Францию и Германию. Для сопоставления добавлены Китай (как пример государственно контролируемой отрасли, не интегрированной в систему ТНК) и Мексика (выполняющая функцию реэкспортного узла США). Такой подход обеспечивает полноту анализа и позволяет выявить особенности и факторы территориального размещения крупнейших ТНК железнодорожной отрасли в глобальной экономике.

Ход исследования

Рассмотрим подробней доли экспорта и импорта стран, занимающих значимую роль в мировом железнодорожном секторе (Табл. 2).

Таблица 2. Доли экспорта и импорта в мировом торговом обороте железнодорожного сектора, 2002–2023, % [14].

Год/ страна	**Япония**		**Франция**		**Германия**		**США**		**Китай**		**Мексика**	
	Ex	Im	Ex	Im	Ex	Im	Ex	Im	Ex	Im	Ex	Im
2002	3,8	1,3	7,1	4,1	15,1	11,6	9,9	13,5	21,7	4,8	4,4	2,7
2012	1,7	0,8	2,9	2,8	11,3	6,4	8,7	6,1	29,1	3,5	4,9	3,4
2023	1,5	0,9	2,1	3,9	6,9	10,8	8,4	9,3	27,3	1,8	12,2	5,5

Представленные в Табл. 2 данные позволяют выявить общие тенденции и структурные изменения в мировом распределении производственных мощностей и экспортного потенциала железнодорожной отрасли. В начале рассматриваемого периода (2002г.) наибольшие доли экспорта приходились на традиционные индустриальные державы и страны, где сосредоточены крупнейшие транснациональные корпорации (ТНК) отрасли – Германию (15,1%), Францию (7,1%), Японию (3,8%) и США (9,9%). Однако к 2023г. экспортные позиции этих стран заметно снизились – доля Германии сократилась до 6,9%, Франции – до 2,1%, Японии – до 1,5%, США – до 8,4%. При этом наблюдается укрепление позиций Китая, чья доля в мировом экспорте возросла с 21,7% до 27,3%, и особенно Мексики, увеличившей экспорт с 4,4% до 12,2%. Эти сдвиги демонстрируют глубокую трансформацию географической структуры отрасли, связанную с изменением стратегий размещения производств крупнейших ТНК.

Произошедшая трансформация заключается в смещении центра тяжести железнодорожного производства из традиционных промышленных центров Европы и Японии в страны с более низкими издержками и благоприятными условиями для локализации сборочных мощностей. Китай, опираясь на мощную государственную поддержку, масштаб внутреннего рынка и централизованное управление промышленной политикой, стал мировым лидером в производстве и экспорте железнодорожной продукции. При этом важно отметить, что железнодорожная отрасль Китая практически полностью находится под контролем государства и не имеет классических ТНК в западном понимании. Национальные корпорации (например, CRRC [16]) представляют собой государственные конгломераты, не склонные к передаче технологий и капиталов иностранным участникам. Таким образом, лидерство Китая основано не на транснациональном капитале, а на масштабной интеграции государственного сектора и промышленной стратегии.

Резкий рост экспортных показателей Мексики объясняется другим фактором. Страна стала важнейшим сборочным и реэкспортным узлом Северной Америки благодаря интеграции с экономикой США и выгодному географическому положению. В рамках соглашений о свободной торговле Мексика привлекла производство компонентов и подвижного

состава, предназначенных для американского рынка, что привело к росту экспортных долей, особенно после 2012г.

Снижение экспортных долей Японии, Франции и Германии не означает ослабления их технологического потенциала. Напротив, транснациональные корпорации этих стран (“Hitachi Rail”, “Alstom”, “Siemens Mobility” и др.) сохраняют контроль над наиболее наукоемкими сегментами отрасли – проектированием, созданием систем сигнализации, поставкой оборудования для высокоскоростных магистралей и предоставлением сервисных услуг. Однако массовое производство и сборка подвижного состава постепенно переносятся в другие регионы, где себестоимость ниже, а условия для локализации выгоднее. Это соответствует типичным стратегиям ТНК – оптимизации издержек и расширению доступа к рынкам, что в свою очередь приводит к перераспределению экспортных потоков.

Япония, бывшая одним из лидеров экспорта железнодорожной техники в начале XXIв., утратила часть своих позиций по ряду причин. Во-первых, значительная часть производственных процессов была перенесена за рубеж, преимущественно в Китай и страны Юго-Восточной Азии. Во-вторых, японские корпорации сконцентрировались на разработке и производстве высокотехнологичных решений, систем безопасности и автоматизации, которые имеют высокую добавленную стоимость, но не всегда выражаются в физических объемах экспорта.

В-третьих, внутренний спрос и приоритет развития собственной транспортной инфраструктуры также способствовали переориентации производства на внутренний рынок.

Если рассматривать анализируемые тенденции через призму факторов территориального размещения ТНК, то ключевыми оказываются государственная поддержка, технологический уклад и транспортно-логистическая инфраструктура. Ресурсная база и промышленная интеграция создают основу для производства, но именно наличие государственной политики, стимулирующей экспорт, а также развитой инфраструктуры и научно-технического потенциала, определяют конкурентоспособность страны. Китай демонстрирует, как сочетание этих факторов при централизованном управлении позволяет достичь доминирования в мировом экспорте. Германия, Франция, Япония и США, в свою очередь, продолжают удерживать лидерство в сфере технологий и инноваций,

хотя физические объемы экспорта снижаются из-за смещения производства в страны с иными экономическими условиями.

Таким образом, представленные данные подтверждают, что в период 2002–2023гг. произошла структурная трансформация мирового рынка железнодорожной техники от доминирования традиционных индустриальных стран с ТНК к усилению роли государственно-ориентированных производителей (Китай) и сборочных хабов, интегрированных в глобальные цепочки добавленной стоимости (Мексика). Изменения экспортных долей отражают не потерю технологического лидерства ТНК, а изменение модели их участия в мировом производстве – переход от прямого экспорта к глобальному управлению производственными и технологическими цепочками.

Для дальнейшего исследования была выбрана компания “Deutsche Bahn AG” – единственная транснациональная корпорация железнодорожной отрасли, входящая в рейтинг Fortune Global 500 на протяжении всего рассматриваемого периода. Это обстоятельство подтверждает устойчивость ее позиций на мировом рынке и делает компанию репрезентативным примером для анализа стратегии трансформации и факторов территориального размещения железнодорожных ТНК. Ниже представлена краткая хронология ключевых этапов развития Deutsche Bahn AG с 2000 по 2008 год, отражающая основные направления реструктуризации, интернационализации и технологического обновления компании.

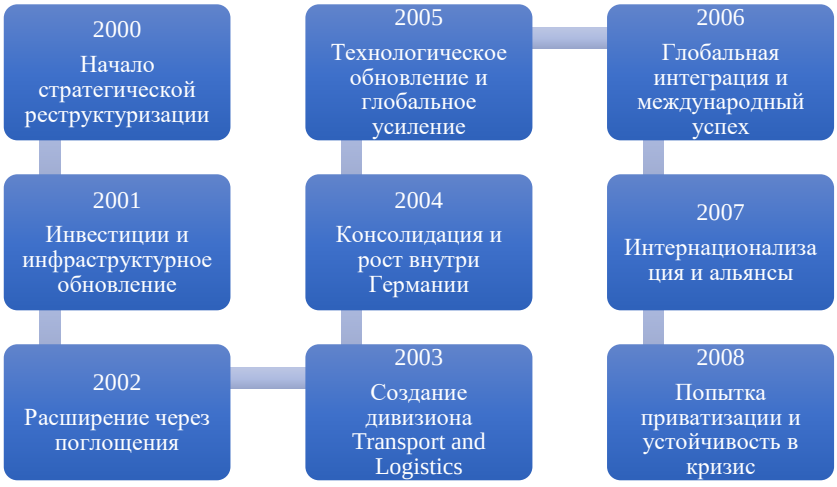


Рисунок 1. Ключевые этапы реструктуризации и интернационализации Deutsche Bahn AG (2000–2008г.) [17].

Представленная хронология демонстрирует, как Deutsche Bahn AG в 2000-е годы прошла этап масштабной реструктуризации, объединив транспортные, логистические и инфраструктурные функции в рамках единой корпоративной структуры.

Начиная с 2000-х годов, компания проходит этапы масштабных структурных преобразований, охватывающих практически все направления деятельности. Уже в начале десятилетия была начата реформа управления и инвестиционная программа обновления инфраструктуры. С приходом Хартмута Медорна в качестве генерального директора Deutsche Bahn AG сместила стратегический фокус с внутреннего обслуживания к модели интегрированного транспортно-логистического холдинга. В результате серия слияний и поглощений, в частности, приобретение компаний “Stinnes AG” и “Schenker Group”, позволила DB укрепить позиции на рынке грузовых и логистических перевозок. Параллельно развивались высокоскоростные пассажирские линии и новые направления международного сотрудничества. Создавались альянсы Railion и RailTeam, что стало основой для европейской интеграции перевозок. Уже в первое десятилетие XXI века “Deutsche Bahn” превратилась из национального перевозчика в глобальную группу с высокой степенью вертикальной интеграции.

Современная структура компании отражает стратегию “Strong Rail”, направленную на повышение эффективности, инновационное развитие и устойчивость. В 2020-х годах приоритетами становятся инфраструктурная модернизация (через DB InfraGO), цифровизация, улучшение пунктуальности и выполнение климатических целей. Согласно отчету “Facts&Figures” 2024, значительная часть капитальных вложений (более 18 млрд евро) направлена на развитие внутренней инфраструктуры Германии, что подчеркивает сохраняющуюся роль страны как «центра компетенций» и технологического ядра корпорации [18]. Производственные и логистические цепочки DB строятся по модели «ядро+хабы». В Германии сосредоточены исследовательские, проектные и сервисные центры, тогда как дочерние предприятия и партнеры в Европе и Азии обеспечивают операционное присутствие и гибкость на локальных рынках.

Интернационализация “Deutsche Bahn” происходила поэтапно. Сначала компания укрепила позиции внутри Германии и Евросоюза, а затем начала экспансию в зарубежные регионы через приобретения (“Laing Rail”,

“Transfesa”, “Pan Bus”) и стратегические альянсы. Эта модель позволила DB выйти на рынки Великобритании, Испании, Скандинавии и Азии, сохранив при этом контроль над ключевыми компетенциями.

Международная экспансия сопровождалась финансовыми и организационными преобразованиями: консолидацией инфраструктурных активов, реформой корпоративного управления и постепенным разделением транспортных и логистических подразделений. Такие шаги обеспечили компании гибкость, позволив приспособиться к региональным условиям без потери институциональной устойчивости.

В последние годы реструктуризация продолжилась, например, через выделение и частичную продажу логистического бизнеса “DB Schenker”, что отражает стремление сосредоточиться на основных компетенциях в железнодорожном секторе.

Важным элементом устойчивости “Deutsche Bahn” остается поддержка со стороны государства. Федеральное правительство Германии является основным акционером корпорации и обеспечивает ее стратегическую стабильность через долгосрочные инвестиционные программы. Государственное финансирование направляется как на развитие инфраструктуры, так и на реализацию шумоподавляющих и климатических инициатив. Это создает условия для устойчивого роста компании, но одновременно накладывает высокие требования к прозрачности, эффективности и социальной ответственности.

Таким образом, государственно-корпоративная модель DB сочетает экономическую самостоятельность с выполнением общественно значимых функций – это черта, отличающая ее от частных ТНК в других странах.

Размещение производственных и инфраструктурных мощностей Deutsche Bahn определяется сочетанием пяти факторов: ресурсной базы, инфраструктурной емкости, технологического потенциала, государственной поддержки, уровня технологического уклада.

Германия обеспечивает компании высокое качество поставщиков и доступ к развитой промышленной экосистеме, что способствует сохранению здесь НИОКР и высокотехнологичных сегментов. Уникальная транспортная сеть и высокий внутренний спрос делают страну естественным центром притяжения инвестиций. Государственная под-

держка и высокие стандарты экологической политики формируют благоприятные институциональные условия, а переход к пятому технологическому укладу (цифровизация, автоматизация, декарбонизация) определяет размещение ключевых компетенций внутри страны, при одновременном развитии сервисных подразделений за рубежом.

Особое место в стратегии “Deutsche Bahn” занимает экологическая и социальная ответственность. Компания проводит масштабную программу “Green Transformation”, направленную на достижение климатической нейтральности к 2040г. Согласно официальному порталу устойчивого развития, ключевыми направлениями выступают:

1) снижение выбросов парниковых газов по всем трем категориям Scope 1–3 не менее, чем на 90% относительно уровня 2019г.;

2) переход на 100% возобновляемую тяговую энергию к 2038г.;

3) повышение энергоэффективности инфраструктуры;

4) сокращение шума;

5) внедрение принципов циклической экономики [17].

Уже в 2024г. доля возобновляемых источников в энергоснабжении тяги достигла около 70%, что отражает реальные результаты программы. Помимо экологического блока, DB уделяет внимание социальной устойчивости, посредством внедрения программ обучения, равенству возможностей, поддержанию занятости и защите прав работников в глобальных цепочках поставок.

Таким образом, “Deutsche Bahn AG” представляет собой пример транснациональной корпорации, которая сумела объединить национальную инфраструктурную миссию с мировыми стратегиями ТНК. Ее модель сочетает концентрацию исследовательских и технологических ресурсов в Германии с интернациональной сетью операционных подразделений и альянсов, а ее конкурентоспособность все больше определяется не объемом физического экспорта, а интеллектуальной и инновационной составляющей. Государственное участие обеспечивает устойчивость, а экологическая трансформация новую форму конкурентного преимущества.

В результате “Deutsche Bahn” выступает не только экономическим, но и институциональным ориентиром для всего железнодорожного сектора, показывая, как крупная ТНК может адаптироваться к новым

требованиям глобального рынка, сохраняя при этом баланс между коммерческой эффективностью, социальной ответственностью и экологической устойчивостью.

Заключение

1. Железнодорожное машиностроение, будучи одной из ключевых отраслей мировой транспортной системы, отражает общие закономерности индустриального и постиндустриального развития. Его эволюция тесно связана с технологическими циклами, переходом от паровой и дизельной тяги к электрической и водородной, а также с изменением пространственных моделей размещения производств.

2. На рубеже XX–XXIвв. глобализация и технологическая трансформация привели к переходу отрасли от ресурсно-ориентированных центров в Европе и США к инновационно-инженерным и сборочным хабам в Азии, где решающими факторами стали уровень инфраструктуры, государственная поддержка и наличие дешевой рабочей силы.

3. Анализ экспортных показателей показывает, что традиционные индустриальные державы (Германия, Франция, Япония, США) уступили часть производственных позиций Китаю и Мексике, однако сохранили лидерство в сфере технологий, проектирования и сервисных решений, что свидетельствует о переходе ТНК к модели управления глобальными цепочками добавленной стоимости.

4. Китайская модель господствующего положения в отрасли демонстрирует эффективность сочетания централизованной промышленной политики и масштабной интеграции государственного капитала, тогда как Мексика стала примером страны, встроенной в международные производственные цепочки благодаря географическому положению и торговым соглашениям.

5. “Deutsche Bahn AG” воплощает современный тип транснациональной железнодорожной корпорации, сочетающей национальную инфраструктурную миссию с глобальной стратегией: концентрацией НИОКР и управленческих центров в Германии при наличии сети зарубежных подразделений. Ее устойчивость обеспечивается государственным участием, экологической ориентацией и акцентом на инновационные технологии, что формирует новую модель конкурентоспособности отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Boddy J.* Transport, Urban Form and Economic Growth / J. Boddy, P. Newman. London: “Routledge”, 2019, 343p.
2. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: «Экономика», 2002, 550с.
3. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: «Прогресс», 1982, 455с.
4. *Thurston R.* A History of the Growth of the Steam-Engine, Parts 1–2. Boston: “D. Appleton”, 1878, 490c.
5. Балдуин Локомотив Уоркс [Эл. ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Baldwin_Locomotive_Works (дата обращения: 15.10.2024).
6. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / Д. Бел. New York: “Basic Books”, 1973, 507c.
7. *Krugman P.* Geography and Trade / P. Krugman. Cambridge: “MIT Press”, 1991, 435p.
8. *Робертсон Р.* Globalization: Social Theory and Global Culture / Р. Робертсон. М.: «Канон-Пресс-Ц», 2020, 384с.
9. *Friedman J. The* World City Hypothesis / J. Friedman // “Development and Change”. Vol. 17, 1986. PP. 69–83.
10. European Railway Agency. Digital Rail and Intelligent Train Systems. Luxembourg: “Publications Office of the European Union”, 2020, 252p.
11. *Rader J.* CRRC: market share leader and innovator: [report] / J. Rader // Raderlock. Oct. 2019. [Эл. ресурс]. URL: https://www.railwayage.com/wp-content/uploads/2019/11/Raderlock-CRRC-Report-October-2019.pdf (дата обращения: 15.10.2024).
12. Siemens Mobility. Vectron Locomotive: Technical Overview [Эл. ресурс]. URL: https://www.mobility.siemens.com/global/en/portfolio/rail/locomotives/vectron.html (дата обращения: 15.10.2024).
13. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Railway Transport Trends and Policies 2023: Innovation and Sustainability in High-Speed Rail. Paris: “OECD Publishing”, 2023, 142p.
14. TrendEconomy: сайт [Эл. ресурс]. URL: https://trendeconomy.ru/ (дата обращения: 13.01.2025).
15. Fortune Global 500: официальный сайт [Эл. ресурс]. URL: https://fortune.com/ranking/global500/ (дата обращения: 15.10.2024).
16. Официальный сайт корпорации CRRC [Эл. ресурс]. URL: https://www.crrcgc.cc/en/ (дата обращения: 15.10.2024).
17. Официальный сайт Deutsche Bahn: Устойчивое развитие [Эл. ресурс]. URL: https://deutschebahn.com/sustainability (дата обращения: 15.10.2024).
18. Обзор мирового рынка железнодорожного подвижного состава: аналитический отчет. Кельн: “DVV Media Group”, 2024, 40с.

FEATURES AND FACTORS OF THE TERRITORIAL DISTRIBUTION OF THE LARGEST TNCS IN THE RAILWAY INDUSTRY

M. Kiriushin, K. Nigmatulina
Kazan (Volga Region) Federal University

ABSTRACT

The article examines the spatial distribution and key factors of location of the largest transnational corporations in the railway industry within the framework of globalization and technological transformation. Based on historical and economic analysis, the study traces the evolution of the sector from steam and diesel traction to electric and hydrogen systems, highlighting the link between technological cycles and the spatial structure of production. The shift of industrial centers from Europe and the United States to Asia is explained by state regulation, infrastructural capacity, and innovation potential. Special attention is given to Deutsche Bahn AG as a representative example of a modern railway TNC combining a national infrastructural mission with global strategy and ecological transformation. The study concludes that in an oligopolistic market, competitiveness depends more on the concentration of intellectual and technological resources than on physical exports.

Keywords: transnational corporations, railway industry, spatial location, globalization, Deutsche Bahn AG.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-251-258

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ*

В.Р. Мнацаканян

Российско-Армянский университет
vilen.mnatsakanyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются стратегические приоритеты внешнеэкономической политики Армении в условиях усиливающейся фрагментации мировой торговли. Современная мировая экономика характеризуется ростом региональной интеграции, изменением глобальных цепочек поставок, усилением торговых и геополитических рисков, а также трансформацией потоков инвестиций. В этих условиях Армения сталкивается с необходимостью пересмотра подходов к диверсификации экспортных рынков, привлечению иностранных инвестиций и развитию транспортно-логистической инфраструктуры. Особое внимание уделено роли страны как связующего звена между различными регионами мира, включая Европу, Китай, Индию и Ближний Восток, что создает возможности для участия в новых торговых маршрутах и региональных экономических инициативах. На основе анализа внешнеторговых связей с Европейским союзом, странами Латинской Америки, государствами Ближнего Востока и ключевыми соседними экономиками формулируются рекомендации по приоритетным направлениям экономической дипломатии, совершенствованию инструментов поддержки экспорта и повышению устойчивости экономики к внешним шокам. Выводы исследования могут быть использованы для разработки и корректировки государственной стратегии внешнеэкономической деятельности, а также для выстраивания политики, направленной на укрепление конкурентных преимуществ страны в условиях глобальной неопределенности.

* Исследование поддержано Комитетом по высшему образованию и науке Министерства образования, науки и культуры Республики Армения (исследовательский проект № 24AA-5B054).

Ключевые слова: внешнеэкономическая политика, торговая политика, экспорт, импорт фрагментация мировой экономики.

Введение

В последние годы международная торговля и глобальные экономические связи переживают глубокие трансформации, проявляющиеся в тенденциях к фрагментации глобальных цепочек создания стоимости и торговых потоков. Понятие фрагментации в международной торговле трактуется в литературе как разделение производственных процессов и торговых отношений на более мелкие сегменты, которые все чаще проявляются в региональных, а не в глобальных масштабах [1]. Современные эмпирические исследования подтверждают, что после глобального финансового кризиса и пандемии коронавируса процессы регионализации и разобщения рынков усиливаются, что отражается на структуре торговли различных типов экономик [2]. Кроме того, экономисты анализируют влияние геоэкономических факторов на распределение международной торговли, показывая, что ухудшение политических отношений между странами ведет к снижению объема взаимной торговли и изменению торговых связей [3].

Фрагментация мировой торговли становится особенно значимой для малых открытых экономик, для которых внешнеэкономические связи являются критическим фактором роста и устойчивости. В существующей литературе подчеркивается, что такие страны сталкиваются с ограниченными возможностями интеграции в глобальные цепочки поставок и более высокой уязвимостью к внешним шокам (частично обсуждаемой в работах по международной торговле) [4]. *Актуальность исследования* обуславливается необходимостью выявления стратегических приоритетов внешнеэкономической политики Армении в условиях, когда традиционные модели глобальной торговли пересматриваются, а риски деглобализации и регионализации усиливаются. Целью данной работы является формулирование ключевых направлений внешнеэкономической политики Армении, учитывая современные тенденции фрагментации мировой торговли. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: критически проанализировать теоретические и эмпирические подходы к феномену фрагментации мировой тор-

говли; изучить влияние этих процессов на малые экономики; определить возможные направления адаптации внешнеэкономической политики Армении в ответ на выявленные глобальные тенденции.

Материал и методы

В рамках исследования проведен статистический анализ динамики и структуры внешней торговли Республики Армения, а также анализ действующих правовых актов и документов государственной политики, регулирующих внешнеэкономическую деятельность. Использованы методы сравнительного и системного анализа для определения стратегических приоритетов внешнеэкономической политики в условиях фрагментации мировой торговли.

У Республики Армения с момента приобретения независимости и в последующие годы фактически отсутствовала сформированная и институционально закрепленная доктрина внешнеэкономической политики. Внешнеэкономическая деятельность страны в значительной степени развивалась по траектории внешнеполитических приоритетов, что предопределило доминирование политических факторов при формировании торгово-экономических связей. Подобный подход не всегда учитывал реальные экономические выгоды, структуру национальной экономики и долгосрочные задачи ее развития. В результате внешнеэкономическая политика Армении зачастую носила реактивный характер, отражая изменения во внешнеполитической конъюнктуре, а не основываясь на системной оценке экономических интересов и конкурентных преимуществ страны. Это обстоятельство усиливало разрыв между внешнеполитическими решениями и экономической целесообразностью, формируя внешнеэкономическую модель, в которой политический компонент существенно преобладал над экономическим содержанием.

Одним из ключевых индикаторов внешнеэкономической политики государства является торговая политика, которая для стран с малой открытой экономикой имеет особое значение. Именно структура и направленность торговой политики во многом определяют степень интеграции национальной экономики в международное хозяйство, устойчивость внешнеторговых связей и возможности диверсификации экспортных рынков. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть распределение торговых потоков Армении по основным регионам

мира, что позволяет выявить реальные приоритеты внешнеэкономической политики страны, степень ее торговой диверсификации, а также уровень зависимости от отдельных рынков в условиях фрагментации мировой торговли. Рассмотрение торговых потоков Армении по регионам за период 1995–2024гг. демонстрирует устойчивую концентрацию внешней торговли на европейском направлении, включая Россию. На протяжении всего периода доля Европы в общем объеме торговли стабильно превышала 50%, достигая пиковых значений свыше 60% в середине 2000-х и конце 2010-х годов. Однако более детальный анализ выявляет, что формальная ориентация на европейский регион не отражает реальной географической диверсификации внешней торговли. В начале рассматриваемого периода европейские торговые потоки носили относительно более диверсифицированный характер: в середине 1990-х годов доля России в торговле Армении с данным регионом составляла около 60%[1], затем последовательно снижалась, достигнув минимальных значений 20–25% в первой половине 2000-х годов. С середины 2010-х годов наблюдается обратная тенденция. Доля России в общем объеме внешней торговли Армении выросла с 19% в 2015 году до 42% в 2024 году, а внутри европейского направления с 34.3% до 78.6%[2] за тот же период. Высокая доля Европы в торговой структуре Армении в последние годы в значительной степени объясняется ростом торговли с одним партнером – Россией. Это отражает сокращение реальной географической диверсификации внешней торговли и формирование модели, ориентированной преимущественно на одного партнера.

Анализ структуры экспорта Армении за период 1995–2024гг. показывает долгосрочную концентрацию на европейском направлении с постепенным ростом значимости азиатских и ближневосточных рынков. В середине 1990-х доля Европы в общем экспорте составляла около 50–55%, при этом Россия была ключевым партнером. Доля Азии составляла 2–26%, а Ближнего Востока и Северной Африки – 15–31%. Остальные регионы

[1] Рассчитано авторами на основе данных Статистического комитета Республики Армения, URL: https://armstat.am/ru/?nid=160

[2] Там же.

имели минимальное значение. В первой половине 2000-х годов европейское направление усилилось, достигнув 72–78%[3] к 2007–2008 годам, при этом доля России в экспортных потоках по Европе оставалась высокой. Доля Азии и стран Ближнего Востока и Северной Африки снизилась до минимальных значений, а экспорт в Северную Америку, Латинскую Америку, Африку к югу от Сахары и Океанию оставался незначительным. С 2013г. наблюдается постепенная диверсификация. Доля азиатского экспорта выросла с 5% в 2012 году до 23.9% в 2024 году, а экспорт в страны Ближнего Востока и Северной Африки увеличился до 44.3%. Доля европейского направления сократилась до 31.8%[4], в то время как доли Северной Америки и Латинской Америки практически исчезли. Доля остальных регионов остается незначительной.

Структура импорта Армении за 1995–2024гг. демонстрирует укрепление роли Европы (с 36,3% до 69,4%) и рост доли Азии в отдельные периоды (до 24,4%). Доля стран НАФТА резко сократилась (с 17,4% до 0,2%)[5], Латинской Америки и Австралии/Океании оставалась минимальной, а Ближний Восток и Северная Африка снизились до 12,7%. Данные отражают концентрацию внешней торговли на Европе с умеренным ростом азиатского направления. Структура импорта Армении по странам происхождения в 2003–2024гг. демонстрирует устойчивую концентрацию на Европе с ростом доли с 60,9% в 2003г. до 85,8% в 2024г[6]. Доля Азии увеличивалась до 50,2% в 2021г., затем снизилась до 31,1% в 2024г. Северная Америка (НАФТА) и Латинская Америка остаются второстепенными направлениями с колебаниями в пределах 0,8–8,7%. Ближний Восток и Северная Африка демонстрируют снижение с 28,8% до 10,8%, Африка к югу от Сахары и Австралия с Океанией сохраняют минимальное участие (<2%)[7].

---

[3] Рассчитано авторами на основе данных Статистического комитета Республики Армения, URL: https://armstat.am/ru/?nid=160

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

Представленные изменения обусловлены, прежде всего, трансформациями во внешнеэкономической политике ключевых международных игроков. Инициатива Китая «Один пояс – один путь» способствовала усилению азиатского направления и интеграции региональных логистических цепочек. Рост значимости стран Залива как финансовых центров и торговых хабов отражает смещение глобальных потоков капитала и товаров, а инициативы России по Евразийскому экономическому союзу формируют новые интеграционные связи на постсоветском пространстве. Одновременно взаимодействие Армении с ЕС в рамках Восточного партнерства создает дополнительные возможности для диверсификации внешней торговли и укрепления экономических связей с европейскими контрагентами.

С учетом высокой концентрации внешней торговли на Евразийском континенте и умеренной роли Северной Африки, а также учитывая глобальные тенденции регионализации производства и трансформации цепочек поставок, Армении необходимо выстроить системную и устойчивую внешнеэкономическую стратегию, минимизирующую риски, связанные с действиями внешних акторов. В качестве ключевых направлений рекомендуются:

- **разработка собственной внешнеэкономической доктрины** – определение долгосрочных приоритетов внешней торговли, механизмов адаптации к изменениям мировой экономики и инструментов поддержки отечественных производителей, включая стимулы для выхода на новые рынки;
- **диверсификация партнеров и географическая экспансия** – сохранение и укрепление связей на Евразийском континенте при параллельном расширении контактов с Северной Африкой, Ближним Востоком и Азиатско-Тихоокеанским регионом для снижения зависимости от отдельных внешних игроков;
- **развитие транспортной и логистической инфраструктуры** – интеграция в международные цепочки поставок, повышение эффективности торговых маршрутов и создание условий для ускоренной доставки товаров и услуг;
- **стимулирование экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью** – развитие высокотехнологичных, инновационных и наукоемких отраслей, способных укрепить позиции Армении в глобальных торговых и производственных цепочках;

- **формирование стратегических финансовых и торговых партнерств** – сотрудничество с ведущими финансовыми центрами и торговыми хабами, что позволит снизить влияние внешних шоков и обеспечить гибкость внешнеэкономической политики;
- **мониторинг глобальных экономических тенденций** – регулярный анализ трансформаций мировой экономики, торговых потоков и инвестиционных трендов для своевременной корректировки внешнеэкономической стратегии.

Комплексное внедрение этих мер позволит Армении не только повысить устойчивость внешнеэкономической политики, но и создать условия для активной интеграции в новые региональные и глобальные экономические цепочки, снижая влияние стратегических инициатив внешних игроков и обеспечивая долгосрочную конкурентоспособность страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Deardorff A.* Fragmentation in simple trade models // "The North American Journal of Economics and Finance". Vol. 12, Issue 2. PP. 121–137, URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1062940801000432?utm_source=chatgpt.com.
2. *Pilat A., Podsiad A.* Trade Fragmentation in the World of Fragmented Capitalism: Trade of Liberal, Coordinated, and Dependent Market Economies in Times of Deglobalization // "Open Economies Review", URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11079-025-09833-5?utm_source=chatgpt.com.
3. *Fan T., Wo M., Xiang W.* Geopolitical Barriers to Globalization // "Cornell University", URL: https://www.researchgate.net/publication/395526963_Geopolitical_Barriers_to_-Globalization.
4. *Bolhuis M., Chen J., Kett B.* Fragmentation in Global Trade. Accounting for Commodities // "International Monetary Fund", URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2023/english/wpiea2023073-print-pdf.pdf.

STRATEGIC PRIORITIES OF THE REPUBLIC OF ARMENIA'S FOREIGN ECONOMIC POLICY IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRADE FRAGMENTATION

V. Mnatsakanyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the strategic priorities of Armenia's foreign economic policy amid the increasing fragmentation of global trade. The contemporary world economy is characterized by growing regional integration, shifts in global supply chains, heightened trade and geopolitical risks, and evolving

investment flows. In this context, Armenia faces the need to reassess approaches to diversifying export markets, attracting foreign investment, and developing transport and logistics infrastructure. Particular attention is given to the country’s role as a connecting link between different regions, including Europe, China, India, and the Middle East, creating opportunities to participate in new trade routes and regional economic initiatives. Based on the analysis of Armenia's foreign trade relations with the European Union, Latin American countries, Middle Eastern states, and key neighboring economies, recommendations are formulated for priority areas of economic diplomacy, enhancement of export support instruments, and strengthening economic resilience to external shocks. The findings of the study can inform the development and adjustment of national foreign economic strategies and policies aimed at reinforcing Armenia’s competitive advantages amid global uncertainty.
Keywords: foreign economic policy, trade policy, export, import, global trade fragmentation.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-259-267

РОЛЬ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ПЛАТФОРМ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ КОМПАНИЙ

В.А. Митрофанова[1]

[1]*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*
mitrof_va@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется роль интегрированных программных платформ в повышении качества корпоративной нефинансовой отчетности. Проанализированы ключевые преимущества таких систем: централизация данных, автоматизация процессов, обеспечение соответствия международным стандартам и повышение прозрачности. Рассмотрены технологические возможности современных платформ, включая интеграцию с корпоративными системами, применение искусственного интеллекта и машинного обучения.

Ключевые слова: нефинансовая отчетность, ESG, интегрированные платформы, корпоративная отчетность, устойчивое развитие, цифровизация, автоматизация отчетности.

Введение

В последние два десятилетия произошла трансформация корпоративной отчетности: нефинансовая информация из добровольной инициативы превратилась в обязательное требование для публичных компаний во многих юрисдикциях. Согласно исследованию KPMG, 80% крупнейших мировых компаний публикуют отчеты об устойчивом развитии, что на 50% больше, чем десятилетие назад.

Ужесточение регуляторных требований (Директива CSRD в ЕС, Указание Банка России № 4927-У) и растущий интерес инвесторов к ESG-факторам создают потребность в качественных, верифицируемых и сопоставимых нефинансовых данных. Традиционные подходы к подготовке отчетности, основанные на ручном сборе информации из множества источников, не обеспечивают требуемого уровня оперативности, точности и прозрачности.

Интегрированные программные платформы для управления нефинансовой отчетностью представляют собой технологическое решение этой проблемы. Эти системы централизуют сбор, обработку, анализ и представление ESG-данных, автоматизируют рутинные операции и обеспечивают соответствие множественным стандартам отчетности.

Целью исследования является анализ роли интегрированных платформ в повышении качества корпоративной нефинансовой отчетности.

Материалы и методы

Нефинансовая отчетность, также определяемая как отчетность об устойчивом развитии, представляет собой раскрытие информации об экологических, социальных и экономических последствиях деятельности организации [1]. Концепция тройного итога [2], предложенная Элкингтоном, заложила основу современного понимания корпоративной ответственности.

Международные стандарты нефинансовой отчетности (GRI, SASB, TCFD, CDP, CSRD) устанавливают требования к раскрытию информации, однако множественность стандартов создает проблему совместимости и сопоставимости данных.

Исследования последних лет демонстрируют связь между качеством нефинансовой отчетности и финансовыми результатами компаний. К ключевым функциям нефинансовых показателей относятся:

1) управление рисками: мониторинг репутационных, экологических и социальных рисков позволяет предотвращать кризисные ситуации [3];

2) оптимизация инвестиционного портфеля: учет ESG-критериев при принятии инвестиционных решений повышает долгосрочную устойчивость портфеля [4];

3) экологическая результативность: систематическое измерение углеродного следа, потребления ресурсов стимулирует внедрение «зеленых» технологий;

4) инновационная активность: фокус на нефинансовых метриках стимулирует культуру инноваций [5];

5) нормативное соответствие: проактивное соблюдение требований минимизирует регулятивные риски;

6) вклад в глобальные цели: интеграция 17 Целей устойчивого развития ООН в корпоративную стратегию.

Развитие информационных технологий создало возможность автоматизации процессов подготовки нефинансовой отчетности. Базы данных XBRL, облачные решения, технологии больших данных и искусственного интеллекта трансформируют практику корпоративной отчетности.

Результаты

Исходя из проведенного анализа можно выделить основные преимущества интегрированных платформ.

1) Централизация данных

Ключевое преимущество интегрированных платформ – создание единого хранилища нефинансовой информации. Данные о выбросах парниковых газов, потреблении энергии, охране труда, социальных программах и корпоративном управлении собираются из всех подразделений компании в одной системе. Это устраняет проблему «информационных силосов», когда разные департаменты используют несовместимые форматы и методологии.

Централизация позволяет отслеживать источники каждого показателя, что критически важно для аудита и верификации данных. Система автоматически выявляет дублирование информации и противоречия между различными источниками, предлагая инструменты для их разрешения. Например, если производственное подразделение и служба охраны окружающей среды вводят разные цифры по водопотреблению, платформа немедленно сигнализирует о расхождении.

2) Автоматизация процессов

Автоматизация радикально сокращает время подготовки отчетности. То, что раньше требовало 3–4 месяцев ручной работы, может быть выполнено за несколько дней. Рутинные операции – агрегация данных, расчет производных показателей, конвертация единиц измерения – выполняются системой без участия человека, что минимизирует ошибки.

Платформы автоматически рассчитывают сложные показатели, такие как углеродный след по всей цепочке создания стоимости (Scope 1, 2 и 3 выбросы), используя встроенные коэффициенты и методологии. Система отслеживает сроки сбора данных, рассылает напоминания ответственным сотрудникам и контролирует выполнение плана подготовки отчета.

3) Соответствие международным стандартам

Современные платформы содержат встроенные шаблоны для всех основных стандартов нефинансовой отчетности: GRI (“Global Reporting Initiative”), SASB (“Sustainability Accounting Standards Board”), TCFD (“Task Force on Climate-related Financial Disclosures”), CDP (“Carbon Disclosure Project”), CSRD (“Corporate Sustainability Reporting Directive”). Система автоматически адаптирует структуру отчета под требования выбранного стандарта, указывает обязательные раскрытия и предупреждает о пропущенных показателях.

При изменении требований регуляторов платформа обновляется централизованно, что избавляет компании от необходимости самостоятельно отслеживать нововведения. Встроенные чек-листы помогают убедиться, что все требования выполнены до публикации отчета.

4) Прозрачность и проверяемость

Качество нефинансовой отчетности напрямую зависит от возможности проверить достоверность каждого показателя. Интегрированные платформы создают полный аудиторский след: система фиксирует, кто, когда и какие данные внес, какие изменения были сделаны и по какой причине. История версий позволяет откатиться к любому предыдущему состоянию данных.

Система согласований обеспечивает тот факт, что критически важные показатели проходят многоуровневую проверку перед включением в публичный отчет. Документирование методологии расчетов делает показатели воспроизводимыми и понятными для внешних аудиторов и верификаторов.

Также в ходе исследования нами были выявлены следующие технологические возможности.

Современные интегрированные платформы представляют собой сложные информационные системы, использующие передовые технологии. Ключевая функция – интеграция с существующими корпоративными системами: ERP (для данных о материалах и энергопотреблении), CRM (для информации о клиентах и сообществах), HR-системами (для данных о персонале, безопасности труда, обучении).

Искусственный интеллект и машинное обучение применяются для анализа больших объемов неструктурированных данных, выявления трендов и аномалий. Например, AI может автоматически анализировать тысячи документов поставщиков для оценки рисков в цепочке поставок

или выявлять паттерны в производственных данных, указывающие на возможности сокращения выбросов.

Дашборды и инструменты визуализации превращают массивы данных в понятные графики и диаграммы, позволяя топ-менеджменту в режиме реального времени отслеживать ключевые показатели устойчивости. Интерактивные отчеты дают возможность заинтересованным сторонам самостоятельно углубляться в интересующие их аспекты деятельности компании.

Выбор между облачными решениями и установкой на собственных серверах (on-premise) зависит от специфики компании. Облачные платформы обеспечивают быстрое внедрение, автоматические обновления и масштабируемость, но могут вызывать опасения по поводу безопасности данных. On-premise решения дают полный контроль, но требуют значительных инвестиций в IT-инфраструктуру.

Обсуждение результатов

Исследование основано на анализе вторичных данных и кейс-стади. Проанализированы публичные отчеты об устойчивом развитии, корпоративные презентации и пресс-релизы семи российских компаний, внедривших интегрированные платформы для нефинансовой отчетности: ПАО «Сбербанк», ПАО «ГМК Норникель», ПАО «НЛМК», ПАО «РусГидро», ПАО «МТС», ПАО «Северсталь».

Критерии отбора компаний заключались в следующем:

- публичный статус;
- наличие публикуемой отчетности об устойчивом развитии;
- раскрытие информации о внедрении цифровых решений для управления ESG-данными;
- представленность различных отраслей экономики.

Анализ структурирован по следующим параметрам: архитектура платформы, функциональные возможности, степень интеграции с корпоративными системами, полученные результаты.

Сбер стал пионером внедрения комплексных ESG-решений в российском банковском секторе. В 2021–2022гг. банк развернул внутреннюю платформу для управления показателями устойчивого развития, интегрированную с корпоративными системами [6].

Сбербанк разработал собственную методологию расчета финансируемых выбросов (financed emissions) для кредитного портфеля с учетом специфики российской экономики. Система учитывает особенности российской отчетности и автоматически формирует данные для раскрытия информации по методологии ЦБ РФ и международным стандартам одновременно [6].

ГМК «Норникель» внедрил комплексную систему цифрового экологического мониторинга на производственных площадках в Норильске, на Кольском полуострове и в Забайкалье. Проект запущен в 2020г. в рамках экологической стратегии компании.

Норникель предоставил общественности доступ к онлайн-дашборду с данными экологического мониторинга в режиме реального времени. Это повысило доверие местных сообществ и инвесторов. Открытость данных стала конкурентным преимуществом при взаимодействии с международными партнерами и кредиторами.

Новолипецкий металлургический комбинат реализовал проект по цифровизации управления устойчивым развитием, связав ESG-показатели с операционной эффективностью. Внедрение началось в 2021г. [7].

Решение построено на базе корпоративной аналитической платформы и интегрировано с системами управления производством, энергоменеджмента и охраны труда. Используется единая модель данных, где экологические и социальные показатели рассматриваются наравне с производственными и финансовыми KPI.

Показатели устойчивого развития интегрированы в систему мотивации топ-менеджмента и руководителей производственных подразделений. Каждый цех видит свой вклад в общекорпоративные цели по климату и безопасности. Это создало культуру непрерывного совершенствования в области ESG [7].

РусГидро разработал специализированную платформу для мониторинга и управления экологическим воздействием гидроэлектростанций на водные экосистемы и биоразнообразие. Система охватывает 100+ ГЭС и ГАЭС в России [8].

Платформа собирает данные о гидрологических режимах, качестве воды, популяциях рыб, состоянии прибрежных экосистем из множества источников: автоматические датчики, спутниковые снимки, дан-

ные полевых исследований, информация от рыбоводных заводов. Машинное обучение используется для моделирования влияния режимов работы ГЭС на экосистемы и оптимизации сброса воды с учетом как энергетических, так и экологических целей.

Накопленные данные используются для научных исследований в области гидроэкологии. Компания создала крупнейшую в России базу долгосрочных данных о состоянии водных экосистем в зоне влияния ГЭС, доступную для научного сообщества.

МТС внедрил комплексную систему управления ESG-показателями, охватывающую более 80 тысяч базовых станций, центров обработки данных, офисов и магазинов во всех регионах присутствия.

Платформа автоматически собирает данные об энергопотреблении телекоммуникационной инфраструктуры, электромагнитных излучениях, образовании электронных отходов, цифровой доступности услуг для различных групп населения. Интеграция с системами мониторинга сети позволяет оптимизировать энергопотребление базовых станций в зависимости от нагрузки [9].

Северсталь реализовала проект по созданию системы точного учета и управления углеродным следом на всех этапах производства стали – от добычи сырья до отгрузки готовой продукции.

Платформа интегрирована с автоматизированными системами управления технологическими процессами (АСУ ТП), системами учета энергоресурсов, логистическими платформами. Она рассчитывает углеродный след каждой партии продукции с учетом фактических технологических параметров, используемых материалов и энергоносителей. Блокчейн используется для обеспечения прозрачности данных для клиентов [10].

Северсталь вовлекла более 200 ключевых поставщиков в процесс раскрытия данных об углеродном следе через интеграцию с платформой. Это позволило получить полную картину выбросов Scope 3 и выявить возможности декарбонизации цепочки поставок [10].

Интегрированные платформы для нефинансовой отчетности перестали быть опцией и становятся необходимостью для компаний, стремящихся соответствовать растущим требованиям регуляторов, инвесторов и общества. Централизация данных, автоматизация процессов, обес-

печение соответствия стандартам и повышение прозрачности – эти преимущества напрямую влияют на качество отчетности и, как следствие, на репутацию и рыночную стоимость компании.

Технологическое развитие платформ продолжается. Ключевые тренды включают более глубокую интеграцию искусственного интеллекта для прогнозной аналитики, использование блокчейна для обеспечения неизменяемости данных, расширение возможностей работы с данными цепочки поставок и автоматизацию сбора данных через IoT-устройства.

В будущем интегрированные платформы станут базовой инфраструктурой корпоративной отчетности, стирая границы между финансовой и нефинансовой информацией. Концепция интегрированной отчетности, продвигаемая IIRC (International Integrated Reporting Council), требует единого подхода к представлению создания стоимости компанией, что невозможно без технологических решений, объединяющих все типы корпоративных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eccles R., Krzus M.* The integrated reporting movement: Meaning, momentum, motives, and materiality. “John Wiley & Sons”, 2014.
2. *Elkington J.* Cannibals with forks: the triple bottom line of 21st century business. “Capstone”, 1997.
3. *Hubbard G.* Measuring organizational performance: beyond the triple bottom line // “Business strategy and the environment”. Т. 18, № 3, 2009. PP. 177–191.
4. *Friede G., Busch T., Bassen A.* ESG and financial performance: aggregated evidence from more than 2000 empirical studies // “Journal of sustainable finance & investment”. Т. 5, № 4, 2015. PP. 210–233.
5. *Moczadlo R.* Creating competitive advantages–the european csr-strategy compared with porter's and kramer's shared value approach // “Ekonomski vjesnik: Review of Contemporary Entrepreneurship, Business, and Economic Issues”. Т. 28, № 1, 2015. PP. 243–256.
6. Сбер – Официальный сайт [Эл. ресурс]. [Режим доступа]: https://www.sberbank.by/esg-enviroment
7. ESG-инициативы Норникель. Официальный сайт [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://nornickel.ru/sustainability/assessment/
8. РусГидро. Годовой отчет [Эл. ресурс]. [Режим доступа]: https://rushydro.ru/investors/disclosure/reports/annual-reports/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
9. МТС. ESG и Устойчивое развитие. Годовой отчет [Эл. ресурс]. [Режим доступа]: https://ar2024.mts.ru/esg-i-ustojchivoe-razvitie/
10. Северсталь. ESG-трансформация бизнеса. Отчет [Эл. ресурс]. [Режим доступа]: https://severstal.com/rus/ir/esg/

THE ROLE OF INTEGRATED PLATFORMS IN ENHANCING THE QUALITY OF CORPORATE NON-FINANCIAL REPORTING

V. Mitrofanova
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABSTRACT

This article examines the role of integrated software platforms in improving the quality of corporate non-financial reporting. The key advantages of such systems are analyzed, including data centralization, process automation, compliance with international standards, and enhanced transparency. The technological capabilities of modern platforms are explored, encompassing integration with corporate systems as well as the application of artificial intelligence and machine learning.
Keywords: non-financial reporting, ESG, integrated platforms, corporate reporting, sustainable development, digitalization, reporting automation.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-268-274

ՆԵՐԴՐՈՒՄԱՅԻՆ ՖՈՆԴԵՐԸ ՈՐՊԵՍ ԿԱՊԻՏԱԼԻ ՇՈՒԿԱՅԻ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐ ԳՈՐԾԻՔ

Մ.Ա.Սահակյան, Ա.Խ. Մարգարյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Տնտեսագիտության և բիզնեսի ինստիտուտ
sasahakyan@gmail.com, Margaryan_ani@student.rau.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Այս հետազոտական աշխատաքը ուղղված է ՀՀ կապիտալի շուկայի ուսումնասիրությանը՝ մասնավորապես ՀՀ-ում գործող ֆոնդերի վիճակագրական վերլուծությանը և կապիտալի շուկայի զարգացման հարցում դրանց ունեցած դերի վերհանմանը։

Հիմնաբառեր՝ կապիտալի շուկա, ներդրումային ֆոնդեր, ֆոնդերի ակտիվների արժեք, պորտֆելի կառուցվածք, դիվերսիֆիկացիա, շուկայի աճ։

Ներածություն

Կապիտալի շուկայի գործիքները փոխկապակցված են, և դրանց օգուտը կապիտալի շուկայի զարգացման հարցում հնարավոր է միայն արդյունավետ կարգավորվող ու վերահսկվող, կայուն ֆինանսական համակարգի պայմաններում։[1] Այս գործիքների մեջ իրենց հաստատուն տեղն ունեն ներդրումային ֆոնդերը։ Ներկայիս շուկայական համակարգում տարբերում են ֆոնդերի երեք հիմնական տեսակներ՝

Բաց ֆոնդեր /փոխադարձ ֆոնդեր (Open-End Funds/Mutual Funds). առանձնանում են նրանով, որ պորտֆելի կառավարիչը ամեն օր կարող է գնել բաժնետերերից գոյություն ունեցող փայերը և վաճառել նոր փայեր ներդրողներին։

Փակ ֆոնդեր (Closed-End Funds). այս ֆոնդերն իրենց անվանումը ստացել են այն առանձնահատկության պատճառով, որ փայերի սկզբնական թողարկումից հետո դրանց քանակը չի կարող փոխվել: Այսինքն՝ փայերի քանակը մնում է հաստատուն և դրանք շրջանառվում են երկրորդային շուկայում, որտեղ դրանց գինը որոշվում է միայն առաջարկի և պահանջարկի միջոցով:

Միավորային հիմնադրամներ (Unit trusts). նման են փակ ֆոնդերին նրանով, որ միավորների քանակը ֆիքսված է: Սակայն այստեղ կա մասնագիտացում պարտատոմսերում ներդրումների մեջ, ինչի հետևանքով ֆոնդերը քիչ ռիսկային և քիչ եկամտաբեր են: Այս ֆոնդերը, ի տարբերություն մյուս երկուսի, ունեն նաև ավարտի նախասահմանված ժամկետ:[2]

Հայաստանի օրենսդրությունը տալիս է իրավական հիմքեր տարբեր տեսակի ներդրումային ֆոնդերի ստեղծման համար, որոնցից յուրաքանչյուրն ունի իր կառուցվածքը, իրավական կարգավիճակը և ներդրումային հստակ ռազմավարությունը: Դրանց մեջ ներառվում են՝ բաց/փակ հրապարակային և ոչ հրապարակային ֆոնդեր, կենսաթոշակային ֆոնդեր, բորսայում շրջանառվող ֆոնդեր (ETFs), հեջ ֆոնդեր, մասնավոր կապիտալի ֆոնդեր: [3]

Մեթոդաբանություն

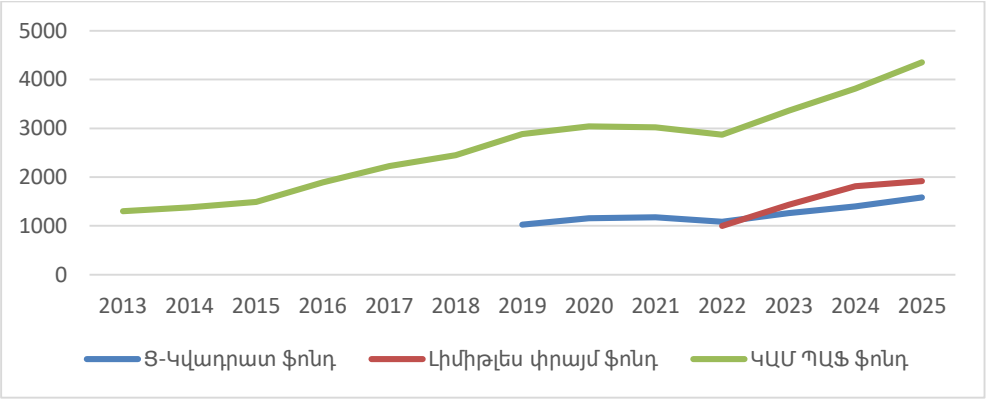
ՀՀ-ում գործող ոչ կենսաթոշակային ներդրումային ֆոնդերի քանակը հասնում է մոտ 130-ի, այդ իսկ պատճառով հետազոտության մեջ անհատական վերլուծության փոխարեն կիրառվել է էքստրապոլացիայի մեթոդը. ընտրվել և ուսումնասիրվել են շուկայում առավել մեծ մասնակցություն ունեցող ֆոնդերը, որոնց վերաբերյալ ինֆորմացիան հրապարակային է:

Վերլուծություն

ՀՀ կապիտալի շուկայում խոշոր մասնակցություն ունեցող ոչ կենսաթոշակային հրապարակային ներդրումային ֆոնդերն են՝

- «Յե-Քյու Արմենիա Գրոութ» ներդրումային ֆոնդ,
- «Լիմիթլես Ասեթ Մենեջմենթ» փակ բաժնետիրական ընկերության «Լիմիթլես Փրայմ» ներդրումային ֆոնդ,
- «Կապիտալ Ասեթ Մենեջմենթ» ՓԲԸ ներդրումային ֆոնդեր՝ ԿԱՄ ՊԱՖ (պետական արժեթղթերի ներդրումային ֆոնդ) , ԿԱՄ Բրիդջ Ֆոնդ I , ԿԱՄ Բրիդջ Ֆոնդ II, որոնցից հրապարակային է միայն ԿԱՄ ՊԱՖ-ը:

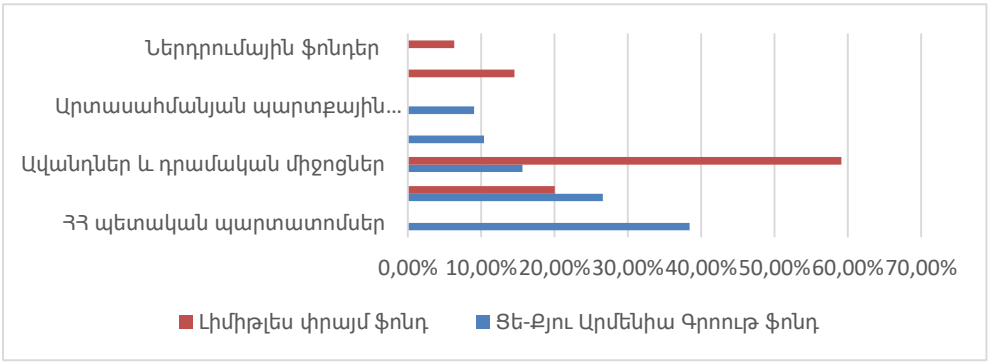
Ֆոնդի փայի **հաշվարկային արժեքը** ներդրումային ֆոնդերի ամենակարևոր ֆինանսական ցուցանիշներից մեկն է, որը ցույց է տալիս **ֆոնդի մեկ բաժնետոմսի կամ միավորի արժեքը տվյալ պահին:** Հաջորդ գծապատկերում ներկայացված է ՀՀ-ում գործող հրապարակային ներդրումային ֆոնդերի կատարողականը ամեն տարվա վերջի դրությամբ:



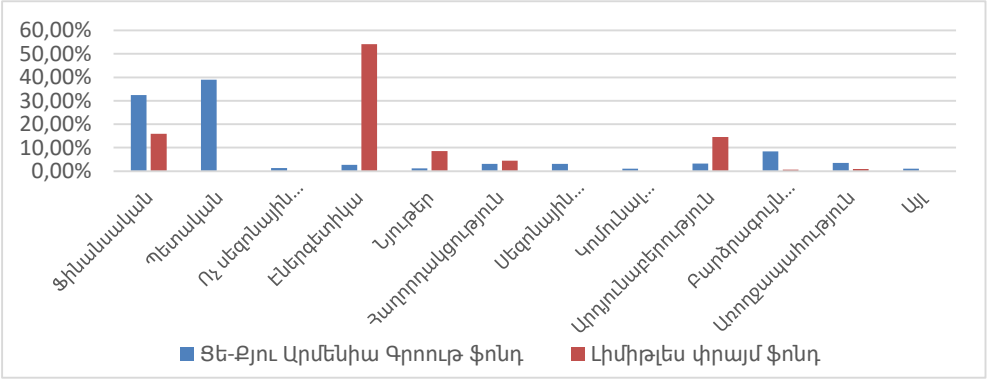
Գծապատկեր 1. «Յե-Քյու Արմենիա Գրոութ», «Լիմիթլես Փրայմ» և «ԿԱՄ ՊԱՖ» ներդրումային ֆոնդերի փայերի հաշվարկային արժեքները ստեղծման պահից (AMD):

Գծապատկերներում տեսանելի է, որ ֆոնդերի փայերի հաշվարկային արժեքները երկարաժամկետում աճում են: Մի փոքր անկում նկատվում է 2021թ.-ի սեպտեմբերից մինչև 2022-ի նոյեմբերն ընկած հատվածում, ինչը պայմանավորված է այդ ժամանակահատվածում ՀՀ ԿԲ վարած քաղաքականությամբ՝ վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքի բարձրացմամբ՝ բարձր ինֆլյացիայի ֆոնին: Նման

քաղաքականությունը բերում է պետական և կորպորատիվ պարտատոմսերի արժեզրկմանը և ֆոնդերի փայի արժեքի նվազմանը։



Գծապատկեր 2. «Յե-Քյու Արմենիա Գրոութ» և «Լիմիթլես Փրայմ» ներդրումային ֆոնդերի ֆոնդերի պորտֆելների կառուցվածքը։



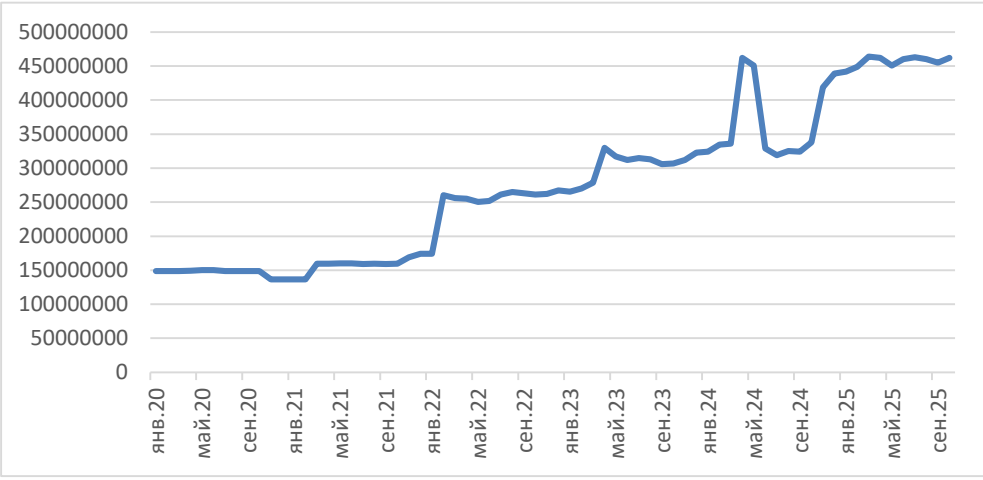
Գծապատկեր 3. «Յե-Քյու Արմենիա Գրոութ» և «Լիմիթլես Փրայմ» ներդրումային ֆոնդերի ակտիվների բաշխվածությունը ըստ ոլորտների։

ԿԱՄ ՊԱՖ ֆոնդի ակտիվների 97%-ը ներդրված է պետական պարտատոմսերում, ինչը կառավարչի կողմից ի սկզբանե ընտրված քաղաքականություն է։ Ֆոնդի կատարողականը խիստ կախված է պարտատոմսերի տոկոսադրույքների տատանումներով պայմանավորված շուկայական ռիսկերից։[4]

Յե-Քյու Արմենիա Գրոութ ֆոնդի կառուցվածքում, համաձայն

գծապատկերի, գերակշռում են պարտքային և ֆիքսված եկամտով գործիքները: ՀՀ պետական պարտատոմսերը (38,40%), տեղական կորպորատիվ պարտատոմսերը (10,39%), արտասահմանյան պարտքային արժեթղթերը (9,01%) և ավանդները (15,60%) միասին կազմում են պորտֆելի 73,4%-ը: Բաժնային արժեթղթերը կազմում են ընդամենը 26,60%: Լիմիթլես Փրայմ ֆոնդի դեպքում պորտֆելի մեծ մասը՝ 59,14%-ը, պահվում է ավանդների և դրամական միջոցների տեսքով, բաժնային արժեթղթերը կազմում են 20,03%:

Ինչ վերաբերում է ոլորտային բաշխվածությանը՝ Ցե-Քյու Արմենիա Գրոութ ֆոնդի դեպքում պորտֆելը համեմատաբար ավելի դիվերսիֆիկացված է: Առաջատար են պետական (39,02%) և ֆինանսական (32,39%) ոլորտները, սակայն նկատելի է նաև ներկայացվածությունը բարձրագույն տեխնոլոգիաներում (8,38%): Լիմիթլես Փրայմ ֆոնդի դեպքում առկա է բարձր կենտրոնացվածություն էներգետիկայի ոլորտում՝ 54,10%: Սա նշանակում է, որ ֆոնդի եկամտաբերությունը խիստ կախված է էներգետիկ հատվածի կատարողականից: Հաջորդ խոշոր ոլորտներն են ֆինանսականը (16,00%) և արդյունաբերությունը (14,60%):



Գծապատկեր 4. Շուկայական կապիտալիզացիան ՀՀ կապիտալի շուկայում (հազ AMD):

Առաջին գրաֆիկում պատկերված ֆոնդերի փայերի արժեքի աճը և չորրորդ գրաֆիկում շուկայի կապիտալիզացիայի աճը (2020–2025թթ.) ունեն զուգահեռ դինամիկա: Սա փաստում է, որ ներդրումային ֆոնդերը հանդիսանում են շուկայի կապիտալիզացիայի աճի խթանիչներից մեկը: Երկու գրաֆիկներում էլ նկատելի է աճի տեմպի դանդաղում կամ անկում 2021թ. վերջից մինչև 2022թ. կեսերը: Սա ուղղակիորեն կապված է ԿԲ վերաֆինանսավորման տոկոսադրույքի բարձրացման հետ, որն արժեզրկել է թե՛ ֆոնդերի պորտֆելները և թե՛ շուկայի ընդհանուր ակտիվները:

Կարող ենք եզրակացնել, որ ֆոնդերը շուկայի ծավալային ապահովողն են, սակայն դրանց կառուցվածքը խոսում է ոչ ռիսկային գործիքների բարձր տեսակարար կշռի մասին, իսկ փորձը ցույց է տալիս, որ շուկայում առավել մեծ աճ են ապահովում բաժնետոմսերում ու ածանցյալ գործիքներում կենտրոնացված պորտֆելներ ունեցող ֆոդերը: Հայաստանյան շուկայում գործող հիրապարակային ֆոնդերը , փաստացի, կապիտալի շուկայի վրա ունեն միայն վիճակագրական ազդեցություն, իսկ պարտքային գերակշռող պորտֆելի առկայությունը չի խթանում դրանց պոտենցյալը՝ դառնալու տնտեսության իրական հատվածի ֆինանսավորման աղբյուր:

Այսպիսով, առանց իրական հատվածի աշխուժացման և ներդրումային քաղաքականության դիվերսիֆիկացման, ներդրումային ֆոնդերը կշարունակեն մնալ որպես խնայողությունների կուտակման պասիվ միջոցներ, այլ ոչ թե կապիտալի շուկայի զարգացման ակտիվ շարժիչներ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Strumeyer G.* The capital markets: evolution of the financial ecosystem. “John Wiley & Sons Inc.”, 2017.
2. *Fabozzi F.* Financial markets and instruments. New Jersey: “Jhon Wiely & Sons Inc.”, 2008. https://www.researchgate.net/publication/227579400_
3. ՀՀ ԿԲ, ներդրումային ֆոնդեր և ֆոնդերի կառավարիչներ՝ https://www.cba.am-/hy/funds.

4. «Կապիտալ Ասեթ Մենեջմենթ» ՓԲԸ ԿԱՄ ՊԱՖ ֆոնդի (պետական արժեթղթերի ներդրումային ֆոնդ) բնութագիր՝ https://capitalfunds.am/services-2/%.

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ФОНДЫ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЫНКА КАПИТАЛА

А.Х. Маргарян, С.А. Саакян
Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья направлена на изучение рынка капитала Республики Армения, в частности, на статистический анализ деятельности инвестиционных фондов, действующих в РА, и выявление их роли в развитии рынка капитала.
Ключевые слова: рынок капитала, инвестиционные фонды, стоимость активов фондов, структура портфеля, диверсификация, рост рынка.

INVESTMENT FUNDS AS A POTENTIAL INSTRUMENT FOR THE DEVELOPMENT OF THE CAPITAL MARKET

A. Margaryan, S. Sahakyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

This article is aimed at studying the capital market of the Republic of Armenia, in particular the statistical analysis of investment funds operating in the RA and identifying their role in the development of the capital market.
Keywords: capital market, investment funds, value of fund assets, portfolio structure, diversification, market growth.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-275-289

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В АРМЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Э.М. Сандоян, А.П. Карапетян

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса (ИЭБ)
karapetyan_ani@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты анализа динамики и структуры прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику Армении за последние годы, а также выделены ключевые проблемы и перспективы в данной области. Произведен разбор актуальных статистических данных, отчетов международных организаций (МВФ, Всемирного банка, ЕБРР и других) и исследований, посвященных инвестиционному климату в Армении. Обнаружено, что объем ПИИ в Армению характеризуется высокой изменчивостью: после практически полного отсутствия инвестиций в 2020г., обусловленного пандемией и военным конфликтом, в 2022г. зафиксирован рекордный рост притока ПИИ. Тем не менее, в 2023 году объем инвестиций вновь сократился, хотя и остался выше среднего уровня за период 2019–2021 годов. В работе выявлены основные препятствия для иностранных инвестиций, среди которых ограниченность внутреннего рынка, геополитическую изоляцию, риски региональных конфликтов, институциональные недостатки и высокую зависимость от ограниченного круга стран-инвесторов. В качестве перспективных направлений названы диверсификация источников и секторов ПИИ, мирное урегулирование региональных конфликтов, углубление интеграции с ЕС и странами Ближнего Востока, развитие инфраструктуры и человеческого капитала. Предложены меры государственной политики для укрепления инвестиционного климата, включая реформу судебной системы, поддержку высокотехнологичных отраслей и активную работу с диаспорой.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; инвестиционный климат; институциональные барьеры; перспективы роста.

Введение

Прямые иностранные инвестиции – это не просто деньги, приходящие в страну. Вместе с капиталом они приносят новые технологии,

современные методы управления и помогают налаживать связи с зарубежными рынками. Для небольшой экономики Армении ПИИ способны выступать в роли двигателя структурных преобразований и экономического роста. Однако, несмотря на открытую экономику и государственные усилия, их объемы долгое время оставались невысокими и нестабильными. За последние пять лет на ситуацию оказали влияние внутренние реформы после «бархатной революции» 2018г., а также серьезные внешние потрясения – пандемия COVID – 19, война в Арцахе в 2020г. и начало СВО на территории Украины в 2022г.

Современные исследования выявляют неоднозначную картину. Положительные моменты заключаются в улучшении позиции по показателям деловой среды и борьбе с коррупцией. Отрицательные стороны – это ограниченный внутренний рынок, фактическая изоляция из-за закрытых границ с некоторыми соседними странами, уязвимость институтов и несовершенство правоприменения. Международные отчеты также подчеркивают сравнительно низкий накопленный уровень ПИИ и значительную волатильность их притока – признак серьезных системных проблем [1–2].

Основная цель данного исследования – объективно оценить текущее положение ПИИ в Армении, выявить ключевые препятствия на пути их роста и обозначить реалистичные пути для стимулирования притока инвестиций. В рамках этого следует:

- проанализировать динамику ПИИ за последние годы, используя данные национальной статистической службы и международных организаций;
- изучить, из каких стран и в какие сектора экономики поступают инвестиции;
- обобщить и упорядочить основные барьеры, которые описаны в научных и аналитических исследованиях;
- предложить направления государственной политики и конкретные шаги, которые помогут привлечь больше иностранных инвесторов.

Основная часть

Актуальные исследования в области прямых инвестиций (ПИИ) в Армении охватывают различные аспекты и постепенно развиваются па-

раллельно с изменениями в экономической сфере страны. Первоначальные работы сосредоточились на макроэкономических переменных: размер внутреннего рынка, уровень профессиональной подготовки рабочей силы и помощь международных организаций рассматривались как ключевые факторы, стимулирующие приток инвестиций. Одновременно такие явления, как высокая инфляция и недостаток стратегически важных активов, наоборот, выступали сдерживающими элементами для притока инвестиций [3–4].

В более свежих исследованиях внимание смещается к институциональным факторам. Подчеркивается важность уменьшения геополитических рисков, укрепления правовой базы, активного включения диаспоры и развития высокотехнологичных секторов [5–7]. Эконометрические данные свидетельствуют о том, что между объемом ПИИ и степенью неравенства существует нелинейная связь: когда инвестиции превышают 19% ВВП, их дальнейшее увеличение способствует сокращению социального разрыва [8].

Анализы по отраслям показывают, что иностранные вложения способны обновлять традиционные отрасли (например, винодельческую промышленность), но чаще направлены в непроизводственные области, что ограничивает их влияние на экспорт и долгосрочный экономический рост [9].

Для изучения взаимосвязей между ключевыми экономическими показателями применялись методы корреляционного анализа и линейной регрессии, благодаря чему удалось установить, насколько изменения в объеме прямых иностранных инвестиций отражаются на темпах роста ВВП и уровне экспорта. Для оценки стабильности потоков ПИИ вычислялся коэффициент вариации, отражающий степень их колеблемости.

Структурный анализ был направлен на определение доли ведущих стран-инвесторов и главных секторов экономики, привлекающих инвестиционные ресурсы, а сравнительный анализ позволил сопоставить показатели Армении с аналогичными данными соседних стран – Грузии, Азербайджана и Казахстана.

Кроме того, осуществлялся обзор научных исследований и государственных документов с целью выявления основных препятствий и перспектив развития иностранных инвестиций внутри страны.

Сначала рассмотрим ключевые индикаторы ПИИ и макроэкономической динамики Армении за 2015–2024гг. [10–13]. После существенного падения объемов инвестирования в 2019 году, с последующим практически полным прекращением в 2020-м на фоне пандемии COVID-19 и войны в Арцахе, положение постепенно стало меняться в лучшую сторону. Уже в 2021г. чистый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) достиг 366 млн долларов (что эквивалентно 2,6% от ВВП), а в течение 2022г. отмечался скачок до рекордной отметки в 975,7 млн долларов, превысив 5% от ВВП. В 2023г. размер инвестиций снизился до 580,4 млн долларов (2,4% от ВВП), однако по-прежнему оставался на уровнях, значительно превосходящих показатели предыдущих периодов.

Таблица 3. Основные макроэкономические показатели и динамика ПИИ в Армении (2015–2024гг.).

Год	ППИ приток млн (доллар США)	ППИ % от ВВП	Рост ППИ %	Рост ВВП %	Экспорт млрд (доллар США	Инфляция %
2015	184.1	1.74	-	-	3.14	3.73
2016	333.8	3.17	81.3	-0.1	3.56	-1.40
2017	252.7	2.19	-24.3	9.3	4.41	0.97
2018	266.9	2.14	5.6	8.1	4.91	2.52
2019	100.3	0.74	-62.4	9.3	5.63	1.44
2020	58.6	0.46	-41.6	-7.2	3.76	1.21
2021	366.4	2.64	525.5	9.8	4.98	7.18
2022	975.7	5.00	166.3	40.6	9.80	8.64
2023	580.4	2.41	-40.5	23.4	14.32	1.98
2024	131.6	0.54	-77.3	7.1	19.69	0.27

Источник: составлено автором на основе базы данных "World Bank".

Согласно актуальным данным, в 2024г. приток зарубежных инвестиций сократился до 131,6 млн долларов, что составляет лишь 0,5% от ВВП – почти на 77% меньше, чем в предшествующий год. Темпы экономического роста также продемонстрировали замедление: номинальный ВВП показал увеличение приблизительно на 7,1% (с 24,09 до 25,79

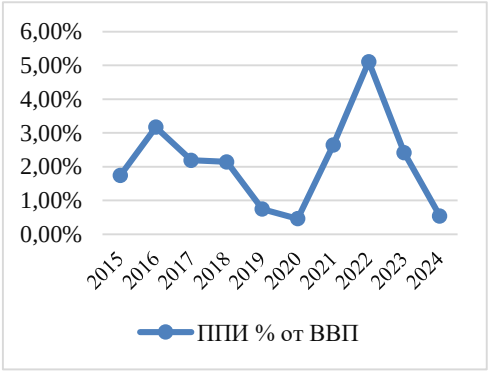
млрд долларов), тогда как экспорт, наоборот, зафиксировал значительный подъем – на 37,5% (с 14,3 до 19,7 млрд долларов).

Рекордный 2022г., характеризовавшийся ростом ВВП более чем на 40% и практически двукратным увеличением экспорта, скорее является исключением. В период с 2019 по 2020 годы наблюдались слабые или отрицательные результаты, а 2024г. ознаменовался возвращением к более умеренным темпам привлечения капитала. При этом инфляция продемонстрировала существенное замедление – до 0,27%, по сравнению с 8,64% в 2022г. и 1,98% в 2023-м (согласно информации “Macrotrends”).

В представленных графиках проиллюстрированы основные тенденции динамики прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и их взаимосвязи с важнейшими макроэкономическими показателями.

Диаграмма 4. Динамика притока ПИИ в Армении 2015–2024гг. (в млн долл. США)

Диаграмма 2. Динамика притока ПИИ по отношению к ВВП в Армении 2015–2024гг. (в %).

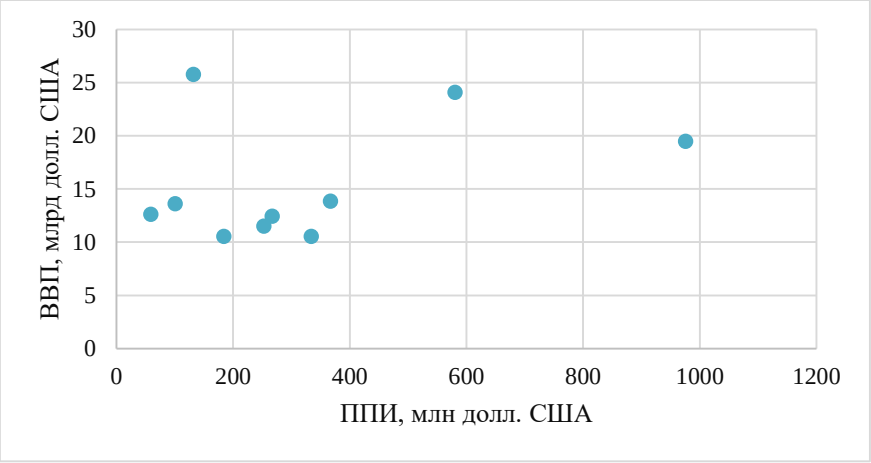


Источник: составлено автором на основе базы данных “World Bank”.

Диагр. 1 показывает, как менялся объем чистого притока инвестиций в течение анализируемого периода: хорошо видно, что динамика была нестабильной, с чередованием фаз роста и спада. Диагр. 2 отражает соотношение ПИИ к ВВП и наглядно демонстрирует, что в 2022г. этот показатель почти вдвое превысил средний уровень, характерный для предыдущих лет.

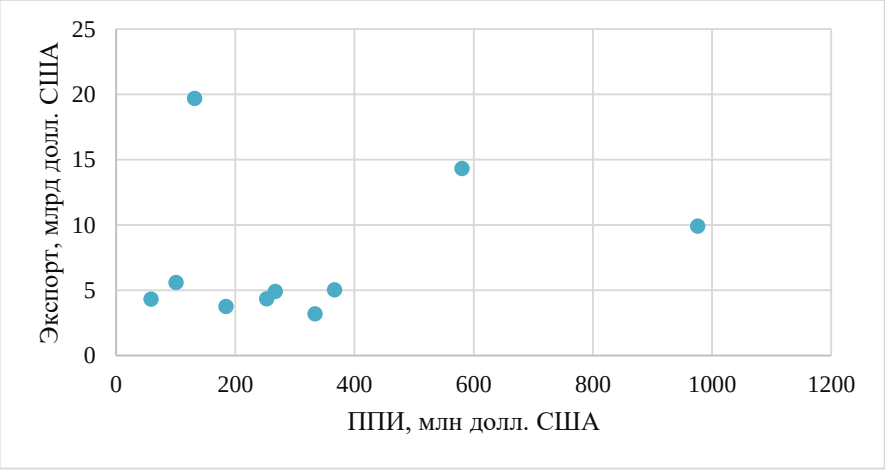
Диагр. 3 и 4 иллюстрируют тесную взаимосвязь между прямыми иностранными инвестициями, динамикой экономического роста и объемом экспорта: увеличение ПИИ способствует более активному росту ВВП и внешнеторговых поставок.

Диаграмма 3. Корреляция ПИИ и ВВП 2015–2024гг.



Источник: составлено автором на основе базы данных "World Bank".

Диаграмма 4. Корреляция ПИИ и экспорт 2015–2024гг.



Источник: составлено автором на основе базы данных "World Bank".

При оценке связей использовался коэффициент Пирсона:

$$\rho x, y = \frac{cov(X,Y)}{\sigma_X \sigma_Y}, \quad (1)$$

где $cov(X,Y)$ – ковариация между переменными X и Y, σ_X и σ_Y – их стандартные отклонения. Для построения регрессий применялся метод наименьших квадратов: зависимая переменная (ВВП или экспорт) описывалась уравнением:

$$Y_t = \alpha + \beta * FDI_t + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где α и β оценивались по выборке.

Корреляция между чистым притоком ПИИ и номинальным ВВП снизилась до 0,36, а между ПИИ и экспортом – до 0,23; связь с инфляцией осталась положительной (0,65). Резкое сокращение ПИИ в 2024г. (–77 % по сравнению с 2023г.) ослабило статистические взаимосвязи и продемонстрировало ограниченность простой линейной зависимости. Линейная регрессионная модель (метод наименьших квадратов), построенная на данных 2015–2024гг., показала, что увеличение притока ПИИ на 1 млн долл. сопровождается ростом номинального ВВП примерно на 7,4 млн долл., а экспорта – на 4,6 млн долл.

Однако коэффициенты детерминации равны $R^2 \approx 0{,}13$ (для ВВП) и $R^2 \approx 0{,}05$ (для экспорта), что указывает на слабую объясняющую способность модели и на наличие других факторов, влияющих на экономическую динамику. Тем не менее, результаты свидетельствуют о положительном, хотя и менее сильном, эффекте иностранных инвестиций на экономическую активность.

Вместе с тем, коэффициент вариации притока инвестиций за период с 2015 по 2024г.,

$$CV = \frac{\sigma_{FDI}}{F\bar{D}I}, \quad (3)$$

где σ_{FDI} – стандартное отклонение временного ряда притока ПИИ за 2015–2024гг., $F\bar{D}I$ – среднее значение. Вычисленное значение $CV \approx 0{,}84$, свидетельствует о высокой изменчивости и нестабильности инвестиционных потоков в армянской экономике.

Таблица 2. Объем чистых потоков прямых иностранных инвестиций в реальном секторе по видам деятельности, 2024г. (млн драмов).

Вид деятельности	**Значение**
Разработка программного обеспечения, консультирование и прочая деятельность в области вычислительной техники	20301,4
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	18468,4
Предоставление услуг по добыче полезных ископаемых	17663,8
Производство основных металлов	15946,4
Сбор, обработка, и распределение воды (водоснабжение)	9125,1
Деятельность воздушного транспорта	8615,6
Строительство зданий	4783,0
Операции с недвижимым имуществом	3091,7
Деятельность наземного и трубопроводного транспорта	2907,1
…..	…..
Добыча прочих полезных ископаемых	-1443,8
Связь	-1536,7
Производство прочей продукции	-3180,1
Финансовое посредничество, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению	-5553,2
Производство напитков	-14548,5
Розничная торговля, кроме торговли автомобилями и мотоциклами	-15785,7
Добыча металлических руд	-116942,3

Источник: составлено автором на основе базы данных НСС РА.

Согласно официальным данным за 2024г. (Табл. 2), наибольшие чистые притоки инвестиций были зафиксированы в таких сферах, как разработка ПО, консалтинг и IT-услуги, поставки электроэнергии, газа и паровой энергии, добыча полезных ископаемых, производство базовых металлов, а также сбор, обработка и распределение воды. В сферах

воздушного транспорта, строительства, операций с недвижимостью, сухопутного транспорта и оптовой торговли отмечены существенные положительные вложения. Напротив, крупные капитальные оттоки зафиксированы в добыче металлических руд, розничной торговле и финансовом секторе. Это указывает на сокращение инвестиционной активности в этих отраслях и, возможно, на репатриацию капитала.

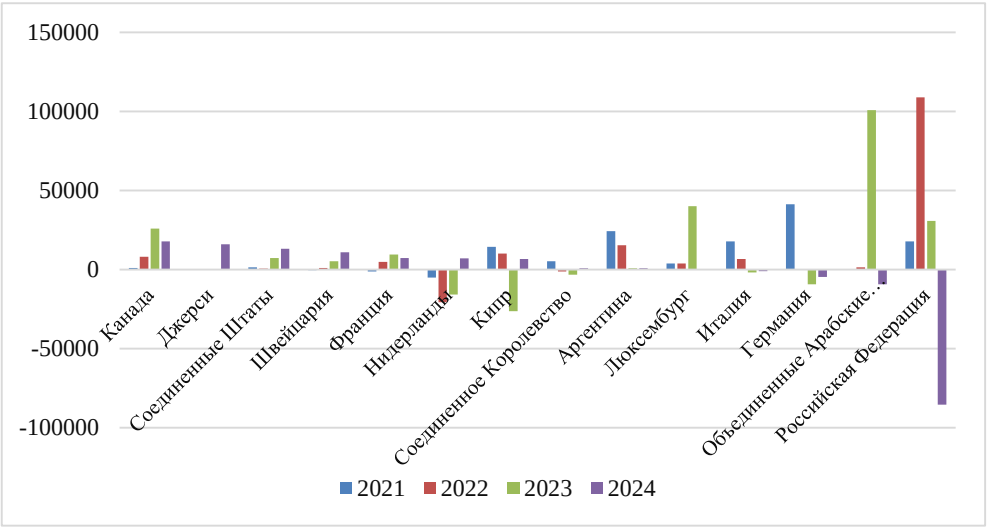
География притока инвестиций в 2024г. изменилась довольно заметно по сравнению с предыдущими двумя годами. По данным Статкома (Диагр. 5), крупнейшие чистые притоки поступили из Канады (около 17,9 млрд драмов), Джерси (16 млрд), США (13,1 млрд), Швейцарии (11,1 млрд), Франции (7,3 млрд), Нидерландов (7,1 млрд) и Кипра (6,6 млрд драмов). Существенные вложения пришли также из категории «прочие страны» и отдельных офшорных юрисдикций. В совокупности именно эти источники обеспечили основную часть положительного сальдо ПИИ.

Одновременно наблюдались крупные оттоки капитала. Наибольший вывод средств пришелся на Россию (–85,3 млрд драмов), Британские Виргинские острова (–31 млрд), ОАЭ (–9,3 млрд), Германию (–4,7 млрд), Индию (–3,5 млрд) и несколько других стран. Это свидетельствует о завершении ряда проектов и репатриации средств из направлений, которые традиционно были значимыми для армянской экономики. В целом данные указывают, что в 2024г. структура ПИИ сместилась в сторону Северной Америки и Западной Европы, тогда как российский и эмиратский капиталы, наоборот, сократились.

Подобная волатильность легко объяснима. В небольшой экономике даже один крупный проект – его запуск или закрытие – способен радикально изменить статистическую картину. Так, резкое снижение инвестиций из России связано с тем, что после рекордных вложений 2022г. (108,9 млрд драмов) и значительных поступлений в 2023-м в 2024 году произошел чистый отток, вызванный частичной репатриацией прибыли и сокращением проектов под влиянием санкций и экономического давления. Аналогичная ситуация наблюдается и с ОАЭ: рост инвестиций в 2023г. сменился снижением в 2024-м.

Диаграмма 5. Объем потоков прямых иностранных инвестиций в реальном секторе по странам, 2021–2024гг. (млн драмов).

Источник: составлено автором на основе базы данных НСС РА.



Напротив, значительные притоки из Джерси и Канады объясняются разовыми корпоративными сделками, что создает впечатление резкого увеличения интереса. В итоге столь высокая изменчивость потоков отражает зависимость Армении от отдельных крупных сделок и чувствительность инвесторов к политической и макроэкономической ситуации в регионе.

Таблица 3. ПИИ как % ВВП в странах региона 2019–2024гг.

Год	**Армения**	**Грузия**	**Азербайджан**	**Казахстан**
2024	0.54	4.05	0.31	-0.24
2023	2.41	6.78	0.35	2.22
2022	5.00	9.15	-5.68	2.25
2021	2.64	6.74	-3.11	2.32
2020	0.46	3.40	1.19	4.21
2019	0.74	7.93	3.12	2.05

Источник: составлено автором на основе базы данных World Bank.

Сравнение с соседними странами показывает заметную разницу в масштабах привлечения инвестиций. В Табл. 3 представлены данные о

доле ПИИ в ВВП для Армении, Грузии, Азербайджана и Казахстана. В 2024г. этот показатель для Армении составил всего 0,54%, что существенно ниже, чем у Грузии (4,05%) и лишь немного выше уровня Азербайджана (0,31%). Казахстан в тот же период впервые продемонстрировал отрицательное значение (–0,24%), что говорит о чистом оттоке капитала.

Анализ динамики за 2019–2024 годы показывает, что Армения лишь один раз – в 2022 году – смогла превысить отметку в 5% ВВП, тогда как Грузия на протяжении всего периода удерживала стабильно высокие показатели в диапазоне 6–9%. В Азербайджане и Казахстане ситуация была менее стабильной: оба государства сталкивались с резкими колебаниями, включая негативные значения в периоды экономических и геополитических кризисов.

Полученные результаты в целом совпадают с выводами, которые уже встречаются в экономических исследованиях по теме ПИИ. Выявленная положительная связь между объемом прямых иностранных инвестиций и экономическим ростом подтверждает общий тезис о том, что расширение рынка и наличие квалифицированной рабочей силы стимулируют приток капитала и сопровождаются увеличением ВВП. Проведенный анализ также показывает умеренную, но устойчивую взаимосвязь между ПИИ и расширением экспорта. Это соответствует идее о том, что инвестиции могут усиливать экспортную активность, хотя структура вложений в Армении все еще смещена в сторону непроизводственных отраслей, что ограничивает их влияние на экспортный потенциал.

Отдельного внимания заслуживает высокая волатильность инвестиционных потоков и особенно резкое сокращение ПИИ в 2024 году – эти данные подтверждают, что приток капитала остается крайне чувствительным к геополитической и институциональной среде страны. Вместе с тем исследование выявило и новые особенности, которые ранее почти не упоминались в литературе: рекордный всплеск инвестиций в 2022г., связанный с релокацией капитала и специалистов, а также существенное участие инвесторов из ОАЭ в 2023г.

Таким образом, проведенный анализ не только согласуется с общими закономерностями, описанными в научной литературе, но и дополняет ее новыми эмпирическими данными, отражающими тенденции последних лет.

Проблемы, барьеры и перспективы

Несмотря на положительную динамику последних лет, анализ данных и литературы показывает, что в Армении по-прежнему сохраняются серьезные структурные ограничения для притока ПИИ. К ключевым проблемам относятся небольшой внутренний рынок, географическая изоляция, высокая чувствительность к региональным конфликтам, а также институциональные слабости и устойчивые практики коррупции. Зависимость от ограниченного круга стран-инвесторов делает приток капитала нестабильным: резкий рост инвестиций в 2022г. сменился спадом уже в 2023г. В то же время улучшение деловой среды, быстрый рост ИКТ-сектора и появление новых источников капитала (в том числе из ОАЭ и ЕС) показывают, что часть этих барьеров может быть смягчена.

Для укрепления инвестиционной привлекательности Армении можно выделить несколько приоритетных направлений:

- во-первых, необходима диверсификация источников и отраслей: расширение сотрудничества со странами Ближнего Востока, Азии и Индии, развитие возобновляемой энергетики, туризма, агропереработки и высокотехнологичных производств;
- во-вторых, важно снижать геополитические риски: продвигать мирное урегулирование конфликтов, открывать транспортные коридоры и активнее участвовать в региональных инфраструктурных проектах;
- в-третьих, требуется углубление институциональных реформ: укрепление независимости судов, реальная защита прав инвесторов, борьба с коррупцией и упрощение регулирования;
- в-четвертых, нужен акцент на развитие человеческого капитала и инфраструктуры – поддержка образовательных и научных центров, создание условий для инноваций и технологических стартапов.

Наконец, стране необходима проактивная инвестиционная стратегия: системная работа с диаспорой, участие в международных форумах и целенаправленное продвижение Армении как привлекательного направления для долгосрочных инвестиций. Только комплексный подход к решению этих задач позволит превратить ПИИ в устойчивый двигатель экономического роста.

Выводы

В рамках данного исследования была проведена системная оценка динамики и структуры ПИИ в Армении на основе официальных данных

за 2015–2024гг. Построена простая регрессионная модель, описывающая взаимосвязь между ПИИ, ВВП и экспортом, что позволило количественно оценить влияние иностранных инвестиций на экономическое развитие. Полученные результаты показали, что ПИИ действительно играют важную, но при этом нестабильную роль: они способны ускорять рост, однако сопровождаются высокой волатильностью и зависят от сравнительно узкого круга стран-инвесторов.

С учетом поставленных задач работа дает целостную картину: объединяет статистический анализ, интерпретацию основных показателей и сопоставление с существующими исследованиями. Это позволяет увидеть не только подтверждение известных закономерностей, но и выявить специфические особенности армянского контекста – в том числе резкий всплеск ПИИ в 2022г. и последующий спад.

С практической точки зрения предложенные меры – диверсификация источников и отраслей инвестиций, снижение геополитических рисков, углубление институциональных реформ, развитие человеческого капитала и активная инвестиционная политика – могут способствовать наращиванию притока ПИИ и приблизить достижение заявленной правительством цели в 6% ВВП. Для государства и бизнеса реализация этих шагов означает расширение экспортного потенциала, создание рабочих мест и повышение устойчивости экономики к внешним шокам.

Научная значимость работы заключается в использовании обновленной статистики, применении количественных методов и сравнительного анализа, что помогает лучше понять факторы, определяющие поведение иностранных инвестиций в небольшой открытой экономике транзитного типа.

Дальнейшая работа в этом направлении может включать разработку более сложных моделей: например, анализ причинно-следственных связей, использование панельных данных и методов структурной эконометрики. Представляет интерес оценка влияния ПИИ на производительность в отдельных секторах, на занятость и социальное неравенство. Отдельным направлением может стать изучение потенциала новых рынков (Китай, Индия, страны Ближнего Востока) и эмпирическая оценка эффективности уже реализуемых мер по улучшению инвестиционного климата в Армении.

ЛИТЕРАТУРА

1. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) / Armenia diagnostic, 2024.
2. International Trade Administration / Armenia – Investment Climate Statement.
3. Azam M. Economic Determinants of Foreign Direct Investment in Armenia, Kyrgyz Republic, and Turkmenistan https://ejbe.org/EJBE2010Vol03No06p27AZAM.pdf, 2010.
4. Volgina N., Sargsyan T. Foreign Direct Investment in Armenia: Armenian Economists' Research // "RUDN journal of economics", № 4, 2015.
5. Kyuregyan V. Assessment of the Problems of Attracting Investments to Armenia from the Point of View of the Security Environment // "Journal of posthumanism". Vol. 5, № 10, 2025.
6. Ghambaryan G., Hovanessian R., Zakaryan A. Strategic Prospects for Using International Experience of Foreign Investment in Armenia // "Journal of Political Science Bulletin of Yerevan University". Vol. 3, № 1 (7), 2024. PP. 87–100.
7. Нагапетян Э. Анализ и рекомендации по привлечению прямых иностранных инвестиций в республику Армения https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-rekomendatsii-po-privlecheniyu-pryamyh-inostrannyh-investitsiy-v-respubliku-armeniya/viewer, 2019.
8. Tavadyan A., Ghazaryan M. Foreign Direct Investment and Income Inequality in Armenia: An Econometric Analysis,
9. https://www.researchgate.net/publication/364287151, 2023.
10. Chitashvili N., Sarishvili T. The Impact of FDI on Manufacturing Industry Exports: Evidence from Post-Soviet Countries (2025).
11. World Bank Data https://data.worldbank.org/
12. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) https://unctad.org/
13. The International Monetary Fund (IMF) https://www.imf.org/
14. Armenian Statistical Committee reports https://armstat.am/

PROBLEMS OF THE INVESTMENT CLIMATE IN ARMENIA AND INTERNATIONAL EXPERIENCE IN ITS IMPROVEMENT

E. Sandoyan, A. Karapetyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

The article presents the results of an analysis of the dynamics and structure of foreign direct investment (FDI) in Armenia's economy in recent years, as well as identifies key problems and prospects in this field. The study examines up-to-date statistical data, reports by international organizations (IMF, World Bank, EBRD and others), and research devoted to the investment climate in Armenia. It is found that the volume of FDI in Armenia is highly volatile: after an almost complete absence of investment in 2020, due to the pandemic and

the armed conflict, a record increase in FDI inflows was recorded in 2022. However, in 2023 the volume of investment declined again, although it remained above the average level for the period 2019–2021.
The paper identifies the main obstacles to foreign investment, including the limited size of the domestic market, geopolitical isolation, the risks of regional conflicts, institutional weaknesses and a high dependence on a narrow group of investor countries. Among the promising directions are diversification of FDI sources and sectors, peaceful settlement of regional conflicts, deeper integration with the EU and Middle Eastern countries, and the development of infrastructure and human capital. The article proposes policy measures aimed at strengthening the investment climate, including judicial reform, support for high-tech industries and more active engagement with the diaspora.
Keywords: foreign direct investment, investment climate, public institutions, competitiveness.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-290-297

ИНДИВИДУАЛИЗМ И ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ ПО МОДЕЛИ ХОФСТЕДЕ

Э.М. Сандоян, Д.С. Тумасян

Российско-Армянский университет
julieta.tumasian@rau.am

АННОТАЦИЯ

Традиционные подходы к объяснению экономических явлений и параметров с недавних пор заметно сталкиваются с ограничениями в связи с влиянием трудно измеримых человеческих факторов. Развитие поведенческого анализа позволяет выявлять некоторые специфические закономерности, однако оценка культурного аспекта остается в числе трудно измеримых задач, что предстает преградой на пути выявления неочевидных связей между изучаемыми параметрами. В статье отмечается проблема сложности выявления влияния культуры на агрегированном уровне. Целью анализа предстает исследование связи между индивидуализмом, измеряемым по модели Хофстеде, и элементами финансового поведения, а также интерпретация результатов применительно к странам Южного Кавказа. Исследование проведено посредством межстранового анализа, построения агрегированной регрессии, а также регрессий по каждому индикатору финансового поведения. В результате выявлено, что общий индекс финансового поведения не показывает связи, однако отдельные его практики и элементы демонстрируют значимые различия, тем самым формируя различные модели взаимодействия. Выводом предстает, что уровень индивидуализма не имеет значимого влияния на рациональное финансовое поведение, однако имеет воздействие на механизмы проявления такового. Отмечается важность интерпретации результатов для стран Южного Кавказа.

Ключевые слова: финансовое поведение, культурное влияние, модель Хофстеде, индивидуализм, культурные измерения.

Введение

Долгое вр емя экономисты с неохотой подходили к рассмотрению культуры как фактора экономических явлений. Такое избегание по большей мере обусловлено широким определением культуры и всеми

путями, через которые она может проникать в экономический дискурс, а также сложностью измерения данной концепции, что приводит к затруднениям при разработке проверяемых и опровергаемых гипотез. В последнее время наблюдается эскалация интереса к поведенческому подходу и кросс-культурным исследованиям также в связи с появлением улучшенных методов анализа и доступа к большим данным, что позволяет выстроить корреляционные связи между предпочтениями людей и их культурным наследием. Эти исследования могут быть основой для разработки объяснений в экономике, основанных на культуре, доступных для проверки, что станет важным шагом к лучшему пониманию экономических явлений, в том числе рассматриваемого в данной статье финансового поведения, важного для устойчивости домохозяйств и рынков.

Подход к объяснению экономических явлений на основании концепции культуры рассматривается в такой работе как «Влияет ли культура на экономические результаты?» авторов Гуизо, Сапиенца и Зингалес, где обобщаются достижения такого подхода на сегодняшний день, а также намечаются направления для дальнейших исследований [1]. Стоит особо отметить исследование авторов Чуй, Титман и Вэй «Импульс и индивидуализм во всем мире», где рассматривается измерение межстрановых культурных различий посредством метода Хофстеде, в частности, степень развития индивидуализма по странам и его корреляцию с прибыльностью инвестиционных стратегий, основанных на импульсе [2].

Среди ученых, разработавших типологии культурных характеристик, ценностей и различий, стоит отметить такие имена как Шалом Х. Шварц, Альфонсус Тромпенаарс, Герт Хофстеде. В данной статье, как и в последней из вышеупомянутых работ, за основу берутся выведенные нидерландским социологом Гертом Хофстеде культурные измерения. Хофстеде определял культуру как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или категории людей от другой» [3].

В связи с расплывчатыми и неоднозначными результатами оценок агрегированного уровня рационального финансового поведения становится важным обращение внимания на отдельные практики такого поведения, в особенности, в контексте скупости соответствующей исследовательской базы по региону Южный Кавказ.

Цель статьи – исследование связи между уровнем индивидуализма и отдельными практиками финансового поведения, а также интерпретация результатов для стран Южного Кавказа. Акцент ставится на различиях механизмов финансового поведения, их отличии от общего уровня рациональности такового.

Материал и методы

Модель Хофстеде основывается на шести базовых параметрах, описывающих влияние культуры на ценности и поведение в обществе. На сегодняшний день выделяется шесть культурных измерений:

- дистанция власти – оценивает отношение к власти: чем выше показатель, тем более приемлемым и ожидаемым представляется неравномерное распределение власти;
- индивидуализм – оценивает готовность людей действовать в своих интересах и быть независимыми, противопоставляется коллективизму;
- маскулинность (мужественность) – оценивает, насколько социально одобряется применение силы;
- избегание неопределенности – оценивает отношение к двусмысленности и готовность принимать решения и действовать в состоянии неопределенности;
- долгосрочная ориентация – оценивает, насколько люди «смотрят вперед», стремятся мыслить и поступать стратегически;
- потакание – оценивает уровень следования импульсам и способность держать себя под контролем. Противопоставляет свободу долгу.

В рамках исследования в качестве оценки финансового поведения были использованы результаты опросов, курируемых ОЭСР в 2021г. для стран СНГ [4] и в 2023 году – для большей выборки стран [5].

Для начала была построена линейная регрессия, рассматривающая влияние уровня индивидуализма на агрегированный показатель финансового поведения. Результаты представлены в Табл. 1. Стандартные ошибки указаны в скобках.

Таблица 1. Базовая регрессия.

Индивидуализм	0.05 (0.05)
Константа	59.7 (2.54)
N	41
R^2	0.02
Нормированный R^2	- 0.003
P- значение X	0.36

Связь между индивидуализмом и агрегированным финансовым поведением слаба и неустойчива. Возникает необходимость учета структурных различий между странами.

Во избежание мультиколлинеарности перед добавлением контрольных переменных была проведена проверка парных корреляций между уровнями индивидуализма и рассматриваемыми структурными характеристиками стран. Результаты представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Корреляционная матрица переменных.

	ln(ВВП)	**Наличие послешкольного образования**	**Наличие счета в финансовом институте**	**Индивидуализм**
ln (ВВП)	1,00			
Наличие послешкольного образования	0,40	1,00		
Наличие счета в финансовом институте	0,81	0,47	1,00	
Индивидуализм	0,74	0,31	0,74	1,00

Наблюдается высокий уровень корреляции индивидуализма с уровнем экономического развития и финансовой инклюзии, в то время как наличие послешкольного образования коррелирует в меньшей степени. В связи с этим в последующем анализе данный параметр рассматривается в качестве контрольной переменной с целью частично отделить институциональное влияние и выявить культурное (Табл. 3).

Таблица 3. Регрессия с контрольной переменной.

Индивидуализм	0.012 (0.05)
Образование	0.13 (0.06)
Константа	56.26 (2.9)
N	41
R^2	0.13
Нормированный R^2	0.08
p-значение x1	0.8
p-значение x2	0.04

Добавление контрольной переменной дополнительно снизило статистическую значимость индивидуализма, из чего может следовать, что индивидуализм не имеет прямого влияния на агрегированный показатель финансового поведения и лишь коррелирует с уровнем развитости и может влиять опосредованно.

На следующем этапе исследования рассматривается влияние индивидуализма на отдельные компоненты индекса финансового поведения (Табл. 4).

Таблица 4. Компоненты финансового поведения.

Зависимая переменная	**Коэффициент**	**Стандартная ошибка**	**p-значение**	**R^2**	**N**
Отслеживает движение денежных средств в краткосрочной перспективе	0.097	0.13	0.45	0.017	36
Активно сберегает	0.23	0.15	0.14	0.062	36
Не брал кредиты, чтобы сводить концы с концами	0.36	0.11	0.003	0.23	36
Сравнивал финансовые продукты разных поставщиков	- 0.14	0.08	0.103	0.076	36
Обратился за советом к зависимому (ым) источнику (ам)	- 0.14	0.11	0.21	0.046	36
Обратился за советом к независимому (ым) источнику (ам)	- 0.07	0.096	0.46	0.016	36
Внимательно следит за личными финансовыми делами	0.13	0.08	0.103	0.076	36

Зависимая переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	p-значение	R^2	N
Устанавливает долгосрочные финансовые цели	- 0.17	0.09	0.056	0.103	36
Совершает обдуманные покупки	- 0.198	0.08	0.018	0.15	36
Оплачивает счета вовремя	0.16	0.06	0.011	0.17	36

Результаты регрессий по отдельным компонентам финансового поведения выявляют неоднородное воздействие индивидуализма. Статистически значимая положительная связь выявлена с отказом от кредитования для сведения концов с концами (p=0.003) и оплатой счетов вовремя (p=0.011). Отрицательная значимая связь наблюдается с совершением обдуманных покупок (p=0.018) и установкой долгосрочных финансовых целей (p=0.056). Для остальных практик связи не выявляется, что указывает на выборочный характер культурного влияния и воздействие индивидуализма на финансовую дисциплину в краткосрочных обязательствах, но не на агрегированное рациональное поведение.

Для региона Южный Кавказ характерны более коллективистские установки, что означает, что финансовые решения принимаются в контексте взаимной поддержки и социальных связей. Такая среда делает нормой заимствования для текущего потребления и взаимную финансовую помощь, не подразумевая снижение уровня рациональности финансового поведения.

Следовательно, более низкие уровни отдельных компонентов финансового поведения в странах Южного Кавказа не свидетельствуют об иррациональности поведения и низком уровне финансовой грамотности. Они могут свидетельствовать об альтернативных механизмах проявления данного компонента и его адаптации в соответствии с принятыми культурными установками.

Из вышесказанного можно вывести, что применение агрегированных поведенческих индексов без учета культурных составляющих может быть причиной систематических смещений при кросс-страновом анализе.

Выводы

Результаты исследования показали, что индивидуализм не оказывает всестороннего влияния на финансовое поведение, но воздействует на некоторые отдельные практики.

Подтвердилась логика связи более высокого уровня индивидуализма с финансовой автономией: редкие заимствования для покрытия текущих затрат и своевременная оплата счетов. Вывелась одновременно отрицательная связь индивидуализма со склонностью к планированию потребления.

Таким образом, культурные установки нужно рассматривать не самостоятельно, а в контексте отдельных механизмов и адаптаций при анализе влияния на финансовое поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Guiso L., Sapienza P., Zingales L.* Does Culture Affect Economic Outcomes? // "Journal of Economic Perspectives", № 20 (2), 2006. PP. 23–48**.**
2. *Chui A., Titman Sh., Wei J.* Individualism and Momentum around the World // "Journal of Finance, American Finance Association". Vol. 65 (1), 2010. PP. 361–392.
3. *Hofstede G., Hofstede G.-J., Minkov M.* Cultures and organizations: Software of the mind (3rd ed.) // "McGraw-Hill", 2010.
4. OECD (2021), Financial Literacy Levels in the Commonwealth of Independent States in 2021
5. OECD (2023), OECD/INFE (2023) international survey of adult financial literacy
6. Country comparison tool. The Culture Factor Group – URL: https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool
7. CEIC Data – URL: https://www.ceicdata.com/en
8. World Bank Open Data – URL: https://data.worldbank.org/

INDIVIDUALISM AND FINANCIAL BEHAVIOR IN THE SOUTH CAUCASUS: AN ANALYSIS OF CULTURAL INFLUENCE USING THE HOFSTEDE MODEL

J. Tumasian

State Educational Institution of Higher Professional Education
Russian-Armenian University

ABSTRACT

Traditional approaches to explaining economic phenomena and parameters have recently encountered significant limitations due to the influence of difficult-to-measure human factors. The development of behavioral analysis al-

lows for the identification of certain specific patterns, but measuring the cultural aspect remains a difficult task, posing a barrier to identifying subtle connections between the parameters under study. This article highlights the difficulty of identifying the influence of culture at an aggregate level. The aim of the analysis is to examine the relationship between individualism, measured using Hofstede's model, and elements of financial behavior, as well as to interpret the results for the countries of the South Caucasus. The study utilized a cross-country analysis and aggregate regression, as well as regressions for each financial behavior indicator. The results revealed that the overall financial behavior index shows no correlation, but individual practices and elements demonstrate significant differences, thereby forming distinct patterns of interaction. The conclusion is that the level of individualism has no significant impact on rational financial behavior, but it does influence the mechanisms by which it manifests itself. The importance of interpreting the results for the countries of the South Caucasus is noted.
Keywords: financial behavior, cultural influence, Hofstede's model, individualism, cultural dimensions.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-298-308

ՄԱՐԴԿԱՅԻՆ ԿԱՊԻՏԱԼԻ ՁԵՎԱՎՈՐՈՒՄԸ ՏԱՐԱԾԱՇՐՋԱՆԱՅԻՆ ԱՆՀԱՎԱՍԱՐՈՒԹՅԱՆ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ (ՀՀ ՕՐԻՆԱԿՈՎ) [1]

Ի. Կ. Ստեփանյան, Գ. Հ. Գասպարյան

Ռուս-հայկական համալսարան

ivetastepanyan@gmail.com, gasparyan.g0506@gmail.com

ԱՄՓՈՓԱԳԻՐ

Ժամանակակից տնտեսագիտական ուսումնասիրություններում մարդկային կապիտալը դիտարկվում է որպես տնտեսական աճի, արտադրողականության բարձրացման և հասարակական բարեկեցության ապահովման հիմնարար գործոն: Միևնույն ժամանակ դրա ձևավորումն ու արդյունավետ օգտագործումը մեծապես կախված են տարածքային զարգացման մակարդակից: Հոդվածում վերլուծվում է Հայաստանի Հանրապետությունում տարածաշրջանային սոցիալ-տնտեսական անհավասարությունների ազդեցությունը մարդկային կապիտալի ձևավորման, զարգացման և օգտագործման վրա: Հետազոտությունը հիմնված է ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի պաշտոնական տվյալների վրա և ընդգրկում է բնակչության տարածքային բաշխման, արդյունաբերական արտադրության, կրթության, առողջապահության, զբաղվածության և աշխատաշուկայի ցուցանիշների վերլուծությունը: Վերլուծության արդյունքները ցույց են տալիս, որ տնտեսական ակտիվության, կրթական և առողջապահական ենթակառուցվածքների հիմնական մասը կենտրոնացած է Երևանում, մինչդեռ մարզերում նկատվում են սահմանափակ զարգացման հնարավորություններ, աշխատատեղերի պակաս և բնակչության արտահոսք: Արդյունքում ձևավորվում է մարդկային կապիտալի տարածքային անհավասար բաշխում, որը խորացնում է սոցիալ-տնտեսական տարբերությունները: Հոդվածում ներկայացվում են նաև մի

[1] The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 25YR-5B020)

շարք առաջարկություններ՝ ուղղված կրթական և առողջապահական ծառայությունների հասանելիության բարձրացմանը, մարզային աշխատաշուկայի ակտիվացմանը և տարածաշրջանային ներդրումների խթանմանը:
Բանալի բառեր՝ մարդկային կապիտալ, տարածաշրջանային անհավասարություն, մարզային զարգացում, աշխատաշուկա, սոցիալ-տնտեսական զարգացում:

Ներածություն

Ժամանակակից սոցիալ-տնտեսական զարգացումների համատեքստում մարդկային կապիտալը դիտարկվում է որպես կայուն տնտեսական աճի և հասարակական բարեկեցության ապահովման կարևորագույն նախապայման: Մարդկային կապիտալի ձևավորումը պայմանավորված է կրթական համակարգի զարգացմամբ, առողջապահական ծառայությունների հասանելիությամբ, աշխատաշուկայի արդյունավետությամբ և եկամտային հնարավորություններով:

Միևնույն ժամանակ մարդկային կապիտալի ձևավորման գործընթացը հաճախ խոչընդոտվում է տարածքային կամ տարածաշրջանային անհավասարություններով: Տարածաշրջանների միջև տնտեսական հնարավորությունների, կրթական և առողջապահական ենթակառուցվածքների անհամաչափ զարգացումը հանգեցնում է մարդկային ռեսուրսների անհավասար բաշխման և սոցիալ-տնտեսական տարբերությունների խորացման:

Հայաստանի Հանրապետությունում տարածաշրջանային զարգացման խնդիրը հատկապես ակտուալ է, քանի որ երկրի տնտեսական, կրթական և սոցիալական ռեսուրսների զգալի մասը կենտրոնացած է մայրաքաղաք Երևանում: Այս հանգամանքը ազդում է մարզերի տնտեսական ակտիվության, աշխատաշուկայի զարգացման և մարդկային կապիտալի ձևավորման վրա:

Հետազոտության նպատակն է վերլուծել, թե ինչպես են տարածաշրջանային սոցիալ-տնտեսական անհավասարությունները ազդում մարդկային կապիտալի ձևավորման և օգտագործման վրա Հայաստանի Հանրապետության մարզերում: Այդ նպատակին հասնելու համար առաջադրվել են հետևյալ խնդիրները.

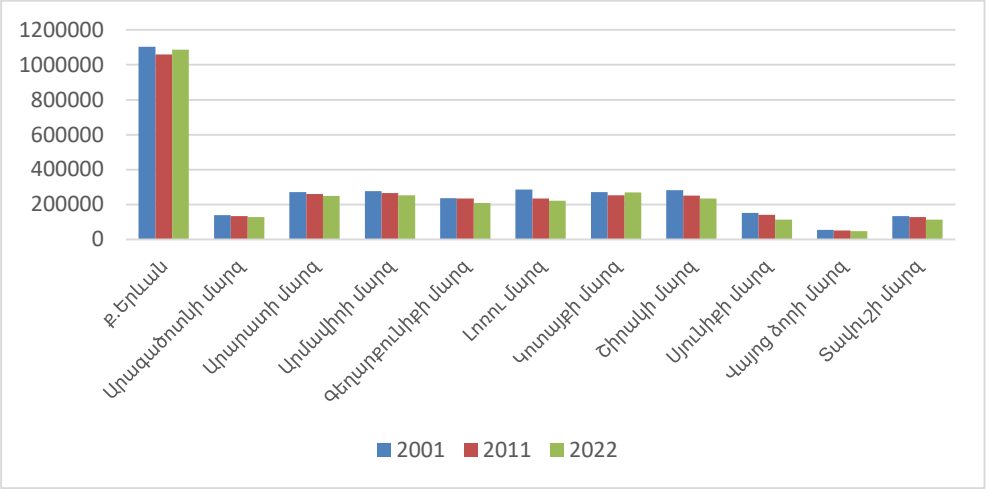
- բացահայտել մարդկային կապիտալի տարածքային բաշխման առանձնահատկությունները,
- վերլուծել տարածաշրջանային անհավասարությունը խորացնող գործոնները,
- առաջարկել քաղաքականության հնարավոր ուղղություններ՝ հավասարակշռված զարգացման ապահովման համար:

Վերլուծություն

Հայաստանի Հանրապետության բնակչության տարածքային բաշխման վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ մայրաքաղաք Երևանը զգալիորեն գերակշռում է մյուս մարզերի նկատմամբ: 2001 թվականին Երևանում բնակվում էր մոտ 1 միլիոն մարդ, 2011 թվականին՝ շուրջ 1.05 միլիոն, իսկ 2022 թվականին բնակչության թվաքանակը պահպանվել է մոտավորապես նույն մակարդակում՝ հասնելով շուրջ 1.1 միլիոնի: [2]

Այս տվյալները վկայում են մայրաքաղաքում բնակչության կենտրոնացման կայուն միտման մասին: Երևանը հանդիսանում է երկրի տնտեսական, վարչական և կրթական կենտրոնը, ինչը նպաստում է բնակչության ներհոսքին մարզերից դեպի մայրաքաղաք:

Մարզերում իրավիճակը էականորեն տարբեր է: Մարզերի մեծ մասում բնակչության թվաքանակը զգալիորեն փոքր է և հիմնականում տատանվում է 100–300 հազար մարդու սահմաններում: 2001–2022թթ. ընթացքում մի շարք մարզերում արձանագրվել է բնակչության նվազում, ինչը պայմանավորված է ինչպես արտաքին և ներքին միգրացիայով, այնպես էլ աշխատատեղերի սահմանափակ հնարավորություններով և սոցիալ-տնտեսական դժվարություններով:



Գծապատկեր 1. ՀՀ մշտական բնակչության թվաքանակի բաշխումն ըստ մարզերի։

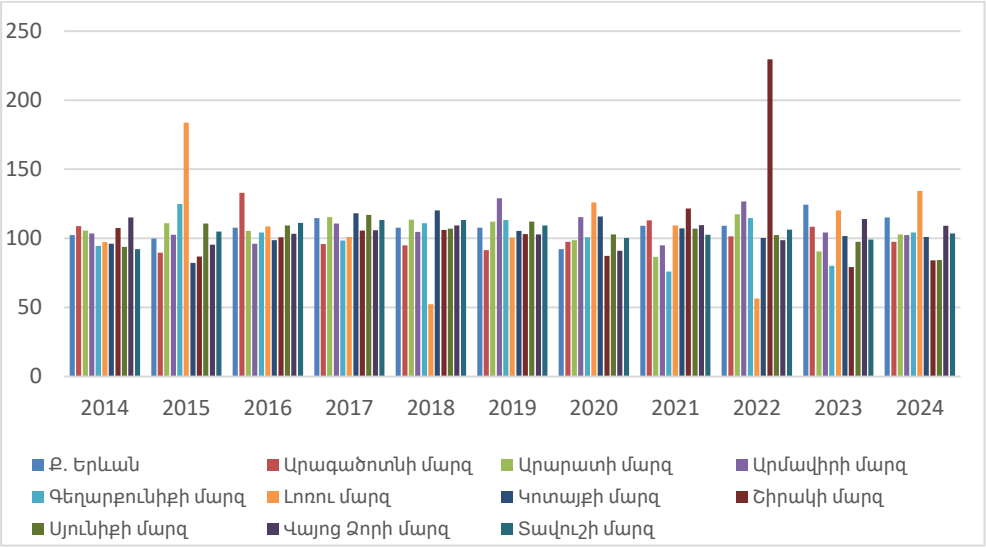
Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների։

Տնտեսական ակտիվության կարևոր ցուցանիշներից մեկը արդյունաբերական արտադրանքի ծավալն է։ Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ Երևանում արդյունաբերական արտադրանքի ինդեքսը ամբողջ ուսումնասիրվող ժամանակահատվածում պահպանվում է բարձր մակարդակում։

2014–2021թթ. արձանագրվել է հարաբերականորեն կայուն, սակայն չափավոր աճ։ 2022 թվականին նկատվում է կտրուկ աճ, երբ արդյունաբերական արտադրանքի ինդեքսը գերազանցում է 200 միավորը։ Հետագա տարիներին ցուցանիշը պահպանվում է բարձր մակարդակում, ինչը վկայում է մայրաքաղաքում տնտեսական ակտիվության և արտադրական կարողությունների կենտրոնացման մասին։ [1]

Մարզերում արդյունաբերական արտադրանքի ցուցանիշները զգալիորեն ցածր են և հիմնականում տատանվում են 80–140 միավորի սահմաններում։ Որոշ մարզերում նկատվում է հարաբերական կայունություն, իսկ մյուսներում՝ զգալի տատանումներ, ինչը

վկայում է արտադրական հիմքի սահմանափակության և ներդրումային ակտիվության անկայունության մասին։



Գծապատկեր 2. ՀՀ Կարդյունաբերական արտադրանքի ծավալի ինդեքսներն ըստ մարզերի 2014–2024թթ.։

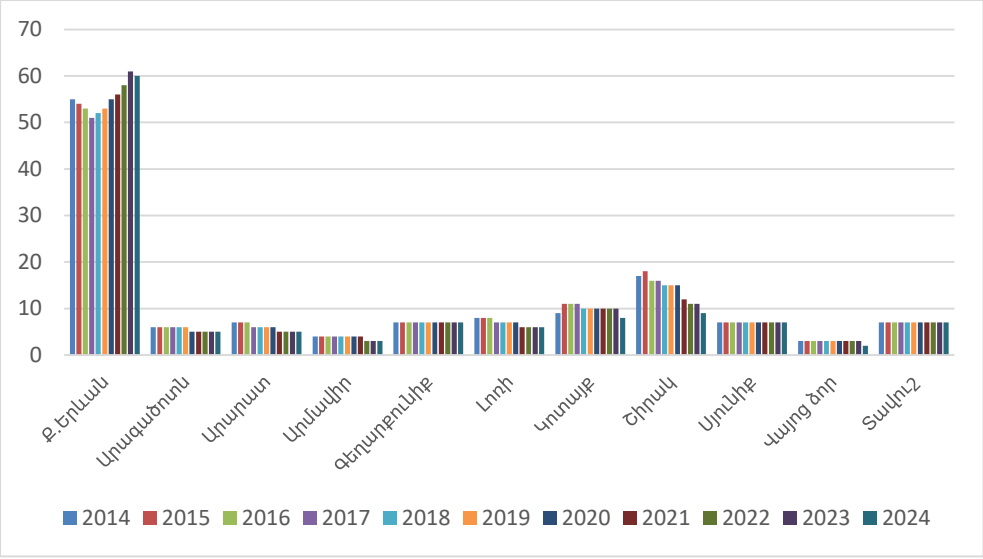
Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների։

Առողջապահական համակարգը մարդկային կապիտալի ձևավորման կարևոր բաղադրիչներից է։ Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ առողջապահական ծառայությունների մեծ մասը կենտրոնացած է Երևանում։

Մայրաքաղաքում գործում են խոշոր բժշկական կենտրոններ, մասնագիտացված կլինիկաներ և բարձր տեխնոլոգիական բուժհաստատություններ։ Արդյունքում բնակչության մեկ շնչին ընկնող բժշկական ծառայությունների հասանելիությունը Երևանում զգալիորեն բարձր է։

Մարզերում առողջապահական համակարգը հիմնականում ներկայացված է առաջնային բուժօգնության հաստատություններով։ Շատ մարզերում բժշկական ծառայությունների ծավալը տարիների

ընթացքում գրեթե չի փոփոխվում, ինչը վկայում է ոլորտի զարգացման դանդաղ տեմպերի մասին։ Բացի այդ, մարզերում հաճախ նկատվում է բժշկական մասնագետների պակաս, ինչը բացասաբար է անդրադառնում բուժօգնության որակի և մատչելիության վրա։



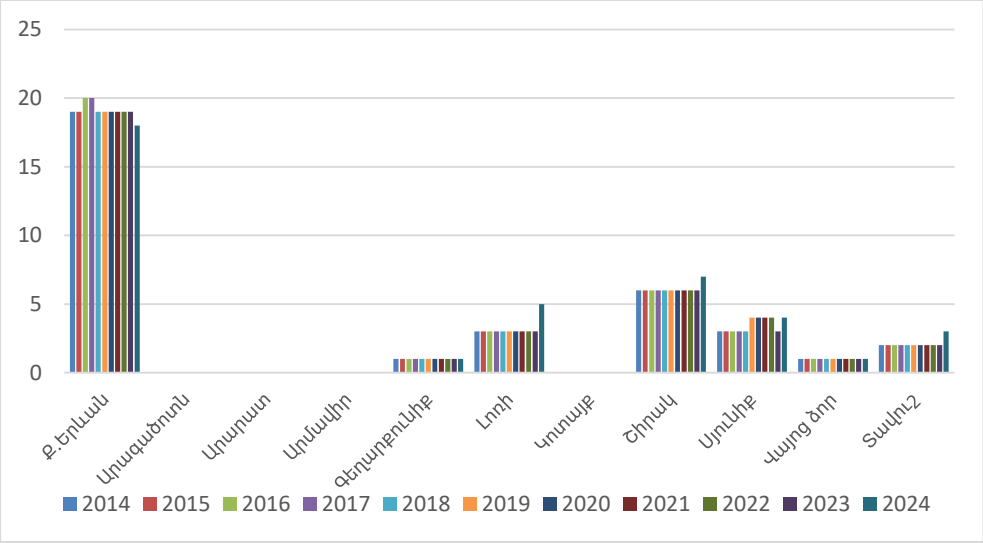
Գծապատկեր 3. ՀՀ մարզերում բժշկական ծառայությունների ծավալը 2014–2024թթ.։

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների։

Կրթությունը մարդկային կապիտալի ձևավորման հիմնարար գործոններից է։ [3] Երևանում պետական բարձրագույն ուսումնական հաստատությունների և դրանց մասնաճյուղերի քանակը ամբողջ ժամանակահատվածում պահպանվում է համեմատաբար բարձր մակարդակում՝ կազմելով մոտ 18–20 հաստատություն։

Մարզերում կրթական համակարգը զարգացած է զգալիորեն ավելի սահմանափակ։ Մարզերի մեծ մասում գործում են ընդամենը 1–3 բարձրագույն ուսումնական հաստատություն կամ մասնաճյուղ, իսկ առավել խոշոր մարզերում դրանց թիվը հասնում է առավելագույնը 5–7-ի։

Տարիների ընթացքում մարզերում կրթական հաստատությունների թվի էական աճ չի արձանագրվել, ինչը վկայում է կրթական ենթակառուցվածքների զարգացման սահմանափակ հնարավորությունների մասին։



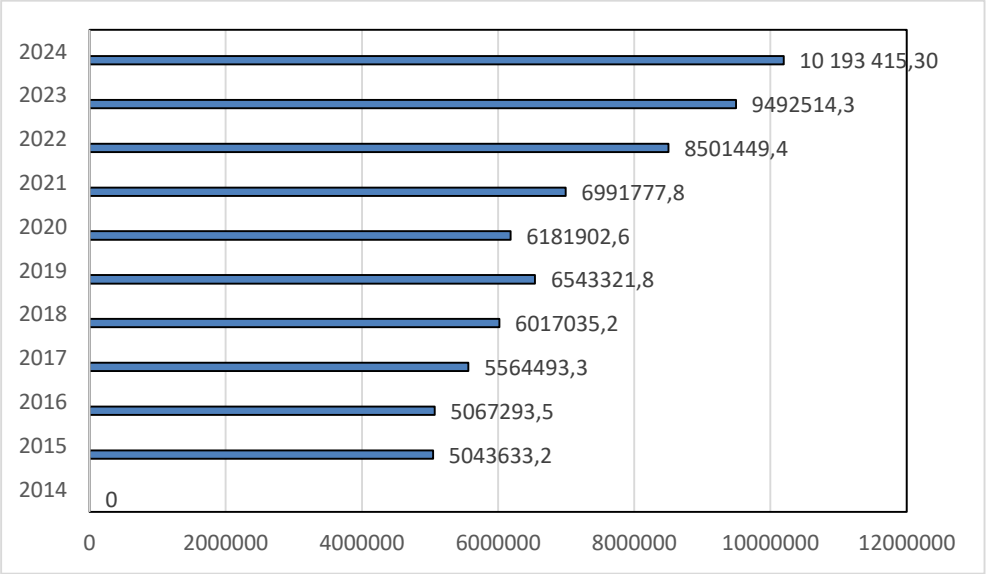
Գծապատկեր 4. ՀՀ պետական բարձրագույն ուսումնական հաստատությունների և մասնաճյուղերի քանակն ըստ մարզերի 2014–2024թթ.։

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների։

Վիճակագրական տվյալների համաձայն՝ մեկ շնչին ընկնող համախառն ներքին արդյունքը վերջին տարիներին զգալիորեն աճել է։

- 2014 թվականին այն կազմել է մոտ 4–5 մլն դրամ,
- 2018–2019թթ. աճել է մինչև 6–7 մլն դրամ,
- 2021թ. հասել է մոտ 8 մլն դրամի,
- 2022–2024թթ. արձանագրվել է ավելի արագ աճ՝ հասնելով մոտ 10–11 մլն դրամի [1]։

Չնայած տնտեսության ընդհանուր աճին՝ այս ցուցանիշը ունի միջինացված բնույթ և ամբողջությամբ չի արտացոլում մարզերի միջև առկա եկամտային տարբերությունները։



Գծապատկեր 5. ՀՆԱ-ն բնակչության մեկ շնչի հաշվով, մլն դրամ։

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների։

Աշխատաշուկայի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ զբաղվածության մակարդակը առավել բարձր է Երևանում։

- 2021 թվականին զբաղվածների թիվը կազմել է մոտ 380 հազար մարդ,
- 2022 թվականին՝ շուրջ 450 հազար,
- 2023 թվականին՝ մոտ 500 հազար,
- 2024 թվականին՝ մոտ 520 հազար մարդ։

Մարզերում զբաղվածության մակարդակը զգալիորեն ցածր է և հիմնականում տատանվում է 20–70 հազար մարդու սահմաններում։

Գործազրկության մակարդակի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ

- 2021 թվականին գործազրկությունը եղել է համեմատաբար բարձր,
- 2022–2023թթ. նկատվել է նվազման միտում,

- 2024 թվականին արձանագրվել է հարաբերական կայունացում։

Սակայն մարզերում գործազրկության մակարդակը շարունակում է մնալ բարձր, ինչը վկայում է աշխատատեղերի սահմանափակ առաջարկի մասին։

Եզրակացություն

Կատարված վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ տարածաշրջանային անհավասարությունը Հայաստանի Հանրապետությունում արտահայտվում է ոչ միայն տնտեսական ցուցանիշների տարբերություններով, այլ նաև մարդկային ռեսուրսների անհավասար բաշխմամբ։

Բնակչության, աշխատուժի, կրթական և առողջապահական ռեսուրսների զգալի մասը կենտրոնացած է մայրաքաղաք Երևանում, ինչը սահմանափակում է մարզերում մարդկային կապիտալի ձևավորման և վերարտադրության հնարավորությունները։

Արդյունաբերական արտադրության, զբաղվածության և աշխատուժի առաջարկի տվյալները վկայում են, որ տնտեսական ակտիվությունը հիմնականում կենտրոնացած է սահմանափակ տարածքներում։ Արդյունքում մարզերում պահպանվում են բարձր գործազրկության մակարդակ և միգրացիոն միտումներ։

Կրթական և առողջապահական համակարգերի տարածքային անհավասար զարգացումը ևս բացասաբար է անդրադառնում մարդկային կապիտալի որակի վրա՝ խորացնելով սոցիալ-տնտեսական տարբերությունները։

Հետազոտության արդյունքների հիման վրա առաջարկվում է՝

1. Ապահովել կրթության և առողջապահության ծառայությունների հավասար հասանելիություն Հայաստանի Հանրապետության բոլոր մարզերում՝ զարգացնելով համապատասխան ենթակառուցվածքները և բարձրացնելով ծառայությունների որակը։

2. Զարգացնել տարածաշրջանային բարձրագույն կրթական կենտրոնները՝ խթանելով համալսարանների մասնաճյուղերի

ստեղծումը, կրթական ծրագրերի արդիականացումը և մարզերում բարձր որակավորում ունեցող մասնագետների պատրաստումը։

3. Տարածաշրջաններում խթանել արդյունաբերության և ծառայությունների ոլորտների զարգացումը՝ ստեղծելով կայուն աշխատատեղեր և կրճատելով գործազրկության մակարդակը։

4. Աջակցել մարզային ներդրումային ծրագրերին և ձեռնարկատիրական նախաձեռնություններին՝ որպես մարդկային կապիտալի արդյունավետ օգտագործման և տնտեսական ակտիվության բարձրացման գործիք։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. World Bank (2023). Education: Armenia’s Path to Stronger Economic Growth. Armenia | World Bank Group
2. Statistical Committee of the Republic of Armenia Վիճակագրական ցուցանիշներ / Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե։
3. *Степанян И.К.* Человеческий потенциал в эпоху цифровизации / И.К. Степанян // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 6.0 (ИНПРОМ-2025): Сборник трудов Международной научно-практической конференции. В 2 т. Санкт-Петербург, 27–30 апреля 2025г. СПб.: «Политех-пресс», 2025. СС. 172–175. DOI 10.18720/IEP/2025.1/41. EDN MCUWHY.
4. Mapping Inequality: Regional Income Disparities and their Determinants in Armenia / M.H. Voskanyan, A.H. Galstyan, R.A. Simonyan [et al.] // “R-Economy”. Vol. 11, № 2, 2025. PP. 192–209. DOI 10.15826/recon.2025.11.2.010. EDN PTYPBM.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ РА)

И.К. Степанян, Г.А. Гаспарян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В современных экономических исследованиях человеческий капитал рассматривается как фундаментальный фактор обеспечения экономического роста, роста производительности труда и социального благополучия. При этом его формирование и эффективное использование во многом зависят от уровня территориального развития. В статье анализируется влияние регионального социально-экономического неравенства в Республике Армения на формирование, развитие и использование человеческого капитала. Исследование основано на официальных данных

Статистического комитета Республики Армения и включает анализ территориального распределения населения, промышленного производства, образования, здравоохранения, занятости и показателей рынка труда. Результаты анализа показывают, что основная часть экономической активности, образовательной и медицинской инфраструктуры сосредоточена в Ереване, в то время как в регионах наблюдаются ограниченные возможности развития, нехватка рабочих мест и отток населения. В результате формируется неравномерное территориальное распределение человеческого капитала, что углубляет социально-экономические различия. В статье также представлен ряд рекомендаций, направленных на повышение доступности образовательных и медицинских услуг, активизацию регионального рынка труда и стимулирование региональных инвестиций.
Ключевые слова: человеческий капитал, региональное неравенство, региональное развитие, рынок труда, социально-экономическое развитие.

HUMAN CAPITAL FORMATION IN THE CONDITIONS OF REGIONAL INEQUALITY (USING THE EXAMPLE OF THE RA)

I. Stepanyan, G. Gasparyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In modern economic studies, human capital is considered as a fundamental factor in ensuring economic growth, productivity growth and social well-being. At the same time, its formation and effective use largely depend on the level of territorial development. The article analyzes the impact of regional socio-economic inequalities in the Republic of Armenia on the formation, development and use of human capital. The research is based on official data of the Statistical Committee of the Republic of Armenia and includes an analysis of the territorial distribution of the population, industrial production, education, healthcare, employment and labor market indicators. The results of the analysis show that the main part of economic activity, educational and healthcare infrastructure is concentrated in Yerevan, while limited development opportunities, a lack of jobs and population outflow are observed in the regions. As a result, an unequal territorial distribution of human capital is formed, which deepens socio-economic differences. The article also presents a number of recommendations aimed at increasing access to educational and healthcare services, activating the regional labor market and stimulating regional investments.
Keywords: human capital, regional inequality, regional development, labor market, socio-economic development.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-309-320

ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԿՈՂՄՆՈՐՈՇՄԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԹՈՒԼՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՇՐՋԱՆԱՎԱՐՏՆԵՐԻ ԶԲԱՂՎԱԾՈՒԹՅԱՆ ՑԱԾՐ ՄԱԿԱՐԴԱԿԸ՝ ՈՐՊԵՍ ԱԶԳԱՅԻՆ ՏՆՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ԱՐԳԵԼԱԿՈՂ ԳՈՐԾՈՆ[1]

Ի. Կ. Ստեփանյան, Է. Ա. Հովակիմյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ivetastepanyan@gmail.com, elyah7426@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի նպատակը մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի թուլությունների և շրջանավարտների զբաղվածության մակարդակի խնդիրների ուսումնասիրությունն է Հայաստանում: Վերլուծվում են կրթական համակարգի և աշխատաշուկայի միջև կապի առանձնահատկությունները, շրջանավարտների մասնագիտական ընտրության գործընթացը, ինչպես նաև նրանց զբաղվածության մակարդակը և մասնագիտությանը համապատասխան աշխատանքի հնարավորությունները:

Եզրակացությունները ցույց են տալիս, որ մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի անբավարար զարգացումը և շրջանավարտների զբաղվածության ցածր մակարդակը բացասաբար են ազդում աշխատուժի արդյունավետ բաշխման վրա՝ խոչընդոտելով ազգային տնտեսության կայուն զարգացմանը: Այս ազդեցությունը հնարավոր է մեղմել՝ զարգացնելով մասնագիտական կողմնորոշման համակարգը, ուժեղացնելով կրթություն–աշխատաշուկա համագործակցությունը և խթանելով երիտասարդների զբաղվածության ծրագրերը:

Հիմնաբառեր՝ մասնագիտական կողմնորոշում, շրջանավարտների զբաղվածություն, աշխատաշուկա, կրթական համակարգ, մարդկային կապիտալ, երիտասարդների զբաղվածություն:

---

[1] The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 25YR-5B020)

Ներածություն

Մասնագիտական կողմնորոշման համակարգը կարևոր դեր ունի կրթության և աշխատաշուկայի միջև կապի ձևավորման գործընթացում: Այն նպաստում է, որ անհատները կարողանան ընտրել իրենց հետաքրքրություններին, կարողություններին և աշխատաշուկայի պահանջներին համապատասխան մասնագիտություն: Արդյունավետ մասնագիտական կողմնորոշումը նպաստում է նաև որակյալ մարդկային կապիտալի ձևավորմանը և երիտասարդների զբաղվածության բարձրացմանը:

Սակայն Հայաստանի Հանրապետությունում դեռևս նկատվում են մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի որոշ թուլություններ, ինչպես նաև շրջանավարտների զբաղվածության համեմատաբար ցածր մակարդակ, ինչը կարող է բացասաբար անդրադառնալ աշխատուժի արդյունավետ բաշխման և ազգային տնտեսության զարգացման վրա: Այդ պատճառով կարևոր է ուսումնասիրել մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի առանձնահատկությունները, առկա խնդիրները և դրանց հաղթահարման հնարավոր ուղիները:

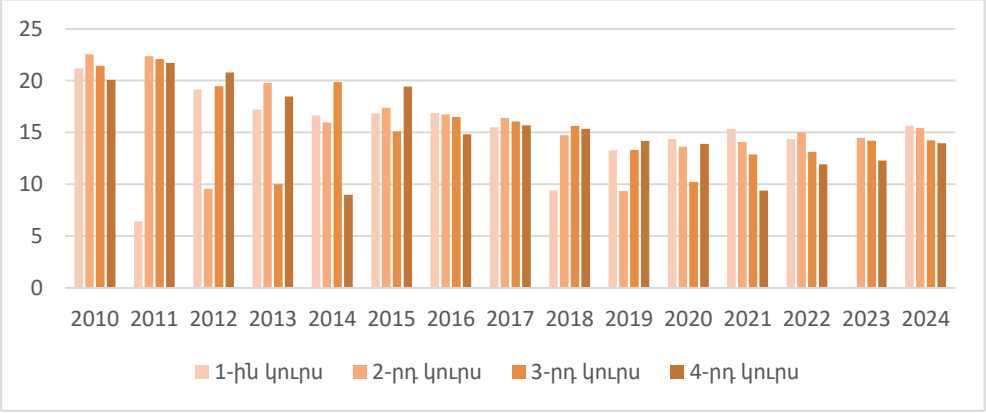
Գրականության ակնարկ

Մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի և շրջանավարտների զբաղվածության խնդիրների վերաբերյալ իրականացվել են բազմաթիվ հետազոտություններ: Սուպերը [1] իր աշխատություններում ներկայացնում է կարիերայի զարգացման տեսությունը՝ նշելով, որ մասնագիտական ընտրությունը շարունակական գործընթաց է, որը ձևավորվում է անհատի հետաքրքրությունների, կարողությունների և սոցիալական միջավայրի ազդեցությամբ:

Հոլանդը [2] ուսումնասիրում է անձի և մասնագիտական միջավայրի համապատասխանության գաղափարը՝ ընդգծելով, որ մասնագիտության ճիշտ ընտրությունը մեծապես կախված է անհատի

հետաքրքրությունների և աշխատանքի միջավայրի համադրությունից: Խաչատրյանը և Հովակիմյանը իրենց աշխատություններում անդրադառնում են կրթության և աշխատաշուկայի միջև առկա կապին՝ ընդգծելով մասնագիտական կողմնորոշման կարևորությունը երիտասարդների զբաղվածության ապահովման գործում: Հեղինակները նշում են, որ աշխատաշուկայի պահանջներին համապատասխան մասնագիտական ընտրությունը կարող է նպաստել աշխատուժի արդյունավետ բաշխմանը և երիտասարդների գործազրկության մակարդակի նվազմանը:

Միջազգային կազմակերպությունների ուսումնասիրությունները ևս ցույց են տալիս, որ կրթական համակարգի և աշխատաշուկայի միջև թույլ կապը հաճախ հանգեցնում է մասնագիտությունների առաջարկի և պահանջարկի անհամապատասխանության: Արդյունքում որոշ մասնագիտություններով ձևավորվում է կադրերի ավելցուկ, իսկ մյուս ոլորտներում նկատվում է մասնագետների պակաս:



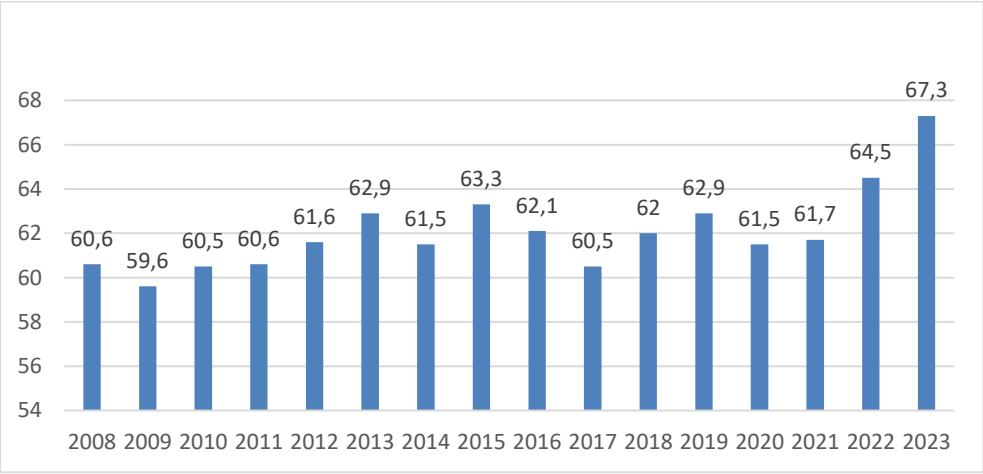
Գծապատկեր 1. Պետական ուսումնական հաստատությունների ուսանողների թվաքանակն, ըստ ցուցանիշների, ըստ կուրսերի և ըստ տարիների [3]:

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների:

Ուսումնասիրենք պետական հիմնական հաստատությունների ուսանողների թվաքանակը դիտարկվող կուրսերում և տարիներին:

Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ 2010թ. մինչև 2024թ. ուսանողների ընդհանուր թվաքանակը ունեցել է նվազման միտում:

Հատկապես նկատելի է, որ 2019–2020թթ. տեղի է ունեցել ավելի կտրուկ նվազում, ինչը կարող է պայմանավորված լինել մի շարք գործոններով՝ ժողովրդագրական փոփոխություններով, միգրացիոն գործընթացներով, ինչպես նաև բարձրագույն կրթություն ընդունվողների թվի նվազմամբ:



Գծապատկեր 2. Շրջանավարտների զբաղվածության մակարդակն ըստ տարիների [3]:

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների:

Եթե դիտարկենք շրջանավարտների զբաղվածության մակարդակը, ապա վերջին տարիների տվյալների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ այն գտնվում է միջինում 60–65% միջակայքում:

Մասնավորապես, դիտարկվող ժամանակահատվածում նկատվում է, որ զբաղվածության մակարդակը համեմատաբար կայուն է եղել, սակայն 2023 թվականին արձանագրվել է շեշտակի աճ, երբ ցուցանիշը հասել է 67,3%-ի:

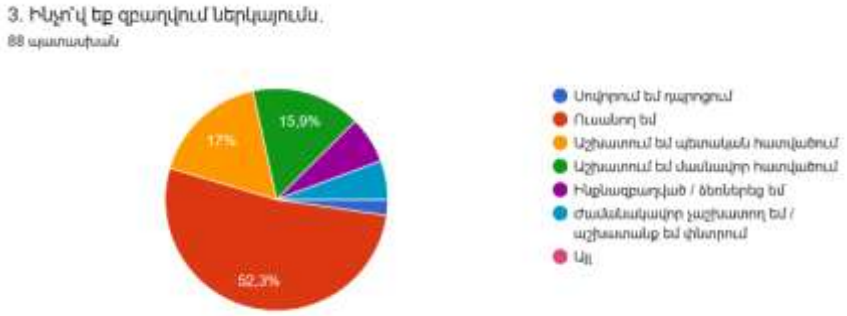
Միևնույն ժամանակ, ուսումնասիրված տարիների ընթացքում ամենացածր ցուցանիշը գրանցվել է 2017 թվականին՝ կազմելով 60,5%:

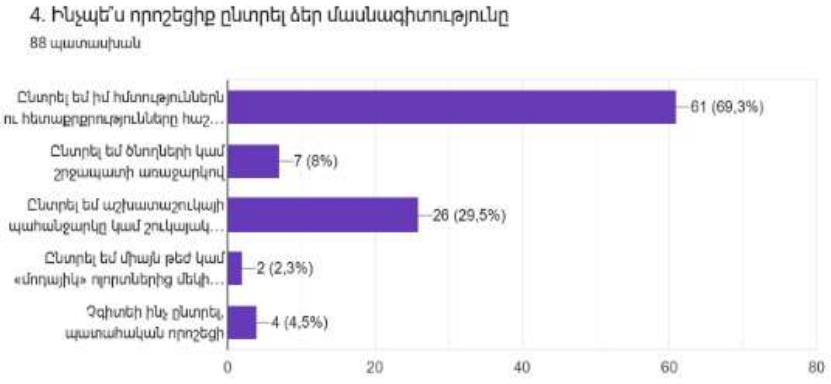
Այսպիսով, տվյալները ցույց են տալիս, որ թեև շրջանավարտների զբաղվածության մակարդակը ընդհանուր առմամբ պահպանվում է միջին մակարդակի վրա, վերջին տարիներին նկատվում է որոշակի դրական դինամիկա, որը կարող է պայմանավորված լինել աշխատաշուկայի պահանջարկի փոփոխություններով, ինչպես նաև կրթական ծրագրերի համապատասխանեցմամբ աշխատաշուկայի պահանջներին:

Հետազոտության շրջանակում իրականացվել է հարցում, որի նպատակն էր բացահայտել մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի արդյունավետությունը և դրա ազդեցությունը շրջանավարտների զբաղվածության մակարդակի վրա: Ստացված տվյալների վերլուծությունը թույլ է տալիս ձևավորել որոշակի պատկերացում երիտասարդների մասնագիտական ընտրության շարժառիթների, աշխատաշուկայի հետ համապատասխանության և առկա խնդիրների վերաբերյալ:

Հարցման մասնակիցների սեռային կառուցվածքի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ հարցվածների մոտավորապես 80%-ը իգական սեռի ներկայացուցիչներ են, իսկ 20%-ը՝ արական, ինչը վկայում է, որ հետազոտության ընտրանքում գերակշռում են կանայք:

Տարիքային կառուցվածքի ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ հարցվածների մեծամասնությունը երիտասարդներ են. 69,25%-ը 18–25 տարեկան են, 16%-ը՝ 26–35 տարեկան, իսկ մնացած մասնակիցները ներկայացնում են ավելի բարձր տարիքային խմբեր: Սա պայմանավորված է այն հանգամանքով, որ հետազոտության թեման անմիջականորեն կապված է կրթությունից աշխատաշուկա անցման փուլում գտնվող երիտասարդների հետ:



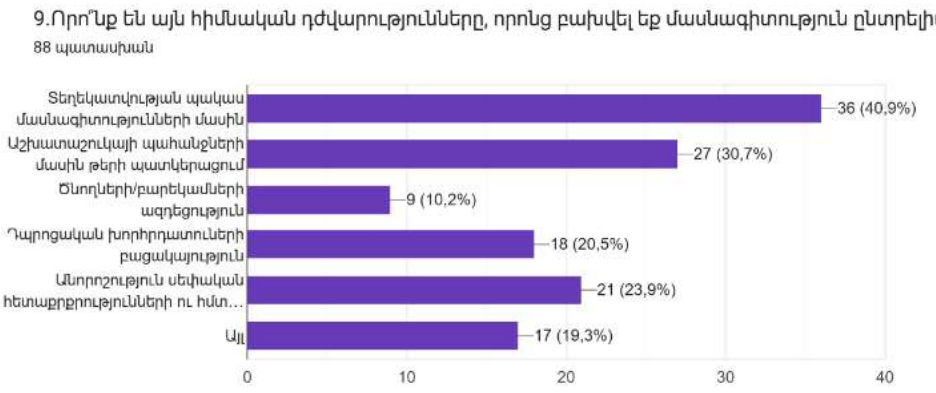


«Ինչո՞վ եք զբաղվում ներկա պահին» հարցին պատասխանների բաշխումը ցույց է տալիս, որ հարցվածների 53%-ը ուսանողներ են, ինչը ևս մեկ անգամ ընդգծում է ընտրանքի երիտասարդական բնույթը: Միևնույն ժամանակ 17%-ը աշխատում են պետական հատվածում, իսկ 16%-ը՝ մասնավոր հատվածում: Այս տվյալները վկայում են, որ հարցվածների զգալի մասը դեռ գտնվում է կրթական համակարգում և միայն մասամբ է ներգրավված աշխատաշուկայում:

Մասնագիտության ընտրության հիմքերի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ հարցվածների մեծամասնությունը որոշումը կայացրել է անձնական նախասիրությունների հիման վրա. 69%-ը նշել են, որ մասնագիտությունը ընտրել են իրենց հմտություններն ու հետաքրքրությունները հաշվի առնելով:

Միաժամանակ 29%-ը առաջնորդվել են աշխատաշուկայի պահանջարկով, ինչը վկայում է մասնագիտական ընտրության ավելի

պրագմատիկ մոտեցման մասին: Սակայն որոշ մասնակիցների մոտ մասնագիտության ընտրությունը եղել է արտաքին ազդեցությունների կամ անորոշության արդյունք. 8%-ը նշել են ծնողների կամ շրջապատի խորհուրդը, 4,5%-ը նշել են, որ պատահական են ընտրել, իսկ 2%-ը նշել են այլ պատճառներ:



Հետազոտությունը ցույց է տալիս, որ մասնագիտական կրթության և ներկայիս աշխատանքի համապատասխանությունը ամբողջական չէ: Հարցվածների 50%-ի դեպքում ներկայիս աշխատանքը լիովին համընկնում է ստացած մասնագիտական կրթության հետ, 40%-ի դեպքում՝ մասամբ, իսկ 9%-ը նշել են, որ գիտակցված մասնագիտական ընտրություն չեն կատարել:

Այս ցուցանիշները վկայում են աշխատաշուկայի և կրթական համակարգի միջև որոշակի անհամապատասխանության մասին:

Այն հարցին, թե հնարավորություն ունենալու դեպքում արդյոք կընտրեին նոր մասնագիտություն, հարցվածների 62,5%-ը նշել են, որ կընտրեին նույն մասնագիտությունը, ինչը կարող է վկայել մասնագիտական ընտրության նկատմամբ հարաբերական բավարարվածության մասին:

Միևնույն ժամանակ 13,6%-ը նշել են, որ կընտրեին իրենց իրական հակումներին համապատասխան մասնագիտություն, 8%-ը կփոխեին ոլորտը, իսկ 12,5%-ը դժվարացել են պատասխանել: Սա

ցույց է տալիս, որ հարցվածների որոշ մասը դեռևս ունի մասնագիտական ինքնորոշման խնդիրներ։

Դպրոցներում գործող մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի արդյունավետության գնահատման արդյունքները ցույց են տալիս, որ այն հիմնականում ընկալվում է որպես ոչ բավարար արդյունավետ։ Հարցվածների 41%-ը այն գնահատել են որպես թույլ արդյունավետ, 34%-ը՝ միջին արդյունավետ, 15%-ը՝ շատ արդյունավետ, իսկ 10%-ը նշել են, որ ընդհանրապես չեն հանդիպել նման համակարգի արդյունավետ գործունեությանը։

Այս արդյունքները վկայում են, որ կրթական համակարգում մասնագիտական կողմնորոշման մեխանիզմները լիարժեք չեն իրականացնում իրենց գործառույթը։

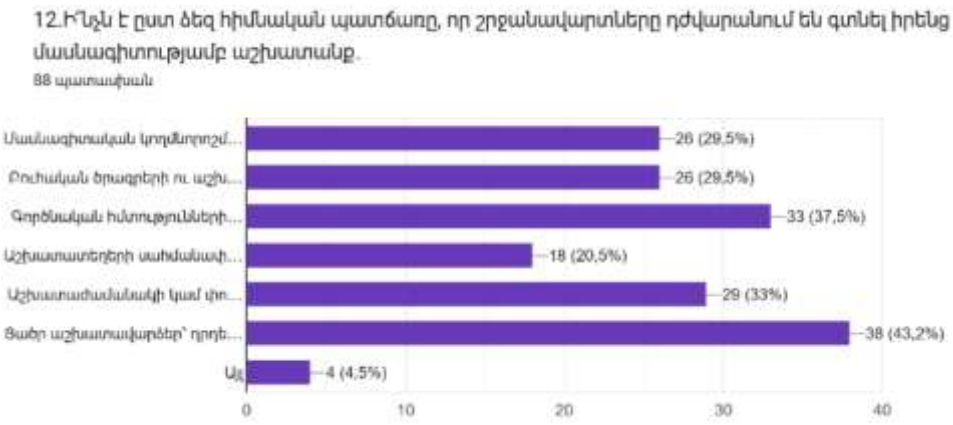
«Արդյո՞ք դպրոցում ստացել եք մասնագիտական կողմնորոշման խորհրդատվություն» հարցի պատասխանները նույնպես հաստատում են համակարգի սահմանափակ տարածվածությունը։ 39%-ը նշել են, որ երբեք չեն ստացել նման խորհրդատվություն, 32%-ը՝ մի քանի անգամ, 17%-ը՝ մեկ անգամ, իսկ 12,5%-ը նշել են, որ ստացել են բազմիցս։

Հետազոտությունը ցույց է տալիս, որ մասնագիտության ընտրության գործընթացում երիտասարդները բախվում են մի շարք խնդիրների։ Ամենատարածված դժվարությունը տեղեկատվության պակասն է (41%)։

Այնուհետև նշվում են աշխատաշուկայի պահանջների մասին ոչ լիարժեք պատկերացումը (31%), սեփական հետաքրքրությունների վերաբերյալ անորոշությունը (24%), ինչպես նաև դպրոցներում մասնագիտական խորհրդատուների բացակայությունը (20%)։ Այս տվյալները վկայում են, որ մասնագիտական կողմնորոշման ինստիտուցիոնալ աջակցությունը դեռևս բավարար մակարդակի վրա չէ։

Հարցվածների 73%-ը նշել են, որ իրենց մասնագիտության ընտրությունը չի պայմանավորվել աշխատաշուկայի պահանջարկի մասին տեղեկության բացակայությամբ, սակայն 20%-ը նշել են

«մասամբ», իսկ 7%-ը՝ «այո»: Սա ցույց է տալիս, որ երիտասարդների զգալի մասը որոշ չափով տեղեկացված է աշխատաշուկայի մասին, սակայն այդ տեղեկությունը միշտ չէ, որ ամբողջական կամ համակարգված է:



Հարցվածների 54%-ը նշել են, որ ճանաչում են բազմաթիվ շրջանավարտների, ովքեր չեն կարողացել աշխատանք գտնել իրենց մասնագիտությամբ, 26%-ը նշել են մի քանի նման դեպք, իսկ 16%-ը նշել են, որ նման անձանց չեն ճանաչում: Սա վկայում է մասնագիտական կրթության և աշխատաշուկայի պահանջների միջև առկա լուրջ անհամապատասխանության մասին:

Հարցման արդյունքները ցույց են տալիս, որ շրջանավարտների աշխատանք գտնելու դժվարությունների հիմնական պատճառներից են՝

- ցածր աշխատավարձերը (43%),
- գործնական հմտությունների պակասը (37%):

Միաժամանակ աշխատանքի ընթացքում հիմնական խնդիրների շարքում հարցվածների 50%-ը նշել են աշխատանքային փորձի պահանջը, որը չունեն, 34%-ը՝ աշխատավարձի ոչ բավարար մակարդակը, իսկ մնացածները նշել են այլ խնդիրներ՝ ոլորտում աշխատանքի բացակայություն, գործատուների բարձր պահանջներ,

մարզերում աշխատատեղերի սահմանափակ քանակ և կարիերայի առաջխաղացման հնարավորությունների պակաս։

Հարցման վերջին հարցի պատասխանների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ հարցվածների մեծամասնությունը մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի թուլությունը դիտարկում է որպես տնտեսության զարգացման վրա բացասաբար ազդող գործոն։ Նրանց կարծիքով դրա հետևանքներն են՝

- աշխատուժի որակի նվազում,
- մասնագիտական անհամապատասխանության աճ,
- արտադրողականության նվազում,
- գործազրկության աճ,
- երիտասարդների մասնագիտական անորոշության և աշխատանքային շարժունակության խնդիրների խորացում։

Այսպիսով, հետազոտության արդյունքները ցույց են տալիս, որ մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի ոչ բավարար արդյունավետությունը կարող է հանգեցնել աշխատաշուկայի և կրթական համակարգի միջև անհամապատասխանության խորացման, ինչը, իր հերթին, հանդիսանում է ազգային տնտեսության զարգացման սահմանափակող կարևոր գործոն [4]։

Եզրակացություն

Մասնագիտական կողմնորոշման համակարգի զարգացումը, կրթության որակի բարելավումը և շրջանավարտների զբաղվածության բարձրացումը Հայաստանի կրթական ու սոցիալ-տնտեսական քաղաքականության առանցքային ուղղություններն են։ Արդյունավետությունը պահանջում է կրթության, աշխատաշուկայի և պետական կառավարման համակարգերի միասնական մոտեցում, կանխատեսման մեխանիզմների ներդրում և կրթության ու աշխատանքի քաղաքականության ինտեգրում։ Այս մոտեցումները թույլ են տալիս ուսանողներին ձեռք բերել շուկայի պահանջներին համապատաս-

խան հմտություններ, գործատուներին՝ պատրաստի մասնագետներ, իսկ բուհերի ծրագրերը դարձնել արդիական և կիրառական՝ բարձրացնելով շրջանավարտների զբաղվածության մակարդակը։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Super D.E.* The Psychology of Careers: An Introduction to Vocational Development. New York: “Harper & Row”, 1957.
2. *Holland J*. Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments (3rd ed.). Odessa, FL: “Psychological Assessment Resources”, 1997.
3. Statistical Committee of the Republic of Armenia Վիճակագրական ցուցանիշներ / Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե.
4. *Ստեփանյան Ի.* Բարձրագույն կրթության դերն ու նշանակությունը Հայաստանի Հանրապետության տնտեսության զարգացման գործում, Հայ-ռուսական համալսարան, տասնյոթերորդ տարեկան գիտաժողով, 4–8 դեկտեմբերի, 2023թ., էջ. 179–185: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80270410.

СЛАБОСТЬ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ И НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ КАК ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

И.К. Степанян, Э.А. Овакимян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – изучение недостатков системы профессиональной ориентации и проблем уровня занятости выпускников в Армении. Анализируются особенности взаимосвязи системы образования и рынка труда, процесса профессионального отбора выпускников, а также уровня их занятости и возможностей трудоустройства по выбранной профессии.

Выводы показывают, что недостаточное развитие системы профессиональной ориентации и низкий уровень занятости выпускников негативно влияют на эффективное распределение рабочей силы, препятствуя устойчивому развитию национальной экономики. Это воздействие может быть смягчено путем развития системы профессиональной ориентации, укрепления сотрудничества между системой образования и рынком труда и продвижения программ занятости молодежи.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, занятость выпускников, рынок труда, система образования, человеческий капитал, занятость молодежи.

WEAKNESS OF THE CAREER GUIDANCE SYSTEM AND LOW EMPLOYMENT RATES OF GRADUATES AS FACTORS HINDERING THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

I. Stepanyan, E. Hovakimyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The aim of the article is to study the weaknesses of the vocational guidance system and the problems of the employment rate of graduates in Armenia. The peculiarities of the relationship between the education system and the labor market, the process of professional selection of graduates, as well as their employment rate and job opportunities corresponding to the profession are analyzed.

The conclusions show that the insufficient development of the vocational guidance system and the low level of employment of graduates negatively affect the efficient allocation of labor, hindering the sustainable development of the national economy. This impact can be mitigated by developing the vocational guidance system, strengthening education-labor market cooperation and promoting youth employment programs.

Keywords: vocational guidance, graduate employment, labor market, educational system, human capital, youth employment.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-321-328

ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԳՐԱՎՉՈՒԹՅԱՆ ՆՎԱԶՄԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԵՎ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՈՒՂԻՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ[1]

Ի. Կ. Ստեփանյան, Լ. Մ. Մխոյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ivetastepanyan@gmail.com, mkhoyanlilit28@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի նպատակը բարձրագույն կրթության գրավչության նվազման խնդիրների և զարգացման ուղիների ուսումնասիրությունն է Հայաստանում: Վերլուծվում են ՀՀ բարձրագույն ուսումնական հաստատություններում սովորող ուսանողների թվաքանակի դինամիկան, բուհերի վարձավճարները, զուտ միգրացիան ՀՀ-ում, Պետբյուջեից կրթությանը բաժին հասնող ծախսը:

Եզրակացությունները վկայում են, որ բարձրագույն կրթության գրավչությունը բացասաբար է ազդում մարդկային կապիտալի զարգացման վրա՝ նվազեցնելով որակյալ աշխատուժի քանակը և գիտելիքի պաշարը: Այդ ազդեցությունը հնարավոր է մեղմել՝ ավելացնելով ներդրումները կրթության զարգացման համար, ստեղծել բուհ-աշխատաշուկա ամուր կապ:

Հիմնաբառեր՝ մարդկային կապիտալ, կրթության գրավչություն, աշխատուժ, բուհ-աշխատաշուկա կապ:

Ներածություն

Բարձրագույն կրթությունը համարվում է երկրի տնտեսական, սոցիալական և մշակութային զարգացման հիմնական գործոններից մեկը: Վերջին տարիներին Հայաստանում նկատվում է բարձրագույն կրթության նկատմամբ հետաքրքրության նվազում: Այս միտումը ոչ

[1] The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 25YR-5B020)

միայն կրթական համակարգի ներքին խնդիր է, այլ ազգային զարգացման մարտահրավեր. այն ազդում է երկրի մարդկային կապիտալի որակի, աշխատաշուկայի մրցունակության և սոցիալ-տնտեսական կայունության վրա: Հայաստանում վերջին տարիներին նկատվում են հետևյալ միտումները. ուսանողների թվի նվազում, արտագաղթ, մասնագիտական կողմնորոշման դժվարություններ, «ուղեղների արտահոսք»: Հոդվածի նպատակն է բացահայտել և վեր հանել այն գործոնները, որոնք ազդում են բարձրագույն կրթության գրավչության զարգացման վրա և առաջարկել լուծումներ:

Գրականության ակնարկ՝ բարձրագույն կրթության գրավչության նվազման խնդիրների և զարգացման ուղիների մասին կան բազմաթիվ աշխատություններ:

Տեյչլերը, Խաչատրյանը [6] իրենց աշխատություններում ում ցույց են տալիս աշխատաշուկայի և կրթության միջև առկա կապը: Վերլուծությունը ցույց է տալիս, թե որքանով են կրթական ծրագրերը համապատասխանում աշխատաշուկայի պայմաններին և որքան կարևոր է ուսանողների համար գործնական հմտությունների զարգացումը: Գրավչության բարձրացման համար անհրաժեշտ է կրթական ծրագրերի համապատասխանեցումը աշխատաշուկայի պայմաններին:

Հովակիմյան [7], Թովմասյան [5], հեղինակները ինչպես նաև համաշխարհային բանկը իրենց աշխատություններում շեշտում են, որ կարևոր դեր ունի ծրագրերի թարմացումը: Թովմասյանը ցույց է տալիս, որ թվայնացումը բարձրացնում է արդյունավետությունը և մեծացնում գրավչությունը, սակայն Հայաստանում կա թվային հմտությունների պակաս: Մարգինսոնը [4] նշում է, որ ֆինանսավորումը ևս մեծ դեր ունի: Նա վերլուծում է ԱՄՆ-ում հանրային համալսարանների ճգնաժամը՝ կապված ֆինանսավորման կրճատման և համակարգի գրավչության նվազման հետ և ցույց տալիս որ ֆինանսավորման կրճատումը հանգեցնում է ճգնաժամի:

Հետխորհրդային երկրների օրինակով OECD-ն նշում է, որ կրթական բարեփոխումների ոչ լիարժեք իրականացումը բերում է ուսանողների միգրացիայի և կրթական շուկայի անկայունության: Հայաստանի պարագայում այն արտահայտվում է «ուղեղների արտահոսքով»:

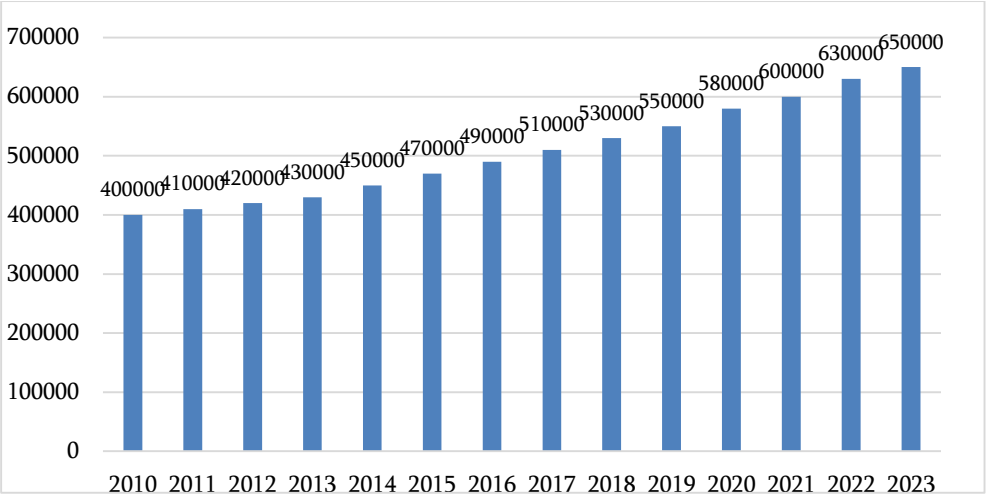
Ուսումնասիրենք ՀՀ բարձրագույն ուսումնական հաստատություններում սովորող ուսանողների թվաքանակի դինամիկան:

ՀՀ-ում ուսանողների թվաքանակը 2010 թվականին զգալի չափով մեծ է եղել: 2011թ.-ին կտրուկ նվազել է, սա կապված է եղել կրթական համակարգում կատարված փոփոխությունների հետ: 2011թ.-ին շրջանավարտներ չենք ունեցել, քանի որ կրթությունը դարձավ 11-ամյա: 2018թ.-ին ուսանողների թիվը կտրուկ նվազեց, ինչը կապված է բնակչության թվի նվազման հետ: 2024թ.-ին ուսանողների թիվը հասնել է 18225-ի:

Գծապատկեր 1. ՀՀ բարձրագույն ուսումնական հաստատություններում ուսանողների թվաքանակ:

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների:

Պետական բուհերում ուսանողների թվաքանակը մշտապես գերազանցում է ու պետական բուհերում սովորող ուսանողների թվաքանակին: Սա կապված է նրանով, որ պետական ուսումնական հաստատություններում կրթական համակարգը ավելի կայուն է և ունի ավելի երկար պատմություն և ճանաչում:



Գծանկար 4. ՀՀ բարձրագույն ուսումնական հաստատությունների վարձավճարները 2010–2023թթ.-ին [8]:

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների:

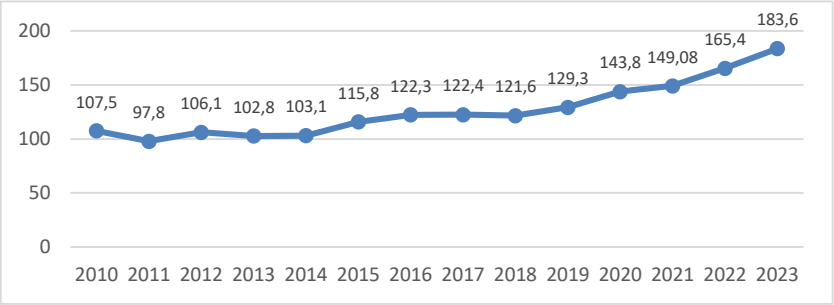
Ուսումնասիրելով վերջին տարիներին ՀՀ բուհերի վարձավճարները տեսնում ենք, որ դրանք գնալով աճում են: 2020–2023թթ.-ին վարձավճարների աճը կապված է կրթական համակարգում կատարված բարեփոխումների հետ, ինչպես նաև տնտեսական իրավիճակի հետ: Տարբեր ոլորտներում վարձավճարների չափը տարբեր է: Ամենաբարձր վարձավճարները բաժին են ընկնում ամենապահանջված մասնագիտություններին (օրինակ SS ոլորտ, իրավագիտություն, բժշկություն, ֆինանսաբանկային ոլորտ):

Գծապատկեր 3. Զուտ միգրացիան ՀՀ-ում 2015–2024թթ. [8]։

Աղբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների։

Ուսանողների թվի աճի պակասումը կախված է նաև արտագաղթողների թվի հետ։ Ինչպես տեսնում ենք գծագրում զուտ միգրացիան բացասական է եղել բացառությամբ 2022–2023թթ.-ին, երբ ներգաղթը գերազանցում է արտագաղթին, ինչը կապված է ռուս-ուկրաինական պատերազմի հետ։

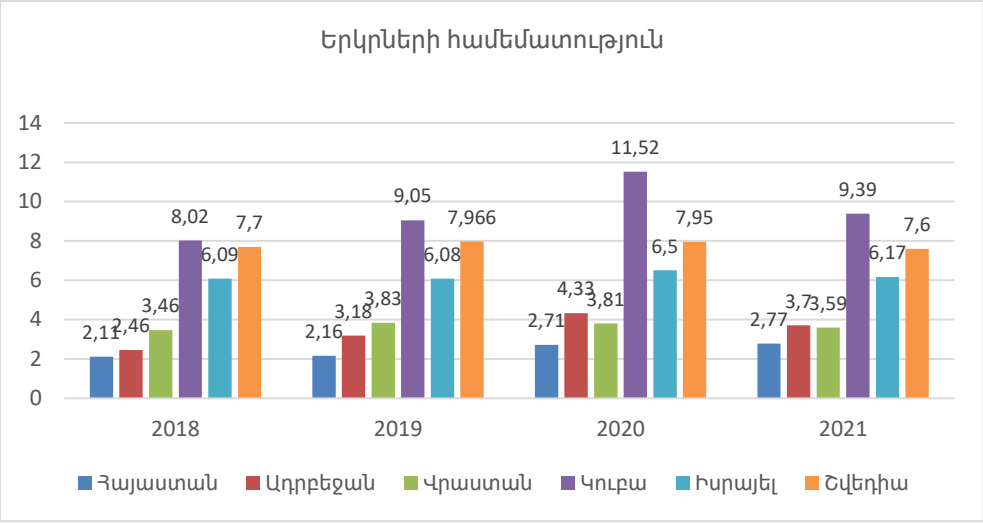
Ըստ ARMSTAT-ի «Migration Profile 2023» զեկույցի՝ Բարձրագույն կրթություն ունեցող միգրատների թիվը 2023թ.-ին կազմել է մոտ 37%։



Գծապատկեր 4. ՀՀ-ում պետական բյուջեից կրթությանը բաժին հասնող ծախսը [8]։

Աբյուր՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների։

Պետական բյուջեից կրթությանը բաժին հասնող ծախսի չափը գնալով աճում է, ինչը նշանակում է, որ պետությունը շահագրգռված է երկրում մեծացնել կրթված բնակչության թիվը: Ինչը կհանգեցնի տնտեսական զարգացման, որակյալ մարդկային կապիտալի, մրցունակության բարձրացման համաշխարհային շուկայում:



Գծապատկեր 5. Կրթությանն ուղղվող ծախսերն ըստ երկրների [1], [2], [3]:

Համեմատելով նշված երկրների տոկոսային ցուցանիշները, տեսնում ենք, որ ամենացածր ցուցանիշը Հայաստանում է նկատվում: Սակայն Հայաստանում ևս նկատվում է աճի միտում 2,11%-ից հասել է 2,77%-ի: Ամենաբարձր ցուցանիշը նկատվում է Կուբայում, ինչն արտացոլում է պետության գերակա ուշադրությունը կրթության վրա: Իսրայելը լինելով պատերազմական երկիր մեծ ներդրումներ է կատարում կրթության մեջ: Շվեդիայում ցուցանիշը գրեթե կայուն բարձր է մնացել (7,6–7,95%), ինչը ցույց է տալիս եվրոպական զարգացած երկրում կրթության դերի կարևորությունը:

Ուսումնասիրելով նշված երկրների ցուցանիշները գալիս ենք այն եզրահանգմանը, որ չնայած նրան, որ ՀՀ-ում գնալով աճում է կրթության վրա կատարված ծախսերը, միևնույնն է դեռ ցածր է համեմատելով մնացած երկրների հետ:

Եզրակացություն

Հայաստանում բարձրագույն կրթության գրավչության նվազումը լուրջ խնդիր է, որը ազդում է երկրի մարդկային կապիտալի զարգացման վրա: Այն պայմանավորված է մի շարք գործոններով՝

- Արտագաղթի բարձր ցուցանիշ
- Աճում է ոչ ֆորմալ կրթության պահանջարկը
- Աշխատաշուկա-բուհ թույլ կապ
- Բարձր վարձավճարներ
- Ոչ բավարար պետական ֆինանսավորում
- Պետական, ոչ պետական բուհերի ծրագրային մեծ տարբերություն [9]

Բարձրագույն կրթության գրավչության նվազումը Հայաստանի համար լուրջ մարտահրավեր է, որը պահանջում է համընդհանուր և համակարգային մոտեցում: Պետության, բուհերի, գործատուների և հասարակության փոքր ու միջին աստիճանի համագործակցությամբ հնարավոր է՝ բարելավել կրթության մատչելիությունը, հասցնել ծրագրերի արդիականացում և ամրացնել աշխատաշուկայի կապը: Սա ոչ միայն կրթական խնդիր է, այլ՝ երկիր կառուցելու ռազմավարական խաղաքարտ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. World Bank. Education: Armenia's Path to Stronger Economic Growth. Armenia // "World Bank Group", 2023.
2. OECD Higher Education Policy in Post-Soviet Countries: Challenges and Perspectives. EDU | OECD, 2021.
3. UNESCO Global Education Monitoring Report: Central and Eastern Europe. 2026 Youth Report: Lead with youth // "Global Education Monitoring Report", 2023.
4. *Marginson S.* The Dream is Over: The Crisis of Clark Kerr's California Idea of Higher Education // "University of California Press", 2018. PP. 77–102.
5. *Tovmasyan G.* Higher Education in Armenia Adopting AI and Digital Technologies // "Issues in Educational Research", № 35 (2), 2025. PP. 798–817.
6. *Khachatryan R.* Leveraging Stakeholder Engagement for Enhanced Higher Education Competitiveness in Armenia // "Education in the 21st Century", № 5 (1), 2023. PP. 33–41.
7. *Hovakimyan H. et al.* (2021). Participation in Higher Education Curricula Development in Armenia. Social Sciences, 10(9): 331. https://doi.org/10.3390/socsci10090331.
8. Statistical Committee of the Republic of Armenia Վիճակագրական ցուցանիշներ /

Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե https://www.armstat.am/file/article/migration_profile_eng_2023
9. *Ստեփանյան Ի.Կ.* Բարձրագույն կրթության դերն ու նշանակությունը Հայաստանի Հանրապետության տնտեսության զարգացման գործում, Ռուս-հայկական համալսարան, տասնյոթերորդ տարեկան գիտաժողով, 4–8 դեկտեմբերի, 2023թ., էջ 179–185:

ПРОБЛЕМЫ СНИЖЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ РАЗВИТИЯ В АРМЕНИИ

И.К. Степанян, Л.М. Мхоян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – исследование проблем снижения привлекательности высшего образования и путей его развития в Армении. Анализируется динамика численности студентов в высших учебных заведениях Республики Армения, уровень платы за обучение, чистая миграция в стране, а также расходы государственного бюджета на образование.

Выводы свидетельствуют о том, что снижение привлекательности высшего образования негативно влияет на развитие человеческого капитала, уменьшая количество квалифицированной рабочей силы и запас знаний. Смягчить это воздействие возможно путем увеличения инвестиций в развитие образования и создания прочной связи между вузами и рынком труда.

Ключевые слова: человеческий капитал, привлекательность образования, рабочая сила, связь вуз – рынок труда.

PROBLEMS OF DECLINING ATTRACTIVENESS OF HIGHER EDUCATION AND DEVELOPMENT PATHS IN ARMENIA

I. Stepanyan, L. Mkhoyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The purpose of the article is to study the problems of declining attractiveness of higher education and the ways of its development in Armenia. The dynamics of student enrollment in higher educational institutions of the Republic of Armenia, tuition fees, net migration in the country, and state budget expenditures on education are analyzed.

The conclusions indicate that the decline in the attractiveness of higher education negatively affects the development of human capital by reducing the number of qualified workforce and the stock of knowledge. This impact can be mitigated by increasing investments in education development and establishing a strong connection between universities and the labor market.

Keywords: human capital, attractiveness of education, workforce, university–labor market connection.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-329-339

ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ՈԼՈՐՏՈՒՄ ՊԵՏԱԿԱՆ-ՄԱՍՆԱՎՈՐ ՀԱՄԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԿԻՐԱՌՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ[1]

Ի. Կ. Ստեփանյան, Ռ. Վ. Սիմոնյան

Ռուս-հայկական համալսարան
ivetastepanyan@gmail.com, simonyanruben999@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակակից սոցիալական համակարգերը բախվում են բազմաշերտ մարտահրավերների, որոնք պայմանավորված են տնտեսական, ժողովրդագրական, ենթակառուցվածքային և քաղաքական գործոնների փոխազդեցությամբ: Հայաստանի պարագայում սոցիալական ոլորտի հիմնական խնդիրներից են բնակչության խոցելի խմբերի աճը, սոցիալական ծառայությունների ոչ հավասարաչափ տարածվածությունը, մարդկային և ֆինանսական ռեսուրսների սահմանափակությունը, ինչպես նաև պետական բյուջեի սահմանափակ հնարավորությունները:

Այս համատեքստում պետական-մասնավոր համագործակցությունը (ՊՄՀ) դիտարկվում է որպես կարևոր գործիք սոցիալական ծառայությունների արդյունավետ կազմակերպման, ենթակառուցվածքների զարգացման և հանրային արժեքի ստեղծման համար: ՊՄՀ-ի շրջանակում համատեղվում են պետության սոցիալական պատասխանատվությունը և հանրային վերահսկողությունը մասնավոր հատվածի ֆինանսական, կառավարման և նորարարական ներուժի հետ:

Հիմնաբառեր՝ պետական-մասնավոր համագործակցություն, սոցիալական ոլորտ, հանրային վերահսկողություն, բյուջետային ծախսեր:

[1] The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project № 24SSAH-5B004)

Ժամանակակից պետությունների սոցիալական քաղաքականությունը բախվում է նոր մարտահրավերների, որոնք պայմանավորված են հասարակական պահանջների աճով, տնտեսական փոփոխություններով և պետական ռեսուրսների սահմանափակությամբ: Այս պայմաններում պետությունները փորձում են գտնել նոր մեխանիզմներ սոցիալական ծառայությունների արդյունավետ կազմակերպման և ֆինանսավորման համար: Այդպիսի մեխանիզմներից մեկն է պետական-մասնավոր համագործակցությունը (ՊՄՀ), որը լայնորեն կիրառվում է աշխարհի տարբեր երկրներում:

ՊՄՀ-ը համագործակցության այնպիսի ձև է, որի շրջանակում պետությունը և մասնավոր հատվածը համատեղ իրականացնում են ենթակառուցվածքային կամ ծառայությունների մատուցման ծրագրեր՝ բաժանելով ֆինանսական, կազմակերպչական և գործառնական ռիսկերը: Այս մոդելը հնարավորություն է տալիս ներգրավել մասնավոր ներդրումներ հանրային ոլորտում և բարձրացնել ծառայությունների արդյունավետությունը [4] :

Միջազգային փորձի ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ ՊՄՀ մոդելների կիրառումը կարող է բարձրացնել հանրային ծառայությունների որակը և արդյունավետությունը՝ միաժամանակ նվազեցնելով պետական բյուջեի ֆինանսական բեռը: Հատկապես կարևոր է սոցիալական ազդեցության պարտատոմսերի (Social Impact Bonds–SIB) մոդելը, որը հիմնված է արդյունքահեն ֆինանսավորման սկզբունքի վրա: Չնայած Հայաստանում ՊՄՀ ծրագրերի սահմանափակ թվաքանակին, ոլորտում առկա է զարգացման զգալի ներուժ, որի իրացման համար անհրաժեշտ է կատարելագործել իրավական դաշտը, ամրապնդել ինստիտուցիոնալ կառույցները և ապահովել թափանցիկության արդյունավետ մեխանիզմներ: Առողջապահության, կրթության, սոցիալական ապահովության և թվային ծառայությունների ոլորտները դիտարկվում են որպես Հայաստանում ՊՄՀ կիրառման առավել հեռանկարային ուղղություններ:

Պետական-մասնավոր համագործակցության տեսական և գործնական հիմքերը լայնորեն ուսումնասիրվել են միջազգային գիտական գրականության մեջ: Դ. Գրիմզիի և Մ.Ք. Լյուիսի աշխատությունում նշվում է, որ ՊՄՀ-ի արդյունավետության հիմնական նախապայմաններից մեկը ռիսկերի ճիշտ բաշխումն է: Ռիսկերը պետք է փոխանցվեն այն կողմին, որն ունի դրանց կառավարման առավել արդյունավետ հնարավորություններ: Այսպիսով, ՊՄՀ-ը դիտարկվում է ոչ միայն որպես ֆինանսավորման այլընտրանքային մեխանիզմ, այլև որպես ռիսկերի կառավարման արդյունավետ գործիք:

Տնտեսական համագործակցության և զարգացման կազմակերպության ուսումնասիրությունները ցույց են տալիս, որ ՊՄՀ ծրագրերի արդյունավետ իրականացումը հնարավոր է միայն այն դեպքում, երբ առկա են հստակ ինստիտուցիոնալ կառույցներ և թափանցիկ վերահսկողական մեխանիզմներ: Հակառակ դեպքում նման ծրագրերը կարող են հանգեցնել պետական բյուջեի լրացուցիչ բեռի:

Միավորված ազգերի կազմակերպության զարգացման ծրագիրը նույնպես ընդգծում է մասնավոր հատվածի ներգրավման կարևորությունը կայուն զարգացման նպատակների իրականացման գործընթացում: Մասնավոր ներդրումները կարող են նպաստել սոցիալական ներառման և անհավասարության կրճատմանը՝ ստեղծելով երկարաժամկետ հանրային արժեք:

Հայաստանում պետական-մասնավոր համագործակցության թեման ուսումնասիրել է նաև Ա. Սարգսյանը, ով ընդգծում է, որ ՊՄՀ-ը հնարավորություն է տալիս հանրային ծառայությունների ոլորտում կիրառել մասնավոր հատվածի կառավարչական ճկունությունը և արդյունավետ կառավարման մեխանիզմները:

Պետական-մասնավոր համագործակցության կիրառումը սոցիալական ոլորտում ունի մի շարք կարևոր առավելություններ: Նախ՝ սոցիալական ենթակառուցվածքների ստեղծումն ու արդիականացումը պահանջում են մեծ ֆինանսական ռեսուրսներ, իսկ պետական բյուջեի հնարավորությունները հաճախ սահմանափակ

են: Այս պայմաններում ՊՄՀ-ն հնարավորություն է տալիս ներգրավել մասնավոր կապիտալ և նվազեցնել պետական բյուջեի անմիջական ֆինանսական բեռը:

Բացի ֆինանսական աջակցությունից, մասնավոր հատվածը հաճախ բերում է կառավարման ժամանակակից մեթոդներ, նոր տեխնոլոգիաներ և մասնագիտական փորձ, ինչը կարող է նպաստել սոցիալական ծառայությունների որակի և արդյունավետության բարձրացմանը: Միաժամանակ մասնավոր կազմակերպությունները սովորաբար կարողանում են ավելի արագ իրականացնել ծրագրերը և ներդնել նորարարական լուծումներ:

Կարևոր առավելություն է նաև ռիսկերի բաշխումը. շինարարական, ֆինանսական և գործառնական ռիսկերը կարող են բաժանվել պետության և մասնավոր գործընկերների միջև՝ բարձրացնելով ծրագրերի կայունությունը: Սակայն ՊՄՀ մոդելը ունի նաև որոշ սահմանափակումներ, որոնք հիմնականում կապված են վերահսկողության մեխանիզմների, իրավական կարգավորման և երկարաժամկետ ֆինանսական պարտավորությունների հետ [2]:

Ուսումնասիրենք սոցիալական ոլորտում ՊՄՀ-ների հաջողված օրինակներ համաշխարհային մասշտաբով:

Միացյալ Թագավորությունը ՊՄՀ ծրագրերի կիրառման առաջատար երկրներից է: 1990-ական թվականներից սկսած իրականացվել են հարյուրավոր ծրագրեր դպրոցների և հիվանդանոցների կառուցման և կառավարման ոլորտում: «Building Schools for the Future» ծրագրի շրջանակում կառուցվել են հարյուրավոր դպրոցներ և արդիականացվել հազարավոր կրթական հաստատություններ:

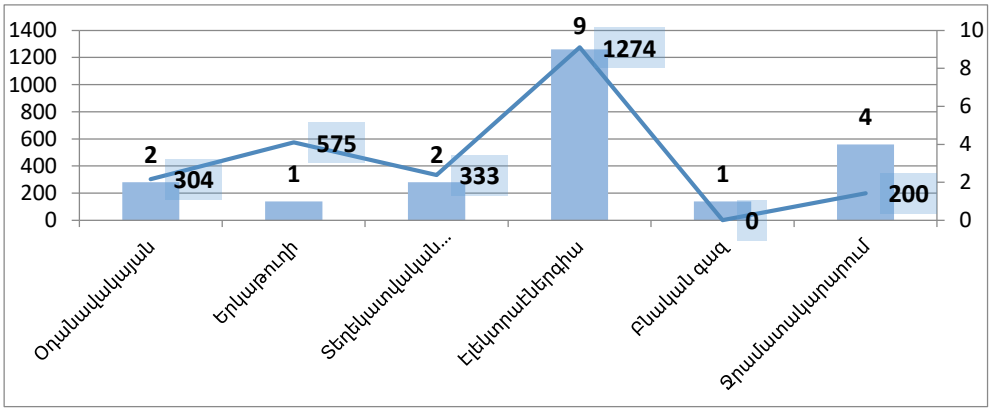
Կանադայում պետական-մասնավոր համագործակցության նախագծերը համակարգվում են հատուկ գործակալությունների միջոցով, որոնք ապահովում են ծրագրերի արդյունավետ կառավարում: Օրինակ՝ Օտտավայի հիվանդանոցի նախագիծը, որի բյուջեն գերազանցում է երկու միլիարդ կանադական դոլարը:

Գերմանիայում ՊՄՀ մոդելը լայնորեն կիրառվում է սոցիալական ծառայությունների ոլորտում՝ հատկապես ծերանոցների, վերականգնողական կենտրոնների և սոցիալական խնամքի հաստատու-թյունների կառավարման մեջ։

ՊՄՀ մոդելներից առանձնահատուկ տեղ է զբաղեցնում սոցիալական ազդեցության պարտատոմսերի մեխանիզմը, որը հիմնված է արդյունքահեն ֆինանսավորման սկզբունքի վրա։

Այս մոդելի ամենահայտնի օրինակներից մեկը Մեծ Բրիտանիայի Փիթըրբորոյի բանտի ծրագիրն է։ Ծրագրի նպատակն էր նվազեցնել ազատ արձակված բանտարկյալների կրկնահանցագործության մակարդակը։ Մասնավոր ներդրողները ֆինանսավորում էին սոցիալական ծրագրերը, իսկ պետությունը վճարում էր միայն այն դեպքում, երբ ձեռք էր բերվում նախապես սահմանված արդյունքը։

Ծրագրի ավարտին արձանագրվեց կրկնահանցագործության մակարդակի շուրջ 9 տոկոս նվազում, ինչը գերազանցում էր նախապես սահմանված նպատակային ցուցանիշը։ Այս նախագիծը ցույց տվեց, որ հնարավոր է համատեղել սոցիալական արդյունքը և ֆինանսական շահույթը։



Գծապատկեր 1. ՀՀ-ում 1990–2024թթ. նախագծերի քանակն ու ներդրումների ծավալն ըստ ոլորտների։

Աղբյուրը՝ կազմված է հեղինակի կողմից ըստ Համաշխարհային բանկի տվյալների [3]։

Առաջին գծապատկերը պատկերում են, թե վերջին երեք տասնամյակների ընթացքում ինչպիսի ներդրումային ծրագրեր են իրականացվել Հայաստանի տարբեր ենթակառուցվածքային ոլորտներում և որքան է եղել դրանց ֆինանսական ծավալը։

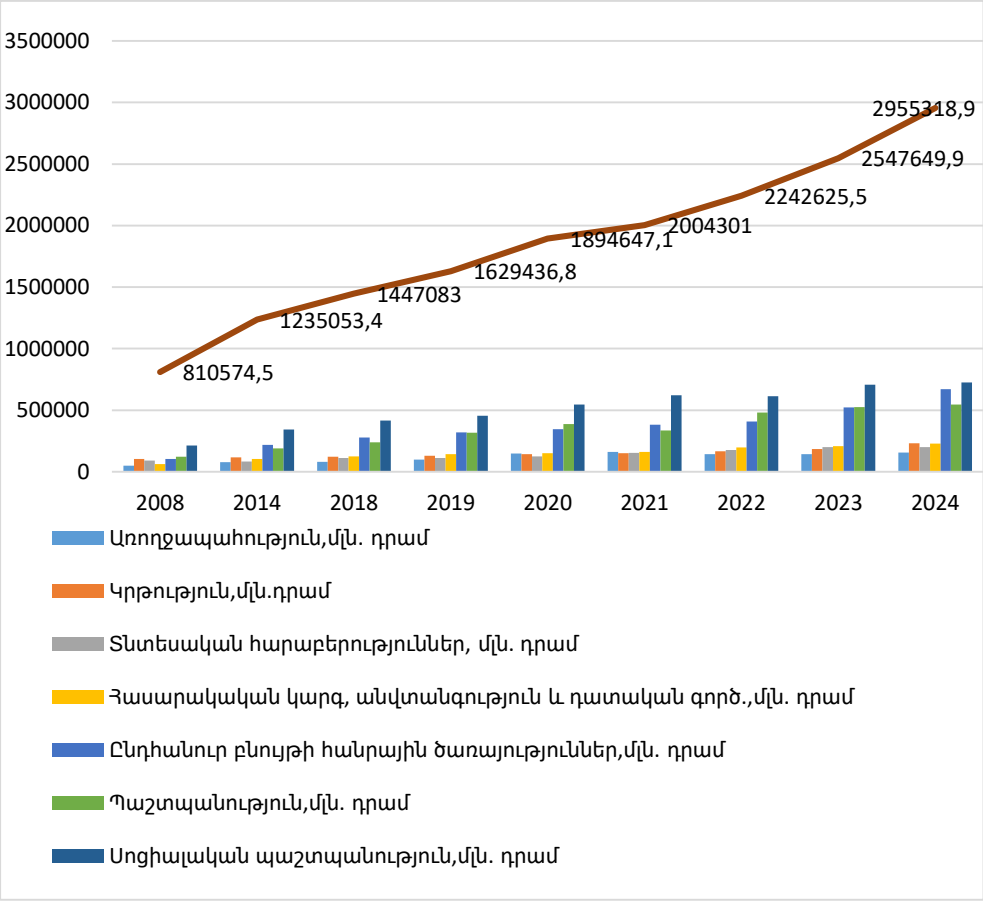
Եթե նայենք ընդհանուր պատկերին, անմիջապես նկատելի է մեկ հստակ միտում. ներդրումների հիմնական մասը ուղղվել է էներգետիկայի ոլորտ։ Էլեկտրաէներգետիկան այստեղ բացարձակ առաջատարն է՝ թե՛ ծրագրերի քանակով, թե՛ ներդրումների ընդհանուր արժեքով։ Այս ոլորտում իրականացվել է 9 ծրագիր՝ մոտ 1274 միլիոն ԱՄՆ դոլար ընդհանուր ծավալով։ Սա պատահական չէ. Հայաստանի համար էներգետիկ համակարգի կայունությունն ու արդիականացումը միշտ եղել են ռազմավարական առաջնահերթություն, քանի որ երկրի տնտեսական կայունությունը մեծապես կախված է էներգետիկ անվտանգության մակարդակից։

Զգալի ներդրումներ են կատարվել նաև տրանսպորտային ենթակառուցվածքներում։ Թեև երկաթուղային տրանսպորտում իրականացվել է ընդամենը մեկ խոշոր ծրագիր, այնուամենայնիվ դրա ֆինանսական ծավալը բավական մեծ է՝ շուրջ 575 միլիոն դոլար։ Սա ցույց է տալիս, որ նման նախագծերը սովորաբար ունեն մեծ մասշտաբ և պահանջում են զգալի կապիտալ ներդրումներ [1]։

Մյուս կարևոր ուղղություններից է ջրամատակարարման ոլորտը։ Այստեղ իրականացվել է 4 ծրագիր՝ մոտ 200 միլիոն դոլար ընդհանուր արժեքով։ Ջրամատակարարման համակարգերի բարելավումը կարևոր նշանակություն ունի թե՛ բնակչության կյանքի որակի բարձրացման, թե՛ համայնքային ծառայությունների արդյունավետության համար։ [5]

Տեղեկատվական տեխնոլոգիաների ոլորտում իրականացվել է 2 ծրագիր՝ մոտ 333 միլիոն դոլար արժեքով։ Թեև ծրագրերի թիվը մեծ չէ, սակայն ներդրումների ծավալը ցույց է տալիս, որ ոլորտը աստիճանաբար դառնում է կարևոր տնտեսական ուղղություն։

Հակառակ պատկերն է բնական գազի ոլորտում, որտեղ ներդրումային ակտիվությունը համեմատաբար սահմանափակ է: Դա կարող է պայմանավորված լինել այն հանգամանքով, որ ոլորտը բավականին կենտրոնացված է և զարգանում է հիմնականում այլ ներդրումային մեխանիզմներով:



Գծապատկեր 2. ՀՀ պետական բյուջեի ծախսերն ըստ ծախսերի գործառական դասակարգման խմբերի – ընդամենը, մլն. դրամ [6]:

Աղբյուր. կազմված է հեղինակի կողմից՝ ըստ ՀՀ վիճակագրական կոմիտեի տվյալների:

Երկրորդ գծապատկերը ներկայացնում է պետական բյուջեի ծախսերի փոփոխությունը վերջին տասնամյակների ընթացքում: Պատկերը բավական խոսուն է. 2008 թվականից մինչև 2024 թվականը պետական բյուջեի ծախսերը զգալիորեն աճել են: Եթե 2008 թվականին դրանք կազմել են մոտ 810,574 միլիոն դրամ, ապա 2024 թվականին արդեն հասել են 2,955,318 միլիոն դրամի: Այսպիսով, ընդհանուր առմամբ ծախսերը աճել են ավելի քան 3.6 անգամ:

Հատկապես նկատելի է, որ ամենաարագ աճը տեղի է ունեցել վերջին տարիներին՝ 2020-ից հետո: Այս ժամանակահատվածը բնութագրվում է ինչպես տնտեսական և սոցիալական ճգնաժամային երևույթներով, այնպես էլ անվտանգային նոր մարտահրավերներով, որոնք պահանջել են պետական ծախսերի զգալի ավելացում:

Բյուջեի կառուցվածքն ուսումնասիրելիս երևում է, որ սոցիալական պաշտպանությունը մշտապես զբաղեցնում է ամենամեծ բաժիններից մեկը: Պետությունը շարունակաբար մեծ միջոցներ է ուղղում կենսաթոշակների, սոցիալական նպաստների և այլ սոցիալական ծրագրերի իրականացմանը:

Վերջին տարիներին հատկապես մեծացել են նաև պաշտպանության ոլորտի ծախսերը: 2020 թվականից հետո դրանց աճը բավական կտրուկ է, ինչը մեծապես պայմանավորված է տարածաշրջանային անվտանգային իրավիճակով և բանակի արդիականացման անհրաժեշտությամբ:

Կրթության և առողջապահության ոլորտներում նույնպես նկատվում է ծախսերի աճ, սակայն դրանց աճի տեմպերը համեմատաբար ավելի զուսպ են և զիջում են սոցիալական և պաշտպանական ծախսերի արագությանը:

Եթե համադրենք ներդրումային ծրագրերի և պետական բյուջեի ծախսերի պատկերները, կարելի է նկատել մի քանի կարևոր միտումներ:

Առաջինը ներդրումային քաղաքականության ուղղվածությունն

է: Տարիներ շարունակ Հայաստանում արտաքին և խոշոր ներդրումների հիմնական մասը կենտրոնացած է եղել «կոշտ» ենթակառուցվածքների վրա՝ էներգետիկա, տրանսպորտ և կոմունալ համակարգեր: Այս ոլորտները տնտեսության հիմքն են և ապհովում են տնտեսական գործունեության ընդհանուր պայմանները:

Միևնույն ժամանակ, պետական բյուջեի կառուցվածքում գերակշռում են սոցիալական և պաշտպանական ծախսերը: Սա որոշ չափով սահմանափակում է այն միջոցները, որոնք կարող էին ուղղվել տնտեսական զարգացման և ենթակառուցվածքային նոր ծրագրերի ֆինանսավորմանը: Այդ պատճառով նման նախագծերի զգալի մասը իրականացվում է արտաքին ներդրումային ծրագրերի միջոցով:

Վերջապես, վերջին տարիներին բյուջեի ծավալի կտրուկ աճը ցույց է տալիս, որ պետությունը ավելի ակտիվ դեր է ստանձնել տնտեսության մեջ: Այս աճը մասամբ պայմանավորված է գնաճային գործընթացներով, սակայն նաև արտացոլում է այն փաստը, որ կառավարությունը ավելի լայնորեն է ներգրավվում տնտեսական և սոցիալական գործընթացների կառավարման մեջ:

Եզրակացություն

Ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ պետական-մասնավոր համագործակցությունը կարող է կարևոր դեր ունենալ Հայաստանի սոցիալական ոլորտի զարգացման գործում:
Հիմնական եզրակացություններն են.

1. Սոցիալական խնդիրների աճը և ռեսուրսների սահմանափակությունը ՊՄՀ-ը դարձնում են ոլորտի զարգացման կարևոր գործիք:
2. Միջազգային փորձը ցույց է տալիս, որ ՊՄՀ ծրագրերը կարող են բարձրացնել ծառայությունների որակը և արդյունավետությունը:

3. Սոցիալական ազդեցության պարտատոմսերի մոդելը հնարավորություն է տալիս համատեղել սոցիալական և ֆինանսական արդյունքները:
4. Հայաստանում ՊՄՀ ծրագրերի թիվը դեռևս սահմանափակ է, ինչը վկայում է ոլորտի չիրացված ներուժի մասին:
5. ՊՄՀ զարգացման համար անհրաժեշտ է կատարելագործել իրավական դաշտը, ամրապնդել ինստիտուցիոնալ կառույցները և ապահովել թափանցիկություն:

Այսպիսով, պետական և մասնավոր հատվածների արդյունավետ համագործակցությունը կարող է նպաստել սոցիալական ծառայությունների մատչելիության բարձրացմանը, ենթակառուցվածքների զարգացմանը և սոցիալական քաղաքականության արդյունավետ իրականացմանը Հայաստանում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ էկոնոմիկայի նախարարություն URL: https://mineconomy.am/page/1414.
2. «Պետություն-մասնավոր գործընկերության մասին» ՀՀ օրենք URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=132596.
3. ՀՀ-ում իրականացված ծրագրերի քանակ և ներդրումներ URL: https://ppi.worldbank.org/en/snapshots/country/armenia.
4. *Степанян И.К.* Государственно-частное партнерство как инструмент экономического развития Республики Армения: анализ проектов, проблем и перспектив / И.К. Степанян // Донецкие чтения – 2025: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра. Донецк, 05–07 ноября, 2025г. Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. СС. 130–132. EDN DAVYSX.
5. Предпосылки для развития проектов в рамках государственно-частного партнерства в Армении: экономический аспект / М.А. Восканян, С.В. Маслова, Р.А. Симонян [и др.] // «Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки», № 3 (54), 2025. СС. 11–33. DOI 10.24412/1829-0450-2025-3-11-33. EDN TGCILF.
6. ՀՀ պետական բյուջե URL:https://armstat.am/am/?nid=546.

ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОЦИАЛЬНОМ СЕКТОРЕ АРМЕНИИ

И.К. Степанян, Р.В. Симонян
Российско-Армянский Университет

АННОТАЦИЯ

Современные социальные системы сталкиваются с многогранными вызовами, обусловленными взаимодействием экономических, демографических, инфраструктурных и политических факторов. В случае Армении основными проблемами социальной сферы являются рост уязвимых групп населения, неравномерное распределение социальных услуг, ограниченность человеческих и финансовых ресурсов, а также ограниченные возможности государственного бюджета. В этом контексте государственно-частное партнерство (ГЧП) рассматривается как важный инструмент эффективной организации социальных услуг, развития инфраструктуры и создания общественной ценности. В рамках ГЧП социальная ответственность государства и общественный контроль сочетаются с финансовым, управленческим и инновационным потенциалом частного сектора.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, социальный сектор, государственный надзор, бюджетные расходы.

OPPORTUNITIES FOR IMPLEMENTING PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE SOCIAL SECTOR OF ARMENIA

I. Stepanyan, R. Simonyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

Modern social systems face multifaceted challenges arising from the interaction of economic, demographic, infrastructural, and political factors. In Armenia, the main problems in the social sphere include the growth of vulnerable groups, the uneven distribution of social services, limited human and financial resources, and the limited capacity of the state budget. In this context, public-private partnerships (PPPs) are viewed as an important tool for the effective organization of social services, infrastructure development, and the creation of public value. PPPs combine the state's social responsibility and public oversight with the financial, managerial, and innovative potential of the private sector.

Keywords: public-private partnership, social sector, state supervision, budget expenditures.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-340-350

ՌԻՍԿԵՐԻ ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ԳՆԱՀԱՏՈՒՄԸ ՀՀ ԲԱՆԿԱՅԻՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ

Հ.Խ. Խաչատրյան, Ա.Ա. Թանանյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Տնտեսագիտության և բիզնեսի ինստիտուտ
arsentananyan0@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հետազոտական աշխատանքը նվիրված է ՀՀ բանկային համակարգում ռիսկերի կառավարման գործընթացների գնահատմանը՝ հաշվի առնելով ֆինանսական կայունության ապահովման արդի մարտահրավերները: Աշխատանքում ուսումնասիրվում են բանկային գործունեությանը բնորոշ հիմնական ռիսկերը առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձնելով վարկային ռիսկին: Հետազոտության ընթացքում վերլուծվում են վարկային պորտֆելի կառուցվածքը, վարկերի դասակարգման և վերապահումների ձևավորման գործընթացները: Աշխատանքի արդյունքները վկայում են այն մասին, որ ՀՀ բանկային համակարգում առկա է վարկային ներդրումների որոշակի ռիսկայնություն, որն, այնուամենայնիվ ուղեկցվում է ոլորտում ֆինանսական կայունությամբ: Եզրակացվում է, որ վարկային ռիսկի արդյունավետ կառավարումը հանդիսանում է բանկային համակարգի կայունության և շարունակական զարգացման հիմնարար պայման:

Հիմնաբառեր՝ վարկային ռիսկ, ռիսկերի կառավարման գնահատում, բանկային համակարգ, ֆինսանսական կայունություն:

Ներածություն

Բոլոր տնտեսությունները, հատկապես զարգացող տնտեսությունները, այդ թվում՝ Հայաստանի տնտեսությունը, պարբերաբար բախվում են ինչպես արտաքին, այնպես էլ ներքին շոկերի: Այսպիսի իրավիճակները մեծացնում են վարկային, շուկայական, գործառնա-

կան և այլ ռիսկերի մակարդակը՝ բարդացնելով ֆինանսական համակարգի կայուն գործունեությունը։ Այդ պատճառով ռիսկերի կառավարման համակարգերի արդյունավետ գնահատումը դառնում է առանձնահատուկ կարևորություն ունեցող խնդիր։

Վարկային ռիսկի կառավարման ժամանակակից մոտեցումները կենտրոնանում են վարկային պորտֆելի ճիշտ բաշխման, խնդիր ունեցող վարկերի (NPL) կրճատման և ռիսկերի վաղ հայտնաբերման համակարգերի զարգացման վրա։ Ինչպես նշում են Gorton և Metrick-ը (2012), ֆինանսական ճգնաժամերի ընթացքում վարկային ռիսկի ոչ պատշաճ կառավարումը կարող է արագորեն տարածվել և վերածվել համակարգային խնդրի՝ վտանգելով ողջ ֆինանսական համակարգի կայունությունը։ Միջազգային փորձը ցույց է տալիս, որ վարկային ռիսկի արդյունավետ կառավարումը պահանջում է ինչպես տեսական հստակ մոտեցումներ, այնպես էլ գործնական կիրառելի գործիքներ։ Այդ տեսանկյունից Basel II և Basel III չափորոշիչները կարևոր դեր են տալիս կապիտալի բավարարությանը, ռիսկերի չափման մոդելներին (PD, LGD, EAD) և սթրես-թեստավորմանը՝ որպես բանկային կայունության ապահովման հիմնական գործոններ (BCBS, 2011)։ Միևնույն ժամանակ, Altman-ի կողմից առաջարկված սնանկության կանխատեսման մոդելները հիմք են դրել վարկառուների վարկունակության գնահատման ժամանակակից մեթոդաբանությանը։

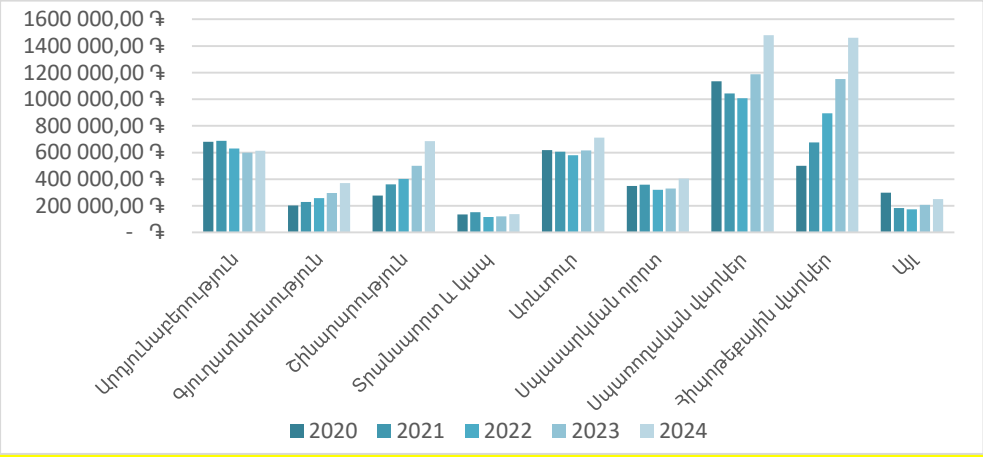
Թեմայի արդիականությունը հատկապես ընդգծվում է վերջին տարիների զարգացումներով։ 2020–2025թթ. ընթացքում ՀՀ ֆինանսաբանկային համակարգը հայտնվել է մի շարք փոփոխությունների և անորոշությունների պայմաններում՝ պայմանավորված աշխարհաքաղաքական իրադարձություններով և կարգավորիչ միջավայրի փոփոխություններով։ Այս գործընթացները տարբեր ձևերով ազդել են բանկերի ակտիվների կառուցվածքի և որակի վրա՝ առաջացնելով նոր ռիսկեր կամ խորացնելով արդեն գոյություն ունեցողները, որոնք պահանջում են մանրակրկիտ ուսումնասիրություն։

Սույն հետազոտության նպատակն է պարզել, թե ինչպես են բաշխված վարկային ակտիվները ՀՀ բանկերում, ինչ ռիսկեր են դրանց ուղեկցում և որքան արդյունավետ են այդ ռիսկերը կառավարվում: Հետազոտության հիմնական խնդիրներն են՝ ուսումնասիրել վարկային ներդրումների հիմնական ուղղությունները, բացահայտել առավել ռիսկային ոլորտները, գնահատել ռիսկերի ազդեցությունը ֆինանսական կայունությունը բնութագրող ցուցանիշների վրա և վերլուծել, թե որքանով են ՀՀ առևտրային բանկերը համապատասխանեցնում իրենց գործունեությունը սահմանված ռիսկային նորմատիվներին:

Վերլուծություն

Ուսումնասիրելով ՀՀ ԿԲ կողմից հրապարակվող ֆինանսական հաշվետվությունները կարող ծանոթանալ ՀՀ առևտրային բանկերի կողմից ՀՀ ռեզիդենտ ֆիզիկական և իրավաբանական անձանց տրամադրված վարկային միջոցների ծավալին և ոլորտայնությանը:

Գծապատկեր 1. ՀՀ առևտրային բանկերի կողմից ռեզիդենտներին տրամադրված ընդհանուր վարկերն ըստ ոլորտների, մլն ՀՀ դրամ:

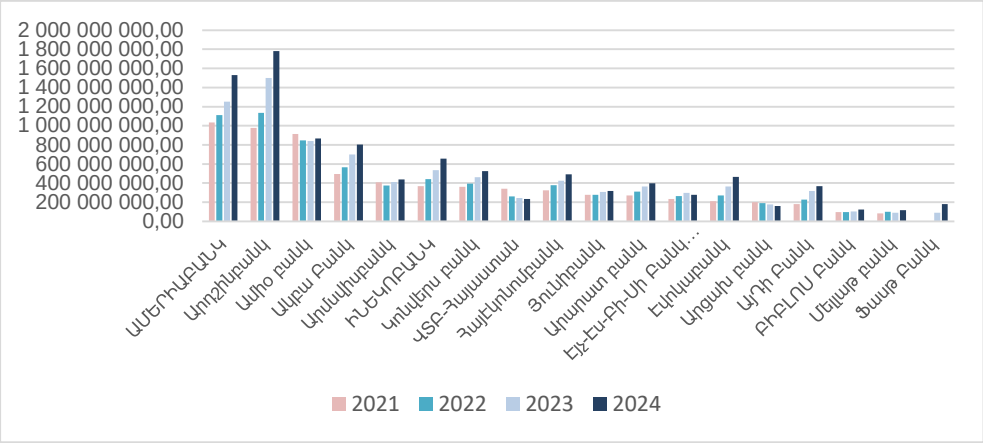


Աղբյուր՝ ՀՀ կենտրոնական բանկ
https://www.cba.am/am/SitePages/statmonetaryfinancial.aspx:

Ինչպես տեսնում ենք գծապատկերում, վերջին 5 տարիներին տնտեսության ոլորտներից առավել մեծ մասշտաբներով ֆինանսավորում են ստացել անշարժ գույքի, առևտրի, մշակող արդյունաբերության, շինարարության ոլորտները: Ընդ որում, 2024թ.-ի դրությամբ, բավականին բարձր աճ են գրանցել ՀՀ առևտային բանկերի կողմից շինարարական ոլորտին տրամադրված վարկերը: Դա պայմանավորված է, մասնավորապես, կառավարության կողմից մի շարք նոր շինարարական ներդրումային ծրագրերի հայտարարությամբ և համապատասխան տենդերների ակտիվ բացմամբ, ինչի արդյունքում մեծացել է շինարարական և ենթակառուցվածքային նախագծերի ֆինանսավորման պահանջարկը, նշյալ շինարարության ոլորտին տրամադրվող վարկերը ՀՀ-ում գործող առևտրային բանկերի կողմից մեծապես տրամադրվում են մրցույթների շրջանակներում պայմանագրերի կատարման համար: Բացի վերոնշյալը, եթե ուշադրություն դարձնենք հիփոթեքային վարկերի ծավալին՝ կնկատենք, որ դրանք շինարարական ոլորտին տրամադրվող վարկերի հետ համամասնորեն են աճել: Ուշադրություն հրավիրելով առևտրի, սպասարկման, գյուղատնտեսության ոլորտներին տրամադրվող վարկերին կարող ենք նկատել, որ դրանք նույնպես աճել են, սակայն ոչ նույն տեմպով: Եթե փորձենք փաստերը արձանագրել թվերով, ապա շինարարության ոլորտի ֆինանսավորումը 2020թ.-ի 276 մլրդ դրամից աճել է մինչև 685 մլրդ դրամի 2024թ.-ին՝ շուրջ 2,5 անգամ: Առևտրի ոլորտում նույն թվականներին ֆինանսավորումն աճել է շուրջ 15.4%-ով 617 մլրդ-ից հասնելով 712 մլրդ-ի:

Գյուղատնտեսության ոլորտում վերջին 5 տարիների ընթացքում արձանագրվել է որոշակի կայուն աճ, սակայն ֆինանսավորման չափերը անհամեմատ ցածր են առևտրի ու շինարարության ոլորտներից: 2020–2025թթ.-ին գյուղատնտեսության ոլորտին ուղղված վարկերը 203 մլրդ-ից աճել են շուրջ 82.2%-ով հասնելով մոտ 370 մլրդ-ի:

Գծապատկեր 2. Ակտիվները ՀՀ բանկային համակարգում 2021–2024թթ.-ին:



Աղբյուր՝ ՀՀ առևտրային բանկերի տարեկան հաշվետվություններ:

Գծապատկեր 2-ից երևում է, որ 2021–2024թթ. ՀՀ առևտրային բանկերի ակտիվների ընդհանուր ծավալը աճի միտում ունի: Աճը առավել արտահայտված է խոշոր բանկերի մոտ, ինչը վկայում է ոլորտում ակտիվների կոնցենտրացիայի խորացման մասին: 2023–2024թթ. աճը շատ բանկերի համար արագացել է՝ պայմանավորված վարկավորման ընդլայնմամբ, խոշոր նախագծերի ֆինանսավորմամբ և պետական ու մասնավոր ներդրումային ծրագրերի ակտիվացմամբ: Ինչպես նշեցինք վերջին տարիներին ՀՀ առևտրային բանկերի ակտիվների ընդհանուր ծավալը ընդհանուր առմամբ աճել է, սակայն հարկ է նշել, որ աճի տեմպերը եղել են անհամաչափ: Ամենամեծ բացարձակ տոկոսային աճը գրանցել է Արդշինբանկը, որի ակտիվները 2021 թվականից 2024 թվականը աճել են մոտավորապես 80%-ով հասնելով 1.78 մլրդ ՀՀ դրամի: Ամենափոքր աճը դիտվել է այն բանկերի մոտ, որոնց ակտիվները նույն ժամանակահատվածում աճել են ընդամենը 5–10%, իսկ որոշ դեպքերում նույնիսկ արձանագրվել է նվազում՝ շուրջ 10–15%: Մասնավորապես Բիբլոս-Բանկ-ի դեպքում ակտիվները աճը եղել է չնչին իսկ Արցախբանկի դեպքում նկատվել է ակտիվների նվազում:

Ստորև գծապատկերում ներկայացված են ակտիվների համակենտրոնացումը թոփ 5 ՀՀ առևտրային բանկերում: Կարող ենք արձանագրել, որ 2024 թվականի դրությամբ ակտիվների շուրջ 32%-ը կենտրոնացված է Արդշինբանկի մոտ, իսկ հաջորդ խոշոր բանկը՝ Ամերիաբանկը զբաղեցնում է 27% բաժնեմաս: Այսինքն՝ ՀՀ-ում գործող 2 ամենախոշոր բանկերը միասին վերահսկում են ակտիվների գրեթե 60%-ը: Սա վկայում է, այն մասին որ ՀՀ բանկային համակարգը ունի օլիգոպոլ կառուցվածքով, որտեղ շուկայի հիմնական ռեսուրսները կենտրոնացած են սահմանափակ թվով խոշոր բանկերի մոտ, ինչը սահմանափակում է մրցակցային միջավայրը և իր հետ բերում որոշակի ռիսկեր, մասնավորապես՝

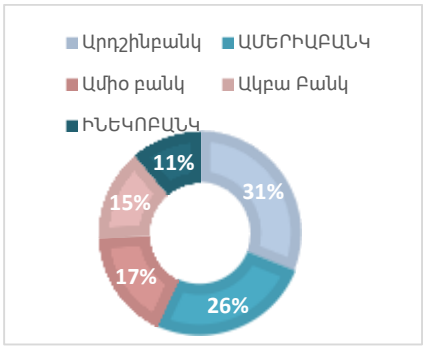
Համակարգային ռիսկեր. եթե 2–3 խոշոր բանկում կենտրոնացած են շուկայի մեծ մասը, ապա դրանց խնդիրների դեպքում ամբողջ համակարգը կարող է վտանգի ենթարկվել:

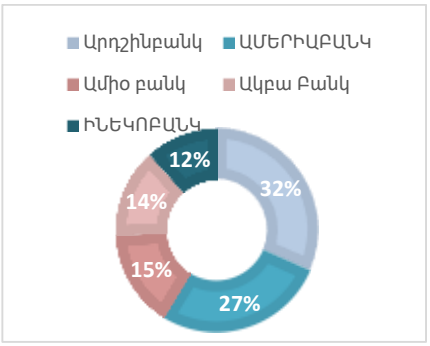
Մրցակցության թուլացում. Փոքր և միջին բանկերը կարող են դժվարությամբ դիմակայել մրցակցությանը, ինչը կարող է սահմանափակել նորարարական ծառայությունների զարգացումը և բարձրացնել վարկերի ու ծառայությունների գները:

Մոնոպոլիզացիայի միտում. եթե ակտիվները շարունակ կենտրոնացվում են մի քանի բանկում, դա կարող է հանգեցնել շուկայի մենաշնորհային կարգավիճակի, որն ի վերջո վնասում է սպառողին:

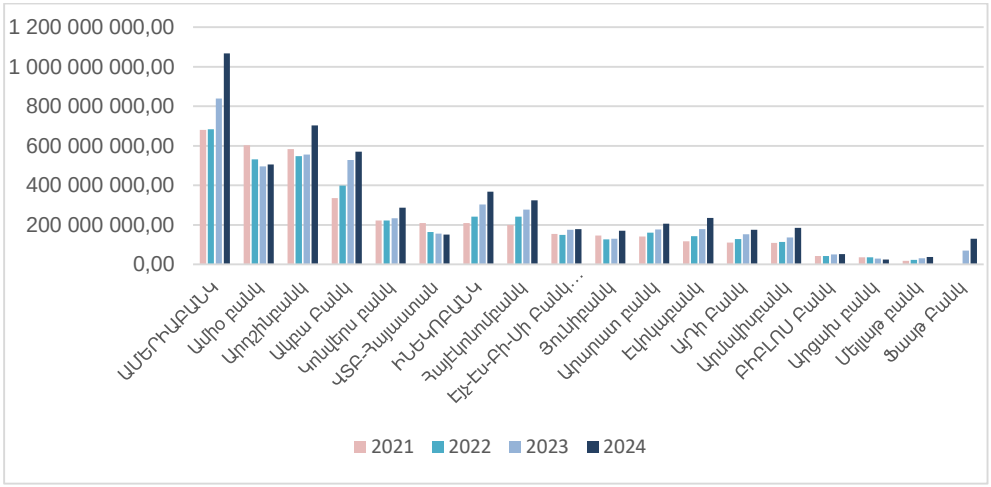
Ռիսկերի ոչ համաչափ բաշխվածություն. Կենտրոնացված համակարգում շուկայական, վարկային կամ տնտեսական ռիսկերն ամբողջությամբ կրում են նույն բանկերը, ինչը սրում է ճգնաժամային իրավիճակները:

Գծապատկեր 3. Ակտիվների համակետրոնացումը թոփ 5 հայաստանյան բանկերում 2023 (ձախ) և 2024 (աջ) թվականներին։





Գծապատկեր 4. Վարկային ներդրումները ՀՀ բանկային համակարգում 2021–2024թթ.-ին։

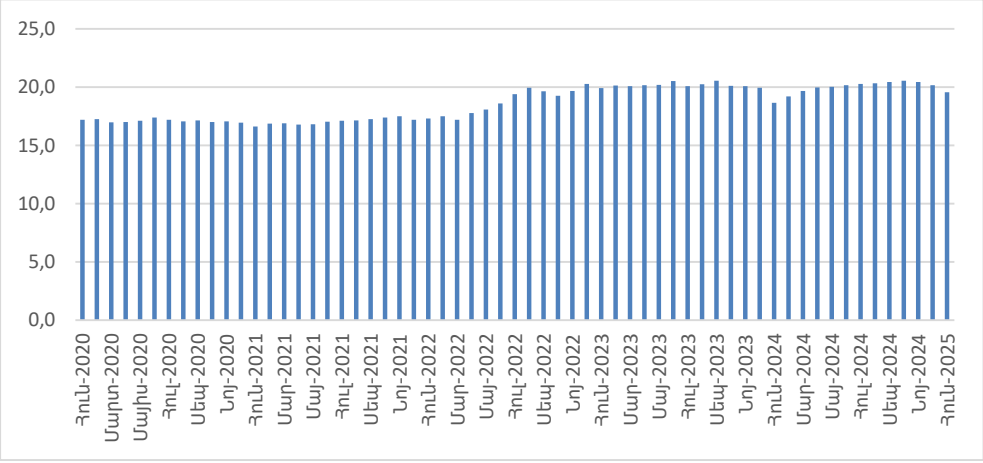


Գծապատկերը 4-ը ցույց է տալիս ՀՀ առևտրային բանկերում վարկային ներդրումների դինամիկան ըստ բանկերի 2021–2024թթ.։ Վերլուծելով տվյալները կարող ենք ասել, որ համակարգում առկա է ընդհանուր աճի միտում, սակայն աճի տեմպերն ու ծավալները բանկերի միջև էապես տարբեր են։ Հարկ է առանձնացնել այն փաստը, որ խոշոր բանկում՝ հատկապես Ամերիաբանկում և Արդշինբանկում վարկային ներդրումները զգալիորեն աճել են, հատկապես 2023–2024թթ.։ Ամերիաբանկի դեպքում վարկային ներդրումների ծավալը 2021թ.-ին կազմել էր շուրջ 680 մլրդ ՀՀ դրամ,

2024թ.-ին ներդրումների ծավալը ավելացել է մոտ 54%-ով և 2024թ.-ին կազմել շուրջ 1.05 տրլն ՀՀ դրամ, Արդշինբանկի վարկային ներդրումների մակարդակը նույն ժամանակահատվածում աճել է մոտ 100 մլրդ ՀՀ դրամով և 2024թ.-ի դրությամբ կազմել շուրջ 700 մլրդ ՀՀ դրամ: Այս կոնտեքստում ընդհանուր նկարագիր տալու համար կարող ենք ասել, որ ընդհանուր վարկային ներդրումները ՀՀ բանկային համակարգում աճել են 3.9 տրլն-ից մինչև 5.3 տրլն-ի՝ շուրջ 37%-ով: Եթե համեմատենք վարկային ներդրումները ակտիվների ծավալի հետ, ապա կունենանք հետևյալ պատկերը: 2021՝ 57.91%, 2022՝ 54.67% , 2023՝ 53.33% և 2024թ.-ին՝ 55.26%:

ՀՀ բանկերում վարկային ռիսկերի կառավարման գնահատում իրականացնելու համար վերլուծենք նաև կապիտալի համարժեքության ցուցանիշները և չաշխատող վարկերի տեսակարար կշիռը ընդհանուր վարկերի մեջ: Նշենք նաև, որ չաշխատող վարկերի ցուցանիշի հաշվարկի մեջ 2024թ.-ին ՀՀ ԿԲ-ն կատարել է փոփոխություն՝ բացառելով որպես «հսկվող» դասակարգված վարկերը:

Գծապատկեր 5. Նորմատիվային ընդհանուր կապիտալի հարաբերակցությունը ռիսկով կշռված ակտիվներին ՀՀ բանկերում:

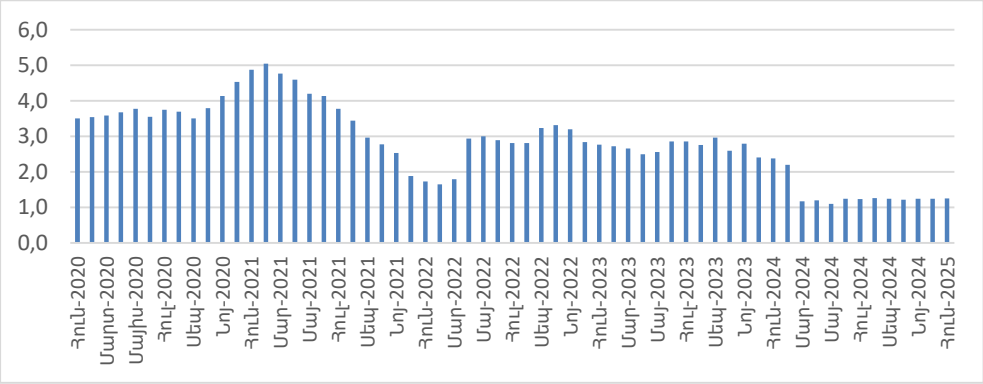


Աղբյուր՝ ՀՀ կենտրոնական բանկ՝ https://www.cba.am/am/SitePages/fsintroduction_def.aspx:

Նշենք, որ պատմականորեն այս նորմատիվի ցուցանիշը եղել 12%, սակայն ՀՀ ԿԲ կողմից 2024 թվականի հոկտեմբերին այն փոփոխվել և սահմանվել է 11%: ՀՀ-ում գործող բոլոր առևտրային բանկերը հաջողությամբ պահպանում են սահմանված ցուցանիշը, ինչը նշանակում է, որ բանկերը ունեն բավական կապիտալ՝ հնարավոր անկախատեսելի կորուստներից խուսափելու համար:

Ինչը վերաբերում է չաշխատող վարկերին, դրանց տեսակարար կշիռը ընդհանուր վարկերի մեջ ունի առավել տատանվող դինամիկա. ցուցանիշի արժեքը վերջին մեկ տարվա ընթացքում բավականին բարելավվել է՝ հասնելով վերջին հինգ տարվա մինիմալ արժեքին (Գծապատկեր 6):

Գծապատկեր 6. Չաշխատող վարկերի հարաբերակցությունը ընդհանուր վարկերին:



Աղբյուր՝ ՀՀ կենտրոնական բանկ՝ https://www.cba.am/am/SitePages/fsintroduction_def.aspx:

Եզրակացություն

Ամփոփելով կարելի է եզրակացնել, որ ՀՀ բանկային համակարգում վարկային ռիսկերի կառավարումը վերջին տարիներին իրականացվում է համեմատաբար արդյունավետ՝ ապահովելով համակարգի ընդհանուր ֆինանսական կայունությունը:

Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ բանկային ակտիվների և վարկային ներդրումների զգալի համակենտրոնացումը խոշոր

բանկերի մոտ կարող է սահմանափակել մրցակցային միջավայրը և խորացնել համակարգային ռիսկերը՝ հատկապես արտաքին կամ ներքին շոկերի պայմաններում: Այդուհանդերձ, ՀՀ առևտրային բանկերը պահպանում են կապիտալի համարժեքության սահմանված նորմատիվները, ինչը վկայում է հնարավոր կորուստները կլանելու բավարար կարողության մասին: Բացի այդ, չաշխատող վարկերի տեսակարար կշռի նվազման միտումը մատնանշում է վարկային պորտֆելների որակի որոշակի բարելավում:

Ընդհանուր առմամբ, կարելի է արձանագրել, որ վարկային ռիսկի արդյունավետ կառավարումը հանդիսանում է ՀՀ բանկային համակարգի կայունության և շարունակական զարգացման առանցքային գործոն: Միևնույն ժամանակ, համակարգային ռիսկերի նվազեցման և կայուն զարգացման ապահովման նպատակով անհրաժեշտ է շարունակել ռիսկերի վաղ հայտնաբերման մեխանիզմների կատարելագործումը, վարկային պորտֆելների դիվերսիֆիկացումը և կարգավորիչ վերահսկողության ամրապնդումը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. ՀՀ Կենտրոնական բանկ https://www.cba.am
2. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: A Global Regulatory Framework for More Resilient Banks and Banking Systems // "Bank for International Settlements", 2011.
3. Basel Committee on Banking Supervision International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards (Basel II) // BIS, 2006 https://www.bis.org/publ/bcbs04a.htm
4. *Gorton G., & Metrick A.* Regulating the Shadow Banking System // "Brookings Papers on Economic Activity', 2012.
5. *Altman E.* Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // "Journal of Finance", № 23 (4), 1968. PP. 589–609.
6. IMF. Financial Stability Assessment: Armenia // "International Monetary Fund", 2022.

ОЦЕНКА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РА

Х.Х. Хачатрян, А.А. Тананян
Российско-Армянский университет,
Институт Экономики и Бизнеса

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена оценке процессов управления рисками в банковской системе Республики Армения для обеспечения финансовой устойчивости с учетом современных вызовов. В работе рассматриваются основные риски, присущие банковской деятельности, с особым акцентом на кредитные риски. В ходе исследования анализируются структура кредитного портфеля, процессы классификации кредитов и формирования резервов. Результаты работы свидетельствуют о том, что в банковской системе РА присутствует определенная рискованность кредитных вложений, которая, тем не менее, сопровождается финансовой устойчивостью сектора. Делается вывод о том, что эффективное управление кредитными рисками является фундаментальным условием стабильности и устойчивого развития банковской системы.
Ключевые слова: кредитный риск, оценка управления рисками, банковская система, финансовая устойчивость.

ASSESSMENT OF RISK MANAGEMENT IN THE BANKING SYSTEM OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Kh. Khachatryan, A. Tananyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

This research paper is devoted to the assessment of risk management processes in the banking system of the Republic of Armenia, taking into account the current challenges of ensuring financial stability. The paper examines the main risks inherent in banking activities, with particular emphasis on credit risk. The study analyzes the structure of the loan portfolio, as well as the processes of loan classification and provisioning. The results indicate that there is a certain level of risk associated with credit investments in the banking system of the Republic of Armenia; however, this is accompanied by overall financial stability in the sector. It is concluded that effective credit risk management is a fundamental condition for the stability and sustainable development of the banking system.
Keywords: credit risk, risk management assessment, banking system, financial stability.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И РОСТ

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-351-365

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ КАК ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Э.А. Акопян

Российско-Армянский университет
ester.hakobyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается роль высших учебных заведений в формировании и развитии человеческого капитала в условиях устойчивого экономического роста, цифровой трансформации и внедрения технологий искусственного интеллекта. Раскрываются теоретические основы концепции человеческого капитала, и анализируется значение университетов как институциональной основы экономики знаний. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации и искусственного интеллекта на образовательный процесс, научно-исследовательскую деятельность и формирование новых компетенций, востребованных в современной инновационной экономике. Исследуются как преимущества внедрения ИИ в систему высшего образования, так и связанные с этим риски, включая цифровое неравенство, снижение академической автономии и этические проблемы использования технологий. В качестве практического примера рассматривается деятельность Российско-Армянского университета как института развития человеческого капитала в условиях цифровой экономики. На основе анализа динамики студенческого контингента, показателей восстановления и трудоустройства выпускников делается вывод о значительной роли университета в обеспечении устойчивого развития, подготовке конкурентоспособных специалистов и формировании инновационного потенциала общества.

Ключевые слова: человеческий капитал, высшее образование, устойчивое развитие, цифровая трансформация, искусственный интеллект, экономика знаний, цифровизация образования, инновационная экономика, университеты, Российско-Армянский университет.

Введение

Современное развитие мировой экономики сопровождается глубинными технологическими и институциональными изменениями, обусловленными переходом к модели устойчивого экономического роста, основанной на знаниях, инновациях и цифровых технологиях. В этих условиях человеческий капитал становится не просто фактором производства, а стратегическим ресурсом, определяющим конкурентоспособность национальных экономик, устойчивость общественных институтов и способность государств адаптироваться к глобальным вызовам. Ключевая роль в формировании и воспроизводстве человеческого капитала принадлежит системе высшего образования. Именно университеты обеспечивают не только подготовку специалистов, но и создание научно-инновационной среды, способствующей развитию интеллектуального и творческого потенциалов личности. При этом сама сущность высшего образования в XXI веке претерпевает глубокую трансформацию: цифровизация, глобализация и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) изменяют модели обучения, взаимодействия и оценки образовательных результатов. Искусственный интеллект становится новым драйвером изменений в образовательных системах, трансформируя педагогические подходы, методы анализа данных и механизмы персонализации образовательных траекторий. Университеты встали перед новыми задачами и вызовами.

Как сделать классическое академическое образование гибким, мобильным и актуальным? Происходит изменение самого процесса получения знаний. Университеты, способные интегрировать технологии ИИ в учебный процесс и научную деятельность, сумеют создать качественно новые формы человеческого капитала – гибридные компетенции, сочетающие технологическую грамотность, критическое мышление и креативность. В противном случае возникает риск отставания вузов от глобальных тенденций и утраты их институциональной роли в экономике знаний. Таким образом, современная миссия высших учебных заведений заключается не только в передаче знаний, но и в формировании среды, способной адаптироваться к инновационным вызовам, формировать цифровую и этическую культуру, а также обеспечивать устойчивое развитие общества.

Цель данной статьи – проанализировать роль высших учебных заведений как института развития человеческого капитала в модели устойчивого экономического роста, уделив особое внимание влиянию цифровых трансформаций и технологий искусственного интеллекта. В качестве примера рассматривается Российско-Армянский университет (РАУ) как модель интеграции образования, науки и инноваций в условиях цифровой экономики.

Задачи исследования включают:

- раскрытие теоретических основ понятия человеческого капитала;
- определение роли вузов в его воспроизводстве;
- анализ вклада РАУ в развитие человеческого капитала и экономики знаний.

Теоретические основы формирования человеческого капитала

Понятие человеческого капитала впервые было введено Т. Шульцем (1961) и получило дальнейшее развитие в трудах Г. Беккера (1964), которые рассматривали инвестиции в образование как стратегический ресурс повышения производительности труда. С тех пор роль и значение человеческого капитала как фактора, влияющего на экономический рост, подверглись существенной трансформации. Современные экономические теории (Р. Лукас, П. Ромер, Дж. Минсер и др.) подчеркивают, что рост качества человеческого капитала напрямую связан с инновационной активностью и способностью экономики адаптироваться к глобальным вызовам. Экономика развивается в условиях ускоренной технологической трансформации, где человеческий капитал становится определяющим фактором устойчивого экономического роста. В рамках устойчивого развития человеческий капитал приобретает многоуровневое значение, включая не только образовательные и профессиональные навыки, но и социальные, экологические и цифровые компетенции. Именно эти элементы формируют основу экономики знаний и инновационной экосистемы. Вузы играют ключевую роль в формировании необходимых навыков, выступая институциональной основой накопления знаний, компетенций и инновационного потенциала. Традиционно университеты являются связующим звеном между системой образования,

наукой, экономикой и обществом, обеспечивая воспроизводство знаний, компетенций и ценностей, необходимых для устойчивого экономического роста. Однако в XXI веке характер и функции высшего образования претерпевают фундаментальные изменения под воздействием цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ). Эти процессы трансформируют само понимание человеческого капитала, делая акцент не только на знаниях и профессиональных навыках, но и на цифровой грамотности, способности к критическому мышлению, коммуникации в цифровой среде и этическому использованию технологий. Вузы выполняют функции не только образовательных и исследовательских, но и культурных и социальных институтов. Вузы обеспечивают:

- подготовку высококвалифицированных специалистов, соответствующих требованиям современного рынка труда;
- формирование научно-исследовательских и проектных компетенций;
- развитие международного и междисциплинарного взаимодействия;
- трансфер технологий и знаний в реальный сектор экономики.

В результате цифровой трансформации формируется новая структура человеческого капитала, где приоритет получают гибкие, междисциплинарные и технологически ориентированные компетенции. Сегодня вузы, внедряя цифровые инструменты обучения (онлайн-платформы, системы управления знаниями, адаптивные образовательные среды), создают условия для индивидуализации образовательных траекторий и повышения доступности образования, что приводит к формированию новых и более целенаправленных на изменившийся рынок труда компетенций. Особое значение приобретает формирование цифрового интеллекта (Digital Intelligence) – интеграции технических, когнитивных и этических навыков, позволяющих эффективно действовать в цифровом обществе. Университеты становятся пространством, где эти качества целенаправленно формируются через сочетание классического образования и цифровых инноваций. Однако широкое применение искусственного интеллекта требует не только технологической, но и этической подготовки. В связи с этим появляется новая функция: университеты должны нести ответственность за формирование у студентов куль-

туры ответственного использования ИИ, понимания уровня его опасности и социальной значимости. Таким образом, университеты становятся ключевыми центрами устойчивого развития, формируя инновационную и культурную среду общества.

Роль высших учебных заведений в развитии человеческого капитала в условиях цифровой трансформации

Современные высшие учебные заведения выполняют ключевую роль в формировании человеческого капитала, выступая не только образовательными организациями, но и институтами инновационного и социального развития. Технологии искусственного интеллекта оказывают значительное влияние на организацию образовательного процесса, научные исследования и управление университетами. ИИ используется для:

- персонализации обучения (адаптивные образовательные платформы, рекомендательные системы);
- автоматизации административных и аналитических процессов (управление учебными нагрузками, прогнозирование успеваемости, мониторинг качества обучения);
- поддержки научных исследований (обработка больших данных, моделирование, прогнозирование).

Внедрение ИИ позволяет высшим учебным заведениям повысить эффективность образовательной деятельности и развивать у студентов компетенции, востребованные в экономике будущего: аналитическое мышление, междисциплинарность, креативность и цифровую адаптивность. Современный университет выступает как институт устойчивого развития, где сочетаются образовательная, исследовательская и общественная функции. Через развитие человеческого капитала вузы вносят вклад в достижение целей устойчивого развития (ЦУР), определенных ООН: обеспечение качественного образования (ЦУР 4), достойной работы и экономического роста (ЦУР 8), инноваций и инфраструктуры (ЦУР 9). Внедрение технологий ИИ способствует реализации этих целей, обеспечивая более справедливый доступ к образованию, повышение эффективности научных исследований и формирование инклюзивной образовательной среды.

Таким образом, цифровая трансформация и искусственный интеллект не просто модернизируют образовательные процессы, а становятся

катализатором формирования нового типа человеческого капитала – гибкого, инновационного и социально ответственного. Несмотря на очевидные преимущества цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта, процессы цифровой трансформации высшего образования сопровождаются рядом сложных вызовов и рисков, которые требуют системного и взвешенного подхода. Эти вызовы затрагивают как институциональные основы университетов, так и содержательную сторону образовательного процесса.

Во-первых, возникает риск снижения академической автономии вузов. Масштабное внедрение цифровых платформ, централизованных систем анализа данных и алгоритмических инструментов управления может привести к чрезмерной стандартизации образовательных процессов. Это создает угрозу утраты уникальности образовательных программ и сужения возможностей для академической инициативы преподавателей и исследователей.

Во-вторых, усиливается проблема цифрового неравенства. Доступ к современным образовательным технологиям, высокоскоростному интернету и ИИ-инструментам остается неравномерным как между странами, так и внутри национальных образовательных систем. В результате цифровизации может не только не сократить, но и углубить социально-экономические различия в доступе к качественному образованию.

В-третьих, использование ИИ в образовательной среде ставит острые этические вопросы. Среди них – обеспечение прозрачности алгоритмов, защита персональных данных студентов и преподавателей, а также предотвращение предвзятости и дискриминации, возможных при автоматизированной обработке информации. Формирование этической культуры цифрового взаимодействия становится важнейшей задачей университетов.

В-четвертых, существует риск снижения роли преподавателя и гуманитарной составляющей образования. Избыточная технологизация обучения может привести к механизации учебного процесса, потере межличностного взаимодействия и снижению способности студентов к критическому осмыслению информации. Таким образом, цифровая трансформация требует от университетов не только технологической адаптации, но и стратегического переосмысления своих функций и миссии. Эффективное использование ИИ должно сочетаться с сохранением академических ценностей, развитием цифровой этики и обеспечением

инклюзивности образовательной среды. Только при таком подходе цифровизация станет фактором устойчивого развития, а не источником институциональных рисков.

Российско-Армянский университет как институт развития человеческого капитала

Российско-Армянский университет (РАУ) представляет собой уникальный образовательный и научный центр, функционирующий в рамках двустороннего сотрудничества России и Армении. Университет сочетает академические стандарты двух стран, что обеспечивает высокое качество образовательных программ и выполняет важную миссию в развитии интеллектуального потенциала Армении, а также повышает международную конкурентоспособность выпускников. Как и другие вузы, РАУ сталкивается с двойственным характером цифровизации и использования ИИ в образовательном процессе. С одной стороны, ИИ и большие данные позволяют строить персонализированные траектории обучения, адаптированные под способности, интересы и цели студента. Это способствует повышению мотивации и эффективности образовательного процесса. Также ИИ становится мощным инструментом научных исследований – от обработки больших данных до моделирования сложных систем. Университеты, внедряющие такие технологии, усиливают инновационный компонент своей деятельности и становятся центрами междисциплинарных разработок. С другой стороны, автоматизация учебных процессов и широкое использование ИИ-систем (чат-ботов, генеративных моделей, систем оценки знаний) несут риск снижения роли преподавателя как носителя гуманистических и ценностных ориентиров.

Опасность заключается в превращении образования в механистический процесс передачи информации, где теряются межличностное взаимодействие, воспитательная и культурная функции университета. С распространением ИИ часть профессий, ориентированных на рутинные операции, может исчезнуть или радикально измениться. Это требует постоянного пересмотра и обновления образовательных программ и ориентации на навыки, которые невозможно полностью автоматизировать: критическое мышление, креативность, коммуникацию и междисципли-

нарность. Устойчивость образовательных траекторий и качество формирования человеческого капитала напрямую зависят от материально-технической и технологической базы университета.

За последние два года университет реализовал масштабные инфраструктурные улучшения:

- приобретено и установлено 25 мультимедийных электронных досок, что позволило расширить интерактивные методы преподавания, повысить визуализацию сложных теоретических материалов и активизировать вовлеченность студентов;
- создана лаборатория «джалинга» (Jalinga) – первая и единственная среди армянских вузов. Лаборатория используется для записи видеолекций, разработки электронных курсов и создания образовательного медиаконтента, что способствует развитию цифровых навыков, медиаграмотности и проектной деятельности студентов. Эти инфраструктурные изменения усиливают технологическую готовность университета, повышают качество образовательных услуг и создают условия для формирования конкурентоспособного человеческого капитала, соответствующего современным требованиям рынка труда.

Динамика численности студентов РАУ (2021–2025гг.)

По данным университета, в 2021–2025гг. наблюдается устойчивая положительная динамика численности обучающихся. Общий контингент студентов увеличился с **3728 человек в 2021г**. до **4467 человек в 2025г.**, что составляет рост на 19,8%.

Особенно значителен рост на уровне бакалавриата, который формирует основу человеческого капитала:

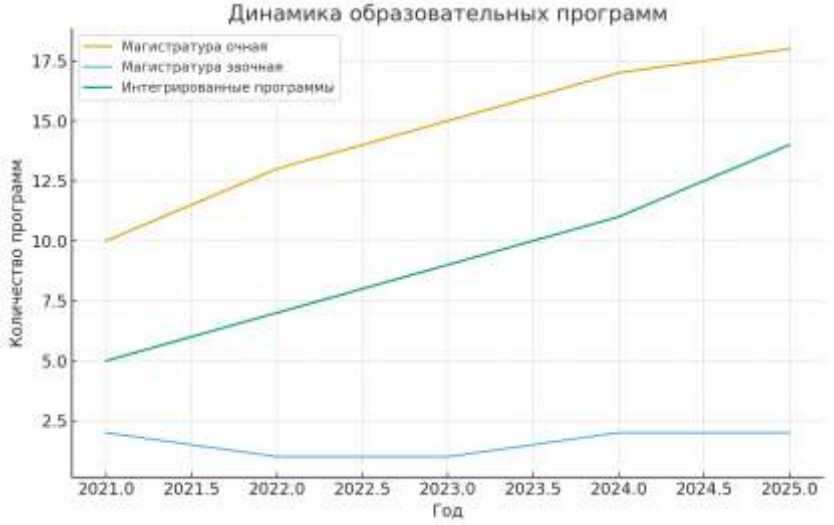
- очная форма обучения: увеличение с 2566 до 3237 человек (**+26,1 %**);
- заочная форма: рост с 351 до 580 человек (**+65,2 %**).

Данный рост свидетельствует об увеличении доступности высшего образования и укреплении социальной миссии университета. Расширение заочной формы обучения также отражает тенденции цифровизации и гибкости образовательных траекторий, способствующих вовлечению в образовательный процесс более широких слоев населения.

В то же время по программам **магистратуры** и **интегрированного обучения** зафиксировано умеренное сокращение численности студентов:

- магистратура (очная): снижение с 524 до 441 (–15,8 %);
- магистратура (заочная): с 89 до 53 (–40,4 %);
- интегрированные программы: с 198 до 156 (–21,2 %).

Данные изменения можно интерпретировать как реакцию системы высшего образования на структурные изменения рынка труда: растущий спрос на краткосрочные и прикладные программы, повышение мобильности выпускников и ориентацию части студентов на зарубежные образовательные траектории.



Важным индикатором качества образовательного процесса является соотношение отчислений и последующих восстановлений студентов. Эти показатели позволяют оценить устойчивость образовательных траекторий и способность университета удерживать и поддерживать свой человеческий капитал.

Данные отчислений и восстановлений (2021–2025гг.).

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Доля отчисленных студентов (%/число)	5.25% / 201	4.63% / 187	5.78% / 231	4.41% / 199	4.65% / 213
Доля восстановившихся студентов (%/число)	2.64% / 101	2.35% / 95	1.88% / 75	2.94% / 133	3.08% / 141

По отображенным в таблице данным, мы видим улучшение соотношения «отчисления – восстановления». Рост восстановлений означает сокращение потерь человеческого капитала и повышение способности университета возвращать студентов в образовательный процесс.

Повышение уровня восстановлений указывает на наличие гибких образовательных траекторий, развитие системы сопровождения студентов, снижение академической потери и рост эффективности управления студенческим контингентом. Что, в свою очередь, имеет большое значение для модели устойчивого развития человеческого капитала.

Еще одним ключевым показателем для конкурентоспособности университета и индикатором эффективности подготовки кадров является показатель трудоустройства выпускников. В рамках опроса, проведенного Центром карьеры РАУ в 2024 и 2025гг., были проанализированы данные трудоустройства выпускников за 2023 и 2024 годы на основе двух выборок: телефонного опроса 2023г. (n=237) и онлайн-опроса 2024г. (n=300). Следует подчеркнуть, что процентные показатели рассчитаны от числа респондентов, принявших участие в опросах, а не от общего количества выпускников. Это позволяет точнее представить структуру ответов и выявить ключевые тенденции занятости.

Показатели трудоустройства выпускников, %.

Показатель	2023	2024
Занятость сразу после окончания	43	35
Занятость до окончания обучения	56	44
Занятость по специальности	60	–
Занятость не по специальности	40	–
Продолжение обучения после окончания	46,7	50
Уровень безработицы	30,1	26,6

Полученных данных явно недостаточно для проведения полномасштабного анализа, но имеющиеся данные можно интерпретировать следующим образом.

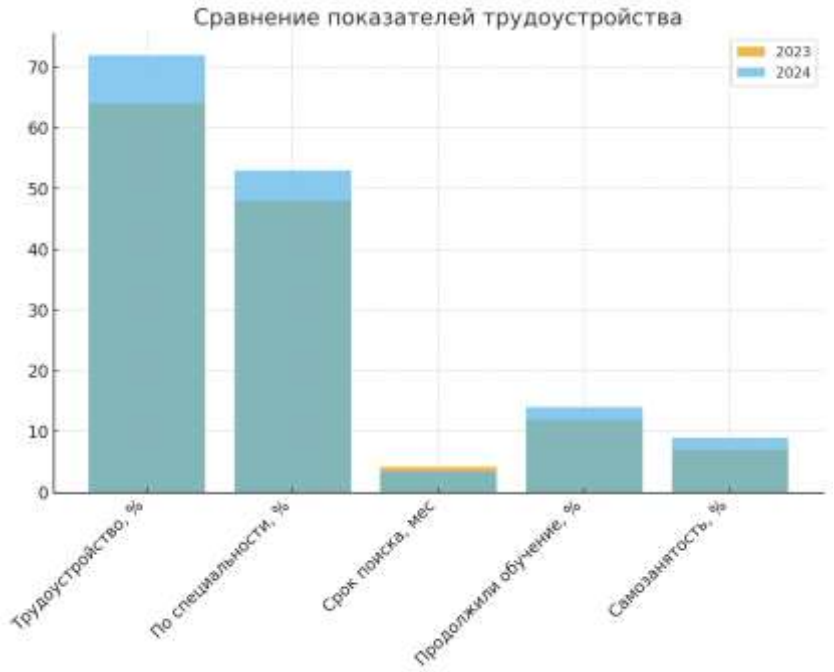
1. Снижение уровня занятости сразу после окончания обучения. Доля выпускников, трудоустроившихся непосредственно после получения диплома, сократилась с 43% до 35%, что может отражать как ухудшение условий на рынке труда, так и увеличение числа выпускников, ориентированных на продолжение образования.

2. Сокращение доли студентов, трудоустроенных до выпуска. Падение показателя с 56% до 44% свидетельствует об усложнении конкуренции на рынке труда или повышении требований работодателей к базовым компетенциям.

3. Профессиональная релевантность подготовки сохраняется на высоком уровне. В 2023г. 60% трудоустроившихся выпускников работали по специальности, что демонстрирует соответствие образовательных программ требованиям рынка.

4. Рост числа продолжающих обучение. Показатель повышения квалификации и продолжения образования увеличился с 46,7% до 50%, что свидетельствует о заинтересованности выпускников в дальнейшем развитии человеческого капитала.

5. Снижение уровня безработицы. Сокращение безработицы с 30,1% до 26,6% указывает на рост эффективности профессиональной ориентации, карьерных сервисов и успешность адаптации студентов на рынке труда. Таким образом, образовательная деятельность РАУ способствует не только накоплению человеческого капитала, но и его качественной диверсификации, обеспечивая адаптивность выпускников к быстро меняющимся требованиям экономики знаний.



Заключение

Анализ динамики численности студентов Российско-Армянского университета за 2021–2025гг. показывает, что университет успешно выполняет функцию института развития человеческого капитала. Рост численности студентов РАУ отражает интенсивное расширение образовательной базы человеческого капитала в Армении. Университет выполняет ряд ключевых функций.

1. **Институциональная функция** – обеспечение воспроизводства знаний и компетенций, необходимых для функционирования инновационной экономики.
2. **Социально-экономическая функция** – подготовка специалистов для приоритетных отраслей национальной экономики, что способствует снижению дефицита квалифицированных кадров.
3. **Интеграционная функция** – укрепление российско-армянского образовательного пространства, что формирует транснациональный человеческий капитал, обладающий межкультурными и многоязыковыми компетенциями.

Наблюдаемый рост контингента студентов, особенно по программам бакалавриата, свидетельствует о расширении возможностей для получения высшего образования и повышении роли университета в формировании кадрового потенциала страны. Таким образом, РАУ выполняет стратегическую миссию — формирует интеллектуальную основу устойчивого экономического роста через:

- повышение доступности высшего образования и вовлечение новых групп населения;
- развитие компетенций, ориентированных на инновации, цифровизацию и межкультурную коммуникацию;
- интеграцию образовательного и исследовательского потенциала в национальную экономику;
- подготовку кадров для экономики знаний, способных обеспечивать долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность страны.

Рост образовательного контингента РАУ отражает не просто демографическую тенденцию, а институциональный процесс расширенного

воспроизводства человеческого капитала, который является фундаментом устойчивого экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Becker G*. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. Chicago: “University of Chicago Press”, 1993.
2. *Schultz T.* Investment in Human Capital // “The American Economic Review”, 1961.
3. *Lucas R.* On the Mechanics of Economic Development // “Journal of Monetary Economics”, 1988.
4. *Romer P.* Endogenous Technological Change // “Journal of Political Economy”, 1990.
5. *Минсер Дж.* Школинг, опыт и заработок. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
6. *Бендерская Е.Б.* Человеческий капитал и инновационное развитие экономики. М.: «Наука», 2019.
7. *Яковлева Н.П.* Высшее образование и развитие человеческого потенциала // «Вестник экономики», 2022.
8. *Григорян А.А.* Роль Российско-Армянского университета в формировании человеческого капитала. Ер., 2023.
9. UNESCO. Education for Sustainable Development Goals: Learning Objectives. Paris, 2017.
10. OECD. Human Capital in the 21st Century. Paris, 2020.
11. ВПО-1, 2022–2024гг.
12. Опрос Центра карьеры РАУ, 2024–2025гг.

HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AS AN INSTITUTION FOR HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN THE MODEL OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH (A CASE STUDY OF THE RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY)

E. Hakobyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the role of higher education institutions in the formation and development of human capital in the context of sustainable economic growth, digital transformation, and the implementation of artificial intelligence technologies. The theoretical foundations of the concept of human capital are revealed, and the significance of universities as the institutional basis of the knowledge economy is analyzed. Particular attention is paid to the impact of digitalization and artificial intelligence on the educational process, research activities, and the development of new competencies demanded by the modern innovative economy. The study explores both the advantages of integrating AI into the higher education system and the associated risks, including digital inequality, the reduction of academic autonomy, and ethical issues related to the use of technology. As a practical example, the activities of Russian-Armenian University are examined as an institution for the development of human capital in the context of the digital economy. Based on the analysis

of student population dynamics, reinstatement indicators, and graduate employment rates, the article concludes that the university plays a significant role in ensuring sustainable development, training competitive specialists, and shaping the innovative potential of society.
Keywords: human capital, higher education, sustainable development, digital transformation, artificial intelligence, knowledge economy, digitalization of education, innovative economy, universities, Russian-Armenian University.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-366-375

АНАЛИЗ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Е.А. Афоничкина, О.Н. Наумова, Е.С. Егорова, Д.В. Попов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
afonichkina.e@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

Статья написана в рамках глубокого исследования устойчивого развития страны, где экономика представлена многослойно. В том числе проводились исследования пространственного и территориально-отраслевого развития. В данной работе рассматривается устойчивое развитие региона на примере Мурманской области. Для анализа была разработана и решена модель устойчивого развития Мурманской области (ADL-модель), обоснован выбор эндогенных и экзогенных переменных. В рамках проведения анализа устойчивого развития региона было выделено 3 сферы: экономическая, социальная и экологическая. Для каждой сферы определены эндогенные показатели, обеспечивающие наиболее полную и приемлемую оценку отдельно взятой сферы. Построены тренды.
Ключевые слова: устойчивое развитие, Мурманская область, ADL-модель, развитие региона.

Введение

В современном мире вопросы устойчивого развития волнуют и международные организации, и целые страны [1, 2].

Устойчивое развитие для нашего исследования определим как количественное приращение макроэкономических показателей, а также качественных улучшений в жизнедеятельности человека.

В российских научных источниках оценка устойчивого развития, в основном, основывается на примере анализа основных показателей: ВВП, инвестиции, инфляция и проч. Авторы предлагают системный подход, который предполагает анализ изменений на примере трех основных сфер жизнедеятельности человека: экономической, экологической и социальной. Такой подход позволяет рассматривать устойчивое развитие системно: не только как количественный прирост экономики, но и как процесс повышения уровня качества жизни.

Целью исследования является разработка ADL-модели устойчивого развития через анализ трех сфер жизнедеятельности человека: экономическую, экологическую, социальную. Предметом исследования является экономика Мурманской области.

Система уравнений в общем виде описывает гипотезу о влиянии экзогенных переменных на три выбранных эндогенных переменных, описывающих три сферы устойчивого развития региона [3, 4].

Материалы и методы

В качестве эндогенного параметра в рамках оценки экономической сферы был выбран валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения (Y1), отражающий результативность работы экономики региона. Социальную сферу, по мнению авторов, наилучшим образом отражает ожидаемая продолжительность жизни при рождении (Y2). Предполагается, что об экологическом состоянии региона можно судить по количеству выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (Y3).

Эндогенные переменные в системе уравнений:

Y_t^1 – ВРП на душу населения, руб. (экономическая сфера);

Y_t^2 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет (социальная сфера);

Y_t^3 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. тонн (экологическая сфера).

Для каждой эндогенной переменной были отобраны подходящие в рамках моделирования экзогенные переменные, включая эндогенные переменные, относящиеся к другим сферам [5–7]. Задача заключалась в выборе для каждой эндогенной переменной таких экзогенных переменных из общего списка экзогенных переменных, чтобы прослеживалась логика экономического процесса, который описывает модель.

Экзогенные переменные:

y_{t-i}^1 – ВРП на душу населения в году t-i, руб.;

y_{t-i}^2 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении в году t-i, лет;

y_{t-i}^3 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, в году t-i, тыс. тонн;

x_t^1 – общие коэффициенты смертности, чел. на 1000 чел.;

x_t^2 – численность населения на одну больничную койку, чел.;
x_t^3 – численность врачей всех специальностей, тыс. чел.;
x_t^4 – число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, шт.;
x_t^5 – инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.;
x_t^6 – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м.;
x_t^7 – оборот розничной торговли, млн руб.;
x_t^8 – улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, тыс. тонн;
x_t^9 – мощность электростанций и производство электроэнергии, млн квт.

Для анализа была выбрана модель авторегрессии и распределенного лага (ADL-model), где текущие значения временного ряда зависят от прошлых значений этого же ряда, а также от текущих и прошлых значений других временных рядов [3, 4, 6].

Указанные выше шаги позволили сформировать теоретическую математическую модель экономики устойчивого развития региона для дальнейшего анализа и расчетов. Общий вид системы уравнений (1) показан ниже:

$$\begin{cases} \boldsymbol{Y_t^1 = a_0 + \sum_{i=1}^{k^1} a_i y_{t-i}^1 + b_1 y_{t-i}^2 + c_1 x_{t-i}^4 + c_2 x_{t-i}^5 + c_3 x_{t-i}^6 + c_4 x_{t-i}^7 + c_5 x_{t-i}^9} \\ \boldsymbol{Y_t^2 = a_0 + \sum_{i=1}^{k^2} a_i y_{t-i}^2 + b_1 y_{t-i}^1 + b_2 y_{t-i}^3 + c_1 x_{t-i}^1 + c_2 x_{t-i}^2 + c_3 x_{t-i}^3} \\ \boldsymbol{Y_t^3 = a_0 + \sum_{i=1}^{k^3} a_i y_{t-i}^3 + b_1 y_{t-i}^1 + c_1 x_{t-i}^4 + c_2 x_{t-i}^6 + c_3 x_{t-i}^7 + c_4 x_{t-i}^8 + c_5 x_{t-i}^9} \end{cases} \quad (1)$$

Подход предполагает, что на экономическую сферу региона, выраженную через валовый региональный продукт на душу населения (Y_t^1), будут оказывать влияние следующие показатели: сам ВРП на душу населения с лаговым смещением, ожидаемая продолжительность жизни, число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, площадь, приходящаяся на одного жителя, оборот розничной торговли, мощность электростанций и производство электроэнергии.

В свою очередь, на социальную сферу, выраженную через ожидаемую продолжительность жизни при рождении (Y_t^2), будут оказывать влияние следующие показатели: сама ожидаемая продолжительность

жизни с лаговым смещением, ВРП на душу населения, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, общие коэффициенты смертности, численность населения на одну больничную койку, численность врачей всех специальностей.

На третью сферу, экологическую, выраженную через количество выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников (Y_t^3), в атмосферный воздух, будут оказывать влияние следующие показатели: само количество выбросов с лаговым смещением, ВРП на душу населения, число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, площадь приходящаяся на одного жителя, оборот розничной торговли, улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, мощность электростанций и производство электроэнергии.

При построении корреляционной матрицы на стадии формирования теоретической модели было выдвинуто предположение о том, что некоторые экзогенные переменные не будут коррелировать на значимом уровне с эндогенной переменной в последнем периоде, однако такая корреляция может прослеживаться при учете временного лага, поэтому помимо корреляционной матрицы последнего периода были построены корреляционные матрицы с учетом лага 1, 2 или 3.

В первое уравнение была добавлена переменная Y_t^3 без лагового смещения, переменная Y_t^1 имеет наибольшее значение автокорреляции с лагом 1, с таким лаговым смещением она будет использоваться при расчетах, X_t^9 и Y_t^2 будут использоваться с лаговым смещением 3, а оставшиеся переменные, заданные в системе уравнений в общем виде, будут использоваться в расчетах без лагов. Что касается второго уравнения, то из него была удалена переменная X_t^1, так как ни в одной из матриц не было обнаружено большое значение коэффициента линейной корреляции (больше 0,7 по модулю) между эндогенной и данной переменной, но были добавлены две новые переменные, X_t^5 и X_t^7, с лаговым смещением 1 и 3 периода соответственно, переменные X_t^3 и Y_t^3 будут использоваться с лагом 1, а переменные Y_t^1 и X_t^2 с лагом 3, Y_t^2 имеют наибольшую автокорреляцию с лаговым смещением на 2 периода. В третьем уравнении были добавлены две новые переменные, а именно Y_t^2 и X_t^5, первая из которых будет использоваться с лагом 3, а вторая

останется без лага, как и Y_t^1, X_t^8 была исключена из уравнения, X_t^1 будет использоваться с лаговым смещением на 1 период, а X_t^6, X_t^7, X_t^9 будут использоваться с лаговым смещением на 3 периода, X_t^4 останется с лагом 2, а Y_t^3 будет иметь смещение на 1 период.

$$\begin{cases} Y_t^1 = a_0 + a_1 y_{t-1}^1 + b_1 y_{t-3}^2 + b_2 y_t^3 + c_1 x_t^3 + c_2 x_t^4 + c_3 x_t^5 + c_4 x_t^6 + c_5 x_t^7 + c_5 x_{t-3}^9 \\ Y_t^2 = a_0 + a_1 y_{t-2}^2 + b_1 y_{t-3}^1 + b_2 y_{t-1}^3 + c_1 x_{t-3}^2 + c_2 x_{t-1}^3 + c_3 x_{t-1}^5 + c_5 x_{t-3}^7 \\ Y_t^3 = a_0 + a_1 y_{t-1}^3 + b_1 y_t^1 + b_2 y_{t-3}^2 + c_1 x_{t-2}^1 + c_2 x_{t-2}^4 + c_3 x_t^5 + c_4 x_{t-3}^6 + c_5 x_{t-3}^7 + c_6 x_{t-3}^9 \end{cases} \quad (2)$$

База данных для расчетов была сформирована по всем показателям за период 2000–2022гг. для Мурманской области. Источником статистической информации являлся Росстат [8].

Результаты

Все необходимые расчеты по решению ADL-модели были произведены при помощи таких пакетов программ, как R, Excel и GRETL. Коэффициенты каждого уравнения в модели были определены при помощи метода наименьших квадратов. Подбор наилучшего уравнения регрессии, описывающего данные, был произведен на основании информационного критерия Акаике (AIC).

При включении в уравнение всех изначально предполагаемых переменных, коэффициенты регрессии становятся в большинстве своем незначимыми. Каждое полученное уравнение прошло проверку на соответствие общим требованиям МНК-регрессии [6, 7]. Оценка значимости лучшего регрессионного уравнения производилась при помощи F-критерия Фишера, оценка значимости коэффициентов – с помощью t-критерия Стьюдента.

На Рис. 1–3 представлена экстраполяция эндогенных переменных на два периода вперед для Мурманской области через линейное регрессионное уравнение [8].

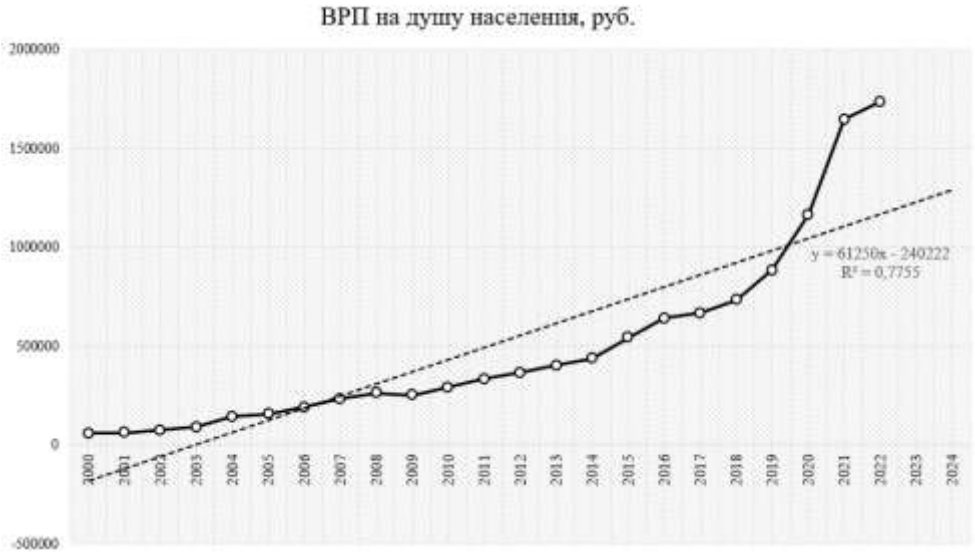


Рисунок 1. Динамика изменения ВРП на душу населения Мурманской области с 2000 по 2022гг. и тренд периода 2022–2024гг.

Рисунок 2. Динамика изменения ожидаемой продолжительности жизни в Мурманской области с 2000 по 2022гг. и тренд периода 2022–2024гг.

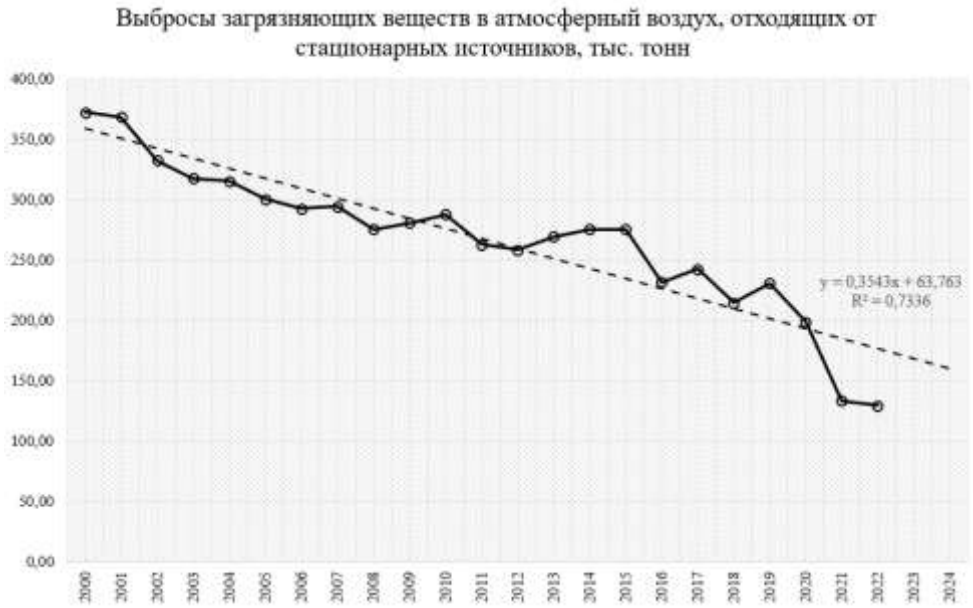


Рисунок 3. Динамика изменения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников в Мурманской области с 2000 по 2022гг. и тренд периода 2022–2024гг.

Построенные тренды эндогенных показателей для экономической, социальной и экологической сфер устойчивого развития показывают движение в позитивную сторону. Так Валовый региональный продукт на душу населения (Y_t^1) в Мурманской области обладает восходящим трендом, показатель ожидаемой продолжительности жизни (Y_t^2) так же обладает восходящим трендом, в свою очередь, показатель количества выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (Y_t^3), для Мурманской области показывает нисходящий тренд. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что Мурманская область показывает неплохие результаты в долгосрочной перспективе по трем сферам устойчивого развития.

Таким образом, был проведен анализ зависимости эндогенных показателей от экзогенных в рамках устойчивого развития региона экономик в разрезе 3 сфер на примере Мурманской области. Решенная модель устойчивого развития Мурманской области выглядит следующим образом (3):

$$\begin{cases} Y_t^1 = 1528526.05 + 0.55 * y_{t-1}^1 - 1394.46 * y_t^3 + 2.27 * x_t^5 - 47353.41 * x_t^6 \\ Y_t^2 = 48.67 + 0.47 * y_{t-1}^2 - 0.047 * y_{t-1}^3 - 0.00003 * x_{t-3}^5 - 0.00004 * x_{t-3}^7 \\ Y_t^3 = 163.609 + 0.4798 * y_{t-1}^3 - 0.00028 * x_t^5 \end{cases} \quad (3)$$

На основании полученного результата можно сделать вывод о том, что наиболее универсальным экзогенным фактором для всех сфер оказался x_{t-i}^5 (инвестиции в основной капитал на душу населения), поскольку он присутствует в каждом из регрессионных уравнений и значимо влияет на каждую из эндогенных переменных.

Для первого и третьего уравнений более свойственным оказалось влияние переменных в последнем периоде, поскольку лаговые смещения оказались незначимыми, однако для второго уравнения лаговое смещение играет ключевую роль, все переменные, имеющие значимое влияние на результат, им обладают.

Моделирование с учетом предпосылки о зависимости рассматриваемых уравнений позволяет нам делать выводы о взаимодействии эндогенных переменных в рамках системы уравнений. Во внимание можно принимать как наличие или отсутствие конкретной эндогенной переменной одного уравнения в качестве экзогенной переменной в другом уравнении, так и лаговое смещение или коэффициент при переменной.

Несмотря на приобретенную возможность делать подобные выводы исходя из вышеупомянутой предпосылки, следует обратить внимание на то, что выбранные эндогенные факторы являются лишь оценочным значением сферы, выбранным по мнению авторов, и не могут полно отражать всю сферу, что может ставить под сомнение полученные выводы о взаимосвязи сфер.

Поэтому возможной альтернативой данному подходу к моделированию устойчивого развития региона может служить построение независимых уравнений, где в качестве экзогенных переменных для одного уравнения не выступают эндогенные переменные других, в том числе в качестве экзогенного фактора не рассматривается эндогенный показатель с учетом лагового смещения.

Выводы и обсуждения

В результате проведенного исследования авторами была доказана жизнеспособность модели устойчивого развития Мурманской области,

охватывающая три сферы жизнедеятельности человека: экономическую, экологическую и социальную. Полученное решение показывает, что данная модель может быть использована для решения подобных задач. Также авторами были построены тренды с экстраполяцией на два периода при помощи линейной регрессии. Анализ трендов показал, что Мурманская область демонстрирует положительные изменения в рамках устойчивого развития. В дальнейших работах авторы предлагают оценить целесообразность расширения или сужения сфер анализа устойчивого развития региона при моделировании посредством независимых уравнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цели в области устойчивого развития // ООН URL: https://www.un.org/sustainable-development (дата обращения: 2024).
2. *Диденко Н.И., Рыбас А.Л., Ефимова Е.Г., Афоничкина Е.А.* Анализ влияния факторов на экономическое развитие группы стран “G7” // «Горизонты экономики», № 5, 2023. СС. 157–164.
3. *Киккас К.Н.* Моделирование устойчивого развития арктического региона России // «МИР» («Модернизация. Инновации. Развитие»). Т. 6, № 4, 2015. СС. 142–147. DOI: 10.18184/2079- 4665.2015.6.4.142.147.
4. *Диденко Н.И.* Анализ устойчивого развития регионов арктической зоны России: ADL- модель // «Экономика и социум: современные модели развития», № 9, 2015. СС. 101–114.
5. *Афоничкина Е.А., Афоничкин А.И.* Процессы изменений в экономических системах: рост и развитие // «МИР» («Модернизация. Инновации. Развитие»). Т. 6, № 4–1 (24), 2015. СС. 190–197. EDN: VFNJDD
6. *Конахина Н.А., Киккас К.Н.* Анализ устойчивого развития арктических территорий пяти циркумполярных стран // «Проблемы современной экономики», № 2 (78), 2021. СС. 55–58.
7. *Афоничкина Е.А., Киккас К.Н., Конахина Н.А., Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф.* Модели и методы анализа открытой экономики. М.: «ИНФРА-М», 2022.
8. Федеральная служба государственной статистики // Регионы России. Социально-экономические показатели. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 10.10.2025).

REGIONAL SUSTAINABLE DEVELOPMENT ANALYSIS

E. Afonichkina, O. Naumova, E. Egorova, D. Popov
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABSTRACT

This article is part of an in-depth study of the country's sustainable development, where the economy is represented in a multi-layered system. This included research into spatial and territorial-sectoral development. The present

work examines the sustainable development of a region, using the Murmansk Region as a case study. For the analysis, a sustainable development model for the Murmansk Region (the ADL model) was developed and solved, and the choice of endogenous and exogenous variables was justified. Within the framework of the regional sustainable development analysis, three spheres were identified: economic, social, and environmental. For each sphere, endogenous indicators were defined to provide the most comprehensive and acceptable assessment of that particular sphere. Trends were constructed.
Keywords: sustainable development, Murmansk Region, ADL model, regional development.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-376-384

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ В СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Г.А. Ахинов, А.А. Балаян

Российско-Армянский университет
gakhinov@mail.ru, ashot.balayan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются институциональные основы предоставления общественных благ в странах с переходной экономикой. Исследование основано на теоретико-аналитическом подходе, объединяющем идеи неоклассической и неоинституциональной экономических теорий, что позволяет выявить ключевые закономерности взаимодействия формальных и неформальных институтов в сфере производства, распределения и потребления общественных благ. Авторы предлагают многоуровневую аналитическую рамку, включающую формальные институты, неформальные нормы и механизмы их согласования. Делается вывод, что в современной рыночной экономике эффективность предоставления общественных благ определяется не только объемом ресурсов, но и качеством институционального взаимодействия, уровнем доверия и социальной вовлеченности.

Ключевые слова: институциональная экономика, общественный сектор, формальные и неформальные институты и нормы, переходная экономика, социальный капитал и доверие.

В условиях глобализации и трансформации экономических систем особую актуальность приобретают вопросы эффективного функционирования формальных и неформальных институтов, регулирующих производство, распределение и потребление общественных благ. Общественные блага – от инфраструктуры и образования до систем социальной защиты – являются основой устойчивого социально-экономического развития и формирования современного гражданского общества. Их доступность и качество во многом зависят от состояния институциональной среды, которая и определяет сложившиеся в данном обществе правила взаимодействия между гражданином, государством и бизнесом, а также формирует модели потребительского поведения в сфере общественного сектора.

Известно, что развитие теории общественных благ сопровождалось столкновением двух подходов: рыночного, где эффективность производства и распределения определялась механизмами частной собственности и конкуренции, и государственного, где ключевым принципом выступала социальная справедливость через централизованное управление ресурсами. Главный вопрос: какова оптимальная степень вмешательства государства в процесс распределения и потребления общественных благ? Все эти дискуссии заложили основу для будущих институциональных теорий и механизмов их производства, распределения и потребления.

В теории и практике экономики общественного сектора институциональный подход сразу выдвинул на первый план проблему оценки предпочтений и методов финансирования: рынок недопоставляет общественные блага из-за стимулов к сокрытию готовности платить; следовательно, нужны институты выявления коллективных предпочтений и обязательного финансирования (налоги, взносы), а также институты ответственности за качество и доступность. Р. Масгрейв сделал следующий шаг, показав континуум между чисто частными и чисто общественными благами и связав тип блага с институциональным дизайном его предоставления [1]. Для смешанных благ и социальных услуг (образование, здравоохранение) оптимальны гибкие комбинации бюджетных трансфертов, страхования и регуляторных институтов. Тем самым дискуссия о благах превратилась в дискуссию о соответствии институтов типу блага и структуре его потребления. М. Олсон теоретически сформулировал проблему «безбилетника» в коллективных действиях [2]:

- рациональный индивид стремится уклоняться от вклада при неисключаемости коллективного блага;
- по мере роста группы, вклад отдельного участника становится пренебрежимо малым и усиливает недопоставку блага.

Для преодоления этого требуются селективные стимулы – как неформальные (репутационные санкции, нормы), так и формальные (обязательные взносы, штрафы). С учетом этого, эффективность предоставления общественных благ зависит от структуры политических стимулов, степени организации групп интересов и уровня информационной асимметрии, а не только от технических характеристик самих благ [2–

4]. Следовательно, устойчивость потребления общественных благ требует ограничений власти (конституционная экономика), децентрализации и процедур подотчетности. Концепция клубных благ показала, что для сектора благ с высокой исключаемостью и частичной неконкурентностью эффективны добровольные объединения (ассоциации жильцов, профессиональные клубы), опирающиеся на членство и внутренние правила потребления [4].

Современные институциональные подходы к распределению общественных благ получили строгую концептуализацию в конце XXв. Д. Норт определил институты как формальные и неформальные «правила игры», связывая их с уровнем трансакционных издержек и качеством правоприменения [5, 6, 19]. Чем надежнее исполнение правил, тем яснее распределены права и обязанности плательщиков налогов, пользователей и поставщиков благ, и тем самым более предсказуема траектория потребления, а риски рыночно-государственных «провалов», оппортунизма и избыточного спроса – ниже. Следуя подходу Д. Норта, институты формируют структуру стимулов, определяющих поведение экономических агентов, а устойчивые паттерны использования, недоиспользования или отказа от общественных благ отражают качество правоприменения, уровень трансакционных издержек и степень согласованности формальных и неформальных правил. В этом смысле анализ потребления общественных благ допустим и методологически обоснован как индикатор институционального качества и адаптивной эффективности системы предоставления общественных услуг. При этом, институты наследуют «исторические трассы» и обладают эффектами самоподдержания (возрастающая отдача, сетевые эффекты, координационные ловушки), из-за чего одинаковые формальные реформы дают разные результаты в разных юрисдикциях. Быстро меняемые формальные правила (бюджет, налоги, закупки, аудит) часто сталкиваются с инерцией неформальных норм (доверие, «налоговая мораль», представления о справедливости, практики патронажа), и именно несоответствие этих слоев объясняет высокие издержки мониторинга, устойчивость безбилетничества и ограниченный потенциал «импорта» институтов [5, 6]. Отсюда критерий адаптивной эффективности: устойчивые системы – это те, в которых созданы механизмы обучения и корректировки правил (надежные гарантии прав, предсказуемые санкции, прозрачная связь

«налоги–услуги», каналы общественного участия), позволяющие постепенно «перекладывать» неформальные нормы на новые формальные рамки. В прикладных терминах для общественных благ это означает, что качество потребления определяется не только дизайном налогово-бюджетных и регуляторных институтов, но и историей доверия, репутационных санкций и гражданской кооперации; эффективная политика должна одновременно снижать трансакционные издержки и выравнивать формальные и неформальные правила – иначе реформы останутся «бумажными» [5, 19].

В интерпретации О. Уильямсона институциональная архитектура, обеспечивающая потребление общественных благ, разворачивается как связанная иерархия уровней [7]. На глубинном уровне действуют социальные нормы (ценности, доверие, солидарность), формируя базу неформальных институтов, от которой зависят налоговая дисциплина, бережное отношение к инфраструктуре и готовность граждан участвовать в общественных инициативах. Над ними располагается уровень формальных правил: конституционные и бюджетные нормы, регламенты закупок, полномочия регуляторов и судебные процедуры; именно здесь создается правовая «инфраструктура гарантий» потребителя общественных услуг. Следующий слой – механизмы управления транзакциями (контракты, тарифные схемы, ГЧП, страхование), где проектируется доступ к благам и распределяются риски между публичными и частными участниками. Наконец, на операционном уровне конкретизируются процедуры предоставления услуг, организуется мониторинг качества и настраиваются метрики исполнения. Такая многоуровневая конфигурация объясняет, почему устойчивость потребления общественных благ зависит не от одного «правильного» инструмента, а от согласованности норм, правил, механизмов и практик на всех уровнях [7].

Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон противопоставили инклюзивные и экстрактивные институты как два полюса политико-экономических устройств, определяющих распределение прав, ренты и возможностей; инклюзивные институты обеспечивают открытую конкуренцию, защиту прав и подотчетность, что повышает качество и предсказуемость потребления общественных благ [8].

В рамках теории новой институциональной экономики (НИЭ) потребление общественных благ рассматривается как функция не только

теоретического оптимума, но и качества формальных (право, бюджет, регуляторы, суды) и неформальных (доверие, нормы, репутация) институтов, а также корректно спроектированных правил игры (механизмов), обеспечивающих выявление предпочтений, обязательное и справедливое финансирование и подотчетность поставщиков. От классических работ Р. Коуза о природе фирмы и социальных издержках [9, 10], через многоуровневую архитектуру правил и форм управления транзакциями [7], правоприменение и зависимость от прошлой траектории [5], полицентрическое управление общими ресурсами [11] и политико-экономические условия инклюзивного доступа [8] – НИЭ задает операциональные вопросы: «на каких институциональных основаниях пользователи получают доступ и как обеспечивается подотчетность поставщиков?». Поиск ответов требует исследования классификации общественных благ и механизмов их распределения с институциональной точки зрения в конкретной общественно-экономической системе. При этом необходимо оценить влияние институтов на объем, качество и справедливость доступа, а также адаптировать рабочую матрицу «блага → институты → механизмы → индикаторы» к условиям переходной экономики Республики Армения.

Современные исследования подчеркивают, что институциональные факторы – совокупность формальных правил, процедур и неформальных норм – оказывают системное влияние на эффективность предоставления общественных благ. При этом гарантии прозрачности и подотчетности не являются автоматическим следствием демократических традиций как таковых, а зависят от способности общества и элит формировать и поддерживать механизмы ограничения власти. В обществах с развитым гражданским обществом именно организованное общественное давление, репутационные издержки и независимые каналы контроля повышают устойчивость формальных институтов. В переходных и недемократических системах аналогичную функцию могут частично выполнять внутриэлитные ограничения, при которых нарушение установленных правил становится небезопасным для ключевых игроков. Для постсоветского пространства характерна гибридная конфигурация институтов, сочетающая формальные нормы с устойчивыми неформальными практиками, что нередко сопровождается сохранением

неформальных сетей распределения ресурсов, низким уровнем доверия и ограниченной подотчетностью публичной власти [12].

Для Республики Армения данная проблематика имеет особую остроту, поскольку формирование ее институциональной среды происходило под воздействием двух взаимосвязанных, но аналитически различимых факторов. С одной стороны, на современные институты существенное влияние оказало советское институциональное наследие, характеризующееся доминированием иерархических механизмов управления, приоритетом административного перераспределения ресурсов и слабой институционализацией общественного контроля. Эти практики сформировали устойчивые поведенческие паттерны, ориентированные на вертикальную координацию и использование неформальных каналов доступа к общественным благам, что ограничило развитие горизонтальных форм кооперации и автономного гражданского общества.

С другой стороны, в постсоветский период институциональное развитие Армении неоднократно происходило в условиях мобилизационного режима, обусловленного факторами безопасности и военного конфликта. В такие периоды приоритеты государственной политики смещаются в сторону оперативной концентрации ресурсов, усиления дискреционных полномочий исполнительной власти и ослабления процедур публичной подотчетности. Хотя подобная мобилизационная логика может повышать краткосрочную управляемость, в долгосрочной перспективе она способствует воспроизводству неформальных практик, снижению прозрачности и размыванию границ ответственности между политическими и административными акторами.

Совмещение советского институционального наследия с периодически воспроизводимыми мобилизационными практиками формирует специфическую гибридную конфигурацию институтов, в которой формально заимствованные механизмы бюджетной прозрачности, цифровизации и общественного участия функционируют в условиях слабой институционализации гражданского общества и отсутствия устойчивых внутриэлитных ограничений оппортунистического поведения. Именно эта конфигурация во многом объясняет асимметрию между формальным расширением процедур подотчетности и их ограниченным влиянием на практики предоставления и потребления общественных благ.

Указанные особенности находят отражение в эмпирических индикаторах институционального качества Армении. По данным Open Budget Survey 2023, сравнительно умеренный уровень бюджетной прозрачности (60/100) сочетается с крайне низким уровнем общественного участия (11/100) и ограниченной эффективностью механизмов надзора (59/100) [14], что указывает на преобладание административно-иерархических механизмов над горизонтальными формами подотчетности. Агрегированные оценки WGI фиксируют неоднородную динамику по ключевым направлениям качества управления [15], оценки SIGMA/OECD – дефициты координации в центре правительства [16], а результаты PEFA 2024 – структурные слабости отдельных звеньев цикла государственных финансов [17]. Показатель CPI 2024 (47/100; 63-е место) дополнительно отражает сохранение институциональных стимулов к оппортунистическому поведению [18].

В совокупности это подтверждает, что без целенаправленного преодоления институционального наследия мобилизационной экономики, укрепления горизонтальных форм гражданской кооперации и формирования устойчивых механизмов ответственности элит институциональные реформы в сфере предоставления общественных благ рискуют оставаться декларативными. Повышение эффективности бюджетных расходов в этих условиях требует не только технической модернизации процедур, но и долгосрочных мер по снижению трансакционных издержек общественного участия, повышению доверия и институционализации подотчетности, в том числе в социально значимых секторах образования и здравоохранения [5, 19, 20].

В заключение отметим, что проведенное исследование влияния формальных и неформальных институтов на потребление общественных благ в Республике Армения позволяет выявить системные барьеры, оценить устойчивость институциональных механизмов и предложить реформы, направленные на укрепление институтов гражданского общества и формирование социального капитала, что будет способствовать повышению эффективности государственных расходов, связанных с производством, распределением и потреблением общественных благ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Musgrave R.* The Theory of Public Finance: A Study in Public Economy. New York: “McGraw-Hill”, 1959.

2. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: “Harvard University Press”, 1965.
3. *Buchanan J.* The Demand and Supply of Public Goods. Chicago: “Rand McNally”, 1968.
4. *Buchanan J.* An Economic Theory of Clubs // “Economica”, vol. 32, № 125, 1965. PP. 1–14.
5. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: “Cambridge University Press”, 1990.
6. *North D.* Institutions // “Journal of Economic Perspectives”, vol. 5, № 1, 1991. PP. 97–112.
7. *Williamson O.* The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. New York: “Free Press”, 1985.
8. *Acemoglu D. & Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: “Crown Business”, 2012.
9. *Coase R.* The Nature of the Firm // “Economica”, vol. 4, № 16, 1937. PP. 386–405.
10. *Coase R.* The Problem of Social Cost // “Journal of Law and Economics”, vol. 3, № 1, 1960. PP. 1–44.
11. *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: “Cambridge University Press”, 1990.
12. *Polishchuk L. & Menyashev R.* Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia? HSE Working Paper WP10/2011/01. M.: Higher School of Economics, 2011.
13. UNDP. Human Development Report 2023/24: Breaking the Gridlock – Reimagining Cooperation in a Polarized World. New York: United Nations Development Programme, 2024.
14. International Budget Partnership (IBP) Open Budget Survey 2023: Armenia – Country Results. Washington, DC: IBP, 2024.
15. World Bank. Worldwide Governance Indicators: Methodology & Country Data (Armenia). Washington, DC: World Bank, 2024.
16. OECD/SIGMA. The Role and Functions of the Centre of Government in the European Neighbourhood Policy East Region (incl. Armenia). SIGMA, Paper № 67. Paris: OECD, 2023.
17. PEFA Secretariat. Armenia 2024 – Public Financial Management Performance Report (with PEFA Check). Washington, DC: PEFA, 2024.
18. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024. Berlin: Transparency International, 2025.
19. *North D., Wallis J., & Weingas B.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2009.
20. World Bank. Armenia Public Expenditure Review: Improving Spending Efficiency for Better Outcomes. Washington, DC: World Bank, 2023.

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF PUBLIC GOODS PROVISION IN A MODERN MARKET ECONOMY

G. Akhinov, A. Balayan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the institutional foundations of public goods provision in countries with transitional economies. The study is based on a theoretical and analytical approach that combines ideas from neoclassical and neo-institutional economic theory, which makes it possible to identify key patterns in the interaction between formal and informal institutions in the production, distribution, and consumption of public goods. The authors propose a three-level analytical framework that includes formal institutions, informal norms, and mechanisms for their coordination. It is concluded that in the modern market economy, the efficiency of public goods provision is determined not only by the volume of available resources but also by the quality of institutional interaction, the level of trust, and social engagement.
Keywords: institutional economics, public sector, formal and informal institutions and norms, transitional economy, social capital and trust.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-385-390

ОСНОВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Г.А. Ахинов, Н.А. Карапетян

Российско-Армянский университет
gakhinov@mail.ru naira.karapetyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются ключевые направления трансформации налоговой системы в условиях цифровизации экономики. Проанализировано влияние цифровых технологий на налоговое администрирование, формы и методы налогового контроля, а также на взаимодействие государства и налогоплательщиков. Особое внимание уделено изменениям в администрировании прямых и косвенных налогов, развитию электронных сервисов, автоматизации отчетности и использованию цифровых платформ. Выявлены основные проблемы и риски цифровой трансформации налоговой системы, связанные с появлением новых форм доходов, цифровых услуг и трансграничных операций. Обоснованы перспективы дальнейшего развития налоговой системы на основе применения больших данных, искусственного интеллекта и других цифровых инструментов.

Ключевые слова: налоговая система, цифровизация экономики, налоговое администрирование, цифровые технологии, налоговый контроль.

Введение

В последние годы цифровые технологии активно развиваются и оказывают существенное влияние на функционирование государства и бизнеса. Налоговая система не является исключением и постепенно трансформируется под воздействием цифровизации. В практику налогового администрирования внедряются электронные сервисы, автоматизированные системы контроля, онлайн-кассы и цифровые платформы, упрощающие процесс исполнения налоговых обязательств и повышающие прозрачность финансовых операций.

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровизация выступает одним из ключевых факторов развития современной экономики, требуя адаптации традиционных механизмов налогообложения. Появление новых форм доходов, электронных платформ, онлайн-торговли и

цифровых услуг ставит перед государством задачу модернизации налоговой системы. В противном случае возрастает риск сокращения бюджетных поступлений и расширения теневого сектора экономики.

Цифровые технологии, включая большие данные, искусственный интеллект и электронную отчетность, создают новые возможности для повышения эффективности налогового администрирования, усиления контроля за уплатой налогов и улучшения взаимодействия государства с налогоплательщиками.

Целью работы является анализ влияния цифровизации на налоговую систему, выявление возникающих проблем и определение перспектив ее дальнейшего развития.

Объектом исследования выступает современная налоговая система, предметом – процессы ее трансформации в условиях цифровизации экономики.

Методы исследования

В работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный и структурно-логический анализы, а также методы системного подхода. Информационной базой исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных авторов, а также материалы, посвященные вопросам цифровизации налогового администрирования.

1. Влияние цифровизации на налоговую систему

Цифровизация – это внедрение современных технологий, программ и онлайн-сервисов в работу государства, бизнеса и общества. Для налоговой системы она стала важным фактором, который изменил способы сбора налогов, контроля и взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками.

Ранее налоговая система опиралась на бумажные документы, личные визиты в налоговые органы и ручную обработку данных. Налогоплательщики собирали справки, заполняли декларации вручную, а проверка информации занимала много времени.

Сегодня процессы стали цифровыми: декларации подаются онлайн, данные автоматически обрабатываются, проверки выполняются электронными системами, а взаимодействие происходит через личные

кабинеты и мобильные приложения. Контроль стал оперативнее, процессы – быстрее и прозрачнее.

Цифровизация упростила подачу и обработку данных, снизила количество ошибок, сократила время ожидания и повысила эффективность налогового администрирования.

Кроме того, цифровизация усилила налоговый контроль: электронные кассы, базы данных и автоматизированные программы позволяют быстро выявлять нарушения, например, скрытые доходы или расхождения в документах. Это способствует повышению собираемости налогов и снижению доли теневой экономики.

Администрирование налогов в условиях цифровизации

Прямые налоги – уплачиваются напрямую с доходов или имущества:

- подоходный налог;
- налог на прибыль;
- имущественные налоги;
- земельный налог;
- социальные налоги (относятся к прямым, зависят от доходов).

Косвенные налоги – включаются в цену товаров и услуг:

- НДС;
- акцизы;
- таможенные пошлины.

Цифровые технологии позволяют более эффективно отслеживать движение товаров, оборот предприятий и расчет косвенных налогов. Электронные счета-фактуры, цифровые кассы и онлайн-торговля дают возможность контролировать операции практически в реальном времени.

Развитие цифровой экономики создает новые вызовы: электронные платформы, дистанционные услуги, криптовалюты и онлайн-торговля требуют адаптации налоговой политики и новых методов регулирования.

2. Трансформация налоговой системы и перспективы развития

Трансформация налоговой системы – это ее постепенное обновление и адаптация к условиям цифровой экономики. Переход от бумажных процессов к полностью электронному администрированию становится ключевой тенденцией. Все больше операций автоматизируется: от

подачи отчетности до обработки данных. В будущем планируется широкое внедрение искусственного интеллекта для анализа рисков и выявления нарушений.

Новые формы бизнеса – цифровые услуги, онлайн-торговля, платформы, удаленная занятость – требуют модернизации существующих налоговых правил. Государство должно учитывать особенности налогообложения цифровых товаров, виртуальных активов и трансграничных услуг, чтобы обеспечить справедливое поступление доходов в бюджет.

Цифровизация в налогах различных типов:

- прямые мобильные налоги (подоходный, социальные) – цифровые инструменты позволяют автоматически анализировать доходы, предотвращать сокрытие заработка, корректно рассчитывать обязательства;
- прямые немобильные налоги (имущество, земля) – создаются точные кадастровые системы, автоматизированные реестры собственности и онлайн-платежи;
- косвенные налоги (НДС, акцизы) – цифровые инструменты обеспечивают лучшую прослеживаемость движения товаров и предотвращают уклонение через фиктивные компании.

Повышение прозрачности остается ключевым направлением: автоматические уведомления, личные кабинеты, электронные сервисы проверки данных. В перспективе часть отчетности будет формироваться без участия человека.

Государства расширяют международное сотрудничество для борьбы с уходом от налогов. Будущее налоговой системы связано с внедрением блокчейна, ИИ и больших данных, что повысит точность контроля, уменьшит долю мошенничества и снизит административную нагрузку на бизнес.

Цифровизация оказывает глубокое влияние на налоговую систему, кардинально меняя процессы администрирования, контроля и взаимодействия с налогоплательщиками. Переход от бумажных документов и ручной обработки к электронным платформам, онлайн-кассам и автоматизированным сервисам повышает эффективность, прозрачность и оперативность работы налоговых органов.

Трансформация налоговой системы в условиях цифровой экономики затрагивает как прямые, так и косвенные налоги, а также социальные выплаты. Цифровые инструменты позволяют корректно рассчитывать обязательства, предотвращать уклонение от уплаты налогов и обеспечивать точный контроль за движением доходов и имущества.

В то же время цифровизация создает новые вызовы: развитие онлайн-торговли, цифровых платформ, криптовалют и трансграничных услуг требует адаптации налогового законодательства и внедрения современных технологий анализа данных.

Перспективы развития налоговой системы связаны с широким использованием больших данных, искусственного интеллекта и блокчейна, что позволит повысить точность налогового контроля, снизить административную нагрузку на бизнес и уменьшить долю теневой экономики.

Таким образом, цифровизация и трансформация налоговой системы являются необходимыми и стратегически важными процессами для обеспечения устойчивости, справедливости и эффективности налогообложения в современных экономических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговое администрирование / Под ред. Л.И. Гончаренко. М.: «Кнорус», 2023.
2. Цифровая экономика / Под ред. В.В. Иванова. М.: «ИНФРА-М», 2022.
3. Организация экономического сотрудничества и развития. Tax Administration, 2023: Comparative Information on OECD and other Advanced and Emerging Economies. Paris: OECD Publishing, 2023.
4. Федеральная налоговая служба. Цифровая трансформация налогового администрирования // Официальный сайт ФНС России.
5. Министерство финансов Республики Армения. Основные направления налоговой политики Республики Армения. Ер., 2024.
6. *Глазьев С.Ю.* Цифровизация экономики и ее влияние на государственное управление // «Экономист», № 5, 2021. СС. 14–22.
7. *Кашин В.А.* Налоговая система в условиях цифровой трансформации экономики // «Финансы и кредит», № 8, 2022. СС. 35–44.
8. Искусственный интеллект и большие данные в государственном управлении / Под ред. А.Н. Козырева. М.: «Юрайт», 2023.
9. Всемирный банк. Digital Development Overview Report. Washington, 2023.
10. *Аганбегян А.Г.* Экономика России в условиях цифровизации. М.: «Дело», 2021.

FUNDAMENTALS OF TAX SYSTEM TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC DIGITALIZATION

G. Akhinov, N. Karapetyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the key directions of tax system transformation in the context of economic digitalization. The impact of digital technologies on tax administration, forms and methods of tax control, as well as on the interaction between the state and taxpayers is analyzed. Special attention is given to changes in the administration of direct and indirect taxes, the development of electronic services, the automation of reporting, and the use of digital platforms. The main problems and risks of digital transformation of the tax system are identified, including those related to the emergence of new forms of income, digital services, and cross-border transactions. The prospects for further development of the tax system based on the use of big data, artificial intelligence, and other digital tools are substantiated.

Keywords: tax system, economic digitalization, tax administration, digital technologies, electronic services, tax control.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-391-401

ЭФФЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА (КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Р.Ш. Базарбаева

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина
e-mail: rahat_b@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются эффекты внешней трудовой миграции, исследуется влияние миграции на формирование ценностей и норм поведения, связанных с устойчивым развитием экономики Кыргызстана. Влияние внешней трудовой миграции на формирование экономико-экологической культуры народов Кыргызстана имеет долгосрочную перспективу. Важным фактором восприятия «зеленых» ценностей трудовыми мигрантами является их образовательный уровень. Культура, менталитет кочевых кыргызов и их отношение к природе имеет также большое значение. В заключении определена роль государства, которое через систему образования и СМИ должно формировать «зеленое» мировоззрение и культуру устойчивого образа жизни в обществе.
Ключевые слова: внешняя трудовая миграция; экономико-экологическая культура; устойчивое развитие экономики, менталитет кочевых кыргызов, «зеленая» экономика.

Введение

Трудовая миграция является естественным движением рабочей силы, которое имеет экономические, социальные и культурные последствия. Существует немало научных исследований в Кыргызстане, посвященных трудовой миграции и социально-экономическим эффектам от нее как в странах-донорах, так и странах-реципиентах рабочей силы. Так, в 2002г. Кумсковым Г.В. на примере Кыргызстана исследованы закономерности и особенности развития миграционных процессов в условиях рыночной трансформации экономики [7]. Теоретико-методологическим аспектам миграции в переходной экономике посвящены исследования Абжамиловой А.Ш. (2006г.) [1] и Богомбаевой Н.Э. (2011г.) [4]. Проблемы международной трудовой миграции как фактора социально-экономического развития Кыргызстана исследовал в 2009г. Беспалов Д.А. [3]. Менее изучена, на мой взгляд, внешняя трудовая миграция как позитивное явление именно

в контексте культурного диалога и взаимовлияния ценностей. В этой связи проблема формирования экономико-экологической культуры народов Кыргызстана в условиях нарастающих глобализационных процессов в мирохозяйственных связях является актуальной и недостаточно исследованной. Целью данной статьи является исследование процесса влияния внешней трудовой миграции на формирование ценностей и норм поведения, связанных с устойчивым развитием экономики Кыргызстана и определение роли государства в регулировании процессов становления устойчивого образа жизни в обществе.

Методы

Для достижения поставленной цели использован кабинетный исследовательский метод, основанный на анализе данных Национального статистического комитета КР о социально-экономической ситуации, в т.ч. трудовой миграции населения в Кыргызской Республике и ранее опубликованных монографий, научных статей, материалов международных научных форумов и конференций по проблемам внешней трудовой миграции, устойчивого развития экономики; аналитических обзоров Международной организации по миграции за последние 10 лет. Кроме того, применен метод политико-правового анализа в целях изучения институциональной среды – Законов Кыргызской Республики (КР), Указов Президента КР, Постановлений Правительства КР, касающихся «зеленой» экономики и устойчивого развития.

С распадом СССР и обретением независимости в 1991г. в экономике Кыргызстана произошли кардинальные перемены, которые повлияли на жизнь людей. В поисках работы большая часть трудоспособного населения была вынуждена покинуть страну. По данным последней переписи населения Кыргызской Республики (КР) в 2022г., численность постоянного населения КР составляла 6 млн 936,2 тыс. человек, в том числе трудоспособного возраста – 3 млн 936,0 тыс. человек (57 %); 1 млн 94,5 тыс. человек временно отсутствовали (трудовые мигранты) в местах своего постоянного жительства (примерно 16% общей численности постоянного населения страны и 28% – численности населения в трудоспособном возрасте) [10,7].

Рисунок 1. Кыргызстан: миграционные потоки, 2011–2022гг. (абсолютные значения). Источник: Данные Национального статистического комитета КР, 2023 [12,5].

Перемещение рабочей силы позволило гражданам Кыргызстана интегрироваться в международный рынок труда. В результате внешней трудовой миграции имели место как положительные социально-экономические последствия, так и отрицательные. Эффект от внешней миграции с точки зрения экономической выгоды очевиден для нашей страны, так как связан с трудоустройством экономически активного населения в условиях нарастающей в КР безработицы. Благодаря этому была и есть возможность зарабатывать, содержать свои семьи, делая денежные переводы в Кыргызстан. На протяжении этого периода снижалась социальная напряженность и бедность, поддерживалась социальная стабильность в стране.

В отдельные годы объемы денежных переводов трудовых мигрантов достигали 30% и более от ВВП страны (2013г., 2014г., 2017г., 2018г., 2022г., 2023г.), что отражалось на увеличении потребления товаров и услуг внутри страны. Это стимулировало производство товаров местных товаропроизводителей, спрос на недвижимость и соответственно рост жилищного строительства.

В тоже время внешняя трудовая миграция имеет отрицательные экономические последствия, так как приводит к росту недополученного объема ВВП, оттоку квалифицированной рабочей силы. Если в 2000г. в основном уезжали люди, не имеющие квалификации и образования, то по данным социологического исследования, проведенного в 2006г., 76% респондентов находились в возрасте 18–39 лет, более половины имели среднее и

средне-специальное образование, почти треть имели высшее и незаконченное высшее образование [13, 36]. В 2022г. сохранилась данная тенденция: основная часть уехавших на заработки были мужчины и женщины в возрастной группе от 20 до 40 лет; 37,8% – со средним образованием, 23,5% – с высшим образованием, 7,5% – со средним специальным образованием [10, 11]. Как следствие для экономики КР происходило снижение технологического и культурного потенциала страны – донора рабочей силы.

Результаты

Рассмотрим внешнюю трудовую миграцию с позитивной стороны и проанализируем культурные последствия. Благодаря внешней миграции наши соотечественники приобщаются к культуре тех стран и народов, куда они направляются. Наряду с овладением иностранными языками, профессиональными навыками трудовые мигранты формируют новые ценности. По мнению экспертов, миграция «предоставляет пусть и пассивные, но и познавательные возможности» [13, 52]. Так, например, в процессе длительного проживания наших граждан в развитых странах формируются новые ценности и нормы поведения, связанные с устойчивым развитием экономики.

Как известно, проблемы устойчивого развития экономики и «зеленой» трансформации носят глобальный характер. Во многих странах, где существует «зеленая» повестка, принятые правительствами формальные институты устойчивого развития формируют новые нормы поведения всех членов общества. Главной ценностью в таком обществе становится новое восприятие экономики, которая может устойчиво развиваться только в том случае, когда не вредит окружающей среде. Именно экологическое равновесие есть главное условие экономической ценности. Для этого продвигаются «зеленые» инициативы на национальном и международном уровне, в том числе в использовании возобновляемых источников энергии, развитии ресурсоэффективного и низкоуглеродного производства и т.д.

В экономической науке немало трудов, посвященных нормам поведения людей и их роли в развитии экономики. Так, известны труды Герберта Саймона, Ричарда Талера – нобелевского лауреата в области поведенческой экономики. Также К. Айрес в своих научных исследованиях показал взаимосвязь культуры и хозяйственной деятельности. В этой связи, в

настоящее время рассмотрение «зеленых» норм и их влияние на устойчивое развитие экономики, актуально и представляет научный интерес.

«Зеленые» правила и нормы экономической деятельности, соответствующие устойчивому развитию, приняты и «работают» в некоторых странах, куда направляются трудовые мигранты из Кыргызстана. Среди этих стран Германия, Италия, Южная Корея, США, ОАЭ. Если проанализировать достижения в области «зеленой» экономики в этих странах и сравнить их, то можно заметить лидирующие позиции Германии, особенно в области возобновляемой энергетики и «зеленой» промышленности, как и у США, где также развиты ВИЭ и производство электромобилей. В Южной Корее и Италии развивается «зеленая» энергетика и управление отходами. Что касается ОАЭ, то там благодаря активной инвестиционной политике быстро развивается солнечная энергетика. В Турции «зеленые» проекты менее развиты.

Согласно отчетам Национального статистического комитета КР за 2023г., основная часть находившихся за пределами страны – 870 304 человек (99,5%) – выехали в страны СНГ и только 0,5% – в другие страны [12,7]. Сегодня предпочтительными странами для кыргызстанцев остаются Россия, Казахстан и Турция, где «зеленая» экономика пока находится на начальной стадии. Соответственно, влияние «зеленой» культуры, связанной с экологической повесткой, на трудовых мигрантов в этих странах прослеживается, но не так значительно. Влияние «зеленой» культуры на трудовых мигрантов зависит от уровня экономического развития стран, принимающих рабочую силу. Оно имеет как положительные экономические, так и отрицательные последствия для людей.

Благодаря развитию «зеленой» экономики в странах-реципиентах растет спрос на такие новые профессии, как монтажники солнечных батарей; работники, занимающиеся теплоизоляцией зданий; работники для сортировки и переработки отходов и др. В этой связи, у трудовых мигрантов есть возможность обучения и получения новых профессиональных навыков, что повышает их ценность на рынке труда. Известно, что численность отсутствующих в связи с работой в Кыргызстане по данным 2022г. составила 964,6 тыс. чел. (88,1%) [10, 9].

Также следует отметить, что трудовые мигранты, проживая вместе со своими семьями в странах, где высока «зеленая» культура, меняют свои

привычки, принимая новые ценности. Находясь в таком обществе у взрослых людей, происходит переосмысление образа жизни (они бережно относятся к ресурсам и безотходно их используют); осознание необходимости циркулярной экономики. Дети с самого раннего возраста приучаются к сортировке мусора. Для многих семей-мигрантов переход к «экономике совместного пользования», к выбору экологически чистых продуктов и др. постепенно становится нормой и новой культурой поведения. По данным переписи, 77,4 тыс. человек, или 7,1%, находятся за пределами Кыргызстана по семейным обстоятельствам, 41,4 тыс. человек, или 3,8 %, – в связи с учебой и 11,1 тыс. человек, или 1,0 %, – по другим причинам [10, 9].

Влияние внешней трудовой миграции на формирование экономико-экологической культуры народов Кыргызстана имеет долгосрочную перспективу. Последние исследования показали, что численность мигрантов, ранее проживавших в других странах и вернувшихся в Кыргызстан, увеличивается. В 2022г. на вопрос: «Проживали ли Вы непрерывно 1 год и более в другой стране?», из 148 тыс. человек, положительно ответивших на данные вопрос, 52,2 тыс. (35,2 %) назвали основной причиной возвращения семейные обстоятельства и 45,5 тыс. (30,7%) – возвращение на прежнее место жительства, 17,2 тыс. человек (11,6 %) нашли работу в Кыргызстане [10, 16], 83% вернувшихся – это люди в трудоспособном возрасте (мужчин – 66%, женщин – 34%).

Возвращаясь к теме настоящего анализа, следует предположить, что трудовые мигранты, получившие новые знания и навыки, вернувшись на Родину, смогут быть востребованы на национальном рынке труда, передавая новые экологические практики в Кыргызстане. Согласно опросам, проводимым экспертами МОМ: «Большинство респондентов (87,8% мужчин и 74,4% женщин) хотят внести свой вклад в развитие Кыргызстана. Основными секторами, в которые респонденты хотят внести свой вклад, являются туризм и сфера услуг (15,6%), предпринимательство и инвестиции (11,9%) [12,11].

Новые привычки и нормы меняют поведение людей, вернувшихся на Родину, и оказывают влияние на экономику в целом. Экономическое поведение во многом зависит от изменения неформальных институтов, в первую очередь, от уровня образованности. Как показывают исследования в области миграции, тот факт, что в последние годы многие выезжающие люди имеют высшее образование, оказывается самым важным

фактором адаптации и восприятия. Учеными из России выявлена причинно-следственная связь межу образованием и экологической культурой. Так, они считают: «чем выше уровень образования, тем больше человек склонен проявлять озабоченность проблемами окружающей среды, а также поддерживать экологическую среду в устойчивом состоянии для себя и для будущих поколений» [6].

Другим важным фактором адаптации и восприятия новых, в т.ч. «зеленых» ценностей, являются история, культура, традиции народов. По данным официальной статистики на 2023г., численность населения Кыргызстана составляет 7,1 млн человек, 74% из которых – кыргызы, а 26% – представители других национальностей [10, 12]. Такая структура населения сохраняется на протяжении 2011–2022гг. (Рис. 2).

Думается, что менталитет, история кочевых кыргызов и их отношение к природе, позволит им быстро адаптироваться и принять «зеленую» экономику как единственно верный путь развития в долгосрочной перспективе. Изучив историю кочевых кыргызов, можно признать их высокое экологическое сознание. По мнению отечественных ученых, «…в кыргызской культуре есть внутренние механизмы ограничения воздействия на природу, на окружающую среду» [14, 37]. Поэтому можно предположить, что нет барьеров в формировании новых «зеленых» ценностей, которые в ближайшей перспективе станут основой современной экономико-экологической культуры в Кыргызстане.

Рисунок 2. Национальный состав населения Кыргызской Республики, 2011–2022 (абсолютные значения).

Источник: данные Национального статистического комитета КР, 2023г. [12, 11].

Для того, чтобы произошли в стране существенные перемены в сторону «зеленого» развития нужны институциональные изменения (формальных и неформальных институтов). За годы независимости Правительством Кыргызской Республики достигнуты определенные результаты в создании формальных «зеленых» правил и норм: разработаны требования для бизнеса по обращению с отходами, подготовлены новые институты ответственности за нарушение правил сбора отходов, а также предложены на общественное обсуждение Правила представления производителями и импортерами товаров отчетности о выполнении нормативов переработки отходов от использования товаров. Все это подтверждает динамику институциональных изменений формальных институтов в КР. Однако неформальные институты пока недостаточно развиваются в нашей стране.

Неформальные институты связаны с образованием, менталитетом, традициями и обычаями людей. Из теории новой институциональной экономической теории известно, что неформальные институты играют важную роль в процессе изменений. Зачастую на макроэкономическом уровне разработаны и приняты законы и подзаконные акты, но недостаточно культуры исполнения формальных правил. Причинами такого положения дел являются недостаточность образования на всех уровнях (от школьного образования до высшего, подготовки и переподготовки государственных служащих) и слабое государственное регулирование процессов устойчивого развития экономики. Думается, что в ближайшее время благодаря внедрению «зеленых» ценностей появится коллективная ответственность за сохранность окружающей среды.

В настоящее время положительно меняется культура людей с фокусом на здоровый образ жизни. Растет спрос на экологичные и органические продукты. Все больше покупатели готовы платить за натуральные продукты местного производства. В обществе укореняется норма сбора и повторного использования мусора и отходов, укореняется предпочтение «зеленого» общественного транспорта. Кроме того, повышается интерес к экологической ответственности бизнеса, экономии воды, энергии и др.

Главной ценностью зеленой экономики, к которой мы стремимся, является отношение человека к природным богатствам. Достижение этой цели вполне возможно, так как в менталитете кыргызов изначально

заложена гармония природы и человека, динамизм и восприимчивость к переменам. По мнению Ж.К. Урманбетовой, «космичность мироощущения кочевника предполагает особую природовосприимчивость (экологичность) мышления, когда природа мыслится в качестве дарующей жизнь первосилы и продолжения собственного «я» человека» [14, 93].

Для формирования «зеленого» мировоззрения через обучение важна роль образовательных учреждений, которые могут в КР продвигать экономико-экологическое образование государственных служащих, представителей бизнеса, активистов гражданского общества. Внедрение «зеленых» норм и правил в предпринимательскую и управленческую деятельность с помощью регуляторных механизмов, включая санкционирование за экологические правонарушения, также актуально. Главное в этом процессе – это регулирование со стороны государства, которое через систему образования и СМИ может формировать национальную идеологию «зеленых» ценностей в обществе.

Таким образом, влияние внешней трудовой миграции на формирование экономико-экологической культуры граждан Кыргызстана многогранно. С одной стороны, многолетний опыт работы за границей дает им важные знания о «зеленой» экономике и устойчивом развитии и бесценный опыт профессиональной деятельности на рынках «зеленых» профессий. В перспективе в случае возвращения трудовых мигрантов на родину, они практически «импортируют» этот капитал, который в последующем могут использовать. Это может в национальном масштабе способствовать развитию таких ключевых секторов «зеленой» экономики, как «зеленый» туризм, «зеленое» сельское хозяйство, «зеленая» энергетика, «зеленый» транспорт во благо и устойчивое развитие экономики КР. С другой стороны, ввиду того, что небольшой процент трудовых мигрантов-«возвращенцев» имели возможность получить эти знания и опыт, так как работали в странах, где «зеленая» экономика в настоящее время находится только на стадии формирования и развития, то в КР необходимо активно формировать «зеленое» мировоззрение через обучение и поддержку государством бизнеса в продвижении «зеленых» инициатив.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абжамилова А.Ш.* Особенности развития процессов миграции рабочей силы в условиях рыночной трансформации экономики (теоретико-методологические аспекты): Диссерт. на соискание уч. степ. канд. экон. наук. Кыргызско-Российский

Славянский Университет – Бишкек, 2006 г. http://www.dslib.net/econom-teoria/osobennosti-razvitija-processov-migracii-rabochej-sily-v-uslovijah-rynochnoj.html (дата обращения 25.09.2025)
2. *Базарбаева Р.Ш., Бровко Н.А., Шатманов И.С.* Институты и институциональная система в развитии национальной экономики: Учебник. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020, 468с.
3. *Беспалов Д.А.* Международная трудовая миграция как фактор социально-экономического развития: на материалах Кыргызской Республики: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Кыргызско-Российский Славянский Университет. Бишкек, 2009г. http://www.dslib.net/econom-teoria/mezhdunarodnaja-trudovaja-migracija-kak-faktor-socialno-jekonomicheskogo-razvitija.html (дата обращения 27.09.2025).
4. *Богомбаева Н.Э.* Теоретико-методологические аспекты влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие: на материалах Кыргызской Республики: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Кыргызско-Российский Славянский Университет. Бишкек, 2011г. http://www.dslib.net/econom-teoria/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-vlijanija-migracionnyh-processov-na-socialno.html (дата обращения 20.09.2025)
5. Зеленая экономика: евразийское пространство. Монография под ред. А.В. Неверова, Н.А. Борисенко. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022, 394с.
6. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С.Н. Бобылева, П.А. Кирюшина, О.В. Кудрявцевой. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019, 284с.
7. *Кумсков Г.В.* Закономерности и особенности развития миграционных процессов Кыргызстана на современном этапе/под ред. Е.П. Черновой. Бишкек: «Илим», 2002, 222с.
8. *Мусаева Дж.А., Бекболотова С.М.* Парадигма устойчивого развития в условиях глобализации. Бишкек, 2018, 256с.
9. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040гг. // https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/vneshnyaya-politika/gosudarstvennye-programmy/nacionalnaya-strategiya-razvitiya-kyrgyzskoy-respubliki-na-2018-2040-gody (дата обращения 22.09.2025)
10. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022г.: Книга II (часть 3) в таблицах: Миграция Кыргызской Республики. Бишкек, 2024, 140с. https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/a5bb2b71-d819-4780-9067-81cb00f93-663.pdf (дата обращения 05.10.2025)
11. Программа ООН по окружающей среде// https://www.unep.org/ru/programma-oon-po-okruzhayuschey-srede#:~:text (дата обращения 01.10.2025)
12. Ситуационный отчет по миграции. Кыргызстан, 2023. МОМ// file:///C:/Users/%D0%90%D0%A1%D0%A3%D0%A1/Desktop/Compilation%20report_Apr_Sep_2023_Kyr.pdf (дата обращения 07.11.2025)
13. Трудовая миграция из Кыргызстана. Бишкек, 2008, 166с.
14. *Урманбетова Ж.К., Абдрасулов С.М.* Истоки и тенденции развития кыргызской культуры. Бишкек: «Илим», 2009, 212с.

EFFECTS OF EXTERNAL LABOR MIGRATION IN KYRGYZSTAN (CULTURAL ASPECT)

Bazarbaeva R.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. Yeltsin

ABSTRACT

This article examines the effects of external labor migration, examines the impact of migration on the formation of values and norms of behavior related to the sustainable development of the Kyrgyz economy. The impact of external labor migration on the formation of the economic and ecological culture of the peoples of Kyrgyzstan has a long-term perspective. An important factor in the perception of "green" values by migrant workers is their educational level. The culture, mentality of the nomadic Kyrgyz and their attitude to nature are also of great importance. In conclusion, the role of the state is defined, which through the education system and the media should form a "green" worldview and a culture of sustainable lifestyle in society.

Keywords: External labor migration; economic and ecological culture; sustainable economic development; mentality of nomadic Kyrgyz; "green" economy.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-402-410

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ЦИКЛИЧЕСКОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИК СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

И.В. Горбатенко

Белорусский государственный экономический университет
giv-bseu@tut.by

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу степени циклической синхронизации экономик стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 1997–2024гг. На основе годовых данных ВВП и применения фильтра Ходрика–Прескотта (HP-фильтра) оценены потенциальный выпуск и разрыв выпуска для каждой страны союза, а также для ключевых внешних партнеров. Проведенный корреляционный анализ выявил высокую степень синхронизации деловых циклов России и Казахстана, умеренную – России с Беларусью и Арменией, и относительно низкую – с Кыргызстаном. Сравнение с внешними регионами показало частичную синхронизацию с мировой экономикой и ЕС при слабой связи с Китаем. Метод скользящей корреляции (окно – 7 лет) подтвердил, что согласованность циклов в ЕАЭС усиливается в периоды общих шоков (2008–2009, 2020), но ослабевает в фазах внутренней перестройки. Полученные результаты указывают на центр-периферийный характер интеграции в ЕАЭС, где Россия выступает системообразующим ядром. Практическое значение исследования заключается в оценке предпосылок для углубления координации макроэкономической политики и мониторинга экономической конвергенции внутри союза.

Ключевые слова: циклическая синхронизация, ЕАЭС, деловые циклы, HP-фильтр, конвергенция.

Введение

Проблема циклической синхронизации национальных экономик занимает значимое место в современной макроэкономике, особенно в контексте усиливающейся взаимозависимости стран и формирования региональных экономических блоков. Теоретическую основу анализа составляет теория оптимальных валютных зон, разработанная в работах Р. Манделла, П. Кенена, М. Маккиннона и их последователей, в рамках

которой согласованность деловых циклов рассматривается как ключевое условие устойчивости интеграционного объединения к асимметричным шокам.

Среди наиболее значимых эмпирических исследований стоит выделить работу “Frankel” и “Rose” [1], где впервые эмпирически доказано, что интенсивность торговых связей между странами способствует большей согласованности их экономических циклов. Imbs [2] расширил этот подход, показав, что не только торговые, но и финансовые каналы являются важным механизмом передачи шоков.

Работы “Böwer” и “Guillemineau” [3] и “Darvas” и “Szapáry” [4], основанные на данных по странам Европейского Союза, подтвердили, что торговая интеграция, схожесть структуры производства и финансовая взаимозависимость – ключевые факторы сближения экономических циклов.

Таким образом, современная литература рассматривает синхронизацию деловых циклов как результат комплексного взаимодействия торговых, финансовых и структурных каналов, а не только как следствие институциональной интеграции.

Анализ научных публикаций, посвященных проблематике синхронизации деловых циклов стран ЕАЭС и СНГ, выявляет несколько устойчивых закономерностей.

Эмпирические исследования деловых циклов на постсоветском пространстве указывают на их относительно низкую синхронизацию как внутри региона, так и с глобальной экономикой [5].

Экономическая интеграция в рамках ЕАЭС характеризуется неоднородной степенью согласованности циклов между странами. В исследовании [6] отмечается, что Беларусь, Казахстан и Россия демонстрируют относительно высокую степень синхронизации, тогда как Армения и Кыргызстан – более автономную динамику, обусловленную спецификой их экономических структур и внешнеторговых связей.

Исследователи из МВФ [7] отмечают доминирующую роль российской экономики как основного источника и канала трансмиссии глобальных и региональных шоков. Россия выступает своеобразным центром экономического взаимодействия, определяющим направление и силу циклических колебаний в регионе.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дать объективную количественную оценку текущего уровня циклической

синхронизации в ЕАЭС, особенно в контексте последних геоэкономических изменений (2020–2024гг.). Результаты анализа имеют прямое практическое значение для координации макроэкономической политики (денежно-кредитной, бюджетной) стран-участниц и оценки реального прогресса в экономической конвергенции.

Цель работы – количественная оценка степени циклической синхронизации экономик стран-членов ЕАЭС (России, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана) за период 1997–2024гг. и выявление тенденций к конвергенции в условиях углубления интеграции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- оценить потенциальный ВВП и выделить циклическую составляющую (разрыв выпуска) для экономик стран ЕАЭС и ключевых внешних партнеров (ЕС, Китай) с использованием методов декомпозиции временных рядов;
- провести сравнительный анализ степени согласованности деловых циклов стран ЕАЭС с циклом России и с циклами ведущих мировых экономик (ЕС, Китай) за весь период исследования;
- оценить динамику циклической синхронизации с помощью метода скользящей корреляции и определить наличие статистически значимой тенденции к конвергенции циклов в ЕАЭС в последние годы.

Материал и методы

Исследование опирается на количественный подход к анализу деловых циклов, в основе которого лежит выделение трендовой и циклической компонент макроэкономических временных рядов. Основной объект анализа – реальный ВВП стран ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия), а также ВВП ключевых внешних регионов сравнения – Европейского союза (ЕС), Китая, США и мировой экономики в целом. Все ряды выражены в виде индекса ВВП (1990 = 100) и охватывают период 1990–2024гг. Для устранения проблемы гетероскедастичности и нелинейности роста все временные ряды ВВП были предварительно логарифмированы.

Для декомпозиции временных рядов ВВП на трендовую (потенциальный ВВП) и циклическую (разрыв выпуска) компоненты использовался фильтр Ходрика-Прескотта (HP-фильтр). Данный метод широко применяется в макроэкономических исследованиях. Он минимизирует функцию вида:

$$\min_{y_t^p}\left(\sum_{t=1}^{T}\left(y_t - y_t^p\right)^2 + \lambda\sum_{t=2}^{T-1}\left[\left(y_{t+1}^p - y_t^p\right) - \left(y_t^p - y_{t-1}^p\right)\right]^2\right),$$

где y_t – логарифм фактического ВВП, y_t^p – логарифм потенциального ВВП, λ – параметр сглаживания.

В данном исследовании принято общепринятое значение параметра сглаживания для годовых данных, равное 100, что обеспечивает адекватный баланс между гибкостью и сглаженностью тренда.

Логарифмирование ВВП позволяет интерпретировать полученные разрывы выпуска как процентные отклонения от тренда.

Синхронизация оценивается с использованием попарных коэффициентов корреляции Пирсона между разрывами выпуска разных стран. Матрица корреляций показывает степень согласованности колебаний и позволяет выявить группы стран с близкой динамикой циклов.

Для оценки динамики синхронизации дополнительно используется метод скользящей корреляции с окном в 7 лет, что позволяет проследить, как взаимосвязь циклов между странами изменялась во времени.

Поскольку первые годы переходного периода (1990–1996) характеризуются трансформационным спадом и экстремальными структурными сдвигами, они исключены из анализа корреляций. Анализ циклической синхронизации проводится за период 1997–2024гг. Это позволяет исключить эффект «искусственной синхронизации» начала 1990-х и снизить влияние проблемы конечных точек при применении HP-фильтра.

Результаты и обсуждение

Оценка потенциального выпуска и разрыва выпуска (output gap) с использованием HP-фильтра позволила выделить циклические колебания ВВП для стран ЕАЭС и ключевых внешних регионов за период

1997–2024гг. Полученные результаты легли в основу анализа степени согласованности деловых циклов между странами.

Матрица попарных коэффициентов корреляции разрывов выпуска (Рис. 1) отражает степень сходства динамики экономических циклов стран ЕАЭС и крупных мировых экономик.

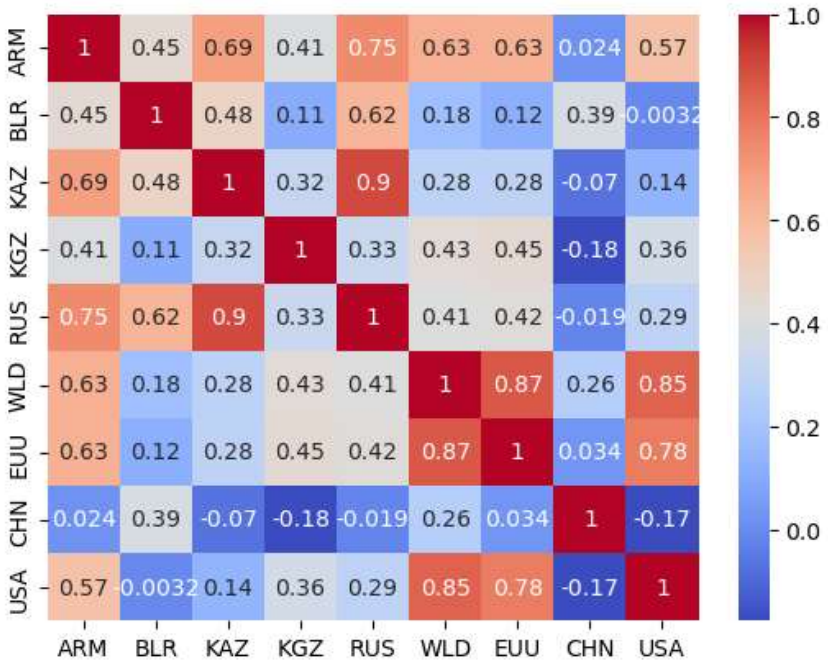


Рисунок 1. Корреляционная матрица для разрывов выпуска.

Для периода 1997–2024гг. выявлены следующие ключевые закономерности.

Наиболее высокая корреляция наблюдается между Россией и Казахстаном ($\rho \approx 0{,}9$), что указывает на тесную связь их экономических циклов. Этот результат соответствует ожиданиям, учитывая сырьевую направленность экономик обеих стран, высокую долю взаимной торговли и схожую реакцию на изменения мировых цен на энергоносители.

Цикл Беларуси также демонстрирует умеренную синхронизацию с российским ($\rho \approx 0.6$), но заметно ниже, чем в случае Казахстана. Это отражает зависимость белорусской экономики от российских рынков и кредитных потоков, но также указывает на наличие структурных особенностей (высокая доля государственного сектора, административное регулирование цен и валюты), которые ослабляют реакцию на общие шоки.

Армения демонстрирует относительно высокую корреляцию с Россией (ρ ≈ 0,75), что может объясняться зависимостью от денежных переводов и инвестиций из России, а также общими внешними факторами (шоки 2008–2009 и 2020гг.).

Кыргызстан имеет наименьшую степень синхронизации с российской экономикой (ρ ≈ 0.33), что подтверждает его относительно низкую интегрированность в производственные цепочки и высокую зависимость от внешних факторов.

Среди внешних регионов наибольшая корреляция наблюдается между циклом России и мировой экономикой (ρ ≈ 0,41), а также с США (ρ ≈ 0,29) и ЕС (ρ ≈ 0,42), что отражает частичную синхронизацию российской экономики с глобальными фазами роста и спада. В то же время корреляция с Китаем не была выявлена, что указывает на структурные различия в циклической динамике и доминирование разных источников экономических шоков.

Таким образом, совокупность результатов указывает на высокую внутрисоюзную синхронизацию циклов в ЕАЭС – прежде всего вокруг российской экономики, выступающей системообразующим центром региона. Однако интеграция не является симметричной: корреляции России с малыми экономиками существенно выше, чем малых стран между собой.

Анализ скользящих корреляций (Рис. 2) позволил выявить, как согласованность деловых циклов стран ЕАЭС с Россией изменялась во времени.

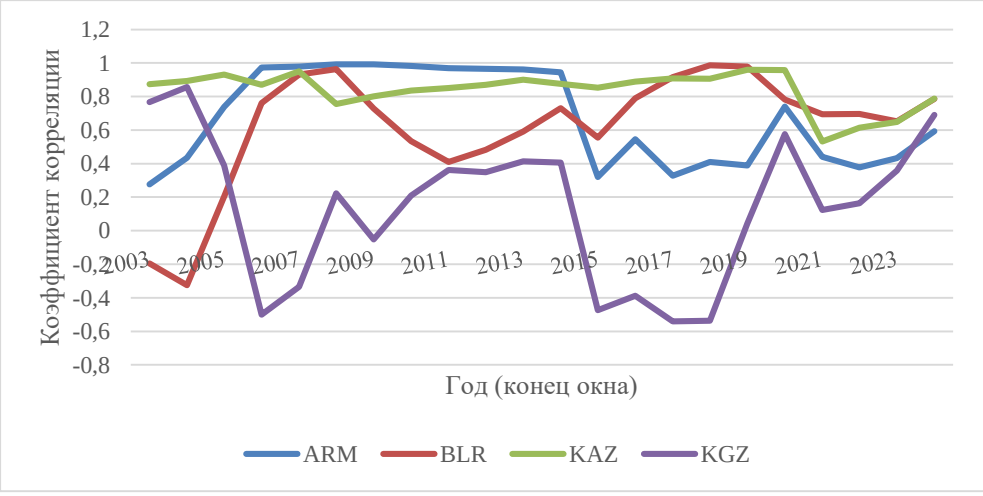


Рисунок 2. Скользящая корреляция с экономическим циклом в России.

В начале наблюдаемого периода (2000–2007гг.) корреляция циклов Армении, Беларуси и Казахстана с Россией была высокой (0,8–1,0), что отражало синхронное восстановление после кризиса 1998г. и общий рост под влиянием благоприятной внешней конъюнктуры.

Период глобального финансового кризиса 2008–2009гг. привел к временному снижению синхронизации, особенно в Беларуси и Кыргызстане. Реакция экономик на кризис оказалась неоднородной: Армения и Россия испытали глубокий спад, тогда как Беларусь, Казахстан и Кыргызстан демонстрировали более мягкую динамику.

После кризиса 2014–2015гг., вызванного падением цен на нефть и санкционным давлением на Россию, синхронизация временно снизилась, особенно для Армении и Кыргызстана, но восстановилась к 2018–2019гг.

Период пандемии «COVID-19» (2020–2021гг.) сопровождался кратковременным ростом корреляций, что отражает глобальный характер шока, затронувшего все экономики ЕАЭС.

После 2022г. синхронизация вновь снизилась, что, вероятно, связано с дивергенцией экономических реакций на геополитические изменения и санкционные ограничения.

Таким образом, динамика скользящих корреляций подтверждает, что синхронизация циклов в ЕАЭС носит волнообразный, непостоянный характер, усиливаясь в периоды общих внешних шоков и ослабляясь в фазах внутренней перестройки.

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать ряд концептуальных выводов.

Центр-периферийная структура ЕАЭС. Россия выступает ядром интеграции, задающим динамику циклов для большинства партнеров. Остальные страны синхронизируются с Россией, но не между собой, что отражает иерархическую структуру экономических связей.

Неустойчивость синхронизации. Высокая корреляция наблюдается не постоянно, а только в периоды общих шоков (например, 2008, 2020). Это указывает, что синхронизация носит скорее «вынужденный», чем структурный характер.

Отсутствие тесной связи с Китаем. Несмотря на растущую роль Китая в торговле, циклическая динамика двух экономик остается независимой, что указывает на специфику китайского роста и асимметрию торговых шоков.

Практические последствия. Для макроэкономической политики это означает, что проведение унифицированных стабилизационных мер (например, единой денежно-кредитной политики) в рамках ЕАЭС пока преждевременно. Однако высокий уровень синхронизации с Россией создает предпосылки для углубления координации в отдельных направлениях (торговая, валютная и бюджетная политика).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Frankel J., Rose A.* The Endogeneity of the Optimum Currency Area Criteria // "Economic Journal". Vol. 108 (449), 1998. PP. 1009–1025.
2. *Imbs J.* Trade, Finance, Specialization, and Synchronization // "Review of Economics and Statistics". Vol. 86 (3), 2004. PP. 723–734.
3. *Böwer U., Guillemineau C.* Determinants of business cycle synchronisation across euro area countries // "ECB Working Paper", № 587, 2006.
4. *Darvas Z., Szapáry G.* Business Cycle Synchronization in the Enlarged EU // "Open Economies Review". Vol. 19 (1), 2008. PP. 1–19.
5. *Kishor N., Giorgadze S.* Business cycle synchronization in the CIS region // "Economics of Transition and Institutional Change". Vol. 30 (1), 2022. PP. 135–158.
6. *Kofner J.* Five Years of the Eurasian Economic Union: Progress of Macroeconomic Convergence and the Common Financial Market // "Trade policy", № 4 (20), 2019. PP. 83–103.
7. *Arzoumanian S.* Spillovers from Russia to Neighboring Countries: Transmission Channels and Policy Options // "IMF Working Paper". Vol. 2023 (185), 2023.

ASSESSING THE DEGREE OF CYCLIC SYNCHRONIZATION OF THE ECONOMIES OF THE EAEU MEMBER STATES

I. Gorbatenko
Belarus State Economic University

ABSTRACT

This study analyzes the degree of cyclical synchronization of the economies of the Eurasian Economic Union (EAEU) countries from 1997 to 2024. Using annual GDP data and the Hodrick-Prescott filter (HP filter), potential output and output gaps are estimated for each member state, as well as for key external partners. A correlation analysis revealed a high degree of synchronization between business cycles in Russia and Kazakhstan, a moderate degree of synchronization between Russia and Belarus and Armenia, and a relatively low

degree of synchronization with Kyrgyzstan. A comparison with external regions revealed partial synchronization with the global economy and the EU, with weak correlation with China. The moving correlation method (7-year window) confirmed that cyclical coherence in the EAEU strengthens during periods of general shocks (2008–2009, 2020) but weakens during phases of internal restructuring. The results indicate a core-periphery nature of integration within the EAEU, with Russia serving as the system-forming core. The practical significance of this study lies in assessing the preconditions for deepening macroeconomic policy coordination and monitoring economic convergence within the union.
Keywords: cyclical synchronization, EAEU, business cycles, HP filter, convergence.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-411-418

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ И КЕЙС АРМЕНИИ

Э.Г. Карапетян, М.А. Вирабян

Российско-Армянский университет
edgar.karapetyan@rau.am, mane.virabyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется роль образования как ключевого фактора инновационной политики и устойчивого технологического развития, с акцентом на Армении. Аналитическая часть опирается на данные Глобального инновационного индекса (GII) за 2020–2025 годы, а также на динамику государственных расходов на образование в период 1999–2023гг. На основе сопоставления двух временных рядов демонстрируется структурная взаимосвязь между снижением финансирования образования и ухудшением показателей инновационной результативности страны. Межстрановой анализ показывает значительное отставание Армении в уровне инвестиций в образование по сравнению с государствами, демонстрирующими высокую инновационную эффективность. Сделан вывод о необходимости восстановления и увеличения доли расходов на образование, модернизации образовательной среды и укрепления связи между университетами, наукой и экономикой.

Ключевые слова: образование, инновационная политика, человеческий капитал, расходы на образование, инновационное развитие.

Введение

В условиях стремительного технологического прогресса образование выступает фундаментальным фактором инновационного развития. Для стран с ограниченными природными ресурсами, таких как Армения, именно человеческий капитал является ключевым элементом экономического роста. Несмотря на сохранение отдельных сильных сторон, высокую математическую подготовку, развитый ИТ-сектор Армения сталкивается с проблемой недостаточной трансформации образовательного и кадрового потенциала в реальную инновационную результативность.

Цель исследования – выявить влияние уровня государственного финансирования образования на динамику инновационного развития

Армении и определить, в какой мере образовательная политика определяет эффективность национальной инновационной системы.

Задачи исследования

Проанализировать теоретические подходы к пониманию роли образования в инновационном развитии и формировании экономики знаний.

- Исследовать динамику показателей Глобального инновационного индекса (GII) Армении в 2020–2025 годах и выявить факторы, определяющие разрыв между инновационным вкладом и инновационной результативностью.
- Оценить долгосрочную траекторию государственных расходов на образование в Армении за период 2000–2024 годов и определить структурные тенденции в финансировании человеческого капитала.
- Выполнить межстрановой сравнительный анализ уровня образовательных инвестиций Армении и стран региона/ЕС (Грузия, Польша, Эстония) для выявления различий в образовательной политике.
- Установить взаимосвязь между динамикой финансирования образования и инновационным развитием, выявить причинно-следственные связи между инвестициями в человеческий капитал и инновационными результатами.
- Сформулировать рекомендации по совершенствованию образовательной и инновационной политики Армении для повышения ее инновационной конкурентоспособности.

Теоретические основы влияния образования на инновационную политику

Теоретические подходы в современной экономике подчеркивают, что образование является ключевым элементом формирования человеческого капитала и фундаментом инновационного развития. В работах Р. Лукаса[1] показано, что накопление человеческого капитала напрямую

[1] *Lucas R.* (1988). On the Mechanics of Economic Development.

определяет темпы долгосрочного экономического роста, а образовательная система выступает центральным механизмом его воспроизводства[1]. Исследования Э. Ханушека и Л. Весмэнна[2] также подтверждают, что именно качество образования, а не его формальные количественные показатели, обеспечивает способность экономики создавать и поддерживать инновации[2].

Значительное внимание уделяется институциональной роли университетов. Согласно модели «тройной спирали» Г. Итсковица и Л. Лейдесдорфа[3], инновации возникают вследствие взаимодействия университетов, государства и бизнеса, а эффективность такого взаимодействия определяется уровнем развития образовательной и исследовательской инфраструктуры[3]. Это положение согласуется с подходом М. Портера[4], подчеркивающего, что конкурентоспособность национальной экономики опирается на подготовку высококвалифицированных кадров и развитие научно-технологической базы[4].

Таким образом, существующие теоретические модели сходятся в том, что устойчивое инновационное развитие невозможно без долгосрочных инвестиций в образование, обеспечивающих подготовку квалифицированных специалистов, развитие исследований и формирование институтов, способных поддерживать инновационную активность.

Образование формирует человеческий капитал, который является центральным элементом инновационной экономики. Университеты, исследовательские центры и научные институты обеспечивают генерацию знаний, развитие технологий и подготовку специалистов, востребованных в высокотехнологичных секторах. Инвестиции в образование определяют качество подготовки кадров, уровень цифровой грамотности, способность экономики адаптироваться к технологическим изменениям и создавать инновационные продукты. Страны, достигшие высоких инновационных результатов, неизменно характеризуются значительным уровнем государственных расходов на образование и развитой исследовательской инфраструктурой.

---

[2] *Hanushek E.* & *Woessmann L.* (2012). Education Quality and Economic Growth.

[3] *Etzkowitz H., & Leydesdorff L.* (2000). Triple Helix Model of Innovation.

[4] *Porter M.* (1990). The Competitive Advantage of Nations.

Оценка инновационного развития Армении в 2020–2025гг. демонстрирует выраженный разрыв между инновационным вкладом и инновационной результативностью. Высокие значения Innovation Input указывают на наличие человеческого капитала, институциональной устойчивости и потенциала для роста, тогда как показатели Innovation Output отражают слабость исследовательской инфраструктуры, низкий уровень коммерциализации технологий и недостаточное взаимодействие науки и бизнеса.

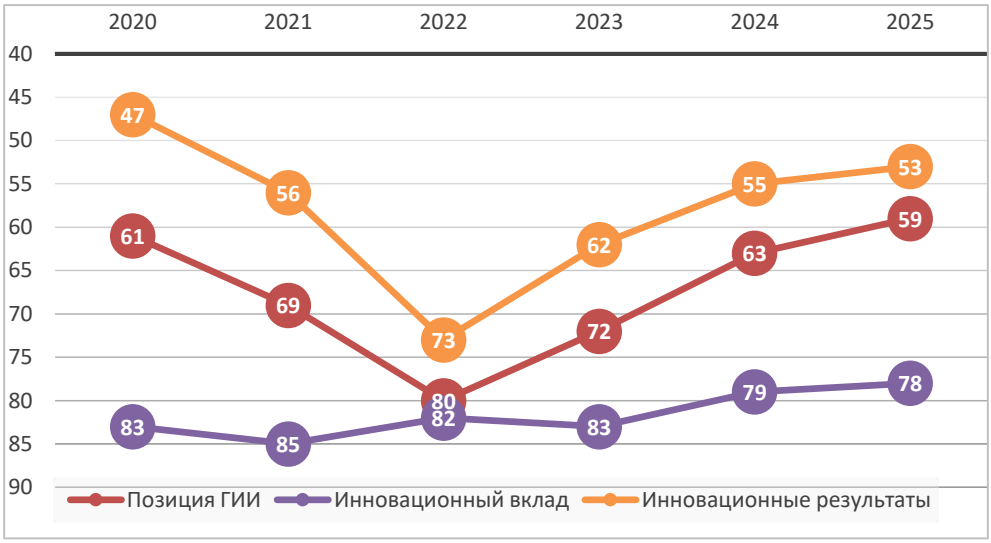


Рисунок 1. Динамика инновационного развития Армении (GII 2020–2025).

Источник: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/gii-2025-results.html

Анализ представленного графика позволяет зафиксировать положительную динамику инновационного развития Армении в последние годы. После ухудшения показателей в 2022г. наблюдается последовательное улучшение как по индикатору инновационных результатов, так и по общей позиции в Глобальном инновационном индексе. В частности, показатель Innovation Output демонстрирует устойчивый рост: с 73 в 2022г. до 62 в 2023г., далее до 55 – в 2024г. и 53 – в 2025г., что свидетельствует об усилении способности национальной инновационной си-

стемы генерировать практические результаты. Одновременно прослеживается улучшение общей позиции страны в рейтинге GII: после снижения до 80-го места в 2022г. фиксируется постепенное продвижение – 72-е место в 2023г., 63-е – в 2024г. и 59-е – в 2025г. Данная динамика указывает на восстановление конкурентных позиций Армении в международном инновационном пространстве. Таким образом, несмотря на предшествующий спад, в 2023–2025 гг. формируется тенденция роста инновационной результативности, что может свидетельствовать о постепенной стабилизации инновационной политики и более эффективной трансформации институционального потенциала в конкретные инновационные достижения.

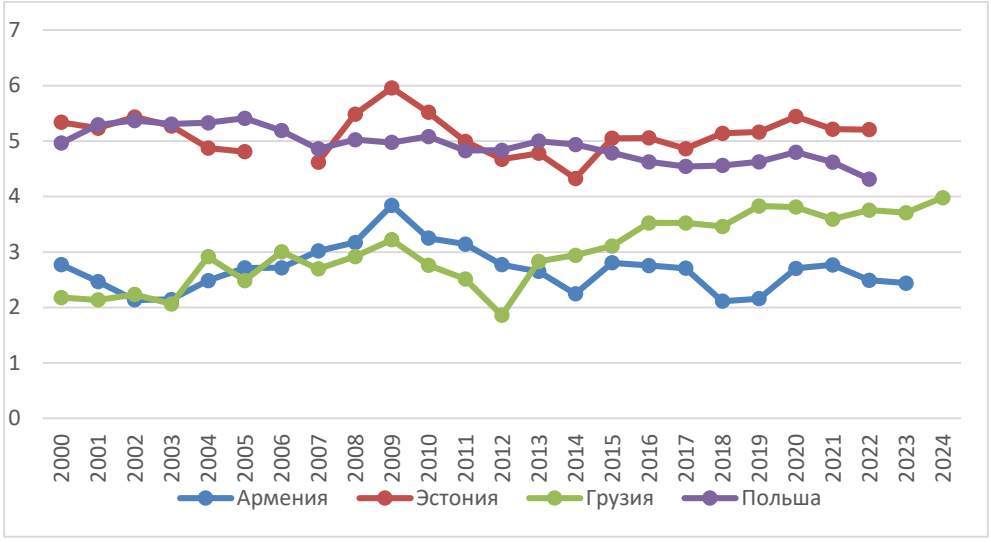


Рисунок 2. Государственные расходы на образование (% ВВП), 1999–2023.

Источник: https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS

График показывает, что государственные расходы на образование в Армении остаются сравнительно низкими и нестабильными на протяжении 2000–2024гг. После кратковременного роста в 2008–2009гг. (около 3,8% ВВП) наблюдаются снижение и колебания в диапазоне 2–3% ВВП. В то же время Эстония и Польша стабильно инвестируют 4,5–6% ВВП, а Грузия в последние годы приблизилась к уровню 3,5–4%. Таким образом, Армения демонстрирует системное отставание по

уровню образовательных инвестиций, что ограничивает ее возможности по формированию устойчивого инновационного потенциала.

Выводы и рекомендации

Образование является ключевым фактором инновационной политики, определяющим способность страны к долгосрочному технологическому развитию. Анализ инновационной динамики Армении и траектории государственных расходов на образование показывает, что страна сталкивается с системными ограничениями, связанными с недостаточным финансированием образовательной сферы.

Для этого предлагается:

- увеличить государственные расходы на образование до уровня не менее 3–4% ВВП в краткосрочной перспективе и приблизиться к уровню 4,5–5% ВВП в среднесрочной перспективе для обеспечения устойчивого развития человеческого капитала;
- провести модернизацию образовательной среды: обновить учебные программы, укрепить материально-техническую базу, развить цифровую инфраструктуру и системно повышать квалификацию преподавателей;
- усилить связи между университетами, научными институтами и частным сектором через создание совместных лабораторий, исследовательских центров, программ коммерциализации технологий и университетских технопарков;
- увеличить вложения в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (R&D), обеспечив поддержку молодых исследователей и развитие прикладных исследований в приоритетных секторах;
- развить STEM-образование, внедрить проектные методы обучения, расширять предпринимательские программы в университетах и формировать у студентов практические навыки, необходимые для инновационной экономики;
- создать систему гибкой профессиональной переподготовки, ориентированной на потребности рынка труда и технологические изменения;

- усилить участие Армении в международных исследовательских консорциумах и научных сетях для повышения качества исследований и привлечения внешних ресурсов;
- развить инновационную инфраструктуру – технопарки, акселераторы, инкубаторы обеспечивая поддержку стартапов на ранних стадиях;
- сформировать устойчивую инновационную экосистему, в которой образование, исследования и предпринимательство интегрированы в единое пространство взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Becker G.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education, 3rd ed. Chicago: "University of Chicago Press", 1993, 390p.
2. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The Dynamics of Innovation: From National Systems and "Mode 2" to a Triple Helix of University–Industry–Government Relations // "Research Policy". Vol. 29, № 2, 2000. PP. 109–123.
3. *Freeman C.* Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan, London: "Pinter Publishers", 1987, 155p.
4. *Hanushek E., Woessmann L.* The Role of Cognitive Skills in Economic Development // "Journal of Economic Literature". Vol. 46, № 3, 2008. PP. 607–668.
5. *Hanushek E., Woessmann L.* The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth. Cambridge, MA: "MIT Press", 2015, 296p.
6. *Lucas R.* On the Mechanics of Economic Development // "Journal of Monetary Economics". Vol. 22, № 1, 1988. PP. 3–42.
7. *Lundvall B.-Å.* National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London: "Pinter Publishers", 1992, 342p.
8. *Nelson R.* National Innovation Systems: A Comparative Analysis. New York: "Oxford University Press", 1993, 560p.
9. *Romer P.* Endogenous Technological Change // "Journal of Political Economy". Vol. 98, № 5, 1990. PP. S71–S102.
10. *Schultz T.* Investment in Human Capital // "American Economic Review". Vol. 51, № 1, 1961. PP. 1–17.
11. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Education at a Glance 2024: OECD Indicators.
12. World Intellectual Property Organization (WIPO). Global Innovation Index 2025 [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.wipo.int/global_innovation_index
13. World Bank. Government Expenditure on Education, Total (% of GDP)
14. *Porter M.* The Competitive Advantage of Nations, New York: "Free Press", 1990. P. 855.
15. *Acemoglu D., Autor D.* Skills, Tasks and Technologies: Implications for Employment and Earnings // "Handbook of Labor Economics". Vol. 4B, 2011. P. 1043–1171 and Earnings // "Handbook of Labor Economics". Vol. 4B., 2011. PP. 1043–1171.

EDUCATION AS A FUNDAMENTAL FACTOR OF INNOVATION POLICY: A COMPREHENSIVE ANALYSIS AND THE CASE OF ARMENIA

E. Karapetyan, M. Virabyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This paper examines education as a fundamental determinant of innovation policy and sustainable technological development, focusing on the case of Armenia. The analytical framework incorporates data from the Global Innovation Index (GII) for 2020–2025 and long-term trends in government expenditure on education from 1999 to 2023. The study highlights the structural relationship between declining education funding and the deterioration of Armenia's innovation performance. A cross-country comparison shows that Armenia significantly lags countries with strong innovation systems in terms of investment in education. The findings indicate that sustainable innovation-driven growth requires restoring and increasing educational expenditures, modernizing the educational environment, and strengthening the connection between universities, research institutions, and the real economy.
Keywords: education, innovation policy, human capital, education expenditure, innovation performance.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-419-437

ENERGY TRANSITION IN ARMENIA: SMALL ECONOMY, BIG TRANSITION – INSTITUTIONAL CHALLENGES AND SOCIAL IMPLICATIONS

***L. Karapetyan*[1], *A. Khalatyan*[2]**

Yerevan State University
Armenian State University of Economics
liana.karapetyan@ysu.am, a.khalatyan@ysu.am

ABSTRACT

In small and import-dependent economies, the energy transition is not only a decarbonization issue, but also a systemic challenge, where energy security, affordability and sustainability are shaped not only by technological and economic factors, but also by institutional capacities, the effectiveness of public governance and social protection mechanisms. This article provides a conceptual and policy-oriented analysis of Armenia's energy agenda, focusing on energy security and energy poverty as key qualitative dimensions of the energy transition. It assesses whether the current institutional framework is capable of aligning decarbonization goals with social protection and affordability objectives. Based on a review of national strategies, legal frameworks, and energy efficiency programs, the study identifies major challenges, particularly fragmented governance and weak social protection mechanisms. Situating Armenia's experience within contemporary academic and international policy debates, the analysis argues that addressing energy poverty, strengthening energy security, and achieving a large-scale energy transition require coordinated and integrated state action across policy domains.

The article contributes to the literature by viewing energy poverty as an endogenous performance outcome of energy policy and institutional design, offering policy-focused insights for small economies that simultaneously face energy security and decarbonization pressures. The analysis shows that socially inclusive energy policies are an important prerequisite for ensuring a just energy transition. Armenia's transition to a secure, low-carbon, and trans-

[1] PhD in Economics, Lecturer, Faculty of Economics and Management, YSU, Lecturer, Armenian State University of Economics, https://orcid.org/0009-0009-9629-4827, liana.karapetyan@ysu.am

[2] PhD in Economics, Lecturer, Faculty of Economics and Management, YSU, Lecturer, Armenian State University of Economics, https://orcid.org/0009-0008-0106-0845, a.khalatyan@ysu.am

parent energy system is possible, but only if it is implemented through effective institutional governance and accompanied by clear social protection measures.
Keywords: energy poverty, energy transition, energy security, energy policy.

Introduction

In the context of external energy dependence and recent geopolitical developments, the energy transition has become a crucial policy challenge for small economies. While global climate agendas increasingly emphasize decarbonization, increasing the share of renewable energy, and technological innovation, the problem of the uneven distribution of the social and economic consequences of the energy transition continues to deepen. For small, import-dependent countries, the energy transition is not just a technological or environmental issue: it is deeply intertwined with energy security, social vulnerability, and political stability.

Armenia is a representative example of the deepening of these challenges. The country has no domestic fossil fuel resources and is heavily dependent on imported energy carriers, and electricity generation depends on a combination of hydropower, nuclear power, and a rapidly developing renewable energy sector. At the same time, many households continue to live in energy poverty, mainly due to low incomes, poor housing energy efficiency, and volatile energy prices. The situation is further complicated by ongoing regional conflicts, geopolitical changes.

This article analyzes Armenia's energy agenda as a case of a "great transition" in a small economy, with a particular focus on *energy poverty* and *social resilience* as central policy and institutional challenges. Rather than viewing energy poverty as an external social problem driven by sectoral developments, the article also views it as an endogenous outcome of energy system transformation within institutional and geopolitical constraints. The analysis focuses on three interrelated studies: (i) the development of Armenia's energy policy and legal framework over the past decade, (ii) the implications of the energy transition for energy security and social justice, and (iii) the role of regional cooperation in shaping transition pathways.

Methodology

This study uses a qualitative policy analysis approach, based on a review of regulatory documents and the legal framework, and descriptive secondary data. It examines policy coherence, institutional maturity, and the alignment between energy transition objectives and social protection policies. Qualitative assessments were obtained as a result of the study of various primary and secondary sources. The analysis considered national laws and state strategic documents regulating the energy sector ("On Energy", "On Energy Efficiency and Renewable Energy", Energy Sector Strategy 2040, NDCs, energy efficiency programs), reports of regulatory and supervisory institutions (Public Utilities Commission, Renewable Energy and Energy Efficiency Fund), and international frameworks such as the Paris Agreement and EU energy directives (e.g. Directive 2012/27/EU, EU/2024/1275).This review is complemented by academic literature on energy poverty, energy efficiency, and the socio-economic consequences of energy transition in small and developing economies.

The study adopts a qualitative policy analysis approach focusing on Armenia as a case study. International experiences are used in a selective manner to contextualize policy developments and identify relevant policy lessons for small economies. The analysis draws on multiple documentary and secondary sources to ensure analytical robustness. The focus of the analysis is on the interaction between institutional capacity, policy coherence and energy poverty outcomes, where energy poverty is considered as an important indicator reflecting the quality of energy management and transition.

The quantitative component is based on a descriptive analysis of the available statistical data reflecting the interaction of energy transition and energy poverty. The lack of systematic and disaggregated data on household energy poverty in Armenia, as well as standardized criteria, does not allow for an in-depth statistical analysis. Nevertheless, descriptive trends are used to highlight the main issues and assess the effectiveness of the policies applied.

The proposed methodological approach allows for the integration of institutional, social and economic dimensions of the energy transition, building an evidence-based understanding of the combined impact of policy development, institutional capacity and social protection measures. A combination of qualitative analyses and descriptive quantitative data has identified a number of policy priority areas, highlighting the importance of integrated governance,

targeted energy efficiency programmes and integration of social protection instruments into energy policy.

Literature review

Conceptual Framework: Energy Poverty and Big Transition in Small Economies: Energy is one of the most important prerequisites for socio-economic well-being, which also contributes to the development of industry and trade (Sovacool, 2012; Nussbaumer et al., 2012; Rao et al., 2019).

Energy poverty is defined as the lack of access to sufficient, affordable, reliable and accessible energy. It is closely linked to social inequality, the income factor, but can also be a consequence of the influence of reliability and accessibility factors. (Sovacool, 2012; Bazilian, 2010; Pye et al, 2015; Bouzarovski, 2014). In the scientific literature and in the definitions of energy poverty by different countries, energy poverty is characterized from two perspectives: 1) households that spend a large portion of their income on energy, and 2) households that have insufficient energy expenditures (Rademaekers et al., 2016).

Table 1-1. Energy poverty definitions.

Country	Definition
Great Britain	Energy poverty: Inability of a household to secure a socially- and materially necessitated level of energy services in the home.
Slovakia	Energy poverty under the law No. 250/2012 Coll. of Laws is a status when average monthly expenditures of household on consumption of electricity, gas, heating and hot water production represent a substantial share of average monthly income of the household.
France	An energy poor person is considered to be a person whose access to and sufficiency of energy is limited due to insufficient financial resources or housing conditions, not providing the level necessary to meet basic needs.
Ireland	Energy poverty is a situation where a household is unable to provide an adequate level of energy services at home due to the inability to access these services at an affordable price.
Belgium	Energy poverty: Households spend too high a proportion of their disposable income on expenditure for energy.
	Hidden energy poverty: households have an abnormally low level of spending on energy services.
Austria	Energy poverty: A household is considered energy poor if its income is below the at-risk-of poverty threshold and, at the same time, it has to cover above average energy costs.

Country	Definition
Cyprus	Energy poverty can describe the situation of consumers who, due to a combination of their low income and a number of social factors, find themselves in financial difficulties and as a result are unable to pay for their sufficient electricity consumption, as these expenses constitute a significant part of their disposable income.
World Economic Forum	Energy poverty is the lack of access to sustainable modern energy services and products. Energy poverty can be found in any setting where adequate, affordable, reliable, quality, safe and environmentally sound energy services are lacking to support development.

Source: Barrett et al., 2022; Castaño-Rosa et al., 2019; Kerr et al., 2019; Thomson et al., 2016

Although a single internationally accepted measure of energy poverty does not yet exist, research generally converges on two main approaches: household energy expenditure and subjective assessments of affordability (Rademaekers et al., 2016). The most widely used method is the expenditure approach, where households are considered energy poor if energy costs exceed 10% of total income. Energy poverty is also multidimensional, as reflected in the UN definition, which includes access to reliable, affordable, safe, and sustainable energy (United Nations, 2000).

The causes and impacts of energy poverty differ by development level. In developing countries, it is mainly driven by lack of access to energy (Igawa & Managi, 2022), while in developed countries affordability is the key issue (Primc et al., 2021). Despite these differences, electricity access remains a central indicator of energy poverty (Nussbaumer et al., 2012). Globally, around 1.18 billion people are energy poor, far exceeding the 733 million without electricity access, highlighting persistent global inequality (Min et al., 2024).

The main challenge today is not only expanding access but also meeting rapidly growing demand. By 2035, developing economies are expected to account for nearly two-thirds of global electricity demand. This requires massive infrastructure expansion, including over 73 million kilometers of transmission lines and a near doubling of annual investment in electricity generation from $280 billion to $630 billion by 2035. However, developing countries currently attract only about 20% of global energy investment, as capital flows mainly to lower-risk markets (WB, 2025).

These challenges are intensified by the energy transition, which requires large-scale investment in clean energy systems. Such investments often generate long-term rather than immediate returns, making them less attractive to private investors (Karapetyan et al., 2024). As a result, the transition may deepen energy poverty unless it is accompanied by strong social policies ensuring affordable access to energy for vulnerable groups.

In small economies, these issues are more pronounced due to limited investment capacity, high import dependence, and institutional constraints. Unlike larger economies, small states have fewer mechanisms to absorb shocks or redistribute costs, making trade-offs between affordability, security, and sustainability more acute. This requires more targeted and context-specific policy frameworks.

Energy poverty is therefore a complex issue that goes beyond income poverty and requires integrated policy responses combining technology, governance, and social protection (Teixeira et al., 2024; Lan et al., 2022). Evidence shows that neither technological solutions nor financial support alone are sufficient; coordinated policy design is essential (Varo et al., 2022). The Energy Trilemma framework highlights the need to balance security, affordability, and sustainability (Davtyan & Khachikyan, 2022), while weak governance and fragmented institutions can significantly hinder progress (Di Rocco et al., 2025).

Energy poverty is further reinforced by poor housing conditions, underinvestment in efficiency, price volatility, and weak institutional capacity. Poorly designed reforms, such as liberalization without adequate social protection, can worsen vulnerability. Research consistently shows that combined policy approaches – integrating energy efficiency measures with targeted social assistance –are more effective than isolated interventions (Jové Llopis & Trujillo Baute, 2024; del Río et al., 2025; Fabbri, 2024).

Overall, energy poverty should be understood not only as a socio-economic condition but also as a key indicator of energy transition quality. It reflects institutional capacity, policy coherence, and the extent to which energy systems ensure equitable access during structural transformation. Moreover, studies point to the need for structural innovations, such as integrated governance models, to improve not only energy access and affordability, but also territorial resilience and social inclusion during the energy transition (Di

Rocco et al., 2025). Finally, recent research on energy efficiency in the context of current geopolitical developments demonstrates that combining energy efficiency levers with social programs can mitigate the adverse social consequences of the energy transition process (Edziah et al., 2026). This conceptual approach views energy poverty not as a derivative problem that needs to be addressed after the energy transition is achieved, but as a key indicator of the quality of the transition, reflecting institutional effectiveness, social equity, and alignment of the energy policy agenda with social goals.

This article uses the term "great transition" to reflect the scale and synchronicity of the changes facing Armenia's energy sector: market reforms, decarbonization commitments, infrastructure modernization, and social welfare. In practice, this energy transition process is also a powerful political tool.

Discussion

Armenia's energy policy and legal framework: development and current priorities:

1) Energy Market Reforms and Strategic Policy for Socially Inclusive Transition

Over the past decade, Armenia has implemented significant reforms in its energy policy and regulatory framework, reflecting both domestic priorities and international commitments. The fundamental legal framework for the sector is based on the Laws "On Energy" and "On Energy Efficiency and Renewable Energy", which establish market principles, regulatory oversight, and incentives for the deployment of renewable energy. These laws have been amended several times to reflect market liberalization, investment attraction, and changing policy objectives.

As a result of gradual electricity market liberalization, the Public Services Regulatory Commission (PSRC) of Armenia initiated a transition to a new market model from February 1, 2022. Under this reform, many generators sell electricity at market-based prices. The objective is to establish the legal and economic conditions for market liberalization, introduce competition, diversify energy supply, expand cross-border trade, and ensure a smooth transition. This is the most significant reform in the sector since 2004 and includes key elements such as demonopolization, consumer choice, investment promotion (especially in solar energy), and enhanced regional electricity trade. These measures are intended to reduce energy poverty and

strengthen energy security. The legal basis for the reform was established through amendments to the Law "On Energy" in 2018.

As a result of increasing competition, the liberalized market share of domestic electricity consumption rose from 5.3% in 2022 to about 33% in January–September 2025, with projections of 36% by the end of 2025 and 41.4% in 2026 (Energy Regulatory Commission of Armenia, n.d.).

Strategic planning has also been strengthened. In 2021, Armenia adopted an Energy Sector Development Strategy to 2040, prioritizing diversification of energy sources, expansion of renewables, modernization of infrastructure, and development of nuclear energy as a low-carbon option. The strategy also emphasizes social protection measures, including improved support for vulnerable consumers, fair tariff policies, and poverty reduction. Overall, Armenia's energy transition combines market liberalization and infrastructure development with social inclusion objectives, linking affordability and energy poverty reduction with broader sector reforms.

Along with the initial development and priority programs of this strategic direction, the Government adopted "The Energy Efficiency and Renewable Energy Program for 2022–2030", which details the urgent directions of the first phase of actions within the framework of energy efficiency promotion, support for small hydro/solar projects, and household sector programs.

Table 1. Structure of Nominal Consumer Expenditures of Households per Capita, Average Monthly, Percentages, 2024.

Expenditure Items	Yerevan	Other Urban Areas	Rural Areas
Consumer expenditures	100	100	100
of which:			
– food and non-alcoholic beverages	40.7	39.1	44.7
– alcoholic beverages and tobacco	4.8	4.4	5.7
– clothing and footwear	3.6	3.3	4.4
– **housing, water, electricity, gas and other fuels**	15.4	16.2	13.5
– household goods, home appliances and routine household maintenance	5.0	5.1	4.8
– health care	10.0	10.5	8.8
– transport	6.7	6.2	7.9
– communication services	2.5	2.7	2.1
– recreation and culture	1.2	1.5	0.3

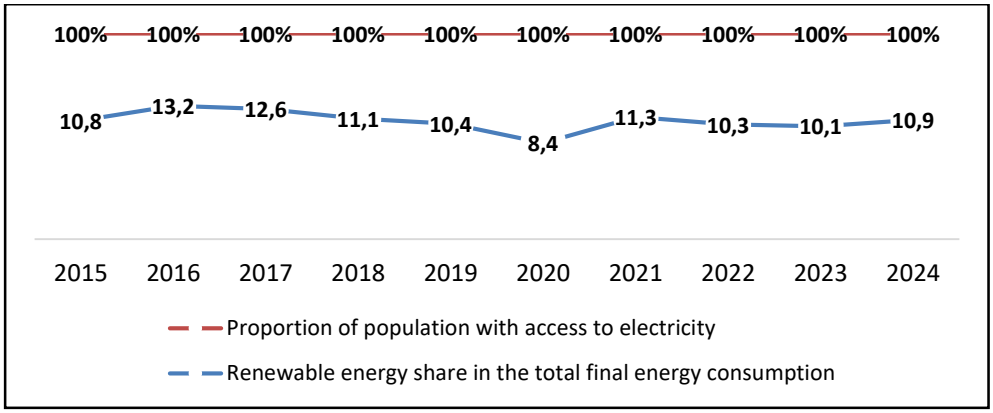
Expenditure Items	Yerevan	Other Urban Areas	Rural Areas
– education	2.5	2.8	1.8
– hotels, cafes and restaurants	2.8	3.5	1.2
– other services	4.8	4.7	4.8

Source: https://armstat.am/file/article/poverty_2025_am_3.pdf Seen 05.03.2026.

2) Armenia's Climate Goals and Energy Sector Targets

According to the Third Biennial Update Report of the United Nations Framework Convention on Climate Change (Third BUR, 2021), Armenia's energy sector is responsible for about two-thirds (66.7%) of the country's greenhouse gas emissions. Therefore, the energy transition is of paramount.

Figure 1. SDG 7 Indicators' dynamics.



Source: https://sdg.armstat.am/7/ Seen 05.03.2026.

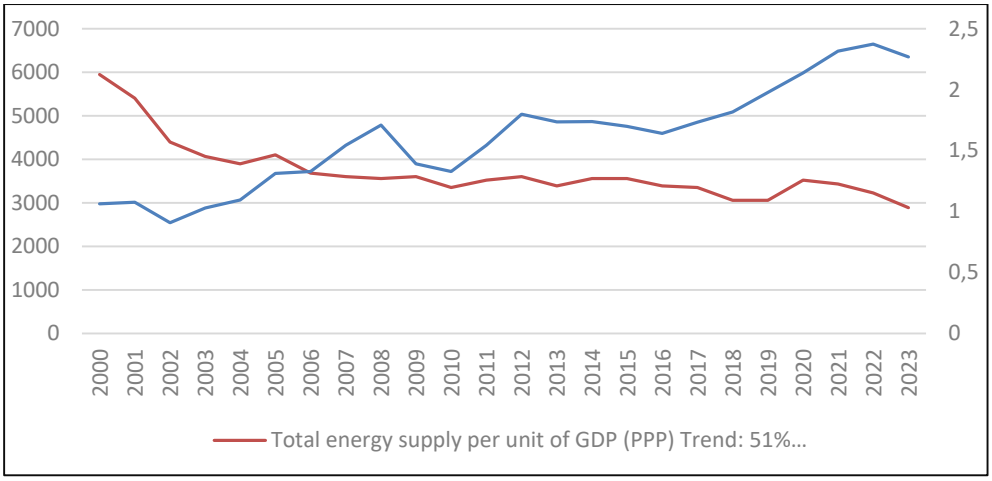
To support this transition, Armenia's energy strategy commits to:

1. Increasing the share of renewable energy in electricity generation (e.g. solar and wind power).
2. Reducing losses in the electricity grid.
3. Supporting energy efficiency measures for electricity suppliers.

Thus, Armenia's mitigation potential is mainly concentrated in the energy sector. To harness this potential, Article 4.2 of the Paris Agreement obliges Armenia to prepare, communicate and maintain successive Nationally Determined Contributions (NDCs) every five years. It must also undertake domestic mitigation measures to achieve its investment goals (Article 4.2).

Within the framework of domestic mitigation measures, Chapter 3 of the Third Bureau Report of Armenia presents mitigation policies and measures by sector. In particular, efforts in the energy sector are mainly aimed at reducing CO_2 and CH_4 emissions, which is planned to be ensured through increasing the share of renewable energy sources in electricity generation, as well as through the implementation of energy efficiency measures by electricity suppliers.

Figure 2. Dynamics of energy intensity and CO_2 emissions (2000–2023).



Source: https://www.iea.org/countries/armenia/emissions Seen 05.03.2026

Climate policy has been increasingly integrated into Armenia's energy governance in recent years. The country's updated Nationally Determined Contribution (NDC 2021–2030) and climate governance legal reforms, including the draft Law on Climate, demonstrate Armenia's commitment not only to remaining committed to the Paris Agreement, while keeping affordability and energy security as a priority (Government of the Republic of Armenia, 2021).

However, at the operational level, challenges are numerous. Energy efficiency policies in the residential sector are not yet fully implemented, especially in terms of building standards. Measures to address energy poverty are limited. Institutional responsibility remains fragmented across several ministries and agencies, making coordination difficult (Government of the Repub-

lic of Armenia, 2020). In short, Armenia has strong energy policy commitments, but success depends on developing institutional capacity, identifying vulnerable groups, integrating into social protection systems, and implementing targeted energy poverty measures.

3) Challenges and Institutional Gaps in Building Energy Efficiency and Energy Poverty Mitigation

Energy efficiency in buildings is an important tool for reducing energy poverty in Armenia. Much of the Soviet-era housing stock is energy inefficient, leading to high household energy use, utility costs, and widespread energy poverty. Improving energy efficiency can lower energy bills, reduce demand and emissions, and decrease dependence on electricity and gas imports (IEA, 2020).

Armenia has been gradually transitioning to an energy efficiency-based energy transition model over the past decade, driven primarily by the institutional rapprochement agenda with the European Union. Within the framework of "the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement" ((EU–Armenia CEPA, 2017), which entered into force in February 2021, Armenia has committed to aligning its energy efficiency policy and legislation with the EU's key directives, particularly in the areas of eco design, energy efficiency of buildings, and energy end-use efficiency. This process involves a profound rethinking of energy policy, linking it to the issues of social inclusion and energy poverty reduction. The Directive 2012/27/EU and the Energy Performance of Buildings Regulations, define a policy logic where energy efficiency is viewed not as a technical improvement in itself, but as a tool to alleviate the energy burden of households and reduce social vulnerability.

The recently adopted EU revised Energy Efficiency Directive (EU/2023/1791) and the Energy Performance of Buildings Directive (EU/2024/1275) further emphasize this link, requiring Member States to target energy efficiency policies specifically at the protection of vulnerable groups, the modernization of the housing stock and the systemic overcoming of energy poverty. Although Armenia is not legally obliged to fully transpose these directives, their logic is already influencing the formation of national policies.

The thermal modernization of buildings under Armenia's 2022–2030 Energy Efficiency and Renewable Energy Program faces major financial and institutional constraints. Progress in the first phase (2022–2024) has been limited, while the second phase was delayed after the end of USAID support,

highlighting dependence on external funding and weak national capacity. In practice, Armenia's regulatory framework is also limited, as energy efficiency requirements mainly apply to new or public buildings, while existing residential buildings rely on voluntary homeowner action. This shifts costs to households and weakens policy effectiveness, contributing to persistent energy poverty. In addition, there is no fully coordinated strategy for public building efficiency. Despite existing legislation, unclear responsibilities, weak coordination, and limited monitoring and enforcement reduce implementation results, so legal reforms have not led to significant energy savings.

Overall, Armenia's institutional capacity remains insufficient for large-scale implementation. Weak planning, fragmented execution, and underdeveloped monitoring systems reduce the impact of energy efficiency programs, especially for vulnerable groups. As a result, gaps in governance and financing limit progress and highlight the need for stronger institutions, coordination, and sustainable funding aligned with EU standards.

Finally, a purely market-based approach to renewable energy promotion, without strong regulation and social safeguards, may increase the burden on low-income households. Those living in inefficient housing often cannot afford high upfront renovation costs, meaning the energy transition may unintentionally deepen rather than reduce social vulnerability.

The institutional environment for energy transition

In Armenia, energy efficiency in buildings and energy transition policy are implemented through a complex institutional system combining horizontal and vertical governance. The Ministry of Territorial Administration and Infrastructure is the main body responsible for aligning EU energy efficiency standards with national regulations, in coordination with the State Committee for Urban Development.

Other ministries also contribute: the Ministry of Environment supports climate policy integration, the Ministry of Economy develops investment incentives, and the Ministry of Finance ensures budgetary planning. The Statistical Committee provides official energy data for national and international reporting, including UNFCCC requirements.

The Public Services Regulatory Commission regulates tariffs, market rules, and licensing, while the Renewable Energy and Energy Efficiency Fund support project implementation through technical and financial assistance, as well as policy advice.

Despite this broad institutional coverage, fragmented responsibilities and weak horizontal coordination limit policy effectiveness and reduce accountability. Energy poverty, in particular, remains a cross-sectoral issue without a clearly designated institutional owner. This suggests the need for stronger coordination mechanisms or dedicated institutional structures to improve governance coherence and policy effectiveness in the energy transition process.

4) Energy poverty as an endogenous performance indicator

As evidenced, the deepening of energy poverty in Armenia is largely an endogenous result of energy policies and institutional arrangements, rather than a result of low incomes alone. The energy transition process focuses mainly on combining renewable energy promotion and market regulation mechanisms, while the lack of a process for increasing energy efficiency in residential buildings and joint social protection programs can exacerbate energy poverty. Studies also show that isolated measures, such as tariff changes or income support alone, cannot solve the systemic problem of energy poverty. These solutions are situational and can provide short-term economic results. Interventions that combine these regulations are most effective.

The research shows that institutional capacity is a critical determinant of whether decarbonization policies alleviate or exacerbate energy poverty: the quality of government institutions and governance processes has a strong impact on a country's ability to address energy efficiency, including how energy market reforms and policy development impact outcomes such as affordability and inclusion (Certomà et al., 2023). The institutional capacity and policy sequencing determine the quality of the transition, helping to translate strategic objectives into inclusive outcomes.

Conclusion

Analyzing Armenia's energy agenda as a case of large-scale transition in a small, geopolitically vulnerable economy, the following conclusions can be drawn:

1. Energy poverty should be considered as an indicator of energy policy and institutional effectiveness. Armenia's experience shows that without targeted social inclusion mechanisms and targeted energy efficiency programs, the costs of energy transition fall mainly on vulnerable income groups.

2. The country's institutional capacity and clearly defined policy sequence determine whether social resilience is improved or exacerbated during

the energy transition process. An effective energy transition is only possible when supply-side reforms (promotion of renewable energy, market liberalization) are combined with demand-side investments and social protection mechanisms, which will allow achieving both economic and social sustainability.

3. Regional integration and diversified supply are certainly important from an energy security perspective, but they are not sufficient. Domestic institutional reforms and targeted social programs are necessary to ensure that geopolitical gains translate into energy poverty reduction and energy security enhancement.

Armenia should (a) adopt a national definition of energy poverty and a monitoring system; (b) develop targeted social mechanisms related to energy efficiency investments; (c) use international climate finance to modernize the housing network; and (d) establish a cross-sectoral governance mechanism to coordinate and monitor the social impact of energy policies.

Limitations and future research.

This study is based on a literature review and secondary publications. Future studies need to collect detailed household energy poverty data, conduct interviews with economic operators to examine causal pathways, and refine instrument design.

In summary: Armenia's transition to a secure, low-carbon, and transparent energy system is achievable, but only if institutional governance is implemented effectively and accompanied by clear social protection measures. A socially just energy transition is an important prerequisite for long-term political and economic stability in small, developing economies. As a result, social justice and energy security become indicators of the regulatory and policy effectiveness of the transition, on which it depends not only the clarity of achieving goals, but also the creation of sustainable mechanisms against the vulnerability of small economies.

Recommendations

Recommendations that may be useful for Armenia:

1. Integrated measures: Decarbonization policies should be combined with social inclusion. Numerous scientific studies conducted in different countries (some of which were considered within the framework of this study) prove that combining energy efficiency improvements with targeted subsidies

is much more effective in alleviating energy poverty than isolated tactics. In practice, this means planning renewable energy incentives together with housing renovation programs for the poor, as only this combination addresses the root causes of vulnerability.

2. Optimization of process management - The fragmentation of powers between different government bodies often hinders progress (e.g., in the Republic of Armenia, the authorized state bodies ensuring the energy transition share responsibilities related to energy poverty). Studies show that it would be effective to create cross-sectoral bodies or formal coordinators to coordinate climate, energy and social policies (similar to the "advice hub" models in Europe). In practice, this could mean a clear division of powers and legal responsibility between the ministries and regulatory authorities responsible for the energy transition process.

3. Clarification of definitions: The lack of systematic criteria and definitions hinders the organization of problem definition, development of solution mechanisms, implementation and monitoring processes (Stojilovska, 2021). Best practices from comparative studies suggest developing a nationally recognized definition of energy poverty, followed by a division of responsibilities, and then a monitoring and accountability system (as proposed in the draft conclusion).

REFERENCES

1. *Barrett M., Farrell N., & Roantree B.* (2022). Energy poverty and deprivation in Ireland. https://doi.org/10.26504/rs144.
2. *Bazilian M., Sagar A., Detchon R., & Yumkella K.* More heat and light // "Energy policy", 38 (10), 2010. PP. 5409–5412. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2010.06.007.
3. *Bouzarovski S.* Energy poverty in the European Union: landscapes of vulnerability: Energy poverty in the European Union // "Wiley Interdisciplinary Reviews: Energy and Environment", 3, 2014. PP. 276–289. https://doi.org/10.1002/wene.89.
4. *Castaño-Rosa R., Solís-Guzmán J., Rubio-Bellido C., & Marrero M.* Towards a multiple-indicator approach to energy poverty in the European Union // A review "Energy and Buildings", 193, 2019. PP. 36–48. https://doi.org/10.1016/j.enbuild.2019.03.039
5. *Certomà C., Corsini F., Di Giacomo M.,* et al. Beyond income and inequality: The role of socio-political factors for alleviating energy poverty in Europe // "Social Indicators Research". Vol. 169, 2023. PP. 167–208. https://doi.org/10.1007/s11205-023-03148-z
6. *Davtyan V., & Khachikyan S.* Energy trilemma as an assessment tool for national energy systems on the example of the Republic of Armenia // "RUDN Journal of Economics", 30 (2), 2022. PP. 139–154. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-2-139-154
7. *Río del P., Burguillo M. & Kiefer C.* Which are the main determinants of energy poverty? A systematic review of the literature // "Energy Efficiency". Vol. 18, art. 58, 2025. https://doi.org/10.1007/s12053-025-10345-x

8. *Di Rocco A., Trovato M., Caponetto R., & Nocera F.* Energy Poverty and Territorial Resilience: An Integrative Review and an Inclusive Governance Model // "Sustainability", 17 (19), 2025. P. 8555. https://doi.org/10.3390/su17198555
9. Directive (EU) 2023/1791 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 on energy efficiency and amending Regulation (EU) 2023/955 (recast) // "Official Journal of the European Union", L 231, 20 September 2023. PP. 1–111. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2023/1791/oj/eng
10. Directive (EU) 2024/1275 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the energy performance of buildings (recast) // "Official Journal of the European Union", L 2024/1275, 8 May 2024. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1275/oj/eng
11. Directive 2012/27/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on energy efficiency, amending Directives 2009/125/EC and 2010/30/EU and repealing Directives 2004/8/EC and 2006/32/EC. Official Journal of the European Union, L 315, 14 November 2012. PP. 1–56. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2012/27/oj/eng
12. *Edziah B., Huaping S., Anyigbah E., & et al.* Energy efficiency in times of geopolitical uncertainty: A global analysis across income levels // "Energy Efficiency", 19, 2026. P. 1. https://doi.org/10.1007/s12053-025-10381-7
13. Energy Regulatory Commission of the Republic of Armenia, "Information on the Electricity Market Indicators of the Republic of Armenia", https://psrc.am/contents/fields/electric_energy/electricity-market
14. European Union & Republic of Armenia (2017). Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the Republic of Armenia. Official Journal of the European Union, L 23, 26 January 2018. https://www.mfa.am/filemanager/eu/CEPA_ARM_1.pdf
15. Fabbri, K. (2024). Energy Poverty and Poor Buildings: A Brief Literature Review to Promote New Topics for Future Studies. Sustainability, 16(22), 9638. https://doi.org/10.3390/su16229638
16. Government of the RA & United Nations Framework Convention on Climate Change. (2021, April 22). Annex to Government Decision N 610–L: Nationally determined contribution 2021–2030 of the Republic of Armenia to the Paris Agreement. https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/NDC%20of%20Republic%20of%20Armenia%20%202021-2030.pdf
17. Government of the Republic of Armenia. (2020). Energy Sector Development Strategic Program to 2040 (Action Plan,4.4: Improvement of protection mechanisms for vulnerable customers). https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/Energy%20Sector%20Development%20Strategic%20Program%20to%202040%20.pdf
18. Government of the Republic of Armenia. (2022, March 24). Annex N1 to Government Decision N 398-L: Program on energy saving and renewable energy for 2022–2030. https://www.arlis.am/hy/acts/125342
19. Government of the Republic of Armenia. ARMENIA: Republic of Armenia Energy Sector Development Strategic Program to 2040
20. IEA (2020), Energy-Efficient Buildings in Armenia: A Roadmap: Insights and pathways for better buildings 2020-2040, OECD Publishing, Paris, https://doi.org/10.1787/f9-421a97-en.
21. *Igawa M., & Managi S.* (2022). Energy poverty and income inequality: An economic analysis of 37 countries // "Applied energy", 306, 118076. https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2021.118076

22. International Energy Agency (IEA). Armenia Energy Profile. IEA, 2023 https://www.iea.org/countries/armenia
23. *Jové-Llopis E., & Trujillo-Baute E.* Escaping the energy poverty trap: Policy assessment // "Environmental and Resource Economics", № 87, 2024. PP. 3335–3355. https://doi.org/10.1007/s10640-024-00918-2
24. *Karapetyan L., & Khalatyan A.* Green Investments and its Influence on green growth in RA: Integrating economic growth with sustainability // "Bulletin of Yerevan University. G: Economics", vol. 15, № 2 (44), 2025. PP. 67–83. Https://Doi.Org/10.46991/BY-SU.G/2024.15.2.067
25. *Kerr N., Gillard R., & Middlemiss L.* Politics, problematisation, and policy: A comparative analysis of energy poverty in England, Ireland and France // "Energy and Buildings", 194, 2019. PP. 191–200. https://doi.org/10.1016/j.enbuild.2019.04.002
26. *Lan J., Khan S.U., Sadiq M., Chien F., & Baloch Z.A.* Evaluating energy poverty and its effects using multi-dimensional based DEA-like mathematical composite indicator approach: Findings from Asia // "Energy Policy", 165**,** 2022, 112933. https://doi.org/10.1-016/j.enpol.2022.112933
27. *Min B., Zachary P. O'Keeffe, Babatunde Abidoye, Kwawu Mensan Gaba, Trevor Monroe, Benjamin P. Stewart, Kim Baugh, Bruno Sánchez-Andrade Nuño*. Lost in the Dark: A Survey of Energy Poverty from Space. Joule (2024), https://doi.org/10.1016/j.joule.2024.05.001
28. *Nussbaumer P., Bazilian M. & Modi V.* Measuring energy poverty: Focusing on what matters // "Renewable and Sustainable Energy Reviews", 16 (1), 2012. PP. 231–243. https://doi.org/10.1016/j.rser.2011.07.150
29. *Primc K., Dominko M., & Slabe-Erker R.* (2021). 30 years of energy and fuel poverty research: A retrospective analysis and future trends // "Journal of Cleaner Production". Vol. 301, 2021. 127003. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.127003
30. P/EBRD. (2022). Transition to new model for electricity market in RA (market liberalisation; supplier choice introduction, from Feb 1, 2022). EBRD summary. https://ebrd-geff.com/armenia/en/transition-to-new-model-for-electricity-market-in-ra/
31. *Pye S., Dobbins A., Baffert C., Brajković J., Grgurev I., Miglio R., & Deane P.* (2015). Energy poverty and vulnerable consumers in the energy sector across the EU: https://www.eapn.eu/wp-content/uploads/2015/10/INSIGHT_E_Energy%20Poverty-Main%20Report.pdf
32. *Rademaekers K., Yearwood J., Ferreira A., Pye S., Hamilton I., Agnolucci P., Grover D., Karásek J., Anisimova N.* (2016). Selecting Indicators to Measure Energy Poverty.
33. *Rao N.D., Min J., & Mastrucci A.* Energy requirements for decent living in India, Brazil and South Africa // "Nature Energy", 4 (12), 2019. PP. 1025–1032. https://doi.org/10.10-38/s41560-019-0497-9
34. Republic of Armenia. (2001). Energy Law of the Republic of Armenia (Law No. ZR-148). https://www.arlis.am/hy/acts/67721
35. Republic of Armenia. (2004). Law on Energy Saving and Renewable Energy (Law No. LA-122). https://www.parliament.am/legislation.php?ID=2119&lang=eng&sel=show
36. *Sovacool B.K.* The political economy of energy poverty: A review of key challenges. Energy for sustainable development, 16 (3), 2012. PP. 272–282. https://doi.org/10.1016/j.esd.2012.05.006

37. *Stojilovska Ana.* (2021). Energy poverty and the role of institutions: exploring procedural energy justice – Ombudsman in focus // "Journal of Environmental Policy & Planning". Vol. 25. PP. 1–13. https://doi.org/10.1080/1523908X.2021.1940895 .
38. *Teixeira I., Ferreira A., Rodrigues N., Teixeira S.* Energy Poverty and Its Indicators: A Multidimensional Framework from Literature // "Energies", 17 (14), 2024. P. 3445. https://doi.org/10.3390/en17143445
39. Third Biennial Update Report Yerevan, UNDP Armenia, 2021. https://unfccc.int/sites/default/files/resource/BUR3_Armenia.pdf
40. UN. World energy assessment: energy and the challenge of sustainability. New York,United States;2000.https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/World%20Energy%20Assessment-2000.pdf
41. *Varo A., Jiglau G., Grossmann K.* (2022). Addressing energy poverty through technological and governance innovation // "Energy, Sustainability and Society", 12, 49. https://doi.org/10.1186/s13705-022-00377-x
42. World Bank. (2025, June 23). Energy overview: Ramping up investments for affordable, reliable energy, while managing emissions responsibly. World Bank. https://www.worldbank.org/en/topic/energy/overview#:~:text=Ramping%20up%20Investments%20for%20Affordable
43. World Economic Forum, 2009. Global Agenda Council reports: Summaries of Global Agenda Council discussions from the Summit on the Global Agenda, 2009. Geneva, Switzerland: World Economic Forum.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В АРМЕНИИ: МАЛАЯ ЭКОНОМИКА, БОЛЬШОЙ ПЕРЕХОД – ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Л. Карапетян, А. Халатян
Ереванский государственный университет
Армянский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ

В малых и импортозависимых экономиках энергетический переход представляет собой не только задачу декарбонизации, но и системный вызов, в рамках которого энергетическая безопасность, доступность энергии (снижение энергетической бедности) и устойчивость формируются не только технологическими и экономическими факторами, но также институциональными возможностями, эффективностью государственного управления и механизмами социальной защиты. Данная статья представляет концептуальный и политико-ориентированный анализ энергетической повестки Армении с акцентом на энергетическую безопасность и энергетическую бедность как ключевые качественные измерения энергетического перехода. В работе оценивается, способен ли существующий институциональный каркас обеспечить согласование целей декарбонизации с задачами социальной защиты и доступности энергии.

На основе обзора национальных стратегий, правовых рамок и программ повышения энергоэффективности выявляются основные проблемы, в частности фрагментированность управления и слабость механизмов социальной защиты. Рассматривая опыт Армении в контексте современных академических и международных политических дискуссий, анализ показывает, что решение проблемы энергетической бедности, укрепление энергетической безопасности и реализация масштабного энергетического перехода требуют скоординированных и интегрированных действий государства в различных сферах политики. В статье энергетическая бедность рассматривается как эндогенный результат функционирования энергетической политики и институционального дизайна, что позволяет предложить практико-ориентированные выводы для малых экономик, одновременно сталкивающихся с вызовами энергетической безопасности и декарбонизации. Результаты показывают, что социально инклюзивная энергетическая политика является важным предварительным условием справедливого энергетического перехода. Переход Армении к безопасной, низкоуглеродной и прозрачной энергетической системе возможен, но только при условии его реализации через эффективное институциональное управление и сопровождения четкими мерами социальной защиты
Ключевые слова: энергетическая бедность; энергетический переход; энергетическая безопасность; энергетическая политика.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-438-445

РЫНКИ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА: ОЦЕНКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ ДЛЯ ЭКСПОРТА ТОВАРОВ

С.А. Кристиневич

Белорусский государственный экономический университет
kristinevich@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье предлагается подход, основанный на оценке экспортного потенциала, концентрации и диверсификации экспорта.
Экспортный потенциал рассчитывается на основе предложения, спроса и безбарьерности торговли. Прогнозирование спроса и предложения осуществляется с использованием статистических данных о торговле, прогнозов ВВП и численности населения, эластичности доходов и величины тарифов. Концентрация экспортной продукции определяется на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана, который учитывает стоимость и количество товаров, экспортируемых страной. Возможность диверсификации экспорта детерминируется через «продуктовое пространство», отражающее тесноту связей между товарами.
Ключевые слова: экспорт, экспортный потенциал, индекс концентрации экспорта, диверсификация экспорта, Африка.

Введение

Современные практики анализа и оценки внешней торговли ориентированы прежде всего на выработку эффективных мер государственной политики. Среди ключевых задач внешнеторговой политики особое значение придается выходу на новые рынки. В силу этого актуализируется проблема разработки мер поддержки отечественных экспортеров. В настоящее время для анализа и оценки экспортных потоков используется разнообразный инструментарий: индекс энтропии [1], коэффициент Джини [2], индекс сравнительных преимуществ Балласы [3], индекс Боуэна, учитывающий открытость экономики [4], индекс экономической сложности [5], индекс диверсификации Тейла [6] индекс Херфиндаля-Хиршмана [7] и другие. Объектом исследования является экспорт товаров, предметом – потенциал и диверсификация экспорта как характеристики его устойчивости.

Цель – обоснование перспективных направлений экспортных потоков для Беларуси на рынках Африканского континента.

Методы

Для оценки товарного экспорта предлагается подход, включающий следующие группы показателей:

1. Экспортный потенциал – это оценка потенциальной стоимости экспорта в долларах США, которая может быть достигнута для данного экспортера (i), продукта (k) и рынка (j) в конкретном году. Экспортный потенциал рассчитывается на основе предложения, спроса и безбарьерности торговли. Прогнозирование спроса и предложения осуществляется с использованием статистических данных о торговле, прогнозов ВВП и численности населения, эластичности доходов и величины тарифов. Экспортный потенциал не рассчитывается для товаров, которые считаются опасными для здоровья человека и окружающей среды (например, табак, нефть, природный газ), а также для товаров, не представляющих экспортной ценности (например, антиквариат, использованные почтовые марки). Потенциальный экспорт оценивается на шесть лет относительно данных, использованных в модели.

2. Индекс концентрации экспортной продукции – один из способов измерения уровня диверсификации экспорта страны. Высокая концентрация (значение, близкое к 1, указывает на то, что большая доля экспорта страны приходится на небольшое количество товаров, что означает, что экспортная корзина страны не диверсифицирована. Низкая концентрация (значение, близкое к 0) указывает на то, что экспорт страны равномерно распределен по широкому спектру товаров, что свидетельствует о диверсифицированной экспортной корзине. Концентрация экспортной продукции определяется для каждой страны на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана (HHI), который учитывает стоимость и количество товаров, экспортируемых данной страной. Он рассчитывается путем возведения в квадрат доли каждой страны на выбранном рынке и суммирования полученных чисел. В расчетах HHI не учитывается экспорт услуг.

3. Диверсификация экспорта. Поскольку прогнозируемую долю рынка можно рассчитать только для продуктов, которые уже экспортируются, расчеты диверсификации опираются на концепцию «продуктового пространства» [8]. Эта концепция предполагает, что продукты, более тесно

связанные между собой (т.е. встречающиеся вместе в экспортных корзинах других стран), представляют перспективные возможности для диверсификации. Расчеты начинаются с анализа близости («родственности») между существующими продуктами, экспортируемыми с выявленным сравнительным преимуществом, и новыми продуктами. Поскольку родственность не всегда отражает способность страны экспортировать новый продукт, предлагаемые возможности диверсификации фильтруются с учетом наличия у страны необходимой климатической зоны и выхода к морю.

Информационной базой исследования стали данные по международной торговле (база данных UN Comtrade, ООН; база данных World Development Indicators, Всемирный Банк, агрегаторы Гарвардского университета, инструменты Центра международной торговли).

Как правило, в современных исследованиях используется номенклатура Harmonized System (далее HS) – гармонизированный способ описания и кодирования товаров, представляет собой международную стандартизированную систему наименований и номеров, используемую для классификации продуктов.

Результаты

Существенным фактором, определяющим конкурентоспособность продукции на рынке, выступает ее технологичность или сложность. Рейтинги стран Гарвардской лаборатории экономического роста оценивают текущее состояние продуктивных знаний страны с помощью индекса экономической сложности (ECI). Страны повышают свой ECI, увеличивая количество и сложность успешно экспортируемых ими продуктов.

Рейтинг основан на диверсификации и сложности экспортной корзины. Страны, обладающие большим разнообразием производственных технологий, особенно специализированных, способны производить широкий спектр сложной продукции.

Динамика индекса экономической сложности для Беларуси представлена на Рис. 1.

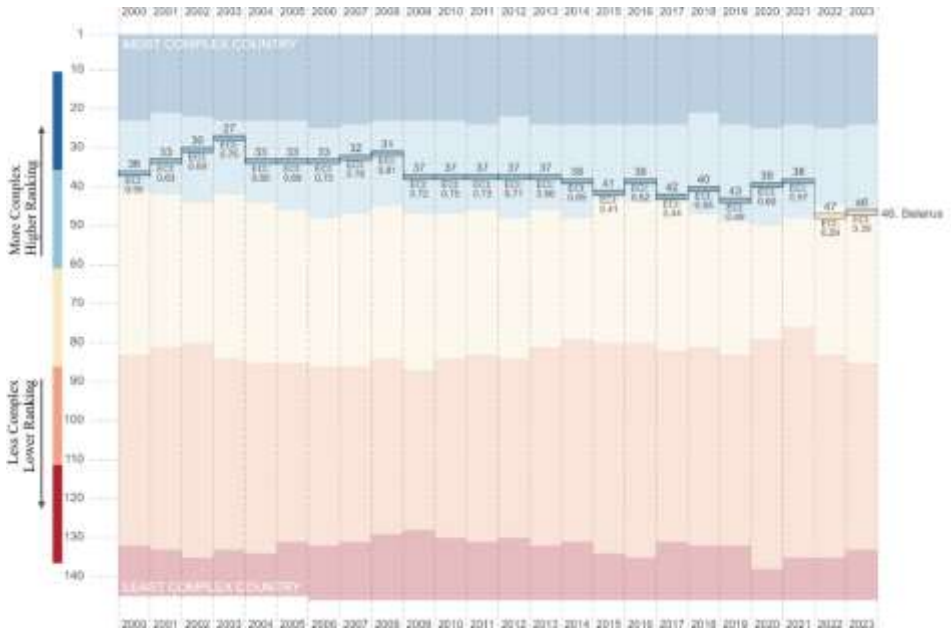


Рисунок 1. Беларусь в рейтинге экономической сложности стран (46 место из 145).

Источник: https://atlas.hks.harvard.edu/rankings.

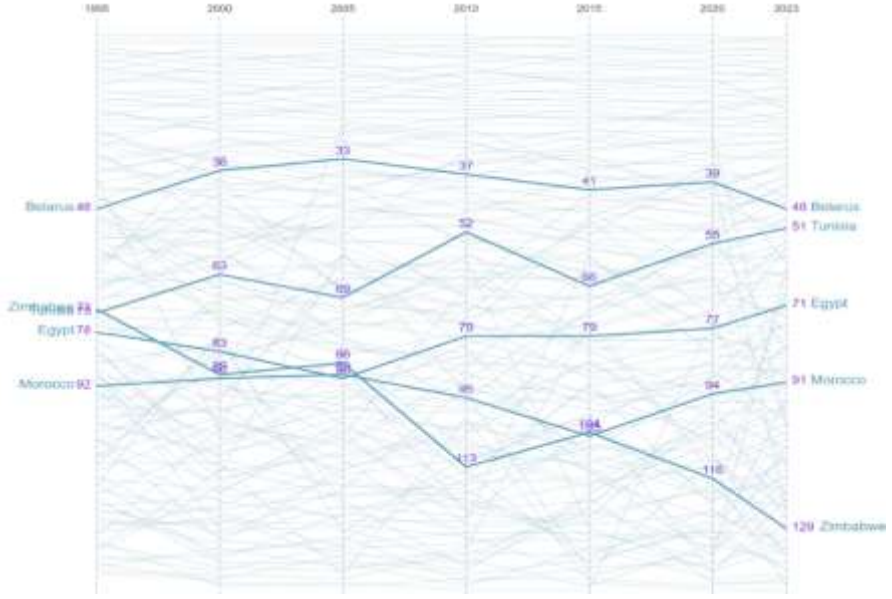


Рисунок 2. Беларусь и основные импортеры в Африке в рейтинге экономической сложности.

Источник: https://atlas.hks.harvard.edu/rankings.

На Рис. 2 показана динамика Беларуси в рейтинге в сравнении с основными импортерами белорусской продукции в Африке: Египтом, Тунисом, Марокко, Зимбабве.

Кроме этого, рассчитывается Индекс сложности продукта (PCI), который оценивает разнообразие и сложность производственных технологий, необходимых для производства продукта. К продуктам с высоким значением PCI относятся электроника и химикаты. К продуктам с низким значением PCI относятся сырье и сельскохозяйственная продукция.

Таблица 1. Топ-5 сложных производств на основе Индекса сложности продукта на 2023г.

Место в рейтинге сложности продукта	**Код HS92**	**Наименование**	**Индекс сложности продукта**
1	2841	Соли оксометаллических или пероксометаллических кислот	3.47
2	3705	Фотопластинки и фотопленки, экспонированные и проявленные, кроме кинопленки	2.83
3	7506	Никелевые пластины, листы, полосы и фольга	2.56
4	8444	Машины для экструзии, вытяжки и резки искусственных текстильных волокон	2.47
5	3707	Химические препараты для использования в фотографии (кроме лаков, клеев, адгезивов и аналогичных препаратов); несмешанные продукты для использования в фотографии, расфасованные в мерные порции или предназначенные для розничной продажи в готовом к использованию виде	2.44

Источник: составлено автором на основе https://atlas.hks.harvard.edu/rankings.

Индекс Херфиндаля-Хиршмана измеряет разброс объемов торговли между партнерами экспортера. Значение индекса страны, чья тор-

говля (экспорт или импорт) сосредоточена на очень небольшом количестве рынков, близко к 1. Аналогично, значение индекса страны с идеально диверсифицированным торговым портфелем близко к нулю.

По данным Всемирного банка (Рис. 3) индекс концентрации для Беларуси снижался на анализируемом интервале (2017–2021гг.), что говорит о достаточной диверсификации экспорта в мировом разрезе.

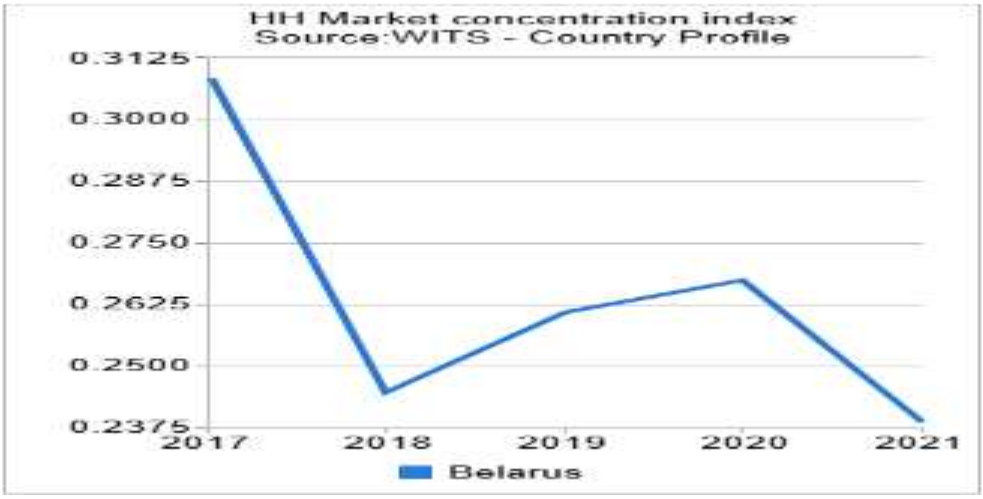


Рисунок 3. Динамика индекса Херфиндаля-Хиршмана для Беларуси.

Источник: https://wits.worldbank.org/countryprofile/en/country/BLR/startyear/2017/endyear/2021/indicator/HH-MKT-CNCNTRTN-NDX.

На конец 2021г.[1] географическая структура экспорта характеризуется значительным присутствием Беларуси на мировых товарных рынках (Рис. 4). Ключевым потребителем белорусского экспорта выступает Россия.

[1] Национальные официальные статистические данные по внешней торговле Республики Беларусь как правило представлены на конец 2021г. Оценки и анализ после 2021г. основываются на зеркальной статистике международных организаций.

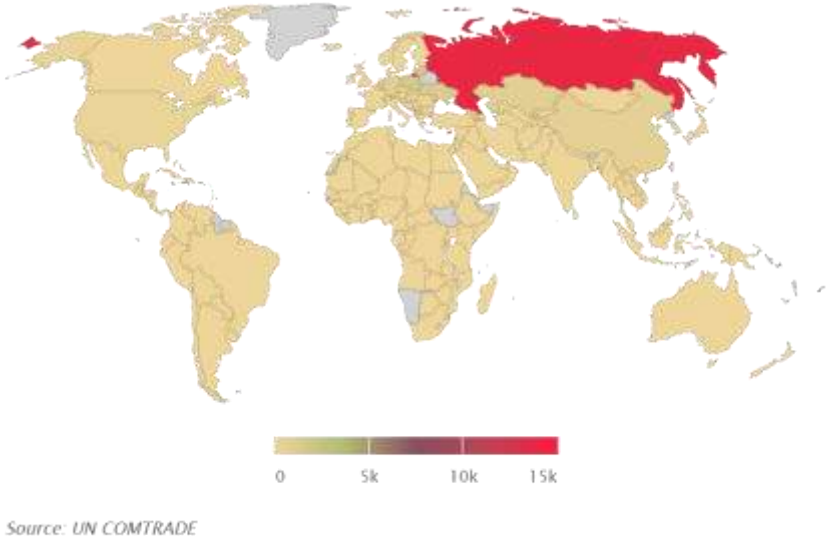


Рисунок 4. Экспорт из Беларуси в 2021г., млн долл. США.

Источники: UN COMTRADE, Всемирная торговая организация и Всемирный банк. https://frsabido.shinyapps.io/COMTRADE/.

Крупнейшими позициями белорусского экспорта в Африку являются товары высокой сложности, сельскохозяйственная и химическая продукция. В Беларуси наибольший вклад в рост экспорта вносят продукты средней сложности, в частности, животные или растительные жиры, масла/воски и древесина. Как правило, экономический рост обусловлен диверсификацией производства новых, постепенно усложняющихся продуктов. Страны обычно диверсифицируют производство, ориентируясь на смежные и сопутствующие продукты или на продукты, требующие схожих знаний и опыта для развития существующих возможностей. Учитывая текущий экспорт, к секторам с высоким потенциалом для диверсификации в Беларуси относятся промышленное машиностроение и производство пластмасс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shannon C.* A mathematical theory of communication / C. Shannon // “The Bell System Technical Journal”. Vol. 4, № 27, 1948. PP. 623–656.
2. *Michaely M.* Concentration of Exports and Imports: An International Comparison / M. Michaely // “The Economic Journal”. Vol. 272, № 68, 1958. P. 722.
3. *Balassa B.* Trade Liberalization and Revealed Comparative Advantage / B. Balassa // “Manchester School of Economic and Social Studies”. Vol. 33, № 2, 1965. PP. 99–123.

4. *Bowen H.* On the Theoretical Interpretation of Indices of Trade Intensity and Revealed Comparative Advantage / Bowen H. // "Review of World Economics". Vol. 119, № 3, 1983. PP. 464–472.
5. *Hidalgo C., Hausmann R.* The building blocks of economic complexity, Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. № 106 (26), 2009. PP. 10570–10575, https://doi.org/10.1073/pnas.09009-43106.
6. *Theil H.* Statistical Decomposition Analysis / H. Theil, Amsterdam: North-Holland, 1972. P. 124.
7. World Trade Organization. Chapter 1: Analyzing trade flows – Export diversification Geneve, 2012. PP. 23–26.
8. *Hidalgo C., Klinger B., Barabási A., Hausmann R.* The Product Space Conditions the Development of Nations / C. Hidalgo, B. Klinger, A.-L. Barabási, and R. Hausmann // "Science", № 5837, 2007. PP. 482–487. http://www.jstor.org/stable/20037448.

AFRICAN MARKETS: ASSESSING TECHNOLOGICAL COMPLEXITY FOR GOODS EXPORTS

S. Kristinevich
Belarus State Economic University

ABSTRACT

The paper proposes an approach based on the assessment of export potential, concentration and diversification of exports.
Export potential is calculated based on supply, demand and barrier-free trade. Supply and demand are forecast using trade statistics, GDP and population forecasts, income elasticity and tariff levels. Export product concentration is determined using the Herfindahl-Hirschman index, which takes into account the value and quantity of goods exported by a country. The possibility of export diversification is determined through the "product space", which reflects the closeness of the links between goods.
Keywords: export, export potential, export concentration index, export diversification, Africa.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-446-462

ԳՈՐԾԱԶՐԿՈՒԹՅԱՆ ՄԱԿՐՈՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԿԱՐՃԱԺԱՄԿԵՏ ՀԵՏԵՎԱՆՔՆԵՐԻ ԳՆԱՀԱՏՈՒՄԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ

Մ. Ղարագյոզյան, Թ. Ստեփանյան

Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարան
melanyagharag@gmail.com, stepanyantehmine@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Գործազրկությունը համարվում է ժամանակակից տնտեսագիտության առանցքային մարտահրավերներից մեկը, որն ազդում է ինչպես մակրոտնտեսական կայունության, այնպես էլ բնակչության բարեկեցության, մարդկային կապիտալի կուտակման և աշխատանքի արտադրողականության վրա: Այս ազդեցությունները դրսևորվում են թե՛ կարճաժամկետ, թե՛ երկարաժամկետ կտրվածքով: Սույն հոդվածը նվիրված է գործազրկության կարճաժամկետ մակրոտնտեսական հետևանքների գնահատմանը՝ կենտրոնանալով հիմնական մակրոտնտեսական ցուցանիշների վրա: Ուսումնասիրությունը հիմնված է Հայաստանի աշխատաշուկայի և տնտեսական ակտիվության միջև առկա տեսական փոխկապակցվածությունների գնահատման վրա՝ Օուքենի օրենքի, Ֆիլիպսի կորի, պահանջարկի բաղադրիչների բազմապատկչային ազդեցությունների շրջանակում: Ստացված արդյունքները ցույց են տալիս, որ գործազրկության աճը կարճաժամկետ հատվածում բացասաբար է անդրադառնում տնտեսական աճի տեմպերի և ներքին պահանջարկի վրա՝ առաջացնելով արտադրական ներուժի թերօգտագործում և տնտեսական կորուստներ: Վերլուծության արդյունքում արձանագրվում է, որ հակացիկլիկ տնտեսական քաղաքականության գործիքների արդյունավետ կիրառումը կարող է մեղմել գործազրկության բացասական ազդեցությունները կարճաժամկետ ժամանակահատվածում:

Հիմնաբառեր՝ գործազրկություն, տնտեսական աճ, աշխատաշուկա, կարճաժամկետ ազդեցություն, ինֆլյացիա:

Ներածություն

Տնտեսությունում գործազրկության ազդեցությունը բազմաշերտ է՝ ներառելով տնտեսական, սոցիալական և ժողովրդագրական հետևանքներ, որոնք այս կամ այն չափով դրսևորվում են ինչպես զարգացող և անցումային, այնպես էլ զարգացած տնտեսություններում: Աշխատուժի ոչ լիարժեք օգտագործումը հանգեցնում է ազգային եկամուտների նվազման, սպառման և ներդրումների կրճատման, նաև՝ սոցիալական ծախսերի աճի: Ուստի զարմանալի չէ, որ գործազրկության տնտեսական հետևանքների գնահատումը հանդիսանում է թե՛ տեսական, թե՛ կիրառական տնտեսագիտության առանցքային ուղղություններից մեկը: Այս հիմնախնդրի հանդեպ գիտական հետաքրքրությունն աճեց հատկապես վերջին տարիներին՝ պայմանավորված ինչպես «COVID-19» ճգնաժամով, այնպես էլ համաշխարհային տնտեսությունում դիտվող գլոբալ տնտեսական անկայունությամբ, աշխատաշուկայի կառուցվածքային փոփոխություններով և արտադրողականության դանդաղ աճով: Հրապարակված հետազոտությունները ընդգծում են գործազրկության ունեցած համալիր ազդեցությունները տնտեսական աճի, արտադրողականության, մարդկային կապիտալի, միգրացիայի և սոցիալական կայունության վրա, որից ելնելով էլ փորձել ենք ուսումնասիրել Հայաստանի օրինակը՝ կատարելով էմպիրիկ վերլուծություն:

Գործազրկությունը դանդաղեցնում է տնտեսական աճը ոչ միայն պահանջարկի սահմանափակման, այլ նաև ներդրումային անորոշության բարձրացման միջոցով: Այսպես՝ բարձր գործազրկությունը խորացնում է արտադրական բացը և երկարաձգում է տնտեսական վերականգնման գործընթացը [1]:

Զարգացող տնտեսությունների համար Օուքենի կապի ինտենսիվությունը 2018–2023թթ. ավելի է մեծացել, ինչը վկայում է, որ զարգացող երկրներում աշխատաշուկայի ցնցումները ավելի ուժեղ ազդեցություն ունեն արտադրության ծավալների վրա [2]: Ստեղծվում է մի իրավիճակ, երբ գործազրկությունը խորացնում է սոցիալական

անհավասարությունը, ազդում մարդկանց հոգեբանական առողջության վրա և մեծացնում աղքատության մակարդակը [3, 4, 5]։

Ժամանակակից ուսումնասիրությունները փաստում են նաև, որ գործազրկությունը զգալիորեն խաթարում է մարդկային կապիտալի կուտակումը, հատկապես երիտասարդների շրջանում։ Երկարատև գործազրկությունը նվազեցնում է հմտությունների մակարդակը և սահմանափակում աշխատանքի վերադարձի հնարավորությունները [6]։

Անշուշտ, գործազրկության ազդեցությունն առավել զգալի է զարգացող տնտեսություններում, որտեղ սոցիալական ապահովության համակարգերը թույլ են [7]։ Նույն կերպ, 2022–2024թթ. ուսումնասիրությունները հաստատում են, որ ՀՀ-ում գործազրկությունը զգալիորեն մեծացնում է եկամտային անհավասարությունը և խոչընդոտում ներառական աճին [8, 9]։ Իսկ բարձր գործազրկությունը և վարձատրության ցածր մակարդակը շարունակում են խրախուսել արտագաղթը հանրապետությունից, հատկապես՝ IT և տեխնիկական մասնագիտություններին տիրապետող երիտասարդների, ինչպես նաև՝ մարզերի բնակիչների շրջանում [10, 11]։

Վերջին տարիներին Հայաստանի աշխատաշուկային բնորոշ են եղել հետևյալ կառուցվածքային խնդիրները՝ հմտությունների անհամապատասխանություն պահանջարկին, ոչ ֆորմալ զբաղվածության և երիտասարդների շրջանում գործազրկության բարձր մակարդակներ, արտադրության ցածր դիվերսիֆիկացում, կանանց մասնակցության ցածր մակարդակ [9, 12, 13]։ Այս խնդիրները խոչնդոտում են, որպեսզի տնտեսությունում եղած աճը հանգեցնի համարժեք ծավալով նոր աշխատատեղերի ստեղծման։ Արդյունքում գրանցվում է «անաշխատատեղ աճ»։

Նշենք, որ այս երևույթը վերջին տարիներին բնորոշ է եղել ոչ միայն Հայաստանին, այլև Վրաստանին, Ուկրաինային, Մոլդովային և Կենտրոնական Ասիայի մի շարք երկրներին [14, 15]։

Մյուս կողմից, ուսումնասիրությունները հաստատում են, որ աշխատաշուկայի քաղաքականության թիրախավորումը կարող է զգալիորեն նվազեցնել կառուցվածքային գործազրկությունը [16, 17, 18]։

Այսպիսով, ժամանակակից ուսումնասիրությունները վկայում են, որ գործազրկությունն ունի ինչպես կարճաժամկետ, այնպես էլ երկարաժամկետ խորքային ազդեցություններ տնտեսական աճի, աշխատանքի արտադրողականության, միգրացիայի, մարդկային կապիտալի կուտակման, աղքատության մակարդակի և սոցիալական կայունության վրա։

Վերջին տարիներին Հայաստանի Հանրապետությունում տնտեսության պարբերաշրջանային զարգացման, արտաքին շոկերի և կառուցվածքային փոփոխությունների պայմաններում գործազրկության մակարդակի տատանումները զգալի ազդեցություն են ունեցել տնտեսական ակտիվության վրա։ Կարճաժամկետ ժամանակահատվածում գործազրկության աճը հանգեցրել է արդյունավետ պահանջարկի նվազման՝ սպառման և ներդրումների կրճատման հետևանքով, ինչն էլ խորացրել է տնտեսական անկումը։ Ելնելով այս հիմնախնդրի կարևորությունից, հոդվածի շրջանակներում նպատակ է դրվել վերլուծել և գնահատել գործազրկության կարճաժամկետ տնտեսական հետևանքները Հայաստանի Հանրապետության օրինակով՝ հիմնվելով առկա տեսական մոտեցումների և էմպիրիկ տվյալների վրա։ Ուսումնասիրության շրջանակում առաջադրվում են հետևյալ խնդիրները՝ բացահայտել գործազրկության ազդեցության հիմնական փոխանցման մեխանիզմները, գնահատել դրա ազդեցությունը տնտեսական աճի և ներքին պահանջարկի վրա, ինչպես նաև՝ ներկայացնել հնարավոր քաղաքականության ուղղություններ՝ բացասական հետևանքների մեղմման համար։

1. Մեթոդաբանություն

Հետազոտությունը կառուցվել է փոխկապակցված մակրոտնտեսական մոդելների համակարգի կիրառման հիման վրա, որը

թույլ է տալիս գնահատել գործազրկության կարճաժամկետ ազդեցությունը մի դեպքում՝ տնտեսական աճի, ինֆլյացիայի և աղքատության մակարդակի վրա, մյուս դեպքում՝ ներքին ամբողջական պահանջարկի և ամբողջական առաջարկի վրա։

Մակրոտնտեսական փոխկապակցվածությունների կարճաժամկետ գնահատման համար կիրառվել է նվազագույն քառակուսիների մեթոդը (Ordinary Least Squares, OLS), որը լայնորեն օգտագործվում է նմանատիպ ուսումնասիրություններում։ Հաշվարկներում կիրառվել են ժամանակային շարքեր, որոնք նկարագրում են գործազուրկների և զբաղվածների թվաքանակները, գործազրկության մակարդակը, համախառն ներքին արդյունքի մեծությունը, աճի տեմպերը, ինֆլյացիայի և աղքատության մակարդակները, մեկ շնչին ընկնող եկամուտը, տնային տնտեսությունների դրամական եկամուտների և սպառման ծավալները։ Թվային տվյալները ներգրավվել են ՀՀ Վիճակագրական կոմիտեի պաշտոնական կայքից [19], ընդգրկում են 2008–2023թթ։

Գործազրկության մակարդակի, տնտեսական աճի և աղքատության մակարդակի միջև փոխկապակցվածությունները գնահատվել են Օուքենի օրենքի էմպիրիկ տարբերակի միջոցով, որը է նվազագույն քառակուսիների մոդելի (OLS) միջոցով սահմանվում է այսպես՝

1. **Տնտեսական աճ՝** $GDP_growth_t = a + \beta . Unemployment_t + \varepsilon_t$
2. **Ինֆլյացիա (CPI)՝** $Inflation_t = a + \beta . Unemployment_t + \varepsilon_t$
3. **Աղքատության մակարդակ՝** $Poverty_t = a + \beta . Unemployment_t + \varepsilon_t$

Վերոնշյալ բանաձևերում a -ն տնտեսագիտական իմաստով ներկայացնում է կախյալ փոփոխականի միջին կամ բազային արժեքը, երբ գործազրկությունը հավասար է զրոյի, β -ն առաձգականության գործակից է, ε_t-ն՝ պատահական շեղումը:

Տնտեսաչափական վերլուծությանը զուգահեռ իրականացվել է գործազրկության արդյունքում առաջացած տնտեսական կորուստների գնահատում երկու ուղղությամբ՝ պահանջարկի կորուստներ և

առաջարկի կորուստներ: Առաջինը դիտարկվել է սպառման և ներդրումների կրճատման տեսանկյունից: Այդ նպատակով նախ հաշվարկվել է պարբերաշրջանային գործազրկությունը՝ որպես գործազրկության փաստացի մակարդակի շեղում բնական գործազրկությունից, այնուհետև գնահատվել է գործազրկության հետևանքով սպառման կորուստը՝

$$\Delta C = U_t * Y_{pc} * MPC,$$

որտեղ Y_{pc}-ն մեկ շնչի միջին եկամուտն է, իսկ MPC -ն սահմանային սպառման հակվածությունը: Վերջինս հաշվարկվել է հեղինակների կողմից, ըստ առանձին տարիների տնային տնտեսությունների սպառողական ծախսերի փոփոխությունը հարաբերելով նրանց դրամական եկամուտների փոփոխությանը:

Այնուհետև հաշվարկվել է սպառման կորստով պայմանավորված պահանջարկի կորուստը՝ բազմապատկչային ազդեցությամբ՝

$$\Delta AD = \frac{\Delta C}{1 - MPC}:$$

Ինչ վերաբերում է ներդրումային կորուստներին, ապա դրանք հաշվարկվել են խնայողությունների կրճատման տրամաբանությամբ՝ հաշվի առնելով, որ եկամուտների նվազումը սահմանափակում է ներդրումային ռեսուրսների ձևավորումը՝

$$\Delta I = U_t * Y_{pc} * MPS,$$

որտեղ MPS-ը խնայողության սահմանային հակվածությունն է: Ելնելով ներդրումային կորստի մեծությունից, գնահատվել է պահանջարկի կորուստը՝ բազմապատկչային ազդեցության մեխանիզմով՝

$$\Delta AD = \frac{\Delta I}{1 - MPC} :$$

Ամբողջական առաջարկի կորուստը պայմանավորված է աշխատուժի թերօգտագործմամբ, ուստի այն գնահատվել է որպես պարբերաշրջանային գործազրկության և աշխատանքի արտադրողականության[1] արտադրյալ՝

$$\Delta AS = U_{cu} * Y_{pc}:$$

Նշենք, որ սա իրենից ներկայացնում է պոտենցիալ արտադրանքի ուղղակի կորուստը կարճաժամկետ հեռանկարում:

Գնահատումները համադրվել են, ինչը հնարավորություն է տվել ամբողջական պատկեր ձևավորել գործազրկության կարճաժամկետ մակրոտնտեսական հետևանքների վերաբերյալ և ներկայացնել հիմնավորված եզրակացություններ:

2. Գնահատման արդյունքներ և քննարկում:

OLS ռեգրեսիոն մոդելների միջոցով գործազրկության մակարդակի՝ իրական ՀՆԱ, ինֆլյացիայի և աղքատության մակարդակի վրա ունեցած ազդեցության գնահատման արդյունքներն այսպիսին են՝

Ցուցիչ	Գործակից (β_u)	Վստահության միջակայք	R^2
Տնտեսական աճ	**–0.45**	[–0.68, –0.22]	0.52
Ինֆլյացիա	**–0.12**	[–0.28, +0.04]	0.18
Աղքատություն	**+0.65**	[+0.41, +0.89]	0.61

Կատարված էմպիրիկ գնահատումների արդյունքները ցույց են տալիս, որ գործազրկությունն էական և վիճակագրորեն նշանակալի ազդեցություն ունի տնտեսության հիմնական մակրոտնտեսական ցուցանիշների վրա:

Այսպես,

- գործազրկության 1 տոկոսային կետով աճը կրճատում է ՀՆԱ-ի աճը միջինում 0.45 տոկոսային կետով: β-ի այս չափը զգալի,

[1] Աշխատանքի արտադրողականությունը հաշվարկվել է պարզ մեթոդով՝ ՀՆԱ հարաբերությունը զբաղվածների թվաքանակին

բայց ոչ «մակրո-շոկային» էլաստիկություն է, այսինքն՝ կարճաժամկետում շուկաները մասամբ հարմարվում են իրավիճակին (պաշարներ, արտահանում/ներմուծում, փոխարինելիություն), սակայն հստակ բացասական ազդեցությունը պահպանվում է: Սա էմպիրիկ ձևով արտացոլում է Օուքենի օրենքի կարճաժամկետ տրամաբանությունը՝ չօգտագործված աշխատանքային ռեսուրսները նվազեցնում են թողարկումը: Իսկ պահանջարկի տեսանկյունից դիտելիս՝ եկամուտների անկումը կրճատում է սպառումը, հետևաբար նաև՝ արտադրության ծավալները:

- Գործազրկության ազդեցությունն ինֆլյացիայի վրա բավականին թույլ է. ազդում է -0.12 առաձգականության գործակցով, բայց ընդհանուր միտումը ցույց է տալիս, որ բարձր գործազրկությունը ուղեկցվում է ավելի ցածր գնաճով: Սա համահունչ է Phillips-ի կորի բացատրության պահանջարկային կողմին՝ թույլ պահանջարկը մեղմում է գների աճը: Թույլ արտահայտված կախվածությունը՝ β-ի փոքր չափը, վստահության միջակայքի ընդգրկումը 0-ի շուրջ, ինչպես նաև՝ R^2-ի փոքր արժեքը կարող են բացատրվել այն հանգամանքով, որ կարճաժամկետում արտաքին շոկերը, ինչպիսիք են արժույթի տատանումները և/կամ ներմուծվող գների փոփոխությունը, կարող են մեղմել գործազրկության ազդակը: Մյուս կողմից, գործազրկության և ինֆլյացիայի փոխկապվածության թույլ լինելը արդյունք է այն հանգամանքի, որ ՀՀ գնաճի դինամիկան կարճաժամկետում մեծ կախվածություն ունի արտաքին պահանջարկից: Սա ստեղծում է մի վիճակ, երբ միայն գործազրկության կառավարումը գնաճի կայունացման բա–վարար գործիք չէ, այլ անհրաժեշտ է մատակարարման շղթաների, արժութային և մրցակցային քաղաքականությունների համադրություն:

- Ի հակադրություն ինֆլյացիայի, ուժեղ և կայուն կապ գոյություն ունի գործազրկության և աղքատության մակարդակների միջև. գործազրկության 1 տոկոսային կետով աճը բարձրացնում է աղքատության մակարդակը մոտ 0.65 տոկոսային կետով: Այսինքն, սոցիալական ցուցիչների զգայունությունը աշխատաշուկայի ցնցումների հանդեպ բավականին մեծ է՝ աշխատավարձի բացակայությունը նվազեցնում է տնային տնտեսությունների եկամուտները, իսկ վերջինս հանգեցնում է սպառման անկման՝ խորացնելով աղքատությունը: Մյուս կողմից, երկարատև գործազրկությունը նվազեցնում է աշխատանքի անցնելու հավանականությունը և աշխատավարձային եկամտի պոտենցիալը՝ ամրապնդելով աղքատության «պատնեշը»:

Նշենք, որ աշխատաշուկայի, գների և արտադրության կարճաժամկետ կոշտությունները, ինչպիսիք են վարձակալությունները, պայմանագրերը, մշակված մենեջմենթը, սահմանափակում են արագ հարմարեցումը, որի արդյունքում էլ β-ները արտացոլում են «միջին» կարճաժամկետ արձագանքներ:

Այժմ ներկայացնենք պարբերաշրջանային գործազրկության արդյունքում սպառման և ներդրումների կրճատմամբ ձևավորված ամբողջական պահանջարկի կորուստներն ըստ տարիների՝

Քանի որ պահանջարկի կորուստը հաշվարկել ենք բազմարկչի միջոցով, ցույց տալով, թե ինչպես է գործազրկության պատճառով չստացած եկամուտը բազմապատկվում սպառման շղթայական ազդեցությամբ, ուստի այն տարիներին, երբ սպառման սահմանային հակումը բարձր է եղել (օրինակ՝ 2008–2013թթ.), կորուստները զգալի են (Աղյուսակ 1):

«COVID-19»-ով պայմանավորված, 2020թ. MPC-ն նվազել է, կազմելով 0.70՝ փոքրացնելով բազմարկիչը և արդյունքում նաև՝ պահանջարկի կորուստը: Վերջինս նախորդ տարվա համեմատ

կրճատվել է մոտ 25 տոկոսով, կազմելով 34.8 մլրդ դրամ՝ չնայած եկամուտների ու գործազրկության բարձր մակարդակներին։

Ինչ վերաբերում է վերջին տարիներին՝ 2021–2023թթ., ապա գործազրկության կրճատումը մեղմում է պահանջարկի կորուստը, սակայն MPC-ի համեմատական մեծացումը մինչև 0.75–0.77, պահում է կորուստը դիտարկվող ժամանակաշրջանի միջին մակարդակի վրա՝ մոտ 31–39 մլրդ դրամի սահմաններում։

Աղյուսակ 1. Պարբերաշրջանային գործազրկությամբ ամբողջական պահանջարկի կորուստը 2008–2023թթ.։

Տարի	Պարբերաշրջանային գործազուրկներ (հազ.)	Միջին եկամուտ մեկ շնչի (դր.)	MPC	Կորուստ (մլն դրամ)
2008	217.7	22,700	0.95	93,906
2009	249.9	24,300	0.95	115,338
2010	261.5	26,600	0.95	132,164
2011	249.8	29,100	0.90	65,424
2012	230.8	33,300	0.90	69,090
2013	211.1	36,400	0.90	69,090
2014	227.6	43,700	0.85	56,306
2015	229.1	48,800	0.85	63,356
2016	206.0	56,200	0.85	65,894
2017	205.9	57,800	0.80	47,564
2018	230.7	61,000	0.80	56,212
2019	226.4	61,100	0.77	46,248
2020	220.3	67,600	0.70	34,780
2021	186.1	70,000	0.75	39,292
2022	165.0	74,000	0.72	31,584
2023	156.7	71,100	0.77	37,318

Քանի որ ներդրումային պահանջարկի կորուստը հավասար է պարբերաշրջանային գործազրկության պատճառով «չիրականացված» խնայողությունների մոտարկմանը՝ ուղիղ համեմատական գործազուրկների թվին և մեկ շնչի միջին եկամուտին, ապա այն չա-

փում է, թե որքան «պոտենցիալ ներդրումային ռեսուրս» չի ձևավորվում տնտեսությունում՝ պարբերաշրջանային գործազրկության հետևանքով:

Գնահատման արդյունքները ցույց են տալիս, որ 2014–2020թթ.՝ պայմանավորված մեկ շնչին ընկնող եկամտի աճով, կորուստներն ավելացել են, չնայած գործազրկությունը զգալիորեն չի նվազել: Իսկ վերջին տարիներին՝ 2021–2023թթ. ներդրումային կորուստը նվազման միտում ունի գործազրկության կրճատման արդյունքում, թեև բարձր եկամուտները պահում են ցուցանիշը երկնիշ միլիարդների մակարդակում (Աղյուսակ 2):

Աղյուսակ 2. Ներդրումային պահանջարկի կորուստը՝ պարբերաշրջանային գործազրկությամբ պայմանավորված, 2008–2023թթ.

Տարի	Պարբերաշրջանային գործազուրկներ (հազ.)	Միջին եկամուտ մեկ շնչի (դր.)	Ներդրումային պահանջարկի կորուստ (մլն դրամ)
2008	217.7	22,700	4,941
2009	249.9	24,300	6,073
2010	261.5	26,600	6,956
2011	249.8	29,100	7,269
2012	230.8	33,300	7,686
2013	211.1	36,400	7,684
2014	227.6	43,700	9,947
2015	229.1	48,800	11,186
2016	206.0	56,200	11,587
2017	205.9	57,800	11,897
2018	230.7	61,000	14,073
2019	226.4	61,100	13,833
2020	220.3	67,600	14,864
2021	186.1	70,000	13,027
2022	165.0	74,000	12,210
2023	156.7	71,100	11,146

Այժմ անդրադառնանք պարբերաշրջանային գործազրկությամբ պայմանավորված առաջարկի կորստին։ Նախ նշենք, որ առաջարկի կորուստը չափում է, թե որքան արտադրողականություն չի իրացվում տնտեսությունում՝ պարբերաշրջանային գործազրկության պատճառով։ Թվերը տասներկու-տասներեք հարյուր միլիարդ դրամի միջակայքում են, ինչը ցույց է տալիս զգալի չօգտագործված ներուժ (Աղյուսակ 3)։

Աղյուսակ 3. Պարբերաշրջանային գործազրկությամբ պայմանավորված ամբողջական առաջարկի կորուստը 2008–2023թթ. (մլրդ դրամ)

Տարի	Պարբերաշրջանային գործազուրկներ (հազ.)	Միջին արտադրողականություն (մլն դր.)	Առաջարկի կորուստ (մլրդ դր.)
2008	217.7	3.0	653.1
2009	249.9	3.2	799.7
2010	261.5	3.4	888.9
2011	249.8	3.6	899.3
2012	230.8	3.8	877.0
2013	211.1	3.9	823.3
2014	227.6	4.3	979.7
2015	229.1	4.9	1,122.6
2016	206.0	5.6	1,153.6
2017	205.9	5.8	1,194.2
2018	230.7	5.7	1,315.0
2019	226.4	6.0	1,358.4
2020	220.3	5.9	1,299.8
2021	186.1	6.8	1,265.5
2022	165.0	7.5	1,237.5
2023	156.7	8.1	1,269.3

2014–2019թթ. կորուստն ավելացել է արտադրողականության արագ աճի պատճառով, չնայած այն հանգամանքին, որ գործազրկության համաչափ կրճատում չի արձանագրվել։ Իսկ 2021–

2023թթ. գործազրկության նվազումը որոշակիորեն մեղմել է առաջարկի կորուստը, սակայն արտադրողականության շարունակական աճը ցուցանիշը շարունակել է պահել բարձր մակարդակի վրա։

Հարկ է նշել, որ գործազրկության աճի հետևանքները համաչափ չեն բաշխվում՝ բարձր արտադրողականություն ունեցող ոլորտներում աշխատատեղի կորուստը ավելի մեծ ազդեցություն ունի ՀՆԱ-ի վրա, քան ցածր արտադրողականության ոլորտներում, սակայն այս խնդիրը մոդելում չի արտացոլվել։

Եզրակացություն

- OLS ռեգրեսիոն մոդելի արդյունքները վկայում են, որ գործազրկությունը բացասական ազդեցություն ունի իրական ՀՆԱ-ի աճի տեմպի վրա, պայմանավորված արտադրական ներուժի թերի օգտագործմամբ։ Մյուս կողմից, այն որոշիչ է աղքատության մակարդակի ձևավորման գործում, քանի որ սոցիալական ցուցիչները գործազրկության փոփոխություններին շատ կտրուկ են արձագանքում։ Բարձր էլաստիկությունը՝ +0.65 և R^2=0.61-ը վկայում են, որ սոցիալական քաղաքականության արագ արձագանքման գործիքները, ինչպիսիք են կարիքավորներին տրամադրվող թիրախային աջակցությունը, ակտիվ աշխատաշուկայի ծրագրերը (կազմակերպել գործազուրկների վերապատրաստում և վերաորակավորում), կարող են էականորեն մեղմել գործազրկության սոցիալական հետևանքները, արագացնելով աշխատանք գտնելու գործընթացը։ Այս գործիքների կիրառումը կհանգեցնի կարճաժամկետ կայունացման, պայմանավորված գործազուրկների շրջանում MPC-ի մեծ լինելով։ Վերջինս մեծացնում է սպառման բազմարկիչը, ուստի պահանջարկն արագ է վերականգնվում և նվազեցնում աղքատությունը։
- Ֆիլիպսի կորի գնահատումները ցույց են տալիս, որ գործազրկության աճը կարճաժամկետ հատվածում ուղեկցվում է

ինֆլյացիոն ճնշումների թուլացմամբ, սակայն այդ ազդեցությունը համեմատաբար թույլ է և կախված է պահանջարկածին շոկերի ինտենսիվությունից: Փոքր բաց տնտեսությունում գնաճը խիստ զգայուն է արտաքին պահանջարկի, փոխարժեքի և ներմուծվող գների շոկերի նկատմամբ, որոնք զգալիորեն թուլացնում են գործազրկության ազդակը: Սրանով պայմանավորված, գործազրկության փոփոխության ազդեցությունն ինֆլյացիայի վրա փոքր է, ուստի պետք է դիտարկել որպես «երկրորդական» ալիք: Այն, որպես գնաճի կայունացնող գործիք արդյունավետ չէ: Այս դեպքում, հաշվի առնելով, որ ՍԳԻ-ի արձագանքը թույլ է և բազմագործոն, արդյունավետ կլինի կիրառել ֆիսկալ-մոնետար քաղաքականությունների համադրություն՝ զբաղվածության խթանները զուգորդելով գնաճի կառավարման գործիքների հետ:

- Պարբերաշրջանային գործազրկության աճը զգալիորեն կրճատում է սպառման ծավալները՝ պայմանավորված սպառման սահմանային հակման մեծ լինելու հանգամանքով, իսկ սպառման կորուստն էլ բազմապատկչային մեխանիզմի արդյունքում մեծացնում է պահանջարկի ընդհանուր կորուստը՝ խորացնելով տնտեսական անկումը:
- Ներդրումային կորուստների գնահատումները վկայում են, որ եկամուտների նվազման արդյունքում խնայողությունների կրճատումը սահմանափակում է ներդրումային հնարավորությունները, ինչը բացասաբար է անդրադառնում տնտեսության վերականգնման գործընթացի վրա: Իսկ գոյացող խնայողությունները արտադրական ներդրումների վերածման գործընթացը հնարավոր է խթանել (բարձր MPC-ի պայմաններում) ֆինանսական միջնորդության համակարգի բարելավման և կապիտալի շուկայի զարգացման ճանապարհով:

- Ամբողջական առաջարկի կորուստների վերլուծությունը հաստատում է, որ գործազրկությունը կարճաժամկետ հատվածում հանգեցնում է ներուժային արտադրանքի զգալի ծավալների կորստի, ինչը տնտեսության համար առաջացնում է ոչ միայն ընթացիկ, այլև հետաձգված կորուստներ։ Վերջիններս նվազեցնելու նպատակով բարձր արտադրողականություն ունեցող ոլորտներում կարելի է կիրառել աշխատատեղերի սուբսիդավորման քաղաքականություն, ակնկալելով, որ ազդեցությունը ՀՆԱ-ի վրա մեծ կլինի։ Յուրաքանչյուր լրացուցիչ աշխատատեղ այստեղ ունի ավելի մեծ «ՀՆԱ վերադարձ», հետևաբար նույն ծախսով ավելի մեծ արդյունք կունենանք։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Ball L., Leigh D., & Loungani P.* Okun's Law: A reassessment // "Journal of Economic Perspectives", 36 (2), 2022. PP. 147–170.
2. *Lee J., & Park K.* Revisiting Okun's law in developing and emerging markets // "Economic Modelling", № 102, 2021. PP. 105–147.
3. *Clark A., & Lepinteur A.* Unemployment, well-being and the role of government // "Journal of Economic Behavior & Organization", 159 (C), 2019. PP. 239–256.
4. *Binder M.* Unemployment and subjective well-being // "Journal of Economic Behavior & Organization", № 191, 2021. 815–833.
5. *Brancati C., Deiana C., Mühler G., & Rapallini C.* Unemployment, inequality and welfare state institutions // "Labour Economics", 65, 2020. PP. 101–819.
6. *Aiyar S., Duval R., Puy D., Wu Y., & Zhang L. (*2019). Growth slowdowns and the middle-income trap // "World Bank Economic Review", vol. 33, № 1, 2019. PP. 101–125.
7. ILO. (2022). World Employment and Social Outlook 2022. International Labour Organization.
8. *Grigoryan T., & Melkumyan A.* Labor market mismatches and inequality in Armenia // "Caucasus Economic Review", 14 (2), 2022. PP. 55–78.
9. INECO. Labor market and employment trends in Armenia // "INECO Research", 2023.
10. *Chobanyan H., & Galstyan A.* Emigration and labor market outcomes in Armenia // "International Migration Review", 54 (4),2020. PP. 975–998.
11. UNDP Armenia // Human development report: Armenia, 2022.
12. World Bank. Armenia Economic Update 2023. World Bank Group, 2023.
13. ADB. Armenia: Country diagnostic study. Asian Development Bank, 2022.
14. *Mitra P., Ustyugova Y., & Tolin J.* Labor market structural challenges in the South Caucasus // "IMF. Working Paper", 2021.
15. OECD. Migration and labor markets in Eastern Partnership countries // "OECD Publishing", 2020.
16. IMF. Armenia: Staff report for the Article IV consultation // "International Monetary Fund", 2023.

17. *Hakobyan A.* Determinants of skilled migration in Armenia // "UNDP. Working Paper", 2021.
18. *Guo S., & Cao Y.* (2021). Skill depreciation during unemployment // "Human Capital Review", № 49 (8). PP. 1124–1140.
19. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, տվյալների բազա, https://statbank.armstat.am/px-web/hy/ArmStatBank/?rxid=9ba7b0d1-2ff8-40fa-a309-fae01ea885bb

ASSESSMENT OF THE SHORT-TERM MACROECONOMIC CONSEQUENCES OF SANCTIONS: THE CASE OF ARMENIA

M. Gharagyozyan, T. Stepanyan
Armenian State University of Economics

ABSTRACT

Unemployment is considered one of the key challenges of modern economics, affecting both macroeconomic stability and the well-being of the population, human capital accumulation and labor productivity. These effects are manifested in both the short and long term. This article is devoted to assessing the short-term macroeconomic consequences of unemployment, focusing on the main macroeconomic indicators. The study is based on the assessment of the theoretical interrelationships between the labor market and economic activity in Armenia, within the framework of Okun's law, the Phillips curve, and the multiplier effects of demand components. The results obtained show that the increase in unemployment in the short term negatively affects economic growth rates and domestic demand, causing underutilization of production potential and economic losses. The analysis shows that the effective use of countercyclical economic policy instruments can mitigate the negative effects of unemployment in the short term.
Keywords: unemployment, economic growth, labor market, short-term impact, inflation.

ОЦЕНКА КРАТКОСРОЧНЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ САНКЦИЙ НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ

М. Карагезян, Т. Стеранян
Армянский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ

Безработица считается одной из ключевых проблем современной экономики, влияющей как на макроэкономическую стабильность, так и на благосостояние населения, накопление человеческого капитала и производительность труда. Эти последствия проявляются и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективах. Данная статья посвящена оценке краткосрочных макроэкономических последствий безработицы с акцентом на основные макроэкономические показатели. Исследование основано на

оценке теоретических взаимосвязей между рынком труда и экономической активностью в Армении в рамках закона Оукена, кривой Филлипса и мультипликативного эффекта компонентов спроса. Полученные результаты показывают, что рост безработицы в краткосрочной перспективе негативно влияет на темпы экономического роста и внутренний спрос, вызывая недоиспользование производственного потенциала и экономические потери. Анализ показывает, что эффективное использование инструментов контрциклической экономической политики может смягчить негативные последствия безработицы в краткосрочной перспективе.
Ключевые слова: безработица, экономический рост, рынок труда, краткосрочное влияние, инфляция.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-463-470

ЭВРИСТИКИ: ИСТОЧНИКИ КОГНТИТИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ ИЛИ ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Т.Л. Майборода

Белорусский государственный экономический университет
tatmaibarada@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена теме эволюции взглядов на роль эвристик в поведенческой экономике – от классической концепции, где они рассматриваются как источник систематических ошибок, до современного подхода, в котором эвристики понимаются как эффективные инструменты для принятия решений в условиях неопределенности, и простые эвристики часто превосходят по точности сложные статистические модели. Эвристики рассмотрены в контексте противодействия финансовому мошенничеству. В качестве защитных эвристик необходимо создать набор простых правил, которые позволят потенциальной жертве нарушить сценарий мошенника и включить аналитическое мышление. Перспективным направлением объявляется разработка и тестирование таких поведенческих интервенций, помогающих в ситуации временного давления и манипуляций.

Ключевые слова: поведенческая экономика, принятие решений, эвристики, когнитивные искажения, финансовое мошенничество.

Одна из ключевых тем исследований в поведенческой экономике, заданная влиятельной публикацией Д. Канемана и А. Тверски, посвящена использованию эвристик при принятии решений, в том числе экономических. Эвристики – вынужденная мера приспособления агентов к условиям неопределенности, наличия данных ограниченной достоверности и необходимости выполнять сложные задачи по оценке вероятности событий или будущих величин. Авторы выделили три основных эвристики (репрезентативности, доступности и якорения) и вывели ряд экспериментально доказанных когнитивных ошибок, связанных с этими эвристиками [1]. Главными характеристиками выявленной взаимосвязи эвристик и ошибок стали: возникновение ошибок даже в отсутствие искажающего влияния мотиваций и внешних стимулов; наличие ошибок,

хоть и в меньшем числе, среди профессионалов в своей области; отсутствие ключей к статистическому мышлению в повседневной практике; отсутствие возможности самостоятельно выявить и откалибровать свои суждения. В дальнейшем идеи различий между каузальным и статистическим мышлением получили свое развитие в исследовании различий между когнитивными искажениями и шумом [2].

Важным теоретическим вкладом этой статьи стала критика теории принятия решений, которая выводит субъективные вероятности индивидов из серии ставок на события, которые они готовы принять, при этом вероятности должны быть внутренне непротиворечивы, последовательны и соответствовать набору принципов. С точки зрения авторов, в реальности субъективные вероятности определяют предпочтения в ставках. Суждения о вероятности должны быть совместимы со всей системой убеждений индивида, а именно: со своими знаниями о предмете, законами теории вероятностей и со своими собственными ментальными эвристиками и предубеждениями [1]. Идеальный «рациональный оценивающий» должен стремиться к этой совместимости, осуществлять сложный процесс интеграции новых суждений в многогранную систему знаний, с оглядкой на собственные ментальные ограничения. Сейчас роль системы убеждений при принятии экономических решений исследуется в рамках «экономики идентичности», видными представителями которой являются Дж. Акерлоф, Р. Крантон, Р. Бенабу, Л. Хенкель и др. [3; 4].

Проблемами раннего периода исследований эвристик как методов быстрого, экономного мышления стали [5]:

- во-первых, ассоциация эвристик с искажениями как негативными проявлениями процессов принятия решений; базовое понятие «эвристика» поменяла свое значение: если Г. Саймон понимал «satisficing» как эффективную эвристику, помогающую решать сложные задачи, то в 1970-х в связи с публикацией работ Д. Канемана и А. Тверски эвристики и искажения стали восприниматься в связке, как механизм, приводящий к ошибкам;
- во-вторых, эвристики выступали «этикетками» без содержания: нет теории, когда конкретно применяется эвристика, почему и каков ее внутренний механизм;

- в-третьих, для одного и того же явления можно использовать несколько объяснений или, наоборот, можно ожидать противоположных результатов:
  например, эвристика «репрезентативность» содержит два противоположных эффекта – «горячая рука», когда мы ожидаем увеличение вероятности продолжения тренда и «ошибка игрока», когда мы ожидаем уменьшение вероятности продолжения тренда; нет возможности предсказать, какую конкретно ошибку здесь следует ожидать;
- в-четвертых, формулировки задач чувствительны к фреймингу – если термин «вероятность» заменить на «частоту», то результаты меняются, когнитивное искажение может исчезнуть. Г. Гигеренцер подчеркивает, что термин «вероятность», когда он относится к единичному событию, не имеет значения. Канеман и Тверски используют узкую разновидность необайесовского взгляда, не разделяемой большинством статических исследователей.

Соответственно ответы на задачи имеют более одного правильного ответа и не являются ошибочными согласно другим интерпретациям вероятности [5]. С этим пунктом критики мы не согласимся, так как переформулированные задачи, приведенные в исследовании, содержали существенное упрощение или раскрытие информации, что, ожидаемо, улучшило результаты опрошенных. Скорее, авторы выявили эффективность тех или иных способов подачи информации. Но в реальной жизни мы можем встретить похожую задачу в любой формулировке, соответственно, это не умаляет необходимость учета таких ошибок.

Г. Гигеренцер и Г. Брайтон считают, что одно из главных открытий последних десятилетий состоит в том, что простые, быстрые и экономные эвристики («less is more») могут быть точнее сложных процедур принятия решений особенно в прогнозировании, что важно для экономической деятельности в условиях неопределенности [6]. Более того, если результаты таких эвристик дают достаточно хорошие результаты, то их можно использовать для выработки новых направлений для интервенций.

Эвристики базируются на трех принципах: психологическая достоверность, специфичность (соответствие ситуации) и экологическая рациональность, которая показывает степень соответствия эвристики

структурным условиям и социальному окружению. Эвристики помогают в поиске подсказок (оценка альтернатив), тогда как прошлого поколения модели описывают только поиск альтернатив [7]. С 1999г. Гигеренцер и соавторы начали программу разработки теории «адаптивных наборов инструментов» принятия решений, где элементами выступают эвристики, отобранные согласно научным критериям: тестирование нескольких моделей стратегий и определение того, какие из них наиболее точно предсказывают данные (а не соответствуют им); проверка на индивидуальном уровне, а не обобщение к среднему: систематические индивидуальные различия могут сделать среднее значение бессмысленным; адаптивный выбор эвристики: используют ли эвристику в ситуациях, когда это экологически рационально.

Приведем ряд наиболее успешных эвристик, доказавших экспериментально свою эффективность [7; 8].

– *Выбирайте лучшее* (Гигеренцер и Гольдштейн, 1996): чтобы сделать вывод, какая из двух альтернатив имеет более высокое значение: (a) постройте критерии в порядке их валидности, (b) остановите поиск, как только критерий отличается, (c) выберите альтернативу, у которой этот критерий выше. Часто предсказывает результат точнее, чем множественная регрессия (Черлински и др., 1999), нейронные сети, модели-образцы и алгоритмы дерева решений (Брайтон, 2006).

– 1/N эвристика равенства (Де Мигель и др., 2009). Распределить ресурсы поровну между N альтернативами. Может превзойти оптимальное распределение активов портфелей.

– *Око за око* (Аксельрод, 1984). Сначала сотрудничайте, а затем имитируйте последнее поведение вашего партнера. Может привести к более высокому выигрышу, чем оптимизация.

– Подсчет (Доус, 1979): чтобы подсчитать значение, не оценивайте веса, а просто подсчитайте количество положительных критериев. Часто предсказывается результат так же или точнее, чем множественная регрессия (Черлински и др., 1999).

– Удовлетворительное решение (Саймон, 1955; Тодд и Миллер, 1999). Переберите альтернативы и выберите первую, которая превышает ваш уровень притязаний. Применение уровней притязаний может привести к значительно лучшим выборам, чем случайные, даже если эти уровни произвольны (Гилберт и Мостеллер, 1966; Брюсс, 2000).

– Эвристика по умолчанию (Джонсон и Гольдштейн, 2003; Пичерт и Кацикопулос, 2008). Если есть опция по умолчанию, то ничего не делать. Объясняет, предсказывает поведение.

Таким образом, происходит некое «переоткрытие» эвристик с точки зрения их полезного потенциала. Особенно интересный кейс для борьбы эвристик между собой представляет ситуация попытки финансового мошенничества с использованием социальной инженерии. Мошенники, конструируя определенную внешнюю среду для принятия решений жертвы, манипулируя доступной информацией, создавая временное давление принуждают к использованию определенных эвристик с высокой вероятностью ошибки. Например, упоминания свежих новостей или событий задействуют эвристику доступности; подчеркивание срочности или масштаба проблемы инициирует эмоциональную оценку и выключение «Системы 2»; упоминания определенных институтов и их представителей включают эвристику репрезентативности и т.д.

Потенциальным жертвам, особенно уязвимым группам, необходима помощь в выработке и применении защитных эвристик: большое количество руководств, объяснений, обоснований, тренингов не помогают в ситуации, когда нужно быстро принимать решение. Автором предложены потенциальные эвристики для дальнейшего тестирования, представленные на Рис. 1. Первая линия защиты представлена автоматическими эвристиками.

- *Базовое сомнение*: всегда сомневайтесь в профессии звонящего и тех контактах, который он вам предоставляет. Завершайте разговор, берите время на проверку информации, самостоятельно найдите номер телефона и свяжитесь с организацией, представитель которой вам звонил.
- *Стоп-триггер*: если звучит это слово или фраза, разговор завершается. Заранее может быть определен и периодически пересмотрен список стоп-слов, например «безопасный счет», «спецоперация», «у вас есть Х минут», «срочно», «никому не говорите» и т.д.
- *Мои деньги*: как только упомянуты деньги, считайте по умолчанию, что звонит мошенник. Запишите ФИО и данные звонящего.

Срабатывание любой эвристики или нескольких сразу должно приводить к мгновенному завершению разговора. Тем самым прерываются

сценарии «авторитета» и «срочности». После этого потенциальная жертва может пойти двумя путями.

- *Помощь друга*: определить 1–2 человек, кому вы всегда будете звонить для консультации перед любым решением, связанным с деньгами. Это более простой путь, так как требует меньше усилий и навыков поиска информации.
- *Система 2*: это уже отказ от простых эвристик и переход к самостоятельному исследованию – есть ли такая организация? Работает ли этот человек в этой организации? Самостоятельный поиск контактов на официальном сайте и проверка информации.

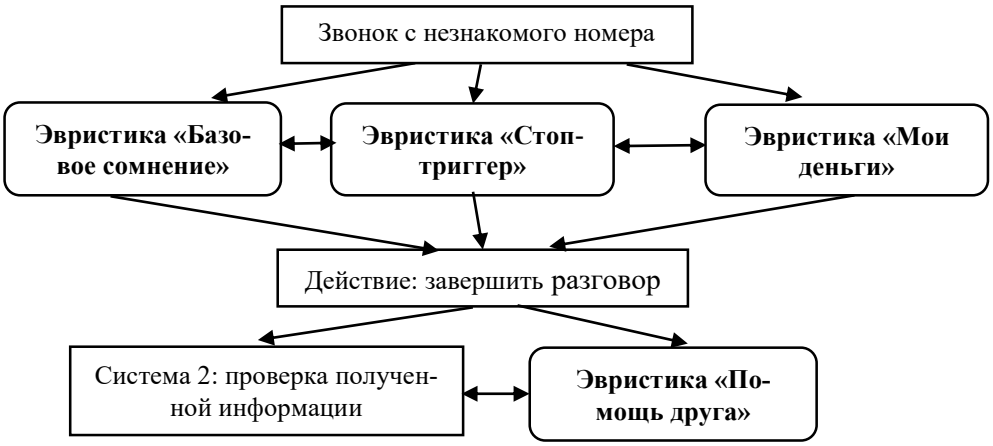


Рисунок 1. Схема применения защитных эвристик против финансового мошенничества.

Источник: собственная разработка.

Эвристики образуют цепочку обороны: от мгновенной реакции к рациональной проверке или социальному подтверждению. При этом они взаимно усиливают друг друга: «Стоп-триггер» и «Мои деньги» запускают «Базовое сомнение», «Помощь друга» приводит к проверке данных.

Метод борьбы выбивать клин клином может создать необходимую фрикцию, так как даже одна дополнительная пауза или проверка нарушает автоматический сценарий и создает шанс жертве включить аналитический режим «Системы 2». Проверка эффективности различных внешних фрикций, дающих представление о том, что работает, а что нет,

позволит подобрать наиболее подходящие эвристики. Например, в рамках одного исследования был разработан мобильный диалог с обязательной короткой паузой перед переходом по ссылке: короткий таймер (около 3 секунд) вместе с предупреждением резко снижает клики по подозрительным ссылкам [9]. Аналогичное исследование влияния временных пауз и предупреждений (объяснения, указание факторов риска) на решения пользователей в сценариях фишинга, показало, что время задержки и требование «сфокусироваться» повышают эффективность предупреждений [10].

Таким образом, представляется перспективным дальнейшее изучение и применение эвристик «во благо» в ситуациях, характеризующихся не столько неопределенностью и недостатком информации, сколько временным давлением и манипуляциями со стороны мошенников. Первой задачей может стать поиск эвристики, позволяющий потенциальной жертве как минимум «взять паузу» на самостоятельные размышления, в идеале – задействовать помощь третьих лиц и проверить информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under Uncertainty Heuristics and Biases // “Science”. Vol. 185, 1974. PP. 1124–1131.
2. *Kahneman D., Olivier S., Sunstein C.* Noise: A Flaw in Human Judgment. “Hachette Book Group”, 2021, 464p.
3. *Akerlof G., Kranton, E.* Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being. “Princeton University Press”, 2010, 192p.
4. *Bénabou R., Henkel L.* Identity as self-image (NBER Working Paper, № 34297). “National Bureau of Economic Research”, 2025, 74p.
5. *Gigerenzer G.* On narrow norms and vague heuristics: A reply to Kahneman and Tversky // “Psychological Review”. Vol. 103, № 3, 1996. PP. 592–596.
6. *Gigerenzer G.* How to make cognitive illusions disappear: Beyond “heuristics and biases” // “European Review of Social Psychology”. Vol. 2, 1991. PP. 83–115.
7. *Gigerenzer G., Brighton H.* Homo heuristicus: Why biased minds make better inferences // “Topics in Cognitive Science”. Vol. 1, № 1, 2009. PP. 107–143.
8. *Gigerenzer G., Selten R.* Bounded Rationality: The Adaptive Toolbox. 2001. Cambridge, MA: “MIT Press”, 377p.
9. *Antonucci A., Levy Y., Dringus P., Snyder M., Snyder M.* Assessing the impact of timers on user susceptibility to phishing attacks // “Working Paper”, 2021.
10. *Petelka J., Berens B., Sugatan C., Volkamer M., Schaub F.* Restricting the Link: Effects of Focused Attention and Time Delay on Phishing Warning Effectiveness. In IEEE Symposium on Security and Privacy, 2025.

HEURISTICS: SOURCES OF COGNITIVE BIASES OR EFFECTIVE METHODS OF DECISION-MAKING

T. Maibarada
Belarusian State Economic University

ABSTRACT

This article explores the evolution of views on the role of heuristics in behavioral economics – from the classical concept, which views them as a source of systematic errors, to a modern approach, which understands heuristics as effective tools for decision-making under uncertainty, where simple heuristics often outperform complex statistical models. Heuristics are considered in the context of combating financial fraud. Defensive heuristics require the creation of a set of simple rules that allow potential victims to break the fraudster's script and engage analytical thinking. The development and testing of such behavioral interventions, which can help in situations of time pressure and manipulation, is considered a promising direction.
Keywords: behavioral economics, decision making, heuristics, cognitive biases, financial fraud.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-471-493

ՊԱՐՏՔԻ ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ՄԱՐՏԱՀՐԱՎԵՐՆԵՐԸ ՃԱՊՈՆԱԿԱՆ ԱՎՏՈԱՐՏԱԴՐՈՂ ԸՆԿԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՖԻՆԱՆՍԱԿԱՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՇՐՋԱՆԱԿՈՒՄ

Ա. Մաթևոսյան, Խ. Բաբոյան, Մ. Մաթևոսյան
Մ. Գյուլասարյան, Ա. Գրիգորյան

Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարան
matevosyan.ashot@asue.am, xach-baboyan@mail.ru, matevosyan.mane@asue.am, mikayelgyulasaryan@gmail.com, ani.grigoryan@asue.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակակից ավտոարդյունաբերությունը տնտեսության ամենակապիտալատար և տեխնոլոգիապես դինամիկ ոլորտներից մեկն է, որտեղ պարտքային ֆինանսավորումը վճռորոշ դեր է խաղում արտադրական և ներդրումային ծրագրերի իրականացման գործում: Պարտքի կառավարման արդյունավետությունը մեծապես կանխորոշում է կազմակերպության ֆինանսական կայունությունը, շահութաբերությունը և մրցունակությունը համաշխարհային շուկայում:

Ավտոարտադրող կազմակերպությունները բախվում են մի շարք ֆինանսական մարտահրավերների՝ կապված բարձր վարկային բեռի, տոկոսադրույքների տատանումների, արտարժութային ռիսկերի և շուկայի ցիկլային բնույթի հետ: Միևնույն ժամանակ, ոլորտի թվայնացման, էլեկտրականացման և «կանաչ» տեխնոլոգիաների ներդրումը պահանջում է նոր պարտքային միջոցների ներգրավում և ֆինանսական կառուցվածքի վերաօպտիմալացում:

Պարտքի կառավարման արդի մոտեցումները ներառում են ֆինանսական կառուցվածքի դիվերսիֆիկացում, տոկոսադրույքների ֆիքսում, արժութային հեջավորում, ինչպես նաև ֆինանսական ցուցանիշների մոնիտորինգի ավտոմատացված համակարգերի կիրառում: Այս մեխանիզմները հնարավորություն են տալիս նվազեցնել ֆինանսական ռիսկերը, ապահովել պարտավորությունների ժամանակին սպասարկում և պահպանել ընկերության ներդրումային գրավչությունը:

Ուստի, պարտքի կառավարման արդյունավետ քաղաքականությունը հանդիսանում է հիմնարար գործոն՝ ավտոարտադրող կազմակերպությունների երկարաժամկետ աճի և ֆինանսական կայունության ապահովման համար։
Հետազոտության գիտական նորույթը կայանում է ճապոնական առաջատար ավտոմոբիլային ընկերություններում՝ «Toyota» և «Nissan Motor»-ում, պարտքի կառավարման մարտահրավերների համալիր գնահատման մոտեցման մշակման մեջ։
Հիմնաբառեր՝ պարտքի կառավարում, ավտոարտադրող կազմակերպություններ, սեփական կապիտալ, ակտիվներ, պարտավորություններ, հարկային վահան, տոկոսադրույքների փոփոխություն, արտարժութային ռիսկ, ֆինանսական կայունություն, օպտիմալ պարտքային կառուցվածք, կապիտալի կառուցվածք։

Ներածություն

21-րդ դարի երկրորդ տասնամյակը սկսվեց բուռն ճգնաժամային դրսևորումներով, առանձին տարածաշրջանային խնդիրների ռազմական լուծումներով, ինչն իր անմիջական ազդեցությունը դրսևորեց իրական հատվածի կազմակերպությունների ֆինանսական վիճակի վրա։ Դրանով պայմանավորված, ներկա փուլում իրական հատվածի կազմակերպությունների ֆինանսական կայունությունն ապահովող կարևոր գործոններից է դիտվում կապիտալի նախընտրելի կառուցվածքի կանխատեսումը, պարտքային բեռի առավելագույն մակարդակի որոշումը և կազմակերպությունների ցանկալի վճարունակության ապահովումը։

Ինչպես ցույց են տալիս գործնական ուսումնասիրությունները, բոլոր կազմակերպությունների համար չկա մեկ ճիշտ և ունիվերսալ լուծում, ինչպես նաև պարտքային բեռի մակարդակի օպտիմալացման չափանիշների ընտրությունը յուրաքանչյուր կոնկրետ կազմակերպության ֆինանսական կառավարման առանցքային խնդիրն է։

Առևտրային կազմակերպություններում պարտքի կառավարումը ֆինանսական պլանավորման և բյուջետավորման միջոցով

պարտքը վերահսկելու արդյունավետ միջոց է: Պարտքի կառավարման պլանի նպատակն է օգտագործել այս ռազմավարությունները՝ որոնք կօժանդակեն նվազեցնելու պարտքային բեռը:

Ավտոարտադրության ոլորտը համարվում է բարձր կապիտալատար, տեխնոլոգիապես արագ զարգացող և մրցունակություն պահանջող արդյունաբերություն, որտեղ ֆինանսական կայունությունը և ռիսկերի կառավարարումը կարևոր դեր ունեն: Այս ոլորտում, ըստ հետազոտական խմբի տեսակետի, ընկերությունների գործունեությունը մեծապես կախված է պարտքային և սեփական կապիտալից կազմված ֆինանսավորման կառուցվածքից, ինչը թույլ է տալիս իրականացնել արտադրական, ներդրումային և հետազոտական նախագծեր:

Հետազոտողներ Օ.Ա. Լվովան և Ն.Ե. Պոպովն իրենց համատեղ հետազոտությունում առաջ են քաշել այն տեսակետը, ըստ որի պարտքի կառավարմանը չհամապատասխանող մոտեցումները կարող են հանգեցնել ֆինանսական ճնշման, վարկային բեռի ավելացման և կազմակերպության ներդրումային գրավչության անկման [2]:

Ավտոարտադրողները բախվում են մի շարք ֆինանսական մարտահրավերների, ինչպիսիք են՝ բարձր վարկային բեռ, տոկոսադրույքների և արտարժութային տատանումներ, շուկայի ցիկլային բնույթը և նորարարական տեխնոլոգիաների ֆինանսավորման պահանջները [3]:

Հետազոտողներ Ս. Բասդեկիսը, Ա. Քրիստոպուլոսը, Ի. Կացամպոքսակիսը, Ա. Լիբասն իրենց հետազոտությունում առաջ են քաշել այն վարկածը [7], ըստ որիեվրոգոտու ավտոմոբիլային հատվածը եվրոպական տնտեսության համար զգալի մուլտիպլիկատիվ էֆեկտով դինամիկ ոլորտ է, քանի որ այն ամուր փոխկապակցված է այլ արդյունաբերական ոլորտների հետ, ինչպիսիք են քիմիական, էներգետիկան, պողպատը, տեքստիլը, տեղեկատվական տեխնոլոգիաները և այլն՝ ունենալով ակնառու բազմապատկիչ ազդեցություն տնտեսության վրա:

Կազմակերպություններում երկարաժամկետ պարտքի կրճատումը ևս ֆինանսական կառավարման կարևոր ուղղություններից է: Ռազմավարությունից մեկը վարկի չմարված մայր գումարի վաղաժամկետ վճարումն է, ինչը կարող է օգնել նվազեցնել ընդհանուր տոկոսային ծախսերը: Մեկ այլ մոտեցում է երկարաժամկետ պարտքի վերաֆինանսավորումն ավելի ցածր տոկոսադրույքով, ինչին կարելի է հասնել վարկատուների հետ ավելի լավ պայմանների շուրջ բանակցությունների միջոցով (երկարացնելով վարկի մարման ժամկետը կամ գտնել ավելի ցածր տոկոսադրույքներ առաջարկող նոր վարկատուներ): Նշվածի հետ մեկտեղ կազմակերպությունները կարող են երկարաժամկետ պարտքը մարելու համար դիտարկել ակտիվներ վաճառելու կամ սեփական կապիտալը համալրելու ուղիները: Այս մոտեցումը կիրառումը նվազեցնում է վարկի ժամկետի ընթացքում վճարվող տոկոսագումարը, նպաստում կազմակերպության ֆինանսական վիճակի և վարկունակության դիրքի բարելավմանը: Գործնականում երկարաժամկետ պարտքի արդյունավետ կառավամամբ կազմակերպությունները հնարավորություն են ստանում բարձրացնելու իրենց ֆինանսական ճկունությունը:

Այս համատեքստում պարտքի կառավարման արդյունավետ համակարգի ձևավորումը նպատակահարմար է ոչ միայն կազմակերպության ֆինանսական կայունությունը պահպանելու, այլ նաև երկարաժամկետ աճը և շուկայի պահանջներին համապատասխան մրցունակություն ապահովելու համար:

Ներկայացվող հետազոտությունը նպատակ ունի վերլուծել ավտոարտադրող ընկերություններում պարտքի կառավարման հիմնական մարտահրավերները, գնահատել դրանց ազդեցությունը ֆինանսական ցուցանիշների վրա և առաջարկել մոտեցումներ՝ ֆինանսական ռիսկերի նվազեցման և օպտիմալ պարտքային կառուցվածքի ապահովման համար:

Սույն հոդվածի հետազոտության նպատակն է վերլուծել ճապո-

նական ավտոարտադրող կազմակերպություններում պարտքի կառավարման հիմնական մարտահրավերները, գնահատել դրանց ազդեցությունը ֆինանսական կայունության և ընկերության արժեքի վրա, ինչպես նաև առաջարկել արդյունավետ մեխանիզմներ՝ պարտքային կառուցվածքի օպտիմալացման և ֆինանսական ռիսկերի նվազեցման համար: Հոդվածում հետազոտության խնդիրները հետևյալն են՝

- Գրականության ուսումնասիրության միջոցով վեր հանել ավտոարտադրող ընկերություններում պարտքի կառավարման հիմնական մարտահրավերները՝ կապված բարձր վարկային բեռի, տոկոսադրույքների տատանումների, արտարժութային ռիսկերի և շուկայի ցիկլային բնույթի հետ:
- Արդյունքների միջոցով գնահատել պարտքի կառավարման ընթացիկ գործիքների արդյունավետությունը:
- Առաջարկել մեթոդներ և ռազմավարություններ՝ պարտքային կառուցվածքի օպտիմալացման, ֆինանսական ռիսկերի կառավարումը և ներդրումային գրավչության բարձրացման համար:

Այս նպատակի և խնդիրների իրագործումը հնարավորություն կտա ձևավորել գործնական և տեսական հիմքեր՝ ավտոարտադրող կազմակերպություններում պարտքի կառավարման ռազմավարությունների կատարելագործման համար:

Հետազոտության մեթոդաբանություն: Այս հետազոտությունը հիմնված է համադրական մեթոդների վրա՝ համատեղելով քանակական և որակական մոտեցումները, որպեսզի ապահովվի ճապոնական ավտոարտադրող կազմակերպություններում պարտքի կառավարման մարտահրավերների բազմակողմանի վերլուծություն:

Մեթոդների հիմնական ուղղություններն են՝

- ✓ Վիճակագրական վերլուծություն և ֆինանսական ցուցանիշների գնահատում
- ✓ Հաշվարկվում է պարտքային բեռը գնահատող հետևյալ ցուցանիշները՝

1. K1=(երկարաժամկետ պարտավորություններ + կարճաժամկետ պարտավորություններ) / սեփական կապիտալ,
2. K2=(կարճաժամկետ պարտավորություններ)/ ակտիվներ,
3. K3=երկարաժամկետ պարտավորություններ/ ակտիվներ,
4. K4=երկարաժամկետ պարտավորություններ/ (սեփական կապիտալ+ երկարաժամկետ պարտավորություններ):

✓ Վերլուծությունը կատարվում է կազմակերպության ֆինանսական հաշվետվությունների հիման վրա՝ վերջին տարիների առկա տվյալներով:

Համակարգային վերլուծություն և փորձագիտական գնահատում

- Վերլուծվում են ճապոնական ավտոարտադրող ընկերությունների պարտքային ռազմավարությունները, զուգահեռ համեմատելով արդյունաբերության ստանդարտ պրակտիկաների հետ:
- Գործիքակազմն ընդգրկում է ռիսկերի գնահատման մեթոդներ, ֆինանսական պլանավորման գործիքներ և պրակտիկ առաջարկություններ ֆինանսական կայունության բարձրացման համար:

Այս մեթոդաբանական մոտեցումն ապահովում է տեսական և գործնական համադրման, ինչը հնարավորություն է տալիս ոչ միայն վերլուծել գործող մարտահրավերները, այլև առաջարկել օպտիմալ լուծումներ՝ ընկերության պարտքային կառուցվածքը արդյունավետ կառավարելու համար:

Գրականության ակնարկ: Պարտքի կառավարման հարցերը կարևոր նշանակություն ունեն ինչպես մակրո [16], այնպես էլ միկրոմակարդակում [13]:

Պարտքի կառավարման հարցը կարևոր տեղ է զբաղեցնում հատկապես կորպորատիվ ֆինանսների մեջ: Դեռևս Ֆ. Մոդիլիանի և Մ. Միլլերի [18] (Modigliani & Miller, 1958, 1963) աշխատանքներում ձևավորվել է այն գաղափարը, որ ընկերության արժեքը կարող է կախված լինել նրա ֆինանսական կառուցվածքից: Նրանք ցույց

տվեցին, որ հարկային համակարգի առկայության դեպքում պարտքը որոշակի չափով բարձրացնում է ընկերության արժեքը՝ հարկային վահանի (tax shield) շնորհիվ :

Ջ. Ռոսսը [24] ներկայացնում է «Signal Theory»-ն, ըստ որի՝ պարտքի մակարդակը կարող է ազդարարել շուկային ընկերության ֆինանսական վստահելիության մասին: Բարձր վարկային կարգապահությունը շուկան ընկալում է որպես վստահության նշան, եթե պարտքային բեռը վերահսկելի է:

Հետագայում Ռ. Մայերսը [9] առաջարկում է «Pecking Order Theory»-ն, ըստ որի ընկերությունները նախընտրում են սեփական միջոցների օգտագործումը, ապա պարտքային, և միայն ամենավերջում՝ բաժնետոմսերի թողարկումը: Այս մոտեցումը հատկապես կիրառելի է ավտոարտադրող կազմակերպությունների համար, որոնք ունեն մեծ ծավալի ներքին ներդրումներ և շահույթների վերաներդրում:

Բրիլի և Մայերսը [8] իրենց «Principles of Corporate Finance» աշխատությունում զարգացնում են Ֆ. Մոդիլիանի և Մ. Միլլերի տեսությունը՝ նշելով, որ պարտքի ավելացումը նաև բարձրացնում է ֆինանսական ռիսկը և կարող է հանգեցնել վճարունակության խնդիրների:

Կապլանը և Նորթոնը [14] իրենց «Balanced Scorecard» մոտեցման մեջ ընդգծում են, որ ֆինանսական կայունությունը պարտադիր է երկարաժամկետ ռազմավարական զարգացման համար:

Հետագա ուսումնասիրություններում [27] ապացուցվել է, որ կապիտալի կառուցվածքը կախված է ոլորտից. կապիտալատար ճյուղերում (ինչպես ավտոարտադրությունը) պարտքային ֆինանսավորումն ավելի մեծ մասնաբաժին ունի:

Պարտքային բեռը առևտրային կազմակերպության փոխառու միջոցների հանրագումարն է իր ակտիվների՝ տնտեսական միջոցների նկատմամբ: Գնահատելով պարտքային բեռը բնութագրող գործակիցները՝ կարելի է հասկանալ՝ թե արդյոք կազմակերպությունն ի

վիճակի է ժամանակին և ամբողջությամբ վճարել պարտքային պարտավորությունները: Եթե պարտավորությունների մակարդակը բարձր է եկամուտներից, ապա կազմակերպությունը հայտվում է սնանկության վտանգի առջև:

Գործնականում պարտքային բեռը կարող է հաշվարկվել ինչպես իրավաբանական անձանց, այնպես էլ անհատ ձեռնարկատերերի համար: Հաճախ ցուցանիշը հաշվարկվում է պարտավորությունների մարման հնարավորությունը որոշելու համար: Այնուամենայնիվ, դրա ճշգրիտ արժեքը անհրաժեշտ է նաև կազմակերպության այլ կարիքների, ինչպես նաև տեղեկատվության արտաքին օգտագործողների համար: Մասնավորապես, հաշվարկների հիման վրա առևտրային բանկերը գնահատում են նոր վարկեր տրամադրելու հնարավորությունները, իսկ ներդրողներն ընտրություն են կատարում կազմակերպությունում ներդրումներ կատարելու կամ միջոցների ներարկումից հրաժարվելու օգտին:

Ցուցանիշը հաշվարկվում է ընդհանուր պարտքի և կազմակերպության ակտիվների միջև կապը գտնելու միջոցով:

Հարկ է նշել, որ պարտքի բեռի որոշման միասնական մեթոդաբանություն չկա: Բանն այն է, որ յուրաքանչյուր ընկերություն ունի իր պարտավորությունների կառուցվածքը: Այդ իսկ պատճառով, ցուցանիշի հաշվարկը տեղի է ունենում կոնկրետ կազմակերպությունում առկա փոխառու միջոցների կառուցվածքի համաձայն: Սակայն ամեն դեպքում, պարտքային բեռը որոշելիս կարևոր է հաշվի առնել բոլոր պարտավորությունները և դրանք համեմատել կազմակերպության գործունեության այն օբյեկտների հետ, որոնք կազմում են գույք կամ եկամուտ [1]:

Այս առումով առկա է պարտքային բեռ ցուցանիշի որոշման 3 հիմնական մոտեցում

1. Փոխառությունների ծավալի և ընկերության շահույթի միջև կապի հայտնաբերում: Այս դեպքում օգտագործվում են ընկե-

րության ֆինանսական արդյունքների վերաբերյալ հաշվետվության տվյալները:

2. Սեփական կապիտալի և փոխառու կապիտալի հարաբերակցության որոշումը: Ուսումնասիրությունը օգտագործում է հաշվեկշռի տվյալները:
3. Պարտքի բեռը հաշվարկելու վերջին տարբերակով որոշվում է, թե արդյոք ընկերությունը կկարողանա վերլուծության պահին ծածկել բոլոր պարտավորությունները, ինչպես նաև որոշել պարտքերը փակելու նվազագույն ժամանակը:

Մասնագիտական գրականությունում առկա է պարտքային բեռը հաշվարկելու ևս տարբեր մոտեցումներ: Եթե ցուցանիշը որոշվում է փոխառու միջոցների ծավալի և ընկերության շահույթի միջև կապը գտնելու միջոցով, ապա նման վերլուծությունը ցույց է տալիս եկամուտների բավարարությունը պարտավորությունները ամբողջությամբ կատարելու համար: Այս մոտեցմամբ բացահայտվում է, թե կազմակերպությունը որքան պետք է աշխատի բոլոր վարկերը մարելու համար [4]:

Պարտքային բեռի մակարդակը որոշելու մեկ այլ մոտեցում կապված է սեփական կապիտալի և փոխառու կապիտալի նախընտրելի հարաբերակցության որոշման հետ: Այս դեպքում արդյունքը ցույց է տալիս, թե արդյոք կազմակերպությունը բավականաչափ կուտակված միջոցներ ունի իր պարտավորություններն ամբողջությամբ կատարելու համար [23]:

Փոխառու միջոցների մեծության և ընթացիկ ակտիվների հարաբերակցությունը գնահատող ցուցանիշի հաշվարկին առնչվող մոտեցումը օգնում է որոշել կազմակերպության գույքի չափը և դրա հաշվին պարտքերը ծածկելու հնարավորությունը: Այս մոտեցմամբ հաշվարկված ցուցանիշը արտացոլում է վարկերի և փոխառությունների մարման համար բավարար ֆինանսսական միջոցների առկայությունը [3]:

Ֆրանչեսկո Դաինելին, Ջանմարկո Բեթը և Էուջենիո Ֆաբրիզին իրենց հետազոտությունում հիմնավորել են այն մոտեցումը, ըստ որի ընկերությունը ֆինանսապես կայուն է այնքան ժամանակ, քանի դեռ պահպանվում է նրա հավասարակշռությունը ֆինանսական համակարգում, ինչը կախված է հավասարակշռության անկման հավանականությանը վերագրվող արժեքից: Այդ հավանականության գնահատումը հիմնված է ընկերության ֆինանսական կանխատեսումների հավաստիության և անորոշության վրա: Հետազոտողների մշակած հավասարակշռության մոդելը սահմանում է տոկոսադրույքների միջակայքեր՝ որպես ընկերության կանխատեսելի կատարողականի, նրա ֆինանսական կառուցվածքի փոփոխությունների և վարկային միջոցների տրամադրման պայմանների կանխատեսելի միտումների ֆունկցիա:

Ֆինանսական կառավարման համակարգում նոր լուծումների մշակումը և դրանց գործնականում կիրառումը կենսական նշանակություն ունի ճգնաժամը հաղթահարելու համար: Ֆինանսական կառավարման փիլիսոփայության համաձայն՝ կանխատեսման արդյունքները, ըստ հետազոտող Խ. Բաբոյանի տեսակետի [5], օգտագործվել են որոշակի առևտրային կազմակերպության պարտքային բեռի, կապիտալի կառուցվածքի և կազմակերպության ակտիվներով ապահովված պարտավորությունների ցուցանիշների միջև սահմանային միջակայքերը ճշգրտելու համար: Առաջարկված մոտեցման հիմնական առավելություններից մեկը պարտքային բեռը գնահատող ցուցանիշների հավաքածուների համար պարտավորությունների կանխատեսված նախընտրելի տարբերակներին համապատասխան սահմանային միջակայքերի որոշումն է:

Ավտոարդյունաբերությունը դասվում է այն ճյուղերի շարքին, որտեղ պարտքային ֆինանսավորումն անհրաժեշտություն է:

OICA (International Organization of Motor Vehicle Manufacturers) և McKinsey & Company-ի վերլուծությունները ցույց են տալիս, որ

ավտոարտադրող ընկերությունների միջին պարտքային բեռը կազմում է 40–60% ընդհանուր կապիտալի կառուցվածքում [22]։

«Toyota»-ի օրինակով («Toyota» Annual Report, 2023) [28] ցույց է տրված, որ երկարաժամկետ պարտավորությունների օպտիմալ կառավարման շնորհիվ ընկերությունը կարողացել է պահպանել բարձր վարկային վարկանիշ (AA+), չնայած հսկայական ներդրումներին էլեկտրական և հիբրիդային տեխնոլոգիաներում։

Tesla-ի ֆինանսական վերլուծությունները (Bloomberg, 2022) ցույց են տալիս, որ պարտքային ֆինանսավորման փուլերից հետո ընկերությունը անցել է կապիտալի կառուցվածքի վերաօպտիմալացման՝ բաժնետոմսերի թողարկման միջոցով [26]։ Սա վկայում է այն մասին, որ ավտոարտադրող ընկերությունները պարտքի կառավարման հարցում կիրառում են դինամիկ ռազմավարություն՝ կախված շուկայի պայմաններից։

Diamond (1991) և Stiglitz (1992) [25] ցույց են տալիս, որ պարտքի չափից ավելի ավելացումը կարող է հանգեցնել ֆինանսական անկայունության՝ հատկապես այն կազմակերպություններում, որոնք ունեն երկար արտադրական ցիկլ և մեծ ֆիքսված ծախսեր [11]։ Ավտոարտադրողների դեպքում նման իրավիճակ է առաջանում, երբ վաճառքի ծավալները նվազում են, բայց վարկային պարտավորությունները մնում են անփոփոխ։ Սա ապացուցում է, որ պարտքի կառավարման մոդելը պետք է ներառի ռիսկերի կանխատեսման մեխանիզմներ (stress-testing, scenario analysis)։

Ժամանակակից հետազոտություններում (OECD, 2021, Deloitte, Automotive Outlook, 2023) ընդգծվում է [21], որ ավտոարտադրողների պարտքային կառավարման նոր մոտեցումները ներառում են ESG չափորոշիչները (բնապահպանական, սոցիալական, կառավարման), ֆինանսավորման նոր աղբյուրներ են դառնում կանաչ պարտատոմսերը [12] (Green Bonds) և հիբրիդային ֆինանսավորման գործիքները, թվայնացված ֆինանսական մոդելները (AI-driven

risk modeling) թույլ են տալիս ավելի ճշգրիտ կանխատեսել պարտքի սպասարկման ռիսկերը:

Վերլուծություն և արդյունքներ: Մեր կողմից ուսումնասիրված ճապոնական ավտոարտադրող ընկերություններից Toytota և «Nissan Motor»-ի համար կապիտալի կառոցվածքը բնութագրող պարտքային բեռի գնահատման արյունքները ներկայացվել են ստորև:

Աղյուսակ 1.

Toytota ընկերության պարտքային բեռի գնահատականը կապիտալի կառուցվածքը բնութագրող ցուցանիշների համատեքստում[1]:

	2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
K1	1.421	1.428	1.402	1.368	1.437	1.379	1.434	1.431	1.459	1.432	1.499	1.526	1.585	1.611	1.579
K2	0.314	0.324	0.322	0.323	0.345	0.340	0.351	0.354	0.355	0.340	0.344	0.354	0.364	0.384	0.362
K3	0.245	0.235	0.230	0.226	0.216	0.203	0.203	0.199	0.203	0.206	0.210	0.206	0.207	0.197	0.216
K4	0.384	0.375	0.368	0.361	0.356	0.340	0.345	0.340	0.347	0.351	0.362	0.360	0.365	0.353	0.371

Թիվ 1 աղյուսակի տվյալներից հետևում է, որ «Toyota» ընկերությունում 2024 թ. K1=1.421, որին համապատասխանում է միջին պարտքային բեռ, K2=0.314, ակտիվների 31% ֆինանսավորվում է կարճաժամկետ պարտքերով, K3=0.245, ակտիվների 24% ֆինանսավորվում է երկարաժամկետ պարտքերով, K4=0.384, երկարաժամկետ ֆինանսավորման մեջ պարտքային միջոցների բաժինը 38% է:

Դինամիկայում միտումները հետևյալն են՝

- K1-ը նվազում է 1.61-ից (2011) մինչև 1.42 (2024): Արդյունքում ընդհանուր պարտքային կախվածությունը աստիճանաբար նվազում է, ինչը վկայում է ֆինանսական կայունության աճի մասին:
- K2-ը 0.38 → 0.31, արդյունքում կարճաժամկետ պարտավորությունների կշիռը փոքրացել է՝ դրական միտում:

[1] Թիվ 1 աղյուսակի կառուցման համար օգտագործվել են https://www.macrotrends.net/stocks/charts/TM/toyota/balance-sheet կայքից ֆինանսական հաշվետվություններից վերցրած տվյալները:

- K3-ը՝ 0.22 → 0.25, արդյունքում երկարաժամկետ պարտավորությունները փոքր-ինչ աճել են, ինչը կարող է կապված լինել երկարաժամկետ ներդրումային ծրագրերի հետ։
- K4-ը՝ 0.37 → 0.38, արդյունքում երկարաժամկետ ֆինանսավորման կառուցվածքը կայուն է՝ հավասարակշռված սեփական և պարտքային միջոցների հարաբերակցությամբ։

Վերլուծության արդյունքներով «Toyota» ընկերության ընդհանուր գնահատականը հետևյալն է՝

- ✓ K1 > 1, սակայն կայուն նվազող է. նշանակում է, որ «Toyota»-ն դեռ օգտագործում է որոշակի պարտքային լծակ, բայց ֆինանսական կախվածությունը նվազում է։
- ✓ K2 և K3 միասին կազմում են մոտ 0.56 (2024), այսինքն՝ ընկերության ակտիվների մոտ կեսը ֆինանսավորվում է պարտքով, մնացածը՝ սեփական միջոցներով։
- ✓ K4 = 0.384 → նշանակում է, որ երկարաժամկետ կապիտալի կառուցվածքում պարտքային բաժինը փոքր է, ինչը բարձր ֆինանսական կայունության ցուցանիշ է։
- ✓ Ցուցանիշների տատանումները փոքր են, ինչը վկայում է կայուն ֆինանսական քաղաքականության մասին։

Հետևություն: «Toyota»-ի պարտքային բեռը կարելի է բնութագրել որպես կայուն և վերահսկելի. Ընկերությունը պահպանում է ֆինանսական հավասարակշռություն պարտքային և սեփական միջոցների միջև։ Պարտքային միջոցների օգտագործումը հիմնականում ուղղված է երկարաժամկետ ներդրումային ծրագրերի ֆինանսավորմանը, ոչ թե ընթացիկ վճարունակության ապահովմանը։ Ընդհանուր ռիսկայնությունը ցածր է, և ֆինանսական ինքնաբավությունը բարձր է։ Վերջնական գնահատականը՝ «Toyota»-ի պարտքային բեռը 2024թ. դրությամբ գնահատվում է միջինից ցածր, իսկ ֆինանսական կայունությունը՝ բարձր։

Աղյուսակ 2.
«Nissan Motor» ընկերության պարտքային բեռի գնահատականը կապիտալի կառուցվածքը բնութագրող ցուցանիշների համատեքստում[2]:

	2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
K₁	2.297	1.899	1.946	2.042	2.540	2.549	2.130	2.057	2.259	2.043	1.953	1.886	1.869	1.925	1.968
K₂	0.424	0.349	0.385	0.375	0.409	0.475	0.408	0.360	0.383	0.389	0.376	0.353	0.356	0.374	0.408
K₃	0.233	0.270	0.236	0.252	0.261	0.189	0.224	0.264	0.251	0.215	0.225	0.247	0.238	0.226	0.192
K₄	0.449	0.453	0.425	0.451	0.497	0.421	0.430	0.466	0.472	0.421	0.422	0.437	0.428	0.420	0.387

Թիվ 2 աղյուսակի տվյալներից հետևում է, որ «Toyota» ընկերությունում 2024թ. K1=2.297, պարտավորությունները 2.3 անգամ գերազանցում են սեփական կապիտալը, ինչի արդյունքում արձանագրվում է բարձր պարտքային բեռ, K2=0.424, ակտիվների շուրջ 42 % ֆինանսավորվում է կարճաժամկետ պարտքերով, որի դեպքում արձանագրովում է բարձր ռիսկային մակարդակ, K3= 0.233, ակտիվների մոտ 23% ֆինանսավորվում է երկարաժամկետ պարտքերով, ինչը պարտքի տեսանկյունից միջին ցուցանիշ է, K4=0.449, երկարաժամկետ ֆինանսավորման մեջ պարտքային միջոցների բաժինը 45% է, ինչը միջինից բարձր պարտքային կախվածություն է:

Դինամիկայում միտումները հետևյալն են՝

- K1-ը՝ 1.89 – 2.55, մշտապես բարձր է (>1.5), բնութագրվում է բարձր բեռով ֆինանսական կառուցվածք:
- K2-ը 0.35 – 0.48, արդյունքում կարճաժամկետ պարտավորությունների կշիռը բարձր է և տատանվում է առանց կայուն նվազման միտման:
- K3-ը՝ 0.19 – 0.27, արդյունքում երկարաժամկետ պարտավորությունների կշիռը կայուն է՝ միջին 0.23–0.25:

[2] Թիվ 2 աղյուսակի կառուցման համար օգտագործվել են https://www.macrotrends.net/stocks/charts/NSANY/nissan-motor/balance-sheet կայքից ֆինանսական հաշվետվություններից վերցրած տվյալները:

- K4-ը՝ 0.39 – 0.50, ադրունքում երկարաժամկետ ֆինանսավորման կառուցվածքում պարտքի տեսակարար կշիռը կայուն է՝ շուրջ 40–45 %:

Վերլուծության արդյուքներով «Nissan Motor» ընկերության ընդհանուր գնահատականը հետևյալն է՝

- ✓ K1 > 2, նշանակում է, որ «Nissan Motor»-ն ունի բարձր պարտքային լծակ և բարձր ֆինանսական ռիսկ, կախվածություն վարկերից:
- ✓ K2 և K3 միասին կազմում են մոտ 0.63 (2024), այսինքն՝ ընկերության ակտիվների կեսից ավելին ֆինանսավորվում է պարտքով, մնացածը՝ սեփական միջոցներով:
- ✓ K4 = 0.45 → նշանակում է, որ երկարաժամկետ կապիտալի կառուցվածքում առկա է միջին պարտքային բաժին երկարաժամկետ պասիվներում: Գնահատականը կայուն է, բայց ենթակա բարելավման:

Հետևություն: «Nissan Motor» ընկերության պարտքային բեռը 2024թ. դրությամբ բարձր է և զգալիորեն գերազանցում է ոլորտային ընդունված նորմաները: Ընկերությունը ֆինանսապես կախված է պարտքային միջոցներից, հատկապես՝ կարճաժամկետ պարտավորություններից: Դա մեծացնում է վերաֆինանսավորման և տոկոսային բեռի ռիսկերը:

Ֆինանսական կառավարման լուծումների շրջանակներում կիրառելով Խ. Բաբոյանի արհեստական բանականության մեթոդաբանությամբ մշակված կապիտալի կառուցվածքի կանխատեսման մոդելը [6], «Toyota» և «Nissan Motor» ընկերությունների համար 2021–2024թթ. կտրվածքով մուտքային Y1((սեփական ընթացիկ ակտիվներ/ընթացիկ ակտիվներ)*100) և Y2((սեփական ընթացիկ ակտիվներ/սեփական կապիտալ)*100) տվյալներով կատարել ենք պասիվների հիմնական բաղադրիչների՝ սեփական կապիտալի (P1), երկարաժամկետ պարտավորությունների (P2) և կարճաժամկետ պարտավորությունների (P3) կառուցվածքի վերաօպտիմալացում:

Ստացված արդյունքները ներկայացվել են թիվ 3 և 4 աղյուսակներում:

Աղյուսակ 3.
«Toyota» ընկերության համար Խ. Բաբոյանի արհեստական բանականության մեթոդաբանությամբ մշակված կապիտալի կառուցվածքի կանխատեսման մոդելով ստացված արդյունքները:

			Փաստացի			Կանխատեսված		
	Y_1	Y_2	P_1	P_2	P_3	P^*_1	P^*_2	P^*_3
2024	15.95	15.71	39.1	23.5	32.40	22.70	22.78	22.44
2023	9.45	8.54	39.4	23.0	32.20	34.46	28.76	12.62
2022	7.93	6.92	40.1	22.6	32.30	46.21	16.80	7.72
2021	5.78	5.42	39.1	23.5	32.40	40.34	28.76	5.26

Աղյուսակ 4.
«Nissan Motor» ընկերության համար Խ. Բաբոյանի արհեստական բանականության մեթոդաբանությամբ մշակված կապիտալի կառուցվածքի կանխատեսման մոդելով ստացված արդյունքները:

			Փաստացի			Կանխատեսված		
	Y_1	Y_2	P_1	P_2	P_3	P^*_1	P^*_2	P^*_3
2024	46.23	92.06	28.6	23.3	42.4	34.46	40.72	5.26
2023	40.45	81.90	32.6	27.0	34.9	40.34	34.74	2.81
2022	40.45	82.97	31.9	23.6	38.5	40.34	34.74	2.81
2021	35.01	83.49	30.7	25.2	37.5	28.58	46.71	15.08

Հետևություն: Խ. Բաբոյանի արհեստական բանականության մեթոդաբանությամբ մշակված կապիտալի կառուցվածքի կանխատեսման մոդելով «Toyota» ընկերության համար պասիվների հիմնական բաղադրիչների վերաօպտիմալացումը միտված է 2023–2024թթ. սեփական կապիտալի տեսակարար կշռի նվազմանը, երկարաժամկետ պարտավորությունների գրեթե նույն մակարդակի պահպանմանը և համապատասխանաբար կարճաժամկետ պարտավորությունների տեսակակար կշռի նշանակալի նվազմանը: Պասիվներում ֆինանսավորման աղբյուրների մեջ նախընտրելի են համարվում կրեդիտորական պարտքերը (որպես կայուն պասիվներ):

«Nissan Motor» ընկերությունում Խ. Բաբոյանի արհեստական բանականության մեթոդաբանությամբ մշակված կապիտալի կառուցվածքի կանխատեսման մոդելով 2022–2023թթ. ռազմավարական է համարվել սեփական կապիտալի և երկարաժամկետ պարտավորությունների ավելացմանը միտված քաղաքականությունը: Մոդելային լուծումներով խիստ նպատակադրում է կատարվել կարճաժամկետ պարտավորությունների նվազման ուղղությամբ:

Եզրակացություն: Ֆոնդային բորսայում ցուցակված ավտոմեքենա արտադրող ճապոնական կազմակերպությունները, բախվելով կապիտալի վերասևկման գործընթացում մի շարք կարևոր մարտահրավերների, փորձում են նոր լուծումներ գտնել պարտքի կառավարման գործընթացում:

Բարձր պարտքային բեռը և ակտիվների մեծ ծախսերը խոչընդոտում են արդյունավետ սցենարային լուծումներին: Կատարված վերլուծությունը փաստեց, թե ինչ խնդիրների են բախվում ճապոնական «Toyota» և «Nissan Motor» ընկերությունները երկարաժամկետ և կարճաժամկետ պարտքը կառավարելիս:

Գնահատման արդյունքները և կատարված առաջարկությունները ամփոփված են հետևյալում.

«Toyota» ընկերություն

«Toyota»-ի պարտքային բեռի կայունացման և օպտիմալացման առաջարկություններ.

- Լևերեջի (K1) կրճատում: Խնդիրը այն է, որ K1 > 1 է, (1.421), այսինքն՝ պարտավորությունները գերազանցում են սեփական կապիտալը: Նպատակը պետք է լինի կրճատել կարճաժամկետ պարտավորությունների ծավալը, մասնավորապես բարձր տոկոսադրույքով պարտքերը, մասամբ փոխարինել պարտքային միջոցները սեփական կապիտալով՝ բաժնետոմսերի կամ այլ ներդրումային գործիքների միջոցով, նախա-

պատվություն տալ երկարաժամկետ վարկերին՝ ցածր տոկոսադրույքով, որպեսզի նվազի վերաֆինանսավորման ռիսկը, բարելավել շահութաբերությունը (ROE, ROA), քանի որ շահույթի աճը ուղղակիորեն մեծացնում է սեփական կապիտալը:

- Կարճաժամկետ պարտավորությունների կառավարման կատարելագործում (K2): Խնդիրը այն է, որ կարճաժամկետ պարտավորությունները կազմում են ակտիվների 31%: Չնայած սա վտանգավոր չէ, բայց տնտեսավարող միջավայրի անորոշության դեպքում կարող է ռիսկավոր դառնալ: Առաջարկությունը հետևյալն է կարճաժամկետ պարտքերի մի մասը վերածել երկարաժամկետի (refinancing)՝ կանխելով վճարունակության ճնշումները, արդյունավետորեն կառավարել պաշարները և պարտքառուների հաշվեկշիռը, որպեսզի ազատվեն շրջանառու միջոցներ, ստեղծել բյուջետավորման և կանխիկ հոսքերի կանխատեսման ճշգրիտ համակարգ, որպեսզի նվազի հանկարծակի պարտքային բեռի առաջացման հավանականությունը: Դա ամրագրվել է նաև մոդելի կանխատեսված ադրյուքներով:
- Երկարաժամկետ պարտավորությունների կառուցվածքի օպտիմալացում (K3, K4): Խնդիրը այն է, որ երկարաժամկետ պարտավորությունները կազմում են ակտիվների մոտ 25%, իսկ երկարաժամկետ ֆինանսավորման մեջ՝ 38%: Սա կայուն է, բայց կարող է բարելավվել կապիտալի գնի նվազեցման միջոցով: Առաջարկում ենք վերաֆինանսավորել բարձր տոկոսադրույքով պարտքերը ավելի ցածր տոկոսներով վարկերով կամ պարտատոմսերով, օգտագործել հիբրիդային ֆինանսավորման գործիքներ (օր. փոխարկելի պարտատոմսեր), որոնք նվազեցնում են պարտքային բեռի հաշվառվող մասը, հաշվի առնել արժույթի ռիսկերը, քանի որ «Toyota»-ի պարտքի զգալի

մասն արտարժույթով է, և ապահովագրել դրանք swap-երով կամ ֆյուչերսներով։

- Շահութաբերության և կապիտալային կայունության բարձրացման շրջանակներում հիմնական նպատակը կլինի պարտքային բեռը կայուն պահելու համար մեծացնել սեփական կապիտալի մասնաբաժինը։ Առաջակում ենք ավելացնել զուտ շահույթը՝ ծախսերի վերահսկման և արտադրական արդյունավետության բարձրացման միջոցով, կենտրոնանալ բարձր մարժայով մոդելների և էլեկտրական ավտոմեքենաների շուկայի վրա՝ եկամտաբերության ավելացման համար, շահաբաժնային քաղաքականությունը դարձնել ճկուն՝ չսահմանափակելով վերաներդրումները սեփական կապիտալում։
- Ֆինանսական ռիսկերի կառավարման շրջանակներում հիմնական նպատակը կլինի պահել պարտքային բեռը կայուն՝ անկախ արտաքին շուկայի տատանումներից։ Առաջարկում ենք ներառել հիմնական ցուցանիշների մոնիթորինգի համակարգ (K1–K4), պարբերական վերլուծությամբ, ստեղծել պարտքային սահմանային ցուցանիշներ, որոնց անցման դեպքում իրականացվեն ավտոմատ վերահսկիչ քայլեր, դիվերսիֆիկացնել ֆինանսավորման աղբյուրները՝ միջազգային կապիտալի շուկաներում։

«Nissan Motor» ընկերություն

- Կրճատել K1 ցուցանիշը, վերաֆինանսավորելով բարձր տոկոսադրույքով պարտքերը, ավելացնել սեփական կապիտալը (բաժնետոմսերի կամ կորպորատիվ պարտատոմսերի թողարկմամբ), վերաներդրումների միջոցով բարելավել շահութաբերությունը։
- Նվազեցնել կարճաժամկետ պարտքերից կախվածությունը (K2)։ Անհրաժեշտ է արագացնել ընթացիկ ակտիվների շրջանառությունը, բարելավել դրամական հոսքերի կառավարման

աղբյունավետությունը (cash flow planning), փոխարինել կարճաժամկետ պարտքերը երկարաժամկետ վարկերով։

- Օպտիմալացնել ֆինանսավորման կառուցվածքը (K3, K4)։ Առաջարկում ենք պահպանել երկարաժամկետ պարտքերի բաժինը ակտիվների մինչև 34–42 %-ի միջակայքում, վերահսկել տոկոսների ծախսերի բաժինը շահույթի նկատմամբ։
- Ֆինանսական կայունության ապահովման տեսանկյունից առաջարկում ենք սահմանել պարտքային ցուցանիշների վերահսկման սահմանային արժեքներ (K1<2, K2<0.35, K4<0.4), իրականացնել պարբերական ֆինանսական ստուգումներ և մոնիթորինգ։
- «Nissan Motor» ընկերության պարտքային բեռը 2010–2024թթ. ընթացքում պահպանվել է բարձր մակարդակի վրա (K1≈2), ինչը վկայում է բարձր պարտքային կախվածության և ֆինանսական ռիսկի մասին։ Ընկերությանն անհրաժեշտ է բարելավել ֆինանսավորման կառուցվածքը՝ նվազեցնելով կարճաժամկետ պարտքերի բաժինը և ավելացնելով սեփական կապիտալի տեսակարար կշիռը։ Դա թույլ կտա բարձրացնել երկարաժամկետ կայունությունը և բարելավել ներդրումային վստահությունը։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Abliazova R.* Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu dolgovoy nagruzki kompanii [Theoretical approaches to determining a company's debt burden] // “Promyshlennost: ekonomika, upravlenie, tekhnologii”, № (3), 2018. P. 72. Retrieved October 28, 2025, from https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu-dolgovo-y-nagruzki-kompanii
2. *Ahmed F., Rahman M., Rehman H., Imran M., Dunay A., & Hossain M.* Corporate capital structure effects on corporate performance pursuing a strategy of innovation in manufacturing companies // “Heliyon”, vol. 10, № 3, 2024. e24677. https://doi.org/10.1016/j.-heliyon.2024.e24677
3. *Alsulami F.* Evaluating financial performance of airline companies through liquidity and debt ratios: An accounting approach // “MDPI. Risks”, vol. 13, № 4, 2025. P. 63. https://doi.org/10.3390/risks13040063
4. *Arhinful R., & Radmehr M.* The impact of financial leverage on the financial performance of the firms listed on the Tokyo Stock Exchange // “SAGE Open”, № 13 (4), 2023. https://doi.org/10.1177/21582440231204099

5. *Baboyan K.* Approach for predicting index of security with the own current assets according to the capital structure of commercial organizations of the Republic of Armenia // "Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences", № 2, 2021. PP. 185–190. https://elibrary.ru/item.asp?id=47516293
6. *Baboyan K.* The philosophy of debt burden management in commercial organizations // "Wisdom", № 3, 2022. PP. 179–186. https://cyberleninka.ru/article/n/the-philosophy-of-debt-burden-management-in-commercial-organizations
7. *Basdekis C., Christopoulos A., Katsampoxakis I., Lyras A.* Profitability and optimal debt ratio of the automobiles and parts sector in the Euro area // "Journal of Capital Markets Studies", № 4 (2), 2020. PP. 113–127. https://doi.org/10.1108/JCMS-08-2020-0031
8. *Brealey R., Myers S., Allen F.* Principles of corporate finance (12th ed.) // "McGraw-Hill Education", 2014.
9. *Dakić P., Stupavský I., & Todorović V.* The effects of global market changes on automotive manufacturing and embedded software // "Sustainability", № 16 (12), 2024. P. 4926. https://doi.org/10.3390/su16124926
10. *Dainelli F., Bet G., Fabrizi E.* The financial health of a company and the risk of its default: Back to the future // "International Review of Financial Analysis", № 95 (B), 2024, 103449. https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103449
11. *Diamond D.* Monitoring and reputation: The choice between bank loans and directly placed debt // "Journal of Political Economy", № 99 (4), 1991. PP. 689–721.
12. Deloitte 2023, Global automotive outlook: Driving change. Deloitte Insights. Retrieved from https://www.deloitte.com/
13. *Joo B., Ishaq M.* Evolution of the household debt narrative: A PRISMA-compliant systematic literature review // "Paradigm: A Management Research Journal", № 28 (1), 2024. PP. 84–100. https://doi.org/10.1177/09718907241248493
14. *Kaplan R., Norton D.* The strategy-focused organization: How balanced scorecard companies thrive in the new business environment // "Harvard Business School Press", 2001.
15. *Lvova O., Popov N.* Upravlenie problemnoy zadolzhennostyu kompaniy: ot terminologii k statistike [Management of corporate debt: From terminology to statistics] // "Gosudarstvennoe upravlenie", Elektrony vestnik, № 103, 2024. PP. 53–70. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-103-2024-53-70
16. *Matevosyan A., Grigoryan A.* The philosophy of external public debt management. Wisdom, № 4 (24), 2022. Retrieved October 29, 2025, from https://cyberleninka.ru/article/n/the-philosophy-of-external-public-debt-management
17. McKinsey & Company. (2023). The automotive industry in transition: Electrification, supply chains, and financial resilience. Retrieved from https://www.mckinsey.com/
18. *Modigliani F., Miller M.* The cost of capital, corporation finance and the theory of investment // "American Economic Review", vol. 48, № 3, 1958. PP. 261–297.
19. *Modigliani F., Miller M.* Corporate income taxes and the cost of capital: A correction // "American Economic Review", vol. 53, № 3, 1963. PP. 433–443.
20. *Myers S.* The capital structure puzzle // "Journal of Finance", vol. 39 (3), 1984. PP. 575–592.
21. OECD. Corporate debt and financial stability in the post-COVID economy. OECD Publishing, 2021.
22. OICA – International Organization of Motor Vehicle Manufacturers. (2023). World motor vehicle production statistics. Retrieved from https://www.oica.net/

23. *Popova S., Karlova N., Ponomarenko A., Deryugina E.* Analysis of the debt burden in Russian economy sectors // "Russian Journal of Economics", vol. 3, № 4, 2017. PP. 379–410. https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.005
24. *Ross S.* The determination of financial structure: The incentive-signalling approach // "Bell Journal of Economics", № 8 (1),1977. PP. 23–40.
25. Stiglitz J. Financial markets and development // "Oxford Review of Economic Policy", № 5 (4), 1992. PP. 55–68.
26. Tesla Inc. Annual report 2022 (Form 10-K). U.S. Securities and Exchange Commission. Retrieved from https://ir.tesla.com/
27. *Titman S., Wessels R.* The determinants of capital structure choice // "Journal of Finance", № 43 (1), 1988. PP. 1–19.
28. Toyota Motor Corporation. Annual report 2023. Toyota Global. Retrieved from https://global.toyota/en/ir/library/annual/
29. Macrotrends. (n.d.). Toyota balance sheet. Retrieved October 31, 2025, from https://www.macrotrends.net/stocks/charts/TM/toyota/balance-sheet
30. Macrotrends. (n.d.). Nissan Motor balance sheet. Retrieved October 31, 2025, from https://www.macrotrends.net/stocks/charts/NSANY/nissan-motor/balance-sheet

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДОЛГОМ В РАМКАХ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ЯПОНСКИХ АВТОМОБИЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

А. Матевосян, Х. Бабоян, М. Матевосян
М. Гюласарян, А. Григорян
Армянский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ

Современная автомобильная промышленность является одним из наиболее капиталоемких и технологически динамичных секторов экономики, где долговое финансирование играет решающую роль в реализации производственных и инвестиционных программ. Эффективность управления долгом во многом определяет финансовую стабильность, прибыльность и конкурентоспособность организации на мировом рынке.

Автомобильные компании сталкиваются с рядом финансовых проблем, связанных с высокой долговой нагрузкой, колебаниями процентных ставок, валютными рисками и циклическим характером рынка. В то же время цифровизация, электрификация и внедрение «зеленых» технологий в отрасли требуют привлечения новых заемных средств и переоптимизации финансовой структуры.

Современные подходы к управлению долгом включают диверсификацию финансовой структуры, фиксацию процентных ставок, валютное хеджирование, а также использование автоматизированных систем мониторинга финансовых показателей. Эти механизмы позволяют снизить финансовые риски, обеспечить своевременное обслуживание обязательств и поддерживать инвестиционную привлекательность компании.

Таким образом, эффективная политика управления долгом является фундаментальным фактором обеспечения долгосрочного роста и финансовой стабильности автомобильных компаний.
Научная новизна исследования заключается в разработке подхода к комплексной оценке проблем управления долгом в ведущих японских автомобильных компаниях – «Toyota» и Nissan Motor.
Ключевые слова: управление долгом, автомобильные компании, акционерный капитал, активы, обязательства, налоговый щит, колебания процентных ставок, валютный риск, финансовая стабильность, оптимальная структура долга, структура капитала.

DEBT MANAGEMENT CHALLENGES IN THE FRAMEWORK OF FINANCIAL STRATEGY OF JAPANESE AUTOMOTIVE COMPANIES

A. Matevosyan, Kh. Baboyan, M. Matevosyan
M. Gyulasaryan, A. Grigoryan
Armenian State University of Economics

ABSTRACT

The modern automotive industry is one of the most capital-intensive and technologically dynamic sectors of the economy, where debt financing plays a crucial role in the implementation of production and investment programs. The effectiveness of debt management largely determines the financial stability, profitability and competitiveness of the organization in the global market. Automotive companies face a number of financial challenges related to high debt burden, interest rate fluctuations, foreign exchange risks, and the cyclical nature of the market. At the same time, the digitalization, electrification, and introduction of "green" technologies in the sector require the attraction of new debt funds and re-optimization of the financial structure.
Modern approaches to debt management include diversification of the financial structure, interest rate fixation, currency hedging, as well as the use of automated systems for monitoring financial indicators. These mechanisms make it possible to reduce financial risks, ensure timely servicing of obligations, and maintain the company's investment attractiveness.
Therefore, an effective debt management policy is a fundamental factor for ensuring long-term growth and financial stability of automotive companies.
The scientific novelty of the research lies in the development of an approach to comprehensively assessing debt management challenges in leading Japanese automobile companies, «Toyota» and «Nissan Motor».
Keywords: debt management, automotive companies, equity, assets, liabilities, tax shield, interest rate fluctuations, foreign exchange risk, financial stability, optimal debt structure, capital structure.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-494-503

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА АРМЕНИИ В ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Д.М. Мирзоян

Национальный аграрный университет Армении
davidmir777@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье сделана попытка всестороннего исследования роли Национального аграрного университета Армении в процессе формирования и развития кадрового потенциала агропродовольственной системы Республики Армения. В рамках анализа раскрывается содержание образовательных, научно-исследовательских и организационных функций университета, а также их влияние на качественное воспроизводство человеческого капитала отрасли. Особое внимание уделяется соответствию стратегических целей университета приоритетам национальной аграрной политики.

Цель статьи – на основе изучения практических положений оценить вклад университета в подготовку профессиональных кадров для агропродовольственной системы страны и предложить актуальные направления повышения его эффективности. В данном контексте особое внимание уделяется стратегическим подходам к формированию кадрового потенциала, модернизации профессиональных компетенций и приведению образовательных программ в соответствие со структурными изменениями в отрасли. Одновременно рассматриваются участие университета в реализации государственной кадровой политики, механизмы привлечения и закрепления молодых специалистов, а также развитие системы непрерывного образования и повышения квалификации как фундаментального условия устойчивого и конкурентоспособного развития агропродовольственной системы.

В рамках исследования сформулирован комплекс задач, направленных на оценку институциональных возможностей университета, конкурентоспособности образовательных программ, научного потенциала и уровня отраслевого сотрудничества, а также на разработку механизмов их совершенствования.

По результатам проведенного анализа сделаны конкретные предложения и практические меры, направленные на укрепление роли университета и обеспечение устойчивого развития агропродовольственной системы Республики Армения.
Ключевые слова: кадровая политика, высшее образование, агропродовольственная система, Национальный аграрный университет Армении.

Введение

Сельское хозяйство Республики Армения является одной из ключевых отраслей и рассматривается как важный фактор социально-экономической стабильности страны. Его значение заключается не только в создании добавленной стоимости, но и в обеспечении продовольственной безопасности, развитии сельских территорий, а также в поддержании здоровья населения и высокого качества жизни.

В данном контексте стратегическое значение приобретает кадровая политика агропродовольственной системы, обеспечивающая подготовку высококвалифицированных специалистов, применение эффективных инструментов управления и устойчивое развитие отрасли.

Деятельность Национального аграрного университета Армении в контексте развития агропродовольственной системы следует рассматривать как ключевую в реализации государственной кадровой политики. Университет выступает центром интеграции профессионального образования, научного потенциала и отраслевых компетенций, одновременно являясь важным звеном устойчивого развития сельских территорий, профессиональной ориентации молодежи и воспроизводства кадров. Его стратегическая задача направлена на формирование конкурентоспособных, высококвалифицированных специалистов, соответствующих современным требованиям, обеспечивая непрерывную модернизацию агропродовольственной системы.

Роль университета не ограничивается только первоначальной подготовкой специалистов; она включает также реализацию программ переподготовки и непрерывного профессионального образования, прикладную трансформацию научных результатов, а также системную организацию сотрудничества с государственными и частными структурами.

Метод

С целью определения роли Национального аграрного университета Армении в формировании кадрового потенциала информационными источниками данного исследования стали данные, опубликованные в государственной программе развития образования РА, соответствующая научная литература, установочный документ ЮНЕСКО по образованию и отчеты Национального аграрного университета Армении.

В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа, а также системный, структурный, функциональный и сравнительный анализы, что позволило обеспечить достоверное обобщение фактов и точность полученных результатов.

Результаты

Согласно решению правительства Республики Армения от 7 июля 1994г. на базе Армянского сельскохозяйственного и Ереванского зоотехнико-ветеринарного институтов была образована Армянская сельскохозяйственная академия, которая позднее по решению № 1597 правительства от 15 сентября 2005г. была переименована в Государственный аграрный университет Армении. От 14 июля 2012г. вуз был переименован в Национальный аграрный университет Армении.

С сентября 2018г. Национальный аграрный университет Армении вступил в пору активных реформ. На состоявшемся 6 ноября 2018г. заседании попечительского совета вуза была утверждена новая структура вуза, включающая пять факультетов: агрономический, ветеринарной медицины и животноводства, аграрной инженерии, технологий продовольственных продуктов, агробизнеса и экономики. Действуют Центр обучения агробизнесу, сельскохозяйственный колледж им. А.Кочиняна, базовый лицей общеобразовательных программ, Ванадзорский, Сисианский и Ширакский филиалы НАУА. До 2017г. действовал филиал НАУА в Степанакерте. До 2020г. на базе НАУА действовали филиалы российских вузов: МГАВМиБ им. К.И. Скрябина и РГАУ им. К.А. Тимирязева[1].

Миссия университета – подготовка специалистов агротехнологического профиля, обладающих профессиональными навыками и способных

[1] https://anau.am/ru/anau/historical-review/ Исторический Очерк НАУА.

развивать агропродовольственную систему страны в сотрудничестве с бенефициарами отрасли. Университет стимулирует свой научный потенциал, предлагая наиболее прогрессивные решения, внедряя современные технологии, используя и демонстрируя достижения экономики, основанной на знаниях[2].

В контексте глобализации и экономики знаний высшее образование, если иметь в виду его функцию генератора знаний и средства их распространения, признается основной движущей силой национального развития как в развитых, так и в развивающихся странах. Вместе с этим, если говорить о функциях высшего образования, имея в виду университетские и международные аспекты, то оно может рассматриваться в качестве как активного, так и пассивного участника глобализации как явления[3].

Высшее образование в общественном дискурсе современного мира воспринимается как ключевой инструмент социальной мобильности. Повышение образовательного уровня положительно связано с повышением дохода, более высоким социальным положением, более высоким стандартом потребления. От вузов ожидают большего вклада в экономический рост и инновационное развитие обществ. С одной стороны, уровень высшего образования стал частью государственных политик синхронизации спроса и предложения на рынках труда, с другой, предложение доступного высшего образования сделалось неотъемлемой частью пакета социальной политики государств. Правительства во всем мире все больше включают высшее образование в национальные стратегии развития, а равенство образовательных возможностей и инклюзивность стали одними из обязательных элементов национального уровня. Это выражается как в запуске национальных проектов, направленных на нивелирование традиционных проявлений неравенства, так и в государственном воздействии на факторы, ранее не находившиеся в фокусе управления[4].

В контексте изучения роли Национального аграрного университета Армении в формировании кадрового потенциала и улучшении

---

[2] https://anau.am/ru/anau/mission/ Миссия НАУА.

[3] Высшее образование в глобализованном обществе. Установочный документ ЮНЕСКО по образованию, 2004. С. 7.

[4] *Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю.* Региональная дифференциация доступности высшего образования в России Серия аналитических докладов НИУ ВШЭ «Социально-экономическое неравенство в России: состояние, динамика, ключевые проблемы», 2020. С. 7.

уровня образования Республики Армения считаем важным выявление наиболее важных проблем в сфере профессионального образования:

- в Армении сегодня серьезной проблемой является доступность профессионального и высшего образования для уязвимых групп населения;
- в системе высшего образования одной из ключевых проблем остается оснащенность учебных заведений современными зданиями, аудиториями, лабораторным оборудованием и материально-технической базой;
- низкий уровень модернизации системы, ее интернационализации и вытекающей из этого конкурентоспособности;
- в сфере профессионального образования одной из главных проблем является подготовка кадров, соответствующих текущим и прогнозируемым требованиям рынка труда[5].

При исследовании роли Национального аграрного университета Армении мы уделили особое внимание анализу количества студентов по различным образовательным программам Национального аграрного университета Армении (Табл. 1).

Таблица 1. Количество студентов по различным образовательным программам Национального аграрного университета Армении за период 2018–2024гг.[6]

	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Очно	2480	2085	1561	1064	710	426	364
Магистратура	187	285	259	250	191	209	245
Аспирантура	63	35	39	27	27	30	20
Колледж им. А. Кочиняна	492	537	630	689	724	792	1042
Ширакский колледж	142	120	139	178	147	143	148
Сисианский филиал	188	168	185	163	135	119	153
Сисианский колледж	-	20	57	94	137	206	274
Ванадзорский филиал	334	355	303	287	247	212	194

[5] http://www.parliament.am/reading1_docs8/K-351_R1_Havelvats.pdf Государственная программа развития образования Республики Армения до 2030г. СС. 15–26.

[6] https://anau.am/ru/documents/reports/ Отчет о деятельности НАУА.

	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Ванадзорский колледж	-	-	17	15	32	246	221
Лицей	322	374	312	285	264	270	276
Заочно	4275	3937	3310	2957	2440	1943	1707
Всего НАУА	8483	7916	6812	6009	5054	4596	4644

Анализ численности студентов Национального аграрного университета Армении показал, что за период 2018–2024гг. общее количество обучающихся имело устойчивую тенденцию к сокращению, что представляет собой значительное снижение привлекательности университета для населения и негативно отражается для непрерывного развития агропродовольственной системы. Согласно результатам исследования, за указанный период численность студентов снизилась с 8483 до 4644 человек, что составляет около 45.3%.

В рамках анализа профессионального развития сотрудников и студентов особое внимание было уделено оценке динамики их командировок и вовлеченности в программы повышения квалификации (Рис. 1).

Рисунок 1. Динамика командировок студентов и сотрудников[7].

Анализ динамики служебных командировок свидетельствует о нестабильном характере данного показателя на протяжении рассматриваемого периода. Существенное сокращение числа командировок в 2020–2021гг. обусловлено эпидемиологическими ограничениями, связанными с распространением «COVID-19». Вместе с тем, начиная с 2022г.

[7] https://anau.am/ru/documents/reports/ Отчет о деятельности НАУА.

отмечается тенденция к постепенному снижению показателя, что может оказывать сдерживающее влияние на профессиональное развитие сотрудников и студентов, ограничивая их участие в академическом и научном взаимодействии с международными организациями.

Для проведения более детального и комплексного анализа научной деятельности Национального аграрного университета Армении было проведено исследование, сосредоточенное на изучении количества опубликованных университетом научных работ (Рис. 2).

Рисунок 2. Научные публикации Национального аграрного университета Армении за период 2019–2024гг.[8]

В сравнительном анализе по годам за период 2019–2024гг. рассматриваемый показатель демонстрировал существенные колебания, что свидетельствует о его нестабильной динамике; при этом начиная с 2022г. число научных публикаций начало постепенно снижаться с 281 до 199, или на 29.18%, что однозначно носит негативный характер в контексте профессионального развития и образования.

С целью комплексной оценки институциональных позиций Национального аграрного университета Армении и выявления внутренних и внешних факторов, влияющих на его способность обеспечивать формирование кадрового потенциала агропродовольственной системы, представляется целесообразным проведение SWOT-анализа.

SWOT-анализ Национального аграрного университета Армении

Сильные стороны:

[8] https://anau.am/ru/documents/reports/ Отчет о деятельности НАУА.

- стратегическая роль в формировании кадрового потенциала агропродовольственной системы РА;
- наличие многоуровневой образовательной структуры (бакалавриат, магистратура, аспирантура, колледжи, филиалы);
- ориентация на международное сотрудничество и внедрение международных стандартов.

Слабые стороны:

- существенное сокращение численности студентов;
- снижение международной академической мобильности;
- нестабильная динамика научных публикаций и снижение их количества в последние годы.

Возможности:

- расширение международных образовательных и научных программ;
- привлечение грантового финансирования;
- модернизация образовательных программ в соответствии с требованиями рынка труда.

Угрозы:

- снижение привлекательности аграрных специальностей среди абитуриентов;
- рост конкуренции со стороны других образовательных учреждений.

Заключение и рекомендации

Проведенное исследование показало, что Национальный аграрный университет Армении играет ключевую роль в формировании кадрового потенциала агропродовольственной системы Республики Армения, обеспечивая подготовку специалистов, развитие научного потенциала и взаимодействие с отраслевыми структурами.

В то же время выявлены существенные проблемы. В связи с этим представляется целесообразным предложить ряд мер, направленных на улучшение сложившейся ситуации.

Целесообразно внедрение метода нормативно-подушевого финансирования в деятельности Национального аграрного университета Армении,

что позволит усилить заинтересованность университета в расширении контингента обучающихся и, как следствие, создать дополнительные финансовые стимулы для увеличения числа бюджетных мест по стратегически значимым для агропродовольственной системы специальностям. По расчетным оценкам применение данного механизма способно обеспечить рост числа абитуриентов в среднесрочной перспективе на 20–25%.

Внедрить систему стимулирования публикационной активности преподавателей, ориентированную на публикации в рецензируемых международных журналах, а также государственное финансирование научной деятельности, что может обеспечить рост количества научных публикаций в среднесрочной перспективе на 20%.

Расширить программы академической мобильности студентов и преподавателей посредством заключения новых международных соглашений, что позволит увеличить количество международных командировок на 20–30%.

Считаем, что реализация указанных направлений будет способствовать повышению эффективности деятельности Национального аграрного университета Армении, обеспечит достижение ощутимых результатов в среднесрочной перспективе, укрепит взаимодействие университета с государственными структурами и аграрным сектором, повысит качество подготовки специалистов для агропродовольственной системы и, что особенно важно, будет содействовать укреплению кадрового потенциала и устойчивому развитию агропродовольственной системы Республики Армения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высшее образование в глобализованном обществе. Установочный документ ЮНЕСКО по образованию, 2004. С. 32.
2. *Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю.* Региональная дифференциация доступности высшего образования в России Серия аналитических докладов НИУ ВШЭ «Социально-экономическое неравенство в России: состояние, динамика, ключевые проблемы», 2020. С. 68.
3. *Пугач В.Н., Семченко Е.Е., Алимова Н.К.* Основы экономики образования, учеб. пособие. М.: «Мир науки», 2017. С. 260.
4. Исторический Очерк НАУА https://anau.am/ru/anau/historical-review/
5. Миссия НАУА https://anau.am/ru/anau/mission/
6. Государственная программа развития образования Республики Армения до 2030 года, ст. 60, http://www.parliament.am/reading1_docs8/K-351_R1_Havelvats.pdf
7. Отчет о деятельности НАУА https://anau.am/ru/documents/reports/

THE ROLE OF THE NATIONAL AGRARIAN UNIVERSITY OF ARMENIA IN DEVELOPING THE HUMAN RESOURCE CAPACITY OF THE AGRI-FOOD SYSTEM OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

D. Mirzoyan
Armenian National Agrarian University

ABSTRACT

The article provides a comprehensive study of the role of the National Agrarian University of Armenia in the process of forming and developing the human resource potential of the agri-food system of the Republic of Armenia. The analysis reveals the content of the university's educational, research, and organizational functions, as well as their influence on the qualitative reproduction of the sector's human capital. Particular attention is paid to the alignment of the university's strategic objectives with the priorities of the national agrarian policy.

The purpose of the article is to assess the university's contribution to the training of professional personnel for the country's agri-food system on the basis of the study of practical provisions and to propose relevant directions for improving its effectiveness. In this context, special attention is given to strategic approaches to the formation of human resource potential, the modernization of professional competencies, and the alignment of educational programs with structural changes in the sector. At the same time, the article examines the university's participation in the implementation of state кадровой policy, mechanisms for attracting and retaining young specialists, and the development of a system of continuing education and professional development as a fundamental condition for the sustainable and competitive development of the agri-food system.

Within the framework of the study, a set of objectives is formulated aimed at assessing the institutional capabilities of the university, the competitiveness of its educational programs, its scientific potential, and the level of sectoral cooperation, as well as at developing mechanisms for their improvement.

Based on the results of the analysis, specific proposals and practical measures are substantiated that are aimed at strengthening the role of the university and ensuring the sustainable development of the agri-food system of the Republic of Armenia.

Keywords: personnel policy, higher education, agri-food system, National Agrarian University of Armenia.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-504-522

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В МАЛОЙ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)

Г.А. Петросян, А.Д. Геворгян

Российско-Армянский университет
gevorgyan_alla@student.rau.am, garik.petrsyan@rau.an

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются методологические подходы к измерению налогового потенциала в условиях малой открытой экономики на примере Республики Армения. Подчеркивается важность точной оценки налогового потенциала для фискального планирования, устойчивости государственного бюджета и оптимизации налогового администрирования. В работе проведен обзор существующих подходов к измерению налогового потенциала (top-down, bottom-up и гибридных) и дана характеристика их применимости к реалиям Армении. Особое внимание уделено международному опыту (Эстония, Великобритания, Грузия, США), где уже используются цифровые инструменты и риск-ориентированные модели. На основе анализа предложены рекомендации по цифровизации налогового управления и улучшению оценки налогового потенциала в Армении.

Ключевые слова: налоговый потенциал, налоговый разрыв, цифровизация, фискальная политика, открытая экономика.

Введение

Налогообложение и налоговый потенциал выступают фундаментальными элементами фискальной политики любого государства, определяя ее способность обеспечивать финансовую устойчивость и стимулировать экономическое развитие[1]. Налоговый потенциал представляет собой совокупную способность национальной экономики формировать налоговые поступления при существующей налоговой системе и уровне экономической активности[2]. В условиях малой открытой экономики, к

[1] *Синельников-Мурылев С.Г.* Налоговая политика и экономический рост. // «Вопросы экономики», № 7, 2019. С. 12.

[2] *Гайевская Л.А.* Методологические подходы к оценке налогового потенциала регионов. // «Финансы и кредит», № 3, 2020. СС. 47–49.

которой относится и Республика Армения, данный показатель приобретает особую значимость, поскольку налоговые поступления напрямую зависят от воздействия внешнеэкономических факторов, включая колебания мировых цен, международные торговые отношения и трансграничное движение капитала[3]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексной оценки способности государства эффективно мобилизовать налоговые ресурсы для финансирования приоритетных направлений социально-экономического развития, обеспечения устойчивости бюджета и повышения уровня благосостояния населения. В современных условиях экономических трансформаций и структурных реформ проблема измерения и анализа налогового потенциала Республики Армения становится одной из ключевых задач фискального анализа[4]. Разработка научно обоснованных методологических подходов к оценке налогового потенциала позволит повысить эффективность налоговой политики, оптимизировать налоговые поступления и минимизировать фискальные риски, связанные с внешнеэкономическими шоками. Цель статьи – рассмотреть существующие методологические подходы к оценке налогового потенциала и их применимости в контексте Армении, как малой открытой экономики.

Материал и методы

Налоговый потенциал – это экономическая категория, которая отображает предельный объем налогов, который может быть собран в стране при данных макроэкономических и институциональных условиях.

Основу налогового потенциала страны составляют несколько важных факторов:

- из чего состоит экономика страны какие отрасли развиты и какой вклад они имеют в общем объеме производства;
- сколько людей в стране работает и сколько они зарабатывают;
- сколько предприятий работают официально и платят налоги;
- насколько эффективно работает налоговая служба[5].

[3] *Mawejje J.* Tax Effort and Capacity in Sub-Saharan Africa // “International Journal of Economics and Finance”. Vol. 11 (2), 2019. PP. 103–107.

[4] *Hayruni A.* Fiscal Capacity and Tax Potential in Armenia: Challenges and Prospects. Yer.: RAU Press, 2025. PP. 28–31.

[5] *Пансков В.Г.* Налоги и налогообложение: учебник. М.: «Юрайт», 2020. СС. 47–52.

В Армении налоговый потенциал также зависит от внешнеэкономических факторов, миграционных потоков, трансфертов и устойчивости валютного курса.

Существует несколько подходов, которые можно использовать для оценки налогового потенциала:

1) Top-Down методы: используются макроэкономические агрегаты, такие как ВВП, конечное потребление, фонд оплаты труда (метод эластичности и метод расходного подхода);
2) Bottom-up методы: основываются на агрегации микро данных по категориям налогоплательщиков (на основе отраслевой отчетности, аудита, анкетирования, административных данных);
3) Гибридные подходы: комбинируют оба метода[6];

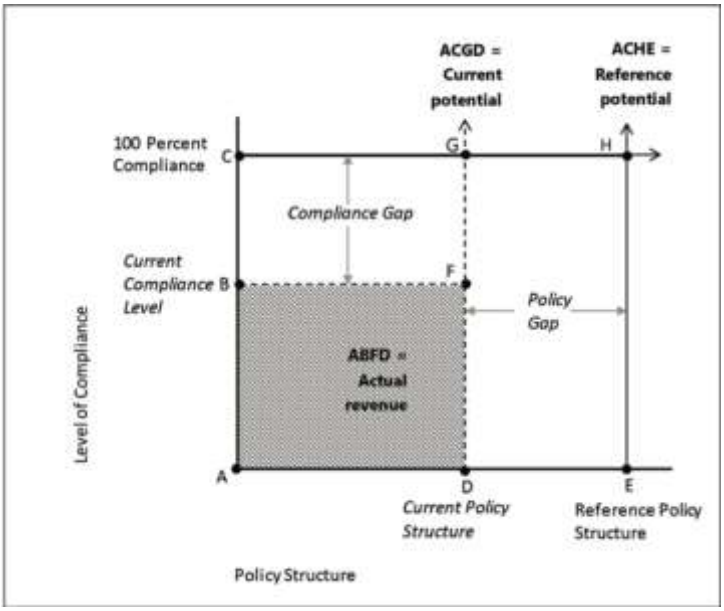


Рисунок1. Составляющие налогового разрыва по методологии МВФ (RA-GAP).

Методология RA-GAP используется для анализа и оценки налогового разрыва, разделяя его на два основных компонента: “Policy Gap” и “Compliance Gap”.

[6]*Kalloub H.* VAT Revenue Performance and Efficiency in MENA Countries. “IMF Working Paper”, 2020; *Gajewski M.* Estimating Tax Gaps in Emerging Economies, 2022.

- “Policy Gap” отражает разницу между налоговыми поступлениями, которые могли бы быть получены при референсной налоговой политике, и теми поступлениями, которые фактически получаются при текущей налоговой политике. Это показывает, какие потенциальные поступления теряются из-за особенностей законодательства, таких как налоговые льготы или исключения.
- “Compliance Gap” указывает на разницу между потенциальными налоговыми поступлениями по текущим налоговым правилам и фактическими поступлениями. Он включает два подкомпонента:
  - ✓ “Assessment Gap”, который оценивает разницу между начисленными налогами и теми, которые были задекларированы и учтены;
  - ✓ “Collection Gap”, который описывает разницу между тем, что было начислено и что в итоге было фактически собрано налоговыми органами.

Эта структура позволяет более точно оценить причины налоговых потерь, указывая на слабые места в налоговой политике, администрировании и соблюдении налоговых обязательств. Применение данной схемы позволяет эффективно анализировать и разделять различные причины налогового разрыва и, соответственно, разрабатывать меры для его сокращения[7].

Представленный график иллюстрирует концепцию налогового потенциала (tax capacity) и налоговой неэффективности (tax inefficiency) в рамках модели “Stochastic Frontier Analysis” (SFA). По оси X расположены входные характеристики экономики (inputs), определяющие потенциальную способность страны мобилизовывать налоговые доходы: ВВП на душу населения, структура экономики, открытость торговли, качество институтов и др. По оси Y отображаются налоговые доходы, выраженные в относительном показателе (обычно как % ВВП). Кривая на графике представляет собой налоговую границу (tax frontier), то есть максимально возможный уровень налоговых доходов при заданных характеристиках экономики. Вертикальная разница между потенциалом и фактическими поступлениями (u) отражает налоговый разрыв, тогда как компонент (v)

[7]The Revenue Administration – Gap Analysis Program: Model and Methodology for Value-Added Tax Gap Estimation – Eric Hutton, Fiscal Affairs Department.

представляет собой стохастическое отклонение, обусловленное случайными шоками, колебаниями экономической активности и ошибками измерения, то есть такими факторами, которые не связаны с поведением налогоплательщиков и качеством налогового администрирования[8].

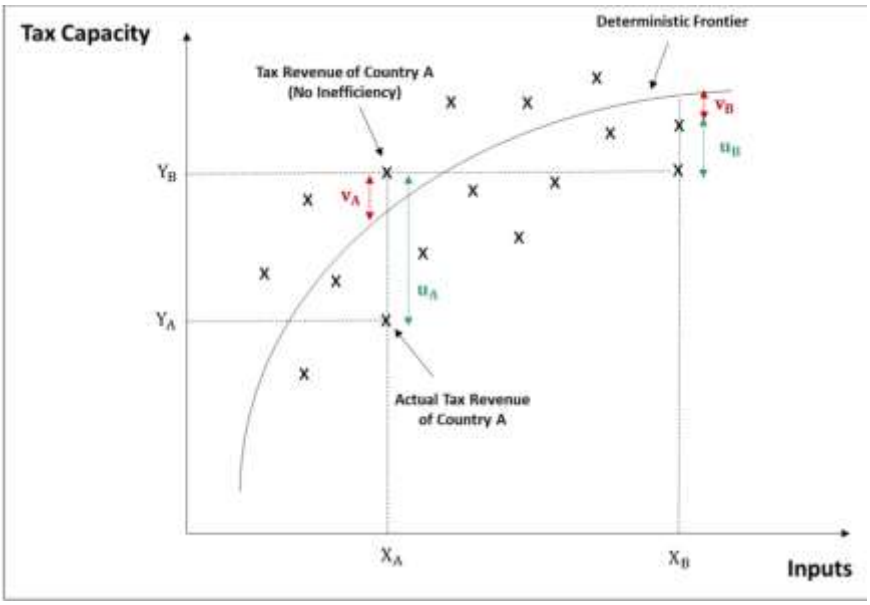


Рисунок 2. Концепция налогового потенциала и налоговой неэффективности.

[8] *Nurbekyan,* Minasyan & Hayruni (2020).

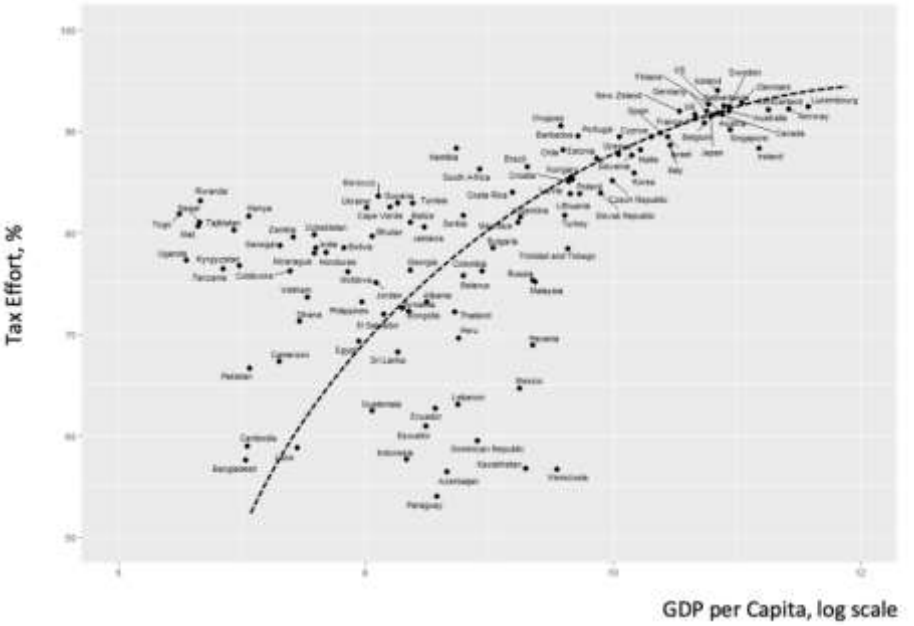


Рисунок 3. Взаимосвязь между уровнем экономического развития и налоговым усилием стран.

Представленный график иллюстрирует взаимосвязь между уровнем экономического развития (измеряемым ВВП на душу населения в логарифмическом масштабе) и налоговым усилием стран (tax effort), то есть степенью реализации их налогового потенциала. Каждый маркер на графике соответствует отдельной стране, а пунктирная линия представляет оцененную стохастическую налоговую границу (frontier), отражающую максимально возможное налоговое усилие при данном уровне развития. Страны с более высоким ВВП на душу населения, как правило, обладают более высоким налоговым усилием они успешнее мобилизуют свои налоговые ресурсы, эффективнее регулируют теневой сектор и имеют более качественные институты. Это отражено восходящим наклоном трендовой границы. Положение Армении значительно ниже основной группы сопоставимых стран и ниже самой границы (frontier), что свидетельствует о недоиспользовании налогового потенциала и наличии существенной налоговой неэффективности (tax inefficiency). Это означает, что фактические налоговые доходы Армении ниже того уровня, который мог бы быть достигнут при существующих структурных характеристиках экономики. Страны ОЭСР (US, Germany, Denmark,

Sweden, Netherlands, Switzerland) находятся близко к границе и демонстрируют почти полную реализацию налогового потенциала. Страны Восточной Европы (Poland, Czech Republic, Estonia, Hungary) располагаются чуть ниже, но также близко к оптимальной траектории. Страны с низкими и средними доходами демонстрируют сильную рассредоточенность, что указывает на разную эффективность налогового администрирования при схожих экономических характеристиках[9].

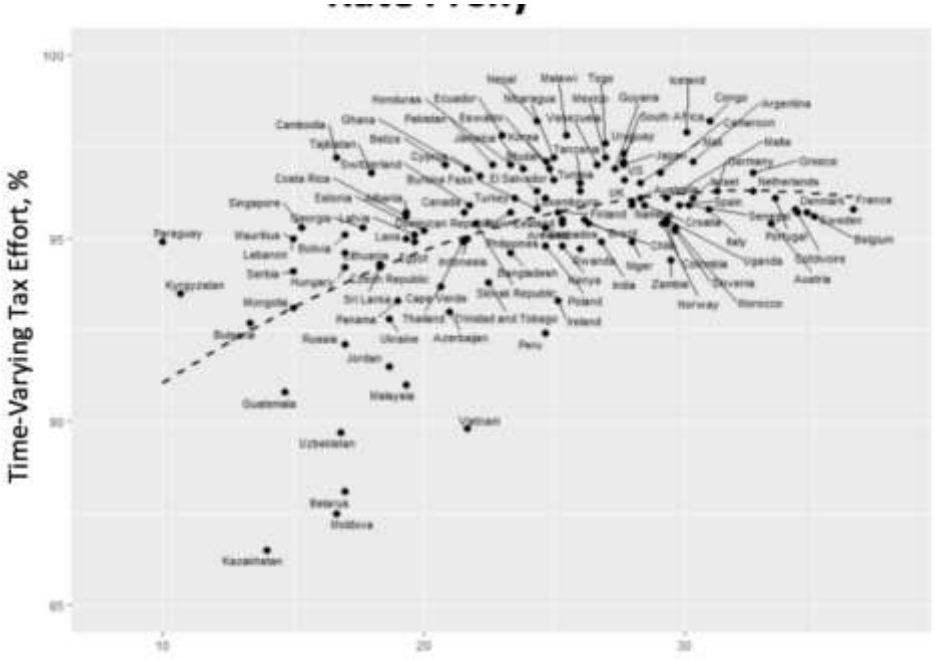


Рисунок 4. Зависимость между уровнем налоговых ставок и налоговым усилием.

Представленный график отражает зависимость между уровнем налоговых ставок и временем изменяющимся налоговым усилием (time-varying tax effort), оцениваемым на основе стохастической фронтирной модели. Каждая точка представляет отдельную страну, а пунктирная линия соответствует оцененной тенденции (regression fit), характеризующей обобщенную связь между переменными. Рассматриваемый график подтверждает наличие нелинейной связи между уровнем налоговых ста-

[9] *Nurbekyan,* Minasyan & Hayruni (2020).

вок и эффективностью их мобилизации. Для Армении характерно умеренное налоговое бремя, но сравнительно низкий уровень налогового усилия, что свидетельствует о наличии институциональных и административных ограничений, препятствующих полной реализации налогового потенциала[10].

По данным Министерства финансов РА, общий объем налоговых доходов за период 2020–2024гг. демонстрировал положительную тенденцию, несмотря на внешние и внутренние вызовы («COVID-19», геополитическая нестабильность, инфляционное давление).

Таблица 1. Динамика налоговых доходов и налоговой нагрузки в Армении[11].

Год	**Налоговые доходы, млн драмов**	**ВВП, млн драмов**	**Налоговая нагрузка (% к ВВП)**
2016	1079,7	5067,3	21.3%
2017	1158,1	5564,5	20.8%
2018	1257,9	6017,0	20.9%
2019	1464,3	6543,3	22.4%
2020	1398,6	6181,9	22.6%
2021	1586,9	6991,8	22.7%
2022	1926,0	8501,4	22.6%
2023	2221,9	9492,5	23.4%
2024	2287.5	10193,4	22.5%[12]

Таблица отражает динамику налоговой нагрузки в Армении за 2016–2024гг. и позволяет проанализировать, как изменялись налоговые поступления и экономика страны.

- 2016–2017 гг. – налоговая нагрузка была около 21.3%, и она постепенно начала увеличиваться, что может свидетельствовать о росте налоговых поступлений или повышении налоговых ставок.
- 2020 год – налоговая нагрузка достигла 22.6%, что связано с экономическими мерами и возможными пандемическими расходами.

[10] *Nurbekyan,* Minasyan & Hayruni (2020).

[11] Министерство финансов Республики Армения. Данные за 2024г. являются прогнозными, представлены в рамках Среднесрочной программы расходов на 2024–2026гг.

[12] Официальный сайт Министерства финансов РА, https://minfin.am/hy/page/_hy_chart_/, официальный сайт Национального комитета статистики РА, https://armstat.am/am/

- 2023 год – пик налоговой нагрузки в 23.4%. Это может указывать на улучшение налогового администрирования, расширение налоговых баз или увеличение сборов в результате экономических реформ.

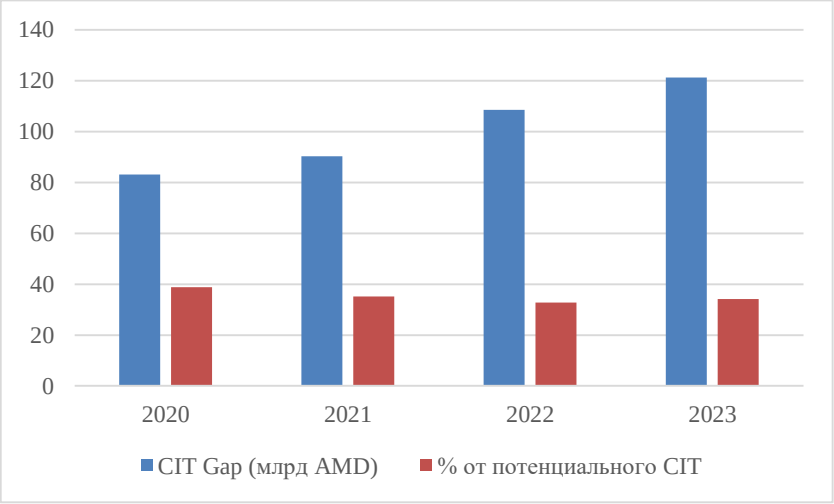


Рисунок 5. Оцененный и прогнозируемый налоговый разрыв в Армении, 2020–2023гг.

Источник: Международный валютный фонд (IMF, 2024). Republic of Armenia – Technical Assistance Report: Corporate Income Tax Gap Estimation and Prediction. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

Согласно данным Международного валютного фонда (IMF, 2024), рассчитанный на основе налоговых проверок совокупный разрыв по CIT за 2020–2022гг. составил в среднем 35,2 % от потенциальных налоговых поступлений (93,9 млрд AMD, 1,4% ВВП). Прогнозируемое значение на 2023год оценивается в 121,2 млрд AMD, что соответствует 34,1% от потенциального CIT и 1,5% ВВП[13].

[13] Международный валютный фонд (IMF, 2024). Republic of Armenia – Technical Assistance Report: Corporate Income Tax Gap Estimation and Prediction. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

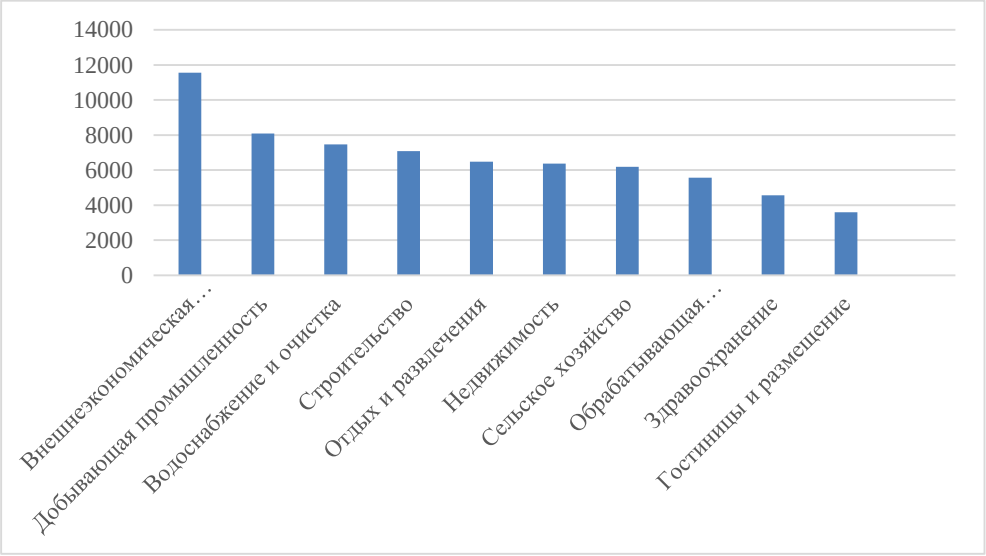


Рисунок 6. Распределение прогнозируемого медианного налогового разрыва по секторам экономики (в тысячах драмов).

Источник: Международный валютный фонд (IMF, 2024). Republic of Armenia – Technical Assistance Report: Corporate Income Tax Gap Estimation and Prediction. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

Согласно данным Международного валютного фонда (IMF, 2024), наибольший прогнозируемый медианный налоговый разрыв по налогу на прибыль организаций наблюдается в секторе внешнеэкономической деятельности (11 554 тыс. AMD), а также в отраслях добывающей промышленности (8 083 тыс. AMD), водоснабжения (7 472 тыс. AMD) и строительства (7 073 тыс. AMD). Наименьшие значения медианного разрыва зафиксированы в секторах здравоохранения (4 566 тыс. AMD) и гостиничного бизнеса (3 589 тыс. AMD). Это свидетельствует о неоднородности налогового потенциала различных отраслей и необходимости дифференцированного подхода к администрированию налога на прибыль[14].

В разных странах мира применяются различные подходы к оценке налогового потенциала. Опыт других государств может быть полезен

[14] Международный валютный фонд (IMF, 2024). Republic of Armenia – Technical Assistance Report: Corporate Income Tax Gap Estimation and Prediction. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

для Армении, особенно в части цифровых решений, аналитических платформ и рискориентированного анализа.

Эстония по праву считается одной из наиболее развитых стран в области цифрового налогового администрирования. В стране функционирует интегрированная электронная платформа E-TAX, обеспечивающая взаимодействие налогоплательщиков – как юридических, так и физических лиц – с налоговыми органами в полностью цифровом формате. Через данную систему осуществляются подача отчетности, контроль за движением средств, обработка данных о заработной плате, банковских переводах и кассовых операциях. Благодаря сквозной цифровизации налоговых процессов налоговая служба Эстонии имеет возможность автоматически формировать и проверять налоговые обязательства, что исключает необходимость ручного заполнения деклараций со стороны налогоплательщиков. Такой подход обеспечивает высокий уровень прозрачности, точности расчетов и оперативности администрирования. В результате, согласно данным Европейской комиссии, уровень налоговой дисциплины в Эстонии значительно превышает средний показатель по странам Европейского союза, а административные издержки бизнеса сведены к минимально возможному уровню[15].

Рисунок 7. Налоговый разрыв в Армении, в %, 2017–2022.

[15] European Commission. Taxation Trends in the European Union. Estonia Country Chapter, 2022; OECD. Digital Transformation of Tax Administration: Case Study Estonia, 2021.

График отражает динамику налогового разрыва в Эстонии за 2017–2022 годы, измеряемого как доля неуплаченных налогов в общей сумме подлежащих уплате налоговых обязательств. Представленные данные демонстрируют четкую и устойчивую тенденцию к снижению налогового разрыва на протяжении всего рассматриваемого периода. В 2017г. налоговый разрыв составлял 5,43%, что было одним из наиболее высоких значений за анализируемый период. Уже в 2018г. показатель существенно снизился до 4,39%, что свидетельствует о результативности мер, направленных на повышение качества налогового администрирования и сокращение теневой экономики. В 2019г. наблюдалось умеренное повышение до 4,91%, однако этот уровень все еще оставался ниже значения 2017г. Начиная с 2020г., налоговый разрыв демонстрирует устойчивую нисходящую динамику: он сократился до 4,19%, затем в 2021 году – до 3,17%, а в 2022г. достиг 3,15%, что является минимальным значением за весь период наблюдений. Таким образом, за шесть лет налоговый разрыв сократился более чем на 2,2 процентных пункта. Отмечаемая динамика указывает на заметное повышение эффективности налогового администрирования в Эстонии, активное внедрение цифровых инструментов контроля и укрепление налоговой дисциплины. Последовательное снижение налогового разрыва позволяет поддерживать высокий уровень собираемости налогов и снижает масштабы теневой экономики, что является одной из ключевых целей фискальной политики страны.

Великобритания применяет модель оценки налоговых поступлений, основанную на методе «top-down», особенно в отношении налога на добавленную стоимость (НДС). Данный подход предполагает использование макроэкономических показателей для определения потенциальных налоговых доходов и выявления отклонений между ожидаемыми и фактическими поступлениями. Важным элементом цифровой инфраструктуры налогового администрирования является система Real Time Information (RTI), в рамках которой работодатели обязаны передавать в режиме реального времени данные о доходах работников и удержанных налогах. Прозрачность системы и помогает корректировать политику на основе конкретных данных. Такая система позволяет Налоговой и таможенной службе Великобритании (HM Revenue & Customs — HMRC) оперативно анализировать налоговые потоки, формировать

прогнозы по поступлениям в течение года и сопоставлять их с фактическими результатами. Кроме того, ежегодно публикуется официальный отчет о налоговом разрыве (Tax Gap Report), в котором отражаются не только объемы неуплаченных налогов, но и детализированные причины их возникновения – от ошибок налогоплательщиков до умышленного уклонения. Данный подход способствует повышению прозрачности налоговой системы, совершенствованию механизмов контроля и обеспечивает формирование более точной и гибкой налоговой политики, основанной на эмпирических данных[16].

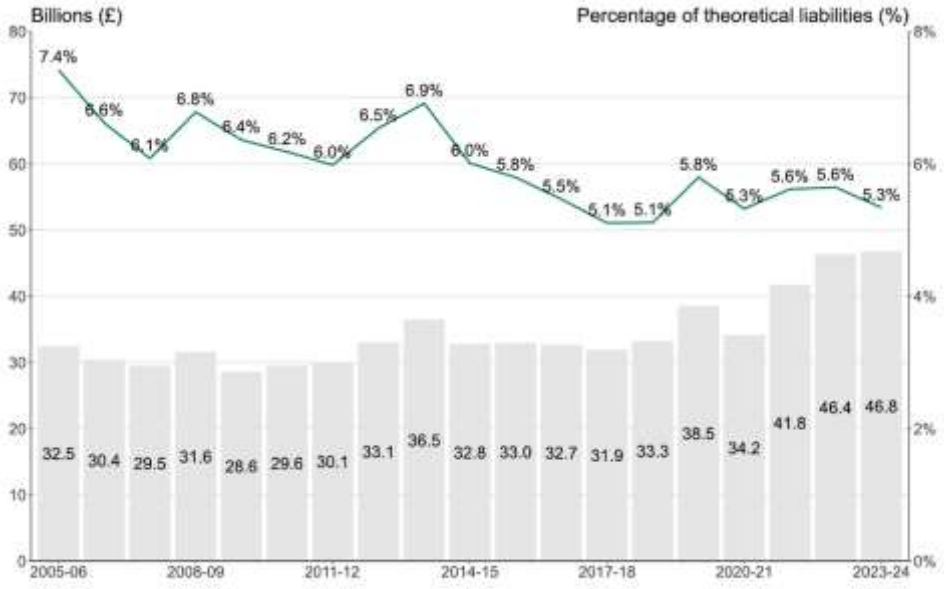


Рисунок 8. Налоговый разрыв в Армении, в %, 2017–2022.

Анализ данных Налоговой службы Великобритании (HMRC) свидетельствует о сложной, но в целом положительной динамике налогового разрыва за период с 2005–2006 по 2023–2024 годы. Представленный график отражает налоговый разрыв одновременно в двух измерениях: в абсолютном выражении (млрд фунтов стерлингов) и как долю

[16] HM Revenue & Customs. *Measuring Tax Gaps 2023 Edition*, UK Government; OECD. *Improving Tax Compliance through Real-Time Reporting*, 2021.

от теоретической налоговой обязанности, то есть общего объема налогов, которые должны были быть уплачены при полном соблюдении законодательства.

В абсолютных значениях налоговый разрыв демонстрирует выраженную тенденцию к росту. Если в 2005–2006гг. недобор составлял £32,5 млрд, то к 2023–2024гг. он увеличился до £46,8 млрд, что соответствует росту примерно на 44%. Период пандемии «COVID-19» стал ключевой точкой изменения тенденции: в 2020–2021гг. величина налогового разрыва подскочила до £41,6 млрд, после чего в постпандемийные годы она стабилизировалась на более высоком уровне – £48,4 млрд в 2021–2022 и £46,8 млрд в 2023–2024. Рост абсолютных значений отражает как расширение экономической активности, так и усложнение налоговой базы, развитие теневой экономики и увеличение объема потенциально неучтенных налогов. Однако динамика налогового разрыва в относительном выражении (доли несобранных налогов от теоретической налоговой обязанности) демонстрирует совершенно иную картину. Начиная с 2005–2006гг., когда налоговый разрыв составлял 7,4% от теоретических обязательств, наблюдается устойчивое снижение этого показателя. В последующие годы доля постепенно сокращалась: 6,1–6,8% в период 2007–2012 гг., 5,8–6,9% в 2013–2016гг., и около 5–5,8% в 2017–2020гг. Пандемия кратковременно нарушила этот тренд, вызвав рост доли разрыва до 5,1%, однако уже к 2023–2024гг. показатель снизился до 4,3–5,3%, что является одним из минимальных значений за весь рассматриваемый период. Такая разнонаправленная динамика объясняется тем, что за последние 20 лет теоретическая налоговая база Великобритании выросла примерно в два раза, тогда как налоговый разрыв в стоимостном выражении – только на 44%. Это означает, что относительная эффективность налоговой системы и процессов администрирования в Великобритании выросла, даже несмотря на увеличение абсолютной суммы недобора[17].

В Грузии реализуется риск-ориентированный подход к налоговому контролю, который предполагает формирование индивидуальных «профилей риска» для компаний на основе совокупности показателей,

[17] https://www.gov.uk/government/statistics/measuring-tax-gaps/1-tax-gaps-summary#:~:text=there%20has%20been%20a%20long,stable%20at%20around%205.5%25%2C%20and

таких как объем оборотов, доля наличных операций, численность персонала и отраслевые особенности деятельности. Данный механизм позволяет Службе доходов Грузии (Revenue Service of Georgia) сосредоточить контрольные мероприятия на предприятиях с повышенным уровнем налоговых рисков, что повышает эффективность налогового администрирования и снижает административную нагрузку на добросовестных налогоплательщиков. Кроме того, в рамках цифровой трансформации налоговой системы были внедрены онлайн-кассы, электронный документооборот и система цифровых счетов-фактур, обеспечивающие автоматическую передачу данных в налоговую службу в режиме реального времени. Эти меры позволили существенно сократить объем теневого сектора, повысить прозрачность финансовых потоков и укрепить налоговую дисциплину[18].

В Соединенных Штатах Америки реализуется комплексный подход к оценке налогового потенциала, сочетающий макроэкономические и поведенческие методы анализа. Налоговая служба США (Internal Revenue Service – IRS) использует обширную межведомственную базу данных, включающую сведения Бюро экономического анализа (Bureau of Economic Analysis – BEA), Министерства финансов, статистических агентств и социальных служб. Такая интеграция данных позволяет осуществлять оценку налогового потенциала на федеральном, региональном и локальном уровнях. Особенностью американской модели является включение поведенческих параметров в эконометрические модели оценки – анализируется реакция налогоплательщиков на изменение ставок налогообложения, динамика структуры потребления, занятости и инвестиций. Это обеспечивает более точное прогнозирование налоговых поступлений и позволяет учитывать влияние изменений налоговой политики на экономическую активность. Кроме того, IRS активно применяет механизмы сопоставления налоговой отчетности с внешними источниками данных, включая банковские транзакции, информацию о недвижимости, медицинские страховки и страховые взносы. Такой подход способствует выявлению расхождений, уточнению налоговой базы и

[18] Revenue Service of Georgia. Annual Report 2022; OECD. Tax Administration 2022: Comparative Information on OECD and Other Advanced and Emerging Economies, Georgia Chapter.

снижению масштабов недоимок. Комплексность и аналитическая глубина этой системы позволяют США поддерживать высокий уровень налоговой прозрачности и достоверности фискальных прогнозов[19].

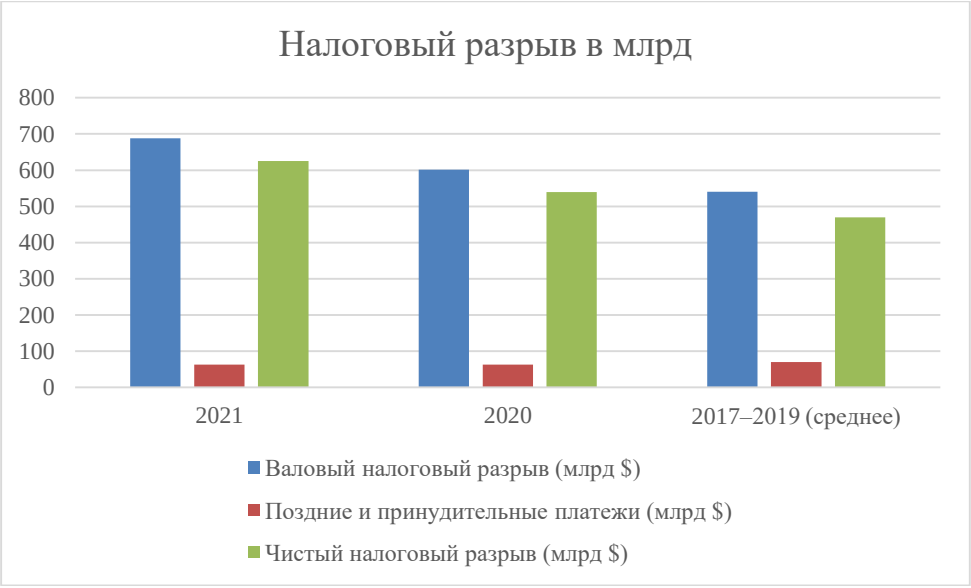


Рисунок 9. Налоговый разрыв в США млрд долл.

Согласно официальной отчетности Налоговой службы США (IRS), в среднем за период 2017–2019гг. совокупный налоговый разрыв составил 540 млрд долларов США. Эта величина включает в себя объем заниженной отчетности, неполной уплаты налогов и полного уклонения от декларирования обязательств со стороны налогоплательщиков. Из указанной суммы, около 70 млрд долларов поступили в бюджет в последующие периоды в виде доначислений, штрафов и принудительных взысканий, осуществленных в рамках проверок и административных процедур. Эти средства классифицируются как поздние и принудительные платежи, отражающие эффективность контрольных механизмов IRS. Таким образом, чистый налоговый разрыв (net tax gap), то есть фактические потери бюджета после учета всех доначислений и отсроченных поступлений, составил в среднем 470 млрд долларов США в год.

[19] Internal Revenue Service. Tax Gap Estimates for Tax Years 2014–2016; OECD. Tax Administration 2022: United States Chapter; U.S. Department of the Treasury. Tax Expenditures and Revenue Projections.

Следует отметить, что в указанный период налоговый разрыв оставался относительно стабильным и ниже, чем в последующие годы (2020–2021гг.), когда на фоне пандемии «COVID-19», роста безработицы и увеличения доли теневого сектора наблюдалось существенное расширение как политического, так и административного компонента разрыва. В 2020г. валовый налоговый разрыв (gross tax gap) составил 601 млрд долларов США, что на 61 млрд долларов больше по сравнению со средним значением за 2017–2019 годы (540 млрд долл.). Данный рост отражает увеличение объемов налогов, по которым были допущены нарушения: неподанные декларации, занижение обязательств и частичная либо полная неуплата налогов. При этом объем принудительных и отсроченных платежей, полученных в результате проверок, взысканий и других мер принуждения, составил 63 млрд долларов, что несколько ниже уровня предыдущего периода (70 млрд долл.). Таким образом, чистый налоговый разрыв (net tax gap) в 2020г. достиг 539 млрд долларов США, увеличившись на 69 млрд долларов по сравнению с показателем 2017–2019гг. (470 млрд долл.). В 2021 году тенденция к расширению разрыва усилилась: валовый разрыв достиг 688 млрд долларов, установив максимальное значение за рассматриваемые периоды. При этом объем принудительно собранных средств остался на уровне 63 млрд долларов, аналогично 2020 году и ниже среднего значения предыдущего периода. В результате чистый налоговый разрыв составил 625 млрд долларов, что указывает на резкое усиление потерь бюджета[20].

Во всех рассмотренных странах ключевыми факторами эффективности налогового администрирования выступают высокий уровень цифровизации, межведомственного взаимодействия и развитая аналитическая инфраструктура. Эти элементы обеспечивают прозрачность процессов, сокращают административные издержки и повышают достоверность фискальных данных. Для Республики Армения, как для малой открытой экономики, внедрение аналогичных механизмов является стратегическим направлением в повышении эффективности налоговой системы. С целью повышения результативности налогового администрирования необходимо продолжать внедрение цифровых инструментов, таких как электронные чеки, онлайн-отчетность и интеграция данных из

[20] https://www.irs.gov/pub/irs-pdf/p1415.pdf

различных ведомственных источников. Существенным шагом в направлении повышения прозрачности и ответственности налоговой системы стало бы регулярное опубликование отчетов о налоговом разрыве, отражающих разницу между потенциальными и фактическими налоговыми поступлениями. Такая практика, успешно применяемая в Великобритании и странах ОЭСР, способствует совершенствованию механизмов прогнозирования, повышению доверия общества к налоговым институтам и укреплению фискальной дисциплины. Следовательно, современная и научно обоснованная оценка налогового потенциала позволяет не только увеличить доходную базу бюджета без усиления налогового давления на экономических субъектов, но и создать более справедливую и устойчивую налоговую систему. В условиях ограниченности внутренних ресурсов и внешнеэкономической уязвимости для Армении это приобретает особое значение. Развитие цифровых технологий, повышение качества статистических данных и укрепление институционального доверия представляют собой ключевые направления формирования эффективной и адаптивной налоговой политики, соответствующей вызовам малой открытой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mawejje J.* Tax capacity and effort in sub-Saharan Africa. “WIDER Working Paper”, 2019/38.
2. *Kalloub H.* VAT Revenue Performance and Efficiency in MENA Countries // “IMF Working Paper”, 2020.
3. *Gajewski M.* Estimating tax gaps in emerging economies: Lessons and methods // “Journal of Economic Policy Reform”, 2022.
4. OECD. Tax Administration 2022: Comparative Information on OECD and other Advanced and Emerging Economies. Country Chapters: Estonia, UK, Georgia, USA.
5. HM Revenue & Customs. Measuring Tax Gaps 2023 Edition. – UK Government.
6. Internal Revenue Service (IRS). Tax Gap Estimates for Tax Years 2014–2016. U.S. Department of the Treasury, 2023.
7. Revenue Service of Georgia. Annual Report, 2022.
8. Ministry of Finance of the Republic of Armenia. Medium-Term Expenditure Framework 2024–2026. Ер.: Минфин РА, 2023.
9. Statistical Committee of the Republic of Armenia. Main Macroeconomic Indicators 2020–2024. stat.am
10. USAID Armenia. “Tax Compliance Survey Report”, 2021.
11. IMF. Tax Administration Diagnostic Assessment Tool (TADAT): “Armenia Assessment Report”, 2022.
12. *Пансков В.Г.* Налоги и налогообложение: учебник. М.: «Юрайт», 2020. СС. 47–52.
13. *Синельников-Мурылев С.Г.* Налоговая политика и экономический рост // «Вопросы экономики», № 7, 2019. СС. 12–15.

14. *Гайевская Л.А.* Методологические подходы к оценке налогового потенциала регионов. // «Финансы и кредит», № 3, 2020. СС. 47–49.
15. European Commission. Taxation Trends in the European Union: Data for the EU Member States, Iceland, Norway and United Kingdom. Luxembourg: “Publications Office of the European Union”, 2022. PP. 14–17.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO MEASURING TAX POTENTIAL IN A SMALL OPEN ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF ARMENIA)

A. Gevorgyan, G. Petrosyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines methodological approaches to measuring tax potential in a small, open economy, using the Republic of Armenia as an example. It emphasizes the importance of accurately assessing tax potential for fiscal planning, state budget sustainability, and tax administration optimization. The paper reviews existing approaches to measuring tax potential – top-down, bottom-up and hybrid – and characterizes their applicability to Armenia's realities. Particular attention is paid to international experience (Estonia, the United Kingdom, Georgia, and the United States), where digital tools and risk-based models are already in use. Based on this analysis, recommendations are proposed for digitalizing tax administration and improving tax potential assessment in Armenia.

Keywords: Tax potential, tax gap, digitalization, fiscal policy, Armenia, assessment methodology, open economy.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-523-534

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ И ПРОГНОЗИРОВАНИЮ В МАЛЫХ ЭКОНОМИКАХ: КЕЙС АРМЕНИИ[1]

И.Б. Петросян[1], Л.А. Манукян[1]

[1]Российско-Армянский университет
irina.petrosyan@rau.am, manleo2002@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу современных подходов к макроэкономическому планированию и прогнозированию в малых открытых экономиках на примере Республики Армения. Рассматриваются теоретико-методологические основы макроэкономического планирования, а также современные инструменты макроэкономического прогнозирования, применяемые в практике экономической политики. Особое внимание уделяется сравнительному анализу моделей и методов прогнозирования, включая структурные и эконометрические модели, методы nowcasting и элементы машинного обучения. На основе сопоставления опыта России, Грузии и Армении обосновывается целесообразность формирования гибридной системы макроэкономического планирования и прогнозирования, сочетающей институциональные механизмы стратегического управления и современные аналитические инструменты.

Ключевые слова: макроэкономическое планирование, макроэкономическое прогнозирование, малые открытые экономики, Республика Армения, экономическая политика.

Введение

Современную мировую экономику можно охарактеризовать как турбулентную систему, отличающуюся высокой степенью взаимосвязанности и чувствительности к внешним воздействиям. В определенной степени ее можно сравнить с «карточным домиком»: любое даже небольшое потрясение способно вызвать цепную реакцию и повлиять на

[1] *Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета высшего образования и науки РА в рамках научного проекта N10-GO-2025: «Исследование экзогенных шоков и механизмы преодоления ограничений экономического роста в Республике Армения».*

устойчивость отдельных элементов системы. В роли такого «ветра» выступают крупные экономики, экономическая динамика которых оказывает существенное влияние на состояние малых открытых экономик.

Наиболее значимыми факторами внешнего воздействия являются глобальные финансовые кризисы, геополитическая нестабильность, пандемии, а также резкие изменения цен на мировых рынках. Подобные шоки распространяются через торговые, финансовые и валютные каналы, усиливая макроэкономическую нестабильность в странах с высокой степенью открытости.

Устойчивость малых открытых экономик в современной экономической конъюнктуре во многом зависит от качества реализации макроэкономической политики. Однако ее эффективное проведение невозможно без предварительного макроэкономического планирования и прогнозирования. Формирование экономической стратегии предполагает четкое определение целей развития, инструментов их достижения и оценку возможных сценариев экономической динамики. Прогнозирование позволяет учитывать потенциальные риски и внешние шоки, что повышает вероятность принятия обоснованных решений в сфере денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики и способствует укреплению макроэкономической устойчивости.

В данном контексте особый интерес представляет Республика Армения как пример малой открытой экономики. Экономика страны характеризуется высокой степенью внешней зависимости, значительной ролью внешней торговли, трансграничных финансовых потоков. Существенное влияние на макроэкономическую динамику оказывают экономические процессы в странах-партнерах, колебания мировых цен и изменения внешнеполитической конъюнктуры. Это усиливает чувствительность национальной экономики к внешним шокам и повышает требования к качеству макроэкономического планирования и прогнозирования.

Несмотря на развитие современных инструментов макроэкономического анализа, в условиях усиливающейся глобальной волатильности сохраняется необходимость систематизации и оценки применяемых подходов к макроэкономическому планированию и прогнозированию, особенно в отношении малых открытых экономик. В научной и при-

кладной практике используются различные модели и методы прогнозирования, отличающиеся по степени теоретической строгости, требованиям к данным и способности учитывать внешние шоки.

В этой связи целью данной работы является анализ современных подходов к макроэкономическому планированию и прогнозированию в малых открытых экономиках и их рассмотрение на примере Республики Армения.

Методы

Методологической основой исследования является изучение и обобщение научной литературы по вопросам макроэкономического планирования и прогнозирования. В работе использованы методы сравнительного анализа, систематизации и теоретического обобщения научных подходов, представленных в отечественных и зарубежных исследованиях. Для выявления особенностей применения различных моделей и инструментов макроэкономического прогнозирования применен сравнительный анализ опыта отдельных стран, в частности, России, Грузии и Республики Армения. Кроме того, использован метод логического анализа, позволяющий выявить взаимосвязь между институциональными механизмами макроэкономического планирования и используемыми инструментами прогнозирования в условиях малых открытых экономик.

Результаты

В современной литературе макроэкономическое планирование трактуется как система целеполагания и координации государственной политики, обеспечивающая увязку стратегических ориентиров с ресурсными ограничениями и механизмами реализации, тогда как прогнозирование выступает вероятностной основой для выбора траектории развития и корректировки инструментов политики. Во многих исследованиях отмечается переход от директивного планирования к индикативному, при котором государство и бизнес координируют свои интересы, устанавливаются допустимые пределы отклонения показателей и предусмотрена корректировка целей при изменении экономических условий [1]. Уточняется, что практическая ценность планирования определяется не количеством декларативных целей, а качеством системы показателей и способов их операционализа-

ции: индикаторы выступают связующим звеном между целями и управленческими решениями, обеспечивая мониторинг и обратную связь [2]. В ряде исследований индикативное планирование прямо описывается как инструмент государственного воздействия на рыночную экономику через набор измеримых параметров и связанных с ними программных документов, позволяющий соединять стратегические приоритеты и текущие регуляторные действия [3]. В прикладном контексте стратегического управления подчеркивается, что переход к индикативным и сценарным методам является реакцией на рост неопределенности, усложнение структуры экономики и увеличение роли внешних шоков, особенно значимых для малых открытых экономик [1–3].

Важное место в обсуждении современного макропланирования занимает институционально-правовая рамка стратегического управления. Анализ российской практики показывает, что наличие закона о стратегическом планировании само по себе не гарантирует результативности: исследователи фиксируют риски рассогласования документов, недостаточную сопряженность целей с ресурсным обеспечением и слабость механизмов мониторинга и коррекции, что ведет к феномену «документарного планирования» [4]. Критический анализ концептуальных и процедурных аспектов стратегического планирования в России также показывает необходимость совершенствования методологии и согласования стратегических документов, поскольку без этого поставленные цели не реализуются в виде последовательного управленческого процесса [5]. В обзорах методов макроэкономического прогнозирования, ориентированных в том числе на практику интеграционных объединений, акцентируется, что современное планирование опирается на сценарное прогнозирование, оценку рисков и сопоставление альтернатив, а не на единственный «базовый» вариант, который в условиях нестабильной внешней среды часто оказывается недостаточным [6]. Таким образом, современное макропланирование – это не разовый документ, а институционализированный процесс, в котором плановые ориентиры постоянно сверяются с прогнозной информацией и корректируются по мере изменения условий [4–6].

В контексте макропрогнозирования в исследованиях фиксируется переход к многоуровневым системам, объединяющим различные подходы. Среди основных групп моделей макроэкономического прогнозирования обычно выделяют структурные (например, DSGE) и полу-

структурные модели (QPM), используемые для анализа среднесрочных сценариев; эконометрические модели (VAR, SVAR, VECM, BVAR), обеспечивающие более точные эмпирические оценки; факторные и смешанно-частотные модели (DFM/FAVAR), применяемые для nowcasting в условиях задержек статистических данных. Кроме того, широко используются методы комбинирования прогнозов, а в последние годы все чаще применяются алгоритмы машинного обучения для повышения точности краткосрочных прогнозов [7]. Исследования, основанные на опыте центральных банков, демонстрируют, что результаты улучшаются, когда разные классы моделей используются комплементарно: пример сочетания DSGE и BVAR в аналитической практике показывает, что DSGE обеспечивает структурную интерпретацию и связность сценариев, тогда как BVAR усиливает краткосрочную точность и устойчивость к шуму данных; в сумме это повышает качество макроанализа и сопоставимость результатов с официальными прогнозами [7]. В методологических материалах по развитию FPAS подчеркивается, что эффективность современных прогнозных практик определяется не только моделью, но и организационным дизайном: созданием команды прогнозирования, единой инфраструктуры данных, регулярного проведения прогнозов, оценивания со стороны независимых экспертов и закреплением допущений, что особенно важно для режимов инфляционного таргетирования и малых экономик с высокой внешней чувствительностью [8].

Российский опыт показывает институциональную развитость стратегического планирования и сложность его реализации, связанную с согласованием документов и процедурной связкой прогноз-план-бюджет [4; 5]. В части прогнозирования российские исследования широко используют байесовские VAR-подходы как инструмент повышения устойчивости оценок и построения условных, сценарных траекторий. Показано, что BVAR позволяет формализованно имплементировать внешние предпосылки в динамику внутренних переменных и строить условные прогнозы при заданных траекториях экзогенных факторов; это делает BVAR удобным инструментом стресс-проверки официальных прогнозов и оценки вклада различных шоков [9]. Работы по прогнозированию российских макроиндикаторов указывают, что BVAR разных размерностей нередко превосходит unrestricted VAR и наивные бенчмарки по точности вне выборки, однако рост размерности сам по себе не гарантирует улучшение: ключевую роль

играет спецификация модели [10]. Помимо отмеченного, также развивается структурное моделирование: в исследованиях Банка России DSGE расширяется банковским сектором и финансовыми институтами, что увеличивает пригодность модели для анализа каналов передачи шоков через финансовую систему и для сценарных оценок в условиях финансовой нестабильности [11]. Наряду с этим, интеграция nowcasting в структурные модели показывает, что mixed-frequency DSGE-подход способен улучшать краткосрочную оценку ВВП за счет включения высокочастотных индикаторов и уменьшения ошибки nowcast, что важно для политики в условиях задержек статистики и быстрых изменений конъюнктуры [12]. Исследования по России демонстрируют сочетание двух направлений модернизации: расширение структурных моделей для интерпретации и развитие байесовских/смешанно-частотных подходов для точности и оперативности [9–12].

Грузинский опыт, напротив, иллюстрирует институциональную завершенность процесса прогнозирования и анализа через FPAS. В публикациях Национального банка Грузии подчеркивается, что FPAS объединяет анализ текущих тенденций, моделирование, экспертные оценки, структурируя инструментарий и обеспечивая осуществление прогнозов; это снижает риск несогласованности предпосылок и повышает качество решений денежно-кредитной политики [13]. Последующие разработки усиливают структурный контур FPAS за счет DSGE LEGO-модели с особенностями развивающихся экономик, предназначенной для более детализированного описания каналов передачи шоков и согласования сценариев [14]. Также обсуждается степень влияния самого режима инфляционного таргетирования и институциональных условий на экономическую устойчивость (в частности, роль коммуникации и доверия), что задает важный контекст для интерпретации прогнозов как элемента политики [15]. Тем самым грузинские исследования демонстрируют, что ключевой вклад FPAS как инструмент повышения согласованности макроанализа и политики, а рост «сложности» моделей выступает уже вторым этапом, надстраиваемым над институционально налаженным циклом [13–15].

Кейс Армении в исследованиях раскрывается через проблематику малой открытой экономики: короткие временные ряды, структурные разрывы, сильная зависимость от внешних шоков и существенные ин-

формационные лаги статистики. В таких условиях литература показывает высокую востребованность методов, устойчивых к малым выборкам и пригодных для регулярных прогнозных раундов. Работы по Армении, посвященные сопоставлению VAR/BVAR/FAVAR, демонстрируют, что байесовское «сжатие» и факторное расширение могут повышать устойчивость и качество прогнозов по ключевым макропеременным, но эффект зависит от переменной и продолжительности прогноза [16]. В исследованиях по краткосрочному прогнозированию компонент частного спроса описывает система nowcasting, ориентированная на использование широкого набора временных рядов и практическое применение в прогнозах, что отражает общий мировой тренд перехода к большим данным в условиях задержки информации [17]. Одновременно в армянской научной литературе развивается структурный анализ: подгонка данных к простым DSGE-спецификациям с постоянным ростом производительности рассматривается как способ получить согласованный сценарный каркас и интерпретацию шоков, однако отмечается и типичное ограничение – на некоторых горизонтах DSGE может уступать VAR/BVAR по краткосрочной точности, что особенно заметно в условиях малой экономики [18]. Для повышения качества анализа экономических циклов и обеспечения корректного построения сценариев особую роль приобретают оценки потенциального выпуска и разрыва ВВП. В работах, посвященных денежно-кредитной политике Центрального банка Армении, описываются методы и критерии оценки их эффективности, тем самым формируя базис для среднесрочного прогнозирования и формирования макрополитики [19]. Существенным современным направлением является усиление фискального контура: исследование по применению байесовского подхода к прогнозированию суммарных налоговых поступлений Армении показывает, что BVAR относительно небольшой размерности может быть эффективной, а выбор параметров способен заметно улучшать точность прогнозов бюджетных доходов по сравнению с частотными аналогами [20]. В исследованиях по Армении демонстрируется движение к гибридной системе, где краткосрочная точность достигается эконометрическими и data-rich методами, а среднесрочная согласованность обеспечивается структурными и полуструктурными рамками и оценками потенциала [16–20].

Новые направления исследований по малым открытым экономикам связаны с nowcasting и машинным обучением, что объясняется ростом доступности высокочастотных индикаторов и необходимостью оперативной оценки текущей динамики при информационных лагах. В документе EFSD по nowcasting ВВП, включающем анализ для Армении и сопоставимых экономик, показано, что ряд ML-подходов способен улучшать краткосрочную точность относительно традиционных эконометрических методов; при этом особенно подчеркивается полезность комбинирования прогнозов и строгой процедуры верификации для снижения риска переобучения [21]. Аналогичный сравнительный вывод содержится в исследовании МВФ, где оценивается качество nowcasting традиционных моделей и ML-алгоритмов и демонстрируется, что выигрыш ML неоднороден и зависит от набора индикаторов и структуры данных, что требует осторожности при институциональном внедрении [22]. В более широком контексте обсуждения моделей малых открытых экономик для прогнозирования и анализа политики подчеркивается роль полу-структурных и DSGE-подходов как основы FPAS-архитектуры, задающей согласованность сценариев и интерпретируемость реакций политики [23]. В целом материалы МВФ по развитию современных инструментов денежно-кредитной политики и прогнозирования также фиксируют, что для стран с ограниченной статистикой наилучшие результаты дает сочетание структурных моделей для среднесрочной логики и data-rich инструментов для nowcasting [24]. Наконец, в региональных обзорах отмечается расширение набора VAR-платформ (включая BVAR/BFAVAR) как стандартного инструментария кратко- и среднесрочного прогнозирования в условиях ограничений данных, что в целом согласуется с линией работ по Армении [25].

Сопоставление подходов России, Грузии и Армении позволяет сделать вывод о переносимости опыта на институциональном и модельном уровнях. На институциональном уровне для Армении наиболее переносимым представляется грузинский опыт построения FPAS как «процессной» системы: регулярные прогнозы, разделение горизонтов (краткосрочной или среднесрочной перспектив), формализация экспертных корректировок и согласование сценариев, поскольку именно организационная дисциплина часто дает наибольший эффект в малых

экономиках при высокой внешней волатильности [8; 13; 14]. На модельном уровне российские разработки полезны прежде всего как ориентир для сценарных условных прогнозов на базе BVAR и для интеграции mixed-frequency индикаторов в краткосрочную оценку выпуска, поскольку эти решения улучшают оперативность и устойчивость прогноза, не требуя чрезмерной параметризации [9; 12]. Одновременно с этим исследования имеют ряд ограничений: сложные DSGE-модели, особенно с развитым финансовым сектором, могут оказаться недостаточно устойчивыми в Армении из-за проблем идентификации параметров и коротких рядов, а также из-за структурных разрывов, что косвенно подтверждается сравнением краткосрочной точности DSGE и VAR/BVAR для Армении [11; 18]. Аналогично, «большие» VAR-модели без байесовского сжатия в малых выборках несут риск переоценки параметров и ухудшения прогностических свойств, поэтому предпочтительны BVAR/FAVAR и комбинирование прогнозов [16; 17; 20]. Машинное обучение, хотя и демонстрирует потенциал выигрыша в краткосрочном прогнозировании, не должно рассматриваться как замена базовых моделей и институциональных процедур: в работах EFSD и МВФ оно позиционируется как дополнительный краткосрочный контур, требующий строгой валидации и сопоставления с традиционными бенчмарками [21; 22].

Заключение

Итоговый вывод обзора литературы состоит в том, что для малых открытых экономик, к которым относится Армения, наиболее обоснованной является гибридная архитектура макропланирования и прогнозирования. В части планирования это означает опору на индикативно-стратегическую рамку, где цели переводятся в систему мониторируемых индикаторов и порогов, а корректировка решений встроена в управленческий цикл [1–3; 6]. В части прогнозирования оптимальной представляется система, сочетающая институциональный FPAS-контур, байесовские и data-rich методы (BVAR/FAVAR/DFM) для краткосрочной точности и условного сценарного прогнозирования, компактные структурные модели (DSGE или полу-структурные модели малого открытого типа) для среднесрочной согласованности и интерпретации, а также вспомогательные оценки потенциального выпуска и разрыва ВВП

как основы для сценарного анализа [8; 13; 16–19; 23; 24]. Встраивание ML-nowcasting в такую систему целесообразно как встраивание дополнительного слоя, усиливающего краткосрочную точность при сохранении требований к интерпретируемости и устойчивости результатов [21; 22]. Таким образом, опыт России и Грузии применим в Армении прежде всего как набор институциональных и методологических решений, тогда как прямое копирование сложных структурных моделей без адаптации к данным и институциональной среде может быть неэффективным и даже ухудшающим качество прогнозно-планового цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дементьев В.Е.* Сотрудничество государства и бизнеса при прогнозировании и планировании структурных сдвигов в экономике // «Проблемы прогнозирования», № 3 (204), 2024. СС. 18–29. DOI: https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-18-29.
2. *Рогуленко Т.М., Близкий Р., Бодяко А В., Горлов В.В., Пономарева С.В.* Стратегическое управление развитием территорий: индикативное планирование и его роль в региональной политике // “Russian Journal of Management”, № 2, 2025. СС. 34–48. DOI: https://doi.org/10.29039/2500-1469-2025-13-2-34-48.
3. *Сурков А.А.* Индикативное планирование как инструмент государственного регулирования экономики. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019.
4. *Казанцев Н.М.* Ляпсусы Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и концепции стратегического планирования // «Россия: тенденции и перспективы развития», № 12–3, 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lyapsusy-federalnogo-zakona-172-fz-o-strategicheskom-planirovanii-v-rossiyskoy-federatsii-i-kontseptsii-strategicheskogo-planirovaniya.
5. *Ленчук Е.Б., Филатов В.И.* Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Т. 11, № 4, 2018. СС. 35–47. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.-2018.4.58.2.
6. *Евразийская экономическая комиссия.* Методы прогнозирования развития экономики: обзор подходов // «Евразийская экономическая комиссия», 2024. URL: https://eec.eaeunion.org.
7. *Пестова А.А., Мамонов М.Е.* Оценка влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей в России и разработка условных прогнозов на основе BVAR-модели российской экономики // «Экономическая политика». Т. 11, № 4, 2016. DOI: https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-4-03.
8. *Adolfson M., Laseén S., Lindé J., Villani M.* Modern Forecasting Models in Action: Improving Macroeconomic Analyses at Central Banks // “International Journal of Central Banking”, vol. 3(4), 2007. URL: https://ijcb.org/sites/default/files/journal/v3n4/ijcb-v3n4-modern-forecasting-models-action-improving-macroeconomic-analyses-central-banks.pdf.
9. *Laxton D., Rose D., Collyns C.* Developing a Structured Forecasting and Policy Analysis System to Support Inflation-Forecast Targeting (IFT) // “IMF Working Paper”, WP/09/55, 2009. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2009/wp0955.pdf.

10. *Demeshev B., Malakhovskaya O.* Forecasting Russian Macroeconomic Indicators with BVAR // "NRU HSE Working Paper", 2016. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.1.-2964.4246.
11. *Kreptsev D., Seleznev S.* DSGE Model of the Russian Economy with the Banking Sector // "Bank of Russia. Working Paper Series", № 27, 2017. URL: https://cbr.ru/content/document/file/87562/wp27_e.pdf.
12. *Eliseev A.* Nowcasting Russian GDP in a Mixed-Frequency DSGE Model // "Bank of Russia. Working Paper", № 145, 2025. URL: https://cbr.ru/statichtml/file/1724-28/wp_145.pdf.
13. *Tvalodze S., Mkhatrishvili S., Mdivnishvili T., Tutberidze D., Zedginidze Z.* The National Bank of Georgia's Forecasting and Policy Analysis System // "National Bank of Georgia. Working Paper", WP 01/2016, 2016. URL: https://nbg.gov.ge/fm/wp/nbg-wp-2016-01.pdf.
14. *Arevadze L., Mkhatrishvili S., Metreveli S., Tsustkiridze G., Mdivnishvili T., Khinashvili N.* DSGE Model for Georgia: LEGO with Emerging Market Features // "National Bank of Georgia. Working Paper", WP 02/2024, 2024. URL: https://nbg.gov.ge/fm/wp/nbg-wp-2024-02.pdf.
15. *Gadelia S., Mdivnishvili T., Mkhatrishvili S.* Monetary Policy Transmission in Georgia: empirical evidence // "National Bank of Georgia. Working Paper", WP 02/2021, 2021. URL: https://nbg.gov.ge/fm/wp/nbg-wp-2021-02.pdf.
16. *Poghosyan K.* Alternative Models for Forecasting the Key Macroeconomic Variables in Armenia // "Armenian Economic Association. Working Paper", № 1320, 2012. URL: https://aea.am/files/papers/w1320.pdf.
17. *Ghazaryan N.* Short Term Forecasting System of Private Demand Components in Armenia // "Central Bank of Armenia. Working Paper", № 14/3/08, 2014. URL: https://cba.am/file_manager/Analytical-materials/WP-140308.pdf.
18. *Igityan H., Manukyan H.* Fitting Armenian Data to the Simple DSGE Model with Permanent Productivity Growth // "Central Bank of Armenia. Working Paper", № 20/1/08, 2020. URL: https://cba.am/file_manager/Analytical-materials/WP-210108.pdf.
19. *Karapetyan H.* Estimating Potential Output at the Central Bank of Armenia // "Central Bank of Armenia. Working Paper", № 19/4/08, 2019. URL: https://cba.am/file_manager/Analytical-materials/WP-210108.pdf.
20. *Петросян Г.А., Карапетян Н.Н., Маргарян А.А., Соколов А.Н., Яковлева И.И., Вотинов А.И.* Применение байесовского подхода к прогнозированию налоговых поступлений на примере Республики Армения // «Финансовый журнал». Т. 16, № 3, 2024. СС. 51–67. DOI: https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-3-51-67.
21. *Tsukarev T., Poghosyan K., Lemba K., Grishin D.* GDP Nowcasting: From Traditional Econometric Models to Machine Learning Algorithms // "EFSD. Working Paper", WP/25/1, 2025. URL: https://efsd.org/upload/iblock/0f4/hwg0io77bdcni8o7z0qm-qjlpu7zagtpo/GDP-Nowcasting-from-traditional-econometric-models-to-machine-learning-algorithms.pdf.
22. *Akepanidtaworn K., Akepanidtaworn K.* GDP Nowcasting Performance of Traditional Econometric Models and Machine Learning Algorithms // "IMF. Working Paper", № 252, 2025. DOI: https://doi.org/10.5089/9798229033626.001.
23. *Andrle M., et al.* A General Equilibrium Model of a Small Open Economy for Forecasting and Policy Analysis // "Czech National Bank. Working Paper", № 02, 2009. URL:

https://cnb.cz/export/sites/cnb/en/economic-research/.galleries/research_publications/cnb_wp/cnbwp_2009_02.pdf.
24. Advancing the Frontiers of Monetary Policy // "International Monetary Fund". Washington, 2018.
25. *Adrian T., Laxton D., Obstfeld M.* Advancing the Frontiers of Monetary Policy // "International Monetary Fund", 2018. DOI: https://doi.org/10.5089/9781484325940.071.
26. *Poghosyan K.* A Comparison of Different Short-Term Macroeconomic Forecasting Models: Evidence from Armenia // "Journal of Central Banking. Theory and Practice", № 2, 2016. PP. 81–99. DOI: https://doi.org/10.1515/jcbtp-2016-0012.

MODERN APPROACHES TO MACROECONOMIC PLANNING AND FORECASTING IN SMALL ECONOMIES: THE CASE OF ARMENIA

***I. Petrosyan*[1], *L. Manukyan*[1]**
[1]*Russian-Armenian University*

ABSTRACT

This study examines modern approaches to macroeconomic planning and forecasting in small open economies, using the Republic of Armenia as an example. It examines the theoretical and methodological foundations of macroeconomic planning, as well as modern macroeconomic forecasting tools used in economic policy practice. Particular attention is paid to a comparative analysis of forecasting models and methods, including structural and econometric models, nowcasting methods, and elements of machine learning. Based on a comparison of the experiences of Russia, Georgia, and Armenia, the feasibility of developing a hybrid system of macroeconomic planning and forecasting, combining institutional mechanisms of strategic management and modern analytical tools, is substantiated.
Keywords: macroeconomic planning, macroeconomic forecasting, small open economies, Republic of Armenia, economic policy.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-535-540

ДОЛГОСРОЧНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ БЕЛАРУСИ

А.М. Филипцов

Белорусский государственный экономический университет
filipsov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье содержатся результаты исследования долгосрочных изменений в структуре экономики Республики Беларусь в начале 1990-х гг. и раскрывается роль государственной структурной политики в данных изменениях.

Ключевые слова: структура экономики, структурная политика, экономическое развитие.

Введение

Структурные изменения в экономике являются важнейшим условием развития страны, если сопровождаются увеличением конкурентоспособности и, в длительной перспективе, экономическим ростом. Экзогенными причинами структурных изменений являются научно-технический прогресс, изменения конъюнктуры внешних рынков, внешнеполитические события и природные явления, эндогенными – экономическая политика государства.

Материалы и методы

В качестве информационных источников использованы официально опубликованные статистические данные по Республике Беларусь, материалы нормативно-правовых актов и государственных программ, а также публикации других авторов по исследуемой проблематике.

Результаты

Изменения в структуре экономики Республики Беларусь. Структура экономики по секторам

В 1991г. в экономике Беларуси была следующая структура занятых по секторам: 21% – в сельском хозяйстве, 40% – в промышленности,

29% – в сфере услуг [3]. На конец 2024г. доля занятых в сфере услуг выросла до 62%, доля занятых в промышленности снизилась до 24%, в сельском, лесном, рыбном хозяйстве – до 8%. В 1991г. на долю сельского хозяйства приходилось 25% национального дохода, на долю промышленности – 56%, на долю сферы услуг – 19%. В 2024г. на долю сельского, лесного и рыбного хозяйств в Беларуси приходилось 7% ВВП, промышленности – 21%, электро-, водоснабжения и строительства – 9%, сферы услуг – 63% (без учета налогов и субсидий) [2]. Таким образом, структура экономики Беларуси существенно сдвинулась от индустриально-аграрной к сервисной.

Основную долю в промышленности в 1992г. составляло машиностроение и металлообработка (28%), на втором месте был топливно-энергетический комплекс (15%), далее – легкая и пищевая промышленности (по 13%), химия и нефтехимия (12%). Деревообрабатывающая промышленность и производство строительных материалов занимали по 5% от всего выпуска в промышленности [3]. В 2021г. наибольшую долю в структуре промышленного производства занимали: пищевая промышленность (23%); металлургия (7%); резиновые и пластмассовые изделия (6,5%); машины и оборудование (6%); транспортные средства (5%) [2]. Таким образом, существенно изменилась структура промышленности – на первое место вышло производство продуктов питания, значительно сократилась доля машиностроения и металлообработки.

Структура экономики по формам собственности

В 1992г. 76% работников было занято на организациях государственной формы собственности [3]. В 2024г. доля занятых в государственных организациях сократилась до 38% [2].

Структура внешней торговли

В 1992г. экспорт Беларуси в республики бывшего СССР составил 380 млрд руб. (85% всего экспорта), а экспорт в страны дальнего зарубежья – 68 млрд руб. (15%). Импорт из республик бывшего СССР составил 417 млрд руб., из стран дальнего зарубежья – 54 млрд руб. Сальдо внешней торговли составляло минус 5% от объема экспорта. Основными продуктами в структуре экспорта в республики бывшего СССР являлись: продукция машиностроения и металлообработки (50% всего экспорта); химия и нефтехимия (17%); продукция легкой промышлености (9%); пищевой промышленности (7%). В структуре экспорта в

страны дальнего зарубежья основными продуктами были: химия и нефтепродукты (29%); продукция машиностроения и металлообработки (19%); услуги (8%); энергия (6%). Основными продуктами в структуре импорта из республик бывшего СССР являлись: продукция машиностроения и металлообработки (34%); услуги (26%); энергия (11%); химия и нефтепродукты (10%). В структуре экспорта из стран дальнего зарубежья основными продуктами были: услуги (27%); продукция пищевой промышленности (24%); химия и нефтепродукты (13%); машиностроения и металлообработки (11%); энергия (10%) [3]. В 2021г. основную долю в экспорте занимали: продукты химической и нефтехимической промышленности (20%, причем большая часть из данной категории приходилась на страны дальнего зарубежья); продовольственные товары (20%, из них большая часть поставлялась в Россию); машины, оборудование и транспортные средства (19,2%, большая часть поставлялась в Россию); минеральные продукты (13,3%, основные поставки в страны дальнего зарубежья и СНГ, кроме России). В структуре импорта основную долю занимали: машины и оборудование (27%); минеральные продукты (21%); продукция химической промышленности (16%); продовольственная продукция (13%). Существенно возрос экспорт услуг (до ¼ всего экспорта), причем по внешней торговле услугами наблюдается стабильное положительное сальдо торговли [1]. Таким образом, структура внешней торговли Беларуси изменилась за 30 лет весьма существенно. Возрос объем экспорта услуг, по данной категории наблюдается существенное положительное сальдо торговли. Увеличился экспорт продовольственных товаров, Беларусь по данной категории также стала нетто-экспортером. Продукция химической и нефтехимической промышленности осталась важным направлением внешней торговли. Сократилась доля экспорта продукции машиностроения и металлообработки. Незначительную роль стала играть легкая промышленность. Роль продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности существенно не изменилась.

Направления структурной политики в Республике Беларусь

В составе Советского союза БССР специализировалась на выпуске конечной сложной технической продукции машино- и станкостроения (трактора, грузовые автомобили, станки, сельскохозяйственные машины), электронно-вычислительной технике (телевизоры и др.), а также

металлообработке, химической промышленности и добыче калийных солей. Экономика республики была тесно связана с обменом внутри СССР – подавляющая часть производимой продукции вывозилась в другие республики. Обеспеченность собственным сырьем была крайне низкой. Такая специализация экономики во многом объясняет последующие процессы реформ и направленность экономической, в том числе структурной, политики в Беларуси. Страна не может существовать сколь-нибудь автономно, без интенсивной торговли с другими странами и, прежде всего, с Россией.

В Республике Беларусь существует значительный уровень вмешательства государства в определение отраслевой и технологической структуры экономики. Основной целью государственной политики в данном аспекте является повышение конкурентоспособности национальной экономики, построение высокоэффективной экономики, основанной на знаниях и инновациях, при сохранении благоприятной окружающей среды для будущих поколений. Для достижения данной цели выделяются приоритетные наукоемкие высокотехнологичные отрасли, обладающие конкурентными преимуществами и перспективами для успешного развития в современной экономике.

Процессы реструктуризации экономики Республики Беларусь можно условно разделить на следующие этапы.

Первый этап – реформы 1990–1995гг. Для данного этапа были характерны бурные процессы реструктуризации и реформирования экономики, которые были связаны с распадом СССР и устоявшихся хозяйственных связей субъектов хозяйствования Беларуси, а также с переходом от плановой к рыночной модели хозяйствования.

Второй этап – преобразования 1996–2000гг. Данный этап социально-экономического развития страны можно охарактеризовать как курс на построение социального государства и социально-ориентированной рыночной экономики: началось восстановление производства и налаживание новых хозяйственных связей, начала складываться важнейшая роль государства в регулировании экономики.

Третий этап – развитие экономики в 2001–2008гг. К данному этапу развития в Беларуси были сформированы основные принципы государственного регулирования и планирования экономики. Наблюдались вы-

сокие темпы экономического роста. Развивались процессы региональной экономической интеграции. Появились тенденции к частичной либерализации экономической политики.

Четвертый этап – развитие экономики в 2009–2025гг. Данный этап характеризуется возросшей международной экономической и политической нестабильностью, что отразилось на процессах экономического развития Беларуси. Либерализация государственного регулирования и улучшение бизнес-климата с одной стороны, сталкивались с необходимостью стабилизационной политики и противодействия санкциям западных стран, с другой стороны. Дальнейшее развитие получили процессы региональной интеграции в рамках ЕАЭС.

В настоящее время экономика Республики Беларусь работает в условиях санкций со стороны ряда западных стран, многие из которых прежде являлись значительными торговыми партнерами. Это приводит к соответствующим процессам структурных изменений – как производства, так и внешней торговли.

Выводы

За время своего существования экономика Беларуси претерпела существенную трансформацию. Из индустриально-аграрной экономики она превратилась в преимущественно сервисную. Важной отраслью услуг стал ИТ-сектор. Роль промышленности в экономике сократилась, кроме того, изменилась структура промышленности – возросла роль пищевой промышленности, сократилась роль машиностроения, металлообработки, легкой промышленности. По-прежнему важную роль в экономике играет нефтехимический комплекс. Возросла роль частного сектора в экономике, хотя государство по-прежнему контролирует важнейшие предприятия и в значительной степени регулирует экономику. Все возрастающую роль играют процессы региональной интеграции в рамках ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2021, 203с.
2. Статистический ежегодник, 2025г. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2025, 305с.
3. Статистический сборник, 1993г. Государства бывшего Советского Союза / Всемирный банк. Вашингтон: Всемирный банк, 1993, 796с.

LONG-TERM STRUCTURAL CHANGES IN THE BELARUSIAN ECONOMY

A. Filiptsov
Belarusian State Economic University

ABSTRACT

This article presents the results of a study of long-term changes in the economic structure of the Republic of Belarus in the early 1990s and explores the role of state structural policy in these changes.
Keywords: economic structure, structural policy, economic development.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-541-545

СТАНОВЛЕНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЭПОХУ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А.А. Яновская, А.А. Степочкин

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется трансформация экономической теории в условиях новой реальности – эпохи высокой неопределенности, цифровизации и ценностного сдвига. Обосновывается, что классическая модель «человека экономического» утратила объяснительную силу, поскольку не учитывает когнитивные ограничения, эмоциональные реакции и социальное влияние. На смену ей приходит поведенческий подход, основанный на концепции ограниченной рациональности, когнитивных искажений и контекстуальной зависимости выбора. Рассматриваются ключевые вызовы новой реальности и особенности адаптации поведенческих технологий в российском контексте.

Ключевые слова: поведенческая экономика, новая реальность, ограниченная рациональность, когнитивные искажения.

Введение

Современная эпоха, которую все чаще называют «новой реальностью», отличается радикальным разрывом с прежней стабильностью. Глобализация теряет свою целостность, цифровые технологии меняют саму природу взаимодействия, а ценности смещаются от роста и эффективности к безопасности, устойчивости и локальной идентичности. В этих условиях традиционные экономические модели, построенные на идее рационального, автономного и информированного агента, все чаще дают сбой. Люди не ведут себя так, как предсказывает теория: они боятся потерь больше, чем стремятся к выигрышам; поддаются влиянию социальных норм; принимают решения под давлением времени и информации. Именно в этом контексте и набирает силу поведенческий подход – не как модное увлечение, а как попытка сделать экономическую науку более реалистичной и полезной.

Цель данной работы – показать, как поведенческая экономика становится адекватным инструментом для понимания трансформации эко-

номических отношений в условиях новой реальности. Для этого мы рассмотрим, в чем именно заключается кризис классической модели, какие когнитивные механизмы лежат в основе поведенческого подхода, как он развивался в XXI веке и почему его применение требует учета культурного и исторического контекстов, особенно в России.

Почему же «человек экономический» перестал работать?

Классическая экономика исходила из того, что человек – это своего рода вычислительный центр: он знает все возможные варианты, может точно оценить их последствия и всегда выбирает оптимальный путь. Но жизнь показывает обратное. В условиях неопределенности, информационного шума и эмоционального напряжения люди полагаются не на расчеты, а на упрощенные правила – эвристики. Они избегают риска даже тогда, когда это невыгодно; верят первому числу, которое услышали («якорю»); и часто действуют не в своих интересах, а так, как принято в их окружении.

Эту картину мира описала поведенческая экономика, которая начала формироваться еще в середине XX века с работ Герберта Саймона об «ограниченной рациональности». Но настоящий прорыв произошел в 1979г., когда Д. Канеман и А. Тверски опубликовали «Теорию перспектив». Они доказали экспериментально, что люди воспринимают потери острее, чем эквивалентные выигрыши, и что их выбор зависит не от абсолютных величин, а от точки отсчета – референтного уровня. Эти идеи были признаны на самом высоком уровне: Нобелевские премии по экономике в 2002 и 2017 годах закрепили за поведенческой экономикой статус полноценной научной дисциплины [1], [2].

Центр поведенческого подхода – это признание того, что человек несовершенен. Его мышление подвержено систематическим искажениям:

• избегание потерь: психологическая боль от потери в 2–2,5 раза сильнее удовольствия от аналогичного выигрыша, поэтому люди держатся за старое, даже если новое выгоднее;

• привязка к якорю: первая полученная информация (например, цена на ценнике) задает рамки для всех последующих оценок;

• гиперболическое дисконтирование: сегодняшние 100 рублей кажутся ценнее, чем завтрашние 150: из-за этого откладываются пенсионные накопления и инвестиции;

• социальное сравнение: мы оцениваем свое благосостояние не в абсолютных цифрах, а относительно других.

Эти механизмы не являются ошибками – они результат эволюционной экономии когнитивных ресурсов. В сложном мире быстрое решение на основе упрощенных правил часто лучше медленного и точного.

После 2000 года поведенческая экономика перестала быть только академической дисциплиной. Во-первых, она обогатилась данными из нейронаук: с помощью МРТ стало возможно наблюдать, как мозг реагирует на риск и потерю. Во-вторых, методология сместилась от лабораторных экспериментов к полевым – рандомизированным контролируемым испытаниям (RCTs), где проверяются реальные политические меры. И, наконец, в 2010г. в Великобритании появилась первая «Поведенческая группа» (BIT), которая стала применять идеи мягкого поведенческого вмешательства – для повышения уплаты налогов, вакцинации, пенсионных взносов. Успех был очевиден: простая замена формулировки в письме увеличивала сборы на 15%. Этот опыт быстро распространился по миру – в США, Сингапуре, Канаде.

Однако важно понимать: то, что работает в Лондоне, может не сработать в Москве или Пекине. В западных странах, где сильны индивидуализм и недоверие к власти, поведенческое вмешательство строго ограничены принципом свободы выбора и прозрачности. В восточных обществах, напротив, коллективизм и высокая дистанция власти позволяют более активное вмешательство – как в случае с китайской системой социального кредита. Россия находится где-то посередине: здесь сочетаются патернализм (доверие к государству) и недоверие к государству «по умолчанию» (из-за травматического опыта 1990-х). Поэтому прямое копирование западных решений часто вызывает обратный эффект.

Российское экономическое поведение формировалось под влиянием уникального исторического опыта. Гиперинфляция, дефолт, санкции – все это создало «коллективную память о нестабильности». В результате население предпочитает «осязаемые» активы (недвижимость, золото, наличные), даже если они неэффективны. Государство воспринимается как «гарант последней инстанции» – отсюда высокое доверие к Сбербанку и ПФР. Коллективизм проявляется в важности «своих» – в бизнесе, в потреблении, в трудовых отношениях. Игнорирование этих особенностей ведет к провалу реформ: пенсионная реформа 2018г. была

воспринята не как рациональная мера, а как нарушение неформального социального контракта [6].

Поведенческий подход – это не просто набор хитростей для «подталкивания» людей. Это попытка сделать экономическую науку более человечной, учитывающей реальные ограничения, эмоции и социальные связи. В эпоху новой реальности, когда неопределенность стала нормой, такой подход перестает быть опциональным – он становится необходимым. Однако его успех зависит не от универсальных рецептов, а от глубокого понимания локального контекста. Для России это означает следующее: нельзя импортировать готовые решения – нужно выращивать собственные, опираясь на реальный образ экономического агента, а не на его теоретический идеал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // "Econometrica". Vol. 47, № 2, 1979. PP. 263–291.
2. *Thaler R., Sunstein C.* Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven: "Yale University Press", 2008.
3. *Капелюшников Р.И.* Критика экономического рационализма: поведенческая экономика и институционализм // «Экономический журнал ВШЭ». Т. 22, № 4, 2018. СС. 592–620.
4. *Хофстеде Г.* Культурные последствия: международные различия в ценностях, связанных с работой. М.: «Клуб региональных руководителей», 2002.
5. RLMS-HSE. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения. Выпуск 38. М.: НИУ ВШЭ, 2023.
6. ВЦИОМ. Доверие в России: мониторинг [Эл. ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring (дата обращения: 16.11.2025).

THE DEVELOPMENT OF A BEHAVIORAL APPROACH IN THE ERA OF A NEW REALITY

A. Yanovskaya, A. Stepochkin
V. Vernadsky Crimean Federal University

ABSTRACT

The article analyzes the transformation of economic theory in the context of a new reality – an era of high uncertainty, digitalization and a value shift. It is proved that the classical model of the "economic man" has lost its explanatory

power, since it does not take into account cognitive limitations, emotional reactions and social influence. It is being replaced by a behavioral approach based on the concept of limited rationality, cognitive distortions and contextual dependence of choice. The key challenges of the new reality and the peculiarities of the adaptation of behavioral technologies in the Russian context are considered.
Keywords: behavioral economics, new reality, limited rationality, cognitive distortions.

УПРАВЛЕНИЕ

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-546-555

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА С КОММЕРЧЕСКИМИ БАНКАМИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

К.К. Арутюнян, Н.Г. Мкртичян

Российско-Армянский университет
harutyunyan.karine@rau.am, narinamkrtichyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности взаимодействия субъектов малого и среднего бизнеса с коммерческими банками Республики Армения. Выявлены основные проблемы доступа МСБ к банковскому кредитованию, включая высокие требования к залоговому обеспечению и ограниченное развитие альтернативных финансовых инструментов. Проанализирована роль международных кредитных программ в расширении финансовых возможностей предприятий МСБ. Определены перспективные направления повышения эффективности сотрудничества МСБ и банковского сектора, направленные на улучшение доступности финансовых ресурсов и поддержку устойчивого развития предпринимательства в Республике Армения.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, банковское кредитование, коммерческие банки, финансовые ресурсы, Республика Армения.

Введение

Малый и средний бизнес (МСБ) являются одной из ключевых основ социально-экономического развития, формируя конкурентную среду, создавая рабочие места и обеспечивая устойчивость национальной экономики. В условиях современных вызовов – геополитической нестабильности, ограниченности ресурсов и ускоряющихся технологических изменений – роль МСБ особенно возрастает. Благодаря гибкости, способности к быстрым управленческим решениям и высокой адаптивности предприятия малого и среднего звена эффективно реагируют на внешние колебания, поддерживая экономическую активность даже в периоды неопределенности.

Для Республики Армения сектор МСБ имеет стратегическое значение: он способствует развитию предпринимательской инициативы, диверсификации экономики, укреплению внутреннего рынка и повышению уровня занятости. Однако дальнейшая реализация потенциала этого сектора во многом определяется доступностью финансовых ресурсов. В условиях ограниченности собственных средств именно банковское кредитование остается главным инструментом поддержки, развития и расширения предпринимательской деятельности.

Целью исследования является анализ особенностей взаимодействия субъектов малого и среднего бизнеса с коммерческими банками Республики Армения, выявление факторов, способствующих и ограничивающих доступ субъектов МСБ к банковским продуктам. Особое внимание уделяется современным проблемам кредитования и возможным направлениям повышения эффективности сотрудничества субъектов МСБ с банковским сектором.

Результаты и обсуждение

В Республике Армения критерии отнесения предприятий к субъектам малого и среднего бизнеса, которые проиллюстрированы в Табл. 1, определяются законом «О государственном содействии малому и среднему предпринимательству» [2]. Действующая классификация основана на трех ключевых показателях: численности работников, годовом обороте и стоимости активов, что соответствует общим принципам, применяемым в странах ЕС. Такой подход позволяет обеспечить сопоставимость данных и учитывать реальные масштабы деятельности предприятий.

Таблица 1. Критерии классификации субъектов МСБ в Республике Армения.

Субъекты МСБ	**Количество работников**	**Прибыль за предыдущий год (млн драмов)**	**Балансовая стоимость активов на конец предыдущего года (млн драмов)**
Средние	<250	<=1500	<=1000
Малые	<50	<=500	<=500
Микропредприятия	<10	<=100	<=100

Структура малого и среднего бизнеса в Республике Армения отличается заметной неоднородностью, что отражает специфику внутреннего рынка и распределение экономической активности. В 2024г. в стране функционировало 114 677 субъектов МСБ. Наибольшая концентрация наблюдалась в сфере торговли – свыше 55 тыс. предприятий. Значимыми остаются обрабатывающая промышленность (13,3 тыс.), информационные услуги (10,9 тыс.), логистика (6,4 тыс.), общественное питание и проживание (6,5 тыс.), а также профессиональная, научная и техническая деятельность (8,5 тыс.) [1]. Такое распределение во многом прогнозируемо: эти отрасли обладают относительно низким порогом входа и высокой гибкостью, что делает их привлекательными для предпринимателей.

Сопоставление отраслевой структуры МСБ с объемами кредитования, которое проиллюстрировано на Рис. 1, подтверждает наличие дисбаланса: торговля, сельское хозяйство и логистика получают наиболее значительные объемы финансирования, тогда как инновационные и высокотехнологичные сектора (IT, образование, профессиональные услуги) испытывают нехватку кредитных ресурсов. В 2024г. совокупный объем кредитов МСБ составил 1,6 трлн драмов, однако распределение средств отражает сохранение традиционных приоритетов банков.

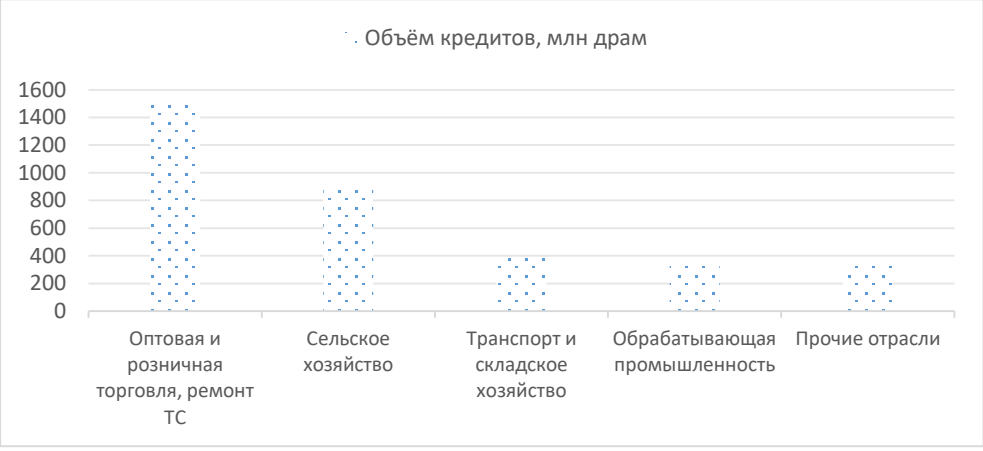


Рисунок 1. Объем кредитов по основным отраслям МСБ Республики Армения, 2024г. (млн драмов).

Общие проблемы развития МСБ – такие, как неполная цифровизация, сложность ведения отчетности, ограниченность кадровых и консультативных ресурсов, постепенно концентрируются в наиболее критичном вопросе – недостатке финансовых ресурсов. Большинство предприятий работает преимущественно на собственные средства, их доступ к банковским продуктам ограничен, а требования к залогу и отчетности зачастую превышают реальные возможности малого бизнеса.

Одним из ключевых препятствий является необходимость предоставления ликвидного залога. Большая часть предприятий работает в арендованных помещениях, обладает минимальным объемом материальных активов или использует быстроизнашиваемое оборудование, что затрудняет получение кредита. Требования банков, как правило, предусматривают залог недвижимости, транспорта, оборудования или товарных оборотов. Данная особенность резко снижает возможности получения кредита для предприятий сферы услуг, IT, образования и других отраслей, где основные активы – интеллектуальные.

Другим важным препятствием является качество финансовой отчетности. Значительная часть предприятий, особенно микробизнеса, ведет бухгалтерию в упрощенном формате, что снижает прозрачность и усложняет для банков оценку финансовой устойчивости. В результате, кредитные организации вынуждены применять более жесткие требования к документам и использовать повышенные процентные ставки.

Существенным ограничением остается недостаточная развитость альтернативных инструментов финансирования. Например, факторинг, который в мировой практике является стандартным механизмом поддержки малого бизнеса, в Армении занимает менее 1% от корпоративного кредитования. Основные причины – отсутствие стандартизированного электронного документооборота, слабая цифровизация бухгалтерии и невозможность большинства предприятий документально подтвердить структуру дебиторской задолженности. В результате, факторинг остается малодоступным, несмотря на значительный потенциал для развития МСБ.

Отдельной проблемой является разрыв между ожиданиями бизнеса и процедурными возможностями банков. МСБ нуждается в быстрых решениях, минимальных требованиях и гибкости, тогда как банковская система основана на стандартизированных процедурах и глубоких

проверках рисков. Это приводит к задержкам рассмотрения заявок, сложности оформления пакета документов и росту транзакционных издержек. Особенно остро данная проблема проявляется в регионах, где финансовая инфраструктура развита слабее, чем в Ереване.

Дополнительным ограничением остается структура кредитных программ. Льготные и рефинансируемые продукты зачастую рассчитаны на крупные суммы, недоступные микропредприятиям. Более доступные по размеру кредиты, напротив, сопровождаются высокими процентными ставками и жесткими требованиями к обеспечению. Таким образом, финансовые возможности малого бизнеса оказываются существенно сужены, что препятствует его устойчивому развитию и ограничивает экономическую активность.

Несмотря на эти сложности, банковский сектор постепенно расширяет возможности финансирования, активно привлекая международные ресурсы, направленные на поддержку МСБ, «зеленые проекты» и социальную инклюзию.

В условиях ограниченности собственных финансовых ресурсов и высокой зависимости от банковского кредитования доступность внешних источников финансирования становится критическим фактором развития малого и среднего бизнеса в Армении. Одним из ключевых механизмов увеличения объемов доступных ресурсов является привлечение банками долгосрочного финансирования от международных структур – таких, как Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ), Банк развития предпринимательства Нидерландов (FMO), программы Европейского союза (EU4Business), Зеленый климатический фонд (GCF) и др.

В 2024–2025гг. ведущие банки Армении существенно расширили сотрудничество с международными партнерами, подписав новые кредитные линии, гарантийные механизмы и программы совместного финансирования на сумму свыше 500 млн евро. Эти средства направлены на расширение объемов кредитования МСБ, развитие «зеленой экономики», поддержку женщин-предпринимательниц, региональных компаний, инновационных проектов и предпринимателей из уязвимых групп.

Международные программы включают в себя не только финансовые ресурсы, но и грантовые компоненты, механизмы разделения рис-

ков, гарантийные схемы и поддержку экологически устойчивых инвестиций. Это позволяет банкам снижать требования к залогу, уменьшать процентные ставки и делать кредитные продукты более доступными для предприятий разных отраслей.

Ниже приведена систематизированная информация по пяти банкам, наиболее активно привлекающим внешние ресурсы для поддержки МСБ. Приведенная ниже Табл. 1 систематизирует эти программы [3–6].

Таблица 1. Международные кредитные линии и инструменты, привлеченные банками РА для финансирования МСБ (2024–2025гг.).

Банк	Партнер	Объем	Основной фокус
Arartbank	Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) – программы “EU4Business” и «Зеленая экономическая инициатива» (GEFF)	10 млн долларов	финансирование МСБ, «зеленые проекты», поддержка женщин-предпринимателей
	Банк развития предпринимательства Нидерландов (FMO)	25 млн долларов	финансирование МСБ, 40% – «зеленые проекты», 60% – социальная инклюзия
Ameriabank	ЕБРР	150 млн евро	поддержка МСБ по всей стране, в том числе в регионах, ≥40% на «зеленые проекты»
	ЕБРР	50 млн евро	поддержка корпоративных и МСБ-кредитов, снижение риска банка
	Европейский инвестиционный банк (ЕИБ)	105 млн евро	развитие МСБ и предприятий среднего звена, устойчивые инициативы
Ardshinbank	ЕБРР + Европейский союз	135 млн евро	финансирование МСБ, «зеленые проекты», поддержка предпринимателей-беженцев
Evocabank	ЕБРР	19,4 млн евро	развитие МСБ, 20% – «зеленые проекты», аккредитивы и торговое финансирование

Банк	Партнер	Объем	Основной фокус
Inecobank	ЕБРР + Зеленый климатический фонд	15 млн долларов	100% «зеленые инвестиции»
	Группа Европейского инвестиционного банка (EIB Group)	30 млн евро	снижение требований к залогу, льготные условия кредитования
	ЕБРР + ЕС	7 млн долларов	≥70% средств направляются на «зеленые технологии»

Помимо международных ресурсов, банки предоставляют и собственные продуктовые решения, ориентированные на финансирование МСБ. Их сравнительный анализ приведен ниже на Табл. 2.

Таблица 2. Банковские продукты для МСБ в крупнейших банках Армении.

Банк	Основные продукты	Преимущества	Ограничения
Araratbank	Кредиты МСБ, кредитные линии международных партнеров, «зеленые кредиты», программы инклюзивного финансирования	гибкие условия в рамках международных программ, поддержка женщин-предпринимателей и «зеленых проектов»	вне международных линий – строгие стандартные требования
Ameriabank	Кредиты МСБ, POS-финансирование, факторинг, овердрафты	цифровой скоринг, крупные лимиты, широкий набор сервисов	высокие требования к отчетности
Ardshinbank	Корпоративные кредиты, международные кредитные линии, проектное финансирование	доступ к льготным ресурсам и крупным пакетам	длительность процедур и сложность оформления
Inecobank	Онлайн-кредиты, POS-кредиты, бизнес-счета	быстрое рассмотрение, удобные цифровые сервисы	ограниченные суммы без залога

Банк	Основные продукты	Преимущества	Ограничения
Evocabank	Корпоративные кредиты, цифровой банкинг, программы МСБ	высокая скорость обслуживания, современная цифровая платформа	сравнительно узкий набор специализированных продуктов

Обобщение представленных данных показывает, что банковская система Армении уже начала внедрять современные подходы к оценке рисков и расширять спектр кредитных инструментов. Однако для устранения дисбалансов в доступе к финансированию требуется более глубокая интеграция международных практик.

В мировой финансовой системе существует широкий набор инструментов, которые доказали свою эффективность в расширении доступа МСБ к капиталу и могли бы быть успешно адаптированы в условиях Республики Армения.

Во-первых, особое значение имеет финансирование договоров партнерства МСБ и крупного бизнеса. В таких схемах кредитование малого предприятия осуществляется под рейтинг и платежную дисциплину крупной компании. Это снижает риски банка, обеспечивает более низкие процентные ставки для МСБ и стимулирует формирование устойчивых производственно-сбытовых цепочек. Подобные инструменты активно применяются в ЕС, Турции, странах Восточной Европы и демонстрируют высокую эффективность для поставщиков в промышленности, логистике и сельском хозяйстве.

Во-вторых, перспективным инструментом является финансирование цепочек поставок. Данный формат позволяет банкам кредитовать оборотный капитал МСБ на основе подтвержденного объема поставок, электронных заказов или цифровых накладных. Этот инструмент снижает требования к залогу и ускоряет процесс получения средств. В странах ОЭСР такие схемы обеспечивают более 20% оборотного финансирования МСБ.

В-третьих, важным направлением развития является внедрение цифрового факторинга. В отличие от традиционного, цифровой факторинг основан на автоматической верификации счетов-фактур, онлайн-учете дебиторской задолженности и электронном документообороте. Китай, Сингапур, Эстония и Нидерланды демонстрируют успешные

примеры масштабирования этого инструмента. Для Армении он особенно значим, поскольку позволяет финансировать предприятия без материальных активов.

В-четвертых, эффективным инструментом для развивающихся экономик является «портфельное гарантирование», применяемое Европейским инвестиционным фондом, государственными банками Польши, Германии и Чехии. Такие системы покрывают 50–80% риска по портфелю кредитов МСБ, что позволяет банкам снижать процентные ставки, а предприятиям – получать доступ к финансированию без жестких залоговых требований.

В-пятых, многие страны активно внедряют корпоративные программы совместного финансирования бизнеса и государства. В рамках таких проектов государство покрывает часть процентной ставки или предоставляет льготные гарантии, а банки обеспечивают кредитную экспертизу и мониторинг. Эти инструменты позволили существенно расширить кредитование МСБ в Южной Корее, Израиле и Польше.

Внедрение перечисленных инструментов в армянскую финансовую систему позволит создать более сбалансированный и эффективный механизм поддержки МСБ, снизить риски банков, расширить доступ к финансированию для предприятий разных отраслей и стимулировать развитие высокотехнологичных направлений.

Проведенный анализ показывает, что малый и средний бизнес играет значимую роль в экономике Республики Армения, однако сталкивается с серьезными ограничениями, связанными прежде всего с доступом к финансовым ресурсам. Недостаток ликвидного залога, высокая стоимость кредитов, а также слабая цифровизация отчетности формируют барьеры, которые ограничивают возможности предприятий для роста и развития.

Вместе с тем, сотрудничество банков с международными финансовыми организациями, внедрение цифровых инструментов оценки рисков и развитие специализированных программ кредитования создают реальные предпосылки для повышения доступности финансирования. Дополнение этих усилий такими инструментами, как финансирование цепочек поставок, цифровой факторинг и государственные гарантийные схемы, способно существенно расширить финансовые возможности МСБ.

Таким образом, дальнейшее совершенствование механизмов взаимодействия МСБ и банковского сектора является важным условием

укрепления предпринимательской среды и обеспечения устойчивого экономического развития Республики Армения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический комитет Республики Армения (ARMSTAT). Раздел публикаций: Small and Medium Entrepreneurship in the Republic of Armenia, 2024 [Эл. ресурс]. URL: https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2703
2. ARLIS (Հայաստանի իրավական տեղեկատվական համակարգ). Закон РА «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства» (официальная публикация). [Эл. ресурс]. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/63038?utm_source
3. AraratBank. AraratBank and FMO expand cooperation with a 25 million loan agreement [Эл. ресурс]. URL: https://www.araratbank.am/en/news/2025/04/17/araratbank-and-fmo-expand-cooperation-with-a-25-million-loan-agreement/734
4. Ameriabank. EBRD support Armenian business (материал пресс-центра Ameriabank) [Эл. ресурс]. URL: https://ameriabank.am/en/media-room/articleid/8796/ebrd-support-armenian-business
5. EU Neighbours East. EBRD lends €135 million to Ardshinbank for small businesses in Armenia [Эл. ресурс]. URL: https://euneighbourseast.eu/news/latest-news/ebrd-lends-e135-million-to-ardshinbank-for-small-businesses-in-armenia/
6. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). EBRD partners with Evocabank to support businesses in Armenia (GEFF loan and MSME loan) [Эл. ресурс]. URL: https://www.ebrd.com/home/news-and-events/news/2025/evocabank-geff-loan-and-msme-loan.html

ISSUES OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF INTERACTION BETTWEEN SMALL ANF MEDIUM-SIZED ENTERPRISES AND COMMERCIALS BANKS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

K. Harutyunyan, N. Mkrtichyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the features of interaction between small and medium-sized enterprises and commercial banks in the Republic of Armenia. The main problems limiting SMEs' access to bank lending are identified, including high collateral requirements and the insufficient development of alternative financial instruments. The role of international credit programs in expanding the financial opportunities of SMEs is analyzed promising directions for improving the efficiency of cooperation between SMEs and the banking sector are determined, aimed at increasing access to financial resources and supporting the sustainable development of entrepreneurship in the Republic of Armenia.

Keywords: small and medium-sized enterprises, bank lending, commercial banks, financial resources, Republic of Armenia.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-556-563

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ PMO В СРЕДНЕМ БИЗНЕСЕ

А.А. Багдасарян, А.Г. Карапетян

Российско-Армянский университет
Институт экономики и бизнеса
bagdasaryan_hayk@student.rau.am, arkady.karapetyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются организационные и методические основы разработки и внедрения офиса управления проектами (“Project Management Office”, PMO) в компаниях среднего бизнеса. Цель исследования заключается в определении наиболее целесообразной модели PMO для средних компаний, этапов ее внедрения и ожидаемых управленческих эффектов. Методологическую основу составили анализ литературы по PMO, проектной зрелости, портфельному управлению и цифровизации управления, а также сравнительное изучение кейсов средних компаний из различных отраслей. Обосновывается, что для среднего бизнеса наиболее результативной является гибридная модель PMO, сочетающая поддерживающие, контролирующие и стратегические функции. Выделены пять последовательных этапов внедрения: диагностика зрелости, выбор целевой модели, регламентация ролей и процессов, внедрение цифровых инструментов и пилотирование с последующим масштабированием. Показано, что корректно адаптированный PMO повышает предсказуемость проектов, прозрачность портфеля и качество межфункционального взаимодействия. Отдельно рассматриваются ограничения исследования и практические рекомендации для компаний среднего бизнеса.

Ключевые слова: PMO, управление проектами, средний бизнес, проектная зрелость, цифровизация.

Введение

Средние компании функционируют в условиях усиливающейся конкуренции, ограниченности ресурсов и необходимости ускорять реализацию стратегических изменений. В такой среде управление проектами перестает быть исключительно операционной функцией и становится механизмом координации развития бизнеса. Одним из наиболее распространенных инструментов институционализации проектной деятельности выступает офис управления проектами (“Project Management

Office", PMO), однако исследования показывают, что единая универсальная модель PMO отсутствует: его функции, полномочия и место в организационной структуре существенно варьируются в зависимости от контекста компании [1–5].

Для среднего бизнеса проблема выбора модели PMO особенно значима, поскольку чрезмерно бюрократизированная конструкция повышает издержки и вызывает сопротивление персонала, а избыточно мягкая модель не обеспечивает управляемость портфеля проектов. В связи с этим актуальным становится использование моделей оценки зрелости проектного управления, прежде всего OPM3 и P3M3, позволяющих сопоставить целевую конфигурацию PMO с реальным уровнем развития процессов и компетенций [7, 8]. Дополнительную значимость теме придает цифровизация управления: современные PM-платформы, BI-инструменты и аналитические панели расширяют возможности PMO как центра координации, мониторинга и принятия решений [9–11].

Цель исследования заключается в анализе процесса разработки и внедрения PMO в компаниях среднего бизнеса, выявлении наиболее результативной модели для компаний данного сегмента и формулировании практических рекомендаций по поэтапному внедрению PMO с учетом организационной зрелости и цифровой трансформации.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили анализ и систематизация научной литературы по проблематике PMO, проектной зрелости, портфельного управления и цифровизации проектной деятельности [1–11]. Для оценки применимости зрелостных подходов в среднем бизнесе использовалось сопоставление логики моделей OPM3 и P3M3, позволяющее выявить сильные и слабые стороны организации по таким параметрам, как стандартизация процессов, управление портфелем, распределение ответственности, зрелость коммуникаций и управленческий контроль [7, 8].

Эмпирическая часть исследования опиралась на сравнительный кейс-анализ средних компаний из IT-сектора, производственной, строительной и телекоммуникационной сфер. Рассматривались особенности внедрения PMO, его функциональный контур, степень интеграции с линейными подразделениями, а также изменения в ключевых показателях:

соблюдении сроков, прозрачности бюджетов, согласованности подразделений, качестве коммуникаций и управляемости проектного портфеля.

Дополнительно использовался метод экспертных оценок. В аналитическую рамку были включены мнения руководителей проектов, специалистов по развитию и внутренних координаторов трансформации, участвовавших во внедрении PMO в организациях среднего масштаба. Это позволило уточнить не только формальные эффекты внедрения, но и факторы сопротивления, скрытые организационные барьеры и требования к адаптации модели PMO под корпоративную культуру.

Исследование носит преимущественно качественный характер. Его задача состоит не в статистическом обобщении всех компаний среднего бизнеса, а в выявлении повторяющихся организационных закономерностей и формировании практико-ориентированной модели внедрения PMO.

Результаты

Результаты исследования показывают, что для среднего бизнеса наиболее целесообразной является гибридная модель PMO, сочетающая три группы функций: поддерживающие, контролирующие и стратегические. Поддерживающий контур обеспечивает обучение, консультации, шаблоны и методическую помощь руководителям проектов. Контролирующий контур отвечает за единые регламенты, календарно-ресурсный контроль, отчетность и дисциплину исполнения. Стратегический контур связывает проекты с приоритетами компании, участвует в приоритизации инициатив и формирует целостное представление о портфеле проектов. Такая конфигурация позволяет избежать как избыточной бюрократизации, так и организационной размытости PMO.

На основе анализа кейсов предложена пятиэтапная логика внедрения PMO в среднем бизнесе. На первом этапе проводится диагностика проектной зрелости и выявляются основные управленческие дефициты: отсутствие единых стандартов, слабая портфельная видимость, дублирование функций или неустойчивость сроков. На втором этапе определяется целевая модель PMO, его мандат, зона ответственности и подчиненность. На третьем этапе регламентируются роли, процессы и точки взаимодействия с функциональными подразделениями. На четвертом этапе внедряются цифровые инструменты – PM-платформа, единые

формы отчетности, панели мониторинга и базовые BI-отчеты. На пятом этапе осуществляется пилотирование модели на ограниченном наборе проектов, после чего выполняется корректировка и масштабирование.

Таблица 1. Этапы внедрения PMO в компании среднего бизнеса.

Этап	Содержание этапа	Основные инструменты	Ожидаемый результат
1. Диагностика текущего состояния	Оценка уровня проектной зрелости компании, выявление слабых мест в стандартах, компетенциях и управлении портфелем проектов	OPM3, P3M3, экспертные интервью, анализ внутренних регламентов	Понимание исходного уровня зрелости и проблемных зон
2. Определение целей PMO	Формулирование задач PMO в соответствии со стратегией компании и ее потребностями	Стратегические сессии, интервью с руководством, анализ бизнес-целей	Четко определенное назначение PMO и ожидаемые эффекты от внедрения
3. Выбор модели PMO	Определение оптимальной организационной модели: поддерживающей, контролирующей, стратегической или гибридной	Сравнительный анализ моделей PMO, бенчмаркинг	Выбор модели PMO, соответствующей масштабу и структуре бизнеса
4. Проектирование процессов и ролей	Разработка стандартов, шаблонов, зон ответственности и механизмов взаимодействия PMO с подразделениями	Регламенты, матрица ответственности, шаблоны отчетности	Формирование единого контура проектного управления
5. Цифровая поддержка PMO	Внедрение цифровых платформ и аналитических инструментов для контроля проектов и портфеля	PM-платформы, BI-системы, дашборды, электронные реестры проектов	Повышение прозрачности, скорости принятия решений и качества мониторинга

Этап	Содержание этапа	Основные инструменты	Ожидаемый результат
6. Обучение и управление изменениями	Подготовка сотрудников к новым стандартам, снижение сопротивления, развитие проектного мышления	Обучение, внутренние коммуникации, пилотные проекты	Рост вовлеченности персонала и снижение сопротивления изменениям
7. Оценка результатов внедрения	Сравнение показателей до и после внедрения PMO	KPI, анализ сроков, бюджета, качества коммуникаций, управляемости портфеля	Подтверждение эффективности PMO и корректировка дальнейших шагов

В анализируемых кейсах внедрение PMO сопровождалось улучшением управляемости проектной деятельности. Наблюдалось сокращение сроков реализации проектов, снижение перерасхода бюджета, рост прозрачности портфеля и повышение качества межфункциональной коммуникации. Особенно заметный эффект возникал там, где внедрение PMO сопровождалось не только созданием регламентов, но и программой обучения руководителей проектов, внедрением общих метрик и цифровых средств визуализации статуса проектов.

Отдельным результатом исследования стало выделение типичных организационных барьеров внедрения PMO. К ним относятся сопротивление персонала новым правилам, размытость полномочий между линейными менеджерами и PMO, нехватка проектных компетенций, а также низкая степень автоматизации. Наиболее устойчивые результаты демонстрировали компании, которые запускали PMO поэтапно и объясняли его ценность не как инструмент дополнительного контроля, а как механизм снижения хаотичности, переработок и управленческих потерь.

Обсуждение результатов

Полученные результаты согласуются с выводами исследователей, рассматривающих PMO как гибкую организационную конструкцию, функции которой меняются в зависимости от зрелости управления и стратегических задач компании [1–5]. Для среднего бизнеса это озна-

чает, что эффективен не «максимально полный» PMO, а модель с ограниченным, но четко определенным мандатом. Именно поэтому гибридный формат представляется наиболее рациональным: он соединяет методическую поддержку, управленческий контроль и стратегическую координацию, не превращаясь в избыточно тяжелую бюрократическую надстройку.

Важным выводом является усиление роли цифровых инструментов. В условиях многопроектной среды PMO постепенно превращается из центра сбора отчетности в узел принятия решений на основе данных. Использование PM-платформ, BI-панелей и аналитических дашбордов повышает прозрачность портфеля, ускоряет выявление отклонений и упрощает коммуникацию с руководством [9–11]. Вместе с тем цифровизация сама по себе не гарантирует успеха: без четких ролей, единой методологии и управленческой поддержки цифровые инструменты лишь фиксируют существующий хаос.

Отдельного обсуждения требует вопрос стратегической роли PMO. Для компаний среднего бизнеса, выходящих на новые рынки, запускающих продуктовые линейки или проходящих внутреннюю трансформацию, PMO становится связующим звеном между стратегией и исполнением. Эта функция соответствует выводам работ по портфельному управлению, где подчеркивается значение приоритизации, согласования инициатив и распределения ресурсов на уровне всего набора проектов [5, 6].

В то же время результаты исследования следует интерпретировать с учетом его ограничений. Во-первых, эмпирическая база носит качественный характер и опирается на ограниченное число кейсов. Во-вторых, анализ ориентирован главным образом на компании среднего бизнеса, находящиеся в стадии организационного роста, а потому не может автоматически переноситься на микробизнес или крупные корпорации. В-третьих, часть эффектов внедрения PMO проявляется в среднесрочной перспективе, тогда как отдельные кейсы фиксируют лишь начальный этап трансформации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что разработка и внедрение PMO в среднем бизнесе выступают не только инструментом формализации проектной деятельности, но и механизмом

повышения стратегической управляемости компании. Наиболее результативной для данного сегмента является гибридная модель PMO, сочетающая поддержку проектных команд, контроль исполнения и координацию портфеля инициатив.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использовать предложенную последовательность внедрения как прикладной алгоритм. Организациям среднего бизнеса целесообразно: во-первых, начинать с диагностики зрелости и определения управленческих дефицитов; во-вторых, формировать PMO с ограниченным, но четко зафиксированным мандатом; в-третьих, внедрять единые регламенты и роли параллельно с обучением сотрудников; в-четвертых, опираться на цифровые инструменты мониторинга и BI-отчетности; в-пятых, запускать PMO через пилотные проекты и только после этого масштабировать модель на весь портфель.

В качестве конкретных выводов можно отметить следующее. Во-первых, эффективность PMO в среднем бизнесе определяется не количеством его функций, а степенью их соответствия стратегии и зрелости компании. Во-вторых, цифровизация повышает ценность PMO лишь при наличии единой методологической основы и понятной системы ответственности. В-третьих, устойчивый эффект внедрения достигается тогда, когда PMO сопровождается развитием проектной культуры и обучением персонала.

Ограничения исследования связаны с качественным характером выборки, ограниченным числом кейсов и отсутствием длительного постпроектного наблюдения. Перспективой дальнейших исследований может стать количественная оценка влияния различных конфигураций PMO на показатели эффективности компаний среднего бизнеса, а также сравнительный анализ отраслевых особенностей внедрения PMO.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Desouza K.., Evaristo J.* Project management offices: A case of knowledge-based archetypes // “International Journal of Information Management”. Vol. 26, № 5, 2006. PP. 414–423.
2. *Hill G.* Evolving the Project Management Office: A Competency Continuum // “Information Systems Management”. Vol. 21, № 4, 2004. PP. 45–51.
3. *Hobbs B., Aubry M.* An Empirically Grounded Search for a Typology of Project Management Offices // “Project Management Journal”. Vol. 39, Suppl. 1, 2008. PP. S69–S82.

4. *Hobbs B., Aubry M., Thuillier D.* The project management office as an organisational innovation // "International Journal of Project Management". Vol. 26, № 5, 2008. PP. 547–555.
5. *Unger B., Gemünden H., Aubry M.* The three roles of a project portfolio management office: Their impact on portfolio management execution and success // "International Journal of Project Management". Vol. 30, № 5, 2012. PP. 608–620.
6. *Martinsuo M.* Project portfolio management in practice and in context // "International Journal of Project Management". Vol. 31, № 6, 2013. PP. 794–803.
7. Project Management Institute. Organizational Project Management Maturity Model (OPM3®). 3rd ed. Newtown Square. PA: Project Management Institute, 2013.
8. AXELOS. Introduction to P3M3® Version 3. London: AXELOS Ltd, 2015.
9. *Khan M.* Business Intelligence in Project Portfolios: Enabling Informed Decisions // PMI® Global Congress 2014. EMEA. Dubai, 2014. Newtown Square, PA: Project Management Institute.
10. *Marnewick C., Marnewick A.* Digitalization of project management: Opportunities in research and practice // "Project Leadership and Society". Vol. 3, Article 100061, 2022.

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF A PMO IN MEDIUM-SIZED BUSINESSES

A. Baghdasaryan, A. Karapetyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

The article examines the organizational and methodological foundations for developing and implementing a Project Management Office (PMO) in medium-sized businesses. The aim of the study is to identify the most appropriate PMO model for medium-sized companies, the stages of its implementation, and the expected managerial effects. The methodological basis includes a review of literature on PMOs, project maturity, portfolio management, and management digitalization, as well as a comparative analysis of medium-sized company cases from several industries. The paper argues that a hybrid PMO model combining supportive, controlling, and strategic functions is the most effective option for medium-sized firms. Five implementation stages are identified: maturity diagnosis, selection of the target model, formalization of roles and processes, deployment of digital tools, and piloting followed by scaling. The results show that a properly adapted PMO improves project predictability, portfolio transparency, and cross-functional coordination. The paper also outlines research limitations and offers practical recommendations for medium-sized businesses.

Keywords: PMO, project management, medium-sized business, project maturity, digitalization.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-564-574

ՏՐԱՆՍՊՈՐՏԱՅԻՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԵՎ ԴՐԱՆՑ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՐԵՎԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱՅԻՆ ԷԿՈՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ՎՐԱ

Ա.Ա. Վարթիկյան[1], Ա.Ա. Ավետյան[2]

[1]Ռուս-հայկական համալսարան
[2]Կառավարման և բիզնեսի ամբիոն
ani.vardikyan@rau.am, arman.avetyan@rau.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Երևանի տրանսպորտային համակարգը ներկայումս կանգնած է լուրջ մարտահրավերների առջև՝ աճող ավտոմեքենաների թիվ, հասարակական տրանսպորտի ծառայությունների արդյունավետության ցածր մակարդակ, սահմանափակ երթուղային ցանց և ճանապարհների ծանրաբեռնվածություն։ Այս հոդվածում ներկայացվում է տրանսպորտային ենթակառուցվածքի հիմնական խնդիրների վերլուծությունը՝ ներառյալ երթուղային ցանցի ոչ օպտիմալ կառուցվածքը, հասարակական տրանսպորտի ժամանակացույցի անկայունությունը և ուղևորափոխադրումների արդյունավետության սահմանափակումը։ Հոդվածում ներկայացված են նաև միջազգային փորձերի օրինակներ՝ առաջարկելով լուծումներ տրանսպորտային հոսքերի բարելավման, երթուղային ցանցի օպտիմալացման, էլեկտրական տրանսպորտի զարգացման և խելացի կառավարման համակարգերի ներդրման վերաբերյալ։ Վերլուծությունները պարզ են դարձնում, որ Երևանի տրանսպորտային համակարգի արդյունավետությունը հնարավոր է բարելավել միայն համապարփակ մոտեցմամբ՝ ծրագրային բարեփոխումները, տեխնոլոգիական նորարարությունները ու կառավարման բարելավումները միավորելով։

Հիմնաբառեր՝ տրանսպորտային համակարգ, երթուղային ցանց, ավտոմեքենաների հոսք, էլեկտրական տրանսպորտ, Երևան։

Ներածություն

Երևանի տրանսպորտային համակարգը ներկայումս կանգնած է լուրջ մարտահրավերների առջև՝ աճող ավտոմեքենաների թվի, հասարակական տրանսպորտի սահմանափակ արդյունավետության,

տրանսպորտային ցանցի թերի կառուցվածքի և ճանապարհների ծանրաբեռնվածության պատճառով: Այս թեմայի արդիականությունը կայանում է նրանում, որ երթևեկության անբավարար արդյունավետությունը և գերբեռնվածությունը ոչ միայն սահմանափակում են քաղաքի շարժունակությունը, այլև անմիջական ազդեցություն են ունենում էկոհամակարգի վրա՝ բարձրացնելով օդի աղտոտումը, աղմուկի մակարդակը և ջերմային կղզիների ձևավորումը [1]:

Այս հոդվածի նպատակն է վերլուծել Երևանի տրանսպորտային ենթակառուցվածքի հիմնական խնդիրները, գնահատել դրանց ազդեցությունը քաղաքի էկոհամակարգի վրա և ներկայացնել միջազգային փորձի համեմատական վերլուծություն՝ առաջարկելով լուծումներ երթևեկության հոսքերի բարելավման, երթուղային ցանցի օպտիմալացման, էլեկտրական տրանսպորտի զարգացման և խելացի կառավարման համակարգերի ներդրման ուղղությամբ [2]:

Հոդվածի բովանդակությունը ներառում է Երևանի տրանսպորտային համակարգի կառուցվածքային և գործառնական խնդիրների վերլուծություն, հասարակական և մասնավոր տրանսպորտի խնդիրների բացահայտում, միջազգային փորձի և լավագույն լուծումների համադրություն, ինչպես նաև առաջարկություններ համակարգի արդյունավետության և էկոհամակարգի վրա դրական ազդեցության ապահովման համար:

Երևանի տրանսպորտային համակարգի հիմնական խնդիրների վերլուծություն

Վերջին տասնամյակում Երևանի տրանսպորտային ենթակառուցվածքները ենթարկվել են զգալի կառուցվածքային ճնշման, որը պայմանավորված է մասնավոր տրանսպորտային միջոցների արագ աճով, հասարակական տրանսպորտի քիչ ենթակառուցվածքներով և գործող ճանապարհային ցանցի սահմանափակ թողունակու-

թյամբ: Այս գործոնների համակցությունը նվազեցնում է երթևեկության արդյունավետությունը, սահմանափակում քաղաքային շարժունակությունը և մեծացնում շրջակա միջավայրի վրա ճնշումը [3]:

Մասնավոր տրանսպորտային միջոցների աճ

Մասնավոր տրանսպորտային միջոցների շարունակական աճը փոխել է Երևանում երթևեկության կառուցվածքը: Սահմանափակ կայանատեղիների մատչելիությունը և հիմնական մայրուղիների երկայնքով կենտրոնացված հոսքերը հանգեցնում են քրոնիկ գերբեռնվածության գագաթնակետային ժամերին: Սա զգալիորեն նվազեցնում է երթևեկության արագությունը, ավելացնում վառելիքի սպառումը և բարձրացնում մասնիկային նյութերի ($PM_2.5$, PM_{10}) և ազոտի օքսիդների արտանետումները, ինչը բացասաբար է անդրադառնում օդի որակի վրա և նպաստում քաղաքային ջերմային կղզիների ձևավորմանը [4]: Մասնավոր տրանսպորտային միջոցների աճը և գագաթնակետային ժամերի խցանումները ներկայացված են աղյուսակում (աղյուսակ 1.):

Աղյուսակ 1. Մասնավոր տրանսպորտային միջոցների աճը և գագաթնակետային ժամերի խցանումները [5]:

Ցուցիչ	2024	2025	Երթևեկության խափանման վրա ունեցած ազդեցություն
Գրանցված տրանսպորտային միջոցներ	332 220	343 220	Ավելի մեծ խցանումներ
Միջին արագությունը գագաթնակետային ժամերին (կմ/ժ)	26	24	Շարժունակության նվազում
$PM_{2.5}$ կոնցենտրացիան (մկգ/մ³)	56	91	Շրջակա միջավայրի քայքայում

Հասարակական տրանսպորտի ծառայությունների արդյունավետության մարտահրավերներ

Չնայած վերջին տարիներին իրականացված բարեփոխումներին՝ ներառյալ նոր ավտոբուսների ներմուծումը և երթուղային ցանցի մասնակի արդիականացումը, Երևանի հասարակական տրանսպորտի համակարգը դեռևս կանգնած է կառուցվածքային խնդիրների առջև: Նոր ավտոբուսները զգալիորեն բարելավել են հարմարավետությունն ու անվտանգությունը, սակայն համակարգի ընդհանուր արդյունավետությունը դեռևս լիովին ապահովված չէ [6]:

Հիմնական մարտահրավերները ներառում են՝

- **Ժամանակացույցների անկայունություն** – որոշ երթուղիներում դեռ առկա են նշանակալի ընդմիջումներ, ինչը նվազեցնում է ուղևորների կանխատեսելիությունը:
- **Երթուղային ծածկույթի անհավասար բաշխում** – կենտրոնական շրջաններում սպասարկումն ավելի խիտ է, մինչդեռ ծայրամասային թաղամասերը շարունակում են մնալ թերսպասարկվող:
- **Բազմամոդալ ինտեգրման սահմանափակումներ** – ավտոբուսների և մետրոյի համակարգերը լիովին համաժամացված չեն, ինչը դժվարացնում է հարմար և արագ փոխադրումը:
- **Ուղևորահոսքի կառավարման բացակայություն** – գագաթնակետային ժամերին պահանջարկը հաճախ գերազանցում է առաջարկը, առաջացնում է գերբեռնվածություն և երկար սպասման ժամանակ:
- **Երթուղային ցանցի կառուցվածքային խնդիրներ** – կենտրոնական երթուղիների կրկնվող ուղիները և ծայրամասերի թերսպասարկումը նվազեցնում են ցանցի համախմբվածությունը և ուղևորահոսքի արդյունավետ բաշխումը [7]: Այս մարտահրավերները ներկայացված են նաև ստորև՝ աղյուսակ 2.-ում:

Աղյուսակ 2. Երևանի հասարակական տրանսպորտի համակարգի հիմնական մարտահրավերները:

Մարտահրավեր	Նկարագրություն	Արդյունք
Ժամանակացույցների անկայունություն	Գործարկումների միջև բացեր	Նախատեսելիության նվազում
Երթուղային ծածկույթի անհավասար բաշխում	Ծայրամասային թաղամասերը թերսպասարկված են	Սահմանափակ շարժունակություն
Բազմամոդալ ինտեգրում	Համակարգերի միջև կապի բացակայություն	Անարդյունավետ փոխադրումներ
Ուղևորահոսքի կառավարում	Գագաթնակետային ժամերին պահանջարկը գերազանցում է առաջարկը	Գերբեռնվածություն և ուշացումներ
Երթուղային ցանցի կառուցվածք	Մասնատված ցանց	Նվազագույն համակարգի համախմբվածություն

Երթևեկության հոսքի կառավարում և ենթակառուցվածքների օպտիմալացում

Երևանի գլխավոր մայրուղիները ներկայումս բախվում են սահմանափակ թողունակության, ինչը հանգեցնում է զգալի գերբեռնվածության գագաթնակետային ժամերին: Ի տարբերություն դրա, ծայրամասային ճանապարհները մնում են թերօգտագործված և ունեն վատ կապակցվածություն: Այս անհավասարակշռությունը հանգեցնում է երթևեկության արագության նվազմանը, վառելիքի սպառման ավելացմանը և արտանետումների բարձրացմանը, ինչը բացասաբար է անդրադառնում քաղաքային շարժունակության և շրջակա միջավայրի որակի վրա:

Ստորև ներկայացված է, թե ինչպիսին է երթևեկությունը գագաթնակետային ժամերին Երևանում (աղյուսակ 3.):

Աղյուսակ 3. Երթևեկության վերլուծությունը գագաթնակետային ժամերին Երևանում [8]:

Ճանապարհահատված	Միջին արագություն (կմ/ժ)	Գերբեռնվածության մակարդակ	Նշումներ
Աբովյան փողոց		Բարձր	Առավոտյան գագաթնակետային ժամերին խիստ գերբեռնվածություն
Մաշտոցի պողոտա		Միջին	Միջին գերբեռնվածություն
Ծայրամասային ճանապարհներ		Ցածր	Թերի

Երթևեկության կառավարման միջոցառումներ

Երևանի երթևեկության կառավարման ներկայիս միջամտությունները նպատակ ունեն նվազեցնել գերբեռնվածությունը և բարելավել քաղաքային շարժունակությունը: Ներկայումս կիրառվում են մի շարք հիմնական գործիքներ[2]:

Ճանապարհային ազդանշանների համակարգ

Ֆիքսված տեղադրում ունեցող, ստանդարտացված ճանապարհային լուսացույցները ներկայումս ծածկում են քաղաքի հիմնական ճանապարհների մոտ 80%-ը: Դրանք բարելավում են ընդհանուր երթևեկության հոսքը, սակայն դեռ չեն ապահովում հարմարվողական կառավարում՝ ըստ իրական ժամանակի տրանսպորտային հոսքերի, ինչը գագաթնակետային ժամերին կարող է հանգեցնել կանգառների և խցանումների ձգձգման [8]:

Ավտոբուսային առաջնահերթ գոտիներ

Ներդրված են ընտրված երթուղիներում՝ մոտ 15%-ի ծածկույթով: Այս միջոցը թույլ է տալիս բարելավել ավտոբուսների միջին արագությունը և նվազեցնել սպասման ժամանակը, ինչն օգնում է բարձրացնել հասարակական տրանսպորտի գրավչությունը և շարժունակությունը [6]:

Խելացի տրանսպորտային համակարգեր (ITS)

Փորձնական ծրագրեր են իրականացվում քաղաքի մոտ 5%-ում՝ իրական ժամանակի տվյալների և ավտոմատացված վերահսկման միջոցով երթևեկության հոսքի օպտիմալացման նպատակով: Առաջնային փորձարկումները ցույց են տվել, որ այս համակարգերի ներդրումը կարող է գագաթնակետային ժամերին նվազեցնել ուշացումները 10–15%-ով [7]:

Այս միջոցառումների համատեղ կիրառումը, հատկապես հարմարվողական լուսացույցների և լայնածավալ ITS համակարգերի ներդրումը, կարող է զգալիորեն բարելավել Երևանի երթևեկության հոսքի արդյունավետությունը և նվազեցնել քաղաքային ճանապարհների գերբեռնվածությունը [2]:

Միջազգային փորձ և առաջարկվող մոտեցումներ

Երևանի տրանսպորտային համակարգի արդիականացման համար արդյունավետ կարող է լինել միջազգային փորձի ուսումնասիրությունը և լավագույն փորձառությունների հարմարեցումը տեղական պայմաններին[1]: Օրինակ, Շենժենում (Չինաստան) էլեկտրական ավտոբուսների զանգվածային ներդրումն ու դրանց համար ստեղծված առաջնահերթ երթուղիները զգալիորեն կրճատել են խցանումները և նվազեցրել արտանետումները, բարելավելով քաղաքային օդի որակը [4]: Սեուլում (Հարավային Կորեա) օգտագործվում են ադապտիվ լուսացույցների համակարգեր, որոնք դինամիկորեն վերահսկում են երթևեկության հոսքը՝ նվազեցնելով գագաթնակետային ժամերի սպասման ժամանակը և բարձրացնելով մայրուղիների թողունակությունը [8]: Օսլոյում (Նորվեգիա) ներդրվել է բազմամոդալ տրանսպորտային համակարգ, որտեղ ավտոբուսներն ու մետրոն համաժամեցված են հեծանիվային և քայլքով տեղաշարժի երթուղիների հետ, ինչը ապահովում է արագ և հարմար ուղևորափոխադրում [2]: Ստոկհոլմում (Շվեդիա) կիրառվում են խելացի տրանսպորտային համակարգեր (ITS), որոնք իրական ժամանակում մոնիթորինգ են անում երթևեկության հոսքը և առաջարկում

օպտիմալ երթուղիներ՝ նվազեցնելով երթևեկության գերբեռնվածությունը [7]։

Վերոնշյալ միջազգային փորձի վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ արդյունավետ երթևեկության կառավարման համակարգի ստեղծման համար անհրաժեշտ է համատեղ կիրառել մի քանի մոտեցում՝ տեխնոլոգիական, կազմակերպչական և ենթակառուցվածքային։ Երևանի դեպքում առաջարկվում է.

- **Ադապտիվ լուսացույցների համակարգերի ընդլայնում**՝ իրական ժամանակում փոփոխվող երթևեկության պայմաններին արագ արձագանքելու և խցանումները նվազեցնելու համար։
- **Ավտոբուսների և էլեկտրական փոխադրամիջոցների առաջնահերթ գոտիների ներդրում**, ինչը կբարձրացնի հասարակական տրանսպորտի գրավչությունը և կխթանի մասնավոր ավտոմեքենաների փոխարինումը։
- **Բազմամոդալ համակարգի ինտեգրում**, որտեղ ավտոբուսները, միկրոավտոբուսները և մետրոն կաշխատեն համաժամեցված՝ ապահովելով անխափան փոխադրում և ուղևորների հոսքի օպտիմալ բաշխում։
- **Իրական ժամանակի մոնիթորինգ և արհեստական բանականության օգտագործմամբ երթուղու օպտիմալացում**, որը հնարավորություն կտա կանխատեսել գերբեռնվածության կետերը և ուղղորդել երթևեկությունը՝ բարելավելով մայրուղիների անցունակությունը և նվազեցնելով սպասման ժամանակը։

Այս մոտեցումների համատեղ կիրառումը, հիմնված միջազգային փորձի վրա, թույլ կտա զգալիորեն բարելավել Երևանի երթևեկության արդյունավետությունը, նվազեցնել քաղաքային ճանապարհների գերբեռնվածությունը, բարձրացնել հասարակական տրանսպորտի գրավչությունն ու շրջակա միջավայրի որակը։

Եզրակացություն

Երևանի ճանապարհային ցանցի կենտրոնական հատվածների գերբեռնվածությունն ու ծայրամասերի թերի կապակցվածությունը նվազեցնում են երթևեկության արդյունավետությունը, բարձրացնում վառելիքի սպառումը և վատացնում օդի որակը։ Ներկա միջոցները՝ ստանդարտացված լուսացույցները և սահմանափակ առաջնահերթ գոտիները, չեն ապահովում բավարար արդյունք, իսկ փորձնական խելացի համակարգերը միայն սահմանափակ բարելավում են ցուցադրում։

Առաջարկվող լուծումները՝ ադապտիվ լուսացույցների ընդլայնում, բազմամոդալ հասարակական տրանսպորտի ինտեգրացում, լրացուցիչ առաջնահերթ գոտիներ և իրական ժամանակի մոնիթորինգ՝ արհեստական բանականությամբ, կարող են բարելավել երթևեկության հոսքը, նվազեցնել գերբեռնվածությունը և բարձրացնել Երևանի տրանսպորտային համակարգի արդյունավետությունն ու էկոլոգիական կայունությունը։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *UN-Habitat.* Urban Transport and Environmental Sustainability. Nairobi, 2013. PP. 45–52.
2. *European Commission.* Sustainable Urban Mobility Plans: Guidelines. Brussels, 2019. PP. 10–18.
3. *World Bank.* Urban Transport and Mobility in Emerging Cities. Washington, DC, 2020. PP. 77–89.
4. *WHO.* Health Effects of Particulate Matter: Policy Implications. Copenhagen, 2013. PP. 5–12.
5. *ՀՀ շրջակա միջավայրի նախարարություն.* Օդի որակի մոնիթորինգի հաշվետվություն։ Եր., 2024։ Էջ. 22–30։
6. *Asian Development Bank.* Public Transport Systems and Urban Sustainability. Manila, 2021. PP. 64–72.
7. *UITP.* Public Transport Trends and Challenges. Brussels, 2020. PP. 31–39.
8. *OECD.* Managing Urban Traffic Congestion. Paris, 2018. PP. 54–61.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГОРОДСКУЮ ЭКОСИСТЕМУ ЕРЕВАНА

А.А. Вартикян[1], А.А. Аветян[2]
[1]Российско-Армянский университет
[2]Кафедра управления и бизнеса

АННОТАЦИЯ

Транспортная система Еревана в настоящее время сталкивается с серьезными вызовами, обусловленными ростом числа автомобилей, низким уровнем эффективности услуг общественного транспорта, ограниченностью маршрутной сети и перегруженностью дорожной инфраструктуры. В статье проводится анализ основных проблем транспортной инфраструктуры, включая неэффективную структуру маршрутной сети, нестабильность расписаний общественного транспорта и ограниченную эффективность пассажирских перевозок. Также представлены примеры международного опыта с предложением решений, направленных на улучшение управления транспортными потоками, оптимизацию маршрутной сети, развитие электрического транспорта и внедрение интеллектуальных систем управления. Проведенный анализ показывает, что повышение эффективности транспортной системы Еревана возможно только при применении комплексного подхода, объединяющего программные реформы, технологические инновации и совершенствование механизмов управления.

Ключевые слова: транспортная система, маршрутная сеть, автомобильный поток, электрический транспорт, Ереван.

PROBLEMS OF THE TRANSPORTATION SYSTEM AND THEIR IMPACT ON YEREVAN'S URBAN ECOSYSTEM

A. Vartikyan[1], A. Avetyan[2]
[1]Russian-Armenian University
[2]Department of Management and Business

ABSTRACT

Yerevan's transportation system is currently facing serious challenges, including the growing number of private vehicles, the low efficiency of public transport services, a limited route network, and the overloading of road infrastructure. This article analyzes the key problems of the transport infrastructure, such as the non-optimal structure of the route network, instability of public transport schedules, and limited efficiency of passenger transportation. The article also presents examples of international experience, proposing solutions aimed at improving traffic flow management, optimizing route networks, developing electric transport, and implementing intelligent transport manage-

ment systems. The analysis demonstrates that improving the efficiency of Yerevan's transportation system is possible only through a comprehensive approach that integrates policy reforms, technological innovations, and improved governance mechanisms.
Keywords: transportation system, route network, traffic flow, electric transport, Yerevan.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-575-584

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В КРОСС-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КОМАНДАХ

А.С. Джибилян, К.Б. Бабаян

Российско-Армянский университет
Институт экономики и бизнеса
djibilyan.alya@student.rau.am, krnbabayan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В современных условиях цифровизации, роста конкуренции и увеличения неопределенности организации все чаще используют кросс-функциональные команды как инструмент повышения гибкости и ускорения принятия управленческих решений. Объединение специалистов из различных функциональных областей позволяет эффективнее создавать продукты и реализовывать проекты, однако одновременно усложняет процесс оценки результатов совместной деятельности.

В статье рассматриваются ключевые проблемы измерения эффективности кросс-функциональных команд, связанные с несогласованностью функциональных KPI, наличием значительного объема «невидимой» работы, смещением фокуса в сторону количественных показателей и распределенной ответственностью за результаты. Показано, что традиционные подходы к оценке эффективности не отражают реального вклада команды и могут искажать управленческие решения.

Особое внимание уделяется анализу современных подходов и метрик оценки эффективности, включая “Time to Value”, показатели клиентской ценности, успешность гипотез, OKR и комбинированные KPI. Предложен комплексный подход к оценке эффективности кросс-функциональных команд, основанный на сочетании количественных и качественных показателей. Результаты исследования могут быть использованы в практике управления проектными и продуктовым командами.

Ключевые слова: кросс-функциональные команды, эффективность, KPI, “Time to Value”, OKR.

Введение

В современных условиях цифровизации, роста конкуренции и увеличения неопределенности организации все чаще используют кросс-функциональные команды как инструмент повышения гибкости и ускорения принятия управленческих решений. Кросс-функциональная ра-

бота представляет собой формат взаимодействия между различными командами или подразделениями в рамках одной организации. В отличие от функциональных команд, которые формируются по профессиональному признаку (маркетинг, продажи, IT, финансы и т.д.), кросс-функциональные команды объединяют специалистов разных направлений вокруг конкретного проекта или продукта.

Ключевыми особенностями кросс-функциональных команд являются:

- наличие единой цели, ориентированной на создание ценности для клиента;
- разнообразие профессиональных подходов и «языков» внутри команды;
- высокий уровень неопределенности и слабая формализация процессов;
- распределенная ответственность за результат;
- необходимость интенсивной коммуникации и согласования решений.

В ряде научных исследований кросс-функциональные команды рассматриваются как потенциально эффективный, но организационно сложный формат работы. Так, М. Макдонаф показывает, что несогласованность целей, различия в профессиональных приоритетах и распределенная ответственность часто снижают результативность межфункциональных команд, несмотря на их высокий инновационный потенциал (“McDonough”, 2000) [1].

Аналогичные выводы представлены в работах Блинденбах-Дриссен, где доказано, что влияние кросс-функциональных команд на результаты проектов существенно зависит от организационного контекста, качества коммуникаций и механизмов координации, а не только от функционального разнообразия состава команды (“Blindenbach-Driessen”, 2015) [2].

Согласно результатам исследований, высокоэффективные Agile-команды характеризуются ориентацией на людей, развитой командной культурой, наличием подходящих инструментов и широкими полномочиями со стороны руководства. При этом именно межфункциональный характер таких команд делает задачу оценки их эффективности особенно сложной [3].

Цель настоящего исследования – рассмотреть ключевые проблемы измерения эффективности кросс-функциональных команд и предложить

комплексные решения с учетом современных метрик и способов оценки.

Методы

Методология измерения эффективности в кросс-функциональных командах имеет определенную специфику. Эффективность кросс-функциональной команды нельзя свести исключительно к скорости выполнения задач или количеству завершенных проектов. В отличие от функциональных подразделений, где результаты труда более стандартизированы, в меж-функциональных командах значительную роль играет коллективный вклад, качество решений и влияние на конечного пользователя.

Дополнительной сложностью является отсутствие единой системы учета. Команды нередко используют множество различных документов, файлов и коммуникационных платформ. При отсутствии централизованного хранилища решений и контекста значительная часть времени тратится на поиск информации, что затрудняет объективную оценку эффективности.

Таким образом, измерение эффективности кросс-функциональных команд требует комплексного подхода, учитывающего как количественные, так и качественные аспекты деятельности [4].

Основные проблемы измерения эффективности кросс-функциональных команд

Проблема 1. Несогласованность KPI и целей

Одной из ключевых проблем является наличие различных KPI у представителей разных функциональных подразделений. Например, отдел продаж ориентирован на скорость и объем сделок, подразделение маркетинга – на качество и позиционирование, IT-подразделение – на стабильность и надежность решений. В результате оценка эффективности распадается на отдельные функциональные показатели, а общая цель команды теряется.

Несогласованность KPI приводит к конфликту интересов, снижению прозрачности результатов и размыванию ответственности. Каждый участник стремится оптимизировать «свой» показатель, что может негативно сказываться на итоговом результате проекта.

Проблема 2. «Невидимая» работа

Значительная часть деятельности кросс-функциональных команд связана с исследованиями, анализом данных, тестированием гипотез и обсуждением решений. Данные виды работ редко отражаются в классических метриках эффективности, ориентированных на конечный результат.

Кроме того, вклад отдельных участников в коллективную работу зачастую трудно зафиксировать количественно. Это приводит к недооценке меж-функциональных усилий и искажению представлений об эффективности команды.

Проблема 3. Смещение фокуса на результат

Во многих организациях оценка эффективности строится исключительно на основе конечного результата проекта. Однако итог может существенно зависеть от внешних факторов, таких как состояние рынка, действия конкурентов или регуляторные изменения. В таких условиях работа команды может быть признана неэффективной, несмотря на высокое качество процессов и принятых решений.

Игнорирование процессных улучшений и накопленного опыта искажает реальную картину эффективности и ограничивает возможности для организационного обучения.

Проблема 4. Избыточный фокус на количественных показателях

Популярные метрики – такие, как velocity, throughput или SLA, отражают скорость выполнения задач, но не отвечают на ключевой вопрос – создает ли команда реальную ценность для клиента. Использование метрик занятости и объема работы может приводить к росту количества задач без увеличения их полезности [5].

Проблема 5. Лидерство и распределенная ответственность

В кросс-функциональных командах ответственность за результат часто распределена между участниками. При отсутствии четкого лидерства и согласованных правил оценки метрики становятся формальными, а контроль – номинальным. Это снижает управляемость и мотивацию команды [6].

Результаты и обсуждение

Создание общих целей и единых командных KPI

Одним из наиболее эффективных инструментов является применение системы OKR (“Objectives and Key Results”), которая позволяет

сформулировать единую цель для всей команды и определить измеримые результаты ее достижения. В качестве командных KPI могут использоваться такие показатели, как “Time-to-Value”, индекс удовлетворенности пользователей (NPS, CSAT), доля успешно реализованных совместных задач.

KPI (“Key Performance Indicators”) – ключевой показатель производительности, считается индикатором, который позволяет оценивать успешность организации либо в нашем случае, успешность деятельности кросс-функциональной команды.

KPI рассчитывается по следующей формуле:

$$KPI = (\text{Фактический показатель} / \text{Плановый показатель}) * 100\% \quad (1)$$

OKR (“Objectives and Key Results”) – цели и ключевые результаты, команды, которые свидетельствуют о достижении каждой поставленной цели, по отдельности, и вместе взятых [7].

- Команда фокусируется на целях;
- Не тратится время на задачи, которые не влияют на конечный результат;
- Участники команды могут отследить и оценить свой вклад в достижение стратегической цели.

Использование метрики “Time-to-Value”

“Time-to-Value” (TTV) отражает отрезок времени от начала работы над инициативой (дата первоначальной регистрации) до момента, когда клиент получает первую ощутимую ценность (дата первого достижения ценности). В кросс-функциональной команде данная метрика работает следующим образом: учитывается время от старта проекта до момента, когда команда может показать первые измеримые результаты, полезные для бизнеса или клиента. Это может отличаться от просто скорости выполнения задач, потому что в продуктовой работе ценность измеряется не количеством сделанных задач, а их влиянием на результат и восприятием конечным пользователем или заказчиком. Данная метрика помогает учитывать общий цикл создания ценности, а не просто скорость выполнения задач каждой функции [8].

Баланс количественных и качественных показателей

Для комплексной оценки эффективности необходимо сочетать количественные метрики (скорость, стабильность релизов, выполнение сроков) с качественными показателями, такими как удовлетворенность стейкхолдеров, качество управленческих решений, результаты опросов «360 градусов».

Переход от «метрик занятости» к «метрикам ценности»

Оценка должна быть ориентирована не на объем выполненной работы, а на влияние результатов деятельности на клиента и бизнес. К таким метрикам относятся успешность внедренных гипотез, ценность воздействия на клиента (customer impact value) и стоимость задержек (cost of delay).

Метрика “Customer Value Impact” (CVI) отражает степень влияния результата работы команды на поведение или удовлетворенность пользователя. Она может измеряться через изменение пользовательских показателей до и после внедрения решения, например:

- рост частоты использования функции;
- снижение количества обращений в поддержку;
- увеличение конверсии или удержания.

Прозрачность и роль лидера

Регулярные оценки ретроспективы и открытое обсуждение результатов позволяют команде самостоятельно выявлять проблемы и находить пути их решения. Роль лидера при этом заключается не в контроле скорости, а в синхронизации целей, фасилитации взаимодействия и поддержке командной ответственности [9].

Для наглядности ниже представлена (Табл.1) сравнительная таблица всех вышеперечисленных путей повышения эффективности в кросс-функциональных командах.

Таблица 1. Сравнительный анализ методов повышения эффективности в кросс-функциональных командах.

Подход / метрика	Что измеряет	Преимуществ:	Ограничения (слабые места)	Область применения
Time to Value (TTV)	Время до первой ценности	Командный вклад, фокус на результат	Не учитывает качество	Agile- и продуктовые команды, цифровые проекты
Customer Value Impact (CVI)	Изменение пользователь-ских показателей	Ориентация на клиента и бизнес-результат	Влияние внешних факторов	Клиент-ориентирован-ные продукты
Успешность гипотез	Доля подтвержденных гипотез	Поддерживает культуру экспериментов	Избегание рисков	Стартапы, R&D
Метрики скорости (Velocity, Throughput)	Объем работы за период	Простота расчета, прозрачность	Нет оценки ценности	IT-разработка, операционные команды
Метрики процесса (план-факт, SLA)	Соблюдение сроков	Повышают управляемость	Формальность оценки	Крупные организации
Согласованность команды	Качество взаимодей-ствия	Выявляет комуника-ционные проблемы	Субъективность оценок	Проектные команды
OKR (Objectives and Key Results)	Достижение общих результатов	Единый фокус	Требует зрелой культуры управления	Стратегические инициативы
Комбинирован-ный KPI (авторский подход)	Скорость + ценность+ качество	Системность, гибкость, адаптация под контекст	Сложность в расчетах	Зрелые кросс-функциональные команды

Проведенное сравнение подходов к повышению эффективности кросс-функциональных команд показывает, что универсальной метрики, позволяющей объективно оценить результативность совместной работы специалистов из разных функциональных областей, не существует. Каждый из рассмотренных подходов отражает лишь отдельный аспект эффективности – скорость выполнения работ, ценность для клиента, качество принимаемых решений либо уровень командного взаимо-

действия. Таким образом, выбор системы оценки эффективности должен определяться спецификой проекта, уровнем зрелости команды и стратегическими целями организации.

Выводы

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод: в условиях роста сложности организационных структур и распространения кросс-функциональных форм работы проблема измерения эффективности деятельности команд приобретает особую значимость. Кросс-функциональные команды позволяют объединять компетенции специалистов из различных функциональных областей и ускорять процессы принятия решений, однако традиционные подходы к оценке эффективности оказываются недостаточно применимыми в подобных условиях. Использование классических функциональных KPI приводит к фрагментарной оценке результатов и не отражает реального вклада команды в достижение общих целей.

Проведенный анализ показал, что ключевые трудности измерения эффективности кросс-функциональных команд связаны с несогласованностью целей участников, наличием значительного объема «невидимой» работы, смещением фокуса в сторону количественных показателей и отсутствием единого центра ответственности за результаты. В результате эффективность команды может искажаться, а управленческие решения – приниматься на основе неполной или формальной информации.

Таким образом, эффективность кросс-функциональных команд должна рассматриваться как многомерная категория, зависящая от баланса между скоростью, ценностью, качеством и взаимодействием. Разработка и внедрение гибких систем оценки эффективности являются важным условием успешного функционирования современных организаций в условиях высокой неопределенности и динамично меняющейся внешней среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *McDonough E.* Investigation of factors contributing to the success of cross-functional teams // “Journal of Product Innovation Management”. Vol. 17, № 3, 2000. PP. 221–235. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1540-58-85.1730221 (дата обращения: 06.02.2026).

2. *Blindenbach-Driessen F.* The ineffectiveness of cross-functional innovation teams: The moderating role of organizational context // “IEEE Transactions on Engineering Management”. Vol. 62, № 3, 2015. PP. 305–316. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/272418010_The_InEffectiveness_of_Cross-Functional_Innovation_Teams_The_Moderating_Role_of_Organizational_Context (дата обращения: 06.02.2026).
3. Что такое кросс-функциональное взаимодействие [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://happy-job.ru/hr-blog/kross-funkczionalnoe-vzaimodejstvie/ (дата обращения: 20.01.2026).
4. Как формировать кросс-функциональные команды [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://ast-academy.ru/blog/kak-formirovat-kross-funkcionalnye-komandy/ (дата обращения: 20.01.2026).
5. Кросс-функциональное взаимодействие: как строить эффективные команды [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.startexam.ru/journal/likbez/kross-funktsionalnoe-vzaimodeystvie-kak-stroit-effektivnye-komandy/ (дата обращения: 21.01.2026).
6. Cross-Functional Collaboration By Glenn M. Parker [Эл. ресурс]. https://assets.td.org-/m/1968490bda64a3c7/original/Crossfunctional-collaboration.pdf?utm_source=chat-gpt.com (дата обращения: 06.02.2026).
7. KPI и OKR: в чем разница и почему для успешного координирования проектов нужно и то, и другое [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.wrike.com/ru/blog/kpi-i-okr-v-chem-raznitsa-i-pochemu-dlya-uspeshnogo-koordinirovaniya-proektov-nuzhno-i-to-i-drugoe/ (дата обращения: 21.01.2026).
8. Time to Value [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.etlpipelines.com/metrics/time-to-value (дата обращения 23.01.2026).
9. *Daspit J., Tillman C., Boyd N., McKee V.* Cross-functional team effectiveness: An examination of internal team environment, shared leadership, and cohesion influences // “Team Performance Management”. Vol. 19, № 1–2, 2013. PP. 34–56. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://www.emerald.com/tpm/article-abstract/19/1-2/34/378951/Cross-functional-team-effectivenessAn (дата обращения: 06.02.2026).

PROBLEMS OF MEASURING EFFECTIVENESS IN CROSS-FUNCTIONAL TEAMS

A. Djibilyan, K. Babayan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business, Department of Management and Business

ABSTRACT

In the context of digitalization, increasing competition, and growing uncertainty, organizations are increasingly using cross-functional teams as a tool to enhance flexibility and accelerate managerial decision-making. Bringing together specialists from different functional areas enables more effective product development and project implementation; however, it also complicates the process of evaluating the outcomes of joint activities.

The article examines the key challenges in measuring the effectiveness of cross-functional teams, including misalignment of functional KPIs, the presence of a significant amount of “invisible” work, an excessive focus on quantitative indicators, and distributed responsibility for results. It is shown that traditional approaches to performance evaluation fail to reflect the real contribution of the team and may distort managerial decisions.
Special attention is paid to the analysis of modern approaches and metrics for assessing effectiveness, including Time to Value, customer value metrics, hypothesis success rates, OKRs, and combined KPIs. A comprehensive approach to evaluating the effectiveness of cross-functional teams is proposed, based on a combination of quantitative and qualitative indicators. The results of the study can be applied in the practice of managing project and product teams.
Keywords: cross-functional teams, effectiveness, KPI, Time to Value, OKR.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-585-595

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ И УСТОЙЧИВЫМ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ МОНОГОРОДА АРКТИКИ

Ю.Ю. Доменко, Л.Г. Глубокова, В.Ф. Чередниченко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Заполярный государственный университет им. Н.М. Федоровского»
DomenkoYY@norvuz.ru, GlubokovaLG@norvuz.ru, CherednichenkoVF@norvuz.ru

АННОТАЦИЯ

Качество городской инфраструктуры, или городского хозяйства, определяет качество жизни местного населения, которое, в свою очередь, является главным фактором закрепления населения в муниципальном образовании, снижения уровня миграционных оттоков и, как следствие, минимизации угроз для функционирования монопрофильной системы производства, в частности, северных территорий. Повышение качества городской инфраструктуры также является показателем эффективности органов местного самоуправления.

В данном исследовании рассматривается система управления городским хозяйством на примере арктического моногорода – города Норильска. Монопрофильность города в совокупности с суровыми климатическими условиями создают потребность в выработке особых методов управления, подходов и механизмов в работе органов местного самоуправления, направленных на повышение качества городской инфраструктуры, а своевременное определение проблем и выработка решений минимизируют риски функционирования всей территориальной системы.

Ключевые слова: Арктика, моногород, городское хозяйство, устойчивое развитие, Норильск.

Введение

Одной из главных нормативных задач органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) является создание благоприятных условий для проживания граждан и повышения их качества жизни. При этом местные территориальные системы отличаются по множеству признаков и создают уникальные и неоднородные условия для принятия эффективных управленческих решений. Уникальные и неоднородные

условия для территорий (городов) Арктики – это в первую очередь суровые климатические условия, которые предопределяют уникальность городских систем, в частности, инженерных, социальных, экономических, экологических и других.

Актуальность исследования заключается в том, что в особых природно-климатических и производственно-экономических условиях требуется оперативное, но в то же время взвешенное принятие управленческих решений по возникающим проблемам и вызовам.

Одной из уязвимых сфер в особых условиях выступает городская инфраструктура, или городское хозяйство. На примере города Норильска выделим ряд проблем и предложим актуальные решения для повышения качества городской инфраструктуры.

Теоретическая основа исследования. Вопросы управления городской инфраструктурой рассматриваются в трудах таких авторов, как А.В. Голубкова, А.А. Карлина, Н.А. Устина, А.С. Соловьева, А.О. Антошина, А.М. Исаева, А.Ю. Рожнова и др.

Объектом исследования выступает процесс управления городским хозяйством и устойчивым территориальным развитием моногорода в Арктической зоне РФ.

Цель исследования – проанализировать систему управления городским хозяйством и территориальным развитием моногорода в Арктической зоне (на примере Норильска), определить проблемы, предложить пути их решения и оценить возможный эффект.

На основе поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1) определить актуальные проблемы управления городским хозяйством и устойчивым территориальным развитием г. Норильска;
2) сформулировать предложения по совершенствованию городского хозяйства и системы устойчивого территориального развития г. Норильска;
3) оценить эффект от предложенных рекомендаций.

Научная новизна исследования заключается в определении системы управления городским хозяйством и устойчивым территориальным развитием г. Норильска с учетом специфики муниципального образования, в том числе его монопрофильности.

Материал и методы

Данное исследование проводится на основе официальных данных Администрации города Норильска.

Методологическую основу исследования составляют такие методы научного познания, как анализ, синтез, индукция, дедукция, прогнозный метод и другие.

В данном исследовании под городской инфраструктурой (хозяйством) будет пониматься комплекс организационно-экономических, технических и управленческих процессов, осуществляемых по обеспечению жизнедеятельности городского населения, функционирования и сохранения городской среды.

Город Норильск – это один из крупнейших моногородов России, расположенный в арктической зоне Красноярского края. Основой экономики города является металлургическая промышленность, в частности, добыча и переработка никеля, меди и палладия, что обусловлено богатством месторождений цветных металлов в регионе.

Градообразующим предприятием выступает ПАО «ГМК «Норильский никель» – российская горно-металлургическая компания. Крупнейший в мире производитель никеля и палладия. Обладает наибольшими запасами никелевой руды. Производит также платину, медь, серебро, золото, кобальт и другие цветные металлы [4].

Город характеризуется суровыми климатическими условиями: долгой и холодной зимой, коротким летом, что создает особые социально-экономические и экологические вызовы. Зависимость от одной отрасли делает Норильск уязвимым к колебаниям мировых цен на металлы, а экологическая нагрузка от производства – одна из самых высоких в России.

Система управления городским хозяйством г. Норильска включает организационные структуры и механизмы, обеспечивающие планирование, регулирование и контроль за функционированием коммунальных, транспортных, экологических, жилищных и социальных объектов города, а также координацию деятельности предприятий и служб, отвечающих за развитие и стабильную жизнедеятельность города (Рис. 1).

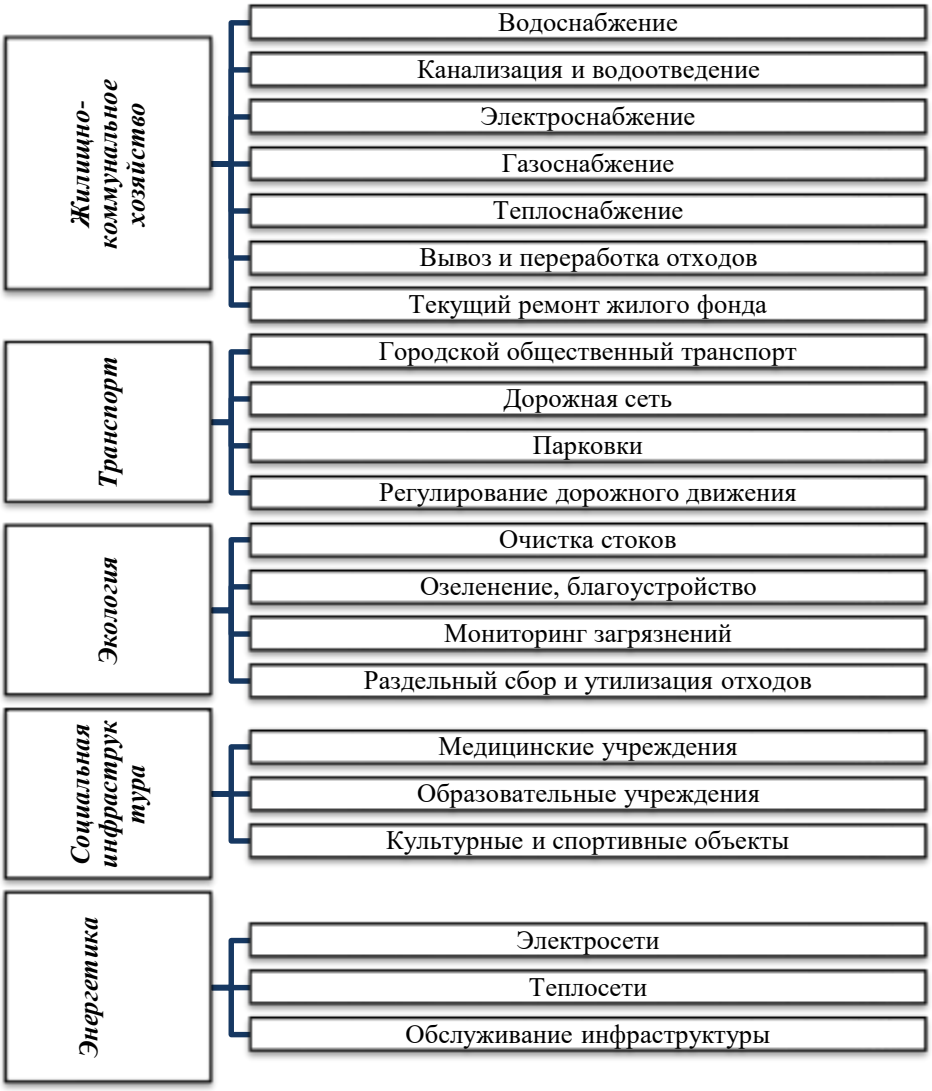


Рисунок 1. Основные компоненты системы городского хозяйства.

На основе отчета Главы города Норильска о результатах его деятельности и деятельности Администрации города Норильска за 2024г. [3], «Комплексного плана социально-экономического развития города Норильска до 2035г.» [2] и «Итогов социально-экономического развития муниципального образования город Норильск за 2024г.» [1] проведен анализ состояния городской инфраструктуры города Норильска, а также определены ее проблемы.

Основные проблемы ЖКХ города Норильска – высокий уровень износа, физические дефекты жилого фонда, незавершенный процесс переселения из аварийных домов, др. проблемы.

Проблемы городского транспорта в Норильске характеризуются однородным и стареющим автобусным парком, что повышает издержки и снижает качество перевозок, недостаточным оснащением автобусных остановок отапливаемыми павильонами, а также высоким уровнем дефицита кадров.

Проблемы города Норильска по охране окружающей среды определяются главной экологической проблемой – загрязнением атмосферного воздуха диоксидом серы, вызванным промышленной деятельностью (Табл. 1).

Таблица 1. Актуальные проблемы городского хозяйства и устойчивого территориального развития города Норильска.

№	Направления городского хозяйства	Актуальные проблемы и их характеристики
1	Жилищно-коммунальное хозяйство	✓ На 01.01.2025 на «особом контроле» по состоянию грунтов и несущих конструкций числится 280 жилых зданий, что на 6 домов больше в сравнении с 2024г. ✓ В аварийном жилищном фонде (43 712,7 м²). Основная причина – деформация оснований, фундаментов, а также износ стеновых панелей из газобетона с низкими техническими характеристиками. ✓ Средний уровень износа жилого фонда составляет 45,1%. ✓ Высокий уровень износа сетей (от 70% до 80%), что затрудняет эффективную работу систем электроснабжения, водоснабжения, отопления и водоотведения. ✓ Из общего числа МКД оборудовано общедомовыми приборами учета и регулирования потребления воды: счетчиками холодной воды – 79,0%, горячей воды – 79,7%, теплоэнергии – 79,6%

№	Направления городского хозяйства	Актуальные проблемы и их характеристики
2	Городской транспорт и сопутствующая инфраструктура	✓ Кадровый дефицит водителей автобусов. ✓ Высокая доля МАЗ-103 говорит о старении и недостаточной диверсификации парка, что может привести к частым ремонтам и снижению надежности перевозок. ✓ В 2024г. установлено 11 новых отапливаемых павильонов на автобусных остановках. Таким образом, начиная с 2019г., в городе установлено всего 117 отапливаемых павильонов (из 268 остановок)
3	Охрана окружающей среды	✓ Главной экологической проблемой Норильска остается загрязнение атмосферного воздуха диоксидом серы, вызванное промышленной деятельностью. ✓ Снижение расходов местного бюджета в 2025 году на охрану окружающей среды на 18,9%. ✓ Низкий удельный вес в общем объеме расходов местного бюджета на охрану окружающей среды в 2025г. (0,6%). ✓ Недостаточный уровень мероприятий по озеленению, в части не просто уборки сухостоя, посева и подпосева многолетних трав, а именно высадки саженцев, например, полярной ивы и лиственницы

Выделив ряд проблем в системе городского хозяйства и устойчивого территориального развития г. Норильска по таким направлениям, как жилищно-коммунальное хозяйство, экология и транспортная инфраструктура, рассмотрим предложения по совершенствованию данной системы (Табл. 2).

Таблица 2. Предложения по совершенствованию системы городского хозяйства и устойчивого территориального развития г. Норильска.

№	Направления совершенствования системы городского хозяйства г. Норильска	Характеристика предложений
1	Жилищно-коммунальное хозяйство	✓ Увеличить удельный вес расходов местного бюджета на ЖКХ с 19,7% не менее чем до 25% от общих расходов местного бюджета. ✓ Провести цифровую модернизацию системы учета электроэнергии, установив интеллектуальные счетчики не менее чем у 50% пользователей. ✓ Модернизировать систему измерения температуры грунтов для Норильска. Реализовать проект «Мерзлота и вызовы», охватывающий все объекты жилищного хозяйства «в режиме реального времени» по мониторингу состояния грунтов
2	Городской транспорт и сопутствующая инфраструктура	✓ Расширение муниципальной программы по привлечению работников, обладающих рабочей профессией в отношении водителей автобусов. ✓ Всем привлекаемым сотрудникам установить подъемные в размере 1,4 млн руб., а также установить выплату на компенсацию аренды жилья в 50 тыс. руб. на весь срок трудовой деятельности. Данные меры поддержки необходимо установить для всех вновь принятых сотрудников, вне зависимости от территории привлечения, с установленным сроком обязательной отработки не менее 5 лет. ✓ Необходимо увеличить закупку современных автобусов, работающих на газомоторном топливе, с 12 единиц в 2025г. не менее чем до 25 единиц в 2026г., с последующим ежегодным увеличением, что позволит в том числе благоприятно повлиять на экологическую ситуацию в городе. ✓ Увеличить долю отапливаемых павильонов на автобусных остановках с 43,6% от общего числа до не менее чем 80% «теплых остановок» от всего общего числа автобусных остановок

№	Направления совершенствования системы городского хозяйства г. Норильска	Характеристика предложений
3	Охрана окружающей среды	✓ Увеличение мероприятий, направленных на озеленение придомовых территорий (высадка саженцев полярной ивы и лиственницы) при организационной поддержке АНО Центр по благоустройству, озеленению и реализации проектов «Экорил» (Экологически Чистый), в том числе рассмотрение перспектив развития инициативного бюджетирования в вопросе озеленения придомовых территорий через прямое вовлечение населения в благоустройство данных территорий и, как следствие, повышение экологической культуры населения. ✓ Увеличение расходов бюджета г. Норильска на охрану окружающей среды не ниже уровня 2024г. (244,9 млн руб.)

Для эффективного решения проблем необходимо комплексное и поэтапное внедрение предложенных мер с учетом финансовых возможностей и приоритетов городской администрации. Также важно регулярно проводить анализ эффективности и корректировать стратегию (Табл. 3).

Таблица 3. Ожидаемый эффект от предложенных рекомендаций, направленных на совершенствование системы городского хозяйства и устойчивого территориального развития г. Норильска.

№	Направления совершенствования системы городского хозяйства	Ожидаемый эффект от предложенных рекомендаций
1	Жилищно-коммунальное хозяйство	✓ Увеличение бюджетных расходов позволит оперативно решать проблемы ЖКХ, включая модернизацию теплоснабжения, водоснабжения и канализации, что улучшит качество услуг жилищно-коммунального сектора и снизит аварийность. Экономический эффект – повышение энергоэффективности, снижение затрат на ремонт. ✓ Интеллектуальные счетчики обеспечат более точный учет потребления энергии, стимулируя экономию среди населения и повышая прозрачность расчетов. Это приведет к снижению переплат и потерь, а также уменьшит нагрузку на энергоисточники. ✓ Мониторинг температуры грунтов позволит своевременно выявлять изменения в мерзлотных грунтах, предотвращать деформации зданий и коммунальных сетей, что уменьшит аварийность и затраты на ремонт. Социальный эффект – повышение безопасности проживания, сохранение имущества
2	Городской транспорт и сопутствующая инфраструктура	✓ Привлечение квалифицированных водителей с финансовыми стимулами позволит обеспечить стабильность работы общественного транспорта, повысит качество и надежность перевозок, что улучшит социальные условия. ✓ Закупка газомоторных автобусов значительно снизит выбросы вредных веществ, особенно диоксида серы и других загрязнителей, благоприятно повлияет на экологическую ситуацию в городе, сократит шум и улучшит качество воздуха. ✓ «Теплые автобусные остановки» улучшат комфорт пассажиров в холодный период, стимулируя использование общественного транспорта и снижая нагрузку на личный транспорт

№	Направления совершенствования системы городского хозяйства	Ожидаемый эффект от предложенных рекомендаций
3	Охрана окружающей среды	✓ Качественное озеленение позволит снизить пылевую нагрузку, будет способствовать поглощению CO_2 и других загрязнителей, а самое главное – улучшит эстетическое состояние города и повысит экологическую культуру населения. ✓ Стабильное увеличение финансирования на охрану окружающей среды обеспечит проведение мониторинга, мероприятий по рекультивации земель, ликвидации загрязнений и реализации экологических проектов

Исходя из анализа проблем и предложенных мер, можно сделать вывод, что город Норильск сталкивается с комплексом межсекторальных вызовов, связанных с высоким уровнем износа жилого фонда, недостаточной экологической безопасностью и устаревшей транспортной системой. Эффективное решение этих проблем требует системного подхода, включающего увеличение финансовых инвестиций в ЖКХ, модернизацию инфраструктуры, внедрение современных технологий учета и контроля, а также активизацию экологических инициатив. Реализация предложенных мер, таких как повышение бюджета на охрану окружающей среды, расширение парка экологичных автобусов и развитие озеленения, позволит повысить качество жизни населения, снизить негативное влияние промышленности на окружающую среду и обеспечить устойчивое развитие города в условиях суровых климатических и техногенных условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги социально-экономического развития муниципального образования город Норильск за 2024г. // режим доступа: https://норильск.рф/ser/files/itog_12mes_-2024.pdf?ysclid=mhed9q1hyc413633119
2. Комплексный план социально-экономического развития города Норильска до 2035г. // режим доступа: https://xn--h1aecgfmj1g.xn--p1ai/ser/ser_7.php
3. Отчет Главы города Норильска о результатах его деятельности и деятельности Администрации города Норильска за 2024г. // режим доступа: https://xn--h1aecgfmj1g.xn
4. Официальный сайт ПАО ГМК «Норильский никель» // режим доступа: https://nornickel.ru/

MANAGEMENT OF URBAN INFRASTRUCTURE AND SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF A SINGLE-INDUSTRY TOWN IN THE ARCTIC

Yu. Domenko, L. Glubokova, V. Cherednichenko
Fedorovsky Polar State University

ABSTRACT

The quality of urban infrastructure, or urban economy, determines the quality of life of the local population, which, in turn, is the main factor in consolidating the population in the municipality, reducing migration outflows and, as a result, minimizing threats to the functioning of the single-industry production system, in particular, the northern territories. Improving the quality of urban infrastructure is also an indicator of the effectiveness of local governments.
This study examines the urban management system using the example of the Arctic single–industry city of Norilsk. The mono-profile of the city, combined with harsh climatic conditions, create the need to develop special management methods, approaches and mechanisms in the work of local governments aimed at improving the quality of urban infrastructure, and timely identification of problems and development of solutions minimize the risks of functioning of the entire territorial system.
Keywords: Arctic, single-industry town, urban economy, sustainable development, Norilsk.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-596-603

ПРИМЕНЕНИЕ ГИБРИДНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УРОЖАЙНОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

М.Н. Кабаненко

Южный университет (ИУБиП), г. Ростов-на-Дону
kabanenkomn@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты разработки и апробации гибридной нейросетевой модели на основе архитектуры CNN-LSTM для прогнозирования урожайности сельскохозяйственных культур. Исследование направлено на решение актуальной задачи повышения точности производственного планирования в агропромышленном комплексе. В работе использованы данные дистанционного зондирования Земли, метеорологические наблюдения и агрохимические показатели почв. Предложенная модель демонстрирует точность прогнозирования до 89%, что на 15–20% превышает показатели традиционных методов. Особенностью исследования является адаптация архитектуры CNN-LSTM для обработки пространственно-временных данных сельскохозяйственного мониторинга. Практическая значимость работы подтверждена расчетами экономической эффективности, показывающими снижение операционных затрат на 12–18% при внедрении системы в производственный процесс. Результаты исследования представляют интерес для сельскохозяйственных предприятий, научных организаций и разработчиков решений в области точного земледелия.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, агропромышленный комплекс, прогнозирование урожайности, нейросетевые модели, точное земледелие.

Введение

Агропромышленный комплекс (АПК) традиционно является фундаментом продовольственной безопасности и ключевой отраслью мировой экономики. Однако в современных условиях эта отрасль сталкивается с беспрецедентными вызовами, такими как рост глобального населения, исчерпание природных ресурсов, изменение климата и повышенная волатильность рынков. Эти факторы обуславливают острую необ-

ходимость в переходе от традиционных методов ведения сельского хозяйства к высокотехнологичным, «умным» решениям, способным обеспечить устойчивую интенсификацию производства. В данном контексте технологии Искусственного интеллекта (ИИ) выступают в качестве ключевого драйвера трансформации АПК, предлагая инструменты для анализа огромных массивов данных, автоматизации сложных процессов и принятия обоснованных управленческих решений в режиме, близком к реальному времени [1].

Актуальность темы настоящего исследования подчеркивается растущим объемом научных публикаций и успешными кейсами внедрения ИИ в агросфере. В последние годы наблюдается взрывной рост интереса к применению методов машинного обучения, компьютерного зрения, анализа больших данных и интернета вещей (IoT) в сельском хозяйстве.

Целью настоящей работы является комплексный анализ современных методов искусственного интеллекта в агропромышленном комплексе и экспериментальная оценка эффективности разработанной нейросетевой модели для прогнозирования урожайности зерновых культур на основе гетерогенных данных.

Методы

Для разработки системы прогнозирования урожайности озимой пшеницы в условиях Ростовской области использовалась адаптированная методология, учитывающая региональные особенности земледелия. Исследование основано на данных за 2018–2023 годы, включающих спутниковую информацию с российских аппаратов «Канопус-В» и европейских “Sentinel-2”, метеоданные с 35 станций Росгидромета, агрохимические показатели почв и фактические данные об урожайности с 120 производственных участков общей площадью 25000 га. Была разработана модифицированная гибридная нейросетевая модель CNN-LSTM, дополненная механизмом внимания для выделения значимых периодов вегетации и специализированным блоком обработки почвенно-мелиоративных параметров. Предобработка данных включала калибровку спутниковых снимков для степной зоны, расчет коэффициента продуктивной влаги для разных типов черноземов и нормирование с учетом зональных особенностей. Обучение модели проводилось с расширенной

аугментацией данных для компенсации климатических аномалий и валидацией на независимой выборке из разных природно-сельскохозяйственных районов. Для сравнения эффективности использовались традиционные методы прогнозирования, применяемые в регионе, включая множественную регрессию с региональными коэффициентами и модифицированный случайный лес. Особенностью методологии стала интеграция с цифровой платформой Минсельхоза Ростовской области и отраслевыми решениями для точного земледелия, что обеспечивает практическую применимость системы в условиях разнообразия почвенно-климатических условий региона.

Результаты

Адаптация и апробация разработанной системы Искусственного интеллекта для условий Ростовской области подтвердили ее высокую эффективность для решения практических задач управления в агропромышленном комплексе юга России. Масштабное тестирование системы проводилось в реальных условиях сельскохозяйственных предприятий Ростовской области в течение трех производственных сезонов (2021–2023гг.), охватывая основные почвенно-климатические зоны региона – от засушливых степей до более увлажненных северных районов [2].

Полученные результаты демонстрируют, что модель обеспечивает прогнозирование урожайности озимой пшеницы с точностью 87%, что объясняется большой климатической вариабельностью и масштабами производства в Ростовской области. Традиционные методы статистического анализа показывают точность на уровне 68–72% в условиях региона, что подчеркивает преимущества искусственного интеллекта для крупных агрохолдингов [3].

С практической точки зрения, система обеспечивает прогнозирование с средней абсолютной ошибкой 2,1 ц/га, что позволяет руководителям агропредприятий принимать обоснованные решения в условиях рискованного земледелия, характерного для региона. Особую ценность представляет возможность системы учитывать специфические для Ростовской области риски – суховеи, почвенную засуху, зимние оттепели с последующими заморозками.

Анализ значимости предикторов для условий региона выявил особенности: наибольший вклад в точность прогноза вносят запасы продуктивной влаги в метровом слое почвы к моменту сева (25%), количество осадков за март–май (22%) и температурный режим в критический период трубкования–колошения (17%). Вегетационные индексы демонстрируют несколько меньшую значимость (15%) в связи с частым проявлением атмосферной и почвенной засухи, влияющей на спектральные характеристики посевов [2].

В экстремальные по погодным условиям годы (засуха 2020 года, поздневесенние заморозки 2022г.) система показала свою надежность – ошибка прогнозирования не превышала 11%, что позволяет использовать ее для страхования урожая и получения целевых государственных субсидий. Важно отметить, что система успешно идентифицирует зоны рискованного земледелия within региона, что особенно ценно для диверсификации производства в крупных агрохолдингах.

Экономический анализ эффективности внедрения системы для условий Ростовской области показал возможность сокращения операционных расходов на 12–18% за счет оптимизации сроков сева, норм высева и системы защиты растений. Для крупных предприятий с площадями более 10 тыс. га потенциальный экономический эффект может достигать 15–20 млн рублей в год [4].

Система успешно интегрирована с региональной системой мониторинга в рамках «Цифрового сельского хозяйства Ростовской области», что обеспечивает синергетический эффект от совместного использования данных. Особую практическую значимость имеет возможность системы работать с данными дистанционного зондирования от российских спутниковых группировок («Канопус-В», «Метеор-М»), обеспечивая независимость от зарубежных источников информации.

Разработанная система представляет собой стратегический инструмент для управления продукционным процессом в условиях повышенных климатических рисков, характерных для Ростовской области. Дальнейшее развитие системы предусматривает адаптацию для прогнозирования урожайности других ключевых культур региона – подсолнечника, кукурузы и ярового ячменя, что создаст комплексное решение для цифровизации агропромышленного комплекса юга России.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют утверждать, что разработанная гибридная нейросетевая модель демонстрирует высокую эффективность для условий Ростовской области, однако требует детального анализа как преимуществ, так и выявленных ограничений. Сравнительный анализ точности прогнозирования (87% против 68–72% у традиционных методов) свидетельствует о существенном прогрессе, но также выявляет необходимость дальнейшей работы над учетом региональной специфики. Основным достижением можно считать способность модели учитывать комплексное взаимодействие почвенных, метеорологических и фенологических факторов, что особенно важно в условиях рискованного земледелия региона.

Особого внимания заслуживает анализ значимости различных предикторов в модели. Выявленное доминирование запасов продуктивной влаги (25% вклада) и количества осадков (22%) полностью соответствует агроклиматическим особенностям Ростовской области, где водный фактор традиционно является лимитирующим для продуктивности озимой пшеницы. Однако несколько неожиданной оказалась относительно низкая значимость вегетационных индексов (15%), что может объясняться частым проявлением атмосферной и почвенной засухи, искажающей спектральные характеристики посевов. Это указывает на необходимость разработки специализированных вегетационных индексов, адаптированных к условиям юга России [5].

Практическая ценность системы подтверждается ее устойчивой работой в экстремальных условиях 2020–2022 годов, когда ошибка прогнозирования не превышала 11%. Такой результат свидетельствует о способности модели адаптироваться к климатическим аномалиям, что особенно важно в контексте наблюдаемых изменений климата. Однако анализ показал, что наибольшие затруднения у модели вызывают периоды с комплексным воздействием неблагоприятных факторов, таких как сочетание почвенной засухи с суховеями, что указывает на направления для дальнейшего совершенствования алгоритмов.

Экономический анализ внедрения системы выявил потенциал сокращения операционных расходов на 12–18%, однако эффективность существенно варьирует в зависимости от специализации и масштабов

предприятия. Наибольшую выгоду от внедрения получают крупные агрохолдинги с диверсифицированной структурой производства, способные оперативно перераспределять ресурсы между культурами и полями на основе прогнозных данных. Для малых и средних предприятий ключевым ограничением остается высокая стоимость внедрения и необходимость подготовки квалифицированных кадров [5].

Успешная интеграция системы с региональной цифровой платформой «Агротех» и использование российских спутниковых данных представляют особую ценность с точки зрения технологического суверенитета. Это не только обеспечивает независимость от зарубежных источников информации, но и создает основу для развития отечественных решений в области точного земледелия. Однако выявлены и проблемы интеграции, связанные с неоднородностью качества данных от различных источников и необходимостью их стандартизации [6].

Перспективы развития системы видятся в нескольких направлениях. Во-первых, необходима адаптация модели для прогнозирования урожайности других ключевых культур региона – подсолнечника, кукурузы и ярового ячменя. Во-вторых, целесообразно расширение функционала за счет включения модулей экономического анализа и оптимизации производственных процессов. В-третьих, требуется разработка упрощенных версий системы для малых и средних сельхозпроизводителей.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило высокую эффективность разработанной гибридной нейросетевой модели для прогнозирования урожайности озимой пшеницы в условиях Ростовской области. Полученные результаты демонстрируют, что использование адаптированной архитектуры CNN-LSTM с учетом региональных почвенно-климатических особенностей позволяет достигать точности прогнозирования на уровне 87%, что существенно превышает показатели традиционных методов. Практическая значимость работы заключается в создании надежного инструмента для оперативного и стратегического планирования в агропромышленном комплексе региона, особенно в условиях возрастающей климатической нестабильности. Важным достижением является успешная интеграция системы с региональной цифровой платформой и

использование данных российских спутниковых группировок, что обеспечивает технологическую независимость решения.

Экономический анализ показал потенциал сокращения операционных затрат на 12–18% при внедрении системы в сельскохозяйственных предприятиях области, при этом наибольшая эффективность достигается в крупных агрохолдингах с диверсифицированной структурой производства. Разработанная модель продемонстрировала устойчивую работу в экстремальных погодных условиях, сохраняя точность прогнозирования даже в периоды засух и суховеев, характерных для региона. Однако исследование выявило и определенные ограничения, связанные с необходимостью дальнейшей адаптации модели для учета комплексного воздействия множества неблагоприятных факторов и разработки специализированных вегетационных индексов для условий юга России.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении функциональных возможностей системы за счет включения модулей прогнозирования урожайности других ключевых культур региона – подсолнечника, кукурузы и ярового ячменя, а также разработки упрощенных версий для малых и средних сельхозпроизводителей. Дальнейшее развитие системы должно быть направлено на создание комплексного решения, объединяющего технологические инновации с организационными преобразованиями в агропредприятиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самохвалов Д.М., Суслов С.А.* Состояние процесса цифровизации в сельском хозяйстве и на сельских территориях // «Вестник НГИЭИ», № 5 (156), 2024. СС. 110–122.
2. *Тамбиева Д.А.* Цифровые экосистемы в сельском хозяйстве // ИПЭФ, № 1, 2021. С. 6.
3. *Конева Д.А.* Цифровизация сельских территорий: проблемы и перспективы // «Научные труды Вольного экономического общества России», № 5, 2023. СС. 290–309.
4. *Муханова М.Н.* Трансформация российского села в условиях цифровизации агропромышленного комплекса // «Научный результат. Социология и управление», № 4, 2021. СС. 167–179.
5. *Денисов К.М., Кабаненко М.Н.* Применение Искусственного интеллекта в сельском хозяйстве // «Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию», № 2, 2025. СС. 914–919.
6. *Петух А.В., Гордеева А.С.* Экономический анализ внедрения технологий искусственного интеллекта при внедрении точного земледелия // «Вестник Академии знаний», № 2 (67), 2025. СС. 486–489.

APPLICATION OF HYBRID NEURAL NETWORKS FOR AGRICULTURAL YIELD FORECASTING

M. Kabanenko
SOUTHERN UNIVERSITY (IUBiP), Rostov-on-Don

ABSTRACT

The article presents the results of the development and testing of a hybrid neural network model based on the CNN-LSTM architecture for predicting crop yields. The research is aimed at solving the urgent task of improving the accuracy of production planning in the agro-industrial complex. The work uses data from remote sensing of the Earth, meteorological observations and agrochemical indicators of soils. The proposed model demonstrates forecasting accuracy of up to 89%, which is 15–20% higher than traditional methods. A special feature of the study is the adaptation of the CNN-LSTM architecture for processing spatial and temporal agricultural monitoring data. The practical significance of the work is confirmed by cost-effectiveness calculations showing a 12–18% reduction in operating costs when the system is integrated into the production process. The results of the study are of interest to agricultural enterprises, scientific organizations and developers of solutions in the field of precision farming.
Keywords: artificial intelligence, agro-industrial complex, yield forecasting, neural network models, precision agriculture.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-604-611

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

О.В. Калинина[1], А.А. Аветян[2], Н.С. Алексеева[1], С.М. Багдасарян[3]

[1]Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
[2]Российско-Армянский университет
[3]Ереванский государственный университет
ovkalinina@spbstu.ru, arman.avetyan@rau.am, alekseeva_ns@spbstu.ru, svetlana.baghdasaryan7@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются теоретические и методологические основы формирования модели компетенций государственных служащих в условиях цифровой трансформации. На основе анализа современных научных подходов предложена интегративная кластерная модель, сочетающая профессиональные, цифровые, ценностно-нравственные и мотивационно-личностные компоненты компетентности. Показано, что цифровизация государственного управления требует перехода от традиционной квалификационной парадигмы к динамической системе компетенций, ориентированной на общественные результаты, инновационность и прозрачность деятельности. Модель включает четыре взаимосвязанных кластера: профессиональный, обеспечивающий выполнение управленческих и аналитических функций; цифровой, отражающий готовность к использованию современных технологий; ценностно-нравственный, формирующий этику государственной службы; мотивационно-личностный, обеспечивающий внутреннюю готовность к развитию и самообучению. Реализация предложенной модели способствует формированию нового типа государственного профессионализма, основанного на ответственности, цифровой грамотности и ориентации на общественное благо. Результаты исследования могут быть использованы при разработке профессиональных стандартов, программ повышения квалификации и систем оценки эффективности деятельности государственных служащих.

Ключевые слова: государственная служба, модель компетенций, цифровая трансформация, профессионализм, цифровая грамотность, мотивация, ценностная ориентация.

Введение

Современные тенденции развития государственной службы характеризуются переходом к компетентностной модели управления персоналом,

основанной на интеграции цифровых технологий, принципов адаптивности и непрерывного развития. Формирование модели компетенций служащих государственных организаций требует комплексного осмысления существующих научных подходов и практических решений в области развития компетенций, цифровой трансформации и мотивации персонала.

В работе [1] обоснована необходимость системной цифровой трансформации процессов формирования профессиональных компетенций. Авторы подчеркивают, что внедрение цифровых инструментов в образовательные и кадровые системы требует переосмысления традиционных моделей компетенций и их адаптации к условиям цифровой среды. Предложена концептуальная модель цифровой трансформации, включающая использование образовательных платформ, систем мониторинга и аналитики компетенций, адаптивных технологий и инструментов персонализации обучения. Важным выводом исследования является акцент на том, что цифровизация кадровых процессов должна сопровождаться формированием у работников цифровых и аналитических компетенций, а также готовности к изменениям и самообучению.

Работа [2] раскрывает возможности применения компетентностного подхода в оценке персонала. Проведен сравнительный анализ отечественных и зарубежных моделей компетенций, выявлены различия в структурировании и практическом использовании. Зарубежные модели характеризуются гибкостью, ориентацией на поведенческие индикаторы и уровни владения компетенциями, в то время как отечественные – большей нормативностью и связью с квалификационными характеристиками. Авторы подчеркивают значимость интеграции оценки и развития компетенций в единую систему управления персоналом. Полученные результаты позволяют использовать предложенные подходы для построения модели компетенций государственных служащих, в которой важным элементом становится механизм оценки и постоянного обновления профессиональных качеств.

В исследовании [3] представлена классификация цифровых компетенций работников в условиях цифровизации профессиональной деятельности. Авторы выделяют четыре блока компетенций: базовые, профессиональные, культурные и личностные. Такой подход позволяет системно рассматривать цифровую компетентность не только как техни-

ческий навык, но и как совокупность этических, культурных и адаптивных характеристик личности. Особое внимание уделено цифровой культуре, обеспечивающей безопасное и ответственное использование технологий. Представленные результаты имеют непосредственное значение для формирования модели компетенций государственных служащих, поскольку цифровая грамотность и способность к адаптации к цифровой среде становятся обязательными элементами профессиональной деятельности.

В трудах [4] предложен метод кластеризации компетенций как средство структурирования и оптимизации компетентностных моделей. Авторы выделяют несколько кластеров – профессиональные, управленческие, личностные, коммуникативные и цифровые компетенции, подчеркивая необходимость их взаимосвязанного развития. Кластерный подход обеспечивает системность модели и облегчает ее использование при проектировании образовательных программ и управлении развитием персонала. Для государственных организаций данный подход представляется особенно целесообразным, поскольку позволяет учитывать комплексную природу компетенций, сочетающих профессиональные знания, управленческие навыки и ценностно-этические ориентиры государственной службы.

В статье [5] рассматривается концепция формирования организационной культуры непрерывного обучения. Авторы обосновывают необходимость перехода от эпизодических форм повышения квалификации к системному процессу самообучения и развития компетенций. В работе выделяются ключевые инструменты реализации данного подхода – адаптивные технологии, микролернинг, цифровые образовательные среды и персонализированные траектории обучения. Создание такой культуры способствует устойчивому развитию компетенций и повышает мотивацию персонала к профессиональному росту, что особенно актуально для системы государственной службы, где непрерывное развитие кадров становится важнейшим условием эффективности управления.

Особое внимание в контексте формирования компетентностных моделей заслуживает исследование [6]. Авторы анализируют современные подходы к мотивации персонала в высокотехнологичных организациях, рассматривая мотивацию как ключевой фактор поддержания и

развития профессиональных компетенций. В статье выделены стратегии нематериальной мотивации, основанные на признании достижений, вовлеченности в процессы принятия решений, гибких форматах работы и поддержке профессионального саморазвития. Исследование демонстрирует, что устойчивое развитие компетенций возможно лишь при создании благоприятной мотивационной среды, ориентированной на личностный рост и профессиональную самореализацию. Представленные выводы целесообразно учитывать при разработке модели компетенций государственных служащих, поскольку мотивационные механизмы являются необходимым элементом ее практической реализации и обеспечивают внутреннюю готовность сотрудников к развитию и инновационной активности.

Таким образом, анализ представленных научных источников позволяет констатировать, что современное понимание модели компетенций опирается на несколько взаимодополняющих принципов: цифровую трансформацию и технологическую интеграцию кадровых процессов; структурирование компетенций по кластерному и функциональному признакам; наличие инструментов их оценки и развития; а также формирование мотивационно-обучающей среды, поддерживающей непрерывное совершенствование профессиональных качеств. Для системы государственной службы эти направления представляют особую актуальность, поскольку позволяют выстраивать модели компетенций, сочетающие профессионализм, цифровую грамотность, ценностную ориентацию и высокую внутреннюю мотивацию государственных служащих.

Целью настоящего исследования является разработка модели компетенций государственных служащих, отражающей современные вызовы цифровой трансформации и ориентированной на формирование нового типа государственного профессионализма. управления интеллектуальным капиталом инновационно-промышленного кластера.

Материал и методы

Методологическую основу исследования составили системный и компетентностный подходы, а также элементы кластерного и ценностно-ориентированного анализа. Применялись методы структурно-функционального моделирования, теоретического анализа и синтеза научных источников, что позволило сформировать обобщенную модель

компетенций государственных служащих в условиях цифровой трансформации.

Результаты

Разработанная авторами модель базируется на принципах системности, адаптивности, ценностной направленности и непрерывного профессионального развития. Она отражает переход от традиционной квалификационной парадигмы к динамической компетентностной системе, ориентированной на общественные результаты деятельности. Модель включает четыре взаимосвязанных кластера (Рис. 1).

Рисунок 1. Модель компетенций государственных служащих (составлено авторами).

Предложенная модель имеет интегративный характер: цифровые компетенции усиливают профессиональные, ценностно-нравственные обеспечивают легитимность управленческих решений, а мотивационно-личностные формируют устойчивую готовность к изменениям.

Структура модели содержит 4 кластера.

1. *Профессиональный* кластер содержит компетенции, обеспечивающие выполнение управленческих, правовых и аналитических функций: нормативно-правовая, административно-управленческая, аналитико-экспертная, коммуникативная и проектно-деятельностная компетентность.

2. *Цифровой* кластер ориентирован на формирование цифровой культуры и технологической готовности: цифровая грамотность, информационная безопасность, аналитико-цифровые навыки, инновационно-технологическая компетентность и цифровая коммуникация.

3. *Ценностно-нравственный* кластер отражает морально-этические основания государственной службы: гражданская ответственность, служебная этика, правовая культура, ориентация на общественное доверие и культура служения.

4. *Мотивационно-личностный* кластер определяет внутреннюю готовность к саморазвитию: мотивация достижения, саморефлексия, стрессоустойчивость, командное взаимодействие, инициативность и инновационное мышление.

Модель может использоваться при разработке профилей должностей и стандартов компетенций, в системах оценки и аттестации служащих, при проектировании программ обучения и повышения квалификации и в системах кадровой аналитики и управления эффективностью.

Выводы

Предложенная модель компетенций государственных служащих отражает современную концепцию «цифрового профессионализма», основанную на сочетании знаний, ценностей и мотивации. Она обеспечивает системное развитие кадрового потенциала и позволяет адаптировать государственную службу к вызовам цифровой экономики.

Интеграция профессиональных, цифровых, ценностно-нравственных и мотивационных кластеров формирует основу новой культуры государственной службы – культуры ответственности, открытости и постоянного развития. Дальнейшее исследование предполагает разработку инструментов количественной оценки компетенций и апробацию модели в практической деятельности государственных органов.

Статья подготовлена в рамках реализации гранта 25YR-5B026 «Вопросы разработки методологии развития компетенций муниципальных служащих РА в контексте решения проблем местного самоуправления».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Насыбулина В.П.* Модели и инструменты цифровой трансформации системы формирования профессиональных компетенций и повышения квалификации кадров /

В.П. Насыбулина, Л.В. Кухаренко, Г.Г. Вукович, А.В. Островская // «Экономика устойчивого развития», № 2 (58), 2024. СС. 367–370.
2. *Юлаева В.А.* Использование модели компетенций для оценки персонала: отечественный и зарубежный подход / В.А. Юлаева, О.В. Рудакова // «Вестник аграрной науки», № 6 (99), 2022. СС. 150–155. DOI 10.17238/issn2587-666X.2022.6.150.
3. *Токтарова В.И.* Модели цифровых компетенций сотрудников: структурно-содержательный анализ / В.И. Токтарова, О.В. Ребко // «Высшее образование сегодня», № 5–6, 2022. СС. 8–14. DOI 10.18137/RNU.HET.22.05-06.P.008.
4. *Тимчев М.* Разработка модели компетенций персонала: кластерный подход / М. Тимчев, Т.В. Коваленко, Д.Г. Гончаров // «Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего»: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, приуроченной к 55-летию инженерно-экономического факультета, Донецк, 21 марта 2024г. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2024. СС. 243–246.
5. *Калинина О.В.* Создание и развитие в организации культуры непрерывного обучения и самосовершенствования сотрудников при помощи адаптивных технологий / О.В. Калинина, А.С. Васильев // «Инновации и инвестиции», № 12, 2023. СС. 92–94.
6. *Аветян А.А.* Мотивационные стратегии и практики в современных IT-компаниях / А.А. Аветян, Л.А. Степанян // Семнадцатая Годичная научная конференция: сборник научных статей. Ереван, 04–08 декабря 2023г. Ер.: Российско-Армянский университет, 2024. СС. 419–427. DOI 10.24412/cl-37234-2024-1-419-427.

DEVELOPMENT OF A MODEL OF PUBLIC EMPLOYEES' COMPETENCIES

O. Kalinina*[1], *A. Avetyan*[1], *N. Alekseeva*[1], *S. Baghdasaryan
[1]*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*
[2]*Russian-Armenian University*
[3]*Yerevan State University*

ABSTRACT

The article discusses the theoretical and methodological foundations of forming a model of competencies for civil servants in the context of digital transformation. Based on the analysis of modern scientific approaches, an integrative cluster model is proposed that combines professional, digital, value-based, and motivational-personal components of competence. It is shown that the digitalization of public administration requires a transition from the traditional qualification paradigm to a dynamic system of competencies focused on public results, innovation, and transparency. The model includes four interconnected clusters: professional, which ensures the performance of managerial and analytical functions; digital, which reflects the readiness to use modern technologies; value-based, which forms the ethics of public service; and motivational and personal, which ensures internal readiness for development and self-learning. The implementation of the proposed model contrib-

utes to the formation of a new type of public professionalism based on responsibility, digital literacy, and a focus on the public good. The research results can be used in the development of professional standards, advanced training programs, and performance evaluation systems for public servants.
Keywords: public service, competency model, digital transformation, professionalism, digital literacy, motivation, and value orientation.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-612-620

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ РА)

М.А. Камрастян, Н.Г. Мкртичян

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса
melinekamrastyan@gmail.com, narinamkrtichyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются современные тенденции развития малого и среднего предпринимательства в развивающихся странах, с акцентом на особенности развития данного сектора в РА. На основе статистических данных осуществлен сравнительный анализ динамики развития сектора МСБ в некоторых развивающихся странах. Рассматриваются основные факторы, влияющие на состояние сектора МСБ, перспективы его роста и развития.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, Республика Армения, развивающиеся страны, экономический рост, предпринимательство.

Введение

Малый и средний бизнес являются основой национальной экономики всех стран, в том числе и Армении. Поддержание конкурентоспособности малого и среднего бизнеса способствует здоровой конкуренции на рынке и обеспечивает положительную динамику экономического роста страны. Грамотная государственная политика позволяет малому и среднему бизнесу обеспечить хорошие результаты и высокие экономические показатели.

Особенно важным является рассмотрение тенденций малого и среднего бизнеса в развивающихся странах, так как малый бизнес является фундаментом развития экономики, обеспечивает большую часть экономической активности и является основой для формирования внутреннего рынка. Для государств, которые чаще всего сталкиваются с проблемами безработицы, миграции и структурным дисбалансом рынка, именно малый бизнес становится крупнейшим работодателем и обеспечивает гибкость экономики в условиях нестабильности внешней среды. Малый и средний

бизнес способствует формированию среднего класса, который является одним из факторов социально-экономической стабильности.

Целью данной работы является выявление основных тенденций развития малого и среднего бизнеса в развивающихся странах (на примере РА). Для достижения поставленной цели были выдвинуты и решены следующие задачи:

- изучение роли малого и среднего бизнеса в развитии экономики развивающихся стран;
- изучение критериев классификации и сравнение уровня развитости малого и среднего бизнеса в развивающихся странах на примере Армении, Грузии, России и Беларуси;
- изучение основных факторов, влияющих на развитие сектора малого и среднего бизнеса в РА.

Малый и средний бизнес (МСБ) – это совокупность предприятий, которые не входят в монополистические объединения и выполняют подчиненную по отношению к монополиям роль, то есть не являются монополистами [1].

Малый и средний бизнес являются важными институциональными элементами для развития и роста экономики страны, для повышения эффективности производства, влияют на формирование структуры и качества ВВП стран, уровень занятости, результативность социальной политики государства и, естественно, на конкурентные преимущества стран на мировой арене. Так, в развитых странах (к примеру, США, Китай, Италия, Япония и т.д.) малый и средний бизнес обеспечивают более 50% от ВВП, более 60% – занятости, более 40% – экспортных операций и т.д. В развивающихся странах (к примеру, Армения, Россия, Грузия и т.д.) эти показатели ниже на 20–30% [2].

Малый и средний бизнес вносит большой вклад в развитие мировой экономики. В отличие от крупных предприятий, МСБ обладают большей гибкостью для адаптации, что делает их менее подверженными к экономическим кризисам. В связи с этим малый и средний бизнес рассматриваются как ключевые факторы экономического развития в развивающихся странах. Но субъекты МСБ часто сталкиваются с ограниченностью ресурсов для роста и увеличения своей доли на рынке [3].

Для анализа тенденций развития малого и среднего бизнеса в развивающихся странах были выбраны Армения, Грузия, Россия и Беларусь.

Рассмотрим критерии классификации малого и среднего бизнеса, применяемые в этих странах.

Таблица 1. Критерии классификации МСБ в развивающихся странах [4],[5],[6],[7].

	Численность сотрудников			***Годовой оборот***			***Балансовая стоимость активов***		
	Микро	**Малые**	**Средние**	**Микро**	**Малые**	**Средние**	**Микро**	**Малые**	**Средние**
Армения	<10	<50	<250	<= 100 млн драм	<= 500 млн драм	<= 1500 млн драм	<= 100 млн драм	<= 500 млн драм	<= 1000 млн драм
Грузия	-	<=49	50-249	-	<12 млн лари	12-60 млн лари	-	-	-
Россия	<=15	<=100	<=101-250	60 млн руб.	400 млн руб.	1 млрд руб.	-	-	-
Беларусь	<=15	<=100	<=101-250	-	-	-	-	-	-

В России и Грузии для классификации малого и среднего бизнеса применяются два показателя: численность сотрудников и годовой оборот. В Армении помимо этих показателей еще учитывают балансовую стоимость активов. В Беларуси в качестве критерии классификации малого и среднего бизнеса применяется только численность сотрудников.

Для сравнения уровня развитости малого и среднего бизнеса в различных странах применяются следующие показатели, разработанные ОЭСР:

- доля малого и среднего бизнеса в показателе ВВП;
- доля занятых в малом и среднем бизнесе от общего числа трудоспособного населения [2].

Ниже приведена Таб. 2, где рассматриваются показатели общего количества субъектов МСБ, доли МСБ в ВВП, доли занятых в секторе МСБ от трудоспособного населения в Армении, Грузии, России и Беларуси в период 2023–2024гг.

Таблица 2. Показатели развитости сектора МСБ в развивающихся странах за 2023г. и 2024г. [5],[6],[7],[8].

	Количество субъектов МСБ		***Доля МСБ в ВВП (в %)***		***Доля занятых в секторе МСБ от трудоспособного населения (в %)***	
	2024г.	**2023г.**	**2024г.**	**2023г.**	**2024г.**	**2023г.**
Армения	114 677	109 431	47.6	44.4	18.2	12.6
Грузия	229 972	248 170	25.8	26.5	31.5	20.6
Россия	6 566 410	6 350 000	21.7	20.2	40.0	37.6
Беларусь	128 900	115 924	27.4	25.2	23.2	22.7

Сравнение показателей развитости сектора малого и среднего бизнеса в Армении, Грузии, России и Беларуси за 2023–2024гг. показывает, что данный сектор стремительно растет во всех вышеперечисленных странах, однако его структура и роль в экономике отличаются.

Рассматривая количество субъектов малого и среднего бизнеса, можно заметить, что самый стремительный рост данного показателя наблюдается в России, что имеет свои объективные причины: масштабы экономики и численность населения, по которым Россия значительно опережает остальные страны. В Армении и Беларуси тоже наблюдается рост данного показателя, однако в Беларуси рост количества субъектов малого и среднего бизнеса более выраженный, а в Армении – умеренный. Количество субъектов малого и среднего бизнеса в Грузии за 2024г. сократилось, однако данный сектор продолжает играть доминирующую роль в экономике страны.

Далее, анализируя долю малого и среднего бизнеса в ВВП за 2024г., можно заметить, что Армения демонстрирует высокие показатели и является лидером. Доля МСБ в ВВП в 2024г. составила 47.6%, что свидетельствует о значительной роли МСБ в экономике страны. В Беларуси данный показатель увеличился незначительно, а в Грузии, наоборот, уменьшился. Однако примерная доля МСБ в ВВП составила 25–27%, что говорит о важной, но не доминирующей роли МСБ в экономике стран.

Россия демонстрировала самый низкий показатель из всех вышеперечисленных стран, составляя около 21–22%. Это говорит о том, что

в экономике России преобладающую роль играют крупные предприятия и государственный сектор.

Далее рассмотрим показатель занятости в секторе МСБ за 2024г. Самые высокий показатель демонстрирует Россия, где занятость в данном секторе составила 40%. Это означает, что МСБ в России играет важную социальную роль, несмотря на относительно малый вклад МСБ в ВВП страны.

За 2024г. данный показатель составил: в Грузии – 31.5%, что говорит о развитости предпринимательства в данной стране; в Беларуси – 23%, что свидетельствует о важности данного сектора для социальной жизни и экономики страны; а в Армении – 18%, что может быть обусловлено появлением большого количества микропредприятий, в рамках которых ИП или самозанятые не нуждаются в найме работников. Так же идет активный процесс цифровизации множества бизнес-процессов, что приводит к сокращению числа занятых в данном секторе. С другой стороны, малый бизнес очень часто обращается к услугам аутсорсинга множества сфер, таких как бухгалтерия, маркетинг и т.д. То есть необходимость формально зарегистрированных сотрудников падает.

Обобщая анализ данных показателей, можно сделать следующие выводы.

1. В Армении и России наблюдается активный рост предпринимательской деятельности.
2. В Армении зафиксированы самые высокие показатели доли МСБ в ВВП по сравнению с Россией, Грузией и Беларусью, однако занятость в данном секторе падает, возрастает количество микропредприятий.
3. В России вырос показатель занятости, но доля МСБ в ВВП остается практически неизменной, что требует принятия определенных шагов для повышения эффективности данного сектора.
4. Россия дает наибольшие возможности как работодатель в сфере МСБ. В Армении ситуация противоположная.
5. В Беларуси рост и развитие МСБ очень ограничены из-за доминирования государственного сектора.
6. Модель МСБ в Грузии – самая сбалансированная. Растет и доля МСБ в ВВП, и количество занятых в данном секторе. Рост МСБ

служит гарантом для здоровой конкуренции и роста национальной экономики.

На Рис. 1 представлено изменение показателя оборота сектора МСБ РА за 2023 и 2024гг.

Рисунок 1. Показатели оборота сектора МСБ за 2023 и 2024гг. (в млн драмов) [8].

На Рис. 2 представлено изменение налоговых поступлений сектора МСБ РА за 2023 и 2024гг.

Рисунок 2. Показатели налоговых поступлений сектора МСБ за 2023 и 2024гг. (в драмах) [8].

Конкурентоспособные МСБ играют важную роль в развитии экономики, обеспечении стабильной занятости, формировании среднего класса общества. В целях содействия устойчивому развитию малого и среднего бизнеса, правительство РА 27 августа 2020г. утвердило стратегию развития малых и средних предпринимательств на 2020–2024гг., которая включала комплекс мер по улучшению бизнес-климата, расширению возможностей финансирования, стимулированию инноваций в данном секторе и т.д. [9].

Малое и среднее предпринимательство в РА обладает высокой способностью принимать, внедрять и генерировать инновационные идеи, конкурентоспособны на международном уровне и включены как в региональные, так и в глобальные цепочки создания стоимости, а культура, бизнес и инвестиционная среда способствуют предпринимательству [9]. Были выделены следующие направления для укрепления и повышения конкурентоспособности МСБ в РА:

- доступность финансовых ресурсов;
- развитие возможностей и предпринимательской культуры субъектов МСБ;
- обеспечение доступности рынков для субъектов МСБ;
- обеспечение благоприятной институциональной и юридической среды для развития субъектов МСБ [9].

МСБ в Армении имеет множество возможностей:

- альтернативные механизмы финансирования;
- эффективное использование существующих благоприятных торговых режимов;
- доступность консалтинговых и поддерживающих услуг;
- развитие электронной торговли;
- внедрение инновационных идей;
- доступность рынков стран ЕАЭС и ЕС, свободная торговля на основе соглашений и т.д. [9].

Таким образом, развитие малого и среднего бизнеса остается приоритетным направлением экономической политики Армении, играя ключевую роль в создании рабочих мест, повышении конкурентоспособности и стимулировании инноваций.

Выводы

1. Несмотря на то, что показатели сектора МСБ в развивающихся странах значительно уступают показателям сектора МСБ в развитых странах, МСБ остается ключевым драйвером национальной экономики и для развивающихся стран.
2. Рассматривая пример вышеперечисленных стран, наблюдается неоднородность среды МСБ в развивающихся странах, причинами которой могут быть различия в налоговой системе и государственной политике, институциональной среде, условиях функционирования, конкурентной среде и т.д.
3. Армения демонстрирует самые значительные темпы роста МСБ, что свидетельствует об эффективной государственной поддержке.
4. Унификация критериев классификации МСБ в Армении с европейскими стандартами способствует облегчению получения поддержки из-за рубежа и развитию данного сектора.
5. Развитие МСБ в нашем регионе основывается на внедрении инноваций и цифровизации бизнеса, что также отражается на стратегическом плане развития МСБ в Армении.
6. Институциональная среда играет определяющую роль в развитии сектора МСБ.
7. МСБ в развивающихся странах сталкивается со множеством проблем – недостаточное финансирование, высокие барьеры входа, зависимость от импорта и т.д., с которыми возможно бороться только с помощью государственной поддержки.
8. Развитие МСБ остается приоритетным направлением государственной политики, так как МСБ обеспечивает экономический рост, диверсификацию, инновационность, занятость, что позволяет странам укрепить конкурентоспособность и адаптироваться к глобальным вызовам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой экономический словарь: 24800 терминов / [Авт. и сост.: А.Н. Азрилиян и др.]; Под ред. А.Н. Азрилияна. 5. изд., перераб. и доп. М.: «Ин-т новой экономики», 2002, 1280с. ISBN 5-89378-008-6.
2. Основные проблемы развития и экспорта продукции малого и среднего предпринимательства РА и РФ. Монография / А.М. Суварян, А.Р. Тевикян, Н.Г. Мкртичян, А.Х. Манукян, Л.Б. Сарибекян, Л.А. Хачатрян. Ер.: Изд-во РАУ, 2017. С. 341.

3. KINARMA CAPITAL. The Importance of MSMEs in Developing Countries. (Эл. ресурс) https://kinaracapital.com/the-importance-of-smes-in-developing-countries/.
4. ARLIS. ՀՀ օրենքը փոքր և միջին ձեռնարկատիրության մասին: (Эл. ресурс) https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=64617.
5. National Statistical Office of Georgia. Business sector in Georgia (Эл. ресурс) https://www.geostat.ge/media/58576/Business-sector-in-Georgia-2023.pdf.
6. Федеральная налоговая служба/ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства/ https://rmsp.nalog.ru/index.html.
7. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь. (Эл. ресурс) https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3f5/3f5e9fa0e3d74b7d930b540f1cb3c6a1.pdf.
8. Հայաստանի Հանրապետության վիճակագրական կոմիտե. https://armstat.am-/file/article/sme_2024_am.pdf).
9. Հայաստանի Հանրապետության կառավարության որոշում: 27 օգոստոսի 2020 թվականի N 1443-Լ:Փոքր եւ միջին ձեռնարկության զարգացման 2020-2024 թթ. ռազմավարությունը և դրանից բխող 2020-2022 թթ. գործողությունների ծրագիրը հաստատելու մասին: ՀՀ էկոնոմիկայի նախարարություն: (Эл. ресурс) https://www.mineconomy.am/media/12718/SMI%20-razm.pdf.

CURRENT TRENDS IN SMALL AND MEDIUM BUSNIESS DEVELOPMENT IN DEVELOPING COUNTRIES (BASED ON THE REPUBLIC OF ARMENIA)

M. Kamrastyan, N. Mkrtichyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

The article discusses current trends in the development of small and medium businesses in developing countries, with a focus on the specifics of this sector's functioning in Armenia. Based on statistical data, a comparative analysis of the development dynamics and characteristics of SMEs is provided. The key factors influencing the state of this sector and future prospects of growth and improvement are discussed.

Keywords: small and medium businesses; Republic of Armenia; developing countries, economic growth; entrepreneurship.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-621-627

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РОЛЕЙ: ИНТЕГРАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО И ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Н.С. Лукашевич

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
lukashevich@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье предлагается подход, основанный на интеграции модели управленческих ролей И. Адизеса и гуманистической модели лидерства, описывающей четыре фундаментальных измерения целостной личности. Подход позволяет переосмыслить функциональные роли в управлении через призму гуманистической парадигмы.
Ключевые слова: гуманистическое управление, лидерство, управленческие роли, благополучие.

Введение

Гуманистический подход в управлении опирается на многочисленные эмпирические свидетельства того, что организации, ставящие в центр своего внимания человека и его целостное развитие и достоинство, в долгосрочной перспективе демонстрируют более высокую результативность, конкурентоспособность и финансовую устойчивость [1, 2]. Традиционная модель управления, основанная на парадигме “homo economicus”, привела к эпидемии профессионального выгорания, стресса и проблем с ментальным здоровьем [3]. Постоянная гонка за эффективностью и показателями, игнорирующая человеческое благополучие, оказалась неустойчивой. На бизнес оказывается все большее давление со стороны инвесторов, потребителей и общества с требованием быть социально и экологически ответственным. Происходит сдвиг от акционерного капитализма к учету интересов всех заинтересованных сторон. Многие руководители интуитивно понимают важность человекоцентричности, но им не хватает конкретных управленческих моделей и инструментов для ее внедрения.

Методы

Для проведения исследования и проведения теоретического обзора использованы научные статьи по вопросам лидерства, теории мотивации, гуманистического управления, управления человеческими ресурсами, аксиологии, социологии и психологии. В работе использованы методы анализа и синтеза, сравнения, мультидисциплинарный подход. Основой исследования служит синтез двух теоретических подходов: модели «действие-бытие-знание» и интегральной модели «четырех миров» [3]. В результате интеграции создается модель из четырех взаимосвязанных измерений. Этими четырьмя измерениями являются: *«действие (doing)»*, представляющее осмысленную работу; *«бытие (being)»*, отражающее человеческую личность и ее достоинство; *«знание (knowing)»*, отвечающее за научную и техническую компетентность; *«становление (becoming)»*, символизирующее высшую цель и личностный рост.

Интегральная гуманистическая модель лидерства – это теоретическая рамка, описывающая четыре фундаментальных измерения целостной человеческой личности, которые лидер должен гармонично развивать для достижения зрелости и мудрости [3]. В отличие от функциональных ролей модели И. Адизеса, эти измерения представляют собой внутренние экзистенциальные опоры, определяющие качество и осмысленность управленческой деятельности.

«Действие» – измерение практической реализации, относится к задачам, работе. В гуманистической парадигме это не просто механическое выполнение функций, а стремление к созданию осмысленной деятельности, которая приносит ценность другим и позволяет исполнителю реализовать свой потенциал. «Бытие» – измерение идентичности и ценностей, представляет собой внутренний мир лидера: его характер, этические принципы, убеждения и самосознание. «Знание» – когнитивное измерение, охватывает совокупность знаний, компетенций, ментальных моделей и мировоззрения лидера. Гуманистический подход требует выхода за рамки узкой технической экспертизы, «знание» здесь понимается как поиск истины, что предполагает развитие критического и системного мышления, способность к рефлексии и осознание границ соб-

ственного понимания. «Становление» – целевое измерение, которое относится к вектору развития, миссии и высшей цели. Это динамический аспект, который придает смысл трем остальным.

Результаты

В рамках гуманистического подхода роль лидера претерпевает фундаментальную трансформацию. Во-первых, лидер должен быть носителем и живым воплощением гуманистических принципов. Во-вторых, исследование [4] позиционирует гуманистического лидера как активного агента изменений, чья задача – целенаправленно продвигать более человечный подход к работе. Часто это требует смелости действовать вопреки доминирующей в компании экономистической или бюрократической культуре. В-третьих, гуманистический лидер несет прямую ответственность за создание среды, в которой люди могут процветать. В-четвертых, лидер рассматривается как защитник человеческого достоинства в периоды кризиса. В то время как традиционный менеджмент прибегает к механистическим решениям, таким как массовые увольнения для оптимизации расходов, гуманистический лидер ищет альтернативные пути. Например, в статье [4] подчеркивается важность «общих жертв» – подхода, при котором бремя кризиса распределяется на всех, например, через временное сокращение зарплат, чтобы сохранить рабочие места.

Модель И. Адизеса представляет собой функциональный подход к управлению, постулирующий, что для достижения краткосрочной и долгосрочной эффективности любая организация должна успешно выполнять четыре ключевые функции: *«производство»*, обеспечивающее результативность; *«администрирование»*, гарантирующее порядок и эффективность; *«предпринимательство»*, отвечающее за адаптацию и видение будущего; *«интеграция»*, формирующая общую культуру и командное единство.

Интеграция модели управленческих ролей И. Адизеса и гуманистической модели лидерства позволяет переосмыслить функциональные роли через призму гуманистической парадигмы. В классической модели И. Адизеса управленческая роль – набор функций для достижения организационной эффективности. В альтернативной модели роль –

архетип, который должен быть наполнен внутренним, экзистенциальным содержанием («действие», «бытие», «знание», «становление»).

Каждая из четырех ролей на Рис. 1 рассматривается не как «статический» стиль управления, а как динамический архетип, который должен быть реализован во всех четырех измерениях. Таким образом, эффективность лидера определяется не только тем, какую функцию он выполняет, но и тем, насколько целостно и осмысленно он это делает.

Противоречия в интегрированной модели существуют на двух уровнях. Межролевые противоречия в гуманистическом контексте рассматриваются не как дисфункция, а как необходимое диалектическое напряжение. Их разрешение требует от команды не компромисса, а синергии, основанной на общем «становлении» и взаимном уважении к достоинству исполнителей разных ролей. Внутриролевые противоречия возникают между измерениями внутри одной роли. Их разрешение требует от лидера выхода на более высокий уровень осознанности и мудрости, где он способен принимать решения, гармонизирующие действия, знания, моральные ценности и стратегическую цель.

Лидер может развиваться в рамках доминирующей роли. Это путь от поверхностного, часто одномерного выполнения функции к ее глубокому, целостному и гуманистическому осмыслению. Вопрос о последовательности развития лидерских качеств не имеет единственно верного ответа, поскольку путь к зрелости может начинаться с разных измерений, продиктованных как личностными особенностями, так и организационным контекстом. Вне зависимости от измерения, путь к «зрелому» лидерству не является линейным, а представляет собой динамическую спираль развития. Ключевым фактором становится не то, с какого измерения лидер начал, а его способность к рефлексии и осознанному развитию. «Зрелость» наступает тогда, когда лидер понимает ограниченность своего доминирующего стиля и начинает целенаправленно работать над интеграцией четырех измерений.

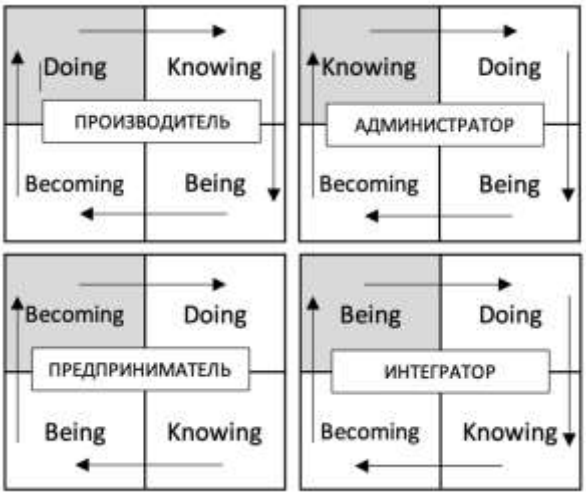


Рисунок 1. Матрица управленческих ролей: интеграция модели управленческих ролей И. Адизеса и гуманистической модели лидерства.

Каждая из четырех управленческих ролей по своей природе тяготеет к одному из четырех измерений, которое является для нее естественной и доминирующей силой. Для «производителя» этим измерением является «действие». Эта изначальная предрасположенность объясняет естественные сильные стороны каждой роли, но в то же время является источником потенциального дисбаланса, если лидер не развивает остальные три измерения. Каждая роль по своей сути является ответом на определенный тип организационного вызова, и для решения этого вызова она естественным образом опирается на наиболее релевантный для нее внутренний ресурс.

Дисбаланс измерений, например, внутри роли «производитель» может порождать неэффективные и деструктивные профили. Если доминируют «механистические» измерения «действие» и «знание», то достигаются краткосрочные результаты ценой выгорания команды, так как игнорируется человеческое измерение («бытие») и смысл («становление»). В случае преобладания «действия» и «бытия» возникает лидер, который деятелен, но чья работа хаотична из-за отсутствия глубоких «знаний» («знание») и стратегической цели («становление»), что приводит к распылению ресурсов. Разрывы между измерениями, например,

противоречие между «знанием» и «действием» (компетентность без реализации) или между «бытием» и «действием» (ценности без соответствующего поведения), рассматриваются как основной источник неэффективности и внутреннего конфликта.

Обсуждение результатов

Ключевой вклад исследования заключается в предложении принципа интегрального развития, который утверждает, что процветание организации возможно при гармоничном и сбалансированном развитии всех четырех измерений. Исследование предлагает не просто набор принципов, а методологию, которая переводит гуманистическое управление из плоскости философии в плоскость конкретных организационных практик, направленных на развитие гуманистических ценностей.

Ключевое отличие предложенного интегрированного подхода от классической модели И. Адизеса заключается в его целостности и акценте на развитии. Если классическая модель является преимущественно диагностической и фокусируется на достижении функционального баланса на уровне команды, то синтезированная модель совершает концептуальный переход от идеи эффективного функционирования системы к идее «организационного» процветания, состояния, где эффективность является следствием человеческого благополучия. Интегрированный подход утверждает, что в условиях возрастающей сложности и неопределенности долгосрочная устойчивость организации определяется не столько правильным распределением функциональных ролей, сколько способностью лидеров выполнять эти роли целостно, осмысленно и этично, опираясь на гармонично развитые внутренние опоры своей личности.

УЧР-специалисты могут использовать модель для структурирования сессий обратной связи и составления индивидуальных планов развития, помогая лидерам выявлять свои сильные стороны и зоны роста во всех четырех измерениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Huijser D., Nullens P.* An Anatomy of Human Dignity; Dissecting the Heart of Humanistic Management // “Humanistic Management Journal”, № 9, 2024. PP. 203–230. DOI: 10.1007/s41463-024-00183-x

2. *Лукашевич Н.С.* Человекоцентричная организация: от теоретических моделей к категориально-системной методологии // «Лидерство и менеджмент». Т. 12, № 8, 2025. СС. 1699–1714. DOI: 10.18334/lim.12.8.123655.
3. *Cañadas A., Jácome R., Granero L.* Integral Humanistic Leadership Model // "Humanistic Management Journal", 2025. DOI: 10.1007/s41463-025-00213-2.
4. *Santonino M. III.* Humanistic Supervisors as Change Agents – The Core of an Organization // "Humanistic Management Journal". Vol. 9, 2024. PP. 417–430. DOI: 10.1007/s41463-024-00187-7.

TRANSFORMATION OF MANAGEMENT ROLES: INTEGRATION OF FUNCTIONAL AND HUMANISTIC APPROACHES

N. Lukashevich
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABSTRACT

The article proposes an approach that integrates Adizes model of managerial roles with a humanistic leadership model describing four dimensions of the whole person. This framework enables a humanistic reinterpretation of functional roles.

Keywords: humanistic management, leadership, managerial roles, well-being.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-628-636

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА КАК ПОДХОДА В УПРАВЛЕНИИ МИКРОПРЕДПРИЯТИЯМИ

А.Г. Миракян, Д.В. Гринькин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
araks-m@yandex.ru, ii4imail.ru@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье проведено теоретическое исследование для определения сущности понятия «этическое лидерство» и выполнен сравнительный анализ популярных инструментов измерения этического лидерства применительно к микропредприятиям. Проведенный анализ позволил выявить универсальное ядро конструкта этического лидерства, включающее честность, справедливость и личный пример. При этом контекстно-зависимые аспекты (разделение власти, устойчивое развитие) требуют адаптации в микропредприятиях. Выделены общие ограничения существующих инструментов и установлено, что одномерные опросники не дают дифференцированной картины, а многомерные требуют адаптации под контекст малого бизнеса. Предложены сценарии использования рассмотренных методик для микропредприятий, обоснована необходимость дальнейшей разработки специализированного инструмента.

Ключевые слова: управление, этическое лидерство, микропредприятия, измерение лидерства.

Введение

В последние десятилетия наблюдается рост числа корпоративных скандалов и усиление запроса на этичное поведение в бизнесе, что и обусловило научный и практический интерес к этическому лидерству как подходу в управлении [1]. Результаты исследований подтверждают, что восприятие этического лидерства связано с положительными поведенческими паттернами в рабочей среде (например, с большей справедливостью, этичным поведением подчиненных, удовлетворенностью работой и лояльностью) [2].

В то же время нельзя не отметить концептуальные пересечения этического лидерства с другими концепциями в данной области (например, с

трансформационным лидерством, ценностно ориентированным лидерством и др.) [3]. Это подчеркивает необходимость в достижении концептуальной ясности и точности измерения данного конструкта [1; 2].

Ключевым объектом данного исследования являются микропредприятия, именно они обеспечивают основную занятость в экономике (60–70%) [4]. Так, современные микропредприятия сталкиваются с разными управленческими вызовами. И несмотря на то, что они мобильны и ближе к клиентам, они более «уязвимы» (например, из-за ограниченности ресурсов и сильной зависимости от владельца). В этих условиях добросовестное, честное руководство, основанное на моральных принципах, что является характерным для этического лидерства, может стать фактором успеха.

Актуальным остается вопрос, каким образом измерить этичное поведение лидера-руководителя в контексте микропредприятий.

Понятие, материалы и методы

Современные теории лидерства, такие как трансформационное, аутентичное и лидерство-служение изначально включают этическую составляющую в описание лидера [5–8]. Например, предполагается, что трансформационные лидеры демонстрируют высокие этические стандарты, аутентичные лидеры должны учитывать этические последствия своих решений, а лидеры-служители должны обладать сильным чувством морали. Хотя во все эти типы лидерства интегрирован этический элемент, они не всегда уточняют, какие именно этические принципы необходимо применять и продвигать самим лидерам.

Что же подразумевается под этическим лидерством? Рассмотрим наиболее цитируемое определение, предложенное М.Е. Брауном и Л.К. Тревиньо. По мнению этих авторов, «этическое лидерство – это нормативно приемлемое поведение, реализуемое в личных поступках и межличностных отношениях руководителя, а также стимулирование такого поведения у последователей посредством двусторонней коммуникации, подкрепления и принятия решений» [9]. Получается, что этичный лидер личным примером демонстрирует честность, справедливость и соблюдение моральных норм, стимулируя сотрудников следовать тем же принципам. В отличие от других стилей лидерства, где мораль может присутствовать имплицитно, этическое лидерство на первый план управленческой деятельности выдвигает именно этические ценности.

Так, Р. Канунго и М. Мендоса подчеркивают альтруизм и добродетельность как две черты этичного лидера [10], Дж. Кьюлла исследует фактор уважения прав и достоинства других [11], А. Джини указывает на социальную ответственность лидера при использовании власти [12], а П. Нортхаус относит к ключевым принципам этического лидерства служение людям, справедливость, честность и объединение коллектива вокруг общих ценностей [13].

Современные исследователи рассматривают этическое лидерство сквозь призму нескольких теорий. Прежде всего, через теорию социального научения, которая объясняет, что подчиненные перенимают образцы этичного поведения, наблюдая за поступками лидера. Руководитель служит ролевой моделью для остальных сотрудников, поэтому если он последовательно соблюдает провозглашаемые ценности, справедливо относится к подчиненным и открыто обсуждает этические стандарты в организации, тогда он формирует соответствующие поведенческие паттерны и у членов своей команды. Также при изучении этического лидерства применяются и междисциплинарные подходы, например, интегративная модель С. Айзенбайс, сочетающая этические нормы с культурным контекстом.

Современные исследователи стремятся отделить этическое лидерство от других близких концепций (трансформационного, духовного, аутентичного лидерства и др.), выявляя уникальный вклад этичных действий руководителя. Так, в своей обзорной статье М. Браун и Л. Тревиньо отмечают то, что этичность лидера тесно связана с его харизмой и заботой о подчиненных, но она остается самостоятельным измерением, фокусируясь на справедливости и нормативно правильном выборе [9]. Подчеркивается, что этическое лидерство включает не только личные качества руководителя, но и осознанное управление этикой в коллективе – через установление прозрачных ценностей, поощрение этичных поступков и нетерпимость к неэтичному поведению. Таким образом, складывается целостное понимание, что этичный лидер – это одновременно моральный образец и активный «моральный менеджер», формирующий этическую культуру организации.

За последние два десятилетия опубликованы несколько эмпирических работ, подтверждающих связь этичных управленческих практик с доверием персонала, лояльностью и другими позитивными эффектами.

Сами инструменты, используемые для измерения этического лидерства, эволюционируют и требуют отдельного рассмотрения.

В рамках исследования авторы опирались на теоретический анализ и обращались к основным базам данных для поиска материалов (Scopus, Web of Science, ScienceDirect, SSRN и Google Scholar). Использовались комбинации ключевых слов на английском и русском языках (“ethical leadership scale”, “ethical leadership questionnaire”, “microenterprises”, “small business ethics leadership” и др.). Для повышения качества обзора помимо прямого поиска, анализировались списки литературы в ключевых публикациях.

Результаты и обсуждение

Одним из первых специализированных инструментов измерения этического лидерства стал опросник ELS, предложенный М.Е. Браун и коллегами в 2005г. [14]. ELS – это одномерная шкала, основанная на парадигме социального научения, которая включает 10 вопросов, измеряющих общий уровень этичности. Ее главное преимущество в простоте и краткости, а ограничение – в объединении различных аспектов поведения в единый индекс. В контексте микропредприятий ELS может служить ценным скрининговым инструментом для быстрой оценки стиля руководства [15].

Большим шагом в развитии методик измерения этического лидерства на рабочем месте стало создание многомерного опросника (ELW) [15]. Опросник ELW – это многомерная модель, состоящая из семи измерений, включающих более 30 пунктов. Авторы выделили такие измерения, как справедливость, ориентация на людей, разделение власти, прояснение ролей, целостность, этическое наставничество и забота об устойчивости. Инструмент позволяет получить детальный профиль лидера, однако является довольно громоздким для микропредприятий, также некоторые измерения (например, «забота об устойчивости») не всегда релевантны для объекта исследования (микропредприятий).

В попытке устранить пересечения с другими стилями лидерства и охватить ключевые аспекты этичности Г. Юкла и соавторы разработали улучшенный опросник под названием “Ethical leadership questionnaire” (ELQ) [1]. Данный инструмент включает 15 пунктов и является сбалан-

сированным вариантом, фокусирующимся именно на этическом поведении. В частности, он обеспечивает достижение большей валидности – оценки по ELQ слабо коррелируют с показателями лидерского обмена в традиционном понимании, что позволяет измерить этическую компоненту более объективно. По последним данным, ELQ остается надежным и валидным инструментом для определения того, как сотрудники воспринимают этичное поведение руководителей [16].

Таким образом, у исследователей есть выбор из трех популярных инструментов [17], которые можно использовать в зависимости от целей исследования – это краткий скрининговым инструмент (ELS), развернутая диагностика (ELW) и сбалансированный вариант (ELQ). Несмотря на разнообразие этих моделей, ядро этического лидерства остается неизменным. Проведенный сравнительный анализ позволил выявить универсальное ядро, включающее честность и целостность лидера, справедливое и уважительное отношение к подчиненным, а также следование лидером провозглашаемым ценностям. Например, в модели ELS половина пунктов касается честности и правдивости руководителя [14], черты целостности и справедливости занимают центральное место в ELQ [1], а ELW содержит отдельные измерения целостности (integrity) и справедливости (fairness) [15]. Перечисленные характеристики имеют критическое значение для микропредприятий, где поведение лидера в небольшом коллективе становится особенно заметным.

Вместе с тем контекстно-зависимые аспекты (разделение власти, устойчивое развитие) требуют адаптации для малого бизнеса. Например, вместо формального делегирования уместно сделать больший акцент на неформальном вовлечении сотрудников, а заботу об устойчивости можно заменить на честное взаимодействие с клиентами, а не реализацию масштабных программ. Рекомендуется переформулировать ряд пунктов, скорректировав утверждение «руководитель делится властью» на «руководитель привлекает сотрудников к обсуждению возникающих проблем».

Следует отдельно остановиться на теоретическом осмыслении того, почему этическое лидерство играет важную роль в контексте микропредприятий. Так, в крупных и средних организациях внимание к этичному поведению руководителя может быть опосредовано множеством институциональных механизмов (например, кодексами корпоративной

этики, комплаенс-подразделениями, комитетами по этике, формализованными процедурами рассмотрения жалоб и др.). В микропредприятии подобные механизмы, как правило, отсутствуют, вследствие чего личность владельца-менеджера становится единственным и главным фактором формирования, так называемой, этической культуры. Именно его повседневные решения, манера общения с сотрудниками и клиентами, отношение к обязательствам формируют ту среду, в которой работают все остальные. Это означает, что влияние этического лидерства в микропредприятиях одновременно является более прямым и более концентрированным, чем в крупных структурах.

Данное обстоятельство порождает своеобразный парадокс. С одной стороны, этическое лидерство в микропредприятии играет критически важную роль, с другой – его значительно сложнее измерить. Малый размер коллектива (как правило, от двух до десяти человек) создает проблему анонимности при проведении опросов. Сотрудники, осознавая, что их ответы могут быть легко идентифицированы, склонны давать социально одобряемые оценки, что снижает достоверность результатов. Кроме того, в малом коллективе отношения между руководителем и подчиненными нередко выходят за рамки чисто профессиональных: они приобретают личный, а иногда и семейный характер. Это размывает границу между деловой и личной этикой, что не учитывается ни в одном из вышерассмотренных инструментов.

С методологической точки зрения необходимо также учитывать, что концепция этического лидерства сформировалась преимущественно в контексте западной управленческой традиции. Основополагающие работы М.Е. Брауна и Л.К. Тревиньо [9], Г. Юйкла и соавторов [1], К. Калшовен и ее коллег [15] опираются на данные, полученные в организациях Северной Америки и Западной Европы. В этой связи вопрос о том, насколько сформированные в этих условиях конструкты и шкалы применимы к микропредприятиям в иных культурных контекстах (например, в странах постсоветского пространства, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки), остается открытым. Культурные различия в понимании справедливости, иерархии, допустимости патернализма могут модифицировать как содержание этического лидерства, так и его восприятие сотрудниками. Так, в ряде культур патерналистский стиль управления, предполагающий заботу руководителя о подчиненных в обмен на

их лояльность, может восприниматься как этичный, тогда как в западной традиции он скорее ассоциируется с авторитарностью.

В этой связи перспективным представляется рассмотрение этического лидерства в микропредприятии не просто как набора поведенческих характеристик руководителя, а как системного фактора организационной устойчивости. Такой подход предполагает изучение этического лидерства в связке с другими параметрами функционирования микрофирмы – уровнем текучести персонала, качеством клиентского сервиса, финансовой стабильностью и др. Такие комплексные исследования позволили бы не только продиагностировать этическое лидерство, но и проиллюстрировать его практическую ценность владельцам микропредприятий, что может оказать положительное влияние на развитие и распространение этических практик.

Таким образом, следует понимать, что ни один из рассмотренных инструментов не является исчерпывающим, но их комбинация позволяет учесть особенности микропредприятий, где стираются границы между личными и деловыми отношениями. Дальнейшие исследования будут направлены на разработку специализированного инструмента, который позволит усилить как доверие, так и продуктивность малых организаций, а также будет способствовать развитию этического подхода к лидерству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Yukl G., Mahsud R., Hassan S., Prussia G.* An improved measure of ethical leadership // “Journal of Leadership & Organizational Studies”. Vol. 20 (1), 2013. PP. 38–48. DOI: https://doi.org/10.1177/1548051811429352.
2. *Bedi A., Alpaslan C., Green S.* A meta-analytic review of ethical leadership outcomes and moderators // “Journal of Business Ethics”. Vol. 139, 2016. PP. 517–536. DOI: https://doi.org/10.1007/s10551-015-2625-1.
3. *Виханский О.С., Миракян А.Г.* Новое тысячелетие: управленческие аномалии и современные концепции лидерства // «Российский журнал менеджмента». Т. 16, № 1, 2018. СС. 131–154. DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu18.2018.106.
4. Small and Medium Enterprises (SMEs) // “NAPS”, 2025. URL: https://global-naps.org/issue/small-medium-enterprises-smes/ (дата обращения: 20.09.2025).
5. *Bass B., Steidlmeier P.* Ethics, character, and authentic transformational leadership behavior // “The Leadership Quarterly”. Vol. 10 (2), 1999. PP. 181–217. DOI: https://doi.org/10.1016/S1048-9843(99)00016-8.
6. *Avolio B., Gardner W.* Authentic leadership development: Getting to the root of positive forms of leadership // “The Leadership Quarterly”. Vol. 16 (3), 2005. PP. 315–338. DOI: https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2005.03.001.

7. *Van Dierendonck D.* Servant leadership: A review and synthesis // "Journal of Management". Vol. 37 (4), 2011. PP. 1228–1261. DOI: https://doi.org/10.1177/0149206310380462.
8. *Sendjaya S., Cooper B.* Servant leadership behaviour scale: A hierarchical model and test of construct validity // "European Journal of Work and Organizational Psychology". Vol. 20 (3), 2011. PP. 416–436. DOI: https://doi.org/10.1080/13594321003590549.
9. *Brown M., Treviño L.* Ethical leadership: A review and future directions // "The Leadership Quarterly". Vol. 17 (6), 2006. PP. 595–616. DOI: https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2006.10.004.
10. *Kanungo R., Mendonca M.* Ethical dimensions of leadership. CA: "Sage Publications" Inc., 1996, 176p.
11. *Ciulla J.* Leadership Ethics: Mapping the Territory // "Business Ethics Quarterly". Vol. 5 (1), 1995. PP. 5–28. DOI: https://doi.org/10.2307/3857269.
12. *Gini A.* Moral Leadership: An Overview // "Journal of Business Ethics". Vol. 16, 1997. PP. 323–330. DOI: https://doi.org/10.1023/A:1017959915472.
13. *Northouse P.G.* Leadership: Theory and Practice. CA: Sage Publications, Inc., 2001. 384 p.
14. *Brown M., Treviño L., Harrison D.* Ethical leadership: A social learning perspective for construct development and testing // "Organizational Behavior and Human Decision Processes". Vol. 97 (2), 2005. PP. 117–134. DOI: https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2005.03.002.
15. *Kalshoven K., Den Hartog D., De Hoogh A.H.B.* Ethical leadership at work questionnaire (ELW): Development and validation of a multidimensional measure // "The Leadership Quarterly". Vol. 22 (1), 2011. PP. 51–69. DOI: https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2010.12.007.
16. *Aldhmadi B., Kumar R., Perera B., Algarni M.* Examining factor structure and psychometric properties of Ethical Leadership Questionnaire with healthcare professionals in Saudi Arabia // "Pakistan Journal of Medical Sciences". Vol. 41 (1), 2025. PP. 101–106. DOI: https://doi.org/10.12669/pjms.41.1.10861.
17. *Argyropoulou E., Spyridakis A.* Tools detecting and/or measuring ethical leadership: A systematic literature review // "International Journal of Organizational Leadership". Vol. 11 (2), 2022. PP. 141–163. DOI: https://doi.org/10.33844/ijol.2022.60624.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF ETHICAL LEADERSHIP AS AN APPROACH TO MICROENTERPRISE MANAGEMENT

A. Mirakyan, D. Grinkin
Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

This article provides a theoretical overview of the ethical leadership concept as well as a comparative analysis of popular methods for measuring ethical leadership in microenterprises. We identified a universal core, including honesty, fairness, and leading by example. However, context-specific aspects

(power sharing, sustainable development) require adaptation in microenterprises. We highlight the general limitations of existing tools, establishing that one-dimensional questionnaires do not provide a differentiated picture, while multidimensional ones require adaptation to the small business context. We propose scenarios for using reviewed instruments for microenterprises and substantiate the need for further development of a specialized tool.
Keywords: management, ethical leadership, leadership measurement, microenterprises.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-637-645

РАЗНООБРАЗИЕ И ИНКЛЮЗИВНОСТЬ – ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

А.Г. Миракян, А.С. Досаева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Экономический факультет
araks-m@yandex.ru, ashilovskaya1407@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Корпоративная политика в сфере разнообразия и инклюзивности (D&I) в последние годы являлась одним из международных трендов в бизнесе и управлении, однако с начала 2025г. многие компании стали пересматривать свои программы. *Цель настоящего исследования* заключается в выявлении причин, обуславливающих данную трансформацию, а также определении потенциальных направлений развития программ D&I. Для этого в работе раскрывается сущность основных понятий, проводится обзор бизнес-практик крупных международных и российских компаний. Установлено, что в зарубежной практике произошла частичная переориентация корпоративных инициатив и/или обновление терминологии в то время, как в российских организациях, работающих в сфере информационно-коммуникационных технологий, данный тренд не рассматривался. Сделан вывод о необходимости нового подхода к формированию D&I-политики, сочетающего различные аспекты разнообразия.
Ключевые слова: разнообразие, инклюзивность, внутрикорпоративная политика, управление, бизнес-практика.

Введение

Принципы разнообразия и инклюзивности (D&I) стали заметной частью корпоративной политики крупных компаний и значимым направлением современного менеджмента. При этом в современных условиях назрело принципиальное противоречие. С одной стороны, сохраняется запрос на более справедливую и безопасную рабочую среду для уязвимых групп, с другой, усиливается общественная и управленческая критика подобных практик, которые воспринимаются как формальные и неэффективные. В результате, в ряде организаций наблюдается пересмотр подходов и даже отказ от привычной терминологии. На этом фоне в исследовательской повестке формируется следующий вектор развития – попытка уйти от декларативности к более системным и измеримым

управленческим практикам. В частности, предлагается ориентироваться не на «набор мероприятий», а на результаты, закрепленные в процессах найма, оценки, продвижения и иных формах взаимодействия [1]. Таким образом, ставится задача перейти из плоскости символических формулировок в плоскость управленческой эффективности и устойчивости организации. Для этого в настоящей статье сделана попытка выявить и сопоставить ключевые компоненты, содержащиеся в программах в области разнообразия и инклюзивности в крупнейших международных и российских организациях (на примере ИКТ отрасли). В работе обозначаются основные причины пересмотра корпоративных D&I практик, особенности их ведения в современных организациях и обосновывается перспективный вектор развития – переход к комплексным решениям, основанным, в первую очередь, на качестве и измеримости управленческих подходов, а также роли лидеров-руководителей, формирующих соответствующие условия для процветания инклюзивной культуры.

Понятия, материалы, методы

В конце XX – начале XXIвв. в научных исследованиях активно распространяется концепция «разнообразия, равенства и инклюзивности» (D&I), применяемая в образовании, бизнесе и других сферах. Согласно определению профессора К.М. Роберсон, разнообразие представляет собой совокупность уникальных характеристик сотрудников и стейкхолдеров, использование которых во взаимодействии с принципами инклюзивности – признания и уважения различий – формирует важное конкурентное преимущество организации [2]. В совокупности различные классификации гетерогенности (разнообразия) сотрудников сводятся к следующим двум [3]:

- наблюдаемые параметры – внешние характеристики, но не связанные напрямую с работой (поверхностный уровень);
- менее наблюдаемые параметры – внутренние характеристики, но напрямую связанные с работой (глубинный уровень).

При этом гетерогенность человеческих ресурсов сама по себе не дает конкретных преимуществ для компании, напротив, в отдельных случаях даже может отрицательно влиять на производительность команды [4]. Для того чтобы извлекать практическую пользу из разнообразия мнений и идей, подходов к работе необходимы соответствующие

руководители или инклюзивные лидеры, способные создавать корпоративную культуру, в которой каждый человек сможет чувствовать себя ценным и уважаемым, независимо от своих отличий [5].

Данное исследование опирается на метод «кейс-стади» (case study), в частности, проводится обзор инициатив крупнейших международных компаний из рейтинга “Forbes Global 500”, а также российских компаний из отрасли ИКТ. Были поставлены следующие задачи: определить, на какие именно аспекты корпоративной политики в области разнообразия и инклюзивности современные международные и российские организации делали больший уклон в последние годы, какие факторы влияют на реализацию подобных программ и каким образом изменилось развитие данного направления.

Результаты работы и обсуждение

Рассмотрев содержание отчетов корпоративных D&I-программ крупнейших международных организаций, было выявлено следующее. Так, зарубежная, преимущественно западная, бизнес-практика в большей степени делала акцент на увеличении расового разнообразия сотрудников (т.е. на гетерогенности поверхностного уровня). Этот вывод сделан на основе анализа отчетности крупнейших по выручке международных компаний. Так, до недавнего времени из Топ-20 организаций (согласно рейтингу “Forbes Global 500” за 2025г. [6]) в 13-ти особое внимание было сосредоточено на расовом разнообразии сотрудников. К ним относятся следующие: JPMorganChase [7], Berkshire Hathway [8], Amazon [9], Bank of America [10], Alphabet [11], Microsoft [12], Apple [13], ExxonMobil [14], Wells Fargo [15], UnitedHealth Group [16], Walmart [17], Goldman Sachs Group [18], Meta Platforms [19].

Важно отметить, что деятельность всех указанных организаций сосредоточена в США, и в этой связи такие результаты можно связать с рядом факторов. Во-первых, историко-культурными (в стране действуют законы, регламентирующие трудоустройство людей различной этнической принадлежности). Во-вторых, связанными с ними, политическими – в 2020 году в стране произошли массовые протесты, повлекшие принятие норм по продвижению повестки расового равенства, в том числе и в органах государственного управления [20], после чего по-

литику разнообразия и инклюзивности через повышение расового разнообразия сотрудников стали внедрять и крупные коммерческие организации.

Большинство вышерассмотренных компаний размещали в своей отчетности динамику изменения этнического разнообразия, увеличение которой преимущественно достигалось благодаря квотам для представителей разных этносов. При этом, как показывает практика, в ситуации, когда увеличение этнического разнообразия сотрудников становится важнее, чем реальное снижение дискриминации или увеличение вовлеченности, акценты скорее расставляются в пользу формального выполнения пропорций, также на второй план уходят профессиональные компетенции. Так, подобные меры «позитивной дискриминации» вызвали новую волну массовых недовольств. В результате произошла отмена ряда упомянутых законов, связанных с наймом определенных этнических меньшинств.

Все это закономерным образом привело и к массовому пересмотру внутрикорпоративной политики бизнеса, а в отдельных случаях даже исключению терминов «разнообразие», «равенство» и инклюзивность». Подобное наблюдалось в большинстве из рассмотренных компаний: например, “UnitedHealth Group”, “JPMorganChase” [21] и “Walmart” [22] заменили терминологию, а такие компании, как “Amzon”, “Alphabet” [23], “Meta Platforms” [19], “Bank of America” [24], полностью отменили реализацию программ разнообразия и инклюзивности, включая целевое трудоустройство определенных этносов. Особенно интересно и то, что «тренд» на переименование корпоративной политики в области D&I со стороны американских компаний переместился и в другие страны. Например, нефтяная корпорация “Saudi Aramco” (4 место в рейтинге “Forbes Global 500” [6]) изменила терминологию в своих официальных материалах с “diversity” на “equity” [25], но сохранила акцент на стремлении к увеличению представленности женщин, людей с инвалидностью и разнообразию сотрудников по возрасту.

Для сравнения обратимся к российскому опыту, где в последние годы также активно внедрялись принципы разнообразия и инклюзивности. Рассмотрим отрасль информационно-компьютерных технологий как наиболее передовую, согласно оценкам RAEX, в вопросах инклюзивности и соблюдения прав сотрудников [26]. В целом, в России не

наблюдается международный тренд по отмене уже реализуемых программ в области D&I или замене терминологии. Так, компания «Яндекс» продолжает развивать существующее уже несколько лет направление «Инклюзия», занимающееся трудоустройством, адаптацией и сопровождением работы людей с особенностями здоровья [27]. Еще одной организацией, которая также сделала акцент на вовлечение сотрудников с инвалидностью, является «ВымпелКом» («Билайн»). Чтобы работники могли в полной мере реализовать свои компетенции, в компании подбираются индивидуальные условия для работы, в зависимости от особенностей [28]. Другой пример – «МТС», где с 2021г. в рамках внутрикорпоративной политики сохраняется акцент на вовлечение людей из четырех «целевых» группы: сотрудников с ОВЗ, молодых сотрудников, сотрудников пожилого возраста и сотрудников из социально-незащищенных групп [29]. Сохранение программ, реализующих принципы разнообразия и инклюзивности, а также внимание конкретно к данным аспектам в российской практике обуславливается рядом причин – сочетанием экономических, организационных, правовых и социальных факторов. Здесь важно принять во внимание и дефицит кадров на российском рынке труда [30], и развитие гибридных форм занятости благодаря распространению информационных технологий, и требования российского законодательства по квотированию рабочих мест, и систему налоговых и страховых льгот для работодателей. Отдельного внимания заслуживает и усиление общественного внимания к вопросам социальной ответственности и этики бизнеса, от которого все больше зависит уровень доверия к компании со стороны ключевых стейкхолдеров [31]. В таких условиях даже единичные случаи дискриминационных практик или неэтичного поведения могут стать репутационными угрозами и привести как к снижению привлекательности работодателя, так и снижению привлекательности производимой продукции (или услуг) в глазах потребителей.

Таким образом, рассматривая перспективы развития принципов разнообразия и инклюзивности в разрезе внутриорганизационной деятельности, можно обобщить, что вряд ли произойдет их полное исчезновение, но можно ожидать определенное переформатирование. Сталкиваясь с критикой спорных декларируемых форматов, компании будут прибегать к использованию подходов, основанных в большей степени на измеримости

результатов (например, в процессах подбора, оценки, продвижения и др.). Кроме того, вероятно, и дальше будет происходить отказ от устоявшейся терминологии, которая в общественном восприятии закрепилась в качестве маркера «позитивной дискриминации». При этом важно отметить, что наблюдаемый пересмотр D&I инициатив, особенно в США, не является принципиально новым событием – еще десять лет назад в исследовательской и прикладной практике поднимался вопрос о неэффективности ранее существующих (традиционных) формализованных “diversity-программ”, в которых преобладали разовые тренинги, а не системный подход к работе с человеческими ресурсами [32].

Анализ международной и российской практики продемонстрировал, что внедрение принципов разнообразия и инклюзивности определяется страновой спецификой – правовыми рамками, культурными нормами, политическим контекстом и экономическими ограничениями. Именно поэтому механическое копирование «универсальных» решений повышает издержки и усиливает риск обратной реакции. В этих условиях устойчивое развитие инклюзивной корпоративной культуры требует комплексного, прозрачного и контекстно-настроенного подхода, в частности, через вовлечение сотрудников и руководителей в совместное решение проблем, опору на профессиональные качества и компетенции и выстраивание таких процедур, которые одновременно снижают дискриминационные риски и предотвращают «обратную дискриминацию», смещая акцент с лозунгов на реальные изменения в бизнес-практике.

Наконец, хочется вернуться к вопросу о том, как с помощью разнообразия человеческих ресурсов повысить результативность работы организации. Исследователи сходятся во мнении, что для этого более важными выступают глубинные аспекты разнообразия – т.е. разнообразие идей и мнений, вызванные различиями в образовании, опыте работы, культуре и др. [33]. Однако развитие такого типа разнообразия создает преимущества только в ситуации, когда компания создает надлежащие условия – у сотрудников есть равный доступ к возможностям, в компании прописаны справедливые процедуры оценки и продвижения и созданы условия безопасного выражения мнений. Такая среда создается только лидерами, которые в полной мере осознают важность такого подхода, а именно инклюзивными лидерами. Именно они способны формировать управленческие практики так, чтобы они одновременно

снижали риски возникновения дискриминации, поддерживали инклюзивные нормы взаимодействия, обеспечивали равенство доступа к ресурсам и повышали вовлеченность сотрудников, стимулируя желание выражать мнения [5]. А это требует больше усилий и ресурсов, чем копирование популярных инициатив или корректирование терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zheng L.* What Comes After DEI, 2025 [Эл. ресурс] URL: https://hbr.org/2025/01/-what-comes-after-dei (дата последнего обращения: 21.10.2025).
2. *Roberson Q.* Disentangling the meanings of diversity and inclusion in organizations // "Group & Organization Management". Vol. 31 (2), 2006. PP. 212–236. DOI: https://doi.org/10.1177/1059601104273064.
3. *van Knippenberg D., Schippers M.* Work group diversity // "Annual Review of Psychology". Vol. 58, 2007. PP. 515–541. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.psych.58.110405.085546.
4. *Bell S., Villado A., Lukasik M., Belau L., Briggs A.* Getting specific about demographic diversity variable and team performance relationships: A meta-analysis // "Journal of Management". Vol. 37 (3), 2010. PP. 709–743. DOI: https://doi.org/10.1177/0149-206310365001.
5. *Виханский О.С., Миракян А.Г., Досаева А.С.* Инклюзивное лидерство и его место в управлении // «Управленец». Т. 16 (2), 2025. СС. 12–28. DOI: https://doi.org/10.-29141/2218-5003-2025-16-2-2. EDN: CLZNHA
6. *Forbes //* "Forbes' Global", 2000, 2025 [Эл. ресурс] URL: https://www.forbes.com/lists/global2000/ (дата последнего обращения: 20.10.2025).
7. *JPMorganChase //* "Diversity, opportunity & inclusion", 2025 [Эл. ресурс] URL: https://www.jpmorganchase.com/about/diversity-opportunity-and-inclusion (дата последнего обращения: 21.10.2025).
8. *Berkshire Hathaway //* EEO-1 "Consolidated Report", 2023 [Эл. ресурс] URL: https://mail.berkshirehathaway.com/sustainability/berkshire2023eeo1.pdf (дата последнего обращения: 08.03.2025).
9. *Amazon*. Our Workforce Data [Эл. ресурс] URL: https://www.aboutamazon.com/news/workplace/our-workforce-data (дата последнего обращения: 11.02.2025).
10. *Bank of America.* Being a great place to work [Эл. ресурс] URL: https://about.bankofamerica.com/en/working-here/great-place-to-work (дата последнего обращения: 15.01.2025).
11. *Google //* "Diversity Annual Report", 2024 [Эл. ресурс] URL: https://belonging.google/diversity-annual-report/2024/ (дата последнего обращения: 15.01.2025).
12. *Microsoft //* "Global Diversity & Inclusion Report", 2024 [Эл. ресурс] URL: https://www.microsoft.com/en-us/diversity/inside-microsoft/annual-report (дата последнего обращения: 15.01.2025).
13. *Apple*. All. Together [Эл. ресурс] URL: https://www.apple.com/diversity/ (дата последнего обращения: 12.01.2025).
14. *ExxonMobil*. Value of diversity [Эл. ресурс] URL: https://corporate.exxonmobil.com/community/investing-in-people/value-of-diversity (дата последнего обращения: 20.01.2025).

15. *Wells Fargo.* Inclusion and accessibility [Эл. ресурс] URL: https://www.wellsfargo.com/about/inclusion/ (дата последнего обращения: 20.01.2025).
16. *United Health Group*. Advancing and supporting the health care workforce [Эл. ресурс] URL: https://www.unitedhealthgroup.com/uhg/people-and-culture/our-foundations/advancing-the-health-workforce.html (дата последнего обращения: 18.04.2025).
17. *Walmart*. Belonging, Diversity, Equity and Inclusion Annual Report, 2024 [Эл. ресурс] URL: https://corporate.walmart.com/content/dam/corporate/documents/purpose/culture-diversity-equity-and-inclusion-report/2024-annual-belonging-diversity-equity-and-inclusion-annual-report.pdf (дата последнего обращения: 26.01.2025).
18. *Goldman Sachs Group.* Diversity & Inclusion [Эл. ресурс] URL: https://www.goldmansachs.com/our-firm/diversity (дата последнего обращения: 26.02.2025).
19. *Meta Platforms.* Accessibility and engagement at Meta [Эл. ресурс] URL: https://www.metacareers.com/accessibility-and-engagement (дата последнего обращения: 26.02.2025).
20. *Executive Order 13985*. Advancing racial equity and support for underserved communities through the Federal Government [Эл. ресурс] URL: https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/25/2021-01753/advancing-racial-equity-and-support-for-underserved-communities-through-the-federal-government (дата последнего обращения: 27.02.2025).
21. *Fortune*. JPMorgan renames DEI program “DOI” following political backlash [Эл. ресурс] URL: https://fortune.com/2025/03/21/jpmorgan-dimon-trump-dei-diversity-equity-inclusion-doi-politics-backlash/ (дата последнего обращения: 14.09.2025).
22. *The Guardian*. Walmart to phase out DEI initiatives amid escalated attacks from conservatives [Эл. ресурс] URL: https://www.theguardian.com/business/2024/nov/26/walmart-dei-conservatives-race-gender (дата последнего обращения: 14.09.2025).
23. *BBC.* Meta and Amazon scale back diversity initiatives [Эл. ресурс] URL: https://www.bbc.com/news/articles/cgmy7xpw3pyo (дата последнего обращения: 14.09.2025).
24. *Bloomberg*. Bank of America Scraps Diversity Goals in Latest Wall Street DEI Retreat [Эл. ресурс] URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-25/bofa-scraps-diversity-goals-in-latest-wall-street-dei-retreat (дата последнего обращения: 16.09.2025).
25. *Aramco.* Equity and inclusion [Эл. ресурс] URL: https://www.aramco.com/en/careers/equity-and-inclusion (дата последнего обращения: 21.09.2025).
26. *RAEX*. РАЕКС права человека: топ-50 российских компаний, проявляющие наибольшее внимание к вопросам прав человека, разнообразия и инклюзивности, 2023 [Эл. ресурс] URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/human_rights/2023/ (дата последнего обращения: 29.03.2025).
27. *Яндекс*. Интервью для “StartInclusion project” [Эл. ресурс] URL: https://startinclusion.ru/int_yandex (дата последнего обращения: 14.03.2025).
28. *Билайн*. Билайн представил свои инклюзивные проекты на форуме «Открыто для всех» [Эл. ресурс] URL: https://beelinenow.ru/articles/beeline-predstavil-inklyuzivnye-proekty-2025/ (дата последнего обращения: 25.11.2025).

29. *ПАО МТС*. Политика «Многообразие, равенство и инклюзивность» [Эл. ресурс] URL: https://storage.ir.mts.ru/mts-ir/images/documents/MTS_Policy_DEI_rus.pdf (дата последнего обращения: 07.10.2025).
30. *Кузнецова Е., Зуев В., Бабенко Р., Чуйченко В.* Исследование рынка труда в Российской Федерации [Эл. ресурс] URL: https://yakovpartners.ru/publications/issledovanie-rynka-truda-rossiyskoyfederatsii/ (дата последнего обращения: 23.03.2025).
31. *Виханский О.С., Миракян А.Г.* Новое тысячелетие: управленческие аномалии и современные концепции лидерства // «Российский журнал менеджмента», № 16 (1), 2018. СС. 131–154. DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu18.2018.106
32. HBR. Why Diversity Programs Fail [Эл. ресурс] URL: https://hbr.org/2016/07/why-diversity-programs-fail (дата последнего обращения: 07.10.2025).
33. *Saxena A.* Workforce diversity: A key to improve productivity // "Procedia Economics and Finance". Vol. 11, 2014. PP. 76–85. DOI: https://doi.org/10.1016/s2212-5671(14)00178-6.

DIVERSITY AND INCLUSION: A TIME FOR CHANGE

A. Mirakyan, A. Dosaeva
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Economics

ABSTRACT

Recently corporate diversity and inclusion (D&I) policy has been one of the key international trends in business and management. However, since early 2025, many companies have begun to rethink their programs. The aim of this study is to identify the drivers behind this transformation and potential areas for future development. This paper explores the essence of key concepts and reviews the business practices of large international and Russian companies. The findings indicate that while international companies are practicing a partial reorientation of corporate initiatives and a renewal of terminology, Russian organizations operating in the information and communications technology (ICT) sector have not yet embraced this trend. The study concludes that a combined approach to developing D&I policy is needed – one that integrates various aspects of diversity.
Keywords: diversity, inclusion, corporate policy, management, business practice.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-646-655

ESG-ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Г.Л. Мурадян

Российско-Армянский университет
gre171998@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается сущность и значение ESG-трансформации как ключевого фактора устойчивого развития современных организаций. Проведен анализ влияния экологических, социальных и управленческих аспектов (“Environmental”, “Social”, “Governance”) на стратегическое управление и долгосрочную конкурентоспособность компаний. Раскрыта взаимосвязь между ESG-инициативами, корпоративной ответственностью и формированием устойчивых бизнес-моделей. Показано, что внедрение ESG-подхода способствует росту инвестиционной привлекательности, укреплению репутации и повышению эффективности взаимодействия со стейкхолдерами. ESG-трансформация рассматривается как неотъемлемый элемент стратегического развития и основа построения устойчивой экономики.

Ключевые слова: ESG-трансформация, устойчивое развитие, корпоративное управление, социальная ответственность, инвестиционная привлекательность.

Введение

Проблематика устойчивого развития и поиск инструментов, способных обеспечить сбалансированное взаимодействие бизнеса, общества и окружающей среды, в последние годы приобретают исключительную актуальность. Несмотря на растущий набор концепций корпоративной ответственности, компаниям не всегда удается добиться устойчивости управленческих решений, согласовать экологические и социальные приоритеты с экономическими целями и предотвратить формирование долгосрочных институциональных рисков. В данных условиях особое внимание привлекает ESG-подход, который рассматривается как интегративная модель управления и, одновременно, как индикатор зрелости корпоративной политики.

В настоящее время интерес к ESG как фактору устойчивого развития в научной среде усиливается благодаря фундаментальным работам, демонстрирующим необходимость глубокого пересмотра корпоративных моделей управления. Так, например, в исследованиях А.Г. Айрапетовой и соавторов [1] ESG трактуется как стратегический контур, формирующий основы риск-ориентированного развития, тогда как Д.Ю. Захматов [2] показывает влияние ESG-факторов на стоимость бизнеса и долгосрочные финансовые траектории. Работы Э.А. Халиковой [3] и Н.А. Казаковой [4] раскрывают значимость методического совершенствования ESG-отчетности и трансформации производственного учета, а исследования Е.В. Жуковой [5], А.Г. Тимофеевой [6] и П.А. Дегтярева [7] подтверждают отраслевую специфику ESG-рисков и необходимость интеграции устойчивых практик в бизнес-процессы. Совокупность этих выводов демонстрирует, что фрагментарность методик и отсутствие единой системы критериев остаются ключевым препятствием для формирования устойчивой ESG-стратегии, что определяет актуальность комплексного научного анализа.

Несмотря на растущий объем научной литературы, до сих пор сохраняется дефицит исследований, демонстрирующих, каким образом ESG-трансформация влияет на стратегическую логику развития компаний в российских условиях (в постсоветском пространстве), где институциональная среда существенно отличается от зарубежной. В данном аспекте особенно актуальным представляется изучение того, как внутренняя управленческая архитектура компаний меняется под воздействием ESG-факторов и какие последствия данная трансформация имеет для формирования долгосрочной устойчивости.

Исходя из обозначенных противоречий, вполне закономерным становится обращение к комплексному исследованию ESG-трансформации как фактора стратегического развития организаций, причем особый интерес представляет анализ изменений в корпоративных процессах, оценка влияния ESG на репутационный и инвестиционный потенциалы, а также изучение внутренних механизмов адаптации компаний к новым требованиям устойчивости. Именно данный круг вопросов определил направление проведенного исследования.

Методы

Исследование опирается на системный подход, позволяющий рассматривать ESG как целостную конструкцию, где экологические, социальные и управленческие параметры взаимно обусловлены и чувствительны к институциональному контексту. Такой подход дает возможность выявлять пересечения между экологическими рисками, социальными практиками и управленческими решениями, что согласуется с выводами С.Л. Смирнова [8] о связи ESG с архитектурой риск-менеджмента. Важное значение имеет и отраслевой аспект, на котором акцентирует М.А. Жукова [9], подчеркивающая различия ESG-рисков в зависимости от технологической специфики и структуры ожиданий стейкхолдеров. В связи с этим системный анализ был дополнен факторным и институциональным анализом, что позволило учитывать платформенный характер ESG-систем, описанный А.Д. Стояновой и соавторами [10], и проследить, как корпоративные платформы по мере накопления данных изменяют управленческие контуры.

Сравнительный анализ использовался для сопоставления российских и зарубежных методик расчета ESG-показателей, выявления расхождений в рейтингах и принципах агрегирования информации, что подтверждают исследования, фиксирующие несогласованность международных и национальных подходов. Контент-анализ литературы позволил выделить ключевые тенденции развития ESG-практик и определить методологические противоречия, влияющие на интерпретацию ESG в корпоративной среде. Структурно-функциональный анализ был направлен на определение того, каким образом включение ESG-требований трансформирует архитектуру корпоративного управления, изменяя распределение ответственности и подходы к формированию стратегических целей.

Совокупность примененных методов позволяет рассматривать ESG-трансформацию как многомерный управленческий феномен, требующий системной реконфигурации корпоративной логики. Методологическое решение состоит в интеграции системного, сравнительного и структурно-функционального анализа, что обеспечивает глубину интерпретации и позволяет выявить внутренние механизмы формирования устойчивых ESG-моделей.

Результаты

Результаты исследования позволяют утверждать, что ESG-трансформация становится стратегическим фактором устойчивого развития компаний стран СНГ, особенно тех, которые функционируют в ресурсно-ориентированных отраслях и сталкиваются с налогово-регулятивным, экологическим и социальным давлением. Как показывают исследования В.Д. Смирнова [8], переход от декларативной к функциональной ESG-модели становится возможным только при условии интеграции ESG-показателей в систему стратегического планирования, что подтверждает вывод о том, что ESG перестает быть внешним атрибутом отчетности и формирует внутренние механизмы корпоративного развития. Именно такая внутренняя трансформация, а не формальное выполнение требований рейтинговых агентств, определяет устойчивость траекторий роста компаний, их способность управлять репутационным капиталом и привлекать долгосрочные инвестиции.

Анализ эмпирических и теоретических источников показывает, что рост ESG-ориентированности компаний обусловлен не только требованиями инвесторов или надзорных органов, но и изменением внутренней логики корпоративного управления. Как показывают последние научные исследования, компании пересматривают структуру рисков в отраслевом контексте: в добывающем секторе доминируют экологические и операционные риски, тогда как в высокотехнологичных организациях усиливается значимость управленческих и социальных параметров, что приводит к формированию неоднородных моделей ESG-реформ, которые зависят от технологической базы, экспортной ориентации, прозрачности отчетности и зрелости корпоративного управления.

Значимость полученных результатов заключается в выявлении того, что ESG-трансформация не является универсальным процессом – ее логика определяется структурой отрасли, характером взаимодействия с глобальными рынками и институциональной зрелостью компании. Данный вывод подтверждается прикладными научными исследованиями Н.В. Деревянкиной и В.В. Янковской [11], подчеркивающих, что интегрированная отчетность создает предпосылки для системного

включения ESG в корпоративную стратегию, однако отсутствие отраслевой калибровки показателей приводит к искажению управленческих ориентиров.

Дополнительным результатом исследования становится фиксация методологической неоднородности ESG-рейтингов. Данные о слабой корреляции между крупнейшими международными провайдерами (в среднем около 0,54) подтверждаются российскими наблюдениями А.Д. Стояновой [10], указывающей на институциональную фрагментацию и отсутствие единой логики оценивания. На наш взгляд, данная несогласованность становится не препятствием, а стимулом: компании, не находя стабильных внешних ориентиров, формируют собственные внутренние системы ESG-управления, которые оказываются более релевантными для стратегического планирования и управления рисками.

В ходе исследования разработана аналитическая таблица, отражающая ключевые изменения в характере ESG-трансформации и демонстрирующая ее переход от внешне стимулируемой модели к внутренне формируемой управленческой системе (Табл.1).

Таблица 1. Эволюция ESG-трансформации: результаты авторского анализа.

Параметр анализа	**Традиционная модель ESG**	**Современная модель ESG (по результатам исследования)**	**Авторская трактовка**
Источник мотивации	Внешнее давление инвесторов и регуляторов	Внутренние управленческие потребности и стратегический пересмотр процессов	ESG как эндогенный фактор развития
Основная функция	Отчетная и репутационная	Стратегическая и интеграционная	ESG как механизм перестройки корпоративной логики
Характер показателей	Универсальные, шаблонные	Отраслевые, дифференцированные, привязанные к рискам	Уточнение отраслевой специфики ESG-метрик
Роль ESG-рейтингов	Главный ориентир	Дистанционный индикатор, но не определитель стратегии	Переход к внутренним ESG-контурам
Степень устойчивости эффекта	Низкая, краткосрочная	Высокая, вследствие перестройки управленческих моделей	ESG как источник долгосрочной устойчивости

Таким образом, результаты исследования показывают, что ESG-трансформация в российской корпоративной среде приобретает характер управленческого механизма, а не отчетного инструмента, что формирует основу для разработки отраслевых моделей устойчивого развития, адаптированных к рискам и институциональной специфике национальной экономики. Новизна исследования заключается в концептуализации ESG как внутреннего фактора стратегического развития и в доказательстве того, что компании, создавшие собственные ESG-контуры, демонстрируют более устойчивые и предсказуемые управленческие траектории, чем те, кто ориентируется исключительно на внешние рейтинги и стандарты.

Обсуждение

Развернутый анализ позволяет утверждать, что ESG-трансформация постепенно утрачивает характер внешней нормативной конструкции и приобретает свойства механизма внутренней самоорганизации компании, заставляющего бизнес пересматривать фундаментальные предпосылки собственной устойчивости. Значимость полученных результатов состоит в трактовке ESG не как комплекса разрозненных параметров, а как стратегии управленческой реконфигурации, в рамках которой организация создает новую логику согласования экономических, социальных и институциональных интересов. В данном аспекте, эффективность управленческого решения определяется не столько набором фиксированных ESG-показателей, сколько тем, насколько они интегрированы в систему стратегических контуров, обеспечивающих устойчивое воспроизводство корпоративных практик.

Существенное значение приобретает вопрос о структуре ESG как аналитического конструкта. Традиционная модель, основанная на разделении на три независимых блока, оказывается методологически ограниченной, поскольку игнорирует нелинейность взаимосвязей между ними. Сравнение российских и зарубежных работ демонстрирует, что устойчивый эффект ESG проявляется только в том случае, если экологические действия сопровождаются социальными механизмами легитимации, а управленческие инструменты поддерживают прозрачность и цикличность данных процессов. Тем самым ESG предстает не как сумма

элементов, а как синергетическая система, в рамках которой каждый модуль усиливает или ослабляет другие, и именно системный характер определяет стратегическую устойчивость компании в условиях повышенной неопределенности.

Для концептуализации этой взаимосвязанности предлагается авторская таблица, отражающая трансформацию ESG из набора индикаторов в интегрированную управленческую архитектуру (Табл.2).

Таблица 2. Авторская модель интеграции ESG-компонентов в стратегическое управление.

Уровень анализа	**Традиционная трактовка ESG**	**Интегрированная трактовка**	**Управленческие последствия**
Структурный уровень	Три автономных блока (E-S-G)	Единая система взаимных усилений	Переход от фрагментарных практик к платформенной модели
Процессный уровень	Реализация отдельных инициатив	Перепроектирование контуров принятия решений	Устойчивое стратегическое поведение даже при внешних шоках
Институциональный уровень	Подчинение ESG внешним стандартам	Формирование внутренних норм и правил	Снижение зависимости от внешних рейтингов
Стратегический уровень	ESG как инструмент отчетности	ESG как фактор управленческой рациональности	Повышение способности к долгосрочному планированию

Критический анализ ESG-рейтингов вносит важный вклад в обсуждение, поскольку выявляет парадокс: чем больше расхождения между рейтингами, тем выше мотивация компаний формировать собственные системы мониторинга устойчивости. Когда одна и та же компания оценивается международными агентствами с радикально различными результатами, ESG-рейтинги перестают выполнять свою ориентирующую функцию и превращаются в индикатор институциональной неопределенности. Такое положение дел позволяет выдвинуть утверждение, что в современной практике ESG-рейтинги следует рассматривать не как меры объективной устойчивости, а как феномен, отражающий разрозненность методологических подходов и отсутствие единой логики оценки. Следовательно, их назначение эволюционирует: рейтинги становятся внешними «сигналами» сложности, побуждающими компании усиливать внутренние механизмы согласования ESG-измерений.

Новый ракурс дискуссии раскрывается при переосмыслении понятия ESG-эффективности. Российские и международные данные указывают, что позитивная динамика компаний с сильными ESG-практиками объясняется не только снижением экологических или социальных рисков, но и глубинным изменением управленческих моделей, то есть переходом от традиционного вертикального управления к более гибким, распределенным и прозрачным архитектурам. Такое наблюдение позволяет выдвинуть гипотезу, что ключевым фактором ESG-эффективности является не величина инвестиций в отдельные ESG-проекты, а качество организационного дизайна, обеспечивающего способность компании формировать и перенастраивать внутренние контуры принятия решений в ответ на меняющиеся институциональные условия.

С данной точки зрения ESG-трансформация предстает формой адаптации к экономике высокой неопределенности, в которой компании вынуждены сочетать элементы устойчивости и гибкости. Возникает новая управленческая рациональность: устойчивость воспринимается не как соответствие внешним требованиям, а как способность воспроизводить собственную стратегическую целостность в условиях быстрых изменений регулятивной, технологической и социальной среды. Иначе говоря, ESG формирует внутренний ресурс саморазвития компании, позволяющий ей выстраивать стабильные траектории развития, несмотря на институциональную турбулентность.

Таким образом, расширенный анализ показывает, что ESG-трансформация – это не совокупность экологических, социальных и управленческих показателей, а механизм формирования стратегической устойчивости, основанный на способности компаний интерпретировать собственную деятельность как часть сложной социо-эколого-экономической системы. Именно эта переориентация с внешней отчетности на внутреннюю управленческую архитектуру и составляет научную новизну исследования.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что ESG-трансформация представляет собой комплексный процесс, изменяющий традиционные представления о стратегическом управлении. ESG формирует новую

управленческую архитектуру, в которой устойчивость становится внутренним элементом корпоративного развития, а не внешним требованием отчетности. Интеграция экологических, социальных и управленческих факторов приводит к перестройке логики принятия решений, повышает адаптивность компаний к институциональной неопределенности и способствует формированию более стабильных долгосрочных траекторий развития.

Одновременно, выявлено, что отсутствие единых методологических подходов и разрозненность систем оценки ESG побуждают компании разрабатывать собственные модели интерпретации устойчивости, что усиливает значение внутренних корпоративных стандартов и способствует появлению более гибких управленческих практик. В результате, ESG-трансформация становится механизмом саморазвития организации, позволяющим согласовывать экономические, социальные и экологические интересы и тем самым укреплять ее стратегическую устойчивость в условиях динамичных изменений внешней среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айрапетова А.Г., Грега В.М., Попов К.И., Щелканов А.А.* ESG-трансформация производственных предприятий: монография / СПб: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2023, 227с.
2. *Захматов Д.Ю.* Оценка стоимости бизнеса с учетом ESG факторов: монография / Д.Ю. Захматов. СПб.: «Береста», 2023, 273с.
3. *Халикова Э.А.* Развитие методического инструментария формирования ESG-отчетности: монография / Э.А. Халикова. Уфа: «Нефтегазовое дело», 2024, 115с.
4. *Казакова Н.А.* ESG-концепция производственного учета и управление устойчивостью развития промышленной организации: монография / Н.А. Казакова, Л.В. Пермитина. М.: «ИНФРА-М», 2024, 250с.
5. *Жукова Е.В.* Управление ESG-рисками организации в процессе устойчивого развития : дисс. ... канд. экон. наук: 5.2.6.; 5.2.4. / Е.В. Жукова. М., 2023, 234с.
6. *Тимофеева А.Г.* Управление устойчивым развитием корпораций в условиях ESG-трансформации: дисс. ... канд. экон. наук: 5.2.6. / А.Г. Тимофеева. М., 2024, 174с.
7. *Дегтярев П.А.* Совершенствование бизнес-процессов промышленных предприятий на основе принципов устойчивого развития (ESG): дисс. ... канд. экон. наук: 5.2.3. / П.А. Дегтярев. Ростов-н/Д., 2023, 221с.
8. *Смирнов В.Д.* Управление ESG рисками в коммерческих организациях / В.Д. Смирнов // «Управленческие науки». Т. 10, № 3, 2020. СС. 6–20.
9. *Жукова Е.В.* Разработка методического подхода к определению влияния ESG-факторов на значимость рисков организации / Е.В. Жукова // «Бизнес. Образование. Право», № 1 (58), 2022. СС. 142–150.

10. *Стоянова А.Д.* Системный анализ и управление корпоративными организациями на основе ESG-подхода / А.Д. Стоянова, В.Я. Трофимец, А.В. Калач // «Моделирование, оптимизация и информационные технологии». Т. 11, № 1 (40), 2023. СС. 4–5.
11. *Деревянкина Е.С.* Раскрытие ESG-факторов в интегрированной отчетности нефтедобывающих организаций как база для принятия инвестиционных решений / Е.С. Деревянкина, Д.Г. Янковская // «Интеллект. Инновации. Инвестиции», № 2, 2022. СС. 44–56.

ESG TRANSFORMATION AS A FACTOR IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN ORGANIZATIONS

G. Muradyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the essence and significance of ESG transformation as a key factor in the sustainable development of modern organizations. The study analyzes the impact of environmental, social, and governance aspects ("Environmental," "Social," and "Governance") on strategic management and the long-term competitiveness of companies. The interrelationship between ESG initiatives, corporate responsibility, and the development of sustainable business models is explored. It is demonstrated that the implementation of the ESG approach contributes to increased investment attractiveness, strengthened corporate reputation, and improved stakeholder engagement. ESG transformation is considered an integral element of strategic development and a foundation for building a sustainable economy.
Keywords: ESG transformation, sustainable development, corporate governance, social responsibility, investment attractiveness.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-656-661

ВИЗУАЛЬНЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА

И.К. Манукян, А.В. Манукян

Российско-Армянский университет
Институт экономики и бизнеса
m.ibella.k@gmail.com, manukyananahit222@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья раскрывает сущностные особенности визуального сторителлинга как стратегического инструмента, при помощи которого можно формировать и развивать личный бренд. Посредством применения таких качественных методов анализа, как контент-анализ и сравнительный анализ, были изучены кейсы двух широко известных в модном бизнесе личных брендов – “Victoria Beckham” и “Alexandra Dobre”. По результатам проведенного исследования были сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: визуальный сторителлинг, стратегия, контент-анализ, личный бренд.

Введение

На сегодняшний день сторителлинг представляет собой мощный маркетинговый инструмент, применяемый по всему миру как в крупных корпорациях, так и в небольших компаниях. Сторителлинг – это не только передача информации, а создание доверия и вовлеченности через рассказывание историй, которые люди воспринимают эмоционально и ценностно [1, с. 10]. Становясь ключевым элементом брендинга, сторителлинг позволяет компаниям выстраивать доверительные отношения с клиентами через эмоциональные и значимые истории [2].

В XXI веке особенно актуальным является визуальный сторителлинг, который создает новые возможности и вызовы: с одной стороны, позволяет донести ценности компании за несколько секунд, с другой – требует высокого качества исполнения. Фирмы продумывают каждую деталь визуального повествования: цветовую палитру, символику, монтаж, композицию, ритм – все это создает целостную историю, которая вызывает доверие, эмоции и желание взаимодействовать с брендом.

Клиенты лучше запоминают историю, чем набор тезисов, и притом за несколько секунд. Компании создают визуальные нарративы, чтобы быстро донести ключевую мысль. Видеоролики, короткие анимации, символические изображения позволяют брендам передавать идеологию, ценности и стратегические сообщения без сложных объяснений. Многие бренды строят коммуникацию вокруг символов, которые становятся частью их идентичности, выбирая определенную цветовую палитру, логотип, характер изображения продукта или героев рекламных роликов. Так формируется устойчивый визуальный код, по которому аудитория узнает бренд: каждый следующий визуальный элемент бренда становится частью общей повествовательной линии. В результате, бренд перестает быть компанией-производителем и превращается в смысловую систему, с которой взаимодействует клиент.

В условиях современных реалий возросла роль визуального сторителлинга как инструмента продвижения личного бренда, представляющего собой динамичную систему, где ключевую роль играет визуальная коммуникация, которая усиливает узнаваемость, передает стиль, характер и ценности человека. Через фото- и видео-контент формируется цельная визуальная история, которая вызывает доверие, создает эмоциональную связь и помогает клиенту глубже понимать бренд личности.

Целью данного исследования является выявление того, как визуальный сторителлинг используется для формирования и продвижения личных брендов (на примере модного бизнеса). В качестве объектов исследования были выбраны широко известные бренды – “Victoria Beckham” и “Alexandra Dobre”.

Методология и информационная база исследования

В рамках исследования был проведен контент-анализ визуальных материалов брендов “Victoria Beckham” и “Alexandra Dobre”. Отметим, что ранее данные бренды не сопоставлялись в аспекте визуального сторителлинга в научной маркетинговой литературе. Так, были изучены и сравнены:

- элементы рассматриваемых личных брендов и их особенности;
- вербальные и невербальные коммуникации личных брендов и их составные части;
- коммуникационные элементы личных брендов;

- элементы публикуемых фотографий как важнейшие аспекты визуального сторителлинга.

Информационную базу исследования составили официальные вебсайты брендов “Victoria Beckham” и “Alexandra Dobre”, страницы Instagram, Threads, Tik-Tok, а также имеющиеся в доступе баннеры и каталоги брендов.

Краткая справка о брендах и их ассортименте

Бренд “Victoria Beckham” был основан в 2008 году. Ассортимент включает в себя готовую одежду (включая платья, костюмы, пальто, брюки и пр.), аксессуары (ремни, сумки, солнцезащитные очки), сумки, а также косметику.

Открытие бренда “Alexandra Dobre” состоялось через 10 лет – в 2018 году. Базовый ассортимент состоит из классических костюмов и костюмов «под заказ» с индивидуальным пошивом.

Результаты исследования

Бренд “Victoria Beckham” выстраивает визуальную коммуникацию как строго структурированную систему смысловых и эстетических акцентов, направленных на формирование образа интеллектуальной, сдержанной и эстетически зрелой женственности. Контент визуальных материалов, включая маркетинговые кампании, Lookbook-серии, backstage-форматы, публикации в Instagram и видеоматериалы, представленные на официальном сайте, позволяет выявить ряд устойчивых паттернов, которые формируют уникальный визуальный язык. Важно, что бренд “Victoria Beckham” сознательно избегает визуальной перегрузки. Композиционно визуальные материалы отличаются статичностью: так, в видеоматериалах (Reels), публикуемых брендом, практически отсутствует динамика. “Victoria Beckham” оформляет визуальные ряды преимущественно через статичные позы, часто – с прямой постановкой корпуса, слегка расслабленными руками и нейтральным выражением лица [3]. Такая стратегия создает ощущение эмоциональной недосказанности, эстетической сдержанности и предполагает восприятие модели как части концептуального образа [4].

Бренд “Alexandra Dobre” выстраивает свою визуальную коммуникацию в рамках динамичных и насыщенных образов, создавая пространство для выразительного погружения аудитории в мир дизайнерской эстетики. Контент визуальных материалов, включая маркетинговые кампании, съемки коллекций, социальные сети, backstage-видео и короткие сторителлинг-ролики, позволяет систематизировать ключевые визуальные паттерны и определить те стилистические маркеры, которые формируют уникальный почерк бренда [5]. Одним из наиболее устойчивых компонентов визуального языка бренда “Alexandra Dobre” является теплая цветовая палитра, в которой преобладают оттенки терракоты, песка, карамели, ржавчины, бордо, темного янтаря и мягких природных тонов. Эти цвета формируют атмосферу теплоты и эмоциональной вовлеченности, создавая ассоциации с природными текстурами – землей, солнцем, деревом [6]. Психологический эффект таких оттенков тесно связан с телесностью и чувственностью, что позволяет бренду выстраивать более глубокую эмоциональную связь со зрителем.

Обобщая сравнительный контент-анализ (Табл. 1), представим ключевые различия брендов, исходя из характерных особенностей с позиции стратегического визуального сторителлинга.

Таблица 1. Сравнение визуальных стратегий брендов “Victoria Beckham” и “Alexandra Dobre”.

Критерий визуального сторителлинга	**Бренд “Victoria Beckham“**	**Стратегическое влияние на восприятие “Victoria Beckham”**	**Бренд “Alexandra Dobre”**	**Стратегическое влияние на восприятие “Alexandra” Dobre**
Цветовая палитра	Холодная нейтральная палитра	Премиальный акцент на сдержанную эстетику	Драматичная теплая гамма	Премиальный акцент на индивидуальность
Динамика визуального нарратива	Минимальность движений в Reels; модели чаще статичны		Активное движение в Reels; модели часто шагают	
Светотеневые решения в фотокомпозиции	Естественное освещение без резких теней		Выразительное контрастное освещение	

Критерий визуального сторителлинга	Бренд “Victoria Beckham“	Стратегическое влияние на восприятие “Victoria Beckham”	Бренд “Alexandra Dobre”	Стратегическое влияние на восприятие “Alexandra” Dobre
Визуальное пространство	Минималистичные студии, простые монохромные фоны		Фактурная пространственная среда	

Источник: составлено авторами на основе проведенного исследования.

Если для “Victoria Beckham” характерна рациональная структура и минималистичная логика, то эстетика “Alexandra Dobre” опирается на эмоциональность, теплоту, пластичность и богатую цветовую среду. В композиционном отношении визуальные материалы бренда значительно более динамичны и асимметричны, чем у “Victoria Beckham”. В отличие от статичной подачи “Victoria Beckham”, “Alexandra Dobre” делает в Reels движение центральным элементом сторителлинга. Фоновая среда в материалах бренда “Alexandra Dobre” гораздо более насыщенная и текстурная, чем в минималистичной стилистике “Victoria Beckham”.

В отличие от «интеллектуально дистанцированной» героини “Victoria Beckham”, женщина “Alexandra Dobre” эмоционально открыта, тепла, пластична. Она не демонстрирует холодную элитарность, но выражает энергию, интуитивность и живость. В контексте визуального сторителлинга это создает более доступный и эмоционально насыщенный образ, ориентированный на аудиторию, ищущую самовыражение и движение.

Выводы и предложения

- Визуальный сторителлинг представляет собой конкурентноспособный маркетинговый инструмент, благодаря которому бренд может заявить о себе на рынке и оказать стратегическое влияние на клиентское восприятие (в частности, касательно модного бизнеса).
- Посредством визуального сторителлинга бренд “Victoria Beckham” использует стратегию, благодаря которой ассоциируется у клиентов с элегантностью, минимализмом, премиальностью с акцентом на сдержанную эстетику.

- Стратегия визуального сторителлинга бренда “Alexandra Dobre” позволяет создать в восприятии клиентов устойчивые ассоциации с динамикой, эмоциональным максимализмом и премиальностью с акцентом на уникальность.
- Следующим шагом исследования может стать проведение глубинного нарративного сравнительного анализа историй “Victoria Beckham” и “Alexandra Dobre” для дальнейшего определения и сопоставления ценностей брендов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Simmons A*. The Story Factor: Inspiration, Influence, and Persuasion through the Art of Storytelling / A. Simmons. 3rd ed. New York: “Basic Books”, 2019, 368p.
2. *Boeck H., Bourguignon B., Saravani S. & Bahra M*. Evaluating the impact of storytelling elements on social media stakeholder engagement: an AI-driven approach // “Data & Policy”. Vol. 7, 2025, e62. DOI: 10.1017/dap.2025.10029.
3. Victoria Beckham’s Style Evolution: From Posh Spice to Fashion Designer [Эл. ресурс] // “Tatler Asia”, 2023. URL: https://www.tatlerasia.com/style/fashion/victoria-beckham-style-evolution-from-posh-spice-to-fashion-designer.
4. The real reason high-fashion has become the new patron of the art world [Эл. ресурс] // “The Telegraph”, 2022. URL: https://www.telegraph.co.uk/art/artists/real-reason-high-fashion-has-become-new-patron-art-world/.
5. Alexandra Dobre at the 107th Edition of Pitti Uomo: Redefining Individuality and Presence in a Man’s World [Эл. ресурс] // Alexandra-Dobre.com. 2025. URL: https://alexandra-dobre.com/blogs/blog/alexandra-dobre-brand-at-the-107th-edition-of-pitti-uomo-a-triumph-of-elegance-and-craftsmanship.
6. Alexandra Dobre – Beloved by Photographers at Pitti Uomo: Planning New collection [Эл. ресурс] // alexandra-dobre.com. 2025 URL: https://alexandra-dobre.com/blogs/blog/alexandra-dobre-beloved-by-photographers-at-pitti-uomo-planning-new-collection.

VISUAL STORYTELLING AS A STRATEGIC TOOL OF FORMATION AND PROMOTION OF PERSONAL BRANDS

I. Manukyan, A. Manukyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

The article highlights the essential features of visual storytelling as a strategic tool that supports the formation and development of personal brands. Using qualitative research methods, including content analysis and comparative analysis, the cases of two renowned fashion-industry personal brands – “Victoria Beckham” and “Alexandra Dobre” – were examined. Based on the findings, relevant conclusions were presented.

Keywords: visual storytelling, strategy, content analysis, personal brand.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-662-670

ԱՌԵՎՏՐԱՅԻՆ ԲԱՆԿԵՐԻ ԹՎԱՅՆԱՑՈՒՄԸ ԵՎ ՀՍԿՈՂՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ն.Ա. Սաֆարյան[1], Ռ.Ն. Սաֆարյան[2]

[1]Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարան
[2]«Կոնվերս Բանկ» ՓԲԸ
nsafaryan@yahoo.com, ruben_safaryan19@alumni.aua.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

ՀՀ առևտրային բանկերի թվային փոխակերպման գործընթացը, հաղիսանալով գլոբալ գործընթաց, ներկա դրությամբ և գիտական և գործնական առումով միմյանց հետ փոխշաղկապված շատ հարցադրումներ է առաջ բերել, որոնք հրատապ լուծման հրամայական պահանջ են ներկայացնում: Միանշանակ է այն, որ հիմնախնդիրների լուծումները լուրջ վերլուծությունների և հետազոտությունների կարիք ունեն, որոնք, սակայն, իրենց հերթին լուրջ դժվարությունների առջև են կանգնում թվական տվյալների սակավության կամ իսպառ բացակայության, առկա տեղեկատվության, ռիսկերի հրապարակման թափանցիկության բացակայության, ինչպես նաև բանկային գաղտնիքի և բանկի հեղինակության ռիսկի պատճառով: Ըստ էության, թվային բանկինգի գնահատման միակ գործիքն առ այսօր առևտրային բանկերի կայքէջերում տեղադրված տեղեկատվությունն է՝ ինտերնետ և բջջային բանկինգի հավելվածների մասում տեղադրված տեղեկատվությունն է: Առանձին առևտրային բանկեր որոշակի տեղեկատվություն են հրապարակում բանկային գործունեության հաշվետվություններում, սակայն դրանք ավելի շատ գովազդի բնույթ են կրում, քան թե արտացոլում են իրերի իրական վիճակը, քանի որ բացակայում են բնագավառի ռիսկերի, կիբերհարձակումների, լրտեսության, ֆիշինգի քանակի վերաբերյալ տեղեկատվությունը: Թվային բանկինգի զարգացումների գնահատման թերևս ամենաշահագրգիռ կողմը ՀՀ կենտրոնական բանկն է, որը սակայն նկատելի հապաղում է ինչպես բնագավառի կարգավորման, այնպես էլ վերահսկողության գործիքակազմի մշակման հարցում: Հոդվածի շրջանակում փորձ է արվել գնահատել ՀՀ առևտրային բանկերի թվային հասունության մակարդակը, դրա համարժեքությունը

առանձին բանկերի գործունեության բիզնես մոդելներին, ՀՀ կենտրոնական բանկի կողմից իրականացվելիք ճանապարհային քարտեզին, գործընթացի ներառականության բարձրացման, ինչպես նաև առևտրային բանկերի ներքին հսկողության համակարգի և ՀՀ կենտրոնական բանկի կողմից իրականացվող ֆինանսական վերահսկողության կատարելագործմանը:
Հիմնաբառեր՝ թվայնացում, ներառականություն, հսկողություն, վերահսկողության գործիքակազմ, կիբեռանվտանգություն:

Ներածություն

Ֆինանսաբանկային համակարգի վերջին տարիների ամենահրատապ զարգացումները կապվում են թվային փոխակերպումների և դրանից բխող ռիսկերի հետ: Առևտրային բանկերի միջև թվային ծառայությունների մատուցումը դարձել է մրցակցության առանցքային բաղադրիչ, որով թերևս, բանկերը փորձում են ցուցադրել իրենց կողմից կիրառվող տեղեկատվական տեխնոլոգիաների, ինչպես նաև, տեղեկատվական տեխնոլոգիաների թիմի գերազանցության մասին: Ավելի հաճախ, տպավորություն է, որ թվայնացումը դարձել է բանկի գովազդի ամենաժամանակակից տեսակը: Առևտրային բանկերի թվայնացման վերաբերյալ բավական սակավաթիվ վերլուծություններ և հետազոտություններ կան: Այս թեմային անդրադարձել են առանձին գիտնական հետազոտողներ, որոշակի կանոնակարգման փորձեր կան Բանկային վերահսկողության բազելյան կոմիտեի (BCBS) [3], Եվրոպական կենտրոնական բանկի [6, 7], խոշորագույն քառյակի (Big 4) մեջ մտնող աուդիտորական [4] և վարկանիշավորող և խորհրդատվական կազմակերպությունների [5] կողմից: Սակայն, վերը թվարկված ուսումնասիրություններն ավելի շատ կրում են տեսամեթոդական բնույթ, որոնց գործնական նշանակությունը դժվար է գնահատել: Սա պայմանավորված է օբյեկտիվ և սուբյեկտիվ պատճառներով: Օբյեկտիվ պատճառների շարքում պետք է առանձնացնել այն, որ առևտրային բանկերը չեն հրապարակում տեղեկատվություն թվային բանկինգի, դրա ներառականության, ռիսկերի (կիբերհարձակումների, լրտեսությունների,

զեղծարարությունների, խարդախությունների և ֆիշինգի քանակությունը և հաճախականությունը) և դրանց կառավարման համակարգերի վերաբերյալ: Գլոբալ առումով, բանկային գործունեության կարգավորող մարմինները դրսևորում են ընգծված չեզոքություն, պատասխանատվությունը թողնելով առևտրային բանկերի վրա: Վերը ներկայացվածը վկայում է թեմայի ընդգծված հրատապության մասին: Հոդվածի շրջանակում նպատակ է դիված ուրվագծելու ՀՀ բանկային համակարգի թվայնացման ճանապարհային քարտեզը, որին հասնելու համար առաջադրվել են հետևյալ խնդիրները՝ Կենտրոնական բանկի՝ որպես մեգակարգավորողի դերակատարությունն առևտրային բանկերի թվայնացման, ռիսկերի բացահայտման, հսկողության կատարելագործման և արդյունավետ ու ռիսկերի վրա հիմնված վերահսկողության իրականացման առումով: Միաժամանակ, դիտարկվել է առևտրային բանկերի դերակատարությունն իրենց գործունեության բիզնես մոդելին համարժեք թվայնացման ռազմավարության իրագործման գործում:

Նյութ և մեթոդաբանություն

Թվային բանկինգի զարգացման միտումների և ռիսկերի հետազոտության հրատապությունը գիտական առումով կասկած չի հարուցում, քանի որ համաշխարհային ֆինանսաբանկային համակարգը ներկայումս թվայնացման աննախադեպ զարգացման փուլ է ապրում: Այս առումով, Հայաստանի բանկային համակարգը բացառություն չէ և Հայաստանի պարագայում թեմայի հրատապությունը կրկնապատկվում է առևտրային բանկերի կողմից տեղեկատվության ոչ թափանցիկության պատճառով: Թերևս, և՛ Կենտրոնական բանկում և՛ առևտրային բանկերում, ընդհանրապես բացակայում է տեղեկատվությունը թվայնացման գործընթացների, դրանցից բխող ռիսկերի և կառավարման համակարգերի ու հսկողության վերաբերյալ:

Սույն հետազոտության առանցքային նպատակը հանդիսանում է ՀՀ առևտրային բանկերի թվայնացման գործընթացների ուսումնասիրությունը, դրանից բխող ռիսկերի, դրանց կառավարման համակարգերի, ներքին հսկողության գնահատումը: Դիտարկելով Կենտրոնական բանկի և առևտրային բանկերի անելիքները վերը ներկայացված բնագավառում, նպատակ է դրված մշակել ճանապարհային քարտեզ թվայնացման հեռանկարի համար:

ՀՀ առևտրային բանկերի թվայնացման և գործընթացի հսկողության վերաբերյալ սակավաթիվ են գիտական հետազոտությունները և վերլուծությունները: Ակադեմիական գրականության մեջ շրջանառվող ուսումնասիրությունները կրում են բացառապես տեսական-վերլուծական բնույթ, ինչը դժվարացնում է դրանց գործնական նշանակության գնահատումը: Հետազոտությունների սակավությունը պայմանավորված է այն հանգամանքով, որ բացակայում են վիճակագրական տվյալները թվայնացման իրական պատկերի վերաբերյալ: Առանձին հրապարակումներ առկա են ՀՀ Կենտրոնական բանկի, առևտրային բանկերի պաշտոնատար անձանց ելույթներում, ինչպես նաև՝ որոշակի մեկնաբանություններ տնտեսագիտական համացանցային ու Կենտրոնական բանկի, ինչպես նաև՝ առևտրային բանկերի կայքերում: Այդուհանդերձ, Հայաստանում կազմակերպվող տնտեսական բոլոր ֆինանսաբանկային ֆորումներում, կոնֆերանսներում, սեմինարներում պարտադիր օրակարգային թիվ մեկ հարցը բանկերի թվայնացումն է, որտեղ ներկայացվում են հրավիրյալ մասնագետների փորձագիտական դիտարկումներն ու կարծիքները:

Հիմք ընդունելով ակադեմիական գրականության մեջ, տնտեսական կայքերում և կոնֆերանսներում ու սեմինարների ժամանակ հնչեցված կարծիքները, խնդիր է դրված, գնահատել առևտրային բանկերի թվայնացման մակարդակը և դրա հիման վրա մշակել թվային բանկինգի և դրա հսկողության ճանապարհային քարտեզը,

որն իր մեջ ներառում է ինչպես ՀՀ Կենտրոնական բանկի, այնպես էլ առտրային բանկերի հետագա անելիքներն այդ բնագավառում:

Ինչպես արդեն վերը նշվել է, առաջադրված նպատակին հասնելուն համար կիրառվել է հետևյալ մեթոդաբանությունը. Ուսումնասիրվել են բանկային վերահսկողության բազելյան կոմիտեի վճռաբումների միջազգային բանկի, Եվրոպական կենտրոնական բանկի, բանկային կարգավորողների միության հրապարակումները թվային բանկինգի և դրա կառավարման վերաբերյալ: Միաժամանակ հետազոտվել են ՀՀ կենտրոնական բանկի նորմատիվա-իրավական դաշտը կանոնակարգող փաստաթղթերը, ֆինասական վերահսկողության իրականացման գործիքակազմը, հրապարակվող տեղեկատվությունը, ինչպես նաև առևտրային բանկերի կայքերի ինտերնետ բանկինգ և մոբայլ բանկինգ հավելվածներում տեղադրված տեղեկատվությունը, տնտեսագիտական կայքերում տարբեր շահագրգիռ կազմակերպությունների մասնագետների հրապարակումները և վերջին տարիներին կայացած ֆինանսաբանկային ուղղվածության կոնֆերանսների, ֆորումների, սեմինարների ժամանակ կազմակերպված պանելային քննարկումների ժամանակ հնչեցված և քննարկված կարծիքները, բանավեճերն ու դիտարկումները:

Ինչ խոսք, վերը ներկայացված մեթոդաբանությունն ունի այն առանձնահատկությունը, որ խարսխված չի բավարար վիճակագրական տեղեկատվության հիման վրա: Այդուհանդերձ, հետզոտության արդյունքում ստացվել են հետևյալ արդյունքները:

Կենտրոնական բանկի անելիքների մասով

1. Թվային բանկինգի տաքսոնոմիայի սահմանում՝ հնարավոր սուբյեկտիվ սահմանումներից խուսափելու նպատակով:

2. Առևտրային բանկերի հեռանկարային զարգացման ծրագրերում ներառել առանձին բաժին, որտեղ կնկարագրվեն բանկի թվայնացման հեռանկարներն իրենց գործունեության բիզնես մոդելին համարժեք:

3. ԿԲ Կանոնակարգ 4-ում [1] առանձնացնել առևտրային բանկի թվայնացման գործընթացների հսկողության նվազագույն պահանջներ:

4. Առանձին հաշվետվական ձև մշակել, որոնք առևտրային բանկերը կներկայացնեն կենտրոնական բանկ ամսական կամ եռամսյակային կտրվածքով: Հնարավոր տարբերակ է նաև թիվ 20 հաշվետվության [2] կատարելագործումը թվայնացման գործընթացների վերաբերյալ, որտեղ «Հեռահար սպասարկման համակարգով (բանկ, հաճախորդ և այլն) ներկայացված և կատարված հաձնարարականների» առանձնացված աղյուսակում ներկայացվում են առևտրային բանկերի ինտերնետ բանկինգ, հեռախոսային բանկինգ, մոբայլ բանկինգ (այդ թվում՝ էս-էմ-էս բանկինգ, վապ բանկինգ) վճարումները:

Թվային բանկինգի ռիսկերի վերաբերյալ (կիբերհարձակումներ, լրտեսություն, զեղծարարություններ, խարդախություններ, ֆիշինգ – քանակություն և հաճախականություն) հնարավոր է Կենտրոնական բանկ ներկայացվող նոր հաշվետվական ձևի մշակումը:

5. Կենտրոնական բանկի կողմից ռիսկերի վրա հիմնված վերահսկողության գործիքակազմը համալրել բանկերի թվային հասունության գնահատման և այդ բնագավառում ռիսկերի կառավարման ինդեքսով [8]:

6. Կենտրոնական բանկը պետք է պարբերաբար (ամսական կամ եռամսյակային հաճախականությամբ) հրապարակի համախմբած տվյալներ, որոնք կբնութագրեն ՀՀ բանկային համակարգի թվային հասունության մակարդակը, ինչպես նաև հնարավոր կլինի պատկերացում կազմել թվայնացումից բխող ռիսկերի վերաբերյալ:

Մեր կարծիքով, թվային բանկինգի կանոնակարգման և ռիսկերի վերահսկողության մասով որոշակի գործառույթներ պետք է իրականացնի նաև Հայաստանի տեղեկատվական համակարգերի անվտանգության գործակալությունը նույնպես:

Առևտրային բանկերի մասով

1. Թվային բանկինգի կառավարման կատարելագործում, այդ թվում՝ բանկի դիտորդ խորհրդին կից թվայնացման հանձնաժողովի ձևավորում, ներքին աուդիտի ստորաբաժանման մեջ թվային բանկինգի մասնագետի առանձնացում, ներքին աուդիտի տարեկան աշխատանքային պլաններում թվային բանկինգի գործընթացների ուսումնասիրություն և հաշվետվությունների ներկայացում կառավարման համապատասխան մարմիններին:

2. Տվյալների հրապարակում թվային բանկինգի վերաբերյալ, որոնք կբնութագրեն թվային բանկինգի ներառականության մակարդակը, օրինակ, «ԱՄԻՕ ԲԱՆԿ» ՓԲԸ-ն վերջերս հրապարակեց հաճախորդների գոհունակության ցուցանիշը, ինչպես նաև թվային բանկինգի ներառականությունը բնութագրող ինդեքսը [9, 10]:

Այսպիսով, կատարված ուսումնասիրությունները ցույց են տալիս, որ առկա տեղեկատվության հիման վրա գրեթե անհնար է գնահատել ՀՀ բանկային համակարգի թվային հասունության աստիճանը, ինչպես նաև փորձագիտական գնահատական տալ այդ բնագավառում առկա ռիսկերի վերաբերյալ: Թվային բանկինգի գնահատման միակ սկզբնաղբյուրը մնում է առևտրային բանկերի կայքերում ինտերնետ բանկինգի և մոբայլ բանկինգի հավելվածներում առկա տեղեկատվությունը: Մեր կողմից վերը ներկայացված առաջարկությունները համախմբված ներկայացնում են ՀՀ բանկային համակարգի թվայնացման և հսկողության համակարգի կատարելագործման ճանապարհային քարտեզը, որը ներառում է ինչպես ՀՀ կենտրոնական բանկի, որպես մեգակարգավորողի, այնպես էլ՝ առևտրային բանկերի հստակ անելիքները այս բնագավառում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. «Բանկերի ներքին հսկողության նվազագույն պայմանները» / կանոնակարգ 4:
2. «Բանկերի հաշվետվությունները, դրանց ներկայացումը և հրապարակումը» / կանոնակարգ 3:
3. Basel Committee on Banking Supervision. (2024, May). Digitalisation of finance. https://www.bis.org/bcbs/publ/d575.htm

4. *Deloitte*. Digital Banking Maturity (2024) https://www.deloitte.com/ce/en/industries/financial-services/research/digital-banking-maturity-2024.html
5. *McKinsey & Company, Inc.* Why most digital banking transformations fail – and how to flip the odds (2023) https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/tech-forward/why-most-digital-banking-transformations-fail-and-how-to-flip-the-odds
6. *European Central Bank.* A key step in assessing SSM banks' digitalization journey and related risk (2024) https://www.bankingsupervision.europa.eu/press/blog/2024/html/ssm.blog240711~db8cfa5ca6.en.html
7. *European Central Bank.* Digitalisation: key assessment criteria and collection of sound practices (2024) https://www.bankingsupervision.europa.eu/ecb/pub/html/ssm.reportondigitalisation_202407~3f4de7a771.en.html
8. *European Banking Authority.* Final report on amending Guidelines on common procedures and methodologies for SREP and supervisory stress testing (2022) https://b-24.am/finance/446275.html
9. https://b24.am/business/446448.html

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И НАДЗОР ЗА КОММЕРЧЕСКИМИ БАНКАМИ

Н.А. Сафарян, Р.Н. Сафарян
Армянский государственный экономический университет
ЗАО «Конверс Банк»

АННОТАЦИЯ

Процесс цифровой трансформации коммерческих банков Армении, являясь глобальным процессом, в настоящее время поставил множество взаимосвязанных вопросов как научного, так и практического характера, требующих безотлагательного решения. Несомненно, что решение этих проблем требует серьезного анализа и исследований, что, в свою очередь, сопряжено с серьезными трудностями из-за дефицита или полного отсутствия данных, непрозрачности публикации имеющейся информации, рисков, а также банковской тайны и репутационных рисков. Фактически, единственным инструментом оценки цифрового банкинга на сегодняшний день является информация, размещенная на веб-сайтах коммерческих банков, включая информацию, размещенную в разделах интернет-банкинга и мобильных приложений. Отдельные коммерческие банки публикуют определенную информацию в отчетах о своей банковской деятельности, однако она носит скорее рекламный характер, чем отражает реальное положение дел, поскольку отсутствует информация о количестве рисков в секторе, кибератаках, шпионаже, фишинге и т.д. Пожалуй, наиболее заинтересованной стороной в оценке развития цифрового банкинга является Центральный банк Армении, который, однако, заметно отстает как в регулировании, так и в надзоре за сектором. В статье предпринята попытка оценить уровень цифровой зрелости коммерческих банков Армении, адекватность бизнес-моделей отдельных банков, дорожную карту, реализуемую Центральным банком Армении,

повышение инклюзивности процесса, а также совершенствование системы внутреннего контроля коммерческих банков и финансового надзора, осуществляемого Центральным банком Армении.
Ключевые слова: цифровизация, инклюзивность, надзор, инструменты надзора, кибербезопасность.

DIGITZLIZATION AND SUPERVISION OF COMMERCIAL BANKS

N. Safaryan, R. Safaryan
Armenian State University of Economics
Converse Bank JSC

ABSTRACT

The digital transformation process of commercial banks in Armenia, being a global process, has currently raised many interconnected questions in both scientific and practical terms, which represent an urgent need for an urgent solution. It is certain that solutions to the problems require serious analysis and research, which in turn face serious difficulties due to the scarcity or complete absence of data, the lack of transparency in the publication of available information, risks, as well as banking secrecy and reputational risks. In fact, the only tool for assessing digital banking to date is the information posted on the websites of commercial banks, including information posted in the Internet banking and mobile applications sections. Individual commercial banks publish certain information in their banking activity reports, but they are more of an advertising nature than reflecting the real state of affairs, since there is no information on the number of risks in the sector, cyberattacks, espionage, phishing. Perhaps the most interested party in assessing the developments in digital banking is the Central Bank of Armenia, which, however, is noticeably lagging behind in both regulation and supervision of the sector. The article attempts to assess the level of digital maturity of commercial banks in Armenia, its adequacy to the business models of individual banks, the roadmap to be implemented by the Central Bank of Armenia, increasing the inclusiveness of the process, as well as improving the internal control system of commercial banks and financial supervision implemented by the Central Bank of Armenia.
Keywords: digitalization, inclusion, control, tools of control, cybersecurity.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-671-683

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМ АНТИФРОДА И КИБЕРЗАЩИТЫ В ЦИФРОВОМ БАНКЕ: АНАЛИЗ ПРАКТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Л.А. Степанян

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса
livera.stepanyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной работе исследуются современные подходы к обеспечению безопасности цифровых банков посредством внедрения систем антифрода и технологий киберзащиты. Рассматриваются теоретические основы противодействия мошенничеству в онлайн-банкинге, а также структура и принципы функционирования антифрод-систем.
Ключевые слова: антифрод, кибербезопасность, цифровой банк, мошенничество в онлайн-банкинге.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий банковский сектор переживает масштабную трансформацию. Появление цифрового банкинга открыло новые возможности для клиентов и финансовых организаций, однако оно также сопровождалось ростом киберугроз и мошеннических схем. В современных условиях эффективная система антифрода и комплексная киберзащита становятся ключевыми элементами обеспечения стабильности и доверия к онлайн-финансам.

Рост числа киберинцидентов, утечек данных, фишинговых атак и попыток несанкционированного доступа делает проблему обеспечения цифровой безопасности одной из наиболее актуальных для банков Республики Армения и мира в целом. Нарушение кибербезопасности может привести к значительным финансовым потерям, ухудшению репутации банка, снижению доверия клиентов и нарушению устойчивости финансовой системы. *Целью данного исследования* является анализ современных антифрод-систем и технологий киберзащиты, а также оценка эффективности их внедрения в цифровых банках.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- анализ особенностей цифрового банкинга и факторов, влияющих на его уязвимость;
- изучение основных киберугроз и видов мошенничества в сфере онлайн-финансов;
- анализ существующих антифрод-систем и инструментов кибербезопасности в банковской сфере;
- оценка практических решений и стратегий повышения безопасности в цифровом банке;
- определение приоритетных направлений совершенствования систем антифрода и кибербезопасности.

Внедрение систем антифрода и кибербезопасности в цифровом банке: анализ практических решений и их эффективность

В последние годы цифровые банки становятся все более популярными: клиенты активно используют мобильные приложения и веб-интерфейсы для выполнения банковских операций, а финансовые учреждения переводят значительную часть своих сервисов в облако и подключают внешние API. Организации, которые используют современные технологии и цифровые разработки, улучшают свои экономические показатели, не только экономя время и ресурсы, но и оптимизируя внутренние бизнес-процессы – начиная с электронного документооборота и заканчивая максимальной персонализацией взаимодействия с клиентами.

Цифровой банкинг представляет собой современную концепцию банковской деятельности, основанную на применении цифровых технологий при построении внутренних процессов и преимущественно цифровых каналов обслуживания клиентов. Благодаря цифровому банкингу многие потребители могут управлять своими финансами, не посещая традиционные отделения банка, используя компьютер или мобильное устройство, а также совершать безналичные платежи в магазинах. Цифровизация банковской деятельности сегодня находится в активной стадии развития, и это направление становится не только трендом будущего, но и неотъемлемой частью современного банковского сервиса.

Несмотря на все преимущества, такая технологическая открытость создает значительные уязвимости.

Во-первых, цифровые каналы – будь то онлайн-банкинг или мобильные приложения – являются наиболее частой целью злоумышленников, поскольку через них можно получить доступ к учетным записям пользователей и проводить мошеннические операции практически мгновенно. Даже при внедрении современных инструментов защиты, таких как многофакторная аутентификация (MFA) и криптографическая защита данных, остаются риски фишинга, социальной инженерии и компрометации устройств клиентов.

Во-вторых, инфраструктура цифрового банкинга включает интеграцию с третьими сторонами: платежными процессорами, финтех-сервисами, поставщиками облачных решений. Каждое такое подключение создает дополнительную точку риска, поскольку злоумышленники могут использовать уязвимости сторонних систем, чтобы обойти защиту банка.

Третьим фактором уязвимости является человеческий фактор. Сотрудники банков, операторы колл-центров и даже сами клиенты могут стать объектами социальной инженерии: от раскрытия паролей и кода подтверждения до непреднамеренного скачивания вредоносного ПО. Недостаточная подготовка персонала, отсутствие регулярного обучения и слабая культура кибербезопасности повышают вероятность успешных атак.

Наконец, стремительное развитие мобильных устройств и интернет-сервисов приводит к постоянному появлению новых точек входа для мошенников. Смартфоны, планшеты, приложения для платежей и интернет-магазины – все эти элементы формируют сложную экосистему, в которой уязвимости могут проявляться неожиданно.

По данным отчета *ZIGRAM* [1], "*Digital Payment Fraud Statistics 2025*", структура цифрового мошенничества в последние годы значительно изменилась. Фишинг остается ведущим типом атак и формирует около 40% всех финансовых потерь, связанных с онлайн-платежами. Существенно распространена и кража личности: примерно *каждый пятнадцатый пользователь цифровых платежей* сталкивается с identity-fraud ежегодно, что приводит к прямым потерям как для банков, так и для клиентов.

Отдельной проблемой является мошенничество с возвратами платежей: только в 2023г. убытки компаний от чарджбэков (процедура

оспаривания операции, когда покупатель оплатил товар или услугу по банковской карте) превысили $20 млрд, а так называемое «дружественное мошенничество» составляет примерно 15–17% от всех возвратов платежей, которые «видят» банки эмитенты [2].

На фоне роста электронной торговли увеличилось число фальшивых интернет-магазинов: их количество выросло на 22%, особенно в периоды массовых распродаж.

Сегмент карточных операций также остается уязвимым: убытки от мошенничества с кредитными картами ожидаются на уровне $37 млрд в 2024г., при этом около 80% этих потерь связано с операциями CNP (card-not-present), в которых отсутствует физическая проверка владельца карты.

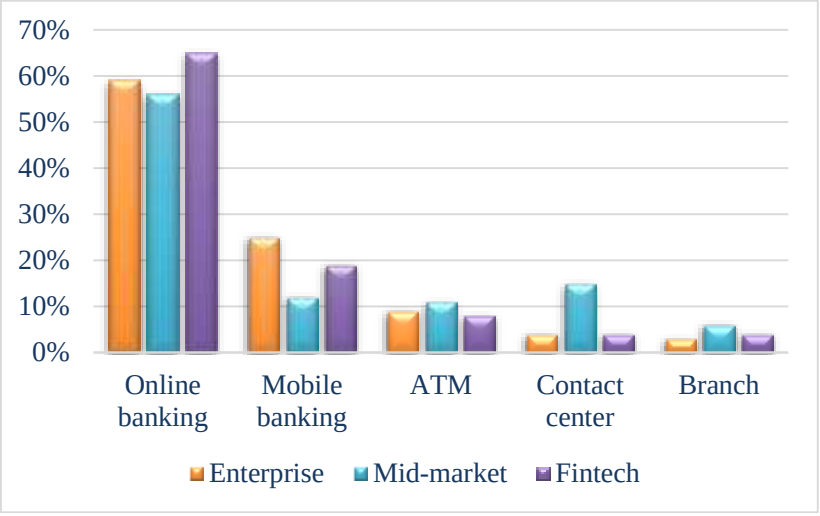


Рисунок 1. Уровень мошенничества по каналам цифрового и традиционного банкинга [3].

График наглядно показывает, что онлайн-банкинг – уязвимое место среди цифровых каналов: его указали 59% крупных предприятий, 56% компаний – среднего бизнеса, и целых 65% – финтех-организаций как канал, через который они подвергались мошенническим атакам. Это говорит о том, что, несмотря на внедрение новейших инструментов защиты, классический интернет-банкинг остается приоритетной мишенью злоумышленников – как для извлечения данных учетных записей, так и для проведения фродовых транзакций.

Мобильный банкинг остается менее подверженным атакам, но все

равно представляет серьезную проблему: 25% предприятий, 12% средних компаний и 19% финтехов заявили о случаях мошенничества через мобильные приложения своих банков, что может отражать сложность защиты мобильных точек входа, ведь смартфон пользователя часто является слабым звеном, особенно если злоумышленники используют фишинг или вредоносные приложения. Даже если процент случаев здесь ниже, мобильный фрод растет, и банки должны внедрять защиту: MFA, биометрию, антивирусный контроль и мониторинг поведения в мобильных сессиях.

Что касается традиционных каналов, например, банкоматов (ATM), то 9% предприятий, 11% среднерыночных фирм и 8% финтехов сталкиваются с ATM-фродом. Эти цифры демонстрируют, что, хотя банкоматы становятся менее популярной целью по сравнению с цифровыми каналами, они все еще не утратили свою значимость для мошенников, особенно там, где инфраструктура ATM устарела или слабо защищена. Повышение безопасности этих точек (ATM-чекеры, защита PIN, камеры, обучение персонала) остается актуальным.

Интересно, что контакт-центры (call-центры) оказались особенно уязвимы для компаний среднего размера: 15% среднерыночных фирм заявляют о мошенничестве через контакт-центр, в то время как среди крупнейших предприятий и финтехов этот показатель существенно ниже – всего 4%. Это может говорить о специфике процессов в средних компаниях: возможно, их контакт-центры менее защищены или у них меньше ресурсов для обучения сотрудников и внедрения антифрода в службе поддержки. Имеет смысл инвестировать в защиту клиентского сервиса: обучение операторов, сценарии-тренинги при подозрительных звонках, интеграция антифрода в CRM и колл-центр.

Наконец, банковские филиалы (“branch fraud”) остаются наименее затронутым каналом: лишь 3% крупных предприятий, 6% средних и 4% финтехов сталкивались с мошенничеством через офлайн-отделения. Это не очень удивительно: офлайн-отделения, хотя и уязвимы, часто имеют более жесткие процедуры проверки личности, и злоумышленникам сложнее внедряться в такой канал массово.

Современные антифрод-решения базируются на многоуровневой архитектуре, включающей:

1. *Сбор сигналов поведения* – информация о устройстве, IP, скорость ввода, местоположение, история транзакций.
2. *Анализ в реальном времени* – использование правил (velocity rules): например, если пользователь пытается провести необычно крупную транзакцию или входит с нового устройства в незнакомой геолокации, система мгновенно вычисляет риск операции. Это позволяет банкам реагировать до завершения транзакции, снижая вероятность финансовых потерь.
3. *Машинное обучение и графовый анализ* [4] – модели на основе исторических данных, графы связей между аккаунтами, IP, телефонами. На основе исторических данных строятся модели, способные распознавать сложные паттерны мошеннических действий. Графовый анализ помогает выявлять скрытые связи между аккаунтами, телефонами, IP-адресами и устройствами, которые могут использоваться злоумышленниками для организации схем фрода. Так, банк получает возможность обнаруживать координированные атаки, которые не видны при стандартном пороговом анализе.
4. *Поведенческая биометрия* [5] – анализ жестов, набора текста, движения мыши, тайминга в сессии.
5. *Многофакторная аутентификация* – SMS/Email-OTP, push-уведомления, FIDO2 (Пользователи могут проходить аутентификацию с помощью распознавания лица, сканера отпечатков пальцев или ввода PIN-кода) [6].
6. *SOAR* – автоматизация через SOAR (“Security Orchestration”, “Automation and Response”). В случае подозрительной активности система автоматически инициирует “challenge” – дополнительную проверку пользователя, временную блокировку операции или уведомление аналитиков. Это позволяет снизить нагрузку на сотрудников банка и ускорить реакцию на угрозу.
7. *Обмен индикаторами компрометации (IOC)*. Системы подключаются к внешним базам данных о вредоносных IP-адресах, доменах, подозрительных устройствах и совместным блок-листам. Благодаря этому банк получает информацию о глобальных угрозах и может предотвращать атаки до того, как они достигнут клиентской инфраструктуры [7].

8. *Аналитические панели для команд, обратная связь (feedback loop), переобучение моделей.* Аналитические панели предоставляют командам возможность отслеживать инциденты, проводить расследования и возвращать обратную связь в модели машинного обучения, что обеспечивает их постоянное переобучение и адаптацию к новым схемам мошенничества.

Для оценки эффективности антифрод-систем в е-коммерции и цифровых банках особенно важно отслеживать несколько ключевых показателей. Во-первых, это уровень чарджбэков (“Chargeback Rate“) – показывает долю спорных транзакций, за которые банк или продавец несут финансовые потери. Во-вторых, коэффициент ложных отклонений (“False Decline Rate”), который отражает долю легальных заказов или транзакций, ошибочно заблокированных системой; высокий показатель ухудшает клиентский опыт и снижает конверсию.

Третий KPI – доля транзакций, направленных на ручную проверку (“Manual Review Rate”), позволяющая оценивать нагрузку на аналитиков и эффективность автоматической фильтрации. Четвертый – среднее время на проверку транзакции (“Average Time to Review”), которое важно для быстрого обслуживания клиентов и минимизации задержек. Пятый показатель – коэффициент автоматических отклонений (“Automatic Decline Rate”), показывающий, насколько строго система фильтрует подозрительные операции без участия человека.

Шестой KPI – соотношение мошенничества к объему продаж (“Fraud-to-Sales Ratio”), позволяющее оценить эффективность предотвращения потерь. Седьмой – уровень обнаружения мошенничества (“Detection Rate”), демонстрирующий долю реальных мошеннических транзакций, выявленных системой. Наконец, восьмой показатель – ROI системы антифрода, который учитывает сэкономленные средства, предотвращенные потери и стоимость поддержки системы, показывая экономическую эффективность внедренной защиты [8].

Используется также уровень ложных срабатываний (“False Positive Rate”, FPR), который отражает долю легальных транзакций, ошибочно классифицированных системой как мошеннические. Высокий FPR негативно влияет на клиентский опыт, поскольку пользователи сталкиваются с блокировками собственных операций. Напротив, уровень обнаружения мошенничества (“True Positive Rate“, TPR) показывает долю

реальных мошеннических транзакций, которые система успешно выявила, и напрямую влияет на предотвращенные финансовые потери [9].

Практическое внедрение систем антифрода в цифровых банках представляет собой комплекс мер, объединяющих передовые технологии, бизнес-процессы и сотрудничество с инновационными стартапами. Анализ показывает, что успешные решения базируются на комбинации многоуровневой архитектуры безопасности и адаптивных моделей реагирования, что позволяет снизить финансовые риски и повысить устойчивость банка к мошенничеству.

Банки, применяющие автоматизированные системы поведения и анализа, добиваются значительного повышения точности обнаружения мошенничества. Фиксация поведенческих сигналов (устройство, IP, скорость ввода, местоположение) позволяет выявлять аномалии на ранней стадии еще до завершения транзакции. Это особенно эффективно при комбинации с правилами в реальном времени (velocity-rules) и моделями машинного обучения, которые анализируют исторические данные и строят графы связей между аккаунтами. Такой подход позволяет обнаруживать сложные схемы: координированные атаки, группы мошенников, «связанные» аккаунты. Практика показывает, что использование машинного обучения и графового анализа повышает уровень “True Positive Rate” (TPR), поскольку такие модели обнаруживают подозрительные паттерны, которые простые правила пропускают.

Поведенческая биометрия (жесты, скорость набора текста, движения мыши) и многофакторная аутентификация (SMS, push, FIDO2) значительно усиливают защиту при входе и транзакциях. Эти меры снижают риск захвата аккаунта даже при компрометации пароля. Автоматизация через SOAR-платформы ускоряет реакцию: система может мгновенно инициировать challenge (проверку клиента), временно блокировать операцию или уведомлять аналитиков. Это сокращает “Time to Detect“ и “Time to Block”, что напрямую уменьшает потери.

Обмен индикаторами компрометации (IOC), интеграция с глобальными базами IP, доменов и вредоносных устройств позволяет банку действовать проактивно: предотвращать попытки мошенничества до того, как они достигнут клиентского устройства. Это особенно важно в глобальной среде, где угрозы распространяются быстро.

Наконец, аналитические панели и обратная связь (feedback loop) обеспечивают переобучение моделей. Это значит, что система не статична: она адаптируется к новым схемам мошенничества, минимизируя ложные срабатывания и улучшая метрики – такие, как “False Positive Rate”, “Manual Review Rate” и ROI.

Использование ИИ в антифродовых стратегия компаний значительно упрощает «фильтрацию» пользователей. К примеру, Сбербанк использует систему фрод-мониторинга на базе искусственного интеллекта. Она выявляет клиентов, которые, предположительно, находятся под влиянием злоумышленников, и блокирует мошеннические операции. По данным на август 2023г., с помощью нее банку ежемесячно удается анализировать более 10 млрд транзакций [10].

Инновационные стартапы также активно внедряются в антифрод-экосистему банков, принося гибкость, специализацию и новые технологии (в том числе, используя ИИ).

- *AimBrain (BioCatch)*: решение на основе поведенческой идентификации при создании аккаунтов. Стартап помогает выявлять подозрительные попытки регистрации и предотвращать захват аккаунтов, что особенно эффективно для KYC и борьбы с фальшивыми учетными записями. Внедрение такого подхода снижает риск мошенничества на этапе регистрации, уменьшает число «бот-аккаунтов» и повышает безопасность клиентской базы.
- *Cleafy*: платформа непрерывного мониторинга транзакций. За счет анализа аномалий в режиме реального времени и правил на основе больших данных, банки получают возможность блокировать подозрительные операции до их завершения. Практическая эффективность заключается в снижении убытков и уменьшении доли транзакций, требующих ручной проверки, что экономит ресурсы команды аналитиков.
- *Cyberfish*: защита от фишинга и социальной инженерии. Их ИИ и компьютерное зрение анализируют электронные сообщения и профили, чтобы отслеживать подозрительную активность. Для банков это означает снижение рисков, связанных с фишинговыми атаками, а также уменьшение потерь от атак, направленных на пользователей через электронную почту или поддельные сайты.

- *Amani*: платформа верификации личности и идентификации на основе ИИ и биометрии. Это решение особенно полезно на этапах KYC и регистрации: банк получает возможность проверять документы, биометрию и «поведение» пользователя, минимизируя риск использования синтетических или фальшивых идентичностей.
- *NameScan*: система проверки санкционных списков и соответствия правилам AML. Стартап помогает банкам автоматически сверять клиентов с базами PEP и санкционными списками, что позволяет быстро выявлять рисковые учетные записи. Это существенно повышает эффективность комплаенс-процессов и снижает операционные расходы на ручные проверки [11].

Эффективность внедрения практических антифрод-решений измеряется по ключевым метрикам: уменьшение *"Chargeback Rate"*, повышение *"Detection Rate"*, снижение "*False Positive Rate*", а также сокращение нагрузки на аналитиков (нужна меньше ручной проверки) и уменьшение времени реакции. Инновационные стартап-решения часто дают значительные преимущества: поведенческая идентификация ("AimBrain") снижает мошеннические регистрации, "Cleafy" позволяет блокировать подозрительные транзакции в реальном времени, "Cyberfish" уменьшает риски фишинга, "Amani" делает KYC более надежным, а "NameScan" улучшает AML-процессы.

Кроме того, совместное использование классических систем и стартап-технологий усиливает защиту: например, архитектура с машинным обучением совместно с использованием поведенческой биометрии, SOAR, threat intelligence и стартап-модулей оказывается более гибкой и эффективной, чем просто правила или модели без переобучения.

Таким образом, практические решения антифрода, основанные на многоуровневой архитектуре и инновационных стартап-компонентах, демонстрируют высокую эффективность в снижении финансовых потерь, ускорении обнаружения мошенничества и повышении устойчивости цифрового банка к киберугрозам.

Заключение

В результате анализа можно сделать следующие ключевые выводы.

1. Цифровой банкинг обеспечивает удобство и скорость финансовых операций, однако высокая технологическая открытость создает уязвимости перед киберугрозами и мошенничеством.
2. Современные антифрод-системы, основанные на многоуровневой архитектуре, значительно повышают уровень защиты цифровых банков, позволяя выявлять аномалии в поведении пользователей, подозрительные транзакции и координированные атаки.
3. Эффективность системы антифрода напрямую зависит от внедрения комплексных технологий и методов:
   - сбор сигналов поведения пользователей (устройства, IP, геолокация, скорость ввода, история транзакций);
   - анализ транзакций в реальном времени с использованием правил (velocity rules) и бизнес-логики;
   - машинное обучение и графовый анализ для выявления скрытых связей между аккаунтами, телефонами и IP-адресами;
   - поведенческая биометрия для идентификации пользователя по жестам, скорости набора текста и движениям мыши;
   - многофакторная аутентификация (SMS, push-уведомления, FIDO2) для снижения риска захвата аккаунта;
   - автоматизация процессов через SOAR-платформы для мгновенной реакции на подозрительные операции;
   - интеграция с глобальными базами IOC и обмен индикаторами компрометации для проактивной защиты;
   - обратная связь и переобучение моделей (feedback loop) для адаптации к новым схемам мошенничества;
   - использование инновационных стартап-решений (“AimBrain”, “Cleafy”, “Cyberfish”, “Amani”, “NameScan”) для повышения точности обнаружения и предотвращения мошеннических действий.
4. Практическое внедрение этих мер позволяет снизить финансовые потери, уменьшить количество ложных срабатываний, сократить ручную проверку транзакций и повысить ROI антифрод-систем.

5. Комплексное использование технологий классических банковских решений и стартап-инноваций обеспечивает гибкость, адаптивность и высокую эффективность киберзащиты, создавая надежную основу для безопасного функционирования цифровых банков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Digital Payment Fraud Statistics 2025. ZIGRAM. URL: https://zigram.com/digital-payment-fraud-statistics-2025 (дата обращения: 05.11.2025).
2. Что такое дружеское мошенничество и как я могу предотвратить его в 2023 году? | Carding Forum for Professional Carders. URL: https://www.cardingforum.com/friendly-fraud-2023 (дата обращения: 05.11.2025).
3. Digital Payment Fraud Statistics 2025 • CoinLaw; Home – Payments Cards & Mobile. URL: https://www.paymentscardsandmobile.com/digital-payment-fraud-statistics-2025 (дата обращения: 05.11.2025).
4. *Немковский Г.Б., Ашапкина М.С., Ефимов С.А., Деревянко Е.А.* Анализ графической информации методами машинного обучения // «Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования», № 2, 2025. СС. 66–74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-graficheskoy-informatsii-metodami-mashinnogo-obucheniya (дата обращения: 09.11.2025).
5. What Is Behavioral Biometrics? URL: https://www.behavioralbiometrics.com/what-is-behavioral-biometrics (дата обращения: 10.11.2025).
6. Что такое FIDO2? | Microsoft Security. URL: https://learn.microsoft.com/ru-ru/security/fido2 (дата обращения: 17.11.2025).
7. Market Guide for Online Fraud Detection. Gartner. URL: https://www.gartner.com/en/documents/market-guide-for-online-fraud-detection (дата обращения: 17.11.2025).
8. The 13 Fraud KPIs E-Commerce Merchants Need to Know. ClearSale Blog. URL: https://en.clear.sale/blog/the-13-fraud-kpis-e-commerce-merchants-need-to-know (дата обращения: 24.11.2025).
9. Performance Metrics for Machine Learning Models / Anjani Kumar // Analytics Vidhya. Medium. URL: https://medium.com/analytics-vidhya/performance-metrics-for-machine-learning-models (дата обращения: 24.11.2025).
10. Антифрод-система: что это, виды, как выбрать. URL: https://www.antifraud-expert.ru/articles/anti-fraud-system (дата обращения: 24.11.2025).
11. 5 Top Fraud Prevention Startups Impacting Financial Services / StartUs Insights. URL: https://www.startus-insights.com/innovators-guide/5-top-fraud-prevention-startups-impacting-financial-services (дата обращения: 24.11.2025).

IMPLEMENTATION OF ANTI-FRAUD AND CYBERSECURITY SYSTEMS IN DIGITAL BANKING: ANALYSIS OF PRACTICAL SOLUTIONS AND THEIR EFFECTIVENESS

L. Stepanyan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

This paper examines modern approaches to ensuring the security of digital banks through the implementation of anti-fraud systems and cybersecurity technologies. The theoretical foundations of countering online banking fraud are considered, as well as the structure and principles of operation of anti-fraud systems.
Keywords: anti-fraud, cybersecurity, digital banking, online banking fraud.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-684-692

ОПТИМАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

М.Н. Эсонтурдиев

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан
esonturdiyev80@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию теоретических и практических аспектов оптимального управления водными ресурсами в условиях глобальных экологических и экономических вызовов. Рассматриваются основные принципы интегрированного управления водными ресурсами (IWRM), направленные на обеспечение рационального, экономически эффективного и экологически устойчивого водопользования. Особое внимание уделено вопросам цифровизации водного сектора, внедрению автоматизированных систем управления ирригацией и применению водосберегающих технологий.

В работе проанализирован опыт Узбекистана и стран Центральной Азии, где реализуются реформы по повышению эффективности водопользования и развитию институтов водопользователей. Нами отмечается необходимость сочетания научных подходов, правовых механизмов и международного сотрудничества для обеспечения устойчивого водного баланса. Сделан вывод, что оптимальное управление водными ресурсами является ключевым фактором устойчивого развития региона.

Ключевые слова: водные ресурсы, оптимальное управление, устойчивое развитие, водная политика, цифровизация водного сектора, инновационные технологии, ирригационные системы, экономические механизмы регулирования, межгосударственное сотрудничество, трансграничные водные ресурсы, гидроэкономическая эффективность.

Введение

Вода является одним из важнейших природных ресурсов, обеспечивающих жизнедеятельность человека, развитие экономики и сохранение экологического равновесия. В условиях глобальных изменений климата, урбанизации и роста населения вопрос рационального и устойчивого использования водных ресурсов приобретает стратегическое зна-

чение для всех стран мира. Ограниченность пресной воды, неравномерность ее распределения, а также растущее давление на водные экосистемы – требуют формирования новых подходов к управлению водным потенциалом.

Современная концепция управления водными ресурсами основывается на принципах интегрированного водного менеджмента (IWRM), предполагающего баланс между социальными, экономическими и экологическими интересами общества. При этом особое внимание уделяется внедрению инновационных технологий, цифровизации процессов учета и распределения воды, а также развитию правовых и институциональных механизмов регулирования [1].

Для государств Центральной Азии, включая Узбекистан, проблема эффективного водопользования имеет особую актуальность. Ограниченность водных ресурсов, зависимость от трансграничных рек и высокий уровень потребления воды в сельском хозяйстве создают необходимость перехода к оптимальным моделям управления. Исследование теоретических основ и практических подходов к водному менеджменту позволяет определить стратегические направления повышения эффективности водохозяйственного комплекса и обеспечения устойчивого развития региона [3, 4].

1. Теоретические основы управления водными ресурсами

Управление водными ресурсами (УВР) – это совокупность организационных, экономических, технических и правовых мер, направленных на обеспечение рационального использования, охраны и воспроизводства водных ресурсов. Теоретическая база оптимального управления строится на принципах устойчивого развития, интегрированного водного менеджмента (IWRM) и экосистемного подхода.

Ключевые принципы эффективного УВР следующие:

- **комплексность** – учет взаимосвязей между водными, земельными и энергетическими ресурсами;
- **сбалансированность** – удовлетворение потребностей всех секторов при сохранении экологического равновесия;
- **экономическая эффективность** – использование водных ресурсов с наибольшей отдачей при минимальных издержках;
- **социальная справедливость** – обеспечение равного доступа к воде для всех групп населения;

- **инновационность** – внедрение новых технологий и методов учета, распределения и мониторинга водных ресурсов.

Таким образом, оптимизация управления водными ресурсами требует междисциплинарного подхода, включающего экономику, гидрологию, экологию и информационные технологии.

2. Глобальные вызовы и проблемы водного сектора

Современные исследования показывают, что более 2 млрд человек по всему миру сталкиваются с недостатком пресной воды. Основные причины – изменение климата, демографический рост и индустриализация. Вода становится не только природным, но и политическим ресурсом.

К основным глобальным проблемам водного сектора относятся:

- неравномерное распределение водных ресурсов по регионам;
- загрязнение поверхностных и подземных вод;
- старение инфраструктуры водоснабжения;
- неэффективное сельскохозяйственное водопользование;
- слабое институциональное управление и недостаток финансирования.

В результате этих факторов создаются угрозы для продовольственной и энергетической безопасности. Международные организации, такие как ООН и Всемирный банк, подчеркивают необходимость перехода к «интегрированному управлению водными ресурсами» как ключевому направлению устойчивого развития [2].

3. Методы и технологии оптимизации управления

В последние годы активно развиваются технологии, направленные на повышение эффективности водопользования. Среди них можно выделить следующие направления.

1. **Цифровизация водного сектора**. Использование информационных систем (GIS, IoT, Big Data) позволяет в реальном времени контролировать уровень водных ресурсов, прогнозировать дефицит и управлять подачей воды.
2. **Экономическое регулирование**. Введение тарифов, отражающих реальную стоимость воды, стимулирует рациональное потребление. Принцип «пользователь платит» становится важным элементом водной политики.

3. **Рациональное сельскохозяйственное орошение**. Применение капельного и точечного орошения снижает потери воды на 30–40%.
4. **Очистка и повторное использование сточных вод.** В ряде стран успешно применяется рециркуляция воды для промышленности и сельского хозяйства.
5. **Использование моделей прогнозирования.** Гидрологические модели позволяют оценивать баланс водных ресурсов и разрабатывать стратегии их распределения.

Внедрение перечисленных методов требует тесного взаимодействия между государством, научными центрами и частным сектором.

4. Опыт Узбекистана и других стран Центральной Азии

Узбекистан, как и другие страны Центральной Азии, относится к регионам с ограниченными водными ресурсами. Основная часть водных запасов формируется за пределами страны, что создает зависимость от трансграничных рек – Амударьи и Сырдарьи.

Согласно данным Министерства водного хозяйства Узбекистана, на долю сельского хозяйства приходится более 85% потребления воды. Это требует внедрения систем рационального орошения, автоматизации и мониторинга водоподачи [3].

В последние годы в стране реализуются реформы:

- создание автоматизированных систем управления ирригацией (SCADA);
- переход на водопользование по принципу «водопользователь платит»;
- развитие институтов водопользователей (ИВП);
- сотрудничество с международными организациями (FAO, GIZ, ADB) по проектам устойчивого управления водными ресурсами.

Опыт Казахстана и Кыргызстана также демонстрирует важность межгосударственного сотрудничества в бассейнах трансграничных рек, где формируется общий водный баланс региона [5].

5. Перспективы и рекомендации

Для достижения оптимального управления водными ресурсами необходимо сочетание экономических, правовых и технологических механизмов. Основные рекомендации включают:

- совершенствование национальной «водной» политики на основе принципов IWRM;
- внедрение цифровых платформ для учета и анализа водопользования;
- развитие водосберегающих технологий в сельском хозяйстве;
- укрепление международного сотрудничества в сфере «водной дипломатии»;
- повышение квалификации специалистов водного хозяйства;
- вовлечение частного сектора в инвестиционные проекты по водоснабжению и очистке воды.

Особое внимание следует уделить формированию водной культуры населения – бережному отношению к воде как к стратегическому ресурсу.

Подводя итоги, можно заключить, что оптимальное управление водными ресурсами – это не только техническая, но и стратегическая задача, от которой зависит устойчивое развитие стран и регионов. В условиях изменения климата и роста населения рациональное использование воды становится ключевым фактором экономической и экологической стабильности.

Для Узбекистана и других стран Центральной Азии исключительно важным направлением государственной политики является продолжение системных реформ в сфере водного хозяйства, основанных на интеграции международного опыта, внедрении инновационных технологий и активном использовании научных разработок. В современных условиях водный сектор региона сталкивается с комплексом проблем – от трансграничного характера водных ресурсов и климатических изменений до неэффективного распределения и износа инфраструктуры, что требует перехода к новым моделям управления, основанным на принципах устойчивого развития и рационального водопользования [4].

Статистические данные и оптимизационные модели водных ресурсов в Центральной Азии

Общий объем водных ресурсов в Центральной Азии

- Ежегодный общий объем водных ресурсов Центральной Азии составляет около 116 км³, из которых примерно 90% образуются благодаря рекам Амударье и Сырдарье.

Распределение и потребление

- В Узбекистане около 20% внутренних водных ресурсов поступает из внутренних источников, а 80% – из внешних источников (в основном реки Амударья и Сырдарья).
- На региональном уровне большая часть водных ресурсов (80%) расходуется на сельское хозяйство.

Климат и тренды уровня воды

- В Узбекистане и Центральной Азии, являющихся аридными регионами, уровень осадков в год низок, что усиливает проблему дефицита воды. Отмечается тенденция снижения уровня воды в реках Сырдарья и Зарафшан.

Официальные статистические источники

- На портале статистических данных Министерства водных ресурсов Республики Узбекистан можно найти официальную информацию о распределении воды, потоках воды и показателях потребления.

Оптимизационные модели и их применение в Узбекистане

Модель оптимизации ITSP (Inexact Two-Stage Stochastic Programming) является важным практическим примером, использующимся для распределения водных ресурсов в бассейне реки Амударья.

Цели модели:

- максимизация экономической выгоды при ограничении водных ресурсов;
- оптимизация распределения воды в условиях разных потоков вод.

Элементы модели:

- анализ водоснабжения и водного спроса;

- потребление воды в разных секторах (сельское хозяйство, промышленность, население, экология);
- экономическая выгода и штрафные коэффициенты;
- оптимальное распределение воды по сценариям.

Результаты модели – эффективность оптимизации

- После использования модели общее потребление воды сократилось, а экономическая выгода увеличилась. Например, при высоких потоках воды в оптимизированных условиях общий объем воды уменьшился, но экономическая выгода возросла.

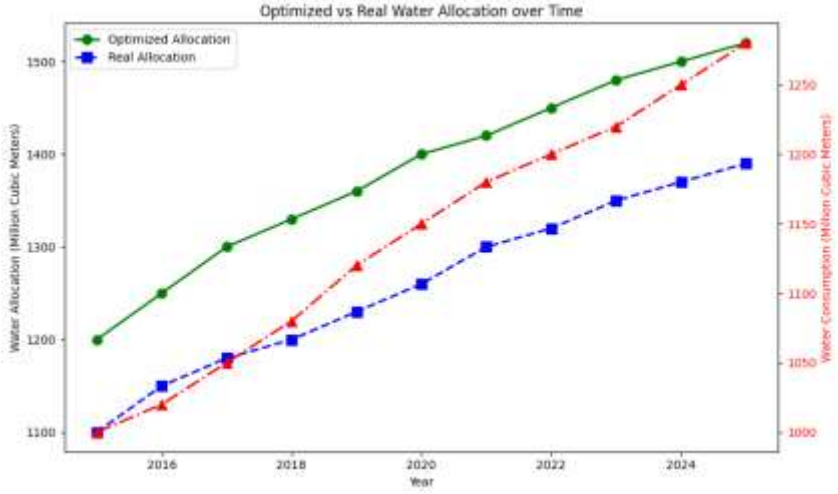
Сохранение и управление водными ресурсами

- В Узбекистане дефицит воды усиливается из-за условий засухи, экономического роста и роста потребности населения.
- Началась реформа стратегии управления водными ресурсами, включая создание Центра информационно-аналитических ресурсов и подразделений управления водными ресурсами.

Системное описание

- Система управления интегрирована с распределением воды, мониторингом, тарифной системой и запросами пользователей.

На графике показано изменение оптимизированного распределения воды, реального распределения воды и потребления воды.



Обозначения на графике:

- **зеленая линия –** оптимизированное распределение воды (в миллионах кубометров);

- **синяя линия** – реальное распределение воды (в млн кубометров);
- **красная линия** – потребление воды (в млн кубометров).

Этот график демонстрирует эффективность оптимизации распределения воды в процессе управления водными ресурсами и влияние реальных условий распределения воды. При оптимизированном распределении вода потребляется более стабильно и эффективно.

Комплексный, междисциплинарный подход, объединяющий научные, технологические, правовые и экономические инструменты, способен обеспечить формирование современной системы водного менеджмента, направленной на сохранение и воспроизводство водных ресурсов. Только при таком подходе возможно достижение устойчивого водопользования, повышение эффективности водохозяйственного комплекса и сохранение природных ресурсов региона для будущих поколений, что является стратегической задачей национальной и региональной политики устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Салохсиддинов А.Т., Аширова О.А.* Планирование и управление водными ресурсами бассейна. Ташкент: “Info Capital Group”, 2020, 217с.
2. *Данилов-Данильян В.И., Хранович И.Л.* Управление водными ресурсами. Согласование стратегий водопользования. М.: «Научный мир», 2010, 232с. (Монография – системный подход к управлению водными ресурсами, включает экономические и институциональные аспекты). cawater-info.net.
3. *Земцов В.А.* Современные подходы управления водными ресурсами на Западе и в России. // «Вопросы водного хозяйства» / “Water management review”, 2001. (Обзор ключевых концепций IWRM, сравнительный анализ подходов и рекомендаций для трансформации водной политики).
4. *Esonturdiyev M.* Algorithms for Clarification of the Operating Modes of Channel Sections in the Management of Water Resources in Channel Irrigation Systems, “Vestnik KRAUNC. Fiz.-Mat. Nauki”. Vol. 44, № 3, 2023. PP. 121–129. ISSN 2079-6641 Mathematical modeling https://doi.org/10.26117/2079-6641-2023-44-3-121-129 Research Article Full text in English MSC 49Q22.
5. *Kurbonov Sh.* Water resources of the Republic of Uzbekistan – доклад/материалы IWRA (Международный конгресс), 2023. (Актуальная аналитика по водным ресурсам Узбекистана: сток, распределение рек, проблемы ирригации и направления модернизации управления). iwra.org.
6. *Шерзод Ш.* Водные ресурсы – залог стабильного развития (анализ потребления воды по отраслям экономики Республики Узбекистан). Научная статья / журнал (2024). (Региональный эмпирический материал по структуре потребления воды, проблемам качества и предложениям по водосбережению и автоматизации). InLibrary.

OPTIMAL WATER RESOURCES MANAGEMENT: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL APPROACHES

M. Esonturdiev
The University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

ABSTRACT

The article is devoted to the study of theoretical and practical aspects of optimal water resources management in the context of global environmental and economic challenges. The paper examines the fundamental principles of Integrated Water Resources Management (IWRM), aimed at ensuring rational, economically efficient, and environmentally sustainable water use. Particular attention is given to the issues of digitalization in the water sector, the implementation of automated irrigation control systems, and the application of water-saving technologies.

The study analyzes the experience of Uzbekistan and other Central Asian countries, where reforms are being implemented to enhance water use efficiency and to develop water user associations. The author emphasizes the necessity of combining scientific approaches, legal mechanisms, and international cooperation to ensure a sustainable water balance. The research concludes that optimal water resources management serves as a key factor in achieving the region's sustainable development.

Keywords: water resources, optimal management, sustainable development, water policy, digitalization of the water sector, innovative technologies, irrigation systems, economic regulation mechanisms, interstate cooperation, transboundary water resources, hydro-economic efficiency.

ТУРИЗМ

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-693-698

САНКЦИИ КАК КАТАЛИЗАТОР РОСТА ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ РОССИИ

А.В. Агаджанян, А.Г. Галстян, З.О. Щербаков

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса
Институт математики, физики и высоких технологий
Armine.aghajanyan@rau.am, aram.galstyan354@gmail.com,
enotikkroll228337@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу влияния международных санкций на развитие внутреннего туризма в России. Рассматриваются экономические последствия ограничения внешних туристических потоков и перераспределения спроса внутри страны. Особое внимание уделяется тому, как санкции стали стимулом для переориентации туризма на внутренний рынок, росту инвестиций в региональную инфраструктуру и формированию новых туристических продуктов. В работе анализируются ключевые экономические проблемы, возникающие в условиях санкционного давления, и предлагаются возможные решения, направленные на повышение устойчивости и конкурентоспособности Российского туристического сектора.

Ключевые слова: санкции, внутренний туризм, экономика, развитие, устойчивость.

Введение

После 2022г. туристическая отрасль Российской Федерации столкнулась с существенными внешними ограничениями, связанными с введением санкций со стороны Европейского союза и ряда других государств. Эти меры затронули ключевые элементы туристической системы, включая международные туристические услуги, транспортное

сообщение и финансовые операции. В результате произошло резкое сокращение въездного туристического потока, а структура туристического рынка претерпела значительные изменения.

Целью данной статьи является анализ влияния санкционных ограничений на туристическую отрасль России, а также оценка роли государственных мер поддержки в адаптации отрасли к новым условиям, с акцентом на развитие внутреннего туризма.

В рамках 19-го пакета санкций Европейский союз ввел запрет на оказание туристических услуг на территории РФ. Под действие данных ограничений попали европейские туристические агентства, туроператоры, гиды и экскурсоводы, которым запрещено формировать и реализовывать туристические пакеты, организовывать трансферы и бронирование, а также предоставлять проживание как часть туристического продукта. Целью введения данных мер стало сокращение доходов России от въездного туризма. При этом российские туроператоры, осуществляющие деятельность исключительно внутри страны, под действие указанных санкций не подпадают и продолжают функционировать в прежнем правовом режиме.

Существенное влияние на туристическую отрасль оказали санкции в авиационном секторе. Ограничения на поставки авиационных запчастей для самолетов западного производства привели к дефициту оригинальных комплектующих и усложнили процессы технического обслуживания воздушных судов, тем самым вызвав рост операционных издержек авиакомпаний и, как следствие, увеличение стоимости авиаперевозок. Дополнительным фактором стало введение запрета для авиакомпаний третьих стран выполнять рейсы в страны Европейского союза при одновременном осуществлении внутренних перелетов в России, что сократило доступность международного авиасообщения.

Отдельный блок санкционных мер затронул финансовую и институциональную сферу. В частности, были введены ограничения на взаимодействие с компаниями, расположенными в особых экономических и инновационных зонах Российской Федерации. Это ограничило участие иностранных фирм в реализации инфраструктурных туристических проектов, включая строительство гостиничных комплексов и туристических кластеров. Дополнительно транзакционные ограничения в отношении ряда российских банков осложнили проведение международных

расчетов, что негативно отразилось на организации бронирований и финансовых операций в сфере туризма.

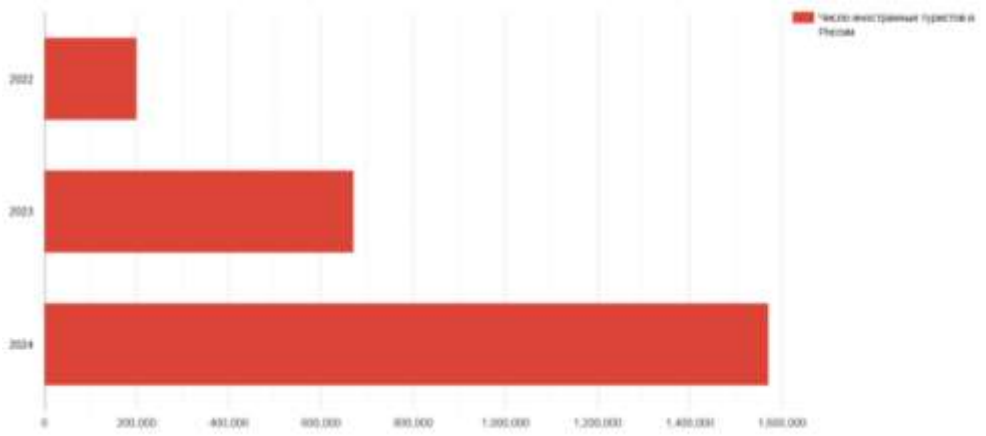


Рисунок 1. Динамика темпа роста туристов в РФ

Источник: https://www.atorus.ru/

По данным АТОРУС, после введения санкций в 2022г. въездной туризм в Россию сократился до 200 тыс. человек. В 2023г. наблюдалось частичное восстановление: число въездных туристов достигло 670 тысяч, прирост – на 280%. Наиболее заметный рост произошел в 2024г. Ассоциация туроператоров России сообщает, что в 2024г. иностранные граждане совершили более полутора млн туристических визитов, что на 134% выше уровня предыдущего года. Несмотря на это, показатели остаются существенно ниже допандемийного 2019г., когда количество визитов превышало 5 млн.

Как можно заметить на данном графике, внутренний туризм, напротив, демонстрирует рост на протяжении последних лет. По оценке Российского союза туриндустрии, в 2023г. россияне совершили примерно 78 млн внутренних туристических поездок. Если рассматривать десятилетний период, можно наблюдать последовательное увеличение показателей. В 2014г. количество участвующих в поездках составляло около 44 млн внутренних туристов. В 2019г., перед началом пандемии, оно выросло до 76 млн. В 2023г., по данным Росстата, внутренний тур-

поток достиг примерно 84 млн. Такая динамика позволяет сделать вывод о том, что внутренний туризм частично компенсирует снижение въездного потока.

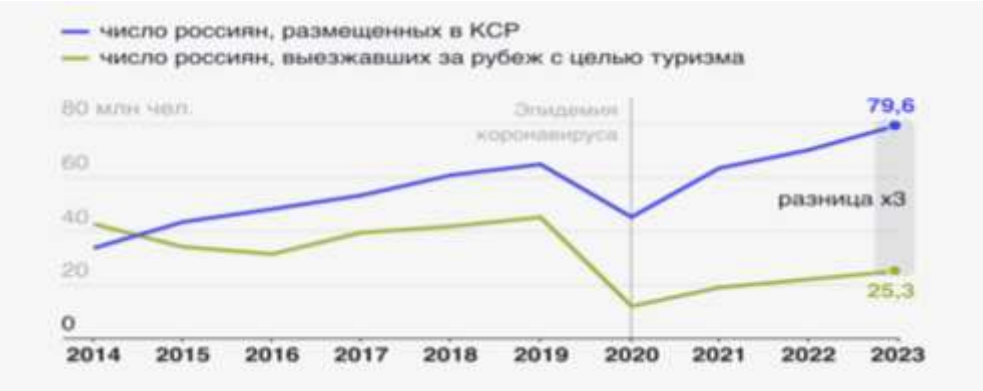


Рисунок 2. Динамика темпа внутренних роста туристов в РФ.

Источник: https://tass.ru

С 2024г. введен механизм «единой субсидии» регионам. На 2024г. объем поддержки составил около 6,2 млрд руб., при этом на период 2025–2027гг. запланировано финансирование в объеме десятков млрд рублей. Средства направляются на развитие инфраструктуры, туристических маршрутов, а также создание модульных средств размещения, включая глэмпинги. В 2023–2024гг. поддержка была предоставлена 44 регионам, в том числе на обустройство пляжных территорий и реализацию малых инфраструктурных проектов с лимитами до 10 млн руб. на отдельные инициативы. Постановлением Правительства РФ № 605 от 15.04.2023 были уточнены параметры инвестиционных субсидий, включая критерии отбора и лимиты финансирования. Дополнительные изменения в декабре 2024г. закрепили приоритетное финансирование кластерных проектов и инфраструктуры национальных туристических маршрутов, механизм поддержки которых действует на основании постановления № 2086 от 29.11.2021. Существенным инструментом стимулирования отрасли стала налоговая мера – нулевая ставка НДС для гостиниц, продленная до 2030г. Это снижает операционные издержки предприятий размещения и повышает инвестиционную привлекательность сектора. Параллельно реализуются программы льготного креди-

тования и субсидирования процентных ставок на строительство гостиниц и туристической инфраструктуры; в 2025г. дополнительно выделен почти 1 млрд руб. на субсидирование таких займов. Финансовая координация осуществляется в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», в 2023–2024гг. предусматривающего финансирование порядка 100 млрд руб., включая инфраструктурные проекты и региональные меры поддержки. В совокупности, указанные меры свидетельствуют о масштабной бюджетной концентрации ресурсов на развитии внутреннего туризма, который в 2023г. достиг 78–84 млн поездок, что позволило частично компенсировать снижение международного туристического потока.

Анализ влияния санкционных ограничений на туристическую отрасль Российской Федерации позволяет сделать вывод о структурной трансформации рынка после 2022г. Ограничения на международные туристические услуги, авиационное сообщение и финансовые операции привели к сокращению въездного потока и изменению его географической структуры. В этих условиях международный сегмент утратил прежнюю роль как одного из драйверов роста отрасли.

Одновременно наблюдается усиление внутреннего туризма, который становится ключевым направлением развития отрасли. Данная тенденция поддерживается комплексом государственных мер, включающих программное финансирование, налоговые стимулы, субсидирование регионов, инвестиционные механизмы и инструменты льготного кредитования. Реализация национального проекта и обновленной государственной программы развития туризма свидетельствует о переходе к системной модели поддержки, ориентированной на инфраструктурное развитие и повышение устойчивости отрасли.

Санкции выступили не только ограничительным фактором, но и катализатором институциональной и структурной перестройки туристической сферы, закрепив приоритет внутреннего рынка и региональной диверсификации туристического предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://www.atorus.ru/article/vezdnoy-turizm-v-rossii-v-2024-godu-cifry-trendy-rynki-marshruty-60666
2. https://tass.ru/obschestvo/21569311
3. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023г. № 605 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие туризма”».
4. Постановление Правительства РФ от 29 ноября 2021г. № 2086 «Об утверждении правил определения национальных туристических маршрутов».
5. Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2021г. № 1969 «О предоставлении льготных кредитов на реализацию инвестиционных проектов в сфере туризма».
6. Федеральный закон от 26 марта 2022г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части установления нулевой ставки НДС для гостиничных услуг).
7. Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма» (редакции 2024–2025гг.).
8. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», утвержденный Правительством Российской Федерации (паспорт проекта, действующая редакция).
9. Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2025г. № 137 (в части социальных мер поддержки отдельных категорий граждан).
10. Федеральный закон от 24 ноября 1996г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изменениями, действующая редакция).

SANCTIONS AS A CATALYST FOR THE GROWTH OF DOMESTIC TOURISM: ECONOMIC PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM IN RUSSIA

A. Agadjanyan, A. Galstyan, Z. Shcherbakov
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business
Institute of Mathematics, Physics and High Technologies

ABSTRACT

This article is dedicated to analyzing the impact of international sanctions on the development of domestic tourism in Russia. It examines the economic consequences of restrictions on outbound tourist flows and the redistribution of demand within the country. Special attention is paid to how sanctions have become a stimulus for reorienting tourism toward the domestic market, increasing investments in regional infrastructure, and developing new tourism products. The paper analyzes the key economic problems arising under sanctions and proposes possible solutions aimed at enhancing the resilience and competitiveness of the Russian tourism sector.

Keywords: sanctions, domestic tourism, economy, development, resilience.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-699-706

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ СЕРВИСА В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА: ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА К СОЗДАНИЮ УНИКАЛЬНОГО КЛИЕНТСКОГО ОПЫТА

А.В. Агаджанян, С.А. Григорян

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса
Armine.aghajanyan@rau.am, sonagrigoran836@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена роли персонализации сервиса как ключевого инструмента повышения качества обслуживания в индустрии гостеприимства. Анализируется переход от традиционного индивидуального подхода к формированию целостного и уникального клиентского опыта, основанного на данных, эмоциональной вовлеченности и гибкости сервиса. Особое внимание уделено практическим примерам внедрения персонализированных решений в гостинице “The Alexander”, “Luxury Collection Hotel”, “Yerevan”, а также компании “Armenian Helicopters LLC”, предоставляющей премиальные авиационные услуги. На основе сравнительного анализа выявлены эффективные стратегии адаптации сервиса под потребности гостей в разных сегментах индустрии. В аннотации подчеркивается, что персонализация становится не только конкурентным преимуществом, но и фундаментом формирования долгосрочной лояльности клиентов.

Ключевые слова: персонализация, гостеприимство, клиентский опыт, индивидуальный подход, премиальный сервис.

Введение

Современная индустрия гостеприимства развивается в условиях высокой конкуренции и стремительного изменения потребительских ожиданий. Гости больше не удовлетворяются стандартным набором услуг – они стремятся к индивидуальному подходу, эмоциональной ценности и ощущению искренней заботы. В этих условиях персонализация сервиса перестает быть дополнительной опцией и становится стратегическим фактором конкурентного преимущества гостиниц, туристических и транспортных компаний.

Цель данной статьи – раскрыть сущность персонализации сервиса, показать ее влияние на клиентский опыт и продемонстрировать ее практическую реализацию на примере двух компаний: “The Alexander”, “Luxury Collection Hotel”, “Yerevan” и “Armenia Helicopters LLC”.

Персонализация представляет собой стратегический подход к адаптации услуг под конкретные потребности, предпочтения и ожидания каждого гостя. Она включает в себя сбор и анализ индивидуальных данных, использование маркетинговых инструментов персональной коммуникации, гибкую настройку услуг и создание эмоционального контакта с клиентом. Ключевыми элементами персонализации являются формирование профиля гостя, учет его прошлых визитов, предпочтений и интересов, а также создание ощущения уникального отношения и внимания.

Мировая практика показывает, что персонализированный сервис увеличивает вероятность повторного визита на 40–60%, а уровень удовлетворенности гостей – до 90%[1].

Персонализация стала одним из главных критериев качества услуг в современной индустрии гостеприимства. Поведение и ожидания гостей стремительно меняются под влиянием технологического прогресса, глобализации, увеличения конкуренции и развития культуры потребления.

Сегодня клиент выбирает не просто место для проживания или услугу транспортировки – он выбирает опыт, эмоции и отношение. Именно поэтому персонализация превращается из дополнительной опции в обязательный элемент клиентского обслуживания, от которого ожидаются:

- скорость и удобство;
- комфорт и предсказуемость;
- узнаваемость и персональное внимание;
- предугадывание потребностей;
- эмоциональная вовлеченность.

Современный рынок формируется в рамках экономики впечатлений, где клиент оценивает не столько набор услуг, сколько эмоциональный опыт. Гость выбирает не просто место проживания или способ передвижения, а атмосферу, отношение и глубину пережитых эмоций. В

[1] https://zipdo.co/customer-experience-in-the-hospitality-industry-statistics/

результате усиливается значение сенсорного, культурного и эстетического компонентов сервиса.

Luxury-сегмент задает тон всей индустрии. То, что раньше считалось эксклюзивом (персональный менеджер, индивидуальный маршрут, гибкое меню), постепенно становится нормой. Гости ориентируются на высокий стандарт, который включает:

- приватность;
- особое отношение,
- внимание к мелочам.

Премиализация приводит к тому, что персонализация перестает быть преимуществом и становится обязательным атрибутом сервиса высокого уровня.

Таким образом, персонализация становится не только инструментом улучшения сервиса, но и стратегией долгосрочного развития компании.

Практическая реализация персонализации наглядно проявляется в деятельности “The Alexander”, “Luxury Collection Hotel”, “Yerevan”, который демонстрирует высокие международные показатели качества сервиса и удовлетворенности гостей.

- 11-е место в мире среди объектов “Luxury Collection” по совокупному качеству сервиса и удовлетворенности гостей;
- 3-е место в регионе EMEA;
- 3-е место по качеству номерного фонда среди объектов с 101–300 номерами;
- 53% гостей совершают повторные визиты, что значительно превышает средний показатель лояльности в luxury-сегменте (20–30%)[2].

Значительная доля возвратных клиентов свидетельствует о сформированной эмоциональной лояльности. Персонализация в отеле встроена в операционные процессы и охватывает все этапы взаимодействия с гостем – от бронирования до послепродажного сопровождения. Использование CRM-систем позволяет учитывать индивидуальные предпочтения, подготавливать персональные приветственные наборы, адаптировать параметры номера и предлагать уникальные культурные и гастрономические

[2] Источник: составлено автором.

впечатления. Философия бренда ориентирована на создание редкого и захватывающего опыта, в котором локальная идентичность сочетается с международными стандартами качества.

Стратегия “The Alexander” формируется вокруг трех ключевых ценностей “Luxury Collection”, которые “Marriott” использует как методологическую основу создания уникального клиентского опыта.

1. **Adjacent, Rare, Captivating** – уникальность и редкость впечатления. Данная ценность ориентирована на создание абсолютно неповторимого опыта для каждого гостя.
2. **Epicure Moments –** это фирменная ценность брендов “Luxury Collection” (“Marriott”), обозначающая моменты, в которых гость получает удовольствие всеми чувствами – через вкус, аромат, атмосферу, визуальную эстетику и тактильный комфорт.
3. **Local Personalization** – локальная идентичность, переданная персонально. “Marriott” рассматривает такой подход как элемент культурного погружения, повышающей глубину вовлеченности гостя.

Инструменты персонализации включают:

- индивидуальные приветственные письма и подарки;
- персональные рекомендации по ресторанам, мероприятиям и экскурсиям;
- гибкость обслуживания в номере: выбор подушек, ароматов, температуры и освещения;
- организация специальных мероприятий по запросу гостей, включая романтические ужины и деловые встречи.

Иной, но не менее эффективный подход демонстрирует “Armenia Helicopters LLC”, занимающая уникальное положение на рынке авиационно-туристических услуг Армении. Компания строит персонализацию вокруг гибкости маршрутов, индивидуального формата полета и эмоциональной насыщенности впечатления. Каждый этап взаимодействия с клиентом – от планирования маршрута до сопровождения после полета – продуман с учетом индивидуальных пожеланий. Особое внимание уделяется безопасности, комфорту и управлению непредвиденными ситуациями, что особенно важно в авиационной сфере. Использование

CRM и адаптация маршрутов к погодным условиям позволяют обеспечить высокий уровень персонализированного сервиса даже в динамичной среде.

Персонализация сервиса Armenia Helicopters строится на нескольких принципах:

- **Tailored Flight Experience** – индивидуальные маршруты, длительность и формат полета;
- **Sensory Journey** – эмоциональный и тактильный комфорт: визуальная эстетика видов Армении, акустический комфорт, приветственный брифинг, забота экипажа, ощущение безопасности;
- **Attention to Micro-Details** – учет предпочтений гостей, спокойное управление непредвиденными ситуациями, высокий стандарт подготовки кабины и обслуживания.

"The Alexander" и "Armenia Helicopters" демонстрируют успешную интеграцию персонализации в премиальный сервис. В гостинице это проявляется через уникальные впечатления, локальное погружение и внимательные сервисные детали, а в авиации – через индивидуальные маршруты, эмоциональный комфорт, технологичность и заботу о каждом клиенте. Обе компании показывают, что персонализация усиливает привлекательность бренда, повышает лояльность клиентов и формирует устойчивое конкурентное преимущество, создавая уникальный премиальный опыт.

Таблица 1. Сравнительный анализ персонализации сервисов "The Alexander" и "Armenia Helicopters".

Критерий	**"The Alexander" ("Marriott International")**	**"Armenia Helicopters"**
Сфера деятельности	Премиальный гостиничный сервис	Авиационно-туристические и частные вертолетные перелеты
Позиционирование на рынке	Один из лучших объектов Luxury Collection в мире (11-е место), высокие рейтинги сервиса	Единственный оператор вертолетных туров в Армении, эксклюзивный сегмент
Уникальное преимущество	Международные стандарты Marriott, сочетание дизайна, гастрономии и локальности	Уникальность услуги гибкость маршрутов
Ключевые ценности бренда	Rare, Adjacent, Captivating; Epicure Moments; Local Personalization	Tailored Flight Experience; Sensory Journey; Attention to Micro-Details

Критерий	“The Alexander” (“Marriott International”)	“Armenia Helicopters”
Тип создаваемого впечатления	Сенсорное, культурное, эстетическое погружение	Эмоциональное, визуальное, приключенческое
Используемые инструменты персонализации	CRM, настройка номера, индивидуальные welcome-наборы, персональные услуги	Индивидуальные маршруты, брифинги, адаптация к погоде
Микродетали обслуживания	Подбор подушек, предпочтения по питанию, атмосфера номера	Чистота кабины, удобство посадки, работа экипажа, реакция на изменения условий
Роль персонала	Постоянное взаимодействие, высокий эмоциональный интеллект, стандарты Marriott	Высокий профессионализм, стрессоустойчивость, точность и ответственность
Показатели лояльности	53% возвратных гостей (выше среднего в luxury-сегменте)	Высокая повторяемость заказов среди VIP и частных клиентов
Влияние персонализации на бренд	Повышение рейтингов Marriott, укрепление международной репутации	Укрепление имиджа Армении как премиального туристического направления
Общий фокус	Комфорт, эстетика, уникальный премиальный опыт пребывания	Адреналин + безопасность + эксклюзивность полета

Источник: составлено авторами.

На основании проведенного сравнительного анализа можно сделать следующие выводы о том, что персонализация может реализовываться через разные инструменты и модели, однако ее стратегическая роль остается неизменной; в гостиничном сегменте акцент делается на стандартизацию с элементами гибкости, сенсорное и культурное погружение, создание устойчивого и предсказуемого Luxury-опыта; в авиационно-туристическом сегменте приоритетом становятся уникальность маршрута, эксклюзивность и эмоциональная насыщенность. Несмотря на различие сфер деятельности, обе компании демонстрируют, что персонализация формирует эмоциональную привязанность клиентов, повышает уровень повторных обращений и укрепляет репутацию бренда.

Особую роль в реализации персонализированного сервиса играет персонал. Технологии могут систематизировать данные, но именно сотрудники создают атмосферу доверия и уникальности. Эмпатия, активное слушание, гибкость, способность адаптироваться к нестандартным запросам и высокий уровень эмоционального интеллекта становятся ключевыми компетенциями современного специалиста в индустрии гостеприимства. Сотрудник перестает быть просто исполнителем стандартов и становится создателем впечатлений.

Таким образом, персонализация в современной индустрии гостеприимства выступает не просто инструментом повышения качества обслуживания, а философией взаимодействия между брендом и гостем. Она объединяет технологические решения, стандартизацию процессов и человеческий фактор в единую стратегическую модель развития. Опыт "The Alexander" и "Armenia Helicopters" подтверждает, что персонализированный подход формирует устойчивое конкурентное преимущество, усиливает эмоциональную лояльность клиентов и создает уникальный клиентский опыт, который сложно воспроизвести конкурентам.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://zipdo.co/customer-experience-in-the-hospitality-industry-statistics/
2. https://oaky.com/en/blog/personalisation-in-hospitality-industry
3. https://codewave.com/insights/ai-hospitality-impact-customer-experience/
4. https://www.amadeus-hospitality.com/insight/hoteliers-prioritize-personalization-as-they-significantly-increase-investment/?utm_source=chatgpt.com
5. https://www.armheli.com/
6. https://www.marriott.com/en-us/hotels/evnlc-the-alexander-a-luxury-collection-hotel-yerevan/overview/?scid=d2406702-e8ea-4b45-bb9b-69cddaaef03d

PERSONALIZATION OF SERVICE IN THE HOSPITALITY INDUSTRY: FROM AN INDIVIDUAL APPROACH TO CREATING A UNIQUE CUSTOMER EXPERIENCE

A. Agadjanyan, S. Grigoryan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

The report is devoted to the role of service personalization as a key tool for improving service quality in the hospitality industry. It analyzes the shift from the traditional individual approach to the development of a holistic and unique

customer experience based on data, emotional engagement, and service flexibility. Special attention is given to practical examples of implementing personalized solutions at The Alexander, a Luxury Collection Hotel, Yerevan, as well as at Armenian Helicopters LLC, a provider of premium aviation services. Through comparative analysis, the study identifies effective strategies for adapting service to guest needs across different segments of the industry. The abstract emphasizes that personalization is becoming not only a competitive advantage but also the foundation for building long-term customer loyalty.
Keywords: personalization; hospitality; customer experience; individual approach; premium service.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-707-714

ПАЛОМНИЧЕСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЙ ТУРИЗМ В АРМЕНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

В.М. Акопджанов

Российско-Армянский университет
vlad.urist@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что религиозный туризм и паломничество нередко рассматриваются как взаимозаменяемые понятия, однако в контексте современного туризма они имеют различное содержание и цели. В работе анализируются теоретические основания разграничения этих форм путешествий, где паломничество определяется как духовно-религиозная практика, направленная на исполнение религиозного долга, тогда как религиозный туризм охватывает более широкий спектр мотивов – культурных, познавательных и этнографических.

Особое внимание уделено Армении как стране с уникальным сочетанием древних культовых памятников, живой религиозной традиции и богатого культурного наследия. Рассматриваются примеры паломнических маршрутов и их трансформация в туристические продукты, ориентированные не только на верующих, но и на путешественников, интересующихся историей и культурой.

Ключевые слова: религиозный туризм, паломничество, Армения.

Введение

Актуальность исследования обусловлена динамичными темпами развития религиозного туризма в мире и, в частности, в Армении. Сакральные пространства – природные, историко-культурные, а также собственно храмы – привлекают как укрепившихся в вере паломников, так и путешественников в духовных поисках религиозных туристов. Однако даже «классические» туристы, движимые развлекательными и познавательными мотивами, все чаще стремятся совместить отдых с духовными открытиями.

Различные категории путешественников преследуют различные цели, что предполагает разные формы реализации. Поэтому как в научном дискурсе, так и, тем более, в деятельности туристических компаний важно разделять понятия «религиозный туризм» и «паломничество».

Специфика Армении – богатство христианских святынь и наличие многочисленных сакральных мест («мест силы») – создает благоприятные условия для развития данных форм туризма и способствует развитию регионов. Уже сегодня заметно улучшение дорог и инфраструктуры вокруг таких объектов, как Мармарашен (Ширак), Зорац Карер (Сюник), Айриванк (Гегаркуник), Симфония камней (Котайк).

Следует подчеркнуть, что духовные путешествия выполняют и важную функцию межкультурного диалога на базовом, бытовом уровне. Именно здесь возникает возможность миротворческого взаимодействия через узнавание в других народах общих ценностей, общих глубинных чаяний хоть и воплощенных в иных формах, традициях.

Интерес научного сообщества к анализу феномена религиозного туризма был стимулирован работой профессора Гисберта Ринсхеде (университет Регенсбурга, Германия), который в 1992 году предложил одно из первых научных определений религиозного туризма [6]. Сегодня количество исследований значительно увеличилось; в 2025г. в России вышло учебное пособие под редакцией Тодора Христова [3].

При этом лишь часть исследователей подчеркивает междисциплинарный характер изучаемого феномена. Часто религию сводят исключительно к мировым конфессиям или традиционным верованиям. Однако современная религиозность многогранна, в секуляризированном мире религиозные нормы не санкционируются государством, а конфессиональные рамки не являются обязательными. Это позволяет религиозному чувству выражаться в самых разных формах – от синкретических комбинаций традиционных верований до новых духовных практик.

Личный опыт организации туров, включая паломнические, с 2012г. подтверждает сложность четкого разграничения религиозного туризма и паломничества. Так, церковная группа между посещением Нораванка и Татева может заехать на винодельню, совместить трапезу с дегустацией и при этом не утратить дух паломничества. В то же время «классические» туристы, ищущие «места силы», могут требовать полного отказа от алкоголя, времени для медитации и, при желании, с большим благоговением присутствовать на богослужении в случайно встреченном храме.

Все это усложняет задачу определения религиозного туризма. Существующих дефиниций много: они отражают разные стороны явления и по-

разному соотносят его с паломничеством. Паломничество – древний и специфический институт. Религиозный туризм значительно шире и моложе, что делает его границы менее определенными. Если определить паломничество как «путешествие к сакральным центрам для религиозного поклонения святыням» [9], то здесь очевиден определенный консенсус. Первое научное определение религиозного туризма, предложенное Г. Ринсхеде, трактует его как «поездку, мотивированную полностью или частично религиозными целями» [3]. Однако под это определение можно подвести и паломничество. И тут возникает проблема в определении религиозного туризма в разграничении с паломничеством.

В последующие десятилетия появилось множество подходов, которые можно свести к трем основным.

1. **Религиозный туризм и паломничество – синонимы**

Такой подход, например, отражен в русскоязычной версии “Wikipedia”, где при запросе «Религиозный туризм» открывается статья «Паломничество». Среди исследователей есть мнение, что раньше были традиционные паломничества, а теперь есть религиозный туризм. С другой стороны, паломничество равно религиозный туризм, а остальное культурно-познавательный.

2. **Две параллельные, не связанные формы туризма**

В этом подходе религиозный туризм сводится к расширенной культурно-познавательной программе, религиозная составляющая при этом нивелируется. Паломничество – это реально сакральное, а туризм – это развлекательное. Такой подход характерен для представителей религиозных организаций. Однако туристическая компания не имеет права оценивать «степень религиозности» клиента. Ее задача – предоставить корректный маршрут, квалифицированного гида и возможность духовных практик (например, включить время на медитацию и т.д.).

3. **Религиозный туризм – широкое понятие, паломничество – его частный случай**

Третий подход отражает историю самого явления. До XX–XXIвв. путешествующий в религиозных целях эти цели видел в рамках исключительно своей конфессии, и не иначе. Поэтому религиозный туризм был исключительно в форме паломничества. Первое религиозное путешествие в отечественной истории задокументировано VIIIв. до РХ, когда царь со свитой из столичной Тушпы направлялись на поклонение в святилище Халди

в Ардини (Мусасир). Что это было? И государственный акт, и путешествие укорененных в вере с целью соучастия в богослужении.

Средневековая русская литература свидетельствует о зачатках изменений паломничеств в сторону религиозного туризма. Жанр паломнической литературы (хождения) свидетельствует об интересе не только к собственно христианским святыням, т.к. авторы описывают «святые места», рассказывая о природе, традициях и быте народов, населяющих регионы паломничеств. В фольклорной литературе, помимо терминов «паломник» и «богомолец», возникает термин «странник», который расширяет традиционное понятие паломника.

Этот подход выделяет общее понятие и его частные категории. Однако и здесь возникает проблема. В общей категории религиозный туризм есть две составляющие: классическое паломничество (традиционное конфессиональное духовое путешествие) и новая форма религиозного туризма: отчасти новое паломничество (форма духовного путешествия неконфессиональная). Эту вторую новую форму необходимо обозначить самостоятельно, однако, как правило, религиозным туризмом называют и общую категорию, и частную. Для целей настоящего исследования эта категория будет обозначена как «новый религиозный туризм».

Учет указанных категорий требует от организатора тура понимания специфических целей туриста заказчика или изначального анонсирования тура как особого, с акцентом на поиск сакрального, посещение «мест силы», углубление в этно-исторические аспекты духовных практик региона. При этом часто такой турист принципиально не паломник, так как может не соотноситься с какой-либо конфессией, и даже быть настроенным негативно к церковным институтам.

Для решения поставленной задачи, выявления сути исследуемой темы обратимся к критериям различий религиозного туризма и паломнического туризма и задачам, стоящим перед туристической отраслью по обеспечению потребностей гостей.

Таблица 1. Критерии различий.

Критерий	Новый религиозный туризм	Паломничество
Цель	• Переживание религиозного/ духовного опыта, поиск телесного выздоровления или душевного просветления через возможность соприкоснуться с природными, культурно-историческими, этнографическими объектами, т.н. «местами силы» • Возможно участие в традиционных обрядах • Поиск нового	• Освобождение от телесных и душевных недугов; молитва за родных и близких; обретение божественной благодати; выражение благодарности Богу через посещение святых мест • Участие в церковных праздниках • Укоренение в традиции
Места посещения	• Историко-культурные, природные объекты, связанные с поклонением • Старцы, гуру, мудрецы	• Храмы, монастыри, святыни • Возможно, но не обязательно историко-культурные памятник
Участники	• Случайные коллективы, или группы единомышленников • степень религиозности не важна	• Часто представители одной церковной общины, прихода, единоверцы, • степень вовлеченности в религиозную жизнь высокая
Взаимодействие с религиозными организациями	• На поверхностном уровне, не обязательно • Возможно и отрицательное отношение к традиционным культам	• Обязательное с представителями свой конфессии • Возможно с представителями иных конфессий
Трапеза	• Узнавание национальной кухни, традиций застолья	• Место общения с местными братьями по вере, служителями культа
Перемещение	• Помимо транспорта пешие туры к «местам силы», созерцание природы • Пешие разновидности, такие как Путь Святого Иакова (Камино-де-Сантьяго)	• Помимо транспорта пешие восхождения к святым местам приветствуются • Пешие разновидности, такие как Сурб Ованнес-Калтахчи
Размещение		• Дома паломников

Итак, в исследовании не ставилась задача дать окончательное определение рассматриваемым видам путешествий, но была предпринята попытка разграничить феномены туристической деятельности, стоящие за условным понятием «новый религиозный туризм» и паломничество. Это разграничение, хотелось бы подчеркнуть, направлено на обеспечение полноценных и корректно ориентированных услуг.

В реалиях Армении перед нами стоят новые задачи, значительно более масштабные, чем развитие общего туризма по традиционным маршрутам – к Гарни, Гегарду, Севану и т.д. Представленная ниже таблица выявляет ключевые задачи и потребности, стоящие перед отечественным туризмом, которые необходимо учитывать и удовлетворять для развития интересующих нас направлений путешествий.

Таблица 2. Задачи отрасли.

Задача	**Новый религиозный туризм**	**Паломничество**
Места	• Информация о сакральных местах • У гидов, практикующих в этой области есть свои наработки. Одни более известны, другие менее • Например, Агарак и Цахкаванк (Арагатоцн), Портакар (Сюник), Арташен (Ширак) • Необходима качественная литература	• Информация о церковных объектах, включая знание 1) общехристианские святыни (Сб. Гаяне, Рипсиме, Хор Вирап) 2) близкие к категории 1 (Ошакан) 3) святыни ААЦ
Гид	• Широкий профиль, желательно с акцентом на сакральные места и мифологию • роль значительно выше, он проводник гостя в духовный и культурный мир страны и народа	• Узкая специализация, знание как собственного вероучения, форм богослужения и тд, так и умение сравнить другими конфессиями, найти точки соприкосновения • роль ниже, в таких группах часто есть старшие, которым гид должен ассистировать

Задача	Новый религиозный туризм	Паломничество
Трапеза	• Объекты национальной кухни, желательно с возможностью проведения тематических трапез, музыкой и т.д.	• Трапезные (с нетуристическим меню и ценами)
Сувениры, книги	• Не обязательно, но это знаки одоления маршрута	• Не обязательно, но это знаки паломника
Размещение		• Дома паломников

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие всех форм религиозного туризма в Армении требует системного подхода. Необходимы: создание каталогов природных, культурно-исторических, этнографических объектов, которые могут быть отнесены к сакральных, необходима подготовка специалистов широкого и узкого профиля, улучшение инфраструктуры, а также укрепление партнерств с церковными структурами и зарубежными общинами. Реализация этих шагов позволит удовлетворить запросы разных категорий путешественников и сформировать устойчивую, конкурентоспособную туристическую среду, основанную на уважении к духовному наследию страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Choe J.* Religious tourism // “Tourism Geographies”. Vol. 27, № 3–4, 2024. PP. 830–839. DOI: 10.1080/14616688.2024.2423168
2. *Gevorgian J.* Religious Tourism // “Revista de Turism”, № 5, 2008. PP. 52–56.
3. *Hristov T.* Религиозный туризм: учебник для вузов. М.: Изд-во «Юрайт», 2025, 338с.
4. *Lebedeva S.* Подходы к пониманию религиозного туризма: туризм или паломничество? // «Скиф. Вопросы студенческой науки», № 6 (46), 2020. СС. 326–329.
5. *Nedelea A.-M.* Religious Tourism // Revista de Turism – Studii și cercetări în Turism. Issue 35, 2023. DOI: 10.4316/rdt.35.110
6. *Rinschede G.* Forms of religious tourism // “Annals of Tourism Research”. Vol. 19, № 1, 1992. PP. 51–67.
7. *Shinde K.* Religious tourism – a review of the literature // “International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage”. Vol. 6, № 1, 2018. PP. 9–22.
8. *Tovmasyan G.* Religious Tourism Development Bases and Perspectives in the Republic of Armenia, 2016. Доступ из CyberLeninka / eLibrary.
9. Паломничество // Православная энциклопедия. [Режим доступа]: https://www.pravenc.ru/text/158315.html (дата обращения: 10.11.2025).

PILGRIMAGE AND RELIGIOUS TOURISM IN ARMENIA: THEORETICAL DIFFERENCES AND PRACTICAL APPLICATION

V. Akopdzhanov
Russian-Armenian University

ABSTRACT

Religious tourism and pilgrimage are often considered interchangeable concepts; however, in the context of modern tourism, they have different meanings and purposes. This paper analyzes the theoretical basis for distinguishing between these forms of travel, defining pilgrimage as a spiritual and religious practice aimed at fulfilling a religious duty, while religious tourism encompasses a broader range of motives – cultural, educational, and ethnographic. Particular attention is paid to Armenia as a country with a unique combination of ancient religious monuments, a vibrant religious tradition, and a rich cultural heritage. The article examines examples of pilgrimage routes and their transformation into tourism products aimed not only at believers but also at travelers interested in history and culture.

Keywords: religious tourism, pilgrimage, Armenia.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-715-723

ЭКОНОМИКО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОРНЫХ КУРОРТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И НОВЫЕ ВИДЫ ТУРИЗМА

А.В. Дьяконов

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
adiyakonov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье сопоставляются два горных курорта – горнолыжный кластер Красная Поляна в Сочи (РФ) и Цахкадзор в Армении – сквозь призму экономической модели функционирования, пространственной организации курорта и диверсификации туристских предложений с учетом новых видов туризма (фрирайд/ски-тур, MTB, трейлран, event-туризм, workation). В данном исследовании демонстрируется, что различия в масштабе инфраструктуры горного курорта, транспортной доступности и событийной политике формируют разные контуры сезонности, средних чеков и влияния на локальный рынок курортной недвижимости. Предлагается универсальная методика сравнительного анализа горного курорта на основе разработанной блочной системы показателей. Выявляются пути обмена управленческими практиками с целью развития российско-армянской кооперации.

Ключевые слова: горный курорт, курортная недвижимость, новые виды туризма, трансфер практик.

Введение

Горные курорты являются драйверами регионального развития: они создают рабочие места, мультиплицируют эффект в транспорте и сфере услуг, воздействуют на рынок курортной недвижимости [7–8]. Сравнение крупного многоузлового кластера (Красная Поляна, РФ) и компактного курорта (Цахкадзор, РА) позволяет понять, как масштаб и планировочные решения влияют на устойчивость спроса и качество туристского опыта [9–10], [13–14]. Рост «приключенческих» активностей и активностей, не связанных с горнолыжным туризмом, (далее – «неснежных») усиливает круглогодичность и диверсификацию источ-

ников дохода [5–6]. Для российско-армянских отношений тема исследования актуальна из-за культурной близости, мобильности туристских потоков и потенциала совместных маршрутов [3–5].

Цель исследования заключается в сопоставлении экономических и пространственных характеристик горных курортов Красной Поляны и Цахкадзора, оценке их влияния на сезонность, структуру доходов, сопряженный рынок курортной недвижимости и определении возможностей кооперации соседних государств [3], [7–8].

Исходя из цели автор формулирует следующие задачи исследования:

- проанализировать продуктовые профили и целевые сегменты двух курортов;
- сопоставить их пространственную организацию и доступность;
- оценить роль новых видов туризма в сглаживании сезонности;
- описать контуры влияния на рынок размещения и апартаментных комплексов;
- сформулировать управленческие рекомендации и сценарии кооперации.

Объектом исследования выступают горные курорты: Красная Поляна и Цахкадзор, предметом – экономико-пространственные параметры их функционирования и диверсифи-кации туристских продуктов, включая связь с рынком недвижимости и городскими сервиса-ми.

На основании имеющихся данных автор формулирует следующие гипотезы исследования:

1) транспортная доступность курорта влияет на туристский спрос, то есть различия во времени и удобстве доступа от аэропорта до курорта и транспортном охвате в значительной степени сказываются на потоке и среднем чеке [7–8], [10], [13];

2) диверсификация туристских услуг в части увеличения доли «несnежных» услуг и событийных активностей сглаживает сезонность и поддерживает выручку в межсезонье [5–6], [10–12];

3) многоуровневое зонирование как комплекс мер пространственной организации повышает емкость и качество курорта, но требует координации усилий администрации курорта и операторов [9–12];

4) круглогодичность и событийность положительно влияют на рынок курортной недвижимости, усиливая активность в сегменте апартаментных комплексов и краткосрочной аренды [7–8], [14].

Научная новизна исследования состоит в сопряженном рассмотрении экономики, пространственной конфигурации и продуктовой диверсификации с позиции их совместного влияния на устойчивость спроса и рынок размещения [3–5]. Практическая ценность работы заключается в формулировке набора решений для операторов, региональных и местных органов власти, а также предложения по развитию кооперационных отношений между Российской Федерацией и Республикой Армения [14].

Материал и методы

В качестве материалов исследования автор использовал публичные сведения сайтов курортов (трассы, подъемники, события), отраслевые обзоры и аналитику по горнолыжному рынку, учебную и научную литературу по туризму и проектированию горных территорий [7–14]. Количественные ряды используются как ориентиры для качественных выводов [3–4], [14].

Качественный сравнительный кейс-анализ (двойное кейс-исследование) с опорой на дескриптивные ряды и картографическое описание является основным методом исследования, в котором единицами наблюдения выступают горные курорты и их функциональные «пояса» (низина, средние, верхние уровни) и подъездные населенные пункты [9–13].

Кроме собственно сравнительного анализа автор использует кейс-описание и типологизация продуктовых линеек: трассовое катание, фрирайд/ски-тур, MTB (горные велосипеды)/трейлран (бег по тропам), event-туризм, wellness, workation [5–6], [10–12]; контент-анализ открытых источников (сайты курортов, афиши событий, путеводители) для выявления позиционирования и сезонных паттернов [10–13]; камеральное картографирование: логика зонирования, высотные «пояса», размещение сервисов и транспортных узлов [9–12]; сопоставление с рынком размещения на уровне качественных индикаторов: наличие апарт-форматов, структура краткосрочной аренды, признаки инвестиционной активности [7–8], [14]; нормативно-методические рамки – IRTS-2008 и туристский «спутниковый счет» для интерпретации показателей спроса и предложения [3– 4].

Ограничениями исследования выступили: неравномерная полнота открытых данных и различия в терминологии и учете; чувствительность

выводов к погоде и календарным эффектам; отсутствие единого публичного источника по апарт-сегменту, что частично компенсируется триангуляцией источников [3–4], [10], [14].

Результаты

С точки зрения сравнения профиля спроса и продуктовой матрицы Красная Поляна ориентирована на широкий спектр сегментов: семьи, новички, продвинутые райдеры и фрирайдеры; сильные стороны – многообразие трассового продукта, фрирайд/ски-тур с гидами, парки, вечернее катание на отдельных зонах, насыщенный event-календарь, spa wellness-индустрия и развлекательная инфраструктура [10–12], [14]. Летний сезон поддерживается трекингом, МТВ, фестивалями и активностями, что увеличивает длительность пребывания и кросс-продажи [5–6], [10], [12]. Цахкадзор – компактный курорт с продуктом для семей и начинающих, предсказуемой логистикой и меньшей перегруженностью в будни; летние активности и событийность развиваются точечно [13].

Сравнительный анализ пространственной организации и транспортной доступности демонстрирует: Красная Поляна имеет многоуровневое зонирование (низина с городской инфраструктурой, «средние» и «верхние» станции), несколько входных точек и пересадок, что повышает емкость и распределение потоков, но усложняет координацию операторов и землепользования [9], [10–12].

Цахкадзор – это один доминирующий массив с компактной сетью подъемников. Курорт обладает удачной транспортной доступностью «аэропорт – курорт», что повышает привлекательность коротких поездок [13].

С точки зрения сезонности и роли новых видов туризма, в Красной Поляне ставка на неснежные продукты и события заметно сглаживает межсезонье; фрирайд/ски-тур служат «магнитом» для опытной аудитории, а МТВ/трейлран – для лета и межсезонья (Рис. 1 и Рис. 2) [5–6], [10–12], [14]. В Цахкадзоре сезонность выражена ярче: основа курорта – классическое горнолыжное катание; диверсификация идет, но в меньшем масштабе [13].

Для наглядного сопоставления сезонной динамики спроса на Рис. 1 показаны нормированные месячные профили посещаемости двух курортов.

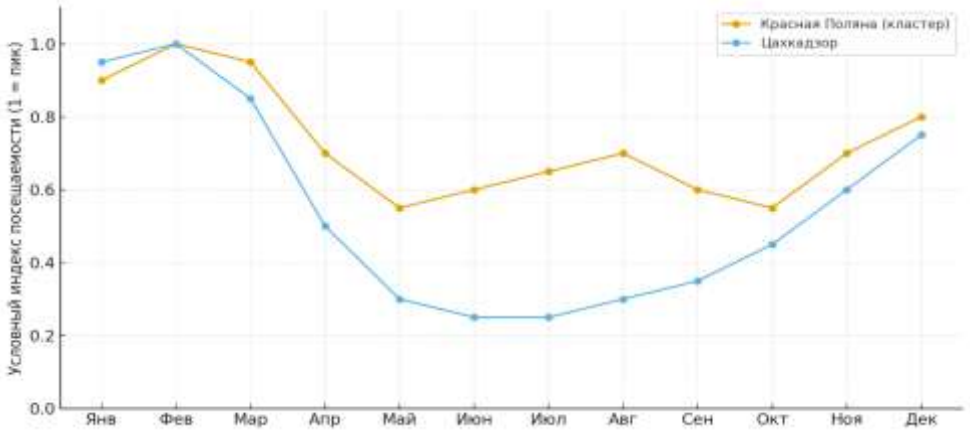


Рисунок 1. График нормированных месячных профилей посещаемости курортов Красной Поляны и Цахкадзора.

Составлено автором.

График подтверждает, что круглогодичная продуктовая матрица Красной Поляны сглаживает межсезонные провалы, тогда как в Цахкадзоре сохраняется выраженный «зимний» профиль.

Для оценки структуры предложения и источников загрузки представлена 100%-ая диаграмма продуктовой матрицы двух курортов (Рис. 2).

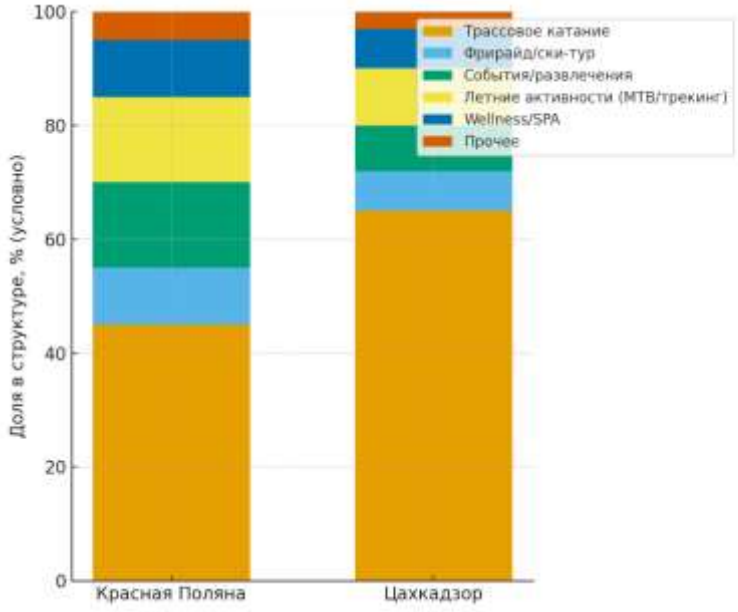


Рисунок 2. Стопроцентная диаграмма продуктовой матрицы двух курортов. Составлено автором.

Диаграмма показывает более высокую долю неснежных и событийных активностей в Красной Поляне и доминирование базового трассового катания в Цахкадзоре; эти различия определяют подходы к управлению межсезоньем и тарифной политикой.

С точки зрения экономической логики и управления доходом, Красная Поляна извлекает прибыль из широкой корзины услуг: скипасс, инструкторы и гиды, прокат и сервис, мероприятия, развлечения, wellness-индустрия, ретейл; масштабы и событийность повышают средний чек и долю «неснежных» доходов [10–12], [14]. Цахкадзор опирается на ядро горнолыжного продукта и базовые сопутствующие сервисы; ценовое позиционирование обычно более доступное, что расширяет массовый спрос [13].

Влияние на рынок курортной недвижимости также различается. В Красной Поляне широкий номерной фонд (от отелей категории 3 звезды до люксовых-отелей) и развитые форматы апартаментов; круглогодичность и события поддерживают интерес инвесторов и активность краткосрочной аренды [14]. В Цахкадзоре рост апарт-сегмента сдержаннее; ядром курорта являются семейные отели и апартаментные комплексы при умеренной летней загрузке [13].

Сравнительный анализ управленческих стратегий, брендинга и возможных рисков показывает следующие различия между курортами. Красная Поляна имеет сильный бренд-портфель за счет несколько операторов и узнаваемую событийную повестку; риски лежат в области координации между зонами, пиков нагрузки на транспорт и окружающую среду и необходимость тонкой политики землепользования [9–12], [14]. В Цахкадзоре единая пространственная логика и более простая операционная модель; риски находятся в зависимости курорта от снежности и ядра зимнего продукта, а вызовы – в ускоренной диверсификации без потери камерной атмосферы горного курорта [13].

Кластер Красной Поляны демонстрирует более выраженную круглогодичность и событийную насыщенность, тогда как Цахкадзор – ценовую доступность и компактную логику катания; эти различия определяют управленческие приоритеты, обсуждаемые далее.

Обсуждение

Качественная проверка гипотез, сформулированных автором во введении, показала следующее. Первая гипотеза подтверждается частично: у Цахкадзора короткий доступ от аэропорта до горнолыжных склонов повышает привлекательность уик-энд-поездок; у Красной Поляны многоузловая доступность и насыщенная инфраструктура расширяют платежеспособный сегмент и длину пребывания [7–8], [10–13]. Вторая гипотеза подтверждается: неснежные активности и события сокращают лакуны межсезонья на российском курорте; в Цахкадзоре потенциал есть, но масштабы скромнее [5–6], [13]. Третья гипотеза также подтверждается: многоуровневое зонирование повышает емкость и вариативность отдыха, но требует координации стейкхолдеров и регламентов земле-пользования [9–12]. Четвертая гипотеза также подтверждается: круглогодичность и событийность коррелируют с активностью рынка курортной недвижимости в Красной Поляне; в Цахкадзоре связь слабее, но заметна в семейных форматах [13–14].

Управленческие решения на Красной Поляне должны сосредоточиться на усилении координации между зонами и транспортном менеджменте в моменты пиковой загрузки курорта; бережном обращении с природной средой и местными сообществами; балансировке экстремальных и семейных продуктов [9–12], [14]. В Цахкадзоре требуется точечная диверсификация (легкодоступные ски-тур-маршруты, базовый МТВ/трекинг, камерные фестивали), пакеты «выходные на склоне», постепенное развитие апарт-сервиса [5–6], [13].

В межгосударственной кооперации следует обратить внимание на маркетинговые стратегии пакетирования «две страны – два рельефа»; обмен стандартами безопасности фрирайда/ски-тура и подготовки инструкторов; согласование календарных окон событий; совместные промо-кампании и мультиканальные продажи [3–6], [10–13].

Возможности дальнейших исследований лежат в плоскости сопоставления панелей по загрузке, средним чекам и структуре выручки; полезно включить контрольную группу горных курортов Кавказа для более строгой верификации эффектов масштаба и событийности [3–4], [14].

Заключение

Красная Поляна – многоуровневый, событийно насыщенный кластер с выраженной круглогодичностью и сильным влиянием на сервисную недвижимость; Цахкадзор – компактный, доступный, семейно-ориентированный курорт с потенциалом точечной диверсификации. Экономико-пространственные различия не конкурируют, а комплементируют друг друга, создавая основу для российско-армянского партнерства: пакетные туры, обмен кадрами и стандартами, совместные календари. Управленческий фокус в балансировке роста с сохранением природного капитала, развитии устойчивой мобильности и правил землепользования, поддерживающих длинный жизненный цикл курортов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Яковенко Н.В*. Менеджмент горнолыжных курортов: учеб. / Н.В. Яковенко, А.В. Перескоков. М.: «КноРус», 2021, 348с. ISBN 978-5-406-07825-3.
2. *Ильина Е.Н*. Рекреационная география и управление в туризме и гостеприимстве: учеб. для бакалавров / Е.Н. Ильина. М.: «Юрайт», 2014, 467с. (Бакалавр. Академ. курс). ISBN 978-5-9916-2827-5.1. ГОСТ Р 7.0.5–2008.
3. UNWTO. International Recommendations for Tourism Statistics 2008 (IRTS 2008). Madrid: “World Tourism Organization”, 2016. DOI: 10.18111/9789214610212.
4. United Nations; Eurostat; OECD; UNWTO. Tourism Satellite Account: Recommended Methodological Framework, 2008. Rev. 1. New York: United Nations, 2010. [Эл. ресурс] (дата обращения: 20.10.2025).
5. UNWTO. Global Report on Adventure Tourism // AM Reports, Vol. 9. Madrid: UNWTO, 2014. [Эл. ресурс] (дата обращения: 21.10.2025).
6. Adventure Travel Trade Association; George Washington University. Adventure Tourism Development Index: 2020 Edition. Washington, DC: ATTA; GWU, 2020. [Эл. ресурс] (дата обращения: 20.10.2025).
7. *Квартальнов В.А.* Туризм: учебник. 2-е изд., перераб. М.: «Финансы и статистика», 2006, 336с.
8. *Александрова А.Ю.* Международный туризм: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «КноРус», 2015, 460с.
9. *Сугатова М.В.* Принципы проектирования горнолыжных курортов // «Наука, образование и экспериментальное проектирование», 2022. DOI: 10.24412/cl-35672-2022-1-0044
10. Rosa Khutor. Официальный сайт горного курорта. [Эл. ресурс] URL: https://go.rosakhutor.ru (дата обращения: 20.10.2025).
11. Курорт «Красная Поляна». Официальный сайт. [Эл. ресурс] URL: https://krasnayapolyanaresort.ru (дата обращения: 20.10.2025).
12. Курорт «Газпром Поляна». Официальный сайт. [Эл. ресурс] URL: https://polyanaski.ru (дата обращения: 25.10.2025).
13. Tsaghkadzor Ropeway. Официальный сайт канатной дороги. [Эл. ресурс] URL: https://ropeway.am (дата обращения: 25.10.2025).

14. NF Group. Рынок горнолыжных курортов России: итоги 2024. [Эл. ресурс] (дата обращения: 26.10.2025).

ECONOMIC AND SPATIAL ASPECTS OF MOUNTAIN RESORTS DEVELOPMENT: COMPARATIVE ANALYSIS AND NEW TYPES OF TOURISM

A. Diakonov
Sochi State University

ABSTRACT

The article compares two mountain resorts (the Krasnaya Polyana cluster (Sochi, Russia) and Tsaghkadzor (Armenia)) through the prism of their economic model, spatial organization, and diversification of tourism offerings, taking into account new types of tourism (freeride/ski touring, MTB, trail running, event tourism, and workation). It is shown that differences in the scale of a mountain resort's infrastructure, transport accessibility, and event policy shape different patterns of seasonality, average checkouts, and impact on the local resort real estate market. A universal methodology for comparative analysis of a mountain resort based on a developed block system of indicators is proposed. Ways for exchanging management practices for the purposes of developing Russian-Armenian cooperation are identified.
Keywords: mountain resort, resort real estate, new types of tourism, transfer practices.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-724-731

THE SIGNIFICANCE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT FOR HOSPITALITY INDUSTRY

S. Mirzoian

Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business
siuzanna.mirzoian@gmail.com

ABSTRACT

In recent years, the subject of sustainability has garnered significant attention, largely driven by increasing apprehension surrounding the ecological consequences of human activities. The concept of sustainable development is examined in the article and the relevance of the research topic is explained by such socio-economic and environmental factors as the dominance of the "philosophy of consumption", the illusion of inexhaustibility of resource potential and pricing for natural resources. Global environmental problems, crises, catastrophes of anthropogenic origin were the result of these processes, the nature of socio-economic relations in the "Nature-Humanity" system and the resource-destroying principles implemented in them. Hotels play a significant role in the tourism industry and have a responsibility to reduce their impact on the environment and support local communities. One way they can achieve this is through the implementation of sustainable practices.
Keywords: sustainability, hospitality industry, sustainable development, environmental impact, environmentally conscious guests.

According to the one of the most comprehensive definitions of the sustainability concept by Mark Fedkin [4], sustainable practices in hotels can be categorized into three main areas: environmental, social, and economic sustainability. Environmental sustainability practices focus on reducing the environmental impact of hotels through the reduction of energy and water consumption, waste generation, and greenhouse gas emissions. Social sustainability practices focus on promoting the well-being of the society by adopting ethical practices such as fair trade, responsible sourcing, and employee well-being. Economic sustainability practices focus on the long-term profitability and viability of the hotel industry by reducing costs, improving revenue, and enhancing customer loyalty.

One of the main principles of the sustainable development concept is the inexhaustibility of human potential and the limited resources of the environment. In order to maintain a balance between the economy, social well-being, and the environment on a long-term basis, it is necessary to focus on economic, social, and environmental sustainability. Over the past two decades, networks of various stakeholders have been formed, alliances, institutions, and organizations have been established, projects have been developed, and money has been spent on sustainable development in increasing amounts. The concept of sustainable development is based on a crisis. Initially, the central issues of this problem were the uncontrolled consumption of resources and the release of waste and greenhouse gases into the atmosphere. In the process of solving these problems, people face a number of other issues, the resolution of which leads to the possibility of long-term existence on Earth. Therefore, the analysis of the consequences of the increasing anthropogenic load on the environment in the late 20th century led to a revision of the global science strategy for the development of Earth's civilization.

According to “Green Hotels Association” and “Sustainable Travel International”, the table 1 outlines some of the best practices for sustainability in hotels, including energy conservation, water conservation, waste reduction, sustainable food and beverage, green housekeeping, community engagement, and environmental education. By adopting these practices, hotels can reduce their energy and water consumption, minimize waste, and promote sustainable behaviors among their staff and guests. Additionally, these practices can contribute to the economic and social sustainability of the surrounding community by supporting local businesses, hiring locally, and contributing to community development projects. As sustainability continues to be a growing concern for consumers and the tourism industry, implementing these practices can help hotels differentiate themselves in the market and attract environmentally conscious guests [6, 10].

Table 1. The most effective practices of sustainable development in hospitality.

Category	Examples of Sustainability Practices	Sustainability Practice	Description
Environmental Sustainability	Energy-efficient lighting, water conservation, recycling, renewable energy	Energy Conservation	Installing energy-efficient lighting, using energy management systems, and promoting energy-saving practices among staff and guests
		Water Conservation	Installing low-flow showerheads and toilets, using greywater recycling systems, and promoting water-saving practices among staff and guests
		Sustainable Food and Beverage	Sourcing locally grown, organic, and seasonal produce, offering vegetarian and vegan options, and reducing food waste through portion control and composting
		Green Housekeeping	Using non-toxic and eco-friendly cleaning products, implementing linen and towel reuse programs, and promoting sustainable housekeeping practices among staff and guests

Category	Examples of Sustainability Practices	Sustainability Practice	Description
Social Sustainability	Fair trade, responsible sourcing, employee training and development, community involvement	Community Engagement	Supporting local businesses, hiring locally, and contributing to community development projects
		Environmental Education	Providing guests and staff with information on sustainable practices, offering tours and workshops on environmental topics, and partnering with local organizations to promote sustainability education
Economic Sustainability	cost reduction through energy and water conservation, revenue increase through sustainable tourism, customer loyalty through sustainable practices	Waste Reduction	Implementing recycling and composting programs, reducing packaging waste, and promoting waste-reducing practices among staff and guests

Table 1. Adapted from Green Hotels Association and Sustainable Travel International, 2020.

The following provides a comprehensive overview of each of the three sustainability pillars and offers some illustrative examples of the most effective practices for each.

Environmental Sustainability:

- energy-efficient lighting: using LED light bulbs, motion sensors, and automatic lighting systems to reduce energy consumption and carbon emissions;

- water conservation: installing low-flow showerheads, using rainwater harvesting systems, reusing greywater for irrigation or toilet flushing to conserve water resources;
- recycling: implementing a recycling program for paper, glass, plastic, and metal waste, and composting organic waste to reduce the amount of waste sent to landfills;
- renewable energy: installing solar panels, wind turbines, or geothermal systems to generate clean energy on-site and reduce dependence on fossil fuels [8].

Social Sustainability:

- fair trade: purchasing fair trade products, such as coffee and tea, to support local communities and promote ethical and sustainable production practices;
- responsible sourcing: purchasing products from suppliers who follow sustainable practices, such as using environmentally friendly packaging and reducing waste;
- employee training and development: providing training and education to employees on sustainable practices, such as waste reduction, and responsible sourcing;
- community involvement: partnering with local organizations and community groups to support sustainability initiatives, such as beach cleanups or tree planting [7].

Economic Sustainability:

- cost reduction: implementing energy and water conservation measures can help reduce operating costs, such as lower utility bills and maintenance costs;
- revenue increase through sustainable tourism: promoting sustainable tourism practices can attract environmentally and socially conscious travelers and increase revenue;
- customer loyalty through sustainable practices: implementing sustainable practices can improve customer loyalty and satisfaction, as travelers increasingly expect hotels to be environmentally and socially responsible [1].

Sustainability practices in hotels have numerous benefits to the stakeholders. Firstly, environmental sustainability practices reduce the environmental impact of hotels and promote a greener environment. This improves the hotel's reputation and attracts environmentally conscious customers. Secondly, social sustainability practices promote ethical practices and improve the well-being of the society. This attracts socially conscious customers and enhances the hotel's reputation. Thirdly, economic sustainability practices reduce costs and increase revenue, leading to long-term profitability and viability of the hotel industry. This enhances the competitiveness of hotels and improves customer loyalty. The analysis of this issue showed, in addition to the benefits, hotels face several challenges in implementing sustainable practices. Despite the numerous benefits of sustainability practices, hotels face several challenges in implementing sustainable practices. Firstly, the high cost of implementing sustainability practices may deter some hotels from adopting sustainable practices. Secondly, the lack of knowledge and awareness about sustainable practices may hinder the adoption of sustainable practices by hotels. Thirdly, the lack of incentives and regulations may also hinder the adoption of sustainable practices by hotels [3].

To sum up, sustainability is essential for the long-term success of the hotel industry. Sustainable practices in hotels have numerous benefits to the stakeholders, including the reduction of environmental impact, improvement of the well-being of society, and long-term profitability and viability of the hotel industry. However, despite the benefits, hotels face several challenges in adopting sustainable practices. The high cost of implementation, lack of knowledge and awareness, and absence of incentives and regulations pose barriers to sustainability initiatives. Overcoming these challenges requires a commitment to sustainability from both the hotel industry and its stakeholders, as well as the development of supportive policies and frameworks.

In conclusion, hotels have a vital role to play in promoting sustainability in the tourism industry. By embracing sustainable practices and addressing the environmental, social, and economic aspects of sustainability, hotels can differentiate themselves in the market, attract environmentally conscious guests, and contribute to the long-term success of the industry. It is crucial for hotels to overcome the challenges and prioritize sustainability to create a more sustainable and responsible future for the hotel industry and the planet as a whole.

REFERENCES

1. *Barakagira A., Paapa C.* Green Practices Implementation for Environmental Sustainability by Five-star Hotels in Kampala, Uganda // "Environment, Development and Sustainability", 2023.
2. *Carlowitz H.* Sylvicultura Oeconomica. Franklin Classics, 2018 (Carlovitz H.C., Sylvicultura Oeconomica: Or, Knowledge of Forestry, According to Natural and Reasonable Rules, 1713).
3. *Chen Y.* Sustainability practices in the hospitality industry: A case study of the Sustainable Hospitality Alliance // "Sustainability", № 13 (5), 2815, 2021.
4. *Fedkin M.* Interplay of the Environmental, Economic, and Social Aspects // "Sriwijaya Law Review", № 3 (1): 11, 2019, www.researchgate.net/figure/Interplay-of-the-environmental-economic-and-social-aspects-of-sustainable-development_fig1_330762891.
5. *Fichter K., Breuer H.* Sustainability-oriented business model development: Principles, criteria and tools // "International Journal of Entrepreneurial Venturing", 2018. PP. 256–286.
6. *Sallah A., Kennedy C.* Green hotels: Opportunities and resources for success. 2002.
7. SDGs, Fairtrade International, URL/www.fairtrade.net/issue/sdgs, 2019.
8. *Sheehan L., Ritchie J.* Sustainability through hospitality – a case of Accor hotels, Australia // "Journal of Hospitality and Tourism Management", № 20, 2013. PP. 14–22.
9. Step-by-Step Guide to Sustainable Supply Chain Management, URL/https://www.bmuv.de/fileadmin/Daten_BMU/Pools/Broschueren/nachhaltige_lieferkette_en_bf.pdf
10. Sustainable Travel International, Encouraging Conscious Business – Sustainable Travel International // "Sustainable Travel International", 2020. URL/https://sustainabletravel.org/our-work/conscious-business

ЗНАЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

С. Мирзоян
Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса

АННОТАЦИЯ

В последние годы тема устойчивого развития привлекает значительное внимание, главным образом вследствие растущей обеспокоенности экологическими последствиями человеческой деятельности. В статье рассматривается концепция устойчивого развития, а актуальность темы исследования объясняется такими социально-экономическими и экологическими факторами, как доминирование «философии потребления», иллюзия неисчерпаемости ресурсного потенциала и особенности ценообразования на природные ресурсы. Глобальные экологические проблемы, кризисы и катастрофы антропогенного происхождения стали результатом этих процессов, характера социально-экономических отношений в

системе «Природа – Человечество» и реализуемых в ней принципов разорительного использования ресурсов.

Отели играют значительную роль в туристической индустрии и несут ответственность за снижение своего воздействия на окружающую среду, а также за поддержку местных сообществ. Одним из способов достижения этой цели является внедрение устойчивых практик.

Ключевые слова: устойчивость, индустрия гостеприимства, устойчивое развитие, воздействие на окружающую среду, «экологически сознательные» гости.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-732-741

ЦИФРОВОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ФАКТОР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ АРМЕНИИ: ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Б. Тухбатуллина

Российско-Армянский университет
Институт экономики и бизнеса
tukhbatullinaab@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Современная мировая экономика переживает этап ускоренной цифровой трансформации, в ходе которой ключевую роль играют не только технологии, но и управленцы – цифровые лидеры, способные преобразовывать организационные модели, корпоративную культуру и образовательные практики. Армения, как часть глобального цифрового пространства, активно развивает IT-сектор, однако испытывает дефицит управленческих компетенций нового типа.

В статье рассматривается феномен цифрового лидерства как основа новой экономики Армении, выделяются ключевые компетенции цифрового лидера –системное мышление, инновационность, цифровая грамотность, эмоциональный интеллект и ответственность. На примерах российских компаний «Сбербанк» и «Яндекс», а также международных практик “Microsoft” и “Siemens”, анализируется влияние цифрового лидерства на эффективность организаций.

Предлагаются рекомендации по интеграции курсов цифрового лидерства в программы вузов, созданию проектных лабораторий и партнерств «вуз–бизнес–государство». На основе исследований сделан вывод, что формирование цифрового лидерства является ключевым условием устойчивой трансформации экономики и сферы услуг Армении.

Ключевые слова: цифровое лидерство, управленческие компетенции, цифровая трансформация, образование, экономика Армении.

Введение

В последние годы цифровая трансформация стала одним из ключевых факторов глобального экономического развития. Исследования показывают, что страны и компании, активно внедряющие цифровые технологии и развивающие цифровое лидерство, достигают высокой

конкурентоспособности и устойчивости на рынке [1,4]. В мировой практике наблюдается тенденция смещения фокуса с чисто технологических решений на человеческий капитал, поскольку именно управленцы с навыками цифрового лидерства способны преобразовывать организационные модели, корпоративную культуру и образовательные процессы.

Для экономики Армении, как развивающейся экономики с динамично растущим IT-сектором, проблема формирования управленческих компетенций нового типа особенно актуальна. Согласно данным Всемирного банка (2024), дефицит управленческих навыков препятствует масштабированию цифровых инициатив и интеграции инноваций в национальную экономику. Одновременно экспорт IT-услуг страны растет, более чем на 20% в год, что создает предпосылки для активного формирования экосистемы цифрового лидерства.

Цель настоящего исследования – раскрыть роль цифрового лидерства как фактора новой экономики Армении и предложить рекомендации по формированию управленческих компетенций в образовательной и корпоративной среде. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать современные подходы к цифровому лидерству и его ключевые компетенции;
- исследовать практический опыт ведущих компаний («Сбербанк», «Яндекс», “Microsoft”, “Siemens”) в области цифрового лидерства;
- выявить возможности интеграции цифрового лидерства в образовательные программы и подготовку управленцев в Армении;
- оценить влияние формирования цифровых лидеров на развитие экономики и экспортного потенциала страны.

Методы

Исследование основано на комплексном подходе, включающем:

- сравнительный анализ международных моделей цифрового лидерства [1, 5];
- кейс-метод, с анализом опыта российских компаний («Сбербанк», «Яндекс») и международных практик (“Microsoft”, “Siemens”) [6–8];

- изучение данных национальной статистики и аналитических отчетов Всемирного банка, “Trading Economics” и “McKinsey & Company” [3, 5];
- обзор существующих образовательных программ в вузах Армении и исследование корпоративной подготовки управленцев в армянских компаниях [3, 4].

Такой подход позволил выявить ключевые компетенции цифрового лидера, оценить текущую практику и определить направления для улучшения образовательной и корпоративной подготовки.

Понятие цифрового лидерства

Термин «цифровое лидерство» описывает набор качеств и практик управленца, который способен трансформировать организацию через координацию технологических, стратегических и культурных изменений. Согласно исследованиям “Westerman”, “Kane”, “Davenport” и других, цифровые лидеры объединяют видение (vision), способность управлять изменениями (change management) и ориентированность на данные (data-driven decision making) как ключевые элементы эффективности трансформаций [1, 4].

Ключевые компетенции цифрового лидера

На основе обзорных и эмпирических исследований выделяются следующие базовые компетенции:

- системное и стратегическое мышление: способность видеть взаимосвязи между технологиями, бизнес-моделями и внешней средой; формулировать долгосрочные цифровые стратегии;
- инновационность и управление изменениями: навыки внедрения новых практик, управление сопротивлением и создание среды для экспериментирования;
- цифровая грамотность и технологическое видение: понимание возможностей и ограничений ИИ, облачных решений, платформенных моделей;
- коммуникация и вовлечение команд: умение формировать кроссфункциональные команды и выстраивать прозрачные коммуникации;

- эмоциональный интеллект и эмпатия: лидер, управляющий трансформацией, должен сохранять доверие и психологическую безопасность команды;
- этика и цифровая ответственность: учет этических последствий ИИ, данных и privacy-вопросов при принятии решений.

Таким образом, цифровое лидерство – это сочетание «жестких» (технологических, аналитических) и «мягких» (лидерских, культурных) навыков.

Практические кейсы цифрового лидерства

«Сбербанк» – один из крупнейших примеров в постсоветском пространстве, где цифровая трансформация сочеталась с перестройкой управленческих практик. Под руководством топ-менеджмента банк внедрил гибридную платформенную модель, масштабно инвестировал в обучение сотрудников (корпоративный университет), agile-методологии и data-driven принятие решений. Эти изменения сопровождались реструктуризацией ролей, появлением новых цифровых лидеров внутри организации и усилением проектного управления. Исследования показывают, что системный подход к лидерству и обучению стал ключевым для создания устойчивого эффекта от цифровых инвестиций [6].

Компания *«Яндекс»* демонстрирует, как крупный технологический игрок интегрирует корпоративную культуру, ориентированную на данные и обучающиеся команды, в свою экосистему. Например, Яндекс активно усиливает управленческую команду через назначения с опытом стратегического развития и цифровой трансформации [7]. Также компания реализует образовательные инициативы, такие как Школа анализа данных (ШАД) и партнерства с вузами, что усиливает подготовку новых специалистов и управленцев. Эти примеры иллюстрируют, как технологическая платформа может быть основой для формирования цифрового лидерства внутри компании.

"Microsoft" демонстрирует, как культура обучения ("growth mindset") и доступ к ресурсам для сотрудников (внутренние академии) выступают драйвером цифрового лидерства. "Siemens" показывает пример интеграции инженерного и управленческого подходов в цифровых экосистемах, где лидеры работают в командном формате и опираются

на партнерства и R&D. Оба примера подчеркивают важность институализации обучения и кооперации между бизнесом и научными центрами.

В контексте формирования цифрового лидерства в Армении важно выделить несколько практических примеров, которые демонстрируют, как стратегическое использование технологий, развитие управленческих компетенций и организационная культура создают заметные эффекты на уровне компаний и целых отраслей.

“PicsArt” как пример продуктового цифрового лидерства. “PicsArt”, начавшаяся как армянский стартап и ставшая «единорогом», демонстрирует сочетание технологического видения, data-driven-подхода и глобального масштаба. Компания активно развивает функции на основе искусственного интеллекта и сохраняет крупный R&D-центр в Армении, что способствует развитию национального кадрового потенциала и формирует культуру непрерывного обучения [11].

“*Enterprise Incubator Foundation” (EIF)* как институциональный лидер цифровой экосистемы. EIF играет ключевую роль в развитии образовательных, акселерационных и исследовательских программ, объединяя бизнес, государство и университеты. Инфраструктура EIF способствует подготовке управленцев, предпринимателей и специалистов, способных вести цифровые проекты, а также развитию компетенций цифрового лидерства у будущих руководителей [12].

Практики цифровизации в гостиничном и туристическом секторе. Исследования показывают, что туристы, посещающие Армению, широко используют цифровые платформы для планирования и бронирования поездок. Бутик-отели – такие, как “Tufenkian Heritage Hotels”, а также международные сети (например, “Marriott”), демонстрируют внедрение онлайн-бронирования, цифровой коммуникации и элементов аналитики клиентского опыта.

В гостиничной нише цифровое лидерство проявляется не только в онлайн-продажах, но и в персонализации опыта (CRM), динамическом прайсинге, оптимизации операционных процессов (инвентарь, уборка, сервис) и digital-маркетинге. Руководители отелей, которые внедряют эти практики и обучают команды, становятся локальными цифровыми лидерами.

Таким образом, компании в которых цифровая трансформация сопровождалась изменением лидерских практик и инвестицией в обучение управленцев, достигают более устойчивых и измеримых результатов. Эти примеры подтверждают, что эффективное лидерство в цифровую эпоху невозможно без системной работы с кадрами.

Состояние цифрового лидерства в Армении – ключевые факты

На основании национальных и международных источников установлено следующее:

- рост IT-сектора: устойчивый рост, увеличение экспорта технологических услуг, развитие стартап-хабов [11,12];
- низкая цифровая зрелость многих фирм: слабое внедрение цифровых инструментов, барьеры: недостаток навыков, ограниченные инвестиции [13];
- “Skills gap” у менеджеров: дефицит компетенций в управлении цифровыми проектами, data-driven принятии решений и change management [14];
- институциональные проблемы: пробелы реализации цифровых стратегий, недостаточные KPI, отсутствие координации [15];
- сильная инфраструктура стартапов, но слабая связь с вузами: недостаточная интеграция образовательных программ с потребностями бизнеса [16];
- цифровое неравенство: гендерный и региональный разрывы в доступе к цифровым навыкам [17].

Можно сделать вывод, что есть **сильная техническая база** (талант, стартапы, радикальная активность ИТ-комьюнити), но **слабая управленческая инфраструктура** для масштабной трансформации: лидеры часто не готовы инициировать и сопровождать цифровые проекты в органичной связке с HR, бюджетами и культурой. Это подтверждается World Bank-ом и OECD-анализами.

Роль университетов и образовательных программ

Подготовка цифровых лидеров начинается в вузе. Необходимо интегрировать в учебные планы курсы по цифровому менеджменту, инновационным технологиям, agile и data-management. В передовых университетах (MIT, Stanford) это реализуется через проектные лаборатории и менторские программы [9].

Ниже (Табл. 1) приведена сравнительная таблица лучших практик в различных странах, которые могут быть адаптированы для Армении.

Таблица 1. Сравнительный обзор практик «вуз-бизнес-государство» по подготовке цифровых лидеров.

Страна	Модель/ Программа	Роль государства	Роль вузов	Роль бизнеса
Сингапур	Digital Academy Singapore	Стандарты, финансирование, гранты	Образование по цифровому лидерству, проектные курсы	Реальные кейсы, менторы, стажировки
Германия	Industrie 4.0 Labs (TU Munich, RWTH Aachen)	Финансирование научных хабов, гранты	Курсы по цифровым технологиям и управлению инновациями	Siemens, Bosch: наставничество, кейсы, внедрение результатов
США	MIT Digital Leadership, Stanford Programs	Гранты NSF, поддержка исследований	Цифровое управление, data analytics, agile	Microsoft, IBM, Google: стажировки, проекты
Финляндия	DigIT Academy (Aalto University)	Стипендии, финансирование инноваций	Курсы цифрового управления, проектная работа	Предоставление проектов и тестовых сред
Эстония	e-Estonia Academy	Национальная цифровая стратегия, финансирование	Образование в IT и цифровом управлении	Наставничество, участие в проектах e-governance

Анализ международного опыта демонстрирует, что формирование цифровых лидеров эффективно только при комплексном подходе, объединяющем три ключевых компонента: университеты, бизнес и госу-

дарство. Государство создает нормативную базу, финансирует образовательные и инновационные инициативы, стимулирует участие бизнеса. Вузы формируют теоретические знания, междисциплинарные навыки и проектные компетенции, а компании предоставляют практику, менторов и реальные кейсы.

Для Армении адаптация подобных моделей позволит:

- создать системную траекторию подготовки цифровых лидеров;
- сократить разрыв между технологическим развитием и управленческими компетенциями;
- стимулировать инновации, стартапы и рост экспорта ИКТ-услуг;
- повысить устойчивость и эффективность бизнес-моделей.

Таким образом, внедрение партнерства «вуз-бизнес-государство» является стратегическим инструментом формирования управленцев нового типа и ускорения цифровой трансформации экономики страны.

Влияние на экономику Армении

По данным Всемирного банка, в 2024г. объем экспорта ICT-услуг Армении превысил 1,18 млрд долл. [3]. Развитие цифрового лидерства способно увеличить этот показатель на 20–25% в среднесрочной перспективе. Подготовленные лидеры будут катализаторами инноваций, стартапов и экспорта технологий, что позволит Армении укрепить позиции в регионе Южного Кавказа.

Анализ ситуации показал, что Армения обладает высоким потенциалом цифрового развития, однако дефицит управленческих компетенций сдерживает рост. Вузовская среда является ключевой для формирования цифровых лидеров благодаря междисциплинарному подходу, проектной инфраструктуре и возможности интеграции с бизнес-партнерами. Существующие инициативы, такие как проекты “eCAMPUS”, KPI4HE и FAST, обеспечивают обучение цифровым навыкам, но программы подготовки управленцев нового типа реализованы ограниченно [3].

Как лидеры стимулируют новую экономику

Цифровые лидеры способны:

– запускать платформенные бизнес-модели и сервисы;
– создавать клиент-ориентированные цифровые продукты;

– привлекать инвестиции и координировать международные партнерства;
– повышать производительность и гибкость компаний в секторе услуг.

При правильной стратегии это ведет к росту экспорта IT-услуг, созданию качественных рабочих мест и формированию «экономики знаний», где ценность определяется не ресурсами, а компетенциями и инновациями.

Результаты анализа позволяют сделать некоторые выводы.

1. Цифровое лидерство способствует экономическому росту, стимулирует инновации и укрепляет позиции Армении на международной арене.
2. Вузы должны играть ключевую роль в подготовке цифровых лидеров, используя проектное обучение, междисциплинарные лаборатории и сотрудничество с бизнесом.
3. Эффективное формирование цифровых лидеров требует партнерства «вуз-бизнес-государство».
4. Адаптация международного опыта с учетом локальных условий ускоряет внедрение цифрового лидерства и повышает инновационный потенциал компаний.

При реализации рекомендованных мер Армения имеет шанс трансформироваться в региональный центр цифровых услуг и инноваций: укрепление цифрового лидерства повысит экспортный потенциал IT-сектора, модернизирует сферу услуг и создаст благоприятные условия для стартапов и платформенных бизнесов. Без системной подготовки управленцев нового типа цифровая трансформация останется фрагментарной и не принесет устойчивых экономических результатов.

Цифровая трансформация – это, прежде всего, трансформация мышления, управленческих практик и образовательных систем. Формирование цифрового лидерства в Армении требует согласованных усилий бизнеса, вузов и государства. Инвестиции в образование, корпоративное развитие и институциональные механизмы поддержки имеют мультипликативный эффект и станут ключом к созданию новой, основанной на знаниях, экономики страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Davenport T., Westerman G.* Why so many high-profile digital transformations fail // "Harvard Business Review", 2018.
2. Trading Economics / World Bank. ICT Service Exports – Armenia, 2024.
3. World Bank. Armenia's Digital Technology Adoption by Firms, 2024.
4. *Westerman G., Bonnet D., McAfee A.* Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation // "Harvard Business Press", 2019.
5. McKinsey & Company. Building the Right Digital Leadership Org, 2023.
6. Отчеты СберУниверситета. Трансформация через лидерство. Сбербанк, 2023.
7. Yandex Press Release. Strengthens senior leadership team, 2021. [https://yandex.ru/company]
8. Siemens Digital Industries Report, 2024. Empowering Leaders in Digital Transformation.
9. MIT Digital Leadership Program. Curriculum Outline, 2024.

DIGITAL LEADERSHIP AS A DRIVER OF ARMENIA'S NEW ECONOMY: DEVELOPING MANAGERIAL COMPETENCIES AND THE ROLE OF EDUCATION

A. Tukhbatullina
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

The modern global economy is undergoing a stage of accelerated digital transformation, in which not only technologies but also managers–digital leaders capable of transforming organizational models, corporate culture, and educational practices – play a key role. Armenia, as part of the global digital space, is actively developing its IT sector, yet it faces a shortage of managerial competencies of a new type.

This article examines the phenomenon of digital leadership as a foundation of Armenia's new economy and identifies the key competencies of a digital leader: systems thinking, innovativeness, digital literacy, emotional intelligence, and responsibility. Using the examples of Russian companies Sberbank and Yandex, as well as international practices of Microsoft and Siemens, the article analyzes the impact of digital leadership on organizational effectiveness.

Recommendations are proposed for integrating digital leadership courses into university programs, creating project laboratories, and establishing "university–business–government" partnerships. Based on the research, it is concluded that the development of digital leadership is a key condition for the sustainable transformation of Armenia's economy and service sector.

Keywords: digital leadership, managerial competencies, digital transformation, education, economy of Armenia.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-742-751

АРМЕНИЯ КАК ТУРИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ПОЛЬСКИХ ТУРИСТОВ

А.С. Шахназарян

Российско-Армянский университет
Институт Экономики и Бизнеса
armine.shahnazaryan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье была изучена привлекательность Республики Армения как туристического направления для граждан Республики Польша. Была изучена статистика зарубежных путешествий граждан Польши, их предпочтения, а также туристический потенциал Армении и ее проблемы для продвижения туристического предложения для польских туристов.
Ключевые слова: Армения, Польша, туризм.

Введение

Армения имеет большой потенциал для продвижения туристического продукта на польском рынке благодаря огромному количеству культурных памятников и природных ресурсов, которые могут заинтересовать польских туристов. Изучая предпочтения польских туристов, можно создать новый уникальный турпродукт, который подойдет данному рынку. Таким образом, открывая новые рынки сбыта своего туристического продукта, Армения может развивать новые или мало развитые туристические виды, такие как энотуризм, хайкинг, научный туризм и др.

Материал и методы

Число выездных поездок жителей Польши в 2024г. составило 16,4 млн, причем большая часть этих поездок (13,2 млн) составляли поездки продолжительностью 5 дней и более. В 2024г. расходы жителей Польши в возрасте 15 лет и старше, связанные с поездками, составили 108,2 млрд злотых (на 11,2% больше, чем в 2023г.), из которых 45,2 млрд злотых (на 12,6% больше, чем в 2023г.) на выездные поездки с ночевкой и 13,8 млрд злотых на выездные однодневные поездки (на 13,0% больше, чем в 2023 году). В среднем один человек тратил 482 злотых на одну выездную поездку без ночевки. Целью зарубежных поездок поляков в 2024г.

были преимущественно туризм и отдых, посещение родственников и друзей, а также бизнес.

В 2024г. Армению посетило 11 241 польских туристов.

Предпочтения поляков и предложение в польских турагентствах

Турция уже несколько лет является бесспорным лидером в сфере пакетного туризма. Греция остается на втором месте, Египет показывает значительный рост в 16,9%. Тунис занимает четвертое место, за ним следуют Испания и Болгария, Кипр. Также в первой десятке находятся Албания, Италия и Хорватия с долями 1–2%. Из стран, не входящих в первую десятку, наибольший рост демонстрируют Мальта, Португалия, Кабо-Верде и Марокко, а также Румыния, ОАЭ и Грузия.

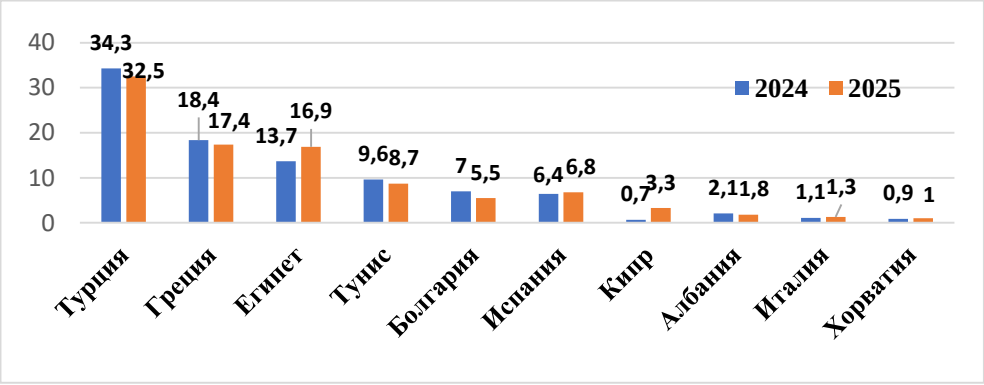


Рисунок 1. Отдых польских туристов за рубежом в 2025г.: любимые направления (по сравнению с 2024г.).

Пик польского туристического сезона приходится на школьные каникулы и летние месяцы. В 2025г. на июль и август пришлось 58,8% всех поездок, что немного больше, чем в 2024г.

На Рис. 2 представлена доля заграничных путешествий польских туристов по месяцам в туристический сезон.

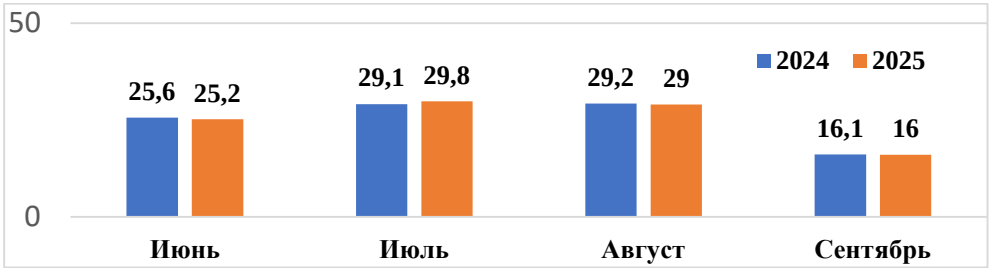


Рисунок 2. Доля заграничных путешествий польских туристов по месяцам, 2024, 2025 годы.

Что касается продолжительности пребывания, польские туристы чаще выбирают поездки от 7 до 8 дней, которые можно адаптировать к своим потребностям, но при этом путешествуют чаще. Однако они отказываются от двухнедельных поездок. В среднем стоимость бронируемых туров у польских туристов составляет 3345 злотых на человек (т.е. 334 500 армянских драм).

В основном, польские турагентства предлагают туры в Армению от 7–10 дней, часто вместе с Грузией. Туры включают в себе стандартные направления – такие, как Эчмиадзин, Хор Вирап, Нораванк, Татев, Хндзореск, водопад Шаки, Селимский караван-сарай, Норатус, озеро Севан, Дилижан, Ахпат, Амберд, Сагмосаванк, Гарни, Гегард, столица Ереван и т.д. Стоимость варьируется от 8500–13 000 злотых на двоих. То есть чуть дороже среднего для польских путешественников.

Проблема заключается в отсутствии информации о существующих достопримечательностях, а также о неиспользованном потенциале природы и ландшафта страны. В Армении много прекрасных и уникальных мест, но узнать об их существовании не так-то просто. В то время как объекты, внесенные в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, задокументированы в туристических путеводителях и описаны на вебстраницах, предназначенных для туристов, найти информацию о других туристических достопримечательностях довольно сложно. Туристы вынуждены полагаться либо на зарубежные издания, которые обычно охватывают всю территорию Южного Кавказа, и поэтому носят ознакомительный характер, либо на неточные, устаревшие и труднодоступные карты местных картографических издательств.

Энотуризм

По данным Всемирной организации здравоохранения 2025г. 73,48% поляков употребляют спиртные напитки. В Армении энотуризм начал набирать обороты в последние годы. Польским туристам польские турагентства предлагают посещение разных винных и коньячных заводов – таких, как «Арарат», «Тушпа», «Арени», «Ной» и др., а также винные дегустации.

Хайкинг

Поляки, долгое время разделявшие свои предпочтения между горным треккингом и отдыхом на море, все чаще выбирают новые направления путешествий вместо привычных. На этот сдвиг влияют как экономические факторы, так и желание исследовать новые места. С 2021 по 2023гг. польские туристы предпочитали отдых на море горным поездкам. Эта тенденция изменилась только в 2024г. Исследование выявило значительный рост популярности горных поездок: с 40,7% – в 2021г. до 50,5% – в 2024г.

Религиозный туризм

По данным Национальной переписи населения и жилищного фонда 2021г., в Польше 71% поляков являются верующими людьми. Польские турагентства также предлагают религиозные туры в Армению как первую страну, принявшую христианство на официальном уровне.

Самолет как предпочитаемый транспорт

97,7% польских туристов выбирают самолет как способ добраться до места назначения. Автобусные поездки составляют небольшую долю – 0,5% по сравнению с 0,58% в 2024г., а доля самостоятельных поездок также снизилась с 2,13% до 1,8%. Однако важно помнить, что туристы все чаще организуют свои собственные поездки в места, куда легко добраться на автомобиле.

Из Варшавы до Еревана перелет занимает в среднем 3 часа 35 мин. В настоящее время LOT – единственная авиакомпания, осуществляющая прямые рейсы в Армению. Самые низкие цены на перелет в Армению приходятся на ноябрь. Цена «туда и обратно» составляет около 425

злотых (42000 армянских драм), а в разгар польских путешествий, то есть в июле и в августе уже, начиная от 1678 злотых (167 800 армянских драм).

Отели «все включено»

В организованном туризме доминируют пакеты «все включено» (88,4%, небольшое снижение) и отели высокого уровня. В 2025г. более 77% клиентов турагентств выбрали отели категории 4 и 5 звезд. Средняя цена за ночь в 3-звездочном отеле в Армении составляет около 237 злотых (около 23 700 армянских драм), в 4-звездочном – около 296 злотых (около 29 600 армянских драм), в 5-звездочном отеле – около 597 злотых (около 59 700 армянских драм). В разгар сезона, то есть в июле и августе, ночь в 3-звездочном отеле стоит около 504, в 4-звездочном – около 560 злотых, а в 5-звездочном – 890 злотых.

Проблемы Армении для развития польского рынка

В Армении, как и в любой стране, имеются свои недостатки и проблемы, которые мешают развитию туризма. В основном, в Армении эти проблемы касаются туристической инфраструктуры и качества предоставляемых услуг. Присутствуют следующие проблемы:

- отсутствие отелей «все включено»: процесс квалификации – добровольный (большинство отелей даже не подавали заявки), в результате не только существуют неравные условия в сфере гостиничных услуг, но и у армянских отелей возникают проблемы с признанием на международном рынке: турист, выбирающий отель в Армении, не уверен, что, например, отель с 4 звездами соответствует европейским стандартам, хотя в Армении много отелей, которые, фактически, соответствуют европейским 3, 4 или 5 звездам, но у них нет документально подтвержденной квалификации, в соответствии с международными стандартами;
- напряженная ситуация на границе Армении и Азербайджана;
- в Армении нет профессиональной горноспасательной службы, подобной польским GOPR/TOPR;
- система государственного здравоохранения оставляет желать лучшего (особенно в провинции);

- закрытые границы с Азербайджаном и Турцией;
- железнодорожная сеть развита слабо;
- междугородние перевозки на микроавтобусах: средства часто переполнены, а их техническое состояние может вызывать опасения;
- в Армении слабо развита туристическая инфраструктура.

Преимущества Армении

Несмотря на некоторые недостатки, у Армении также есть немало преимуществ, чтобы стать популярным направлением для граждан Польши.

- За последние годы в Армении не зафиксировано террористических угроз в отношении мирного населения.
- Основные дороги находятся в хорошем состоянии, но при движении по местным дорогам следует учитывать их плохое техническое состояние и отсутствие надлежащих дорожных знаков.
- Граждане Республики Польша, пребывающие в Армении до 180 дней в году, освобождены от необходимости получения визы. Однако не стоит переоценивать важность этого фактора. Туристическая привлекательность страны определяется не наличием или отсутствием визового режима, а широким спектром предложений для посетителей. Можно привести множество примеров стран, которые, несмотря на сохранение визового режима, остаются привлекательными для туристов.
- Авиакомпания “LOT Polish Airlines” выполняет прямые рейсы между Варшавой и Ереваном.
- Вызвать такси (даже на дальние расстояния) не составит труда, а заказать транспорт можно через международные и локальные приложения для смартфонов.
- В Ереване и крупных городах легко найти банкоматы, принимающие международные платежные карты – такие, как VISA или MasterCard, а также магазины и рестораны, принимающие карты. Однако важно помнить, что наличные по-прежнему остаются самым популярным способом оплаты в Армении, особенно за пределами городов.

- В Армении действуют ведущие международные операторы, занимающиеся быстрыми денежными переводами из-за рубежа: INTELIEXPRESS, UNIStream, MONEYGRAM, Converse Transfer, Ria Money Transfer.
- В Ереване и крупных городах проблем с доступом к сети Интернет нет, Wi-Fi широко распространен в ресторанах, гостиницах, банках и т.д.
- В Ереване легко найти вегетарианские и веганские блюда, хотя за пределами столицы это может быть затруднительно или значительно ограничено.

Туристические объекты для польских туристов

Дендропарк и могила Эдмонда Леоновича

Дендропарк имени Эдмона Леоновича так же известный как Степанаванский дендропарк, расположен в селе Гюлагарак Лорийской области, в 12 км от города Степанаван и в 155 км к северу от Еревана, на высоте около 1450 метров над уровнем моря. Парк был основан в 1931г. польским инженером-лесоводом Эдмоном Леоновичем. За время работы дендропарка было проверено на пригодность к местным условиям около 2500 видов растений. Из этого числа около 500 видов прижились и произрастают в саду. Эдмонд Леонович работал директором ботанического сада до 1984г., после чего должность занял его сын – Виталий Леонович. После смерти он был похоронен в дендропарке. В 1998г. территория была объявлена особо охраняемой природной территорией.

Матенадаран

Матенадаран, наряду с библиотеками Вены и Мхитарянским объединением в Венеции, является одним из трех мировых центров, где хранится наибольшее количество рукописей, связанных с польской рукописной письменностью. В Матенадаране хранится около 130 таких рукописей. Они относятся к XIV–XVIII векам и отличаются богатым содержанием, охватывающим различные аспекты – такие, как религия, философия, медицина и перевод.

Горы

Надо отметить, что, несмотря на то, что в рейтинге стран у польских туристов в основном страны с выходом на море, интерес к горным путешествиям у польских туристов в последние годы возрос, и поэтому

у Армении есть все шансы стать популярным направлением для польских туристов. Армения, страна с богатой культурой и историей, – настоящий рай для любителей активного отдыха. Благодаря разнообразному рельефу, захватывающим дух пейзажам и историческим достопримечательностям, Армения предлагает одни из лучших пеших маршрутов в мире. Самыми популярными горами, подходящие для хайкинга являются Арагац, Аждаак, Димац, Хуступ, Еранос, Гутанасар и т.д. Также можно пройти тропу Татев-Харжис, которая была построена в 2013г. организацией "Polish Aid" и представляет собой невероятный способ познакомиться с первозданной красотой южной Армении. Начиная от монастыря Татев, тропа проходит через всю деревню Татев, затем поднимается на соседние горы, откуда открывается потрясающая панорама Воротанского ущелья, и спускается в долину через густой лес. Перед началом пути следует зайти в туристический информационный центр Татева, чтобы взять карту тропы. Длина тропы составляет более 13 км, и ее прохождение занимает 5–6 часов.

Раскопки в древних поселениях: польско-армянские совместные исследования и археологические раскопки проводятся с 2013г. в разных армянских древних поселениях – таких, как Мецамор и Аргиштихинили. Также регулярно организуются выставки на основе результатов совместных раскопок армянских археологов и польских археологов из Центра средиземноморской археологии Варшавского университета. Посещение древних заселений и выставок также могут интересовать польских туристов в Армении.

Церкви

Армения, как первая страна, принявшая христианство, имеет большое количество древних монастырских комплексов и церквей, которые могут заинтересовать польских туристов. Например, Эчмиадзинский кафедральный собор, как первая христианская церковь, монастыри Гегард, Агарцин, Татев, Ахпат и Санаин, несомненно, заинтересуют польских путешественников, но также можно совместить посещение церквей с хайкингом и посетить такие церкви, как Матосаванк, Кобайр, Тежаруйк, Цахац-Кар и т.д.

Поляки в Армении не живут общинами, а живут по отдельности в основном в городах (95%) – таких, как Ереван, Ванадзор, Гюмри, Аштарак, Степанаван, Армавир и т.д. Также в Армении мало этнических

польских семей. В основном, это смешанные семьи, в большинстве случаев – польско-армянские. По этой причине в Армении нет возможности посетить польские села и поселения, ознакомиться с их культурой и бытом, как это возможно в поселениях молокан.

Несмотря на то, что рейтинг предпочитаемых стран для польских путешественников составляют страны преимущественно с выходом на море, но в последние годы, в частности, после карантина, связанного с «Covid-19», резко вырос интерес к горному туризму. Также в Армении есть культурные памятники, которые могут заинтересовать польских туристов. Это означает, что у Армении есть все шансы привлекать польских туристов. Важно только учесть некоторые особенности и предпочтения польских туристов и предложить им подходящий для них турпродукт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Główny Urząd Statystyczny – https://stat.gov.pl/
2. Number of tourists visiting Armenia in 2024 decreased by 4.7% to 2.2 million people - https://arka.am/en/news/society/number-of-tourists-visiting-armenia-in-2024-decreased-by-4-7-to-2-2-million-people/
3. "Charakterystyka krajowych i zagranicznych podróży mieszkańców Polski w 2024 roku" Ministerstwo Sportu i Turystyki - https://www.gov.pl/web/sport/ministerstwo-sportu-i-turystyki
4. World Health Organization – Global Health Observatory (2025) – https://ourworldindata.org/alcohol-consumption
5. Wczasy Armenia – https://www.wakacje.pl/wczasy/armenia/
6. Wspomnienia z podróży, których nigdy nie zapomnisz – https://www.getyourguide.pl/
7. «Research changes in Polish tourism preferences from 2021 to 2024» Vacation 2024 – https://selectivv.com/en/badanie-wakacje-2024-preferencje-turystyczne-polakow
8. Proportion of Catholics in Poland falls to 71%, new census data show: https://notesfrompoland.com/2023/09/29/proportion-of-catholics-in-poland-falls-to-71-new-census-data-show/
9. Armenia – Pierwsze Chrześcijańskie Państwo Świata – https://www.wakacje.pl/oferty/armenia/armenia-pierwsze-chrzescijanskie-panstwo-swiata-1050493.html?od-2025-11-05,8-dni,HB,z-warszawy, srstorebox
10. Raport PIT: Zagraniczne wakacje Polaków 2025 – https://pit.org.pl/
11. Wakacje Armenia – https://www.itaka.pl/nasze-kierunki/armenia/
12. Armenia wakacje – https://r.pl/armenia
13. Interview with the Consul of Poland- https://araratour.com/articles/interview-with-the-consul-of-poland
14. «Четвертый доклад Республики Армения согласно пункту 1 статьи 15 Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств», Ереван 2015

– https://www.gov.am/u_files/file/kron/charter%20ev%20shrjan%20rus/Charter-Rus.pdf
15. Armenian hotels to be rated under global standards – https://armenpress.am/en/article/1231407
16. Skyscanner – https://www.skyscanner.pl/hotele/armenia/cy-29475202
17. Serwis Rzeczypospolitej Polskiej: Informacje dla podróżujących - https://www.gov.pl/web/armenia/informacje-dla-podrozujacych
18. Степанаван. Потерянный рай – https://www.armmuseum.ru/news-blog/stepanavan-lost-paradise
19. Polish Armenians: manuscript writing traditions: exhibition in Matenadaran – https://matenadaran.am/en/2021/06/16/polish-armenians-manuscript-writing-traditions-exhibition-in-matenadaran/
20. Best Places for Hiking in Armenia – https://www.armenianexplorer.com/article/best-places-for-hiking-in-armenia
21. Tatev Foundation – https://www.tatevinfo.com/tatevharjis-trail
22. Armenia/ Pozostałości domów z VI w. p.n.e. i ślady trzęsienia ziemi odkryli polscy i armeńscy badacze - https://naukawpolsce.pl/aktualnosci/news%2C106353%2-Carmenia-pozostalosci-domow-z-vi-w-pne-i-slady-trzesienia-ziemi-odkryli
23. Zabytki z armeńsko-polskich wykopalisk w Metsamor na wystawie w Erywaniu – https://archeologia.com.pl/zabytki-z-wykopalisk-w-metsamor-na-wystawie-w-erywaniu/

ARMENIA AS A TOURIST DESTINATION FOR POLISH TOURISTS

A. Shahnazaryan
Russian-Armenian University
Institute of Economics and Business

ABSTRACT

This article examines the attractiveness of the Republic of Armenia as a tourist destination for citizens of the Republic of Poland. It examines Polish citizens' international travel statistics, their preferences, as well as Armenia's tourism potential and challenges in promoting its tourism offerings to Polish tourists.
Keywords: Armenia, Poland, tourism.

РЕКЛАМА

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-752-761

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

***А.С. Аветисян*[1], *А.А. Овсепян*[2]**

Российско-Армянский университет
anna.ovsepyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние цифровых технологий на процесс формирования личности подростка в условиях современной медиасреды. Анализируется роль социальных сетей как основной платформы для самопрезентации, социальной оценки и конструирования цифровой идентичности подростка. Теоретическую основу исследования составляют концепции идентичности И. Гоффмана, Э. Гидденса и З. Баумана, а также современные подходы к изучению цифрового «Я».

Результаты исследования свидетельствуют о том, что социальные сети являются неотъемлемой частью повседневной жизни подростков и оказывают значительное влияние на их эмоциональное состояние, самооценку и модели поведения. Выявлены потенциальные риски цифровой социализации, связанные с зависимостью от социального одобрения, алгоритмическим воздействием и социальным сравнением,а также перформативный характер цифровой идентичности подростков. Все это подчеркивает необходимость развития цифровой грамотности и этичного подхода к созданию медиаконтента, ориентированного на подростковую аудиторию.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая идентичность, подростки, социальные сети, конструирование «Я».

Введение

Сегодня неоспорим тот факт, что цифровые технологии и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни подростков и оказывают существенное влияние на процесс становления личности. Подростковый возраст характеризуется активным формированием самооценки, ценностной ориентации и навыков межличностного взаимодействия. В условиях медиасреды, где визуальные образы, обратная

связь и алгоритмически подобранный контент играют ключевую роль в процессе социализации и формирования «Я» подростка, которое приобретает новые формы проявления.

Теоретические исследования идентичности, начатые Гофманом, Гидденсом и Бауманом, позволяют рассматривать личность как многослойную и рефлексивную структуру. И. Гоффман выделял социальную, личностную и идентификационную саморефлексию, подчеркивая баланс между индивидуализацией и принадлежностью [1]. Э. Гидденс рассматривал идентичность как конструируемую, хрупкую и постоянно рефлексивную структуру, нуждающуюся в непрерывной реконструкции в условиях модерности [2], а З. Бауман отмечал текучесть идентичности и неопределенность «Я» в условиях множества социальных контекстов [3].

Современные исследования цифровой идентичности расширяют эти концепции, подчеркивая влияние цифровых технологий на формирование перформативного и проектного «Я» [4], где подростки демонстрируют отдельные стороны своей личности и стратегически управляют образом, представленным в цифровом пространстве.

Вопросом влияния социальных сетей на общество, в целом, занимаются ведущие социологические центры России – такие, как Фонд общественного мнения (ФОМ) и Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Так, например, в ходе одного из исследований, проведенного ВЦИОМ, выяснилось, что молодежь все больше предпочитает виртуальное общение живому: (61% vs. 33%), особенно самые юные ее представители (69% vs. 24% в группе 18–24 лет) [5].

Цифровые технологии включают подростков в новую форму социализации, где онлайн-коммуникации, визуальные образы и реакции аудитории становятся значимыми элементами самоидентификации. Особое внимание уделяется роли социальных сетей и блогеров как новых агентов социализации. Они формируют ценностные ориентиры и поведенческие модели подростков, создавая платформу для визуальной самопрезентации, эмоциональной вовлеченности и обратной связи [6]. В связи с этим изучение влияния цифровых технологий на формирование личности подростков сегодня становится крайне важным и актуальным для социологии, психологии и медиакультуры в целом.

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе влияния цифровых технологий на формирование личности подростков

и разработке практических рекомендаций для создания безопасного и этичного медиаконтента.

В задачи исследования входили изучение теоретических подходов к цифровой идентичности и социализации, выявление особенностей восприятия цифровой среды подростками, исследование влияния блогеров и представляемых ими алгоритмов ценности и поведение подростков, а также разработка рекомендаций по безопасной коммуникации с подростковой аудиторией.

Выборочную совокупность составили учащиеся в возрасте 14–16 лет, обучающиеся в 7–9 классах общеобразовательных школ г. Орла РФ и г. Еревана РА. В анкетировании приняли участие 203 респондента. Выбранная возрастная группа соответствует периоду активного формирования самооценки и идентичности.

Полученные в ходе исследования данные могут претендовать на ограниченную репрезентативность для соответствующей возрастной группы в рамках рассматриваемых образовательных учреждений.

В ходе исследования было установлено, что все опрошенные подростки (100,0%) пользуются социальными сетями.

Респонденты из России указали «ВКонтакте» (33,3%), “Telegram” (25,5%), а также “TikTok” (22,2%) как наиболее популярные социальные сети для регистрации. Менее востребованные, по мнению опрошенных? это – “Instagram” (9,8%) и «Одноклассники» (9,2%).

В Армении наиболее часто используемой социальной сетью среди подростков является “Instagram” (25,5%). Далее следуют: “TikTok” (20,2%), “Facebook” (19,2%) и “Telegram” (18,7%). Социальную сеть “Snapchat” используют 16,4% опрошенных.

В ходе исследования было выявлено, что половина опрошенных школьников из России (51,2%) проводит в социальных сетях от двух до четырех часов (2–3 часа (26,7%) и 3–4 (24,5%), соответственно). Аналогичное распределение времени наблюдается и среди респондентов из Армении (2–3 часа (22,2%) и 3–4 часа (29,6%), соответственно).

Также респондентами были обозначены мотивы регистрации в социальных сетях. Так, большинство опрошенных из России назвали «Любопытство» (35,6%) и «Регистрация по совету друзей» (29,6%) в качестве основных причин использования социальных сетей. В Армении ос-

новными мотивами выступили «Общение» (37%) и стремление «Узнавать новости» (22,2%), что указывает на преобладание коммуникативной и информационной функций цифровых технологий.

Далее, в ходе исследования изучалась степень эмоционального переживания у опрошенных из обеих стран в социальных сетях. Результаты представлены на Рис.1.

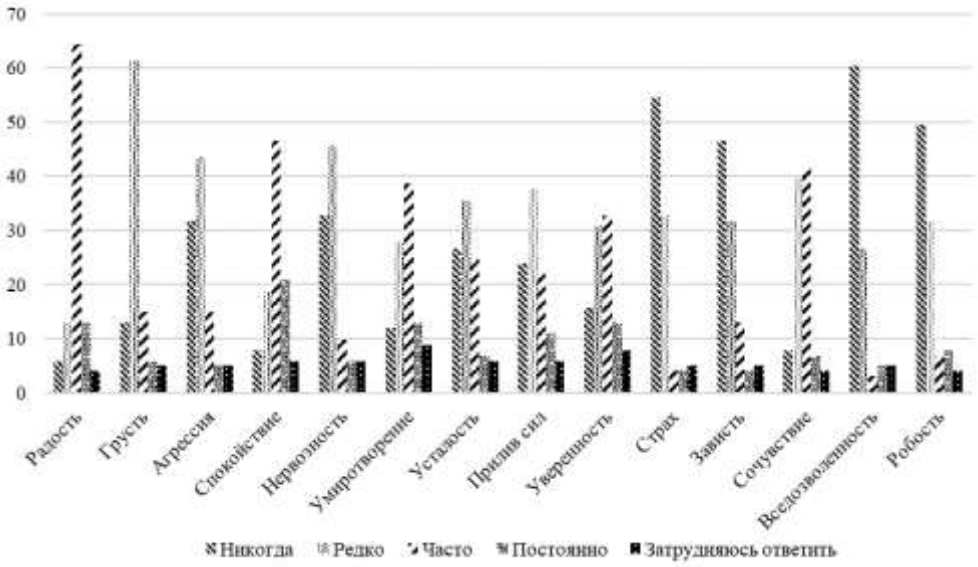


Рисунок 1. Степень эмоционального переживания у опрошенных в социальных сетях.

Анализ данных, представленных на Рис. 1, позволяет сделать вывод о том, что чаще всего респонденты испытывают положительные эмоции во время использования социальных сетей, в основном это – радость (64,4%), спокойствие (46,5%), умиротворение (38,6%), уверенность (32,7%) и сочувствие (41,6%). Довольно редко переживают грусть (61,4%), агрессию (43,6%), нервозность (45,5%), усталость (35,6%), прилив сил (37,6%). Никогда не испытывают такие эмоции, как: страх (54,5%), зависть (46,5%), вседозволенность (60,4%) и робость (49,5%).

Также было выявлено, совпадает ли круг общения в социальных сетях с реальным. Результаты исследования показывают, что почти 60% опрошенных утверждают, что совпадает. Лишь 37,6% отметили, что частично. У большинства респондентов (22,8%) количество друзей в социальных сетях составляет 50–99 человек. Однако у 7% опрошенных их

насчитывается от 300–499 человек. Примечательно, что почти половина респондентов (49,5%) имеет в друзьях пользователей, с которыми знакомы лично. Среди тех, кто имеет доступ к просмотру информации на личных страницах в социальных сетях, преобладают те, кто добавлен в «Друзья» (43,6%). И лишь у 6% доступ имеют только те, кого респонденты знают лично.

В связи с возможными временными ограничениями доступа к социальным сетям респондентам был задан вопрос: *«Не имея возможности выйти в социальную сеть, чаще всего Вы испытываете...?».* Подавляющее большинство подростков отметили, что на подобное они реагируют достаточно спокойно и занимаются другим делом (56,4%). Почти 16% испытывают скуку. Некоторые пытаются выяснить, с чем это может быть связано (9,9%), и ищут другой способ входа (9,9%). Менее 6% респондентов отметили, что испытывают раздражение.

На вопрос: *«Будете ли Вы пользоваться социальными сетями, если они станут платными?»* были получены следующие результаты, представленные на Рис. 2.

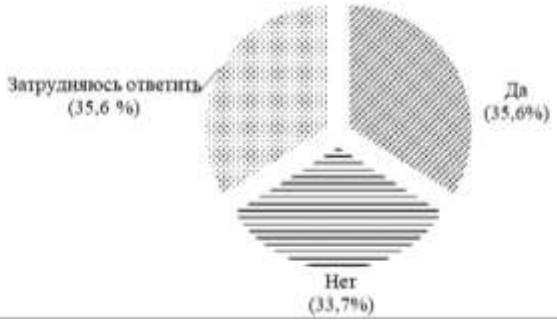


Рисунок 2. Использование социальных сетей в случае их монетизации.

Анализ данных, представленных на Рис. 2, показывает отсутствие однозначной позиции у подростков по данному вопросу. Ответы респондентов распределились практически равномерно. Можно сделать вывод о том, что в случае введения платы за использование социальных сетей подростки сократят их количество, отдавая предпочтение одной наиболее значимой платформе.

Дополнительным подтверждением глубокой интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь подростков является использование социальных сетей во время учебных занятий. Так, 61,4% опрошенных признались, что заходят в социальные сети во время уроков. Более половины респондентов (53,5%) не готовы отказаться от использования социальных сетей, около одной трети – готовы сделать это лишь за вознаграждение, и лишь 14% школьников заявили о готовности полностью отказаться от социальных сетей.

В ходе исследования были заданы вопросы, касающиеся плюсов и минусов социальных сетей. Так, преимущественное большинство отметило, что одним из главных плюсов социальных сетей является использование их для общения, в целом, и на расстоянии (36%). Среди плюсов отмечали и простоту использования (13%), и возможность саморазвития (9%), наличие полезной информации (8%) и групп для общения по общим интересам, увлечениям, взглядам (8%). Лишь 6% опрошенных отметили, что социальные сети полезны для учебы. К минусам, по мнению большинства респондентов, относится зависимость (17,8%) и тот факт, что они отнимают много времени (19,7%). Только 10% отметили, что в социальных сетях много пропаганды и дезинформации. Среди минусов отметили такие варианты ответов, как: реклама и спам (5,9%), потеря навыков живого общения (5%), негативное влияние на здоровье (5%), ненадежность хранения персональных данных (5%), а также, что социальные сети вызывают зависть к другим людям. 8,9% респондентов отметили, что минусы отсутствуют.

Кроме того, была проведена корреляция отдельных вопросов с полом, возрастом и классом обучения респондентов. Так, например, вопрос: *«Зарегистрированы ли Вы в социальных сетях под своим именем?»* в зависимости от пола респондента. Полученные результаты представлены в Табл. 3.

Исходя из данных, представленных в Табл. 3, можно сделать вывод о том, что больше всего зарегистрированы в социальных сетях под настоящим именем респонденты женского пола (84,4%), а мужского – 78,4%. Среди тех, кто использует псевдоним, в равных частях можно выделить как опрошенных мужского пола (13,5%), так и женского (12,5%).

Таблица 3. Регистрация в социальных сетях под настоящим именем в зависимости от пола.

Регистрация в социальных сетях под настоящим именем	**Пол респондента**	
	мужской	**женский**
Да	78,4	84,4
Нет	13,5	12,5
Затрудняюсь ответить	8,1	3,1
Итого:	100,0	100,0

Далее был рассмотрен вопрос: *«Сколько часов в день Вы проводите в социальных сетях?»* в зависимости от класса обучения респондентов. Данные отображены в Табл. 4.

Таблица 4. Частота времяпровождения в социальных сетях в зависимости от класса обучения респондентов.

Частота времяпровождения в социальных сетях	**Класс обучения**		
	7 класс	8 класс	9 класс
1–2 часа	15,8	13,3	7,7
2–3 часа	36,8	23,3	25,0
3–4 часа	26,3	26,7	23,1
4–5 часов	10,5	16,7	13,5
5–6 часов	–	6,7	19,2
Более 6 часов	10,5	13,3	11,5
Итого:	100	100	100

Как видно из данных, представленных выше, в среднем, ученики с 7 по 9 классы проводят в социальных сетях от двух до четырех часов в день. Стоит обратить внимание на тот факт, что среди тех, кто пользуется социальными сетями более 6 часов, преобладают ученики 8 класса (13,3%), а среди тех, кто использует 5–6 часов, ученики 9 класса (19,2%).

Полученные результаты позволяют выявить устойчивые тенденции в восприятии и использовании цифровых технологий подростками и могут быть использованы для аналитических обобщений в рамках изучаемой возрастной группы.

Интервью с 12 участниками из России и Армении позволило глубже изучить, как подростки используют социальные сети “TikTok” и “Instagram” и воспринимают свое цифровое поведение.

В России “TikTok” рассматривается преимущественно как платформа для юмора и развлечений: участники отмечают, что здесь меньше тревожности по поводу внешности, однако наблюдается высокая зависимость от персонализированного и алгоритмически формируемого контента. “Instagram” воспринимается подростками как среда давления стандартами и социального сравнения, что снижает активность пользователей. Так, одна участница отметила, что “Instagram” давит стандартами красоты, «поэтому я почти не пользуюсь им».

В Армении “Instagram” ассоциируется с самопрезентацией и социальной оценкой: девушки часто удаляют фотографии при низком количестве социального одобрения в виде лайков, испытывая при этом тревожность и неуверенность. “TikTok” у армянской аудитории используется в основном для развлечения и расслабления, а время на платформе пролетает незаметно.

Эмоциональные реакции участников также различаются. “Instagram” чаще вызывает тревожность и чувство социального сравнения, тогда как “TikTok” ассоциируется с радостью, отвлеченностью и развлечением. Влияние лайков и подписчиков на настроение сильнее выражено у пользователей социальной сети “Instagram”.

Подводя итоги, можно констатировать следующий факт, что цифровые технологии и социальные сети оказывают значимое влияние на формирование личности подростков в возрасте 14–16 лет. Цифровая среда становится ключевой платформой для самопрезентации, получения социальной оценки и конструирования цифровой идентичности. Подростки демонстрируют множественный характер «Я», адаптируя свое поведение и контент под разные платформы: “TikTok” позволяет выражать развлекательную и легкую сторону личности, тогда как “Instagram” требует более строгого контроля над самопрезентацией и соответствия социальным ожиданиям.

Результаты исследования показали, что большинство подростков проводят в социальных сетях 2–4 часа в день, активно взаимодействуют с друзьями, получают эмоциональное удовольствие от общения и вовлечения в цифровую среду. Однако выявлены и потенциальные риски: зависимость от виртуального одобрения, снижение критического мышления, повышенная тревожность при сравнении себя с другими и влияние

алгоритмически подобранного контента на формирование интересов и ценностей.

Интервью с участниками из России и Армении подтвердили эти тенденции и продемонстрировали межкультурные различия: российские подростки воспринимают “TikTok” как развлечение и юмор, испытывая меньше тревожности по поводу внешности, тогда как “Instagram” ассоциируется с давлением стандартов. Армянские подростки сильнее чувствуют влияние лайков и социального одобрения в “Instagram”, особенно девушки, что вызывает тревожность и неуверенность.

Таким образом, подростки стратегически конструируют цифровое «Я», подбирая контент и поведение в зависимости от реакции аудитории, что подтверждает концепцию «перформативного Я» И. Гоффмана. Эти данные подчеркивают необходимость развития цифровой грамотности, формирования навыков критического восприятия информации и управления собственным онлайн-образом.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для разработки этичного медиаконтента, образовательных программ в школах и рекомендаций для родителей, направленных на поддержание устойчивого личностного развития подростков в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2000, 606с.
2. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: “Polity Press”, 1991.
3. *Бауман З.* От паломника к туристу // «Социологический журнал», № 4, 1995. СС. 133–154.
4. *Кадырова С.В., Немцева Е.А., Тульчинский Г.Л.* Селфменеджмент. СПб.: «Питер», 2013.
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи [Эл. ресурс]:URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi.
6. *Вартанова Е.Л.* Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Факультет журналистики МГУ; Изд-во Московского университета, 2019, 224с.

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF ADOLESCENT PERSONALITY FORMATION

***A. Avetisyan*[1], *A. Ovsepyan*[2]**
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the impact of digital technologies on the process of adolescent personality formation within the contemporary media environment. The role of social networks is analyzed as a primary platform for self-presentation, social evaluation, and the construction of adolescents' digital identity. The theoretical framework of the study is based on the concepts of identity developed by E. Goffman, A. Giddens, and Z. Bauman, as well as contemporary approaches to the study of the digital self.

The findings indicate that social networks constitute an integral part of adolescents' everyday lives and exert a significant influence on their emotional well-being, self-constraction, and behavioral patterns. Potential risks of digital socialization are identified, including dependence on social approval, algorithmic influence, and social comparison, along with the performative nature of adolescents' digital identity. These findings underscore the necessity of developing digital literacy and adopting an ethical approach to the creation of media content targeted at adolescent audiences.

Keywords: digital technologies, digital identity, adolescents, social networks, self-construction.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-762-765

ФАСТ-ФЕШЕН – МИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ, НАНОСЯЩАЯ ВРЕД ЭКОЛОГИИ

М.С. Фокина

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Кафедры философии и социологии
г. Санкт-Петербург
r79119441540@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается феномен «Фаст-фешен» (быстрая мода) в качестве угрозы для экологической среды планеты. Указывается, каким образом загрязняется природа Земли, как образуются свалки. В статье мотивируется призыв как к отдельному человеку, так и к крупных производствам к осознанному потреблению и пересмотру взглядов на моду и тренды, которые ведут к переизбытку товаров. Также приводятся конкретные примеры того, как бренды и масс-маркет переходят на экологичное изготовление своей продукции и как в России можно сдать поношенную одежду в определенные пункты-сдачи, тем самым сделав вклад в сохранение благосостояния флоры и фауны.
Ключевые слова: фаст-фешен, быстрая мода, экология, одежда, вещи.

Введение

Фаст-фешен (мгновенная мода) – концепция так называемого «молниеносного» изготовления и продажи одежды, направленная на массового потребителя. Это – бизнес-модель, при которой производитель быстро копирует мировые тренды и предлагает их по низким ценам. В современном мире мода – мощный инструмент, управляющий людьми. Человек желает показать свой статус или принадлежность к какой-либо группе или классу за счет трендовых «завирусившихся» вещей, сошедших с подиумов или показанных в соцсетях.

Проблема фаст-фешен состоит в том, что данное направление наносит вред экологии. Быстро меняющаяся мода делает предыдущие линейки одежды неактуальными, из-за чего происходит перепроизводство товаров, для которых расходуются ценные ресурсы планеты. В результате фаст-фешен быстрее исчерпываются запасы Земли и загрязняется окружающая среда. Также становятся непригодными для жизнедеятельности (ловля

рыбы, питье) реки, куда сбрасываются ядохимикаты, использующиеся для покраски тканей в текстильной промышленности, образуются свалки. Вещи из полиэстера и нейлона являются небиоразлагаемыми, выделяют микропластик в процессе стирки, что также негативно влияет на состояние окружающей среды, а ради добычи ценного меха или кожи для пальто, плащей и сумок убивают животных. В эпоху глобализации проблема быстрой моды подходит под острые темы мировых обсуждений, поэтому и набирает свою актуальность.

Методы

Для того чтобы проанализировать влияние тенденции фаст-фешен на экологию в современном мире, в статье применяются следующие методы: анализ существующих исследований об экологических проблемах, вызванных производством одежды, а также синтез изученных теоретических материалов.

Результаты

В мире существует так называемый «феномен Zara» – направление, придуманное брендом “Zara”, заключающееся в адаптации к мировым трендам и выпуске коллекций в сжатые сроки (от шести недель). Концепция бренда позволяет покупателям, на которых направлено данное производство, первыми быть носителями новой модной одежды. Для производителя важно учитывать то, что происходит на показах мод по телевизору или демонстрируется в онлайн-пространстве, так как это является их «зацепкой» за потенциального покупателя. Феномен “Zara” отлично показывает то, что происходит в мире брендов и предметов одежды, и как оставаться на рынке труда, преодолевая конкуренцию.

Современный покупатель должен осознанно относиться к феномену моды в целом. Ему необходимо понимать, что на смену одному тренду в кратчайшие сроки придет другой, и его сегодняшнее приобретение обесценится. Рациональность в этом вопросе побудит ответственное отношение к природе и окружающей среде, обеспечит ограничение перепроизводства товаров. Индустрия моды и производства одежды тоже должна быть ответственна за взаимодействие промышленности и экологии. В целом, и каждый человек отдельно, и крупные корпорации должны пересмотреть свой взгляд на фабрикацию товаров и их потребление.

Экологическая проблема загрязнения планеты предметами в XXI веке, которые быстро становятся ненужными, – ответственность каждого индивида. На данный момент существуют крупномасштабные «модные свалки», одна из них находится в чилийской пустыне Атакама. Там складируется около 60 тысяч тонн неутилизированной и нераспроданной одежды. Согласно изданию “Business Insider”, 10% от общего объема глобальных выбросов углерода составляет именно модное производство. После этого 85% всего текстиля отправляется на свалку. Результат – загрязнение и высушивание различных водоемов. Во избежание экологической катастрофы мы должны стремиться вырабатывать разумное отношение к моде, устраняя постепенно тенденцию фаст-фешен, которая в дальнейшем может привести к непоправимым последствиям – таким, как, например, отсутствие чистой питьевой воды.

Обсуждение результатов

Нужно упомянуть, что как некоторые премиальные бренды, так и отдельные представители масс-маркета, вырабатывают экологичные концепции производства и переработки своей продукции. К примеру, “H&M” и “Zara” выпустили линейки одежды (“Conscious Collection” и “Join life”), изготовленной из более экологичных материалов: органического хлопка и переработанного полиэстера. У бренда одежды из Японии “Uniqlo” в 2020 году на сайте была опубликована информация о сборе старых пуховиков их фирмы для переработки пуха и дальнейшем выпуске новых коллекций из преобразованных тканей.

В России существуют специальные пункты приема одежды бывшего употребления, которая позже отправляется на благотворительность малоимущим людям или в секонд-хенды, где она распродается по низким ценам. Одним из ярких примеров является социальный магазин «Спасибо!» в Санкт-Петербурге. В каждом из этих магазинов, а также и в определенных местах за их пределами, расположены благотворительные контейнеры, куда любой желающий может сдать ненужные вещи. Сама торговая точка является секонд-хендом, где можно найти недорогие и, при этом, качественные товары.

В заключение надо отметить, что направление «мгновенной моды» является показателем желания быстрого удовлетворения потребностей

людей. Человек, думающий о целесообразности подходов к трендам и приобретению новой одежды, может помочь решить глобальные проблемы нашего мира. Подходить к этому нужно ответственно и начинать «с самого себя», не опираясь на действия и мнение других. А ответственные корпорации, в свою очередь, также могут переходить к экологичному производству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *McFall-Johnsen M*. The fashion industry emits more carbon than international flights and maritime shipping combined. Here are the biggest ways it impacts the planet // Business Insider. 2019. URL: https://www.businessinsider.com/fast-fashion-environmental-impact-pollution-emissions-waste-water-2019-10 (дата обращения: 17.10.2025).
2. *Баркалова В.* Как модная индустрия влияет на экологию? // Независимое онлайн-издание о моде, современной культуре, красоте, карьере и образе жизни “The Blueprint”, 2019. URL: https://theblueprint.ru/fashion/industry/moda-i-ecologiya. (дата обращения: 16.10.2025).
3. *Венжега К.Р.* SCIAM: круговая экономика может изменить текстильную индустрию. // «Известия» – новости политики, экономики, спорта, культуры, 2025. URL: https://iz.ru/export/google/amp/1956120 (дата обращения: 16.10.2025).
4. Индустрия моды наносит ущерб экологии. // «Коммерсантъ», 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8010180. (дата обращения: 16.10.2025).
5. *Шестакова Я.А*. Экология: реальная цена индустрии быстрой моды. // «Вестник науки», 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-realnaya-tsena-industrii-bystroy-mody (дата обращения: 16.10.2025).

FAST-FASHION AS A GLOBAL TREND THAT IS HARMFUL TO THE ENVIRONMENT

M. Fokina

Department of Philosophy and Sociology Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg

ABSTRACT

This article examines the phenomenon of “Fast-Fashion” as a threat to the planet's ecological environment. It highlights the ways in which the Earth's nature is being polluted and the formation of landfills. The article encourages both individuals and large-scale industries to adopt a conscious approach to consumption and reconsider their views on fashion and trends that lead to overproduction. It also provides specific examples of how brands and the mass market are transitioning to eco-friendly production methods and how individuals in Russia can recycle their clothing, contributing to the preservation of the planet's flora and fauna.

Keywords: fast-fashion, fast-paced fashion, ecology, clothing, items.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-766-772

ИНТЕГРАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ БРЕНДИНГЕ

А.А. Шакуров

ФГАОУ ВО СПбПУ, Санкт-Петербург
shakurov_aa@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается стратегическая интеграция рациональных и эмоциональных компонентов как ключевой фактор успеха в современном брендинге. Анализируются теоретические основы, практические инструменты и актуальные тренды 2023–2025гг., включая гиперперсонализацию, ценностно-ориентированный маркетинг и Искусственный интеллект. На примерах российских и международных кейсов демонстрируется эффективность синтеза двух подходов для формирования устойчивой лояльности и конкурентного преимущества. Результаты представляют практическую ценность для бренд-менеджеров и маркетологов.

Ключевые слова: позиционирование бренда, эмоциональный брендинг, рациональные преимущества, интеграция стратегий, потребительская лояльность, гиперперсонализация, современные тренды маркетинга.

Введение

Современный рынок характеризуется беспрецедентной насыщенностью и конкуренцией, где потребители ежедневно сталкиваются с тысячами рекламных сообщений. В этих условиях классическая дихотомия между рациональным и эмоциональным позиционированием уступает место комплексным стратегиям их интеграции. Если рациональное позиционирование апеллирует к логике и функциональным выгодам (цена, качество, характеристики), то эмоциональное обращается к чувствам, ценностям и ассоциациям.

Актуальность темы обусловлена изменением поведения потребителей: согласно исследованиям, до 64% из них формируют долгосрочные отношения с брендами, разделяющими их ценности, а решения о покупке в значительной степени принимаются на подсознательном, эмоциональном уровне. Таким образом, успешный бренд сегодня – это

не просто носитель утилитарных преимуществ, а целостная система, которая через интеграцию рационального и эмоционального предлагает потребителю не продукт, а решение проблем, идентичность и опыт.

Цель исследования – выявить эффективные механизмы интеграции рационального и эмоционального позиционирования и разработать модель их применения в условиях рынка 2025г.

Задачи исследования:

1. Провести анализ теоретических основ рационального и эмоционального позиционирования бренда.
2. Определить ключевые тренды 2023–2025гг., влияющие на стратегии интеграции (гиперперсонализация, ценностно-ориентированный маркетинг, Искусственный интеллект).
3. Выявить и систематизировать практические инструменты и стратегии интеграции на основе анализа российских и международных кейсов.

Материал и методы

Теоретической базой исследования послужили работы ведущих специалистов в области бренд-менеджмента и маркетинга. Методология включает сравнительный анализ, изучение и обобщение успешных кейсов, а также синтез теоретических и эмпирических данных для построения комплексной модели.

Рациональная составляющая бренда формирует основу доверия и оправдывает покупку. К ней относятся объективные параметры: функциональность, надежность, цена, эффективность. Например, Bosch позиционирует себя через «безупречное немецкое качество и долговечность техники», а Spotify – через «100+ млн треков и персональные рекомендации». Это «фундамент» бренда, без которого даже самая сильная эмоциональная кампания не будет устойчивой.

Эмоциональная составляющая создает глубокую связь и лояльность. Она отвечает за чувства, которые вызывает бренд: радость, доверие, принадлежность, уверенность в себе [1]. Nike через слоган “Just Do It” апеллирует к мотивации и стремлению к достижениям, а Coca-Cola прочно ассоциируется с счастьем и праздником. Эмоции являются ключевым дифференциатором на конкурентных рынках.

Синергетический эффект возникает, когда рациональные и эмоциональные компоненты не просто сосуществуют, а усиливают друг друга, создавая целостный и убедительный образ бренда в сознании потребителя [2].

Таблица 1. Взаимодействие рациональных и эмоциональных компонентов в брендинге [3].

Бренд	**Рациональное преимущество**	**Эмоциональное преимущество**	**Результат интеграции**
Apple	Инновационные технологии, бесшовная экосистема устройств	Чувство исключительности, принадлежности к сообществу креативных людей	Восприятие продукта как высокофункционального артефакта, повышающего статус владельца
Volvo	Технологии безопасности, надежность	Спокойствие, забота о семье, чувство защищенности	Бренд-гарантия безопасности, где технология подкрепляет эмоциональное обещание
«Самокат»	Цены ниже рыночных, скорость доставки	Удовольствие от удобства, чувство «рационального выигрыша»	Восприятие сервиса как умного и выгодного решения для повседневной жизни

Современные стратегии интеграции

В настоящее время интеграция рационального и эмоционального достигается за счет нескольких ключевых стратегий, опирающихся на аналитические данные и цифровые технологии.

1. Гиперперсонализация на основе данных.

Современная персонализация вышла за рамки простого упоминания имени в рассылке. Речь идет о сверхточной настройке коммуникаций на основе паттернов поведения, контекста и ценностей каждого

пользователя. Ярким примером является отказ от бессмысленных рассылок (например, предложение мороженого потребителю с непереносимостью лактозы) и переход к релевантному диалогу. Бренды, такие, как Wildberries, используют ИИ-алгоритмы для сегментации пользователей и демонстрируют рост CTR рекомендаций на 55%. Это позволяет одновременно демонстрировать рациональное преимущество («Мы знаем ваши потребности») и создавать эмоцию признательности («Меня понимают») [4].

2. Ситуативный маркетинг и аутентичный сторителлинг.

Способность бренда быстро и креативно реагировать на актуальные инфоповоды и повседневные ситуации потребителя становится мощным инструментом интеграции. Успешные кампании, подобные акции «О'КЕЙ» в поддержку рекорда Александра Овечкина («Грецкие орехи – все!»), работают именно на стыке рационального (привязка к конкретному продукту) и эмоционального (юмор, разделение общенациональной радости). Сторителлинг, в свою очередь, трансформирует сухие рациональные преимущества в увлекательные нарративы. Как показывают исследования, кампании, основанные на сторителлинге, демонстрируют до 30% более высокую конверсию, так как истории стимулируют выброс дофамина и лучше запоминаются [5].

3. Построение комьюнити и ценностно-ориентированный маркетинг.

Стратегия, при которой бренд объединяет потребителей вокруг общих ценностей, идеально интегрирует рациональное и эмоциональное. Потребитель получает не просто продукт (рациональная выгода), а чувство принадлежности к группе, разделяющей его взгляды (эмоциональная выгода). Исследования подтверждают, что 76% клиентов с большей вероятностью выберут бренд, к которому чувствуют связь. Такие бренды, как Patagonia, построили сильную лояльность вокруг ценности защиты окружающей среды, подкрепляя это рациональным преимуществом – высококачественной и функциональной одеждой. В 2025г. аутентичность и прозрачность становятся критически важными: потребители остро чувствуют фальшь и ожидают от брендов честности в коммуникациях и действиях [6].

Анализ актуальных трендов и кейсов

Анализ рыночной практики подтверждает эффективность интегрированного подхода. Рассмотрим современные тренды и конкретные примеры.

- Российский e-grocery: «Самокат». На насыщенном рынке конкуренции данный сервис переосмыслил свою роль, сместив фокус с цены и скорости на эмоции и впечатления. Команда перешла от стандартного сегментирования к психотипам, создавая персонализированные сценарии геймификации. Это позволило сочетать рациональное преимущество (выгода) с эмоциональным (удовольствие от игры, чувство заботы о пользователе).
- Федеральные сети: «О'КЕЙ» и Wildberries. Эти бренды демонстрируют силу локализации и тонкого юмора как инструментов интеграции. Локальные активации «О'КЕЙ» в Санкт-Петербурге с использованием образа корюшки или вирусная кампания Wildberries «Дима, оплати ей корзину» работают потому, что соединяют рациональное УТП (продукт, сервис) с эмоциональным резонансом от узнавания локального культурного кода или иронии над социальным трендом.
- Глобальный тренд: Заботливый маркетинг (Caring Marketing). Это стратегия, в которой бренд позиционирует себя не как продавца, а как помощника, заботящегося о благополучии клиента. Рациональная выгода отступает на второй план, уступая место эмоциональной связи, основанной на доверии и заботе. Т-Банк, инвестируя в сервис «Т-возврат» (мгновенная компенсация ошибочных списаний), демонстрирует, что в долгосрочной перспективе такие «инвестиции в отношения» окупаются высочайшей лояльностью, даже без агрессивных рекламных кампаний.

Интеграция рационального и эмоционального позиционирования перестала быть опцией и стала необходимостью для брендов, стремящихся к устойчивому лидерству на рынке 2025 года. Рациональная составляющая обеспечивает доверие и обоснованность выбора, в то время как эмоциональная – создает непреходящую лояльность и превращает потребителей в адвокатов бренда [7].

Ключ к успешной интеграции лежит в отказе от их противопоставления в пользу синергии, достигаемой с помощью гиперперсонализации, аутентичного сторителлинга, ситуативного реагирования и построения комьюнити. Бренды-лидеры будущего – это те, кто способен через технологичные и data-ориентированные инструменты выстраивать с потребителем человеческие, эмоционально насыщенные отношения, постоянно подкрепляя их реальной рациональной ценностью. Практическая значимость работы заключается в предложенной модели интеграции, которая может быть адаптирована бренд-менеджерами для построения долгосрочных и прибыльных отношений с целевой аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абубакаров М.В.* Эмоциональный брендинг: как формируется лояльность и привязанность клиентов / М.В. Абубакаров, Р.А. Ялмаев, Х.У. Мидаева // «Экономика и управление: проблемы, решения», № 5 (158), 2025. Т. 7. СС. 177–185.
2. *Пастревич Д.И.* Позиционирование бренда как основа успешной коммуникационной стратегии / Д.И. Пастревич // «Бизнес и дизайн ревю», № 3 (31), 2023. СС. 33–39.
3. *Прибыткова В.И.* Стратегии позиционирования в маркетинге на примере концерна «Volvo» / В.И. Прибыткова, С.А. Яценко // «Молодежный вестник ИрГТУ». Т. 13, № 1, 2023. СС. 149–156.
4. *Виноградова К.Е.* Интеграция E-A-T-подхода в стратегию цифрового позиционирования бренда / К. Е. Виноградова, В. В. Горюкова // «Казанская наука», № 6, 2025. СС. 525–527.
5. *Мальцева В.С.* Тренды брендинга в системе маркетинговых коммуникаций / В. С. Мальцева, М.Э. Айгузина // «Экономика и бизнес: теория и практика», № 3 (121), 2025. СС. 188–193.
6. *Суворова Т. В.* Влияние эмоционального брендинга на управление продвижением личного бренда / Т.В. Суворова, М. В. Филипцов // «Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права», № 5 (108), 2024. СС. 155–163.
7. *Суворова Т.В.* Роль нетрадиционных рекламных носителей в эмоциональном брендинге и повышении ценности для клиента / Т.В. Суворова // «Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права», № 6 (109), 2024. СС. 220–229.

INTEGRATION OF RATIONAL AND EMOTIONAL POSITIONING IN MODERN BRANDING

A. Shakurov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg

ABSTRACT

The article examines the strategic integration of rational and emotional components as a key success factor in modern branding. It analyzes the theoretical

foundations, practical tools, and current trends for 2023-2025, including hyper-personalization, value-oriented marketing, and artificial intelligence. Using examples from Russian and international case studies, the effectiveness of synthesizing the two approaches for building lasting loyalty and competitive advantage is demonstrated. The results are of practical value for brand managers and marketers.
Keywords: brand positioning, emotional branding, rational benefits, strategy integration, customer loyalty, hyper-personalization, modern marketing trends.

ЛИНГВИСТИКА

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-773-779

DIE KATEGORIE “AUTOR” IN DER TEXTSORTE “STELLENANZEIGE” AUS SPRACHPRAGMATISCHER SICHT

H. Ghazaryan

Russisch-Armenische Universität
Institut für Philologie und Interkulturelle Kommunikation
hasmikghazaryan2003@yahoo.de

ABSTRACT

Das Ziel des Beitrags ist es die Methodologie der linguistischen Untersuchung der Kategorie Autor für die Stellenanzeigen anwendbar zu machen und zu untersuchen, wie die Kategorie “Autor” aus sprachpragmatischer Perspektive in den Stellenanzeigen realisiert wird. Das Ziel des Beitrags besteht darin, die Kategorie des Autors in den Stellenanzeigen hervorzuheben und näher zu bestimmen. Um dieses Ziel zu erreichen, beziehen wir auf die Definitionen des deutschen Linguisten Andreas Gardt.
Schlüsselwörter: die Kategorie “Autor”, Textsorte “Stellenanzeige”, sprachpragmatische Besonderheiten, kommunikativer Aspekt.

1. Einleitung

Der Beitrag zielt darauf ab, die Kategorie “Autor” in den Stellenanzeigen hervorzuheben und den besonderen Status des Autors näher zu bestimmen. Für die Untersuchung wurden die Stellenanzeigen der Frankfurter Allgemeinen Zeitung ausgewählt, da die Stellenanzeigen dort, sich vorrangig an höherqualifizierte Arbeitsuchende richten und kreativ gestaltet sind. In sprachpragmatischen Darlegungen spielt die Kategorie des Autors eine besondere Rolle. Deutscher Germanist und Sprachwissenschaftler Andreas Gardt (2007) betont: “Eine besondere Rolle spielt gerade in sprachwissenschaftlichen Darlegungen zur Textanalyse der Autor eines Textes. Der pragmatische Sprachbegriff sieht Texte als kommunikative Handlungen, die von einem Verfasser auf (einen) Rezipienten gerichtet sind”.

Wenn wir die sprachpragmatischen Besonderheiten im Stellenanzeigetext betrachten wollen, müssen wir kommunikativen Aspekt erfassen, der für die Kategorie „ Autor“ wesentlich ist. Für die Arbeit wurden wissenschaftliche Methoden der Interpretation und Klassifikation verwendet. Die Stellenanzeigen wurden kontextuell, intertextuell in Bezug auf Pragmalinguistik untersucht.

Laut moderner Texttheorien liegen die Bedeutungen, die wir aus dem Text erschließen können nicht im Text, sondern werden vom Rezipienten gebildet. Wenn wir von diesen Behauptungen ausgehen, dann dienen die sprachpragmatischen Besonderheiten als kognitive Impulse der Sinnbildung durch Rezipienten. “Tatsächlich aber ist eine Identifizierung von Autorintention und Textbedeutung unzulässig. Auch wenn sie sich bei Gebrauchstexten oft als unproblematisch erweist, greift sie bei Texten, die das semantische Potential von Sprache in anderem Maße ausreizen, zu kurz.”

Die pragmatische Analyse von Stellenanzeigen soll den Zusammenhang zwischen sprachlichen Formen und gesellschaftlichen und kulturellen Bedingungen thematisieren. Es muss aber darauf hingewiesen werden, dass die Anzeigen in einem gesamtgesellschaftlichen Kontext gesehen werden müssen. Die einzelnen Textteile der Anzeigen sollen auf sprachpragmatische Besonderheiten untersucht werden. Ein intertextueller Verweis kann formal oder inhaltlich markiert sein, wobei die inhaltlichen Markierungen wirkungsbezogen sein müssen. Z.B., wenn der Wortschatz wenig gebräuchlich ist, kann die Anzeige auffällig sein. Dabei genügt es nicht, Stellenanzeigen als Textsorte unter inhaltlichen, sprachlichen und strukturellen Gesichtspunkten zu betrachten. Sie müssen vielmehr in einem Kommunikationszusammenhang gesehen und verstanden werden, denn sie sind in die unmittelbare Kommunikationssituation und in die gesellschaftliche Gesamtsituation eingebettet.

Bei der Analyse der Stellenanzeigen fällt auf, dass auf der Textebene werden Idiome, Sprichwörter, geflügelte Worte in die Stellenanzeigen integriert. Diese kulturellen Textbausteine werden selten in der originellen Form zitiert, sondern an den Zweck des Stellenangebots und an den thematischen Kontext angepasst.

2. Hauptteil

Aspekt der Kommunikation bezieht sich darauf, wie bewusst, die Beziehung der Produzent und Rezipient wird. Da der Autor (Textproduzent) die Anzeigen auf bestimmte Wirkung hin gestaltet, kann man davon ausgehen,

dass sprachpragmatische Elemente in Stellenanzeigen vom Autor ganz bewusst eingesetzt werden um bei den Bewerbern Interesse und Aufmerksamkeit zu wecken.

Außerdem charakterisieren wir diese Textsorte in Bezug auf die beeinflussenden Interaktionsbeziehungen zwischen Autor (Textproduzent) und Arbeitssuchenden (Textrezipient), den Kommunikationsgegenstand und den Grad der Kommunikation (Textexterna). Die textexterne Ebene in den Stellenanzeigen, auf der sich realer Autor und realer Arbeitssuchender bewegen, zeichnet sich dadurch aus, dass zeitliche wie räumliche Koordinaten nicht zusammenstimmen. Wir analysieren Stellenanzeigen außerdem als organisierte sprachliche Strukturen (Textinterna). Textinterne Ebene lässt die beiden Akteuren der Kommunikation zusammenführen. Im Rahmen einer pragmatisch orientierten textsemantischen Analyse werden potentiell sämtliche Komponenten eines Textes in den Blick genommen. Die textinternen und textexternen Faktoren werden berücksichtigt, wie deren kommunikatives Zusammenwirken. Pragmatisch orientierte textsemantische Analyse nimmt folgende Textkomponente in den Blick:

2.1. Kommunikativ-pragmatischer Rahmen des Stellenanzeigetextes

a. Autor (Textproduzent/Arbeitgeber/Adressant/Verfasser/Unternehmen)
b. Arbeitssuchende (Adressat / Bewerber/Rezipient/Leser)
c. Situation (Stellengesuch/Arbeitgeber/Arbeitnehmer)

2.2. Textuelle Mikrostruktur

a. Schrifttypen, -größen, Hervorhebungen (Fettsatz) etc.
b. Wortbildungen, Lexik u. Phraseologismen
c. Themen/Teilthemen im Text
d. Sprachzeichen des Kotextes (Intratextualität), Sprachzeichen des Autors oder (Intertextualität)
e. Argumentationsformen; Syntax, Semantik, Pragmatik; argumentative Schlüssigkeit der Darstellung; z. B. stringente Argumentation vs. Assoziative, Verknüpfung der Einzelaussagen.

Das Anforderungsprofil und die Aufgabenbeschreibung in den Stellenanzeigen beziehen sich aufeinander. Stellenanzeigen wenden mit einer Schlagzeile an den Rezipienten bzw. Arbeitssuchenden: “Wir finden Ihren Weg”, “Der Experte an Ihrer Stelle”, “Menschen, die etwas bewegen-werden Teil unseres Erfolgs”, “Technisch versiert und Lust auf etwas Neues? Dann

komm zu uns! “und lenken die Aufmerksamkeit. Intertextuelle Verbindungen wie Bilder kommen in den aktuellen Stellenanzeigen sehr oft vor.

Die Kompetenzen in den Anzeigen kann man auch als inhaltliche Markierungen betrachtet werden. Die einfachste formale Markierung stellen Anführungszeichen, kursive Schrift, fett, Gänsefüßchen, Hervorhebungen. Titel und Motto als Formen intertextueller Verweise. Adresse und Kontaktperson können als inhaltliche Verweise in den Stellenanzeigen betrachtet werden. Intertextuelle Verweise erfüllen bestimmte Funktionen, die es in der Textinterpretation bzw. Stellenanzeigeanalyse herauszuarbeiten gilt.

2.3. Textuelle Makrostruktur

a. Textsorte und Handlungsformen; Inhaltsstruktur des Textes: Textthema, Themenentfaltung, z.B. deskriptiv, narrativ, argumentativ, appelativ etc.
b. Layout, Gliederung in Absätze, in bildliche und sprachliche Teile
c. Aufbau nach Textteilen: Einleitung – Hauptteil – Schluss etc.

Als textuelle Makrostruktur betrachten wir Inhaltsstruktur der Stellenanzeigetexte.

Die Inhaltsstruktur für Stellenangebote ist also folgende: Anrede bzw. Schlagzeile, Textteil (Präsentation des Unternehmens /Produzent, Angabe der betrieblichen Leistungen, Anforderungen an die Bewerber), Gruß (Aufforderung zur Bewerbung). Stellenanzeigen wenden mit einer Schlagzeile als Aufmerksamkeitslenker an den Rezipienten. Er macht deutlich, dass intertextuelle Verweise bestimmte Funktionen haben, die es in der Textinterpretation herauszuarbeiten gilt.

Wenn wir die lexikalisch-semantischen Beziehungen im Stellenanzeigetext betrachten wollen, müssen wir jene semantisch-syntaktischen Typen erfassen, die für den Textaufbau und die Entfaltung des Themas als Induktionsbasis des Textes wesentlich sind. Der Autor bzw. Textproduzent (das kommunizierende Subjekt) entwickelt das Thema des Anzeigetextes, indem er einem bestimmten Kommunikationsplan folgt und durch lexikalische Einheiten bestimmte systematische Beziehungen herstellt. Wenn wir davon ausgehen, dass die Stellenanzeigen die Bilder der Arbeitswelt entwerfen, die Entwicklungen wiederspiegeln, dann wird die Arbeitsweltwirklichkeit vom Autor (Unternehmen) gewertet und beschrieben. Das tiefe Eindringen in den Stellenanzeigetext, das Aufnehmen und Verarbeiten der Wertungen des Autors, sind Voraussetzungen für das eigene Werten des Rezipienten. Die beiden

Ebenen, um die es bei der Textinterpretation geht und die nicht nacheinander, sondern in enger Wechselbeziehung gesehen werden müssen, sind:

a) das konkrete Erfassen der vom Autor gewerteten Abbilder der Wirklichkeit
b) der produktiv-schöpferische Umgang des Rezipienten mit dieser Wirklichkeit, ihren Verhaltensweisen, Reflexionen und Aktionen.

3. Teilaspekte des Stellenanzeigetextes

3.1. Als ersten Teilaspekt des Stellenanzeigetextes betrachten wir Aufforderung des Autors zu einer Tätigkeit. „Bewerben Sie sich um diese Stelle."Klingt verlockend? Lass uns gern persönlich kennenlernen, denn DU als zukünftiger Teil des Teams bist uns wichtig." Der Leser wird aufgefordert aus seiner passiven Rolle herauszukommen und aktiv zu handeln, indem er sich auf die aufgeschriebene Stelle bewirbt.

3.2. Der zweite Teilaspekt interpretierenden Autors ist in der spezifisch wertenden Haltung des Rezipienten, seiner aktiven Auseinandersetzung mit den in der Stellenanzeige aufgelisteten, persönlichen und fachlichen Anforderungen, Wertvorstellungen, Einstellungen und Auffassungen zu sehen.

Persönliche Anforderungen: Kommunikationsfähigkeit, Durchsetzungsvermögen, Belastbarkeit, Einfühlungsvermögen etc.

Fachliche Anforderungen: Abgeschlossenes Studium, schriftliches Ausdrucksvermögen etc.

Wenn sich der Bewerber mit der vom Autor gewerteten Arbeitswirklichkeit auseinandersetzt, und, wenn sein individueller Erfahrungsbereich, sein Denken, seine Motivation angesprochen werden, setzt er sich selbst mit dem Anforderungsprofil des Unternehmens in Beziehung.

Bei der Untersuchung der sprachlichen Formen für die Aufforderung zu einer Handlung ist immer zu berücksichtigen: Welche sprachlichen Mechanismen werden in den Text für den Bewerber bzw. Arbeitssuchenden eingebaut? In welchem Verhältnis steht der Bewerber zum Autor? Und welche Konsequenzen hat dies schließlich für den realen Bewerber?

Der Stellenanzeigetext wird in der neueren deutschen Textsortenlinguistik als sprachliche Kommunikation behandelt, in der zwei Akteure beteiligt sind:

1. Autor (Arbeitgeber, Verfasser, das Unternehmen
2. Arbeitssuchende (Bewerber, Arbeitssuchende als Rezipient.

Das Anforderungsprofil der Stellenanzeige wird als Intention des Autors verstanden. Der Autor hat die Absicht die Bewerber zu motivieren, sich

um die ausgeschriebene Stelle zu bewerben. Die sprachpragmatischen Elemente in Stellenanzeigen werden vom Autor ganz bewusst eingesetzt um bei den Bewerbern Interesse und Aufmerksamkeit zu wecken. Aus diesem Grund verfügen die Stellenanzeigen über kommunikativ-pragmatischen Aspekt. Zusammenfassend lässt sich sagen, dass Kategorie "Autor" in den Stellenanzeigetexten anzuwenden ist. Die für unseren Untersuchungsgegenstand in Frage kommende Kategorie muss jedoch zu einem einheitlichen Analyseraster entwickelt werden.

LITERATUR

1. *Bachtin M.* Die Ästhetik des Wortes. Hrsg. v. Rainer Grübel. Aufl. Frankfurt am Main: "Suhrkamp", 1991 (= edition suhrkamp; Bd. 967).
2. *Bachtin M.* Zur Methodologie der Literaturwissenschaft. In: Bachtin 1991. SS. 349–357.
3. *Beaugrande R-A.; Dressler W-U.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
4. *Broich U. und Pfister M.* (Hg.) Intertextualität. Formen, Funktionen, anglisitsche Fallstudien // "Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft"; Band 35. Tübingen: "Niemeyer", 1985.
5. *Burger H.* Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3., völlig neu bearbeitete Aufl. Berlin/New York, "De Gruyter", 2005.
6. *Gansel Ch.* Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik: eine Einführung. 2., überarb. und erg. Aufl. Stuttgart: "Vandenhoeck & Ruprecht", 2007, 270s.
7. *Gardt A.* Diskursanalyse –Aktueller theoretischer Ort und methodische Möglichkeiten. In Ingo Warnke (Hrsg.), Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände. Berlin u. a.: "De Gruyter", 2007. SS. 28–52.
8. *Gardt A.* Textsemantik. Methoden der Bedeutungserschließung. In Jochen A. Bär & Marcus Müller (Hrsg.), Geschichte der Sprache und Sprache der Geschichte. Probleme und Perspektiven der historischen Sprachwissenschaft des Deutschen. Oskar Reichmann zum 75. Geburtstag. SS. 60–83. Berlin: "Akademie-Verl", 2012b.
9. *Gardt A.* Wort und Welt. Konstruktivismus und Realismus in der Sprachtheorie. In Ekkehard Felder & Andreas Gardt (Hrsg.), Wirklichkeit oder Konstruktion? Sprachtheoretische und interdisziplinäre Aspekte einer brisanten Alternative. Berlin, Boston: "De Gruyter", 2018. SS. 1–44.
10. *Klein W.* Die Geschichte der meteorologischen Kommunikation in Deutschland. Eine historische Fallstudie zur Entwicklung von Wissenschaftssprachen. Hildesheim, Zürich, New York: "Olms", 1999.
11. *Klug N.-M.* Das konfessionelle Flugblatt 1563–1580. Eine Studie zur historischen Semiotik und Textanalyse. Berlin, Boston: "De Gruyter", 2012.
12. *Knobloch C.* Überlegungen zur Theorie der Begriffsgeschichte aus sprach- und kommunikationswissenschaftlicher Sicht. In: "Archiv für Begriffsgeschichte". Band 35, 1992. SS. 7–24.

КАТЕГОРИЯ «АВТОР» В ТЕКСТАХ ОБЪЯВЛЕНИЙ О НАЙМЕ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

А.А. Казарян
Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации

АННОТАЦИЯ

В данной статье предпринята попытка применить методологию лингвистического исследования текстовой категории автора к объявлениям о найме. Целью статьи является анализ прагматических особенностей репрезентации категории автора в текстах объявлений о найме в соответствии с критериями введенными различными исследователями. Для достижения поставленной цели мы опираемся на концепцию немецкого лингвиста Андреаса Гардта.
Ключевые слова: категория автора, объявления о найме, лингвопрагматические особенности, коммуникативный аспект

CATEGORY OF "AUTHOR" IN THE TEXTS OF JOB ADVERTISEMENTS IN THE CONTEXT OF PRAGMATIC FEATURES

H. Ghazaryan
Russian-Armenian University
Institute of Philology and Intercultural Communication

ABSTRACT

The article attempts to apply the methodology of linguistic research of the text category of the author to job advertisements. The aim of the article is to analyze the pragmatic features of the representation of the author category in the texts of job advertisements in accordance with the criteria introduced by various researchers. To achieve this goal, we rely on the concept by German linguist Andreas Gardt.
Keywords: category of author, job advertisements, pragmatic features, communicative aspect.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-780-789

THE OBJECT AND SUBJECT OF POLITICAL LINGUISTICS AND POLITICAL LINGUOCULTUROLOGY: THEORETICAL DELINEATION AND METHODOLOGICAL IMPLICATIONS

N. Ghazaryan

Russian-Armenian University
nelly1717@yahoo.com

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the object and subject of political linguistics and political linguoculturology. It examines the theoretical and methodological foundations of these disciplines, as well as their interrelation and differences. Political linguistics studies political communication as a linguistic phenomenon and explores the structural, semantic, pragmatic, and rhetorical mechanisms through which political meaning is constructed. Political linguoculturology expands this analysis by incorporating cultural and conceptual dimensions, revealing the influence of historical memory, collective narratives, and symbolic systems on the interpretation of political discourse. Both disciplines are considered complementary: language shapes culture, while culture determines the semantic frameworks of language. The article also discusses methodological approaches, including discourse analysis, semantic and pragmatic analysis, conceptual analysis, and cultural-semiotic methods.
Keywords: political linguistics, political linguoculturology, political discourse, cultural concepts, language and power, semantics and pragmatics.

Language occupies a central position in political life, functioning not only as a medium of communication but also as an instrument for constructing political reality, legitimizing authority, shaping collective identities, and influencing public consciousness. Political processes are inseparable from linguistic expression, as power relations, ideological conflicts, and social transformations are articulated and negotiated through discourse. In response to this interdependence, political linguistics and political linguoculturology have emerged as interdisciplinary fields examining the interaction between language, politics, and culture. Despite their growing prominence, a fundamental theoretical issue persists: the precise definition of the object and subject of their study. The distinction between these categories is methodologically crucial, as it determines the scope, analytical focus, and research tools

of each discipline. While political linguistics traditionally concentrates on the structural and functional properties of political discourse, political linguoculturology expands the analytical perspective to include cultural and conceptual determinants of meaning.

This article aims to define the object and subject of political linguistics and political linguoculturology, analyze their theoretical foundations, and demonstrate how they complement one another.

By synthesizing contemporary research in discourse studies, cognitive linguistics, and cultural linguistics, the article proposes a systematic delineation of these fields within modern knowledge in the humanities.

A central difficulty in defining the scope of political linguistics lies in the complexity of the concept of politics itself. Politics cannot be reduced to institutional governance or administrative procedures; it represents a multidimensional social phenomenon encompassing power relations, ideological structures, collective values, and symbolic systems (Foucault, 1972; Fairclough, 1995).

From a linguistic perspective, politics may be conceptualized as a macroconcept – a complex cognitive formation integrating various sub-concepts such as authority, state, law, democracy, sovereignty, and freedom. These concepts are embedded in cultural consciousness and are historically variable. Consequently, political meaning is not static but evolves alongside social transformations and ideological shifts.

Discourse theorists argue that political reality is constructed through language (van Dijk, 1997). Political discourse does not merely reflect social structures; it actively participates in producing them. Through lexical choices, metaphorical framing, evaluative semantics, and rhetorical strategies, political actors shape public opinion and define acceptable interpretations of events.

This theoretical position underscores the importance of distinguishing between the broader domain of political communication (object) and the specific analytical dimensions through which it is examined (subject).

The focus of political linguistics is political communication understood as a separate and socially institutionalized area of discourse that functions within the broader framework of political life.

Political communication encompasses a wide range of discursive practices through which political actors articulate positions, negotiate authority,

construct ideological frameworks, and influence collective consciousness. It includes parliamentary debates, public speeches, governmental declarations, legislative texts, diplomatic correspondence, campaign rhetoric, media coverage of political events, and, in the contemporary era, digital communication across social networks and online platforms. These communicative forms differ in genre, audience, and institutional setting, yet they share a common perspectives on the use and legitimation of power.

Political communication is distinguished from other types of discourse by its pronounced intentionality and strategic organization. It is rarely limited to the transmission of information; rather, it is inherently persuasive and goal-directed. Political actors employ language to justify policy decisions, mobilize supporters, construct images of allies and opponents, frame social problems, and define the boundaries of acceptable public opinion. According to Chilton political discourse operates within a dynamic field of power relations in which linguistic choices are shaped by strategic considerations and ideological commitments. The selection of particular lexical units, the use of metaphorical models, the deployment of evaluative adjectives, and the structuring of argumentation all serve to guide interpretation and shape cognitive representations of political reality.

Furthermore, political communication is deeply saturated with ideology. It encodes systems of values, presuppositions about social order, and implicit hierarchies that reflect specific worldviews. Through discursive repetition and institutional reinforcement, certain interpretations of events become normalized, while alternative perspectives are marginalized or delegitimized. In this way, political discourse contributes not only to the expression of political positions but also to the construction of social reality itself. Language becomes a medium through which power is symbolically produced, maintained, and contested.

Within this framework, political linguistics investigates the functioning of language in political processes by analyzing the structural, semantic, pragmatic, and rhetorical mechanisms that underlie political communication. It seeks to uncover how linguistic forms participate in shaping/shape political meanings and how discourse practices contribute to the reproduction or transformation of power relations. By examining the interplay between language, ideology, and institutional context, political linguistics reveals the extent to which political authority is created and sustained through communicative

acts. By doing this, it illustrates that political processes are inseparable from the linguistic structures through which they are articulated and comprehended.

The object of political linguistics is political communication viewed as a specific sphere of institutional and public discourse functioning within the broader domain of political life.

Despite differences in genre, audience, and institutional setting, these communicative forms share a common orientation toward the use and maintenance of political authority. Political communication is distinguished by its institutional embeddedness, strategic intentionality, and ideological density. In contrast to everyday interpersonal discourse, it is rarely neutral or purely informative. Rather, it is purposive and goal-directed, designed to persuade, mobilize, justify, legitimize, or delegitimize. Through political communication, actors attempt to influence public opinion, construct collective identities, frame social realities, and regulate interpretations of events.

While the object of political linguistics encompasses political communication as a broad social phenomenon, the subject of political linguistics consists of the internal linguistic mechanisms that structure and organize this communication. If political communication defines the sphere of inquiry, the subject specifies the analytical focus: the structural, semantic, pragmatic, and rhetorical features through which political meaning is constructed and strategically conveyed.

At the lexical level, political linguistics investigates the vocabulary and terminological systems characteristic of political discourse. Political lexicon is inherently evaluative and ideologically marked. Lexical choices are rarely accidental; they frame issues, define social actors, and encode value judgments. Words such as “reform,” “security,” “freedom,” or “crisis” function not only as descriptive units but also as instruments of interpretation, shaping how audiences conceptualize political phenomena. The analysis of political terminology reveals how naming practices contribute to the legitimation of certain viewpoints and the marginalization of others.

At the semantic level, political linguistics explores how meanings are structured and how evaluative components are embedded within discourse. Political texts frequently rely on oppositional categories and binary construc-

tions that simplify complex realities into cognitively manageable frameworks. Such semantic patterns organize political narratives and reinforce ideological orientations.

The pragmatic dimension of analysis focuses on how context, intention, and communicative interaction influence meaning. Political discourse often operates through presupposition, implicature, strategic ambiguity, and indirectness. As van Dijk (1997) demonstrates, presupposed information can subtly shape audience cognition by presenting particular assumptions as self-evident. Speech acts such as promises, accusations, declarations, and commitments function performatively, producing social and political effects beyond their propositional content. Through pragmatic strategies, political actors manage responsibility, construct authority, and regulate relationships with their audiences.

Rhetorical and argumentative structures also constitute a central component of the subject of political linguistics. Political communication is inherently persuasive and relies on structured argumentation, emotional appeals, repetition, and narrative framing. Metaphor plays a particularly significant cognitive role. Lakoff (2004) has shown that metaphorical models such as conceptualizing the state as a family or politics as warfare shape patterns of reasoning and policy interpretation. These metaphorical frameworks influence how citizens understand governance, responsibility, and social hierarchy.

Critical discourse analysis further expands the subject of political linguistics by examining how language contributes to the maintenance of ideological dominance and social inequality. Fairclough (1995) argues that discourse both reflects and constitutes social structures. Patterns of representation, inclusion and exclusion of social actors, and evaluative positioning reveal underlying power dynamics embedded in political texts.

Taken together, these dimensions demonstrate that the subject of political linguistics lies in the systematic investigation of how political meanings are linguistically encoded, structured, and strategically deployed. The discipline seeks to uncover the mechanisms through which discourse shapes perception, legitimizes authority, and sustains or challenges power relations. By focusing on the internal organization of political language, political linguistics provides insight into the ways political reality is constructed through communicative practice.

The study of political linguistics and political linguoculturology is inherently interdisciplinary, as both fields operate at the intersection of language, politics, cognition, and culture. Given the complexity of political communication, no single methodological framework is sufficient to capture its multiple dimensions. Instead, researchers employ a combination of qualitative and quantitative approaches that allow for a comprehensive analysis of both linguistic structure and cultural meaning.

Political linguistics primarily relies on methods derived from discourse studies and functional linguistics. Discourse analysis occupies a central position, as it enables scholars to examine political texts within their social and institutional contexts. Through discourse analysis, researchers investigate how communicative strategies are organized, how political actors construct identities, and how ideological positions are embedded within textual structures. This method facilitates the exploration of recurring discursive patterns and the identification of strategies such as legitimization, polarization, and framing.

Content analysis complements discourse-oriented approaches by providing systematic procedures for identifying and quantifying thematic elements, lexical units, and semantic fields within political texts. By examining the frequency and distribution of specific linguistic features, content analysis allows researchers to detect dominant narratives and shifts in political rhetoric over time.

Pragmatic and semantic analyses further refine the methodological toolkit of political linguistics. Semantic analysis focuses on the structure of meaning, evaluative components, and conceptual oppositions that organize political discourse. Pragmatic analysis, in turn, investigates how context, speaker intention, and communicative interaction shape interpretation. It explores mechanisms such as presupposition, implicature, modality, and speech acts, revealing how political statements function as strategic actions within specific institutional settings.

Argumentation theory provides additional insight into the persuasive structures of political discourse. By analyzing logical patterns, rhetorical appeals, and argumentative schemes, scholars uncover how political actors justify decisions, defend positions, and construct coherent ideological frameworks. Critical discourse analysis expands this perspective by examining how

language participates in the reproduction of social power and inequality, highlighting the ideological underpinnings of seemingly neutral communicative practices.

Political linguoculturology, while drawing upon many of the same analytical tools, focuses on methods that highlight cultural and cognitive aspects. Conceptual analysis is central to this field, as it seeks to reconstruct the internal structure of culturally significant political concepts and to identify their axiological components. Through the study of conceptual fields and associative networks, researchers reveal how political meanings are embedded in collective consciousness.

Cognitive modeling further contributes to the understanding of how political macroconcepts are structured in the minds of speakers. By analyzing metaphorical frameworks, mental schemas, and narrative prototypes, scholars examine how cultural knowledge shapes the interpretation of political events. Cultural semiotics also plays a crucial role, focusing on symbolic systems, myths, and historically conditioned sign structures that inform political discourse. Comparative linguocultural analysis allows for cross-cultural examination of political concepts, highlighting differences in value orientations and interpretative models across linguistic communities.

Quantitative methods, including frequency analysis and corpus linguistics, increasingly complement qualitative approaches in both disciplines. Corpus-based studies enable researchers to identify statistically significant patterns in large datasets of political texts, thereby / thus strengthening the empirical foundation of theoretical conclusions. The integration of quantitative and qualitative methodologies ensures that political discourse is analyzed not only in terms of isolated examples but also in relation to broader systemic tendencies.

The combination of these diverse methodological approaches allows for a multidimensional understanding of political communication. By integrating structural, semantic, pragmatic, cognitive, and cultural perspectives, researchers can explain the complexity of political language as both a strategic tool of power and a culturally embedded system of meaning. This methodological plurality reflects the interdisciplinary nature of political linguistics and political linguoculturology and underscores their capacity to provide a comprehensive analysis of language in political life.

Although political linguistics and political linguoculturology share a common research domain—namely, the study of political communication – their analytical emphases differ in meaningful ways. Political linguistics primarily concentrates on the structural, semantic, pragmatic, and rhetorical aspects of discourse. Its central concern is to answer the question: how is political meaning constructed, transmitted, and negotiated through linguistic forms? By examining lexical choices, argumentation patterns, metaphors, and pragmatic mechanisms, political linguistics elucidates the strategies through which political actors influence perception, establish legitimacy, and mobilize public support.

In contrast, political linguoculturology foregrounds the cultural and conceptual determinants of political discourse. It seeks to answer a complementary question: why do particular linguistic forms carry specific meanings within a given cultural and historical context? Political linguoculturology considers the role of national worldview, historical memory, collective narratives, symbolic systems, and culturally embedded metaphors in shaping interpretation. Its analysis reveals how political meanings are mediated by shared knowledge, values, and culturally conditioned cognitive frameworks.

Despite these differences, the two fields are complementary rather than mutually exclusive. Linguistic structures are inevitably shaped by cultural frameworks, while cultural meanings are expressed and transmitted through language. Neither perspective alone can fully capture the complexity of political discourse. A comprehensive understanding requires integrating structural and functional analysis with cultural and conceptual interpretation. Such an approach recognizes that political communication is simultaneously a linguistic mechanism and a cultural phenomenon, constructed through strategic choices and interpreted within a socially shared framework of understanding.

Clarifying the object and subject of political linguistics and political linguoculturology is essential for defining their theoretical scope, research priorities, and methodological strategies. Political linguistics examines political communication as a linguistic phenomenon, analyzing the mechanisms through which meaning is encoded, argumentation is structured, and discourse strategies are deployed. Political linguoculturology extends this analysis by incorporating cultural, historical, and conceptual dimensions, emphasizing the role of collective memory, symbolic systems, and culturally specific interpretative frameworks.

Together, these disciplines offer a holistic framework for understanding how political meanings are constructed, transmitted, and received within socio-cultural contexts. Political discourse emerges as both a linguistic and cultural phenomenon, shaped by strategic communicative intentions and embedded in collective consciousness. By integrating the insights of political linguistics and political linguoculturology, scholars can more fully explain how language functions as an instrument of power, persuasion, and ideological formation.

Future research directions may include the study of digital political discourse, cross-cultural comparisons of political concepts and metaphors, and the cognitive modeling of political macroconcepts in multilingual or multicultural environments. Such investigations will deepen our understanding of the dynamic interplay between language, culture, and politics, highlighting the ways in which political reality is constructed, contested, and interpreted across diverse social and cultural contexts.

REFERENCES

1. *Chilton P.* Analysing political discourse: Theory and practice. “Routledge”, 2004.
2. *Fairclough N.* Critical discourse analysis: The critical study of language. “Longman”, 1995.
3. *Foucault M.* The archaeology of knowledge. “Pantheon Books”, 1972.
4. *Lakoff G.* Don’t think of an elephant! Know your values and frame the debate. “Chelsea Green Publishing”, 2004.
5. *Maslova V.* Лингвокультурология. М.: «Академия», 2001.
6. *Van Dijk T.* What is political discourse analysis? In J. Blommaert & C. Bulcaen (Eds.) // “Political linguistics”, 1997. PP. 11–52.
7. *Чернышев В.П.* Политическая лингвистика: Теория и практика. М.: «Флинта», 2010.
8. *Карасик В.И.* Политическая дискурсология. СПб.: «Алетейя», 2003.
9. *Гусева Н.В.* Лингвокультурологический подход в изучении политического дискурса // «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология», № 3, 2012. PP. 45–53.
10. *Maslova V.* Cultural and linguistic studies in political discourse. M.: “Nauka”, 2010.
11. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. “University of Chicago Press”, 1980.
12. *Van Dijk T.A.* Ideology and discourse analysis // “Journal of Political Ideologies”, vol. 11, № 2, 2006. PP. 115–140.
13. *Fairclough N., Fairclough I.* Political discourse analysis: A method for advanced students. “Routledge”, 2012.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Н. Газарян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу объекта и предмета политической лингвистики и политической лингвокультурологии. Рассматриваются теоретические и методологические основы этих дисциплин, а также их взаимосвязь и различия. Политическая лингвистика изучает политическую коммуникацию как языковое явление, исследует структурные, семантические, прагматические и риторические механизмы формирования политического значения. Политическая лингвокультурология расширяет этот анализ, включая культурные и концептуальные аспекты, выявляя влияние исторической памяти, коллективных нарративов и символических систем на интерпретацию политических дискурсов. Обе дисциплины рассматриваются как взаимодополняющие: язык формирует культуру, а культура определяет смысловые рамки языка. Статья также обсуждает методологические подходы, включая дискурс-анализ, семантический и прагматический анализ, концептуальный анализ и культурно-семиотические методы.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политическая лингвокультурология, политический дискурс, культурные концепты, язык и власть, семантика и прагматика.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-790-795

СОСТОЯНИЕ ПОТОКА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕТЯМ

Н.А. Голик[1], Дж.Г. Кахас Макас[2]

[1]Пятигорский государственный университет
[2]Московский институт психологии
Nataly.PGU@mail.ru, mrgabrielklases@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается феномен состояния потока в контексте обучения английскому языку детей младшего школьного возраста. Целью исследования является анализ нейропсихологических механизмов состояния потока и выявление педагогических условий, способствующих его формированию в процессе обучения иностранному языку. На основе анализа современных психологических, нейронаучных и педагогических исследований показано, что состояние потока связано с оптимальной активацией внимания, памяти и мотивационных систем мозга, а также с эмоциональной включенностью учащихся. Особое внимание авторы уделяют роли автоматизации речевых навыков, эмоциональной безопасности образовательной среды и использованию мультимодальных форм обучения. Делается вывод о том, что формирование состояния потока способствует повышению эффективности обучения, устойчивой учебной мотивации и эмоционального благополучия младших школьников.

Ключевые слова: состояние потока, обучение иностранному языку, нейропсихология, младшие школьники, мотивация.

Введение

Современная образовательная парадигма все чаще обращается к данным психологии и нейронауки в поисках путей повышения эффективности обучения и устойчивой учебной мотивации. Особую актуальность данная проблема приобретает в обучении иностранным языкам детей младшего школьного возраста, поскольку именно в этот период когнитивное развитие тесно связано с эмоциональной сферой и мотивацией.

Одним из понятий, объединяющих когнитивные, эмоциональные и мотивационные аспекты учебной деятельности, является состояние потока (flow), введенное М. Чиксентмихайи. Под состоянием потока понимается особое психическое состояние полной погруженности в деятельность, при котором внимание максимально сконцентрировано, цели ясны, а сам процесс деятельности сопровождается положительными эмоциями [5, 6].

Несмотря на широкое распространение концепции потока в психологии труда, спорта и творчества, ее потенциал в педагогике, особенно в обучении иностранным языкам детей, остается, на наш взгляд, недостаточно систематизированным. Целью настоящей статьи является анализ нейропсихологических механизмов состояния потока и определение педагогических условий его формирования в процессе обучения английскому языку младших школьников.

Методы

Исследование носит теоретико-аналитический характер. В качестве основных методов использованы анализ, сопоставление и обобщение научных источников в области психологии потока, нейропсихологии, педагогики иностранного языка и нейрообразования. Теоретическую основу исследования составили труды М. Чиксентмихайи о состоянии потока [5, 6], нейропсихологические концепции А.Р. Лурии [3] и Л.С. Выготского [1], современные модели исполнительных функций [7], а также исследования роли эмоций в обучении [9]. Дополнительно были проанализированы работы, посвященные автоматизации языковых навыков и нейропедагогическим подходам к обучению [8, 2, 4].

Основное содержание работы

Теоретические основания и нейропсихологические механизмы состояния потока

Согласно концепции М. Чиксентмихайи, ключевым условием возникновения состояния потока является баланс между уровнем сложности задачи и индивидуальными возможностями субъекта. При несоответствии этих параметров деятельность либо утрачивает привлекатель-

ность в глазах учащегося и становится скучной, либо вызывает избыточную тревожность и избегание [6]. Для младших школьников данный баланс особенно важен, поскольку их когнитивные ресурсы еще ограничены, а эмоциональная реактивность высока.

С нейропсихологической точки зрения состояние потока сопровождается оптимальной активацией лобных отделов коры головного мозга, отвечающих за произвольное внимание, планирование и саморегуляцию, а также усилением работы дофаминергических систем вознаграждения [7, 8]. Одновременно отмечается снижение избыточной рефлексии и самоконтроля, что способствует более свободному и автоматизированному выполнению действий.

Важную роль в формировании потока играет переход речевых навыков из декларативной в процедурную память. Как отмечает М. Ульман, автоматизация языковых структур снижает нагрузку на исполнительные функции и высвобождает когнитивные ресурсы для смысловой обработки информации [11]. Представляется, что данный механизм имеет принципиальное значение для обучения иностранному языку.

Эмоциональный компонент обучения и педагогические условия формирования потока

Современные нейропедагогические исследования подчеркивают, что эмоции являются не вспомогательным, а структурообразующим компонентом обучения. В частности, на это обращает внимание М. Иммордино-Янг, указывая, что именно эмоциональная значимость учебного материала определяет глубину его усвоения и долговременное закрепление в памяти [9]. В этом контексте состояние потока может рассматриваться, на наш взгляд, как оптимальное эмоционально-когнитивное состояние для обучения.

Для младших школьников формирование состояния потока возможно лишь при соблюдении ряда педагогических условий. Во-первых, задания должны соответствовать возрастным и индивидуальным возможностям ребенка, создавая умеренный, но посильный познавательный вызов [6]. Во-вторых, важную роль играет четкая структура учебной деятельности и наличие немедленной обратной связи, позволяющей учащемуся осознавать собственный прогресс.

Особое (если не первостепенное) значение имеет эмоциональный климат урока – это может подтвердить каждый практикующий педагог. Ученые также заявляют, что положительная, поддерживающая атмосфера снижает уровень тревожности и способствует более эффективной работе внимания и памяти [2, 9]. Страх ошибки, напротив, блокирует когнитивную активность и препятствует формированию устойчивой мотивации к изучению иностранного языка.

Дополнительным условием является использование мультимодальных форм обучения, активизирующих различные сенсорные и моторные каналы. Исследования показывают, что сочетание речевой, двигательной и визуальной активности способствует формированию более устойчивых нейронных связей и повышает степень вовлеченности учащихся [3, 10].

С позиций отечественной нейропсихологии подчеркивается необходимость целенаправленного развития исполнительных функций и саморегуляции у детей младшего школьного возраста. А.В. Семенович отмечает, что развитие внимания, межполушарного взаимодействия и эмоционально-волевой сферы является важнейшим условием успешного обучения и психологического благополучия ребенка [4].

Осмысленная языковая практика и содержательная интеграция обучения

Дополнительным важным компонентом формирования состояния потока является, на наш взгляд, организация осмысленной языковой практики, в рамках которой иностранный язык выступает не только объектом изучения, но и средством познания. Встраивание языкового материала в познавательно насыщенные задания, проблемные ситуации и элементы предметно-языкового интегрированного обучения способствует формированию устойчивых ассоциативных связей в долговременной памяти. Такая организация учебного процесса усиливает внутреннюю мотивацию учащихся, способствует переживанию чувства значимости выполняемой деятельности и поддерживает состояние потока на протяжении более длительного времени, что особенно важно при работе с детьми младшего возраста.

Последовательный переход от автоматизированных речевых действий к использованию языка в содержательно значимых контекстах соответствует нейропсихологическим закономерностям обучения. Он позволяет задействовать не только механизмы процедурной памяти, но и системы исполнительных функций и смысловой переработки информации, что повышает глубину усвоения материала и устойчивость учебных результатов.

Обсуждение результатов

Полученные выводы подтверждают, что состояние потока в обучении иностранному языку представляет собой результат сложного взаимодействия когнитивных, эмоциональных и нейрофизиологических процессов. Его формирование не требует постоянного внешнего стимулирования, а, напротив, способствует развитию внутренней мотивации и способности к саморегуляции.

Переживание состояния потока создает у младших школьников положительный опыт учебной деятельности, снижает страх ошибки и формирует уверенность в собственных возможностях. Это особенно важно в контексте обучения иностранному языку, где эмоциональные барьеры часто препятствуют активному использованию речевых навыков и тормозят коммуникативную активность.

Выводы

Состояние потока является одним из ключевых факторов эффективного обучения английскому языку детей младшего школьного возраста. Оно обеспечивает высокий уровень концентрации внимания, способствует лучшему усвоению учебного материала и формированию устойчивой учебной мотивации. Создание педагогических условий для возникновения потока требует комплексного подхода, включающего учет индивидуальных особенностей учащихся, организацию эмоционально благоприятной образовательной среды и использование мультимодальных методов обучения. Рассмотрение состояния потока как целевой педагогической установки открывает новые возможности для повышения качества и психологического комфорта обучения иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С. Мышление и речь*. М.: «Педагогика», 1999, 352с.
2. *Ковалева Л.М.* Нейропсихологический подход к обучению младших школьников // «Психология образования», № 3, 2021. СС. 45–52.
3. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: МГУ, 2006, 384с.
4. *Семенович А.В.* Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. М.: «Генезис», 2010, 320с.
5. *Чиксентмихайи М.* Поток. Психология оптимального переживания. М.: «Альпина Паблишер», 2018, 480с.
6. *Csikszentmihalyi M.* Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: "Harper & Row", 1990, 303p.
7. *Diamond A.* Executive functions // "Annual Review of Psychology". Vol. 64, 2013. PP. 135–168.
8. *Dietrich A.* Neurocognitive mechanisms underlying the experience of flow // "Consciousness and Cognition". Vol. 13, № 4, 2004. PP. 746–761.
9. *Immordino-Yang M.H.* Emotions, Learning, and the Brain. New York: W.W. "Norton & Company", 2015, 320p.
10. *Pulvermüller F.* Brain mechanisms linking language and action // Nature Reviews "Neuroscience". Vol. 6, № 7, 2005. PP. 576–582.
11. *Ullman M.* Contributions of memory circuits to language: The declarative/procedural model // "Cognition". Vol. 92, № 1–2, 2004. PP. 231–270.

FLOW STATE AS A FACTOR OF EFFECTIVE LEARNING: NEUROPSYCHOLOGICAL MECHANISMS AND PEDAGOGICAL CONDITIONS IN TEACHING ENGLISH TO CHILDREN

N. Golik[1], J. Cajas Macas[2]
[1]Pyatigorsk State University
[2]Moscow Institute of Psychology

ABSTRACT

The article examines the phenomenon of the flow state in the context of teaching English to primary school children. The aim of the study is to analyze the neuropsychological mechanisms of the flow state and to identify pedagogical conditions that contribute to its formation in the process of foreign language learning. Based on the analysis of contemporary psychological, neuroscientific, and pedagogical research, it is shown that the flow state is associated with optimal activation of attention, memory, and motivational systems of the brain, as well as with students' emotional engagement. Special attention is paid to the role of automation of speech skills, emotional safety of the educational environment, and the use of multimodal learning formats. It is concluded that the formation of the flow state contributes to increased learning effectiveness, sustained academic motivation, and emotional well-being of primary school students.

Keywords: flow state, foreign language learning, neuropsychology, primary school students, motivation.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-796-803

РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ В АРМЯНСКОЙ ПЬЕСЕ «ВАГАН И РАЗМДОХТ», ОСНОВАННОЙ НА ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ ДЭВИДА ДЭВИСА

М.М. Джашогани[1], А.А. Мартиросян[2]

[1]Исфаханский университет,
[2]Российско-Армянский университет
mmsv.literature@yahoo.com, Martar75@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Армянская драма «Ваан и Размдохт» представляет собой значимый текст как в эстетическом, так и в историческом аспектах. Иранский автор Георг Дарфи (Аванесян) создал произведение, посвященное годам службы армянского полководца Ваана Мамиконяна – сына Амаяка, брата Вардана Мамиконяна – при дворе Сасанидов. В статье, с учетом давних культурных и стратегических связей между Арменией и Ираном, ставится цель исследовать творческий подход писателя и степень его соответствия как явной, так и предполагаемой исторической правде.

Опираясь на концепцию Дэвида Дэвиса, рассматривающего различные интерпретации «вымышленной правды» и различия между историей и неисторией, автор задается вопросом: что является истиной в повествовании? Статья направлена на выявление «вымышленной правды» в данной драме, а также на введение этого малоизвестного текста в научный оборот и анализ его эстетических особенностей.

Ключевые слова: реальность и видимость, вымышленная правда, армянская драма, Георг Дарфи, Дэвид Дэвис.

«Ваан и Размдохт» – тематически уникальная драма. Среди произведений, посвященных Ирану, это единственный переведенный на персидский язык текст, в котором рассматриваются отношения между армянским и иранским народами, а также стратегическое положение Армении в империи Сасанидов. Выбор данного произведения для сравнительного исследования обусловлен именно этой проблематикой. Мотив влияния Армении при дворе Сасанидов и исторические аллюзии побудили авторов обратиться к вопросу о соотношении драмы с исторической реальностью и о наличии аналогичных текстов в персидской литературе.

Драма отражает многовековые и взаимосвязанные отношения между иранцами и армянами. Сюжет повествует о любви полководца Ваана Мамиконяна и иранского царя Бахрама к армянской принцессе Лусане. Ваан, служа при дворе Бахрама, остается верным своей родине, находившейся в тот период под властью Ирана. Назначенный марзпаном Армении, он пользовался особым доверием шахского двора и был направлен для ведения войны против Ланг Хакана и кушанов с целью защиты Ирана. Ваан спасает свою невесту из плена и одновременно обеспечивает безопасность государства. Однако Бахрам также влюбляется в Лусану, что приводит к скрытому конфликту. В финале принцесса жертвует собой, выпив отравленное вино во время празднования победы, чтобы сохранить мир между двумя странами [7, с. 78].

Обнаружение армянской версии текста в библиотеке кафедрального собора Ванк в Исфахане, при отсутствии его в фондах факультета иностранных языков Исфаханского университета, свидетельствует о его ограниченной доступности. Персидский перевод, опубликованный после 2007 года, не переиздавался. Следовательно, обращение к данному произведению и его исследование представляются научно значимыми.

Теоретической основой статьи служит работа Дэвида Дэвиса «Эстетика и литература», в частности, глава, посвященная концепции «вымышленной правды». Дэвис анализирует несколько гипотез, объясняющих природу художественной достоверности:

- стилистико-семантическую интерпретацию повествования;
- соотношение нарратива и реального мира;
- связь вымышленной правды с когнитивными способностями субъекта;
- функциональные теории произведения.

Среди критического анализа этих гипотез Дэвис формулирует фундаментальный вопрос: какие принципы позволяют определить, что является истинным в пределах нарратива?

По мнению Дэвиса, вымышленное повествование определяется не только внутренними стилистическими характеристиками, но и отношениями, которые оно устанавливает с миром. В невымышленных нарративах языковые выражения соотносятся с объектами реального мира или претендуют на такую соотнесенность. В художественных же

текстах они функционируют в пределах автономного повествовательного мира. Эта ссылка позволяет преобразовывать невымышленные рассказы, такие как автобиографии или мемуары, в повествование. Если мы не хотим свести повествование к простому средству для воображения автора, как предлагает Уолтон, мы должны, по крайней мере, признать, что повествование является результатом того, что автор претендует на выполнение определенных типов речевых актов. [8, 58 и 63].

Философский вопрос и вымышленная правда

Дэвид Дэвис, современный философ и теоретик, формулирует принципиальный вопрос: что представляет собой истина в рамках вымышленного повествования? В контрфактической ситуации, когда история подается как установленная «реальность», какие ее элементы могут считаться истинными? Анализ подобной ситуации в драматическом тексте позволяет выявить как явные, так и производные истины.

Теория возможных миров используется для интерпретации концепции вымышленной истины, предложенной Дэвисом. В контексте анализа драмы «Ваан и Размдохт» данная философская модель позволяет объяснить, каким образом читатель воспринимает эксплицитно заявленные факты и реконструирует имплицитные элементы повествования. В статье исследуется степень правдоподобия художественного мира произведения, а также проводится сопоставление времени, пространства, персонажей и событий драмы с историческим контекстом Армении эпохи Сасанидов. Цель анализа – показать, каким образом драматург использует исторический материал как художественный инструмент в пределах вымышленного мира.

Принципиальное различие между художественной и документальной литературой заключается в характере веры читателя: в первом случае она носит воображаемый характер, во втором – претендует на фактическую достоверность. По замечанию Дэвиса, воображаемая вера нередко соотносится с тем, что происходит в повествовании, однако вопрос о том, что именно следует считать истиной в рамках истории, остается открытым.

В данной статье рассматривается следующий исследовательский вопрос, основанный на теории Дэвиса: каким образом автор использует

исторические события для усиления правдоподобия художественного повествования?

Литературные приемы и эстетические стратегии

Литературные приемы существенно отличаются от обыденных способов речевой репрезентации реальности. Они создают эффект остранения, трансформируя привычное восприятие и обновляя его [1, с. 29]. В главе «Эстетика и литература», посвященной проблеме правдивости повествования, Дэвис подчеркивает, что вопрос «Что же на самом деле происходит в истории?» является более фундаментальным, чем абстрактные размышления о «человеческом состоянии». Он отмечает, что читатель нередко принимает как истинное и то, что прямо не выражено, поскольку предполагает наличие скрытых смыслов, передаваемых посредством языковых импликаций [8, с. 84].

Художественный мир Дарфи строится на нескольких уровнях реальности. Во-первых, это «явная реальность» – совокупность фактов, непосредственно представленных в тексте. Во-вторых, «подразумеваемая реальность» – элементы, не описанные напрямую, но логически вытекающие из структуры повествования – такие, как предполагаемая смерть отца Лусаны во время его путешествия в Ктесифон или присутствие поваров, музыкантов и флористов при дворе Бахрама, даже если они конкретно не описаны. Дэвис называет это «невысказанными реалиями» истории. В-третьих, «внешняя реальность» – исторический контекст, с которым соотносится художественный мир, что делает роман правдоподобным благодаря его отношениям и отличиям от исторического контекста Сасанидской Армении.

В драме изображается сасанидский двор в Ктесифоне, зороастрийская религиозная среда, использование динара в качестве денежной единицы, противостояние с кушанами. Однако исторический анализ выявляет ряд несоответствий: сасанидский царь Бахрам не сосуществовал с Вааном Мамиконяном, а персонажи Лусана и Размдохт не имеют подтвержденного исторического прототипа. (В произведении солдаты и высокопоставленные пограничники – армяне, а шпионы и диверсанты – кушаны. Ланг Хакан – варварский правитель кушанов, но он не посягает на неземную красоту Лусаны, которая находится в его руках.) Несмотря на это, художественная убедительность текста достигается благодаря

эмоциональной интенсивности повествования и логике развития конфликта. Таким образом, вымышленный мир Дарфи оказывается правдоподобным не вследствие фактической точности, а благодаря внутренней согласованности и эстетической целостности.

Дэвис указывает, что лингвистические выражения в невымышленных повествованиях точно читаются как относящиеся к объектам реального мира или, по крайней мере, претендующие на это. Эта референция позволяет оценить истинность или ложность положений нарратива, что служит основой для оценки документальной литературы. В художественных произведениях, однако, выражения, используемые в повествовании, относятся исключительно к внутреннему миру истории, образуя элементы самодостаточной языковой вселенной [8, 58].

Аристотель считал, что наблюдение за трагедией вызывает у зрителя страх и сострадание, в конечном итоге очищая психику от накопившихся эмоций, тревог и других нежелательных элементов, процесс, который он называл «катарсисом» [10, 96].

Таким образом, предлагаемый критерий для оценки вымышленных миров состоит в том, что различение правды в серьезных нарративах требует не только знакомства с жанровыми конвенциями, но и размышлений об общих смыслах и темах, которые может передать история. Нет необходимости сначала определять «вымышленный смысл», прежде чем обращаться к более широкой тематической интерпретации. На самом деле, одной из определяющих черт серьезной литературы является то, что читатель, не вникая в суть сюжета или его выражение, не проявляет ответственного отношения к произведению. Следовательно, такие понятия, как «вымышленная правда» и то, что можно назвать «правдой через повествование», более взаимосвязаны и переплетены, чем предполагалось ранее [8, 106].

Проведенный анализ позволяет заключить, что драма «Ваан и Размдохт» представляет собой значимое произведение, в котором исторический материал используется как средство художественного конструирования вымышленного мира. Исследование основано на персидском переводе произведения, выполненном Андраником Хечумяном, и направлено на введение текста в научный оборот.

Научный фокус статьи сосредоточен на соотношении исторической реальности Сасанидской Армении и художественного вымысла.

Опираясь на философскую концепцию Дэвида Дэвиса, автор показывает, что достоверность художественного произведения определяется не только исторической точностью, но и механизмами восприятия, посредством которых читатель реконструирует истину внутри нарратива.

Несмотря на наличие очевидных исторических противоречий, художественный мир Дарфи воспринимается как убедительный благодаря продуманной структуре повествования, психологической мотивации персонажей и интеграции исторических реалий в драматическую ткань текста. Контрфактическая модель сосуществования Ваана Мамиконяна, Бахрама и кушанов создает напряженный художественный сценарий, который сохраняет внутреннюю логическую целостность. В статье раскрывается стратегия драматурга, заключающаяся в том, чтобы сделать чисто вымышленных персонажей, таких как Размдохт, Бахрам Шах, Лусана, Амир Багур, Ланг Хакан хан и кушанские солдаты, исторически правдоподобными. Хотя Бахрам, Ланг Хакан и кушаны существовали исторически, ни один из них не сосуществовал ни в Ктесифоне, столице Сасанидов, ни вблизи Армении в тот же период. Интересно, что взаимодействие Ваана Мамиконяна с сасанидским государством и обществом изображается с противоречивыми положительными и отрицательными аспектами. Будучи ключевой фигурой в драме, Ваан, изображенный как страж Сасанидской Армении, в конечном итоге достигает мира с иранским царем и становится верным полководцем, что отражает историческую достоверность его роли как в иранском, так и в армянском контекстах.

Данная статья знакомит с редким романом и впервые переплетает философскую концепцию Дэвида Дэвиса с анализом драмы. Цель данного исследования – подчеркнуть важность армянских текстов в литературе и истории Ирана. Кроме того, изложение философского подхода Дэвиса может послужить основой для анализа других художественных произведений, демонстрируя, что понимание правды в исторической драме требует знакомства с жанровыми конвенциями и размышления о более широких значениях и темах в повествовании.

В результате можно сказать, что понятия «вымышленная правда» и «правда через повествование» оказываются тесно взаимосвязанными. Понимание исторической драмы требует не только знания жанровых конвенций, но и философского осмысления механизмов репрезентации

истины в художественном тексте. Предложенный подход может быть применен к анализу других произведений исторической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. احمد حقیقی، خادم. (1398). «بررسی جایگاه پهلوانان کوشانی در شاهنامه». مجله تحقیقات کوشانی. آکادمی علوم افغانستان. مرکز بین المللی تحقیقات کوشانی. شماره 2 سریال 26
2. احمدی، فرهاد. (1398). «کوشانیان و نقش آنان در مصونیت- گسترش و رونق راه ابریشم» مجله تحقیقات کوشانی، آکادمی علوم افغانستان مرکز بین المللی تحقیقات کوشانی. شماره 2 سریال 6
3. آجاریان، هراچیا. (1972). فرهنگ نام های ارامنه. جلد اول. بیروت: خانه انتشاراتی سوان
4. آیوازیان، ماریا. (1391). اشتراکات اساطیری و باورها در منابع ایرانی و ارمنی. تهران: پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی
5. پاسدر ماجیان، هراند. (1377). تاریخ ارمنستان. ترجمه محمد قاضی. تهران: انتشارات زرین
6. پاوستوس، بوزند. (1397). تاریخ ارمنیان. ترجمه گارون سارکسیان. تهران: انتشارات نائیری.
7. دارفی، گئورک (1386). واهان و رزمدخت. ترجمهٔ آندرانیک خچومیان. تهران: نشر افکار
8. دیویس، دیوید. (1399). زیباشناسی و ادبیات. ترجمهٔ عبدالله سالاروند. تهران: نقش جهان
9. فرجی، گیتی و علی‌محمد پشت دار. (1394). «اسطوره ها و افسانه‌های ارمنی و تأثیر آن در عقاید و ادبیات این قوم». پژوهشنامه اورمزد فصلنامه تخصصی آموزشی پژوهشی ادبیات و هنر. دوره 8 شماره 25
10. ناظرزاده کرمانی، فرهاد. (1368). نمادگرایی در ادبیات نمایشی. تهران: انتشارات برگ
11. هاروتیونیان، سرکیس. (1398). باورها، اساطیر و افسانه های ارمنی. ترجمه آندرانیک خچومیان. تهران: انتشارات نائیری
12. یار شاطر، احسانی و همکاران. (1377). تاریخ ایران از سلوکیان تا فروپاشی دولت ساسانیان. جلد سوم قسمت دوم. پژوهش دانشگاه کمبریج. ترجمه حسن انوشه. تهران: موسسه انتشارات امیرکبیر
13. Հայոց անձնանունների բառարան, Հ.Աճառեան, հ.1, Պէյրութ, 1972, Սեւան հրատարակչական տուն։
14. Հայկական համառոտ հանրագիտարան, հ. 4, Եր., 2003, Հայկական հանրագիտարանի հրատարակչություն։
15. Հայկական սովետական հանրագիտարան, հ.12, Եր., 1986 Հայկական ՍՍՀ գիտությունների ակադեմիա։

REALITY AND APPEARANCE IN THE ARMENIAN PLAY "VAHAN AND RAZMDOKHT" BASED ON DAVID DAVIS'S PERSPECTIVE

M.JashouqanI[1], A. Martirosyan[2]

University of Isfahan[1],

Russian-Armenian University[2]

ABSTRACT

The Armenian drama “Vahan and Razmdokht” is a significant text in both its aesthetic and historical aspects. Iranian author George Darfi (Avanesyan) created the work, which is dedicated to the years of service of the Armenian commander Vahan Mamikonian – son of Hmayak, brother of Vardan Mamikonian – at the Sassanid court. This article, taking into account the long-standing cultural and strategic ties between Armenia and Iran, aims to explore the writer's

creative approach and the extent to which it adheres to both the manifest and implied historical truth.
Drawing on David Davies's concept of various interpretations of “fictional truth” and the distinction between history and non-history, the author asks: what is truth in narrative? The article aims to identify the “fictional truth” in this drama, as well as to introduce this little-known text into scholarly circulation and analyze its aesthetic features.
Keywords: reality and appearance, fictional truth, Armenian drama, Sassanid history, George Darfi, David Davies.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-804-811

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ГОНКОНГЦА В КИНОФИЛЬМАХ ВОНГА КАРВАЯ

Е.С. Игнатович, А.Ю. Болотова

Южный федеральный университет
eignatovich@sfedu.ru, abolotova@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние исторического становления Гонконга на формирование персонажей в фильмах Вонга Карвая. Особое внимание уделяется взаимодействию вербальных и невербальных средств выражения как инструментов репрезентации национальной идентичности, формирующих уникальный художественный язык режиссера. Проведенный анализ демонстрирует, что через символику пространства, цвета, ритма и молчания Вонг Карвай создает метафорический портрет гонконгца – человека, живущего в состоянии внутреннего разрыва между прошлым и настоящим, традицией и современностью.
Ключевые слова: Вонг Карвай, Гонконгский кинематограф, национальная идентичность, вербализация образа, невербальная коммуникация.

Введение

Проблема репрезентации национальной идентичности в кинематографе является одной из актуальных задач современной лингвокультурологии. Кинематограф, выполняя не только эстетическую, но и коммуникативную функцию, способствует осмыслению социокультурных процессов и формированию образа нации в массовом сознании. В контексте китайской культуры особое значение приобретает кино Гонконга – региона, чья историческая и политическая судьба сформировала уникальную модель культурного самосознания, находящуюся на пересечении восточных и западных ценностей. В этом отношении особый интерес представляет творчество гонконгского режиссера Вонга Карвая, чьи фильмы передают сложную динамику идентичности жителей мегаполиса и отражают поиски гармонии между традицией и модернизацией. Его кинопроизведения демонстрируют сложное взаимодействие вербальных и невербальных средств, раскрывающих особенности мировосприятия и самосознания гонконгцев.

Несмотря на возрастающий интерес к азиатскому кинематографу, проблема репрезентации именно гонконгской идентичности в кино остается на периферии научного внимания. Это связано как с особым историческим статусом региона, находящегося между Китаем и Западом, так и с тем, что, образ гонконгца долгое время воспринимался как второстепенный по отношению к «общекитайской» идентичности. Однако именно гонконгский кинематограф, а особенно творчество Вонга Карвая, отражает уникальные механизмы самоидентификации жителей мегаполиса.

В связи с этим исследование языковых и культурных механизмов формирования национальной идентичности в фильмах Вонга Карвая представляется целесообразным. Цель работы заключается в выявлении способов выражения национальной идентичности гонконгцев средствами языка и невербальной коммуникации. Объектом исследования выступают фильмы Вонга Карвая, а материалом – их языковое наполнение, культурный контекст и элементы визуальной репрезентации.

Материал и методы

Исследование выполнено в рамках лингвокультурологического анализа кинотекстов гонконгского режиссера Вонга Карвая. Эмпирическую базу составили его фильмы «Любовное настроение» (2000), «Чунгкингский экспресс» (1994), «Падшие ангелы» (1995), «2046» (2004), «Дикие дни» (1990) и «Пока не высохнут слезы» (1991), в которых наиболее полно раскрывается процесс формирования и осмысления национальной идентичности гонконгцев. Дополнительный материал включал научные статьи, монографии и культурологические источники, посвященные вопросам языка, истории и кинематографа Гонконга.

Теоретическую основу исследования составили труды, посвященные изучению национальной идентичности и механизмов ее лингвокультурной репрезентации: работы Л.А. Кокумбаевой, раскрывающей междисциплинарную природу понятия национальной идентичности [2]; А. Плахова, анализирующего специфику авторского стиля и визуальной поэтики Вонга Карвая [4]; Д. Комма, рассматривающего Гонконг как центр азиатского кинематографа и пространство культурного взаимодействия [3]; а также исследования В.П. Чеснокова, затрагивающего

проблему взаимодействия статического и динамического мировосприятия [6], что актуально при интерпретации визуального языка режиссера.

Методологическая база работы опирается на лингвокультурологический, семиотический и дискурсивный анализ, позволяющие рассматривать кинотекст как систему культурных знаков и выявлять взаимодействие вербальных и невербальных средств выражения. В исследовании также применялись методы теоретического, сравнительного и дескриптивного анализа, что позволило определить специфику репрезентации национальной идентичности в фильмах Вонга Карвая.

Результаты

Анализ фильмов Вонга Карвая показал, что вербализация образа гонконгца проявляется через минимализм речи, эмоциональную сдержанность и многослойность смыслов, отражающих внутреннюю изоляцию и культурный дуализм персонажей. Диалоги утрачивают информативную функцию и становятся инструментом эмоционального самовыражения, тесно связанным с невербальными средствами – цветом, ритмом монтажа, мимикой и звуком.

Гонконг в фильмах Карвая выступает не просто пространством действия, а символическим центром, формирующим мировосприятие и ценности героев. Вербальные и невербальные формы взаимодействуют как равноценные средства выражения идентичности, а отказ от приоритета сюжета позволяет сосредоточиться на внутреннем времени и эмоциональной поэтике персонажей.

Синтез вербального и невербального у Вонга Карвая выполняет не только художественную функцию, но и служит способом репрезентации национального характера, выражая внутреннюю раздвоенность, стремление к самоидентификации и эмоциональную глубину гонконгцев.

Обсуждение результатов

Как отмечает исследователь Л.А. Кокумбаева, национальная идентичность базируется на осознании общих исторических корней, культурных ценностей и языка, связанных с определенной территорией [2]. Представления о национальной идентичности в восточной и западной культурных традициях отражают разные подходы к пониманию принад-

лежности человека к нации. Западные исследователи связывают национальную идентичность с территориальной принадлежностью, тогда как восточные – с этническим происхождением и культурой [6] Формирование гонконгской идентичности во многом обусловлено уникальным положением региона, находящимся на пересечении культурных и политических влияний материкового Китая и Европы [5], а также колониальным прошлым острова. Гонконг исторически представляет собой пространство слияния восточной и западной культур, что проявляется в языке, архитектуре, образе жизни и системе ценностей [3]. Решающее значение имело соглашение 1984 года о передаче колонии Китаю в 1997 году. Игнорирование мнения местного населения в этом процессе усилило потребность в самовыражении, в том числе через искусство и кинематограф [3].

Понятие “native Hongkonger” (рус.: коренной житель Гонконга) практически отсутствует как в общественном сознании, так и в научной традиции [3]. Современное население Гонконга сформировалось преимущественно в результате трех волн миграции из материкового Китая в 1930–1980-е гг., вызванных политическими потрясениями, экономическими реформами и стремлением к лучшим условиям жизни [1]. Гонконг стал одновременно местом нового начала и транзитным пунктом на пути в другие страны [3]. Эмигрантов объединяло общее чувство отчуждения: они не воспринимали себя «местными жителями», их самосознание формировалось в условиях утраты прежней принадлежности и ностальгии по докоммунистическому Китаю, что в итоге привело к появлению новой, гибридной культурной идентичности, сочетающей элементы китайской и западной традиций [3].

На процесс формирования гонконгской идентичности повлияла и языковая ситуация в регионе. С 1842 года официальными языками признаны английский и кантонский диалект китайского, что со временем привело к их смешению в повседневной жизни и формированию уникального языкового пространства. В результате ключевой особенностью картины мира гонконгцев стал дуализм – синтез традиционных китайских ценностей и западной культуры, породивший особое мировосприятие. Однако за внешней гармонией скрывается внутренний конфликт: жители Гонконга не принадлежали в полной мере ни к Западу, ни к традиционному Китаю. Это чувство разорванности между двумя

мирами породило глубокое одиночество, ставшее неотъемлемой частью их культуры и важнейшим лейтмотивом национального кинематографа.

Вонг Карвай, родившийся в Шанхае и переехавший в Гонконг в пятилетнем возрасте, сам будучи «эмигрантом», мастерски отразил это ощущение изоляции среди шумной городской жизни в своих работах. Его фильмы исследуют контраст между внешним динамизмом и внутренней пустотой, что резонировало не только с гонконгской аудиторией, но и принесло ему международное признание [5]. В фильмах Карвая за фасадом яркого Гонконга скрывается глубокое одиночество. Режиссер исследует эмоциональные состояния персонажей, создавая уникальный визуальный язык, который отражает сложность гонконгской идентичности, сформированной на стыке современности и традиций.

Поскольку главным объектом анализа статьи является образ гонконгцев, важно рассмотреть его с культурологической и лингвистической точек зрения. В литературоведении традиционно образ понимается как целостная конструкция, объединяющая внешние и внутренние проявления личности, социальное поведение, культурные практики и символические коды, через которые формируется уникальная идентичность. Так, И.Ф. Волков определяет художественный образ как «систему конкретно-чувственных средств, воплощающую собой собственно художественное содержание, то есть художественно освоенную характерность реальной действительности» [1]. Именно это понимание позволяет рассматривать образ гонконгца как сложное явление, в котором сочетаются историческая память, современная городская жизнь, культурный дуализм и внутреннее одиночество.

С культурологической точки зрения, образ гонконгца выражает сочетание западных и китайских традиций, внешнюю адаптивность и внутреннюю изоляцию. С лингвистической – он проявляется через кодовые переключения, использование кантонского и английского языков в повседневной жизни и медиапространстве, что усиливает художественное и культурное измерение идентичности.

В кинематографе Вонга Карвая образ гонконгца формируется через синтез вербальных и невербальных средств, создающих многослойную семиотическую систему, отражающую внутренний конфликт и культурный дуализм жителей мегаполиса. Герои ощущают дисгармо-

нию с обществом, но не теряют своего места в нем; они боятся зависимости и перемен, избегают ответственности и постоянно скрывают свои эмоции и переживания [4]. Персонажи погружены в материальные объекты, ставшие убежищем от реальности: так, герой «Чунгкингского экспресса» покупает ананасы с датой истечения срока годности, совпадающей с его днем рождения (*рус.* «每一罐在 5 月 1 號到期嘅菠蘿罐頭，係我倒數新生活嘅方式»), что, одновременно, оживляет героя и подчеркивает его социальную изоляцию. Такие детали не позволяют персонажам самостоятельно рассказать свою историю – это делает режиссер, используя как тонкие, едва уловимые невербальные символы, так и прямолинейные визуальные образы. Среди них выделяют костюмы и визуальный стиль, физическое выражение и жесты, а также конструкцию пространства и времени.

Невербальные элементы в фильмах Карвая выполняют первичную смыслообразующую функцию, тогда как слово служит вспомогательным инструментом интерпретации. Дрожащая камера и смазанное движение передают внутреннее беспокойство героев и ощущение «текучести» городской жизни; в «Падших ангелах» (1995) сцена с убийцей, который произносит: «我唔想控制我嘅生活» (рус. Я не хочу контролировать свою жизнь), сопровождается нестабильной камерой, символизируя потерю контроля и внутреннюю отрешенность. Карвай конструирует кадр так, что персонажи оказываются «зажатыми» рамками пространства – дверными проемами, окнами и коридорами, визуально отражая ограниченность личного пространства, типичную для жителей мегаполиса. Цветовая палитра фильмов несет семантическую нагрузку: красный символизирует страсть и тревогу, желтый – отчуждение и усталость, зеленый – тоску и воспоминания. В «2046» (2004) преобладание красных и золотистых оттенков подчеркивает ностальгическую атмосферу, связывая прошлое с желанием удержать уходящее время. Костюмы персонажей, например ципао миссис Чан, отражают эмоциональные колебания героини, а повторяющиеся узоры тканей и их рифмы с интерьером создают ощущение замкнутого мира чувств, выступая визуальной метафорой несбывшейся любви. Нарушение хронологической логики повествования формирует эффект «распада времени»: герои живут настоящим, не строя планов на будущее.

Вербальные средства подчинены задачам внутреннего самораскрытия и выполняют функцию внутреннего монолога. Прямая речь героев занимает небольшую часть экранного времени, тогда как чаще всего зритель слышит их внутренний голос. В «Падших ангелах» персонажи избегают общения с окружающими, слушают их молча и переключаются на внутренние размышления: «我哋從來冇傾過計。可能正因為咁，我先記得佢咁清楚» (рус.: «Мы с ней никогда не разговаривали. Возможно, поэтому я помню ее так ясно»). Исключение составляют редкие диалоги с возлюбленными, однако даже в них герои редко смотрят друг другу в глаза, направляя слова и чувства в пространство. Такая отчужденность характерна для отношений в больших городах. В «Чунгкингском экспрессе» полицейский вступает в метафорический диалог с вещами:

«當一個人喊嘅時候，畀張紙巾佢就夠。但當間屋喊嘅時候，就要做得多啲» (рус.: «Когда человек плачет, достаточно дать ему салфетку. Но когда плачет дом, нужно сделать больше»), что расширяет границы речевого акта, направляя слово к миру предметов, отражающему внутреннее состояние героя.

Лингвистический аспект фильмов усиливает ощущение культурной гибридности: основное общение ведется на кантонском диалекте, однако нередко звучат путунхуа и английский язык. Такое многоязычие усложняет восприятие картины, но одновременно подчеркивает культурное многообразие и сложность коммуникации в мире персонажей. Примечательно, что эмоциональные реплики, восклицания, а также приветствия и прощания чаще всего произносятся на английском языке, отражая естественное языковое смешение, характерное для Гонконга. Английские фразы, такие как “Love is all a matter of timing” (рус.: «Любовь – это всего лишь вопрос времени») из «2046», усиливают эффект личного признания и открытость героев к глобальному культурному контексту.

Вербальные и невербальные средства в фильмах Вонга Карвая взаимодействуют как единая система: визуальные элементы не иллюстрируют речь, а вступают с ней в диалог, создавая многослойную структуру значений. Паузы, взгляды и повторяющаяся мелодия Yumeji’s Theme в

«Любовном настроении» становятся «невербальными речевыми актами», позволяя выражать эмоциональные состояния без слов. Таким образом, система вербальных и визуальных кодов у Вонга Карвая отражает дуализм гонконгской идентичности – соединение восточной созерцательности и западной рефлексивности. Сдержанная речь, закадровые монологи, визуальные символы, цвет и композиция кадра формируют гибридный киноязык, через который раскрывается внутренний мир современного гонконгца, человека, живущего между прошлым и настоящим, тишиной и словом, традицией и модерном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волков И.Ф.* Теория литературы. М.: «Высшая школа», 1995. С. 75.
2. *Иванов П.М.* Гонконг: история и современность. М.: «Наука. Гл. ред. восточной литературы», 1990, 278с.
3. *Кокумбаева Л.А.* Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики // «Известия Алтайского государственного университета», № 4, 2007. СС. 98–102.
4. *Комм Д.* Гонконг: город, где живет кино. Секреты успеха кинематографической столицы Азии. СПб.: БХВ-Петербург, 2015, 192с.
5. *Плахов А*. Режиссеры настоящего: в 2-х т. СПб.: «Сеанс», 2008, 320с.
6. *Сладковский М.И.* Китай и Англия. М.: «Наука», 1980, 351с.
7. *Чесноков В.П.* О двух картинах мира – статической и динамической // «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки», № 3, 1989. СС. 63–69.

THE EXPRESSION OF HONG KONG IDENTITY IN THE CINEMA OF WONG KAR-WAI

E. Ignatovich, A. Bolotova
Southern Federal University

ABSTRACT

This article examines the influence of Hong Kong's historical development on the formation of characters in Wong Kar-Wai's films, as well as analyzes how verbal and non-verbal means of expression can serve as a key to understanding national identity.

Keywords: Wong Kar-Wai, Hong Kong cinema, national identity, character verbalization, non-verbal communication.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-812-816

КАДЖУНСКИЙ ДИАЛЕКТ КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ КОМИКСА

А.С. Камаева, Л.В. Николаева

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
kamaeva.nastasya@list.ru, tankists@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию реализации диалекта “Cajun English” в речи героя комиксов Marvel – Гамбита. Анализ реплик героя производился на всех уровнях организации речи: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Реализация нестандартных характеристик речи позволяет сформировать нетривиальный, запоминающийся и продуманный образ.
Ключевые слова: комикс, каджунский диалект, речевая характеристика.

Введение

Жанр комикса, получивший большую популярность в 30-е гг. XX века, значительно отличается от стандартных литературных жанров своей подачей сюжета. Данное отличие объясняется тем, что комикс представляет собой креолизованный текст – лингвовизуальный феномен, вербальный и невербальный компоненты которого образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, что позволяет ему оказывать комплексное прагматическое воздействие на адресата [1]. Однако, работы современных отечественные филологов, таких как Е.В. Козлов, А.Г. Сонин, К.В. Полякова, уделяют большее вниманию анализу комикса как литературного феномена, не обращаясь к его коммуникативному пространству.

В связи с тем, что текст комикса реализует преимущественно диалогическую речь персонажей, реплики могут стать незаменимым инструментом для формирования запоминающихся образов за счет реализации речевых характеристик, позволяющих авторам подчеркнуть про-

исхождение и особенности воспитания героя. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью лингвовизуального искусства в современной поп-культуре и необходимостью обратить внимание исследователей на характеристики коммуникативного пространства комиксов.

Реплики в комиксах отличаются краткостью и передают особенности строя устной речи [2]. Такой особенностью, в том числе, является наличие в речи персонажа комикса черт диалекта. Один из ярких примеров реализации диалектных специфик в речи представляет персонаж комиксов издательства “Marvel” Реми Лебо/Гамбит из Людей Икс, являющийся носителем диалекта “Cajun English”.

Цель настоящего исследования – проанализировать особенности реализации каджунского диалекта в речи Гамбита. Для достижения поставленной цели мы ознакомились с характеристиками рассматриваемого диалекта на всех уровнях организации речи и проанализировали реплики героя через призму полученных данных.

Материал и методы

Фактическим материалом настоящего исследования являются реплики героя Реми Лебо, которые были выбраны из мини-комикса “Rogue&Gambit” 2018 года. Из текста 5 глав данной мини-серии методом сплошной выборки были извлечены 250 единиц реплик Гамбита. В дальнейшем выбранные реплики были рассмотрены с помощью применения метода лингвокультурологического анализа с целью выявления в речи исследуемого персонажа черт, свойственных носителям каджунского диалекта.

Основная часть

Согласно биографии Гамбита, он родился в Новом Орлеане, штат Луизиана. В Луизиане одновременно существуют несколько вариантов английского языка, одним из которых является наречие малого этноса каджунов – “Cajun English”, больше всего распространенное в юго-западной части штата (Акадиане). Главным маркером каджунской идентичности являлся французский язык, однако в первой половине XX века использование данного языка стигматизировалось после признания ан-

глийского языка в качестве единственного официального языка Луизианы. Это стало причиной сокращения числа каджунов, изучающих французский в качестве первого родного языка. Поскольку они одновременно были носителями «неполного» английского языка, произошло слияние двух языков – французского и английского – в один. Он получил название “Cajun English” и перенял черты обоих языков [3].

Хотя Новый Орлеан не является частью Акадианы, неизменным остается факт того, что Реми Лебо самоотождествляет себя с этническим сообществом каджунов. Черты диалекта “Cajun English”, который отмечается как один из важнейших показателей самоидентификации говорящего как части каджунского этноса в работах иностранных исследователей [4, 5], прослеживаются на всех выделяемых исследователями уровнях организации речи и разделяются на:

1) фонетико-фонологические;
2) морфемно-морфологические;
3) лексическо-семантические;
4) синтаксические [6–8].

Анализируя фонетические особенности диалекта “Cajun English”, мы обращаем внимание на их графическую реализацию. Так, в речи Гамбита присутствует характерная каджунскому диалекту замена звонкого интердентального [ð] на [d]. На письме данная характеристика передается заменой диграфа th на графему d в начале слова, либо заменой диграфа на графему t с апострофом в конце лексемы:

*“Didn’t see **dat** in the fine print, Dr. Grand”,*

*“So, we’re gon’ do this with seriously depleted powers, **den**?”,*

*“I was going to ask you **de** same thing”,*

*“‘cause here **dey** come”,*

*“Rogue, never use «last» **wit’** us”.*

Диалекту “Cajun English” также свойственна замена глухого интердентального согласного [θ], который в процессе речи звучит как [t]. Графически данная девиация также выражается через t с апострофом:

*“You **t’ink** maybe you can win the day without taking it all back”,*

*“I don’t know if you found me or if I found you, but I **t’ink** I jus’ hit de jackpot”.*

В лексемах, оканчивающихся на морфему -ing, можно наблюдать как ее замену графемой n с апострофом, так и сохранение суффикса.

Данная особенность реплик воплощает такую характеристику диалекта “Cajun English”, как замену конечного носового звука [ŋ] на [n] наравне с сохранением нормативного [ŋ]:

“*I was sorta **waitin’** on a formal invite, Rogue*”,

“*But I admit it’s **gettin’** harder to carry alone*”,

“*You stopped **lifting** long ago*”,

“*Now dis is what I’m **talking** about*”.

С помощью апострофа в репликах Гамбита также отображается выпадение некоторых согласных в середине или в конце слова, описанное в ряде научных работ, посвященных характеристикам каджунского диалекта: *won’, an’, don’, jus’, lil’*.

Морфологическим признаком диалекта “Cajun English” является отсутствие глагольных окончаний -s/-es в 3 лице ед. числа настоящего времени. Данная характеристика также проявляется в репликах героя:

*“They’ve got some of our powers, **don’t** that mean they’ve got the memories, too?”,*

*“**Sound** like an «Avenger’s emergency» to me...”*

На лексическом уровне каджунский диалект отражается в репликах Гамбита в виде частого использования французских лексических единиц. Это могут быть как отдельные единицы в потоке речи (*d’accord, chère, absolument, ici, oui, non* и т.д.), так и целые предложения:

“Je l’ai”,

“N’importe quoi”,

“Ha! Vous êtes une creature magnifique!”,

“Tres, tres mauvais”.

Обращаясь к синтаксической стороне речи анализируемого героя, в его репликах можно отметить грамматические девиации, свойственную речи каджунов. Прежде всего, часто в речи носителей диалекта “Cajun English” происходит выпадение глаголов to be и to have в утверждениях и вопросах:

“You that cynical, Rogue?”,

“If I’m honest, the electricity thing... very hot”,

“I been waiting years for this treatment...”,

“Been what? Same as ever?”

Акцентируя внимание читателей на нестандартных фонетических, морфологических, лексических и синтаксических чертах речи Гамбита,

авторы в первую очередь стремятся сделать образ героя более живым и запоминающимся. Однако проанализированные характеристики также подчеркивают принадлежность и сильную привязанность Реми к каджунской культуре. Очевидно, что герой гордится своей этнической самобытностью, которая формирует важную часть его целостного описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е.Е*. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов. М.: Изд. центр «Академия», 2003, 128с.
2. *Ейкалис Ю.А.* Дискурс комикса: специфика синтаксического оформления речи персонажей // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей. Вып. 2. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, 2017. СС. 60–67.
3. *Ramos R.* Cajun Vernacular English. A Study Over a Reborn Dialect // Forum de Recerca. “Universitat Jaume I”, № 17, 2012. PP. 623–632.
4. *Gutierrez P*. Foodways and Cajun identity: PhD diss. Chapel Hill: University of North Carolina, 1983, 350p.
5. *Kroll T., Mok Z., Keegan L., Papakyritsis I., Damico J.* Acadiana-Area Speech-Language Pathology Students’ Perceptions of Cajun English Speakers // “Contemporary Issues in Communication Science and Disorders”. Vol. 41, 2014. PP. 210–220.
6. *Blevins J.* New Perspectives on English Sound Patterns. “Natural” and “Unnatural” in Evolutionary Phonology // “Journal of English Linguistics”. Vol. 34, № 1. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2006. PP. 6–25.
7. *Carmichael K.* The Performance of Cajun English in Boudreaux and Thibodeaux Jokes. Vol. 88, № 4 // “American Speech”, 2013. PP. 377–412.
8. *Dubois S., Horvath B.* Do Cajuns Speak Southern English? Morphosyntactic Evidence // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. Vol. 7, Iss. 3, Article 4. Philadelphia PA: University of Pennsylvania, 2001. PP. 27–41.

CAJUN ENGLISH AS A MARKER OF THE CHARACTER’S IDENTITY IN THE CONTEXT OF COMIC BOOK CULTURE

A. Kamaeva, L. Nikolaeva

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

ABSTRACT

The current article is dedicated to the features of the Cajun English in the speech of Marvel comic book character named Gambit. The analysis of the character’s lines was conducted at all levels of speech organisation: phonetic, morphological, lexical and syntactic. The implementation of non-standard speech characteristics allows authors to create a memorable and detailed character’s image.

Keywords: comic book, Cajun English, speech characteristic.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-817-828

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ УЧЕБНЫХ КУРСОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

А.В. Рубцова[1], С.Д. Соколова[2]

[1],[2]Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
rubtsova_av@spbstu.ru, sokolova_sd@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются условия применения моделей педагогического дизайна в иноязычном образовании для проектирования процесса изучения иностранных языков. Представлена методическая модель проектирования курсов для подготовки студентов-лингвистов, основанная на интеграции различных видов речевой деятельности. Исследование показывает, что технология педагогического дизайна наиболее эффективна именно в языковом образовании, где требуется системное формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Разработанная модель позволяет структурировать образовательный контент с учетом специфики профессиональной подготовки лингвистов и обеспечивает последовательное развитие языковых навыков – от базового до профессионального уровня.

Ключевые слова: педагогический дизайн, языковое образование, методическая модель, речевая деятельность, подготовка лингвистов.

Введение

Современное высшее образование переживает период трансформации, связанный с внедрением инновационных подходов к проектированию учебных программ. Особую актуальность приобретает применение педагогического дизайна как системного метода разработки образовательного контента [1]. Анализ практики высших учебных заведений показывает, что педагогический дизайн наиболее часто используется именно в моделировании образовательного процесса для изучения иностранных языков, что обусловлено спецификой языкового образования, требующего комплексного развития всех видов речевой деятельности.

В отличие от других предметных областей, где педагогический дизайн применяется эпизодически, в языковом образовании он становится

необходимым методологическим инструментом. Это связано с тем, что изучение иностранного языка предполагает не просто усвоение теоретических знаний, а формирование практических коммуникативных умений через систематическую отработку всех аспектов речевой деятельности [2]. Традиционные подходы к разработке языковых курсов часто не обеспечивают должной системности и последовательности при формировании профессиональных компетенций будущих лингвистов.

Подготовка лингвистов в вузах требует особого внимания к проектированию образовательных программ, поскольку выпускники должны владеть не только иностранным языком на высоком уровне, но и обладать профессиональными компетенциями в области перевода, преподавания, межкультурной коммуникации. Разработка курсов для такой комплексной подготовки представляет собой сложную методическую задачу, решение которой возможно на основе систематического применения технологий педагогического дизайна [3].

Материал и методы

Исследование проводилось на базе факультетов иностранных языков трех вузов в период 2024–2025гг. В качестве методологической основы использовалась адаптированная модель ADDIE с акцентом на специфику языкового образования и коммуникативный подход к обучению иностранным языкам.

Теоретический анализ включал изучение современных концепций педагогического дизайна, методики преподавания иностранных языков, профессиональных стандартов подготовки лингвистов. Проведен сравнительный анализ нескольких образовательных программ по направлению «Лингвистика» различных вузов для выявления общих закономерностей и проблемных зон в проектировании курсов.

Для разработки методической модели применялся метод моделирования образовательного процесса с использованием технологии ЗУН (знания, умения, навыки). Моделирование осуществлялось с учетом Общеевропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR) и профессиональных требований к выпускникам-лингвистам.

Систематизация видов речевой деятельности проводилась на основе контент-анализа должностных обязанностей профессиональных

лингвистов (переводчиков, преподавателей, специалистов по межкультурной коммуникации) и анализа реальных профессиональных задач.

Эмпирическая часть исследования включала разработку и апробацию большого курса «Профессиональная ориентированный практикум иностранного языка» объемом 360 академических часов (10 кредитов ECTS) для студентов 3–4 курсов направления «Лингвистика». В эксперименте участвовали 150 студентов: экспериментальная группа (80 студентов) обучалась по программе, разработанной с использованием предложенной методической модели; контрольная группа (70 студентов) – по традиционной программе.

Оценка эффективности модели проводилась с использованием комплекса методов: входное и итоговое тестирование языковых компетенций, оценка выполнения профессионально-ориентированных заданий, анализ портфолио студентов, опрос участников образовательного процесса. Для измерения уровня языковых компетенций использовались стандартизированные международные тесты, соответствующие уровням B2–C1 по шкале CEFR.

Результаты

Специфика применения педагогического дизайна в иноязычном образовании.

Проведенный анализ показал, что педагогический дизайн в высшем образовании наиболее часто применяется именно для моделирования процесса изучения иностранных языков. Это обусловлено рядом факторов:

Многокомпонентность языковой компетенции. Овладение иностранным языком требует одновременного развития фонетических, лексических, грамматических, социокультурных и прагматических навыков, что предполагает тщательное планирование и координацию учебных элементов.

Практико-ориентированность языкового образования. В отличие от теоретических дисциплин, где доминирует передача знаний, языковое образование фокусируется на формировании практических умений и навыков, что требует систематического моделирования учебной деятельности.

Необходимость балансировки видов речевой деятельности. Профессиональная подготовка лингвистов предполагает равномерное развитие всех видов речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение, письмо, перевод, медиация), что невозможно без применения инструментов педагогического дизайна.

Индивидуализация траекторий обучения. Студенты приходят в вуз с разным уровнем владения языком, что требует гибкого проектирования образовательного процесса с учетом индивидуальных потребностей и возможностей обучающихся.

Интеграция технологий в языковое обучение. Современное языковое образование активно использует цифровые технологии, онлайн-ресурсы, мультимедийные материалы, что требует профессионального педагогического проектирования для обеспечения их эффективного использования.

Анализ образовательных программ показал, что в 78% случаев применение педагогического дизайна в вузах связано именно с языковым образованием. При этом только 34% программ демонстрируют системный подход к проектированию, остальные используют отдельные элементы педагогического дизайна без комплексной методической модели.

Виды речевой деятельности в подготовке лингвистов

На основе анализа профессиональных задач лингвистов выделены шесть основных видов речевой деятельности, которые должны быть интегрированы в методическую модель проектирования курсов.

1. Рецептивная речевая деятельность

- *Аудирование*: восприятие устной речи различных жанров (лекции, презентации, интервью, аудиокниги), понимание различных акцентов и диалектов, распознавание имплицитных смыслов.
- *Чтение*: работа с академическими текстами, художественной литературой, профессиональной документацией, медиатекстами; развитие навыков критического чтения и анализа.

2. Продуктивная речевая деятельность

- *Говорение*: монологическая речь (презентации, доклады, лекции), спонтанная речь, использование профессиональной терминологии, адаптация речи к различным аудиториям.

- *Письмо*: создание академических текстов (эссе, статьи, рефераты), деловая корреспонденция, креативное письмо, ведение профессиональной документации.

3. Интерактивная речевая деятельность

- Участие в диалогах, дискуссиях, дебатах на профессиональные темы.
- Ведение переговоров, совещаний, консультаций на иностранном языке.
- Фасилитация групповой работы, модерация обсуждений.

4. Медиативная речевая деятельность

- Письменный перевод (последовательный, синхронный, художественный, технический).
- Устный перевод (последовательный, синхронный, двусторонний).
- Адаптация и локализация текстов для различных культурных контекстов.

5. Аналитико-исследовательская речевая деятельность

- Лингвистический анализ текстов различных жанров и стилей.
- Сопоставительный анализ языковых явлений.
- Проведение лингвистических исследований и презентация результатов.

6. Педагогическая речевая деятельность

- Объяснение языковых явлений и правил.
- Разработка учебных материалов и заданий.
- Оценивание и предоставление обратной связи по языковой продукции.

Методическая модель проектирования курсов для лингвистов

Разработанная методическая модель базируется на интеграции технологии ЗУН и видов речевой деятельности в рамках педагогического дизайна. Модель включает пять взаимосвязанных компонентов.

Компонент 1: **Целеполагание и анализ потребностей**. На этом этапе определяются конечные цели курса в терминах профессиональ-

ных компетенций лингвиста. Проводится анализ исходного уровня студентов, их образовательных потребностей и будущих профессиональных задач. Цели формулируются в соответствии с уровнями CEFR и профессиональным стандартом «Лингвист, преподаватель».

Компонент 2: **Структурирование по уровням ЗУН**. Образовательный контент распределяется по трем последовательным уровням:

Уровень знаний (Knowledge): студенты осваивают теоретические основы языка, лингвистическую терминологию, социокультурные особенности, профессиональные концепции. Доминирует рецептивная речевая деятельность: чтение теоретической литературы, анализ аутентичных текстов, просмотр лекций, аудирование подкастов на профессиональные темы.

Уровень умений (Skills): студенты учатся применять полученные знания в учебных ситуациях под руководством преподавателя. Активизируются продуктивная и интерактивная речевая деятельность: подготовка презентаций, участие в дискуссиях, выполнение переводческих упражнений, создание учебных текстов различных жанров.

Уровень навыков (Abilities): студенты демонстрируют автоматизированное выполнение профессиональных задач в реальных или максимально приближенных к реальности условиях. Интегрируются все виды речевой деятельности: синхронный перевод, проведение переговоров, разработка курсов, консультирование, исследовательские проекты.

Компонент 3: **Балансировка видов речевой деятельности**. Для каждого модуля курса разрабатывается матрица распределения видов речевой деятельности, обеспечивающая их гармоничное развитие. На уровне знаний доля рецептивной деятельности составляет 60%, на уровне умений – 40%, на уровне навыков – 20%. Соответственно возрастает доля продуктивной, интерактивной и медиативной деятельности.

Компонент 4: **Проектирование учебных модулей**. Каждый модуль курса структурируется по схеме: теоретический блок (знания) → практический блок (умения) → проектный блок (навыки). Модули интегрируются в большие тематические блоки, соответствующие основным направлениям профессиональной деятельности лингвиста: переводческая деятельность, преподавательская деятельность, межкультурная коммуникация, лингвистические исследования.

Компонент 5: **Система оценивания и обратной связи**. Разрабатывается многоуровневая система оценивания, включающая формирующее и итоговое оценивание для каждого уровня ЗУН. Используются разнообразные инструменты: тесты, эссе, устные презентации, портфолио, проектные работы, рефлексивные дневники. Особое внимание уделяется оцениванию по критериям и предоставлению развернутой обратной связи.

Апробация модели: **курс для подготовки лингвистов**

На основе разработанной методической модели был спроектирован интегрированный курс «Профессиональная ориентированный практикум иностранного языка» объемом 360 академических часов (10 ECTS), рассчитанный на два семестра обучения студентов 3–4 курсов направления «Лингвистика».

Результаты апробации:

Сравнительный анализ результатов экспериментальной и контрольной групп показал значительные различия в уровне сформированности профессиональных компетенций:

Языковые компетенции: студенты экспериментальной группы продемонстрировали более высокий прирост в уровне владения языком. Если в начале эксперимента средний уровень обеих групп соответствовал B2+ (67–75 баллов по 100-балльной шкале CEFR), то по итогам курса экспериментальная группа достигла уровня C1 (средний балл 84,3), в то время как контрольная группа показала уровень B2+/C1 (средний балл 76,8). Прирост в экспериментальной группе составил 17,3 балла против 9,8 балла в контрольной группе.

Профессиональные компетенции: оценка выполнения профессионально-ориентированных заданий (перевод, преподавание, исследование) показала, что 82% студентов экспериментальной группы достигли высокого и продвинутого уровня (80–100 баллов) по сравнению с 58% в контрольной группе. Особенно значительные различия наблюдались в способности интегрировать различные виды речевой деятельности при решении комплексных профессиональных задач.

Метакогнитивные навыки: анализ портфолио и рефлексивных дневников выявил, что студенты экспериментальной группы демонстрируют более высокий уровень осознанности в отношении собственного учебного процесса, способны критически оценивать свои сильные

и слабые стороны, самостоятельно планировать дальнейшее профессиональное развитие.

Удовлетворенность образовательным процессом: опрос показал, что 91% студентов экспериментальной группы высоко оценили качество и релевантность курса (4,5–5 баллов по 5-балльной шкале) против 73% в контрольной группе. Студенты отметили логичность структуры курса, баланс теории и практики, соответствие заданий будущей профессиональной деятельности.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают эффективность применения методической модели педагогического дизайна для проектирования больших курсов по подготовке лингвистов в высшем образовании. Ключевым выводом исследования является то, что в рамках разработанной методической модели можно эффективно проектировать большие курсы для обучения лингвистов, обеспечивая системное формирование всего комплекса профессиональных компетенций.

Успех применения педагогического дизайна в языковом образовании объясняется несколькими факторами. Во-первых, структурирование контента по уровням ЗУН обеспечивает естественную последовательность овладения языком и профессиональными навыками: от осознания лингвистических явлений через практическую отработку к автоматизированному применению в профессиональном контексте. Во-вторых, систематическая балансировка видов речевой деятельности предотвращает типичную проблему языкового образования – дисбаланс между рецептивными и продуктивными навыками.

Особенно значимым представляется вывод о том, что педагогический дизайн в высшем образовании наиболее часто используется именно в моделировании образовательного процесса для изучения иностранных языков. Это не случайно: языковое образование по своей природе требует систематического планирования, тщательной координации различных компонентов обучения, постоянного мониторинга прогресса студентов. В то время как в других предметных областях возможно фрагментарное применение отдельных инструментов педагогического дизайна, в языковом образовании он становится необходимым условием качественной подготовки.

Сравнение результатов экспериментальной и контрольной групп демонстрирует практическую значимость разработанной методической модели. Разница в приросте языковых компетенций (17,3 балла против 9,8 балла) и в доле студентов, достигших высокого профессионального уровня (82% против 58%), является статистически значимой и указывает на существенное преимущество системного применения педагогического дизайна.

Важным результатом является также развитие метакогнитивных навыков у студентов экспериментальной группы. Структурированность курса, четкость целей и критериев оценивания, регулярная рефлексия способствуют формированию способности к самостоятельному управлению учебным процессом – компетенции, критически важной для непрерывного профессионального развития лингвиста.

Вместе с тем, исследование выявило ряд ограничений и вызовов. Разработка курсов на основе предложенной методической модели требует значительных временных ресурсов: в среднем проектирование одного модуля объемом 40 часов занимает 60–80 часов работы преподавателя-разработчика. Это создает барьер для широкого внедрения подхода, особенно в условиях высокой преподавательской нагрузки в вузах.

Другим ограничением является необходимость изменения организационных форм обучения. Реализация уровня навыков требует организации проектной работы, практики с реальными задачами, что не всегда возможно в рамках традиционного академического расписания. Необходима гибкая организация образовательного процесса, включающая блочно-модульное обучение, интенсивы, практики.

Эффективность модели также зависит от квалификации преподавателей. Применение педагогического дизайна требует от преподавателя не только владения языком и методикой, но и компетенций в области образовательного проектирования, понимания принципов ЗУН, способности разрабатывать комплексные оценочные инструменты. Это указывает на необходимость специальной подготовки преподавателей языковых кафедр в области педагогического дизайна.

Перспективы дальнейших исследований связаны с несколькими направлениями. Во-первых, целесообразна адаптация методической модели для других уровней языковой подготовки (бакалавриат младших

курсов, магистратура). Во-вторых, актуальна разработка цифровых инструментов, автоматизирующих процесс проектирования курсов на основе предложенной модели. В-третьих, необходимо изучение долгосрочных эффектов обучения: отслеживание карьерных траекторий выпускников, оценка их профессиональной успешности, анализ соответствия полученных компетенций требованиям рынка труда.

Также перспективным представляется расширение методической модели на другие аспекты языкового образования: разработка онлайн-курсов, проектирование программ дополнительного профессионального образования лингвистов, создание индивидуальных образовательных траекторий с учетом специализации (устный/письменный перевод, преподавание, межкультурная коммуникация).

Выводы

Педагогический дизайн в высшем образовании наиболее часто используется именно в моделировании образовательного процесса для изучения иностранных языков, что обусловлено многокомпонентностью языковой компетенции, практико-ориентированностью языкового образования и необходимостью системного развития всех видов речевой деятельности.

В рамках разработанной методической модели можно эффективно проектировать большие курсы для обучения лингвистов, обеспечивая интеграцию технологии ЗУН с шестью основными видами речевой деятельности: рецептивной, продуктивной, интерактивной, медиативной, аналитико-исследовательской и педагогической.

Методическая модель проектирования курсов для лингвистов включает пять взаимосвязанных компонентов (целеполагание, структурирование по уровням ЗУН, балансировка видов речевой деятельности, проектирование модулей, система оценивания) и позволяет создавать образовательные программы, максимально приближенные к реальным профессиональным задачам.

Структурирование образовательного контента по уровням ЗУН обеспечивает последовательное развитие профессиональных компетенций лингвиста: от освоения теоретических основ (60% рецептивной деятельности) через практическую отработку (40% рецептивной деятель-

ности) к автоматизированному применению в профессиональном контексте (20% рецептивной деятельности с преобладанием продуктивных и интерактивных видов деятельности).

Апробация методической модели на большом курсе объемом 360 академических часов продемонстрировала значительное повышение эффективности обучения: прирост языковых компетенций в экспериментальной группе составил 17,3 балла по сравнению с 9,8 балла в контрольной группе; 82% студентов экспериментальной группы достигли высокого профессионального уровня против 58% в контрольной группе.

Систематическое применение педагогического дизайна в языковом образовании способствует не только развитию языковых и профессиональных компетенций, но и формированию метакогнитивных навыков, критически важных для непрерывного профессионального развития лингвиста в условиях быстро меняющихся требований рынка труда.

Широкое внедрение методической модели требует организационных изменений в вузах (гибкие формы обучения, блочно-модульная организация) и специальной подготовки преподавателей в области педагогического дизайна, что указывает на необходимость системных изменений в практике высшего языкового образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reigeluth C.* Instructional-design theories and models: A new paradigm of instructional theory, Volume II. “Routledge”, 2023.
2. *Richards J., Rodgers T.* Approaches and methods in language teaching. “Cambridge University Press”, 2024.
3. *Dousay T. Branch R.* Survey of instructional design models. “Brill”, 2023.
4. Council of Europe. Council for Cultural Co-operation. Education Committee. Modern Languages Division. Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment // “Cambridge University Press”, 2021.
5. *Macalister J., Nation I.SP.* Language curriculum design // “Routledge”, 2019.
6. *Моисеева М.В. и др.* Интернет-обучение: технологии педагогического дизайна. М // Издательский дом «Камерон», 2004.
7. *Ефимова Е.А., Корешникова Ю.Н., Давлатова М.А.* Педагогический дизайн: российская и зарубежная исследовательская повестка // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. Т. 44. // М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 3.
8. *Палаткина Г.В., Горина И.В.* К определению сущности понятия «педагогический дизайн» // «Педагогические исследования (сетевое издание)», № 2, 2020. СС. 12–18.

INSTRUCTIONAL DESIGN TECHNOLOGY IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION: DESIGNING TRAINING COURSES FOR LINGUIST STUDENTS

A. Rubtsova[1], S. Sokolova[2]
[1,2]Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABSTRACT

The article examines the conditions for applying instructional design models in foreign language education for designing the process of foreign language learning. A methodological model for designing courses for linguist student training is presented, based on the integration of various types of speech activity. The research demonstrates that instructional design technology is most effective specifically in language education, where systematic formation of foreign language communicative competence is required. The developed model allows structuring educational content taking into account the specifics of professional linguist training and ensures sequential development of language skills from basic to professional level.
Keywords: instructional design, language education, methodological model, speech activity, linguist training.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-829-835

ГРУППОВЫЕ ВИДЕОПРОЕКТЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ И КРЕАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

А.Л. Тумасян

Российско-Армянский университет
alina.tumasyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению групповых видеопроектов, которые в рамках уроков английского языка являются эффективным средством развития у студентов как языковых, так и креативных компетенций. В связи с различными причинами, такими как глобализация, внедрение новых технологий и Искусственного интеллекта, изменений на рынке труда, в XXI возрастает потребность формировать у обучающихся не только языковые знания, но и универсальные компетенции 4К, а именно: критическое мышление, коллаборация, креативность и коммуникация. Достичь развития указанных универсальных компетенций возможно, в частности, посредством проектного обучения, одной из форм реализации которого являются групповые проекты. В данной работе проведен анализ зарубежных исследований, а также представлен собственный педагогический опыт автора. Описываются основные этапы реализации видеопроектов, формы их организации и педагогический эффект, рассматривается влияние на развитие языковых знаний, универсальных компетенций, благоприятной образовательной атмосферы, отмечается роль рефлексии, взаимной оценки и обсуждения результатов.

Ключевые слова: групповые видеопроекты, 4К, проектное обучение, коллаборативное обучение.

Введение

XXI век – период возникновения нового подхода в образовании. Данный переход был вызван различными причинами.

Начнем с того, что в наше время активно развиваются ИТ-технологии и Искусственный интеллект, что играет важную роль в развитии современного общества и разных его аспектов, включая образование. Это приводит к многообразным изменениям, в связи с чем необходимо

не только узнавать и изучать факты, но и уметь учиться всю жизнь и владеть навыком быстрой адаптации.

Еще один важный фактор – это глобализация. В нашем глобализированном мире люди учатся, работают, общаются, заводят отношения различного характера по всему миру. Именно поэтому особенно важны такие навыки, как критическое мышление, владение иностранными языками, умение сотрудничать и работать в команде, межкультурная коммуникация. Помимо вышеуказанного, люди подвержены многочисленным социальным вызовам, таким как миграция, конфликты, неравенство и другие. Важной задачей является подготовить людей и научить их работать в команде, быть ответственными и принимать правильные решения.

Изменения вторглись и в рынок труда. В настоящее время работодателям нужны не просто профессионалы, подготовленные на учебниках традиционными методами обучения, получившие просто теоретические знания, а креативные сотрудники с такими “soft skills”, как лидерство, решение проблем и коммуникация, умеющие находить выход из любой нестандартной ситуации. Данный навык зачастую проверяется видом собеседования, которое в английском языке носит название “extreme interview”, во время которого интервьюер задает кандидату нестандартные вопросы (например, каким видом динозавра Вы являетесь?) и ставит его в неловкое положение. Основной задачей такого собеседования является именно проверка поведения кандидата в нестандартной ситуации. Таким методом, к примеру, часто пользовался Стив Джобс, который известен тем, что часто смущал своих кандидатов.

Таким образом, можно сделать вывод, что изменилась и сама роль образования, его основная цель. Раньше, во времена традиционного образования, было важно научить, проверить и выпустить, сейчас же – помочь человеку обрести все необходимые компетенции для жизни, работы и саморазвития.

Именно с учетом вышеуказанных причин, так как традиционное образование перестало соответствовать требованиям современного мира, возник новый подход. Одной из подобных программ является проект “OECD Future of Education and Skills 2030” – крупный международный проект, посвященный будущему образования и тому, какие навыки, умения, способности могут понадобиться людям для успешной работы в XXI веке. В рамках данного проекта изучается, как различные страны

перестраивают свои образовательные системы и адаптируют их под современные требования и тенденции. Внимание уделяется не только получению знаний, но и коммуникации, коллаборации, критическому мышлению и креативности (4К). Проект нацелен на поддержку стран в адаптации их образовательных систем с учетом тех компетенций XXI века (знания, умения, установки и ценности), которые необходимы студентам и учителям для успешного будущего. С этой целью проект реализует два направления работы: обучение и преподавание для 2030 года и международный анализ учебных программ [1].

В Западной Вирджинии попытки внести изменения в систему образования были предприняты еще в 2005г., при том, что изменения касались не какого-либо одного аспекта, а всей системы в целом. Учителя штата участвовали в летних институтах, осваивая метод обучения на основе проектов, далее делясь полученными знаниями с остальными коллегами. В 2012г. в США были представлены результаты одного проведенного исследования, которые отразили изменения в классах с начала инициативы. Выяснилось, что благодаря этому методу ученики учатся быстро ориентироваться, вносить вклад в коллективные усилия и творчески работать, сталкиваясь с новыми вызовами [2].

Цель данной статьи – анализ педагогического потенциала групповых видеопроектов как средства развития языковых и креативных компетенций студентов в процессе обучения английскому языку. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) анализ исследований, посвященных проектному (“project-based learning”) и коллаборативному (“collaborative learning”) обучению;
2) характеристика и описание основных этапов и форм групповых видеопроектов;
3) выявление влияний групповых видеопроектов на развитие языковых, креативных, универсальных компетенций;
4) выявление влияний групповых видеопроектов на учебную мотивацию студентов и благоприятную образовательную атмосферу.

Обучение на основе проектов (“Project-based learning”, PBL) – это новая модель исследовательского обучения, которая строится вокруг концепций и принципов определенного предмета с использованием множества ресурсов и непрерывных исследовательских активностей в реальном мире. Целью является создание полноценного проектного

продукта и решение множества взаимосвязанных проблем в течение определенного периода времени [3]. Данный тип преподавания и обучения выходит за рамки дисциплинарных границ и традиционных методов, строится вокруг практических задач и развивает у студентов ориентированные на будущее способности, такие как креативное мышление, постановку задач, решение проблем, критическое мышление, коммуникацию и сотрудничество. Эффективность обучения на основе проектов активно изучается и уже проведено значительное количество исследований, однако полного консенсуса в отношении его влияния на развитие мыслительных навыков, академическую успеваемость и эмоциональное отношение студентов пока не существует. Тем не менее многие исследования показали, что данный подход способен повысить мотивацию студентов к обучению, развить навыки решения проблем, умение работать в команде и коммуникативные способности.

В рамках исследования, авторами которого являются Лю Чжан и Ян Ма, был проведен мета-анализ 60-ти эмпирических работ, посвященных использованию проектного метода. Результаты подтверждают, что данный подход эффективен в развитии базовой грамотности, навыков высокого уровня мышления и компетенций XXI века. Обучение на основе проектов существенно повышает учебные достижения студентов по сравнению с традиционными моделями преподавания. Однако эффективность этого метода зависит от различных факторов – таких, как предметная область, тип курса, уровень образования, размер группы и размер класса. Отметим, что проектное обучение оказалось эффективнее в Азии чем в Западной Европе и Северной Америке, в инженерных и технологических дисциплинах и в малых классах, наиболее высокие показатели выявлены в группах, состоявших из 4–5 человек [4].

Проектный метод тесно связан с коллаборативным обучением, благодаря чему, собственно, положительно влияет на развитие навыка сотрудничества. Панитц Т. выделил многочисленные преимущества коллаборативного обучения. Совместно с Джонсоном он перечислил более пятидесяти преимуществ, которые можно разделить на четыре категории: социальные, психологические, академические, оценивание. Коллаборативное обучение помогает развивать у студентов систему социальной поддержки, осознание разнообразия среди студентов и преподавателей, навык сотрудничества и коллективной работы, развивает

учебные сообщества (социальные преимущества). Студенты общаются и проводят вместе длительное время в том числе в новой обстановке, а именно за пределами учебного заведения, что также положительно сказывается на развитии навыка коллаборации, взаимопонимания, взаимодействия и на формировании теплой и благоприятной атмосферы. Более того, обучение, ориентированное на студента, повышает самооценку, снижается уровень тревожности благодаря коллективной работе, формируется положительное отношение к преподавателям (психологические преимущества). Коллаборативное обучение развивает навыки критического мышления, активно вовлекает студентов в процесс обучения, улучшает их результаты, мотивирует в рамках конкретной учебной программы (академические преимущества), а также позволяет применять разные формы оценки. Часто студентов просят оценить себя и свою группу. Коллаборативное обучение приводит к акценту как на обучении, так и на преподавании, а также к большей ответственности студентов за собственное обучение [5].

Одним из методов, способствующих развитию многочисленных компетенций языка, является групповой видеопроект, который может выражаться в разных формах, таких как мини-фильмы, интервью, постановочные сцены, блоги и т.д. Средняя продолжительность видеопроекта обычно составляет около 5 минут, однако мы в нашей практике предпочитаем устанавливать продолжительность около 10 минут. Преподаватель может сам выбрать темы для групп, в том числе может связать их с направлением, на котором учатся студенты, либо может оставить пространство для творчества. Данная работа предполагает определенные этапы: планирование, распределение ролей, съемка, монтаж, презентация и обсуждение. Какой педагогический эффект оказывает данное задание? В первую очередь, видеопроекты содействуют развитию языковых навыков – таких, как устная и письменная речь, грамматика, лексика. В процессе написания текста студенты практикуют письменную речь, используют грамматические конструкции, обогащают словарный запас, необходимый для представления темы. Во время самой съемки студенты практикуют устную речь, а также должны проверять произношение неизвестных новых слов. В силу различных причин, не зависящих от них самих (прохожие, смех, оговорки), студенты порой вынуждены снимать один и тот же отрывок по нескольку раз, что также

оказывает положительный эффект. Более того, видеопроект развивает креативное мышление, навык, необходимый в современном мире. Студенты придумывают различные сценарии, обеспечивают визуальное оформление, находят нестандартные решения. Некоторые видеопроекты, выполненные моими студентами, включают в себя высококачественную рекламу БМВ, озвучку сериала «Ералаш» на английский язык, интервью с приезжими гражданами Индии, реклама заведения с лучшей шаурмой, ради чего студенты отправились в другой город, и многие другие видеопроекты. Каждый из них поистине уникален и неповторим. Видеопроекты также формируют командные навыки, а также способствуют сплочению студентов. Они собираются вместе в новой среде, вне стен университета, проводят время вместе, что формирует дружескую атмосферу. Все вышеперечисленные пункты приводят к повышению мотивации к изучению английского языка.

После просмотра каждого видеопроекта на уроке студенты проводят обсуждение, отмечают положительные и отрицательные стороны просмотренного проекта, оставляют свой фидбек, вновь практикуя устную речь. В конце урока предлагается заполнить анонимный опрос и выбрать проект, который им понравился больше всего, пояснив свой выбор на английском языке, что также способствует практике письменной речи. На основании полученных результатов группа с наибольшим количеством голосов считается победителем. Преподаватель может поощрить сладким призом, который группа-победитель сможет разделить между всеми, включая остальные группы, что также скажется позитивно на взаимоотношениях студентов.

Безусловно, в случае съемки видеопроектов могут возникнуть определенные вызовы и ограничения, такие как доступ к оборудованию, навыки монтажа, распределение обязанностей и дедлайны. Отметим, однако, что все ограничения решаемы: в современном мире возможно снять высококачественное видео на мобильное устройство, а освоить базовые навыки монтажа возможно при помощи онлайн-ресурсов.

Итак, групповые видеопроекты – эффективный способ интегрировать языковое обучение и развитие креативности. Они способствуют развитию языковых компетенций, способствуют повышению мотивации сту-

дентов, формируют дружескую атмосферу. В дальнейшем можно рассматривать использование AI-инструментов, а также интегрировать видеопроекты с другими видами заданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. OECD. Future of Education and Skills, 2030 [Эл. ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/about/projects/future-of-education-and-skills-2030.html (дата обращения: 10.10.2025).
2. *Boss S.* How Project-Based Learning Builds 21st-Century Skills [Эл. ресурс]. Edutopia. URL: https://www.edutopia.org/blog/21st-century-skills-pbl-suzie-boss (дата обращения: 12.10.2025).
3. *Jingfu L., Zhixian Z.* (2002). Project-based learning model. Foreign Educ. Res., № 11. PP. 18–22. [Google Scholar].
4. *Zhang L, Ma Y.* A study of the impact of project-based learning on student learning effects: a meta-analysis study. Front Psychol. 2023 Jul 17; 14: 1202728. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1202728. PMID: 37564309; PMCID: PMC10411581.
5. *Laal M., Ghodsi S.* Benefits of collaborative learning // "Procedia – Social and Behavioral Sciences". Vol. 31, 2012. PP. 486–490. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042811030205 (дата обращения: 20.10.2025).

GROUP-BASED VIDEO PROJECTS AS A TOOL FOR DEVELOPING STUDENTS' LINGUISTIC AND CREATIVE COMPETENCIES IN ENGLISH LANGUAGE EDUCATION

A. Tumasian
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to the study of group video projects which, within the framework of English language classes, serve as an effective means of developing both students' linguistic and creative competencies. Due to a range of factors such as globalization, the integration of new technologies and artificial intelligence, and changes in the labor market, the 21-st century has seen a growing need to develop not only learners' language proficiency but also universal 4C competencies, namely critical thinking, collaboration, creativity, and communication. The development of these universal competencies can be achieved, in particular, through project-based learning, one of the forms of which is group project work. This paper presents an analysis of international research as well as the author's own pedagogical experience. It describes the main stages of video project implementation, forms of organization, and pedagogical outcomes, examines their impact on the development of language competence and universal skills, the creation of a supportive learning environment, and highlights the role of reflection, peer assessment, and discussion of results.

Keywords: group video projects; the 4Cs; project-based learning; collaborative learning.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-836-848

LES STRATÉGIES MÉTACOGNITIVES VISANT LE DÉVELOPPEMENT DE LA COMPÉTENCE LINGUISTIQUE

R.Ya. Khachatryan

Candidate des sciences pédagogiques, maîtresse de conférence
Université russo-arménienne
Institut de philologie et de communication interculturelle
ruzkhachatryan@mail.ru

RESUME

Les stratégies métacognitives sont des méthodes visant à gérer l'activité cognitive, avec leur aide, l'apprenant contrôle indépendamment le processus d'apprentissage. Les stratégies cognitives sont considérées comme des méthodes pour répondre à des problèmes et à des tâches d'apprentissage spécifiques.
Le développement des besoins d'utilisation d'une langue étrangère stimule des conversations régulières avec les autres, ce qui fait partie intégrante des stratégies métacognitives. En conséquence, les étudiants améliorent non seulement leurs compétences en communication, mais développent également une capacité de réflexion, ce qui élève l'efficacité de l'apprentissage des langues à un niveau supérieur. Ainsi, les stratégies métacognitives visant à enseigner la parole spontanée en langue étrangère représentent des études fascinantes et variées. Lors de l'apprentissage d'une nouvelle langue, il y a une immersion dans ses caractéristiques sonores et structurelles. À partir de l'apprentissage de mots individuels, les étudiants passent progressivement à des phrases et à de brèves déclarations et, finalement, à une communication directe dans une langue étrangère.
Mots-clés: stratégies métacognitives, cognitif, apprentissage, enseignement, apprenant, communication, la langue.

Dans le monde d'aujourd'hui, les compétences métacognitives sont devenues la clé de l'apprentissage humain. Pendant des siècles, l'enseignement s'est efforcée de fournir des connaissances aux êtres humains, mais aujourd'hui nous les obtenons facilement sur Internet. Et il arrive souvent que les apprenants en sachent plus sur un sujet que l'enseignant. Par conséquent, la principale chose qu'il est logique de développer est la capacité à gérer sa propre cognition sur la base des connaissances acquises.

Le terme “métacognition” est la capacité d'analyser les propres stratégies de pensée et de gérer la cognition qui a été introduit par le linguiste John

Flavell. Il a souligné le rôle de la métacognition dans l'observation et la régulation des processus, la réalisation d'objectifs conscients et la distinction entre ces processus cognitifs comme la vérification, la planification et la selection.

“La métacognition est une sorte de pensée qui comprend la fonction de contrôle des processus cognitifs. Elle peut simplement être définie comme une pensée sur la pensée (thinking about thinking)” (Wellman).

La complexité du concept de métacognition est liée à son caractère hétérocontactique, à l`utilisation dans diverses disciplines (psychologie cognitive, psychologie du développement, philosophie de l'esprit, etc.), ce qui permet à certains chercheurs de parler des concepts utilisés, tels que autorégulation, autogestion, contrôle exécutif.

Une autre difficulté est de savoir comment distinguer la cognition et la métacognition. Cela est dû en partie au fait que la sphère cognitive elle-même et les processus sont très divers et étendus, y compris un grand nombre de compétences. Dans son concept de métacognition indique que la métacognition et la cognition se diffèrent dans le contenu et la fonction, mais la forme et la qualité sont identiques, c'est-à-dire qu'elles peuvent être correctes et fausses, peuvent être acquises et oubliées.

Le contenu de la métacognition est la connaissance, les compétences et l'information sur la connaissance; en même temps, le contenu de la connaissance sont des objets externes (objets, personnes, phénomènes physiques, événements, signes, etc.) ou le monde intérieur (images, émotions, sensations, etc.). Douglas Hacker indique que “la pensée au niveau de la métacognition ne vient pas de la réalité extérieure immédiate de l'homme; plutôt, la source de métacognition est liée à la réalité mentale interne, et peut inclure la connaissance d'elle-même: comment elle fonctionne et comment elle se sent”.

La distinction entre la cognition et la métacognition par fonction est réalisée comme suit. La fonction de cognition comprend la résolution d'un problème amener cette action à une conclusion heureuse. Fonction de la métacognition est la régulation de ce processus de cognition par la résolution des tâches telles que: l'augmentation de la concentration pour surmonter les interférences externes, l'utilisation consciente de la mémoire pour mieux comprendre les conditions.

Les notions de métacognition diffèrent également de ce qui était, sont construits dans différents systèmes conceptuels: le sous-sol de découvertes plus générales et théoriques, telles que les concepts de Flavell et Brown, et

d'autres origines dans les secteurs spécialisés de la science soulignent les caractéristiques individuelles de la métacognition, telles que la connaissance du langage de structure (Thunder et Boway), mémoire de processus et méta-mémoire (Schneider), stratégies d'autorégulation métaconfessionnelles dans le processus de la lecture (Scardamalia et Bereiter).

Le rôle de la réflexion dans la métacognition est également important. Avant de parler du rôle de la réflexion dans la métacognition, il est nécessaire de clarifier le concept même de réflexion et le différencier du concept auto-réflexion.

Dans la Grande Encyclopédie soviétique, le concept de réflexion est défini par comme suit: “Reflexio (de reflexio – retour en arrière, réflexion), une forme d'activité théorique de l'homme visant à comprendre ses propres actions et leurs lois, révélant la spécificité du monde spirituel de l'homme”.

Dans le dictionnaire encyclopédique philosophique, la réflexion est définie par comme suit: “le principe de la pensée humaine qui le guide sur la compréhension et la prise de conscience de leurs propres formes et conditions préalables; examen de la connaissance elle-même, analyse et critique, son contenu et ses méthodes de cognition; l'activité de la connaissance de soi, révélant la structure interne et la spécificité du monde spirituel de l'homme”.

L`auto-réflexion et la métacognition sont également étroitement liées à la théorie individuelle (theory of mind), qui est formée à l'âge de trois ou quatre ans. Elle n'est pas rare dans de nombreux domaines de la connaissance, car les apprenants doivent organiser les informations reçues dans l'ordre et les organiser en structures; analyser des situations; créer des hypothèses et inventer des moyens de résoudre le problème. L'auto-réflexion permet non seulement de mieux comprendre le sujet, mais aussi donner des informations sur les processus subjectifs de l'apprentissage, sur les compétences métaconfessionnelles.

John Flavell a introduit le concept de métacognitivité, le comprenant comme un processus cognitif spécial visant à comprendre sa propre activité cognitive. En d'autres termes, les compétences métacognitives représentent la capacité de penser à sa propre pensée, ce qui est d'une grande importance dans la résolution de presque tous les problèmes. Dans son article devenu classique, “Métacognition et cognitive surveillance” il fait une première tentative pour discerner les composantes de la métacognition en créant un

modèle cognitive modélisation / régulation. Son modèle comprend les éléments suivants:

- connaissance métacognitive;
- expérience métacognitive;
- objectifs ou objectifs cognitifs;
- actions ou stratégies cognitives.

La connaissance métacognitive est la connaissance interpersonnelle de l`être himain, processus cognitifs par rapport aux capacités des autres. L'énonciation "je suis bon en arithmétique, mais mon ami connaît plus de mots que moi", peut servir d'exemple de connaissance métacognitive. Flavell indique, que la connaissance métacognitive consiste en des jugements ou des croyances, dans quelle mesure les facteurs ou les actions et les interactions influent sur le début et le résultat de l'activité cognitive. Il a également identifié trois domaines principaux en relation avec ces facteurs:

- de personnalité;
- établissement d'objectifs;
- stratégique.

La sphère personnelle est constituée de concepts dans lesquels une personne décrit notre vision de nous-même et des autres en tant qu'êtres pensants, les idées d'une personne sur les différences interpersonnelles. Par exemple: la notion de possibilités universelles de connaissance; savoir ou croire qu'il existe de différents degrés ou niveaux de compréhension.

L'établissement d'objectifs est une information sur les possibilités et les exigences d'une tâche cognitive spéciale à un moment donné. Cela inclut notre compréhension de la disponibilité et de la validité énoncée de la mission et des objectifs spécifiques à atteindre, une idée de la meilleure façon de résoudre le problème et sa solution réussie.

Dans le facteur stratégique, il y a des connaissances sur ce qui est le plus une stratégie efficace pour atteindre des sous-objectifs ou des objectifs dans divers domaines et des tâches cognitives. Flavell insiste sur le fait qu'il est possible de distinguer comment fonctionnent les stratégies métacognitives et cognitives et cette distinction dans le développement d'idées concernant les instructions métacognitives.

Flavell croit que le métacognitif et les connaissances cognitives ne varient pas en forme et en qualité. En conséquence, il croit que la connaissance

métacognitive peut être aussi inconsciente, utilisé automatiquement et conscient dans le processus de mémoire de ce qu'il appelle une expérience métacognitive.

L'expérience métacognitive est cognitive ou une expérience émotionnelle qui accompagne une expérience cognitive en activité. En d'autres termes, il représente le conscient dans l`examen de l'expérience mentale accompagnant des situations infructueuses dans l'apprentissage ou d'autres activités cognitives. Par exemple, un sentiment de confusion ressenti lors de la lecture d'un fragment texte. Flavell souligne que ce genre de raisonnement multiple devrait être lié à la façon dont une personne se sent dans la tâche à accomplir et comment il y parvient. Surtout qu`elle attire l'attention sur le fait que de telles réflexions peuvent être à la fois pendant la résolution du problème et avant et après cela. Flavell indique que ce genre d'expérience métacognitive exige d'une personne un travail conscient important, réflexion, par exemple dans des situations nécessitant une planification préalable ou nécessitant une risque de responsabilité.

Les objectifs ou les tâches cognitifs correspondent à des circonstances réelles de situation cognitive, par exemple: la lecture d'un texte et la compréhension de celui-ci pour écrire un test initiant l'utilisation de la connaissance métacognitive et conduisant à l'acquisition de nouvelles expériences métacognitives.

Les actions cognitives et leurs stratégies comprennent l`utilisation de moyens spéciaux pour atteindre les objectifs. Donc, l'expérience métacognitive peut être un souvenir du fait que, lors de la lecture des textes plus tôt, la mise en évidence des idées principales lors de la lecture a aidé à atteindre la compréhension de la lecture.

A. Brown a divisé la métacognition en deux grandes catégories:

- *la connaissance de la cognition* – un ensemble d'activités comprenant la réflexion consciente sur les actions et les capacités cognitives;
- *la régulation de la cognition* – un ensemble d'activités nécessitant mécanismes d'autorégulation tout au long de l'apprentissage ou de la résolution de problèmes.

Selon A. Brown, ces deux formes de métacognition récursivement se nourrissent les uns les autres, mais dans l'analyse peuvent être séparés.

La connaissance de la cognition correspond à des informations durables, définissables, souvent erronées et récemment acquises sur ce que les

gens pensent à leurs processus cognitifs et implique la capacité de réfléchir à leurs processus cognitifs en les traitant comme un objet de réflexion; le plus souvent décrit par les mots “je sais quoi...”

La régulation de la cognition consiste en des activités de régulation et d'observation

sur la formation. Ces processus sont les suivants:

- planification de l'activité-anticiper le résultat, planifier des stratégies, diverses formes d'essais et d'erreurs avant de résoudre le problème;
- surveillance de l'activité-surveillance, tester, réviser et repenser les stratégies d'apprentissage pendant les formations;
- vérification des résultats-évaluation des résultats de chaque stratégie par efficacité / inefficacité.

Cela suppose que ce type d'activité est relativement instable, bien qu'ils soient toujours utilisés par les adultes dans la résolution de problèmes simples. Aussi, ces activités sont définissables, c'est-à-dire que la capacité de faire quelque chose ne suppose pas toujours la capacité de comprendre également la manière dont cela est réalisé et la compétence transmet à d'autres personnes et relativement est indépendante de l'âge, et dépend de la situation et de la tâche elle-même.

En outre, A. Brown introduit le terme “état pilote automatique”, montrant que les apprenants/lecteurs expérimentés suivent constamment pour les comprendre et garder en mémoire en évaluant des progrès à la lumière des objectifs de l'apprentissage au point que ces processus deviennent automatiques et les apprenants sont en quelque sorte “sur le pilote automatique”. Cette notion explique pourquoi les personnes et les sujets de la métacognition appliquent des connaissances et des compétences métacognitives dans des situations d'apprentissage, parfois ne réalisent pas leur propres stratégies et ne peuvent pas décrire leurs connaissances métacognitives.

Ce modèle conceptuel met en évidence les processus directeurs, soulignant l'importance du contrôle. A. Brown souligne l'importance de la capacité et de la régulation de l'activité cognitive, ce qui peut être utilisée par des spécialistes intéressés par l'application de concepts dans le processus éducatif.

Le terme même de « métacognition» a été introduit en psychologie par John Flavell. Ce dernier était un élève du grand épistémologue et psychologue

suisse Jean Piaget, un chercheur sur l'intelligence humaine et le développement cognitif des enfants. Dans la lignée de Piaget, Flavell a cherché à comprendre comment un enfant acquiert la connaissance de sa propre cognition et comment il peut l'utiliser efficacement. Flavell a distingué deux composantes dans la structure de la métacognition.

Les composantes métacognitives et régulatrices sont aujourd'hui très bien comprises et structurées. Dans la sphère métacognitive, outre la connaissance de nos processus cognitifs, de la durée de notre attention, de la mémoire la plus développée – auditive, visuelle, sémantique -, de la durée de répétition de telle ou telle information pour qu'elle soit fixée dans la mémoire, trois autres composantes importantes sont identifiées.

La première concerne *les expériences métacognitives*, c'est-à-dire la connaissance des types de tâches et de stratégies que je peux utiliser pour acquérir de nouvelles connaissances. Quant aux expériences métacognitives, elles sont, selon Flavell, essentielles au développement de la métacognition dans l'enfance. Ce sont des sentiments qui se manifestent en rapport avec l'efficacité ou l'inefficacité avec laquelle je résous une tâche. Ce sont des sentiments qui me font réaliser que quelque chose n'a pas fonctionné ou, au contraire, que tout a réussi, peut-être même mieux que ce à quoi je m'attendais.

P.ex. "*Il s'est enfin rendu compte... que le meurtre n'était pas un crime pour lui, mais seulement une pensée malade, un rêve, une illusion; il l'avait commis non pas pour le bien, non pas pour la libération, non pas pour un grand dessein, mais.... mais pour oser, pour se prouver à lui-même qu'il n'était pas une créature tremblante... mais il ne l'a pas fait...*" du roman Crime et Châtiment de F.M. Dostoïevski. C'est le moment où Rodion Raskolnikov a déjà commis le meurtre et où sa conscience est déchirée entre la logique, l'émotion et le trouble moral – il se rend compte non seulement de ce qui se passe, mais aussi de la manière dont il s'en rend compte, ce qui est une expérience métacognitive.

Le personnage évalue ses motivations antérieures, son processus de pensée et son auto-illusion et arrive à la conclusion de l'effondrement interne de sa propre idée. Les expériences métacognitives sont nécessaires à toutes les étapes d'une tâche. Elles nous permettent d'évaluer si la tâche est résoluble ou non, si nous pouvons la résoudre ou non, si nous avançons dans la bonne ou la mauvaise direction, si nous pouvons affirmer avec certitude que la tâche est déjà résolue ou si nous avons encore du travail à faire. Ainsi, grâce aux

expériences métacognitives, nous pouvons ajuster la stratégie de gestion de notre propre cognition – ce que l'on appelle la stratégie métacognitive, et qui est étroitement liée aux types de problèmes qu`on résout.

Les connaissances métacognitives sur les tâches comprennent les connaissances liées à l'estimation de la probabilité de résoudre une tâche, c'est-à-dire quelle est la probabilité de réussir à résoudre une tâche cognitive à la lumière des conditions actuellement présentes. Enfin, l'aspect le plus important et le plus intéressant de la métacognition, qui se situe à l'interface entre la métacognition et la métarégulation, concerne les stratégies métacognitives. Il s'agit de savoir par où commencer et ce qu'il faut laisser pour plus tard, combien de temps il faut consacrer à un type de tâche pour qu'il reste du temps pour résoudre efficacement un autre type de tâche, comment répartir l'attention entre les tâches, en sachant combien d'efforts chacune d'entre elles demandera.

Le développement de la métacognition commence par deux autres questions. Tout d'abord, la question “Comment l'as-tu reconnu? Cela oblige l'apprenant à réfléchir sur le fonctionnement de sa mémoire, de son attention, de sa pensée. Et la deuxième question principale est “Pourquoi l'as-tu appris?””, c'est-à-dire pourquoi l'apprenant a-t-il besoin de ces connaissances, où peuvent-elles être utilisées. Et cette question nous conduit directement au problème de la motivation, celle-là même qui fait le plus souvent défaut aux apprenants d'aujourd'hui.

D'où la principale réponse à la question "Comment développer la métacognition?

Il est important que l'enseignant, le mentor, montre explicitement comment fonctionne la métacognition aux stades de la planification, du suivi et de l'évaluation.

Les expériences métacognitives se distinguent également par les processus qu'elles accompagnent et la valence de l'expérience. Le sentiment de familiarité, le sentiment de connaissance, le sentiment d'être “sur le bout de la langue”, le sentiment de vide dans l'esprit, les jugements de facilité d'apprentissage, les jugements d'apprentissage, le contrôle de la source, les jugements de souvenir/connaissance et les phénomènes tels que le déjà-vu et le jamais-vu sont liés au processus de mémorisation. Dans la résolution de problèmes et la prise de décision, il y a des jugements de solvabilité, des senti-

ments de difficulté, des sentiments de proximité de la réponse, des expériences, des expériences d'impasse subjective et des sentiments de justesse. Le sentiment de contrôle est lié aux tâches motrices. Certaines expériences métacognitives sont plus générales et accompagnent différents processus. Par exemple, le sentiment de confiance est enregistré à la fois dans les tâches de réflexion et de mémoire et dans les tâches de reconnaissance de stimulus. Dans le domaine de la perception, des sentiments de fluidité/de facilité (cf. théorie de la fluidité du traitement de l'information) sont également souvent enregistrés.

Les chercheurs définissent les fonctions des expériences métacognitives de différentes manières. Certains (comme G. Simon) les considèrent comme un épiphénomène, c'est-à-dire qu'ils ne permettent pas aux expériences métacognitives d'influencer les processus cognitifs. Dans le cadre de l'épiphénoménalisme, les expériences métacognitives n'ont pas de fonctions indépendantes. Au début du développement de la psychologie cognitive, cette approche était la plus acceptée, notamment parce que l'une des principales tâches de la première psychologie cognitive était de créer des modèles informatiques des processus cognitifs.

Dans les théories sur les expériences métacognitives, ces sentiments se voient le plus souvent attribuer une fonction de surveillance. Dans des théories spécifiques, chaque expérience métacognitive est supposée surveiller la performance d'un processus cognitif particulier. Par exemple, la sensation «sur le bout de la langue» indique qu'un mot est connu, mais que l'activation de ce mot dans la mémoire sémantique est insuffisante pour sa réalisation (récupération en mémoire). Dans les théories non spécifiques, les expériences métacognitives ne contiennent pas d'informations sur leur source, mais surveillent plutôt les performances du système cognitif dans son ensemble. Par exemple, dans la théorie de la fluidité du traitement de l'information, une augmentation de la confiance peut indiquer un changement dans la facilité de traitement d'un stimulus.

Garner et Alexander ont souligné que la pertinence de la recherche empirique sur la mesure de la métacognition nécessitent des réponses attentives aux questions suivantes: “Comment pouvons-nous mesurer la connaissance sur la connaissance plus attentivement?”, “Comment pouvons-nous mesurer les effets de formation?”.

Un nombre de scientifiques suggèrent d'utiliser plusieures méthodes pour obtenir une image plus ou moins fiable en domaine d'étude.

- *Accompagnement à penser à haute voix* où l`apprenant prononce à haute voix tout ce qu`il pense, jusqu'à ce qu'il execute une tâche. L'avantage de cette méthode est un moment invisible dans le processus, L'inconvénient de cette méthode sont les processus automatiques qui restent non comptabilisés; les jeunes apprenants ne sont pas capables à une telle verbalisation; le rapport peut se briser le processus; une trop grande quantité de matériel et un analyse nécessaire.
- *Conversation après le processus-entretien* où l'étudiant doit se souvenir de tout ce qu'il pensait et faisait pendant le processus. L'avantage de cette méthode est que les données correspondent spécifiquement aux échantillons spécifiés.

L'inconvénient de cette méthode est le manque de conscience du processus pour les processus; incapacité à se souvenir des processus cognitifs où les événements entraînent un écart entre le processus et le rapport; insuffisance du développement de la parole chez les enfants et les différences du langages des adultes et des enfants; influence possible de l'intervieweur sur le contenu des réponses.

- *Apprentissage inter-âge* - les mentors demandent aux jeunes enfants de résoudre le problème afin d'observer les moyens et les activités que les enfants utiliseront. L'avantage de cette méthode est les données non verbales; éviter de deviner que le chercheur veut entendre en réponses.

L'inconvénient de cette méthode est seulement qu'elle est utile dans la recherche de stratégies spécifiques. Par exemple, la prise de conscience de l'utilité d'une stratégie de relecture de texte.

- *Questionnaire auto-évaluation* – utiliser le questionnaire de Likert ou graduer en continu questionnaires avec des questions détaillées.

L'avantage de cette méthode est la structuration et la claret, la facilité de calcul et d'évaluation.

L'inconvénient de cette méthode est que les réponses peuvent être données pour plaire au chercheur; difficulté à rapport sur peu ou en partie processus automatique.

La recherche montre que les apprenants ont les problèmes suivants par: déterminer le niveau de complexité de la tâche; surveiller le niveau de son

conscience (c'est-à-dire comprendre que quelque chose qu'ils n'ont pas complètement compris et combien de temps faudra-t-il pour résoudre chaque partie); de leurs actions ou utiliser toutes les informations connexes; l'utilisation d'une approche progressive étape par étape. Et toutes ces compétences sont métacognitives.

Ainsi, les compétences métaconfessionnelles peuvent être appellées d`une condition nécessaire mais insuffisante pour réussir dans le domaine d'autres paramètres tels que la motivation, la persévérance. Le niveau et la durée sont également un facteur important de l'apprentissage cependant, même avec un tel regard sur les choses, les compétences métaconfessionnelles qui sont très importantes dans le processus des déshumidificateurs, car ce sont eux qui aident les apprenants à comprendre exactement comment il faut leur apprendre, penser, se comporter, mémoriser du matériel et résoudre des problèmes.

Il existe plusieures approches d'apprentissage des compétences métaconfessionnelles, les plus efficaces sont celles, qui combinent l'apprentissage théorique et pratique. L`étudiant en ce cas obtient non seulement une certaine connaissance de la cognition (c'est-à-dire la connaissance métacognitive), mais pratique aussi comme compétences cognitives et métacognitives dans le processus d'apprentissage, car ni la théorie ni la pratique ne donnent de bons résultats durables.

On est venu à la conclusion que le niveau de confiance non seulement améliore les compétences en communication, mais favorise également le développement de la pensée critique et la compréhension des caractéristiques culturelles. Les étudiants acquièrent la capacité de s'adapter à une variété de situations linguistiques, en faisant preuve de souplesse dans le choix des moyens expressifs et en communiquant efficacement avec des locuteurs natifs. En conséquence, cela augmente non seulement le niveau de compétence d'une langue étrangère, mais crée également une compréhension profonde.

BIBLIOGRAPHIE

1. *Flavell J.* Metacognitive aspects of problem solving // “The Nature of Intelligence”. Ch. 12. New Jersey, 1976. PP. 231–235.
2. *Flavell J.* Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive developmental inquiry // “American Psychologist”, № 34 (10). PP. 906–911, 1979.
3. *Flavell J., Miller P., Miller S.* Cognitive Development. New Jersey, 2001.

4. *Gama C.* Metacognition and reflection in its increasing awareness to improve learning // Proceedings of the Artificial Intelligence in Education Conference, San Antonio (USA), 2001. PP. 492–495.
5. *Garner R., Alexander P.* Metacognition: Answered and unanswered questions // "Educational Psychologist", № 24 (2), 1989. PP. 143–158.
6. *Hacker D.* Metacognition: Definitions and empirical foundations. In D.J. Hacker, J. Dunlosky, and A.C. Graesser (eds.), Metacognition in Educational Theory and Practice, chapter 1. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
7. *Hartman H.* Metacognition in Learning and Instruction: Theory, Research, and Practice. Dordrecht, The Netherlands, "Kluwer Academic Publishers", 2001.
8. *Mangenot F.* Apprentissages formels et informels, autonomie et guidage. In C. Dejean, F. Mangenot & T. Soubrié (coord.), Actes du colloque EPAL, 2011, Université Stendhal – Grenoble 3. Disponible en ligne: lien HAL (https://hal.univ-grenoble-alpes.fr/hal-02010467/document). (https://hal.univ-grenoble-alpes.fr/hal-02010467/document).
9. *Pratt J.* (2021). Métacognition: caractéristiques, exemples et stratégies. Disponible en ligne: warbletoncouncil.org (https://warbletoncouncil.org/). (https://warbletoncouncil.org/).
10. *Rodríguez S.* L'évolution des méthodologies dans l'enseignement du français langue étrangère. Cuadernos Del Marqués de San Adrián: "Revista de Humanidades", № 1, 2001. PP. 139–161. Disponible en ligne: lepointdufle.net (https://lepointdufle.net/). (https://lepointdufle.net/).
11. *Sockett G. & Kusyk M.* L'apprentissage informel en ligne: nouvelle donne pour l'enseignement-apprentissage de l'anglais. Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité, № 23 (1), 2013. PP. 75–91. Disponible en ligne: openedition.org (https://journals.openedition.org/apliut/3578). (https://journals.openedition.org/apliut/3578).

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, НАЦЕЛЕННЫЕ НА РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Р.Я. Хачатрян
Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации

АННОТАЦИЯ

Метакогнитивные сратегии – это методы, направленные познавательной деятельностью, с их помощью обучающийся самостоятельно управляет процессом обучения. Когнитивные сратегии рассматриваются как методы реагирования на конкретные учебные проблемы и задачи.

Развитие потребности в использовании инностранного языка стимулирует регулярное общение с другими людьми, что является неотьемлемой частью метокогнитивных стратегий. В результате учащиеся не только совершенствуют свои коммуникативные навыки, но и развивают навыки мышления, что поднимает эффективность изучения языка на более высокий уровень.

Таким образом, метакогнитивные стратегии обучения спонтанной речи на иностранном языке представляют собой увлекательное и многогранное исследование. Изучая новый язык, студенты погружаются в его звучание и сруктуру. От изучения отдельных слов студенты постепенно переходят к предложениям и коротким высказываниеям, а в конечном итоге – к недосредственному общению на иностранном языке.

Ключевые слова: метокогнитивные стратегии, когнитивные, обучение, преподавание, обучающийся, коммуникация, язык.

METACOGNITIVE STRSTEGIES AIMED AT DEVELOPING LANGUAGE COMPETENCE

R. Khachatryan
Russian-Armenian University
Institute of Philology and Intercultural Communication

ABSTRACT

Metacognitve strategies are methods aaimed at managing cognitive activity, enabling learners to independently manage the learning process. Cognitive strategies are viewed as methods for responding to specific learning problems and tasks. Developing the need to use a foreign language stimulates regular communication with others, which is an integral part of metacognitive strategies.

As a result, students not only improve their communication skills but also develop their thinking skills, which elevaters the effectiveness of language learning to a higher level.

Thus, metacognitive strategies for teaching spontaneous speech in a foreign language represent a fascinating and multifaceted exploration. While learning a new language, students immerse themselves in its sound and structure. From learnig individual words, students gradually progress to sentences and short statements, and ultimately to direct communication in a foreign language.

Keywords: metacognitive strategies, cognitive, learning, teaching, learner, communication, language.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-849-859

ՆԱԲԱՏԻ ՊՈԵԶԻԱՆ. ԲԱԴՈՒԻՆՆԵՐԻ ՉԱՅՆ ԱՐԱԲԱԿԱՆ ԲԱՆԱՀՅՈՒՍՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Է.Բ. Խաչատրյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Բանասիրության և միջմշակութային հաղորդակցության ինստիտուտ
emma_khachatryan2023@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Նաբատի պոեզիան արաբական բանավոր բանաստեղծության կարևոր ժանր է, որն առաջացել է բադուինների միջավայրում: Այն արտահայտվում է բարբառով, սակայն կրում է դասական արաբական գրականության ոգին: Նաբատի բանաստեղծություններում բադուինները պատմում են սիրո, կարոտի, ցեղային պատվի մասին, պատկերում են անապատի կյանքը:

Դարերի ընթացքում նաբատի բանաստեղծությունը փոխանցվել է բերնեբերան, բանավոր կերպով պահպանվել է սերունդների հիշողության մեջ, միաժամանակ զարգացել է՝ ներառելով դասական գրականության ավանդույթները: Այսօր այն ունի կարևոր մշակութային դեր, հատկապես Արաբական Ծոցի երկրներում, որտեղ կազմակերպվում են մրցույթներ և փառատոններ:

Նաբատի պոեզիան արաբական մշակույթի կենսունակության և դասական ու ժողովրդական շերտերի սերտ միախառնման վկայությունն է:

Հիմնաբառեր՝ Նաբատի պոեզիա, Սաադ Ալ-Սուայան, Իբն Լիբուն, Իմր-Ուլ-Կեյս, Ալ-Մաջիդի բն Զահիր, շեյխ Մուհամմադ բն Ռաշիդ Ալ Մաքթում, շեյխ Զայեդ բն Սուլտան Ալ Նահյան, Ֆաթաթ Ալ-Արաբ:

Արաբական անապատում, խարույկի շուրջ, մի բադուին հանկարծ արտասանում է. «Օ՛, աստղալի՛ց գիշեր, իմ քայլերի՛ վկա, սիրտս թափառում է, ինչպես անապատի քամին...»:

Այս պարզ, մեղեդային բառերից բանաստեղծություն է հյուսում նաբատի բանաստեղծը՝ թափառական ցեղերի կյանքում արմատավորված ժողովրդական բանաստեղծական արվեստի կրողը: Բարբառային խոսքի և բանավոր ավանդույթի մեջ ծնված պոեզիան բադուինական աշխարհի արտացոլանքն է, նրանց կյանքի ու արժեքների պոեզիան՝ սեր, պատիվ, ցեղային փառք, սակայն միևնույն ժամանակ մնում է հասանելի ու կենդանի ողջ արաբական աշխարհի համար [1]:

Թեպետ նաբատի կոչվող բանաստեղծությունն արտահայտվել և արտահայտվում է[1] բարբառով և փոխանցվել է բանավոր կերպով, իր պարզությունից անդին այն մշտական երկխոսության մեջ է արաբական դասական գրականության հետ. այս ժողովրդական և բարբառային ժառանգությունը գտել է իր տեղն արաբական մշակույթի պատմության մեջ՝ գրական արաբերենի փառավոր ավանդույթի կողքին:

«Նաբատի բանաստեղծություն», «ժողովրդական բանաստեղծություն» կամ «բադուինյան բանաստեղծություն» անուններով հայտնի ժանրը ստեղծվել է Արաբական թերակղզու բարբառներով: Նաբատի պոեզիայի արմատները հասնում են XIV դար. նրա օրինակները վկայված են միջնադարյան պատմաբան Իբն Խալդունի «Մուկադդամա»-ում (Ներածություն), որն առաջին անգամ տպագրվել է 1377 թվականին:

[1] XX–XXI դարերում նաբատի պոեզիան վերածնունդ է ապրել Արաբական Ծոցի երկրներում, հատկապես Արաբական Միացյալ Էմիրություններում: Աբու Դաբիում անցկացվող հեռուստատեսային մրցույթները, փառատոնները և մշակութային միջոցառումները, նաբատի բանաստեղծությունների ընթերցումները, «Շեյխ Զայեդի» գրական հեղինակավոր մրցանակը, «Բանաստեղծների իշխան» մրցույթը և Նաբատի ակադեմիայի ստեղծումը (2008 թվականին) վկայում են, որ այս ժառանգությունը մնում է արդիական: Միացյալ Արաբական Էմիրությունները ձեռնարկել են նաև կարևոր միջոցառումներ՝ նաբատի պոեզիան փաստագրելու և արխիվացնելու համար՝ ապահովելով դրա պահպանությունն ապագա սերունդների համար: Նաբատի բանաստեղծությունները ներառվել են դպրոցական և համալսարանական ծրագրերում:

Ամենատարածված վարկածի համաձայն՝ «նաբատի» բառը ծագում է նաբատական քաղաքակրթության անվանումից[2]: «Նաբատի» բառը նշանակել է Նաբատական թագավորության բնակիչ: Միջնադարյան աղբյուրներում այն լայն նշանակություն է ձեռք բերել և գործածվել գյուղական կամ ցեղային բնակչության խոսքը բնութագրելու համար: Այսպես, «նաբատի» նշանակում էր «ժողովրդական, ոչ գրական»: Պոեզիայի պարագայում այն բնորոշում է բադուինական բարբառով ստեղծված ստեղծագործությունները՝ հակադրելով ֆուսհայով (գրական արաբերենով) գրված դասական պոեզիային: Թվում է, թե «խոսակցական, ժողովրդական» ձևակերպումը կարող է հուշել, թե այս ժանրը ստեղծել է ցածր կենսամակարդակով, հետամնաց, անգրագետ խավը, որ իբր ժամանակի ընթացքում պիտի անհետանար՝ զիջելով իր տեղը ժամանակակից գրական արաբերենով խոսողներին: Մինչդեռ փաստերը բոլորովին այլ են:

Ինչպես ընդգծում է իր «Նաբատի բանաստեղծությունը. Արաբիայի բանավոր բանաստեղծությունը» (1985թ.) աշխատության մեջ հեղինակավոր գիտնական Սաադ Ալ-Սուայանը[3], բադուին բանաստեղծները ստեղծում էին այնպիսի պոեզիա, որը կառուցվածքով, թեմայով, տաղաչափությամբ ու հանգավորմամբ զարմանալիորեն նման էր Իմր-Ուլ-Կեյսի[4] և իսլամից առաջ ստեղծագործած այլ

---

[2] Նաբատական քաղաքակրթությունը զարգացել է Արաբական թերակղզու հյուսիս-արևմուտքում. կենտրոնական քաղաքը՝ Պետրա, որը ներկայումս գտնվում է Հորդանանի հարավում, երկրի կարևոր զբոսաշրջային վայրերից մեկն է:

[3] Ակադեմիկոս Սաադ Աբդուլլահ Ալ-Սոուայանը (Saad Bn Abdullah Al-Sowayan, ծնվ. 1944 թ.) Սաուդյան Արաբիայում հայտնի գրող, գիտնական հետազոտող է, սոցիոլոգ և մարդաբան: Նա մասնավորապես ճանաչված է նաբատի բանահյուսության պատմության վերաբերյալ աշխատություններով:

[4] Իմր-Ուլ-Կեյսը (ամբողջական անունը՝ Imrou'l Qays bn Hujr bn Al-Hârith Al-Kindî) նախաիսլամական շրջանի արաբ բանաստեղծ է: Նա ծնվել է Արաբական բարձրավանդակում՝ բանաստեղծներով հայտնի Նաջդում 6-րդ դարի սկզբին և վախճանվել մոտավորապես 550 թվականին Անկիր քաղաքում՝ ներկայիս Անկարայում: Նրա անունն Իբն Կութեյբայի անթոլոգիայի առաջին հորիզոնականում է: Արաբական գրականագիտության մեջ նրան կոչում են «թափառական արքա», նրան

բանաստեղծների ստեղծագործություններին, որոնք դարեր շարունակ դասականության չափանիշ էին: Բադուին բանաստեղծները երգում են կորուսյալ սիրո, մարտական փառքի, անապատի մենության մասին և հաճախ հիշեցնում են Ջահիլիայի մեծ պոեզիան: Եթե մեծահամբավ **Իմր-Ուլ-Կեյսը կարող էր գրել**. «Ես կանգ առա ավերակների մոտ՝ լաց լինելով լքված տան վրա», ապա նաբատի մի **բանաստեղծ կգրեր**. «Տեսա ցեղի կրակի մոխիրը. սիրտս վառվեց ավելի ուժգին, քան ածուխը»: Ջահիլիայի՝ նախաիսլամական դասական պոեզիան խստորեն կառուցվում էր Ալ-Խալիլի[5] սահմանած տաղաչափական կանոններով: Դասական պոեզիայի գերագույն օրինակն է Ղուրանը: Թեև նաբատին գրավոր դասականության մաս չի կազմել, այն շարունակում էր պահպանել դասական ձևերին մոտ կառուցվածք [2]:

Զարմանալի է, բայց նույնիսկ վերջին դարերում բադուին աշուղների ստեղծած բանաստեղծությունները շարունակում են մնալ հարազատ հին օրինակների ոգուն ու լեզվին:

Դարերի ընթացքում նաբատի և գրական ավանդույթը ընթացել են զուգահեռ ուղիներով և միախառնվել: Օրինակ, «նաբատի բանաստեղծների իշխանը»՝ Իբն Լիբունն[6] ուսումնասիրել էր Ղուրանը և

համարում բազմաթիվ գրական թեմաների սկզբնավորող: Արաբական հռետորիկայի պատմության մեջ Կեյսի լեզուն համարվում է օրինակելի լեզու:

[5] Ալ-Խալիլը (Ibn Ahmad Al-Khalil, 706/721-776/791թթ.) արաբական բանասիրության, մասնավորապես արաբական տաղաչափության հիմնադիրն է: Նա արաբերեն առաջին բառարանի հեղինակն է: Բառարանում նա տալիս է բառերի ծագումնաբանությունը, սակայն բառերը դասավորված են ոչ թե այբբենական կարգով, այլ ըստ հնչյունաբանական նմանության:

[6] Իբն Լիբունը (Ibn Li'bun, 1790–1831թթ.) նաբատի պոեզիայի մեծագույն վարպետներից է: Նրա գործերը ներառում են դասական գրականության տարրեր և ազդեցություն են ունեցել Արաբական թերակղզու ժողովրդական երգերի վրա: Նրա ստեղծագործություններում գերիշխում են սերը, կարոտը, անապատի գեղեցկությունը: Նա կարողանում էր ոտանավոր հորինել հենց ձիու վազքի ժամանակ: «Ես քամուն վստահեցի իմ գաղտնիքները, բայց քամին դրանք ցանեց ավազի վրա»,-գրում է նա: Նրա «Դիվան»-ը մինչ օրս համարվում է նաբատի գեղագիտությունը հասկանալու կարևոր աղբյուր:

հանճարեղ ձևով օգտագործում էր դասական գրականության հնարքներն իր ստեղծագործություններում: Նա ակտիվ գրագրություն ուներ այլ արաբ բանաստեղծների հետ [3]:

Ի տարբերություն դասական պոեզիայի՝ հզոր բանավոր ավանդույթ ձևավորող նաբատին ազատ էր և փոփոխական: Նաբատի պոետները խաղում էին հանգի ու ռիթմի հետ՝ բանավոր ստեղծագործելու ազատությամբ: Թեմատիկ առումով ևս այն կիսում էր դասականի մտահոգությունները՝ սեր, կարոտ, հյուրընկալություն, հավատարմություն, ցեղի պատիվ ու քաջություն, ձիեր և ուղտեր, պատերազմներ, թափառումներ: Տողերը կարող են դառնալ զենք՝ ուղղված այլ ցեղի դեմ. տարածաշրջանի առօրյա կյանքի կարևոր մշակութային տարր լինելով՝ նաբատի բանաստեղծությունը կիրառվում էր պատերազմ հայտարարելու, խաղաղություն որոնելու և ցեղային վեճեր լուծելու համար: Դրանք նաև ցավով պատմում են ցեղի արմատախիլ լինելու, արտագաղթի մասին: Ահավասիկ նաբատի բանաստեղծությունից մի փոքրիկ հատված.

«*Օ՛, անապա՛տ լայն, իմ քայլերի վկա, ձիս գիտի ճանապարհը դեպի ցեղը:*

Սիրտս այրվում է սիրով, բայց պատիվս ուժեղ է իմ արտասուքներից»:

Այստեղ միախառնված են անապատի, ձիու, սիրո, պատվի թեմաները՝ բադուինական ոգին ամբողջությամբ: Ինչպես դասական պոեզիայում, նաբատի պոեզիայում նույնպես մեծարվում են հավատարմությունն ու ցեղի փառքը:

Ահա նաբատի հայտնի բանաստեղծություններից թարգմանված տողեր, որոնք արտացոլում են այս պոեզիայի ոճը, թեմաներն ու լեզվաբառարանը: Բանավոր լեզու, տեղական բարբառներ, ցեղային արժեքներ, բնության պատկերներ, զգացմունքներ. սեր և կարոտ կա հետևյալ տողերում.

Քամին բերում է քո անունը,

Ծովը կրում է իմ կարոտը:

Եթե դու հեռու ես, իմ սիրտը դատարկ է,
Բայց իմ ձայնը դեռ թռչում է դեպի քեզ։

Ցեղային պատվի և քաջության մասին է հետևյալ հատվածը.

Մենք կանգնեցինք այն տեղում, ուր խարույկ էր վառվում,
Հիշեցինք ընկերներին, հիշեցինք անցած օրերը։
Քաջերը նրանք են, ովքեր պաշտպանում են ցեղի պատիվը,
Եվ լեզուս չի լռում՝ փառաբանելու նրանց։

Անապատի կենդանիները՝ ուղտն ու ձին պարզապես կենդանիներ չեն, այլ կյանքի ու պատվի խորհրդանիշներ.

«Իմ ձին գիտի ճանապարհը իմ աչքերից ավելի լավ,
Նա ինձ վերադարձնում է այնտեղ, որտեղ սեր կա»։

Անապատը միայն միջավայր չէ, այլ կենդանի էակ։ Ավազաթմբերը, աստղերը, քամին դառնում են ուղեկիցներ.

«Օ՛, շարժուն ավազ, դու ես պահպանում իմ գաղտնիքը,
Քայլերս ջնջվում են, բայց դու հիշում ես»։

Նաբատի պոեզիան ծնվել է անապատի ճամբարներում երեկոյան հավաքների, ձիարշավների, հարսանյաց և այլ արարողությունների ժամանակ։ Այն հորինվում է հենց տվյալ պահին, ինչի շնորհիվ դառնում է կենդանի ու անմիջական [4]։

Հանկարծակի, տվյալ պահին ծնվող այս պոեզիան սնվում է հավաքական հիշողությունից։ Վկայություններ կան, որ նաբատի պոետների հիշողության մեջ սովորաբար պահպանվում էր բանաստեղծական քսան հազարից ավելի տող, և նրանք դրանք օգտագործում էին հարկ եղած պահին։

19-րդ դարի մի հիշատակության մեջ Նաջդի բադուիների մասին պատմվում է, թե նրանք գիշերներով միմյանց հետ բանաստեղծական սատիրիկ մրցամարտեր էին վարում, իսկ առավոտյան

նրանց տողերը դառնում էին ցեղի սեփականությունը[7]: Հետազոտողները հանդիպել են բադուիննների, ովքեր հիշում էին հարյուրավոր բանաստեղծություններ [5]:

Նաբատի պոեզիան միշտ էլ սիրելի է եղել և՛ քաղաքների կրթված հասարակության, և՛ անապատներում շրջող բադուիննների համար: Թվացյալ «կոպիտ» բադուին բանաստեղծները մրցել են քաղաքային գրագետների հետ՝ արվեստի վարպետ ճանաչվելու համար: Նաբատին ծայրահեղ ժողովրդավարական է, ինչպես մաջլիսը, որտեղ ցանկացած ոք կարող է փառք ձեռք բերել գեղեցիկ խոսքի շնորհիվ: Ահա այստեղ է նաբատի պոեզիայի նշանակությունը. այն ստեղծում է ընդհանուր մշակութային տարածք, որտեղ կրթական մակարդակի, ցեղային պատկանելության կամ սոցիալական դիրքի տարբերությունները խոչընդոտ չեն: Այն հեշտությամբ հաղթահարում է այդ պատնեշները՝ միավորելով մարդկանց [6]:

Նաբատի բանաստեղծությունը ստեղծել է իր սեփական լեզվամիջոցներն ու կանոնները. բանաստեղծները վերամշակում են առօրյան և վերածում բանաստեղծության՝ ապացուցելով արաբական մշակույթի զարմանալի կենսունակությունն ու կյանքի փոփոխությունները կլանելու կարողությունը: Դասական անթոլոգիաներում բացակա լինելով՝ նաբատի պոեզիան երկար ժամանակ անտեսված էր մտավորական էլիտայի կողմից, քանի որ այն չէր

[7] Օրինակ, Աբդալլահ բն Սբայյիլը (Abdallah bn Sbayyil, 1853–1933թթ., Սաուդյան Արաբիա, Նաջդ) հայտնի էր իր բանավոր մրցամարտերով: Ցեղային հավաքներում նա ոտանավորներով պատասխանում էր մրցակիցներին, և առավոտյան ամբողջ ցեղը կրկնում էր նրա պոեմները՝ ինչպես ցեղային օրհներգեր: Ինչպես նշում է «Բադուինների Արաբիան» գրքի և «Կենտրոնական Արաբիայի բանավոր բանաստեղծության ուսումնասիրություններ» աշխատության հեղինակ, Լեհաստանում 2009-ից մինչեւ 2013 թվականը Նիդեռլանդների դեսպան, ճանաչված դիվանագետ Մարսել Կուրպերշյոքը՝ «Բանաստեղծները մրցում էին ամբողջ գիշեր, իսկ առավոտյան յուրաքանչյուր ցեղ կրկնում էր իր հաղթողի տողերը՝ որպես գանձ»: 1918 թվականին Կուրպերշյոքի անգլերեն թարգմանությամբ լույս է տեսել Սբայյիլի պոեզիայի գոհարների ժողովածուն՝ «Արաբ ռոմանտիկը. պոեմներ բադուինների կյանքի և սիրո մասին» վերնագրով:

գրվում ֆուսհա լեզվով: Միջնադարյան քերականները երբեմն նաբատի պոեզիան համարում էին ստորակարգ արվեստ: Այնուամենայնիվ, նրանք նաև ընդունում էին, որ բադուինների լեզուն մոտ է արմատներին և խոստովանում էին՝ նաբատի պոեզիան ապացուցում է, որ խոսակցական լեզուն նույնպես կարող է կրել բարձր գեղարվեստական արժեք: Հարկ է նշել, որ **բադուին բանաստեղծները այնքան էլ հեռու չէին գրական լեզվից և ունակ էին կարդալ Ղուրանը՝ դասական արաբերենի գլուխգործոցը: Պահպանվել է պատմություն մի բադուին բանաստեղծի մասին, ով իր տողերում ասում է, թե ուզում է հաղթանակով ավարտել գրական մրցույթը, որպեսզի գնա տուն և կարդա Ղուրանը** [7]:

Նաբատի պոեզիայի նշանավոր ներկայացուցիչներն ինչպես դասական պոեզիայի ազդեցության տակ գտնվող հեղինակներ են, այնպես էլ տեղական ավանդույթներին հավատարիմ բանաստեղծներ: Այս հեղինակները ներկայացնում են նաբատի պոեզիայի բազմազանությունը՝ միաժամանակ պահպանելով ավանդույթները և ներառելով նորարարական տարրեր [8]:

Թեպետ նաբատի պոեզիան ժողովրդական և հավաքական արվեստ է, որոշ բանաստեղծներ առանձնացել են իրենց տաղանդով ու դարձել անփոխարինելի: Նրանց տողերը սերնդեսերունդ են փոխանցվել և մինչ օրս հնչում են մաջլիսներում ու փառատոներում: Միջնադարյան նաբատի պոեզիայի նշանավոր ներկայացուցիչներից էր **Իբն Դահիրը**[8], ում ստեղծագործությունները մեծ ազդեցություն ունեն ժամանակակից պոեզիայի վրա: Ալ-Մաջիդի բն Զահիրը [9] հիշվում է որպես «իմաստուն բանաստեղծ»: Նրա կարճ և աֆորիս-

[8] Ibn Dahir, 16-րդ դարի արաբ բանաստեղծ:

[9] Ալ-Մաջիդի բն Զահիրի (Al-Majidi bn Zahir, XVIII դ., Արաբական Էմիրություններ) կյանքի և ստեղծագործության առեղծվածային կետերի վրա լույս է սփռում 2018 թվականին ստեղծված ֆիլմը: Պոետի դուստր Սալման նույնպես տաղանդավոր պոետ էր և մրցում էր հոր հետ: Նրանց համատեղ բանաստեղծական ժառանգությունը մեծ տեղ ունի նաբատի պոեզիայի մեջ:

տիկ տողերը արտահայտում էին սիրո ու կյանքի մասին խոր ճշմարտություններ: ***«Մերը կրակ է, որ լուսավորում է և վառվում»,*** - ***գրում է նա:*** Համմադ Ալ-Ուքայլին[10] մեծարում էր քաջությունն ու ասպետական ոգին: Նրա համար ցեղը բերդ էր, իսկ ձին՝ փառքի ուղեկից: Նրա պոեզիան շարունակում էր Ջահիլիայի հերոսական ոգին՝ ժողովրդական լեզվով:

Նաբատի պոեզիայի նորարարներից է շեյխ Մուհամմադ բն Ռաշիդ Ալ Մաքթումը[11], ում բանաստեղծություններում գերիշխում են հայրենասիրության և առաջնորդության, սոցիալական փոփոխությունների թեմաները: Նրա գործերը, գրված նաբատի ոճով, հայտնի են փիլիսոփայական մտքերի խորությամբ և լեզվի ուժով [9]: Կարևոր դեմք է շեյխ Զայեդ բն Սուլտան Ալ Նահյանը[12], ով ոչ միայն հեռատես առաջնորդ էր, այլև իր ժողովրդի ու հայրենիքի սիրով լեցուն բանաստեղծությունների հեղինակ [10]: Արաբական Միացյալ Էմիրություններում ճանաչված նաբատի բանաստեղծուհի էր Ֆաթաթ Ալ-Արաբը[13], ում շնորհիվ նաբատի պոեզիան ձեռք բերեց ժամանակակից հնչեղություն [11]:

Նաբատի բանաստեղծությունն անցյալի ժառանգություն չէ. այն բաղուինների «ձայնն» է, որ արձագանքում է սոցիալական և քաղաքական արդի մտահոգություններին: Այն ոչ միայն գեղարվեստական ժանր է, այլև պատմական քրոնիկոն՝ ցեղային պատերազմների, հերոսների գործերի, սոցիալական արժեքների փաստագրություն:

---

[10] Moubarak bn Hamad bn Moubarak Al-Manea Al-Uqaili, 1875–1954թթ., բանաստեղծ, ով հայտնի չէ Արաբիայից դուրս:

[11] Mohammed bn Rashid Al Maktoum, ծնվ. 1946թ., ներկայումս Դուբայի կառավարիչն է:

[12] Zayed bn Sultan Al Nahyan, 1918–2004թթ., Միացյալ Արաբական Էմիրությունների հիմնադիր հայրն ու տեսանող առաջնորդը:

[13] Ousha bint Khalifa Al-Suwaidi, 1920–2018թթ., Fatat Al-Arab («Արաբների դուստր») անվանումը ստացել է որպես գրչանուն շեյխ Մուհամմադ բն Ռաշիդ Ալ –Մակթումի՝ Դուբայի կառավարչի կողմից: Նորագույն շրջանի նաբատի բանաստեղծության խորհրդանիշն է, ապրել է Արաբական Միացյալ Էմիրություններում:

Որպես եզրակացություն՝ ընդգծենք ևս մեկ անգամ, որ նաբատի բանաստեղծությունը՝ որպես բանավոր, կենդանի, ժողովրդական ժառանգություն, լրացնում է արաբական դասական գրականությանը. միասին նրանք ստեղծում են ավելի ամբողջական պատկեր արաբական մշակույթի մասին՝ գրավոր և բանավոր, քաղաք և անապատ, գիտականություն և անմիջականություն, ֆուսհա և բարբառ: Նաբատի պոեզիան «ենթապոեզիա» չէ, այլ արաբական հոգուց բխող մեկ այլ ձայն, որ շարունակում է անապատից հնչել ժողովրդական բարբառներով: Թե՛ վրանների ներքո, թե՛ հեռուստատեսության էկրաններին, նաբատի բանաստեղծությունն այսօր ապացուցում է, որ պարզ բառերը, երգված քամու և ավազի ռիթմով, կարող են հուզել սրտերը և միավորել հիշողությունները:

«Պոեզիան այն կրակն է, որ լուսավորում է գիշերը, այն կենդանի է պահում մեր հետքերն անապատում»,- երգում է բադուին բանաստեղծը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Berque J. Langages arabes du présent.* Paris: “Gallimard”, 1995. PP. 54–55.
2. *Սաադ Ալ-Մուայան*, Նաբատի պոեզիան (արաբերենով): Ռիադ, 2001, էջ 25:
3. *Յահյա Ալ-Ռաբիյան*, Մուհամմադ բն Լիբուն. կյանքը և պոեզիան (արաբերենով): Քուվեյթ, 1983, էջ 53:
4. Մանրամասն տե՛ս՝ Էյնաս Մահռուս, Նաբատի պոեզիան. պատմություն ակունքի և սկզբնավորման մասին (հոդված, արաբերենով): Ալ-Ջազիրա, 20/02/2025:
5. *Մուհամմադ Սուլեյման Ալ-Տայյեբ,* Արաբական ցեղերի հանրագիտարանը (արաբերենով), Սաուդյան Արաբիայի թագավորություն: Նասր, 1997, էջ 30:
6. *Kurpershoek M*. Oral Poetry and Narratives from Central Arabia. 5 vol. Leiden: Brill, 1994–2005. P. 135.
7. *Համադ Հասան Ալ-Ֆառհան Ալ-Նաիմի*, Նաբատի պոեզիայի ուսումնասիրությունը (արաբերենով): Քաթար, 2007, էջ 88:
8. *Moussa, Sarga*. Le mythe bédouin chez les voyageurs aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: “Presses de l’Université Paris-Sorbonne”, 2011. PP. 27–28:
9. Մանրամասն տե՛ս՝ Մուհամմադ բն Ռաշիդ Ալ Մաքթում, Անապատից մինչև երկնակամար (արաբերենով): Դաբի, 2023:
10. *Ղասան Ալ-Հասան*, Նաբատի պոեզիան. շեյխ Զայեդ (արաբերենով): Դաբի, 2015, էջ 16:
11. Մանրամասն տե՛ս՝ Բանաստեղծուհի Ֆաթաթ Ալ-Արաբի դիվանը (կազմող՝ Համադ Խալիֆա Աբու Շահաբ, արաբերենով): ԱՄԷ, 2000:

ПОЭЗИЯ НАБАТИ: ГОЛОС БЕДУИНОВ В АРАБСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Э.Б. Хачатрян
Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации

АННОТАЦИЯ

Поэзия Набати – это важный жанр арабской устной поэзии, возникший в среде бедуинов. Она выражается на диалекте, но несет в себе дух классической арабской литературы. В Набати стихах бедуины рассказывают о своей любви, тоске, племенной чести, изображают жизнь пустыни.
На протяжении веков Набати сохранялась устным путем, в памяти поколений, одновременно развиваясь и включая традиции классической литературы. Сегодня она играет важную культурную роль, особенно в странах Аравийского залива, где проводятся конкурсы и фестивали.
Набати свидетельствует о жизнеспособности арабской культуры и тесном переплетении классических и народных пластов.
Ключевые слова: поэзия Набати, Саад Аль-Сувайан, Ибн Либун, Имр Уль Кейс, Аль-Маджиди бн Захир, шейх Мухаммад бн Рашид Аль Мактум, шейх Заид ибн Султан Аль Нахайан, Фатат Аль-Араб.

NABATI POETRY: THE VOICE OF THE BEDOUINS IN ARABIC FOLKLORE

E. Khachatryan
Russian-Armenian University
Institute for Humanities

ABSTRACT

Nabati poetry is an important genre of Arabic oral poetry that originated in the Bedouin environment. It is expressed in dialect, yet carries the spirit of classical Arabic literature. In Nabati poems, Bedouins speak of their love, longing, and tribal honor, and depict the life of the desert.
For centuries, Nabati has been preserved orally, in the memory of generations, while at the same time developing by incorporating the traditions of classical literature. Today it plays an important cultural role, especially in the countries of the Arabian Gulf, where competitions and festivals are organized.
Nabati testifies to the vitality of Arab culture and the close interweaving of classical and folk layers.
Keywords: Nabati Poetry, Saad Al-Suwayan, Ibn Libun, Imr-Ul-Qais, Al-Majidi bn Zahir, Sheikh Muhammad ibn Rashid Al Maktoum, Sheikh Zayed ibn Sultan Al Nahyan, Fatat Al-Arab.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-860-867

ՀԱՎԵԼԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ԱՐԺԵՔԻ ԵՎ ԵՂԱՆԱԿԱՎՈՐՄԱՆ ԽՆԴԻՐԸ ԼՐԱԳՐԱՅԻՆ ԽՈՍՈՒՅԹՈՒՄ

Մ. Թադևոսյան

Ռուս-հայկական համալսարան
tadevosyansyuzanna@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Լրագրային խոսույթում իրերի և երևույթների անաչառ ներկայացման և անկողմնակալ տեղեկատվության պահանջը անմիջականորեն առնչվում է հավելիմաստային արժեք ունեցող բառային միավորների օգտագործման հետ:

Այս տեսակետից անհրաժեշտ է ի թիվս համազգային կարևորություն ունեցող ֆրանսիական թերթերի և ամսագրերի քննության առնել նաև ռեգիոնալ նշանակություն ունեցող մամուլը: Մասնավորապես, որոշակի հետաքրքրություն են ներկայացնում Ֆրանսիայի ամենախոշոր համայնքներից մեկի, այն է՝ Մարսելի քաղաքային համայնքի սոցիալ – քաղաքական խնդիրները լուսաբանող «Marseille/infos» հանդեսում տպագրված բազմաբնույթ նյութերը՝ առաջնորդող, տեղեկատվական և հաղորդակցական գործառույթ ունեցող հոդվածները:

Հիմնաբառեր՝ հավելիմաստային արժեք, տեղեկատվական գործառույթ, հաղորդակցական գործառույթ, իրազեկման գործառույթ:

Ներածություն

Ավելի քան 80 տարի 5000 տպաքանակով հրատարակվող «Marseille/infos»-ն ընդգրկում է Մարսել քաղաքի անցյալի, ներկայի և ապագայի թեմաները: Ի սկզբանե այս ամսագիրը ունեցել է զուտ տեղեկատվական կամ իրազեկման գործառույթ (fonction d'information), իսկ հետագայում շեշտադրել է հետադարձ կապը հանրության հետ՝ իրականացնելով հաղորդակցական գործառույթ (fonction de communication): Նշենք, որ ֆրանսերենում *informer* և *communiquer* բայերի իմաստային ծավալի համեմատական քննությունը վեր է

հանում *communiquer* բայի պարագայում լրացուցիչ *être en relation* և *partager* իմակները։

Աշխատանքի ընթացքում կիրառվել են հետևյալ **մեթոդները՝** անվանագիտական, իմաստաբանական, բաղադրիչային, ինչպես նաև բառարանային սահմանումների ուսումնասիրության մեթոդները։

Լինելով անկողմնակալ և բարեխիղճ, այն է՝ օբյեկտիվ լուսաբանման և իրազեկման պահանջներին հետևելով, այդուհանդերձ, կամա թե ակամա, հոդվածագիրը չի կարող զերծ մնալ իր դիրքորոշումն արտահայտելուց, քանի որ «օբյեկտիվ իրականությանը հնարավորինս մոտենալու մեր բոլոր ջանքերը գրեթե ամբողջովին զուր են, որովհետև, գործելով մեր *ես* - ի ենթակայության ներքո, մենք այն անխուսափելիորեն միախառնում ենք իրականության ընկալումներին և վերջինս, միանշանակորեն արտացոլվելու փոխարեն, իրականում բեկվում է մեր մտային պատկերացումների միջով։ Այս տեսակետից մտածել նշանակում է որոշակի վերաբերմունք դրսևորել, փաստել, գնահատել կամ ցանկություն արտահայտել» (Bally 1921։6)։

Առաջարկում ենք ուսումնասիրել “Marseille/infos”-ում լույս տեսած մի քանի հոդվածներ։

Ստորև ներկայացվող օրինակում հեղինակն անդրադառնում է Մարսել քաղաքի համար կարևորություն ունեցող սպորտային իրադարձություններին՝ մտավախություն հայտնելով, որ բասկետբոլը կարող է կրկին հետաքրքրություն առաջացնել ֆուտբոլային համբավ ունեցող իրենց քաղաքում.

Après le phénomène Tony Parker, le “frenchy” de vingt ans champion de la NBA, le sacro-saint du basket aux USA, le basket-ball **risque de subir un regain d’intérêt** dans notre pays, mais aussi dans notre ville-pourtant **terre de football**-à l’instar du judo, voilà quelques années, avec le champion olympique David Douillet. En ce qui **nous** concerne **en mairie** de secteur, nous n’avons pas attendu le succès et **la sur-médiatisation** du jeune **prodige** français pour s’intéresser à **ce sport d’équipe encore confidentiel** dans **notre cité phocéenne** et de lui trouver **une place de choix** dans les activités proposées au sein de notre service animation. Le développement du sport dans nos

quartiers est une priorité qui s'est notamment traduite par la création du complexe Beausoleil, du stade du boulevard Baille ou, bientôt, du réaménagement du stade Vaillier. Même si **ce sport d'équipe est encore confidentiel** dans **notre cité phocéenne,** il faut pourtant signaler l'évolution, depuis un an, d'un nouveau club de basket, le "Marseille 5 basket-ball", dirigé par Colette Pin. C'est pourquoi **je prends la balle au rebond** et vous invite à lire le dossier dont fait l'objet ce club dans les pages suivantes.

Մեջբերվող հատվածում սուբյեկտիվ-գնահատողական եղանակավորումն արտահայտվում է ***terre de football*** փոխաբերության միջոցով, քանի որ Մարսել քաղաքը, ըստ հեղինակի, ֆրանսիական ֆուտբոլի զարգացման հիմնական կենտրոններից է։ ***Risquer*** բայը այս համատեքստում ունի ակնհայտ բացասական հավելիմաստային արժեք, քանի որ արտահայտում է հեղինակի մտավախությունները հնարավոր վտանգավոր զարգացումների վերաբերյալ։ Կարող է տպավորություն ստեղծվել, որ հոդվածագիրն իր անձնական կարծիքն է հնչեցնում թեմայի վերաբերյալ, որը կարծես համընկնում է հանրության տեսակետների հետ, ինչը կարող է երբեմն վնասել հոդվածում ներկայացվող փաստերի արժանահավատությանը։ Ահա թե ինչու ***nous*** դերանվան դեպքում պետք է զգուշավոր լինել, քանի որ այն կարող է մտաշահարկման գործիք դառնալ։ Հետաքրքիր է, որ ***nous*** ցուցային բառը կարող է իրադրային իմաստ ձեռք բերել՝ ստանալով բազմապիսի արժեքներ։ Վերջինիս իմաստային ծավալն ու արտատեքստային վերաբերումը ուղիղ համեմատական են հեղինակի նպատակադրմանը։ Վերը նշված օրինակում հեղինակը օգտագործում է ***nous*** անձնական դերանունը՝ խոսելով ողջ քաղաքապետարանի անունից։ Ինչպես տեսնում ենք, ռեգիոնալ նշանակություն ունեցող մամուլում ***nous*** դերանվան ընդգրկունությունը զգալիորեն նվազում է՝ ի տարբերություն համապետական կարևորություն ունեցող թերթերի և ամսագրերի։

Սուբյեկտիվ-գնահատողական եղանակավորիչ է ***cité phocéenne*** հարասույթը, որի միջոցով հոդվածագիրը կարևորում է Մարսել քաղաքի բնակիչների հավատարմությունն իրենց ավանդույթներին՝

տեքստի ներակա մակարդակում կոչ անելով պաշտպանել դրանք: Հղում անելով տեքստի ներակա մակարդակում սպորտի բազմադարյան պատմությանը՝ քաղաքապետարանի անունից հանդես եկող հոդվածագիրը հանձն է առնում ապահովելու առանձնաշնորհյալ տեղ իրենց քաղաքում ֆուտբոլի զարգացման համար: Այս տեսակետից ***une place de choix, jeune prodige, priorité, succès*** լեզվական միավորները ողջ տեքստի մակարդակում ներառվում են ***prendre la balle au rebond = relever le défi*** բայական դարձվածքների իմաստային դաշտի մեջ՝ արտահայտելով մարտահրավերն ընդունելու պատրաստակամությունը, ինչն ընդգծվում է, մասնավորապես, ***ce sport d'équipe est encore confidentiel*** շարահյուսական կրկնվող կառույցի միջոցով:

Սուբյեկտիվ-գնահատողական եղանակավորում է արձանագրվում մարզային կյանքին նվիրված նաև մեկ այլ հոդվածում ("Marseille 5 basket-ball 2003 une année pivot"), որտեղ հոդվածագիրը, ներկայացնելով սպորտային ակումբի կին ղեկավարին, միտում ունի ցույց տալու, թե որքան մեծ է կնոջ դերը իրենց համայնքում՝ օգտագործելով ***dynamique*** հարանշանակային արժեք ունեցող հատկորոշիչը:

Օրինակ՝ Cette sportive **dynamique** est également, depuis 1995, la présidente de la Commission féminine au Comité de basket-ball des Bouches-du-Rhône et, depuis 2001, la présidente de la Commission féminine à ligue de Provence de basket-ball. Ce n'est pas tout car cette femme de terrain aime les nouveaux **challenges**.

Ինչ վերաբերում է անգլերենից փոխառված ***challenge*** գոյականին, ապա օգտագործելով նշյալ օտարաբանությունը ֆրանսերեն ***défi*** գոյականի փոխարեն՝ ներակա մակարդակում հեղինակը փորձում է ընդօրինակել երիտասարդ ընթերցողների բառապաշարը՝ ձգտելով ժամանակակից շունչ հաղորդել իր խոսքին: Հասկանալի է, որ այս դեպքում հիմնական ընթերցողների թիրախային խումբը Մարսել քաղաքի մարզասեր երիտասարդությունն է:

Շարահյուսական ուսումնասիրության մակարդակում նմանատիպ հոդվածներում արձանագրվում են հարցական նախադասություններ, որոնց հիմնական գործառույթը հետադարձ կապ ստեղծելն է: Հետաքրքրական է, որ այդ միջոցին են դիմում քաղաքապետարանի ծրագրերը ներկայացնելու համար:

Օրինակ՝ Faut-il construire des logements sociaux? Les noyaux villageois, passé ou avenir? Les nouveaux secteurs urbanisés, pour qui ? Des copropriétés dégradées aux marchands de sommeil, quel avenir? Des étudiants pour étudier ou aussi pour vivre dans nos arrondissements? La mixité, quelle mixité, à quelle échelle? Rôle social et facteur de succès?

Սրանք յուրատեսակ հորդորական արժեք ունեցող եղանակավորիչներ են, քանի որ, ցույց տալով քաղաքապետարանի երկխոսելու պատրաստակամությունը, հրավիրում են համաքաղաքացիներին քննարկելու իրենց մտահոգող հարցերը, այլ ոչ թե պատրաստի որոշումներ պարտադրում:

Ինչ վերաբերում է բայական ժամանակաձևերի կիրառությանը, եղանակավորման տեսակետից հետաքրքրություն է առաջացնում ֆրանսերենի *futur simple* ժամանակաձևը: Այն օգտագործվում է համոզվածություն արտահայտելու, որևէ արդյունք կանխատեսելու կամ հնարավորություն առաջարկելու նպատակով: Մասնավորապես, հետաքրքիր է ***permettre, desservir, bénéficier*** բայերի կիրառումը *futur simple* ժամանակաձևով: Դրանց միջոցով արտահայտվում են այնպիսի փաստեր, որոնց հավանականությունը մեծ է, բայց դեռևս ապագա հնարավորությունների դաշտում է:

Օրինակ՝ … qui **permettra** de créer vers la fin de l'année 2003 l'extension de la ligne d'autobus n° 16. Cette ligne **desservira** non seulement le collège du Vallon de Toulouse, les écoles, collèges et lycée Pastré-Don Bosco, mais également les résidences du quartier les habitants **bénéficieront** ainsi d'une liaison multimodale rapide autobus/métro vers Dromel et le centre-ville…

Արձանագրում ենք նաև subjonctif եղանակի կիրառությունը իրականության և հնարավորության իմաստային դաշտում, այլ ոչ թե պարզապես բաղձալիի, բայց անհնարինի:

Օրինակ՝ Pour que le dispositif de Zone Franche, qui rentrera en vigueur le 1er janvier 2004, **puisse** pleinement jouer son rôle en faveur du développement de l'économie et de l'emploi, il a besoin d'un lieu où toutes les personnes, administrations, entreprises et organisations concernées **puissent** se rencontrer :

Ակնհայտ է, որ հոդվածագիրը կոչ է անում ստեղծելու յուրահատուկ ազատ գոտի տնտեսության և աշխատաշուկայի հետագա զարգացման համար: ***Puisse*** եղանակավորիչը, որի առաջնային իմաստը ցանկություն կամ մաղթանք արտահայտելն է, այս դեպքում իմաստային բաղարկության շնորհիվ տեքստի ներակա մակարդակում գործում է որպես հորդորական եղանակավորության միջոց: Ինչ վերաբերում է *il a besoin d'un lieu où toutes les personnes …* ***puissent*** *se rencontrer* հատվածին, ապա այս դեպքում արձանագրվում է փաստական եղանակավորում, քանի որ հեղինակը փաստում է մարզային կյանքին վերաբերող կարիքները:

Մեկ այլ հոդվածում հեղինակի գնահատանքը՝ քաղաքապետարանի կողմից կատարված աշխատանքներին, ներկայացվում է ***de meilleures conditions*** արտահայտության միջոցով:

Օրինակ՝ Dans nos arrondissements, la rentrée scolaire s'est déroulée cette année dans **de meilleures conditions** qu'en 2002. Cela n'est pas le fruit du hasard. La concertation organisée tout au long de l'année, dans le cadre du CICA ou au cours **de rencontres et réunions publiques,** a permis, dans un premier temps avec l'adjointe déléguée aux écoles et à l'éducation, puis, lors de la conférence de programmation avec le Maire de Marseille, d'obtenir des moyens supplémentaires pour les travaux à réaliser dans les écoles des 13e et 14e arrondissements.

Les meilleures conditions վարչական ոճին հատուկ կարծրատիպային բնույթի արտահայտությունը ձերք է բերում կոնկրետ բովանդակային ծավալ, որի հիմնական իմաստային բաղադրիչներն են ***rencontres et réunions publiques, conférence de programmation, moyens supplémentaires***: Ակնհայտ է, որ նշյալ համատեքստում դրանք ստա-

նում են ընդգծված դրական հարանշանակային իմաստ՝ մասնավորապես կարևորելով և խրախուսելով մասնակցային ժողովրդավարությանը հատուկ գործելակերպը։

Եզրափակելով նշենք, որ համայնքային թերթի դերը տեղական հաղորդակցության մեջ և դրա ազդեցությունը համայնքային կյանքի վրա ունի չափազանց կարևոր ազդեցություն, քանի որ իրապես համախմբում է քաղաքացիներին, քաջալերում երկխոսությունը համայնքային տարբեր դերակատարների միջև։

Լեզվաբանական ուսումնասիրության տեսակետից արձանագրվում են սուբյեկտիվ-գնահատողական եղանակավորման բազմաբնույթ միջոցներ։ Ընդ որում, եթե հավելիմաստային ընդգծված դրական արժեք ունեցող գոյական և ածական անունների կիրառությունը նպատակ ունի բարենպաստ լույսի ներքո ներկայացնելու տիրող իրականությունը, ապա «nous» դերանվան և հարցական նախադասությունների կիրառությունն արդյունավետ հաղորդակցության նպատակ է հետապնդում՝ ձգտելով ներգրավել հանրության ամենալայն զանգվածներին և կիսել նրանց հետ պատասխանատվությունը իրականացվող բոլոր ծրագրերում։ Ներակա մակարդակում այս տիպի շարահյուսական կառույցներն ունեն արտաքին պարտադրանքի հորդորական եղանակավորման արժեք, քանի որ քաջալերում են համաքաղաքացիներին իրենց նպաստը բերել քաղաքի զարգացման համար։

Այսպիսով, եթե զուտ իրազեկման նպատակ հետապնդող հոդվածները հատկորոշվում են սահմանական եղանակի միջոցով արտահայտված փաստական եղանակավորմամբ, ապա հաղորդակցման նպատակով գրված հոդվածների ներակա մակարդակում արձանագրվում են հորդորական եղանակավորման դրսևորումներ, որոնք արտահայտվում են ի թիվս եղանակավորման տարբեր միջոցների, մասնավորապես, հավելիմաստային արժեք ունեցող բառային միավորներով։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Bally Ch*. Traité de stylistique française, 2e éd. Heideberge: C. Winter, 1921, 349p.
2. Marseille/Infos, № 1, janvier 1969.

3. Marseille/Infos, № 160, août 1986.
4. Marseille/Infos, № 35, mai 2004.

ПРОБЛЕМА КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ И МОДАЛЬНОСТИ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

С. Тадевосян
Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации

АННОТАЦИЯ

В журналистском дискурсе требование объективного представления фактов и явлений, а также беспристрастного информирования напрямую связано с использованием лексических единиц, обладающих коннотативным значением. С этой точки зрения, наряду с французскими газетами и журналами общенационального значения, необходимо рассматривать и прессу регионального уровня. В частности, особый интерес представляют разнообразные материалы, опубликованные в издании “Marseille/Infos”, освещающем социально-политические проблемы одного из крупнейших сообществ Франции – городской общины Марселя, включая статьи, выполняющие руководящую, информационную и коммуникативную функции.
Ключевые слова: коннотативное значение, информационная функция, коммуникативная функция, функция информирования.

THE ISSUE OF CONNOTATIVE MEANING AND MODALITY IN JOURNALISTIC DISCOURSE

S. Tadevosyan
Russian-Armenian University
Institute for Humanities

ABSTRACT

In journalistic discourse, the requirement for an objective presentation of facts and phenomena, as well as for impartial information, is directly related to the use of lexical units that carry connotative meaning. From this perspective, alongside French newspapers and magazines of national importance, it is also necessary to examine the regional press. In particular, of special interest are the diverse materials published in “Marseille/Infos”, a periodical that covers the socio-political issues of one of the largest communities in France – the urban community of Marseille –including articles that perform guiding, informative, and communicative functions.
Keywords: connotative meaning, informative function, communicative function, awareness-raising function.

РУСИСТИКА

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-868-876

ЯЗЫКОВЫЕ ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДИ УЗБЕКСКИХ И АРМЯНСКИХ СТУДЕНТОВ

Г. Амонова (G'ulom qizi)

Кафедра русского языка Ташкентского международного университета «КИМЕ»,
Узбекистан
guli.amonova96@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются языковые трудности, с которыми сталкиваются узбекские и армянские студенты при изучении русского языка как иностранного. На основе сравнительного анализа выявлены основные проблемы в освоении грамматики, лексики и фонетики, связанные с типологическими особенностями родных языков. Результаты исследования показывают различия в восприятии русского языка двумя группами студентов и позволяют предложить рекомендации для адаптации методики преподавания РКИ с учетом языковой специфики обучающихся.
Ключевые слова: русский язык как иностранный, языковые трудности, узбекские студенты, армянские студенты, сравнительный анализ, типология языков, методика преподавания.

Введение

Русский язык продолжает оставаться важным средством общения и образования для многих жителей постсоветского пространства, включая Узбекистан и Армению. Для студентов из этих стран владение русским открывает широкие возможности в учебе, карьере и социальной жизни. Однако изучение русского языка как иностранного связано с рядом трудностей, которые во многом зависят от особенностей родного языка обучающихся.

Исследование этих трудностей помогает улучшить методы преподавания и повысить эффективность обучения.

Узбекский и армянский языки принадлежат к разным языковым семьям: узбекский – к тюркской, армянский – к индоевропейской языковой группе. Эти различия отражаются на восприятии русской фонетики, лексики и грамматики, что приводит к специфическим проблемам в освоении языка.

Например, у узбекских студентов часто возникают трудности с грамматическим родом и аспектами глагола, а армянские студенты могут сталкиваться с проблемами в системе склонений и произношении. Сравнительный анализ таких трудностей позволяет выделить особенности каждой группы и разработать целевые методики обучения.

Цель данной работы – выявить и сравнить языковые трудности узбекских и армянских студентов при изучении русского языка как иностранного. Исходя из различий в типологии родных языков, предполагается, что характер и уровень этих трудностей будут существенно отличаться.

В ходе исследования планируется определить основные проблемные аспекты и предложить рекомендации для преподавателей. Полученные результаты могут способствовать более эффективному и адаптированному преподаванию русского языка.

Методология исследования

Исследование проводилось в дистанционном формате среди студентов из Узбекистана и Армении, изучающих русский язык как иностранный. Участниками стали 40 студентов: 20 – из Узбекистана (города: Ташкент, Самарканд, Бухара) и 20 – из Армении (города: Ереван, Гюмри), обучающихся на уровнях А2–В1. Все они проходили курсы русского языка в онлайн-формате посредством университетских и независимых образовательных платформ. Возраст участников варьировался от 18 до 25 лет.

Для сбора данных были использованы три метода: онлайн-анкета (на платформе “Google Forms”), тестирование (через электронные задания) и полуструктурированное интервью, проведенное по видеосвязи (“Zoom”,“Telegram”). Анкета включала блоки, касающиеся самооценки трудностей при изучении русского языка – в грамматике, лексике, фонетике и понимании речи.

Тестовые задания были разработаны на основе материалов к сертификационным экзаменам по РКИ (ТРКИ) и адаптированы под онлайн-формат. Интервью позволили уточнить индивидуальные стратегии обучения, а также зафиксировать субъективные трудности студентов.

При интерпретации результатов учитывались различия в типологических системах родных языков – узбекского (тюркская семья) и армянского (индоевропейская семья), что обусловливала разную степень языковой интерференции. Анализ опирался на труды таких исследователей, как Н.Д. Гальскова (2010), И.А. Зимняя (2001), С.В. Крысин (2010), а также М.Х. Халилова (2017), рассматривающих методику преподавания РКИ и типичные ошибки учащихся.

Для обработки количественных данных применялся описательный статистический анализ: подсчет частотности, процентных соотношений и сравнение по группам. Такой подход позволил объективно выделить доминирующие проблемы и провести сравнительный анализ.

Кроме того, для повышения достоверности данных применялся комплексный подход, включающий как количественные, так и качественные методы анализа. Количественные данные, полученные посредством анкет и тестов, позволили выявить общие тенденции и частотность ошибок в различных языковых аспектах.

Качественный анализ-интервью помог глубже понять причины возникновения трудностей, а также выявить индивидуальные особенности восприятия и усвоения материала.

При проведении тестирования учитывались уровни владения языком (A2–B1), что обеспечивало сопоставимость результатов между группами. Тестовые задания охватывали ключевые разделы русского языка: морфологию, синтаксис, фонетику и лексику. Особое внимание уделялось таким аспектам, как грамматический род, категории падежей, времена и виды глагола, а также фонетические особенности произношения.

Для анализа-интервью применялся метод тематического кодирования, который позволял систематизировать ответы и выделить основные проблемы, с которыми сталкиваются студенты из Узбекистана и Армении. Такая методика обеспечила возможность выявить не только объективные, но и субъективные трудности, включая мотивационные и психологические факторы, влияющие на процесс обучения.

Кроме того, была проведена сопоставительная лингвистическая характеристика родных языков участников с русским языком, что позволило более точно интерпретировать результаты с точки зрения языковой интерференции. Учитывались особенности фонетической системы, морфологии и синтаксиса узбекского и армянского языков.

Таким образом, комбинированный подход и многоступенчатый анализ обеспечили комплексное понимание специфики трудностей, что послужило основой для последующего формирования практических рекомендаций по совершенствованию методики преподавания русского языка как иностранного.

Результаты исследования

Анализ собранных данных показал существенные различия в восприятии и усвоении русского языка студентами из Узбекистана и Армении, что обусловлено типологическими особенностями их родных языков и культурными факторами.

1. Грамматический аспект

Узбекские студенты отмечали серьезные затруднения с грамматическим родом и аспектами глагола. В узбекском языке отсутствует категория рода, что затрудняет усвоение этой важной грамматической категории в русском. Согласно Н.Д. Гальсковой (2010), «для носителей языков без грамматического рода формирование устойчивых представлений о роде в русском языке требует целенаправленной работы и многократного повторения».

Это подтверждается результатами тестов, где 75% узбекских студентов допускали ошибки в определении рода существительных и согласовании прилагательных.

Армянские студенты, несмотря на наличие падежной системы в армянском языке, испытывали трудности с русской системой склонения, что связано с отличиями в падежных значениях и количестве падежей.

С.В. Крысин (2010) отмечает, что «интерференция в системе падежей характерна для студентов, чьи родные языки имеют несовпадающие падежные парадигмы». В нашем исследовании 60% армянских студентов допускали ошибки при употреблении падежных окончаний, особенно в дательном и творительном падежах.

2. Фонетический аспект

Фонетические трудности у узбекских студентов в основном касались произношения звонких и глухих согласных, а также некоторых пар звуков, отсутствующих в их родном языке (Халилова, 2017).

В интервью один из студентов из Ташкента отметил: «Я часто путаю звуки “б” и “п”, потому что в узбекском языке они звучат иначе». Анализ аудиозаписей подтвердил эту тенденцию – ошибки в произношении встречались у 70% узбекских респондентов.

Для армянских студентов основной проблемой стало произношение мягких согласных и звуков, отсутствующих в армянском фонетическом инвентаре, что затрудняло понимание и воспроизведение русской речи. Как указала Гальскова (2010), «мягкость согласных и ряд фонем, характерных для русского языка, представляет серьезное препятствие для носителей индоевропейских языков, не имеющих аналогов».

В нашем исследовании 65% армянских студентов имели заметные трудности в этой области.

3. Лексический аспект и восприятие языка

Узбекские студенты часто переносили лексические значения из родного языка на русский, что приводило к калькированию и неверному употреблению слов.

По мнению И.А. Зимней (2001), «типологические различия между тюркскими и славянскими языками способствуют лексической интерференции». В анкетах 80% узбекских студентов признавали, что сталкивались с трудностями в подборе слов и устойчивых выражений.

Армянские студенты, в свою очередь, испытывали сложности с фразеологизмами и устойчивыми сочетаниями, не имеющими прямых аналогов в армянском языке. Это влияло на понимание контекста и эмоциональной окраски речи. Один из участников из Еревана отметил в интервью: «Мне сложно понять, почему в русском говорят «бить баклуши», я не нахожу этому объяснения в армянском». Такие проблемы отмечали 70% армянских студентов.

4. Психолингвистический аспект и мотивация

Интервью показали, что для узбекских студентов русскому языку присущ преимущественно прагматический статус – как инструменту

для образования и карьерного роста. Это отражается в высокой мотивации, но иногда приводит к фрагментарному освоению грамматических норм. «Русский мне нужен для работы и учебы, я стараюсь говорить, даже если ошибаюсь», – говорил один из респондентов из Самарканда.

Армянские студенты проявляли больший интерес к культурному и историческому контексту русского языка, что способствовало более осознанному изучению, но и вызывало страх перед ошибками. Как выразилась студентка из Гюмри: «Русский – это язык великих писателей, и я хочу говорить правильно, поэтому иногда боюсь говорить».

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают, что типологические особенности родных языков существенно влияют на характер и уровень трудностей при изучении русского языка как иностранного. В частности, различия между тюркским узбекским и индоевропейским армянским языками проявляются в специфике грамматических, фонетических и лексических проблем.

Грамматические трудности узбекских студентов, связанные с отсутствием категории рода в родном языке, подтверждают выводы Гальсковой (2010) и Зимней (2001) о том, что освоение грамматического рода требует для таких учащихся систематической работы и целенаправленных упражнений. Это объясняется тем, что в узбекском языке грамматический род отсутствует как категория, и у студентов не вырабатывается привычка оперировать этой грамматической характеристикой. В то же время, несмотря на наличие падежной системы в армянском языке, армянские студенты испытывали трудности с русской системой склонений, что связано с типологическими и функциональными различиями падежных категорий (Крысин, 2010). Это свидетельствует о том, что наличие похожей грамматической категории в родном языке не гарантирует ее автоматического усвоения в русском языке, если функции и формы отличаются.

Фонетические трудности также имеют корни в особенностях родных языков. Узбекские студенты испытывали сложности с парными звонкими и глухими согласными, что связано с отсутствием некоторых фонем в узбекской системе (Халилова, 2017). Армянские же студенты сталкивались с проблемами произношения мягких согласных и звуков,

не характерных для армянской фонетики (Гальскова, 2010). Эти данные согласуются с общими принципами фонетической интерференции, согласно которым особенности родного языка влияют на восприятие и артикуляцию звуков изучаемого языка.

Лексические трудности у обеих групп проявлялись по-разному. Узбекские студенты часто переносили значения слов из родного языка, что связано с типологической дистанцией между тюркскими и славянскими языками (Зимняя, 2001). Армянские студенты, в силу культурных и языковых различий, испытывали сложности с фразеологизмами и устойчивыми выражениями, что затрудняло понимание нюансов и контекста. Это подчеркивает важность включения в программу обучения специальных упражнений на освоение устойчивых выражений и культурных реалий.

Психолингвистический анализ выявил, что мотивация и отношение к русскому языку также различаются. Узбекские студенты ориентированы на практическое использование языка, что способствует активному усвоению, но иногда ведет к формальному подходу. Армянские студенты проявляют более высокий уровень культурной мотивации, что усиливает желание изучать язык глубже, но при этом вызывает страх ошибок и заниженную устную активность. Эти данные важны для преподавателей, поскольку требуют дифференцированного подхода, учитывающего мотивационные особенности студентов.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость адаптации методик преподавания русского языка к типологическим и культурным особенностям студентов из разных языковых групп. Это включает в себя усиление работы по грамматическому роду и аспектам для узбекских студентов, а также более детальный разбор падежной системы для армянских учащихся.

В области фонетики требуется целенаправленная работа с проблемными звуками, а лексическая подготовка должна включать упражнения по фразеологии и контекстуальному употреблению. Кроме того, мотивационные особенности должны учитываться при построении учебных программ и методик.

Заключение

В ходе исследования были выявлены существенные различия в трудностях, с которыми сталкиваются студенты из Узбекистана и Армении при изучении русского языка как иностранного. Эти различия обусловлены как типологическими особенностями родных языков, так и культурно-мотивационными факторами.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к обучению русскому языку как иностранному с учетом языковой специфики и мотивационных особенностей студентов из разных стран. Для узбекских студентов рекомендуется усиленная работа с грамматическим родом и аспектами глагола, а для армянских – детальный разбор падежей и фонетическая тренировка мягких согласных. Кроме того, важна интеграция культурных и лексических особенностей, а также мотивационных факторов в учебный процесс.

Внедрение данных рекомендаций может повысить эффективность обучения и способствовать более успешному овладению русским языком студентами из различных языковых групп.

Рекомендации

1. **Для преподавателей, работающих с узбекскими студентами**:
   - особое внимание уделять объяснению и практике грамматического рода и аспектов глагола, используя наглядные упражнения и повторения;
   - включать фонетические тренировки на парные звонкие и глухие согласные, которых нет в узбекском языке;
   - разрабатывать задания, направленные на предотвращение калькирования и неправильного переноса лексики из родного языка.
2. **Для преподавателей, работающих с армянскими студентами**:
   - уделять внимание системному разбору падежей, выделяя отличия и особенности армянской падежной системы;
   - организовывать фонетические занятия, направленные на освоение мягких согласных и специфических русских звуков;
   - включать в программу упражнения на освоение фразеологизмов и устойчивых выражений, акцентируя внимание на их культурных особенностях.

3. **Общие рекомендации**:

- учитывать мотивационные особенности студентов: для узбекских студентов создавать практико-ориентированные задания, а для армянских – культурно-ориентированные проекты и чтение;
- использовать мультимедийные и интерактивные методы обучения для повышения вовлеченности и устранения страха ошибок;
- проводить регулярный мониторинг трудностей и адаптации методики преподавания в зависимости от прогресса студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальскова Н.Д.* Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М.: «Академия», 2010, 336с.
2. *Зимняя И.А.* Психология обучения: Учебное пособие. М.: «Логос», 2001, 320с.
3. *Крысин С.В.* Русский язык в современном мире. М.: «Знание», 2010, 240с.
4. *Халилова М.Х.* Методические аспекты преподавания русского языка как иностранного: национально-культурный компонент // «Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки», № 3, 2017. СС. 45–53.

LINGUISTIC DIFFICULTIES IN LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: A COMPARATIVE ANALYSIS AMONG UZBEK AND ARMENIAN STUDENTS

G. Amonova (G'ulom qizi)

ABSTRACT

This article examines the language difficulties faced by Uzbek and Armenian students in learning Russian as a foreign language. Based on a comparative analysis, the main challenges in mastering grammar, vocabulary, and phonetics are identified, which are related to the typological features of the native languages. The results show differences in the perception of the Russian language between the two student groups and allow for recommendations to adapt Russian as a foreign language teaching methods considering the linguistic specifics of the learners.

Keywords: Russian as a Foreign Language, Language Difficulties, Uzbek Students, Armenian Students, Comparative Analysis, Language Typology, Teaching Methodology.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-877-887

ДОМИНАНТНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СПИКЕРА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

И.А. Зюбина

Южный федеральный университет
iazyubina@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

Данное исследование проведено в рамках объективного прагмалингвистического анализа по скрытой речевой стратегии доминирования, которую можно определить по особым речевым маркерам. Стратегия доминирования актуализируется с трех сторон: импозитивном, неимпозитивном и нейтральном. В статье приводится перечень маркеров всех планов стратегии доминирования, количество которых подсчитывается в текстах выступлений англоговорящих и русскоговорящих спикеров, что позволяет сначала проанализировать речевое поведение спикеров отдельно по группам, а затем провести сравнение стереотипного речевого поведения групп спикеров с учетом национально-культурной специфики отправителя текста. Для того чтобы определить направленность доминирования в ходе анализа также была рассмотрена речевая стратегия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии». В результате выяснено, что англоговорящие адресанты (и мужчины, и женщины) значительно чаще смягчают актуализацию доминирования, в то время как русскоговорящие оказывают прямое доминантное воздействие на адресата; у русскоговорящих спикеров преобладает личный план, что свидетельствует об их направленности на индивидуализм; у англоговорящих же наиболее актуализируется социальный план: они чаще вовлекают слушателей в процессе высказывания, актуализируя тем самым коллективизм в своем речевом поведении. В научно-популярном дискурсе русскоговорящие адресанты больше акцентируют внимание на себе либо на адресате, англичане же актуализируют кооперативный стиль выступления. Преобладание предметного плана у всех спикеров свидетельствует о неосознанном стремлении выступающих обращаться к фактам, что является особенностью данного вида дискурса.

Ключевые слова: речевое доминирование, прагмалингвистика, дискурс, национально-культурная специфика, адресант.

Введение

Актуальность изучения речевого доминирования заключается в том, что данный феномен является ключевым для общества, поэтому и представляет объект живого научного интереса. В современных лингвистических работах исследование феномена доминирования проводится в ряде работ опосредованно, через призму смежных понятий: в рамках скрытой прагмалингвистики – с позиции участия адресанта и степени уверенности в речевом поведении индивидуального или коллективного адресанта [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]; в коммуникативистике акцентируется внимание на намеренной коммуникативной деятельности, связанной с доминантным поведением [9, 10, 11]; в юридической лингвистике активно изучается инвективный потенциал конфликтогенного высказывания [12, 13, 14, 15, 16], а также феномен коммуникативного давления, который имеет сходные черты с исследуемым объектом [17, 18, 19]; в психолингвистике – реакция на такие высказывания [20, 21, 22]. Концептуально же феномену доминирования посвящена докторская диссертация, изучающая политический дискурс в юрислингвистическом аспекте [23]. Несомненно, данные идеи стоит применять для других видов дискурса, для разных языков и различных адресантов.

В данном исследовании сравнительный анализ актуализации доминирования в речевом поведении русскоговорящих и англоговорящих адресантов в научно-популярном контексте позволяет выявить не только особенности их коммуникации, но и культурные различия, влияющие на восприятие научной информации. В условиях глобализации и активного обмена информацией на международной арене научно-популярный дискурс становится важным инструментом для передачи знаний и формирования общественного мнения.

Цель работы – выявить актуализацию речевого доминирования и провести анализ стереотипного речевого поведения групп спикеров научно-популярного дискурса в зависимости от национально-культурной специфики отправителя текста по методике, принятой в скрытой прагмалингвистике. Соответственно, **задачами** исследования является определение маркеров доминирования в подготовленных текстах, подсчет количества актуализации речевых сигналов, проведение анализа

речевого поведения отдельно группы англоговорящих и группы русскоговорящих спикеров с последующим сравнением стереотипного речевого поведения обеих групп спикеров с учетом национально-культурной специфики отправителя текста.

Помимо общенаучных **методов** (наблюдения, сопоставления) в работе использован и частнонаучный метод объективного прагмалингвистического анализа, основанный на модифицированном контент-анализе. **Материалом** исследования речевого поведения спикеров научно-популярного дискурса стали тексты выступлений 40 адресантов, которые говорят на русском и на английском языках, представленные в период с 2022 по 2024гг. Текст каждого выступления был поделен на малые синтаксические группы (МСГ), которые в скрытой прагмалингвистике принято считать стандартными единицами анализа.

Основная часть исследования проводится в рамках прагмалингвистики, изучающей функционирование языковых знаков в коммуникативном акте. Воздействие на адресата может быть прямым или скрытым: если отправитель информации осознанно подбирает языковые единицы для достижения коммуникативной цели, речь идет о функциональной прагмалингвистике; если же адресант и адресат не осознают выбор языковых средств, то мы имеем дело со скрытой прагмалингвистикой. Таким образом, скрытая прагмалингвистика изучает выбор речевых сигналов скрытого воздействия, которые актуализирует отправитель текста.

Анализ проводится по скрытой речевой стратегии доминирования, которую можно определить по особым речевым маркерам. Стратегия доминирования актуализируется в трех планах: импозитивном, неимпозитивном и нейтральном [23: 172]. ***Импозитивный*** план предполагает прямое доминантное воздействие адресанта на адресата. К маркерам данного плана относятся следующие сигналы: лексемы с актуализаторами оценочности; лексемы с актуализаторами экспрессивности; лексемы с актуализаторами обязательности, настойчивости и бескомпромиссности; структуры, актуализирующие упрек; неоднократное и решительное отрицание, двойное отрицание; превосходная степень сравнения прилагательного и наречия; лексемы с актуализаторами большого количества, всеобщности, неделимости; аналитические и смысловые усилители; рекомендации, призывы, советы; лексемы с актуализато-

рами запрета; императив; модальные слова со значением облигаторности; нарушения норм грамматики, актуализирующие доминирование; усложненные синтаксические структуры; точные цифровые данные; риторические вопросы; восклицательные предложения; профессиональная терминология; цитаты из авторитетных источников; разъяснения. При актуализации ***неимпозитивного*** плана возникает минимизация доминантного воздействия адресантом на адресата. Выделяются следующие маркеры: лексемы с актуализаторами сомнения, вероятности; вводные слова, выражающие сомнение; придаточные условия; сослагательное наклонение; лексемы, актуализирующие большую степень уважения к адресату; модальные слова со значением смягчения; конструкции, смягчающие негативное воздействие; диминутив; ссылки на обезличенного адресанта; страдательный залог без указания действующего лица. К ***нейтральному*** плану относятся все остальные речевые сигналы, которые не относятся ни к импозитивному, ни к неимпозитивному планам.

Для того чтобы определить направленность доминирования, в ходе анализа также была рассмотрена речевая стратегия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии», которая тоже имеет определенные маркеры, отличающие ее от остальных. Обратимся к данной стратегии и приведем примеры речевых сигналов, которые ей соответствуют. Данная стратегия может актуализироваться в одном из трех планов: личном, социальном или предметном. Речевые сигналы ***личного*** плана говорят о том, что в речевом событии участвует только адресат или только адресант. Существуют следующие маркеры, которые помогают определить личный план: эксклюзивные личные местоимения; косвенные формы эксклюзивных личных местоимений; обращения; побудительные эксклюзивные формы глагола; глагольные лексемы, которые можно соотнести с одним из участников речевого события, например «кажется», «представляется», «приходится»; вводные слова. ***Социальный*** план заключается в том, что в коммуникативной ситуации участвуют одновременно и адресант, и адресат. Данный план включает в себя следующие маркеры: инклюзивные личные местоимения; существительные, которые соответствуют инклюзивным местоимениям; глагольная форма третьего лица множественного числа (для русского языка), где отсутствует ярко выраженное действующее лицо; безличные предложения; побудительные инклюзивные формы глагола; прилагательные

с суффиксами -able, -ible. ***Предметный*** план включает в себя речевые сигналы, которые не входят в личный и социальный план. В таком случае автор затрагивает объективную сторону, вследствие чего участие коммуникантов в коммуникативном событии не актуализируется. Чаще всего предметный план включает в себя речевые сигналы, которые указывают на действующее лицо, куда не относится ни один из участников речевого события.

Рассмотрим результаты прагмалингвистического анализа и представим итоги исследования стереотипного доминантного речевого поведения русскоговорящих и англоговорящих спикеров научно-популярного дискурса. Сначала обратимся к спикерам мужского пола (см. Табл. 1).

Таблица 1. Стереотипное доминантное речевое поведение мужчин-спикеров.

Стратегия / Национальная принадлежность	**Доминирование**			**Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии**		
	Импозитивный план, %	Неимпозитивный план, %	Нейтральный план, %	Личный план, %	Социальный план, %	Предметный план, %
СРП русскоговорящих	25,45	4,92	69,63	35,58	21,15	43,27
СРП англоговорящих	21,31	11,33	67,36	25,49	35	39,51

Согласно полученным данным, средняя речежанровая величина (далее: СРП) импозитивного плана русскоговорящих спикеров мужского пола равна 25,45%. У англоговорящих спикеров данный план актуализируется чуть реже – 21,31%, неимпозитивный план у них значительно выше, чем у русскоговорящих – 11,33%. Это говорит о том, что русскоговорящие выступающие более прямолинейны, в речи англоговорящих спикеров открытое проявление доминирования встречается реже, что свидетельствует об их сдержанности и скромности. Это можно объяснить разницей менталитетов у русскоговорящих и англоговорящих адресантов: в выступлениях спикеров, говорящих на английском языке, наблюдается смягчение проявления доминирования в речи,

так как в их культуре принят принцип негативной вежливости, они, в отличие от русских, при общении проявляют более изысканные манеры, умеют сдерживать себя и знают, как вести себя на публике.

Обратимся к направленности доминирования. СРП личного плана (35,58%) у русскоговорящих мужчин выше, чем у британских (25,49%). Социальный же план у русскоговорящих спикеров насчитывает 21,15%, а у англоговорящих – 35%. Это говорит о том, что при обсуждении определенных проблем, англоговорящие спикеры пытаются привлечь к диалогу своих слушателей, то есть британские коммуниканты сильнее проявляют интерес к тому, чтобы собеседник был заинтересован в совершении действия, а русскоговорящие, наоборот, ставят на первое место себя, свои желания и возможности. Это связано с тем, что русские выделяют себя в речи и неосознанно выражают свое лидерство, в то время как англичане актуализируют социальный план, чаще взаимодействуя с адресатами и вовлекая их в обсуждение проблемы. Судя по культурной специфике, англоговорящие спикеры проявляют вежливость к собеседнику, разговаривая с ними на равных, не ставя себя выше остальных. Большинство из анализируемых русскоговорящих спикеров считают себя лидерами в своей области, поэтому речевые сигналы личного плана в их речи актуализируются чаще и их доминирование направлено на индивидуализм, нежели на коллективизм. Отметим, что у русскоговорящих и англоговорящих мужчин уровень предметного плана выше личного и социального. Такой показатель может указывать на то, что у исследуемых спикеров в приоритете объективность. У обеих национальностей показатели предметного плана почти одинаковы, но у русскоговорящих чуть больше – 43,27%, в то время как у англоговорящих – 39,51%. Интересно, что обычно англоговорящие более сдержанные, для них более свойственно обращение к фактам, а русские, наоборот, экспрессивны и эмоциональны, они редко употребляют сухие факты. Возможно, такие показатели встречаются именно в научно-популярном дискурсе.

Далее проанализируем стереотипное доминантное речевое поведение русскоговорящих и англоговорящих спикеров женского пола (См. Табл. 2).

Таблица 2. Стереотипное доминантное речевое поведение женщин-спикеров.

Стратегия / Национальная принадлежность	**Доминирование**			**Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии**		
	Импозитивный план, %	Неимпозитивный план, %	Нейтральный план, %	Личный план, %	Социальный план, %	Предметный план, %
СРП русскоговоряющих	17,84	5,89	76,27	35,74	22,3	41,96
СРП англоговорящих	24,7	9,6	65,7	19,57	42,5	37,92

У русскоговорящих спикеров женского пола СРП импозитивного плана составляет 17,84%, тогда как у англоговорящих – 24,7%. Это показывает, что англоговорящие спикеры-женщины склонны открыто демонстрировать свое доминирование, но стоит отметить, что у англоговорящих спикеров женского пола уровень неимпозитивного плана тоже выше (9,6%), чем у русскоговорящих (5,89%). Можно сказать, что англоговорящие женщины, выступающие в научно-популярном дискурсе, могут и смягчать доминантное воздействие, выступая перед аудиторией. Также стоит отметить, что русскоговорящие и англоговорящие народы имеют разные менталитеты, и поэтому в выступлениях англоговорящих спикеров наблюдается смягчение проявления доминирования в речи, так как в их культуре принят принцип негативной вежливости. Этим можно объяснить тот факт, что речевые сигналы неимпозитивного плана встречается чаще у англоговорящих женщин. Стоит заметить, что у женщин-спикеров обеих национальностей преобладает показатель нейтрального плана, что демонстрирует неосознанное желание спикеров не выделяться среди остальных, они стараются не показывать свое доминирование, предпочитая придерживаться нейтральной стороны. Впрочем, у русскоговорящих женщин это проявляется чаще, так как уровень нейтрального плана в их речи выше, чем у англичанок.

Если обратиться к стратегии участия/неучастия для выявления направленности доминирования, то среди британских женщин СРП социального плана (42,5%) выше, чем у русскоговорящих (22,3%). Можно

сделать вывод, что в своих выступлениях спикеры-женщины, которые говорят на английском языке, как и мужчины, склонны к работе в коллективе, что в целом не свойственно британцам, которые по природе являются индивидуалистами. Возможно, это связано со спецификой жанра исследуемых выступлений, исходя из анализа которых становится понятно, что русские выступают, выделяя себя, а британцы больше взаимодействуют со слушателями. СРП личного плана у русских составляет 35,74%, в то время как у англичан он всего 19,57%. Видно, что у русских он снова выше. Это говорит о том, что русские в отличие от англичан чаще упоминают себя в речи, англоговорящие спикеры опять же делают акцент на аудиторию и взаимодействие. Среди русских женщин самый высокий уровень имеет предметный план (41,96%), что может говорить о том, что спикеры женского пола, говорящие на русском языке, в своих выступлениях стремятся обращаться к фактам, реже выражая свое мнение и меньше обращаясь к слушателям. Англоговорящие спикеры, у которых предметный план актуализируется немного реже (37,92%), менее объективны, они не так часто акцентируют внимание на действительности.

Таким образом, англоговорящие выступающие смягчают актуализацию доминирования, в то время как русскоговорящие предпочитают оказывать прямое доминантное воздействие на слушателей, что связано с особенностями менталитетов. У русскоговорящих спикеров преобладает предметный план, что показывает их желание быть максимально объективными в своих высказываниях. У англоговорящих наиболее актуализируется предметный и социальный план, так как они вовлекают слушателей в проблему, при этом приводя факты из реальной действительности. Преобладание предметного плана у всех спикеров свидетельствует о неосознанном стремлении выступающих обращаться к фактам, нежели высказывать свое собственное мнение. В научно-популярном дискурсе русскоговорящие адресанты больше акцентируют внимание на себе, англичане же стараются вовлечь в выступление адресата. Тем не менее, спикеры обеих национальностей не забывают в своей речи опираться на факты, тем самым проявляя объективность по тому или иному вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленец А.В.* Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: дис… канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1999, 233с.
2. *Матвеева Г.Г.* Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов н/Д.: ДЮИ, 1999, 82с.
3. *Матвеева Г.Г., Зюбина И.А.* Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) // «Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание». Т. 15, № 4, 2016. СС. 63–68.
4. *Матвеева Г.Г., Зюбина И.А.* Письменный текст: подходы к выявлению скрытой прагматики // «Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание». Т. 17, № 2, 2018. СС. 26–32.
5. *Мкртчян Т.Ю.* Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 2004, 181с.
6. *Овсиенко Т.В.* Диагностирование личностных качеств авторов: гендерный и национальный критерии (на материале немецкого и русского детектива): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 2010, 169с.
7. *Zheltukhina M., Zyubina I.* Individual speech behavior of Russian-speaking prosecutors in the 19–20th centuries: A case study in implicit pragmatics // “Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava”, № III (2), 2018. PP. 251–306.
8. *Zyubina I., Filippova M., Minakova N., Krivoshlykova L., Anikejeva I.* Synchronous personal method of language studying speech behavior in implicit pragmalinguistics // “XLinguae”, № 13 (4), 2020. PP. 81–90.
9. *Ионова С.В.* К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // «Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание», № 1 (13), 2011. СС. 190–197.
10. *Меликян В.Ю.* Специфика значения побудительных коммуникем // Личность, речь и юридическая практика: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 15. Ростов- н/Д.: ДЮИ, 2012. СС. 112–116.
11. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: «Гнозис», 2004, 324с.
12. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М: «Флинта»: «Наука», 2007, 592с.
13. *Бринев К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: моногр. Барнаул: АлтГПА, 2009, 252с.
14. *Голев Н.Д.* Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002. СС. 125–134.
15. *Голев Н.Д.* Юрислингвистика и лингвоконфликтология (к типологии языковых конфликтов) // «Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика». Красноярск, 2007. СС. 20–30.
16. *Меликян В.Ю.* Методология и практика юридизации инвективной лексики // «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», № 9, 2019. СС. 5–26.
17. *Меликян В.Ю., Трофимова В.А.* О лингвистическом статусе феномена «коммуникативное давление» // «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», № 9, 2019. СС. 27–35.

18. *Андреева В.Ю.* Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // «Современные проблемы науки и образования», № 1, 2014. [Режим доступа]: http://science-education.ru/ru/article/view?id=12218 (дата обращения: 07.10.2025).
19. *Шилихина К.М.* Коммуникативное давление в русской коммуникативной культуре // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: материалы науч. конф. Воронеж-Задонск, 3–6 июля 2000г. Т. 1. Воронеж: Центр. Черноозем. кн. изд-во, 2000. СС. 62–70.
20. *Кусоцкая Е.С.* Типология и языковая репрезентация коммуникативных реакций на оскорбления в контексте американского общественно-политического дискурса // «Вестник СПбГУ. Язык и литература», № 14 (4), 2017. СС. 583–598.
21. *Gilbert P.* The relationship of shame, social anxiety and depression: The role of the evaluation of social rank // "Clin Psychol Psychother", № 7 (3), 2000. PP. 174–189.
22. *Kuwabara K., Yu S., Lee A., Galinsky A.* Status decreases dominance in the west but increases dominance in the east // "Psychological Science", № 27, 2015. PP. 127–137.
23. *Зюбина И.А.* Феномен доминирования в политическом дискурсе: юрис-лингвистические аспекты: дис. ... докт. филол. наук. Ростов-н/Д., 2024, 467с.

DOMINANT SPEECH BEHAVIOR OF THE SPEAKER IN POPULAR SCIENCE DISCOURSE: NATIONAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS

I. Zyubina
Southern Federal University

ABSTRACT

The study was conducted within the framework of an objective pragmalinguistic analysis of the implicit speech strategy of dominance, which can be identified by specific speech markers. The dominance strategy is operationalized in three planes: imposing, non-imposing, and neutral. The article provides a list of markers for all planes of the dominance strategy, the number of which is counted in the texts of English and Russian speakers. This allows us to first analyze the speakers' speech behavior separately by group and then compare the stereotypical speech behavior of the groups, taking into account the national and cultural specifics of the text sender. To determine the direction of dominance, the speech strategy "Participation/non-participation of communicants in a speech event" was also considered during the analysis. The results revealed that English speakers (both men and women) significantly soften their emphasis on dominance, while the Russian speakers exert a direct dominant influence on the addressee. The Russian speakers emphasize the personal plane, indicating their individualistic approach. The English speakers, on the other hand, emphasize the social plane more strongly: they more often engage the listeners in their speech, thereby emphasizing collectivism in their verbal behavior. In popular science discourse, the Russian speakers emphasize either themselves or the addressee, while the English speakers emphasize a cooperative style of presentation. The predominance of the objective plane in

all the speakers indicates an unconscious desire to address facts, a characteristic of this type of discourse.
Keywords: speech dominance, Pragmalinguistics, discourse, national and cultural specificity, addresser.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-888-894

ИГРОВОЙ МЕТОД В ОБУЧЕНИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

М.Г. Ситникова

Гомельский государственный медицинский университет
Sitnikova-78@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что использование игрового метода на практических занятиях по русскому языку как иностранному обеспечивает эффективное формирование и развитие навыков русскоязычного речевого общения у будущих врачей и содействует формированию у них готовности к межкультурной коммуникации.
Ключевые слова: деловая игра, коммуникативная компетенция, инофон, речевая ситуация.

Введение

Игра, как метод обучения, применялась с глубокой древности для формирования и закрепления различных навыков и умений. В современной методике преподавания русского языка как иностранного игровой метод обучения успешно сочетается с коммуникативным, поскольку коммуникативный подход к обучению инофонов русскому языку предполагает одной из целей учебной работы формирование у студентов коммуникативной компетенции, реализуемой в умении речевыми средствами решать коммуникативные задачи в различных ситуациях социального взаимодействия.

Материал и методы

Включение в практику преподавания иностранным студентам русского языка деловой игры, направленной на формирование у обучаемых языковой и речевой компетенции, не только позволяет преподавателю активизировать познавательную деятельность иностранных студентов, вовлечь в речевую деятельность всех членов учебной группы, повысить

мотивацию изучения русского языка, но и снимает психологические барьеры, препятствующие активному включению студентов в иноязычное общение.

Применение игрового и коммуникативного методов обучения РКИ в их единстве делает возможным как создание психологической готовности инофонов к речевому общению с носителями языка, так и содействует организации условий для многократного повторения студентами речевых образцов и лексического материала, что, по утверждению Е.И. Пассова, является важным условием автоматизации навыков речевого общения.

Включение в практические занятия по русскому языку как иностранному игровых технологий обучения на начальном этапе изучения русского языка позволяет иностранным студентам сформировать речевое поведение в основных речевых ситуациях повседневной жизни, таких как речевое взаимодействие заболевшего студента с врачом в поликлинике и больнице, с продавцом в магазине при покупке продуктов или одежды, с сотрудниками общежития и деканата в ситуациях повседневного общения и т.д.

На третьем курсе успешно применяется игровой метод обучения русскому языку иностранных студентов-медиков для тренировки навыков речевого общения с коллегами и больными во время прохождения студентом клинической практики и выполнения заданий на практических занятиях по пропедевтике внутренних болезней, включающих опрос больного с целью выяснения его жалоб и сбора анамнеза жизни.

Результаты и обсуждение

Ролевая деятельность, как один из наиболее эффективных методов в обучении инофонов русскому языку в сфере профессиональной коммуникации, способствует формированию у инофона межкультурной компетенции, необходимой для решения речевыми средствами коммуникативных задач при профессиональном общении с русскоязычными коллегами и пациентами.

Дидактическая игра и ролевая игра обеспечивают интенсификацию овладения инофоном речевыми образцами и правилами речевого взаимодействия на изучаемом языке, расширяют социокультурную базу

иностранного студента и формируют навыки аудирования и говорения на русском языке.

Применение игрового обучения и ролевой игры на начальном этапе изучения РКИ дают возможность преподавателю РКИ организовать эффективный контроль уровня сформированности навыков речевого общения, необходимых коммуникации в сфере повседневного речевого взаимодействия, а использование дидактической и деловой игры на третьем курсе на практических занятиях по русскому языку как иностранному дает возможность преподавателю автоматизировать навыки использования студентами-медиками тактик речевого общения в профессиональной медицинской коммуникации, умения начинать общение, уточнять детали сообщения и коммуникативную задачу.

Использование преподавателем РКИ игрового метода обучения на начальном этапе изучения иностранными студентами русского языка снижает уровень тревожности студентов, способствует установлению в аудитории доброжелательной атмосферы, повышает вовлеченность студентов в учебный процесс, так как развлекательная функция игровой деятельности обеспечивает эмоциональное и активное вовлечение студентов в необходимое для освоения ими лексики и грамматики разыгрывание диалогов и делает необходимую для закрепления языкового материала отработку конструкций на множестве однотипных примеров (моделей) более увлекательной, в результате чего учебное занятие наполняется живым и интересным для студентов речевым общением.

Коммуникативная, основанная на освоении культуры и принципов общения, функция игровой деятельности делает игровой метод обучения РКИ исключительно эффективным на начальном этапе изучения русского языка иностранными студентами, когда закладываются основы аккультурации инофона и его межкультурной компетенции, влияющих и на последующее изучение им русского языка и на академическую успеваемость, и на социализацию молодого человека в стране обучения.

Заложенные на начальном этапе изучения РКИ и социализации инофона представления о стране обучения, носителях языка и их культуре в последующем окажут значительное влияние не только на речевое поведение студента в ситуациях общения на повседневные темы, но и

на его последующую готовность к профессиональной медицинской коммуникации в ситуациях общения врача с больным или коллегами.

С помощью реализации на практических занятиях игротерапевтической функции и функции самореализации преподаватель может добиться значительного улучшения взаимоотношений в учебной группе, профилактировать конфликты и помочь раскрытию положительных черт характера будущих врачей, формированию у них коммуникативной готовности и поисковой активности инофонов, помочь будущим врачам преодолеть замкнутость, стеснительность, боязнь вступать в речевое общение на иностранном языке с представителями другой культуры, способствует усвоению ими общих для всех людей универсальных общечеловеческих ценностей взаимоуважения и сотрудничества, милосердия и доброты.

Применение на практическом занятии по русскому языку игровых форм обучения не только повышает мотивацию обучаемых, но и способствует повышению качества учебного процесса, что достигается вовлечением в активную познавательную деятельность каждого студента, которому игровые технологии дают возможность не только тренировки языкового материала занятия, но и самовыражения, самореализации и проявления своих скрытых способностей.

Игровой метод обучения при использовании его в ходе проведения практического занятия по русскому языку как иностранному позволяет будущему врачу самостоятельно оценить свой уровень освоения лексики и грамматики в практике живого общения на изучаемом языке, составить мнение о своих академических успехах, что является мотивирующим фактором как в случае успешного выполнения студентом задач учебной коммуникации, так и в случае выявления им пробелов в своих знаниях, не позволивших ему успешно решить задачи общения на изучаемом языке.

Игровой метод овладения речеповеденческими тактиками на основе ролевых игр позволяет в более короткие сроки добиться формирования устойчивых навыков речевого коммуникативного поведения в сфере медицинской коммуникации.

Для успешного применения игрового метода обучения РКИ представляется целесообразным выделение и строгое соблюдение при реализации на занятии основных этапов осуществления дидактической

игры: подготовительного этапа, включающего работу с диалогами и учебными текстами для расширения у иностранных студентов необходимой для успешной коммуникации базы лингвокультурологических знаний и социокультурных представлений; этапа автоматизации методом выполнения упражнений навыков использования грамматических конструкций, лексики и речевых образцов, навыков межкультурного общения; этапа коммуникативных заданий, направленных на овладение студентом стратегиями межкультурной коммуникации.

Коммуникативность, личная ориентированность и креативность игровой деятельности, активизирующей не только речевые навыки, но и мышление обучаемых, обусловили высокую эффективность игрового метода обучения РКИ и включение деловой игры в практические занятия по РКИ.

Нами используются деловые ролевые игры «Беседа врача с родителями больного ребенка», «Общение с коллегой», «Опрос больного с целью сбора анамнеза жизни», «Выяснение основных и дополнительных жалоб у больного», «Сообщение больному рекомендаций по его питанию» и т.д.

Данные деловые игры формируют у будущих врачей понимание тактик и стратегий общения на русском языке врача и больного человека. Предпочтение отдавалось коммуникативным задачам диалога врача с больным в рамках коммуникативных ситуаций, обусловленных клинической практикой студента и необходимостью в курсе пропедевтики внутренних болезней проводить опрос больного с целью получения информации о его паспортных данных, жалобах, локализации и иррадиации болевых ощущений, наличия или отсутствия того или иного симптома, продолжительности наличия боли, кашля и т.д.

Проведению деловой игры предшествует подготовительный этап, содержащий работу по повторению языкового и речевого материала деловой ролевой игры, правил использования речевых конструкций и лексических единиц в речи, уточнялись коммуникативные намерения участников ролевой игры.

На предшествующем проведению деловой ролевой игры учебном занятии повторяли в рамках подготовки к проведению игры лексический и грамматический материал, выполняли упражнения, направлен-

ные на закрепление навыков применения в речи необходимых для коммуникации в ситуации ролевой игры речевых образцов, грамматических конструкций, лексики по теме игры (например, характеристики кашля по характеру, по продолжительности, по интенсивности, наличию мокроты, тембру и т.д.)

В целях закрепления студентами навыков употребления речевых образцов и грамматических конструкций им предлагалось выполнить восстановление типичных диалогов врача с больным по изученным ранее темам, для чего в упражнениях указывались только вопросы врача или только ответы пациента на вопросы, заданные ему относительно его паспортных данных, жилищно-бытовых условий, жалоб, анамнеза жизни или семейного анамнеза или по ответам и т.д.

В ходе проведения деловой игры иностранные студенты делились на подгруппы, участники которых реализовали имитационное моделирование речевого поведения участника профессиональной коммуникации согласно сценарию деловой игры, что позволило им изучить ситуации профессиональной коммуникации в сфере будущей профессии.

Результаты тестов по контролю речевых умений в сфере профессиональной медицинской коммуникации показали, что студенты групп, в которых регулярно проводились деловые и коммуникативные игры, демонстрируют более высокий уровень сформированности умений диалогического общения, допускают меньше ошибок в употреблении грамматических структур, в их высказываниях правильно реализуются речевые формулы.

При анкетировании иностранные студенты тех групп, в которых проводились коммуникативные и деловые игры, отметили более высокий уровень интереса к дальнейшему изучению русского языка как иностранного.

Включение в практику обучения иностранных студентов-медиков игрового метода обучения и коммуникативных и деловых игр положительно влияет на мотивацию инофонов, способствует интенсификации формирования у обучаемых навыков и умений профессиональной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пассов Е.И.* Основные вопросы обучения иноязычной речи: учебное пособие / Е.И. Пассов; Воронежск. гос. пед. ин-т. Воронеж: ВГПИ, 1974, 164с.

THE GAME METHOD IN TEACHING SPEECH ACTIVITY TO FOREIGN MEDICAL STUDENTS

M. Sitnikova
Gomel State Medical University

ABSTRACT

The use of the game method in practical classes on Russian as a foreign language ensures the effective formation and development of Russian-language speech communication skills among future doctors and contributes to the formation of their readiness for intercultural communication.

Keywords: business game, communicative competence, foreign language, speech situation.

АРМЕНИСТИКА

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-895-903

ԺՈՂՈՎՐԴԱԿԱՆ ԲԱՆԱՐՎԵՍՏԸ ՎԱՀԱԳՆ ԴԱՎԹՅԱՆԻ «ԱՍՔ ՍԻՐՈ ԵՎ ՍՐԻ» ՊՈԵՄՈՒՄ

Գ.Վ. Առաքելյան

Ռուս-հայկական համալսարան
gohar.araqelyan@rau.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը Վ. Դավթյանի պոեմների, մասնավորապես «Ասք սիրո և սրի» պոեմում ժողովրդական բանահյուսության տարրերի ուսումնասիրությունն է: Շեշտը դնելով բանահյուսության մեկնաբանությունների վրա՝ բանաստեղծը օգտագործել է պոեմի ժանրային հնարավորությունները, դրսևորել է ժամանակաշրջանին բնորոշ պատկերային, ոճական, լեզվական գունագեղության ողջ հարստությունը: Հոդվածում համեմատական զուգահեռներ են տարվել Փ. Բյուզանդի «Հայոց պատմության» և պոեմի սյուժեների միջև:

Հիմնաբառեր՝ պոեմ, պատմական, բանահյուսական, սկզբնաղբյուր, ավանդություն, գուսան, ասք, պատում, դավադիր:

1950–1960-ական թվականներին հայ միջնադարյան բանարվեստի նկատմամբ հետաքրքրությունը մեծ վերելք ապրեց, որը յուրովի արտացոլում էր ժողովրդի ազգային գիտակցության զարթոնքը: Անցում էր կատարվում խորհրդահայ պոեմից դեպի ազգային բանահյուսություն: Միաժամանակ, 20–դարի երկրորդ կիսամյակում հայ գրականության մեջ իր կենտրոնական տեղն ունեցավ պոեմի ժանրը: Չափածո ժողովածուներում և առանձին գրքերով լույս տեսան բազմաթիվ պոեմներ, նշանակալից ստեղծագործություններ: Այս ժանրի զարգացման գործում իրենց ներդրումը ունեցան մեր լավագույն բանաստեղծներից շատերը՝ Պ. Սևակը, Հ. Շիրազը, Ս. Կապուտիկյանը, Վ. Դավթյանը և ուրիշները:

Իր լավագույն պոեմները Դավթյանը ստեղծել է 1960–1970–ական թվականներին: 1961թ. բանաստեղծը հանդես եկավ իր ամենամեծ չափածո երկով՝ «Թոնդրակեցիներ» լայնածավալ պատմական պոեմով, որի վերամշակված տարբերակը հրատարակվեց 1966թ. «Ծուխ ծխանի» պոեմների գրքում: Նշենք, որ «Թոնդրակեցիները» միակ գործն է, որին հեղինակը հետագայում անդրադարձել է: «Թոնդրակեցիներից» հետո ծնվեցին «Ասք սիրո և սրի», «Ծուխ ծխանի», «Ճերմակ ձիավորը» և «Զվարթնոց» պոեմները, որոնց համար հեղինակը նյութ է քաղել հայ հնագույն էպիկական բանահյուսությունից: Առհասարակ, բանահյուսության նկատմամբ Դավթյանն ուներ հատուկ հետաքրքրություն և վերաբերմունք: Նա բավականին խորությամբ էր ուսումնասիրել հայ ժողովրդական բանարվեստը՝ սկսած գողթան երգերից մինչև «Սասնա ծռեր», ժողովրդական խաղիկներ, Նարեկացի, միջնադարյան քնարերգություն, հայրեններ և անշուշտ՝ հիանալի գիտեր «Աստվածաշունչը», որից հղացել է «Փոքրիկ պոեմներ» բաժնում զետեղված «Արարչություն» ստեղծագործությունը:

«Ասք սիրո և սրի» պեմը գրվել է 1965թ. և զետեղվել է նախ «Գինու երգը» ժողովածուի մեջ (1966թ.), ապա՝ «Ծուխ ծխանի» պոեմների գրքի մեջ (1969թ.):

Որպես պոեմի սկզբնաղբյուր՝ Դավթյանը ընտրել է «Պարսից պատերազմի» պատումներից մեկը՝ «Գնել-Տիրիթյան» ավանդություն» անունով:

4-րդ դարում ստեղծված այդ ավանդությունը գրի է առել ինչպես Փ. Բյուզանդը իր «Հայոց պատմության» մեջ, այնպես էլ Մ. Խորենացին:

Ընդհանրապես, Վ. Դավթյանի պոեմներին հատուկ է թե՛ պատմականությունը, և թե՛ բանահյուսականությունը: Հարկ է նշել, որ կոնկրետ այս՝ «Ասք սիրո և սրի» պոեմում հեղինակի նպատակն է եղել գրել ոչ թե պատմական պոեմ կերպարների, դեպքերի սոցիալ-

քաղաքական վերլուծությամբ, այլ բարոյական բարձր գաղափարներ պարունակող ստեղծագործություն, որը տանում է բարքերի, ազգակցական կապերի, պալատական ինտրիգների ոլորտը (էջ 48–49):

Շատ գրողներ են իրենց ստեղծագործություններում դիմել պատմական սյուժեներին, լեգենդներին: Այս դեպքում, կոնկրետ՝ Արշակ II թագավորի և Փառանձեմ թագուհու կերպարները հայ գրականության ամենից շատ հետաքրքրած կերպարներից են:

Այդ պատմական շրջանի դեպքերը մշտապես հետաքրքրել են հատկապես պատմավիպասաններին՝ Դավթյանից թե՛ առաջ, թե՛ հետո (Րաֆֆի, Ստեփան Զորյան, Լևոն Խեչոյան): Դավթյանի ստեղծագործությունը առանձնանում է նրանով, որ այն գրվել է պոեմի ժանրով: Ուշագրավ են նաև այն ձևափոխությունները, որին ենթարկվել են այդ մոտիվները՝. չանտեսելով սյուժեի կարևոր դերը: Դավթյանի մոտ էպիկական սյուժեն չի նույնանում Բուզանդի համապատասխան հատվածի հետ:

«Ասք»-ում կատարվել են տարբեր հավելումներ՝ Գնելի և Փառանձեմի գեղեցկության գովքը, հին աստվածների ներբողն ու նոր պաշտամունքի խարազանումը, ձիարշավի նկարագրությունը, Փառանձեմի ողբի տեսարանը և այլն: Կատարված է նաև մանրամասների կրճատում, գործողությունների արագացում, սիմվոլների առկայություն: Մեծ տեղ է հատկացված քնարական ընդմիջումներին:

Շեշտը դնելով ժողովրդական բանահյուսության մեկնաբանությունների վրա՝ բանաստեղծը օգտագործել է պոեմի ժանրի բացառիկ հնարավորությունները և դրսևորել նրա պատկերային և ոճական զինանոցի ողջ հարստությունը, լեզվական գունագեղությունը, բառապաշարի հարստությունը: Իսկ վերնագրի «սեր-սուր» հակադրություն - պատկերը կարելի է դիտել որպես բանաստեղծական շատ խոսուն, ինքնուրույն հնարանք:

Պոեմում ամբողջ պատումը վարում են երեք գուսանները: Հեղինակը իր անունից խոսում է միայն սկզբում՝ նրանց ներկայացնե-

լիս: Նրանք հեղինակի գաղափարախոսներն են: Սիրո և սրի պրոբլեմը մարմնավորում է ալեհեր գուսանը, սիրո փառաբանումը՝ հուրհերը, իսկ սրի ողբերգական փիլիսոփայությունը՝ թխամորուս գուսանը: Ահա գուսանների մուտքը քաղաքամայր.

Երեք փոշեթաթով ու հոգնաբեկ գուսան
Ուսերն ի վար երեք արծաթալար փանդիռ,
Պղնձե կուռ ու կոփ դարպասներով
Քաղաքամայր մտան հանդիսաքայլ,
Ու միջամուխ եղան հանդիսաքայլ
Ողջույն առաքելով ամենեցուն,
Ինչպես գուսանաց է օրեն ու կարգը:

Նրանք գուսաններ են, որոնք թափառում են քաղաքից քաղաք, երկրից երկիր և «փոշեթաթավ ու «հոգնաբեկ» մակդիրները վկայում են այդ փաստը: Նրանք աշխարհ անցած ու մեծ կենսափորձ ձեռք բերած մարդիկ են, ովքեր պիտի իրենց իմաստնությունը փոխանցեն մարդկանց:

Մեկն էր ալևորիկ, ալեմորուս,
Ապա երկրորդն այր էր թխամորուս
Եվ երրորդն էր հուրհեր մի պատանյակ:

Նստում են այս երեք գուսանները և մեկը մյուսի խոսքը շարունակելով՝ զարգացնում են վեպի սյուժեն:

Ի տարբերություն մյուս երկուսի՝ ալևորիկ գուսանը պոեմում հանդես է գալիս միայն երկու անգամ՝ սկզբում և վերջում: Նրա խոսքը հանդիսավոր է, յուրահատուկ, ընթերցողին տանում է դարերի խորքը, ասես լսելի է նրա ձայնի որոտը:

Եվ լարելով փանդիռն արծաթալար,
Ալևորիկ գուսանը որոտաց
Եվ բամբ ձայնով որոտալով վիպեց,
ասաց…

Այնուհետև մուտք են գործում գլխավոր հերոսները՝ Արշակը, Փառանձեմը, Գնելը և Տիրիթը, իսկ ալևորիկ գուսանը, ծանրակշիռ ու հանդիսավոր նստած՝ իր աշակերտների խոսքն է ունկնդրում, թեև, պոեմում այդ մասին չի խոսվում: Հուրհերը պատմում է Գնելի և Փառանձեմի ճյուղը՝ ամուսնության և Գնելի սպանության տեսարաններով: Սրի գաղափարը մարմնավորում է թխամորուսը, վիպում է Տիբեթի և Արշակի ճյուղը, դավի նախապատրաստումը և ողբի տեսարանը:

Պատանի գուսանը փառաբանում է Գնելի և Փառանձեմի լուսավոր սերը, որ հովանավորվում է հին աստվածների կողմից:

Եվ այդ սերը վսեմ, աստվածային
Հույժ հաճելի եղավ աստվածներին,
Հույժ հաճելի եղավ քաջ Վահագնին,
Եվ ամուսնուն նրա՝ լույս Աստղկան:

Աստվածների հովանավորությամբ կատարվում է նրանց հեթանոս հարսանիքը, և այդ ներդաշնակ զգացմունքը գնալով ավելի է ուժգնանում:

Այստեղ, հարկ է նշել, որ հայ հեթանոս աստվածների մեջ Դավթյանը տեսնում է կյանքի լուսավոր ակունքը, սիրո և գեղեցկության սկիզբը:

Սրի գաղափարը պատկերում է թխամորուս գուսանը: Տիրիթի մատնությունը, Արշակ արքայի խաբվելը ու Գնելի սպանությունը: Սիրո փոխարեն ամենազոր է դառնում սուրը:

Սիրո ու սրի բարձրակետն է ողբի տեսարանը, որը բացահայտում է դավադիրների բարոյական անկումը: Իսկ ինքնաբուխ, վսեմ սիրո բացակայության համար Փառանձեմը ատում է բռնությամբ իրեն տիրացած ամուսնուն՝ Արշակ թագավորին:

Ուշագրավ է աստվածների խռովքի և հայոց հողին իջած դժբախտությունների մասին հատվածը;

Եվ ի՞նչ…Սերը մեռավ…
Աստվածները հայոց, զայրացած ու վրդով,
Թողին իրենց գահերն իրենց ամպածրար
Ու փակվեցին մթին անձավներում…
Աստվածներից թափուր հայոց հողին
Արհավիրքներ իջան այնուհետև…

Մինչև Արշակի և Փառանձեմի ողբերգական վախճանը տեղի ունեցած հետագա քստմնելի դեպքերը, ըստ Բուզանդի, «Ասք սիրո և սրի» պոեմում ուղղակիորեն չկան, սակայն հայոց հողին արհավիրքներ իջան այնուհետև՝ Դավթյանը ակնարկում է այդ մասին:

Եվ վերջին խոսքը, երգված ալևորիկ գուսանի կողմից, կարծես, գաղափարական ընդհանրացում է.

Եվ բնության,
Մարդու բնության դեմ,
Օ՜, սուր չառնեք, մարդիկ, օ՜, սուր չառնեք…

Ուրեմն՝ գաղափարական իմաստով խնդիրը ոչ միայն սիրուն է վերաբերում, այլև սիրո, սրի, մարդկայինի, բնականի և անբնականի հակասությանը, որը մարդկությանը տանող հավերժական պրոբլեմներից մեկն է և ահազանգում է մարդու, բնության դեմ «սուր չառնել»:

Հեղինակի կերպարը վերամարմնավորող գուսանների միջոցով «Ասքում»կատարվել են բազմաթիվ հավելումներ և դրան հակառակ, նաև՝ մանրամասների կրճատում, սիմվոլների առկայության, գործողությունների արագացում:

Այսպես՝պոեմում Տիրիթի խոսքից հետո, այն, որ Գնելը շատ սիրված է նախարարների կողմից և ձգտում է թագավոր դառնալ, Արշակը իսկույն զայրանում է, հրաման տալիս շտապ մարդ ուղարկել Գնելի մոտ և նրան պալատ հրավիրել:

Այստեղ բաց են թողնված կազմակերպված խարդավանքների բոլոր պատմական մանրամասները: Արշակի հրամանին անմիջապես

հաջորդում է Գնելի այցելությունը և այնուհետև՝ դավադիր սպանությունը:

Այժմ տեսնենք, թե ինչպիսի լեզվական և ժանրային ոճավորումներ ունի պոեմը: Վստահորեն կարող ենք ասել, որ ասքում առատորեն սփռված են տարբեր լեզվաոճավորումներ, ավելին՝ այն ամբողջությամբ լեզվաոճավորում է, որը բնորոշ է հեղինակի բոլոր պոեմներին:

Պոեմի լեզուն պատումին տալիս է պատմական գունազարդում: Դավթյանը հնուց ավանդված լեզվական միջոցներով պարուրում է դեպքերի շարադրանքը, գեղեցկացնում այն պատմելու բարձր արվեստով: Նա հմտորեն օգտվում է հեթանոսական շրջանի գրական-բանահյուսական մշակույթից, առաջին հերթին՝ Գողթան երգերից, ինչպես, օրինակ, «ասեմ» դիմելաձևը, որը տեսնում ենք Արտաշեսին ուղղված Սաթենիկի խոսքում՝ «քեզ ասեմ, այր քաջ Արտաշես»: Այս դիմելաձևը Վ. Դավթյանը օգտագործել է նաև ալևորիկ գուսանի մուտքի խոսքում.

– Նախ քեզ ասեմ, Արշակ, հայոց արքա
Եվ ապա քեզ ասեմ, հայոց տիկին,
Փառանձեմդ չքնաղ ու գեղաչյա…

Մեկ այլ՝ Փառանձեմի գեղեցկությունը փառաբանող դրվագում Դավթյանը դիմում է Նարեկացուն.

Աչքերը ծով էին խավարաված,
Եվ ծովերի վրա լույս էր քամված
Եվ ծովերի վրա ծուփ-ծածանված
Մի շողակաթ, անհուն արևագալ
Եվ շուրթերից նրա լեզուն ու տաք
Կաթկթում էր լույս մի ծիրանագույն
Եվ դեղձենու ծաղիկ էր կաթկթում
Իսկ պարանոցն սեզ՝ կոթող էր սեզ
Եվ պարանոցն ի վար գոհար ու ակ
Փայլակ չէին տալիս պարանոցին,
Պարանոցից էին առնում փայլակ:

Պոեմն ամբողջությամբ հագեցած է դրամատիզմով: Քանի որ պոեմի դեպքերը պատմում են երեք գուսանները, դրամատիկական է դառնում պոեմի խոսքն ամբողջությամբ: Նկատենք, որ հեղինակային խոսքը մեկ էջից էլ չի անցնում: Զգալի է թատերական իրադրությունը: Այսպիսով՝ այն դիտվում է որպես ինքնատիպ ժողովրդական-գուսանական ներկայացում:

«Ասք սիրո և սրի» պոեմում նկատելի է ևս մեկ ժանրային սկզբունք՝ երաժշտականությունը, որն ունի դասական բնույթ, քանի որ գալիս է հայոց հին գուսանական արվեստի ավանդույթներից:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Բյուզանդ Փ.,* «Պատմություն հայոց», Եր., «Հայաստան», 1958:
2. *Գրիգորյան Ս.,* Վահագն Դավթյանի պոեմները: Մենագրություն, Եր., «Արմավ», 2021:
3. *Դավթյան Վ.,* Ընտրանի: Աստղ ու ցորեն, Եր., «Էդիթ Պրինտ», 2019:
4. *Ջրբաշյան Էդ.*, Գրականության տեսություն, Եր., «Հայպետուսմանկհրատ», 1961:

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ПОЭМЕ ВААГНА ДАВТЯНА «СКАЗАНИЕ О ЛЮБВИ И МЕЧЕ»

Г.В. Аракелян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию элементов народного фольклора в поэмах Ваагна Давтяна, в частности, в поэме «Сказание о любви и мече». Акцентируя внимание на интерпретации фольклорных мотивов, поэт использовал жанровые возможности поэмы, раскрыл все богатство образной системы, стилистической выразительности и языковой красочности, характерных для своей эпохи.

В статье проведены сравнительные параллели между сюжетами «Истории Армении» П. Бузанда и поэмы В. Давтяна.

Ключевые слова: поэма, исторический, фольклорный, первоисточник, предание, гусан, сказание, повествование, заговорщик.

FOLKLORE IN VAHAGN DAVTYAN'S POEM “THE TALE OF LOVE AND THE SWORD”

G. Arakelyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article examines the elements of folk folklore in the poems of Vahagn Davtyan, with particular focus on his poem “The Tale of Love and the Sword”. Emphasizing the interpretation of folkloric motifs, the poet made use of the genre's possibilities to reveal the richness of its imagery, stylistic expressiveness, and linguistic vividness characteristic of his era.
The article draws comparative parallels between the narratives found in History of Armenia and V. Davtyan’s poem.
Keywords: poem, historical, folkloric, primary source, legend, gusan (bard), tale, narrative, conspirator.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-904-919

ԲԱԿՈՒՆՑԻ «ԽՈՆԱՐՀ ԱՂՋԻԿԸ» ՊԱՏՄՎԱԾՔԻ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ԱՐԺԱՆԻՔՆԵՐԸ

Գ.Հ. Ավետիսյան

Շիրակի Մ. Նալբանդյանի անվան պետական համալսարան
gayaneavetisyan2@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ակսել Բակունցի գրական ժառանգությանը շատերն են անդրադարձել, շատերն են խոսել ու քննարկել նրա անցած գրական հետագծի մասին: Կարևորելով այս հանգամանքը՝ փորձել ենք ներկայացնել «Խոնարհ աղջիկը» պատմվածքի գեղարվեստական արժանիքները՝ որպես գեղարվեստական վավերագրություն, որի հիմքում ընկած է իրական դեպքերի ու կերպարների գեղարվեստական վերակերպավորումը: Վերլուծության առանցքում են պատմվածքի լեզվաոճական առանձնահատկությունները, պատկերավոր մտածողության դրսևորումները և Բակունցի ազգային գեղագիտական հավատամքը:

Պատմվածքը ընթերցողի առջև բացում է մի ուրույն աշխարհ՝ իր հազարերանգ գույներով, բնության հետ ներդաշնակության ձգտող մարդկանցով, նրանց ուրախությամբ ու հուզիչ ապրումներով: Ա. Բակունցի այս պատմվածքում բնապատկերները համահունչ են հերոսների ապրումներին, արտացոլում են նրանց հույզերն ու զգացմունքները: Պատմվածքը չկայացած սիրո տխուր պատմություն է, չկայացած մտերմության անամոք ցավ: Հերոսների միջև պակասում են հոգևոր կապ ստեղծող բառերը: Այստեղ կա միայն զգացածի վերապրումը:

Ուսումնասիրության նպատակն է բացահայտել գրողի պատկերաստեղծման յուրահատկությունները, որոնք կարող են արժեքավոր նյութ դառնալ դպրոցականների լեզվամտածողության, գեղագիտական ճաշակի ու պատկերավոր խոսքի հմտությունների ձևավորման համար, իսկ առաջադիր խնդիրն է մանկավարժական մտքի արդի պահանջների համապատկերում դրանք ընթերցողներին ներկայացնելը, գեղեցիկը տեսնելու և արժևորելու ունակությունների մշակումը, բառապաշարի հարստացումը, պատկերավոր խոսք կառուցելու հմտությունների զարգացումը, գեղագիտական ճաշակի և քննադատական մտածողության ձևավորումը:

Այդ առումով «Խոնարհ աղջիկը» պատմվածքի վերլուծությունը սովորողներին հնարավորություն է տալիս ճանաչելու ոչ միայն հերոսների սոցիալական միջավայրը, այլև մարդկային բնավորության բազմաշերտ դրսևորումները: Պատմվածքում բացահայտվող բարոյահոգեբանական հակադրությունները (խոնարհություն, համեստություն, հասարակական կարծիքից ելնող վախեր ու սահմանափակումներ) օգնում են սովորողներին ավելի խորն ընկալել կյանքի արժեքներն ու մարդկային փոխհարաբերությունները: Սովորողները ոչ միայն վերլուծում են կերպարների վարքագիծը, այլև համադրում այն իրենց շրջապատի և սեփական ներաշխարհի հետ:
Հիմնաբառեր՝ Մթնաձոր, պատկերավորություն, գեղագիտական ճաշակ, բնաշխարհ, արտահայտչականություն:

Ներածություն

Ավ. Իսահակյանը 1934 թվականին Փարիզի «ՀՕԿ» պարբերականում տպագրված գրականության տարեկան տեսության մեջ Ա. Բակունցին համարում է հայ արձակի առաջին դեմքը: Իսկ Մարտիրոս Սարյանի հետ զրույցներից մեկում ասում է. «Կոմիտասի երգերի ու քո գույների առիթով խոսում են իբրև այնպիսի մի հրաշքի մասին, որը չի կարելի բառերով արտահայտել: Բայց, իմ կարծիքով, դա այնքան էլ ճիշտ չէ: Հայաստանում կար մի գրող, որի բառերը զրնգում են կոմիտասյան ուժով ու փայլում են քո կտավների բոլոր գույներով: Դա Ակսել Բակունցն էր» [12, N 132]:

«Խոնարհ աղջիկը» պատմվածքը «Մթնաձոր» ժողովածուի լավագույն գործերից է, որի ուսումնասիրությունը արդիական է. կենսագրական-փաստագրական հիմք ունեցող ստեղծագործության համալիր վերլուծության միջոցով փորձել ենք բացահայտել սոցիալական և նահապետական բարքերով պայմանավորված մարդկային հոգիների նուրբ, չբացահայտված շերտեր, գեղջկական պարզ կենցաղի նկարագրությունների ֆոնին՝ չխոստովանված սիրո անչափ տխուր ողբերգություն:

Պատկերավոր մտածողությունը, որը բնորոշ է գեղարվեստական խոսքին, խոսքի արժանիք է և ապահովվում է պատմվածքը բազմազան ու բազմաթիվ պատկերավորման միջոցներով, որոնց

գործածությունը լեզվական մշակույթը պահպանելու և արժևորելու, այն ընթերցողին փոխանցելու կարևոր հանձնառություն ունի։

Գրողը ոչ միայն պատկերում է գեղջկական կյանքի պարզությունն ու հոգևոր խոհունությունը, այլև վեր է բարձրացնում սիրո, հիշողության, կարոտի թեման՝ ներկայացնելով դրանք բնաշխարհի խորհրդաշունչ պատկերներով։

«Մթնաձոր» ժողովածուի թեմատիկան

Իր առաջին «Մթնաձոր» ժողովածուով Ա. Բակունցը գրականություն բերեց գույների՝ նախադեպը չունեցող հրավառություն, ինչը համահունչ է հերոսների ապրումներին, հույզերին ու զգացմունքներին, և, որ ամենակարևորն է, ստեղծած բնապատկերները խորհրդանիշներ են, որոնց միջոցով բացահայտվում են մարդկային զգացմունքները, լսելի են դառնում նրանց լռության ձայնը։ Ակսել Բակունցի ստեղծագործության լեզուն իր մեջ կրում է ուժեղ հոգեբանական նրբություններ, որոնք արտացոլում են հերոսների ներաշխարհի բազմաշերտությունն ու հոգեվիճակների բարդությունը։ Նրա օգտագործած բառահումքը ներկայացնում է ոչ միայն օբյեկտիվ իրականությունը, այլև փոխանցում է հերոսների հույզերը, հոգեկան տագնապներն ու ներքին կոնֆլիկտները։ Այս իմաստով՝ բառերը դառնում են հզոր հոգեբանական գործիքներ, որոնք խտացնում և խորացնում են ընթերցողի ընկալումը՝ ընդլայնելով ստեղծագործության էմոցիոնալ ազդեցությունը։ Այստեղ Խոնարհ աղջիկը դառնում է հայ կնոջ ավանդական կերպարի գեղարվեստական վերարտադրություն, որտեղ համեստությունը ոչ թե թուլություն է, այլ ներքին բարոյական ուժ։

Ըստ Ս. Աղաբաբյանի՝ Ա. Բակունցի տաղանդի կարևոր յուրահատկությունն այն է, որ նա «*բնապատկերային գեղանկարչության հազվագյուտ ձիրքի ուժով վերարծարծեց ազգային բնությունը՝ իր հողով, լեռներով, ծառ ու ծաղկունքով, բնության մյուս տարրերով։ Եվ*

այդ ամենը նա մատուցեց ոչ թե իբրև սոսկական վերատպություններ, այլ անհատական ու «փիլիսոփայական» վերաբերմունքով» [2, էջ 455]:

Բակունցյան բնապատկերներն ունեն ճանաչողական նշանակություն և կարող են մշակել գեղեցիկը ոչ միայն տեսնելու, այլև նրանով ապրելու ունակություններ: Բնությունն իր հետքերն է թողել լեռնաշխարհի մարդկանց վրա, որոնք այդ գեղատեսիլ վայրերում ապրում են ծայրաստիճան աղքատության մեջ, գոյատևում են բնության ողորմածությամբ, ապավինում նրան: Վայրի ու նախաստեղծ լեռներ, բայց այդ բնության մեջ ապրող մարդկային փխրուն հոգիներ, մութ ու թավուտ անտառներ, բայց՝ պարզ ու միամիտ բնավորություններ:

Սովորողներին հետաքրքիր կլինի ծանոթանալ այդ մարդկանց կենցաղին, սովորույթներին, բնության վերաբերյալ նրանց պատկերացումներին, վարք ու բարքին: Պատմվածքների հերոսները հպարտությամբ են ընդգծում իրենց սյունեցի լինելու հանգամանքը *(Ավան ամին, Ղաթրինին, Աղալոն, Քյալա Ծատուրը, Աթա ապերը, Վանդունց Բաղին* և էլի շատ ուրիշներ), իրենց հողին արմատներով կառչած «կաղնիներ են», և եթե նրանցից յուրաքանչյուրին հարցնես, թե ինչ ազգից ես, նա կտար տոհմի անունը՝ *Ավետանց, Շալունց, Բակունց*, և, ով գիտե, ինչ ազգանուններ, որովհետև նրանց լեզվով ազգ նշանակում է գերդաստան, տուն, որի բոլոր անդամները իրար հետ կապված են արյան կապերով: Իսկ եթե նրանց բացատրես, որ ազգությունն ես հարցնում, այլ ոչ թե տոհմը, նա կպատասխաներ. «*Կյորեսցի եմ, Զանգեզուրի մարդ եմ…*» [2, էջ 472]:

Ս. Աղաբաբյանի դիտարկմամբ սա ժողովրդի ինքնությունն է՝ սերված զանգեզուրյան բնաշխարհից և պարզված ժամանակին: Սա կոչվում է բնաշխարհի, պատմության, մարդկային ճակատագրերի և այդ ամենի լեզվական արտահայտման հարազատություն, որի կենտրոնը իրական փաստից տեղափոխում է ենթավերնագրի, նրա «*թաքուն գաղափարի ոլորտը՝ ձգտելով մարդուն պանծացնող և*

կյանքը գեղեցկացնող մի ուրիշ հայացքի, հոգու զգացմունքի» [2, էջ 394]։

«Խոնարհի աղջիկը» պատմվածքը

Ինչպես նշում է Ա. Հարությունյանը, գեղարվեստական խոսքի ընկալումը պահանջում է համակարգված մոտեցում, որի հիմքում ընկած է պատկերային մտածողության զարգացումը [8, էջ 47]։ Լայն առումով «Խոնարհի աղջիկը» պատմվածքը գեղջկական սիրո անթաքույց պատմություն է, որտեղ Բակունցը նկարագրում է նուրբ զգացումներ, բացում հերոսների հոգու անհայտ ծալքերը։ Պատմվածքն ունի իրական հիմք։ Հերոսը գյուղական ուսուցիչ է, հեռավոր Զորագյուղում նա կորցրել է ժամանակի զգացողությունը։ Գեղջկական մրոտ ու հին խրճիթը, որտեղ նա բնակվում է, իր համար հրապուրիչ մի աշխարհ է։ Աշխարհից կտրված այդ աշխարհում ապրող գեղեցկության՝ Խոնարհի արտաքինի մասին գրողը գրեթե ոչինչ չի ասում։ Ուսուցիչն առաջին հանդիպումից սիրահարվում է նրան։ Բակունցը ընթերցողին է ներկայացնում ուսուցչի և Խոնարհի անունով գեղջկուհու հոգու անսահման քնքուշ ու միաժամանակ լուռ մտերմությունը, հոգեկան անբացատրելի մտերմությունը։

Ա. Մելքոնյանի դիտարկմամբ՝ կենսագրական գրականության ժանրին հատուկ է հիշողության և գեղարվեստական փաստի միաձուլումը, ինչը հատկապես բնորոշ է Բակունցի պատմվածքներին [10, էջ 64]։

Պատմվածքում կա միայն մի փոքրիկ շեղում։ Իրականում Բակունցը առաջին անգամ Լոր է գնացել 1915թ. ուշ աշնանը՝ նոյեմբերին։ Խոնարհի դիմագծերի մասին գրեթե ոչինչ չի ասվում։ Հեղինակը միայն մի տեղ ակնարկում է, որ 15-ամյա (նա իրականում եղել է 16 տարեկան) այդ գեղջկուհին ունեցել է «*սպիտակ դեմք, մանր աչքեր և սև ու երկար վարսեր*» [4,էջ 26]։

Այնուհետև պատմվածքում իրականի համեմատ փոխված են որոշ անուններ։ Օրինակ, *Լորը* դարձել է Զորագյուղ, իսկ իրական

տանտերը՝ *Հակոբ ապերը* (Հակոբ Հովհաննիսյանը) դարձել է *Օհան ապեր,* իսկ տանտիրոջ դուստրը՝ 14-ամյա *Անահիտը,* դարձել է 10-ամյա *Աշոտիկ:* Բակունցը, փոփոխելով երկրորդական անձանց անունները, անփոփոխ է թողել գլխավոր հերոսուհուն: Խոնարհի հայրը՝ Սուքիաս Առուստամյանը, ունեցել է 5 զավակ՝ 2 որդի, 3 դուստր: Խոնարհը եղել է երրորդը. ծնվել է 1899-ին, այսինքն՝ Լորում հեղինակի գտնվելու ժամանակ եղել է 16 տարեկան: Ռ. Իշխանյանը փաստում է, որ գյուղից Բակունցի հեռանալուց մեկ տարի անց՝ 1917-ին, Խոնարհին հայրը ամուսնացնում է հարևան Շնաթաղ (այժմ՝ Լեռնաշեն) գյուղից մի մարդու հետ, որը, սակայն, շուտով մահանում է: Խոնարհը երկրորդ անգամ ամուսնացել է 1921-ին, Դարաբաս գյուղից Սուլթան (Անանիա) Անդրեասյանի հետ: Ունեցել է 2 որդի՝ Արշավիրը (ծնվ. 1922թ.) մահացել է 1941-ին՝ Հայրենական մեծ պատերազմում: Երկրորդ որդին՝ Սեդրակը (ծնվ. 1924թ.) անհետ կորել է 1943-ին: Երկու տղաների մայրը մահացել է 1926թ.՝ երրորդ որդու լույս աշխարհ գալու պահին: Այժմ թաղված է Դարաբաս գյուղում և գերեզմանը մինչև այժմ պահպանվում է: Սուլթանը այնուհետև կին է բերել տուն Բաքու քաղաքից [7, էջ 25]:

Հեղինակը հիշում է գյուղական աղջիկներից մեկին՝ *Խոնարհին,* որն իր սիրո փթթուն շրջանն էր ապրում: Խոնարհի նկարագրության միջոցով գրողը պատկերում է լեռնային այդ գյուղի կենցաղն ու մարդկային ամենաջերմ հարաբերությունները: Խոնարհի կերպարը ավելի է ընդգծվում, երբ վերհուշը համեմատության մեջ է դրվում ներկայի հետ: Վերհուշի տպավորություններով ծավալվում է պատմվածքի ներքին թեման: Աղջկա անունը Խոնարհ է ու ինքն էլ *խոնարհ* աղջիկ է: Խոնարհ, գլուխը կախ աղջիկը հիշեցնում է Բակունցի գլխահակ ծաղիկները, ապա ալպիական մանուշակը, որը ամպոտ օրերին թեքվում է, գլուխը քարին հենում: Մյուս կողմից, խոնարհությունը կապվում է խաղաղության, առաջին սիրո ամոթխած փթթումի հետ, իսկ դրանք բոլորը վերհուշի հեռանկարում դառնում են տխրանք ու բյուրեղ, ու առնչվում Բակունցի պատմվածքների

հստակ երկնքին, կուսական անտառներին ու պարզ հոգիներին։ Սրանք ամենը պատկանում են անցյալին [1, էջ 112]։

Մթնաձորյան բնորոշ իրակություն ներկայացնող «Խոնարհ աղջիկը» պատմվածքը սկսվում է այսպես. *«Գարնանային առավոտը խոստանում էր պայծառ և արևոտ օր… Այս կածանով տասներկու տարի առաջ գնացի Ձորագյուղ, – ասաց ընկերս։ Թվում էր, թե ինքն-իրեն է խոսում… Կարծես միտքն էր ընկել մի երջանիկ դեպք, որի ականատեսն են եղել արահետը և հին անտառը»* [4, էջ 18]։

Հենվելով սկզբնաղբյուրի վրա՝ Բակունցը ներթափանցում է հերոսների հոգու նուրբ լարերի մեջ։ Խոնարհի մասին խոսելիս ուսուցիչն ավելի շատ գեղեցիկն ընկալելու, գեղեցիկով ներշնչվելու իր ապրումներն է բացահայտում։ *«Մարդ մոռանում է անունը, տեղն ու տարին, թե երբ է տեսել այդ գլուխը, աչքերը. մոռանում է մանրա-մասնությունները, սակայն մնում են միայն գլուխը, աչքերը. կարծես մինչև մահ գերեզման անջնջելի պիտի մնա այդ առաջին տպավո-րությունը»* [4, էջ 19]։

Հետաքրքիր է, որ պատմվածքում Բակունցը հոգեկան գեղեց-կություն, նուրբ կանացիություն է բացահայտում խուրձ անող, ցախ կրող գյուղական հասարակ աղջկա մեջ։

Խոնարհ աղջիկը դառնում է խորհուրդ ու խորհրդանիշ, հուշ և վերհուշ, կարոտի կանչ, հրաժեշտի ցավ՝ դառնալով խոր թախիծով պարուրված անցած օրերի ու դեմքերի լուռ վկայություն։ *«Ութ-տասը տարեկան մի տղա ցախ էր դարսում ձյունի վրա մեկնած պարանին։ Մի քիչ հեռու կանգնել էր մի աղջիկ՝ պարանի չափ բարակ ճյուղը ձեռքին։ Ահա այդ դեմքն է, որ մեխվել է հիշողությանս մեջ, թեև այն օրից անցել է տասներկու տարի և այն էլ ի՞նչ տարիներ»* [4, էջ 23]։

Ինքնատիպ ոճով գրողը, դեպքերն ու դեմքերը նկարագրում է գեղանկարչի վարպետությամբ՝ խորանալով իրերի երևույթների մեջ։ Այդպիսին է Խոնարհ աղջկա կերպարը.*«Սպիտակ քարի մոտ, գոգաձև ընկած երկարադարձ արտերում, քաղհան անող կանանց*

մեջ տեսա Խոնարհին: Մեր հայացքներն իրար հանդիպեցին, և ես նրա աչքերում ժպիտ չտեսա» [4, էջ 31]:

Գրեթե բոլոր գործող անձինք, բոլոր վայրերը, ժամանակը իրական են: Գլխավոր հերոսը՝ գյուղի վարժապետը, ինքը՝ Ա. Բակունցն է, որը Լորում 7 ամիս ուսուցիչ է աշխատել (1915թ. նոյեմբերի 5-ից մինչեւ 1916թ. մայիսի 28-ը): Այդ ուսումնական տարում Բակունցի աշակերտների թիվը հասնում էր 33-ի՝ 29 տղա, 4 աղջիկ: Պատմվածքը գրելու ստույգ ժամանակը հայտնի չէ: Եվ այն հեղինակին գրելու ազդակ է հանդիսացել 1926թ. գարնանը այցելությունը Սիսիանի շրջանի Լոր գյուղ: Պատմվածքում գյուղը նկարագրված է ճշգրտությամբ» [5, էջ 12]:

«*Դպրոցը գյուղի ծայրին էր, բլրակի վրա: Հին գերեզմանատունը դպրոցի բակն էր*»: Սա ևս լիովին համապատասխանում է իրականությանը [4, էջ 21]:

«*Գիտե՞ս, ես Խոնարհին տեսա*», – ընկերոջն ասում է նախկին ուսուցիչը և պատմում, թե ինչպես է Վերին գյուղում հանդիպել Խոնարհին. *«Ինձ մոտեցավ մի կին՝ ցնցոտիների մեջ, ոտքերը բոբիկ: Կնոջ փեշերից կախվել էին երեք կիսամերկ երեխա… Կինն արցունքն աչքերին 4 փութ ցորեն էր խնդրում մինչեւ հունձը…Ես ճանաչեցի Խոնարհին*» [4, էջ 32]:

Ա. Բակունցը գեղարվեստական խոսքի նշանավոր վարպետ է, ում ստեղծագործությունների լեզուն ենթարկված է գրական հայերենի քերականական, բառակազմական, իմաստաբանական, ոճաբանական օրենքներին: Գրողն իր ստեղծագործությունում կարևորում է համաժողովրդական կենդանի խոսքի հարստությունը: Գրական լեզվի և ժողովրդական–խոսակցական լեզվի ոճական տարբեր շերտերի համադրությամբ գեղեցիկ ու անկրկնելի պատկերներ է ստեղծում՝ Գորիսի բարբառային բառերն ու ոճական դարձվածաբանությունը դարձնելով գրական լեզվի հարստացման միջոց: Գեղջուկների լեզվամտածողության եղանակներն ու ձևերն առաջին հերթին

մուտք են գործել նրա ստեղծագործական աշխարհը՝ մշակվելով և հղկվելով վարպետ գրչի տակ։

Բակունցը ահա զարմանալի պարզությամբ նկարագրում է անտառը, նրա ռիթմը, նրա բնակիչներին։

«*Արահետն օձապտույտ ոլորվում էր։ Ինչքան հեռանում էինք գյուղից, այնքան ավելի խտանում էր անտառը, հանդիպում էինք հաստաբուն ծառերի, որոնց ճյուղերն իրար էին խառնվել և կախվել արահետի վրա* [4, էջ 18]։ Պատմվածքն ունի քնարական շնչով գրված ասքի բնույթ։

Նրա ընտրած բառերը ոչ միայն հստակ ու ճշգրիտ են, այլև հարուստ են իմաստային նուրբ շերտերով, որոնք ընթերցողին հնարավորություն են տալիս ներգրավվել ստեղծագործության մեջ։ Բառերի միջոցով Բակունցը կառուցում է պատկերներ, որոնք ազդում են ընթերցողի երևակայության վրա։ Բացի այդ, ժողովրդական բառերի, բնության և կենցաղի պատկերները բնորոշող արտահայտությունների գործածությունը ընթերցողին դարձնում է հաղորդակից հերոսների հույզերին։

Բառագործածության վարպետ գրողը մայրենի լեզվի բառապաշարի բանաստեղծական ճոխ հնարավորությունը գործածում է բառի ներքին ուժն ու գեղեցկությունը բացահայտելու։ Այսպես՝ «*Կարմիր շորերով այդ աղջիկը ինձ թվաց որպես մի բարձրահասակ երեխա՝ գլխին նույն բրդե շալը, ինչ որ առաջ*» [4, էջ26]։

Բակունցը բառն ընկալում է և՛ որպես միտք, և՛ որպես զգացմունք, որը հնարավորություն է տալիս պատմողական–նկարագրական խոսքի մեջ իրական երևույթը ներկայացնել ուղիղ և այլաբանական իմաստներով ու զգացմունքային վերաբերմունքով։

«*Երբեք նա ինձ այդքան մոտ չէր կանգնել։ Դրանից էր, որ գրքի տառերը շաղվեցին, և գիրքը դողաց*» [4,էջ 26]։

«*Բազմության մեջ ես միայն մի գլուխ էի տեսնում, այս անգամ առանց շալի, մազերը կիսած կամ և խնամքով սանրած։ Եվ ի՛նչ բարակ էին նրա շրթունքները*» [4, էջ26]։

«Ժողովրդի լեզուն պետք է հասկանաս ու գրես ժողովրդի լեզվով, որ ամեն ինչ լեզու առած խոսի հոգուդ հետ». – այսպիսին է գրողի գեղարվեստական դավանանքը, որը կոչված էր հայտնաբերելու հայրենի եզերքի բնապատկերը [5, էջ 96]։

Լ. Հովհաննիսյանի դիտարկմամբ պատկերավոր մտածողության զարգացումը նպաստում է գեղարվեստական տեքստի ընկալման խորացմանը, ինչը հնարավոր է բառապաշարի նպատակային հարստացմամբ [9, էջ 58]։ Պատկերային մտածողության համար այնքան բնորոշ պարզ ու ծավալուն համեմատությունները ներկայացնում են հողի, բնության, գյուղական աշխատանքի, կենցաղին ու միջավայրին բնորոշ հատկանիշները՝ պահպանելով ժողովրդական կյանքի տարբեր կողմերը։

Աչքերը փայլում էին սարյակի **փետուրների նման սև** [4, էջ 28]։

Նրանք և՛ժպտում էին, և՛ ժպիտի հետ սրբում էին արցունքը, որ **ծորում էր աղբյուրի պես** [4,էջ 30]։

Ժողովրդական բանահյուսության ակունքներ ունեն Բակունցի կիրառած բնագրային հետևյալ դարձվածքները։

Ինչպ՛ս **անուշ մրափեցի** թոնրի մոտ, քուրսու վրա [4, էջ 20]։

Անխոս նստեցինք ձիերը և անցանք գետակը։ Արևն արդեն դեպի **մայրամուտ էր կախվել** [4, էջ 32]։

Ժողովրդական հարադրավոր բայաձևերի գործածության ենք հանդիպում պատմվածքում.

Եվ սիրով ընդունեցի բարեկամիս առաջարկը՝ **ուսուցիչ լինել** այդ հեռու գյուղում [4, էջ 19]։

Վեր կացա, թուլացրի ձիու թամբի կապերը [4, էջ 31]։

Շատ կովեր են սատկել, ոմանք **ցել անելու** եզ չունեն [4, էջ 32]։

Փոխաբերական պատկերները բնութագրում են նահապետական կյանքի պարզ պատկերները։

Նա ինձ չթողեց, որ հարցնեի այդ դեպքի և նրա անջնջելի տպավորության մասին, որ *այդ րոպեին լույս էր տալիս նրա հիշողության մեջ*, ինչպես արևի ոսկե շողը՝ ծառերի մթնում [4, էջ 32]։

Ես նորից փաթաթվեցի վերմակի մեջ, և *քնի ու երազի սահմանում օրորվեց գիշերվա անիրական աշխարհը* [4, էջ 20]։

Մակդիրի անզուգական կիրառություն է հերոսուհուն ***խոնարհ*** բնորոշմամբ ներկայացնելը։

«Քաղհան անող կանանց մեջ տեսա Խոնարհին։ Մեր հայացքներն իրար հանդիպեցին…չէ՞ որ ինձ ոչինչ, ոչինչ չէր ասել ***խոնարհ*** աղջիկը…»[4,էջ 31]։

Նրա արտաքին գեղեցկության մասին ընդամենը մի ակնարկ է անում. «*Աչքերը փայլում էին սարյակի փետուրների նման սև*», իսկ մնացած բնութագրությունը նրանով հիացած մարդու բնութագրություն է.

...Եվ նրանց մեջ Խոնարհի դեմքը, ցանկապատի փշերի արանքից *երկու մանրիկ աչքեր, որպես սև ձիթապտուղ*, և *բարա՛կ, կարմիր շրթունքներ* [4, էջ 32]։

«*Խոնարհ, Խոնարհ… նայում էի գրատախտակի թվերին, աչքերիս առաջ բրդե շալով աղջկա գլուխը, ոտքերը ձյունի մեջ և ձյունի ճերմակության վրա՝ օձի պես սև պարանը*» [4, էջ 24]։

«*Նրա աչքերի մեջ մանկական արտահայտություն կար, թեև տասնհինգ տարեկան էր, և ամուր կոճկած զգեստի տակ երևում էր հասուն կուրծքը*» [4,էջ 29]։

Բարբառային բառերի և բառաձևերի, հոլովման ու խոնարհման բարբառային քերականական ձևերի գործածությունը ևս բնորոշ է Բակունցի բանարվեստին։

Օրինակ՝ Օհան ապերը գնում էր գոմը՝ տավարին ***ապուռ*** (անասնակեր) տալու [4, էջ 21]։

Բարիկենդանի մի օր Խոնարհին տեսա։ Մեր դիմացի **կտրան** աղջիկները խաղում էին, իրար **ձյունով տալիս** և երգեր ասում [4, էջ 25]։

Մի տեղ **աշունքվա** մուգ կանաչ արտերն էին, մի տեղ գարնան սև ցելը [4,էջ 30]։

Անցանք փոքրիկ ձորակը, աղբյուրը և ուռենու հաստ **նովը,** (փայտե կամ քարե գուռ, ավազան) ու ձմեռը կովերը ջուր են խմում [4, էջ 30]։

Լավ հիշում եմ Ճուտիկկին,որը միշտ դպրոց էր գալիս հոր մեծ ***փափախը*** գլխին և երկար, հնամաշ տրեխներով [4, էջ 30]։

Հ. Չիլինգարյանը նշում է. «20-րդ դարի սկզբի հայ արձակը վկայում է գրական լեզվի ոճական բազմազանության հաստատման գործընթացի մասին, որտեղ կենդանի խոսքը և գրական մշակույթը սկսում են փոխլրացնել միմյանց, ինչը պայմանավորում է խոսքի արտահայտչականություն և հուզական ընդգծվածություն՝ Բակունցի նման հեղինակների մոտ» [11, էջ 117]։

Պայմանավորված ասելիքի բովանդակությամբ, հեղինակային նպատակադրումով՝ պատմվածքում հանդիպում ենք նաև քնարական հարցադրումների, որոնք նպաստում են հեղինակի ապրումների բացահայտմանը. «*Ձեռքիս էի նայում և ուզում էի ստուգել՝ բռնե՞լ եմ արդյոք նրա ձեռքը։ Ինչու՞ այդքան ջերմ էին նրա մատները…*» [4, էջ 26]։ Կամ՝ որքան անաղմուկ էր նրանց հանդիպումը, նույնքան էլ տխուր ու հուզիչ էր հրաժեշտը. «*Ի՞նչ էր ասում. նրա համար դժվա՞ր էր, որ ես հեռանում էի Ջորագյուղից…*» [4, էջ 31]։

Տեղին է Դ. Գասպարյանի այն դիտարկումը, որ Ակսել Բակունցի ստեղծագործություններում օգտագործվում են բազմազան պատկերավորման միջոցներ, որոնք խորապես արտահայտում են հեղինակի աշխարհընկալումը և գրական հայացքները [6, էջ 178]։

Բակունցի հերոսները հաճախ չեն արտաբերում իրենց հոգու խորը զգացումները. այդ չասվածը, չարտաբերված հույզերը, հենց լռության մեջ են դրսևորվում։ Դրա շնորհիվ ստեղծվում է մի յուրահատուկ գեղագիտական դաշտ, որտեղ ընթերցողը ստիպված է ինքը լրացնել բացերը, մտնել հերոսի ներաշխարհ ու «լսել» նրա լռությունը։ Այս առումով լռությունը ուժեղացնում է խոսքի հնչեղությունը, ընդգծում կերպարների հոգեբանական վիճակները, հղում է

դեպի ենթատեքստ: Ընթերցողի համար այս երևույթի բացահայտումը հնարավորություն է տալիս հասկանալու, որ գեղարվեստական խոսքի արժեքը ոչ միայն ասվածի մեջ է, այլև չասվածի, որ գրականության մեջ լռությունը նույնքան հզոր արտահայտչական ուժ ունի, որքան խոսքը:Այն սովորեցնում է նկատել ենթատեքստերը, զգալ չարտաբերվածը և ընկալել արվեստի թաքուն գեղեցկությունը:

Ուսուցչի հուշերի մեջ վերակենդանացող անցյալի ու վերապրող կարոտի, գեղեցիկով ապրելու և գեղեցիկով ներշնչվելու գեղարվեստական բացահայտումն է ողջ ստեղծագործությունը, որն ընթերցողին մտորելու առիթ է տալիս՝ տանելով վերհուշի կածաններով հեռավոր Ձորագյուղ, մութ ու թավուտ անտառներ, Սյունյաց աշխարհ, ուր մարդկային ճակատագրերը կարող էին երջանիկ լինել, եթե խախտվեր բնաշխարհի լռության ահարկու օրենքը:

Եզրակացություն

Ա. Բակունցի «Խոնարհի աղջիկը» պատմվածքն առանձնանում է գեղարվեստական պատկերավորությամբ, բանարվեստի շերտերի հարստությամբ: Պատմվածքի միջոցով հաստատվում է համեստ ու աննկատ մարդու կերպարի արժևորումը, ազգային ավանդույթների և հոգևոր արժեքների պահպանումը, հասարակական նոր իրականության մեջ բարոյական հավասարակշռության որոնումը: «Խոնարհի աղջիկը» կարելի է դիտարկել նաև որպես բարոյադաստիարակչական ուղերձ, որը կարևոր է առարկայական ծրագրերում ներկայացնելիս:

Այսպիսով, «Խոնարհի աղջիկը» կարող է օգտագործվել որպես չափանիշ՝ պատկերային մտածողության, լեզվական մշակույթի, ազգային ինքնագիտակցության ու գեղագիտական ճաշակի ձևավորման ուղղությամբ կատարվող աշխատանքներում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Ա. Բակունցի ստեղծագործությունը: Հոդվածների ժողովածու: Եր., ՀՍՍՌ ԳԱ հր., 1959, 293 էջ:

2. *Աղաբաբյան Ս.* Հայ սովետական գրականության պատմություն։ Գ. 1։ Եր., ՀՍՍՀ ԳԱ հր., 1986, 501 էջ։
3. *Աղաբաբյան Ս.* Ակսել Բակունց։ Եր., «Հայպետհրատ», 1959։ 252 էջ։
4. *Բակունց Ա.* Եր., «Լույս», 1985, 395 էջ։
5. *Բակունց Ա.* Մեծ հույզերի սերմնացանը։ Եր., «Հայաստան», 1976, 128 էջ։
6. *Գասպարյան Դ.* Ակսել Բակունց։ Կյանքը և ստեղծագործությունը։ Եր., «Զանգակ-97», 2009, 544 էջ։
7. *Իշխանյան Ռ.* Բակունցի կյանքն ու արվեստը։ Եր., «Հայաստան», 1974, 330 էջ։
8. *Հարությունյան Ա.*։ Հայ գրականության ուսուցման նոր մոտեցումները ավագ դպրոցում։ Եր., «Գիտություն» հրատ., 2023, 176 էջ։
9. *Հովհաննիսյան Լ.* Բառապաշարի զարգացման և պատկերավոր մտածողության ձևավորման ուղիները միջին և ավագ դպրոցում։ Եր., «Զանգակ»։ Հատ. 7, 2024, 144 էջ։
10. *Մելքոնյան Ա.* Կենսագրական գրականության ժանրը հայ արձակում։ Եր.։ Լիտերատուր կենտրոն, 2022, 172 էջ։
11. *Չիլինգարյան Հ.* Հայ գրական լեզվի և ոճի զարգացման ուղիները 20-րդ դարի սկզբում։ Եր.։ «Մանկավարժ հրատ.», 2019, 230 էջ։
12. *Салахян А.* Как песни Комитаса, как краски Сарьяна // «Литературная газета», № 132, 1954.
13. https://enlightngo.org/post/6877 (03.03.2025)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДОСТОИНСТВА РАССКАЗА А. БАКУНЦА «СКРОМНАЯ ДЕВУШКА»

Г.О. Аветисян
Ширакский государственный университет имени М. Налбандяна

АННОТАЦИЯ

К литературному наследию Акселя Бакунца обращались многие: о нем много говорили и писали, обсуждался его творческий путь. Учитывая это обстоятельство, мы попытались представить художественные достоинства рассказа «Скромная девушка» как художественного документа, в основе которого лежит художественное переосмысление реальных событий и персонажей. В центре анализа находятся языково-стилистические особенности произведения, проявления образного мышления и национально-эстетического мировоззрения Бакунца.

Рассказ открывает перед читателем самобытный мир с его многоцветными оттенками, людьми, стремящимися к гармонии с природой, их радостями и трогательными переживаниями. В этом произведении пейзажи созвучны внутренним переживаниям героев, отражают их чувства и эмоции. Рассказ представляет собой грустную историю несостоявшейся любви, неосуществившейся близости, неутихающей боли. Между героями отсутствуют слова, способные установить духовную связь. Здесь есть лишь переживание уже испытанного.

Цель исследования – раскрыть особенности образного мышления писателя, которые могут стать ценным материалом для формирования у школьников языкового мышления, эстетического вкуса и навыков образной речи. Задача –представить эти особенности читателям в контексте современных педагогических требований, способствовать развитию способности видеть и ценить прекрасное, обогащению словарного запаса, совершенствованию умений строить образную речь, формированию эстетического вкуса и критического мышления.
В этом смысле анализ рассказа «Скромная девушка» позволяет учащимся узнать не только социальную среду, в которой живут герои, но и многосторонние проявления человеческого характера. Раскрывающиеся в произведении нравственно-психологические противопоставления (скромность, застенчивость, страхи и ограничения, продиктованные общественным мнением) помогают учащимся глубже осознать жизненные ценности и человеческие взаимоотношения. Ученики не только анализируют поведение персонажей, но и сопоставляют эти персонажи с людьми из своего окружения и с собственным внутренним миром.
Ключевые слова: Мтнадзор, образность, эстетический вкус, природный мир, выразительность.

THE ARTISTIC VALUES OF A. BAKUNTS' STORY "THE HUMBLE GIRL"

G. Avetisyan
M. Nalbandyan State University of Shirak

ABSTRACT

Many have addressed and discussed Aksel Bakunts' literary legacy and his creative path. Acknowledging this fact, we have attempted to present the artistic merits of the short story "The Humble Girl" as a piece of artistic documentary writing, based on the artistic transformation of real-life events and characters. The analysis focuses on the linguistic and stylistic features of the story, the manifestations of figurative thinking, and Bakunts' national aesthetic creed.
The story reveals a unique world before the reader – filled with a thousand shades of color, people who seek harmony with nature, and their heartfelt joys and emotions. In this work, Bakunts' descriptions of nature are in deep harmony with the characters' inner feelings, reflecting their emotions and moods. The story is one of unfulfilled love, a painful tale of unrealized intimacy. There is a lack of words that could establish a spiritual connection between the characters; only the emotional experience of what has been felt remains.
The aim of this study is to reveal the writer's unique methods of imagery creation, which can serve as valuable material for developing students' linguistic thinking, aesthetic taste, and skills in figurative expression. The main task is to present these features to readers in accordance with modern pedagogical

requirements, cultivating in them the ability to perceive and appreciate beauty, enriching their vocabulary, developing their skills in figurative speech, and shaping their aesthetic taste and critical thinking.

In this sense, the analysis of "The Humble Girl" enables students to explore not only the social environment of the characters but also the multifaceted manifestations of human nature. The moral and psychological contrasts revealed in the story – humility, modesty, fears and limitations arising from public opinion – help students gain a deeper understanding of life's values and human relationships. Learners not only analyze the characters' behavior but also compare and relate it to their own environment and inner world.

Keywords: Mtnadzor, imagery, aesthetic taste, rural world, expressiveness.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-920-932

ԴԻՏԱՐԿՈՒՄՆԵՐ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ ՆԵՐԿԱ ԺԱՄԱՆԱԿԻ ՁԵՎԱՒՄԱՍՏԱՅԻՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՇՈՒՐՋ

Ա. Գրիգորյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Բանասիրության և միջմշակութային հաղորդակցության ինստիտուտ
hello1968@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակակից հայերենում ներկա ժամանակը կազմվում է անկատար ձևաբայով և օժանդակ բայի ներկայի ձևերով՝ գրում եմ, կարդում եմ, հավատում եմ: Այս համընդհանուր կանոնին ենթարկվում են հայերենի գրեթե բոլոր բայերը, բացառությամբ մի քանի անկանոն՝ գալ, տալ, լալ և պակասավոր բայերի՝ գիտեմ, ունեմ, արժեմ: Վերջիններս արտահայտում են ներկայի գաղափար այնպիսի վերջավորություններով, որոնք բնորոշ են ըղձական եղանակի բայաձևերին՝ գրեմ, գրես , գրի: Իսկ գալ, տալ, լալ բայերի ներկան կազմվում է -իս վերջավորությամբ՝ գալիս եմ, տալիս եմ, լալիս եմ: Սա էլ համակատար ձևաբայի վերջավորությունն է՝ գրելիս, կարդալիս: Բացի այդ, մի շարք բայեր ներկայի իմաստ են արտահայտում այլ կազմությամբ, ինչպես օրինակ՝ հարակատար ձևաբայով և օժանդակ բայի ներկայի ձևերով՝ նստած եմ, կանգնած եմ, որոնք ներկա են այնքանով, որքանով որ մատնանշում են գործողության հետևանքը ներկա պահին:

Հիմնաբառեր՝ ներկա, բայ, ժամանակ, իմաստ, գործողություն:

Ժամանակակից հայերենի ներկա ժամանակի ոչ միաձև կազմությունը մատուցման որոշակի դժվարություններ է ստեղծում ռուսալեզու սովորողներին այն ուսուցանելիս՝ պահանջելով հմտություն, վարպետություն և առանձնահատուկ մոտեցումներ՝դիպուկ և տեղին օրինակներով: Ըստ քերականների՝ ներկա ժամանակը կազմվում է անկատար ձևաբայով և օժանդակ բայի ներկայի ձևերով՝

գրում եմ, կարդում եմ, հավատում եմ, և ցույց է տալիս խոսելու պահին ընթացքի մեջ գտնվող գործողություն [1, 287–288]։ Այս համընդհանուր կանոնին ենթարկվում են հայերենի գրեթե բոլոր բայերը, բացառությամբ մի քանի անկանոն՝ ***գալ, տալ, լալ, և պակասավոր բայերի՝ գիտեմ, ունեմ, արժեմ, եմ, կամ***։ Ընդ որում, վերջիններս խոնարհվում են բայահիմքով և վերջավորություններով՝ ***ես գիտեմ, դու գիտես, նա գիտի, գիտե*** և այլն։ Մինչդեռ նման կազմություն ունեն ըղձական եղանակի բայաձևերը՝ ***ես գրեմ, դու գրես նա գրի:*** Եվ կազմության այսպիսի նմանությունը որոշ շփոթության տեղիք է տալիս հատկապես օտարախոս սովորողների շրջանում։ Ոչ միայն անկանոն և պակասավոր բայերը, այլև մի շարք բայեր ներկայում կատարվող իրողությունն արտահայտում են այլ կազմությամբ, ինչպես օրինակ՝ հարակատար դերբայով և օժանդակ բայի ներկայի ձևերով։ Հարակատարով կազմված բայական կազմությունները՝ ***նստած եմ, կանգնած եմ***, արտահայտում են ներկա ժամանակի իմաստ՝ մատնանշելով խոսելու պահին ոչ թե կատարվող, ընթացքի մեջ եղող գործողություն, ինչպես անկատար դերբայով կազմված ձևերը՝ ***գրում եմ, խոսում եմ***, այլ իբրև կատարված գործողության հետևանք ներկա պահին։ Մինչդեռ **գրել և խոսել**, այլև շատ ու շատ բայեր չեն կարող հարակատարի **-ած** վերջավորությամբ և օժանդակ բայով ժամանակի և գործողության իմաստ արտահայտող ձևեր կազմել։Սրան հակառակ՝ **նստել** և **կանգնել** և բազմաթիվ բայեր օրինաչափորեն կարող են ներկա ժամանակ կազմել անկատարի **-ում** վերջավորությամբ, ինչպես օրինակ՝ **նստում եմ, կանգնում եմ**։ Բայց մի՞թե ներկայի այս ձևերը համարժեք են **կարդում** եմ, **սովորում եմ** ձևերին՝ ժամանակային, իմաստային առումներով։ Պետք է նկատել, որ ***ես կարդում եմ և ես սովորում եմ*** ձևերը ճիշտ ներկայի գաղափարի մեջ են տեղավորվում, այսինքն՝ ցույց են տալիս խոսելու պահին կատարվող, ընթացքի մեջ եղող գործողություն։ Մինչդեռ ն**ստում եմ , կանգնում** եմ բայաձևերը կարող են նշանակել՝ **1.** Խոսելու պահին կարտարվող գործողություն՝ **Հիմա ես նստում եմ տաքսի – Сейчас я**

сажусь такси: **2**. Շարունակաբար կրկնվող գործողություն, օրինակ՝ **Դպրոցում երեխան նստում է պատուհանի մոտ**: **Ребенок в школе садится у окна. Այս մարդն ամեն օր կանգնում է կանգառում և սպասում է ավտոբուսի – Этот человек каьдый день стоит на остановке и ждет автобус**: **3**. Ընդհանրապես կատարվող գործողություն, որն ընթացքի մեջ է և դեռ չի ավարտվել, որով փոխանցվում են նաև պատմական իրողություններ, դեպքեր, իրադարձություններ՝ **Այդ օրը նա նստում է գնացք և հեռանում քաղաքից – В этот день он садится на поезд и уезжает из города**: Քննարկված օրինակները ևս ցույց են տալիս ներկա ժամանակի ինչպես բազմաձև կազմությունը, այնպես էլ ձևային ընդհանրության պարագայում նույնիսկ՝ նրանց ժամանակաիմաստային տարբեր դրսևորումները:

Իսկ ***նստած եմ*** և ***կանգնած եմ*** ձևերը ցույց են տալիս ներկայում՝ ոչ թե ընթացքի մեջ եղող գործողություն, այլ որպես ավարտված գործողության արդյունք. **Մենք հիմա նստած ենք լսարանում – Мы сейчас сидим в аудитории: Այդ մարդն արդեն մեկ ժամ կանգնած է ծառի տակ – Этот человек уже час стоит под деревом:** Հետևաբար կարելի է եզրակացնել, որ ներկա ժամանակում ձևային և իմաստային բազմաձևությունը պայմանավորված է բայերի ցույց տված իմաստով, կազմությամբ, առհասարակ նրանց արտահայտած նշանակությամբ: Ասվածի լավագույն ապացույցն այն է, որ ***նստել և կանգնել*** բայերը **-ում** վերջավորությամբ չեն կարողանում արտահայտել ներկայի մի իմաստ, որը մենք խոսքում ձևավորում ենք հարակատար դերբայով՝ ***նստած եմ, կանգնած եմ:*** Ընդ որում, այդ ձևերը ցույց են տալիս գործողության վիճակ, դրություն՝ որպես ավելի վաղ սկսված գործողության հետևանք:

Ընդհանրապես, ժամանակն անսահման է, և այդ անծայրածիր տարածության մեջ ներկան միայն խոսելու պահն է, և գործողությունը, որը կատարվում է խոսելու պահին, անավարտ, ընթացող գործողություն է: Իսկ հարակատար դերբայով ներկա ժամանակի իմաստ արտահատող ձևերը պարզապես համեմատության մեջ են

ներկայի հետ՝ ցույց տալով արդեն իսկ կատարված գործողության վիճակը, դրությունը կամ հետևանքը տվյալ պահին: Հայերենում միայն վերը հիշատակած բայերը չեն, որ **-ած** վերջավորությամբ ներկայի իմաստ կարող են արտահայտել: Դրանց քանակը թեև փոքրաթիվ է, այնուամենայնիվ, խիստ կարևոր՝մտքերի, եղելություններ, գործողությունների ճշգրիտ ժամանակը և իմաստային նշանակությունը փոխանցելու համար: Թվարկենք դրանք. **ա) պարզ** բայերով՝ **նստել – նստած եմ – я сижу, կանգնել – կանգնած եմ – я стою, հոգնել – հոգնած եմ – я устал или уставший, պառկել – պառկած եմ– я лежу, խմել – խմած եմ – я пьяный ини выпивший, հարբել – հարբած եմ – я пяный, ապշել – ապշած եմ – я изумлен или удивлен, քնել – քնած եմ – я сплю, քրտնել – քրտնած եմ – я вспотевший, զբաղվել – զբաղված եմ – я занят, բ) *ան տոկածանցավոր բայերով՝ բարկանալ – բարկացած եմ – я сердит, զարմանալ – զարմացած եմ – я удивлен, հիանալ – հիացած եմ – я восхищен, ջղայնանալ – ջղայնացած եմ – я рассержен , լրջանալ – լրջացած եմ, ամուսնանալ – ամուսնացած եմ – я женат, я замужем, ուրախանալ – ուրախացած եմ – я обрадован , նեղանալ – նեղացած եմ я обижен, գ)* **վ** կրավորական **ածանցով՝ հուզվել – հուզված եմ – я взволнован, հենվել – հենված եմ – я облакатился, սիրվել – սիրված եմ – я любим, հարգվել – հարգված եմ – я пользуюсь увожением, վիրավորվել – վիրավորված եմ – я обижен, я ранен, շրջապատվել – շրջապատված եմ – я окружен, նվիրվել – նվիրված եմ – я предан, կրթվել – կրթված եմ – образованный, մկրտվել – մկրտված եմ – я крещенный, թրջվել – թրջված եմ – промокший, ազդվել – ազդված եմ – я растроган, ընկղմվել – ընկղմված եմ – погружен, գործուղվել – գործուղված եմ – командирован, կաշառվել – կաշառված եմ – подкуплен, նշանակվել – նշանակված եմ – назначен, բաժանվել – բաժանված եմ – разведен:** Բայերի այսպիսի դրսևորումները նախ և առաջ պայմանավորված են բայի կառուցվածքով, երկրորդ՝ նրա ցույց տված նշանակությամբ, իմաստով, երրորդ՝ հայերենի խոնարհման հարացույցի բազմաձևությամբ,

ինչպես նաև հին հայերենի՝ գրաբարի քերականությամբ, որտեղ եալ վերջավորությամբ դերբայը նաև հարակատարի իմաստ կարող էր արտահայտել, ***գտեալ*** կարող էր նշանակել՝ ***գտել, գտած, գտնելով, գտալ*** [2, 12]։

Մինչև քսաներորդ դարի վերջը կային լեզվաբաններ, որոնք կարծում էին, որ հարակատարով բայական կազմությունները պետք է համարել ժամանակային ձևեր։Այդ տեսակետն ավելի վաղ շարադրված էր հայերենի քերականության մեջ. «Հարակատար դերբայի հիմնական գործածությունն այն է, որ նա կազմում է եղանակային ձև՝ բաղադրելով հարակատար ժամանակները, օրինակ՝ նստած եմ, քնած եմ, պառկած էի» [3, 290]։ Նրանք հարակատարով կազմություններն անվանում էին՝ հարակատար ներկա և հարակատար անցյալ ժամանակներ [3, 305]։ Բայց քանի որ հարակատար դերբայի **-ած** վերջավորությունը գործուն չէ և չի կարող տարածվել հայերենի բոլոր բայերի վրա, այլ միայն բայերի մի խմբի վրա, ուստի դրանով կազմությունները հետագայում դիտվեցին ոչ թե ժամանակային ձևեր, այլ՝ բաղադրյալ ստորոգյալ, ինչպես՝ ես **զբաղված եմ, ես կանգնած եմ , ես բարկացած** եմ։ Նույնը վերաբերում է անցյալի՝ **ես զբաղված էի**, **ես կանգնած էի, ես բարկացած էի** ձևերին։

Քննարկենք մի քանի բայեր, որոնք խոսելու պահին կատարված այս կամ այն իրողությունը կարող են արտահայտել միայն հարակատար ձևաբայով՝ ***նստած եմ – я сиву, կանգնած եմ – я стою, զբաղված եմ – я занят, բարկացած եմ – я сердит, զարմացած եմ – я удивлен, հոգնած եմ – я уставший, ապշած եմ я изумлен, ազդված եմ – я порожен, հարբած եմ – я пьяный, լրջացած եմ – я трезв, խմած եմ – я пьяный, պառկած եմ – я лежу , զինված եմ – я вооружен, քնած եմ – я сплю, քրտնած եմ – я вспотевший:*** Նախ՝ նստել բայն իր անորոշ ձևով նշանակում է՝ 1. տեղավորվել որևէ բանի վրա՝ ոտները ծալած կամ կախած, 2. հեծնել, 3. բազմել, գրավել, 4. գտնվել, լինել, 5. պատել, ծածկել, 6. տեղավորվել, զետեղվել [4, 48]։ Իսկ ռուսերենում նշանա-

կում է՝ **сидеть, садиться, сесть, նաև՝ восседать, воссесть,** նաև փոխաբերական իմաստով՝ որպես դարձվածք՝ սեղան նստել – сесть, воссеть за стол с և այլն [5, 505]: ***Ես նստում եմ – я сажусь*** նշանակում է մշտապես կրկնվող գործողություն, այնինչ՝ ես նստած եմ – я сижу ցույց է տալիս արդեն սկսված գործողության հետևանքը խոսելու պահին: Ընդ որում, առաջին դեպքում մշտապես, ընդհանրապես կատարվող, նաև պարբերաբար կրկնվող գործողություն, Իսկ երկրորդ դեպքում՝ չկրկնվող և միայն այդ պահի դրությամբ՝ գործողության վիճակը: Այստեղ դրսևորված են միևնույն բայի ժամանակամաստային տարբեր երանգները: Այս երկու ձևերից ժամանակակից հայերենում ներկա ժամանակը ***նստում եմ*** ձևն է, ***նստած եմ*** ձևը թեև իր իմաստով ներկա պահն է մատնանշում, այնուամենայնիվ այն չի համարվում ժամանակային ձև, այլ դիտվում է իբրև հարակատար դերբայով կազմված բաղադրյալ ստորոգյալ: Մինչդեռ ռուսերենում ***նստել*** բայի ***я сажусь*** և ***я сижу*** ձևերը համարվում են ժամանակային ձևեր, ընդ որում՝ երկուսն էլ ներկա ժամանակի բայաձևեր են [6, 122]: **Զբաղվել** նշանակում է ինչ – որ գործի մեջ լինել, այդ ուղղությամբ աշխատանք տանել՝ **զբաղվել սպորտով** – заниматься спотом, զբաղվել երաժշտությամբ – заниматься музыкой , զբաղվել տնային գործերով – **заниматься домашнили делами, զբաղվել երեխայի դաստիարակությամբ – заниматься воспитанием ребенка** և այլն: Այնինչ, ***ես զբաղված եմ*** նշանակում է խոսելու պահին որևէ բանով պարապել, ***ազատ չլինել***:

Քննարկենք հետևյալ նախադասությունները՝ ըստ ժամանակային նշանակության. **Երեխայի դաստիարակությամբ զբաղվում է տատիկը – Воспитанием ребенка занимается бабушка, և Հիմա ես զբաղված եմ, չեմ կարող խոսել քեզ հետ – Сейчас я занят и не могу с тобой разговорить**: Առաջին նախադասության ստորոգյալը՝ **զբաղվում է**, սահմանական եղանակի ներկա ժամանակի բայաձև է, որն իմաստով շարունակական, մշտապես կատարվող գործողություն է ցույց տալիս: Մինչդեռ երկրորդում՝ **զբաղված եմ** բայաձևը

ցույց է տալիս, մատնանշում է միայն ներկա պահին ազատ չլինելը: Խոսքում հաճախակի է կիրառվում ***ես զարմացած եմ*** **– я удивлен** արտահայտությունը, որը նշանակում է միայն ներկա պահին, միայն մի պահ լինել զարմացած, այսինքն՝ ցույց է տալիս արդեն կատարված և ավարտված գործողության հետևանքը: Իսկ ***Ես զարմանում եմ – я удивляюсь*** ներկա ժամանակի բայաձևը նշանակում է ընդհանրապես զարմանալ և ցույց է տալիս չավարտված գործողություն , որը դեռ ընթացքի մեջ է: **Հոգնել** բայը ևս ունի ***ես հոգնում եմ – я устаю*** և ***ես հոգնած եմ – я уставший*** ձևերը: Առաջինը մատնանշում է չավարտված, կրկնվող գործողություն, իսկ երկրորդը՝ չկրկնվող, միայն այդ պահին վերաբերող, արդեն կատարված գործողության հետևանք, վիճակ, դրություն: Հաջորդիվ քննարկենք կրավորական վ ածանցով կազմությունները. ***հուզվում եմ – я волнуюсь – հուզված եմ – я взволнован , հենվում եմ – я опираюсь или оплакачиваюсь*** և ***հենված եմ – я облакатился, թրջվում եմ – я мокну*** և ***թրջված եմ – я промок***, ***ազդվում եմ*** և ***ազդված եմ – я растроган*** և այլն: *Ես հուզվում եմ* նշանակում է ներկայում ընթացքի մեջ գտնվող, չավարտված նաև պարբերաբար կրկնվող գործողություն: Մինչդեռ, *ես հուզված եմ* նշանակում է միայն ներկա պահին այդ վիճակում գտնվել, և որը չի կարող տարածվել հաջորդ պահի վրա: *Ես հենվում եմ* դարձյալ արտահայտում է ներկայում և ընդհանրապես կատարվող գործողություն, իսկ *ես հենված եմ*՝ միայն այդ պահի դրույթամբ գործողության վիճակ: Մի քանի կրավորակերպ չեզոք բայեր ևս այս նույն ժամանակաիմաստային խմբում են գտնվում, այսպես՝ ***հագնվում եմ – я одеваюсь – հագնված եմ – я одет , սանրվում եմ – я причесываюсь*** և ***սանրված եմ – я причесан, լվացվում եմ – я умываюсь*** և ***լվացված եմ – я умыт, սիրահարվում եմ – я влюбляюсь*** և ***սիրահարված եմ – я влюблен:***

Սակայն միանշանակորեն չի կարելի ասել, որ վերը շարադրվածը վերաբերում է նաև հետևյալ խմբի բայերին, որոնք են՝ ***ես հարգվում եմ*** – **меня увожают** или **я пользуюсь уважением** և ***ես հարգված***

եմ **– я пользуюсь увожениемм** կազմություններում ունենք մի փոքր այլ մեկնաբանություն. ***ես հարգվում եմ*** նշանակում է ներկայում և միշտ կատարվող գործողություն, *մինչդեռ* ***ես հարգված եմ*** չի նշանակում միայն ներկա պահին և միայն մեկ անգամ կատարված գործողության վիճակ, ինչպես նախորդ բայերի դեպքում էր: Այլ նույնպես արտահայտում է գործողության հարատևության գաղափար: Այսպես՝ ***Ես հարգված եմ հասարակության կողմից – Я пользуюсь увожением общества*** նախադասության ***հարգված եմ*** հարակատար ձևաբայով բաղադրյալ ստորոգյալը ցույց է տալիս ոչ միայն ներկայում, այլև ընդհանրապես կատարված գործողության հետևանք այդ պահին և հաջորդ պահերին: ***Ես նվիրվում եմ և ես նվիրված եմ*** կազմությունները նույնպես ունեն այդ մեկնաբանությունը. այսպես՝ ***Ես նվիրվում եմ այն գործին, որը սիրում եմ – Я предан тому, что люблю. և Ես նվիրված եմ իմ ընտանիքին*** **– Я предан своей семье և Ես նվիրված եմ իմ աշխատանքին – Я почти полносью посветила себя своей работе** նախադասություններում երկու տարբեր կազմությամբ ստորոգյալներն արտահայտում են ոչ միայն խոսելու պահին, այլև դրանից հետո մշտապես հարատևող գործողություն: Այդպես է նաև՝ ***սիրվում եմ – меня любят , или я любим և սիրված եմ – я любим, մկրտվում եմ և մկրտված եմ*** կազմությունների պարագայում:

Այժմ քննարկենք ներկա ժամանակի ձևաիմաստային մեկ այլ առանձնահատկություն, որը վերաբերում է **գալ, տալ, լալ** անկանոն բայերին: Ինչպես գիտենք այս բայերի ներկա ժամանակը կազմվում է **– իս** վերջավորությամբ դերբայով՝ ***գալիս տալիս լալիս: Եվ Ես գալիս եմ*** նշանակում է խոսելու պահին կատարվող, ընթացքի մեջ եղող գործողություն: Մինչդեռ նույն իմաստը հայերենի բոլոր բայերն արտահայտում են ***-ում*** վերջավորությամբ ձևաբայով: Ինչպես ***-ում*** վերջավորությամբ ներկան, նույնպես և ***-իս*** վերջավորությամբ ներկան ցույց են տալիս ոչ միայն խոսելու պահին, այլև ընդհանրապես կատարվող գործողություն, այսպես՝ ***Երեկոյան նա գալիս է տուն և տեսնում, որ տանը հյուրեր կան – Вечером он приходит домой и***

видит: гости дома. Այստեղ ***գալիս է*** ստորոգյալը ցույց է տալիս մի գործողություն, որը կատարվում է ոչ թե կոնկրետ խոսելու պահին, այլ արտահայտում է ընդհանրապես տեղի ունեցող, չավարտված, ընթացող գործողություն: Կամ՝ ***Հանձնաժողովը տալիս է իր կարծիքը, որից հետո ձևակերպվում է պայմանագիրը – Комиссия выражает свое мнение, после чего оформляется договор: Տալիս է*** ներկա ժամանակի բայաձևը ցույց է տալիս ընդհանրապես, մշտապես կատարվող և չավարտված գործողություն: Պետք է նշել, որ ***-իս*** վերջավորությունը հայերենի համակատար ձևաբայի վերջավորությունն է՝ ***գրելիս, խոսելիս***, որը նույնպես չավարտված գործողության վիճակ է ցույց տալիս, ընդ որում՝ հենց ընթացքի մեջ, այսինքն՝ ***գրելու ժամանակ կամ ընթացքում, խոսելու ժամանակ կամ ընթացքում***: Եթե փորձենք այս անկանոն բայերի համակատարը կազմել, կունենանք ***հետևյալ*** զուգաձևությունները՝ ***անկատար՝ գալիս և համակատար՝ գալիս կամ անկատար՝ տալիս և համակատար՝ տալիս:***

Քննարկենք համակատարով կազմված հետևյալ նախադասությունները՝ ***Տուն գալիս նա հասցրեց մտնել փոստ և ուղարկել նամակը հասցեատիրոջը – Возвращаясь домой он успел зайти на почту и отправить письмо адресату***: ***Կամ Դրամապանակը կնոջը տալիս տղամարդը նկատեց մի տարօրինակ նշան – Отдавая кошелек жене мужчина заметил какой-то необычный*** **знак**: Սրանք քերականական հետաքրքիր զուգաձևություններ են, ընդ որում, երկու դեպքում էլ՝ և անկատարով, և համակատարով կազմություններում գործողությունը անավարտ է և գտնվում է ընթացքի մեջ:

Ներկա ժամանակի կազմության առանձնահատուկ դրսևորում ունեն պակասավոր բայերը՝ **գիտեմ, ունեմ, արժեմ, կարող, եմ, կամ: Գիտեմ, ունեմ, արժեմ** բայերը ներկա ժամանակում խոնարհվում են ըղձական ապառնու վերջավորություններով՝ ***գրեմ, գրես, գրի, գրենք, գրեք գրեն***, որոնք ցույց են տալիս գործողության կատարման իղձ, ցանկություն, տենչանք, փափագ [1, 298], որոնց կատարումը վերաբերում է խոսելու պահից հետո ընկած ժամանակահատվածին:

Մինչդեռ քննարկվող պակասավոր բայերը նույն կազմությամբ ցույց են տալիս ներկայում կատարվող գործողություն և առնչություն չունեն ապառնի ժամանակի հետ։Այսպես՝ ***գիտեմ, գիտես, գիտի կամ գիտե, գիտենք, գիտեք, գիտեն*** նշանակում են՝ 1. խոսելու պահին, ներկայում ինչ-որ բան իմանալը, և 2. ոչ միայն այդ պահին, այլև՝ ընդհանրապես իմանալը։ Որպես պակասավոր բայեր, սրանք չունեն ըղձական եղանակի ձևեր. դա լրացվում է ***իմանալ*** բայի միջոցով՝ **իմանամ, իմանաս,իմանա** և այլն։

Խոնարհման նույն հարացույցն ունեն ***ունեմ և արժեմ*** բայերը՝ **ունեմ, ունես**, **ունի**, **ունենք, ունենք, ունեք, ունեն և արժեմ, արժես, արժի կամ արժե, արժենք, արժեք, արժեն,** որոնց ցույց տված գործողությունը վերաբերում է ներկա ժամանակին, իսկ ըղձականը լրացվում է **ունենալ** և **արժենալ** բայերի միջոցով՝ **ունենամ, արժենամ**։

Կարող եմ և ***կարողանում եմ*** ձևերը նույն բայի ներկա ժամանակի երկու տարբեր երանգներ են. առաջինը հենց խոսելու պահն է մատնանշում, իսկ երկրորդը՝ոչ միայն խոսելու պահը, այլև ընդհանրապես կատարվող գործողություն։ Քննարկենք ***Ես կարող եմ քեզ օգնել – Я могу тебе помочь և Ես կարողանում եմ լողալ – Я умею плавать, կամ՝ Ես կարողանում եմ օգնել մարդկանց – Я могу помогать людям*** նախադասությունները։ Առաջինում **կարող եմ** մատնանշում է խոսելու պահին և նաև հետո կատարվող գործողություն, իսկ երկրորդում և երրորդում՝ ընդհանրապես տեղի ունեցող գործողություն։

Կամ պակասավոր բայը նույնպես ներկայում խոնարհվում է ըղձական ապառնու վերջավորություններով՝ ***կամ, կաս, կա, կանք, կաք, կան, ինչպես՝ կարդամ, կարդաս, կարդա, կարդանք, կարդաք, կարդան***։

Ինչ վերաբերում է **եմ** պակասավոր բային, ապա այն խոնարհվում է ներկա ժամանակում հետևյալ կերպ՝ ***եմ, ես, է, ենք, եք, են:*** Ինչպես նկատելի է, հենց այս ձևերն են հանդես գալիս բոլոր այս քննարկվող բայերի խոնարհման հարացույցում՝ որպես վերջավո-

րություններ։ Եվ միայն պակասավոր բայերն են, որ այդ վերջավորությունների համադրմամբ ցույց են տալիս ներկայում կատարվող գործողություն։

Այսպիսով, վերոնշյալը նկատի ունենալով, կարելի է առանձնացնել ներկայի կազմության և ժամանակաիմաստային դրսևորումների հետևյալ բազմաձևությունները.**1.-ում** վերջավորությամբ դերբայով կառուցատիպ՝ ներկա-անավարտ, ընթացող գործողության իմաստով՝ **կարդում եմ**, **2. -ում** վերջավորությամբ դերբայով կազմություն՝ ներկա-կրկնվող գործողության իմաստով՝ **նստում եմ, կանգնում եմ, 3. -իս** վերջավորությամբ դերբայով կառուցաձև՝ ներկա-անավարտ, ընթացող գործողության իմաստով՝ **գալիս եմ, տալիս եմ, լալիս եմ, 4. -ած** վերջավորությամբ դերբայով կազմություն՝ ներկա պահին ավարտված գործողության հետևանքի իմաստով ՝ **զբաղված եմ, նստած եմ, 5.**պակասավոր բայեր, որոնք ներկա ժամանակ են կազմում ըղձական ապառնուն բնորոշ վերջավորություններով՝ **գիտեմ, ունեմ, արժեմ**։ Եվ այս դիտարկման արդյունքում պարզորոշվում է ներկա ժամանակի ուսուցման մեթոդիկան, որտեղ սահմանվում է նյութի մատուցման հետևյալ հերթագայությունը՝ ա) պարզ բայերի ներկա ժամանակը, բ) անկանոն և պակասավոր բայերի ներկա ժամանակը, գ)ինչպես նաև որոշ բայերի հարակատարով կազմությունները՝ որպես ներկայի դրսևորումներ։

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Աստրյան Մ.Ե.* Ժամանակակից հայոց լեզու։ Եր., 1989թ, էջ. 287–298։
2. *Ավետիսյան Հ.Մ., Ղազարյան Ռ.Ս.* Գրաբարի ձեռնարկ։ Եր., 1986թ, էջ 12։
3. *Սևակ Գ.* Ժամանակակից հայոց լեզվի դասընթաց։ Եր., 1955թ., էջ. 290–305։
4. Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան, Հայկական ՍՍՀ գիտությունների ակադեմիա, Հր.Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտ։ Եր., 1980թ., էջ 48։
5. Հայ-ռուսերեն բառարան, Հայկական ՍՍՀ Գիտությունների ակադեմիա, Հր.Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտ։ Եր., 1983թ., էջ 505։
6. *Бондарчук М.Н., Жогина И.В., Калиниченко Е.В., Гончаренко Е.В., Панченко Е.В., Новикова А.А.* Русский язык для начинающих. Киев: НАУ, 2015. С. 122.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ

АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
(ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ)

А. Григорян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В современном армянском языке **настоящее время** образуется с помощью **причастия несовершенного вида** и форм настоящего времени **вспомогательного глагола**: *grum em* (пишу), *kardum em* (читаю), *havatum em* (верю).

Этому универсальному правилу подчиняются почти все глаголы армянского языка, за исключением нескольких **неправильных глаголов –** *gal* (приходить), *tal* (давать), *lal* (плакать) **–** и **недостаточных глаголов**: *gitem* (знаю), *unem* (имею), *arzhem* (стою). Последние выражают значение настоящего времени с помощью окончаний, характерных для форм **желательного наклонения**: *grem, gres, gri*. Настоящее время глаголов *gal, tal, lal* образуется с помощью суффикса **-is**: *galis em, talis em, lalis em*. Это также суффикс **сопутствующего причастия**: *grelis, kardalis*.

Кроме того, ряд глаголов выражает значение настоящего времени через иную конструкцию, например, с помощью **перфектного причастия** и вспомогательного глагола: *nstats em* (сижу), *kangnats em* (стою). Они считаются формами настоящего времени постольку, поскольку указывают на **результат действия** в данный момент.

Ключевые слова: настоящее время, глагол, время, значение, действие.

OBSERVATIONS ON THE MORPHO-SEMANTIC FEATURES OF THE PRESENT TENSE IN MODERN ARMENIAN (WHEN TEACHING RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS)

A. Grigoryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In Modern Armenian, the **present tense** is formed using the **imperfect participle** and the present forms of the **auxiliary verb**: *grum em* (I am writing), *kardum em* (I am reading), *havatum em* (I believe).

Almost all Armenian verbs follow this universal rule, with the exception of a few **irregular verbs–** *gal* (to come), *tal* (to give), *lal* (to cry) **–** and **defective verbs** such as *gitem* (I know), *unem* (I have), and *arzhem* (I am worth). The latter express the concept of the present with endings characteristic of the **subjunctive mood**: *grem, gres, gri*. As for the verbs *gal, tal,* and *lal*, their present tense is formed with the suffix **-is**: *galis em, talis em, lalis em*. This is also the suffix of the **concomitant participle**: *grelis, kardalis*.

Furthermore, a number of verbs express present meaning through a different structure, such as the **perfect participle** combined with the present forms of the auxiliary verb: *nstats em* (I am sitting), *kangnats em* (I am standing). These are considered present insofar as they indicate the **result of an action** at the current moment.

Keywords: present, verb, tense, meaning, action.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-933-942

ՕՏԱՐԱԽՈՍՆԵՐԻՆ ՀԱՅԵՐԵՆԻ ՍԱՀՄԱՆԱԿԱՆ ԵՂԱՆԱԿԻ ԱՆՑՅԱԼ ԺԱՄԱՆԱԿԱԶԵՎԵՐԻ ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ՏԱՐԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ՄԵԹՈԴԱԿԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գ. Գ. Գևորգյան

Ռուս-հայկական համալսարան
gevgayane@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հայերենի անցյալ ժամանակաձևերը, ունենալով ձևակազմական և իմաստային տարաբնույթ առանձնահատկություններ, լուրջ դժվարություններ են առաջացնում օտարախոսների համար: Եթե ներկա և ապառնի ժամանակաձևերը համեմատաբար հեշտ են յուրացվում, ապա անցյալ ժամանակի կառուցատիպերի իմաստային տարբերությունները շփոթություն են առաջացնում, քանի որ դրանց կառուցվածքային կաղապարները չեն համընկնում սովորողի մայրենի լեզվում գործածվող լեզվական միավորների հետ:

Սույն հոդվածում դիտարկվում է հայերենի սահմանական եղանակի անցյալ ժամանակաձևերի իմաստային տարբերությունների ընկալման և կիրառման խնդիրը հայերենի՝ որպես օտար լեզվի ուսուցման գործընթացում: Ներկայացվում են անցյալ ժամանակաձևերի ձևակազմական առանձնահատկությունները, ժամանակային և իմաստային նրբությունները, ինչպես նաև օտարախոս ուսանողների կողմից գործածական սխալների հիմնական դրսևորումները և դրանց հաղթահարման ուղիները:

Հոդվածի նպատակն է բացահայտել հայերենի սահմանական եղանակի անցյալ ժամանակաձևերի իմաստային տարբերությունների ուսուցման դժվարությունները և առաջարկել արդյունավետ մեթոդական լուծումներ օտարախոսների համար:

Հիմնաբառեր՝ սահմանական եղանակ, անցյալ ժամանակաձևեր, օտարախոսներ, իմաստային տարբերություններ, մեթոդաբանություն:

Ներածություն

Հայերենի սահմանական եղանակը, իմաստաբանական և ձևային առումներով լինելով ինքնուրույն և հարուստ համակարգ, արտահայտում է **գործողություններ**՝ կապված ժամանակային տարբեր հարթությունների հետ: Օտարախոսների համար դժվար է ըմբռնել սահմանական եղանակի ժամանակաձևերի և դրանց իմաստային տարբերությունների փոխհարաբերությունը հատկապես անցյալ ժամանակի կառուցատիպերի դեպքում, քանի որ նրանց մայրենի լեզուներում ձևաբանական նմանատիպ հակադրություն հաճախ բացակայում է:

Փորձը ցույց է տալիս, որ անցյալ ժամանակաձևերի ուսուցման գործընթացում կառուցվածքային կաղապարների յուրացումը, որպես կանոն, ավելի դյուրին է, քան դրանց ժամանակային իմաստների տարբերակման ունակության ձևավորումը: Սա պայմանավորված է նրանով, որ անցյալի կազմություններին բնորոշ են իմաստային մի շարք նրբերանգներ, որոնց տարբերակումը սովորողների համար հաճախ առաջացնում է դժվարություններ. «Անցյալը մի ընդհանուր բառ է, բայց ունի իր զանազան նրբությունները կամ մանրամասնությունները…: Կան լեզուներ, որոնք տարբերություններ չեն դնում անցյալի այդ զանազան նրբությունների մեջ և բոլորը միացնում են մի խմբի մեջ: Հայերենն էլ բավական հարուստ է անցյալ ժամանակի զանազան նրբություններով, մանավանդ աշխարհաբարը և բարբառները…» [1, 202–205]:

Անցյալ ժամանակի վերլուծական ձևերի կազմությանը մասնակցում են անկատար, վաղակատար և ապակատար դերբայները, որոնք դիմավոր ձևեր են կազմում օժանդակ բայի հարադրությամբ: Դրանք կարելի է ներկայացնել շարքերի տեսքով ուսուցման գործընթացը դյուրացնելու նպատակով: Շարքերի համեմատական դիտարկումը հնարավորություն է տալիս բացահայտելու տվյալ բայական ձևերի ընդհանրություններն ու տարբերությունները ինչպես հորիզոնական, այնպես էլ ուղղահայաց դիրքերում:

Դերբայներ	Դերբայ+օժ. բայ (ներկա ժամ.)	Դերբայ+օժ. բայ (անցյալ ժամ.)
Անկատար	գրում եմ	գրում էի
Վաղակատար	գրել եմ	գրել էի
Ապակատար	գրելու եմ	գրելու էի

Ուսուցման ընթացքում անհրաժեշտ է պարզաբանել, որ հորիզոնական շարքում տեղակայված ձևերը կազմում են երկանդամ հակադրություն, այսինքն՝ դերբայական բաղադրիչը նույնն է, և տարբերությունը պայմանավորված է օժանդակ բայի ժամանակային ձևերով (եմ–էի)։ Իսկ ուղղահայաց շարքում դրանք կազմում են եռանդամ հակադրություն, քանի որ տարբերվում են դերբայական ձևերով՝ անկատար, վաղակատար և ապակատար։

Վերոհիշյալ կազմություններում օժանդակ բայը նշում է այն ժամանակային կետը, որի նկատմամբ դիտարկվում է դերբայով արտահայտված գործողությունը։ Դերբայները ներկայացնում են գործողության տարբեր փուլեր. անկատար դերբայը ցույց է տալիս ընթացիկ (կատարվող), վաղակատարը՝ արդեն կատարված, իսկ ապակատարը՝ դեռևս կատարելի գործողություն։ Դերբայական իմաստների զուգորդումը օժանդակ բայի ցույց տված ժամանակային ձևերի հետ հանգեցնում է սահմանական եղանակի վերլուծական ժամանակաձևերի ձևավորմանը։ Դրանցից 4-ը անցյալ ժամանակի իմաստ են արտահայտում՝ անկատար անցյալ, վաղակատար ներկա և անցյալ, ապակատար անցյալ։

Ուսուցման հաջորդ աստիճանում հարկ է անդրադառնալ սահմանական եղանակի համադրական ժամանակաձևերի՝ անցյալ կատարյալի կազմությանը։ Այն անցյալ ժամանակի իմաստը դրսևորում է բայահիմքի և դիմաթվային վերջավորությունների հարադրմամբ։ Վերջավորությունները, ըստ բայախմբերի ձևաբանական առանձնահատկությունների, բաժանվում են երկու հիմնական խմբի՝ *ի* (*ի, իր, ինք, իք, ին)* և *ա* ձայնավորով վերջավորություններ (*ա, ար, ավ, անք, աք, ան)։ Ի* ձայնավորով վերջավորությունները բնորոշ են *է* և *ա* լծորդության պարզ բայերին (*գրի, գրիր, գրեց, գրինք, գրիք, գրին,*

խաղացի, խաղացիր, խաղաց, խաղացինք…), *ա* ձայնավորովը՝ ածանցավոր բայերին (*հեռացա, հեռացար, հեռացավ, թռա, թռար, թռավ…, մոտեցա, մոտեցար, մոտեցավ…*):

Անցյալ ժամանակաձևերի կառուցատիպերը ներկայացնելուց հետո հաջորդ քայլը պետք է լինի դրանց իմաստների պարզաբանումը, որը առավել հեշտ կընկալվի, եթե դրանք համեմատվեն միմյանց հետ:

Անցյալի վերլուծական ժամանակաձևերը նախ պետք է բաղդատել համադրական ժամանակաձևի՝ անցյալ կատարյալի հետ: Համեմատելիս պարզ է դառնում, որ անցյալ կատարյալի իմաստը տարբեր է անցյալի մյուս ժամանակաձևերից: Այս մասին Մ. Աբեղյանը գրում է. «Անցյալ կատարյալը ցույց է տալիս մի անցյալ ժամանակակետում ընկնող սոսկ եղելություն, բոլորովին տարբեր մյուս անցյալ ժամանակներից: Անցյալ կատարյալը մի անցյալ ժամանակակետից առաջ ընկնող գործողություն չի ցույց տալիս, ինչպես վաղակատար անցյալը (երեկ՝ ժամը հինգին, գնացել էի), և ոչ անցյալ ժամանակակետից հետո եկող գործողություն, ինչպես ապառնի անցյալը (երեկ՝ ժամը հինգին, դեռ նոր գնալու էի), այլ, ինչպես անկատար անցյալը, հենց իրեն անցյալ ժամանակակետի մեջ ընկնող մի գործողություն. անկատար անցյալից այն տարբերությամբ, որ մինչ վերջինը ցույց է տալիս հարաձիգ, տևական եղելություն, որի սկիզբն անցյալ ժամանակակետից առաջ է ընկնում, անցյալ կատարյալն ընդհակառակը ցույց է տալիս առանց տևականության մի սոսկ գործողություն, որ սկսվում և միանգամից կատարվում, վերջանում է անցյալ ժամանակակետում» [2, 562]:

Վերոհիշյալից պարզ է դառնում, որ անցյալ կատարյալի ցույց տված գործողությունը կապվում է խոսքի պահի հետ, իսկ անցյալի մյուս ժամանակաձևերինը՝ անցյալ ժամանակակետի հետ: Բացառություն է կազմում վաղակատար դերբայով և օժանդակ բայի ներկայի ձևերով հարադրված ժամանակաձևը, որի ժամանակա-

կետը նույնպես խոսելու պահն է: Հետևաբար առաջին հերթին անհրաժեշտ է համեմատել հիշյալ երկու ժամանակաձևերը, պարզաբանել դրանց տարբերությունը. «It is important to note that the Armenian aorist differs from other past tenses in that it is the witness' tense. It is used only if the speaker has either witnessed the activity or if he/she can speak about it with absolute certainty» [3, 75]:

Անցյալ ժամանակաձևերի իմաստային համակարգը և դրանց հակադրությունները

Ինչպես վաղակատար դերբայով կազմված ժամանակաձևը, այնպես էլ անցյալ կատարյալը արտահայտում են մի գործողություն, որը ավարտվել է խոսելու պահից առաջ: Սակայն, չնայած նույն ժամանակային ելակետին, այս ձևերը տարբերվում են իմաստաբանական կարևոր առանձնահատկությամբ: Հակադրությունը դրսևորվում է խոսքի ակտի նկատմամբ ունեցած վերաբերմունքով. **անցյալ կատարյալը** կապված է խոսողի կողմից գործողության **անմիջական դիտարկման կամ իրադարձությանը անձամբ ականատես լինելու** հետ, իսկ **վաղակատար ներկան** արտահայտում է **միջնորդավորված գիտելիք,** երբ խոսողը տեղեկությունն ունի ոչ թե սեփական դիտարկմամբ, այլ որևէ աղբյուրից՝ լսած, իմացած, հաղորդված տվյալների հիմքով [4, 317]: Այս դիտարկումը հիմնավորելու նպատակով կարելի է ներկայացնել տարբեր օրինակներ և դրանց հետ կապված պարզաբանումներ: Օրինակ՝ եթե քայլելիս տեսնում ենք բարեկարգված փողոց, ապա որևէ մեկին հանդիպելիս ասում ենք. **«փողոցը բարեկարգել են»**՝ արտահայտելով գործողության մասին մեր *միջնորդավորված գիտելիքը*: Չենք կարող նույն իրավիճակում ասել **«փողոցը բարեկարգեցին»**, որովհետև անցյալ կատարյալի գործածությամբ ենթադրվում է, որ խոսողը գործողությունը դիտարկել է անմիջականորեն, գործողության կատարման պահին:

Այսպիսով՝ վաղակատար ներկան (բարեկարգել են) արտահայտում է արդեն ավարտված գործողություն, որի մասին խոսողը տեղեկություն ունի արդյունքի հիման վրա կամ միջնորդավորված

աղբյուրից, իսկ **անցյալ կատարյալը** (բարեկարգեցին) ենթադրում է գործողության անմիջական դիտարկում խոսողի կողմից:

Ուսուցման ընթացքում կատարյալի և վաղակատարի իմաստային տարբերությունները առավել հստակ ներկայացնելու նպատակով անհրաժեշտ է դրանց զուգադրել ժամանակային տարբեր նրբերանգներ արտահայտող բառեր և բառակապակցություններ (**հենց նոր, այս պահին, քիչ առաջ, վաղուց, առաջ** և այլն), որոնց կիրառումը նպաստում է իմաստային հակադրությունների ընկալմանը:

Սրանց և բայաձևերի կապակցելիությունից պարզվում է, որ *հենց նոր*, *այս պահին* և այլ բառեր ու բառակապակցություններ գործածվում են ինչպես անցյալ կատարյալի, այնպես էլ վաղակատար ներկայի հետ, օրինակ՝ *հենց նոր գրեց* և *հենց նոր է գրել*, իսկ ավելի վաղ ժամանակ ցույց տվող բառերն ու բառակապակցությունները (վաղուց, շատ առաջ, առաջ և այլն)՝ միայն վաղակատար ժամանակի հետ, այսպես՝ *վաղուց ասել է,* բայց *վաղուց ասաց* սխալ է, կամ *նախկինում գրել է*, բայց *նախկինում գրեց* գործածելի չէ:

Այսպիսով, կարելի է եզրակացնել, որ թեև անցյալ կատարյալի ու վաղակատար ներկայի ցույց տված գործողությունների ելակետը նույն ժամանակակետն է՝ խոսելու պահը, սակայն տարբերվում են նրանով, որ անցյալ կատարյալը նաև ականատեսի ժամանակ է:

Ուսուցման հաջորդ աստիճանում հարկ է ներկայացնել նաև անցյալ կատարյալի և անցյալ ժամանակի իմաստ արտահայտող ժամանակային մյուս ձևերի տարբերությունները: Անցյալ կատարյալը դրանցից նախ տարբերվում է ժամանակակետով. այն կապվում է խոսելու պահի հետ, մինչդեռ մյուս ժամանակաձևերը՝ անցյալ ժամանակակետի հետ: Բացի այս հիմնական տարբերությունից՝ առկա են նաև իմաստային և կերպային այլ տարբերություններ: Անցյալ կատարյալն իր ձևով և իմաստով տարբերվում է հատկապես **անցյալ անկատարից:** Եթե անցյալ անկատար ժամանակը ցույց է տալիս մի անցյալ ժամանակակետում տևական, հարաձիգ, ընթացքի մեջ գտնվող գործողություն, ապա անցյալ կատարյալը՝ մի անցյալ

ժամանակում կատարված, ավարտված գործողություն առանց որևէ տևականության, ինչպես՝ *Երեկ՝ ժամը 8-ին, նա գրում էր* (գործողությունը ընթացքի մեջ էր, տևական էր), իսկ ***Երեկ՝ ժամը 8-ին, նա գրեց*** (գործողությունը կատարվել և ավարտվել է տվյալ պահին) [5, 320]։

Մ. Ասատրյանը կարծում է, որ անցյալ կատարյալն ու անցյալ անկատարը կերպային հակադրություն են կազմում. «Առաջինը կատարյալ կերպ է, այսինքն՝ շեշտում է գործողության վերջը, ավարտվածությունը, իսկ երկրորդը անկատար կերպ ունի, այսինքն՝ արտահայտում է գործողությունն իր ընթացքի, տևականության մեջ, և գործողության վերջը չի երևում» [5, 320]։

Հիշյալ ժամանակաձևերի իմաստային տարբերությունների յուրացումը դյուրացնելու համար նպատակահարմար է դրանք դիտարկել այնպիսի բարդ ստորադասական նախադասություններում, որոնցում առկա է անցյալի երկու ժամանակակետ։ Օրինակ՝ «Երբ նա կարդում էր, քույրը կանչեց»։ Այս նախադասությունում «կարդում էր» բայաձևը արտահայտում է գործողություն, որն ընթանում էր որոշակի ժամանակում և չի հասել ավարտին (անկատար կերպ), մինչդեռ «կանչեց» բայաձևը ներկայացնում է գործողություն, որն իրապես ավարտվել է տվյալ պահին (կատարյալ կերպ)։ Այսպիսով, նախադասությունը պատկերում է երկու գործողության ժամանակային և կերպային հակադրությունը անցյալի տարբեր փուլերում։

Անցյալ կատարյալը տարբերվում է նաև վաղակատար դերբայով և օժանդակ բայի անցյալ ժամանակաձևով հարադրված ժամանակային կազմություններից, որոնց դեպքում խոսողը նկատի ունի մի անցյալ ժամանակակետ, որի նկատմամբ գործողությունը ներկայացվում է ավարտված՝ արտահայտելով վաղակատար դերբային բնորոշ իմաստ։ Այսպիսի կառուցատիպերում խոսողը, որպես կանոն, նկարագրում է ուրիշներից լսած գործողություն։

Տարբերությունը կարելի է առավել հստակ ցույց տալ մի նախադասությամբ, որում առկա է անցյալի երկու ժամանակակետ։ Օրի-

նակ՝ **Երբ լույսը բացվեց, անձրևը դադարել էր:** Այս նախադասությունից պարզ է դառնում, որ «անձրևի դադարելու» գործողությունը տեղի է ունեցել ավելի վաղ՝ լույսը բացվելուց առաջ, այսինքն՝ անցյալի մեկ այլ՝ նախորդ ժամանակակետում: Իսկ «լույսը բացվելու» գործողությունը թեև նույնպես կատարվել է անցյալ ժամանակակետում, սակայն ավելի ուշ՝ խոսելու պահից առաջ:

Առավել դյուրին է տարբերակել ապակատար անցյալի ժամանակային իմաստը, քանի որ այն ցույց է տալիս մի անցյալ ժամանակակետում կատարելի գործողություն (Ես երեկ ավարտելու էի այդ գրքի ընթերցումը, բայց նախորդ օրը հիվանդացա):

Իբրև ընդհանուր հատկանիշ՝ կարելի է նշել հետևյալը. սահմանական եղանակի անցյալի ժամանակաձևերն արտահայտում են այնպիսի գործողություն, որը կատարվել է խոսելու պահից առաջ: Սակայն անցյալ կատարյալի և վաղակատար ներկայի արտահայտած գործողությունը անմիջապես նախորդում է խոսելու պահին, մինչդեռ մյուս ձևերը ներկայացնում են այնպիսի գործողություն, որը տեղի է ունեցել խոսելու պահից զգալիորեն առաջ՝ որոշակի անցյալ ժամանակակետում, և արդեն ավարտվել է:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Ամառյան Հ.* Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի, հտ. 4, մաս Բ, Եր., 1961, էջ 202–205:
2. *Աբեղյան Մ.* Հայոց լեզվի տեսություն, Եր., 1965, էջ 562:
3. Դ. Սաքայան, Eastern Armenian For the English-Speaking World. Եր., 2007, էջ 75:
4. *Ասատրյան Մ.* Ժամանակակից հայոց լեզու, Եր., 1983, էջ 317:
5. *Ասատրյան Մ.* Ժամանակակից հայոց լեզու, Եր., 1983, էջ 320:

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ СМЫСЛОВЫХ РАЗЛИЧИЙ У ФОРМ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Г. Геворкян
Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Формы прошедшего времени в армянском языке, обладая разнообразными словообразовательными и семантическими особенностями, представляют серьезные трудности для иноязычных обучающихся. Если формы настоящего и будущего времени усваиваются сравнительно легко, то смысловые различия конструкций прошедшего времени вызывают затруднения, поскольку их структурные модели не совпадают с языковыми единицами, используемыми в родном языке обучающихся.
В данной статье рассматривается проблема восприятия и употребления в армянском языке смысловых различий форм изъявительного наклонения прошедшего времени в процессе обучения армянскому языку как иностранному. Представлены словообразовательные особенности прошедших временных форм, их временные и семантические нюансы, а также основные проявления речевых ошибок, допускаемых иноязычными студентами, пути их преодоления.
Ключевые слова: изъявительное наклонение, формы прошедшего времени, иноязычные обучающиеся, семантические различия, методика.

METHODOLOGICAL ISSUES IN TEACHING THE SEMANTIC DIFFERENCES OF THE PAST TENSE FORMS OF THE INDICATIVE MOOD OF ARMENIAN TO FOREIGN LEARNERS

G. Gevorgyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The past tense forms of the Armenian language, characterized by diverse morphological and semantic features, pose serious difficulties for foreign learners. While the present and future tense forms are acquired relatively easily, the semantic differences among past tense constructions cause confusion, as their structural patterns do not correspond to the linguistic units used in the learners' native languages.
This article examines the issue of perceiving and using the semantic distinctions of the past tense forms of the indicative mood in Armenian within the process of teaching Armenian as a foreign language. The study presents the morphological characteristics of past tense forms, their temporal and semantic

nuances, as well as the main types of usage errors made by foreign students and the ways to overcome them.
Keywords: indicative mood, past tense forms, foreign learners, semantic differences, methodology.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-943-952

«ԱՐԵՎԵԼՔԸ» ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԺՈՂՈՎՐԴԱԿԱՆ ՀԵՔԻԱԹՆԵՐՈՒՄ

Կ. Սահակյան

Ռուս-հայկական համալսարան
Հայոց լեզվի և գրականության ամբիոն
karine.sahakyan@rau.am

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հայկական ժողովրդական հեքիաթներում շատ վառ է դրսևորվել Արևելքը: Հայ գրողներին տարբեր ժամանակներում հրապուրել են արևելյան հեքիաթները՝ իրենց հետաքրքիր ու ինքնատիպ աշխարհով: Հայերը հնուց ի վեր կապեր են ունեցել հարևան երկրների մշակութային և առևտրատնտեսական կարևոր գործընթացներում: Հայ ժողովրդական հեքիաթներում Արևելքը միշտ էլ ընկալվել է որպես առասպելական շքեղություն:

Հիմնաբառեր՝ արևելյան հեքիաթներ, ինքնատիպ, հետաքրքիր աշխարհ, հայ հեքիաթագիրներ, առասպելական հերոսներ, բարու հաղթանակ, ժողովրդական իմաստնություն:

Հեքիաթի ստեղծողը ժողովուրդն է: Կյանքում չիրականացած բոլոր երազանքները մարդիկ փնտրում են և գտնում հեքիաթներում: Հեքիաթներ ստեղծել են նաև առանձին հեղինակներ ինքնուրույն կամ մշակմամբ: Պատահական չէ, որ հեքիաթն ավարտվում է բարու հաղթանակով, սա է ժողովրդի ցանկությունը, երազանքը, որը նա չի գտել իրական կյանքում: Հեքիաթում մենք տեսնում ենք և՛ իրականը, և՛ երևակայականը: Հայկական ժողովրդական հեքիաթները ուրույն տեղ ունեն աշխարհի ժողովուրդների հեքիաթների շարքում: Մեր հեքիաթագիրներին՝ Ղ.Աղայանին, Հ.Թումանյանին, Ա.Իսահակյանին, Ա.Խնկոյանին, Ս.Զորյանին և այլոց հետաքրքրել է տարբեր ազգերի հեքիաթները, որոնք մշակել են ու մեր գրականությունը հարստացրել նոր գործերով:

Հայ ժողովուրդը հնուց ի վեր ծանոթ է Արևելքի մշակույթին, նիստուկացին, բարքերին, սովորույթներին: Դրան նպաստել է Հայաստանի աշխարհագրական դիրքը, որի շնորհիվ էլ առևտրական սերտ կապեր են հաստատվել Արևելքի հետ: Նման կապերը մերձեցնում են տարբեր ազգերին, ավելի մոտիկից ծանոթացնում միմյանց մշակույթին, գրականությանը, որոնք հետագայում իրենց արտացոլումն են գտնում տարբեր բնագավառներում: Դարերի ընթացքում հայ գրականության տարբեր ժանրերի ստեղծագործություններում արևելյան թեման դառնում է սովորական, ընդունելի, ընկալելի:

Արևելքը շատ վառ է դրսևորվել հատկապես հայկական ժողովրդական հեքիաթներում: Հայ գրողներին տարբեր ժամանակներում հրապուրել են արևելյան հեքիաթները՝ իրենց հետաքրքիր ու ինքնատիպ աշխարհով: Տարբեր ազգերի հեքիաթներում մենք գտնում ենք գրեթե նույն սյուժեն, երբեմն նաև նույն վերջաբանը, սակայն դրանք միանգամայն տարբեր են իրենց ոճական դրսևորումներով, հոգեբանական, փիլիսոփայական մտքերով և արտահայտություններով:

Առաջին խոշոր հեքիաթագիրը հայ գրականության մեջ Ղազարոս Աղայանն է: Աղայանի հեքիաթները մեծ դեր են խաղացել հայ մանուկների դաստիարակության գործում: «Իմ հեքիաթների մեջ մեծ մասամբ աստառն է միայն ժողովրդական, իսկ նախշերը իմ սեփականն են: Այդ նախշերի մեջ մի տեսակ ձգտում է երևում նախնականին մոտենալու և այդ՝ բնազդմամբ և ոչ գիտակցաբար» [1, էջ 193]:

Աղայանի մշակած հեքիաթների մեծ մասը ազգային բանահյուսությունից են վերցված «Անահիտ», «Զանգի-զրանգի», «Եղեգնուհի», «Ասլան-Բալա», «Արեգնազան կամ կախարդական աշխարհ», «Արևամանուկ» և այլն: Արաբական բանահյուսությունից նա վերցրել է «Հազարան բլբուլ»-ը, իսկ հունական առասպելաբանությունից՝ «Վիշապին հաղթողը:» Մեկ այլ՝ «Քի՛չ էլ, քի՛չ էլ» հեքիաթում հեղինակը ներկայացրել է երկու սյուժե, որ«ոնցից մեկը հայկական

ավանդական հեքիաթից է («Ուխայը»), մյուսը՝ Արևելքում լայն տարածում գտած առասպելական լոխման հեքիմի մասին ավանդական զրույցներից: Աղայանը արևելյան թեմաներով հեքիաթներում հիմնականում պահպանում է հերոսների անունները: Առաջին իսկ տողերից ընթերցողին ակնհայտ է դառնում, որ այն արևելյան մշակում է ու կրկին ներկայացվում է չարի ու բարու պայքարը, բարու հաղթանակը: Ահա «Հազարան բլբուլ» հեքիաթի սկիզբը.«Իմ ականջս հասել է, ո՛վ բարեբանյալ և բարեկրթյալ թագավոր, պատմում է Շահրազադա թագուհին իր ամուսին Շահրիար թագավորին, որ հին ժամանակներում, վաղուց անցած օրերում Պարսկաստանումը կենում էր մի թագավոր՝ անունը Խոսրով-շահ, որին Մեծ պարգևատուն պարգևել էր հզորություն, ջահելություն ու գեղեցկություն և որի սրտումը դրել էր այնպիսի զորեղ զգացում, որ նրա թագավորության ժամանակ ուլն ու վագրը միմյանց հետ հաշտ էին ապրում և կողք կողքի էին խմում միևնույն վտակից» [2, էջ 175]:

Մեկ այլ՝ «Վիշապին հաղթողը» հեքիաթը նույնպես արևելյան մշակում ունի, որտեղ մեկնաբանվում է աղջկա՝ Պերինայի անունը կրող աղբյուրի ծագումնաբանությունը: «Աղջիկը մեծ սիրով ասում է աղբյուրի անունը և պատմում է նրա անվան ծագման մասին: Դա Պերինայի աղբյուրն է, և ըստ պատմության, Պերինան մի սիրուն կին է եղել: Մի անգամ նրա որդուն նետով կրակել և սպանել է Արտեմիսը, և դրանից Պերինան այնքան է լաց եղել, որ աղբյուր է դարձել: Այդ պատճառով էլ ջուրն այդքան համեղ է» [3, 157]:

Աղայանի հեքիաթներում չարի ու բարու պայքարը հետաքրքիր ձևով է ներկայացված: Հեքիաթագրի նպատակը մանկան բարոյական առողջ հոգեբանական ներաշխարհ ստեղծելն էր, այլ ոչ թե այն օգտագործել՝ որպես մանուկներին զբաղեցնելու միջոց: Նա գտնում է, որ հեքիաթով մանկան երևակայությունը պիտի բոցավառվի, որ հեքիաթի ավարտը մանկանը պիտի ոգևորի, ուրախություն պարգևի:

Արևելքի թեման յուրահատուկ տեղ է զբաղեցնում Հ.Թումանյանի ստեղծագործություններում: Բանաստեղծն իր տառապյալ ժողովրդի համար հոգեկան ծանր ապրումների մեջ էր: Հայ ժողովուրդը գտնվում էր անօգնական և անհուսալի իրավիճակում, քանզի ո՛չ Եվրոպան, ո՛չ Ռուսաստանը չարդարացրին ժողովրդի սպասումները: Այդ օրհասական պահերին բանաստեղծին հավատ է ներշնչում Արևելքը: Արևելյան գրականության և մշակույթի ուսումնասիրությունը Թումանյանի համար կարծես նոր հեռանկարներ են բացում: Արևելյան թեման դառնում է նրան հարազատ և ինքնատիպ մեկնաբանությամբ տեղ զբաղեցնում բանաստեղծի ստեղծագործություններում: Նրա հեքիաթներից շատերը նույնիսկ սկսվում են արևելյան քաղաքների կամ տեղանունների անվանմամբ: 1909թ. նա թարգմանել և փոխադրել է մեկ տասնյակից ավելի այլ ժողովրդական հեքիաթներ՝ ռուսական, իտալական, իռլանդական, հնդկական, ճապոնական, արաբական պատումներ: Թումանյանը թարգմանություններ կատարելիս չի հետևել բնագրին, բազմաթիվ փոփոխություններ է կատարել: Նա ճշմարտացիորեն ըմբռնում էր ուրիշ ազգերի ոգին, մտածողությունը՝ միաժամանակ հարստացնելով հեքիաթի նկարագիրը: Անդրադառնալով տարբեր ժողովուրդների բանահյուսական ընդհանրություններին՝ Թումանյանը նկատել է. «Ինչպես էս կամ էն դարձվածքը, էնպես էլ ամբողջ պատմությունները, անց են կենում աշխարհից աշխարհ և ամեն աշխարհում, ամեն արևի հետ, ամեն ժողովրդի բերանում առնում են մի ուրույն երանգ, համ ու հոտ: Եվ շատ անգամ նուրբ առանձնահատկություններն են, որ որոշում են մի ժողովրդի ստեղծագործությունը մյուսից, ոչ թե գործի ամբողջությունը» [4, էջ 154]:

Կան հեքիաթներ, որոնց համար հեղինակն ունեցել է նույնիսկ 40 տարբերակ, օրինակ «Կոնատ աղջիկը» հեքիաթը գրելիս 33 տարբերակ է ուսումնասիրել: Թումանյանը շատ բարձր է գնահատել հատկապես արևելյան հեքիաթները: Դեռևս երիտասարդական տա-

րիներից նրան հետաքրքրել է արևելյան գրականությունը, թարգմանել է բազմաթիվ ստեղծագործություններ: «Թարգմանություններ: Իսկ էստեղ ինչ է պետք: Ճաշակով ընտրություն, լավ լեզու, խնամքով հրատարակություն: Էս երեք պայմանը պիտի ունենանք» [5, էջ 122]:

Հեքիաթի մեջ Թումանյանը տեսնում էր ժողովրդական իմաստնություն: Մանուկ հասակից լսելով մոր պատմած հեքիաթները՝ նա ավելի ու ավելի է սիրում այդ ժանրը, դրա մեջ գտնում է կյանքի ճիշտն ու սխալը, արդարն ու անարդարը ու այն մեծ վարպետությամբ հասանելի դարձնում ընթերցողին: «…ես լոռեցի եմ ու էն գլխից ոչ «դիպվածով» սիրել ու հետաքրքրվել եմ հեքիաթներով, լեգենդներով, առասպելներով և շատերն անգիր գիտեմ դեռ մանկուց» [6, էջ 164]:

Արևելյան հեքիաթի թարգմանիչը միշտ էլ դժվար խնդրի առաջ է կանգնել. դա գրական, ժողովրդախոսակցական ու բարբառային լեզուն ճիշտ համատեղությամբ ներկայացնելն է: Իսկ Թումանյանի թարգմանությունները չեն տարբերվում բնօրինակներից: Նա ուսումնասիրում էր տարբեր ազգերի հեքիաթները, թարգմանում, բայց այդ թարգմանությունը սոսկ թարգմանություն չէր. նա մշակում էր, համեմատում տարբերակները, գտնում ամենակարևորը, փոխում անունները և նոր միայն ներկայացնում: Նա ասում էր. «Ամենամեծ ստեղծագործողն ինքը՝ ժողովուրդն է, և նրա ամենամեծ ստեղծագործությունը՝ հեքիաթը» [7, էջ 83]:

Թումանյանը գնահատելով Արևելքի հեքիաթում առկա ժողովրդական երևակայությունը՝ աշխատում էր պահպանել բնորոշ առանձնահատկությունները: Նա այնպես է ներկայացնում այդ հեքիաթները, որ ընթերցողը կարողանա ճիշտ պատկերացում ունենա Արևելքի ժողովրդի, նրա մշակույթի և ազգային առանձնահատկությունների վերաբերյալ: Այդ է պատճառը, որ հեքիաթագիրը մի հեքիաթի համար ուսումնասիրում էր բազում տարբերակներ, կատարում համեմատություններ, ուսումնասիրություններ, նոր միայն ներկայացնում իր ընթերցողին: Ահա «Անգին քարը» հեքիաթը, որը

պատմում է մարդկային իմաստ-նության, խղճի և բարության մասին: «Մի ամառվա շոգ օր էր, բայց չնայած անտանելի շոգին ու թեժ արևին, Բաղդադի փողոցները լիքն էին ժողովրդով: Հարուն Ալ Ռաշիդ թագավորը փառավոր հաղթությունից հետո պետք է վերադառնար իր մայրաքաղաքը: Աղքատ ժողովուրդը հավաքվել էր թամաշա անելու… Էս ժամանակ բազմության միջից դուրս եկավ Սայիդ անունով մի աղքատ ու սկսեց ամենախիստ խոսքերով հայհոյել թագավորին…»: Հեղինակը բարոյախրատական խորհուրդ-ներով ավելի լիարժեք է դարձնում հեքիաթը: «Աշխարհքում շատ գանձեր կան, բայց ամենաթանկ գանձը լավ անունն է: Լավ անունով մարդը միաժամանակ ապրում է հազար ու մի տեղ, հազար ու մի մարդու սրտում: Լավ անունով մարդը էնպես տեղեր է հասնում, որ չի կարող հասնել ո՛չ ձիով, ո՛չ ոտով, և ո՛չ ուրիշ միջոցով: Լավ անունով մարդը չի մեռնում: Նա մահից հետո էլ անտեսանելի ապրում է մեր միջում, ինչպես ոգի» [8, էջ 323]: Այսպես է մտածում տաղանդավոր գրողը և գրեթե նույն միտքն արտահայտում «Թմբկաբերդի առումը» պոեմում՝ կարևորելով մարդու գործի անմահության գաղափարը:

«Ոսկի քաղաքի» հերոսուհին՝ Քանաքարան, «Փարվանայի» հերոսուհու նման նույնպես մերժում է այն երիտասարդներին, ովքեր ցանկանում էին իրեն գրավել իրենց հարստությամբ կամ քաջությամբ: Աղջիկն ասում է, որ ինքը կընտրի նրան, ով գեթ մեկ անգամ եղած կլինի Ոսկի քաղաքում: Հեքիաթն իհարկե ավարտվում է գեղեցկուհու և Դիվանայի ամուսնությամբ. նա այն երիտասարդն էր, որը եղել էր Ոսկի քաղաքում: «Ոսկի քաղաքը» հեքիաթում Թումանյանը կատարել է շատ փոփոխություններ, այստեղ հայկականությունը իր յուրօրինակ դրսևորումն է գտել: Ահա օրինակ չափածո հատվածների փոփոխությունից մի քառատող.

…Տանում է նա ուժը ոգու.
Անվերջ սերերը, անհատ բարին,
Երջանկությունը ամեն մարդու,
Խաղաղություն ողջ աշխարհին: [9, էջ 92]

Հայ ժողովրդական հեքիաթներում ամենատարածված ու մասսայականություն վայելողն են եղել արևելքի զվարճախոս Մոլլա Նասրեդինի զվարճապատումները։ Հայ իրականության մեջ Խոջա Նասրեդինի զվարճապատումները մեզ հայտնի հայերեն առաջին թարգմանությունը կատարվել է 1858թ. Զմյուռնիայում (Իզմիր)։ 1910թ. Կոստանդնապոլսում թուրքերենից հայերեն թարգմանած հրապարակվում է «Հօճա Նասրետինի զուարճալիքները» գիրքը՝ շուրջ 35000 պատումներով, որը տարիներ անց վերահրատարակվում է Բեյրութում և Բոստոնում։ Հայ իրականության մեջ առաջին անգամ Խ.Աբովյանը 1841թ. իր գրառած Նասրեդինյան զվարճապատումների երեք նմուշ վերածել է չափածոյի և ընգրկվել զվարճախոսությունների ժողովածուում։ Հետագա տարիներին զանազան ժողովածուներում տեղ են գտել Մ.Նասրեդինի մանրապատումները՝ Հովհաննես Նազարյանցի «Անեկդոտներ» ժողովածուում, ապա Սմբատ Շահազիզի «Ծիծաղի տոպրակ» ժողովածուում, Երվանդ Լալայանի «Ժողովրդական առակներ» Մոլլա Նասր-Էդ-Դին ժողովածուում և այլն։ Այս ամենը վկայում է այն մասին, որ Արևելքի զվարճախոս Նասրեդինը մեծ մասսայականություն է վայելել մեզ մոտ։ Հայերի շրջանում նրան առնչվող մանրապատումները մեծ քանակ են կազմել։

Հայկական հեքիաթներում շատ ենք հանդիպում արևելքի թափառական կերպարների՝ առանց ընտանիքի, թափառական գուշակություն անող, երաժիշտներ։ Նրանցից շատերն իրենց կյանքն անցկացնում են ճանապարհներին։ Նրանք շրջում են քաղաքից քաղաք, երկրից երկիր։ Ամեն տեղ նրանց սիրով են ընդունում, բայց և վախենում են։ Նրանք ընդունակ են կախարդություններ կատարելու մեջ, երբեմն էլ դերվիշի հագուստներով շրջում են թագավորները։ Դերվիշների մեջ կան նաև բարիներ, որոնք շատ անգամ օգնում են հիվանդին կամ նեղության մեջ գտնվողին։ Երբեմն դերվիշների օգնությանն են դիմում նաև թագավորները ։ Նրանք բուժման մեջ էլ հմուտ են, գուշակում են հիվանդության պատճառը, բուժում, նրանք նաև

իմաստուն են: Դերվիշները երբեմն իրենց ծառայությունները մատուցում են անհատույց, երբեմն էլ պայմանով, որ կստանան հատուցումը:

Արևելքից աշուղներ էին գալիս, մարդկանց հավաքում ու հեքիաթներ պատմում, մարդիկ էլ դա իրենց ձևով պատմում էին՝ կապելով իրենց կենցաղի հետ: Եվ ստացվում էր, որ տարբեր ժողովուրդների հեքիաթներում հայտնվում էին իրարից հեռու ժողովուրդների նմանատիպ ճակատագրեր:

Արևելյան ժողովուրդների հետ շփման ժամանակ փոխառնվել են պատմավիպական կերպարներ, որոնցից է նաև Սողոմոն Իմաստունը: Նա հայտնվել է վիպական պատումներում և ընդունվել որպես բանահյուսական հերոս: Սողոմոն Իմաստունին անդրադարձել են հայ պատմիչները և միջնադարյան բանաստեղծները: Սողոմանյան բանահյուսական սյուժեների առաջացմանը և տարածմանը նպաստել է Աստվածաշունչը: Աստվածաշնչյան սողոմոնյան պատումներից շատերը մուտք են գործել ժողովրդական ավանդույթ:

Արևելյան բանահյուսական ժառանգության մեջ մեծ տարածում են ունեցել նաև Շահ Աբասի, Լենկ Թեմուրի կերպարները: Հայկական հեքիաթներում հաճախ է օգտագործվել Չինումաչին կամ Չին-Մաչին կախարդական աշխարհը: Այս հեքիաթներում հերոսը մեծ մասամբ գնում է Չինումաչինի թագավորի աղջկան բերելու: Աղջիկը շատ գեղեցիկ է, հաճախ է գտնվում վիշապի գերության ներքո, կամ էլ նրան ցանկանում են փախցնել դևերը: Աղջիկն ունի արևային հատկանիշներ՝ ոսկե մազեր, աննման գեղեցկություն: Ոսկեմազ գեղեցկուհու կերպարը շատ հեքիաթներում է դրսևորվում: Հայ մարդու համար որպես արևի բնակավայր ընդունվել են հենց արևելյան երկրները ու հատկապես Չինաստանը:

Ուսումնասիրելով հայ ժողովրդական հեքիաթները՝ մենք համոզվում ենք, որ հայ հեքիաթագիրները տարբեր ժամանակներում միշտ էլ անդրադարձել են արևելքի թեմաներին: Հայերը հնուց ի վեր

կապեր են ունեցել հարևան երկրների մշակութային և առևտրատնտեսական կարևոր գործընթացներում: Հայ ժողովրդական հեքիաթներում Արևելքը միշտ էլ ընկալվել է որպես առասպելական շքեղություն, որն էլ իր արտացոլումն է գտել հայկական ժողովրդական հեքիաթներում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Աղայան Ղ. Հոդվածներ, 1890, էջ 193:
2. Աղայան Ղ. Հազարան բլբուլ: Եր., 2004, էջ175:
3. Աղայան Ղ. Վիշապին հաղթողը: Եր., 2004, էջ 157:
4. «Հ. Թումանյանը քննադատ»: Եր., «Պետհրատ», 1939, էջ 154:
5. Թումանյան Հ. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 6, 1959, էջ 122:
6. Թումանյան Հ. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 6, 1994 , էջ 164:
7. Թումանյան Հ. «Հուշեր և զրույցներ»: Եր., 1987, էջ 83:
8. Թումանյան Հ. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 4, 1195, էջ 323:
9. Թումանյան Հ. Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 5, 1995, էջ 92:
10. Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, հ.1, հ.2: Եր., 1959:
11. Հեքիաթագիտական հանդես, պրակ 3: Եր., 2011:
12. Պատմաբանասիրական հանդես, 1 (210), ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն:
13. Բանբեր՝ Վ. Բրյուսովի անվան համալսարանի, 1(50), Եր., 2019:

ТЕМА ВОСТОКА В АРМЯНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

К. Саакян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

В армянских народных сказках образ Востока представлен очень ярко. Восточные сказки с их интересным и самобытным миром в разные периоды привлекали внимание армянских писателей. Армяне с древних времен поддерживали тесные связи с соседними странами, участвовали в важных культурных и торгово-экономических процессах этих стран. В армянских народных сказках Восток всегда воспринимался как воплощение сказочной роскоши.

Ключевые слова: восточные сказки, самобытность, интересный мир, армянские сказочники, мифические герои, победа добра, народная мудрость.

THE EAST IN ARMENIAN FOLK TALES

K. Sahakyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The East is vividly reflected in Armenian folk tales. Armenian writers at different times were fascinated by Eastern fairy tales with their unique and captivating world. Since ancient times, Armenians have maintained connections with neighboring countries through important cultural, trade, and economic processes. In Armenian folk tales, the East has always been perceived as a realm of mythical luxury.

Keywords: Eastern fairy tales, originality, fascinating world, Armenian storytellers, mythical heroes, triumph of good, folk wisdom.

ЛИТЕРАТУРА

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-953-962

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕФЕРЕНЦИИ В ЦИКЛАХ СКАЗОК Р. КИПЛИНГА «ПАК С ВОЛШЕБНЫХ ХОЛМОВ» И «ПОДАРКИ ФЕЙ»

Э.В. Гаспарян

Российско-Армянский университет
eteri.gasparyan66@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье обсуждаются художественные и жанровые особенности сказок Р. Киплинга «Пак с волшебных холмов» и «Подарки фей». Рассказы, составляющие эти циклы, рассматриваются как синтез мифа и истории, представленный в форме сказки, хронотоп которой характеризуется многослойностью пространства и времени.

Ключевые слова: Р. Киплинг, «Пак с волшебных холмов», «Подарки фей», английская история, миф, сказка сквозной сюжет.

Введение

Замысел сказок Р. Киплинга «**Пак с волшебных холмов**» (*Puck of Pook's Hil***l**, 1906) и «**Подарки фей**» (*Rewards and Fairies***,** 1910) возник у автора в период проживания в Англии в графстве Сассекс. Р. Киплинг, родившийся и проживший большую часть своей жизни в Индии, решил обосноваться на родной земле и приобрел семейное поместье Бейтменз в 1902 году. Проживая в этом доме, окруженном археологически насыщенным ландшафтом, «*писатель осознавал, сколько пластов истории, сколько загадок и сюжетов таит в себе земля, на которой он поселился. Началось с пустяков. Однажды рыли колодец, и на глубине семи метров нашли курительную трубку времен короля Якова и латунную ложку кромвелевского солдата, а еще ниже – бронзовый нащечник от римской конной узды*» [6: 4]. Фрагменты из автобиографической повести Р. Киплинга «Немного о себе для моих друзей – знакомых и незнакомых» [3] имеют принципиальное значение для анализа замысла произведений

«Пак с волшебных холмов» и «Подарки фей». Они позволяют реконструировать авторский замысел и контекст создания цикла, фиксируя источники художественного воображения, трансформированные в художественный текст.

Обе сказки Р. Киплинга о Паке имели триумфальный успех (только при жизни автора они были переведены на 27 языков), но критики их в основном обходили вниманием. Первое развернутое исследование в известной нам критической литературе, посвященной только одной из сказок Киплинга – циклу «Пак с волшебных холмов», является диссертация А. Жилякова, в которой автор анализирует неоромантические черты рассказов, особенности хронотопа и шекспировские реминисценции, определяет жанр рассказов как литературную сказку, обращение к которой объясняет прежде всего содержанием киплинговской «*концепции личности, сформировавшейся в результате жизненного опыта и освоения культурных и литературных традиций, в которых важное место занимает мифологическое начало*» [1: 16].

Нам представляется, что жанр рассказов Киплинга можно определить скорее как ***синтетический***, поскольку кроме мифологического начала в них присутствуют жанровые черты фэнтези, фольклорной сказки и исторической литературы. Так, в циклах «Пак с волшебных холмов» и «Подарки фей» Киплинг описывает различные эпизоды из истории Англии, выстраивая повествование не как линейное движение событий, а как многослойное пространство, где прошлое, настоящее и вымысел сосуществуют в едином художественном времени. Вместе с реальными героями сказок читатель погружается в атмосферу Старой Англии, с ее обычаями и верованиями, историческими событиями и участниками великих исторических перемен.

Основная часть

Действие рассказов происходит в Сассексе, где проводят лето дети – Дан и Уна. Они репетируют отрывки из шекспировской пьесы «Сон в летнюю ночь»[1]. «*Неожиданно кусты раздвинулись. На том самом месте, где Дан изображал Пака, дети увидели маленького, коричневого,*

[1] Этот эпизод – автобиографический: Киплинг со своими детьми Джоном и Элси так же разыгрывал сценки из «Сна в летнюю ночь» Шекспира.

широкоплечего человечка с торчащими ушами, курносым носом, косыми голубыми глазами и смеющимся лицом» [2: 5]. Он представляется последним представителем эльфов – «*маленького народа зеленых холмов Англии*», хранителем культурной памяти, который откроет детям доступ к историческому прошлому их страны. Как и Шекспир, Киплинг обращается к волшебному, фантазийному миру фольклора, но в художественном замысле Р. Киплинга Пак – не второстепенный сказочный персонаж, заимствованный из шекспировской комедии, а связующее звено между детским воображением и историческим временем. Как пишет А. Слобожан, «*Киплинг призывает внимательней всматриваться в окружающую землю. Устами Пака он говорит, что она заключает в себе много больше, чем думают живущие на ней люди. Земля, впитавшая в себя пот тысяч безвестных тружеников и кровь защитников, земля, на которой выковался дух народа, земля, слившаяся с историей, и сама ставшая историей, именно она является подлинным героем сказок Киплинга*…» [7: 6].

Хронологическая структура обеих повестей отличается от принципов традиционной исторической хроники, что является одной из важнейших особенностей художественного метода Р. Киплинга. Автор сознательно избегает линейного изложения исторических событий, в соответствии с их строгой хронологической последовательностью. Вместо этого он выстраивает повествование как серию «временных скачков», совершаемых по прихоти Пака.

В тексте обеих сказок отсутствует прямое указание на конкретное историческое событие, однако текст построен так, что читатель принципом узнавания исторического лица или события, самостоятельно осознает историческую основу каждого рассказа.

Важной особенностью построения художественного текста является то, что отдельные рассказы у Р. Киплинга существуют не как отдельные эпизоды, а как связанные между собой повествовательные циклы. Так, «Пак с волшебных холмов», состоящий из десяти рассказов, образует два отдельных цикла: цикл о сэре Ричарде и Хью, включающий рассказы «Молодежь в поместье», «Искатели приключений» и «Старики в Пэвенси», и римский цикл, состоящий из рассказов «Центурион

тридцатого легиона», «У Адрианова вала» и «Крылатые шапки». Однако композиционно история о сэре Ричарде и Хью начинается и заканчивается вне представленного цикла.

Другой пример сквозного сюжета прослеживается в восьмом рассказе «Пака с волшебных холмов» под названием «Гэл-чертежник» в котором мы знакомимся с главным героем, рассказывающим свою историю реставрации церкви. Следующая встреча с ним происходит в третьем рассказе цикла «Подарки фей», в котором Гэл-чертежник переносит читателя во времена своей молодости.

Цикл создают также главы второй сказки – «Подарки фей», состоящей из одиннадцати рассказов. Таким образом, цикличность у Киплинга носит сквозной характер: она связывает два тома в единое повествовательное целое и подчеркивает идею непрерывности английской истории, воплощенной в судьбах персонажей и проходящей через разные эпохи.

Рассказ «**Меч Виланда**», открывающий цикл «Пака с волшебных холмов», относится к X–XI вв., времени Англосаксонского правления, и тематически связан с переходом от языческой традиции к христианской культуре. Центральным образом становится легендарный кузнец Виланд (*Wieland*, англосакс. *Veland*, древнескандинав. *Völundr*) – персонаж древнегерманского эпоса, чье имя означает «умелый, искусный». Он известен по «Песни о Велунде» из «Старшей Эдды» и неоднократно упоминается в англосаксонской поэзии. Ему приписывают создание знаменитого меча короля Артура – Эскалибура, и мечей Зигфрида и Беовульфа. Функция Виланда становится сюжетообразующей для всего цикла о бывшем владельце имения, где происходит действие – сэре Ричарде и его соратнике Хью. Именно Виланд кует меч с рунами для Хью, и этот меч определяет дальнейший ход повествования. С помощью меча сэр Ричард и Хью находят золото во время плавания к африканским берегам, а тема золота возвращается в последней главе – «Золото и закон», где оно становится причиной судебного спора. Эта история завершается в XII веке подписанием Иоанном Безземельным Великой хартии вольностей, знаменующей переход от силы и богатства к утверждению правового порядка. Символическая формула Пака – «*Виланд дал Меч, Меч дал Сокровище, а Сокровище дало Закон*» [5: 324] – подводит итог всему повествованию.

Цикл о сэре Ричарде и Хью, объединяющий рассказы «**Молодежь в поместье**», «**Искатели приключений**», «**Старики в Пэвенси**» и композиционно завершающийся в последнем рассказе «**Золото и закон**», охватывает англосаксонский исторический период XI–XII веков и правление трех королей: Вильгельма I Завоевателя (1066–1087), Вильгельма II Руфуса (Рыжего) (1087–1100) и Генриха I Боклерка (1100–1135). Р. Киплинг воссоздал общую обстановку в Англии того периода, перехода от англосаксонской эпохи к нормандскому владычеству, процесса перераспределения земель и установления феодальных отношений, атмосферу борьбы за престол, баронских измен и обороны Англии от вторжения, начало англо-нормандских морских экспедиций XII века: сэр Ричард и Хью отправляются в путешествие к берегам Африки вместе с предводителем викингов (норманнов) Виттой и, благодаря магической силе меча, находят там золото, тем самым иллюстрируя расширение горизонтов Англии.

Последняя глава второй сказки цикла «Подарки фей» – «**Древо правосудия**» **–** возвращает в исторический период после битвы при Гастингсе, и Киплинг дает довольно неопределенную концовку: король Гарольд, убитый во время битвы при Гастингсе стрелой, поразившей его глаз, вновь предстает перед читателями в виде старого и слепого старца, однако однозначного ответа – был ли это он или самозванец – автор не дает.

Последняя глава «**Золото и Закон**» приемом «закольцовывания» сюжета завершает первую сказку. Действие происходит в XIII веке, в эпоху Иоанна I (Джона) Безземельного (1199–1216). Описывается исторический эпизод восстания баронов и подписания Великой Хартии Вольностей (1215), документа, ограничивающего королевскую власть: «*Никто не может быть арестован, оштрафован или казнен, пока вина его не будет доказана судом равных, – торжественно произнес Пак. – В Англии один закон и для еврея, и для христианина – закон, который был подписан в Раннимеде!*» [5: 298].

Римский цикл, объединяющий рассказы «**Центурион тридцатого легиона**», «**У Адрианова вала**» **и** «**Крылатые шапки**», реконструирует исторические события периода римского правления в Британии на рубеже I–V вв., когда Римская империя теряла контроль над провинциями, а Британия оказывалась в зоне постоянной угрозы с севера и моря.

В текст вводится фигура Магна Максима, римского полководца, провозглашенного императором Британии, описывается его поход в Галлию в 383 году и победа над Грацианом, взятие его в плен Феодосием Великим и казнь Максима в последнем рассказе цикла. Центральное место в повествовании занимает Адрианов вал – оборонительное сооружение длиной около 80 миль, построенное императором Адрианом в 122г. которое защищало земли римской Британии от набегов со стороны недоброжелателей (крылатых шапок).

Восьмая глава «Пака с волшебных холмов» «**Гэл-чертежник**», повествует об исторических событиях XVI века, периода правления Генриха VIII (1509–1547), годах становления тюдоровский Англии. История о ремесленнике Гэле, занимающегося реставрацией церкви, знакомит читателя с разными аспектами жизни страны – от движения 1450г. за отмену «закона о рабочих» под предводительством Джека Кейда до исследования североамериканского побережья мореплавателем Себастьяном Кэботом, от становления английской картографии и морской разведки до проблем, связанных с контрабандой и продажей при Генрихе VIII королевских пушек за границу, в том числе врагам.

Третья глава второй сказки «Подарки фей» «**Диковинный случай**», продолжающей цикл, возвращает читателя к тому же Гэлу-чертежнику, во времена его молодости, в период правления Генриха VII. Таким образом, Киплинг связывает две сказки в одно единое повествовательное целое.

Предпоследняя глава «Пака с волшебных холмов» «**Переправа эльфантов**» переносит в эпоху кризиса религии в Англии, Реформации, разрушившей католическую церковную систему. Это время было отмечено и массовым уничтожением икон: «*Они собрались отовсюду в Болотный Край и решили: так или этак, а надо убираться отсюда, ибо доброй Старой Англии конец, и с нами поступят так же, как с иконами*» [5: 280].

Цикл «Подарки фей» начинается с главы «**Холодное железо**», возвращающей повествование в англосаксонский период V–XIвв. С художественной точки зрения, текст связал два мира: Англию эпохи короля Артура, с ее рыцарской повинностью и увлечением магией – с Англией индустриальной, в которой бедняки могли попасть в рабство: «*а том*

базаре один местный фермер купил себе молодую рабыню с младенчиком на руках» [6: 8].

Вторая и восьмая главы – «**Глориана**» и «**Саймон-простофиля**» – также создают единый цикл и относятся к XIII веку, периоду правления Елизаветы 1, дочери Генриха VIII. Глава насыщена упоминанием исторических лиц того периода, в числе которых помимо Елизаветы I, одним из прозвищ которой является Глориана, присутствуют так же Филип II Испанский, супруг Марии Тюдор, старшей дочери Генриха VIII, имя которого связано с планами по завоеванию Англии и созданию «Непобедимой Армады» для ограничения влияния Елизаветы I в делах Испании. В «Саймоне-простофиле» описывается одно из крупнейших военно-морских поражений в истории – крушение Непобедимой Армады. Здесь же появляются испанский адмирал Педро Менендес де Авила, который захватил французский форт Каролина и приказал убить его защитников-протестантов, французский капитан Доминик де Горг, отомстивший испанцам за произошедшее в форте Каролина, а также – посвященный в рыцари Елизаветой I, мореплаватель сэр Фрэнсис Дрейк, совершивший второе после Магеллана кругосветное путешествие, и именем которого называется залив у западных берегов Калифорнии.

Четвертая глава «**Марклейские колдуны**» повествует о XVIII–XIXвв., временах правления Георга III, периоде военного противостояния с Францией.

Пятая глава «**Нож и кремень**» переносит в XI тысячелетие до н.э., иллюстрируя переход от каменного к бронзовому веку, который характеризовался открытием и использованием металлов. Через историю героя из племени Раскалывающих Кремень, отдавшего зрение племени Детей Ночи, владеющему тайной металла, в обмен на более совершенное оружие против Зверя, автор демонстрирует переход от мифического мироощущения к зарождению сознательной цивилизации, переходу от инстинкта к знанию, от страха перед природой – к ее осмысленному преодолению. Потеря зрения во имя знания ассоциирует героя с пожертвовавшим глазом скандинавским Одином, сам же Р. Киплинг соотносит его со скандинавским Тиром, сыном Одина.

Шестая и седьмая главы «**Брат Широкая Нога**» и «**Священник поневоле**» составляют один цикл, повествующий о конфликтных взаимоотношениях между Англией и Америкой в XVIII веке, упоминаются

имена Джоржа Вашингтона и Георга III, отражены события Французской революции – казнь Людовика XVI.

Еще один временной скачок происходит в восьмой главе – «**Обращение святого Уилфрида**», где описывается эпоха перехода Англии от язычества к христианству в V–XIвв., в частности, христианизация южных саксов, осуществлявшаяся в эпоху раннего Средневековья насильственным путем. В этот период миссионеры направлялись для массового обращения язычников, а королевская власть направляла приказы о повсеместном крещении. Святой Уилфрид – реально существовавший архиепископ Йоркский, сыгравший значительную роль в распространении христианства на юге Англии. Описаны быт и обычаи южных саксонцев, язычников, которые, когда «*уставали от жизни, то просто прыгали в море. У них это называлось – Уйти к Во́тан*у» [6: 235].

Девятая глава – «**Доктор медицины**» **–** повествует о событиях XVII века, противостоянии Карла I и Кромвеля и об эпидемии чумы. Киплинг воскрешает атмосферу того времени, описывает характерные для средневековой Англии «чумные камни», которыми обозначали зараженные территории. Центральным персонажем главы является Николас Калпепер, реально существовавший английский врач и астролог XVII века, известный своими попытками соединить медицинские знания с астрологическими принципами.

Как уже отмечалось, структура каждой главы сказок Р. Киплинга «Пак с волшебных холмов» и «Подарки фей» подчинена принципу «закольцовывания» сюжета, где рамочные эпизоды современной Англии чередуются с рассказами о прошлом. Но важно отметить еще одну композиционную особенность циклов сказок о Паке, это – прозиметрия, чередование прозаических рассказов с поэтическими фрагментами. Эти стихи, продолжающие лучшие традиции шотландской и английской романтической баллады, являются еще одним свидетельством выдающегося поэтического дара Киплинга.

Заключение

Таким образом, сказки Р. Киплинга «Пак с волшебных холмов» и «Подарки фей» представляют собой уникальный ***синтез мифа, исторической действительности и сказки***, в котором история Англии

представляется как живой, непрерывный процесс культурной преемственности. Связь прошлого и настоящего Р. Киплинг подтверждает использованием многочисленных ***топонимов***, создающих эффект географической достоверности, а также упоминанием великих и узнаваемых ***исторических событий и личностей***, вплетая все это в мифологическую историю, сказку, слушателями которой являются дети – Дан и Уна, проживающие в современной Англии. Переходом между реальным и мифическим временем является появление Пака, после завершения рассказа которого волшебный мир исчезает.

Рассчитанные на детское восприятие волшебные и занимательные рассказы Пака на самом деле затрагивают важные морально-этические проблемы – о счастье, о смысле жизни, о долге перед людьми и родиной, о соотношении в судьбе человека предопределенности и его активной воли, а главное – знакомят детей с живой историей их страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жиляков А.* Жанровое своеобразие литературной сказки рубежа XIX – XX веков («Посолонь» Ремизова и «Пак с волшебных холмов» Р. Киплинга)». Автореферат канд. дисс. Томск, 2008.
2. *Киплинг Р.* Меч Виланда / Р. Киплинг; пер. с англ. А. Слобожана, Г. Усовой; худ. Г.А.В. Траугот. Ленинград: «Детская литература», 1984, 286с.
3. *Киплинг Р.* Немного о себе для моих друзей – знакомых и незнакомых. СПб.: «Пропаганда», 2003.
4. *Киплинг Р.* Пак с волшебных холмов / Р. Киплинг; [пер. с англ. Г.М. Кружкова, М.Я. Бородицкой; худ. С.в. Любаев]. М.: «Рипол-Классик», 2011, 368с.
5. *Киплинг Р.* Подарки фей / Р. Киплинг; пер. с англ. Г.М. Кружкова, М.Я. Бородицкой, Т.Н. Чернышевой; худ. С.В. Любаев. М.: «Рипол-Классик», 2012, 480с.
6. *Кружков Г.* От Бэрваша до Баттла. Тропой Киплинга по волшебным холмам// Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. М.: «Новое литературное обозрение», 2001. С. 678.
7. *Слобожан А.В.* «Сказки Старой Англии» Редьярда Киплинга / А.В. Слобожан // Киплинг Р. Сказки Старой Англии. СПб.: МП РИЦ, 1992. СС. 5–10.

HISTORICAL REFERENCES TO THE SERIES OF R. KIPLING'S FAIRY TALES: “PUCK OF POOK’S HILL”AND “REWARDS AND FAIRIES”

E. Gasparyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article discusses the artistic and genre features of R. Kipling's stories “Puck of Pook’s Hill” and “Rewards and Fairies”. The stories that make up these series are being considered as synthesis of myth and history, presented

in the form of a fairy tale, the chronotope of which is characterized by the multi-layer of space and time.

Keywords: R. Kipling, “Puck of Pook’s Hill”, “Rewards and Fairies”, English history, myth, intervening plot of a fairy tale.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-963-975

ЧУДЕСНОЕ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: СЕНСОРНАЯ ПОЭТИКА В ПРОЗЕ МО ЯНЯ

Н.К. Гончар-Ханджян

Ереванский государственный университет
Факультет европейских языков и коммуникации;
Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу магического реализма в прозе Мо Яня как особого транснационального режима письма, функционирующего в контексте китайской исторической, социальной и культурной реальности. В центре исследования – интерпретация чудесного не как фантастического отклонения от реальности, а как формы телесного, сенсорного и институционального опыта, посредством которого репрезентируются травма, насилие и власть. На материале романов «Красный гаолян», «Смерть пахнет сандалом», «Жизнь и смерть меня утомили», «Лягушки», «Pow!» и «Страна вина» выявляются ключевые модальности магического реализма Мо Яня: сенсорная, акустическая, театральная, буддийско-космологическая и институциональная. Теоретической основой исследования служат концепции магического реализма В. Фэрис и А. Чанади, теория биовласти М. Фуко, герменевтика телесной памяти П. Рикера и психоаналитическая модель желания Ж. Лакана. Делается вывод о том, что «галлюцинаторный реализм» Мо Яня представляет собой целостную художественную систему, в которой тело выступает медиатором памяти и власти, а чудовищное оказывается встроенным в нормативный социальный и дискурсивный порядок.

Ключевые слова: магический реализм, Мо Янь, телесность, историческая травма, биополитика.

Введение

В современной компаративистике магический реализм рассматривается не как локальный жанр, связанный исключительно с латиноамериканской традицией, а как транснациональный режим письма, способный адаптироваться к различным культурным, историческим и политическим контекстам (Zamora, Faris, 1995; Faris, 2004; Chanady, 1985). В этом отношении творчество Мо Яня, лауреата Нобелевской премии по

литературе, представляет собой показательный пример трансформации магического реализма в условиях китайской исторической и социополитической реальности. Его проза формирует особый вариант «галлюцинаторного реализма», в котором фольклор, телесность, насилие, память и институциональная речь соединяются в единую поэтику.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного анализа магического реализма Мо Яня не только как эстетического явления, но и как формы репрезентации исторической травмы, биополитики и телесного опыта. Несмотря на обширное международное исследовательское поле, в русскоязычной гуманитарной традиции по-прежнему недостаточно разработан вопрос о том, каким образом чудесное у Мо Яня функционирует не как фантастическое отклонение от реальности, а как способ ее институционального и телесного осмысления.

Научная новизна работы заключается в интерпретации магического реализма Мо Яня через призму телесной и институциональной поэтики: чудесное рассматривается как элемент, встроенный в хронику, звук, перформатив, сенсорику и бюрократический дискурс. Особое внимание уделяется тому, как тело становится медиатором памяти, власти и травмы, а чудовищное – частью нормативной социальной речи.

Цель исследования состоит в выявлении специфики китайского варианта магического реализма в прозе Мо Яня и в анализе художественных механизмов, посредством которых чудесное интегрируется в исторический, телесный и институциональный опыт; в связи с этим ставятся задачи определения теоретических оснований магического реализма (на материале работ В. Фэрис и А. Чанади); прослеживания формирования магреалистической поэтики в романе «Красный гаолян»; анализа модальностей чудесного в романах начала 2000-х годов («Смерть пахнет сандалом», «Жизнь и смерть меня утомили», «Лягушки», «Pow!»); выявления кульминационной роли романа «Страна вина» как формы институционализации чудовищного; а также рассмотрения телесности как ключевого медиатора исторической памяти и власти.

Методология исследования основана на сочетании компаративистского, герменевтического и культурно-семиотического подходов. В анализе используются концепции магического реализма В. Фэрис и А.

Чанади, теория биовласти М. Фуко, представление о телесной памяти П. Рикера, а также психоаналитическая теория желания Ж. Лакана.

Гипотеза исследования состоит в том, что магический реализм Мо Яня представляет собой не декоративную эстетику чудесного, а форму институционального и телесного дискурса, посредством которого репрезентируются травма, насилие и власть в новейшей истории Китая.

Корпус анализируемых произведений включает романы «Красный гаолян» (1986), «Смерть пахнет сандалом» (2001), «Жизнь и смерть меня утомили» (2006), «Лягушки» (2009), «Pow!» (2003) и «Страна вина» (1992). Выбор этих текстов обусловлен тем, что именно в них наиболее последовательно раскрываются ключевые модальности магического реализма Мо Яня: сенсорная, акустическая, театральная, буддийско-космологическая и институциональная. Более поздние романы писателя, многие из которых еще не переведены на русский язык, не включены в анализ, поскольку задача исследования состоит в реконструкции сформировавшейся магреалистической модели, получившей устойчивое международное осмысление.

Таким образом, настоящее исследование направлено на выявление внутренней логики «галлюцинаторного реализма» Мо Яня как формы художественного мышления, в которой чудесное, тело и институция образуют устойчивую систему репрезентации современной китайской реальности.

Основная часть

От латиноамериканской концепции *lo real maravilloso* к «галлюцинаторному реализму» Мо Яня ведет не прямая линия влияний, а совокупность теоретических моделей, описывающих особый тип повествования, в котором чудесное не отменяет реальности, а сосуществует с ней в пределах феноменального мира. В современной компаративистике магический реализм рассматривается не как жесткий жанр, а как транснациональный «режим письма» (mode), возникший в Латинской Америке и получивший распространение в различных культурных контекстах [12].

В монографии Венди (2004) магический реализм определяется через совокупность аналитических признаков: наличие «неустранимого» элемента чудесного (irreducible element of magic), выраженную феноме-

нальность мира, колебание читательского восприятия между естественным и сверхъестественным, слияние различных онтологических уровней и нарушение привычных представлений о времени, пространстве и идентичности [5, 7]. При этом автор подчеркивает, что речь идет не о закрытой дефиниции, а о гибкой системе признаков, расположенной на пересечении модернистских и постмодернистских эстетик [5, 3].

Амарилл Б. Чанади в работе “Magical Realism and the Fantastic” (1985) предлагает различать магический реализм и фантастику по принципу «авторской сдержанности» (authorial reticence). В магическом реализме сверхъестественные события не получают рационального объяснения и не подвергаются сомнению со стороны повествователя; антиномия между естественным и чудесным здесь считается «разрешенной», тогда как в фантастике она остается неразрешенной [4, 35].

Исторически магический реализм восходит к эссе Алехо Карпентьера о *lo real maravilloso americano* (1949), где чудесное осмысляется как форма переживания культурно-исторической реальности Нового Света, а не как экзотическое дополнение к реализму. В прозе Астуриаса и Гарсиа Маркеса этот принцип закрепляется в виде синтеза мифа, истории и повседневности, однако уже к концу XX века исследовательский фокус смещается от региональной к глобальной перспективе [12].

В современной теории магический реализм понимается как интернациональная стратегия письма, в которой чудесное «натурализуется» в социально-историческом контексте и не выводится в автономную фантастическую сферу. В этом смысле нобелевская формула, определяющая прозу Мо Яня как «галлюцинаторный реализм, соединяющий фольклор, историю и современность», оказывается концептуально обоснованной. Его творчество может быть интерпретировано в русле подходов Фэрис и Чанади, где чудесное функционирует как органическая часть феноменального и исторического опыта.

В контексте магического реализма как транснационального «режима письма» [12] роман Мо Яня «Красный гаолян» (红高粱家族, 1986) может рассматриваться как исходная матрица его поэтики. Именно здесь впервые формируются ключевые принципы, позднее развернутые в «Лягушках», «Pow!», «Стране вина»: телесность, сенсорика и чудесное, укорененное в материальном опыте.

Красный цвет в романе не является символом в узком смысле и не редуцируется к аллегории. Он структурирует хронотоп повествования, пронизывая землю, растения, кровь и плоть героев. В сценах сбора урожая, любовных встреч и казней гаолян «горит» и «цветет», превращая пейзаж в форму телесной памяти. Эта сенсорная фактура воплощает то, что Венди Фэрис определяет как irreducible element магического реализма: чудесное не устраняется как метафора, а встроено в саму ткань феноменального мира [5]. Одновременно действует и принцип «двойного кода», описанный Амарилл Чанади: сцены допускают как реалистическое, так и мифологическое прочтение при сохранении авторской сдержанности [4].

Сенсорная поэтика романа была усилена его экранизацией Чжаном Имоу (1987). Фильм «Красный гаолян» стал символом «пятого поколения» китайских режиссеров и получил «Золотого медведя» Берлинского фестиваля. В визуальной версии доминируют насыщенные красные тона: поля гаоляна буквально «пылают» на экране, соединяя эротическое и трагическое, жизнь и смерть, праздник и казнь. Китайская критика описывает это как «политику цвета», где красный одновременно маркирует витальность и кровавую историю, превращаясь в код национальной памяти [8].

В глобальном культурном контексте XX века красный цвет закрепился как символ революции, героизма и жертвенности. Однако в «Красном гаоляне» этот код приобретает амбивалентность: красное означает одновременно плодородие, эротизм, кровь и смерть. В кульминационных сценах чудесное возникает не как мифологический орнамент, а как телесно переживаемый феноменальный опыт, что соответствует логике магического реализма в трактовке Фэрис и Чанади.

Особую теоретическую глубину этому прочтению придает герменевтика Пола Рикера. В “Oneself as Another” он подчеркивает, что тело выступает медиатором между пережитым опытом и нарративной идентичностью, а память оформляется через телесное восприятие [9, 298]. В «Красном гаоляне» запах, вкус, цвет и осязание становятся маркерами исторической идентичности. Тело в прозе Мо Яня не только страдает или желает, но и интерпретирует, превращаясь в «текст», фиксирующий коллективную память [10].

Таким образом, «Красный гаолян» можно рассматривать как исток магреалистической поэтики Мо Яня. Здесь формируется модель, в которой чудесное не выносится в сферу фантастического, а натурализуется в телесном и сенсорном опыте, определяя дальнейшее развитие его «галлюцинаторного реализма».

В романах Мо Яня начала 2000-х годов – «Смерть пахнет сандалом» и «Жизнь и смерть меня утомили» (2006) – магический реализм приобретает системный характер и становится инструментом репрезентации исторической травмы и биополитики. Чудесное здесь локализуется в специфических медиумах – театральном и буддийском, – которые фиксируют телесность как ключевой канал памяти, боли и власти.

В романе «Смерть пахнет сандалом» (檀香刑, 2001) Мо Янь использует оперный перформатив шаньдунской традиции маоцянь (茂腔) как форму исторического свидетельства. Арии, речитативы и ритуал казни становятся не стилизацией, а сценическим механизмом фиксации коллективной травмы. Ключевая сцена казни совмещает хронику политического насилия и театральное действо, где звук и телесность создают эффект «второго уровня реальности»: «Я и представить себе не могла, что смогу удержать острый клинок и убить собственного свекра, как не могла вообразить и того, что он окажется заплечных дел мастером, способным убить человека, не моргнув глазом. В длинном халате, с четками в руках, он неспешно прогуливался по двору» [15]. Маоцянь в романе функционирует как сцена локальной истории, превращая эстетическую форму в способ переживания травмы [2]. В этом проявляется логика магического реализма в трактовке Венди Фэрис и Амарилл Чанади: чудесное не выносится в автономную фантастическую сферу, а натурализуется в исторической хронике при сохранении авторской сдержанности [5; 4].

В романе «Жизнь и смерть меня утомили» (生死疲劳, 2006) буддийская метемпсихоза становится нарративным инструментом исторической памяти. Последовательные перевоплощения главного героя – от животных форм к человеческой – позволяют репрезентировать крестьянскую судьбу XX века через телесный опыт, не разрывая связи между чудесным и социально-исторической реальностью. По наблюдению Дж. Барме, метемпсихоза у Мо Яня функционирует не как аллегория, а как способ удержания в памяти каждой фазы деревенской истории

и каждого социального потрясения [1]. В отличие от латиноамериканской традиции, где призраки предков возвращаются как знаки родовой памяти [12], у Мо Яня история проживается телесно – через боль, голод и физическое существование. Его «галлюцинаторный реализм» соединяет буддийскую космологию с крестьянской хроникой, превращая чудесное в телесный механизм исторического опыта.

В романе «Лягушки» (蛙, 2009) Мо Янь соединяет магический реализм с биополитическим измерением новейшей китайской истории. В центре повествования – фигура сельской акушерки, десятилетиями осуществлявшей аборты и контролировавшей рождаемость. Уже в заглавии заложена тройная омонимия: 蛙 (wa, «лягушка»), 娃 (wa, «дитя») и 娲 (Nüwa, мифическая прародительница), что связывает акушерскую практику, телесность и мифопоэтику в едином семиотическом узле. Ключевым медиумом чудесного в романе становится акустика. В кульминационном эпизоде акушерка воспринимает кваканье лягушек как плач младенцев: «Обычно кваканье лягушек сравнивают с барабанным боем. Но в ту ночь оно звучало для нее как человеческий плач, словно тысячи новорожденных младенцев кричали одновременно» [16]. Фраза «蛙声如哭» («кваканье как плач») натурализует чудесное: звук природы превращается в социальный и этический маркер. Сцепление «кваканья лягушек» и «плача младенцев» формирует акустическую метафору коллективной травмы, в которой чудесное не выводится в сферу фантастического, а встраивается в телесный и исторический опыт.

В терминах Венди Фэрис (2004) здесь происходит «сбой хронотопа»: граница между жизнью и смертью проходит не по времени или пространству, а по звуку. Акустика, призванная обозначать природную витальность, становится знаком биополитической власти. В этом контексте продуктивной оказывается теория Мишеля Фуко, определяющего биовласть как форму современного господства, перенося суверенитет в сферу регулирования населения: «Биовласть представляет собой современную трансформацию власти, которая “заставляет жить и позволяет умирать”, смещая центр суверенитета в область управления телами и популяциями» [6].

Нарратив Мо Яня соединяет фольклорную символику с травматическим опытом политики контроля рождаемости, превращая звук в медиатор между телом, памятью и властью.

Таким образом, «Лягушки» демонстрируют локализацию магического реализма в акустике деревни: кваканье и плач становятся формой хроники травмы и биополитического насилия, а чудесное – телесным и звуковым механизмом исторической памяти.

В романе «Pow!» (四十一炮, 2003) Мо Янь реализует чудесное в форме сенсорного гротеска, соединяя социальную хронику с исповедальным нарративом. Повествование строится как монолог мальчика, обращенный к монаху, что позволяет совместить личное свидетельство с коллективным опытом. Центральным мотивом становится «注水肉» (zhushui rou) – практика впрыска жидкости в туши скота, интерпретируемая китайской критикой как метафора подмены реальности симулякром (*от водяного мяса к водяной культуре*).

Этическое измерение романа формулируется через реплику персонажа: «Деньги – это просто деньги. Виноваты не они, а люди» [3].

Эта формула задает рамку интерпретации: материальные объекты нейтральны, но социальные отношения превращают их в инструменты насилия. В кульминационной сцене бык сбрасывает мясника, и эпизод воспринимается не как аллегория, а как сенсорное свидетельство коллективного возмездия, где телесность становится медиатором этического суждения. Тем самым «Pow!» демонстрирует еще одну модальность магического реализма Мо Яня: если «Смерть пахнет сандалом» опирается на театральный перформатив, «Жизнь и смерть меня утомили» – на буддийскую космологию, а «Лягушки» – на акустическую поэтику, то «Pow!» воплощает чудесное через сенсорный гротеск и экономику тела.

В романах начала 2000-х годов – «Смерть пахнет сандалом», «Жизнь и смерть меня утомили», «Лягушки» и «Pow!» – формируются четыре модальности магического реализма в китайском контексте: театр, метемпсихоза, звук и сенсорика. Однако объединяющим принципом всех этих форм остается тело как медиатор памяти, травмы и власти.

В романе «Страна вина» (酒国, 1992) галлюцинаторный реализм функционирует как механизм институциональной речи, в рамках кото-

рой чудовищное удерживается внутри феноменального мира посредством трех стратегий. Во-первых, через бюрократическую фиксацию невозможного: повествование открывается сухим служебным тоном официального расследования – «Я прибыл… расследовать сообщения о том, что на вашей шахте тушат и едят младенцев» [17]. Чудовищное не ставится под сомнение, а включается в официальный протокол, что соответствует принципу авторской «сдержанности» (*reticence,* Chanady).

Во-вторых, через сенсорную гиперреальность пира: гастрономические описания наделены плотной телесностью, где запах, цвет и текстура становятся формами «доказательства». Так, «мальчик сидел, скрестив ноги, посреди позолоченного блюда, подрумяненный и источающий сладковато-масляный запах» [17]. Диалог о «муляже ребенка» («Почему этот ненастоящий ребенок выглядит таким живым?» – «Потому что наши повара обладают необычайным мастерством…» [17]) рационализирует чудесное через ремесло, формируя «двойной код» веры и сомнения (Chanady).

В-третьих, через мета-рамку: письма Ли Идо и появление «Мо Яня» как персонажа соединяют документ и нарратив, отчет и письмо, создавая пространство циркуляции между реальностью и фикцией. Как отмечает Тиффани Юнь-чу Цай, роман образует «каннибалистский лабиринт», где сцены, письма и институции взаимно «пожирают» друг друга [11].

Каннибалистический код «Страны вина» укоренен в китайской традиции. В «Речных заводях» (水滸傳) трактирщики Сун Эрнян и Чжан Цин готовят «пирожки из человечины» (人肉包子), а сцены поедания путников не вызывают морального шока, превращаясь в элемент социального фарса [13]. Лу Сунь в «Записках сумасшедшего» (1918) перерабатывает этот мотив в модернистскую аллегорию, где 吃人 («есть людей») разоблачает феодальную культуру как институционализированное насилие, а финальный крик «救救孩子» («Спасите детей») фиксирует гуманистический протест.

У Мо Яня этот код радикализуется: каннибализм включается в постсоциалистическое пиршество, оформленное языком отчетности и меню. «Мальчик на блюде» и «муляж» ребенка – не символы, а симулякры, закрепленные бюрократическим дискурсом. Подобно тому как у Лу Суня чудовищное фиксируется через «классики» и архив, у Мо Яня

оно институционализируется через протоколы, отчеты и гастрономические описания.

В «Имени розы» Умберто Эко мотив инфантицида вводится не в форме юридического протокола, а в богословском диалоге между священниками, где кощунственные ритуалы (вплоть до убийства младенцев ради «святотатственных просфор») осмысляются как предел религиозного извращения и нарушения сакрального порядка [14, 83]. Эта стратегия имеет параллели в европейской сатирической традиции. В «Скромном предложении» (1729) Джонатан Свифт использует бюрократически сухой язык экономического рассуждения, чтобы рационализировать абсурдное – превращение младенцев в пищевой продукт. Подобная ироническая мимикрия официального дискурса оказывается близкой к протокольному стилю «Страны вина», где каннибализм фиксируется как отчет или меню.

Латиноамериканский контекст расширяет рамку интерпретации. У Астуриаса пища медиирует связь между природой и коллективной идентичностью, у Гарсиа Маркеса трапезы становятся формой родовой памяти. У Мо Яня же гастрономический код радикализуется: пищей становится тело, и этот акт закрепляется языком власти.

Принцип «карнавального тела» Михаила Бахтина также продуктивен для анализа романа. Тело здесь выступает как открытая, перерабатываемая форма, включенная в ритуал гротеска, где стираются границы между жизнью, телом и продуктом. Психоаналитическая рамка Жака Лакана позволяет дополнительно интерпретировать фигуру ребенка как objet petit a – объект-причину желания, который структурирует социальное воображение, оставаясь принципиально ускользающим [17].

Композиция романа носит гипертекстуальный характер: лабиринт писем, отчетов и меню создает самореферентную систему, напоминающую борхесовскую модель текста-лабиринта, где чудесное возникает внутри самой структуры письма. «Страна вина» соединяет китайскую традицию (Ши Найань, Лу Сунь), европейскую сатиру (Свифт), латиноамериканскую гастрономическую метафорику (Астуриас, Маркес), бахтинский карнавал и лакановскую теорию желания. В центре всех этих пересечений остается тело – как пища, объект власти, знак желания и медиатор памяти.

Таким образом, в «Стране вина» чудесное не разрушает социальный порядок, а встраивается в него через язык институции. Галлюцинаторный реализм здесь функционирует как форма артикуляции власти: каннибализм становится документом, а тело – универсальным кодом политики, желания и памяти.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что магический реализм в прозе Мо Яня функционирует не как декоративная эстетика чудесного, а как форма институционального и телесного дискурса, посредством которого репрезентируются травма, насилие и власть в новейшей истории Китая. Чудесное в его произведениях не выводится в сферу фантастического, а натурализуется в историческом, сенсорном и социальном опыте.

Обращение к теоретическим моделям Венди Фэрис и Амарилл Чанади позволило выявить ключевые принципы китайского варианта магического реализма: наличие «неустранимого» элемента чудесного, авторскую сдержанность и функционирование «двойного кода», при котором сверхъестественное и реальное сосуществуют в пределах феноменального мира. Эти принципы последовательно реализуются в анализируемом корпусе произведений Мо Яня.

Ранние тексты писателя формируют исходную матрицу его поэтики, где сенсорика, телесность и образный хронотоп становятся основой репрезентации исторической памяти. В более поздних произведениях магический реализм приобретает системный характер и локализуется в различных медиумах – театральном, буддийском, акустическом и сенсорном, – превращаясь в инструмент репрезентации коллективной травмы и биополитики. Особую роль при этом играет тело как медиатор боли, памяти и власти.

Кульминацией данной поэтики становится «Страна вина», где чудесное институционализируется через язык бюрократии, отчетности и гастрономического дискурса. Каннибализм здесь функционирует не как аллегория, а как нормативно оформленный элемент социальной реальности, что позволяет говорить о галлюцинаторном реализме как форме артикуляции власти.

Таким образом, «галлюцинаторный реализм» Мо Яня предстает как целостная художественная система, в которой чудесное, тело и институция образуют устойчивый механизм репрезентации современной китайской реальности. Этот механизм позволяет осмыслить исторический опыт не через отвлеченную символику, а через феноменально переживаемую телесность, встраивая чудовищное в саму структуру социального и культурного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barmé G.* China's Flat Earth: History and 8 August 2008. The China Quarterly, 2009, PP. 64–86: https://chinaheritage.net/wp-content/uploads/2021/09/Olympics-Opening.Published.pdf (accessed 25.01.2026).
2. *Boivin, Katherine M.* Riemenschneider in Rothenburg. Sacred Space and Civic Identity in the Late Medieval City. University Park, Pennsylvania: "The Pennsylvania State University Press', 2021, 312p.: https://surl.li/czseza (accessed 25.01.2026).
3. Bull. The New Yorker, 2012, https://www.newyorker.com/magazine/2012/11-/26/bull-2 (Accessed 25.01.2026).
4. *Chanady A.* Magical Realism and the Fantastic: Resolved versus Unresolved Antinomy. New York: "Garland Publishing", 1982, 250p.: https://archive.org/details/Chanady1982/page/n7/mode/2up (accessed 25.01.2026).
5. *Faris W.* Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative. Nashville: "Vanderbilt University Press", 2004, 254p.: https://surl.lu/j-msesr (Accessed 25.01.2026).
6. *Foucault M.* The History of Sexuality. Volume 1: An Introduction. Translated by R. Hurley. New York: "Pantheon Books", 1978, 168p.
7. *Lacan J.* Le Séminaire, Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. 1964, https://nosubject.com/images/0/0c/Seminaire_11.pdf (accessed 25.01.2026).
8. *Li Zhiying*. On the Development of Color Language in Zhang Yimou's Films. Hangzhou: China Academy of Fine Arts, 2023, https://surl.li/himocb (accessed 25.01.2026).
9. *Ricoeur P.* Time and Narrative. Vol. 1. / Trans. by Kathleen McLaughlin & David Pellauer. Chicago: "University of Chicago Press", 1984, 312p.
10. *Savage R.W.H.* (ed.) Paul Ricoeur and the Lived Body. Lanham, MD: "Lexington Books", 2020, https://surl.li/frarcl (accessed 24.01.2026).
11. *Tsai Y.-C. Tiffany*. Cannibal Labyrinth: Narrative, Intertextuality, and Politics of Cannibalism in Mo Yan's The Republic of Wine. / Modern Chinese Literature and Culture. Vol. 32, № 2, 2020. PP. 230–276, https://www.jstor.org/stable/2703-2490?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 25.01.2026).
12. *Zamora L., Faris W.* (eds.) Magical Realism: Theory, History, Community. Durham, N.C.: Duke University Press, 1995, 581p. https://archive.org/details/magicalrealismth0000unse_a1s2/page/n3/mode/2up (Accessed 25.01.2026).
13. *Най-Ань Ши*. Речные заводи. Роман в двух томах. / Пер. А. Рогачова / М.: «Художественная литература». Т. 1. 1959.

14. *Эко Умберто*. Имя розы / Пер. Е. Костюкович / М.: АСТ: CORPUS, 2013, 672с.
15. 莫言 檀香刑. 在线中文文本, 99csw.com, https://www.99csw.com/book/2502/index.htm (访问日期 25.01.2026).
16. 莫言. 蛙. 在线中文文本, 99csw.com, https://www.99csw.com/book/3356/113332.htm (访问日期 25.01.2026).
17. **莫言. 酒国.** 在线中文文本, 99csw.com, https://www.99csw.com/book/3357/index.htm (访问日期 25.01.2026).

THE MARVELOUS AS EPISTEMOLOGY: SENSORY POETICS IN MO YAN'S PROSE

N. Gonchar-Khanjyan
Yerevan State University
Faculty of European Languages and Communication
Russian-Armenian University
Institute of Philology and Intercultural Communication

ABSTRACT

This article examines magical realism in Mo Yan's prose as a transnational mode of writing shaped by the specific historical, social, and cultural conditions of modern China. The focus of the study is the interpretation of the marvelous not as a departure from reality, but as a form of embodied, sensory, and institutional experience through which trauma, violence, and power are represented. Drawing on the novels Red Sorghum, Sandalwood Death, Life and Death Are Wearing Me Out, Frog, Pow!, and The Republic of Wine, the article identifies key modalities of Mo Yan's magical realism, including sensory, acoustic, theatrical, Buddhist-cosmological, and institutional forms. The theoretical framework combines Wendy B. Faris's and Amaryll Chanady's concepts of magical realism with Michel Foucault's theory of biopower, Paul Ricoeur's hermeneutics of embodied memory, and Jacques Lacan's psychoanalytic theory of desire. The analysis demonstrates that Mo Yan's "hallucinatory realism" constitutes a coherent aesthetic system in which the body functions as a mediator of memory and authority, while the monstrous is integrated into normative social and discursive structures. The marvelous thus emerges as a means of epistemological engagement with historical experience rather than a decorative or fantastic device.

Keywords: magical realism, Mo Yan, corporeality, historical trauma, biopolitics.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-976-986

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ КОД И РЕКОНСТРУКЦИЯ СУБЪЕКТА В РОМАНЕ ЭЛЛИ ФРЕЙ «СИНДРОМ АЛИСЫ»

Н.К. Гончар-Ханджян[1], Н.Р. Самвелян[2]

[1]Ереванский государственный университет
Факультет европейских языков и коммуникации;
[1]Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
[2]Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
natalie.goncharkhanjyan@ysu.am, nelli.samvelyan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется феномен буллинга как формы насилия, оказывающего влияние на процессы формирования субъекта в условиях современной цифровой культуры. Материалом анализа служит роман Элли Фрей «Синдром Алисы», рассматриваемый в культурологическом и философском аспектах. В работе выявляются механизмы символического давления, публичной экспозиции и медиального воспроизводства насилия, характерные для постцифровой социальной среды.

Особое внимание уделяется репрезентации диссоциации как способа переживания насилия и как структурного принципа организации повествования. Анализируется функция письма, цифровых практик и виртуальных форм коммуникации в контексте временного восстановления контроля и последующего выхода из травматического сценария. Делается вывод о том, что роман Элли Фрей выходит за рамки жанровых характеристик подростковой прозы и представляет собой значимое культурологическое высказывание о трансформации субъекта в условиях медиальной публичности и цифрового давления.

Ключевые слова: буллинг; диссоциация; синдром Алисы; субъект; цифровая культура.

Введение

Феномен буллинга в современной культуре является одной из наиболее болезненных и этически острых социальных проблем. Буллинг по своей природе разрушителен: он унижает, стигматизирует, лишает субъекта голоса и нередко приводит к долговременным травмати-

ческим последствиям. В условиях цифровой среды эта проблема обостряется, поскольку насилие утрачивает локальный характер и превращается в публичное зрелище. Именно поэтому противодействие буллингу требует не только социальных и правовых мер, но и глубокого гуманитарного осмысления, способного выявить механизмы его воспроизводства.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что в XXI веке буллинг все чаще функционирует как культурный код, встроенный в логику медиальной прозрачности, сетевого наблюдения и эстетизации жестокости. Современная культура демонстрирует тревожную тенденцию к нормализации агрессии, когда публичное унижение другого воспринимается как допустимая форма коммуникации. В этой ситуации литература становится пространством особой рефлексии, позволяющим не только зафиксировать травматический опыт, но и проанализировать его внутреннюю динамику – расщепление субъекта, трансформацию насилия в язык и нарратив.

Научная новизна работы заключается в интерпретации романа Элли Фрей «Синдром Алисы» как философски и культурологически значимого текста, в котором подростковая травля осмысляется в широком интертекстуальном и теоретическом контексте – от мифопоэтики Льюиса Кэрролла до идей постструктурализма, психоанализа и теорий цифровой культуры. Такой подход позволяет рассмотреть индивидуальную историю травмы как симптом макросоциальных механизмов власти, наблюдения и символического насилия.

Гипотеза исследования состоит в том, что в романе Элли Фрей психотравма, вызванная буллингом, выступает не только разрушительным опытом, но и условием формирования раздвоенной идентичности, внутри которой насилие трансформируется в язык, письмо и цифровую практику, открывая возможность сопротивления и последующей реконструкции субъектности.

Целью настоящей статьи является выявление способов художественного осмысления психотравмы и буллинга в романе «Синдром Алисы» и анализ того, как травматический опыт преобразуется в структуру идентичности и нарратива; для достижения этой цели рассматриваются дискурсивные механизмы власти и насилия в современной культуре, интертекстуальный диалог Фрей с текстами Льюиса Кэрролла, а

также роль цифрового пространства как медиума травмы, мести и освобождения.

Методологическую основу исследования составляют герменевтический анализ художественного текста, элементы психоаналитического подхода и культурологические концепции, позволяющие рассмотреть буллинг не как частный социальный феномен, а как симптом современной культурной конфигурации.

Тем самым в статье мы стремимся не только к теоретическому анализу литературного произведения, но и к более широкому осмыслению буллинга как культурной травмы, требующей ясного морального и интеллектуального ответа.

Основная часть

Насилие и власть как дискурсивный код современной литературы

Одним из симптомов современного общества становится нормализация агрессии и социального насилия, принимающих институционализированную форму в феномене буллинга. Речь идет не о частной психологической проблеме подростковой среды, а о проявлении глубинных механизмов власти, дисциплины и контроля, характерных для постиндустриального общества. Как подчеркивал Мишель Фуко, власть не принадлежит субъекту, но реализуется как сеть стратегических позиций, пронизывающих социальное тело: «Властью не обладают, она осуществляется в действии» [6, 26]. В этом смысле травля и социальное исключение выступают не отклонением от нормы, а функцией дисциплинарного порядка, производящего и одновременно санкционирующего своих субъектов.

Современная культура, функционирующая в условиях цифровой прозрачности, усиливает данные механизмы. Жан Бодрийяр указывал, что в эпоху гиперреальности зло утрачивает этическое измерение и превращается в эстетический объект – «зрелище без чувства вины» [3]. Насилие, циркулирующее в медиапространстве, становится формой визуального потребления, при которой наблюдение за унижением другого подменяет эмпатию.

Эта логика перекликается с размышлениями Эриха Фромма, рассматривавшего агрессию как симптом отчужденного субъекта, утратившего связь с собственным Я. Агрессия в таком контексте становится способом подтверждения существования через власть над другим. Тем самым буллинг проявляется как форма символического насилия (П. Бурдье), реализуемого через язык, взгляд и нормативность [11].

В художественной литературе данные процессы получают аналитическое осмысление. Роман Уильяма Голдинга «Повелитель мух» (1954) демонстрирует, что агрессия и травля не навязываются извне, но коренятся в самой структуре человеческой власти. В произведениях конца XX – начала XXI века буллинг все чаще осмысляется как следствие социальной и культурной конфигурации: у Стивена Кинга в «Кэрри» (1974) он приобретает характер разрушительного ритуала, у Маргарет Этвуд в «Кошачий глаз» (1988) – форму травматической памяти, трансформированной в художественное самовыражение, а у Лионел Шрайвер в «Нам нужно поговорить о Кевине» (2003) – симптом общества эффективности и утраченной эмпатии.

Теоретически эта проблематика соотносится с понятием «банальности зла», введенным Ханной Арендт, для которой насилие становится рутинной практикой, встроенной в социальные структуры [1].

Психоаналитический ракурс усиливает данную интерпретацию. Зигмунд Фрейд рассматривал агрессию как исходное влечение, неизбежно вступающее в конфликт с культурными нормами. Буллинг в этом контексте предстает как социально допустимая форма канализации вытесненного насилия [10].

В условиях «жидкой современности» (З. Бауман) утрата устойчивых идентичностей усиливает тревожность, трансформирующуюся в агрессию. Цифровая среда радикализирует эти процессы: травля становится медиальным событием, а наблюдатель – соучастником насилия [4].

Таким образом, буллинг предстает как универсальная модель власти и идентичности, соединяющая микросоциальные практики с макрокультурными структурами. Литература, обращаясь к этому феномену, выполняет функцию культурной рефлексии и памяти, фиксируя те формы насилия, которые общество склонно воспринимать как норму. Именно в этом контексте следует рассматривать роман Элли Фрей

«Синдром Алисы», где травматический опыт становится основой реконструкции субъекта.

Психотравма и двойственность идентичности: от Кэрролла до Фрей

Одной из ключевых форм художественного осмысления психотравмы в мировой литературе становится мотив раздвоения идентичности, в котором внутренний конфликт проявляется как столкновение рационального и бессознательного. Этот мотив получает классическое оформление в мифопоэтике Льюиса Кэрролла и современную интерпретацию в романе Элли Фрей «Синдром Алисы». В обоих случаях кризис идентичности связан с утратой устойчивой реальности, где норма оказывается подвижной, а язык – ненадежным посредником между субъектом и миром.

В «Алисе в стране чудес» (1865) и в «Алисе в Зазеркалье» (1871) Кэрролл превращает языковую игру в модель психического расщепления. Алиса теряет стабильность имени, телесных границ и логики восприятия, формулируя ключевой вопрос самоидентификации: «Кто же я на самом деле? Ах, вот это и есть великая загадка!» [5, ch. 2]. Этот опыт соотносится с тем, что Мишель Фуко описывал как момент, когда разум утрачивает контроль над языком, а безумие становится формой иного знания [7, 49].

В романе Элли Фрей «Синдром Алисы» (2018) мотив раздвоения приобретает буквальное психологическое измерение. Болезнь героини – токсическая энцефалопатия вследствие отравления ртутью – становится не только медицинским диагнозом, но и символическим состоянием, перекликающимся с викторианским образом Безумного Шляпника. Потеряв голос, Алиса замыкается во внутреннем лабиринте, где блог и компьютерная игра функционируют как современное Зазеркалье. «На самом деле я уже не понимала, где сон, а где реальность. Тонкая грань между ними стирается» [16, 196]. У Фрей безумие предстает не патологией, а формой коммуникации: лишенная речи, героиня превращает письмо в способ сопротивления травле, реализуя фукоянский принцип «везде, где существует власть, возникает и сопротивление» [8, 95].

Ключевым элементом диссоциации становится фигура Mad Hatter – внутреннего «другого Я», берущего на себя функцию защиты и агрессии. В одном из снов он заявляет: «Из Лабиринта выйду я. Я буду жить за тебя» [16, 135]. Этот перенос можно интерпретировать через лакановскую зеркальную стадию, где субъект впервые узнает себя в образе другого [13]. Mad Hatter становится медиатором между сознанием и бессознательным, каналом вытесненной агрессии, возникшей после травли.

Такое раздвоение коррелирует и с юнгианским архетипом Тени, и с фрейдовской логикой повторения, согласно которой травма стремится к возвращению [9, 7]. В цифровом контексте Mad Hatter приобретает черты киберсубличности – симулякра, который, по выражению Бодрийяра, начинает доминировать над оригиналом [2]. Идентичность героини фрагментируется, превращаясь в текст, аватар и ник, заменяющие телесное присутствие.

Диалог Фрей с Кэрроллом развивается и на уровне языка. Фрагментированная речь Алисы («*Да. Нормально. Также. Окраины. Там. И. Тут. Обстоятельства*») [16, 219] визуализирует посттравматическую немоту, описанную Лиотаром как кризис высказывания [14]. Языковая игра Кэрролла, основанная на смещении смыслов, у Фрей становится пространством травмы, где нарушение грамматики оказывается единственной формой свободы.

Таким образом, роман Элли Фрей предлагает современную вариацию мифа об Алисе, превращая сказку о взрослении в драму расщепления субъекта. От Кэрролла до Фрей путь проходит через одно и то же зеркало – зеркало языка, в котором психотравма не уничтожает идентичность, а порождает ее удвоение, открывая возможность реконструкции «Я» через текст.

Безумное чаепитие киберпространства: метафора травмы и мести в романе Элли Фрей

В цифровую эпоху границы между реальностью и вымыслом радикально размываются, а идентичность все чаще формируется в сетевом пространстве. Интернет превращается не только в средство коммуникации, но и в механизм власти, где насилие и наблюдение принимают символические формы. Фуко еще в “Discipline and Punish” писал: «Видимость – это ловушка» [6, 200]. В условиях цифровой публичности это

высказывание приобретает буквальный смысл: видимость становится обязательным условием существования, а кибербуллинг – формой паноптического контроля, где наказание осуществляется через экспозицию и вирусное распространение.

В романе Элли Фрей «Синдром Алисы» травля принимает форму сетевого зрелища. Видео издевательств, опубликованное в сети, превращает героиню в объект коллективного наблюдения, где насилие эстетизируется и потребляется как контент. В логике Бодрийяра «непристойно не то, что скрыто, а то, что выставлено напоказ без стыда» [3]. Для Алисы это означает утрату онтологической целостности: ее существование оказывается переписанным цифровым кодом.

Ответом на травму становится инверсия ролей. Алиса превращает киберпространство в поле возмездия, используя вирусы, взломы и код как инструменты символической власти. Когда она пишет: «Я лью ртуть в твою замочную скважину. Кап. Кап. Кап» [16, 245], язык мести соединяет технологическое и телесное. Ртуть здесь – не только след болезни, но и метафора цифровой токсичности: информационные потоки, публичный позор и сетевое насилие отравляют субъекта изнутри.

Кибербуллинг у Фрей лишен прямого телесного контакта, но его разрушительность усиливается именно за счет медиальности. Донна Харауэй описывала современного субъекта как существующего в «информатике господства», где границы между телом и машиной размыты [12]. Алиса предстает киберсубъектом: ее физическое тело ослаблено, но цифровое «я» приобретает гипертрофированную силу. Однако это усиление сопряжено с утратой человечности: «я увидела в зеркале другое лицо» [16, 183] – момент, в котором техника становится продолжением травмы, а месть – формой самосохранения.

Логика возмездия в романе развивается в режиме ускорения. Поль Вирилио отмечал, что в цифровой культуре действие опережает осмысление [15]. Алиса действует в инерции системы, где сон, игра, код и реальность неразличимы: «Когда ртуть дошла девочке до колен…» [16, 168]. Этот образ растворения в металле становится метафорой постчеловеческого состояния, в котором границы между телом и средой исчезают.

Финал романа маркирует возможность выхода из симуляции. Чтобы освободиться, Алисе необходимо уничтожить не врагов, а саму

цифровую «Страну чудес» – пространство, в котором травма поддерживает идентичность. С помощью доктора Анны она находит «ошибку в коде» и прощается с Мэдом, своим вторым «я». «Похоронить Страну чудес» [16, 437–438] означает отказ от зависимости от боли и мести. В терминах Баумана идентичность здесь мыслится как процесс, а не данность [4]. Тем самым, Фрей создает текст, в котором психотравма осмысляется как культурная метафора цифровой эпохи. Киберпространство выступает одновременно зоной насилия и возможностью трансформации. Пройдя через «безумное чаепитие» сети, Алиса выходит из него измененной: ее голос возвращается не в публичности, а в тишине. Именно эта тишина становится знаком исцеления – точкой, где существование больше не требует цифрового доказательства.

Заключение

Проведенный анализ позволил рассмотреть роман Элли Фрей «Синдром Алисы» как художественный текст, в котором частный опыт насилия и исключения раскрывается в широком культурологическом и философском контексте. Обращение к дискурсам власти, идентичности и цифровой среды показало, что буллинг в романе представлен не как изолированный эпизод, а как проявление устойчивых механизмов социальной регуляции, в рамках которых агрессия, публичность и медиальная трансляция оказываются структурно взаимосвязаны.

В ходе исследования было выявлено, что насилие в тексте Фрей разворачивается на нескольких уровнях: как конкретное действие, как форма символического давления и как фактор, трансформирующий внутреннюю организацию субъекта. Интертекстуальный диалог с мифопоэтикой Льюиса Кэрролла позволил показать, что мотив диссоциации выполняет ключевую функцию в художественном осмыслении пережитого опыта. Расщепление «я» предстает не только как признак предельного кризиса, но и как временная стратегия самосохранения, позволяющая героине удержать внутреннюю дистанцию по отношению к внешнему давлению.

Особое место в работе занял анализ цифрового пространства, которое в романе функционирует как амбивалентная среда. С одной стороны, сеть транслирует и закрепляет насилие, превращая унижение в зрелищный и воспроизводимый медиальный акт. С другой стороны, те

же цифровые формы – письмо, игра, код – предоставляют героине инструменты действия и символического контроля. Однако финальные эпизоды романа показывают, что освобождение невозможно в рамках той же логики, которая породила травматический опыт. Выход связан с отказом от симулятивных механизмов и от идентичности, сформированной в режиме возмездия, – через прекращение воспроизводства тех дискурсивных и медиальных структур, которые поддерживали состояние внутреннего расщепления.

Тем самым роман Элли Фрей демонстрирует, что пережитое насилие не только разрушает целостность личности, но и запускает сложный процесс внутренней перестройки, в котором возможен переход от диссоциации к новой форме субъектности. Литературный текст фиксирует момент, когда опыт предельного давления утрачивает определяющую функцию в самовосприятии героини и уступает место рефлексивному выбору и восстановлению личностных границ.

В целом, «Синдром Алисы» выходит за рамки подростковой прозы и предстает как значимое высказывание о человеке в условиях цифровой культуры. Художественная литература в данном случае выступает пространством критического анализа тех форм насилия, которые общество склонно воспринимать как допустимые или неизбежные. Именно через обращение к конкретным человеческим историям становится возможным ответственное и научно выверенное осмысление буллинга – не как абстрактного явления, а как этической проблемы, требующей принципиального и недвусмысленного ответа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York: “Viking Press”, 1963, 336p.: https://archive.org/details/eichmanninjerusa00aren (accessed 25.01.2026).
2. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulation. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1994, 164p.: https://dokumen.pub/simulacra-and-simulation-0472095218-9780472065219-0472065211-9780472095216.html (accessed 25.01.2026).
3. *Baudrillard J.* The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London; New York: “Verso”, 1993, 174p.: https://books.google.com/books/about/The_Transparency_of_Evil.html?id=gnJnZqQCtxEC (accessed 25.01.2026).
4. *Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge: “Polity Press”, 2000, 228p. https://archive.org/details/liquidmodernity0000baum (accessed 25.01.2026).
5. *Carroll L.* Alice’s Adventures in Wonderland. London: “Macmillan”, 1865, 200p.: https://www.gutenberg.org/ebooks/11 (accessed 25.01.2026).

6. *Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: “Vintage Books”, 1995, 333p.: https://archive.org/details/disciplinepunish00fouc (accessed 25.01.2026).
7. *Foucault M.* Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. New York: “Pantheon Books”, 1965, 299p.: https://archive.org/details/madnesscivilizat00fouc (accessed 25.01.2026).
8. *Foucault M.* The History of Sexuality. Volume 4: Confessions of the Flesh. New York: “Pantheon Books”, 2021, 432p.: https://archive.org/details/historyofsexuali0000fouc (accessed 25.01.2026).
9. *Freud Sigmund*. Beyond the Pleasure Principle. Vienna: “Internationaler Psychoanalytischer Verlag”, 1920, 90p. https://archive.org/details/beyondpleasurepr00freu (accessed 25.01.2026).
10. *Freud S.* Civilization and Its Discontents. London: “Hogarth Press”, 1930.: https://archive.org/details/civilizationitsd00freu (accessed 25.01.2026).
11. *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York: “Holt, Rinehart and Winston”, 1973, 521p.: https://archive.org/details/anatomyofhumande0000from (accessed 25.01.2026).
12. *Haraway D.* A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the Late Twentieth Century // “Socialist Review”, 1985. https://theanarchistlibrary.org/library/donna-haraway-a-cyborg-manifesto (accessed 25.01.2026).
13. *Lacan J*. The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed in Psychoanalytic Experience, 1949.: https://english.hku.hk/staff/kjohnson/PDF/LacanMirrorStageECRITS.pdf (accessed 25.01.2026).
14. *Lyotard Jean-François*. La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. Paris: “Éditions de Minuit”, 1979, 109p. https://archive.org/details/laconditionpostm0000lyot (accessed 25.01.2026).
15. *Virilio P.* The Information Bomb. London. New York: “Verso Books”, 2000, 146p.: https://soundenvironments.files.wordpress.com/2011/11/virillio-information-bomb.pdf (Accessed 25.01.2026).
16. *Фрей Э.* Синдром Алисы. М.: «АСТ», 2018, 448с.

POST-TRAUMATIC CODE AND THE RECONSTRUCTION OF THE SUBJECT IN ELLIE FREY’S “ALICE SYNDROME”

N. Gonchar-Khanjyan[1], N. Samvelyan[2]
[1]Yerevan State University
Faculty of European Languages and Communication
Russian-Armenian University
[2]Institute of Philology and Intercultural Communication
Russian-Armenian University
Institute of Philology and Intercultural Communication

ABSTRACT

The article examines bullying as a form of violence that affects the processes of subject formation within contemporary digital culture. The analysis is based on Ellie Frey’s novel Alice Syndrome, approached from cultural-theoretical

and philosophical perspectives. The study identifies mechanisms of symbolic pressure, public exposure, and the medial reproduction of violence characteristic of post-digital social environments.
Special attention is paid to the representation of dissociation as a mode of experiencing violence and as a structural principle of narrative organization. The functions of writing, digital practices, and virtual forms of communication are analyzed in relation to temporary regaining of control and the subsequent exit from a traumatic scenario. The article concludes that Frey's novel exceeds the conventional boundaries of young adult fiction and constitutes a significant cultural-theoretical statement on the transformation of the subject under conditions of medial publicity and digital pressure.
Keywords: bullying; dissociation; Alice syndrome; subject; digital culture.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-987-999

ДОСТОЕВСКИЙ И АНДРЕЕВ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ «ИДЕЙНЫХ УБИЙЦ»

С.С. Маргарян

Российско-Армянский университет
sona.margaryan@rau.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье проведена параллель между героем романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» Раскольниковым и героем рассказа Л. Андреева «Мысль» Керженцевым. Андреев вступает в творческий диалог с Достоевским, и связь между персонажами не только напрямую прослеживается в тексте андреевского произведения, но и намечена в художественной антропонимике, отражена на различных уровнях создания образа «идейного убийцы». Истинное наказание обоих героев исходит в первую очередь от них самих и заключается в провальности их идеи, в собственной несостоятельности, которую им приходится признать. Однако развенчание культа сверхчеловека и разочарование в силе своей мысли Керженцева не вызывает сочувствия, в отличие от душевных мучений Раскольникова, которого «подвела натура».
Ключевые слова: Достоевский, Леонид Андреев, «Преступление и наказание», рассказ «Мысль», «идейный убийца».

Творчество Леонида Андреева, который, по свидетельству Горького, одновременно «мог петь миру – “Осанна!” и провозглашать ему – “Анафема!”» [1], задается вечными «проклятыми» вопросами бытия и оставляет их разрешение зачастую обескураженному читателю, выдвигая провокационные ракурсы и расшатывая мировоззренческие основы. Проблема войны и мира заливается у него красным смехом, любовь и ненависть поглощаются черной бездной, а преступление и наказание – это всего лишь каприз взбунтовавшейся мысли, более непокорной искаженному сознанию.

Рассказ «Мысль» был написан Андреевым в 1902 году и посвящен его жене, Александре Михайловне. В газете «Курьер» произведение было названо психологическим этюдом, а его идея была определена как «Банкротство человеческой мысли». А затем последовал ряд разнополюсных рецензий, в которых этот «очерк по судебной медицине» то

называли «отвратительным кошмаром», то объявляли лучшим после гаршинского «Красного цветка» и чеховского «Черного монаха» патологическим рассказом. Критик В. Мирский проводил параллель между Керженцевым и гоголевским Поприщиным, Раскольниковым и Карамазовым Достоевского, видя, однако, недостаток «Мысли» лишь в выпячивании психологического заболевания героя, что делает Керженцева интересным лишь для врачей.

Показательно, что Андреев, написавший Горькому по следам рецензий, что «Мысль» – «полемическое произведение, да еще и не попавшее в цель» [2, 337], в 1913 году переделал ее в одноименную пьесу, которую даже поставил в МХТ Немирович-Данченко. Более того, появившаяся вслед за первыми пьесами панпсихической концепции «Екатериной Ивановной» и «Профессором Сторицыным» «Мысль» должна была стать художественно совершенной драмой панпсихе, о чем свидетельствует сам автор, выражая надежду в письме к знаменитому режиссеру, что для произведения будут найдены «те формы, о которых все время мечтается» [3, 118]. Однако, по воспоминаниям современников, «на сцене МХТ картина безумия затмила трагедию мысли, а история любви-ревности и преступления вытеснила идею теоретического убийства» [3, 120]. По словам Андреева, «трагизм вещи превратился из толстой скорлупы, как полагается, почти что в пар, в смутное и легкое облако» [4, 245].

Так или иначе, все вышесказанное свидетельствует о том, что писателя «Мысль» долго не отпускала, и психопатология «монолитного» героя Керженцева выходила для него далеко за рамки простого медицинского случая помешательства, вырастая до уровня идейно-интеллектуального трагизма.

Преступление Керженцева – это бунт против законов нравственности, против общечеловеческой морали. Но тема заблудшего во мраке безверия интеллекта не нова для русской литературы и отсылает к образу другого персонажа, возомнившего себя «сверхчеловеком», который «право имеет» – Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского. Связь между героями подчеркнута в тексте андреевского произведения, где писатель напрямую упоминает литературного предшественника. Причем Керженцев в своих записках противопоставляет себя Раскольникову, которого «подвела натура»: «Не боялся я и самого

себя, и это было важнее всего. Для убийцы, для преступника самое страшное не полиция, не суд, а он сам, его нервы, мощный протест его тела, воспитанного в известных традициях. Вспомните Раскольникова, этого так жалко и так нелепо погибшего человека, и тьму ему подобных» [5, 387]. Однако андреевский преступник, который рассчитывал на силу своей воли, «крепость неистощенной нервной системы, глубокое и искреннее презрение к ходячей морали» [5,387], также не сумел предвидеть, каким будет его наказание, тем более не ожидал того, что исходить оно будет от собственной его мысли: «Подлая мысль изменила мне, тому, кто так верил в нее и ее любил. Она не стала хуже: та же светлая, остря, упругая, как рапира, но рукоять ее уж не в моей руке. И меня, ее творца, ее господина, она убивает с тем же тупым равнодушием, как я убивал ею других» [5, 418].

К вопросу о наследовании психологического метода и преемственной связи с творчеством Достоевского в андрееведении не обращался разве только ленивый. Тем более, что сам Андреев признавался: «Из ушедших писателей мне ближе всех Достоевский. Я считаю себя его прямым учеником и последователем. В его душе много темного, до сих пор неразгаданного, – но тем сильнее он влечет к себе» [6]. С другой стороны, был в его творческой биографии и такой период, когда Андреев писал в письме Горькому: «Кстати, дошел до меня слух, что ты опасаешься или допускаешь возможность, что я влезу по уши в мистицизм и пойду по стопам Достоевского. Это неверно. Достоевского я люблю, но не всегда понимаю, и он мне чужой. Я много думаю о жизни и о смерти и чувствую в них глубокую тайну, но отношение мое к этой тайне как к опущенной занавеси: хочется приподнять ее, а никак не залезать по ту сторону, в темноту, и там чревовещательствовать» [7,179–180]. Надо понимать, что при несомненном и очевидном влиянии литературного предшественника на мировоззрение зрелого Андреева, на раннем этапе его творчества писатели идеологически расходились, причем кардинально. Андреев принадлежал к числу соратников Горького – революционно-демократических писателей XX века, которые отвергали религиозный мистицизм и Достоевского, и, кстати, превозносящих его символистов, враждебно настроенных против Андреева. Особенно это касается Розанова и Мережковского, которые не стеснялись в выражениях, критикуя произведения и стиль Андреева и зачастую переходя на

личные оскорбления. Что до творческих связей писателя с Достоевским, жестче всех, вероятно, выразился по этому поводу Д. Мережковский: «Мистика Достоевского, по сравнению с мистикой Андреева, – солнечная система Коперника по сравнению с календарем» [8, 192]. Критик упрекал Андреева за тяготение к красноречию, «религиозную бессознательность» и за то, «что, созерцая уродство, он соглашается на уродство, созерцая хаос, он соглашается на хаос» [8,189]. Такие андрееведы, как В. Беззубов, Л. Иезуитова, Г. Курляндская, М. Ермакова, Н. Памфилова и др. исследовали связи между писателями с разных точек зрения, обнаруживая у них то общие темы, то сходство проблематики и типов художественного мышления. И хотя степень близости оценивалась критиками по-разному, но ее наличие представлялось общим местом практических во всех исследованиях.

Итак, именно в рассказе «Мысль» Андреев впервые напрямую ссылается на Достоевского, создавая вслед за ним образ «идейного» преступника. Сходство между Раскольниковым и Керженцевым – отправная точка, однако между этими героями есть и принципиальная разница, лишающая андреевского персонажа той глубины и привлекательности, которая делает из Родиона Романовича страдальца, способного на духовное очищение через покаяние.

Парадокс теории Раскольникова, который выражен в формуле «кровь по совести», заключается в ее бесчеловечности и, в то же время, в сочувствии к ближнему – это своего рода продукт бунтующего сознания «маленького человека», идеологическая попытка восстановления справедливости. Герой делит человечество на людей обыкновенных, «тварей дрожащих», и на необыкновенных, таких, как, например, Наполеон, которые «право имеют» – в том числе и на убийство, ведь, по мнению Раскольникова, для достижения великих целей все средства оправданны.

Керженцев также отказывает людям в равенстве и мнит себя ницшеанским «сверхчеловеком», сравнимым с тем же Наполеоном и Нансеном. Но, в отличие от героя Достоевского, он лишен нравственности и сострадания, той самой совести, без которой невозможно покаяние: «Но более всего я был горд тем, что совершенно не испытываю угрызений совести, что мне и нужно было самому себе доказать» [5, 388]. Эгоцентризм и индивидуализм Керженцева доведены до предела: «Я люблю себя, силу своих мышц, силу своей мысли, ясной и точной. Я

люблю то, что я одинок и ни один любопытный взгляд не проник в глубину моей души с ее темными провалами и безднами, на краю которых кружится голова. <…> Я был единственный человек, которого я уважал» [5, 388]. И если Раскольников совершает преступление, тревожась об обездоленных и сочувствуя униженным и оскорбленным, то Керженцев презирает слабых и упивается мыслью о собственной безнаказанности. Наиболее явственно это прослеживается в отношениях Раскольникова к Сонечке и Керженцева к сиделке Маше, которая во многом списана с Мармеладовой. Жертва Сони, о которой Раскольников впервые узнает из рассказа несчастного отца, потрясает героя Достоевского еще до встречи с ней, а затем он кланяется в ее лице всему страданию человеческому. Керженцев же считает Марию «ограниченным, тупым существом, рожденным для рабства»: «Вы дитя, Маша, вы тупое существо, почти растение, и я очень завидую вам, почти столько же, сколько презираю вас» [5, 414]. Но именно к Маше, однажды сумевшей остановить его двумя словами «не надо», когда Керженцев чуть было не покончил с собой, герой обращается в минуту отчаяния. Но ответ набожной сиделки не может удовлетворить его: «Нет, Маша, не вы ответите мне. И вы ничего не знаете, это неправда. В одной из темных каморок вашего нехитрого дома живет кто-то, очень вам полезный, но у меня эта комната пуста. Он давно умер, тот, кто там жил, и на могиле его я воздвиг пышный памятник» [5, 414]. Раскольников не лишен духовности, и стихийный бунт его интеллекта все же жаждет осмысления через своеобразное богоискательство, не случайно он просит Сонечку прочитать ему отрывок из Евангелия о воскрешении Лазаря. Андреев будет часто обращаться к этому библейскому эпизоду в своем творчестве, но в характерном для него духе богоборчества – в «Жизни Василия Фивейского», «Елиазаре» и т.д. Для Керженцева с его экзистенциальным мироощущением от Бога не может исходить ни спасения, ни наказания по той простой причине, что бога нет: «Он умер. Маша, умер – и не воскреснет» [5, 414]. Наказать Керженцева может только он сам, точнее, его собственная Мысль, предательство которой привело героя к интеллектуальной смерти. Не разум, а душа, «натура» подвела Раскольникова, поэтому излечение ее не безнадежно: воскрешение возможно через покаяние, через возвращение заблудшей души к истокам христианской морали.

О коренной связи андреевского героя с персонажем Достоевского свидетельствуют и некоторые наблюдения за художественной ономастикой писателей.

Об имени, отчестве и фамилии Родиона Романовича Раскольникова написано уже множество исследований. Некоторые комментарии к авторской антропонимике оправданы контекстом и идеей произведения, другие, на наш взгляд, порой притянуты за уши и не лишены субъективизма. Конечно, в первую очередь исследователи отмечают тройное рычание вибранта «Р», поставленного в сильную начальную позицию в каждом из компонентов. О. Титов, например, видит в графическом изображении звука сходство с топором – орудием преступления Раскольникова: «Одновременно топор является и символом наказания, вызывая ассоциации с палачом и эшафотом. Так возникают смысловые переклички между именем героя и заглавием произведения. Семантика иконического образа буквы «Р» подкрепляется также значением фамилии героя «Раскольников», восходящей через лексемы «раскольник» и «раскол» к глаголу «расколоть», который называет производимое топором действие» [9], – пишет исследователь. Согласно этой логике, в первой букве «А» имени Керженцева Антон воображение должно угадать твердую стойку «сверхчеловека», однако нам представляется целесообразным опираться на более убедительные трактовки художественной антропонимики.

Думается, бесспорным и общим местом в интерпретации фамилии героя будет внутренний раскол, произошедший в душе героя, а также связь фамилии с семантикой лексемы «раскольник». По всей вероятности, прототипом Раскольникова в числе прочих был 27-летний Герасим Чистов – московский приказчик, раскольник родом из купеческой семьи, который в 1865 году убил топором двух пожилых женщин – кухарку и прачку мещанки Дубровиной, из квартиры которой он вынес деньги и ценные вещи.

Интерес к старообрядчеству возник у Достоевского еще во время сибирской ссылки. В «Записках из мертвого дома» он описывает старика-раскольника из «стародубских слобод», который решил «стоять за веру» участвовал в поджоге новостроенной единоверческой церкви. «Были у нас в остроге и другие старообрядцы, большею частью сибиряки. Это был сильно развитой народ, хитрые мужики, чрезвычайные

начетчики и буквоеды и по-своему сильные диалектики; народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени. Совсем другой человек был старик» [10]. Более всего Достоевского поразило в кротком и незлобивом старике осознанное принятие страдания, а также «глубокая, неизлечимая грусть, которую он старался скрывать от всех» [10]. Отсюда, вероятно, и ключевая идея нравственного очищения грехов через страдания.

В фамилии андреевского Керженцева, в которой слышится металлический скрежет, не столь прямолинейно, но очевидно также заложена связь со старообрядчеством. Керженец – это река в Нижегородской области, приток Волги, на берегах которого в XVII–XIX веках жили старообрядцы, скрывавшиеся от властей. Название реки использовалось как нарицательное: старообрядцев называли «кержаки». Кстати, в литературе быт и обычаи одного из нижегородских керженских скитов – Комаровского – были описаны в романах Павла Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». М. Горький посвятил Мельникову целый ряд историко-критических трудов и даже призывал начинающих писателей у него учиться, считая новгородского этнографа-беллетриста «богатейшим лексикатором» [11]. Конечно, трудно представить, что Андреев, близкий друг Горького и его литературный сподвижник, оставил эти статьи без внимания. Таким образом, становятся еще более очевидными пути авторского поиска в области художественной антропонимики и корреляция фамилий Раскольникова и Керженцева.

Довольно продуктивными на поверку оказываются и остальные ономастические элементы исследуемых произведений.

Имя Родион связано происхождением с островом Родос и пришло на Русь из Византии с толкованием «герой», «героический». Помимо прямого выделения персонажа как главного действующего лица, в выборе имени, конечно, актуализируется и характер Раскольникова, мнящего себя героической личностью наполеоновского размаха. Любопытно, что покровителем имени является монах Родос, причисленный к лику святых и известный тем, что он вел отшельнический образ жизни на острове – во искупление грехов людей, которые предавались земным радостям и не заботились о чистоте своей души.

Имя Керженцева – Антон – имеет двоякое толкование: от древнеримского родового имени Антониев (кстати, связь с Римом актуализируется в отчестве Раскольникова) и, по второй версии, от древнегреческого αντεω, ανταω – «состязаться», «сталкиваться», «вступать в бой». Можно догадаться, с кем «состязается» в утверждении себя как «сверхчеловека» герой андреевского рассказа доктор Керженцев – с «героем» романа Достоевского. Любопытно, что самым известным Антонием среди христианских святых является авва и целитель Антоний Великий – основоположник пустынножительства, т.е. отшельничества, что сближает его со святым Родосом, а также Антоний Печерский, основатель Киево-Печерской Лавры (и здесь вновь возникает перекличка со второй фамилией вышеупомянутого П. Мельникова-Печерского).

Показательно соотношение отчеств героев Достоевского и Андреева.

Роман – это имя-эпоним, с которым связано предание о происхождении города Рима. Широко известно, что, став царем, Ромул разделил граждан Рима на патрициев и плебеев: такое разграничение между привилегированной и бесправной кастами вполне созвучно теории самого Раскольникова. Как бы то ни было, отчество Раскольникова так или иначе свидетельствует о родовой памяти. Отец героя был, по-видимому, чиновником или военным и умер за много лет до описываемых событий. В романе из редких упоминаний о нем можно сделать выводы о горечи утраты и о теплом отношении Раскольникова к отцу, образ которого ему продолжает снится и которого, по свидетельству матери, он оплакивал, посещая могилку: «...Родя, милый мой, первенец ты мой... еще когда мы с отцом жили и бедовали, ты утешал нас одним уже тем, что был с нами, а как я похоронила отца, — то сколько раз мы, обнявшись с тобой вот так, как теперь, на могилке его плакали» [12]. Кстати, в описании страшного сна Раскольникова о Миколке и несчастной савраске проступают воспоминания героя о походах с родителями на кладбище, где похоронены бабушка и умерший в младенчестве брат Родиона, и «он каждый раз, как посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой, кланялся ей и целовал ее» [12].

В отличие от него, Керженцев не только «родства не помнит», но и сознательно отрекается от своего отца-алкоголика, который был талантливым адвокатом и оратором: «Только я не плакал, слушая его, потому что знал его и знал, что сам он ничего не понимает из того, что

говорит. У него много было знаний, много мыслей и еще больше слов; и слова, и мысли, и знания часто комбинировались очень удачно и красиво, но он сам ничего в этом не понимал. Я часто сомневался даже, существует ли он, – до того весь он был вовне, в звуках и жестах, и мне часто казалось, что это не человек, а мелькающий в синематографе образ, соединенный с граммофоном» [5, 398]. И имя у отца было соответствующее: Игнатий. Есть два варианта перевода этого, кстати, римского по происхождению имени с латыни: «огненный» и «неродившийся», «неведомый», «несуществующий». Яркий и «необыкновенно даровитый» адвокат, он не понимал сына, считал его тупым и беспомощным, презирая за успехи в учебе и аккуратность, и Керженцев отрекся от отца, отыгравшись за унижения после его смерти и совершив святотатственный поступок. Когда дьяк отпевал усопшего Игнатия, в соседней комнате Антон уединился с его любовницей Катей и очень гордился потом, что не струсил и не оказался неспособным к любви.

И дело здесь не только в затаенной детской обиде Керженцева. В пьесе «Мысль» он, доктор медицины, проводит эксперименты над обезьянами, и одного из орангутангов он называет в честь отца Игнатием. В книге «Так говорил Заратустра» Ницше писал: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека. <...> Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком...» [13]. Таким образом, своеобразная «победа» над «не существующим» для Керженцева отцом – это освобождение сверхчеловека от каната, связывающего его позорными родственными связями с родителем, которого он искренне презирал.

Матери своей Керженцев не помнил, тетушка удавилась, дядя покончил собой в больнице для умалишенных, умерла единственная сестра, страдающая эпилепсией, так что, в отличие от Раскольникова, которого, судя по всему, любил отец, обожали и матушка Пульхерия Александровна, и сестра Дуня, Антон Игнатьевич был абсолютно лишен любви близких ему людей и сам любить не умел. Поэтому, вероятно, отказ Татьяны Николаевны и ее усмешка в его адрес окончательно утвердили Керженцева в человеконенавистничестве и развили в нем мегаломанию.

Таким образом, имя, отчество и фамилия героя Достоевского актуализируют в образе память о прошлом (Древняя Греция – Древний

Рим – старообрядчество), а в случае с андреевским героем двоякое трактование всех трех компонентов антропонима подчеркивают предрасположенность к притворству Керженцева, который о себе говорит: «Наклонность к притворству всегда лежала в моем характере и была одною из форм, в которых стремился я к внутренней свободе» [5, 390]. В его имени есть связь с римским родом Антониев, но, с другой стороны, в нем завуалировано отрицание, противостояние, если хотите, антонимия; в отчестве скрыто противоречие между яркими, огненными речами алкоголика-отца и его, адвоката, неспособность защитить собственного сына – напротив, Игнатий оскорбляет Антона даже за положительные проявления, и сын отрекается от родителя, объявляя его «несуществующим» и порывая с ним родственные связи. И, наконец, фамилия Керженцева, которая, как сказано выше, ассоциируется с раскольниками, – это тоже своеобразное притворство, ведь в тексте рассказа автор «листов», написанных от первого лица, сам противопоставляет себя Раскольникову, с которым связан по происхождению: «Тем же двойственником оставался я и дома, среди родных; как в староверческом доме существует особая посуда для чужих, так и у меня было все особое для людей: особая улыбка, особые разговоры и откровенность. <…> Мне всегда нравилось быть почтительным с теми, кого я презирал, и целовать людей, которых я ненавидел, что делало меня свободным и господином над другими» [5, 390]. Эта двойственность главного героя андреевского рассказа проявляется не только в показательной преемственности и глубоком противостоянии отцу и литературному предшественнику, но и в общем неоднозначном отношении к помешательству героя: читатель должен, в итоге, сам определиться с диагнозом Керженцева, чтобы его осудить или признать невменяемым.

Итак, Антон Игнатьевич совершает циничное и жестокое преступление: он убивает своего друга и соперника Савелова, которого предпочла Татьяна Николаевна, прямо на ее глазах, решив, что сумеет избежать наказания, если прикинется сумасшедшим. Но в какой-то момент его собственная мысль, послушная, быстрая и исполнительная, его грозное оружие, его «раба» и «любовница», его единственное сокровище, выйдя из-под контроля, подводит его: «Из головы, где я крепко держал ее, она ушла в тайники тела, в черную и неизведанную его глубину. И оттуда

она кричала, как посторонний, как бежавший раб, наглый и дерзкий в сознании своей безопасности.

«Ты думал, что ты притворяешься, а ты был сумасшедшим. Ты маленький, ты злой, ты глупый, ты доктор Керженцев. Какой-то доктор Керженцев, сумасшедший доктор Керженцев!..» [5, 409–410].

Убийством Алексея Савелова Керженцев хотел попытать свои силы – ровно так же, как и Раскольников совершает свое преступление, чтобы узнать наверняка, тварь ли он дрожащая или «право имеет». И тот, и другой заведомо совершают «пробы», продумывая все детали, чтобы избежать наказания. Раскольников посещает старуху-процентщицу с закладом – отцовскими серебряными часами, чтобы как следует изучить квартиру и подготовиться к предстоящему убийству. Керженцев также несколько раз осуществлял «опыты», симулируя, как ему казалось, припадки падучей, чтобы заранее убедить свидетелей и психиатра в собственном безумии и получить «научно-медицинское удостоверение» своей болезни в качестве алиби. Раскольников заботится о том, чтобы не оставлять никаких улик, что ему, в общем-то, вполне удается. Керженцев, напротив, настолько уверен в своей безнаказанности, что смакует свое преступление, совершая его при свидетеле и наслаждаясь страданиями отвергнувшей его женщины. Показательно, что Раскольников – студент юридического факультета – получает «юридическое» наказание и, после явки с повинной, отбывает срок на каторге. Доктор медицины Керженцев скорее всего ее избежит ввиду наказания «медицинского» – признания его психической невменяемости.

Истинное наказание обоих героев исходит в первую очередь от них самих и заключается в провальности их идеи, в собственной несостоятельности, которую им приходится признать. Однако развенчание культа сверхчеловека и разочарование в силе своей мысли Керженцева не вызывает сочувствия, в отличие от душевных мучений Раскольникова, которого «натура подвела». Хотя последний, по сути, совершил тройное убийство (ведь Елизавета, судя по всему, была беременна), внимание читателя смещается на его внутренние переживания, на личную драму, отчего Раскольников воспринимается скорее страдальцем, нежели жестоким и циничным душегубцем. Поэтому читатель с надеждой приветствует покаяние героя Достоевского и считает справедливым возмездием интеллектуальную смерть андреевского героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горький М.* Леонид Андреев. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0690-1.shtml.
2. *Горький М.* Полн. собр. соч. Т. 16. М.: «Наука», 1973.
3. Письма Л.Н. Андреева к Вл.И. Немировичу-Данченко и К.С. Станиславскому, 1913–1917гг. // «Учен. зап. Тарт. гос. ун-та». Вып. 266, 1971. СС. 237–238. Цит. по ист.: Е.В. Булышева. Пьеса Л.Н. Андреева «Мысль» в Московском Художественном театре // «Вестник СПбГУКИ», № 1 (26), март, 2016. [Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/piesa-l-n-andreeva-mysl-v-moskovskom-hudozhestvennom-teatre/viewer.
4. Письма Л.Н. Андреева к Вл.И. Немировичу-Данченко и К.С. Станиславскому, 1913–1917гг. // «Учен. зап. Тарт. гос. ун-та». Вып. 266, 1971. С. 245.
5. *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. М.: «Художественная литература», 1990.
6. *Гроссман Л.* Беседы с Леонидом Андреевым. [Режим доступа]: http://az.lib.ru/g/grossman_l_p/text_1921_besedy_s_leonidom_andreevym.shtml
7. *Горький и Андреев*. Неизданная переписка // «Литературное наследство». Т. 74. М., 1965.
8. *Мережковский Д.* В обезьяньих лапах (о Леониде Андрееве) // «Акрополь: избр. лит.-критич. ст.». М., 1991.
9. *Титов О.А.* Родион Романович Раскольников: семантическая «многослойность» имени героя Ф.М. Достоевского и лингвистические средства ее создания. [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/rodion-romanovich-raskolnikov-semanticheskaya-mnogosloynost-imeni-geroya-f-m-dostoevskogo-i-lingvisticheskie-sredstva-eyo-sozdaniya/viewer?fbclid=IwAR1Jx9p_iTRJp9v-QB3pVhRSi3gKQIl6sZ2HNSIF30t0EzT6q77ILnn3J2hg.
10. *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома. [Режим доступа]: https://libavtograd.ru/dostoevsky-notes-1.
11. См., напр., ст.: *Кудряшов И.В.* П.И. Мельников-Печерский в русской критике и литературоведении. [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/p-i-melnikov-pecherskiy-v-russkoy-kritike-i-literaturovedenii/viewer
12. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. [Режим доступа]: https://ilibrary.ru/text/69/index.html.
13. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. [Режим доступа]: http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt.

DOSTOEVSKY AND ANDREYEV: THE CRIMES AND PUNISHMENTS OF “IDEOLOGICAL KILLERS”

S. Margaryan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article draws a parallel between the hero of F. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” Raskolnikov and the hero of L. Andreev's story “Thought” Kerzhentsev. Andreev enters into a creative dialogue with Dostoevsky, and the connection between the characters is not only directly traced in the text of

Andreev's work, but also outlined in artistic anthroponymy, reflected at various levels of creating the image of the “ideological killer”. The true punishment of both heroes comes primarily from themselves and lies in the failure of their idea, in their own failure, which they have to admit. However, the debunking of the cult of the superman and Kerzhentsev's disillusionment with the power of his thought does not arouse sympathy, in contrast to the mental anguish of Raskolnikov, who was “let down by nature.”
Keywords: Dostoevsky, Leonid Andreev, “Crime and Punishment”, novel “Thought”, “ideological killer”.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-1000-1006

МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК СТРУКТУРНЫЙ И СМЫСЛОВОЙ ПРИЕМ АРХИТЕКТОНИКИ «ТАШКЕНТСКОГО РОМАНА» СУХБАТА АФЛАТУНИ

Н.А. Григорянц, Л.С. Меликсетян

Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
grigoryants.nadezhda@student.rau.am, lilit.meliksetyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу многоязычия как структурного и смыслообразующего приема архитектоники «Ташкентского романа» Сухбата Афлатуни. Показано, что языковое разнообразие в тексте выполняет не только функцию этнографической «аутентичности», но становится способом художественного моделирования культурной памяти, самоидентификации персонажей, повествовательной интонации и многослойности пространства. В центре внимания – соотношение базового русского повествования с системой стилистических регистров (книжного, разговорного, официально-делового, просторечного) и включение иных языков (узбекского, немецкого, арабского, французского; упоминания хинди и санскрита) как маркеров различных культурных кодов. Выявляются семантические роли этих языковых включений: локализация ташкентского мира, сакрализация/утрата преемственности, историческая память, институциональная дистанция и ироническое «разоблачение» внешней риторики. Делается вывод, что многоязычие у Афлатуни функционирует как композиционный механизм, собирающий разнородные нарративные пласты и фиксирующий фрагментарность идентичности героев.

Ключевые слова: многоязычие, стилистические регистры, Сухбат Афлатуни.

Введение

Феномен литературного многоязычия в последние годы активно привлекает внимание филологов: он осмысляется как художественный ресурс, позволяющий выстраивать новые модели репрезентации культурных границ и идентичности. В этом контексте особенно показателен «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни – текст, несомненно принад-

лежащий фонду русскоязычной литературы, который строится на культурной диалогичности. Русский язык в романе выступает как база наррации, а ряд иных языковых регистров (узбекский, немецкий, арабский и т.д.) маркирует отдельный культурный код и выполняет самостоятельную семантическую функцию.

Цель статьи – показать, что многоязычие в «Ташкентском романе» работает не как внешняя «этнографическая» деталь, а как композиционный механизм, организующий память, самоидентификацию персонажей, повествовательную интонацию и пространственную многослойность текста. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) описать систему русскоязычных стилистических регистров романа и их художественные функции; 2) выявить роль иноязычных включений в моделировании культурных кодов и сюжетных линий; 3) определить, как языковая многослойность соотносится с мотивами исторической памяти и фрагментарности идентичности. **Теоретико-методологическую базу исследования** составляют работы по проблематике художественного многоязычия и его функций в литературном тексте, а также исследования по паратекстуальности заглавия и функционально-стилистическому анализу. Исследование опирается **на методы нарратологического и структурно-семантического анализа**.

Результаты и обсуждение

Уже в паратекстуальном компоненте исследуемого текста – в его названии – задается своеобразная двойственная этничность текста: роман Афлатуни – неотъемлемая часть русской литературы, но его название недвусмысленно отсылает нас к инокультурной и иноязычной среде, Ташкент буквально с обложки заявляет о, по меньшей мере, культурной диалогичности нарратива, а в самом произведении многоязычность становиться смысло- и структурообразующим приемом.

В «Ташкентском романе» языковое многообразие выступает не только как средство создания аутентичного культурного пространства или реалистической этнографической детали, но и как способ художественного структурирования памяти, идентичности персонажей, повествовательной интонации и пространственной многослойности текста.

Текст романа включает в себя не один, а сразу несколько языковых регистров: русский, узбекский, немецкий, арабский, французский, а

также упоминается хинди и санскрит. Каждый из упомянутых языковых регистров выполняет самостоятельную семантическую функцию и является маркером иного культурного кода, часто противопоставленного привычному, «родному», но не вступающего в конфронтацию.

Основой повествования является русский язык, однако его интонационные колебания варьируются между различными стилями, тем самым обеспечивая нужное настроение и эмоциональный окрас в различных эпизодах или даже главах. Подобный подход корнями уходит в «Теорию о трех штилях», сформулированную великим ученым М.В. Ломоносовым в XVIII веке, который заложил теоретическую основу для классификации и нормирования различных стилей в русском языке [2].

Итак, мы можем выделить возвышенную или книжную лексику, разговорную, официально-документальную (деловую), а также большое количество просторечий. Высокий стиль и сложные синтаксические конструкции используется в эпизодах, связанных с эмоционально и символически нагруженными ситуациями. Примером может служить сцена близости между Лаги и Юсуфом: «... Огни, удушье, молчаливая борьба обреченных, казалось, на соитие. Конец этого пьяного танца она не помнила. Их тела закатились в черное нутро часового механизма…» [1].

Описания бюрократических процедур или разбора архивов строятся на имитации бюрократического языка, отстраненного и холодного: «Источник сообщает: значительные средства, выделяемые советским правительством на массированные археологические раскопки на границе с Афганистаном, вызывают беспокойство у некоторых чинов ЦРУ, пожелавших остаться неопознанными…» [1].

Просторечия в романе Афлатуни также использует довольно часто. Они могут выступать маркером необразованности персонажа. Так, это прослеживается в письме Малика: «У нас все нормально. Маджус поздоровел» [1]. Подобный стиль изложения подчеркивает бытовую простоту и одновременно контрастирует с речью Лаги, формируя ощущение социальной дистанции между ними.

Встречаются эпизоды, в которых автор комбинируют различные стилистические регистры для создания или усиления контраста. Одним из ярких примеров является эпизод, в котором Афлатуни представляет типологию мужчин, особенно концентрируя внимание читателя на тре-

тьем типе, самом «несчастного»: «… “Мужчина запретный плод” – райское яблоко, за которым, без всяких внушений змия и мыслей об адаме, тянется, тянется дрожащая женская рука. Это не золотой джонатан, не ароматное наманганское яблоко или красно-царственное алмаатинское. Какой-нибудь мелкотравчатый зимний сорт или скороспелка, размером с детский кулачок, с рябцой и гнильцой, но… Тянутся дрожащие руки, безошибочно находя в листве познания именно его, сладостный и сочный, впиваясь в заколдованную мякоть губами, ногтями, плечами, бедрами…» [1]. Здесь можно выделить и очевидный библейские мотив: запретный плод, змий, вместо змеи, листва познания. Просторечие в описании сорта яблока: скороспелка с гнильцой. И метафорическая «заколдованная мякоть».

Органично встроены в роман узбекские реалии и слова, такие как: махалля, углим, мошугра, опа, дода, которые создают устойчивую связь текста с ташкентским пространством. Подобные вставки и обращения становятся частью этнокультурной реальности, формируя атмосферу повседневности и обеспечивая локальный колорит.

Арабский язык в тексте связан с отцовской фигурой и выступает как маркер сакрального знания. Отец главной героини называет арабский «вторым, после русского, языком просвещения». Он также хочет, чтобы дочь выучила этот язык, но в итоге отказывается от этой идеи, осознав, что дочь «общается с хулиганами». Арабский в этом контексте символизирует утраченную духовную преемственность.

Отказавшись от изучения арабского, Лаги говорит отцу, что хочет выучить хинди, интуитивно, ведь ее лицо казалось ей «очень индийским». Этот выбор подается как жест самоидентификации: язык становится способом почувствовать принадлежность к иной – возможно, вымышленной – культурной модели. Помимо русского, узбекского и хинди, в сюжетной линии Лаги также встречается санскрит, с которым у нее были проблемы в университете, и при восстановлении на факультете Лаги «торопливо сдала» данную дисциплину. Данный язык фигурирует как остаточный элемент филологического прошлого Лаги: он уже утрачен как знание, но сохраняется в тексте как культурный след.

Роль немецкого языка в «Ташкентском романе» можно сравнить с использованием французских вставок в романе-эпопеи Л.Н. Толстого

«Война и мир». Немецкий в произведении является неотъемлемой частью исторического фона, а именно – Второй Мировой войны. Так, в контексте произведения, важным лейтмотивом является образ солдата советской армии, влюбившегося в немку. Этот солдат – отец Лаги, и она узнает о «немецкой любви» уже после его смерти, через найденные письма на русском и немецком языках.

Знание немецкого также является маркером образованности персонажей, связанных с европейским пространством и научной элитой. Так, например, Артурик представляется на немецком: « – Их хайсе Артур. Зер ангенейм». И сразу за этой репликой следует одобрительная реакция окружающих: « – Артурик, немецкий практикуешь? Молодечек…» [1].

Французский язык появляется в тексте под конец романа и используется для подчеркивания дистанции между персонажами и западными институциями. В главе Марты, ее мужу, Доктору, приходит письмо на французском от ЮНЕСКО. Важно отметить, что автор сразу использует созвучие данной аббревиатуры с фамилией французского драматурга Ионеско, что в контексте интертекстуальной аллюзии наталкивает на мысли об абсурде. Далее раскрывается содержание письма: «Там, как всегда, звенел хрусталь французской речи, цвели вводные предложения, внизу виноградной гроздью висли любезности, подписи, должности», но созданная идиллия нивелируется в следующем: «Менее интересным было содержание» [1]. Автор иронизирует над эстетизацией в ущерб смысловой глубине, а также истинной значимостью западных институций, формируя тонкий интертекстуальный упрек.

В заключение мы хотим сказать, что многоязычие в романе функционирует не как эффект или способ внести в текст разнообразие, а как структурный инструмент, отражающий фрагментарность идентичности персонажей, множественность культурных кодов и нарративных пластов в романе.

Выводы

1. Установлено, что многоязычие в «Ташкентском романе» функционирует не как декоративный эффект, а как **структурный прием архитектоники**, обеспечивающий сборку нарративных пластов и выявляющий **множественность культурных кодов** и **фрагментарность идентичности персонажей**.

2. Показано, что **русский язык** как базовый код повествования организован через **регистровые переключения** (книжный/разговорный/официально-документальный/просторечный), которые выполняют композиционно-семантические функции (интонационное моделирование, маркирование эмоционально нагруженных эпизодов, бюрократической дистанции, социальной характеристики речи).
3. Доказано, что иноязычные включения (узбекский, немецкий, арабский, французский; упоминания хинди и санскрита) в романе обладают **самостоятельной семантической нагрузкой** и выступают маркерами «иного культурного кода»: хинди/санскрит соотносятся с линией самоидентификации и «культурного следа» героини; немецкий – с историческим фоном и образовательным статусом; французский – с институциональной дистанцией и ироническим эффектом письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афлатуни С.* Ташкентский роман // “RoyalLib”. URL: https://royallib.com/book/aflatuni_suhbat/tashkentskiy_roman.html (дата обращения: 05.12.2025).
2. *Вомперский В.П.* Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М.: Изд-во Московского университета, 1970, 213**с.**
3. *Желбакова М.В.* Многоточие в художественном дискурсе // «Инновационная наука», № 12, 2015. СС. 164–165.
4. *Лунькова Л.Н.* Паратекстуальность заглавия художественного текста» // «Вопросы современной лингвистики», № 6, 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/paratekstualnost-zaglaviya-hudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 05.02.2026).
5. *Шерстнева Е.С.* Многоязычие в художественной литературе: статус, рецепция, тенденции // «Известия ВГПУ. Филологические науки», № 9, 2022. СС. 118–122.

MULTILINGUALISM AS A STRUCTURAL AND SEMANTIC DEVICE IN SUHBAT AFLATUNI’S “TASHKENT NOVEL”

N. Grigoryants, L. Meliksetyan
Russian-Armenian University
Institute of Philology and Intercultural Communication

ABSTRACT

The paper analyzes multilingualism as a structural and meaning-producing device in the architectonics of Sukbat Aflatuni’s “Tashkent Novel”. It is shown that linguistic diversity in the text performs not only the function of ethnographic “authenticity” but also becomes a means of artistic modeling of cultural memory, character self-identification, narrative intonation, and spatial

multilayeredness. The focus is on the correlation between the Russian narrative base and a system of stylistic registers (bookish, colloquial, official-business, vernacular), as well as on the inclusion of other languages (Uzbek, German, Arabic, French; with references to Hindi and Sanskrit) as markers of different cultural codes. The semantic roles of these inclusions are identified: localization of the Tashkent world, sacralization / loss of continuity, historical memory, institutional distance, and ironic "exposure" of external rhetoric. It is concluded that multilingualism in Aflatuni functions as a compositional mechanism that integrates heterogeneous narrative layers and captures the fragmentation of the characters' identities.
Keywords: multilingualism, stylistic registers, Sukbat Aflatuni.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-1007-1014

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ФОРМА ПРИСУТСТВИЯ В ПРОЗЕ АЛЛЫ ГОРБУНОВОЙ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «РЫНОК» ИЗ СБОРНИКА «КОНЕЦ СВЕТА, МОЯ ЛЮБОВЬ»)

Л.С. Меликсетян, А.Г. Осипян

Российско-Армянский университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
lilit.meliksetyan@rau.am, alice.osipian@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию телесности как структурного принципа наррации в современной автофикциональной прозе, в частности в рассказе Аллы Горбуновой «Рынок» из сборника «Конец света, моя любовь».

Ключевые слова: А. Горбунова, автофикшн, телесность, нарратология, феноменология.

Введение

Современная русская автофикциональная проза демонстрирует устойчивый интерес к телесности как способу репрезентации субъективного опыта и организации повествования. В этом контексте творчество Аллы Горбуновой представляет особый исследовательский интерес благодаря сочетанию автобиографической оптики, сенсорной насыщенности и своеобразной метафизической образности. Рассказ «Рынок» [2] из сборника «Конец света, моя любовь» (2020) является показательным примером такого письма и позволяет рассматривать телесность как центральный параметр нарративной структуры.

Алла Горбунова – поэт, прозаик и литературный критик. Опубликовала ряд поэтических и прозаических книг, является лауреатом премии Андрея Белого (2019) и премии НОС (2020).

Проза Горбуновой тяготеет к автофикшну: повествование от первого лица опирается на память о подростковом и юношеском опыте, но при этом включает элементы художественной трансформации и субъективного моделирования реальности. Эта гибридность – соединение документального и вымышленного, бытового и аллегорического – делает

«Рынок» удобным материалом для анализа механизмов телесного восприятия и их влияния на повествовательную организацию текста.

Настоящее исследование направлено на выявление того, как телесность в рассказе функционирует одновременно как медиум восприятия и как структурный принцип наррации. Особое внимание уделяется оппозиции дисциплинарного быта и телесной свободы.

Методологическая рамка исследования включает элементы феноменологии восприятия Мориса Мерло-Понти [1], концепцию дисциплинарного тела Мишеля Фуко [3], а также отдельные положения нарратологии Вольфа Шмида [4]. Такой подход позволяет интерпретировать рассказ «Рынок» как пример воплощенного письма, где телесный опыт определяет характер повествования и логику построения нарратива.

«Я должен отделить от моего «я» мое тело, которое понимается как вещь среди вещей» [1], – писал французский философ Морис Мерло-Понти. «Феноменология восприятия» Мерло-Понти вышла в 1945 году, 75 лет спустя Алла Горбунова художественно реализует этот феноменологический принцип, показав, как именно писать телом.

Русскоязычный автофикшн часто обвиняют в чрезмерной эпатажности и демонстративности (к примеру, статья Б. Куприянова «Почему автофикшн не нужен», или статья П. Басинского «Тотальная победа жанра автофикшн будет означать смерть литературы»); вот и в рассказе «Рынок» Аллы Горбуновой пространство живет — свиная кровь капает на прилавок, поселковые подростки проливают водку, а местные алкоголики мочатся в штаны. Но рядом с этим героиня, или точнее автогероиня (термином «автогерой» обычно называют нарратора в автофикциональных текстах, но в данном случае феминитив важен) – рассказа постигает первую любовь, чувственность и свободу от нормативной действительности.

Телесность у Горбуновой не получает оценки: свиные головы на рынке не вызывают у героини-подростка ужас и омерзение, а грязь и бедный быт становятся самим способом постижения реальности.

Таким образом, тело и быт переходят из социального контекста в онтологический – героиня живет телом, понимает мир через тело. Это отсылает к феноменологическому понятию «знания до знания», когда опыт проживается до того, как мы способны его осмыслить. Это до-рациональная телесность и открытость присуща письму Горбуновой.

Еще один важный элемент – Горбунова выводит свой «рынок» из автоматизма восприятия с помощью деталей и языка.

«Огромные свиные зажмуренные головы лежали на прилавках, а в центре рынка жили летучие мыши» [2].

Здесь мы видим, как отвратительно-бытовой образ свиной головы соседствует с летучей мышью, наделенной в современном культурном восприятии коннотациями мистического свойства. Соседство гротеска и готики делают Рынок полумистическим, почти ритуальным пространством. Подобные контрасты не позволяют читателю представить себе «какой-нибудь» рынок (и соответственно, погрузиться в цепочку автоматических ассоциаций с условным рынком в России 90-х); Горбунова пишет «свой» рынок как полумистическое, почти церемониальное пространство. Если угодно, можно назвать его хронотопом.

Тело рынка, как и тело героини – пространство свободы и маргинальности.

Рынок это не просто место, где встречаются герои, но отдельная инстанция, где все «течет»: кровь, водка, молоко, но и время, в котором люди живут на грани нормы и безумия. Можно было бы назвать это карнавальным пространством, но Горбунова отрицает бахтинскую дихотомия высокого и низкого. Точнее было бы сказать, писательница ее игнорирует, вписываясь в контекст постмодернистской ризоматической иерархии, субстантивного множества. Потому что тело у Горбуновой – не объект наблюдения, не носитель травмы или средство удовольствия. Тело – это единственная живая инстанция, средоточие восприятия, условие того, что мы вообще можем быть в мире.

Мерло-Понти писал: «Я вытесняю осознание того, что мой взгляд служил мне средством познания, и принимаю мои глаза в качестве частичек материи» [1]. А вот как Горбунова описывает Вилли, возлюбленного героини: «Он лежал рядом с лотками в отключке, в мокрых от мочи штанах, а я смотрела на него и понимала, что он не похож ни на кого из тех, кого я знала до сих пор» [2].

В этом описании нет оценки: героиня не жалеет Вилли, не чувствует к нему снисхождения или брезгливости, но и не превозносит. Потому что Вилли – свободная, необузданная материя, которая не терпит предвзятых форм.

С точки зрения нарратологии, этот эффект достигается через разноплюсную точку зрения, где перцептивный план относится к персонажу, но идеологический план остается нейтрализованным. В данном контексте, нейтральность – и есть идеология. Таким образом, писательница не просто описывает телесный опыт, а подчеркивает точку зрения, очищенную от оценочных наслоений, что позволяет ей выйти за пределы частного опыта и писать от себя – изнутри чистого восприятия, как и требовал Мерло-Понти

И героиня (как и завещал феноменолог Мерло-Понти) не просто использует свои глаза, чтобы посмотреть на мир, но сама становится взглядом. Это подчеркивает мысль: восприятие не принадлежит сознанию – оно принадлежит телу, которое и есть субъект опыта.

Тексту Горбуновой свойственна присущая постмодернистской эстетике свобода от иерархии, склонность к людофикации, карнавализации, позволяющая взаимодействовать героям, которые не встретились бы в «обычном», бытовом пространстве. Задолго до постмодернистской чувствительности Бахтин писал: «… на карнавале все считались равными. Здесь – на карнавальной площади – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнавальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения». Так и у Горбуновой рынок становится местом, где подростки на равных общаются как с торговцами, так и с местными бандитами и «братками».

«И рынок был похож на прекрасную балладу, тончайшую и жесточайшую поэзию особого мира “сильных связей”, где действуют пьяницы, бандиты, шлюхи – и во всем этом для меня была какая-то полная очарования “настоящая”, оголенная жизнь.» [2].

Рынок важен не только как хронотоп, но и как пространство дихотомии языка. Очевидно, что героиня-подросток не стала бы описывать рынок как «прекрасную балладу». Языковой план здесь подчеркивает временной: нарратор-взрослый описывает подростковый опыт своим языком, используя жизненный опыт юности как фабульный материал.

Свободная, но маргинальная телесность у Горбуновой противопоставляется семейному быту. В рассказе «Рынок» дом и семья – пространство дисциплины и нормативности. Стоит сказать, что в сборнике

тема семейного опыта и дома раскрывается тоньше и разнообразнее. Но в данном рассказе эта дихотомия отражена довольно ярко.

«Предполагалось, что есть некий “путь” человека: школа, институт, возможно, аспирантура, обзаведение семьей, рождение ребенка, работа в коллективе, на которую нужно ходить каждый день, кроме выходных и отпуска и, наконец, пенсия, ну а там и помирать пора. Я не хотела так жить. Все меня любили и хотели, как лучше, да вот беда – я и впрямь была какая-то не такая» [2].

Здесь, в отличие от отрывка о Вилли, присутствует эксплицитная идеологическая оценка. Нарратор (повествующее «я») отвергает нормативность, открыто говорит: «я не хотела так жить». В языковом же плане здесь вступает наррация героини-подростка, она говорит своими словами, а не словами дистанцированного взрослого, пишущего нарратора. «Все меня любили, хотели как лучше» – скорее всего, заимствование речи взрослых родственников героини, которую героиня-подросток услышала и присвоила.

Горбунова отмечает, что героиню «все любили и хотели, как лучше», это напоминает то, как Мишель Фуко писал о механике власти. «Мелкие принуждения» [3] по Фуко составляли большую часть формирования дисциплины: «Постепенно выправляется осанка. Рассчитанное принуждение медленно проникает в каждую часть тела, овладевает им, делает его послушным, всегда готовым и молчаливо продолжается в автоматизме привычки».

Однако у Горбуновой «антагонистом» или актором власти является не столько семья, сколько нормативность в целом. Можно предположить, что если тело в рассказе является онтологическим методом существования, то есть самим процессом жития, то нормативные ограничения и запреты – это мутное стекло, заслоняющее мир. Против этого борются почти все герои сборника «Конец света, моя любовь»: не зря раздел, в котором располагается рассказ «Рынок», называется «Против закона».

«Система запретов в моей семье доходила до абсурда: мне долго не разрешали летом гулять по вечерам, а когда разрешили – срок моего вечернего гуляния сокращали по мере все более раннего срока захода солнца. Меня постоянно пугали маньяками, незнакомцами в машинах, которые затаскивают туда девочек, не разрешали одной заходить в парадную…» [2].

Еще одна важная часть нормативной культуры, которая ограничивает героиню – недоверие к миру. Внешний мир в семейной парадигме – это опасность, от которой нужно ее уберечь. Иронично, что из этой обстановки она попадает именно на Рынок – пространство хаоса, маргинальности и безумия.

Безумие и маргинальность – характерные черты рассказа. Это тоже отражено через телесность и топос. Рынок заполонен разными персонажами: торговцы, бездомные, алкоголики, проститутки и поселковые сумасшедшие. Среди них четырнадцатилетняя героиня находит себе место и встречает любовь.

Любовь к Вилли – форма выхода из автоматизма. Влюбленность для героини не строится на эротическом влечении. Наоборот, эротическое отсутствует в отношениях героев, хотя казалось бы, телесное освобождение часто ведет именно к этой форме любви.

Но у Горбуновой тело не средство желания, а условие присутствия. В феноменологическом смысле героиня не «владеет» телом, а есть тело, и именно через это она способна любить Вилли – не как объект, а как явление мира.

«Мы с Вилли собирались пожениться, но отношения наши были целомудренными, ничего не было, кроме поцелуев. Вначале я и целоваться не хотела, но Вилли довел меня до слез словами о его погибшей душе, о том, что я его не люблю, раз не хочу с ним целоваться, значит, нужно нам расставаться, а без меня ему и жить незачем. Я расплакалась, и мы начали целоваться.»

При этом, любовь к Вилли не получает никакой моральной оценки: здесь тело снова становится условием восприятия – поэтому оно не может быть маркировано этически. Это находит отражение и в сюжетной линии Вилли: он успел побывать и бездомным, и киллером, и бутлегером при сухом законе; и фантастическим «ковбоем», путешествующем между мирами. Отражено это и в языковом плане, где Вилли получает возможность «говорить своими словами», пусть и в наррации героини.

Вилли – человек без функции, отчужденный как от социальной, так и от экономической системы. Здесь ярче всего прослеживается идея Фуко – выход из дисциплинарности в сторону свободы восприятия. Соответственно, любовь в «Рынке» – это форма сопротивления не только политической, но и экзистенциальной власти.

Фабула линии Вилли граничит между реалистическим и мифологическим – так Вилли становится точкой входа в воображаемое героини.

«Вилли умел путешествовать по измерениям, но за ним там охотились, и он проваливался в страшные нижние миры и просил меня о помощи. Верхние миры, в которых он бывал, выглядели как прекрасные неземные города, и он описывал их мне, когда мы в грозу сидели на лотках и целовались» [2].

Это воображаемое раскрывается в других рассказах сборника: Горбунова обращается к мифологическим сюжетам и магическому реализму.

В данном рассказе тело выступает не объектом, а субъектом письма, транслятором опыта. Здесь происходит возвращение к чувственному опыту, который очищен он призм морали и дисциплины, но не маргинализирован. Тело не становится способом впечатлить или эпатировать читателя, оно просто существует в мире, не будучи упорядоченным.

Этот метод письма позволяет автофикциональной литературе выйти за пределы частного опыта, превращая письмо о себе в письмо от себя – изнутри восприятия, а не о нем. Горбунова не описывает телесный опыт, а пишет телом, превращая текст в форму присутствия.

Наконец, этот метод письма достигается с помощью тщательно разработанной разнополюсной точке зрения [4]. В тексте присутствует диегетический нарратор, то есть повествование ведется от первого лица. Здесь мы видим мерцающую наррацию, которая легко и точно переходит от персональной точки зрения героини-подростка (повествуемого «я») к фокализации взрослой рассказчицы (повествующего «я»).

Этот переход наиболее ярко прослеживается и во временном плане точки зрения. Повествующее «я» (взрослая героиня, изучавшая философию) использует временную дистанцию, чтобы переосмыслить свой маргинальный опыт. Чистая перцептивная точка зрения подростка (например, непосредственное восприятие Вилли) сочетается с идеологической точкой зрения нарратора-взрослого, которая придает хаосу 90-х и рынку метафорическую, поэтическую оценку.

Это двойное видение характерно для автофикшна, материалом для которого служит память; оно позволяет взрослому сознанию осмыслить бунт подростка и подтвердить, что свобода, найденная на Рынке, была истинной.

Таким образом, тело в прозе А. Горбуновой становится онтологической мерой бытия: текст фокусируется на до-рациональном восприятии опыта. В этом смысле, рассказ «Рынок» может восприниматься как пример воплощенного письма, где тело становится реципиентом опыта и способом сопротивления нормативным моделям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерло-Понти М*. Феноменология восприятия. СПб.: «Ювента», 1999.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: “Ad Marginem”, 1999.
3. *Шмид В.* Нарратология. М.: «Языки славянской культуры», 2003.
4. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Эксмо», 2017.

Художественная литература

1. *Горбунова А.* Конец света, моя любовь. М.: «НЛО», 2020.

EMBODIEDNESS AS A FORM OF PRESENCE IN THE PROSE OF ALLA GORBUNOVA (A CASE STUDY OF THE SHORT STORY “THE MARKET” FROM THE COLLECTION THE END OF THE WORLD, MY LOVE)

L. Meliksetyan, A. Osipyan
Russian-Armenian University
Institute of Philology and Intercultural Communication

ABSTRACT

This article examines embodiedness as a structural principle of narration in contemporary autofictional prose, using Alla Gorbunova’s short story “The Market” from the collection The End of the World, My Love as a case study.

Keywords: A. Gorbunova, autofiction, embodiedness, narratology, phenomenology.

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-1015-1018

ОТ МИФА К КОНТР-МИФУ: ВЛИЯНИЕ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ[1]

Н.Л. Абрамян*, *М.Р. Тадевосян

Российско-Армянский университет
mary.tadevosyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В общественно-политической жизни процесс рождения одних мифов и развенчания других постоянен. Существуют различные методы и средства разрушения политических мифов. Кажется, что самым верным способом развенчания мифов является их логические объяснение. Однако, как показывает опыт, логические аргументы не способны противоборствовать мифам, поскольку они, превратившись в неоспоримую, абсолютную истину, не нуждаются в рациональной трактовке и обстоятельной аргументации. Естественно, в социуме могут наступить времена «отрезвления», и тогда политические мифы теряют свою былую силу. Но полностью свести их на «нет» не получится. Лишь новые мифы или контр-мифы способны разрушить и развенчать прежние. Изучению данной темы посвящено настоящее исследование.

Ключевые слова: контр-миф, политический миф, СМИ, мифология, массмедиа.

Контр-мифы направлены на разрушение всех остальных мифов, кроме одного – самого себя. Ряд экспертов и исследователей отмечают, что они главной своей целью объявляют «войну» символам прежних мифов и находящихся в их основе идей [1]. Разоблачение мифа начинается с того, что тот или иной символ или концепция провозглашаются исторически необусловленными и искусственно привнесенными, а, значит, несоответствующими общественным интересам и выгодными только определенным группам.

[1] Статья выполнена в рамках базового финансирования Комитета по высшему образованию и науке МОНКС РА и из средств Программы развития РАУ (23PR:HU-educ-63313).

Такое положение сохраняется в политике. Как только одной политической силой в социум запускается миф, тут же возникает «оппозиционный блок», ставящий себе целью дискриминировать данный миф. Причем разоблачение строится таким образом, чтобы не только лишить миф всяческой возможности возродиться, но и построить свой контр-миф, используя прежний. «Собственный» миф должен со временем стать основным, господствующим, а «предыдущий» – уличен как вражеский и опасный. Получается, что эффективное правило действий против «предыдущего» мифа – это обесценивание его «священных» образцов, представлений, установок, выявление в нем индивидуалистических интересов, под видом которых представлялись общественные. Так процесс демифологизации одновременно сопровождается новым этапом мифотворчества.

Контр-мифы могут строиться по тем же правилам, что и простой политический миф. В их основе – те же символы и представления, фабула и содержание. Весьма часто они опираются на уже ранее известные сюжеты, например, религиозного либо научного (в упрощенных «версиях» марксизма и фрейдизма) характера. Каждый из этих случаев, несмотря на свою, на первый взгляд, противоположность, по-своему имитирует сопричастность к истине.

Контр-мифами можно считать те мифы, которые были созданы в драматические периоды потери обществом веры в прежние идеалы, установки. В подобных обстоятельствах они выполняют компенсаторскую функцию, подменяют собой временно утерянную объединяющую и направляющую идеологию. Подобные «короткодействующие» мифы (их называют “ad hoc” – «на случай») людям «вручаются», а не «сопереживаются».

Однако провести четкую грань между «сопереживающим» мифом и искусственно внедренным контр-мифом очень сложно. «Сопереживающий» миф может в любой момент быть объявлен контр-мифом, а контр-миф может быть подан так, что ему станут долгое время сопереживать. Контр-миф может опираться на национальные архетипы, а прежние действующие мифы окажутся преходящими и привнесенными извне.

Иное, когда мы имеем дело с псевдо-мифами, которые основываются на неправильных представлениях о национальных архетипах. Псевдо-миф может завлечь массы и иметь контроль над социумом до тех пор, пока национальные архетипы не выявят несоответствия между

данным мифом и социальным опытом, культурной информацией, традиционными знаниями, существующими невольно в общественном сознании. В связи с чем факт торжества того или иного мифа сегодня вовсе не гарантирует его дальнейшего успеха.

Так, например, Э. Кассирер рассматривает любой политический миф исключительно сквозь призму интересов противоборствующей стороны. По его мнению, с такими мифами нужно бороться, разрушать их, а для этого «необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов, мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его» [2]. Подобную точку зрения не разделяет А. Лосев. Он считает, что бессмысленно «объявлять войну» мифам, их невозможно разрушить научными доводами [3].

«Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола… Некоторые представители науки даже любили и любят щеголять таким рассуждением: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет – это не мое дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга – это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания. Миф …. содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически, т.е. прежде всего диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще», – отмечает А. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» [3].

Таким образом, сталкиваются два типа понимания социально-политического мифа: западно-либеральный (концепция, которая характеризуется господством принципов рационализма, индивидуализма, свободы и демократии) и восточно-консервативный (концепция, для которой характерны общинность, коллективизм, убежденность в необходимость следования национальным обычаям, традициям) [4].

Особое место в процессе как создания, так и разрушения мифов принадлежит СМИ. Именно средствам массовой информации, которые являются мощным механизмом продуцирования и трансляции смыслов,

значений и знаний, в нужные моменты, в периоды смен систем правления отводится главная роль в деле переоценки прежних мифов и внедрению в общественное сознание контр-мифов.

При всем при этом, роль общественно-политических мифов не сводится к простой функции противостояния и иррациональности: подобные мифы тесно переплетаются с культурными традициями, социальными ценностями, а благодаря средствам массовой информации могут усиливать или же трансформировать свое влияние на социум.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Элиаде М.* Аспекты мифа // М.: “Akademia”, 1999. // [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf (дата обращения: 20.12.2025г.).
2. *Кассирер Э.* Технологии современных политических мифов // Антология культурологической мысли. М.: Изд-во РОУ, 1996.
3. *Лосев А.Ф.* Диалектика Мифа. М.: Изд-во «Мысль», 2001, 131с.
4. *Абрамян Н.Л., Тадевосян М.Р.* Политический миф и СМИ: конструирование реальности в современном обществе // «Международная Восемнадцатая годичная научная конференция (2–6 декабря 2024г.): Сборник научных статей: гуманитарные и общественные науки». Ч. II. Ер.: Изд-во РАУ, 2025. СС. 731–734.

FROM MYTH TO COUNTER-MYTH: THE INFLUENCE OF MEDIA ON PUBLIC CONSCIOUSNESS

N. Abrahamyan*, *M. Tadevosyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

In socio-political life, the process of creating myths and debunking others is constant. Various methods and means exist for dispelling political myths. It would seem that the surest way to debunk myths is through logical explanation. However, experience shows that logical arguments are incapable of countering myths, since, having become indisputable, absolute truth, they no longer require rational interpretation or thorough argumentation. Naturally, times of “sobering up” may occur in society, and then political myths lose their former power. However, it is impossible to completely eradicate them. Only new myths or counter-myths can destroy and debunk old ones. This research is devoted to studying this topic.

Keywords: counter-myth, political myth, media, mythology, mass media.

Настоящая статья подготовлена в память о кандидате философских наук, доценте кафедры журналистики Российско-Армянского университета Наталье Львовне Абрамян.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-1019-1025

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЗАГОЛОВКАХ СМИ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ ЭФФЕКТА ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ «ИЗВЕСТИЯ.IZ»)

А.В. Авдюкова, М.В. Алекян

Российско-Армянский университет
Институт медиа, рекламы и кино
AliMelMCR@yandex.ru, marina.alekyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье на примере заголовков сетевого издания «Известия.iz» проанализированы особенности использования фразеологических единиц с целью повысить привлекательность материала, побуждающего аудиторию к прочтению журналистского текста. Кроме того, выявлены новые значения фразеологических единиц в заголовках, которые претерпели авторские изменения.

Ключевые слова: фразеологическая единица, заголовок, СМИ, трансформация фразеологических единиц, усиление эффекта.

Для нынешнего медиапространства, частью которого является и аудитория, характерно поверхностное ознакомление с журналистскими текстами, порой ограничивающееся прочтением заголовка и лида. Соответственно, журналистам необходимо адаптировать свои материалы к новым реалиям и особенностям коммуникации с читателями. Более того, не стоит забывать про базовые функции любого медиатекста: номинативная функция, которая является начальным ознакомительным этапом читателя с текстом; оценочно-экспрессивная функция, которая формирует эмоционально-психологическое восприятие аудиторией текста; а также информативная функция, составляющая основу заголовка. Исходя из таких требований к журналистскому тексту, мы приходим к пониманию того, что уже на стадии создания заголовка СМИ необходимо выявлять значимые языковые единицы и с помощью них усиливать эффект медиатекста. Фразеологизмы – это как раз такие единицы. Из исследуемой нами литературы известно, что в настоящее время лингвисты выделяют четыре основных типа трансформаций устойчивых

словосочетаний: семантические, лексические, синтаксические трансформации и фразеологическая парономазия [3]. Нашим объектом изучения уже долгое время являются заголовки сетевого издания «Известия.iz», среди которых присутствуют трансформированные фразеологические единицы. В работе важно было понять, как с языковой точки зрения заголовки могут усиливать эффект журналистского текста.

В настоящее время в сфере массовых коммуникаций наблюдается устойчивый рост применения фразеологических единиц (далее – ФЕ) в модифицированных формах, с отклонением от традиционных норм. Семантические, морфологические, стилистические и эмоциональные характеристики ФЕ подвергаются преобразованиям, что способствует формированию в языке индивидуальных авторских образных конструкций. Хотя данный механизм эволюции и переработки ФЕ детально изучается в исследованиях значительного числа лингвистов, филологов и журналистов, до сих пор отсутствует унифицированная система их классификации. В материалах СМИ такие трансформации ФЕ характеризуются разнообразием и проявляют у аудитории особую, иногда непредсказуемую реакцию на медиаконтент. По мнению Н.М. Шанского, всякое нарушение последовательности элементов ФЕ трактуется субъектом речи как инновация, выходящая за рамки нормативной языковой парадигмы [6]. Таким образом, трансформированные ФЕ в журналистских текстах реализуют комплекс задач. Во-первых, усиливают эмоциональную насыщенность и образность журналистского текста. Во-вторых, адаптируют к тематике и проблематике рассматриваемого материала. В-третьих, способствуют выражению авторской позиции. Эти свойства однозначно повышают влияние на аудиторию и стимулируют обновление лингвистических стандартов в современном русском языке.

В настоящее время лингвисты выделяют четыре типа трансформаций устойчивых словосочетаний: семантические, лексические, синтаксические трансформации и фразеологическую парономазию. Подробно эти модификации рассмотрены в работах С.Р. Мукминовой [3].

Семантическая трансформация представляет собой сохранение лексической и грамматической целостности фразеологизма, но подвергает изменению содержание ФЕ. За счет этого у читателей формируется двойное восприятие, так как словарное значение и компоненты слово-

сочетания остаются в первоначальном виде, но при этом появляется новое дополнительное переосмысление фразеологизма. Например: «Скелеты в шкафу: в Литве опасаются раскрывать имена осведомителей КГБ» («Известия.iz», 5 мая 2025 г.; далее все примеры из данного сетевого издания).

За счет перестановки или замены компонентов ФЕ реализуется модификация под названием лексическая трансформация, при этом синтаксическая структура не изменяется. Например: «Порог изобилия: крупным сетям позволят занимать до 35% рынка в регионах» (11 марта 2024г.).

Более сложным типом модификаций является синтаксическая трансформация, которая заключается в добавлении новых компонентов в состав ФЕ, изменении коммуникативной функции высказывания. Кроме того, для нее характерны языковые приемы, такие как парцелляция, контаминация, аллюзия, эллипсис и др. Например: «Пан не пропал: президентом Польши стал трампист Кароль Навроцкий» (2 июня 2025г.).

Самой трудной, оттого и редкой, считается фразеологическая парономазия. В этом типе наблюдается использование паронимов – слов, близких по звучанию, но различающихся по значению, а также слов, отдаленно или абсолютно не связанных семантически. Также в составе фразеологической парономазии могут присутствовать аббревиатуры, функционирующие как графические элементы заголовков. Например: «Не рОПКого десятка: Путин пообещал российской оборонке много работы» (15 февраля 2024г.), «На цены – ФАС: что происходит со стоимостью авиабилетов в России» (13 марта 2024г.). Данные примеры демонстрируют использование аббревиатур в качестве стилистического средства, усиливающего выразительность и привлекающего внимание читателя через игру звуков и смыслов, что характерно для фразеологической парономазии как одного из типов языковой трансформации.

Обратимся к рассмотрению основных типов трансформаций ФЕ, выявленных в ходе анализа заголовков сетевого издания «Известия.iz» за период с 1 июня 2025г. по 31 августа 2025г. За указанный период было рассмотрено около 400 заголовков, в которых присутствуют какие-либо языковые особенности. Из них выявлен 41 заголовок, в составе которого присутствуют ФЕ. В практической части исследования будут

рассмотрены самые яркие примеры заголовков с трансформацией ФЕ, по одному от каждого типа трансформаций.

Семантическая трансформация ФЕ присутствует в заголовке **«*Яблоко раздора: Госдума обязала Apple устанавливать RuStore на устройства*»** (25 июня 2025г.). Фразеологизм «яблоко раздора» в заголовке представлен в первоначальном виде, без дополнительных компонентов и их замены. В журналистском тексте говорится о том, что принятый депутатами Госдумы закон, вступающий в силу с 1 сентября 2025г., запретит производителям технически сложных товаров, в том числе и корпорации Apple, ограничивать установку и использование российского магазина приложений RuStore на товарах, продаваемых в РФ. Такие меры парламентарии считают необходимыми для продвижения приложений отечественных разработчиков. Недостатком товара, дающим право замены, ремонта или возврата денежных средств, станет попытка устройства блокировать работу приложений из RuStore. Во «Фразеологическом словаре современного русского языка» под редакцией Ю.А. Ларионовой ФЕ, представленная в заголовке СМИ, имеет такое значение: «Повод, причина конфликта» [1]. Однако обращаясь к контексту, в котором использован автором заголовка фразеологизм, мы замечаем дополнительный смысл. ФЕ «яблоко раздора» обретает более прямое, очевидное значение, так как им становится реальный объект, именуемый в переводе с английского языка «яблоком» (т.е. «Apple»). Исходя из этих наблюдений, мы вывели новое толкование данного фразеологизма: между Госдумой РФ и американской корпорацией «Apple» происходит разлад, причиной и поводом к которому стали требования первой установить RuStore на устройства, производимые второй.

Заголовок **«*Принять метры: льготную ипотеку для участников СВО могут запустить уже летом*»** (от 5 июня 2025г.) содержит лексически трансформированный фразеологизм. Существительное «меры» автор материала заменил на существительное «метры», что меняет семантику заголовка. Не обошлось в этой трансформации и без фразеологической парономазии, которая проявляется в созвучии слов «меры» и «метры». Слово «мера» означает «2. Предел, в к-ром осуществляется, проявляется что-н. <…> 3. Средство для осуществления чего-н., мероприятие» [4]. Существительное «метр» имеет другое тол-

кование: «Основная единица измерения в десятичной системе мер – единица длины (100 см), равная одной сорокамиллионной части меридиана» [4]. Трансформированная ФЕ в этот заголовок входит гармонично, так как он уже довольно информативен и раскрывает тему, что требует дополнительных стимулов к прочтению аудиторией. Такая игра слов способна привлечь внимание читателей. В самом же материале подробнее описан функционал и принцип работы льготной программы, а также условия по ипотеке. Такая ипотечная программа хороша тем, что способна поддержать российский рынок жилья без рисков «перегревов», так как будет адресной. Оригинальная ФЕ «принять меры» имеет значение: «Осуществлять последовательно какие-либо целесообразные действия для достижения чего-либо» [5]. Мы же, исходя из контекста, истолкуем трансформированный фразеологизм так: участники СВО в связи с запуском льготной ипотеки могут получить в собственность недвижимость, измеряемую в метрах. Таким образом, первоначально используемый во ФЕ компонент указывает на некий предел, на завершение чего-либо, в то время как журналист выбрал существительное, обозначающее единицу измерения.

«*Не дать взять: банки неохотно снижают ставки по потребкредитам*» (от 2 июля 2025г.) – заголовок с синтаксически трансформированным фразеологизмом. В этом заголовке происходит «игра» с частицами: в первом случае автор меняет частицу «ни» на «не», во втором – вовсе убирает частицу «ни». Вследствие таких изменений вместо двух самостоятельных сказуемых, выраженных глаголами с частицей «ни», остается лишь одно сказуемое, выраженное двумя глаголами с отрицательной частицей «не». В тексте статьи с данным заголовком автор объясняет причины нежелания банков снижать ставки по потребительскому кредиту, факторы, при которых дешевеют займы, и влияние стоимости займов на инфляцию в стране. Также в материале присутствует прогноз о снижении ЦБ ключевой ставки. В текст заголовка лег каноничный фразеологизм «ни дать ни взять», имеющий определение: «1. Совершенно такой же, как кто-либо или что-либо <…> 2. Совершенно так, как кто-либо» [5]. Контекстное же значение трансформированного фразеологизма будет таковым: из-за невозможности банков снизить ставки по потребительскому кредиту граждане нередко не способны воспользоваться данными услугами кредитования.

В заголовке ***«Газ-другой: решение ЕК об отказе от российского топлива не повлияет на экспорт из РФ»*** (от 17 июня 2025г.) фразеологическая парономазия проявляется в созвучии слов «раз» и «газ», однако общей семантики данные слова не имеют. В словарях слово «раз» означает: «1. Однократное действие <…> 2. Случай, явление в ряду однородных повторяющихся действий, проявление чего-н.» [4]. А вот слово «газ» в русском языке имеет абсолютно другое значение: «1. Физическое тело, вещество, способное распространяться по всему доступному ему пространству, равномерно заполняя его <…> 2. Газообразное топливо» [4]. В данном журналистском тексте рассмотрена возможность изменения мирового топливного рынка в связи с поэтапным прекращением импорта. Такое решение, принятое Европейской комиссией, может ускорить переход к экологически чистой энергетике, а также наладить конкурентоспособность ЕС. Еще в статье представлены реакции разных государств на заявление ЕК: пятнадцать стран из двадцати семи поддержали это решение. «Известия.iz» отмечают, что реализация плана прежде всего ударит по экономике Европы, так как РФ была вторым крупным поставщиком газа после Норвегии. Фразеологизм «раз-другой» является каноничным вариантом и имеет значение: «Очень мало. О незначительном, недостаточном количестве кого-либо или чего-либо» [2]. В трансформированном фразеологизме ярко заметен оттенок первоначального устойчивого сочетания, следовательно, мы можем вывести контекстное значение фразеологизма: решение ЕК об отказе от российского топлива является незначительным, недостаточным фактором для изменения состояния экономики РФ, а именно никак не повлияет на экспорт.

Анализ заголовков сетевого издания «Известия.iz» убедительно свидетельствует о широком применении журналистами трансформированных ФЕ для повышения воздействия текста на читателя. Эти изменения фразеологизмов не только обеспечивают эмоциональное влияние на аудиторию и выполнение коммуникативной роли, но и придают тексту уникальность, запоминаемость, а также стимулируют интерес читателей к содержанию журналистского материала. Анализ показал, что в одном устойчивом сочетании слов нередко встречается несколько типов трансформаций, которые взаимодополняют друг друга и формируют

сложную, но результативную структуру заголовка. Каждая такая трансформация сохраняет идентифицируемость исходной ФЕ, вместе с этим вводя элементы новизны и выделяя заголовок из всего информационного потока.

Особого внимания заслуживает языковая креативность, реализуемая посредством трансформаций ФЕ, что способствует эволюции русского языка, углубленному изучению феномена фразеологических трансформаций и созданию всесторонней классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ларионова Ю.А.* Фразеологический словарь современного русского языка. М.: ООО «Аделант», 2014, 512с.
2. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / Под ред. А.И. Молоткова. М.: «Советская энциклопедия», 1968, 543с.
3. *Мукминова С.Р.* Способы трансформации устойчивых выражений в современных газетных заголовках. Исследовательская работа (на примере газет «Центр» и «BUSINESS CLASS» ЗА 2009г.), 2015 / https://nsportal.ru/vuz/filologicheskie-nauki/library/2015/12/03/sposoby-transformatsii-ustoychivyh-vyrazheniy-v
4. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: «Мир и Образование», 2019, 1376с.
5. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ-«Астрель», 2008, 878с.
6. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М.: «Высшая школа», 1985, 160с.

TRANSFORMED PHRASEOLOGICAL UNITS IN MEDIA HEADLINES AS A WAY TO ENHANCE THE EFFECT OF JOURNALISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE NETWORKED PUBLICATION “IZVESTIA.IZ”)

A. Avdyukova, M. Alekyan
Russian-Armenian University
Institute of Media, Advertising and Cinema

ABSTRACT

The article analyzes the use of phraseological units in the headlines of the online publication Izvestia.iz in order to increase the attractiveness of the material and encourage the audience to read the journalistic text. In addition, the article identifies new meanings of phraseological units in the headlines that have undergone authorial changes.

Keywords: phraseological unit, headline, media, transformation of phraseological units, enhancement of effect.

DOI 10.24412/cl-37523-2026-2-1026-1035

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ В АРМЕНИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

М.В. Алекян, А.А. Овсепян, М.А. Авагян

Российско-Армянский университет
marina.alekyan@rau.am, anna.ovsepyan@student.rau.am,
mary.avaqyqan@student.rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются социальные коммуникационные барьеры и их влияние на межпоколенческое взаимодействие в современном армянском обществе. Анализируются причины их возникновения, включая различия в ценностях, стилях общения и уровне цифровой грамотности, а также проявления культурного, аксиологического и технологического разрыва между поколениями. Эмпирическое исследование методом анкетирования выявило различия в восприятии межпоколенческого общения: молодежь чаще указывает на недостаток взаимопонимания, тогда как взрослая аудитория отмечает особенности форм и стиля коммуникации. На основе анализа данных сформулированы рекомендации по развитию межпоколенческого диалога, повышению цифровой грамотности и формированию культуры уважительного общения в социальной, медиа- и PR-среде.

Ключевые слова: коммуникация, поколения, барьер, взаимодействие, PR-среда.

Введение

Современное общество невозможно представить вне коммуникационных процессов. Коммуникация – основа социальной жизни, обеспечивающая обмен информацией, эмоциями, знаниями, социализацию личности и передачу культурных норм. В реальных условиях социального взаимодействия нередко возникают различного рода препятствия, которые мешают правильной интерпретации получаемого реципиентом сообщения. Эти препятствия в научной литературе обозначаются понятием коммуникационные барьеры. Российский социальный психолог Г.М. Андреева, в соответствии со своей теорией о трех сторонах общения (коммуникативной – обеспечивающей обмен информации, перцептивной – организующей взаимовосприятие, взаимооценку и рефлексию

в общении и интерактивной – регулирующей взаимодействия участников общения), разделяет коммуникативные барьеры на две большие группы – технические, связанные с погрешностями в каналах передачи информации, и барьеры, вызванные социальными причинами [1]. А.А. Радугин и О.А. Радугина подчеркивают, что «барьеры могут возникать из-за того, что отсутствует понимание ситуации общения, вызванное не просто различным «языком», на котором говорят участники коммуникативного процесса, но различиями более глубокого плана, существующими между партнерами» [2].

Социальные коммуникационные барьеры представляют собой препятствия в общении, обусловленные социальными факторами, а не психологическими или физическими особенностями. Они проявляются через различия в статусе, уровне образования, принадлежности к социальным группам, субкультурам, поколениям, профессиональным и культурным сообществам. Такие барьеры выражаются не столько в непонимании слов, сколько в разрыве смыслов и интерпретаций, формирующихся в разных социальных контекстах.

Особое значение имеют межпоколенческие коммуникационные барьеры, возникающие при взаимодействии представителей разных возрастных групп. Каждое поколение обладает своим социальным опытом, ценностями, символами и коммуникативными нормами. Исследование социальных коммуникационных барьеров, особенно межпоколенческих, позволяет глубже понять механизмы социальной интеграции и адаптации общества к глобальным изменениям. Для современной Армении это особенно важно, поскольку успешное взаимодействие между поколениями напрямую влияет на сохранение национальных ценностей, культурной идентичности и развитие государства в целом.

Актуальность исследования обусловлена тем, что межпоколенческие коммуникации играют ключевую роль в передаче культурного опыта, формировании социальных норм и обеспечении преемственности поколений. Их нарушение усиливает социальную дистанцию и затрудняет интеграцию общества.

Цель исследования заключается в определении особенностей и причин возникновения коммуникационных барьеров между молодежью и взрослой возрастной группой в Армении, выявлении их влияния на

процесс межпоколенческого общения, а также в разработке практических рекомендаций по их преодолению для повышения эффективности коммуникаций в семейной, общественной, медиа- и PR-среде. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: изучить теоретический материал по теме социальных коммуникационных барьеров в Армении; определить основные виды и причины барьеров между поколениями; провести анкетирование среди представителей молодежи и взрослой возрастной группы; разработать рекомендации по укреплению межпоколенческого взаимодействия в семейной, общественной, медиа- и PR-среде.

Ключевым источником межпоколенческих барьеров являются культурно-социальные различия. Каждое поколение формируется в уникальных исторических, политических и экономических условиях, что отражается на их ценностях, взглядах на труд, государство, семью и общество. Языковые особенности и стиль общения также создают барьеры. Молодежь активно использует интернет-сленг, англицизмы и новые формы цифровой коммуникации, которые часто оказываются непонятны взрослому поколению. В свою очередь, архаизмы и формальный стиль старших воспринимаются молодежью как устаревшие и тяжеловесные. Технологический разрыв усугубляет ситуацию. Цифровые платформы, мессенджеры и социальные сети стали основными средствами общения для молодежи, тогда как многие представители взрослого поколения испытывают трудности с освоением новых технологий, что ограничивает возможность полноценного взаимодействия. Стереотипы и предубеждения выступают дополнительным фактором «барьерности». Старшее поколение может считать молодежь безответственной и поверхностной, а молодежь старших – консервативными и «отставшими от жизни». Эти стереотипы закрепляют эмоциональную дистанцию и препятствуют конструктивному диалогу.

Особое значение имеет аксиологический барьер – различие в ценностных ориентациях, которое влияет на восприятие и интерпретацию информации [3]. Различия в ценностях приводят к разному пониманию одного и того же сообщения и разной чувствительности к обсуждаемым темам. Тесно связан с ним и возрастной барьер, который отражает не только биологические и когнитивные различия, но и опыт, социальные роли и подходы к обучению, общению и оценке мира.

Таким образом, межпоколенческие коммуникационные барьеры имеют системный и воспроизводимый характер: различия в опыте, статусах, ценностях и способах коммуникации определяют специфику межпоколенческого взаимодействия и влияют на социальную интеграцию общества в целом [4]. Для современного армянского общества преодоление этих барьеров имеет стратегическое значение, так как именно диалог поколений обеспечивает передачу культурного наследия, сохранение национальной идентичности и устойчивое развитие государства. Создание коммуникационной среды, основанной на взаимном уважении и признании, становится ключевым условием эффективного межпоколенческого взаимодействия.

На уровне социальной структуры барьеры приводят к ослаблению горизонтальных и вертикальных связей, формированию отчуждения между возрастными группами и снижению эффективности совместных действий. Одним из наиболее заметных последствий является искажение смыслов передаваемой информации. Различие в ценностях, мировоззрениях и культурных кодах приводит к тому, что одно и то же сообщение воспринимается по-разному. Например, молодежь может рассматривать конструктивную критику старших как ограничение свободы, тогда как старшие – как корректировку поведения. В образовательной и цифровой среде это проявляется в несоответствии ожиданий и трудностях в интерпретации вербальных и визуальных сообщений, снижая эффективность коммуникации и увеличивая риск конфликтов. Социальное отчуждение и снижение доверия – еще один эффект межпоколенческих барьеров. Старшее поколение, сталкиваясь с непониманием или пренебрежением, замыкается в привычных стратегиях общения, что ограничивает открытость и готовность к диалогу. Молодежь, в свою очередь, воспринимает традиционные формы общения как устаревшие, что усиливает эмоциональную и социальную дистанцию, снижает доверие и препятствует совместной деятельности, включая участие в социальных и культурных проектах.

«Барьерность» также ведет к деформации социального и культурного опыта. Межпоколенческая коммуникация обеспечивает передачу знаний, норм и традиций, однако барьеры мешают эффективной передаче этих ценностей. В армянском контексте нарушение передачи культурных кодов и исторического опыта может ослабить коллективную

идентичность, снизить устойчивость семейных и общественных институтов и угрожать социальной стабильности. Важно помнить, что рост межпоколенческих конфликтов обусловлен в первую очередь расхождением в ценностях, ролевых ожиданиях и социальных стратегиях. В армянском обществе это проявляется в разрыве между традиционными нормами уважения к старшим и современными демократическими подходами к участию молодежи в принятии решений.

Влияние коммуникационных барьеров распространяется и на социальную, и на культурную устойчивость: ослабление межпоколенческой связи снижает доверие к институтам, подрывает сплоченность семей и общин, препятствует преемственности культурных ценностей и сохранению национальной идентичности. В условиях глобализации и технологической трансформации Армении эффективный межпоколенческий диалог становится критически важным для устойчивого развития общества и сохранения тем самым культурной самобытности.

Методы исследования

Методология исследования включает теоретический анализ научной литературы в области социальной психологии, коммуникации и межпоколенческих взаимодействий, а также эмпирическое исследование, основанное на анкетировании двух возрастных групп по 20 человек – молодежи 18–30 лет и представителей взрослого поколения – 45 лет и старше. Возрастной порог 45 лет выбран как рубеж, где начинают проявляться заметные различия в коммуникативных стратегиях, восприятии цифровых технологий и ценностных ориентациях.

Выборка была сформирована методом доступного отбора. Сбор данных осуществлялся посредством письменного и онлайн-опроса. Эмпирическая часть исследования проводилась в период с 10 октября 2025г. по 15 октября 2025г. Анализ эмпирических данных проводился с применением описательной статистики и сравнительного анализа.

Результаты

Теоретические положения, рассмотренные в первой главе, сформировали основу для проведения эмпирического исследования, направленного на выявление реальных форм проявления коммуникационных

барьеров между поколениями. Данная часть работы содержит анализ результатов опроса и интерпретацию полученных данных.

1. Частота и среда общения

На вопрос о том, как часто происходит контакт с представителями другого поколения,

- 47% респондентов указали, что общаются несколько раз в неделю;
- 28% – ежедневно,
- 25% – редко.

Если сравнить возрастные группы, то молодежь чаще указывает на ежедневное общение (35%), тогда как у представителей взрослого поколения этот показатель ниже – 20%. Это объясняется тем, что для молодых людей типичен постоянный контакт с родителями и преподавателями, в то время как взрослое поколение ограничивается семейными или рабочими контактами.

Среда общения распределилась следующим образом:

- семья, дом – 52%;
- интернет и мессенджеры – 28%;
- работа / учеба – 15%;
- общественные места – 5%.

При этом среди молодежи общение через социальные сети (40%) значительно выше, чем у взрослого поколения (15%). Это подчеркивает различие в используемых каналах коммуникации.

2. Основные барьеры во взаимодействии

На вопрос о том, что чаще всего мешает взаимопониманию между поколениями, ответы распределились следующим образом:

- различие ценностей и взглядов – 45%;
- разные способы общения (лексика, манера речи) – 25%;
- недостаток терпения/уважения – 20%;
- разное отношение к технологиям – 10%.

Здесь видно заметное различие между поколениями:

- для молодежи главным барьером стали ценности и взгляды (55%);
- для взрослого поколения – манера общения и тон (30%), а также недостаток уважения со стороны молодых (25%).

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежь воспринимает барьеры на уровне мировоззрения, а взрослое поколение – на уровне формы общения.

3. Взаимопонимание и готовность к диалогу

На вопрос: «Считаете ли Вы, что представители Вашего поколения понимают представителей другого?»:

- 30% ответили «да, понимают»;
- 50% – «частично»;
- 20% – «нет, взаимопонимания мало».

Если рассматривать отдельно группы, то среди молодежи доля тех, кто считает, что взаимопонимание низкое, составила 25%, а среди взрослого поколения – 15%. Это указывает на то, что молодежь чаще чувствует себя непонятой, чем старшие участники.

4. Формы общения и восприятие цифровых технологий

Наиболее эффективной формой общения обе группы назвали личное взаимодействие (60%). Однако среди молодежи 20% отдали предпочтение онлайн-коммуникации, тогда как среди взрослого поколения этот показатель составил всего 5%.

Это подтверждает, что цифровые технологии остаются точкой различий:

- 48% всех опрошенных считают, что технологии усилили непонимание между поколениями;
- 32% – что уменьшили дистанцию;
- 20% не заметили изменений.

Молодые респонденты чаще отмечали положительное влияние технологий (40%), поскольку считают, что интернет упрощает общение, особенно на расстоянии.

Взрослое поколение, наоборот, связывает цифровизацию с отчуждением и нехваткой живого контакта.

5. Пути преодоления барьеров (по мнению респондентов)

Отвечая на вопрос о том, что могло бы улучшить взаимопонимание между поколениями, участники выбрали следующие варианты:

- совместное времяпровождение – 40%;
- повышение цифровой грамотности старшего поколения – 25%;
- повышение уважения к опыту старших у молодежи – 20%;

- совместные образовательные или культурные проекты – 15%.

Молодежь чаще предлагала обучение и совместные мероприятия, тогда как взрослое поколение делало акцент на уважении и терпении. Это снова показывает различие в восприятии: молодые склонны искать практические решения, а старшие – морально-этические.

На основе проведенного опроса были выявлены основные источники барьеров межпоколенческого общения. Прежде всего, они связаны с различиями в ценностях и жизненных ориентирах представителей разных поколений. Молодежь в большей степени ориентирована на современные идеи, цифровые технологии и актуальные социальные тренды, тогда как представители старшего поколения чаще опираются на накопленный жизненный опыт и традиционные нормы. Данные различия формируют ощущение взаимного непонимания и нередко становятся причиной недоверия или конфликтов в процессе коммуникации.

Значимым фактором также выступают различия в стилях и формах общения. Для старшего поколения важную роль играют манера речи, тональность и соблюдение коммуникативного этикета, в то время как молодежь в большей степени концентрируется на содержании сообщения. В результате, одно и то же высказывание может интерпретироваться по-разному, что усиливает коммуникативные барьеры и осложняет взаимодействие.

Отдельного внимания заслуживает влияние цифровых технологий. Для молодого поколения интернет-коммуникация и использование мессенджеров являются естественной и привычной формой общения, тогда как представители старшего поколения нередко испытывают трудности и психологический дискомфорт при использовании цифровых каналов связи. Вследствие этого коммуникация между поколениями оказывается затрудненной, особенно в дистанционных форматах общения, что усиливает ощущение непонимания.

Анализ результатов опроса позволяет выделить ряд закономерностей межпоколенческого взаимодействия. Личное, очное общение остается наиболее эффективной формой коммуникации для обеих возрастных групп. При этом молодежь чаще отмечает ощущение непонимания со стороны старших, тогда как взрослое поколение делает акцент на необходимости соблюдения норм уважения и признания жизненного

опыта. В целом выявленные барьеры носят преимущественно культурный и эмоциональный характер, а не обусловлены техническими или организационными причинами.

В качестве возможных решений выявленных проблем могут стать следующие шаги: развитие совместных форм активности и социокультурных мероприятий, в рамках которых представители разных поколений имеют возможность взаимодействовать и решать общие задачи; расширение возможностей повышения цифровой грамотности взрослого поколения, что позволит снизить технологический разрыв и повысить комфорт использования современных средств коммуникации; формирование практик взаимного уважения и обмена опытом, включая элементы наставничества и совместной деятельности; реализация образовательных и интерактивных проектов на базе учебных заведений и общественных организаций, направленных на диалог поколений; а также развитие у молодежи культуры осознанного использования цифровых технологий с акцентом на ценность личного общения и развитие эмоционального интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: [Учебник для фак. психологии ун-тов]. М.: Изд-во МГУ, 1980, 415с.
2. *Радугин А.А., Радугина О.А.* Философия науки: общие проблемы. Уч. пособие для высших учебных заведений. М.: «Библионика», 2006, 320с. ISBN-5-98685-010-6
3. *Трофимов М.Ю.* Основы коммуникативной культуры: Уч. пособие. СПб.: «Лань»; Изд-во «Планета музыки», 2017, 184с.
4. *Судьин С.А., Смирнова Г.П.* Технологический фактор трансформации межпоколенных коммуникаций // Семиотические исследования / “Semiotic studies”. Т. 2, № 4, 2022. СС. 91–96. DOI: http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-91-96

SOCIAL COMMUNICATION BARRIERS IN ARMENIA AND WAYS TO OVERCOME THEM

M. Alekyan, A. Ovsepyan, M. Avagyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines social communication barriers and their impact on intergenerational interaction in contemporary Armenian society. The causes of these barriers are analyzed, including differences in values, communication styles, and digital literacy, as well as the manifestations of the cultural, axio-

logical, and technological gaps between generations. An empirical survey revealed differences in perceptions of intergenerational communication: young people more often report a lack of mutual understanding, while adults emphasize specific communication forms and styles. Based on the data analysis, recommendations are formulated for developing intergenerational dialogue, improving digital literacy, and fostering a culture of respectful communication in the social, media, and PR environments.
Keywords: communication, generations, barrier, interaction, PR environment.

Международная девятнадцатая годичная научная конференция
1–5 декабря 2025г.
Сборник научных статей: гуманитарные и общественные науки

Տասնիններորդ միջազգային տարեկան գիտաժողով
2025 թ. դեկտեմբերի 1–5
Գիտական հոդվածների ժողովածու՝
հումանիտար և հասարակական գիտություններ

The nineteenth International Annual Scientific Conference
(December 1-5, 2025)
Collection of scientific articles: humanities and social sciences

Главный редактор РНИ – *М.Э. Авакян*
Редакторы – *А.С. Есаян, Н.Б. Бадалян*
Компьютерная верстка – *А.С. Бжикян*

ԳՀԽ գլխավոր խմբագիր – *Մ.Է. Ավագյան*
Խմբագիրներ – *Ա.Ս. Եսայան, Ն.Բ. Բադալյան*
Համակարգչային էջադրում – *Ա.Ս. Բժիկյան*

Editor-in-Chief of the EOSP – *M. Avakyan*
Editors – *A. Yesayan, N. Badaljan*
Computer layout – *A. Bzhikyan*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр.: 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Ռուս-Հայկական համալսարանի գիտական
հրապարակումների խմբագրության հասցե՝
0051, ք. Երևան, փող. Հովսեփ Էմին, 123
հեռ./ֆաքս՝ (+374 12) 77-57-75 (ներքին՝ 392)
էլ.փոստ՝ maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial Board of Scientific Publications
of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

ISBN 978-9939-67-409-4